This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855276 1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

11932

ЖУРНАЛЪ

НА

1850 ГОДЪ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

IV

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770747A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 25-го 1850 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 13. Іюль. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РИМЪ, НОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ:
Взошла луна — и овладѣла имъ;
И спящій градъ, безлюдно-величавый,
Наполнился своей безмолвной славой.

=

Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
Какъ съ ней сроднился Рима прахъ!....
Какъ будто лунный міръ и градъ почившій,
Все тотъ же міръ — волшебный, но отжившій!

PERL, JAN 21 1935

Digitized by Google

I.

Конченъ пиръ — умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты въ кубкахъ вины,
На главахъ вѣнки измяты,
Лишь курились ароматы
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ....
— Кончивъ пиръ, мы поздно встали.
Звѣзды на небѣ сіяли,
Ночь достигла половины,
Какъ надъ безпокойнымъ градомъ
Надъ дворцами, надъ домами,
Шумнымъ уличнымъ движеньемъ
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами —
Какъ надъ этимъ дальнимъ чадомъ,
Въ черномъ, выспреннемъ предѣлѣ
Звѣзды чистыя горѣли,
Отвѣчая смертныхъ взглядамъ
Непорочными лучами!....

Digitized by Google

II.

Востокъ бѣлѣлъ—ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало;
Какъ опрокинутое небо
Подъ ними море трепетало.

*

Востокъ алѣлъ — она молилась,
Съ чела откинувъ покрывало;
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало.

*

Востокъ вспылалъ, — она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя.

Ѳ. Т.

Digitized by Google

РАЗСТАВАНЬЕ.

(Изъ Юстина Кернера).

Я иду по улицамъ уснувшимъ....
Словно вымеръ городъ — все молчитъ,
Лишь вдали рѣка шумитъ сонливо....
Блѣдный мѣсяцъ на небѣ горитъ.

Вотъ я здѣсь, у маленькаго дома,
Гдѣ дитя любимое живетъ....
Спитъ она, — не знаетъ, что далеко
Другъ ея изъ города идетъ.

Грустно я протягиваю руки
Предъ давно погаснувшимъ окномъ —
И твержу : «Прости, родимый городъ!
«Ты прости, спокойный, тихій домъ!

«Уголокъ, прости и ты, завѣтный,
«Куда такъ рвалась душа моя, —
«И окно, гдѣ милою головкой
«Любовался часто, часто я».

Подошелъ я къ городскимъ воротамъ,
Вотъ взглянулъ назадъ съ нѣмой тоской....
Часовой за мной вороты заперъ....
Сердце тамъ осталось — за стѣной!

М. Михайловъ.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА VI.

ОНА ЛЮБИТЪ.

Digitized by Google

But sweeter still than this, than that, than all,
Is first and passionate love!....

(*Byron, Don-Juan.*)

Il y a dans le coeur d'une femme qui commence
à aimer un immense besoin de souffrir.

(*Charles Nodier.*)

Duopo ho d'amarti, e duopo he che tu m'ami
Di quel amor si pio, si ver', si forte,
Che abella e vita, e gibie, e strassi, e morte.

(*Silvio Pellico.*)

Digitized by Google

I.

Pour mieux punir sa perfidie,
Je veux tout ce soir le bouder.

(*Romance, chantée par Pauline B...*)

25-го Февраля 18....

Сегодня я собою недовольна:
Я добрую Елену огорчила;
Я показалась ей неблагодарной;
Я глупою, заносчивой дѣвчонкой
Представила себя передъ чужими
И передъ нимъ.... предъ строгимъ судіей
Моей безумной блажи.... Что онъ скажетъ?
Что обо мнѣ онъ думаетъ теперь?....

Съ Владиміромъ я въ ссорѣ третій день...
Вотъ почему (самой себѣ мнѣ стыдно
Признаться въ томъ, но, слово я дала, —
И мой дневникъ, какъ духовникъ безмолвный
Узнаетъ каждый шагъ мой, каждый трепетъ!)

Я слышала, бывало, отъ Елены
Что братъ ея поетъ прекрасно. Мнѣ
Давно уже его хотѣлось слышать;
Просила, приставала я, напрасно!
Упрямый и причудливый — всегда
Отказомъ онъ отдѣлаться умѣлъ!
То голосъ пропадалъ; то ничего
Припомнить онъ не могъ, и отговорки
Отбили у меня просить охоту.
Третьяго дня, никто не ждалъ меня,
Я тихо пріѣзжаю, пробираюсь

Digitized by Google

Чрезъ комнаты пустыя, — нѣтъ Елены,
Нѣтъ никого; но, слышу — въ кабинетѣ
Поетъ какой-то голосъ незнакомый....
На цыпочкахъ тихонько подхожу
И узнаю могучій, сильный теноръ,
Гармоніи и чудной страсти полный....
То былъ Владиміръ самъ.... И онъ твердилъ
Одинъ романсъ, издавна мной любимый,
Прелестный Баратынскаго романсъ, —
Мѣняя только въ немъ одно лишь слово....
Но это слово!.... Много было въ немъ
Тревожнаго и тайнаго значенья!

«Не искушай меня безъ нужды
«*Дитя*, ты нѣжностью своей!
«Разочарованному чужды
«Всѣ обольщенья прошлыхъ дней!

«Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ....
«Ужъ я не вѣрую въ любовь,
«И не могу предаться вновь
«Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!....»

Дыханье притая, безъ силъ, безъ словъ,
Стояла я у двери растворенной....
И можетъ быть — испугъ ли, умиленье,
Или другое что, гдѣ мнѣ упомнить?
Но, можетъ быть, я тронута была,
Я плакала.... невольно, безъ сознанья!
О! точно безъ сознанья!!.... Вдругъ, очнувшись,
Я слышу, замеръ пѣсни томный стихъ,
Я вижу, предо мной стоитъ Владиміръ....
Съ веселою и ласковой улыбкой.
Онъ руку протянулъ къ рукѣ моей,
Но я, стыдясь невольнаго смятенья,
Я вздумала притворною досадой
Отдѣлаться отъ разговора съ нимъ,
Предупредить догадки и разспросы....

Digitized by Google

И вотъ, — сколь лишь могла я, сколь съумѣла,
Насмѣшливо и колко, я его
Поздравила съ возвратомъ вожделѣннымъ
И голоса и памяти заразъ.
Онъ отвѣчалъ что, въ этотъ день и часъ
Помолодѣвъ, онъ дивно былъ настроенъ,
Расположенъ, какъ юноша, мечтать,
И вторилъ музыкой своимъ мечтамъ.
«Не вамъ, прибавилъ онъ, не вамъ за то
«Смѣяться надо мной, или пенять мнѣ!
«Не вамъ бы портить мнѣ своимъ упрекомъ
«Волшебный этотъ часъ самозабвенья!»

Не знаю, что мнѣ въ голову пришло,
Что вдругъ меня такъ больно поразило.
Но я была въ безумьи, въ забытьи:
«Что мнѣ до вашихъ грёзъ, до вашихъ думъ?»
Сказала я. «Ни права, ни желанья
«Нѣтъ у меня въ нихъ требовать отчета,
«Спѣшу оставить васъ, предайтесь имъ
«Спокойно и свободно!....» И поспѣшно
Я убѣжала въ спальню, безъ оглядки,
Зова Елену, Полю, всѣхъ домашнихъ,
Не вѣдая сама зачѣмъ, на что? —
Одумавшись, мнѣ стало такъ неловко,
Что начала, по прежнему бояться,
Я встрѣчи, и вниманья, и рѣчей
Владиміра.... Во весь тотъ длинный вечеръ
Я бѣгала упорно отъ него;
Елену увела смотрѣть наряды,
Въ которыхъ толку я не разумѣю, —
И до которыхъ мнѣ и дѣла нѣтъ.
За чаемъ, я не сѣла близь него,
Какъ принято у насъ. И наконецъ,
Когда онъ сталъ читать, съ дѣтьми за куклы
Я принялась.... Дѣтей послали спать
А я, я предложила Мѣховскому
Играть въ пикетъ, и проиграли мы
До поздней ночи.

Digitized by Google

Кажется, Елена
Не замѣчала странностей моихъ;
Но братъ ея, со мной прощаясь чинно,
Мнѣ на ухо шепнулъ: «Желаю скоро
«Васъ видѣть здѣсь, но только, безъ капризовъ!!»
Капризы?!!.... Боже мой! что̀ за обида!
Какъ онъ несправедливъ!.... Во всю дорогу
Я плакала, и плакала опять,
Когда одна я дома очутилась,
И спать легла.... Вчера, мнѣ цѣлый день
Скучалось и грустилось.... а сегодня,
Была звана обѣдать я къ Еленѣ,
Но написала ей, что я больна,
Чтобъ не ждали меня.... А между тѣмъ,
Мнѣ дома не сидится. Ни читать,
Ни заниматься нынче не могу я.
Сестеръ уговорила я: мы силой
Воздвигнули *Madame Dupré*, и вмѣстѣ
Отправились пѣшкомъ вдоль улицъ грязныхъ,
Дошли до Мѣховскихъ, по тротуару
Шагали осторожно мимо оконъ;
Увидѣла Елена.... И сердито
Мнѣ пальчикомъ прелестнымъ погрозила....
Потомъ своихъ окликнула она:
Всѣ подошли.... всѣ видѣли меня,
И всѣ, казалось мнѣ, дивились съ нея....
Вотъ скажутъ, что опять *капризна я*,
Что я хочу причудничать.... Пускай!
Мнѣ все равно!.. — Лишь только больно мнѣ,
Что милая Елена усумнится,
Что, можетъ быть, подумаетъ она
Что будто съ нея быть мнѣ надоѣло....
Но какъ мнѣ быть, и что же дѣлать мнѣ,
Когда душа сама съ собой въ разладѣ,
Когда меня волнуетъ и томитъ
Смѣсь робости, боязни и досады?
О! эта ссора, это обвиненье
На сердцѣ у меня лежитъ какъ камень,
И видитъ Богъ, какъ тяжко мнѣ теперь!

Digitized by Google

II.

Lass mich verstummen, lass mich schweigen,
Lass mir mein Herz, mein Shweigen und mein Leiden!....

27-го Февраля 18....

Мы помирились съ нимъ. Онъ мнѣ вчера
Прислалъ букетъ, — нѣтъ! *самъ* завезъ его;
И мнѣ велѣлъ сказать, что ждутъ меня
Для саннаго катанья у Елены.
И вотъ, я вечеромъ отправилась, какъ будто
И не бывало ничего межъ нами:
Ждала разспросовъ я, быть можетъ, толковъ,
Насмѣшливыхъ догадокъ.... Но, по счастью,
Ошиблась я. Никто не намекнулъ
Объ укрывательствѣ моемъ. Меня
Встрѣчали, угощали, занимали....
Мнѣ было веселѣй, безпечнѣй, чѣмъ
Когда-либо.... Владиміръ тоже веселъ
И разговорчивъ былъ.... При разставаньи
Замѣтилъ только онъ мнѣ мимоходомъ,
Что часто я задумчива теперь,
Или грустна. Онъ проситъ, умоляетъ,
Чтобъ я ему, какъ брату и какъ другу,
Открыла все, что на-сердцѣ имѣю.
Онъ обѣщалъ быть тоже откровеннымъ,
Мнѣ отвѣчать на всѣ мои разспросы....
Да что же я скажу ему?.... О чемъ
Мнѣ спрашивать его?....

III.

J'ai bien raison de m'alarmer,
J'ai bien raison d'être peureuse....
Ah! j'ai peur, j'ai peur de l'aimer!

(*Comte Jules de Rességuier.*)

28-е Февраля 18....

Онъ хочетъ знать, зачѣмъ въ моихъ глазахъ
Примѣты слезъ.... зачѣмъ я потерял

Digitized by Google

Улыбку прежнюю.... зачѣмъ въ моихъ устахъ
Живыхъ рѣчей и пѣсней вдругъ не стало....
Ему ли трудно отгадать
То, что не смѣю я сказать?

Бывало, я съ довѣріемъ безпечнымъ
Задумчивый его встрѣчала взоръ,
Бывало, ласково, съ спокойствіемъ сердечнымъ
Я съ нимъ вела короткій разговоръ....
Теперь, боюсь его очей
Боюсь ласкающихъ рѣчей!

Его слова въ душѣ моей хранятся,
Его глаза преслѣдуютъ меня;
Отсутствія часы томящей казнью длятся
И лишь при немъ живу и мыслю я:
О! кто пойметъ, кто объяснитъ
Чѣмъ сердце полно, чѣмъ болитъ?

IV.

Ich bin würdig, — denn ich liebe!

(*Schiller's Thecla.*)

1-е Марта, 18....

Владиміръ.... какъ онъ добръ! какъ чудно добръ!
Какъ я люблю его!....
Что я сказала?....
Ну да! не стану лгать передъ собой,
И лгать къ чему?.... Люблю его, люблю
Всей силою, всей мощью, всѣмъ умѣньемъ
Восторженнаго сердца моего....
Люблю его... давно!!.... съ тѣхъ самыхъ поръ,
Что онъ предсталъ мнѣ въ первый разъ, какъ геній,
Осуществитель тайныхъ сердца думъ,
Какъ посланный съ небесъ, предвозвѣщенный
Самой судьбой.... какъ божество, какъ радость,
Какъ солнце для безрадостной слѣпой,
Прозрѣвшей жизнь и міръ съ его явленьемъ!....

Digitized by Google

И, даже, мнѣ теперь приходитъ въ мысль,
Что я его любила прежде.... тайно,
Не внятно, какъ во снѣ.... когда, заочно,
Онъ по словамъ другихъ мнѣ былъ знакомъ,
И повѣстью своей смущалъ меня;
Когда черты его мечтамъ моимъ
Все грезились, чудесно создавались
Въ взволнованномъ умѣ.... Любила я,
Своей любви сама не понимая,
И онъ пришелъ, и любимъ мы вдвоемъ,
Мнѣ кажется.... И тайну роковую
Томленьемъ и тоской я поняла.

V.

I share with thee every thought that delights me
I read; it is only to tell thee again;
I have not a feeling on earth but unites me
To thee.... be it intellect, pleasure, or pain!

2-го Марта 18....

Люблю тебя, люблю тебя
Я тайну сердца разгадала,
Я въ сердцѣ робкомъ прочитала,
Что долго крылось отъ меня.
Я знаю, что сбылось съ душою,
И почему тоскую я....
Я очарована тобою,
Люблю тебя!....

Когда на балѣ вальсъ безумный
Чету уноситъ за четой,
Когда въ толпѣ свѣтло и шумно,
Привольно младости живой, —
Тогда, въ тиши уединенья,
Отъ всѣхъ веселій бытія
Одно дано мнѣ услажденье:
Люблю тебя!

Digitized by Google

Когда читая, увлекаюсь
Я краснорѣчіемъ страстей;
Когда я пѣснью восхищаюсь,
Иль есть мечта въ душѣ моей;
Тебя видѣнье мнѣ являетъ,
Съ тобой дѣлю всѣ чувства я;
Припѣвъ одинъ лишь сердце знаетъ:
Люблю тебя!

Когда съ людьми я, и придется
Мнѣ въ жизни ихъ участье брать:
Смѣяться, если имъ смѣется,
Ихъ мыслямъ мыслью отвѣчать, —
Я говорящимъ не внимаю;
Ихъ міръ — міръ чуждый для меня;
Со мною ты!.... Я повторяю:
Люблю тебя!

И если смерть рукой холодной
Нить жизни юной перерветъ,
Душѣ откроетъ путь свободный,
Меня на вѣчность призоветъ;
Когда житейское забуду,
Когда съ землей прощуся я,
Шептать, смыкая очи, буду:
Люблю тебя!....

VI.

C'est que j'ai rencontré des regards, dont la flamme,
Semble avec mes regards et briller et mourir,
Et cette âme soeur de mon âme,
Hélas! que j'attendais pour aimer et souffrir.

(*Victor Hugo.*)

8-е Марта 18...

Такъ, я люблю его.... мнѣ сердце все сказало.
То чувство, что̀ мнѣ жизнь и сладость бытія,
Я дружбою его напрасно называла,

Digitized by Google

И мысля обмануть себя:
Оно — любовь!.... Теперь я это знаю.
Любовь, любовь въ душѣ моей горитъ,
Ее, себя — я нынѣ понимаю,
И голосъ сердца говоритъ!

При первой встрѣчѣ *съ нимъ*, въ день перваго свиданья,
Судьба таинственной связала цѣпью насъ.
Я не ждала его, но предвѣщанья
Мнѣ привели его, въ урочный, вѣщій часъ,
Имъ просіялъ, *имъ* былъ ознаменованъ
Начальный года шагъ, какъ новою зарей:
Имъ жизни путь далекій очарованъ,
Онъ жизни цѣль и смыслъ принесъ съ собой.

Власть непонятная насъ сблизила, сроднила,
Отъ сердца сердцу вѣсть желанная пришла;
Все то, что сладкое предчувствіе сулило,
Все, что ждала мечта — я въ немъ вполнѣ нашла.
Онъ раздѣлилъ младой души волненье,
Души испытанной дѣлю страданья я;
Отъ прежнихъ мукъ ему я утѣшенье,
А онъ — грядущаго отрада для меня.

Въ моемъ присутствіи онъ тихо оживаетъ,
Перестаетъ роптать, не проклинаетъ свѣтъ,
И вѣроломные обѣты забываетъ,
Чтобъ недомолвленный отгадывать обѣтъ.
Ко мнѣ, ко мнѣ, онъ, гордый, непокорный,
Онъ, женскихъ козней врагъ, невольно привлеченъ,
Онъ для меня разстался съ думой черной,
И вѣрою моей согрѣтъ и вѣритъ онъ.

VII.

Le doute, si dramatique en amour.

(*Balzac.*)

12-го Марта 18....

Когда я съ нимъ.... когда въ глазахъ его
Горитъ и блещетъ вной мятежный;
Когда, какъ счастья вѣсть, до слуха моего
Доходитъ голосъ томно-нѣжный....

Digitized by Google

О! я блаженствую.... я вѣрю.... я люблю....
Въ душѣ молчитъ змѣя волненья;
И мнится мнѣ тогда: онъ понялъ страсть мою,
И дѣлитъ онъ мое волненье.

Но въ тѣ часы, какъ нѣтъ его со мной,
Когда томитъ меня разлука,
Мнѣ въ сердце страхъ и скорбь внушаетъ демонъ злой,
Моею забавляясь мукой.
Я снова трепещу.... что любитъ онъ меня —
И вѣрится душѣ тревожной;
Я знаю, искренна, свята любовь моя....
Но страсть его.... не сонъ ли ложный?

VIII.

«Горе мнѣ! какіе звуки!
«Пламень душу всю проникъ....

Жуковскій.

14-го Марта 18....

Въ концертъ меня возили. *Stabat-Mater**
Придворныхъ пѣвчихъ хоръ давалъ. Мы были
Всѣ трое тутъ: Елена, онъ и я.
Всѣ трое, съ страстнымъ, чуднымъ, мощнымъ плачемъ
Скорбящей Богоматери сливаясь,
Мы плакали навзрыдъ, вся зала съ нами....
Нѣтъ, то не музыка земная, не аккорды,

---

* *Перголезовскій*, разумѣется. — Прелестная опера, которую, неизвѣстно почему, Россини угодно было назвать *Stabat-Mater*, всегда внушала мнѣ непреодолимое желаніе написать для нея слова и либретто героико-аморознаго духа и содержанія. Даже та арія, которую такъ чудно гремѣлъ нашъ Рубини, напоминаетъ побѣдное шествіе тріумфатора, торжественный гимнъ счастливаго *promesso-sposo*;—но до плача Богородицы, до смертельной истомы Ея передъ Спасителемъ на Крестѣ, — далеко этой блестящей и веселой музыкѣ, почти не выходящей изъ мажерныхъ тоновъ! Перголезе понялъ характеръ церковной музыки, и его *Stabat-Mater* достигъ своего назначенія. Россини увлекся привычкой, и сочинилъ оперу.— У перваго звучитъ молитва, плачетъ страданье. У втораго земная страсть ждетъ земныхъ выраженій.

Digitized by Google

Не пѣсни, не мотивы! То отрывокъ
Небесныхъ гимновъ ангельскихъ, въ минуту
Высокую и страшную предсмертныхъ
Господнихъ мукъ, наполнившихъ стенаньемъ
Пространство горнее и высшій міръ!....
Нѣтъ, то не дивное созданье мысли,
Искусства или слуха: то святыня
И таинство, то вдохновенье свыше,
То Божій духъ, сошедшій откровеньемъ
Въ горящую и вѣрящую душу!....

Какъ листъ дрожала я, мои рыданья
Изъ глубины груди моей разбитой
Насильно вырывались.... Я боялась
Волненіемъ моимъ нарушить
Приличіе и чинность свѣтской формы:
Но, близъ меня сидѣвшій, вдругъ, Владиміръ
Тихонько взялъ меня за ру́ку: тотчасъ
Я успокоилась.... Гляжу, онъ блѣденъ,
Онъ дышетъ тяжело, онъ самъ едва
Удерживать умѣетъ силой воли
Чувствительности взрывъ, таимый имъ.
Онъ въ трепетѣ нервическомъ, для вида,
Разсѣянно щипалъ султанъ на шлапѣ,
И сыпались поломанныя перья
Вокругъ него, и даже на меня,
Какъ прихоти безпомощныя жертвы....
Невольно, безъ сознанья, я нагнулась,
Я подняла одно изъ этихъ перьевъ....
И спрятала его въ рукѣ дрожащей....
Онъ увидалъ.... онъ улыбнулся мнѣ
Такъ сладостно, такъ грустно и такъ нѣжно,
Что взоръ мой опустился, упоенный!...
Съ тѣхъ поръ, ношу всегда, вездѣ съ собой
Завѣтное перо, залогъ мгновенья
Столь полнаго и чувства и значенья.
Я въ лоскутокъ его зашила, и
На бьющемся-мятежно страстномъ сердцѣ

Digitized by Google

Держу и берегу мой легкій кладъ,
Богатый для меня воспоминаньемъ
И, [можетъ быть, надеждой.... Боже мой!
Кто разгадаетъ мнѣ мою надежду?

Вчера, однако, бѣгая съ дѣтьми
Я выронила мой завѣтный кладъ:
Онъ поднялъ мнѣ его; потомъ, лукаво
Спросилъ, что въ немъ за талисманъ таится?
Я страшно испугалась.... что сказать?
Какую ложь придумать?.... и зачѣмъ,
Зачѣмъ обманъ?.... Но правду отвѣчать, —
Но истины завѣтной выдать тайну, —
Я тоже не могла.... *я* промолчала;
Я убѣжала прочь.... *Мой талисманъ!!*....
Да, *онъ* нашелъ приличное названье
Сокровищу невинному! — Шутя,
Онъ угадалъ значеніе и цѣну
Предмета, столь ничтожнаго для взоровъ.
Но только талисманъ наружный мой
Есть лишь символъ другаго: зримый образъ
Незримаго, душевнаго!.... *Того*
Никто, никто не можетъ разгадать
Никто.... ни даже *онъ*, *онъ самъ* не знаетъ!

Есть талисманъ священный у меня.
Храню его: въ немъ сердца все имѣнье,
Въ немъ цѣль надеждъ, въ немъ узелъ бытія,
Грядущаго залогъ, дней прошлыхъ упоенье.
Онъ не браслетъ съ таинственнымъ замкомъ;
Онъ не кольцо съ завѣтными словами,
Онъ не письмо съ признаньемъ и мольбами;
Ни милымъ именемъ наполненный альбомъ
И не перо изъ бѣлаго султана....
И не портретъ подъ крышею двойной....
Но людямъ не назвать во вѣки талисмана,
Не отгадать имъ тайны дорогой!

Digitized by Google

Мнѣ талисманъ дороже упованья:
Я за него отдамъ сейчасъ и жизнь и кровь.
Мой — талисманъ воспоминанье,
И неизмѣнная любовь!....

IX.

Quand je l'eus vu.... le vide de mon coeur était rempli!
(*Elisa Rivers.*)

25-го Марта 18....

Онъ говоритъ глаголомъ вдохновенья,
Въ глазахъ его нездѣшній лучь горитъ,
На немъ печать могучаго стремленья,
Онъ всѣхъ къ себѣ влечетъ и всѣхъ собой дивитъ.
Онъ нѣжное внушаетъ уваженье,
Онъ сотворенъ, чтобъ святость дружбы знать;
Онъ испыталъ младой любви волненье....
Но не съумѣлъ въ ней счастія сыскать.
Отваги духъ высокій,
Прямая честъ и правда дышатъ въ немъ;
Къ добру открылъ онъ путь себѣ широкій,
И съ бодростью идетъ своимъ путемъ.
Онъ вѣруетъ въ величіе искусства,
Въ таинственность, въ значеніе его,
Въ поэзію, въ гармонію и въ чувство;
Не дѣлитъ онъ хладъ вѣка своего,
Не увлеченъ припадкомъ вычисленій,
Наукой цифръ, убійственно-сухой;
Не захватилъ его ознобъ мірскихъ сомнѣній:
Онъ не таковъ!.... въ его душѣ прекрасной
Почтенье есть къ святынѣ, къ небесамъ,
И вѣрѣ съ нимъ легко и безопасно,
И молодымъ не страшенъ онъ сердцамъ.

Онъ простъ въ словахъ, въ поступкѣ, въ обхожденіи,
Онъ молчаливъ, разсѣянъ и угрюмъ:

Digitized by Google

То углубленъ въ житейскомъ размышленьи,
То воспаритъ въ міръ сновъ, мечты и думъ.
Онъ холоденъ на видъ, но ясно пламенѣетъ
Огонь въ груди его, сокрытый и нѣмой.
Онъ все цѣнитъ, все понимать умѣетъ,
Онъ разгадалъ весь міръ своей мечтой:
Въ душѣ его, страданьемъ очищенной,
Чужая скорбь найдетъ отвѣтъ себѣ,
И милости, и жалости священной
Доступенъ онъ, испытанный въ борьбѣ.
Что̀ въ избранныхъ залогъ отъ неба благодатный,
Что̀ въ мыслящихъ смѣшитъ бездушныхъ свѣта чадъ, —
Все это въ немъ незаплатимый кладъ.
Обманутъ онъ.... но пылкія мечтанья
Онъ съ опытомъ холоднымъ сочеталъ;
Онъ сердца жаръ и блескъ очарованья
Съ мятежными страстьми не потерялъ.
Нѣтъ!.... въ немъ душа живая не остыла,
Онъ пламенно вновь можетъ полюбить....
И счастлива изъ женъ та, чей взоръ милый
Преднареченъ его обворожить!!....

Гр. Ев. Ростопчина.

Digitized by Google

ГОВОРЯЩІЯ СТАТУИ.

Разсказъ, посвященный К. И. К...ей.

Давно уже потухла жизнь Рафаэля, которая, по выраженію одного Голландскаго писателя, была подобна пѣсни херувима; осыпаются и исчезаютъ и фрески его. Давно также отошелъ въ вѣчность Микель-Анжело, котораго тотъ же писатель уподобилъ льву,—и красоты всѣмъ извѣстнаго Страшнаго Суда становятся недоступны и самому зоркому зрѣнію. Истлѣлъ и прахъ Папъ Юлія и Льва, подъ тяжелыми мавзолеями; но громкая слава знаменитой эпохи искусствъ не перестаетъ привлекать со всего міра поклонниковъ прекраснаго въ страну, гдѣ новѣйшее искусство пало совершенно.

Проѣзжая Венецію, Болонью, Флоренцію, Римъ и Неаполь, грустно видѣть соотчичей славныхъ именъ: они, какъ слѣпцы, блуждаютъ предъ созданьями геніевъ, наполнившихъ своими произведеніями всѣ церкви и дворцы Италіи. При природной наклонности къ искусствамъ, новѣйшіе Итальянцы лишены тѣхъ счастливыхъ обстоятельствъ, которыя такъ блистательно способствовали нѣкогда развитію столькихъ талантовъ. Энергія и постоянное стремленіе къ совершенству уже очень рѣдко руководятъ Итальянскими художниками; имъ подъ часъ ѣсть нечего. — Для поддержанія огня въ лючернѣ нужно масло.—Вотъ почему большая ихъ часть, не имѣя силъ и средствъ, не имѣя просвѣщенныхъ меценатовъ, вскорѣ послѣ первыхъ порывовъ, упадаетъ духомъ, огрубѣваетъ и черствѣетъ какъ хлѣбъ, до-

Digitized by Google

стающійся на ихъ долю. Цѣлыя стаи этой работающей братіи налетаютъ въ знаменитыя галлереи, искажаютъ въ спискахъ своихъ красоты, проявленныя вдохновенною кистію и торгуются съ наѣзжими любителями-чудаками, чуть не по аршинамъ намалеваннаго ими холста.

Напрасно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Санъ-Лукской Академіи, въ день ея покровителя, черепъ Рафаэля составлялъ какъ бы предметъ пилигримства для молодыхъ энтузіастовъ, и они, прикосновеніемъ своихъ карандашей къ этому черепу, думали привить къ себѣ то, что дается Провидѣніемъ и развивается только при счастливомъ положеніи артиста, или пріобрѣтается непреклонною его волею и торжествомъ надъ недостатками и лишеніями всѣхъ родовъ,— чему даютъ цѣну уже по смерти художника; а въ нашъ положительный вѣкъ, многіе ли обрекутъ себя на подобную жертву? — Италія не совершенно же лишена художественной дѣятельности; но, къ сожалѣнію, самый выборъ людей неудаченъ. — Назовемъ два разительные примѣра.— Царствованіе Папы Григорія XVI ознаменовалось новымъ огромнымъ зданіемъ въ Римѣ, на улицѣ Рипеты, при возведеніи котораго архитекторъ отличился единственно лишь умѣньемъ нарушать осьмую заповѣдь; а услужливая лесть приближенныхъ Папы назвала эту постройку, какъ въ насмѣшку, новымъ Колизеемъ. — Давно-желанный всею Италіею и иностранцами памятникъ Тассу, что свидѣтельствуютъ надписи около его могилы, въ монастырѣ Св. Онуфрія, былъ порученъ тѣмъ же Папою земляку своему Фабрису, бездарнѣйшему скульптору на всемъ Аппенинскомъ полуостровѣ: — и самый вѣжливый путешественникъ, глядя на этотъ мавзолей, не можетъ скрыть своей улыбки, при видѣ каррикатуры на искусство; а въ то же время какой-нибудь даровитый и благородный Бетси, родственникъ знаменитаго гравера Вольпато, чуть не съ молокомъ всосавшій талантъ свой, нищенствуетъ, бѣдствуетъ и долженъ сдѣлать въ недѣлю колоссальную статую Флоры, для виллы дука и банкира Торлоніа, за что получаетъ пятьдесятъ скудъ. — Бѣд-

Digitized by Google

ная Италія!—часто говорилъ сквозь слезы Филиппо Бетси, сидя въ своей мастерской, и свѣсивъ голову и руки, убитый унынiемъ; а товарищь его дѣтства и другъ, Антоніо Филиберти, язвительно усмѣхался и, катая катышки изъ глины, бросалъ ихъ одинъ за другимъ въ стѣну.

Наружность Бетси, который былъ среднихъ лѣтъ, отличалась постояннымъ присутствiемъ грусти, что придавало особенную привлекательность правильнымъ чертамъ его лица. Филиберти былъ одинаковыхъ лѣтъ съ своимъ другомъ, высокаго роста, смуглый, со впалыми щеками, встрепанный: въ глазахъ его, казалось, кипѣла смола; орлиный носъ выдавался изъ лица, какъ носъ Карѳагенскаго корабля. Отрывистый и рѣзкій въ движенiяхъ, съ узкими губами, вѣчно-сложенными въ насмѣшливую улыбку, съ головы до ногъ похожій на духа порицанiя, онъ врядъ ли могъ располагать къ себѣ людей; за то дружба съ Бетси, казалось, замѣняла для него всѣ людскія отношенiя. Связь ихъ основывалась на одинаковости ихъ судьбы, едва ли не прочнѣйшемъ звенѣ дружбы: и тотъ, и другой, будучи одарены большими талантами, испытали горькія неудачи на художественномъ поприщѣ; но положенiе Филиберти было несчастнѣе, потому что, женившись по страсти на бѣдной дѣвушкѣ, онъ прижилъ огромное семейство, которое, при пустыхъ и мелочныхъ скульпторныхъ работахъ и при службѣ за скудное жалованье чиновникомъ при Ватиканѣ, едва могъ прокармливать.

Если вы были въ Римѣ, читатель, то вѣроятно видѣли въ Ватиканѣ, въ извѣстные дни, людей, расхаживающихъ въ мундирахъ, при шпагахъ, и наблюдающихъ за порядкомъ во время посѣщенiя любопытныхъ. Въ такой же мундиръ облекался и Филиберти, каждый понедѣльникъ и четвергъ, въ дни, назначенные для общаго доступа публики.

Не припомню въ какомъ именно мѣсяцѣ, но знаю навѣрно, что въ концѣ 1845 года, въ одинъ изъ понедѣль-

Digitized by Google

никовъ, Швейцарцы, составлющіе папскую стражу, высыпали въ своихъ пестрыхъ костюмахъ, съ блестящими алебардами, на правомъ крылѣ великолѣпной Бернініевской колоннады, примыкающей къ колоссальному собору Петра и Павла и вмѣстѣ къ Ватикану. По необъятной овальной площади катились коляски витуриновъ и щегольскіе экипажи богатыхъ путешественниковъ всѣхъ націй; въ разсыпную спѣшили и пѣшеходы, которые обращались на этой площади въ мошекъ: и все это движеніе направлено было ко входу въ Ватиканъ.

Всѣ чиновники занимали уже назначенныя имъ мѣста въ залахъ. Недоставало только Филиберти, имя котораго неоднократно повторялось. Но Антоніо не являлся, и, по этому случаю, главный начальникъ нахмурилъ свои густыя брови и что-то черкнулъ карандашемъ въ бумагѣ, которую держалъ въ рукахъ. Неточность Филиберти часто проистекала изъ его страшной бѣдности, а начальникъ, не имѣвшій возможности входить въ подробности семейной жизни своихъ подчиненныхъ, и не терпѣвшій неаккуратности, не разъ уже имѣлъ случай уличать въ ней Филиберти.... Въ это время на Филиберти, какъ говорятъ у насъ, лица не было. Вблизи самаго Ватикана, на улицѣ, ведущей къ воротамъ Анжелики, онъ всходилъ на высокую лѣстницу, къ своей квартирѣ, откуда слышались стоны и плачь. Антоніо, проходя окно, обращенное съ лѣстницы на дворъ, пріостановился, выглянувъ, измѣрилъ высоту окна отъ земли и задумался. Казалось, онъ хотѣлъ изъ него броситься; но внезапный шумъ, раздавшійся сверху, заставилъ Филиберти судорожно вздрогнуть, и онъ опрометью побѣжалъ къ своей квартирѣ.

Низкая, грязная комната служила пристанищемъ бѣдному семейству, мать котораго лежала на обнаженномъ тюфякѣ и мучилась родами. Осемь человѣкъ полунагихъ дѣтей ревѣли ужасными голосами; теща Филиберти, сущая парка, хлопотала около родильницы и, въ то же время, усмиряла мальчиковъ и дѣвочекъ, надѣлял ихъ шлепками, порождавшими новый нестерпимый вой.

Digitized by Google

— Вотъ все что мнѣ дали на monte di pietà, за наши тряпки! — сказалъ, вбѣжавъ, хозяинъ квартиры, и положилъ на столъ нѣсколько скудъ.

— Ступай, ступай на службу! Ты запоздалъ! — кричала жена, пересиливая свою боль.

— Ты ужъ запоздалъ! — прибавила теща, — Альфонсо приходилъ за тобой.

Чрезъ четверть часа, Филиберти, одѣтый въ мундиръ, ужь былъ на своемъ мѣстѣ; въ продолженіе четверти часа главный чиновникъ дѣлалъ ему выговоръ и грозилъ за неисправность отставить его отъ мѣста. Голова шла кругомъ у несчастнаго отца семейства: глаза его блуждали, а мускулы лица безпрестанно передергивались, какъ тѣ картонные плясуны, которыми забавляются дѣти. Только, глядя на Антоніо, нельзя было смѣяться, потому что болѣзненными движеніями его лица управляли бѣдствіе и отчаяніе. Филиберти выслушалъ выговоръ и угрозы, не проронивъ слова.

По выходѣ публики изъ залъ, Филиберти скорыми шагами вышелъ изъ Ватикана, но не домой,— и повернулъ къ мосту св. Ангела, и потомъ скрылся на Рипетѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ Бетси у Филиберти, когда послѣдній вошелъ къ нему въ мастерскую и растянулся во весь соломенный диванъ, который подъ нимъ крякнулъ и готовъ былъ развалиться. Антоніо, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Такое появленіе друга не очень поразило Бетси: онъ уже не впервые видѣлъ несчастіе и отчаяніе Филиберти, самъ усердно ему помогалъ, лишая себя иногда необходимаго, и потому терпѣливо ожидалъ окончанія кризиса. — Обратившись къ одному изъ своихъ рабочихъ мальчиковъ, Бетси велѣлъ принести вина.

— Давай пить и топить горе! — вскрикнулъ вдругъ Филиберти, вскочивши съ дивана.

Бетси отскочилъ отъ него, ужаснувшись выраженія его лица.

Digitized by Google

— Боже мой, что съ тобой сдѣлалось? — спросилъ хозяинъ мастерской.

— Другъ Филиппо, у меня нѣтъ силъ войти къ себѣ въ домъ: я бѣгалъ всюду, искалъ работы; — работы нѣтъ, или предлагаютъ, зная мою крайность, такія деньги, на которыя нельзя купить и каштановъ на два дни моему семейству. Жена родитъ, мучается; дѣти плачутъ; двое больны; обувь, платье — все заложилъ за три скуды; нуженъ докторъ; еще нѣсколько дней — и хоть наложить на себя руки! — Меня мучаетъ страшная жажда: дай вина! — И Филиберти схватилъ со стола наполненный стаканъ и осушилъ его залпомъ.

— Повремени, мой другъ, — говорилъ Бетси, голосомъ состраданія, — Торлоніа обѣщалъ мнѣ на дняхъ еще работы; мы раздѣлимъ трудъ, и тогда....

— И тогда, — перебилъ Филиберти, — этотъ проклятый жидъ проволочитъ плату полгода; а въ это время дѣти мои съѣдятъ другъ друга. Вотъ меценатъ! Ему бы только тратиться на искусственныя развалины въ своей виллѣ. Ха, ха, ха.... на искусственныя развалины въ Римѣ! Варваръ, варваръ! — И Антоніо продолжалъ хохотать, пока страшная блѣдность не покрыла его лица. — Мнѣ дурно, я съ утра ничего не ѣлъ, — пробормоталъ онъ, и снова повалился на диванъ.

— Хлѣба и воды! — крикнулъ Бетси.

Когда Филиберти оправился, Бетси предложилъ ему пойти въ ближнюю остерію и вмѣстѣ пообѣдать.

— Пойдемъ пить и топить горе! — сказалъ опять отчаяннымъ голосомъ Антоніо.

— Полно говорить вздоръ! — замѣтилъ Бетси, — ты поддаешься горю какъ ребенокъ!

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ быть имъ! — перебилъ Антоніо, — какъ бы я желалъ вернуться къ моему прошедшему! Помнишь ли наши юношескія мечтанія, подъ этой самой кровлей? — спросилъ Филиберти своего друга, вышедши съ

Digitized by Google

нимъ изъ мастерской? — Въ какихъ блестящихъ, очаровательныхъ краскахъ,—продолжалъ онъ,—рисовалось все, что представлялось намъ впереди, и какъ мы одушевлялись нашими мечтаніями во время работы: золотыя горы росли на горизонтѣ нашей будущности! А въ настоящее время, вотъ ужъ мнѣ сорокъ лѣтъ, и мнѣ не на что пообѣдать, и я долженъ тебя же утруждать, какъ нищій!

— Какъ тебѣ не стыдно это говорить! — сказалъ, съ упрекомъ, оскорбленный Бетси.

— Прости меня! — прошепталъ Филиберти, взявъ руку Филиппо, — я теряюсь!

Друзья вошли въ остерію.

—

На другой день, Бетси въ своей мастерской работалъ для одной путешественницы изъ глины собачку, моделью которой служила дохлая болонка. — Вотъ къ чему привели меня мои идеалы! — думалъ про себя художникъ.— Но чтобы пособить несчастному Филиберти, я готовъ мостить улицы и чистить фонтаны!

Въ это время кто-то ударилъ кольцомъ въ дверь мастерской.

— Кто тамъ? — вскричалъ Бетси.

— Я: Франческо!

Въ отозвавшемся голосѣ хозяинъ мастерской узналъ старшаго, осьмилѣтняго сына Филиберти, и поспѣшилъ отворить ему дверь.

Красивый мальчикъ, съ волосами вьющимися по плечамъ, но едва прикрытый одеждою, запыхавшись, бросился къ Бетси, съ вопросомъ:

— Вы не видали, синьоръ Филиппо, нашего отца?

— Нѣтъ, онъ у меня не былъ сегодня.

— Да онъ не ночевалъ дома!—вскрикнулъ мальчикъ — вчера вечеромъ, можетъ быть, вы его видѣли?

Digitized by Google

Бетси, вспомнивъ, что вечеромъ Филиберти позволилъ себѣ выпить вина безъ мѣры, ужаснулся при мысли о самоубійствѣ, на которое наканунѣ намекалъ его другъ, и не зналъ что отвѣтить.

— Мать умираетъ; она его зоветъ! Онъ ея не увидитъ! — кричалъ мальчикъ, облокотясь на рабочій станокъ; и, зажавъ руками голову, онъ зарыдалъ.

Бетси совершенно растерялся; но, спустя нѣсколько времени, сказалъ малюткѣ, что отецъ его, вѣроятно, захлопотался вчера по одному дѣлу, и безъ сомнѣнія, тотчасъ вернется домой.

Невинный Франческо повѣрилъ, и птицей полетѣлъ съ этой вѣстью къ своимъ домашнимъ.

Филиппо, немедля, пустился со всѣхъ ногъ во всѣ мѣста, гдѣ могъ надѣяться найти своего друга. Цѣлый день провелъ онъ въ розыскахъ, но не могъ напасть на слѣдъ Филиберти. Ввечеру, измученный, онъ пошелъ въ квартиру Антоніо. — Можетъ быть, онъ и вернулся домой,—думалъ Бетси, и взобрался на лѣстницу извѣстнаго уже намъ дома. Красавчики-дѣти Филиберти, размѣстившись въ живописной группѣ, около дверей своей квартиры, шелушили и ѣли каштаны; на глазахъ ихъ блистали еще неосушившіяся слезки. При появленіи Бетси, старшенькіе обратились къ нему съ вопросомъ:

— Гдѣ папà?

Филиппо, въ высшей степени добрый и чувствительный, былъ пораженъ этой картиной, и, не найдясь имъ отвѣчать, сталъ цѣловать ихъ. На шумъ отворилась дверь, и вошла теща Филиберти, котораго она, за его отсутствіе, тутъ же начала посылать къ чорту и проклинать.

— Какъ здоровье синьоры Вержиніи? — спросилъ ее тихо Бетси.

— Умираетъ! — отвѣчала она, на этотъ разъ, въ полголоса.

— Что же говоритъ докторъ? — спросилъ Филиппо.

Digitized by Google

Не успѣла отвѣтить теща, какъ въ комнатѣ больной раздался страшный вопль, и пораженный Бетси отшатнулся къ стѣнѣ. Теща въ мгновеніе исчезла за дверью, а дѣти отъ испуга, а, можетъ быть, и отъ предчувствія, побросавъ каштаны, залились слезами.

— Боже мой! — сказалъ, вздохнувъ, Бетси,—неужели этимъ дѣтямъ суждено быть круглыми сиротами? Я имъ буду отецъ, — думалъ великодушный другъ Филиберти,— видно такъ угодно самому Провидѣнію, которое привело меня сюда въ такія минуты!—И Бетси, бросивъ прощальный взглядъ дѣтямъ, спустился съ лѣстницы. Въ головѣ его составлялись планы перемѣщенія сиротъ подъ свою кровлю: онъ пересчитывалъ имена особъ, извѣстныхъ въ Римѣ благотворительностію; онъ уже видѣлъ ихъ взрослыми и добывающими себѣ хлѣбъ. Таково было желаніе добра въ сердцѣ Бетси! Бывши дальнимъ родственникомъ одного значительнаго духовнаго лица, онъ немедленно приступилъ къ исполненію своихъ плановъ, не теряя, въ то же время, надежды, что явится и другъ его Филиберти, которому онъ сообщитъ радостныя вѣсти о будущемъ счастіи его дѣтей. Но минули вторникъ, среда, утро четверга; наступилъ часъ открытія Ватикана, а Антоніо не было....

—

Филиберти, въ понедѣльникъ вечеромъ, разгоряченный виномъ, вышелъ изъ остеріи и, простившись съ Бетси, почувствовалъ весь стыдъ, всю отвратительность своего положенія. — Неужели въ такомъ видѣ ты вернешься домой къ страждущей женѣ и голоднымъ дѣтямъ?— говорилъ ему, не совсѣмъ еще помутившійся разсудокъ. Филиберти остановился; потомъ махнулъ въ воздухѣ руками, и нетвердымъ шагомъ побрелъ за Porte del Popolo; перешедши мостъ Молло, онъ свернулъ вправо по дорогѣ, лежащей по берегу Тибра. Усталость заставила Антоніо броситься въ кусты, и онъ заснулъ; но пробужденіе его было ужасно. Солнце уже было высоко и жгло ему лицо, а внутри себя

Digitized by Google

Филиберти чувствовалъ ознобъ. Открывъ глаза, онъ не могъ понять, какъ очутился въ этихъ мѣстахъ: невыносимая головная боль заставила его снова прилечь къ землѣ; онъ шарилъ около себя, искалъ шляпу, чтобы укрыться отъ солнечныхъ лучей, но шляпы не было, и, только поднявшись на ноги, онъ увидѣлъ, что былъ безъ сертука. Его обокрали. Кровь била ему въ голову: образъ жены бѣгалъ по другую сторону Тибра и звалъ его; въ ушахъ раздавались крики дѣтей; потокъ рѣки шумѣлъ и манилъ къ себѣ убитаго отчаяніемъ. Несчастный, но религіозный Филиберти всплеснулъ руками, упалъ на колѣни и началъ молиться....

Не вдалекѣ послышался топотъ коней: то были объѣзжіе карабинеры. Филиберти бросился къ нимъ, съ жалобой на покражу.

— Ранили тебя? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, но обобрали во время сна, — и Антоніо указалъ мѣсто, гдѣ онъ спалъ.

— Развѣ ты не имѣешь квартиры? — спросилъ другой.

— Имѣю; я семейный человѣкъ; сжальтесь надо мной; отыщите мой сертукъ и шляпу!

— Если ты семьянинъ, — замѣтилъ третій карабинеръ,—то тебѣ не слѣдовало здѣсь спать. Вѣрно загулялся, любезный?

— Правда, — шепнула совѣсть Филиберти. И онъ опустился на ближайшій камень. Карабинеры поѣхали своей дорогой.

— Правда.... нѣтъ, неправда, — началъ говорить съ собою Антоніо. — Правда.... нѣтъ, неправда, — повторялъ онъ нѣсколько разъ, и потащился къ остеріи, находящейся около моста Молло.

Вошедши въ нее, онъ невольно обратилъ на себя вниманіе присутствовавшихъ своимъ разстроеннымъ видомъ; а хозяинъ, знавшій его и видѣвшій вмѣстѣ съ Бетси, спросилъ его:

— Che diavolo! Что съ вами, синьоръ Антоніо?

Digitized by Google

— L'inferno! — отвѣчалъ Филиберти, поводя налившимися кровью глазами, и въ несвязныхъ словахъ объяснилъ свое положеніе Морелли, хозяину остеріи, который, пожавъ плечами, предложилъ пришедшему вина, чтобы онъ подкрѣпился. — Еслибъ содержатель остеріи былъ медикъ, то не сдѣлалъ бы подобнаго предложенія.

Антоніо накинулся на вино, чѣмъ хотѣлъ залить жаръ крови и облегчить лихорадку, которую онъ чувствовалъ; лицо его то багровѣло, то покрывалось смертною блѣдностію. Морелли ссудилъ его старымъ картузомъ и поношенной бархатной курткой. Несчастный миновалъ мостъ и пошелъ по тѣнистой широкой аллеѣ, ведущей въ городъ, къ воротамъ Анжелики. Къ большему несчастію Антоніо, ему встрѣтился на пути Ченчіо, старый гульливый мраморщикъ, выгнанный отъ Бетси.

«Вода вредитъ,
«Вино веселитъ!*»

пѣлъ старый Итальянецъ, и, увидѣвши знакомаго ему Филиберти, комически снялъ съ себѣ вязаный колпакъ и началъ передъ нимъ расшаркиваться.

— Откуда ты? — спросилъ Антоніо.

— Изъ остеріи въ остерію, eccelenza!—весело вскрикнулъ Ченчіо, прищолкнувъ пальцами.

— Вѣдь ты, кажется, женатъ? — спросилъ Филиберти, которому начинала измѣнять память.

— Нѣтъ, отвѣтилъ нараспѣвъ-мраморщикъ: вотъ уже мнѣ за пятьдесятъ, и въ такіе дураки еще не попадался; и радъ-радешенекъ, что такой глупости не сдѣлалъ Вѣдь жена не сѣдло; со спины не снимешь!

Ченчіо безсознательно растравлялъ болѣе и болѣе сердечныя раны Антоніо и продолжалъ свою рѣчь въ томъ же тонѣ.

---

*Acqua fa male —
Il vino fa cantare!

Digitized by Google

— Да и охота плодить бѣдняковъ, — тутъ Ченчіо выворотѝлъ на изнанку боковые карманы своихъ панталонъ и продолжалъ: — которымъ, при моемъ богатствѣ, пришлось бы сосать пальцы или грабить путешественниковъ по дорогамъ. — Вы вѣрно съ загородной прогулки?

Слова Ченчіо обдали жаромъ безъ того уже разстроеннаго Филиберти.

— Продолжаю гулять, — отвѣтилъ послѣдній, пошатываясь и усмѣхаясь какой-то демонской улыбкой.

— Если не погнушаетесь, — сказалъ старый весельчакъ, то зайдемте подъ вывѣску золоченной колбасы: Сорра* Tutta хранитъ въ своемъ погребѣ для античныхъ друзей удивительное monte pulciano, да и за сосиски, какія приготовляются на ея кухнѣ, я скорѣе бы вѣнчалъ ее, нежели Чериту. Вишь что вздумали, лавровый вѣнокъ, шутка! Я тоже стою на томъ, что Римъ можетъ только вѣнчать головы, а не ноги. А слышали вы, что въ бытность Фанни Эльслеръ въ Вѣнѣ, какой-то очень бѣдный критикъ, семьянинъ, превозносилъ ее до небесъ и только мечталъ о томъ, чтобы имѣть башмачекъ славной танцовщицы; а она, узнавши о немъ и объ его бѣдности, подарила ему свой башмачекъ, наполненный червонцами.

Филиберти тяжело вздохнулъ; но Ченчіо снова забросалъ его разными разсказами, шутками и поговорками, и ввелъ его во дворъ черезъ ворота, на которыхъ красною краскою намалевана была надпись: salame dorata.

Послѣ закуски Антоніо говорилъ, едва управляя языкомъ.

— Гдѣ это играетъ музыка?— спросилъ онъ у Ченчіо.

— Какая музыка? — спросилъ въ свою очередь мраморщикъ, и, чокнувъ своимъ стакапомъ о стаканъ Филиберти, прибавилъ:—я кромѣ этой музыки другой здѣсь не слышу.

Вслѣдъ за этимъ со стороны Антоніо начались такія выходки, которыя явно обнаруживали разстройство его мозга. Филиберти и эту ночь провелъ внѣ дома, подъ откры-

* Сокращенное: синьора Тереза, употребляемое въ простонародьи.

Digitized by Google

тымъ небомъ, чѣмъ еще ускорилъ развитіе въ себѣ горячки. На другой же день, при приближеніи часа его службы въ Ватиканѣ, ему померещился его начальникъ съ густыми бровями, и при воспоминаніи о своемъ семействѣ, сердце заныло въ немъ всѣмъ своимъ горемъ. Онъ повернулъ къ своему дому, съ твердою рѣшимостью одѣться въ мундиръ, привѣсить шпагу и отправиться на службу. — Въ воротахъ Анжелики онъ встрѣтилъ нѣсколько уличныхъ мальчишекъ, которые знали его и встрѣтили громкимъ хохотомъ бѣднаго Антоніо, при видѣ его костюма. Филиберти погрозилъ имъ пальцемъ съ такой важностью, какъ только можетъ грозить фельдмаршалъ молодому прапорщику.

Когда несчастный отецъ семейства заносилъ ногу на ступень своего порога, ему загородила дорогу фигура, выходившая изъ того же дома. Она была одѣта въ сѣрое капуцинское платье, опоясанное простой веревкой, и со спущеннымъ на лицо капишономъ, чрезъ два малыя отверстія котораго блестѣли два черные глаза. Это былъ buono fratte, который протянулъ къ Антоніо свою кружку, и тихимъ, какъ бы съ того свѣта, голосомъ произнесъ: на погребеніе бѣдной.

Филиберти вздрогнулъ и отскочилъ на улицу; ему казалось, что сама смерть взглянула ему въ глаза. Buono fratte, не видя отъ него подаянія, съ тою же кружкою обратился къ проходившему мимо солдату, который опустилъ въ нее баіокко*, и мѣдь звякнула, а собиратель на бѣдность поклонился служивому и напутствовалъ его словами: — che Iesu ti guarda!

Чрезъ минуту Антоніо былъ въ своей квартирѣ, гдѣ ни дѣтей, ни тещи не было, чему онъ, казалось, обрадовался.

— Verginia, Verginia! — повторилъ нѣсколько разъ шепотомъ Филиберти, обращаясь къ кровати, на которой лежалъ уже охладѣлый и покрытый чистою простынею трупъ

* Римская монета.

Digitized by Google

сго жены На зовъ Антоніо мертвая тишина комнаты была краснорѣчивымъ отвѣтомъ, котораго вдовецъ однако не понялъ.

— Спитъ, спитъ! — сказалъ тихо Антоніо, и началъ одѣваться въ мундиръ; привѣшивая шпагу, онъ уронилъ ее на полъ ип облѣднѣлъ, какъ простыня на покойницѣ, думая, что этимъ шумомъ нарушитъ сонъ супруги, которая, по страшному естественному закону, не оказала никакого движенія; вслѣдствіе чего Филиберти, не подозрѣвая новаго своего горя, успокоился, и, совершенно одѣвшись нахлобучилъ треугольную шляпу, приподнялся па носкахъ и осторожно вышелъ изъ комнаты.

—

Нынѣ огромнѣйшій и великолѣпнѣйшій Ватиканскій музей, съ небольшимъ только лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, разросся изъ одного двора и одного сада; и не знаешь чему удивляться болѣе: усердію ли послѣднихъ Папъ, или богатству самой земли, которая, въ такое короткое время, дала столько образцовъ искусства. При видѣ знакомыхъ намъ по исторіи лицъ, и тѣхъ, которыя еще не разгаданы,— при видѣ именъ, надгробій, надписей, испытываешь живое впечатлѣніе, и все это является передъ глазами, какъ видѣніе воскресшей, глубокой древности.

Этимъ объясняется и непреодолимое любопытство путешественниковъ, которые, въ описываемую минуту, какъ въ прошлый, названный нами, понедѣльникъ, спѣшили ко входу въ Ватиканъ.

Антоніо, вошедши въ музей, устроенный Піемъ VII и называемый Кіарамонти, занялъ свое мѣсто, поспѣвъ къ назначенному часу. Нѣкоторые изъ товарищей его, до которыхъ достигли уже слухи о его долгомъ отсутствіи изъ дому и о смерти его жены, видя его разстроеннымъ и встревоженнымъ, пошептались между собою; но никто не началъ съ нимъ разговора, чѣмъ, повидимому, Филиберти остался очень доволенъ, потому что не замедлилъ скрыться

Digitized by Google

за одной изъ статуй, и, облокотясь на ея пьедесталъ, погрузился въ самого себя.

Съ каждой минутой толпы путешественниковъ и художниковъ болѣе и болѣе густѣли въ музеѣ Кіарамонти, что наконецъ вывело Антоніо изъ задумчивости, и онъ началъ расхаживать въ публикѣ, не умѣя, въ то же время, дать себѣ отчета, почему всѣ, окружавшіе его, предметы представлялись ему въ искаженномъ, и то смѣшномъ, то страшно-уродливомъ видѣ. Такъ, вблизи его находился огромный, но безглазый Англичанинъ, который во все горло считалъ статуи, и, не смотря на отсутствіе глазныхъ впадинъ, безпрестанно заглядывалъ въ свой указатель. Какая-то морщинистая старуха, съ пеньковыми буклями и съ колоссальнымъ ридикюлемъ, изъ котораго выглядывали бѣсенята и дразнили ее языкомъ, гладила красивое мраморное колѣно дискобола, находившагося въ числѣ новаго Браччіи. — А это что? — подумалъ Филиберти,— золота, золота-то сколько!—И онъ сторонился, и давалъ дорогу большаго объема мѣшку, наполненному червонцами, который переваливался съ боку на бокъ и безпрестанно давилъ ноги встрѣчнымъ. — Вотъ еслибы зачерпнуть горсти три! — мелькнула мысль у Антоніо, и въ это время онъ задѣлъ рукою какого-то толстаго, на видъ очень почтеннаго господина; послѣдній, видя на немъ мундиръ и шпагу, извинился, и, сдѣлавъ три шага впередъ, назвалъ чиновника Ватикана пентюхомъ. Въ это время Филиберти подошелъ къ бюсту молодаго Каракаллы, который сдѣлалъ ему такую гримасу, что онъ немедленно очутился у лежащей статуи Нила. Тутъ подошла къ послѣдней очень хорошенькая, стройная дѣвушка, подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ страшныя отвислыя уши какъ то животное, которое предпочиталъ всѣмъ прочимъ Сильванъ. — Страшныя уши! — замѣтилъ Филиберти и усмѣхнулся.

— Ce sont les seize petites figures, emblème des seize coudées nécessaires à l'inondation de l'Egypte, — прочитала изъ книжки дѣвушка молодому человѣку, который въ это время захлопалъ ушами, какъ показалось Филиберти.

Digitized by Google

Антоніо разразился смѣхомъ и исчезъ въ толпѣ. Прекрасная, легкая Минерва, которую Канова называлъ *Аполлономъ драпированныхъ фигуръ*, представилась Филиберти въ самомъ дѣлѣ съ головой Аполлона Бельведерскаго, чему онъ не мало удивился, и долго ходилъ около этой статуи, разсматривая ее съ большимъ любопытствомъ со всѣхъ сторонъ. Вдругъ его остановилъ какой-то молодой человѣкъ, съ волосами огненнаго цвѣта, одѣтый въ бархатную куртку, изъ кармана которой блестѣлъ стальной рейсфедеръ. Онъ попросилъ у Антоніо табаку; но Филиберти, нюхавшій въ это время, закрылъ табакерку и отвернулся отъ него съ презрительной улыбкой, полагая, что это была насмѣшка надъ его большимъ носомъ. — Porco! — сказалъ онъ съ сердцемъ, и блуждающій взглядъ его упалъ на превосходную статую Фортуны, около которой помѣщалась большая толпа публики; и онъ немало утѣшился, что у большей части любовавшихся красотами богини счастія, носы были не менѣе его носа. Тутъ же вниманіе его было отвлечено прежде казавшимся ему чрезвычайно-граціознымъ, но въ этотъ день неимовѣрно-потолстѣвшимъ Ганимедомъ, такъ что онъ едва помѣщался въ нишѣ. Вдругъ подошла къ Антоніо цѣлая ватага красивыхъ, какъ ангелочки, дѣтей, съ двумя гувернерами; Филиберти готовъ былъ пуститься бѣжать отъ нихъ: онъ нашелъ въ нихъ сходство съ своими малютками, но одинъ изъ гувернеровъ заступилъ ему дорогу, и исковерканнымъ Итальянскимъ языкомъ просилъ показать своимъ воспитанникамъ бронзовую сосновую шишку, въ которой хранился прахъ Адріана. — Шишки дальше! — отвѣтилъ Филиберти, и важно указалъ рукою на дверь. — Эти статуи продаются? — спросилъ другой наставникъ дѣтей, подойдя къ Филиберти и поводя глазами по антикамъ.

— Я бы ихъ охотно продалъ за самую сходную цѣну, — отвѣтилъ Антоніо шепотомъ; — но боюсь начальника; у него такія густыя брови.... гораздо гуще вашихъ!

Гувернеры въ половину поняли отвѣтъ, переглянулись между собою и отошли, улыбаясь и помахивая въ воздухѣ лорнетами. Въ это время показался начальникъ Филиберти,

Digitized by Google

и послѣдній, оправивъ на себѣ мундиръ и шляпу, выпрямился какъ термъ, около котораго онъ находился. Когда прошелъ главный чиновникъ, Антоніо отдался прежней свободѣ и развязности; и началъ прислушиваться къ разговору нѣсколькихъ лицъ, помѣстившихся около статуи Сабины, жены Адріана, представленной въ видѣ Венеры.

— Чортъ знаетъ что у нихъ за языкъ! — разсуждалъ про себя Филиберти, понимавшій Французскій языкъ, но едва говорившій на немъ.

— Эти господа какъ будто сейчасъ со столпотворенія Вавилонскаго! — подумалъ Антоніо, слышавъ то Французскія фразы, то очень пріятные, совершенно неизвѣстные ему звуки, то опять осколки Галльскаго языка, то снова могучую гармонію незнакомаго ему говора; и все это смѣшивалось, путалось въ его, уже безъ того болѣзненномъ, слухѣ, и въ смѣшеніи своемъ пренепріятно ударяло въ ухо. Изъ отрепьевъ Французскихъ изрѣченій онъ узналъ, что одинъ изъ этихъ господъ давно уже оставилъ свое отечество, и шляется, по его выраженію, по Европѣ; узналъ также, что этотъ господинъ, который, на взглядъ Филиберти, былъ похожъ на попугая, рѣшительно все видѣлъ, все узналъ, какъ самъ объ этомъ разсказывалъ. — Но ничего не изучилъ и ничего не понялъ, — замѣтилъ про себя Антоніо. — Шутъ, шутъ гороховой! — продолжалъ думать послѣдній, слѣдя за разсказами попугая, — и онъ увѣряетъ, что статуи Ватикана не стоитъ смотрѣть днемъ; а надо глядѣть ихъ вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, дабы совершенно понять ихъ. — Оселъ, оселъ! — прибавилъ Филиберти, — не статуямъ Ватикана нужно такое освѣщеніе, а головѣ твоей нужно просвѣщеніе!

Проблескъ смысла не надолго озарилъ голову самого Антоніо. Онъ мучился любопытствомъ узнать, къ какой націи принадлежалъ глупый болтунъ, и обратился къ нему со всею вѣжливостію, съ вопросомъ:

— Etes-vous Français, Monsieur?

Digitized by Google

— Non! — отвѣтила важно ворона, какъ это показалось бѣдному Филиберти въ ту минуту, когда незнакомецъ отворилъ ротъ.

— Какое любопытство и какая дерзость! — замѣтилъ одинъ изъ этого кружка, поглаживая свои нафабренные усы и стриженную голову.

— Да, признаюсь, насъ никто не узнаетъ за границей! — сказалъ другой по-Французски: съ Нѣмцами — Нѣмцы, съ Французами — Французы. — И весь этотъ кружокъ перешелъ къ другой статуѣ.

— Чортъ васъ разберетъ, кто вы такіе? — сказалъ вслухъ Филиберти на своемъ природномъ языкѣ.

Долго еще блуждалъ въ публикѣ Антоніо; въ глазахъ его, при усилившемся воспаленіи мозга, начало все кругомъ мутиться, и болѣе и болѣе принимать страшные образы. Статуи начали кивать ему головами; дѣти, помѣщенныя въ группахъ около рѣки Нила, начали кричать ему и просить у него хлѣба; онъ совался изъ угла въ уголъ, не находя нигдѣ покоя: дѣйствительно, многіе изъ посѣтителей, замѣчая его странности, начали обращать на него вниманіе.

При выходѣ публики изъ залъ Ватикана, Филиберти встрѣтился съ мраморщикомъ Ченчіо, который не могъ замѣтить ничего въ немъ особеннаго, потому что самъ, какъ всегда, былъ на-веселѣ, и началъ разсказывать Филиберти о случившемся въ ротондѣ, смежной съ музеемъ Піо-Клементино.

— Представьте, синьоръ Антоніо! — началъ онъ, — вотъ найти бы! Вѣдь плату-то въ награду тому, кто найдетъ, жена лорда назначила въ цѣну самаго браслета; а этотъ браслетъ стоитъ, какъ я сейчасъ слышалъ, тысячь девять или десять франковъ!

— Что такое, какой браслетъ? — спросилъ Филиберти, ничего не понявъ изъ словъ мраморщика.

— Я думалъ, что вы уже что-нибудь слышали о сегоднишней потерѣ? — продолжалъ Ченчіо. — Одна богатая Англичанка, видите ли, потеряла, въ толпѣ браслетъ и

Digitized by Google

хватилась его въ той залѣ, гдѣ стоятъ бойцы и Персей Кановы. Хвать, похвать.... нѣтъ браслета, канулъ, какъ средина ponte ratto въ Тибръ, пропалъ, какъ правая рука Лаокоона. — Искали, искали.... нѣтъ! А штука-то, видите ли, должно быть пришлась по сердцу Англичанкѣ; брата ли это умершаго подарокъ, какъ она объ этомъ говоритъ, или память ея любовника, какъ она объ этомъ умалчиваетъ—только я встрѣтилъ тамъ синьора Бетси, который искалъ все васъ, и на бѣгу сказалъ мнѣ, что она даетъ девять или десять тысячъ франковъ тому, кто достанетъ ей, въ гостинницу Англіи, потерянную вещь. Вотъ вы, синьоръ Антоніо, жаловались прошлый разъ на вашу бѣдность, которая грызетъ вамъ черепъ и гложетъ сердце. Поищите-ка, вамъ это легко: вы здѣсь свой, разомъ разбогатѣете!—И мраморщикъ, захохотавъ, ощупывалъ что-то въ своемъ карманѣ.

Едва докончилъ Ченчіо, Филиберти скользнулъ сквозь толпу, и пробѣжавъ до ротонды, въ которой уже никого не было, засѣлъ въ нишѣ за статуей Кановскаго Персея.

— Наконецъ-то ты пригодился къ чему-нибудь, пухлый красавецъ новѣйшей скульптуры!—говорилъ Антоніо.—Если ты не вывозилъ Канову въ Ватиканѣ, то выведешь по крайней мѣрѣ меня изъ бѣды. Женщинамъ и невѣждамъ ты нравишься болѣе самого Аполлона Бельведерскаго, потому что ты чистъ и бѣлъ, какъ сахаръ, и нѣженъ, какъ розовая краска, которою твой создатель покрывалъ свои мраморы; но меня не проведешь, не надуешь!

Филиберти дрожалъ всѣмъ тѣломъ, хваталъ себя за голову, объятую болѣзненнымъ огнемъ, и съ нетерпѣніемъ выжидалъ минуты, когда запрутъ Ватиканъ, когда онъ на совершенной свободѣ будетъ дѣлать поиски браслета, потерянаго богатой Англичанкой.

— Поправлюсь, поправлюсь! — говорилъ онъ, судорожно кривляясь и потирая руки:—хлѣбъ, докторъ, платья дѣтямъ, будетъ новая квартира. Въ нашемъ кварталѣ ужа-

Digitized by Google

сный воздухъ; потѣшу жену!—Все, все у меня будетъ!—вскрикивалъ онъ радостно, вскакивая на ноги, и потомъ вдругъ съеживался въ комокъ, притихалъ, даже сдерживалъ свое дыханіе, боясь быть поймапнымъ въ своей засадѣ.

—

На слѣдующее утро прислуга Ватикана, разсыпавшись по заламъ, сметала пыль, которую панесли наканунѣ сапоги, башмаки, сапожки и туфельки всѣхъ величинъ, родовъ и націй. Винченцо, молодой парень изъ этой прислуги, войдя въ залу, гдѣ помѣщенъ Лаокоонъ, не мало былъ пораженъ, увидѣвши Филиберти, сидѣвшаго на полу, и прижавшагося въ уголъ. Голова его была встрепана, мундиръ разстегнутъ, шляпа и шпага валялись на полу. Когда Антоніо увидѣлъ Винченцо, то вскрикнулъ отъ ужаса нечеловѣческимъ голосомъ. Винченцо, испуганный въ свою очередь такою встрѣчей, бросился въ другія залы и звалъ своихъ товарищей. Тотчасъ дали знать начальнику Филиберти, сбѣжались наконецъ всѣ служившіе при Ватиканѣ; дѣлали вопросы бѣдному Антоніо, по какому случаю и съ какою цѣлію онъ остался въ залахъ на ночь; но послѣдній отвѣчалъ безсмыслицей и ничего не выражавшими жестами. Призванъ былъ докторъ, который объявилъ, что Филиберти въ сильной горячкѣ.

— Экая собака! хорошо, что еще не переломалъ статуй!—сказалъ встревоженный старшій чиновникъ.—Via, via; тащите его скорѣй! — прибавилъ онъ.

Спустя полчаса, Филиберти лежалъ на соломенномъ диванѣ, въ мастерской Бетси, который страдалъ по несчастіи друга, какъ по своемъ собственномъ. Дѣтей Филиппо не допускалъ къ больному; они помѣщались, вмѣстѣ съ тещей, черезъ корридоръ; жена Антоніо была схоронена наканунѣ вечеромъ, потому что хозяинъ дома, не получивъ за два мѣсяца платы, на всѣ просьбы Бетси объ отсрочкѣ платежа, отвѣчалъ, что если онъ уже отъ живыхъ не получалъ де-

Digitized by Google

негъ, то отъ мертвыхъ подавно ждать нечего, и buoni fratti исполнили свое христіанское дѣло.

Прошло два дня, и Бетси получилъ отставку своего друга отъ должности въ Ватиканѣ.

Филиберти въ продолженіе четырехъ сутокъ былъ совершенно безъ памяти, но крѣпкое его сложеніе противостояло болѣзни. На пятый день онъ началъ нѣсколько распознавать предметы; но призраки и видѣнія еще не отходили отъ его изголовья. Съ приближеніемъ же вечера, они множились болѣе и болѣе.

Какъ-то вечеромъ, во время тихаго разговора съ своимъ другомъ, Антоніо вдругъ выпучилъ глаза и схватилъ руку Бетси.

— Онъ убьетъ и меня! — кричалъ онъ.

— Кто, кто? — невольно спросилъ Филиппо, увлеченный участіемъ.

— Да онъ, Аполлонъ Бельведерскій, убьетъ, непремѣнно убьетъ,—заговорилъ вдругъ шепотомъ Филиберти.— Помнишь, ночью, когда я шарилъ по полу и искалъ браслетъ, мнѣ пришлось облокотиться рукой на его слѣдокъ; ремни сандалій затрещали; носокъ ноги приподнялся, и я почувствовалъ нестерпимую боль въ носу. За этимъ послышался какой-то невнятный говоръ во всѣхъ залахъ..... я обомлѣлъ. Если бы ты слышалъ, какимъ громовымъ голосомъ закричалъ потомъ Аполлонъ съ своего пьедестала; какъ онъ досадовалъ, что въ рукѣ его былъ лишь осколокъ лука и не было ни одной стрѣлы; онъ готовъ былъ прянуть на землю, и хотя я нѣсколько понимаю по-Гречески, но не могъ разобрать проклятій, какія онъ посылалъ тому, по чьей милости спина его пригвождена теперь къ стѣнѣ желѣзною полосою.

— Полно, перестань! — говорилъ Бетси,—это слѣдъ твоей болѣзни; успокойся!

— Per bacco, ты не вѣришь! — продолжалъ удивленный Антоніо. — Если бы ты только видѣлъ, какъ въ то время дрожалъ Персей Кановы; голова Медузы ревѣла коро-

Digitized by Google

вой и готова была выскользнуть изъ его рукъ. «Мы потеряли всю силу и вліяніе на людей»,—кричалъ Аполлонъ,—Досадно, это меня бѣситъ, потому что шлемъ, которымъ Плутонъ надѣлилъ Персея, долженъ бы былъ сдѣлать его невидимкой; это было бы въ пользу Канову, онъ во сто кратъ былъ умнѣе своихъ цѣнителей и поклонниковъ; онъ самъ не хотѣлъ помѣстить въ сосѣдствѣ съ нами такую пародію на меня!» И всѣ статуи Ватикана одна за другой закричали: да, да, да!.... У меня волосы встали дыбомъ; я опрометью бросился въ залу Лаокоона, какъ вдругъ послѣдній, сквозь зубы, съ большимъ усиліемъ проговорилъ: «Канова зналъ, что одно мое колѣно стоитъ его Персея и двухъ гладіаторовъ»; и дѣти его стонали и кричали: «дальше, дальше отъ насъ Персея и гладіаторовъ; дальше изъ уваженія къ именамъ Агезандра, Полидора и Атенодора». Тутъ змѣи, схватившія Лаокоона съ дѣтьми, такъ зашипѣли и засвистали, что я уже ничего не могъ далѣе слышать!

Разслабленный Филиберти ушалъ на подушку. Въ то время вошелъ докторъ и совѣтовалъ Бетси сколько можно менѣе подавать повода больному къ разговору; докторъ пощупалъ пульсъ, взглянулъ на банку съ лекарствомъ, и, сказавъ нѣсколько словъ на ухо Филлипо, вышелъ.

Антоніо закрылъ глаза; сонъ успокоилъ его, но не надолго. Метнувшись нѣсколько разъ на диванѣ, онъ вскрикнулъ ужаснымъ голосомъ.

— Что съ тобой? — спросилъ Бетси, бросившись къ своему другу, у котораго выступилъ холодный потъ на лбу.

— Боже мой, когда меня оставятъ въ покоѣ эти проклятыя статуи! Провались онѣ вмѣстѣ съ Ватиканомъ! Только что я закрылъ глаза, — продолжалъ Филиберти, — этотъ безрукій Антиной, или какъ его? Меркурій, что ли? да вѣдь я знаю точно, что онъ съ обломленными руками, а тутъ, вдругъ грозитъ мнѣ пальцемъ и кричитъ, чтобъ я непремѣнно обругалъ Пистолези и еще нѣсколькихъ,—кого именно не припомню, за то что они неумѣренны въ похвалахъ своему соотечественнику, за то что они назвали Канову Фидіемъ;

Digitized by Google

а не то, говоритъ, «я на тебя сейчасъ упаду и раздавлю тебя какъ муху,» и повалился на меня.... Отъ ужаса я проснулся.

— Успокойся, успокойся, любезный другъ! — говорилъ Бетси, не находя словъ утѣшить и вразумить Филиберти.

— Да полно перебивать меня! — вскрикнулъ Антоніо Хочешь слушать, такъ слушай! Вѣдь я не дуракъ же какой-нибудь, или сумасшедшій. Слушай, говорю тебѣ! — Филиберти, снова приподнявшись на подушкѣ, продолжалъ свой разсказъ.

— Въ ту ночь, о которой я тебѣ говорилъ, досталось и бойцамъ Кановы. — «Я увѣренъ, что не таковы были Кревгій и Дамоссенъ», кричалъ Меркурій. «Наши бойцы, что теперь во Флоренціи, да еще одинъ, котораго прозвали нынче Боргезскимъ, при своей ловкости и развитыхъ мышцахъ, не вступили бы съ вами въ бой, изъ опасенія убить васъ мизинцемъ. Тяжелые, съ дутыми, мягкими мускулами, вамъ бы только давить дѣтей своей силой. Еслибъ вы явились въ нашихъ амфитеатрахъ, то не пѣснь поэта встрѣтила бы васъ, а всеобщая насмѣшка. Нѣтъ, не таковы были бойцы въ наше время!» — кричалъ Меркурій, и по всѣмъ заламъ загремѣло: «правда, правда, правда!» Въ это время, браслетъ прокатился у меня между ногъ; я за нимъ, а онъ вдругъ загремѣлъ, затрещалъ, закричалъ мнѣ: «сумасшедшій бѣднякъ! сумасшедшій бѣднякъ!» и разсыпался пылью по полу. — Правда, правда, правда! — заорали снова всѣ статуи. Ну, ужъ съ этой минуты я рѣшительно ничего не помню, хоть убей! — сказалъ Филиберти, — Да гдѣ же жена моя и куда дѣлся браслетъ?—спросилъ вдругъ Антоніо у своего друга, который растерялся и не зналъ что отвѣчать. Въ эту минуту въ дверяхъ показался Ченчіо, которому Бетси махалъ рукой и дѣлалъ знаки, чтобъ онъ не входилъ.

—Дай мнѣ воды!—сказалъ Филиберти тихимъ голосомъ.

«Вода вредитъ,
«Вино веселитъ!

запѣлъ Ченчіо, не обращая вниманія на Бетси, и началъ изъ своего шерстянаго высыпать колпака червонцы къ ногамъ больнаго.

Digitized by Google

Филиберти и Бетси разинули рты отъ удивленія; послѣднему казалось, что онъ самъ уже въ горячкѣ.

— Будьте великодушны, синьоръ Антоніо, — сказалъ Ченчіо, — простите за обманъ; когда я вамъ говорилъ въ Ватиканѣ о потерянномъ браслетѣ, онъ уже былъ въ моемъ карманѣ; а вотъ и награда Англичанки, и старый мраморщикъ разводилъ ладонью по разсыпаннымъ червонцамъ. — Я отчасти причиною, что вы отставлены отъ вашей должности, — продолжалъ онъ, — вы имѣете большое семейство, имѣете и эту проклятую нужду; а я одинъ, одинъ, какъ обелискъ на Петровской площади: все это ваше; я возьму только червонецъ, чтобы выпить за ваше выздоровленіе и за здоровье синьора Бетси. До свиданія!

Ченчіо, надѣвая свой шерстяной колпакъ, хотѣлъ выйти изъ мастерской; но разстроганный до слезъ Филиппо бросился обнимать его, а Филиберти звалъ свою жену, чтобы показать ей упавшее въ его руки богатство....

Н. Рамазановъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 14. Іюль. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА VII.

НЕДОУМѢНЬЯ.

Digitized by Google

Il dit que mon regard est pur comme un beau jour,
Il dit qu'il est touché de ma pâleur réveuse ;
Il dit que tous ses voeux sont de me voir heureuse,
Mais il ne parle pas d'amour !....

(*Léona.*)

Que de fois de mes yeux une larme echappée
Me fit dire en tremblant : «Si je m'étais trompée....
«Si tout n'était que rêve et erreur?....
L'absence, oh ! que l'absence est une amère chose,
Quand s'effrayant d'aimer, le coeur se trouble et n'ose
Croire à l'amour d'un autre coeur !....

(*M-me Mélanie Waldor.*)

Digitized by Google

I.

The heart has its omens.... and mine are of sorrow
I know that my future has anguish and tears.

5-е Апрѣля 18....

У Мѣховскихъ прервались дни веселья,
Ихъ свѣтлый домъ на время опустѣлъ:
Ужъ нѣтъ у нихъ Владимира. Въ деревню
Уѣхалъ онъ. — Но, къ счастью, не надолго;
Дѣла свои окончивъ, онъ вернется.

Съ его сестрой, въ отсутствіе его
Скучаю я, — скучаю нестерпимо;
Ни въ чемъ мнѣ безъ него отрады нѣтъ,
Ни въ чемъ участья я не принимаю.
И страшно мнѣ самой, что я могла
Въ такъ мало дней такъ много измѣниться,
Такъ искренно къ нему привыкнуть; страшно,
Что жизни онъ моей необходимъ.

Сестра его теперь гораздо меньше
Груститъ о немъ и думаетъ, чѣмъ я.
Сестра! Но что сестра передо мною?
Какъ сравнивать съ ея покойнымъ чувствомъ
Мой пламенный, болѣзненный порывъ,
Мою тоску, тревожную, нѣмую?
Зачѣмъ пустымъ сравненьемъ измѣрять
Неизмѣримое, — младаго сердца
Единую и первую любовь?....
Невѣденьемъ обманывать себя
Прошла пора,.... прошла на вѣкъ: я знаю,

Digitized by Google

Какъ мнѣ назвать, что чувствую къ нему:
Люблю его.... люблю не такъ, какъ брата,....
Люблю.... безъ толкованій, просто, такъ,
Какъ женщинѣ дано любить, — всѣмъ сердцемъ.

А онъ?.... Что я ему?.... Какъ онъ меня,
Какимъ живымъ, иль мертвымъ чувствомъ любитъ!!..
Груститъ ли онъ теперь по мнѣ въ разлукѣ?....
Или спокоенъ? Что — когда вдали
И безъ меня легко ему живется?....

Когда онъ былъ со мной, — когда при немъ
Я жить, мечтать, блаженствовать спѣшила, —
Сомнѣніямъ не предавалась я,
Не думала, не размышляла. Нѣтъ,
Соображать не могъ тревожный умъ,
Чѣмъ счастлива бывала я, — за чѣмъ
Такъ радостно и скоро сердце билось?....
Сіяньемъ ослѣпительнаго блеска
Озарена, не спрашивала я,
Откуда падалъ свѣтъ?.... Любя сама,
Не спрашивала я средь упоенья,
Любима ль я, иль нѣтъ?....

Теперь, одна.
Я въ память прихожу.... и хладъ разлуки
Обвѣялъ, освѣжилъ и душу мнѣ,
И мыслящій разсудокъ. Разбираю,
Допытываюсь я, разузнаю,
Кто мнѣ велѣлъ надѣяться и вѣрить?....
На чемъ надежда робкая моя
Волшебный и воздушный свой чертогъ
Такъ смѣло, такъ поспѣшно основала?....
Слова *его*, поступки и намеки,
И бѣглую игру его лица,
Все, все хочу припомнить, объяснить:
Хочу рѣшить задачу роковую, —
И если я ошиблась — пусть ошибку
Увижу я свою, — и прокляну!
А тамъ.... пусть Богъ помилуетъ меня!....

Digitized by Google

Онъ никогда не говорилъ *люблю*,
Но онъ глядѣлъ такъ долго и такъ нѣжно!....
Онъ тайну мнѣ не досказалъ свою,
Но взоръ *его* горѣлъ мечтой мятежной;
Не требовалъ, не далъ онъ клятвъ святыхъ, —
Но *онъ* просилъ довѣрія, участья,....
Но онъ твердилъ о вѣчномъ, чудномъ счастьѣ,
И голосъ, полный томной страсти,
Дополнилъ смыслъ рѣчей пустыхъ.

Онъ не ловилъ признанья моего,
Но онъ искалъ, онъ ждалъ меня съ томленьемъ;
Всегда меня встрѣчалъ привѣтъ его
Улыбкою и радостнымъ волненьемъ.
Онъ не спросилъ — умѣю-ль я любить, —
Но нравиться, но милымъ быть старался; —
Не плакалъ онъ, когда со мной прощался,
Но онъ такъ гордо любовался
Слезой, что я хотѣла скрыть!

Онъ не сказалъ: «пріѣду, жди меня;»
Но онъ сказалъ: «меня не забывайте!»
Безъ словъ была я, голову склоня,
И грустно мнѣ онъ молвилъ: «руку дайте!»
И крѣпко мнѣ сжималъ её потомъ,
И нехотя, насильно разставался,....
Простясь, сто разъ ко мнѣ вновь обращался,
И такъ отрадно улыбался,
Махая бѣлымъ мнѣ платкомъ!....

II.

Le badinage le plus doux
Finit quelquefois par des larmes.

(*M-me Desbordes-Walmore.*)

17-е Апрѣля, 18...

Мои стихи.... я ненавижу ихъ!!....
Они виной ужасной пытки мнѣ....
Они предательски изобличили
Безумную, но милую мнѣ тайну....

Digitized by Google

Ихъ видѣла, ихъ вырвала Елена
Изъ рукъ моихъ, смѣясь и торжествуя,
Дразня меня названіемъ Коринны,
Новѣйшей Сафо — маленькой Жоржъ-Сандъ....
Ихъ хочетъ показать, ихъ переслать
Она къ Владимиру.... О какъ кляну
Теперь тебя я, неумѣстный даръ, —
И васъ, досуговъ дѣтскихъ вдохновенья,
Васъ, наущенья думы молодой!!
Напрасно я отъ всѣхъ, и отъ самой
Елены даже, тщательно таила
Страницы дневника, гдѣ иногда
Перо мое довѣрчиво сбирало
Души моей живыя излiянья;
Напрасно эти гимны безъ искусства
Я думала навѣки схоронить,
Въ забвеньи и молчаньи недоступномъ
Чужому взору.... Нынче поутру
Меня Елена неожиданно застала
Съ какой-то новой пѣснію въ рукахъ, —
Подкралась,.... прочитала.... унесла, —
Схватила на столѣ моемъ записки,
Перелистала всё.... И поняла!
И поняла всё то, что я скрывала,
О чемъ и съ ней молчать хотѣла я!....
Понравились ей эти бредни, грёзы, —
И вздумала она разсѣять ими
Уединенья брата — хочетъ знать,
Какъ онъ, знатокъ опасный, ихъ оцѣнитъ?....
Напрасно я съ слезами умоляла, —
Напрасно передъ нею на колѣнахъ
Стояла я: — она неумолима!
Лишь только я успѣла упросить,
Не сказывать Владимиру, откуда,
И отъ кого стихи она взяла.
Безъ имени, какъ опытъ посторонній,
Онъ ихъ прочтетъ.... Но если онъ узнаетъ?....

Digitized by Google

Но если угадаетъ онъ меня?....
Заранѣе краснѣю!.... — Страшно мнѣ,
И стыдно за одно, — какъ будто я
Уличена въ какомъ-то преступленьи....

Какъ встрѣчусь я съ Владиміромъ потомъ?
Какъ самъ меня онъ приметъ, если вдругъ
Пойметъ онъ тайный смыслъ моихъ стиховъ,
Пойметъ меня, неузнанную-прежде?
А не понять не можетъ онъ, не можетъ!!
Онъ слишкомъ хорошо слѣдилъ за мной,
Онъ слишкомъ изучалъ мое смятенье!

Какъ предо мной Елена виновата!....
Такъ легкомысленно со мной она
И такъ безжалостно могла ль шутить?
Должна-ль она была играть безпечно
Моей завѣтной тайной, чувствомъ робкимъ
И недоступнымъ?.... Ахъ! и я глупа!....
Чему дивлюся я?... Она спокойна,
И весела и счастлива себѣ,
Какъ ласточка въ своемъ родномъ гнѣздѣ.
Гдѣ жь ей понять, гдѣ жь ей беречь и нѣжить
Въ чужой душѣ мучительную страсть
И чуткую, болѣзненную робость
Любви не раздѣленной, одинокой?....
Какъ можно ей, владычицѣ сердецъ,
Привыкнувшей къ всемірнымъ поклоненьямъ,
Предугадать, что женщина другая
Должна терпѣть, когда взамѣнъ любви
Ей хладное грозитъ пренебреженье?
Во всемъ, во всемъ сама я виновата:
Зачѣмъ мечтамъ давала волю я?....
Зачѣмъ во мнѣ такъ сердце говорливо,
И высказать рѣшилось на словахъ
Восторги, вдохновенья, ожиданья,
Не нужныя.... напрасныя?

Digitized by Google

III.

Douter — c'est espérer.

(*La Mére et la Fille, par M-lle Clem. Mame*).

19-е Апрѣля, 18....

Что сдѣлалось со мной?.... страхъ чудный, непонятный
Волнуетъ сердце мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ знаю я,
Что роковая вѣсть умчалась невозвратно,
Что тайна робкая откроется моя!....
И такъ, спасенья нѣтъ, и скоро онъ узнаетъ
Все, что мнѣ душу тяготитъ?
За часомъ часъ идетъ, за ночью день мелькаетъ,
Мое безумное признаніе летитъ....
Летитъ какъ молнія.... какъ радость отъ несчастныхъ,
И долетитъ къ нему.... домчится! Боже мой!
Пойметъ ли сердцемъ онъ значенье гимновъ страстныхъ,
Въ сердечной полнотѣ сложенныхъ мной?....
Встревожитъ ли его мое волненье?
Раздѣлитъ ли мое онъ увлеченье?
Всегда обманутый, рабъ жалкаго искусства,
Онъ былъ игралищемъ кокетокъ записныхъ;
Онъ позабылъ давно языкъ прямаго чувства;
Не вѣритъ женщинамъ, возненавидѣлъ ихъ;
Съ толпою вѣтреной, коварной и холодной
Меня смѣшаетъ онъ, и вмѣстѣ проклянетъ;
Онъ назоветъ меня мечтательницей модной,
И голосъ искренній лишь ложью назоветъ.
Онъ можетъ, строгости разсудка предавался,
Меня за легкомысліе винить;

Digitized by Google

Подумать, что хочу, тщеславьемъ увлекался,
Изъ шалости ему я голову вскружить.
И онъ заплатитъ мнѣ насмѣшливымъ презрѣньемъ.
Его презрѣніе!.... Оно убьетъ меня.
Вражду всеобщую приму съ пренебреженьемъ,
Но противъ мнѣнія его безсильна я!....

О! сердце вѣщее, о! сердце молодое,
Не даромъ тяжко ноешь ты!
Не даромъ на душу унынiе нѣмое
Наводитъ черныя мечты!
Не даромъ тайное предчувствіе всечасно
Сулитъ мнѣ грусть, бѣдой грозитъ:
Не даромъ подъ окномъ, въ полночь, пророкъ опасный,
Злой воронъ, воетъ и кричитъ:
Несчастье надо мной нависло мрачной тучей,
Она обрушится.... сразитъ,
И отверженіе своей печатью жгучей
Любовь младую заклеймитъ!....

Сердце замерло, застыло,
Холодъ душу оковалъ,
Предо мной въ дали унылой
Все темно, какъ подъ могилой;
Упованья лучь пропалъ.
Сердце вздрогнетъ и забьется,
Пробужденное тоской:
Я смотрю: — вотъ онъ смѣется....
Я внимаю: раздается
Осужденье надо мной.

О! какъ страдаю я!.... Но смутное волненье,
Но слёзы, страхъ, тоска, томящія меня,
И неизвѣстности всѣ скорби и мученья, —
Ихъ промѣнять не соглашуся я

Digitized by Google

На безотрадную извѣстность горькой доли,
На подтвержденіе несчастья моего....
Кто любитъ искренно, тотъ робокъ по неволѣ, —
Боюсь его, боюсь его!....

Нѣтъ! не хочу я знать убійственное мнѣнье,
Холоднаго судьи холодный приговоръ;
Нѣтъ! не хочу предъ нимъ, краснѣя отъ смятенья,
Читать въ глазахъ его насмѣшку и укоръ.

Помедли, рокъ неумолимый,
Свиданья часъ не приближай,
Моей души мечты любимой
Не разувѣрь, не разрушай!....

Теперь, я трепещу порою упованій,
Теперь приходитъ мнѣ думъ свѣтлыхъ череда,....
Тогда жъ прощуся я съ надеждой, съ ожиданьемъ,
И сердца жизнь померкнетъ навсегда!

IV.

On souffre de l'incertitude,
On meurt de la réalité!

(*M-me Desbordes-Valmore.*)

9-го Мая 18....

Безумная!.... Чего жъ страшилась я?....

Все кончено! прошло!..... Не разразившись
Надъ головой, склоненной вслѣдъ,
Громовая минула туча... Мимо
И безъ вреда ударъ грозы пронесся.
Владиміръ здѣсь: мы свидѣлись.... спокойно,
Безъ объясненій, чинно.... Не нашла
Ни перемѣны въ немъ я, ни волненья;
По прежнему внимателенъ, привѣтливъ;
По прежнему со мной онъ веселъ, шутитъ,

Digitized by Google

По прежнему ему загадкой я!
Да! тщетно онъ въ разсѣянныхъ рукахъ
Держалъ мои горячія признанья,
Не понялъ онъ, — не разгадалъ ихъ тайны!
Онъ не узналъ въ нихъ страсти безъименной!....
Ему онѣ, какъ сказано, стихи
Чіи-то, и откуда-то! онъ вѣритъ,
Что это сочиненья чуждой Музы,
Созданія далекой незнакомки....
Ни тѣни подозрѣнья на меня
Не бросилъ даже онъ, неблагодарный!

Тѣмъ лучше!!.... рада я!! Теперь я знаю,
Какъ глупо я, какъ пошло ошибалась,
Теперь, — спокойна я ... или должна
Спокойной быть : мнѣ нечего ужь ждать!
Мнѣ нечего бояться иль робѣть,
Вѣнать его догадокъ иль презрѣнья.
Я, для него, лишь дѣвочка простая,
Любимица сестры его — ребенокъ,
Ничтожное и темное созданье,
Въ которомъ онъ ни чувства, ни ума,
Ни сердца, можетъ быть, не полагаетъ!
Мой голосъ задушевный, мысль моя,
Всё это лишь поэзія и сказка,
Которой онъ не понялъ содержанья!
Нѣтъ, безвнимательный, не знаетъ онъ,
Что я могу мечтать, грустить, любить....
За вымыселъ холодный принялъ онъ
Святую истину!.... Вдали онъ ищетъ
Поэта неизвѣстнаго, когда
Я отъ него такъ близко!

Боже мой!
Зачѣмъ же мнѣ, напрасно ослѣпленной,
Казалося.... столь многое?... за чѣмъ....
И поздно я теперь уразумѣла!

Digitized by Google

Не отгадалъ, не понялъ онъ меня,
За тѣмъ, что отгадать ему нѣтъ нужды!
Я, я была какимъ-то обаяньемъ
Упоена, взволнована, счастлива....
Я, я читала въ взорахъ безъ любви
Желанное признанье, выраженье....
Я, межъ рѣчей пустыхъ искала смысла,
Значенія и тайны, мнѣ отрадной....
Онъ не любилъ, не любитъ онъ меня,
Не думаетъ о мнѣ.... и я ошиблась!....

Гр. Ѣед. Ростопчина.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 15. Августъ. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛИЦО И ИЗНАНКА.

повѣсть.

Въ одно прекрасное ... или, пожалуй, въ одно просто ясное, лѣтнее утро, въ деревенскомъ домѣ богатаго помѣщика Комскаго была страшная суета.... Но, прежде чѣмъ начнемъ мы разсказывать, въ чемъ состояла эта суета и отчего происходила она, намъ надо нѣсколько познакомить читателей и съ хозяиномъ дома, и съ его семействомъ.

Василій Алексѣевичь Комскій получилъ отъ отца состояніе очень малое, а образованіе соотвѣтственное состоянію, т. е. очень ограниченное. Но его наградила природа здравымъ умомъ, дѣятельностью и особенной способностью къ коммерческимъ оборотамъ. Эти три качества помогли ему: 1) къ 35 годамъ дослужиться до хорошаго чина, 2) къ 40 жениться довольно выгодно, и 3) къ 50—сильно разбогатѣть, посредствомъ женниныхъ денегъ, пущенныхъ въ выгодные обороты. Но сама жена его недолго пользовалась тѣмъ благосостояніемъ, которое пріобрѣлъ онъ и продолжалъ еще

Digitized by Google

пріобрѣтать на ея деньги: года черезъ четыре послѣ замужества, она умерла чахоткою, оставивъ послѣ себя годовалую дочь. Между тѣмъ Василій Алексѣевичь, входя безпрерывно въ обороты все больше и больше обширные, вошелъ, постепенно, и въ кругъ знакомства гораздо болѣе обширный и даже болѣе высшій того, въ которомъ родился онъ и выросъ. Разъ какъ-то, когда онъ былъ по дѣламъ своимъ въ Москвѣ, онъ замѣтилъ, въ одномъ знатномъ домѣ, дѣвушку, уже не первой молодости, но которая съ перваго взгляда бросилась ему въ глаза, рѣзкой красотой, бойкостью ума и ловкостью обращенья. Комскій игралъ въ это время въ вистъ съ людьми почтенными, въ томъ числѣ и съ самимъ хозяиномъ дома. Онъ игралъ по большой, но на этотъ разъ игралъ такъ разсѣянно, что выводилъ изъ терпѣнія своихъ партнеровъ и вынуждалъ ихъ дѣлать ему замѣчанія иногда довольно рѣзкія. За всѣмъ тѣмъ игра кончилась къ общему удовольствію; говорю къ общему, потому что всѣ партнеры Комскаго выиграли: проигралъ онъ одинъ, но и онъ, кажется, считалъ за особенное для себя удовольствіе проиграть людямъ почтеннымъ и притомъ такимъ, отъ которыхъ зависѣли кое-какія коммерческія его предпріятія. Какъ бы то ни было, онъ очень хладнокровно вынулъ изъ кармана кошелекъ, туго набитый золотомъ, очень хладнокровно высыпалъ, на зеленое сукно стола, груду новенькихъ, блестящихъ полуимперіаловъ, и съ самой пріятной улыбкой отсчиталъ довольно значительный проигрышъ, для него, повидимому, ничего не значившій. Потомъ онъ потихоньку отыскалъ свою шляпу и потихоньку хотѣлъ уѣхать....

Василій Алексѣевичь не совсѣмъ еще привыкъ къ тону и манерамъ общества, въ которое попалъ онъ; ему было какъ-то не ловко въ немъ. Даже и въ этотъ визитъ онъ сдѣлалъ два промаха: первый тотъ, что сѣлъ играть съ игроками и скверно игралъ; второй, что привезъ съ собой цѣлую кучу золота, которая ему оттянула карманъ, тогда какъ человѣкъ, болѣе привыкшій къ хорошему обществу, замѣнилъ бы кошелекъ бумажникомъ и заключилъ бы всю цѣнность тяжелой массы въ небольшой пачкѣ крупныхъ, но

Digitized by Google

тонкихъ и легкихъ кредитныхъ билетовъ. Не смотря однакожь на эти маленькія неловкости, хозяинъ дома, замѣтивъ, что Василій Алексѣевичь сбирается уѣхать, догналъ его въ залѣ; очень вѣжливо взялъ подъ руку, ввелъ опять въ гостиную и отрекомендовалъ одной очень почтенной дамѣ, своей родственницѣ. Родственница попросила Василья Алексѣевича сдѣлать ей честь своимъ посѣщеніемъ, и пригласила его на слѣдующій же день къ себѣ обѣдать, прибавивъ, что у нея будутъ почти всѣ тѣ лица, которыхъ онъ здѣсь видѣлъ, и которымъ его общество, вѣроятно, доставитъ большое удовольствіе. Потомъ она сказала, что проситъ его пріѣхать пораньше, потому что имѣетъ надобность поговорить съ нимъ объ одномъ дѣлѣ изъ рода тѣхъ, какими онъ занимается, и въ которыхъ, она наслышана, — онъ великій знатокъ. На всё это Василій Алексѣевичь отвѣчалъ почтенной дамѣ низкими поклонами, изъявленіемъ совершенной своей готовности сдѣлать всё ей угодное и чувствительнѣйше благодарностью за оказываемыя ему ласки, честь, милости и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что имѣетъ возможность оказать услугу родственницѣ человѣка, отъ котораго отчасти зависѣли собственныя его дѣла, онъ явился на приглашенье, не просрочивъ ни одной минуты. Когда онъ объявилъ свое имя, въ лакейской, передъ нимъ тотчасъ растворили обѣ половинки дверей и просили пожаловать. Войдя въ залу, онъ пріостановился, потому что въ залѣ никого не было. Въ слѣдующей комнатѣ играли на фортепьяно; онъ вошёлъ; хозяйки не было и тамъ, но, къ крайнему своему изумленію, онъ увидѣлъ, что на фортепьяно играетъ та самая дѣвушка, которая, наканунѣ, такъ сильно поразила его своей красотой и которую онъ никакъ не думалъ найдти тутъ, вовсе не подозрѣвая, что она дочь пригласившей его дамы, — ни больше, ни меньше.

— Maman проситъ у васъ извиненія, что не успѣла еще одѣться, — сказала молодая хозяйка. — Она сейчасъ выйдетъ. Садитесь пожалуйте.

Она указала ему мѣсто, и сама сѣла подлѣ него.

Digitized by Google

Василій Алексѣевичь думалъ, что совершенно погибъ: о чемъ говорить ему съ свѣтской дѣвушкой, которая, вѣрно ужь, не имѣетъ никакого понятія ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни о коммерціи вообще, ни о подрядахъ и поставкахъ въ особенности, а знаетъ о такихъ вещахъ, которыхъ самъ онъ вовсе не понимаетъ? Василій Алексѣевичь пробормоталъ что-то и ужъ началъ было рукавомъ поглаживать свою шляпу, приискивая между тѣмъ приличный предметъ для разговора, какъ вдругъ дѣвушка бойко и быстро сама начала разговоръ, и такъ ловко повела его, такъ хорошо умѣла приладить къ сферѣ понятій Василья Алексѣевича, что языкъ его развязался самъ собой, и чрезъ нѣсколько минутъ, онъ ужъ бесѣдовалъ съ ней свободно и непринужденно, будто они жили вмѣстѣ вѣкъ цѣлый.

Настоящая хозяйка дома вышла уже черезъ часъ, а Комскому казалось, что онъ пріѣхалъ только сію минуту. Онъ хотѣлъ было разспросить о дѣлѣ, по которому былъ нуженъ его совѣтъ, но начали съѣзжаться гости · толковать о дѣлахъ было ужъ некогда.

Василій Алексѣевичь опять игралъ, опять сдѣлалъ тѣ же промахи, т. е. игралъ дурно и расплачивался золотомъ, но его опять пригласили. Почтенная дама сказала, что у нея всякую недѣлю бываютъ четверги, и что она проситъ его въ эти дни быть непремѣннымъ ея гостемъ.

Въ два, или три четверга, умная и прекрасная дочь хозяйки совершенно очаровала Василья Алексѣевича. Онъ видѣлъ въ ней ужъ не ту незнакомку, которая, при первомъ на нея взглядѣ, навела на него какую-то робость своей чудной и вмѣстѣ гордой красотой, — онъ видѣлъ въ ней просто добрую и прекрасную Анну Михайловну, которая всякій разъ обращала на него самое лестное вниманіе и всегда принимала въ дѣлахъ его самое искреннее участье. До сихъ поръ, Василій Алексѣевичь не зналъ любви. Занятой сначала службой, потомъ оборотами, онъ гораздо больше думалъ о потребностяхъ существенныхъ, чѣмъ сердечныхъ, а если и былъ женатъ, то на томъ же самомъ основаніи, на какомъ заключалъ торговыя сдѣлки, т. е. чисто по разсче-

Digitized by Google

тамъ. Теперь, когда дѣла его пришли въ положеніе блестящее, когда онъ совершенно сбросилъ съ себя тяжкое бремя нужды, онъ далъ наконецъ волю чувствамъ, и по уши влюбился въ Анну Михайловну. Ему казалось, что и самъ онъ не противенъ ей, и что по лѣтамъ онъ не старъ для нея, потому что ей было ужъ лѣтъ 25, а ему не было еще и 30; но его пугали двѣ вещи: первая то, что при его худощавомъ сложеніи, всегда свойственномъ людямъ дѣятельнымъ, безпрерывныя заботы и сильныя потрясенія, испытываемыя при важныхъ денежныхъ оборотахъ, изнурили его еще больше, и преждевременно убѣлили его голову сѣдиною; вторая, — что онъ по своему образованью далеко отсталъ отъ Анны Михайловны. Страсть, однакожь, превозмогла и эти опасенія. Онъ рѣшился лучше получить отказъ, нежели томиться мучительной неизвѣстностью.

Анна Михайловна приняла его предложеніе очень благосклонно, и только сослалась на волю маменьки. Маменька выслушала его еще благосклоннѣе, но дала только почувствовать, что если онъ надѣется получить за ея дочерью не только богатое, но даже какое-нибудь приданое, то ошибется въ разсчетѣ, потому что состояніе ихъ, хотя нѣкогда и очень значительное, теперь совершенно разстроилось. Вмѣсто всякаго отвѣта на это замѣчаніе, Василій Алексѣевичъ, восхищенный тѣмъ, что въ его собственной особѣ не нашлось никакихъ препятствій къ его благополучію, вынулъ изъ бумажника ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ и подалъ его невѣстѣ, вмѣсто перваго свадебнаго подарка. При такомъ великодушномъ поступкѣ, маменька прослезилась, а Анна Михайловна съ такимъ чувствомъ подала руку своему жениху, и такъ ласково посмотрѣла на него, что онъ самъ чуть не заплакалъ отъ радости.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Василій Алексѣевичъ, кончивъ въ Москвѣ всѣ дѣла свои, привезъ въ деревню молодую жену и новую мать своей маленькой дочери.

Первая жена Комскаго была женщина не высокаго полета, и какъ разъ приходилась по плечу ему; по этому-то послѣ первой женитьбы въ немъ и остались, по прежнему,

Digitized by Google

кое-какія грубоватыя привычки и кое-какія грубоватыя манеры. Но Анна Михайловна подвергла и его самаго, и весь образъ его жизни преобразованію радикальному. Еще съ самаго того времени, когда только Василій Алексѣевичъ былъ объявленъ ея женихомъ, яркая пестрота его костюма, впрочемъ очень богатаго, тотчасъ же замѣнилась самой изящной простотой. Манеры его начали облагораживаться, голосъ дѣлаться мягче, смѣхъ — тише, такъ что къ свадьбѣ весь прежній Василій Алексѣевичъ превратился въ какого-то Василья Алексѣевича новаго. Потомъ, когда Анна Михайловна пріѣхала въ деревню, она нашла, что имъ невозможно жить ни въ этомъ маленькомъ, простенькомъ домишкѣ, ни вообще во всей этой усадьбишкѣ, гдѣ всѣ службы были покрыты соломой, и не было не только парка, но даже и порядочнаго садика. Она захотѣла непремѣнно купить усадьбу съ огромнымъ домомъ, съ огромнымъ садомъ, съ оранжереями, и со всѣми службами, прилично отстроенными. Она захотѣла одѣть людей въ ливрейные фраки и бѣлыя перчатки; захотѣла завести модные экипажи и отличныхъ лошадей; наконецъ, захотѣла проживать въ деревнѣ только три или четыре лѣтніе мѣсяца, а все остальное время жить въ Москвѣ. Всѣ эти требованія стоили Василью Алексѣевичу огромныхъ денегъ, стоили даже маленькой запутанности въ дѣлахъ, и, однакожь, всѣ они были исполнены. Говорятъ, что самая сильная любовь первая и послѣдняя любовь человѣка: Василій Алексѣевичъ любилъ жену и первой любовью своей, и, судя по его лѣтамъ и здоровью, вѣроятно и послѣдней; по этому онъ и не могъ ни въ чемъ отказать ей.

Но Анна Михайловна и сама, казалось, стоила такой любви, и, повидимому, вполнѣ умѣла цѣнить ее. Всѣ сосѣди Василья Алексѣевича, особенно въ первые годы послѣ его женитьбы, не умѣли безъ умиленья смотрѣть на ея ласки къ мужу, на тѣ попеченья, какія оказывала она ему, при малѣйшей его болѣзни, и наконецъ на ту заботливость о его здоровьѣ, съ какою она, почти насильно, отвлекала его отъ дѣлъ разными сюрпризами и разными parties de plaisir, нарочно для того придумываемыми. Но еще умилитель-

Digitized by Google

нѣе было видѣть то, что Анна Михайловна любила свою падчерицу, какъ родную дочь. Даже въ то время, когда у нея родилась дочь собственная, она ни въ чемъ ихъ не отличала одну отъ другой. Обѣ дѣвочки ходили всегда въ одинаковыхъ платьицахъ, у обѣихъ были одни и тѣже англичанки, нѣмки, француженки. Обѣ онѣ были отданы, для окончательнаго образованія, въ одно и то же заведеніе, и наконецъ, когда ихъ взяли домой, имъ обѣимъ готовили даже одинакое приданое. Не смотря, однакожь, на всю эту одинаковость внѣшностей и на одинаковость воспитанія, когда обѣ дѣвушки стали приходить въ совершенный возрастъ, въ ихъ характерахъ оказалась очень рѣзкая разница. Варинька (старшая дочь Комскаго) была, какъ говорится, тише-воды-ниже-травы, и сквозь всѣ черты лица ея проглядывало какое-то тайное уныніе. Наденька (меньшая) была напротивъ жива и рѣзва. Румяное личико ея всегда улыбалось, и улыбка эта была похожа на лукавую улыбку амура. Иные находили причину такой противуположности въ томъ, что одну слишкомъ строго держала *мачиха*, а другую слишкомъ много баловала *маменька*, но это были одни только предположенья. Люди не злоязычные относили разность въ характерахъ двухъ дѣвушекъ просто къ тому, что Варинькѣ ужь было 19 лѣтъ, а Наденькѣ только 16; а потомъ и къ природному ихъ темпераменту. Въ самомъ дѣлѣ, старшая дочь Комскаго была томная, худощавенькая блондинка; меньшая — пышная брюнетка, полная огня и жизни.

Въ послѣднее время ходили еще кое-какіе толки, между сосѣдями Комскихъ, на счетъ того, что они вдругъ перестали ѣздить въ Москву и двѣ зимы сряду прожили въ деревнѣ. Иные приписывали это сильному разстройству дѣлъ Василья Алексѣевича, другіе говорили, что онъ переталъ возить въ Москву жену изъ ревности къ какому-то ея двоюродному братцу, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась и вздумала видаться всякій день. Но ни тѣ, ни другіе толки не подтверждались никакими фактами. Комскій жилъ хотя и въ деревнѣ, но по, прежнему, очень богато, даже роскошно, — слѣдовательно разстройство дѣлъ его ни чѣмъ не

Digitized by Google

доказывалось. Анна Михайловна по прежнему была къ нему ласкова и внимательна, слѣдовательно ни семейной ссоры, ни ревности, также, доказать было нельзя. Одно только здоровье Анны Михайловны, казалось, пострадало отъ этой постоянной деревенской жизни. Но и самая болѣзнь ея была такого удивительнаго свойства, что и на нее не представлялось никакихъ почти очевидныхъ доказательствъ. Анна Михайловна не потеряла ни прежней полноты своей, ни прекраснаго цвѣта лица, ни даже аппетита, а между тѣмъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ перестала ѣздить въ Москву, она постоянно жаловалась на какое-то нервическое разстройство; и мало того, что жаловалась, даже очень прилежно лечилась у уѣзднаго доктора, который, не смотря на молодость, успѣлъ пріобрѣсти огромную репутацію искусствомъ лечить дамскія болѣзни, и, съ нѣкотораго времени, жилъ у Комскихъ почти безвыѣздно....

—

2-го Августа, въ день преставленія Св. Василія Блаженнаго, Василій Алексѣевичъ Комскій былъ имянинникъ; и въ утро этого-то дня, съ котораго начинается разсказъ нашъ, въ домѣ была страшная суета. Пиръ готовился на славу; гостей ждали множество.

Повара еще свечера забрали всю нужную провизію, и цѣлую ночь неумолкалъ на кухнѣ стукъ ножей. Садовники на разсвѣтѣ начали мести дорожки, полоть клумбы, усыпать пескомъ площадку, на которой была выставка оранжерейныхъ деревьевъ. Дворецкой выносилъ изъ кладовой дорогой фарфоръ, хрусталь и серебреныя мисы и блюда. Горничныя безпрестанно шмыгали съ утюгами, лакеи съ половыми щетками и вѣничками, для чистки платья и мебели. Стряпухи носили въ господскій домъ огромные лотки съ пирогами, для угощенія дворовой челяди, изъ числа которой иные ловили куръ, другіе накладывали на тарелки яица; всѣ вообще одѣвались въ праздничныя платья, сбираясь идти съ поздравленіемъ къ барину. Ожидали только, чтобы онъ изволилъ встать и накушался чаю.

Digitized by Google

Не смотря на роскошную жизнь Василья Алексѣевича, которой многіе изъ сосѣдей завидовали, безпрерывныя дѣла его и хлопоты не давали ему покоя. Утромъ онъ вставалъ рано для того, чтобъ заняться хозяйствомъ, а вечеромъ въ его совершенно отдѣльной половинѣ, гдѣ были его кабинетъ и спальня, долго свѣтился огонь, потому что въ это время общей тишины и спокойствія для цѣлаго дома, онъ писалъ свои дѣловыя письма и провѣрялъ разные счеты и рапорты, приходившіе къ нему съ разныхъ сторонъ, по откупнымъ и подряднымъ дѣламъ. Точно также долго работалъ онъ и наканунѣ своихъ именинъ, точно также рано всталъ и въ этотъ день. Онъ былъ встревоженъ, и тотчасъ началъ перечитывать письмо, которое получилъ еще вчера, и которое, по видимому, и было причиной его безпокойства. Въ письмѣ заключалось вотъ что:

«Любезный другъ,
Василій Алексѣевичъ!

Ты конечно удивишься, что я возвратился изъ Петербурга совсѣмъ нечаянно и гораздо скорѣе, нежели предполагали мы. Причина—случившійся переворотъ въ дѣлахъ нашихъ. По отправкѣ послѣдняго письма моего къ тебѣ, меня вдругъ и очень круто лишили всякой надежды на успѣхъ въ томъ, чего мы домогались и чѣмъ такъ долго манили насъ. За тѣмъ я разсчелъ, что всякое дальнѣйшее пребываніе мое въ Петербургѣ будетъ только безполезной, во всѣхъ отношеніяхъ, тратой, и, въ слѣдствіе того, поспѣшилъ возвратиться во свояси. Желаю очень обо всемъ переговорить съ тобою лично, но откладываю это до завтрашняго дня, во первыхъ потому, что не успѣлъ еще отдохнуть съ дороги, а во-вторыхъ, чтобъ вмѣстѣ поздравить тебя и со днемъ твоего ангела.

Твой Григорій Лутохинъ.»

1 го Августа 184....
Село Ястребки.

Перечитавъ это письмо, Василій Алексѣевичъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣлъ опять къ письменному столу

Digitized by Google

и долго еще работалъ. Вошелъ камердинеръ съ докладомъ, что Анна Михайловна и барышни изволили войти въ чайную и ожидаютъ его кушать чай.

Когда Василій Алексѣевичъ началъ приводить въ порядокъ утренній туалетъ свой, камердинеръ подалъ ему новый, богатый, шелковый, утренній сертукъ.

— Фу, какая роскошь! — сказалъ Василій Алексѣевичъ. — Вѣрно отъ Анны Михайловны?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ камердинеръ, улыбаясь.— Они еще свечера изволили отдать и приказали подать супризомъ.

Озабоченное лицо Василья Алексѣевича настроилось на ладъ улыбающагося камердинера, и немножко повеселѣло. Надѣвъ *супризъ*, онъ полюбовался имъ въ зеркало, причесался, пригладился, и пошелъ благодарить жену.

Анна Михайловна и дочери встрѣтили его поцѣлуями и поздравленіями. Обѣ дѣвушки также приготовили ему нѣсколько подарковъ своей работы. Все это было очень пріятно Василью Алексѣевичу, но слѣды безпокойства и дурно проведенной ночи все еще не сглаживались съ его лица. Анна Михайловна это замѣтила.

— Ты опять нынче мало спалъ и много работалъ? — сказала она.

Когда Анна Михайловна говорила Василью Алексѣевичу *ты*, это была съ ея стороны большая нѣжность. Вообще же она говорила *вы* и ему и дѣтямъ.

— Да, — отвѣчалъ Василій Алексѣевичъ—это письмо, которое я получилъ вчера отъ Григорья Андреевича, меня встревожило. А тутъ еще подошло много другихъ дѣлъ.

— Вѣчныя дѣла! хоть бы для имянинъ своихъ далъ себѣ отдыхъ....

—И пропустилъ бы почту,—перебилъ Василій Алексѣевичъ,—и потерялъ бы нѣсколько тысячъ.... Совѣты твои прекрасны для моего здоровья, но для дѣлъ моихъ никуда не годятся. Мнѣ надобно трудиться безъ устали, — прибавилъ онъ грустно; — и теперь больше еще, чѣмъ когда-нибудь....

Digitized by Google

Анна Михайловна поняла, что послѣднія слова мужа отзывались упрекомъ въ ея расточительности, и тотчасъ же перемѣнила тонъ.

— Никогда не повѣрю, — сказала она, — чтобъ дѣла ваши требовали такой страшной хлопотни. Кажется, довольно съ васъ и того, что вы имѣете, а вы все хотите пріобрѣтать. Это, съ вашей стороны Богъ знаетъ что такое....

Василій Алексѣевичъ глубоко вздохнулъ.

Анна Михайловна родилась и выросла въ изобиліи. Она получила образованіе такое, какое получаютъ у насъ вообще всѣ богатыя, а иногда даже и небогатыя, дѣвушки, т. е. чисто свѣтское. О хозяйствѣ, о томъ, какими средствами и изъ какихъ источниковъ добываются деньги, нужныя на прожитокъ, она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Правда, что въ послѣднее время дѣла ея матери пришли въ сильное разстройство, но и это не заставило ни мать, ни дочь заглянуть поближе въ хозяйство. Всѣмъ завѣдывалъ ихъ управляющій, который, хотя все больше и больше запутывалъ новыми долгами развалины ихъ прежняго, огромнаго состоянія, но, по крайней мѣрѣ, доставлялъ еще имъ средства жить на приличной ногѣ. Потомъ, когда Анна Михайловна вышла за Василья Алексѣевича, когда богатство полилось на нее рѣкой, она и подавно отстранила себя отъ всѣхъ хлопотъ и заботъ хозяйственныхъ. Вообразивъ, что мужъ ея владѣетъ сокровищами неисчерпаемыми, на томъ только основаніи, что онъ былъ щедръ до нея, она никогда не имѣла терпѣнія сообразить, какимъ трудомъ и съ какимъ иногда рискомъ пріобрѣтались тѣ деньги, которыя истрачивала она съ такою расточительностью. Иногда Василій Алексѣевичъ, котораго средства въ самомъ дѣлѣ начали истощаться, пытался ей доказывать, какіе проценты принесла бы ему вся годовая сумма, употребляемая ею на прихоти: въ такихъ случаяхъ она никакъ не дослушивала до конца всѣхъ его доказательствъ и выкладокъ, которыя онъ, для большей ясности, дѣлалъ ей на бумагѣ или на счетахъ; смѣясь, перемарывала на листахъ цифры, перемѣшивала на счетахъ косточки, и говорила, что всякій математическій разсчетъ наводитъ на

Digitized by Google

нее истерику. Иногда онъ пробовалъ начисто отказывать ей въ деньгахъ: тогда она ровно ничего не хотѣла слушать, и съ сердцемъ упрекала его въ скупости, въ алчности, въ жадности къ деньгамъ, между тѣмъ какъ сама была гораздо скупѣе его, потому что изъ всѣхъ капиталовъ, которые перевелъ онъ на ея имя, и изъ всѣхъ процентовъ, которые получала съ нихъ, она никогда не употребляла ни копѣйки на общія домашнія потребности. Василій Алексѣевичъ очень хорошо видѣлъ это, и нѣсколько разъ пробовалъ также упрекать и ее, но такъ какъ результатомъ подобныхъ объясненій всегда были однѣ непріятности и ничего больше, то онъ и рѣшился оставить всѣ эти объясненія; и только усилилъ еще свою дѣятельность, свои обороты и даже свои заемныя операціи. По этому-то и теперь, когда Анна Михайловна, опять вовсе несправедливо, упрекнула его въ скупости, онъ смолчалъ, задушилъ однимъ глубокимъ вздохомъ все негодованіе, вспыхнувшее въ немъ отъ этого упрека, и сказавъ, что ему пора выйдти къ дворовымъ, явившимся съ поздравленіемъ, поспѣшилъ прекратить разговоръ, начинавшій принимать черезъ чуръ непріятный оборотъ.

— Кто бы отнесъ это ко мнѣ въ кабинетъ? — сказалъ Василій Алексѣевичъ, указывая на подарки дочерей, лежавшіе передъ нимъ на столѣ.

Варинька встала и хотѣла взять вещи; но живая, проворная Надя предупредила ее.

— Я, папенька, я, — сказала она, захватила все изъ подъ самыхъ рукъ Вари, и побѣжала передъ отцомъ, припѣвая и припрыгивая.

Анна Михайловна осталась одна съ своей падчерицей.

— Прошу васъ не причесываться нынче по вашему собственному вкусу; а причесаться à la chinoise, — сказала она.

— За чѣмъ же это, maman? — спросила дѣвушка въ смущеніи.

— За тѣмъ, что также будетъ причесана и Надинька; а, ты знаешь, я всегда хочу, чтобъ у васъ все было одинаково.

Digitized by Google

— Но, maman, — сказала Варинька робко, — къ Надѣ эта прическа идетъ, а ко мнѣ нѣтъ.

— Вы сами не знаете, что къ вамъ идетъ и что не-йдетъ, — замѣтила Анна Михайловна презрительнымъ тономъ. — Да и рано еще вамъ кокетничать.... Позвольте узнать, кому именно желаете вы понравиться нынче?....

Она бросила на свою падчерицу такой проницательный взглядъ, что та опустила глаза.

— Если вы имѣете такое желаніе, — продолжала Анна Михайловна, — такъ совѣтую, по крайней мѣрѣ, его не выказывать, потому что вы въ немъ не успѣете, а только одурачите себя. Поэтому, чѣмъ проще вы будете одѣты и чѣмъ проще причесаны, тѣмъ будетъ лучше для васъ же самихъ. Совѣтую исполнить мое приказаніе безъ разсужденій, а, самое главное, не подавать и малѣйшаго вида, что вы исполнили его противъ вашей воли....

Сказавъ это, Анна Михайловна вышла, а падчерица осталась на своемъ мѣстѣ, блѣдная, неподвижная. Руки ея опустились, голова печально склонилась на грудь, на глазахъ выступили слезы; она ждала этого дня съ нетерпѣніемъ, она надѣялась провесть его весело, по крайней мѣрѣ веселѣе многихъ другихъ дней своей грустной жизни; она заранѣе обдумывала какъ одѣнется она, какъ причешется; — и вдругъ, грозныя слова мачихи сокрушили всѣ эти надежды, всѣ золотыя мечты. Ей приказывали одѣться не такъ, какъ ей хотѣлось, приказывали устроить прическу, которая ее безобразила!.... Какое приказаніе можетъ быть ужаснѣе для молоденькой дѣвушки, и особенно если это приказаніе отдано именно въ тотъ день, когда она желаетъ быть одѣтой къ лицу больше, чѣмъ когда нибудь, когда она ждетъ кого-то, съ невольнымъ трепетомъ сердца?....

—

Григорій Андреевичъ Лутохинъ, тотъ самый, отъ котораго получилъ наканунѣ письмо Василій Алексѣевичъ, собрался къ нему на имянины ранехонько; во-первыхъ потому, что нетерпѣливо желалъ съ нимъ видѣться и

Digitized by Google

поговорить о дѣлахъ; во-вторыхъ, потому, что ему надобно было проѣхать верстъ двадцать пять; а въ-третьихъ потому еще, что онъ, какъ человѣкъ пожилой, любилъ, по старинному обычаю и, можетъ быть, самъ не зная для чего, пораньше выѣхать и пораньше пріѣхать. Часу въ одиннадцатомъ утра четверомѣстная карета его была ужъ готова, и онъ сѣлъ въ нее съ двумя дамами, столько же, если еще не больше, пожилыми, какъ и самъ онъ. Одна изъ нихъ была его жена, другая — бѣдная дворянка, извѣстная цѣлому уѣзду, Аксинья Ивановна.

Это была вдова совершенно одинокая. Всё состояніе ея заключалось въ одномъ дворѣ крестьянъ, нѣсколькихъ десятинахъ земли и маленькомъ, полуразвалившемся домишкѣ, крытомъ соломой и ни чѣмъ не отличавшимся отъ простой крестьянской избы, развѣ что ея изба была внутри перегорожена на четверо и оклѣена газетной бумагой. Не смотря, однакожь, на всю свою бѣдность, Аксинья Ивановна ни въ чѣмъ не терпѣла недостатка и жила чуть ли не покойнѣе и беззаботнѣе многихъ богатыхъ людей. У ней была своя лошадка, свой кучеръ, онъ же и мужикъ, и свои маленькія дрожки допотопнаго фасона, котораго теперь не увидишь нигдѣ, но который за нѣсколько лѣтъ назадъ еще часто встрѣчался въ деревняхъ. Дрожки были что-то въ родѣ дивана, поставленнаго на колесныя оси, съ той стороны, куда свѣшиваются ноги, задернутаго кожанымъ фартукомъ. На этихъ дрожкахъ, на этой лошадкѣ и съ этимъ кучеромъ Аксинья Ивановна совершала безпрерывныя путешествія по всему уѣзду, изъ одного помѣщичьяго дома въ другой. И въ каждомъ домѣ ее принимали очень ласково, оставляли гостить по нѣскольку дней, и еще снабжали всѣмъ нужнымъ для ея одежды и продовольствія. Въ благодарность за то, Аксинья Ивановна развозила къ своимъ благодѣтелямъ всѣ уѣздныя вѣсти, новости и сплетни. Она льстила тѣмъ, къ кому пріѣзжала въ домъ; хвалила тѣхъ, съ кѣмъ хозяева были въ хорошихъ отношеніяхъ, и безъ пощады злословила враговъ дома. Всё это дѣлала она такъ искусно, что не смотря на языкъ, считалась добрѣйшей женщиной. Старики любили ее

Digitized by Google

за ея болтовню, старухи именно за сплетни и злословіе, а молодежь за то, что въ случаѣ надобности, она, безъ всякихъ претензій, позволяла дурачить себя, какъ шутиху. Съ такими гибкими качествами и умѣньемъ держать себя всегда на своемъ мѣстѣ, она не только не была лишней на большихъ съѣздахъ, но, напротивъ, составляла какую-то необходимую принадлежность каждаго праздника, иногда помогая хозяйкѣ въ ея домашнихъ распоряженіяхъ, иногда занимая второстепенныхъ и мелкихъ гостей своими разсказами и фарсами. Зная, что на имянинахъ Комскаго будетъ самое многолюдное и самое блестящее общество, Аксинья Ивановна никакъ не могла пропустить «сей вѣрной оказіи» для обогащенія себя огромнымъ запасомъ самыхъ свѣжихъ новостей. Но она жила отъ Комскихъ довольно далеко и сообразила притомъ, что ей гораздо будетъ покойнѣе доѣхать туда въ каретѣ, чѣмъ въ своихъ тряскихъ *дрожечкахъ*. По этому она почти до свѣта, явилась къ ближайшему своему сосѣду, Григорью Андреевичу, съ покорнѣйшею просьбою: довезти ее до Василья Алексѣевича, потому-де случаю, что въ настоящую рабочую пору лошаденка ея и кучеръ нужны дома. Просьбу ея приняли. Аксинья Ивановна скромно усѣлась на переднемъ мѣстѣ кареты, и оставалась въ самомъ почтительномъ молчаніи до тѣхъ поръ, пока ея благодѣтели, сдѣлавшіе для нея такое величайшее одолженіе, сами не соблаговолили заговорить съ ней.

Если бы кому-нибудь пришло въ голову сдѣлать вопросъ: «въ какое время каждый частный и самый обыкновенный человѣкъ заставляетъ преимущественно говорить о себѣ многихъ другихъ людей?» мы рѣшительно отвѣчали бы: въ то время, когда къ нему, или отъ него ѣдутъ гости. — Смерть, какое-нибудь особенное несчастье, или какое-нибудь особенное счастіе также заставляютъ говорить о каждомъ, кого коснутся они, но въ первыхъ двухъ случаяхъ весь разговоръ ограничивается иногда искреннимъ, иногда только *приличнымъ* сожалѣніемъ, и самыми избитыми разсужденіями о суетѣ мірской; въ послѣднемъ — изліяніемъ чувства зависти, хотя и прикрытымъ, но все какъ-то невольно проры-

Digitized by Google

вающимся въ каждой фразѣ. Когда-же ѣдутъ на пиръ къ какому-нибудь амфитріону, или возвращаются отъ него, тутъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, или хвалятъ его или злословятъ; тутъ, — особливо если дорога долга, — разбираютъ его по косточкамъ, начиная съ него и до всего его окружающаго.... Такъ, въ день имянинъ Василья Алексѣевича, въ каретахъ, въ коляскахъ, въ тарантасахъ и въ другихъ всякаго рода экипажахъ, которые тянулись къ его усадьбѣ со всѣхъ сторонъ, главнымъ предметомъ разговоровъ былъ онъ же, Василій Алексѣевичъ; такъ и въ каретѣ Григорья Андреевича разговоръ, самъ собой, склонился на этотъ предметъ.

Григорій Андреевичь былъ старинный и искренній пріятель Комскаго. Онъ не видался съ нимъ впродолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, которые прожилъ въ Петербургѣ, и воротясь не дальше, какъ за день до того, хотя и успѣлъ узнать о немъ, отъ жены своей, кое-какія новости, но новости эти были самыя поверхностныя. Жена Григорія Андреевича, женщина стариннаго вѣка, была съ Анной Михайловной въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ и, какъ по этимъ далекимъ отношеніямъ, такъ и по довольно далекому разстоянью, въ которомъ жили онѣ, видалась съ ней очень рѣдко; отъ Аксиньи же Ивановны Григорій Андреевичь надѣялся получить самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось, въ его отсутствіе, въ домѣ Комскихъ.

— Какъ поживаетъ Василій Алексѣевичь? — спросилъ онъ ее. — Вы, вѣдь, вѣрно, видѣли его недавно?

Отъ этихъ словъ старуха, которую покойная качка кареты начала было ужъ погружать въ сладкую дремоту, встрепенулась, какъ отъ прикосновенія электрическаго прута; вопросъ Григорья Андреевича, съ которымъ сама она не смѣла заговорить, развязывалъ ей языкъ, выпускалъ ее на горячолюбимое поприще.

— Да, мой батюшка, да, — подхватила Аксинья Ивановна, превратившись въ одно мгновеніе изъ скромной молчальницы въ бойкую говорунью, — недавнёшенько была у Василья Алексѣевича. Имѣла счастіе видѣть и Анну Михайловну. Слава Богу, живутъ себѣ, веселятся. Только много

Digitized by Google

ему заботы, моему голубчику; расходы престрашные, а все выноситъ на своихъ плечахъ, дай Богъ ему здоровья!....

— Какіе же расходы? — спросилъ Григорій Андреевичъ; — я думаю все тѣ же?

— Тѣ же, тѣ же, мой батюшка. Пиры да банкеты, да разныя увеселенія. Вѣдь Анна-то Михайловна, нечего сказать, умница! все что-нибудь новенькое придумаетъ; умѣетъ увеселить гостей. А болѣзнь-то ея одна чего стоитъ!.... Дохтуръ, Александръ Андрепчь, живьмя живетъ у нихъ.... Видно хорошо платятъ, коли почти всѣхъ больныхъ бросилъ, окромѣ Анны Михайловны....

Еще до отъѣзда Григорья Андреевича въ Петербургъ, Анна Михайловна жаловалась на нездоровье, и докторъ ужь частенько навѣщалъ ее; но тогда ни болѣзнь ея, ни визиты доктора, до того времени и не слишкомъ частые, еще не получали огласки въ уѣздѣ. Теперь же Григорій Алексѣевичь слышалъ уже и отъ жены то, что разсказывала Аксинья Ивановна, и продолжалъ ее разспрашивать, чтобъ узнать опредѣлительнѣе общее мнѣніе насчетъ болѣзни Анны Михайловны и частыхъ визитовъ доктора.

— Развѣ Анна Михайловна очень больна?— спросилъ онъ.

— А Богъ ее знаетъ; видимой болѣзни, кажется, нѣтъ никакой, а безъ дохтура шагу не ступитъ. — Тутъ Аксинья Ивановна остановилась, и умильно смотрѣла на Григорья Андреевича, какъ бы спрашивая, продолжать ли ей?

— Я что-то этого не понимаю?.... сказалъ Лутохинъ.

— Охъ, батюшка, продолжала разсказчица, съ глубокимъ вздохомъ,— по васъ будь слово, не хорошіе слухи ходятъ объ Аннѣ Михайловнѣ, не хорошая слава на Василья Алексѣевича....

Старикъ вспыхнулъ.

— Послушай, Аксинья Ивановна, — сказалъ онъ, — если эти слухи и эту славу распускаешь ты, прошу, по крайней мѣрѣ, при мнѣ быть осторожнѣе. Ты знаешь, какъ я люблю Василья Алексѣевича.

Digitized by Google

— Отецъ мой родной, какъ же мнѣ-то этого не знать! И говорю-то я тебѣ, любя и жалѣючи голубчика-то нашего Василья Алексѣевича. Не свои выдумки я разсказываю; весь уѣздъ въ трубу трубитъ, что на него нашло ....что ослѣпъ онъ вотъ, что Анна Михайловна вовсе его обморочила.

— Ты мнѣ этого не говорила, — сказалъ Григорій Андреевичъ женѣ, съ тѣмъ, чтобъ сбить этимъ разсказчицу. Но старуха твердо стояла на своемъ.

— Что тутъ разсказывать, батюшка, — перебила она очень храбро и не дождавшись отвѣта жены Григорья Андреевича, — поживете недѣльку, другую, сами увидите и услышите. Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Григорій Андреевичъ задумался. Ему было больно слышать, что пріятель его сдѣлался предметомъ насмѣшекъ цѣлаго уѣзда. Онъ считалъ необходимымъ сказать объ этомъ Василью Алексѣевичу, но зная любовь его къ Аннѣ Михайловнѣ, боялся слишкомъ сильно огорчить его. Не довѣряя вполнѣ словамъ Аксиньи Ивановны и слухамъ, дошедшимъ до его жены, онъ рѣшился, прежде всего, собрать объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія болѣе достовѣрныя, пополнить ихъ собственными наблюденіями, и потомъ ужъ дѣйствовать такъ, какъ по усмотрѣнію будетъ нужно.

—

За каретой Григорья Андреевича, по той же самой дорогѣ, ѣхали еще два экипажа. Впереди, щегольская коляска, отличной работы, которую быстро и легко несла четверка красивыхъ коней, въ легонькихъ, городскихъ хомутахъ, съ серебрянымъ наборомъ. Кучеръ былъ одѣтъ по-городски: въ свѣтломъ, лѣтнемъ армякѣ и черной пуховой шляпѣ, безъ всякой пестроты и вычуръ. За коляской ѣхалъ фаэтонъ, тоже довольно красивый, но запряженный совсѣмъ другимъ образомъ. На лошадяхъ были ямскіе хомуты, съ широкими шлеями, обернутыми алымъ сукномъ и словно облепленными мѣдными бляхами; на кучерѣ красная рубаха, плисовая поддевка на распашку, и шляпа грешневикомъ, перевитая яркими лентами. Въ коляскѣ сидѣли два пассажира, фаэтонъ

Digitized by Google

слѣдовалъ сзади, пустой. Одинъ пассажиръ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, брюнетъ, съ черными усами и выразительными, но пріятными чертами лица. Другой — блондинъ, съ сладенькой, румяной, юношеской физіогноміей. Первый молчалъ, погруженный въ думу; второй безпощадно курилъ сигару и безпрестанно болталъ, нисколько не обращая вниманія на то, что товарищъ не отвѣчаетъ ему и даже вовсе его не слушаетъ.

— Хочешь, Бирюзовскій, — сказалъ наконецъ бѣлокурый юноша, — я скажу тебѣ, отчего ты такъ задумчивъ?

— Нѣтъ, не хочу, — отвѣчалъ тотъ сухо.

— Ну такъ хочешь-ли, не хочешь-ли, а я всё-таки скажу: ты думаешь, какъ бы тебѣ жениться на обѣихъ Комскихъ вдругъ, да никакъ не придумаешь, какимъ образомъ обдѣлать такую небывалую штуку.

— Хочешь-ли я тебѣ скажу, отчего ты говоришь такіе пустяки? — возразилъ очень серьезно Бирюзовскій.

— Хочу, очень хочу. Ты знаешь, что я страстно люблю всякій разговоръ.

— Оттого, что ты.... пьянъ.

Блондинъ захохоталъ во все горло.

— Правда, что я у тебя славно позавтракалъ и на порядкахъ выпилъ, — сказалъ онъ, — но выпилъ не допьяна, а только до той точки, когда сердце человѣка разширяется и побуждаетъ къ самымъ откровеннымъ объясненіямъ. По этому-то, милый мой, я весьма желаю знать, когда будетъ у васъ свадьба, и съ которой именно изъ двухъ Комскихъ?

— Ты не имѣешь никакой надобности въ моемъ отвѣтѣ, я не имѣю никакой надобности отвѣчать тебѣ; по этому гораздо лучше прекратить разговоръ, который не ведетъ ни къ какой цѣли.

— Какъ ни къ какой цѣли? напротивъ, я тебѣ докажу, что мой вопросъ имѣетъ цѣль самую опредѣленную. Мнѣ хочется знать, когда будетъ твоя свадьба, потому, что я имѣю

Digitized by Google

непреодолимое желаніе попировать на ней. А хочется знать, на которой изъ двухъ сестрицъ ты женишься, потому, что вотъ ужь нѣсколько мѣсяцевъ цѣлый уѣздъ ломаетъ голову надъ этой загадкой, и до сихъ поръ не нашлось еще мудреца, который бы ее разгадалъ.

— Толковать мои поступки я не обязанъ ни тебѣ, ни цѣлому твоему уѣзду, — сказалъ Бирюзовскій, нахмуривъ брови. — А скажу всякому, кто любитъ разсуждать о чужихъ дѣлахъ, что, когда бы ни была моя свадьба, и на которой бы изъ двухъ сестеръ ни женился я, намѣренія мои всегда были и будутъ чисты и благородны, какъ и всѣ мои поступки.... Понимаешь ты это?

— Я-то тебя очень хорошо понимаю, да другіе-то не такъ понимаютъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросилъ Бирюзовскій съ живостью, и все больше и больше увлекаясь разговоромъ, въ который товарищъ втянулъ его почти насильно.

— А вотъ что, — отвѣчалъ блондинъ, очень довольный тѣмъ, что ему удалось наконецъ разшевелись Бирюзовскаго; — говорятъ, что ты, постоянно посѣщая домъ Комскихъ, долго соображалъ, на которой изъ двухъ дѣвушекъ будетъ тебѣ выгоднѣе жениться; что, потомъ, ты рѣшительно предпочелъ Наденьку, за приданое или за что-нибудь другое, этого я не знаю; что между тѣмъ несчастная Варенька въ тебя влюбилась; что теперь ты открыто присватываешься за меньшую сестру, а старшую тайно завлекаешь, и что, наконецъ, это положеніе такъ тебѣ нравится, что ты вовсе не спѣшишь изъ него выйдти.

— Кто жь это говоритъ? — спросилъ Бирюзовскій, измѣнившись въ лицѣ.

— Да рѣшительно всѣ.

Бирюзовской задумался.

— Какая дьявольская исторія! — сказалъ онъ потомъ. — Эти люди успѣютъ выпытать тайну если не дружбой и участіемъ, такъ хоть клеветой и злословіемъ. Послушай, Грибковъ, вотъ тебѣ правда, возьми ее и замажь ею ротъ тѣмъ,

Digitized by Google

которые толкуютъ въ дурную сторону всякій, самый невинный, самый чистый, поступокъ. Съ первыхъ дней моего знакомства съ Комскими, мнѣ понравилась Варя, и я давно рѣшился жениться на ней. Мы объяснились; оставалось только сказать объ этомъ ея отцу и мачихѣ. Но Варенька напугала меня тѣмъ, что мнѣ откажутъ, потому что мачиха имѣетъ на меня виды для своей дочери, и что послѣ моего предложенія, насъ непремѣнно постараются разлучить. Я не хотѣлъ этому вѣрить, намѣренъ былъ говорить съ самимъ Васильемъ Алексѣевичемъ, въ той надеждѣ, что по крайней мѣрѣ онъ не будетъ противиться желанію своей дочери. Варенька сказала мнѣ, что и это объясненіе будетъ напрасно, и только нарушитъ спокойствіе ея отца, потому что съ одной стороны онъ дѣйствительно ее любитъ, и готовъ сдѣлать все для ея счастья, но съ другой у него, даже и въ этомъ случаѣ, не достанетъ твердости характера идти противъ воли жены, которой онъ подчиненъ вполнѣ, и которой малѣйшую волю, малѣйшую прихоть, считаетъ закономъ. Вотъ въ какое положеніе былъ я поставленъ. Разстаться съ Варенькой я не имѣлъ силъ, не столько для себя, сколько для нея самой, продолжалъ ѣздить къ Комскимъ, скрывая мои настоящіе виды, а между тѣмъ Анна Михайловна, по своему материнскому ослѣпленію, вообразила, что я ѣзжу для Наденьки, да, кажется, вложила тѣ же мысли и ей. Это двусмысленное положеніе въ ихъ домѣ становилось несносно мнѣ самому; каждую минуту я готовъ былъ приступить къ чему-нибудь рѣшительному, а теперь исторія, которую разсказалъ ты мнѣ, ускоритъ этотъ конецъ. Нынче же объяснюсь съ Анной Михайловной, съ отцомъ Вари, — и она будетъ моя во чтобы то ни стало. Не согласятся отдать добромъ, возьму ее силой, увезу, если это будетъ нужно. Примутъ-ли, не примутъ-ли мое предложеніе, для меня все равно; по крайней мѣрѣ я поспѣшу оправдать себя, и оправдать Варю отъ всѣхъ темныхъ, низкихъ подозрѣній, которыя невольно навлекъ на нее....

Бирюзовскій замолчалъ и опять задумался. Грибковъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что, такъ или сякъ, выпыталъ тайну своего товарища.

Digitized by Google

Бирюзовскій былъ богатъ, хорошо образованъ, служилъ въ гвардіи. За нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, дѣла вызвали его въ отставку, и онъ поселился въ томъ уѣздѣ, гдѣ жили Комскіе, и гдѣ было и у него значительное имѣніе. При первой встрѣчѣ съ нимъ, Анна Михайловна увидѣла, что лучше этого жениха ей нельзя желать для своей дочери, и тотчасъ же повела на него атаку, стараясь привлечь его къ Наденькѣ ея талантами, ея нарядами, ея маленькимъ кокетствомъ, уроки въ которомъ преподавала ей сама. Но какъ ни старалась она поставить между Варей и Бирюзовскимъ Наденьку, какъ ни хотѣлось ей затмить, въ глазахъ его, падчерицу дочерью, онъ полюбилъ Варю безъ всякихъ искусственныхъ пособій съ ея стороны, и высказалъ ей свои чувства прежде, чѣмъ Анна Михайловна, зоркая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но слишкомъ ослѣпленная насчетъ своей дочери, успѣла это замѣтить. Ей не приходило и въ голову, чтобы кто-нибудь могъ предпочесть томную, задумчивую Варю, ея живой, пышной Наденькѣ. Отъ этого-то до самой той минуты, когда Бирюзовскій разсказалъ свою сердечную исторію Грибкову, и сама Анна Михайловна и, (по нѣкоторымъ ея словамъ и намекамъ), всѣ сосѣди были въ твердой увѣренности, что Бирюзовскій дѣйствительно имѣетъ виды на Наденьку. Варю приплели тутъ, какъ лицо страдательное, любящее, но не любимое, а Бирюзовскому въ отношеніи къ ней дали роль Ловласа. Настоящихъ чувствъ его никто не зналъ, потому что у него, какъ человѣка довольно разборчиваго въ знакомствѣ, не было еще въ деревнѣ друзей, хотя многіе и набивались къ нему въ друзья очень охотно, въ томъ числѣ и Грибковъ, о которомъ здѣсь кстати сказать слова два-три.

Грибковъ тоже имѣлъ состояніе порядочное; но ему было ужь двадцать-два года, а онъ не сдѣлалъ еще и перваго шага къ своей будущей карьерѣ. Рано попавъ на собственную волю, онъ не доучился отъ лѣни; а въ службу не поступилъ потому, что, не доучившись, ему нельзя было занять хорошаго мѣста, а плохаго занять не хотѣлось. Между тѣмъ онъ постоянно твердилъ, что очень скоро ѣдетъ на службу въ Петербургъ; но знакомые его слышали объ этой

Digitized by Google

поѣздкѣ ужь года три, а онъ все не трогался изъ деревни, гдѣ собаки, охота съ ружьемъ и прочія сельскія удовольствія, извѣданныя имъ отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, такъ крѣпко его привязали, что, казалось, онъ цѣлый вѣкъ не найдетъ силъ разстаться съ ними. Чувствуя однакожь всю ничтожность такого образа жизни, стыдясь самаго себя каждый разъ, когда ему приходилось подписывать подъ какой-нибудь дѣловой бумагой: «неслужащій дворянинъ, Иванъ Гавриловъ сынъ Грибковъ», онъ старался придать себѣ сколько можно больше вѣса по крайней мѣрѣ знакомствомъ съ людьми богатыми, почтенными, уважаемыми. Знакомство съ Бирюзовскимъ, пріѣхавшимъ прямо изъ Петербурга, служившимъ въ гвардіи, очень льстило его самолюбію, и ему очень хотѣлось, для пущей важности, втереться къ нему въ дружбу. Но Бирюзовскій принималъ его потому только, что въ деревнѣ, какъ говорится, иногда и плачешь, да принимаешь гостей. Кромѣ того Грибковъ жилъ отъ него въ одной верстѣ. Они безпрестанно встрѣчались: въ церкви, въ полѣ, на охотѣ. Эти частыя встрѣчи сблизили ихъ какъ-то нечувствительно и, со стороны Бирюзовскаго, почти невольно. Онъ видѣлъ въ Грибковѣ добраго сосѣда, но пустую голову, и слѣдовательно, вовсе не такого человѣка, съ которымъ бы могъ быть откровенъ. Грибковъ, напротивъ, восхищался своей короткостью съ Бирюзовскимъ и хвалился ею при всякомъ удобномъ случаѣ. Теперь, когда онъ ѣхалъ въ его экипажѣ, когда удалось ему узнать его сердечный секретъ, онъ, казалось, достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній. Въ тотъ же самый день, въ томъ самомъ обществѣ, которое должно было собраться у Комскихъ, онъ надѣялся этимъ открытіемъ произвесть огромный эффектъ, пересказывая его шепотомъ, то тому, то другому.

—

Какъ ни спѣшилъ Григорій Андреевичъ Лутохинъ къ своему пріятелю, но ближніе сосѣди Комскихъ предупредили его; когда онъ пріѣхалъ къ Комскимъ, у нихъ ужь былъ полонъ домъ гостей.

Digitized by Google

Въ залѣ накрывали огромный столъ Въ другихъ комнатахъ разставляли ломберные столы. Василій Алексѣевичъ устроивалъ партіи виста и преферанса. Обѣ дочери его прохаживались, подъ ручку, съ пріѣзжими барышнями. Анна Михайловна сидѣла въ гостиной, въ кружкѣ почетныхъ дамъ, которыхъ старалась занимать пріятными разговорами о погодѣ, о своемъ нездоровьѣ и наконецъ о томъ удовольствіи, которое доставили онѣ ей своимъ посѣщеніямъ. Многія изъ дамъ не вѣрили однакожъ этимъ увѣреніямъ, потому именно, что сами были не слишкомъ искренно расположены къ ней, и никакъ не пропускали удобнаго случая сказать о ней, разумѣется, заочно, какое нибудь язвительное словцо, которое несомнѣнно доходило, стороной, до Анны Михайловны. Кромѣ того, имъ казалось, что подъ наружной любезностью хозяйки скрывается смертельная скука, наводимая на нее ихъ обществомъ; что она какъ-то разсѣянна, какъ-то безпокойна, и очень часто бросаетъ мимолетный, косвенный взглядъ на растворенную дверь балкона, сквозь которую можно было видѣть каждый экипажъ, подъѣзжающій къ дому. Эту разсѣянность, и эти косвенные взгляды, замѣтилъ и Григорій Андреевичъ, который, послѣ всего слышаннаго имъ, очень внимательно наблюдалъ за Анной Михайловной. Онъ повсюду искалъ глазами доктора, но докторъ еще не пріѣзжалъ, и тревожное состояніе хозяйки становилось для него подозрительнымъ. Наконецъ слуга, докладывавшій о пріѣздѣ гостей, доложилъ и о докторѣ. Григорій Андреевичъ устремилъ на Анну Михайловну взоръ еще больше пристальный. Онъ думалъ, что если совѣсть ея не чиста, то непремѣнно изобличитъ ее, что Анна Михайловна невольно смѣшается, вспыхнетъ,—но онъ ошибся; Анна Михайловна сохранила въ эту минуту спокойствіе непоколебимое; продолжая съ одной изъ собесѣдницъ какой-то разговоръ, она, казалось, вовсе не слыхала словъ слуги, даже не обратила ницкакого вниманія на вошедшаго, вслѣдъ за докладомъ, доктора, и замѣтила его тогда только, когда онъ подошелъ къ ней съ поздравленіемъ. Григорій Андреевичъ, страшный скептикъ въ дѣлѣ всѣхъ сплетень вообще, и сплетень Аксиньи Ивановны въ особен-

Digitized by Google

ности, почти ужъ заключилъ, что она сдѣлала изъ мухи слона, и ужъ мысленно приготовлялся жестоко распечь ее за такое вранье, но въ то время, когда докторъ разговаривалъ съ Анной Михайловной, многія дамы начали перешептываться и переглядываться съ самыми значительными улыбками; а какой-то молодой человѣкъ, сидѣвшій въ углу гостиной, позади Григорья Андреевича, запѣлъ, въ полголоса, стоявшему подлѣ него товарищу, извѣстный куплетъ:

«Какъ хорошо жить докторамъ.»

Прояснившееся-было на минуту лицо старика опять нахмурилось. Эти почти явныя насмѣшки надъ женой его пріятеля смутили гораздо больше его самого, чѣмъ Анну Михайловну, которая, казалось, ровно ничего не видѣла и не слышала. Чтобъ немножко успокоить себя и опять подумать, что ему дѣлать, онъ вышелъ на балконъ.

Тамъ были съ своими подругами обѣ дочери Комскаго. Обѣ онѣ держали въ рукахъ бинокли и отъ времени до времени приставляли ихъ къ глазамъ, какъ будто любуясь окрестными видами. Вдругъ на горѣ, противъ дома, показалась коляска.... Лица обѣихъ дѣвушекъ вспыхнули мгновеннымъ румянцемъ. Онѣ опустили трубочки, и обернувшись къ подругамъ, опять начали съ ними разговаривать.... Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ къ крыльцу Бирюзовскій.

За обѣдомъ Григорью Андреевичу пришлось сидѣть подлѣ Грибкова. Настроенный завтракомъ Бирюзовскаго къ чувству откровеиности, какъ онъ самъ выразился, довольный его признаніемъ, и наконецъ жестоко возстановленный, его же разсказомъ, противъ Анны Михайловны, Грибковъ, во все продолженіе обѣда, острился на счетъ ея и доктора, и забавлялъ своими злыми выходками сосѣдку свою, одну молодую даму, довольно хорошо съ нимъ знакомую. Молодая дама, хоть то же не больно долюбливавшая Анну Михайловну, показывала видъ, что вовсе не хочетъ его слушать; останавливала его, безпрестанно повторяя ему: «mais finissez donc, Mr Gribcoff; on vous entendra!» А между тѣмъ отъ души хохотала при каждомъ его словѣ и нарочно старалась поддерживать язвительный разговоръ. Какъ ни тихо гово-

Digitized by Google

рилъ Грибковъ, но многія слова его были очень хорошо слышны Григорью Андреевичу, и онъ ужъ не могъ больше колебаться. Когда кончился обѣдъ, когда Василій Алексѣевичъ, улучивъ наконецъ свободную минуту, которой не имѣлъ до тѣхъ поръ, увелъ его въ кабинетъ, для переговора о коммерческихъ дѣлахъ, Лутохинъ рѣшился сообщить ему горькую истину.

— Послушай, Василій Алексѣевичъ,—сказалъ онъ ему, по окончаніи дѣловаго разговора, — ты знаешь, какъ люди злы и какъ умѣютъ зачернить они самую добрую славу....—

Тутъ онъ немного замялся; а Василій Алексѣевичъ посмотрѣлъ на него съ такимъ удивленіемъ, что это еще больше его смутило.

— По этому, — продолжалъ Григорій Андреевичъ откашливаясь и стараясь оправиться отъ своего замѣшательства, — каждый человѣкъ, живя въ обществѣ, — и особенно каждая женщина, — должны вести себя очень осторожно, чтобы не подать повода къ нареканію....

При словѣ «женщина», Василій Алексѣевичъ побѣднѣлъ.

— Ну,—проговорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ, когда Лутохинъ опять остановился,—что же ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать вещь очень для тебя непріятную.... Признаюсь, мнѣ тяжело это, но я долженъ сказать.... Впрочемъ я говорю пустяки.... оскорбляться тебѣ тутъ нечѣмъ, а надобно только имѣть маленькую твердость характера.... Стали, знаешь, носиться непріятные слухи на счетъ Анны Михайловны....

— Какіе слухи? — пробормоталъ Комскій, задыхаясь.

Лицо Василья Алексѣевича до того измѣнилось, что пріятель его испугался. Онъ смотрѣлъ на него молча, и начиналъ ужъ раскаиваться, что завелъ этотъ разговоръ; но останавливаться было ужъ поздно.

— Слухи на счетъ Анны Михайловны и доктора,—сказалъ онъ наконецъ почти шопотомъ и стараясь выразиться какъ можно мягче и темнѣе.

— Но вѣдь это неправда! — воскликнулъ Василій Алексѣевичъ съ отчаяніемъ. — Вѣдь это неправда? — по-

Digitized by Google

вторилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто бы умолялъ, чтобы слова его подтвердили.

— Разумѣется, неправда, — сказалъ Григорій Андреевичь, стараясь ободрить своего пріятеля, который въ эту минуту дѣйствительно былъ жалокъ.—Кто жь говоритъ, что это правда? Но во всякомъ случаѣ надобно принять мѣры, чтобъ прекратить злословіе.

—Принять мѣры.... принять мѣры,—повторялъ Василій Алексѣевичь;—какія же мѣры могу я принять?.... Ктожь завяжетъ ротъ злоязычникамъ, да и о комъ же заочно не говорятъ худаго?.

— Все это такъ, но всему же должны быть границы. А здѣсь дошло до того, что надъ частыми посѣщеніями твоего дома докторомъ, смѣются вслухъ, въ твоемъ же домѣ, твои же гости.

—Боже мой,—воскликнулъ опять Василій Алексѣевичь, съ тѣмъ же отчаяніемъ,—неужели это такъ ужъ явно и такъ гласно?....— Онъ однако жь спохватился и прибавилъ:—т. е. я хочу сказать, неужели такъ явно и гласно злословятъ насъ?

— Явно и гласно, — отвѣчалъ твердо Григорій Андреевичь.

— И ты самъ слышалъ это ?

— Самъ.

— Въ такомъ случаѣ я прошу тебя указать мнѣ клеветниковъ. Сей часъ же ноги ихъ не будетъ въ моемъ домѣ.

— Другъ мой, если ты вздумаешь выгонять тѣхъ, кто смѣется надъ тобой и злословитъ Анну Мйхайловну, такъ тебѣ придется разогнать всѣхъ твоихъ гостей.

Комскій печально опустилъ голову.

— Что же мнѣ дѣлать? — сказалъ онъ.

— Удалить доктора.

Василій Алексѣевичь посмотрѣлъ такими глазами, какъ будто ему предлагали вещь совершенно невозможную.

— Удалить! — повторилъ онъ; — да развѣ Анна Михайловна согласится на это?.... т. е. я хочу сказать, развѣ можетъ она на это согласиться, при ея болѣзни?....

Digitized by Google

— А я увѣренъ, что согласится. Честная и невинная женщина охотно сдѣлаетъ все, что только можетъ очистить ея репутацію.

— Да, да, правда твоя, — подхватилъ Камскій, ухватясь за эту мысль, которая прежде, казалось, не приходила ему въ голову; — она точно должна согласиться изъ собственной гордости. Я объяснюсь съ ней; только признаюсь тебѣ, страшно начать.... Ты знаешь, горяча, вспыльчива....

Пріятели долго еще толковали, а между тѣмъ въ другихъ комнатахъ дома происходили другія сцены.

—

Въ деревнѣ балы начинаются рано. Гостей, съѣхавшихся на цѣлый день, надобно чѣмъ-нибудь занять. Послѣ обѣда, когда старики и люди солидные опять садятся за карты, доканчивая свои партіи, молодымъ людямъ нечего дѣлать; по этому очень часто случается, что на сельскихъ праздникахъ танцы слѣдуютъ тотчасъ же за обѣдомъ. Такъ точно было и у Комскихъ. Какъ только прибрали обѣденный столъ, музыка грянула, и пока Василій Алексѣевичь толковалъ съ Лутохинымъ въ кабинетѣ, въ залѣ ужъ успѣли протанцовать нѣсколько кадрилей.

Все еще придерживаясь прежней своей политики, Бирюзовскій первую кадриль танцовалъ съ Наденькой, вторую съ Варей. Во время танцевъ онъ успѣлъ передать ей, что рѣшился наконецъ непремѣнно, и не дальше, какъ въ тотъ же день, просить руки ея. Предвидя домашнюю бурю, которая должна была произойти отъ этого объясненія, дѣвушка просила опять отложить его; но когда Бирюзовскій разсказалъ ей все, что слышалъ отъ Грибкова, она сама согласилась, что это объясненіе необходимо.

— Дѣлайте, что нужно, — сказала она, — только прошу васъ о двухъ вещахъ: не начинайте объясненія мимо Анны Михайловны, и не говорите ни въ какомъ случаѣ ни ей, ни папенькѣ, что мое согласіе вамъ ужь извѣстно. Безъ согласія ея, это ни къ чему не послужитъ, а будетъ только поводомъ къ новымъ, самымъ горькимъ оскорбленіямъ, которыми

Digitized by Google

она станетъ осыпать меня безпрестанно. Говорю вамъ опять, что я лучше васъ знаю и характеръ этой женщины и все ослѣпленіе къ ней моего отца, и предвижу очень хорошо, какъ много горя можетъ нанесть и мнѣ и ему малѣйшая ваша неосторожность....

Всѣ эти грустныя опасенія бѣдная дѣвушка высказывала подъ шумомъ музыки, во время веселаго танца. Сердце ея разрывалось на части, а она должна была выдѣлывать соло и помнить фигуры. Когда кадриль кончилась, ей чуть не сдѣлалось дурно, — такъ сильно взволновало ее все то, что узнала она отъ Бирюзовскаго, и ожиданіе того, чѣмъ все это кончится.

Бирюзовскій самъ былъ немного лучше ея. Раздраженный разсказами Грибкова, онъ въ первую минуту негодованія дѣйствительно готовъ былъ рѣшиться на всё, чтобы только вырвать свою невѣсту изъ рукъ мачихи. Онъ готовъ былъ наговорить Аннѣ Михайловнѣ явныхъ дерзостей, готовъ былъ открыть глаза Василью Алексѣевичу, нисколько не щадя его; но слова Вари опять его укротили. Онъ видѣлъ, какъ не желала она, чтобы онъ началъ объясненіе прямо съ ея отцомъ, и какъ боялась, чтобы этимъ не нарушилось спокойствіе ея отца, безъ всякой пользы для нихъ. Этотъ страхъ дѣвушки невольно перешелъ и къ нему, и рѣшительность, вспыхнувшая въ немъ, опять начала колебаться. Въ раздумьи, не зная, что ему дѣлать, усѣлся онъ на террасѣ, уставленной померанцевыми деревьями и слабо освѣщенной, проникавшимъ въ окна, отблескомъ свѣчь и лампъ, горѣвшихъ въ комнатахъ. Прохладный вечерній воздухъ освѣжилъ немножко его голову: все слышанное имъ отъ Грибкова поутру, теперь не такъ ужъ сильно на него дѣйствовало; ему казалось, что пустыя сплетни, которыя передалъ ему пустой человѣкъ, ни какъ не могутъ очернить ни его самаго, ни его невѣсты, и что по этому онъ можетъ отложить всѣ свои объясненія не только съ самимъ Васильемъ Алексѣевичемъ, но даже и съ Анной Михайловной, съ которой Варинька совѣтовала ему поговорить предварительно, еще на нѣсколько дней. Онъ разчелъ наконецъ, что въ на-

Digitized by Google

стоящее время, когда у Комскихъ былъ полонъ домъ гостей, предложеніе его было бы сдѣлано вовсе не кстати.... Словомъ, боясь неудачи, онъ отыскивалъ самъ для себя разные благовидные предлоги, по которымъ долженъ былъ отдалить рѣшительную минуту, — и навѣрное бы отдалилъ ее, еслибъ самъ случай не подвинулъ дѣла впередъ.

Съ самаго пріѣзда Бирюзовскаго, Анна Михайловна тотчасъ же замѣтила, что онъ какъ-то разсѣянъ, озабоченъ, что у него есть какая-то постоянная мысль. Считая его вѣрнымъ женихомъ Наденьки, и все больше и больше удивлялась тому, что онъ такъ долго не рѣшается сдѣлать предложеніе, она вообразила, по его озабоченности, что онъ именно объ этомъ и думаетъ, что онъ нарочно оттягивалъ дѣло до именинъ Василья Алексѣевича, съ тѣмъ, чтобы ознаменовать ихъ двойнымъ торжествомъ. Забравъ себѣ въ голову эту мысль, она давно выискивала минуту, въ которую могла бы доставить Бирюзовскому случай поговорить съ нею наединѣ. Замѣтивъ, что онъ вышелъ на террасу, она, въ шумѣ музыки и сумятохи танцевъ, ускользнула отъ гостей, и явилась къ нему, какъ будто нечаянно.

— Ахъ, Mr Бирюзовскій! сказала она съ удивленіемъ.— Я думала, вы танцуете, а вы здѣсь одни.... Но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо здѣсь! какая чудная ночь! — Тутъ она сѣла подлѣ него. — Вы прекрасное мѣсто выбрали для своихъ мечтаній ... Влюблены?.... Пари держу, — прибавила она съ усмѣшкой.

При одномъ взглядѣ на Анну Михайловну, все негодованіе противъ нея Бирюзовскаго вспыхнуло въ немъ съ новой силой; а ея сладкій, вкрадчивый голосъ еще больше раздражалъ его. Онъ понялъ, съ какой цѣлью она его преслѣдуетъ, и забывъ въ эту минуту всю боязнь свою за Вариньку, всѣ свои благоразумные разчеты, не хотѣлъ больше скрывать отъ нея настоящихъ чувствъ своихъ и намѣреній, если не съ надеждой на успѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ изъ желанія разрушить ея собственныя надежды.

Digitized by Google

— Вы хорошо знаете человѣческое сердце,—сказалъ онъ такъ хладнокровно, какъ только могъ. — Я влюбленъ въ самомъ дѣлѣ.

— Благодарю васъ за откровенность и заплачу вамъ тѣмъ же, продолжала Анна Михайловна еще болѣе ласковымъ голосомъ. — Не думайте, чтобъ я разгадала вашу любовь только теперь; вы влюблены давно. И если я не ошибаюсь, то чуть ли не угадала и ту, въ которую вы влюблены....

Анна Михайловна шла быстро къ своей цѣли, и сама вызывала Бирюзовскаго на объясненіе, настоящей развязки котораго она ни какъ не ожидала. Бирюзовскому было смѣшно ея заблужденіе, но съ другой стороны, онъ испугался, чтобъ она прямо не намекнула ему на дочь свою прежде, чѣмъ самъ онъ успѣетъ высказаться. Тогда открыть ей ея ошибку было бы еще опаснѣе. По этому онъ круто повернулъ разговоръ.

— Оставимте шутки, — сказалъ онъ, — мнѣ надобно поговорить съ вами серьезно.

— О, говорите, говорите,—перебила она съ замѣтнымъ удовольствіемъ, — я всегда рада васъ слушать. И если вамъ нужно мое участье, мои совѣты, моя помощь — все это къ вашимъ услугамъ заранѣе.

— Благодарю васъ, и благодарю тѣмъ больше, что исполненіе моего желанія совершенно зависитъ отъ васъ.

— Въ такомъ случаѣ вы можете считать его исполненнымъ.

— И вы говорите это отъ души?

— Вотъ вамъ моя рука.

Эти полуслова, эти намеки все больше и больше удостовѣряли Анну Михайловну, что дѣло идетъ о ея дочери; но между тѣмъ Бирюзовскій такъ велъ свое объясненіе, что никакъ не давалъ забѣжать ей впередъ и предупредить его въ томъ, чего она отъ него ожидала. Эта мистификація ему нравилась, и онъ рѣшился длить ее сколько можно. Онъ хо-

Digitized by Google

тѣлъ подвесть Анну Михайловну какъ можно ближе къ ея любимой мечтѣ, и потомъ вдругъ, однимъ словомъ, разочаровать ее, уничтожить эту мечту.

— Я влюбленъ,—продолжалъ онъ протяжно, съ разстановкой, какъ бы все еще не осмѣливаясь высказать того, что лежало у него на сердцѣ; — влюбленъ давно.... въ вашу дочь.... въ Варвару Васильевну, и прошу у васъ ея руки....

При имени Вареньки, Анна Михайловна вырвала у Бирюзовскаго свою руку, которую за минуту подала ему, и отодвинулась отъ него такъ быстро, какъ будто увидѣла на немъ какую-нибудь ядовитую гадину.

— Этого я не ожидала! — сказала она, совершенно не владѣя собой.

— Отчего жь? — спросилъ Бирюзовскій, устремивъ на нее пристальный, почти строгій взоръ.

— Оттого,—сказала она,—что хотя я и хорошо знаю человѣческое сердце, какъ вы замѣтили сами, но ваше сердце разгадать слишкомъ мудрено. Можно ли подумать, что человѣку, который смотритъ постоянно вотъ на этотъ цвѣтокъ (она указала на померанцовое дерево), нравится другой, на который онъ не обращаетъ никакого вниманія.... Мг Бирюзовскій, — прибавила она язвительно, — видно у васъ натура Януса, когда вы можете вдругъ смотрѣть въ двѣ противоположныя стороны, и заниматься въ одно и то же время двумя разными предметами....

— Что вы хотите сказать? — спросилъ Бирюзовскій, уколотый въ свою очередь этимъ замѣчаніемъ.

— Я хочу сказать, что вы всегда, по крайней мѣрѣ по наружности, обращали гораздо больше вниманія на Наденьку, чѣмъ на Варю, и что по этому только я и не ожидала того, что сейчасъ отъ васъ услышала.

— Анна Михайловна, — сказалъ Бирюзовскій, принявъ опять свой хладнокровный тонъ,—вы тогда только могли бы назвать меня двуличнымъ, еслибъ я хоть какимъ-нибудь

Digitized by Google

словомъ, хоть какимъ нибудь намекомъ, вамъ или вашей дочери, подалъ поводъ думать, что имѣю виды на нее. Но всѣ мои отношенія къ Надеждѣ Васильевнѣ ограничивались одной вѣжливостью, которую я оказывалъ ей, какъ умной, любезной дѣвушкѣ, какъ вашей дочери, какъ, наконецъ, сестрѣ той, которую избрало мое сердце. Намѣренія мои всегда были чисты и прямы. Точно также прямо и откровенно я и говорю вамъ о нихъ. Надѣюсь, что въ моемъ предложеніи ничего нѣтъ для васъ оскорбительнаго, и слѣдовательно вамъ остается только сказать, угодно-ли вамъ принять его или нѣтъ.

— Ктожь вамъ сказалъ, Мr Бирюзовскій, чтобы я могла когда-нибудь оскорбиться вашимъ предложеніемъ, — возразила Анна Михайловна, успѣвшая уже оправиться и заговорившая опять своимъ ласковымъ голосомъ. — Напротивъ, отъ лица моей падчерицы, я благодарю васъ за честь, которую вы ей дѣлаете; но согласитесь, что одной моей воли тутъ недостаточно. Нужна еще воля самой Вари и отца ея.

— Съ этимъ я совершенно согласенъ,— сказалъ Бирюзовскій, пристально на нее посматривая и ожидая опять какой-нибудь выходки, или, что еще хуже, какой-нибудь неблагопріятной ссылки на волю Василія Алексѣевича. Но онъ ошибся.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжала Анна Михайловна,—прежде всякаго рѣшительнаго отвѣта, позвольте мнѣ переговорить съ падчерицей и съ мужемъ. Завтра вы, вѣроятно, получите согласіе общее, а до тѣхъ поръ могу васъ увѣрить въ томъ только, что я совершенно на вашей сторонѣ, какъ ужь сказала вамъ и прежде.

Тутъ она встала, дружески кивнула ему головой, и ушла, бросивъ ему самую милую улыбку.

Бирюзовскій былъ чрезвычайно удивленъ такимъ неожиданнымъ и такимъ счастливымъ окончаніемъ разговора. Онъ ожидалъ жаркой сцены, ожидалъ, что Анна Михайловна представитъ ему, противъ его предложенія, тысячу вымышлен-

Digitized by Google

ныхъ препятствій и съ своей стороны, и со стороны Василья Алексѣевича. Вмѣсто того, послѣ маленькой, немножко горячей, выходки, въ которой невольно вырвалось очень естественное чувство матери, обманувшейся въ своихъ расчетахъ, она согласилась исполнить его желаніе, не только за себя, но даже заранѣе обнадеживала и въ согласьи своего мужа. Все это такъ поразило Бирюзовскаго, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ не зналъ, какъ принимать ему слова Анны Михайловны: за обманъ или за истину. Но чѣмъ больше думалъ онъ, чѣмъ разсужденія его становились хладнокровнѣе, тѣмъ больше онъ убѣждался, что объясненіе его съ Анной Михайловной никогда и не могло кончиться иначе. Въ самомъ дѣлѣ, подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ могла она отказать въ рукѣ своей падчерицы жениху, столько выгодному во всѣхъ отношеніяхъ! Чѣмъ могла возстановить противъ него Василья Алексѣевича, и какъ могла наконецъ ослѣпить старика до такой степени, чтобъ ему показалось бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ?.... Послѣ получасоваго разсужденія съ самимъ собой, Бирюзовскій совершенно увѣрился, что всѣ препятствія, которыхъ ожидала Варенька отъ Анны Михайловны, существовали только въ ея запуганномъ воображеніи. Онъ раскаявался, что такъ долго слушалъ ее, что давно не кончилъ этого дѣла, и желая поскорѣй сообщить ей пріятную новость, пошелъ отыскивать ее въ залѣ.

=

Въ то же самое время, какъ Лутохинъ сообщалъ Василью Алексѣевичу вещи не со всѣмъ для него пріятныя, а Бирюзовскій объяснялся съ Анной Михайловной, Грибковъ и Аксинья Ивановна тоже очень усердно ораторствовали, каждый въ своемъ кружку.

Грибковъ, въ углу залы, подъ шумъ музыки, разсказывалъ пяти или шести, собравшимся вкругъ него, пріятелямъ, все то, что слышалъ онъ отъ Бирюзовскаго, ѣхавши съ нимъ къ Комскимъ. Пріятели слушали его съ большимъ любопытствомъ, прерывали по временамъ разсказъ его восклицаніями

Digitized by Google

самаго пылкаго негодованія противъ Анны Михайловны, и еще больше заинтересовались этимъ разсказомъ, когда Грибковъ прибавилъ, что Бирюзовскій непремѣнно въ этотъ же день покончитъ дѣло, что, если ему откажутъ въ рукѣ Вареньки, тогда онъ торжественно объявитъ всѣмъ присутствующимъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя дѣлаетъ бѣдной дѣвушкѣ ея мачиха, что если и этотъ протестъ не поможетъ, то Варенька будетъ увезена Бирюзовскомъ, и что онъ, Грибковъ, будетъ въ этомъ похищеніи первымъ и главнымъ помощникомъ.

Аксинья Ивановна разливала, послѣ обѣда, въ чайной комнатѣ кофе, и каждой изъ подходившихъ къ ней дамъ разсказывала, по секрету, совсѣмъ другую исторію.

— Видѣли вы, матушка, — начинала она вмѣсто вступленія въ свой разсказъ, — какъ наша хозяюшка-то любезничаетъ съ своимъ дохторомъ? То спроситъ его, не скинуть ли ей мантелью, то не надѣть ли шаль.... Будто для своего здоровья спрашиваетъ, а глазами-то такъ и выговариваетъ: въ чемъ, дескать, я тебѣ лучше нравлюсь? А, видѣли?....

Дамы утвердительно кивали головами.

— Однако жь, — продолжала Аксинья Ивановна,—должно быть, имъ ужъ не долго полюбезничать: не всё коту масляница, будетъ и великой постъ.

— Какъ это, Аксинья Ивановна? что такое? — спрашивали ее любопытныя слушательницы, приставляя еще ближе уши къ ея губамъ и еще больше понижая голосъ.

— Да то, сударыни вы мои, что Григорій Андреевичь-то.... Лутохинъ-то, хоть и недавно воротился изъ Питера, а ужъ про все знаетъ. А коли знаетъ онъ, такъ будетъ знать и Василій Алексѣевичь. Онъ, попріятельски, все ему напрямки выбрѣетъ; нечего сказать, худымъ дѣламъ не-потатчикъ.

Этотъ секретъ Аксинья Ивановна разсказала по крайней мѣрѣ десяти барышнямъ, съ которыми была покороче знакома. Одна изъ нихъ тотчасъ же пустилась въ наблюденія, и узнавъ,

Digitized by Google

что Василій Алексѣевичь вмѣстѣ съ Григорьемъ Андреевичемъ ушли въ кабинетъ, опять прибѣжала къ Аксиньѣ Ивановнѣ.

—Ну, Аксинья Ивановна,—сказала она,—ты, матушка, не колдунья, да отгадчица: вѣдь Лутохинъ-то съ Васильемъ Алексѣичемъ ужъ сидятъ въ кабинетѣ. Толкуютъ битыхъ два часа, Богъ ихъ знаетъ о чемъ.

— Да ужъ такъ, такъ, — подхватила Аксинья Ивановна, — быть тутъ кутерьмѣ, помяните мое слово.

Кому-то изъ пріятелей Грибкова тоже въ свою очередь удалось замѣтить, что Бирюзовскій разговариваетъ съ Анной Михайловной на террасѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ Грибкову.

— Ну вотъ, — сказалъ Грибковъ, — это именно то, чего я ожидалъ. Посмотрите, нынче же будетъ здѣсь страшная исторія.

Такимъ образомъ часть гостей, посвященная въ тайну Аксиньи Ивановны, съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Василья Алексѣевича изъ кабинета; другая, посвященная въ тайну Грибкова, съ нетерпѣніемъ ждала окончанія объясненія Анны Михайловны съ Бирюзовскимъ. Одни думали, что Василій Алексѣевичь явится мрачный, угрюмый; что онъ скажется больнымъ; что балъ долженъ будетъ кончиться въ самомъ началѣ, и что вслѣдъ за тѣмъ и доктора вытолкаютъ въ шею. Другіе ожидали, что Анна Михайловна, послѣ разговора съ Бирюзовскимъ, влетитъ въ залу разсерженная, какъ фурія, и что за этимъ тотчасъ и послѣдуетъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, торжественный протестъ противъ нея Варенькина жениха ... Но всѣ госпожи и господа совершенно обманулись въ своихъ предположеніяхъ.

Оставивъ Бирюзовскаго, Анна Михайловна вошла въ залу съ той же самой пріятной улыбкой, которою подарила его на прощаньи. Она обошла кругомъ танцующихъ; многимъ наговорила, какъ выражаются Французы, тысячу пріятныхъ вещей; подошла къ своей дочери, подошла къ падчерицѣ, и, съ самой нѣжной заботливостью, поправила на обѣихъ коекакія мелочи наряда, пришедшія въ маленькій безпорядокъ

Digitized by Google

отъ танцевъ. Потомъ она сѣла и очень весело начала говорить съ окружавшими ее дамами.

Бирюзовскій явился въ залу тоже съ лицемъ веселымъ и торжествующимъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда Варенька кончитъ танецъ, чтобъ поскорѣй успокоить ее и обрадовать; но какъ только танецъ кончился, Варенька подошла къ Аннѣ Михайловнѣ, и, сказавъ ей, что у нея жестоко разболѣлась голова, попросила позволенія уйти въ свою комнату. Этотъ случай отравилъ-было все удовольствіе Бирюзовскаго и сначала встревожилъ его какъ-будто-бы предчувствіемъ чего-то недобраго; но постоянно-ласковое обращеніе съ нимъ Анны Михайловны и потомъ слова доктора, который, сходивъ провѣдать Вареньку, объявилъ, что болѣзнь ея ничтожна, и что ей нужно одно только спокойствіе, совершенно его успокоили. Убаюканный надеждами на завтрашній день, онъ во весь вечеръ былъ самымъ любезнымъ кавалеромъ и Наденьки и Анны Михайловны.

Наконецъ вышелъ изъ кабинета и Василій Алексѣевичъ, но не мрачный, не угрюмый, а съ своимъ обыкновеннымъ, вседневнымъ лицемъ. Онъ извинился передъ гостями, что оставилъ ихъ; объяснилъ, что ему необходимо было переговорить съ Григорьемъ Андреевичемъ объ общихъ коммерческихъ дѣлахъ, которыя кончились въ Петербургѣ, какъ нельзя лучше. Старикъ лгалъ, но ему нужно было лгать изъ разсчета. Онъ съ особенной нѣжностью подошелъ къ Аннѣ Михайловнѣ; потомъ, съ особенной любезностью, — къ доктору, и сказалъ ему нѣсколько самыхъ привѣтливыхъ словъ. Дамы и кавалеры, вслѣдствіе разсказовъ Аксиньи Ивановны и Грибкова, ожидавшіе страшныхъ сценъ и исторій, съ удивленіемъ поглядывали другъ на друга, а чаще всего на Аксинью Ивановну и на Грибкова, какъ бы спрашивая у нихъ: чтожь это значитъ? Но ни Аксинья Ивановна, ни Грибковъ сами ровно ничего не понимали изъ всего, что видѣли.

Балъ длился за полночь и ничто не нарушило его веселья.

Digitized by Google

Сѣли за роскошный ужинъ; любезные хозяева пригласили всѣхъ своихъ гостей ночевать, съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать на ферму Анны Михайловны, гдѣ были ея Тирольскія коровы, и гдѣ положено было, на прощаньѣ, позавтракать свѣжимъ масломъ и свѣжими сливками, и за тѣмъ разъѣхаться по домамъ.

Гостей развели по комнатамъ, пожелали имъ покойной ночи. А сценъ все-таки никакихъ не было. Напротивъ, въ числѣ приглашенныхъ ночевать были и докторъ и Бирюзовскій.

Между тѣмъ, подъ личиной этого наружнаго спокойствія, этого наружнаго веселья, царствовавшихъ въ домѣ Комскихъ, драма, начало которой мы ужъ видѣли, продолжала разыгрываться, но разыгрываться тихо и не видимо ни для кого, кромѣ ея дѣйствующихъ лицъ.

—

Кончивъ разговоръ съ Бирюзовскимъ, Анна Михайловна быстро составила планъ своихъ дѣйствій. Прежде всего она сочла за нужное узнать настоящія чувства своей дочери къ Бирюзовскому, испытать, какъ сильна ея къ нему привязанность, и потомъ ужъ дать дѣлу такое направленіе, какое будетъ нужно. Но въ настоящую минуту ей не было никакой возможности говорить объ этомъ съ Наденькой. Между тѣмъ она очень хорошо поняла, что Бирюзовскій не рѣшился бы просить руки ея падчерицы, безъ собственнаго на то согласія Вареньки; она угадывала, что между ними непремѣнно есть уже сношенія, и сочла необходимой предварительной мѣрой прервать эти сношенія какъ можно скорѣй, по крайней мѣрѣ до того времени, пока она окончательно рѣшится на что-нибудь. Съ этой-то цѣлью подошла она къ Варенькѣ во время танцевъ, и пока поправляла ея нарядъ, успѣла ей отдать тайное приказаніе, чтобъ она сказалась больной и тотчасъ же шла въ свою комнату. Бѣдной дѣвушкѣ очень не хотѣлось оставить балъ, особенно въ то

Digitized by Google

время, когда былъ тутъ Бирюзовскій. Кромѣ того она въ свою очередь поняла, что эти приказанія отдаются не даромъ. Сердце ея сжалось тоской, но по обыкновенію, она безпрекословно повиновалась мачихѣ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, Анна Михайловна, какъ мы ужъ замѣтили, казалась во весь вечеръ веселой и спокойной; но въ ней кипѣла злоба противъ Бирюзовскаго, кипѣла ненависть противъ Вареньки. Содрогаясь при одной мысли о томъ, что вѣсть, которую она должна сообщить своей дочери, слишкомъ сильно огорчитъ ее, она желала какъ можно скорѣе узнать, справедливы ли ея опасенія, — и въ душѣ проклинала этотъ длинный, веселый вечеръ, проклинала этотъ шумъ, эту музыку, эти танцы, проклинала своихъ гостей, которымъ, въ то же время, должна была говорить любезности.

Василій Алексѣевичь страдалъ едва ли не больше Анны Михайловны. Онъ давно подозрѣвалъ все то, о чемъ намекнулъ ему Лутохинъ насчетъ жены, но у него не доставало духа ни объясниться съ ней, ни даже удостовѣриться въ томъ, что онъ подозрѣвалъ. Слишкомъ сильно любя Анну Михайловну, онъ боялся смотрѣть пристально на ея поведеніе, и, отворачивая глаза отъ своего несчастія, старался увѣрить себя, что счастливъ. Эта увѣренность еще больше поддерживалась тѣмъ, что до сихъ поръ до него не доходило никакихъ слуховъ о двусмысленныхъ отношеніяхъ Анны Михайловны къ доктору. Григорій Андреевичь нанесъ ему двойную рану, разшевеливъ въ немъ ревность, и заставивъ еще почувствовать стыдъ униженья обманутаго мужа, на котораго указываютъ пальцами. Объясненіе съ Анной Михайловной сдѣлалось необходимымъ, и Василій Алексѣевичь ждалъ его съ трепетомъ. То боялся онъ, что Анна Михайловна на него разсердится; то надѣялся, что она снова успокоитъ его своими ласками, своими увѣреніями, и, наконецъ, согласіемъ на что-нибудь такое, что могло бы совершенно прекратить неблагопріятную молву.

Digitized by Google

Уходя изъ пріемныхъ комнатъ, онъ, при прощаньи, сказалъ Аннѣ Михайловнѣ, что имѣетъ надобность поговорить съ ней, и просилъ ее въ свой кабинетъ.

Нисколько не догадываясь, для какого именно объясненія приглашаетъ ее Василій Алексѣевичь, Анна Михайловна тотчасъ же подумала, что онъ хочетъ говорить съ ней о Бирюзовскомъ. Мысль, что Бирюзовскій, не дождавшись ея собственныхъ переговоровъ съ мужемъ, залетѣлъ прямо къ нему, что онъ, можетъ быть, ужъ склонилъ его въ свою пользу и направилъ совсѣмъ не такъ, какъ будетъ надобно для нея, — бросила ей всю кровь въ голову, и вспыхнувшее въ ней неудовольствіе отозвалось и въ самомъ ея отвѣтѣ Василью Алексѣевичу.

— Les beaux esprits se rencontrent, — сказала она насмѣшливо; — я то же имѣю надобность переговорить съ вами, и сама хотѣла просить у васъ свиданія.

Сказавъ мужу, что придетъ къ нему черезъ полчаса, Анна Михайловна опрометью бросилась въ комнату Наденьки, поспѣшая теперь еще больше выпытать отъ нея все, что было ей нужно.

— Знаешь ли, Nadine,—сказала она,--что Бирюзовскій рѣшился наконецъ сдѣлать предложеніе ?....

Глаза дѣвушки заблистали, яркій румянецъ загорѣлся на щекахъ. Анна Михайловна смотрѣла на дочь пристально, не спуская съ нея глазъ, и слѣдила малѣйшую игру физіогноміи.

— Но обѣ мы ошиблись въ его чувствахъ, моя милая,—продолжала она. Онъ хочетъ жениться на Варенькѣ....

Наденька поблѣднѣла.

— Вы шутите, maman — сказала она замирающимъ голосомъ.

— О нѣтъ, я очень далека до шутки! Я говорю это тебѣ серьезно, и серьезно желаю знать, будешь ли ты довольна, если за него выйдетъ Варенька?

Digitized by Google

Дѣвушка все еще смотрѣла на мать какимъ-то остолбенѣлымъ взоромъ, какъ будто все еще не довѣряя ея словамъ, какъ будто считая невозможнымъ то, что слышала. Потомъ она вдругъ зарыдала, и упала лицомъ въ подушку дивана, на которомъ сидѣла....

Эти рыданія, раздирающія душу, этотъ мутный взоръ Наденьки, эта смертная блѣдность, покрывшая ея щеки, ясно дали понять Аннѣ Михайловнѣ, что сердце ея дочери страдаетъ не чувствомъ зависти, не чувствомъ оскорбленнаго тщеславія, а чувствомъ неподдѣльной первой любви, жестоко обманувшейся въ своихъ надеждахъ. Она видѣла, что эта любовь, которую сама она такъ безразсудно развивала въ ней, ужь успѣла глубоко пустить корни, и боялась, что бы въ случаѣ женитьбы Бирюзовскаго на Варенькѣ, пылкое безнадежное чувство не перешло въ болѣзненную, преступную страсть. Ей набодно было теперь спасать свою дочь, ей казалось необходимымъ, во чтобы то ни стало, какъ можно скорѣй удалить Бирюзовскаго. Вся энергія матери, у которой гибнетъ дитя, пробудилась въ ней, и для того, чтобъ возвратить спокойствіе Наденькѣ, она готова была пожертвовать не только счастьемъ мужа, счастьемъ собственнымъ, — даже чьей-нибудь жизнью, если бы только это сдѣлалось нужно....

— Не плачь, Nadine,—говорила она, утѣшая дѣвушку.— Пока я жива, Варенька не будетъ за нимъ; а тамъ время и обстоятельства поправятъ все. Не плачь же, моя милая, говорю я тебѣ; этотъ низкій, двуличный человѣкъ не стоитъ твоихъ слезъ. Надо тебѣ забыть его изъ гордости....

Долго уговаривать Наденьку Анна Михайловна не имѣла времени: она спѣшила еще къ падчерицѣ, которой нужно ей было отдать приказаніе.

— Бирюзовскій думаетъ на тебѣ жениться, — сказала она, войдя въ комнату Вареньки, которая въ эту минуту была похожа на преступницу, ожидающую своего смертнаго приговора,—но я объявляю тебѣ, что ты не будешь за нимъ даже

770747A
Digitized by Google

и въ томъ случаѣ, если прямо объявишь отцу, что желаешь за него выйдти. Твоя откровенность ни къ чему не послужитъ, потому что у меня есть причины, по которымъ отецъ твой непремѣнно долженъ будетъ отказать ему, не смотря на твое собственное согласіе. Помни это, и когда завтра отецъ позоветъ тебя къ себѣ, откажись на-чисто отъ предложенія Бирюзовскаго. Я думаю, впрочемъ,—прибавила Анна Михайловна, — что твои собственныя чувства совершенно согласны съ моимъ мнѣніемъ, и что ты вѣрно не захочешь пожертвовать спокойствіемъ отца, моимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и своимъ собственнымъ, въ угодность такого вѣтреннаго и пустаго человѣка, какъ этотъ Бирюзовскій....

Сказавъ эти слова и не считая даже за нужное дождаться отвѣта Вареньки, Анна Михайловна пошла отъ нее прямо къ мужу.

(До слѣд. книж).

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА VIII.

РЕВНОСТЬ.

Digitized by Google

Pourquoi, par quels fatals attraits
L'air où tu vis fait-il qu'on t'aime?

(*Polonius.*)

.... Oh! what damned minutes tells he o'er
Who dotes, yet doubts; suspects, yet strongly loves!....

(*Shakspeare, Othello.*)

..... Da ſteh Ich,
In fürchterlicher Einſamkeit verſtoßen.....
Verworfen.... Nein! verdrungen, nur verdrungen
Von einer Nebenbuhlerinn!....Er liebt,
Kein Zweifel mehr!.....

(Schiller, Don Karlos.)

Une autre le verra, tendre et triste près d'elle,
Vivre de ses regards, frissonner de sa voix!....

(*M-me Desbordes Valmore.*)

Digitized by Google

I.

I thought, my jealous heart would brake....

(*Byron*).

J'enviais la beauté de ses traits,
En l'admirant mes yeux se remplissaient de larmes,
Et triste, humiliée, alors je comparais
Le deuil de mon visage à l'éclat de ses charmes.

(*Delphine Gay.*)

14-го Мая 18....

Брожу внизу по длинной, темной залѣ,
По комнатамъ парадным, опустѣвшимъ
Въ ночную пору.... Сонъ не освѣжитъ
Меня своимъ спасительнымъ забвеньемъ.
Безумная, съ горячей головой,
Съ трепещущимъ, ожесточеннымъ сердцемъ,
Хожу, бѣгу.... себѣ ломаю руки....
Нѣтъ слёзъ въ глазахъ, нѣтъ въ памяти моей
Ни связи, ни порядка.... Я страдаю....
Мнѣ тяжело!....
Вотъ что со мной случилось:
Я видѣла, я знала, что меня
Не любитъ онъ; но холоденъ ко мнѣ,
Онъ холоденъ равно былъ ко всему,
Ко всѣмъ другимъ; въ немъ сердце было мертво,
Свободно и ничьё.... Но, горе мнѣ!!
Но нынче мнѣ пришлось понять и видѣть,
Что можетъ жить оно — *не для меня*!....
Что можетъ онъ любить.... любить другую!

Digitized by Google

Какая-то красавица, — вдова,
Сказали мнѣ, — Елену навѣщала, —
Нарядная, веселая, живая,
Блестящая всѣмъ цвѣтомъ жизни свѣтской,
Всей гордостью души самодовольной....
И онъ, нашъ мизантропъ, нашъ нелюдимъ,
Обманутый и опытный Владимиръ,
Онъ былъ у ногъ ея.... Онъ увлекался
Старинною привычкой волокитства,
Явился вновь любителемъ сердецъ....
Забытую искательства науку,
Хвалу и лесть влюбленныхъ поклоненій, —
Всё для нея припомнилъ онъ опять,
Все расточилъ, какъ щедрый чародѣй....
Какъ взоръ его свѣтилъ, пылалъ, горѣлъ,
Встрѣчался съ ея лукавымъ взоромъ!
Какъ рѣчь его искусная лилась
Потоками изъ устъ медоточивыхъ!....
Поспорить вздумалъ онъ, какъ въ старину,
Въ бою двухъ самолюбій, двухъ расчетовъ,
Въ умѣніи и навыкѣ плѣнять.
По прежнему, онъ испытать хотѣлъ,
Удастся ли ему обворожить
Лѣнивый слухъ надменной модной дамы,
Балованную спѣсь царицы бальной....
Но кто жъ изъ нихъ другаго побѣдилъ?....
Кто увлекалъ? иль кто былъ увлечёнъ?
Они равно казались заняты,
Равно одинъ другимъ довольны были?....
И *я*, нѣмой свидѣтель этой сцены,
Я видѣла чужое торжество,
Ея веселый видъ, *его* волненье....
Я искреннимъ сравненьемъ измѣряла
Межъ *ей* и *мной* всю бездну разстоянья....
Я понимала, сколь мила она,
И сколь ничтожна я!.... Вотще хотѣла
Соперницу счастливую свою

Digitized by Google

Я подчинить нещадному разбору
Взыскательно-пристрастнаго суда:
Все есть у ней, все совершенно въ ней,
И красота, и умъ, и свѣтскій навыкъ,
И даже та удачная небрежность
Въ пріемахъ, и походкѣ, и нарядѣ,
Которая лукавой простотой
Изысканности чудной утонченья
Изобличаетъ намъ.... Она мила,
Какъ рѣзвое дитя, — она опасна
Какъ хитрая царица-чародѣйка....

И мнѣ понятно стало, почему
Владимиру такъ нравилась она,
Онъ правъ! что я предъ ней?.... но мнѣ за то
Мучительнѣй, больнѣе становилось!

Прощался съ Еленой, ей *она*
Вторичное сулила посѣщенье,
И слово съ той взяла къ себѣ пріѣхать....
Владиміръ тоже званъ.... Они сойдутся,
Увидятся опять.... Пускай ихъ!.. Только
Чтобъ встрѣчи ихъ свидѣтель не была я!....

II.

Но ты любить, какъ я, не можешь!

Пушкинъ.

16-го Мая 18....

Я удивила, кажется, Княжну:
Съ ней въ первый разъ сама заговорила,
Что прежде невозможнымъ было мнѣ,
Какъ подвигъ сверхъестественный и странный;
Но — горе и нужда къ чему не склонятъ?
Чему насъ не научатъ? А вѣдь мнѣ,
Мнѣ нужно было знать и разспросить

Digitized by Google

Объ этой чаровницѣ, о богинѣ,
Разбившей въ прахъ мечты мои.... Я знаю!
Она, одна изъ тѣхъ счастливицъ свѣтскихъ,
Балованныхъ успѣхомъ и удачей,
Которыхъ жизнь лишь цѣпь всѣхъ благъ земныхъ,
....
Она знатна, богата; до сихъ поръ
Свободою своею наслаждалась,
Она своимъ безсчетнымъ женихамъ
Отказомъ непреклоннымъ отвѣчала;
Но вдругъ одинъ нашелся предпочтенный,
Понравился, — она выходитъ за мужъ,
И слово ужь дано, и скоро свадьба....
Такъ что жъ она Владимира тревожитъ?
Зачѣмъ его смущать надеждой ложной?....
Такъ, стало быть, она кокетка? Хочетъ
Поклонника отсталаго причесть
Ко всѣмъ другимъ? И это ей не грѣхъ?....
И ей такой обманъ, такая шутка
Безстыдная, безчестная, возможны!....
О! эти дамы свѣтскія!.... Гдѣ сердце,
Гдѣ совѣсть ихъ? — А онъ?.... онъ какъ наказанъ
За свой восторгъ неосторожный къ ней,
За суету исканій вѣроломныхъ!....
Я радуюсь!.... Ахъ, нѣтъ! нѣтъ, я не рада, —
Мнѣ жаль его, мнѣ больно за него....
Довольно онъ обманутъ былъ и преданъ, —
И вотъ ему опять обманъ готовятъ,
Еще одно грозитъ разувѣренье!
Я не должна, я не могу теперь
Своей обиды помнить и отмщать,
Себялюбиво радуясь страданьямъ
Его души.... Нѣтъ! я скорблю.... я плачу....
Мнѣ страшно.... за него, и за себя!....

—

Digitized by Google

III.

J'ai vu ses yeux dans leur douce lumière
S'attacher sur des yeux qui donnent le bonheur.
(*M-me Desbordes Valmore.*)

17-е Мая, 18....

Мученья ревности!.... Донынѣ вы одни
Моей груди еще не волновали;
Ядъ медленный снѣдающей печали,
Тоску томительной любви,
Все испытала *я*, — лишь васъ душа младая,
Глухимъ предчувствіемъ заранѣй понимая,
Узнать боялася, свой жребій отгадавъ....
Но день борьбы пришелъ, — и голосъ сердца правъ....
Познала *я* ревнивыя терзанья!
День ясной радости вдругъ тучей осѣня,
Вашъ роковый ударъ нашелъ, настигъ меня,
И *я* томлюсь въ тоскѣ страданья!

Обворожителя обворожив собой,
Къ себѣ, въ глазахъ моихъ, влекла его другая....
И онъ, обманчивой надеждой замирая,
Онъ предавался ей и сердцемъ и душой.
Онъ говорилъ такъ весело, такъ живо,
Такъ страстно на нее взиралъ!
Онъ улыбался ей краснорѣчиво,
При ней свой горькій опытъ забывалъ....
Но холодно она торжествовала,
Но ложной лаской сіялъ коварный взоръ,
Быть можетъ, о *другомъ* она тогда мечтала,
Другаго помнила любовный разговоръ,
Другаго мысленно въ душѣ боготворила....
А *для него*, чужда, безчувственна была!
Въ ней только гордость говорила,
Ея тщеславью только льстило,
Что новаго она поклонника нашла!

Отъ нихъ, отъ нихъ *я* удалялась,
И хоть на видъ спокойной оставалась, —
Въ душѣ весь адъ кипѣлъ, и волновалъ её,

Digitized by Google

И сердце сжатое мое
Отчаянья слезами обливалось.
Скрывала я безумный трепетъ свой,
Улыбкой горькой, принужденной,
И стона скорби потаенной
Не понялъ *онъ*, занявшись ей одной!....

Съ тѣхъ поръ, я принесла въ свое уединенье
Страданья новыя и новую печаль,
И память врѣзала на вѣкъ въ свою скрижаль
День встрѣчи роковой, день тайнаго мученья.
Съ тѣхъ поръ, пугается его душа моя....
Съ тѣхъ поръ, въ груди моей стѣсненной
Таится алчная, грызущая змѣя.
И ревность спутницей мнѣ стала неизмѣнной,
И сердце всё болитъ, и всё тоскую я!

IV.

O bon ange! veillez sur lui.
(*Romance d'Amedée Beauplan.*)

18-е Мая 18....

Нѣтъ, не могу молчать, когда я знаю,
Какой обманъ готовится ему.
Мнѣ кажется, какъ соучастникъ въ кражѣ,
Какъ злой сообщникъ тайнаго убійства,
Предъ совѣстью и Богомъ я грѣшна,
И чуждое добро я укрываю —
Молчаньемъ и потворствомъ!.... Да, добро
Безцѣнное! *Его* покой и сердце,
Разбитые, поруганные дерзко
Рукою святотатственной кокетки!
Мнѣ долгъ велитъ, мнѣ дружба приказуетъ
Предупредить *его*, сказать ему....
Но что сказать? И какъ? черезъ Елену?....
Нѣтъ! я боюсь! Елена угадаетъ
Все то, въ чемъ я признаться не хочу!
Съ Владимиромъ самой заговорить?
Но силы мнѣ измѣнятъ; но при немъ,
Подъ взорами его.... Нѣтъ! нѣтъ! не смѣю!....

Digitized by Google

Ужели написать? Ужель суду,
Насмѣшкѣ и презрѣнію *его*,
Подвергнуться изъ чистаго участья,
Изъ жалости одной?.... Къ нему писать,
Искать слова холоднаго приличья,
Безстрастные совѣты, разсужденья....
И замирать, и застывать сто разъ,
Пока письмо отважное не кончу,
И не вручу ему рукой дрожащей, —
А тамъ стоять предъ нимъ, какъ передъ казнью
Виновный осужденный, — и смотрѣть,
И выжидать, что скажетъ онъ, какъ приметъ
Непрошенную правду, какъ пойметъ
Поступокъ мой, хоть смѣлый, но незлобный....
Достанетъ ли на эту пытку силы
И духа у меня, хоть будетъ воля?....
Достанетъ!! Дѣло тутъ не обо мнѣ,
Не объ моихъ ребяческихъ волненьяхъ!
Объ немъ, объ немъ одномъ должна я помнить,
Спокойствіе *его* оберегать....
Я напишу!.... Рѣшилась я!.... Сейчасъ
Я напишу къ нему....

Но помолиться
Пойду я прежде.... Съ нянею Княжны
Въ Соборъ Казанскій сбѣгаю тайкомъ;
Она меня къ обѣднѣ часто водитъ
По храмамъ Божіимъ, покуда сестры
Съ Княжною ѣздятъ слушать модныхъ пѣвчихъ,
Да второпяхъ поклона три отмѣрить
Въ церквахъ домовыхъ знати, ей родной.

V.

Письмо Зинаиды къ Владимиру.

Toi, Toi.... qui sans me voir a passé près de moi,
Quoi! tu cherchais l'amour.... et j'étais devant toi?)

(*M-me Desbordes Valmore.*)

Она вашъ идеалъ.... Вамъ нравится *она*....
Вы очарованы, завлечены, влюбились!....

Digitized by Google

Какъ мальчикъ, какъ дитя, вы мигомъ покорились, —
Достаточна улыбка вамъ одна,
Одинъ вамъ нуженъ взоръ, чтобъ восхититься *ею*!...,
И счастье, и любовь, все видите вы въ *ней*,
Да! въ *ней одной*!....

Судьбой измученный своею,
Страдалецъ опытный, игралище страстей,
Вы мните отдохнуть отъ тщетнаго волненья,
Хотите, прежнія забывъ разувѣренья,
Свой жребій пополамъ съ подругой раздѣлить,
И въ чашѣ бытія *вдвоемъ* блаженство пить?
Взаимность вамъ сулитъ для сердца исцѣленье,
Вы жаждете любить..., равно любимымъ быть....
Вы ищете *ее*, избранную судьбою,
Чтобъ васъ вполнѣ понять, вашъ выборъ оцѣня, —
Созданье свѣтлое, въ комъ съ ангельской душою
И сердце женщины пылало бъ молодое,
Хранилище чистѣйшаго огня:
И все *вы въ ней* нашли!!.... Но знаете-ль, несчастный,
Что сердце и любовь ужь отдала она?
Что избранъ ужь другой?.... Что страшно и опасно
Питать у ногъ *ея* надежды сонъ напрасный?....
Бѣгите!.... *вамъ она* не суждена!....

Скажите, знали-ль вы, какъ тяжело, какъ больно,
Безумно полюбя, скорбѣть и увядать?
Какъ грустно ввѣриться надеждѣ добровольно,
И въ безнадежности потомъ всю жизнь страдать?....
Вы испытали-ли истому и волненье
Души обманутой, души въ борьбѣ съ тоской?....
Пришлось-ли вамъ скрывать грызучія мученья
Любви отверженной, любви непонятой?....
И ревновали-ль вы, когда пренебрегали
И страстью вашею, и вами, и при васъ
Другаго вамъ шутя предпочитали,
Другаго прославляли напоказъ?....
О нѣтъ! конечно нѣтъ! Вы много испытали,
Но этѣ горести еще безвѣстны вамъ!
Вы бъ не забыли ихъ.... Вы были бъ осторожны!

Digitized by Google

И этотъ новый бы порывъ любви тревожной
Теперь васъ не увлекъ къ обманчивымъ мечтамъ!
Я по себѣ сужу: во вѣкъ я не забуду,
Что чувствую теперь, и какъ страдаю я!....
Я недовѣрчива, я неприступна буду...
И не пробудится опять любовь моя....

О Боже! что со мной?.... Что высказала я?....
Зачѣмъ промолвилась о тайнѣ сокровенной?...
За чѣмъ себя въ примѣръ я привела?.... Кому,
Кому повѣрила я ропотъ потаенный?....
Его боялась я, и каюся *ему*!....
Безумна я!!.... Куда же онъ дѣвался,
Молчанья задушевнаго обѣтъ?
Гдѣ слово, данное самой себѣ?.... И слѣдъ
Бывалой твердости въ минуту затерялся....
Такъ, не хотѣла я, чтобъ мой кумиръ безцѣнный
О тайномъ, робкомъ, грустномъ чувствѣ зналъ, —
И не ласкала я въ себѣ мечты надменной
Изгнать изъ думъ *его* любимый идеалъ.
Молчала долго я, тоску свою таила, —
И удалося мнѣ скрыть сердце отъ него;
Но я не хитростью догадки отвратила:
Ахъ нѣтъ! спасло меня, меня хранило
Слѣпое равнодушіе его!....

Онъ ихъ читалъ, — невольныя признанья,
Порывы пламеной, неопытной любви!
Онъ ихъ читалъ холодно, безъ вниманья.
И не открылъ глаза, не внялъ словамъ моимъ.
И онъ не понялъ ихъ!!.... Но я въ нихъ *все* сказала,
Въ нихъ душу излила подъ именемъ чужимъ....
Онъ видѣлъ только *умъ* тамъ, гдѣ любовь дышала,
И сердца моего онъ не сравнилъ съ своимъ, —
Не разгадалъ!....
О вѣрно понялъ бы ты чувства выраженье,
Когда-бъ мои слова произнесла *она!!*....
Въ любви, одна любовь даетъ уразумѣнье,
Грусть сердца страстнаго безстрастью не внятна.
Но межъ тобой и мной, нѣтъ связи задушевной;

Digitized by Google

Другъ другу чужды мы, какъ радостямъ печаль,
Какъ свѣтлая заря чужда для тучи гнѣвной,
Какъ узника цѣпямъ чужда героя сталь!....
Мы оба рождены съ пылающей душою,
Съ мечтами пылкими.... Но не сошлися мы!
Но насъ не сблизило сочувствіе родное,
И хладомъ тайнымъ мы на вѣкъ раздѣлены!
Ты забавляешься веселостью безпечной,
Неловкой странностью и живостью моей,
Ты вѣришь простотѣ ребячливыхъ рѣчей,
И ты не вѣдаешь, что горести сердечной
Ядъ медленный сокрытъ подъ рѣзвостью моей!

О! ты несправедливъ!.... Но я роптать не смѣю,
Ты въ заблужденіи.... прощаю я тебя!
Равняться не могу, и не дерзаю съ *нею*....
Но знай: тебя любить умѣла-бы *и я*!....

VI.

Гори, письмо любви!....

(Пушкинъ.)

Oh! it was filled with words of flame,
With all the wishes wild and dear
Which love may write, but dares not name.

(Thomas-Moore.)

20-е Мая 18....

Вотъ какъ мы исполнять умѣемъ вѣрно
Намѣренья свои! вотъ какъ мы можемъ
Надѣяться на твердость и на силу
Души своей, и на самихъ себя!....
Я поклялась себѣ, дала себѣ
Святое слово, — написать къ *нему*
О *немъ* *одномъ* лишь только, и объ *ней*,
Себя отъ нихъ далеко отстраняя,
Не говоря ни слова о себѣ,
Не намѣкая даже о завѣтной,
Сердечной тайнѣ сердца.... И теперь
Что-жъ вышло, Боже мой!.... Письмо мое,
Какъ исповѣдь младенца передъ няней,
Умѣющей допрашивать искусно

Digitized by Google

О рѣзвостяхъ и шалостяхъ его,
Всю душу передъ нимъ изобличило,
Всю страсть мою безумную сказало....
И думая о немъ, я по-немногу
Имъ увлеклась, невольно, непримѣтно,
За словомъ слово вымолвила.... Все,
Все онъ узналъ бы, если бъ прочиталъ
Неосторожный бредъ....

Онъ не прочтетъ!!....
Мой разумъ не совсѣмъ еще затмился,
Я понимаю глупую ошибку,
И пламени на жертву предаю
Признанье безразсудное!.... Оно
Уже горитъ, въ рукѣ моей дрожащей....
Ужъ легкіе листы испепелились....
Свершился приговоръ, — и пусть равно
Свершится и Владимира судьба!
Я прекословить ей не стану болѣе!
Пусть любитъ онъ, кого, и какъ онъ хочетъ,
Пусть страждетъ, если Богъ ему велѣлъ!

Остерегать его я не умѣю,
Я не могу, я не должна! Дитя,
Мое ли это дѣло?.... нѣтъ — вторично
Не уступлю я искушенью, нѣтъ,
Что бы спасти другихъ, себя не выдамъ!....

VII.

'Tis past, that melancholy dream!....

(*Wordsworth.*)

14-е Мая, 18....

Я успокоена.... и какъ внезапно,
Какъ просто объяснилось, развязалось,
Что мнѣ узломъ таинственнымъ казалось,
Что было мнѣ ударомъ громовымъ!
О жизнь! всегда-ль ты такъ играешь нами,
И мучишь насъ, и дразнишь безъ нужды,
По прихоти своей необъяснимой?....

Digitized by Google

О свадьбѣ чаровницы той опасной
Узналъ *онъ* неожиданно, при мнѣ:
И что жъ? онъ слышалъ новость роковую
Безъ горя, безъ досады, безъ волненья,
Онъ не дивился, не былъ потревоженъ....
Такъ, стало быть, ее не любитъ онъ?
Онъ похвалилъ младаго жениха,
Онъ превознесъ прелестную невѣсту.
Онъ говорилъ о близкомъ счастьѣ ихъ:
Такъ стало быть, онъ равнодушенъ къ ней?....
О чемъ же *я*, безумная, грустила?
Зачѣмъ я столько дней, часовъ ужасныхъ,
Въ страданьяхъ провела?.... Теперь самой
Мнѣ странно вспомнить о минувшемъ горѣ,
Мнѣ и смѣшно и стыдно за себя.

Но что̀ же быть должна сама любовь,
Любовь прямая, страстная, святая,
Любовь взаимная межъ двухъ сердецъ,
Когда одно ея лишь подражанье,
Случайное, пустое волокитство,
Такъ можетъ волновать и занимать,
Такой огонь даетъ, такую силу
И взорамъ, и рѣчамъ, и поклоненьямъ?....
Что̀-жь быть должна любовь во всемъ цвѣту,
Во всемъ ея роскошномъ, чудномъ блескѣ,
Когда желанье нравиться, одно
Минутное, безцѣльное кокетство,
Такой волшебный свѣтъ, такую нѣгу
На женщинъ проливаетъ мимоходомъ?....
Когда такъ утѣшительно, такъ сладко
Въ чужемъ восторгъ мгновенный пробуждать,
О, какъ должно быть слаще во сто разъ,
Невыразимо слаще быть любимой,
Любимой тѣмъ, кто намъ межъ всѣми милъ!....

Гр. Евд. Ростопчина.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 16. Августъ. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛИЦО И ИЗНАНКА.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

Мы сказали, что Василій Алексѣевичь ожидалъ минуты объясненія съ своей супругой, со страхомъ и трепетомъ. Испуганный еще больше насмѣшливымъ тономъ, которымъ отвѣчала она на его приглашеніе переговорить съ нимъ, онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ ни живъ, ни мертвъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ холодной воды, которую онъ по временамъ прихлебывалъ, чтобы хоть сколько-нибудь утишить свое волненіе. Наконецъ, въ дополненіе ко всему, Анна Михайловна, встревоженная еще сильнѣе горемъ дочери, проклиная въ душѣ Бирюзовскаго, готовая излить злобу свою на цѣлый свѣтъ, вошла къ нему съ такимъ дерзкимъ, надменнымъ видомъ, что онъ былъ совершенно-уничтоженъ. Прижавшись въ самый уголъ дивана, на которомъ сидѣлъ, Василій Алексѣевичь отъ души желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

Digitized by Google

— Вамъ угодно было говорить со мной, — сказала Анна Михайловна; — я къ вашимъ услугамъ.

И она смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла прибавить: напередъ знаю, что услышу глупости.

— Вы тоже что-то хотѣли сказать мнѣ, Анна Михайловна, — возразилъ Василій Алексѣевичь самымъ жалкимъ голосомъ, — такъ пожалуйста начните вы....

Но Анна Михайловна вовсе не хотѣла начинать. Прежде всѣхъ выходокъ противъ Бирюзовскаго, ей необходимо было узнать мнѣніе Василья Алексѣевича объ этомъ дѣлѣ.

— Вамъ право первенства по праву мужа, — сказала она. — Вы глава и повелитель. Начинайте; я васъ слушаю.

Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что Василій Алексѣевичь не смѣлъ уже сдѣлать никакого возраженія.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, — началъ онъ, заикаясь и прихлебывая воду, — что женщина самая честная, женщина самыхъ строгихъ правилъ легко можетъ сдѣлаться предметомъ злословія....

Анна Михайловна, никакъ не ожидавшая такого вступленія и еще не успѣвшая понять, къ чему оно клонится, смотрѣла на него во всѣ глаза.

— И, даже, чѣмъ лучше женщина, чѣмъ превосходнѣе она передъ другими, — продолжалъ Василій Алексѣевичь, — тѣмъ больше у нея завистниковъ и клеветниковъ на нее.... По этому-то и должно, Анна Михайловна.... и должно вамъ.... т. е. ей, вести себя какъ можно осторожнѣе....

— Что такое вы говорите? — сказала наконецъ Анна Михайловна, потерявшая всякое терпѣніе.

Этотъ вопросъ сбилъ Василья Алексѣевича съ его окольной дороги и съ заранѣе приготовленной имъ рѣчи. Онъ видѣлъ, что ему надобно говорить проще, чувствовалъ самъ, что, въ противномъ случаѣ, Анна Михайловна вовсе собьетъ его, и что онъ потеряетъ послѣднее присутствіе духа, тогда какъ ему необходимо было казаться важнымъ и твердымъ.

— Я говорю, — сказалъ онъ съ какой-то отчаянной рѣшительностью, очень похожей на ту, съ которой солдатъ

Digitized by Google

бросается на пушку, — я говорю, что васъ чернятъ и злословятъ....

Яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Анны Михайловны, но только на одну минуту. Она поняла наконецъ, въ чемъ дѣло, но продолжала смотрѣть на мужа тѣмъ же смѣлымъ, насмѣшливымъ взоромъ.

— Меня? — сказала она, улыбнувшись язвительно;— кто жь эти клеветники?....

— Весь уѣздъ, — сказалъ Василій Алексѣевичь горестно; — всѣ тѣ люди, которые теперь у насъ здѣсь въ гостяхъ.

— Позвольте же, по крайней мѣрѣ, спросить, въ чемъ меня обвиняютъ?

Василій Алексѣевичь молчалъ нѣсколько мгновеній и только шевелилъ губами, какъ будто слово, которое хотѣлъ онъ выговорить, застряло у него въ горлѣ. Храбрость его опять начала ослабѣвать, но онъ опять переломилъ себя, и произнесъ довольно твердымъ голосомъ: — васъ обвиняютъ въ томъ, что докторъ слишкомъ часто ѣздитъ къ вамъ, и что вы обращаетесь съ нимъ слишкомъ дружески.

При этихъ словахъ вся кровь Анны Михайловны прилила ей къ сердцу; она побѣднѣла, губы ея задрожали. Какъ ни хорошо она умѣла владѣть собой, но невольный страхъ уличенной преступницы, невольная злоба на людей, ее обличившихъ, на минуту взяли свое. Однакожь и тутъ она умѣла прикрыть себя искуснымъ маневромъ.

— Боже мой, какая черная клевета! — воскликнула она, схвативъ себя рукой за голову и, въ изнеможеньи, склонившись на спинку креселъ, на которыхъ сидѣла; — мнѣ дурно.... дурно!....

Василій Алексѣевичь принялся ее поить водой и оттирать ей виски одеколонемъ.... Черезъ минуту она смотрѣла на него такъ нѣжно, что онъ весь растаялъ.

— И вы этому вѣрите? — спросила она.

Мужъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, цѣловалъ ея руки и клялся всѣми клятвами, что онъ и не думаетъ вѣ-

Digitized by Google

рить такимъ глупымъ сплетнямъ; а сообщилъ ей объ этомъ, сберегая только ея репутацію.

— Но если клевещутъ на женщину, которая ведетъ себя совершенно безукоризненно, такъ что же прикажете дѣлать этой женщинѣ, чтобъ отвратить отъ себя клевету?

— Удалить все, что только можетъ подавать хоть малѣйшій поводъ къ клеветѣ, — отвѣчалъ Василій Алексѣевичь, ободренный ласковымъ тономъ жены, отъ которой за минуту назадъ ожидалъ страшнаго взрыва, страшнаго гнѣва невинно-оскорбленной женщины.

— То есть, вы хотите удалить доктора?

— Нѣтъ, я этого не хочу, я этого совсѣмъ не хочу.... Но это необходимо для оправданія васъ въ глазахъ свѣта.

Сердце Анны Михайловны опять сжалось.

— Стало быть въ угодность моихъ клеветниковъ я должна умереть? — спросила она въ нерѣшимости.

— Боже сохрани! — воскликнулъ Василій Алексѣевичь, все еще вѣрившій отъ чистаго сердца въ ея болѣзнь. — Я знаю, что здоровье ваше разстроено, что медицинскія пособія для васъ необходимы; но развѣ нельзя взять другаго доктора?

— Все это прекрасно; но если вы откажете доктору именно тогда, когда пособія его необходимы, когда леченье его такъ удачно, и откажете безъ всякой причины — развѣ это не подастъ повода къ новому злословію?.... Тогда всѣ, а въ томъ числѣ и самъ докторъ, ужь навѣрное подумаютъ, что вы дѣйствительно приревновали меня къ нему; и клеветники мои этимъ-то и будутъ доказывать справедливость своей клеветы....

Василій Алексѣевичь, пуще всего боявшійся огласки, въ свою очередь задумался.

— Вы правы, — сказалъ онъ; — удалить доктора вдругъ, безъ всякаго благовиднаго предлога, точно, будетъ неловко; но согласитесь сами, что нельзя же совершенно пренебречь и тѣмъ, что говорятъ....

Digitized by Google

— Знаю, очень хорошо знаю, и будьте увѣрены, что для оправданія себя передъ свѣтомъ, для чести вашего имени, я готова пожертвовать всѣмъ, даже моей жизнью. По этому я сдѣлаю вотъ что: здоровье мое плохо, но я буду говорить всѣмъ и каждому, что оно поправляется, буду увѣрять въ этотъ самого доктора. Визиты его постепенно сдѣлаются короче и рѣже, и злословіе умолкнетъ само собой.... Довольны ли вы этимъ?

— Но ваше здоровье? ваше здоровье? — повторялъ Василій Алексѣевичь, разчувствовавшись.

— Что же, я не совсѣмъ останусь безъ помощи. А потомъ, когда клевета умретъ, когда ложь окажется ложью, я дѣйствительно могу перемѣнить доктора, нисколько ужь не компрометируя ни себя, ни васъ.

Василій Алексѣевичь, въ восхищеніи, могъ только цѣловать ея руки.

— Ну, это кончено, — сказала Анна Михайловна; — теперь о другомъ. Говорилъ вамъ что-нибудь Бирюзовскій насчетъ Вареньки?

— Ни полслова.

— Онъ хочетъ жениться на ней, и сегодня сдѣлалъ, черезъ меня, предложеніе.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ Василій Алексѣевичь, чрезвычайно обрадованный такой новостью.

— Да. Объ этомъ-то я и хотѣла поговорить съ вами, и узнать ваше мнѣніе.

— Что же, я съ своей стороны совершенно согласенъ. Думаю, что и вы тоже?

— Разумѣется; но дѣло въ томъ, что Варенька несогласна.

— Какъ?

— Несогласна; и, по моему, очень благоразумно дѣлаетъ.

Василій Алексѣевичь разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Что вы, Анна Михайловна? Какого же ей еще жениха? человѣкъ богатый, человѣкъ хорошій, молодецъ собой.

— Что онъ богатъ и недуренъ, это правда; но я не знаю, можно-ли назвать хорошимъ такого человѣка, кото-

Digitized by Google

рый ухаживалъ за одной сестрой, и потомъ вдругъ вздумалъ свататься на другой?

— Да, это правда, — сказалъ Василій Алексѣевичъ, подумавъ; — я всегда замѣчалъ, то есть вы всегда говорили мнѣ, что ему больше нравится Наденька. Что жъ бы это значило?

— Это значитъ, что онъ вѣтреникъ. Варенька это видитъ, и знаетъ, что съ такимъ человѣкомъ она не будетъ счастлива.

— Гмъ!.... странно!.... — говорилъ Василій Алексѣевичъ, прохаживаясь въ раздумьѣ по комнатѣ. — Жалко!.... а партія выгодная!.... Однакожъ, — сказалъ онъ, вдругъ остановившись противъ Анны Михайловны, — я желалъ бы самъ поговорить объ этомъ съ Варенькой.

— Да, мы это и сдѣлаемъ. Завтра, утромъ, мы придемъ къ вамъ вмѣстѣ. Вы поговорите съ Варенькой; потомъ пригласите къ себѣ Бирюзовскаго; и Варя, въ нашемъ присутствіи, сама скажетъ ему отвѣтъ.

— Прекрасно, прекрасно! лучше этого ничего нельзя придумать. Если Варя сама откажетъ ему, тогда ей не на кого будетъ пенять....

Василій Алексѣевичъ и Анна Михайловна разстались совершенно довольные другъ другомъ.

Анна Михайловна устроила свою деревенскую жизнь чисто на образецъ французской vie de châteaux. Всѣ гости, которымъ случалось ночевать у Комскихъ, или даже проводить по нѣсколько дней, нисколько не стѣсняли хозяевъ своимъ присутствіемъ и не стѣснялись сами. Утромъ разносили чай по комнатамъ; потомъ собравшись къ завтраку, расходились опять, и до самаго обѣда, каждый могъ дѣлать, что ему было угодно. Слѣдуя этому порядку, хозяева не спѣшили выходить къ гостямъ и на другой день имянинъ Василья Алексѣевича, тѣмъ больше, что наканунѣ всѣ разошлись поздно и завтракъ на фермѣ былъ назначенъ въ два часа. Пока общество еще не собралось, Василій Алексѣевичъ прислалъ просить къ себѣ Бирюзовскаго.

Digitized by Google

Когда онъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, Анна Михайловна и Варенька были ужь тамъ. Обѣ онѣ и самъ Василій Алексѣевичь сидѣли чинно и важно, какъ будто на какомъ-нибудь церемоніалѣ. Василій Алексѣевичь попросилъ Бирюзовскаго сѣсть поближе.

Вся эта торжественность не только не удивила Бирюзовскаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно увѣрила, что дѣло кончено въ его пользу. Больше всего увѣряло его въ томъ присутствіе самой Вареньки. Она была блѣдна, щеки ея впали; но на лицѣ ея царствовало то величавое спокойствіе, которое выражается на лицѣ человѣка, твердо рѣшившагося принесть лучшія свои надежды въ жертву спокойствію совѣсти. Блѣдность Вареньки Бирюзовскій приписывалъ вчерашней ея болѣзни и торжественности самой минуты.

— Я узналъ отъ Анны Михайловны, — началъ Василій Алексѣевичь, — что вамъ угодно было сдѣлать честь моей дочери вашимъ предложеніемъ....

Бирюзовскій поклонился.

— Личныя ваши достоинства, — продолжалъ Василій Алексѣевичь, — ваше имя, ваше состояніе вполнѣ обязываютъ меня благодарить васъ за эту честь, и отъ себя и отъ лица моей дочери. (Бирюзовскій снова поклонился). — Но что касается до ея согласія, въ это мы не вмѣшиваемся, ни я, ни Анна Михайловна. Мы предоставили сдѣлать выборъ ей самой, и она сама и должна отвѣчать вамъ.

— Могу-ли я надѣяться, Варвара Васильевна? — спросилъ Бирюзовскій, въ душѣ смѣясь надъ всей этой церемоніей, по поводу которой онъ долженъ былъ, для одной формальности, спрашивать Вареньку о томъ, что ужь давно зналъ.

Отвѣтъ, ожидаемый Бирюзовскимъ, готовъ былъ слетѣть съ губъ дѣвушки, готовъ былъ насильно у нея вырваться.... но она знала, что Анна Михайловна успѣла ужь предупредить Василья Алексѣевича въ ея несогласіи на это замужество, знала, что, сорвавъ такъ явно личину съ своей мачихи, въ присутствіи отца, она поразитъ его слишкомъ жестоко, отравитъ навсегда его семейное счастіе сдѣлаетъ для него

Digitized by Google

всю остальную жизнь адомъ, — и призвала на помощь всю свою твердость.

— Я должна вамъ повторить то, — сказала она, — что вы ужь слышали отъ папеньки; и вмѣстѣ извиниться, что не могу принять вашего предложенія. Я не расположена идти замужъ....

Отвѣтъ этотъ до того изумилъ Бирюзовскаго, что онъ, въ полномъ смыслѣ слова, остолбенѣлъ, и молча, растерянный, смотрѣлъ то на Василья Алексѣевича, то на Вареньку, то на Анну Михайловну, въ глазахъ которой свѣтилась злобная радость удовлетвореннаго мщенія за вчерашнюю мистификацію Бирюзовскаго.

Эта сцена молчанія была однакожь минутная. Тотчасъ послѣ отвѣта Вареньки, Комскіе встали, чтобы идти къ гостямъ.

Выходя изъ комнаты, Анна Михайловна подошла къ Бирюзовскому и сказала:

— Очень жалѣю, Мг Бирюзовскій, что я ничего не могла для васъ сдѣлать.

Бирюзовскій молчалъ; онъ все еще ничего не понималъ, не зналъ, и не нашелся, что̀ отвѣчать ей. Машинально вышелъ онъ изъ комнаты вслѣдъ за ними и пошелъ прямо въ садъ.

«Что же это такое? — думалъ онъ, когда способность мыслить начала наконецъ возвращаться къ нему; — она имѣла полную свободу, по крайней мѣрѣ, полную возможность, сказать при отцѣ и при мнѣ, что любитъ меня — и не сказала.... Неужели они согласились съ Анной Михайловной одурачить меня?.... Неужели Анна Михайловна умѣла чѣмъ-нибудь очернить меня въ ея глазахъ?.... Или страхъ передъ мачихой такъ великъ, что она отъ одного ея присутствія теряетъ всю силу воли?....» И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ Бирюзовскій находилъ, что любовь въ нему Вареньки слишкомъ слаба и шатка, и что сама она слишкомъ безхарактерна. Въ эту минуту онъ чувствовалъ противъ нее одно только негодованіе, и не подозрѣвая ни всего ослѣпленія Василія Алексѣевича въ пользу жены, ни всей великости самопожертвованія, къ которому принудила себя Варенька для

Digitized by Google

спокойствія отца, ни того, до какой степени Анна Михайловна употребляла во зло и любовь къ себѣ мужа, и слишкомъ нѣжную привязанность Вареньки къ отцу. Взбѣшенный, растерянный, не умѣя еще сообразить, какъ понимать ему все, что онъ видѣлъ и слышалъ, не зная, на что рѣшиться и чего еще ожидать, онъ тотчасъ же уѣхалъ домой, не показавшись даже обществу, которое узнало о его отъѣздѣ тогда только, когда экипажъ его, прямо отъ садовыхъ воротъ, промелькнулъ мимо дома.

— Куда это онъ? — спрашивали у Грибкова.

Но Грибковъ самъ смотрѣлъ на всѣхъ съ удивленіемъ, какъ бы спрашивая о томъ же.

— Не понимаю, — сказалъ онъ наконецъ, пожимая плечами. — Просто съ ума сошелъ!.... Уѣхать не сказавши мнѣ ни слова!.... Хорошо, что у меня здѣсь свой экипажъ; а то поѣзжай хоть на обывательскихъ!

Слухъ о томъ, что Бирюзовскій былъ приглашенъ въ кабинетъ Василья Алексѣевича для объясненія, разнесся по всему дому. Всѣмъ хотѣлось узнать послѣдствія этого объясненія, и внезапный отъѣздъ Бирюзовскаго подстрекнулъ еще больше всеобщее любопытство. Гости ждали съ нетерпѣніемъ выхода Анны Михайловны, надѣясь, что вмѣстѣ съ ея появленіемъ дѣло объяснится само собой, что конецъ его можно будетъ угадать по одному взгляду на нее и дочерей. Но Анна Михайловна вышла, какъ обыкновенно, величавая, спокойная, прекрасно одѣтая въ богатую амазонку. Обѣ дѣвушки вышли за ней, тоже очень гладко причесанныя, очень тщательно и даже щегольски одѣтыя. Правда, обѣ онѣ были блѣдны, какъ бы утомлены, — но что же можно было угадать по этой блѣдности и этому утомленію, которыя нерѣдко слѣдуютъ за баломъ. Сердце Наденьки разрывалось отъ ревности, отъ обманутой любви, но она казалась спокойной изъ гордости, къ которой еще больше подстрекала ее мать. Варенька скрывала несносную тоску свою изъ той же боязни — огорчить отца, и изъ стыда обнаружить свое жалкое, унизительное положеніе подъ тяжелой властью мачихи. На безстрастномъ, холодномъ лицѣ Анны Михайловны и подавно

Digitized by Google

нельзя было прочесть ничего. На немъ не выражалось никакихъ слѣдовъ ни грусти, ни удовольствія, ни торжества, ни негодованія. Раскланявшись съ обществомъ, она тотчасъ начала разговоръ о предстоящей прогулкѣ на ферму и о распоряженіяхъ для этого.

Многимъ дамамъ очень хотѣлось спросить, куда и зачѣмъ уѣхалъ Бирюзовскій; но они сами сознавали всю неловкость такого щекотливаго вопроса, и чувство приличья брало верхъ надъ любопытствомъ, которое впрочемъ страдало не долго. Анна Михайловна, какъ будто нечаянно, — а между тѣмъ, съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ, — показать дѣло именно въ томъ видѣ, въ какомъ ей хотѣлось, сама обратила разговоръ къ предмету, всѣхъ занимавшему (это они также очень хорошо знали).

Когда она стала разсчитывать дамъ и кавалеровъ для предстоявшей прогулки, и назначать, кому ѣхать въ экипажахъ и кому въ кавалькадѣ, она сказала:

— Вообразите, mesdames, мы совсѣмъ нечаянно лишились нынче одного кавалера, на котораго тоже разсчитывали. Mr Бирюзовскій уѣхалъ, и бросилъ на произволъ судьбы дамъ, которыхъ онъ долженъ былъ провожать. Не правда-ли, что это съ его стороны очень любезно!

— Да, скажите пожалуйста, что это значитъ? — спросило нѣсколько голосовъ; и толпа, обрадованная такимъ началомъ, плотнѣе сомкнулась вкругъ Анны Михайловны, которая только этого и хотѣла.

— Онъ, кажется, прогнѣвался за такую вещь, — продолжала она голосомъ спокойнымъ и немножко насмѣшливымъ, — за что не долженъ сердиться ни одинъ благоразумный человѣкъ. Вотъ вамъ вся исторія: онъ просилъ руку Вареньки, а Варенька была столько разсудительна, что отказала.

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли и на Анну Михайловну, и на Вареньку, которая въ эту минуту вспыхнула какъ огонь; потомъ поблѣднѣла и судорожно схватилась за спинку креселъ, подлѣ которыхъ стояла.

— Вы удивляетесь, что Варя отказала такому жениху, какъ Бирюзовскій, — продолжала Анна Михайловна: — я

Digitized by Google

этого и ожидала, потому что, до сихъ поръ, всѣ мы слишкомъ мало знали этого человѣка. — Она наклонилась къ двумъ или тремъ дамамъ, сидѣвшимъ ближе другихъ, и прибавила въ полголоса, но такъ однакожъ, что многіе могли слышать:

— Бирюзовскому кто-то сказалъ, что мы за Надей даемъ гораздо больше приданаго, чѣмъ за Варенькой, — съ нѣкотораго времени на насъ много выдумываютъ, — замѣтила она въ скобкахъ и бросивъ значительный взглядъ на все общество. — Отъ этого Бирюзовскій и искалъ въ Надѣ. Но когда узналъ послѣ, что мы даемъ за дочерьми поровну, и что Варя все имѣніе своей матери получитъ тотчасъ, какъ только выйдетъ замужъ, а часть Наденьки пополнится моимъ имѣніемъ, послѣ моей смерти, — тогда онъ сталъ заниматься Варенькой, и притворился, что безъ памяти въ нее влюбленъ.... Послѣ этого, кажется, не удивительно, что Варя ему отказала?

— Какая низость! — сказали слушательницы, пожавъ плечами.

— Quelle lâcheté! — подхватила молодая дама, которую наканунѣ, за обѣдомъ, забавлялъ своими остротами Грибковъ. — Mr Grybcoff, entendez-vous? слышите вы неожиданную развязку романа, который сочинилъ для васъ Mr Бирюзовскій?

— Кто жъ его зналъ, — сказалъ Грибковъ, — что онъ такой сочинитель? просто Дюма!

— А вотъ наука, — продолжала молодая дама; — въ другой разъ вы, вѣрно, не захотите попасть въ число семидесяти сотрудниковъ....

Разсказъ Анны Михайловны вообще чрезвычайно понравился. Даже тѣ люди, которые прежде говорили, что Бирюзовскій непремѣнно женится на Наденькѣ, а Вареньку только завлекаетъ, нисколько не претендовали на этотъ разсказъ, хотя и противорѣчившій ихъ предположеніямъ. Они были довольны и тѣмъ уже, что Бирюзовскій, такъ или сякъ, а все-таки оказывался виновнымъ. Аннѣ Михайловнѣ вѣрили очень охотно, по странному свойству — охотнѣе вѣрить худому, чѣмъ хорошему.

Digitized by Google

А смущеніе Вареньки, а ея смертная блѣдность, а ея судорожный трепетъ — неужели все это прошло незамѣченнымъ и никому непонятнымъ?.... Иные думали, что все это — обыкновенная, очень естественная стыдливость и очень обыкновенное волненіе дѣвушки, при которой говорятъ о женихѣ, — и только. Притомъ всѣ вслушивались въ полутаинственный, ядовитый шепотъ Анны Михайловны, съ такимъ напряженнымъ любопытствомъ, что на Варю почти никто не обратилъ пристальнаго вниманія....

Экипажи были поданы, верховыя лошади подведены къ крыльцу.

Длинный поѣздъ шумно и весело потянулся къ фермѣ.

Докторъ давно предписалъ Аннѣ Михайловнѣ, для укрѣпленія слабыхъ нервъ ея, прогулки верхомъ, въ которыхъ и самъ часто сопровождалъ ее. И теперь она отправилась верхомъ, въ сопровожденіи цѣлой кавалькады, которую составляли докторъ, Наденька и еще нѣсколько молодыхъ дамъ и кавалеровъ. Почетныя дамы усѣлись въ открытомъ ландо Комскихъ, гдѣ Варенька, за отсутствіемъ матери, обязана была занимать мѣсто хозяйки. Прочіе гости размѣстились въ коляскахъ, линейкахъ, шарабанахъ. Грибковъ сѣлъ кучеромъ въ свою коляску и вызывался лихо прокатить прекрасныхъ пассажирокъ, которымъ угодно будетъ положиться на его искусство. Но вѣрующихъ въ его кучерскіе таланты нашлось не много. Къ нему никто не хотѣлъ сѣсть, кромѣ молодой дамы, его пріятельницы; а чтобъ ей не быть въ экипажѣ одной, онъ втащилъ еще, почти насильно, Аксинью Ивановну.

Анна Михайловна была, на этотъ разъ въ какомъ-то особенно-веселомъ расположеніи духа. Едва только выѣхали въ поле, она пустила во весь духъ лихаго скакуна, и далеко оставила за собой всю кавалькаду, кромѣ доктора, подъ которымъ была тоже очень бойкая, и притомъ до того горячая лошадь, что по неволѣ несла его въ слѣдъ за лошадью Анны Михайловны. Ускакавъ, вмѣстѣ съ докторомъ, саженъ на сто отъ верховыхъ и отъ экипажей, они на минуту остановились, и потомъ понеслись обратно опять во весь духъ. Въ продолженіи дороги это повторялось нѣсколько разъ: во время

Digitized by Google

такой скачки, докторъ игралъ самую жалкую и смѣшную роль. Плохой, непривычный ѣздокъ, онъ еще управлялся съ смирной и послушной лошадью; но на скакунѣ, который мчалъ его, сломя голову, противъ воли, онъ терялъ стремена, хватался за гриву, корчился въ три погибели. Самый костюмъ его, на этотъ разъ, былъ худо приспособленъ къ верховой ѣздѣ. Панталоны безъ штрипокъ безпрестанно вздергивались къ верху; шляпа валилась съ головы, такъ что онъ долженъ былъ нахлобучить ее до самыхъ глазъ; фалды фрака до того развѣвались отъ быстроты и вѣтра, что хлестали его по ушамъ. Несчастное положеніе доктора, казалось, очень забавляло Анну Михайловну, и она изъявляла свое удовольствіе самымъ непринужденнымъ смѣхомъ.

— Не правда-ли, господа, — говорила она, подъѣзжая къ экипажамъ, — докторъ или не долженъ прописывать верховой ѣзды своимъ паціенткамъ, или самому ему надо выучиться лучше ѣздить верхомъ. Верховая ѣзда — опасное лекарство; его нельзя употреблять безъ присутствія доктора; посмотрите, кому теперь больше нужна помощь, ему или мнѣ?....

И она опять пускалась скакать, и докторъ опять изгибался ужомъ, и панталоны его вздергивались, и фалды фрака развѣвались на его спинѣ, точно крылья.

— Это ужасно однакожь! — сказала молодая дама, сидѣвшая въ коляскѣ Грибкова; — я готова держать пари, что она не только не имѣетъ къ нему никакой любви, но даже ни малѣйшей жалости.... Она просто убьетъ его, эта проклятая Бедуинка.... Какъ вы думаете, Аксинья Ивановна?

— Объ чемъ, матушка? — спросила старуха, не видавшая, по слабости зрѣнія, что дѣлалось впереди, и не понявшая хорошенько вопроса.

— Объ томъ, что ваши слова не сбываются. Вчера вы пророчили, что на доктора обрушится гнѣвъ Василія Алексѣича, — а онъ цѣлый вечеръ былъ съ нимъ такъ ласковъ,— ласковѣе прежняго. Вы говорили, что Анна Михайловна и не наговорится съ докторомъ, и не наглядится, — а она его мыкаетъ за собой на такой лошади, что, того и гляди, сломитъ ему голову.... Она, просто, надъ нимъ смѣется....

Digitized by Google

— И, матушка, не впервый имъ скакать вмѣстѣ по полямъ-то. Хорошо еще, что теперь скачутъ при людяхъ; а случается, что уѣдутъ Богъ знаетъ куда одни-одинешеньки.

— Mais elle ne comprend rien, cette bûche! — сказала съ досадой молодая дама. — Qu'est ce que vous croyez, Mr Grybkoff?

— Я думаю, — отвѣчалъ Грибковъ, — что я никогда не могъ-бы влюбиться въ Амазонку.

— Вотъ милый отвѣтъ; кому нужно знать, въ кого вы можете влюбиться?.... Я спрашиваю, что вы думаете объ этой скачкѣ?

— Ровно ничего́. Послѣ сказки, которую разсказалъ мнѣ Бирюзовскій, я сталъ такимъ скептикомъ, что не вѣрю ни ушамъ своимъ, ни глазамъ....

Василій Алексѣевичь, ѣхавшій въ кабріолетѣ, вдвоемъ съ Лутохинымъ, былъ очень доволенъ веселостью Анны Михайловны, и доволенъ тѣмъ больше, что веселость эта разражалась на счетъ доктора.

— Ну самъ ты скажи, — говорилъ онъ Григорью Андреевичу, смѣясь отъ души надъ скачущимъ докторомъ,— можно-ли послѣ этого вѣрить слухамъ, что распустили про Анну Михайловну?.... Она просто его дурачитъ, и дурачитъ такъ, что мнѣ самому и жалко его, и совѣстно.... За что же? человѣкъ ей помогъ.... Все это отъ того, братецъ, — прибавилъ онъ съ упрекомъ, — что ты заставилъ меня сдѣлать ей замѣчаніе, которое ее ужасно оскорбило.

Григорій Андреевичь молчалъ. Высказавъ Комскому все, что зналъ онъ и что слышалъ, видя, что слова его, такъ или сякъ, произвели свое дѣйствіе, онъ не считалъ за нужное больше вмѣшиваться въ эти дѣла, по крайней мѣрѣ до времени. Онъ замѣтилъ только Василью Алексѣевичу, съ маленькой усмѣшкой, что докторъ (вѣроятно, *по добротѣ* своей) вовсе, кажется, не сердится за насмѣшки Анны Михайловны.

За полверсты до фермы, Анна Михайловна дала вздохнуть и своей лошади и доктору; она поѣхала шагомъ. Докторъ имѣлъ время оправиться, и весь поѣздъ стройно и чинно приблизился къ фермѣ, гдѣ, въ прекрасной молочнѣ, отдѣ-

Digitized by Google

ланной въ самомъ простомъ, сельскомъ вкусѣ, но съ опрятностію истинно голландской, былъ приготовленъ роскошный завтракъ. Сливки, масло, варенцы и прочія молочныя издѣлія, поданныя въ бѣлой, легонькой, фаянсовой посудѣ, служили къ нему только дополненіемъ.

— Знаете-ли, докторъ, — сказала Анна Михайловна, во время завтрака, — что изъ всѣхъ вашихъ лекарствъ мнѣ помогли всего больше верховая ѣзда и молочная пища: отъ нихъ мое здоровье почти совсѣмъ поправилось.

— Очень радъ, — отвѣчалъ докторъ; — и тѣмъ больше, что мнѣ теперь надо отлучиться, и я у васъ не буду, можетъ быть, недѣли двѣ. Продолжайте оба средства, и, покамѣсть, вамъ ничего больше не нужно.

Докторъ, во время скачки переносившій очень терпѣливо всѣ насмѣшки Анны Михайловны, опомнившись отъ испуга и оправившись, казалось, почувствовалъ наконецъ нанесенное ему оскорбленіе. Онъ былъ не веселъ и говорилъ съ Анной Михайловной сухо и отрывисто.

Послѣ завтрака молодежь разсыпалась по лугу, около молочни. Главный предметъ разговора составляла послѣдняя продѣлка Анны Михайловны съ докторомъ.

— Докторъ-то, кажется, уволенъ въ чистую, — замѣтилъ кто-то.

— Да еще съ дипломомъ дурака, — прибавилъ другой господинъ.

— Теперь я этому нимало и не удивляюсь, — подхватилъ третій. — Она сама объявила, что выздоравливаетъ: на что же ей докторъ? Тонетъ — топоръ сулитъ, а вытащатъ — и топорища жаль!

— Да гдѣ жь интрига, о которой столько кричали? — спросилъ Грибковъ, подошедшій въ это время къ разговаривающимъ, вмѣстѣ съ своей спутницей, молодой дамой, которая прогуливалась по лугу, объ руку съ нимъ.

— Какая интрига! — возразилъ одинъ помѣщикъ, очень часто заимствовавшійся отъ Василья Алексѣевича кое-какимъ хлѣбцомъ, то на посѣвъ, то на продовольствіе крестьянъ, а еще чаще игравшій съ Анной Михайловной въ преферансъ.—

Digitized by Google

Теперь видно, что это сущій вздоръ, и что всѣ эти сплетни такъ же справедливы, какъ, что я — не я и что Василій Алексѣичь не богачь, а бѣднякъ.

— Je parle ma tête, — подхватила спутница Грибкова, — что тутъ нѣтъ, и не было никогда, ни капли любви. Женщина не можетъ такъ варварски поступать съ человѣкомъ, котораго она любитъ. Это не въ натурѣ вещей!

— А почему вы думаете, что Василій Алексѣичь такъ богатъ и что состояніе его не разстроено? — спросилъ небогатаго помѣщика, и перебивая слова молодой дамы, пожилой господинъ, сосѣдъ Комскаго, который нежножко завидовалъ ему и въ роскошномъ образѣ жизни, и въ роскошномъ устройствѣ хозяйства.

— Во-первыхъ, — отвѣчалъ небогатый помѣщикъ, — вотъ по этимъ коровамъ, которыхъ у насъ съ вами нѣтъ, (и онъ указалъ десятка на два отличныхъ тирольскихъ коровъ, ходившихъ въ обгороженной леводѣ); а еще по лошадямъ и экипажамъ, которыхъ тоже у насъ съ вами нѣтъ; въ-третьихъ по образу жизни, который ведетъ Василій Алексѣичь въ продолженіи столькихъ лѣтъ и котораго мы съ вами вести не можемъ.... Кажется доказательства очевидныя?....

Пожилой господинъ повертѣлъ своей палкой, посмотрѣлъ на небогатаго помѣщика, и потомъ, заложивъ руки назадъ, пошелъ прочь.

Василій Алексѣевичь показалъ гостямъ своихъ тирольскихъ коровъ, свой отлично устроенный скотный дворъ, свои улучшенныя земледѣльческія орудія — словомъ, всѣ достопримѣчательности своей, такъ называемой, образцовой фермы. За тѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ, получивъ отъ хозяина приглашеніе пожаловать къ нему опять 9 Сентября, въ день имянинъ Анны Михайловны, на обѣденный столъ, балъ, ужинъ и фейерверкъ.

Черезъ день послѣ этого празднества, во время котораго сосѣди Василья Алексѣевича еще больше стали вѣровать въ его неисчерпаемое богатство и почти вовсе разувѣрились во всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ противъ Анны Михайловны, слуга Комскихъ везъ на почту письма слѣдующаго содержанія:

Digitized by Google

1.

Отъ Комскаго къ старому сослуживцу и пріятелю.

«Почтеннѣйшій другъ,

Гаврило Сергѣевичь!

Бывъ много разъ обязанъ тебѣ въ жизни сей*, твоими совѣтами, помогательствомъ въ дѣлахъ моихъ и ссудою довольно-значительныхъ суммъ, которыя впрочемъ всегда были возвращаемы съ должной аккуратностію, въ назначенные сроки, я питаю надежду, что ты и теперь не откажешь въ моей просьбѣ.

Дѣло мое, любезный другъ, предпринятое обще съ Григорьемъ Андреевичемъ Лутохинымъ, не состоялось, а между тѣмъ стоило мнѣ большихъ и безполезныхъ издержекъ. Другія дѣла мои, по случаю плохихъ урожаевъ и происходящихъ отъ того разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, тоже идутъ очень тихо, почему въ настоящее время и оказываются въ доходахъ и выручкахъ значительные дефициты. А между тѣмъ подходятъ сроки нѣкоторымъ заемнымъ письмамъ, требующимъ платежа процентовъ, мною въ наличности не имѣемыхъ, что̀ для меня крайне стѣснительно. Не откажи, любезный другъ, выручи изъ непріятнаго положенія, въ какомъ нахожусь, которое впрочемъ долго продолжиться не можетъ. Настоящій урожай, уборки котораго только что начались, довольно изобиленъ. Ты самъ, какъ человѣкъ коммерческій, и видишь, что какъ только хлѣбные подвозы придутъ въ уваженіе и настоящія цѣны на хлѣбъ установятся, то и дѣла мои всѣ непремѣнно примутъ другой оборотъ. Тогда всѣ дефициты покроются, и мы опять расплатимся честно. Мнѣ же нужно не больше, какъ 10 т. руб. сер., на шестимѣсячный срокъ.

Знаемъ, батюшка, что вы будете опять ворчать и дѣлать намъ различныя наставленія: что вы, дескать, роскошно

* Василій Алексѣевичь начиналъ письма свои не очень складно, и мѣстами никакъ не умѣлъ сладить съ синтаксисомъ.

Digitized by Google

живете; что вы даете повадку женѣ; что она, дескать, пуститъ васъ съ кошелемъ по-міру, да и сама за вами пойдетъ.... Эхъ братъ, Гаврило Сергѣевичъ, все это ты говоришь отъ того, что самъ не женатъ и что сердце твое зачерствѣло отъ холостой жизни. Ну посуди самъ, какъ не потѣшить женщину, которую любишь, какъ не потѣшить дѣтей? Всѣ жь они молоды, жить хотятъ. Да и какъ нашему брату, коммерческому человѣку, перемѣнить образъ жизни? Убавь только одинъ обѣдъ въ годъ, зажги одной свѣчей меньше — тотчасъ закричатъ: «ну, видно, дѣла плохи!» кредитъ лопнетъ, и конецъ. А какъ задашь, этакъ, обѣдецъ да фейерверочекъ, такъ, глядишь, дни черезъ два, черезъ три, и явится какой-нибудь благодѣтельный человѣкъ, съ предложеніемъ: не нужно-ли, дескать, вотъ Василій Алексѣевичъ, для оборотовъ денегъ? Сумма конечно небольшая, мнѣ даже совѣстно; но я бы счелъ за одолженіе, если бы изволили взять, и проч. и проч.; а съ этимъ прочимъ и прочимъ и набѣжитъ, словно съ неба свалится, тысячь пятокъ серебромъ, которые, подъ часъ, очень и очень годятся кое на какіе оборотишки. Вотъ на этомъ-то основаньи я и разсуждаю, что чѣмъ тѣснѣе обстоятельства, тѣмъ больше надобно стараться о поддержаньи кредита. Впрочемъ ты знаешь мои фонды, и знаешь, что я окредитованъ не свыше ихъ. А я знаю, что ты, поворчавъ, поворчавъ, все таки смилуешься, т. е. не откажешь въ моей покорнѣйшей и убѣдительнѣйшей просьбѣ, чѣмъ много и премного одолжишь.

Анна Михайловна тебѣ кланяется и присовокупляетъ къ моей просьбѣ и свою. Она собственными руками шьетъ для тебя по канвѣ подушку, которую ты въ скоромъ времени и получишь, совсѣмъ ужь отдѣланную, въ отличнѣйшемъ видѣ.»

2.

Отъ Наденьки къ пансіонской подругѣ.

Я погибла, chère Annette, погибла! Всѣ надежды мои разрушились, всѣ мечты мои исчезли!.... О Annette, Annette, что я должна сказать тебѣ!.... Онъ не любитъ меня, онъ....

Digitized by Google

Нѣтъ, не могу.... слезы льются изъ глазъ, рыданія душатъ.... Онъ любитъ другую! ...

О, моя милая, еслибъ ты знала, какъ тяжело мнѣ теперь говорить о немъ!.... Такъ тяжело, какъ прежде было пріятно. Но мнѣ нужно* говорить съ тобой, нужно облегчить мое сердце. Не знаю только, съумѣю ли я высказать все, что хочу.

Въ папенькины имянины онъ пріѣхалъ къ намъ. Maman замѣтила, что онъ очень разсѣянъ, задумчивъ, и сказала мнѣ: «Ну, Nadine, Mr Бирюзовскій непремѣнно сдѣлаетъ тебѣ предложеніе. Я увѣрена....» Въ самомъ дѣлѣ онъ въ тотъ же день объяснился съ маменькой, а вечеромъ она мнѣ объявила, что онъ точно сдѣлалъ предложеніе, только не мнѣ, а Варѣ!.... Я не выдержала, заплакала, а маменька вздумала утѣшать меня тѣмъ, что Варю не отдадутъ за него, что онъ перестанетъ къ намъ ѣздить, и что я перестану наконецъ о немъ думать!.... Хорошо утѣшеніе, неправда-ли? Отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, видѣть въ будущемъ одну тоску безконечную, и, въ добавокъ еще, терзаться невыносимыми муками ревности!.... Ахъ, Anette, если бъ ты знала, какое это страшное чувство ревность, и какъ мучительно гложетъ она сердце!.... Такъ и хочется плакать всякую минуту!.... А maman велитъ мнѣ переламывать себя, безпрестанно твердитъ, что я должна казаться спокойной изъ гордости, должна непремѣнно забыть Бирюзовскаго. Да развѣ можно насильно заставить себя забыть того, кого любишь?

При гостяхъ и даже при папенькѣ я и перемогаюсь; но это еще несноснѣе, и я сама вижу, что очень дурно умѣю притворяться. Только одно присутствіе Вареньки дѣлаетъ на меня какое-то странное дѣйствіе: когда я вижу ее, всѣ мои чувства точно замираютъ и наружность сама собой становится ледяная.... Видно тутъ-то и просыпается во мнѣ настоящая гордость....

Бирюзовскому отказали. Даже сама Варенька отказала ему, но это-то еще для меня мучительнѣе. Я знаю, что она его любитъ, что она отказалась отъ него по принужденію, и что Бирюзовскій все это очень хорошо понимаетъ.... Какими

* Выраженіе, оставшееся изъ пансіона.

Digitized by Google

же глазами долженъ онъ теперь смотрѣть на меня?.... Я одна и мѣшаю его счастью, составляю преграду между нимъ и Варенькой, — что жь послѣ этого можетъ онъ ко мнѣ чувствовать?.... Одну ненависть, одно презрѣніе — и ничего больше!.... Чье положеніе ужаснѣе моего?.... И я рѣшительно не знаю, что мнѣ дѣлать!... Иногда мнѣ приходитъ мысль просить маменьку, чтобы Варю отдали за него; но потомъ опять мнѣ кажется, что часъ ихъ свадьбы будетъ часомъ моей смерти.... Да и маменька меня не послушаетъ. Она такъ легко судитъ объ этомъ; она говоритъ, что черезъ полгода, много черезъ годъ, и я забуду объ немъ и онъ забудетъ объ Варенькѣ!... Иногда мнѣ приходитъ мысль написать къ нему, объяснить ему, что все это дѣлается противъ моей воли, что я тутъ ни въ чемъ не виновата, что ему не за что меня ненавидѣть; но я не смѣю рѣшиться на это, чтобъ не вышли Богъ знаетъ какія послѣдствія.... Подай мнѣ совѣтъ; напиши, утѣшь меня, какъ можешь и какъ умѣешь!....»

Отъ Варенькн письма не было ни къ кому. Она знала, что, при настоящихъ обстоятельствасъ, всякое ея письмо будетъ предварительно просмотрено Анной Михайловной, и, если ей не понравится, никакъ ужь не пойдетъ дальше.

Прошелъ мѣсяцъ. Исторія объ Аннѣ Михайловнѣ и о докторѣ почти совершенно заглохла, потому что докторъ во все это время былъ у Комскихъ не больше двухъ разъ, да и то съ самыми коротенькими визитами. Бирюзовскій тоже не былъ у нихъ съ самыхъ именинъ Василья Алексѣевича; а, поэтому, и всѣ толки о немъ и о дочеряхъ Комскаго также прекратились. Словомъ, все семейство Василья Алексѣевича наслаждалось, по видимому, такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, что къ нему не смѣли, наконецъ, прикасаться и самые злые языки самыхъ отъявленныхъ сплетниковъ и сплетницъ. Даже Аксинья Ивановна говорила, что «Анна Михайловна, подкрѣпи се Богъ, оставила всѣ свои глупости и наплевала на проклятаго дохтура....»

Digitized by Google

Наступилъ день именинъ Анны Михайловны.

Въ домѣ Комскихъ была такая же суета, какъ и въ именины Василья Алексѣевича, если еще не бо́льшая. Къ нимъ опять ѣхали гости со всѣхъ сторонъ; но толки о тѣхъ, къ кому ѣхали, были другіе.

— Ну, нынче будетъ праздникъ на-славу, — говорили въ одной каретѣ; — говорятъ, одинъ фейерверкъ стоитъ полторы тысячи серебромъ.

— Какъ несправедливо обижали Анну Михайловну, — говорили другіе, — и какъ ясно теперь эта несправедливость доказана. Была больна — и нуженъ былъ докторъ; теперь выздоровѣла — и не надо его.

— Кромѣ того, что она хорошая жена, — говорили третьи, — она и прекрасная мать. Другая на ея мѣстѣ очень бы довольна была спихнуть съ рукъ падчерицу не только за Бирюзовскаго, а за кого ни попало. А она вразумила ее, доказала ей, что онъ чистый интересанъ.... И видно хорошо отбрила молодца, что онъ съ тѣхъ поръ и глазъ не кажетъ.

Въ числѣ гостей пріѣхалъ къ Комскимъ и докторъ; но на этотъ разъ его появленіе не повело за собой ни насмѣшливыхъ взглядовъ, ни шопота, ни куплетовъ. На него смотрѣли, какъ и на всѣхъ другихъ, *вмѣнившихъ себѣ въ непремѣнную обязанность* поздравить Анну Михайловну со днемъ ея ангела. Только знакомая намъ болтушка, молодая дама, которая очень любила всѣ съѣзды и праздники, а потому не пропустила случая явиться и на этотъ, замѣтила, что, если бъ она была на мѣстѣ доктора, то послѣ прогулки на ферму, не только не рѣшилась бы пріѣхать къ Аннѣ Михайловнѣ съ поздравленіемъ, но даже не прописала бы ей и содоваго порошка. А Грибковъ, тоже непремѣнный членъ всѣхъ именинныхъ обѣдовъ, особенно въ домахъ богатыхъ и аристократическихъ, прибавилъ, что на такую паціентку, которая платитъ по 10 руб. сер. за визитъ, нѣтъ никакой возможности сердиться ни одному доктору.

— А скажите пожалуйста, — спросилъ кто-то Грибкова, — будетъ нынче Бирюзовскій?

Digitized by Google

— Не думаю, — отвѣчалъ Грибковъ, — потому что онъ не любитъ даже и говорить о здѣшнемъ домѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Ну, по крайней мѣрѣ, какъ онъ самъ разсказываетъ о томъ, что ему отказали? Вы, вѣрно, съ нимъ говорили?

— Заговорилъ было разъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ очень рѣшительно: если ты не хочешь со мной разстаться, такъ говори о чемъ тебѣ угодно, только не объ этомъ.

— Ну такъ вѣрно не будетъ, — подхватили многіе. — Да и какъ пріѣхать? Коли ужь самъ себя не оправдываетъ, значитъ, кругомъ виноватъ....

Но, противъ чаянія всѣхъ и къ удивленію каждаго, передъ самымъ обѣдомъ, вошелъ Бирюзовскій.

Анна Михайловна вздрогнула и измѣнилась въ лицѣ, но скрыла свое волненіе и раскланялась съ нимъ, хоть и довольно сухо, но вѣжливо. Василій Алексѣевичъ сдѣлалъ тоже. Въ глазахъ Вареньки блеснула минутная радость; у Наденьки выступили на лицѣ пятна. Бирюзовскій видѣлъ все это. Онъ и безъ того зналъ, что пріѣздъ его къ Комскимъ приведетъ въ замѣшательство всѣхъ ихъ, начиная съ Анны Михайловны и до Вареньки. Заранѣе приготовившись къ своей роли, онъ казался совершенно равнодушнымъ и спокойнымъ. Только, чтобъ не стѣснять никого своимъ присутствіемъ, онъ тотчасъ же прошелъ изъ гостиной въ другую комнату, гдѣ стояли ломберные столы, и сѣлъ за карты.

Какъ ни оскорбителенъ былъ для Бирюзовскаго отказъ Вареньки, но онъ никому не жаловался на ея измѣнчивость, на ея безхарактерность, на все, на что могъ бы жаловаться. Онъ хотѣлъ лучше самъ казаться виноватымъ въ глазахъ всѣхъ и каждаго, чѣмъ обвинять ее и вредить ей своими словами. Когда первый порывъ его негодованія утихъ, онъ почти былъ убѣжденъ, что не могла она отказать ему изъ вѣтренности, изъ прихоти, по собственной волѣ; что на это непремѣнно были какія-нибудь сильныя, уважительныя причины. Онъ желалъ нетерпѣливо объясниться съ ней, — но гдѣ и какъ? Писать къ ней онъ боялся, полагая, что письмо его легко можетъ попасть въ руки Анны Михайловны и что

Digitized by Google

оно даже навѣрное попадетъ къ ней. Самому ѣхать къ Комскимъ? Но до личнаго объясненія съ Варенькой его не допустятъ и возьмутъ противъ этого всѣ мѣры.... Долго думалъ Бирюзовскій, долго ломалъ голову и наконецъ придумалъ, ѣхать именно на имянины къ Аннѣ Михайловнѣ, съ тѣмъ разсчетомъ, что въ праздничной суматохѣ, въ толпѣ, ему можетъ-быть удастся передать Варѣ записку и получить отъ нея отвѣтъ. Какъ ни тяжело было ему показаться въ домѣ Комскихъ послѣ той исторіи, которую разгласила о немъ Анна Михайловна, онъ рѣшился на эту жертву, для того, чтобъ выйдти изъ мучительной неизвѣстности и показать Варенькѣ, что онъ не перемѣнился къ ней. По чему-бы ни отказала она ему, по слабости-ли характера, по искаженнымъ-ли понятіямъ о своихъ обязанностяхъ къ отцу, отъ того-ли наконецъ, что его дѣйствительно передъ ней очернили, — во всякомъ случаѣ, онъ жалѣлъ о ней, во всякомъ случаѣ боялся, что она, быть-можетъ, страдаетъ еще больше его.

Впродолженіи цѣлаго дня Бирюзовскій не подходилъ къ Варенькѣ, не сказалъ съ ней ни одного слова, даже не показалъ вида, что обращаетъ на нее какое-нибудь вниманіе; но вечеромъ, когда начался фейерверкъ и всѣ вышли на террасу, онъ, подъ сѣнью темной сентябрской ночи, нашелъ случай передать дѣвушкѣ записку, заранѣе приготовленную. Варенька вздрогнула и исчезла. Черезъ двѣ-три минуты, пройдя мимо Бирюзовскаго, она уронила платокъ; онъ поднялъ платокъ и подалъ ей, но въ рукѣ у него осталась бумажка. Въ это время всѣ были ослѣплены и оглушены взрывомъ цѣлаго павильона ракетъ; всѣ неистово аплодировали, и никто ничего не видѣлъ, кромѣ фейерверка.

Бирюзовскій спустился съ террасы и прошелъ цвѣтникомъ за барьеръ, за которымъ зажигали ракеты. Тамъ, при свѣтѣ плошки, горѣвшей за кустомъ, онъ прочелъ слѣдующія слова, наскоро написанныя на лоскуткѣ:

«Мнѣ нельзя теперь писать къ вамъ. Я напишу отвѣтъ ночью. Останьтесь у насъ, и часа въ 3 ночи ждите письма въ саду; принесетъ его моя горничная. Ищите ее теперь въ цвѣтникѣ; она покажетъ вамъ мѣсто, гдѣ ее дожидаться.»

Digitized by Google

По обѣимъ сторонамъ цвѣтника, за деревьями, за клумбами, за кустами, стояли толпы народа, собравшагося смотрѣть потѣшное зрѣлище. Бѣглые огни фейерверка дали Бирюзовскому возможность отыскать горничную Вареньки, которая, отдѣлившись отъ толпы, поджидала его на дорожкѣ, за густой клумбой. Темнота ночи дала имъ возможность выйдти изъ толпы незамѣтно.

Горничная Вареньки служила еще ея матери. Она знала свою барышню ребенкомъ, крѣпко привязалась къ ней, сколько по привычкѣ, столько и по сиротству, и столько же ненавидѣла Анну Михайловну, сколько Вареньку любила. Анна Михайловна ненавидѣла ее въ свою очередь, какъ ненавидѣла она и тѣснила все, что только любила Варенька и что было привязано къ ней. Проходя по темнымъ аллеямъ сада, котораго отдаленныя части были такъ же мрачны и пусты, какъ шумна и весела та, гдѣ горѣлъ фейерверкъ, горничная не вытерпѣла и разсказала Бирюзовскому всю подноготную жизни своей барышни; она открыла ему много такихъ вещей, о которыхъ сама Варенька никогда бы не рѣшилась говорить, и заключила такъ:

— Батюшка Александръ Сергѣичъ, спасите вы ее, мою голубушку! Таетъ вѣдь, какъ воскъ, сохнетъ, какъ былинка.... Недолго нажитъ она, моя сердечная, въ этой мукѣ!

Сердце Бирюзовскаго надрывалось. Разсказы горничной расположили его еще больше противъ Анны Михайловны; страхъ за жизнь Вареньки, на лицѣ которой онъ и самъ замѣтилъ разительную перемѣну, потрясъ всѣ его нервы. Онъ принялся уговаривать горничную, чтобъ она помогла ему увезти Вареньку, даже противъ ея воли, если бы она сама на это не рѣшилась.... Они подошли къ прекрасному павильону, который былъ давно ужь построенъ въ саду и почти заброшенъ, но недавно опять возобновленъ и богато отдѣланъ, особенно внутри, потому что въ послѣднее время Анна Михайловна очень его полюбила.

— Чего же лучше? — сказалъ Бирюзовскій. Я буду дожидаться письма здѣсь: въ павильонѣ не холодно и не сыро.

Digitized by Google

— Нельзя — отвѣчала горничная; — ключь-то у самой барыни.... Да вотъ еще что, — прибавила она, какъ бы спохватившись, — когда изволите пойдти за письмомъ, извольте идти вонъ тамъ, другой дорожкой; а здѣсь вамъ не годится....

— Отчего?

— Ахъ, батюшки, кабы вы знали, что у насъ за дѣла дѣлаются.... страшно говорить!.... Да вамъ, ужь такъ и быть, надо сказать; авось возьмете Варвару Васильевну подъ свое крылышко, да и папенькѣ-то ея откроете глазки....

Тутъ горничная начала говорить тихо, тихо.... и они скрылись въ дали ...

Воротившись изъ сада, Бирюзовскій пошелъ прямо въ контору, спросилъ «все нужное для письма«, написалъ письмо, запечаталъ и, выбравъ удобную минуту, вошелъ въ кабинетъ Василья Алексѣевича, и положилъ свое письмо на его письменный столикъ.

Фейерверкъ сгорѣлъ. Гости были очень довольны. И до фейерверка и послѣ фейерверка много танцовали. Вечеръ шелъ весело, только у Анны Михайловны немножко разболѣлась голова. Начали предлагать различныя средства: кто совѣтовалъ помочить голову уксусомъ, кто одеколономъ, кто прилѣпить къ вискамъ облатки. Спорили, шумѣли, не знали, которое средство предпочесть.

— Да чего жь лучше спросить доктора, — сказалъ кто-то, и побѣжалъ его отыскивать; но доктора ужь не было. Онъ уѣхалъ тотчасъ послѣ фейерверка, потихоньку и, по видимому, не давъ замѣтить своего отъѣзда и самой хозяйкѣ.... По случаю головной боли Анны Михайловны, раньше отужинали и раньше разошлись.

Мы, кажется, сказали, что Василій Алексѣевичь имѣлъ обыкновеніе долго заниматься дѣлами по вечерамъ. Не смотря на усталость, послѣ шума и суетни цѣлаго дня, онъ и въ тотъ вечеръ, отпустивъ каммердинера, сѣлъ, по привычкѣ, къ письменному столику, чтобы просмотрѣть и почитать кое-что. Первое, что попалось ему въ глаза, былъ запечатанный конвертъ, съ надписью:

Digitized by Google

«Его Высокородію,
Василью Алексѣевичу
Комскому.
Отъ Бирюзовскаго.»

— Что за чудо, — подумалъ Василій Алексѣевичь, — самъ здѣсь, а вздумалъ объясняться письменно? Вѣрно опять объ Варенькѣ....

Василій Алексѣевичь былъ смущенъ: сердце его сжалось какимъ-то непріятнымъ, тяжелымъ предчувствіемъ. Догадывался-ли онъ, что Варенька отказала Бирюзовскому не по своей волѣ,— или тутъ было просто тягостное предчувствіе какой-то бѣды? — Богъ его знаетъ ... Не совсѣмъ твердой рукой распечатавъ письмо, онъ прочелъ:

«Никогда не позволилъ-бы я себѣ вмѣшиваться въ ваши семейныя обстоятельства, если-бъ дѣло, о которомъ хочу говорить съ вами, было не такъ важно. Оно идетъ — ни больше ни меньше, — о счастьи, о спокойствіи, даже, можетъ-быть, о самой жизни вашей дочери, которая слишкомъ великодушно, и черезъ-чуръ безразсудно, жертвуетъ собой изъ того, чтобъ не огорчить васъ и не поселить непріязностей между вами и Анной Михайловной. Варвара Васильевна любитъ меня, это я знаю, но она отказала мнѣ потому, что такъ угодно было Аннѣ Михайловнѣ.... Василій Алексѣевичь, неужели чувства супруга совершенно убили въ васъ чувства отца? Неужели вы не видите, что терпитъ дочь ваша, любящая васъ больше самой себя, отъ женщины, которая, напротивъ, за всю вашу любовь къ ней, платитъ вамъ черной и низкой неблагодарностью?.... Не угодно ли вамъ нынѣшнею же ночью, въ то время, когда въ домѣ все утихнетъ и успокоится, дойдти до вашего садоваго павильона? Тамъ вы непремѣнно найдете доктора, не смотря на то, что онъ сейчасъ уѣхалъ, и найдете его, разумѣется, не одного ... не требую, чтобы вы вѣрили мнѣ на-слово; удостовѣритесь сами во всемъ, и сверхъ того знайте, что это ужъ не тайна и для нѣкоторыхъ изъ вашихъ людей.... Что касается до Варвары Васильевны....»

Digitized by Google

Но Василій Алексѣевичъ не прочелъ ужь ничего больше: строчки зарябили у него въ глазахъ, подбородокъ его затрясся, зубы защелкали, лицо искривилось, — и онъ повалился на полъ вмѣстѣ со столомъ, на которомъ сидѣлъ.... съ нимъ сдѣлался ударъ....

На стукъ, произведенный паденьемъ, прибѣжалъ камердинеръ; въ одну минуту страшная суматоха распространилась по всему дому. Всѣ бросились въ комнату больнаго; Анна Михайловна прибѣжала первая.

Василья Алексѣевича успѣли положить на диванъ. Онъ былъ безъ языка и безъ чувствъ; роковое письмо замерло у него въ рукѣ.

— Боже мой, — воскликнула Анна Михайловна, — вѣрно какое-нибудь непріятное извѣстіе по дѣламъ! Я всегда говорила, что эти дѣла убьютъ его!....

Она вынула письмо изъ руки полумертваго мужа, пробѣжала его глазами, и ее начала бить лихорадка. Къ чувству испуга присоединились въ ней еще два страшныя чувства: угрызеніе совѣсти и злоба.

Бирюзовскій, въ числѣ прочихъ, тоже вошелъ въ кабинетъ — что съ нимъ?.... отъ-чего? — спрашивалъ онъ.

— Получилъ какое-то непріятное письмо, — отвѣчали ему.

— *Да*, — сказала Анна Михайловна, приблизивъ на минуту къ глазамъ Бирюзовскаго его собственное письмо, — его убили вотъ этимъ письмомъ....

Бирюзовскій содрогнулся въ свою очередь. Тутъ только понялъ онъ, какъ велика была любовь Василья Алексѣевича къ женѣ, тутъ только понялъ, какъ хорошо знала Варенька эту любовь, и согласился, что не напрасно боялась она обличить мачиху передъ отцомъ, котораго много любила. Раскаяніе начало терзать и его; ему страшно было смотрѣть на больнаго, и онъ вышелъ, проклиная свою опрометчивость.

За докторомъ послали, не теряя времени, и приказали освѣдомляться о немъ во всѣхъ деревняхъ, которыя были по дорогѣ. Онъ пріѣхалъ тотчасъ же, потому что его нашли въ самой первой, и самой ближайшей деревнѣ, гдѣ онъ остановился, какъ говорилъ, за темнотою ночи.

Digitized by Google

Василью Алексѣевичу пустили кровь, поставили піявки, облѣпили его горчишниками. Языка не возвратили ему, но онъ, казалось, пришелъ въ память. Какимъ-то невнятнымъ мычаньемъ, какимъ-то судорожнымъ движеніемъ руки, онъ далъ понять Аннѣ Михайловнѣ и доктору, которые, удаливъ наконецъ изъ его комнаты всѣхъ постороннихъ, двое только и оставались при немъ, что желаетъ видѣть кого-то. Къ нему подвели обѣихъ дочерей. Василій Алексѣевичъ поманилъ къ себѣ, едва шевелившимся пальцемъ, Вареньку. Она упала передъ нимъ на колѣни и зарыдала; онъ притянулъ къ себѣ, слабой рукой, ея голову, приложилъ къ ней холодныя губы, и въ мутныхъ, угасающихъ глазахъ его показались слезы.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на доктора и замахалъ, или точнѣе сказать, зашевелилъ рукой. Докторъ понялъ этотъ знакъ; онъ вышелъ изъ комнаты, и безъ крайней надобности не входилъ къ больному, развѣ въ тѣ минуты, когда онъ впадалъ въ забытье. Утромъ пріѣхалъ еще городовой докторъ. Сдѣлали консиліумъ, и оба медика объявили, что больной едва-ли проживетъ три дня.

Духовникъ Василья Алексѣевича давно ужь былъ тутъ; а, послѣ этого объявленія, явился небогатый помѣщикъ, тотъ самый, который часто игралъ съ Анной Михайловной въ преферансъ. Потомъ еще помѣщикъ, жена котораго получала иногда въ подарокъ отъ Анны Михайловны ея старые чепцы и шляпки. Наконецъ привезли изъ города маклера и какого-то приказнаго-дѣльца.

Писали духовное завѣщаніе, писали заемныя письма, писали долго и много. Потомъ каждую написанную бумагу читали Василью Алексѣевичу вслухъ, разумѣется, въ присутствіи однихъ только избранныхъ свидѣтелей; потомъ спрашивали его, согласенъ-ли онъ на это. Василій Алексѣевичъ мычалъ и кивалъ головой. Избранные свидѣтели говорили, что онъ рѣшительно все понимаетъ, что онъ именно, какъ сказано въ духовной, *«въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти»* и согласіе свое подтверждаетъ. Тутъ Анна Михайловна становилась передъ нимъ на колѣни, плакала, цѣловала его руки и указывала очень выразительно на бумагу. Василій Алек-

Digitized by Google

сѣевичъ протягивалъ свою руку на низенькій столикъ, поставленный передъ нимъ. Ему вкладывали перо и, водя его рукой, подписывали бумагу. Такимъ образомъ всѣ документы были подписаны, засвидѣтельствованы и записаны....

Тогда онъ, какимъ-то особымъ голосомъ, какой-то особой пантомимой, значенія которыхъ ужъ привыкли немножко понимать, требовалъ къ себѣ Вареньку, цѣловалъ ее, клалъ ей на голову руку, указывая на нее Аннѣ Михайловнѣ, и потомъ тыкая пальцемъ по столу, какъ-бы спрашивалъ: не забыли-ли ее въ духовной? Но въ такія минуты свидѣтели, обыкновенно, удалялись изъ комнаты, и на эту послѣднюю пантомиму переводчиковъ не находилось.... Что касается до самой Вареньки, она такъ была убита несчастнымъ положеніемъ отца, что во все время его тяжкой болѣзни, ей не приходила и мысль о наслѣдствѣ....

Черезъ три дня Василья Алексѣевича не стало.

Во время великолѣпныхъ похоронъ его, Анна Михайловна горько плакала, билась, рвалась, терзалась.

Ей нельзя было не сокрушаться объ этомъ человѣкѣ, который такъ много любилъ ее, такъ много для нея сдѣлалъ, и которому она такъ дурно заплатила. На этотъ разъ горесть ея была не совсѣмъ притворная.

Горесть Вареньки была больше глубока, больше истинна, но и ея сокрушеніе смягчалось мыслью, что теперь забота о спокойствіи отца не можетъ больше препятствовать ея собственному счастью. Каждый разъ, какъ только эта мысль приходила ей въ голову, бѣдная дѣвушка содрогалась, взглядывала на гробъ отца, упадала на колѣни, и молитвой хотѣла заглушить этотъ невольный голосъ молодаго, любящаго сердца, который она считала преступнымъ.... Но сердце брало свое и неотвязчивая мысль опять возвращалась.

Наденька не такъ сильно любила отца, какъ Варя. Она была моложе ея и вообще характера больше легкаго и веселаго; но собственное ея счастье было потеряно, и смерть отца не развязывала ее ни въ чемъ. Къ прежнему ея горю присоединилось только новое, которое дало ей наконецъ воз-

Digitized by Google

можность выплакать всѣ свои страданія, — и она плакала такъ горько, что глубоко тронула всѣхъ. Всѣ, бывшіе на похоронахъ, не могли надивиться, какъ такая молоденькая и такая, повидимому, легкомысленная дѣвушка имѣетъ такія сильныя чувства!....

Василью Алексѣевичу воздвигли богатый памятникъ. Рисунокъ памятника и надпись составлялъ докторъ, распоряжавшійся, по долгу человѣколюбія, почти всѣми дѣлами Анны Михайловны, въ минуты, столь для нея горестныя.

Послѣ шести недѣль открыли духовную Василья Алексѣевича и другіе посмертные его документы. Многимъ давно ужь хотѣлось знать содержаніе письма, которое было причиною его смерти, и многіе давно ужь спрашивали объ этомъ Анну Михайловну. Анна Михайловна объясняла, что письмо это заключало въ себѣ извѣстіе о значительной денежной потерѣ, которая слишкомъ сильно огорчила *покойнаго ея благодѣтеля*.

Въ самомъ дѣлѣ дѣла Василья Алексѣевича оказались не совсѣмъ въ цвѣтущемъ положеніи. Надо было продать по крайней мѣрѣ половину имѣнія, чтобъ спасти другую; но и эта половина была еще довольно значительна, и по послѣднимъ документамъ, предоставлялась вся, безъ остатка, Аннѣ Михайловнѣ и Наденькѣ. Варенька совсѣмъ была забыта; ей оставалось только очень небольшое недвижимое имѣніе ея матери.

— Странно, — сказалъ Григорій Андрѣевичъ Лутохинъ, котораго не было при кончинѣ Василья Алексѣевича и который тѣмъ больше любопытствовалъ узнать послѣднія его распоряженія, — странно, что Василій Алексѣевичъ забылъ свою старшую дочь!.... Онъ, кажется, ровно любилъ обѣихъ....

— Неужели вы думаете, — отвѣчала Анна Михайловна, — что я захочу воспользоваться собственностью Вари?.... Вы, стало, слишкомъ мало меня знаете, Григорій Андреичъ. Моя родная дочь никогда не можетъ выйдти у меня изъ повиновенія, но падчерица можетъ очень легко. Варенька еще такъ молода; имѣя въ рукахъ собственное состояніе, она легко бы могла отдать и его и себя какому-нибудь вѣтрен-

Digitized by Google

нику, человѣку нестоющему, и у меня бы не было никакихъ средствъ остановить ее. Покойный благодѣтель мой (послѣ смерти мужа, она иначе не называла его, какъ этимъ именемъ), предвидѣлъ это, и не *передалъ* мнѣ ея состоянія, а только *вверилъ*, для распоряженій.... благоразумныхъ. Найдись завтра Варенькѣ такой женихъ, что я одобрю, — она получитъ свою часть сполна.

Послѣ этого объясненія, все общество, находившееся при открытіи духовнаго завѣщанія, чуть не начало апплодировать Аннѣ Михайловнѣ. Ропотъ негодованья на то, что она ограбила свою падчерицу, превратился въ шопотъ одобренія. Всѣ хвалили ее, всѣ дивились ей.

Но Анна Михайловна совсѣмъ не такъ объясняла дѣло своей дочери:

— Правда, что мы должны потерять половину состоянія, — говорила она, — но за то теперь эта половина вся твоя, и ты опять остаешься такой же богатой невѣстой, какой была прежде. Воображаю, какъ будетъ досадно Бирюзовскому, что онъ не умѣлъ предвидѣть такого переворота. Что дѣлать, Mr Бирюзовскій, кусайте теперь свои локти, если только достанете!....

Анна Михайловна въ самомъ дѣлѣ думала, что хотя Варенька и нравилась Бирюзовскому, но что онъ все-таки разсчитывалъ и на ея состояніе. Она радовалась, что успѣла отмстить ему за все; надѣялась, что теперь онъ не захочетъ ужь жениться на Варенькѣ, и старалась вдохнуть и въ дочь враждебныя чувства къ нему. Но Анна Михайловна не совсѣмъ хорошо понимала сердце своей дочери; вмѣсто того, чтобы радоваться бѣдности Вареньки и своему богатству, она по прежнему грустила и плакала; вмѣсто того, чтобъ возненавидѣть Бирюзовскаго, она писала къ своей Анетѣ вотъ что:

«Вообрази, Annette, что дѣлаетъ со мной maman. Передъ смертью папеньки, она подала ему подписать бумаги, которыя называются векселями и духовнымъ завѣщаньемъ, и по которымъ теперь все его имѣніе должно принадлежать маменькѣ и мнѣ; а Варенькѣ остается самая маленькая часть. Maman думаетъ, что это богатство принесетъ мнѣ много

Digitized by Google

пользы въ будущемъ; а напротивъ бѣдность Вареньки заставитъ Бирюзовскаго отъ нея отказаться, заставитъ его раскаяваться, что онъ предпочелъ ее мнѣ, и что будто бы я должна этому радоваться.... Какъ же она ошибается!.... Вмѣсто того, чтобы утѣшаться моимъ богатствомъ, я ненавижу его, вмѣсто того, чтобы принесть мнѣ какую-нибудь пользу, оно еще больше губитъ меня. Я была причиной, что Варенькѣ за него не отдали, теперь я опять причиной, что Варенька стала бѣдна.... Нѣтъ, это невыносимо, Annette! невыносимо быть ненавистной въ глазахъ того, кого любишь, быть причиной его несчастья и казаться еще ему *низкой**!.... Я не могу больше оставаться въ такомъ мучительномъ положеніи.... Я рѣшилась сказать маменькѣ, что я ужь больше не люблю его, что это была глупость, ребячество. Я буду просить ее, чтобъ она позволила Варѣ идти за него, и возвратила бы ей часть имѣнія.

Я сдѣлаю это во что-бъ то ни стало, coûte qui coûte! Упрошу, умолю маменьку, настою на этомъ. Если маменька не согласится возвратить ей имѣніе, я разорву всѣ свои векселя на папеньку, надаю Варѣ векселей на себя, (я знаю теперь, какъ это дѣлается); а ужь докажу ему, что я не интересанка, не эгоистка, не низкая.... И какъ стало легко на душѣ у меня съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшилась на это.... Пускай онъ будетъ счастливъ съ ней; по крайней мѣрѣ онъ будетъ знать, что этимъ счастьемъ обязанъ мнѣ, по крайней мѣрѣ онъ будетъ чувствовать ко мнѣ ужь не ненависть, а благодарность!.... И при томъ я буду называть его моимъ братомъ, буду видѣть его всякой день.... а не видать его тоски!....

Теперь боюсь одного: что̀ если послѣ отказа Вари и послѣ всего, что случилось у насъ, онъ въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ оставить ее, и совсѣмъ перестанетъ къ намъ ѣздить?.... Этого я боюсь тѣмъ больше, что съ самой смерти папеньки, онъ и не былъ у насъ. Что тогда дѣлать, Annette? Какъ доказать ему, что я ни въ чемъ невиновата?....

---

* Выраженіе тоже оставшееся отъ пансіона.

Digitized by Google

Страхъ Наденьки былъ, однакожъ, напрасенъ; когда первое время глубокаго траура по Васильѣ Алексѣевичѣ миновало, Бирюзовскій пріѣхалъ.

Анна Михайловна, вмѣстѣ съ Наденькой, сидѣла въ гостинной. Варенька съ самой смерти отца была нездорова и почти не выходила изъ своей комнаты. Бирюзовскій вошелъ въ гостинную такъ скоро, что человѣкъ, побѣжавшій объ немъ докладывать, успѣлъ предупредить его только двумя шагами. По этому быстрому, почти дерзкому явленію, по мрачному, почти грозному лицу Бирюзовскаго, Анна Михайловна поняла, что теперь онъ пріѣхалъ уже не просить руку Вареньки, а просто требовать. И мать и дочь встрѣтили его въ страшномъ волненіи. Анна Михайловна ожидала объясненія самаго неизбѣжнаго, и не могла не смутиться при взглядѣ на этого человѣка, знавшаго всѣ ея тайны. Голосъ ея задрожалъ, дыханіе было неровно. Ей нужна была вся ея твердость.

Въ самомъ дѣлѣ Бирюзовскій послѣ двухъ-трехъ словъ началъ разговоръ, котораго она боялась!

— Мнѣ нужно поговорить съ вами объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ, — сказалъ онъ; — какъ прикажете: при свидѣтеляхъ или безъ свидѣтелей? для меня все равно.

Онъ бросилъ на Наденьку такой презрительный взглядъ, что сердце бѣдной дѣвушки, которое билось до тѣхъ поръ съ необыкновенной силой и скоростью, замерло. Вся волновавшаяся ея кровь оледенѣла.

— Выйдете, Nadine, — сказала Анна Михайловна чуть слышнымъ, умоляющимъ голосомъ.

Блѣдная, полубезчувственная Наденька должна была собрать всѣ свои силы, для того, чтобъ встать съ мѣста и выйдти изъ комнаты.

— Я пріѣхалъ, — продолжалъ Бирюзовскій, когда они остались одни, — сказать вамъ, что я никакъ не перемѣнилъ моего намѣренія жениться на Варварѣ Васильевнѣ, что она согласна идти за меня, и что я это знаю, такъ-же, какъ знаю и то, почему она мнѣ отказала. Теперь этихъ препятствій нѣтъ, и я васъ покорнѣйше прошу сейчасъ-же послать за ней и сейчасъ-же объявить меня ея женихомъ.

Digitized by Google

Анна Михайловна съ минуту молчала, какъбы обдумывая, съ чего ей начать.

— Знаете-ли вы, — спросила она наконецъ, — что, по духовному завѣщанію отца, Варенька почти ничего не имѣетъ, и что она можетъ получить состояніе только отъ меня?

— Знаю. Чтожь изъ этого?

— Можетъ-быть, вы не захотите жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія?

Бирюзовскій засмѣялся.

— За кого-жь вы меня принимаете? — спросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ вы, можетъ-быть, не захотите *лишить* ее состоянія?

— Какъ это?

— Если Варенька будетъ послушна мнѣ, тогда она получитъ все, что приходится на ея часть; если нѣтъ, тогда ничего не получитъ.

— Если-бъ у меня не было собственнаго состоянія, тогда съ моей стороны, конечно, было-бы безразсудно заставить ее поступить противъ вашей воли и потерять все; но мое состояніе такъ хорошо, что вознаградитъ ее за потерю.

— Такъ намѣреніе ваше непремѣнно?

— Какъ видите,

Анна Михайловна опять задумалась. Казалось, ей было тяжело выговорить то, что она хотѣла сказать; но она рѣшилась.

— Вы знаете, какъ тонки и разборчивы чувства Вари, и какъ любила она отца?

— Знаю, и даже очень хорошо знаю.

— Тѣмъ лучше. Подумайте-же теперь хорошенько, какое впечатлѣніе можетъ на нее сдѣлать ваше письмо, которое убило ея отца.... если *я*, разумѣется, покажу ей это письмо?....

Бирюзовскій поблѣднѣлъ. Онъ очень хорошо понималъ, что настоящей причиной смерти Василья Алексѣевича была сама Анна Михайловна, а онъ сдѣлался только невиннымъ орудіемъ, и все-же изъ любви къ Варѣ; но въ тоже время онъ чувствовалъ, что это письмо, если и не заставитъ Вареньку отказаться отъ него, такъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сильно

Digitized by Google

потревожить ея спокойствіе, а, въ будущемъ, при ея пылкомъ, полусуевѣрномъ воображеніи, разгорѣвшемся въ одиночествѣ сиротства, — отравитъ всю ея жизнь, все ея супружеское счастье....

— Анна Михайловна, — сказалъ онъ съ ужасомъ, — вы не покажете ей этого письма!....

— Отчего?

— Оно слишкомъ низко уронитъ васъ самихъ въ глазахъ вашей падчерицы.

— Въ письмѣ вашемъ вы только *обвиняете* меня, но ровно ничего не *доказываете*; а обвиненіе безъ доказательствъ не можетъ уронить никого.

— Но за что-же такая ненависть ко мнѣ и къ вашей падчерицѣ? Отчего вы такъ упорно не хотите, чтобы мы были счастливы?

— Не ненависть, — сказала Анна Михайловна грустно, — нѣтъ, это не ненависть.... Это материнская любовь, — прибавила она съ какимъ-то судорожнымъ порывомъ.

Бирюзовскій смотрѣлъ на нее, не совсѣмъ ее понимая.

— Mr Бирюзовскій, — продолжала она, — вы ужь знаете многое изъ нашихъ семейныхъ тайнъ; теперь я вижу, что должно сказать вамъ все: если вы женитесь на моей падчерицѣ, это убьетъ мою дочь!...

Бирюзовскій никакъ не подозрѣвалъ, чтобы Наденька могла его любить такъ сильно, и никакъ не ожидалъ такого объясненія отъ Анны Михайловны. Онъ смѣшался. Мысль, что онъ хотя и невольно, но такъ далеко увлекъ дѣвушку, поразила его, и какая-то тоска, какое-то непріятное чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, сжало его сердце. Черезъ минуту онъ, однакожь, подумалъ, что Анна Михайловна лжетъ; что это еще какая-нибудь новая хитрость, новая сѣть, которой она хочетъ его опутать.

— Материнская любовь иногда видитъ вещи.... преувеличиваетъ — сказалъ онъ наконецъ.

— О, нѣтъ, къ несчастію, нѣтъ! Еслибъ чувства Наденьки были не такъ серьезны, я никогда не рѣшилась бы сказать вамъ то, что я теперь сказала. Вы думаете, легко мнѣ?

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ мнѣ очень грустно.... очень больно.... Но вѣдь этому нѣтъ средствъ помочь!....

— Есть очень простое. Оставьте ваше виды на Вареньку, забудьте насъ — и время поправитъ все. Если нѣтъ, повторяю вамъ, я покажу Варѣ ваше письмо....

Бирюзовскій сильно боялся впечатлѣнія, которое могло произвести это письмо на Вареньку, особенно въ ея слабомъ, болѣзненномъ положеніи; онъ ни за что не хотѣлъ рисковать ея спокойствіемъ, и зналъ, что Анна Михайловна, въ случаѣ крайности, непремѣнно сдержитъ свое слово. По этому онъ рѣшился дѣйствовать противъ нея осторожнѣе. Въ головѣ его опять завертѣлся планъ увезти Вареньку тайкомъ и тотчасъ же обвѣнчаться.—Тогда, думалъ онъ, Аннѣ Михайловнѣ не изъ чего ужь будетъ показывать ей письмо,—развѣ изъ одной мести, изъ одного желанія повредить намъ? Но противъ этого найдутся мѣры: можно будетъ перехватить письмо....

— Дайте мнѣ хорошенько обдумать все, что я слышалъ отъ васъ, — сказалъ онъ; — а теперь позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ видѣться съ Варварой Васильевной? Иначе можетъ показаться очень странно, что я, бывши у васъ, не захотѣлъ сказать ей ни одного слова и даже не спросилъ о ея здоровьѣ.

Анна Михайловна все еще хотѣла удалить Бирюзовскаго отъ своей падчерицы, такимъ образомъ, чтобъ въ этомъ обвиняли не ее, а его-же; передать ея послѣднюю угрозу Варенькѣ онъ не могъ, не испортивъ самъ всего дѣла, — и по этому она не видѣла никакого основанія препятствовать ихъ свиданью, по ея мнѣнію послѣднему.

— Хорошо, — сказала она. — Варя въ самомъ дѣлѣ такъ слаба, такъ разстроена со смерти отца, что новое огорченье можетъ еще ей повредить. Я думаю, что ей будетъ трудно даже выдти сюда. Подите въ ея комнаты и велите доложить объ себѣ. Не говорите ей теперь ничего непріятнаго; а потомъ, если вы рѣшитесь принять мой совѣтъ и оставить насъ, вы можете перестать къ намъ ѣздить, скажетесь больнымъ.... или куда-нибудь уѣдете.... Надо, чтобъ все это прекратилось само-собой, понемножку.

Digitized by Google

Бирюзовскій вышелъ изъ комнаты съ такимъ негодованіемъ, что почти хлопнулъ дверью. Послѣднія слова Анны Михайловны и ея заботливость о здоровьи падчерицы, которой она такъ хладнокровно готовила новое горе, возмутили его.

Когда онъ проходилъ черезъ залу, къ нему выбѣжала, изъ боковой комнаты, Наденька. Щеки ея пылали, глаза горѣли, во всѣхъ ея движеньяхъ было что-то лихарадочное.

— Мг Бирюзовскій, — спросила, она, остановивъ его,— вы не перемѣнили своего намѣренія жениться на Варенькѣ?

Бирюзовскаго такъ удивилъ этотъ вопросъ, что онъ отступилъ отъ нея на два шага. Онъ видѣлъ волненіе Наденьки, не понималъ его настоящаго смысла, и отъ всей души желая поскорѣй разгадать загадку, отвѣчалъ твердо:

— Нѣтъ, не перемѣнилъ.

— О, какъ я рада! какъ я рада!.... Не думайте-же теперь, что у Варепьки нѣтъ никакого состоянія.... я не возму у нея ничего, я упрошу и маменьку, чтобъ она отдала ей все, что ей слѣдуетъ. Согласна маменька, чтобъ она шла за васъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Бирюзовскій, удивленіе котораго росло съ каждой минутой.

— О, нѣтъ, она согласится, она непремѣнно должна будетъ согласиться.... я упрошу, умолю ее, я настою на этомъ. Пойдемте къ ней.

Она взяла его за руку и пошла съ нимъ къ Аннѣ Михайловнѣ съ такой твердостью и рѣшительностью, что онъ невольно повиновался ей.

— Maman, — сказала она, бросившись передъ матерью на колѣни, — исполните мою единственную просьбу, мое единственное желаніе!.... Скажите, что исполните!....

— Nadine, — сказала Анна Михайловна съ изумленіемъ,— что это значитъ?

— Исполните мою просьбу, maman, — позвольте Варѣ идти за мужъ и отдайте ей ея имѣніе.

— Nadine, — повторила Анна Михайловна строго, — это не твое дѣло. Встань, оставь эти глупости!

— Мое дѣло, маменька, мое какъ нельзя больше. Я люблю Варю, я хочу, чтобъ она была счастлива, и не хочу,

Digitized by Google

чтобы про меня говорили, что я ограбила сестру, что я сдѣлала ее несчастной. Если вы не исполните моей просьбы, я отдамъ Варѣ все, что имѣю, и пойду въ монастырь. Увѣряю васъ, что я это сдѣлаю, и вы ничѣмъ меня не удержите, ни чѣмъ не остановите....

И она продолжала стоять на колѣняхъ передъ матерью, продолжала убѣждать, упрашивать ее такъ настойчиво, что Анна Михайловна попросила наконецъ Бирюзовскаго оставить ихъ однихъ.

— Что это значитъ, Nadine? — спросила она, когда Бирюзовскій вышелъ.

— Это значитъ, — сказала дѣвушка съ самымъ веселымъ видомъ, — что я не имѣю никакихъ особенныхъ чувствъ къ Бирюзовскому, и что я никогда и не имѣла ихъ. Вы меня увѣрили, что онъ непремѣнно на мнѣ женится, и сначала мнѣ было грустно, когда я увидѣла, что вы ошиблись; — вотъ и все. Теперь я къ нему равнодушна, и, кажется, вы сами это видите. Дайте мнѣ кончить то, что я начала; поддержите меня, помогите мнѣ и не мѣшайте мнѣ раздѣлить съ Варенькой пополамъ все, что намъ осталось послѣ папеньки.

Доказавъ Бирюзовскому свое великодушіе, Наденька въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ была почти совершенно счастлива. Отъ душевнаго самодовольствія, на ея лицѣ сіяла такая непринужденная веселость, что Анна Михайловна ни какъ не могла сомнѣваться въ искренности ея словъ, тѣмъ больше, что и самыя эти слова были высказаны съ такой твердостью, съ такой основательностью, какихъ нельзя было почти ожидать отъ семнадцатилѣтней дѣвочки. Казалось, въ нѣсколько мѣсяцевъ горя, разсудокъ Наденьки постарѣлъ нѣсколькими годами. Анна Михайловна сама была обрадована благоразуміемъ своей дочери; она видѣла, что теперь ей нечего бояться за нее послѣдствій несчастной страсти, и не находила больше причинъ противиться желанію Вареньки и Бирюзовскаго, сообразивъ и то, что это сопротивленіе и особенно послѣдняя мѣра, которую рѣшилась принять она, рано-ли, поздно-ли, но все-таки могутъ повредить ей въ глазахъ свѣта. Въ одномъ только не соглашалась она съ Наденькой: въ немедлен-

Digitized by Google

ной передачѣ имѣнія падчерицѣ. Но такъ какъ Бирюзовскій не тнался за имѣніемъ, то это и не могло остановить дѣла.

Позвали Бирюзовскаго, позвали Вареньку, и объявили ихъ женихомъ и невѣстой. Варенька, со слезами благодарности, обняла сестру; давно ея страждущему сердцу не было такъ легко, такъ тепло, какъ въ эту минуту на сердцѣ доброй сестры. Бирюзовскій смотрѣлъ на Наденьку, какъ на ангела хранителя своей невѣсты и своего собственнаго....

Приготовленія къ свадьбѣ дѣлались, но свадьба откладывалась день за день, недѣля за недѣлю, по нездоровью Вареньки, которая была слишкомъ сильно потрясена всѣмъ тѣмъ, что пережила въ послѣднее время. Надѣялись, что благопріятныя перемѣны обстоятельствъ будутъ имѣть и благопріятное вліяніе на ея здоровье; но эта надежда не сбывалась, и бѣдная дѣвушка съ каждымъ днемъ слабѣла больше и больше.... А теперь-то ей и хотѣлось жить: она столько-же дорожила жизнью, сколько прежде была равнодушна къ ней. Часто, какъбы отъ предчувствія, что счастіе пришло къ ней ужь поздно, у ней навертывались слезы, но она скрывала ихъ отъ жениха, и увѣряла, что ей становится лучше. Доктора говорили, что болѣзнь ея не опасна, что это только сильное разстройство нервовъ: они бывали всякій день; Бирюзовскій почти не отходилъ отъ Вареньки, однакожь ни что не помогало....

Наденька ухаживала за больной сестрой съ самымъ нѣжнымъ участіемъ. Вмѣстѣ съ Бирюзовскимъ сидѣла она у ея постели, вмѣстѣ съ нимъ усаживала ее въ большія кресла. Тяжко было видѣть ей печальное лицо Бирюзовскаго, но когда онъ смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ искренней и трогательной благодарности, ей дѣлалось вдругъ легко и тепло. Иногда ей казалось даже, что этотъ взоръ, утомившись смотрѣть на блѣдное, изнеможенное лицо Вари, съ удовольствіемъ отдыхаетъ на ея хорошенькомъ, свѣжемъ личикѣ.... Въ такія минуты сердце ея билось сильнѣе, румянецъ становился ярче.

Digitized by Google

Однажды, Наденька сидѣла въ гостиной за работой — а докторъ, только что оставившій больную, прошелъ мимо нея: она воротила его. Въ комнатѣ никого больше не было.

— Что Варенька? — спросила она.

— Не хороша.

— Докторъ, — продолжала дѣвушка, взявъ его за руку и осматриваясь кругомъ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь ея не подслушалъ, — скажите мнѣ откровенно, какая у нея болѣзнь и есть-ли надежда?

— Вы хотите, чтобъ я сказалъ правду?

— Хочу.

— У нея наслѣдственная чахотка ея матери....

Наденька побѣднѣла какъ смерть; потомъ лицо ея вспыхнуло и въ глазахъ блеснуло что-то живое, что-то свѣтлое, какъ бы лучь воскресающей надежды.... Въ гостиной никого не было; докторъ ужь вышелъ, но она, будто сама испугавшись своего чувства, закрыла лицо руками и убѣжала въ свою комнату....

....Варенька продолжала хворать и, вмѣстѣ съ Бирюзовскимъ, надѣяться на свое выздоровленіе. Анна Михайловна и ея докторъ не мало хлопотали о больной, но не смотря на всѣ ихъ старанія, къ концу осени Вареньки не стало.

Бирюзовскій исчезъ: Грибковъ говорилъ, что онъ пошелъ въ монастырь.

Анна Михайловна поняла, какова была любовь Наденьки къ Бирюзовскому, поняла, что жертва принесена ею сестрѣ слишкомъ поздно, и не обратилась въ выгоду ни той, ни другой сторонѣ. Это пробудило въ ней дремлющую совѣсть, которая неумолкаемо напоминала смерть ея благодѣтеля; между тѣмъ ее не менѣе тяготила мысль, что причина болѣзни Вари была не та, о которой говорилъ докторъ.

Послѣднему, видѣвшему и понимавшему еще лучше все это, опротивѣла прежняя его паціентка.

П. Сумароковъ.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА IX.

И ТО, И СЁ.

Digitized by Google

Намъ надобны и страсти и мечты;
Въ нихъ бытія условіе и пища.

Баратынскій.

Faint was that hope, and rayless!.... yet't'was fair,
And soothed with many a dream!....

Coleridge.

Oh! ces passions, ces cruelles passions, comme elles savent verser par torrents la joie et la douleur, vous ouvrir le ciel et vous précipiter dans l'abime!....

Amélie Mansfeld.

Digitized by Google

I.

A tant d'amour il eût été sensible
S'il l'avait su!....

M-me Desbordes-Walmore.

2-е Іюня....

Когда-бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я....
Когда-бъ онъ зналъ, что скукой и тоскою,
Тоской по немъ томится жизнь моя!....
Когда-бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ первою любовію любимъ....
Онъ не далъ-бы въ печали безнадежной
Мечтамъ моимъ увянуть золотымъ....
Когда-бъ онъ зналъ!....

—

Когда-бъ онъ зналъ, — *онъ*, съ строгостью безвѣрца
Привыкнувшій надъ чувствами шутить, —
Что близъ него есть преданное сердце,
Есть существо, готовое любить,....
Что подъ моей холодностью безсмѣнной
Таится страсть безмолвная къ нему,....
Онъ ожилъ-бы, любовью пробужденный,
И сердцу-бы повѣрилъ моему....
Когда-бъ онъ зналъ!....

—

Digitized by Google

Когда-бъ онъ зналъ, въ душѣ его остывшей
Зажглась-бы вновь златыхъ надеждъ заря;
И онъ, давно языкъ страстей забывшій,
Его-бъ опять припомнилъ для меня!
Когда бъ онъ зналъ, какимъ очарованьемъ
Я жизнь его умѣла-бъ надѣлить, —
Онъ снова-бы сдружился съ упованьемъ!....
Не любитъ онъ.... а могъ бы полюбить,
Когда бъ онъ зналъ!....

II.

Aimer, prier, chanter — voilà toute ma vie!
Lamartine.

5-е Іюня 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Я пристрастилась къ музыкѣ. День цѣлый
Фантазіямъ безсвязнымъ, безыскуснымъ
Задумчиво, невольно предаю
И пальцы и мечты мои. Аккорды,
Прелюдіи, — неполные мотивы
Выходятъ изъ-подъ рукъ моихъ неловкихъ,
А въ сердцѣ, между тѣмъ, поется пѣснь,
Чудесная, восторженная. Часто
И я, какъ-бы во снѣ, себѣ самой
Невѣдомо, — я запою.... и звуки
Разсѣянно изъ пламенной груди,
Фантазіей неясной вылетаютъ,
А робкія слова клеятся сами,
И вяжутся, и вдругъ стихи и стансы
И гимны цѣлые выходятъ стройно. —
И ихъ потомъ пою ужь я съ сознаньемъ,
И помню ихъ. — Но только мнѣ теперь
Не такъ, какъ прежде, ловко и свободно

Digitized by Google

Крылатымъ вдохновеньямъ предаваться:
Мы переѣхали на острова,
На дачу родовую предковъ князя,
По лѣтнему обычаю столицы. —
И тутъ, нашъ дѣтскій флигель окруженъ
Конюшнями, сараями, людскими,
И шумомъ нестерпимымъ, этимъ шумомъ
Вседневной, пошлой жизни мелочной....
Гдѣ-жъ тутъ мечтѣ привольной разыграться?....
А съ улицы, межъ тѣмъ, къ намъ пыль летитъ
Удушливымъ столбомъ; сквозь низкихъ оконъ
Гулъ мостовой, трескъ модныхъ экипажей,
Стукъ кавалькадъ, и голоса прохожихъ,
Всё слышно намъ, въ убійственной близи
Сосѣдей черезъ улицу мы видимъ,
Въ занятіяхъ, въ подробностяхъ ихъ жизни,
Какъ будто-бы своихъ домашнихъ....
Для нашихъ дамъ раздолье: цѣлый день
Гостямъ отбою нѣтъ; обѣды, балы,
Катанье по водѣ, или гулянья
По сушѣ, то пѣшкомъ, то въ экипажахъ;
Да съѣзды у военнаго оркестра;
Да пикники веселою гурьбой, —
Минуты не дадутъ спокойной имъ.
За то, княжна довольна, а графини
Измучились, какъ рекруты въ походѣ.
А мнѣ, — мнѣ эта жизнь въ стеклянной клеткѣ,
Какъ тяжкій сонъ, какъ злой недугъ, вредна.
Я гасну здѣсь душой,.... я поглупѣла! —
Мнѣ только хорошо, когда урвусь
На день иль два къ моей Еленѣ, — въ Стрѣльну,
На дачу молчаливую въ сторонкѣ,
Въ просторный садъ, въ старинный, темный паркъ,
Гдѣ съ братомъ и дѣтьми, въ семьѣ своей
Она уединенно отдыхаетъ
Отъ зимнихъ наслажденій и тревогъ.
Тамъ, комнатку въ высокомъ мезонинѣ
Я нахожу, и много книгъ любимыхъ,

Digitized by Google

Да дружескій пріемъ, съ свободой сладкой....
Тамъ, море вижу я!.... Тамъ жадный взоръ
Слѣдитъ его окраины сѣдыя
И ловитъ мутныхъ волнъ прибой шумливый,
И носится просторно по пучинѣ
Необозримо-дальной.... А межь тѣмъ,
Мечтѣ моей виднѣется картина
Другая.... память вѣрная рисуетъ
Другіе берега,.... другое море,
Прозрачнѣй, голубѣе и свѣтлѣе, —
Подъ южнымъ небосклономъ, озареннымъ
Полуденнымъ великолѣпнымъ солнцемъ....
Но и заливъ Балтійскій сталъ мнѣ любъ,
И грустную красу его люблю я.
Онъ породнился съ думою моей,
Созрѣвшею на сѣверѣ туманномъ,....
Онъ ей подъ цвѣтъ,.... онъ будитъ и плѣняетъ
Тоскливые той думы переливы....
Когда я налюбуюсь вдоволь имъ,
Меня везутъ кататься въ одноколкѣ:
Владиміръ правитъ самъ, и съ нимъ вдвоемъ
Мы разъѣзжаемъ долго каждый день
По парку, по окрестностямъ.... Порою
Заѣдемъ такъ, что и дороги нѣтъ
Средь гущи неразчищенной. Подъ нами
Какъ будто въ полѣ слабые колосья,
Березы молодыя гнутся съ трескомъ,
И валяжникъ волнуется шумя;
А легкій экипажъ вверхъ дномъ валится,
И соскочить приходится въ болото,
Обоимъ ѣздокамъ, подъ дружный хохотъ;
И пополамъ мы дѣлимъ смѣхъ и горе! —
А иногда, — (вѣдь оба слѣпы мы!)
Мы примемъ за извилины дороги
Какой-нибудь побѣгъ песка на склонѣ
Крутаго берега, — и попадемъ
Чуть что не въ море!.... Какъ мы уцѣлѣли, —
Какъ головы доселѣ на плечахъ
У насъ обоихъ, — право, непонятно!

Digitized by Google

Знать Богъ хранилъ!.... Еленѣ никогда
Не признаемся мы въ продѣлкахъ нашихъ, —
А,то она пускать не станетъ насъ
На смерть и гибель вѣрную. — За то,
Мы веселимъ ее своимъ запасомъ
Чудесныхъ *впечатлѣній путевыхъ*,
Не изданныхъ для міра! — Ахъ! какъ сладко,
Какъ свято можно жить на Божьемъ свѣтѣ,
Когда найдешь попутчиковъ по сердцу,
И съ ними дѣлишь дни, ихъ не считая!....
Но послѣ дней такихъ, но послѣ рая,
Вернуться въ кругъ враждебный, въ вѣчный адъ, —
Какъ тяжело!.... я знаю это чувство. —
Мнѣ суждено испытывать его,
Когда на острова изъ мирной Стрѣльны,
И къ Столбинымъ отъ добрыхъ Меховскихъ
Я возвращаюсь грустно, безнадежно,....
Какъ узникъ въ одинокую тюрьму!....

III.

Thou art not false, but thou art fickle....
Byron, Turkish Song. строки.

12-го Іюня 18...., На Каменномъ-Островѣ.

Я провела опять три дня съ Еленой,
Владимира не видя.... Онъ хандритъ,
Онъ на охотѣ былъ.... Вотще сестра
Его звала, пріѣздъ мой возвѣщала, —
Онъ ей велѣлъ сказать, что онъ *не въ духѣ*,
И къ обществу веселому не годенъ;
Онъ не вернулся!
Стало-быть, ему
Нѣтъ дѣла до меня, до встрѣчи рѣдкой
И не всегда со мной ему возможной?....

Digitized by Google

И стало-быть, *я ненужна ему*?....
Со мной шутить, смѣяться и мечтать
Готовъ онъ въ добрый часъ, когда досужно,
Когда удобно, — а въ другое время
Я *ничего*, я для него ничтожна....
Какъ сонъ вчерашній, какъ листокъ газеты,
Прочитанный легко и любопытно,
Покуда онъ и новъ и незнакомъ,
И брошенный потомъ въ углу съ презрѣньемъ...
И нынче такъ, — а завтра, все забыто,
Измѣнено,.... и мы опять *чужіе*?....
Онъ непонятенъ мнѣ.... Его причуды,....
Его слова,.... со мною обращенье,....
Все странно такъ, такъ сбивчиво, неровно!....
А говорятъ, что женщины капризны!!....

IV.

My foolish heart,.... be still, or break!
Byron.

14-е Іюня 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Зачѣмъ любить, когда любовь напрасна?....
Когда взаимности ей задушевной нѣть?
Когда надеждъ моихъ увялъ цвѣтокъ прекрасный,
Какъ средь глуши лѣсной никѣмъ незримый цвѣтъ....
Когда мнѣ за любовь лишь платитъ невниманье, —
Когда улыбки мнѣ отвѣтомъ на страданья,...
Зачѣмъ, зачѣмъ любить?....
Зачѣмъ любить безмолвно, безнадежно?
Зачѣмъ младую жизнь мученьямъ обрекать?
Уже-ль другой любви, любви живой и нѣжной
Я не могу внушить, я не могу сыскать?....
Иль небо счастія на вѣкъ надъ мной сомкнулось?....
Но въ первомъ выборѣ коль сердце обманулось,
Зачѣмъ, зачѣмъ любить?....

Digitized by Google

V.

Laisse moi te dire un mot, un seul mot, qui contient le monde: je t'aime! et un autre mot, qui contient le ciel: vous m'aimez!!....

Alexandre Dumas, Albine.

20-го Іюня 18.... Въ Стрѣльнѣ, у Мѣховскихъ.

Здѣсь празднуютъ *его* рожденья день:
Съ утра за мной Елена прискакала,-
Насильно увезла меня. Давно
Готовясь къ празднику моихъ друзей,
Я вышила подушку.... Но ее
Какъ подарить Владимиру, не знала,
Не смѣла. И теперь, когда мы были
Въ холодныхъ отношеньяхъ всю недѣлю, —
Чуть что не въ ссорѣ, — странно было мнѣ
Самой шагъ первый сдѣлать къ примиренью,
И доказать ему, что занималась
Сюрпризомъ для него я.... До обѣда
Почти мы не видались. — За столомъ,
Когда всѣ стали пить его здоровье,
И я должна была сказать два слова
Въ условленный привѣтъ, я покраснѣла,
Да дѣлать было нечего! — Спасибо
Кому-то изъ дѣтей, что громкимъ смѣхомъ
Всеобщее вниманье онъ отвлекъ, —
Мнѣ съ рукъ сошли неловкость и смущенье. —
Потомъ, пошли гулять, катались въ лодкѣ; —
Позднѣе вечеромъ, когда стемнѣло,
Былъ Фейерверкъ зажженъ, — а мы смотрѣли,
Какъ яркія ракетки возвышались,
Шипя, на горизонтѣ, тихо, прямо,

Digitized by Google

Всё выше, выше, — а потомъ, вдругъ съ свистомъ
Намъ на голову падали, какъ звѣзды
Съ чудесною заоблачною вѣстью,
Какъ дивные, небесные цвѣты....
Владимиръ, какъ ребенокъ, былъ доволенъ
И веселъ; я смотрѣла на него, —
И видѣла, какъ вмѣстѣ съ искрометнымъ
Огнемъ блестящихъ свѣчекъ, взоръ его
И вспыхивалъ, и жарко разгорался....
И весело и страшно стало мнѣ:
Какъ онъ хорошъ, когда онъ забываетъ
И думать и хандрить!....

И наконецъ,
За вистъ его съ гостями усадили.
Я улучила мигомъ этотъ случай, —
Взяла свою подушку, — и къ нему,
Въ его мнѣ незнакомый кабинетъ,
Невидима ни кѣмъ, пошла съ боязнью
И трепетомъ, чтобъ тайно положить
Туда подарокъ мой. — Вхожу, — и тотчасъ
Мое забилось сердце, голова
Пошла кругомъ: все въ комнатѣ завѣтной
Такъ живо говорило мнѣ о немъ, ...
Все было такъ пропитано любимымъ
Турецкимъ табакомъ его, что мнѣ
Казалося — онъ самъ, онъ самъ здѣсь былъ
Передо мной! — Опомнившись, спѣшила
Все видѣть, разсмотрѣть: его диванъ,
Усѣянный журналами, и кресло,
Гдѣ сидя, онъ качается, какъ въ люлькѣ
Балуемое нянькою дитя....
Оружіе, кальянъ, два-три портрета
Товарищей; — надъ письменнымъ столомъ
Еще портретъ, но женскій!.... Мнѣ вдругъ стало
Невыразимо больно.... Подхожу,
Смотрю, — о, слава Богу!.... это только
Коринна, знаменитая картина

Digitized by Google

Художника французскаго! — *Коринна*!?....
Зачѣмъ же здѣсь?.... Что въ ней онъ полюбилъ?....
Чего, кого она символъ ему?....
А на столѣ, листокъ, забытый, видно,
Предъ выходомъ его: онъ тутъ чертилъ
Эскизъ съ своей Коринны, только ей
Другое далъ лице, совсѣмъ другое!
Какъ будто сходство чье-то уловить
Старался онъ,.... и мельче и моложе
Фантазія его, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ
Классическій его оригиналъ....
Какъ будто бы, капризомъ непонятнымъ,
Меня онъ здѣсь хотѣлъ изобразить!....
Внизу же, подъ набросанной головкой,
Написаны, намараны стихи,
И вдоль, и поперегъ, кругомъ и въ клѣтку,
Отрывками, цитатами. — Читаю,
И узнаю!.... Мои стихи, *мои*!!....
Онъ затвердилъ, онъ наизустъ ихъ знаетъ,
Онъ пишетъ ихъ въ досужные часы!!....
Онъ глупый обликъ мой возсоздаетъ
Подъ образомъ Коринны вдохновенной!!....

Не помню, какъ ушла я, какъ бѣжала,
Какъ-бы въ чаду какомъ-то угорѣвши....
Но не въ гостинную, въ шумливый кругъ,
Нѣтъ! мнѣ одной хотѣлось быть, — одной!....
И на пустомъ балконѣ я осталась,
Сбираясь мыслями и духомъ. — Нѣтъ!
Нѣтъ! я не думала, — о чемъ мнѣ думать?....
Я только усмиряла трепетъ сердца
Безумнаго.... Я только пріучалась
Ко встрѣчѣ съ *нимъ*.... Но страшно стало мнѣ, —
Еленѣ я сказать послала тихо,
Что голова моя вдругъ заболѣла
Отъ пороха, что нуженъ мнѣ покой, —
И въ комнаткѣ своей поспѣшно скрылась!....

Digitized by Google

VI.

La nature a deux chants, de bonheur, de tristesse,
Qu'elle rend tour-à-tour ainsi que notre coeur,
De l'une à l'autre note elle passe sans cesse,
Homme! l'une est ta joie et l'autre ton bonheur!
Lamartine, Harmonies.

21-е Іюня 18.... тамъ-же.

Подушку онъ нашелъ, — и угадалъ!
Но вотъ бѣда: я въ торопяхъ, невольно,
Украла у него листокъ съ *Коринной*
И со стихами.... Кажется, хватился
Онъ этого листка, — подозрѣваетъ,
Что онъ въ моихъ рукахъ.... отдать ему,
То значило-бъ признаться въ похищеньи!
Молчать — всего умнѣе: я молчу!
Пусть думаетъ что̀ хочетъ! — а рисунокъ, —
Ужь такъ и быть, возьму его себѣ!....

Мы принялись опять за одноколку, —
За прежнія катанья.... Безъ разспросовъ,
Безъ дальнихъ объясненій, мы друзья, —
И мнѣ самой смѣшно, что въ ссорѣ мы
Такъ долго быть могли изъ пустяковъ!

VII.

Je n'espère rien, je ne demande rien, je ne veux que vous voir: mais je dois vous voir s'il faut que je vive!
Adolphe, Benjamin Constant.

30-е Іюня 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Мнѣ снова грустно: скоро минетъ срокъ, —
Онъ долженъ ѣхать, по дѣламъ, по службѣ. —
Поѣдетъ онъ!.... На долго-ли?.... Не знаю!
Спросить не смѣю и боюсь спросить:
Что̀, если скажутъ мнѣ въ отвѣтъ недобрый:
«*Ни долго*!...» Между тѣмъ, хочу стараться
Отвыкнуть отъ присутствія *его*,
Отъ встрѣчей съ *нимъ*.... Къ Еленѣ стану рѣже
Я уѣзжать....
Ахъ жизнь! коварный сонъ!....
Зачѣмъ ты такъ играешь нами?....

Digitized by Google

VIII.

Oh! dis moi donc pourquoi, pourquoi m'enchantes-tu?

Romance dédiée à M-me la comtesse Sophie B.... sky.

3-е Іюля 18... у Мѣховскихъ.

Вчера, онъ спрашивалъ, зачѣмъ блѣдна я, —
Зачѣмъ у нихъ теперь бываю рѣже,
Зачѣмъ я не пою и не рѣзвлюсь
По прежнему?.... И мало-ли еще,
Чего не спрашивалъ!.... А самъ, въ то время
Отвѣта выжидая, — улыбался
Такой коварной, хитрою улыбкой....
Онъ на меня такъ пристально смотрѣлъ,
Что страшно было мнѣ. — Но въ этомъ страхѣ
Такая радость чудная была!....
Опять бывалая блеснула мысль,
Что онъ ко мнѣ не вовсе равнодушенъ....

Онъ говорилъ, что скоро долженъ ѣхать:
Что грустенъ онъ; что онъ себѣ въ отраду
Желалъ бы отъ меня услышать слово
Участья нѣжнаго.... *и увѣренья*
Просилъ въ моей къ нему пріязни вѣчной....
Онъ на судьбу роптalъ, зачѣмъ она
Такъ далеко ему велѣла жить
Въ изгнаньи одинокомъ, въ праздной скукѣ,
Когда онъ *здѣсь такъ счастливъ* могъ бы быть....

Что значитъ это все?.... зачѣмъ ему
Моя пріязнь, участіе мое?....
Что значатъ эти толки объ изгнаньи,
Объ одиночествѣ?.... Что хочетъ онъ?....
Боюсь и не понять, и понимать....
Онъ мнѣ всегда загадкой недоступной!
Очарователь мой! зачѣмъ, зачѣмъ напрасно

Digitized by Google

Меня волнуешь ты по прихоти своей?
О! какъ играешъ ты моей судьбой несчастной,
Какъ хитро ты проникъ во глубь души моей!
Да!.... на челѣ моемъ ты прочиталъ страданье,
Ты разгадалъ вполнѣ притворный холодъ мой,
Ты знаешь все!.... и что жь? — Ты требуешь признанья,
Меня преслѣдуешь, насмѣшливый и злой,....
О! не смущай меня допросомъ и мольбами.
Нѣтъ, нѣтъ! сокрою я безуміе свое,
Не буду слабою, не увлекусь мечтами, —
И торжество не довершу твое.

Не выскажу тебѣ я тайны мнѣ завѣтной,
Нѣтъ!.... въ сердце глубоко мнѣ врѣзалась она,
И лишь одной любви сочувственной, отвѣтной,
Взаимной бы любви довѣриться могла....
Прости! оставь меня!.... вѣдь ты меня не любишь!
Вѣдь ты меня любить не будешь никогда?....
Зачѣмъ же знать тебѣ, что жизнь мою ты губишь,
Что безъ тебя она лишь грустныхъ дней чреда?....
Быть-можетъ, гдѣ-нибудь въ дали, ты повстрѣчаешь
Ту, кто мечты твои должна осуществить,....
Въ ней красоту найдешь, и все ты въ ней узнаешь
Что можетъ нравиться, привлечь и побѣдить:
Будь счастливъ,.... будь любимъ!.... Подруга молодая
Да будетъ ангелъ твой хранитель на землѣ!
Люби, люби ее!.... Но о быломъ мечтая,
Когда нибудь.... хоть разъ.... воспомни обо мнѣ!....

IX.

The shock, the shout, the groan of war....
Byron.

8-е Іюля 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Я вѣсть ужасную узнала.... Боже!
Не вѣрится, — а вѣрить надо будетъ....
Всѣ въ городѣ толкуютъ о войнѣ,
Всѣ говорятъ, походу должно быть, —
И полкъ *его* изъ первыхъ выступаетъ....
Поэтому, изъ первыхъ будетъ онъ

Digitized by Google

Въ бою, въ опасности!.... И за него, —
Несчастная! — дрожать придется мнѣ!....

И такъ, судьба нашла, что для меня
Разлуки съ *нимъ*, одной разлуки мало, —
И прибавляетъ къ ней другое горе, —
Мучительный, невыносимый страхъ!....
О Боже!.... смилуйся!.... не дай, не дай
Имъ сбыться, имъ исполниться, тѣмъ толкамъ,
И тѣмъ рѣчамъ, смущающимъ меня!
Удвой, умножь стократъ мои страданья,
Но гнѣвъ свой разрази лишь надо мной,
Надъ головой моей предосужденной, —
Спаси его.... храни его, Всесильный,
Не приведи бояться за него!....

X.

Le manteau des guerriers flotte sur son épaule,
Il porte dans sa main un glaive redouté....

Le Comte de Rességuier.

12-е Іюля 18.... На Каменномъ-Островѣ.

Когда настанетъ день за родину сразиться,
День славы, день борьбы, день мести роковой,
Когда во всѣхъ сердцахъ отвага загорится,
И всѣ умы вскипятъ военною мечтой: —

Когда въ красивый строй всѣ наши соберутся
Знамена Русскія побѣдою почтить,
Когда въ родныхъ степяхъ повсюду раздадутся
Обѣты грозные: *погибнуть или сгубить:*

Тогда, въ воинственный нарядъ *онъ* облачится,
Тогда каратель-мечь въ рукѣ *его* сверкнётъ,
Ретивый, борзый конь съ *нимъ* гордо въ бой помчится,
Сребристый шарфъ на *немъ* какъ молнія блеснетъ.

Тогда въ глазахъ его зажжется жаръ небесный,
Огонь отважныхъ думъ, геройства, чувствъ святыхъ:
Всю душу выскажетъ взоръ грозный, но прелестный;
Онъ будетъ страхъ врагамъ, примѣромъ для своихъ.

Digitized by Google

Онъ смѣло поведетъ дружину удалую,
Онъ клятву дастъ и кровь и жизнь не пощадитъ
За дѣло правое, за честь, за Русь святую,
И полетитъ впередъ, *погибнуть иль сгубить*!....

А я?.... Сокрытая въ своемъ уединеньи,
Безъ права и безъ силъ опасность съ нимъ дѣлить,
Томимая тоской безумнаго волненья,
Я буду слезы, страхъ и грусть свою таить.

Я буду дни считать,.... расчитывать мгновенья,
Я буду вѣсти ждать, ждать утромъ, въ часъ ночной;
И тысячи смертей перенося мученья,
Вездѣ *его* искать желаньемъ и тоской.

Или, во храмъ святой войдя съ толпой холодной,
Средь равнодушныхъ лицъ печальна и мрачна,
Порывамъ горести предамся я свободно,
Никѣмъ невидима, въ мольбу углублена.

Но тамъ, но даже *тамъ*, вдругъ образъ незабвенный,
Не жданный, явится межь алтаремъ и мной,
И я забуду храмъ, мольбу, обрядъ священный,
И за *него* во прахъ поникну головой.

Когда жъ, богатыя побѣдами и славой,
Дружины храбрыя, свершивши подвигъ свой,
Вернутся въ градъ родной толпою величавой,
При кликахъ радости общественной, живой:

И между ними *онъ* вдругъ явится предъ строемъ,
Весь порохомъ покрытъ, съ сверкающимъ мечемъ,
На полѣ грозныхъ битвъ прославленный героемъ,
Въ бою окрещенный и сталью и огнемъ:

И имя милое молвою разнесется,
И загремитъ *ему* хвала отъ всѣхъ сторонъ,
Хвала соотчичей!.... О! какъ тогда забьется
Въ *немъ* сердце радостью!.... какъ счастливъ будетъ *онъ*!

И я услышу всё, всѣмъ буду наслаждаться,
Гордяся втайнѣ *имъ*, дѣля восторгъ *его*,
Я буду медленно блаженствомъ упиваться,
Имъ налюбуюся,.... и скроюсь отъ *него*!....

Digitized by Google

XI.

Star of the brave....
Which millions rushed in arms to greet.
Byron.

13-е Іюля 18.... На Каменномъ-Островѣ.

О бѣлый крестъ!.... Георгія знакъ чудный,
Любимый крестъ отваги молодой,
Награда лучшая за подвигъ самый трудный,
Грудь милаго украсится-ль тобой?....

Придешь ли ты благословенной данью
На сердце полное думъ жаркихъ и огня,
И старый воинъ братской дланью
Вручитъ ли юношѣ удалому тебя?

О бѣлый крестъ!.... когда тебя увижу
На *немъ*, — на избранномъ моей мечты живой,
Я гордость женскую предъ храбростью унижу,
Я честь *ему* воздамъ съ моей хвалой!

Я образу Георгія святаго
Пожертвую любимый свой нарядъ,
Надъ нимъ, среди вѣнца златаго,
Мои алмазы загорятъ!....

XII.

Et qu'un adieu de douce confiance
Vienne adoucir les années de l'absence!....
Je pars demain!....
Marie, O'pera.

19-е Іюля 18.... Въ Стрѣльнѣ у Мѣховскихъ.

Слухъ о войнѣ умолкъ, — но всё походъ
Сбирается — Владиміръ долженъ ѣхать!

Digitized by Google

Его Елена хочетъ провожать
До Новгорода. — Онъ просилъ меня
Поѣхать тоже съ ними, — «я хочу,» —
Сказалъ онъ мнѣ, — «чтобъ мой послѣдній взоръ,
«Мою семью родную покидая,
«*Васъ* близъ сестры моей оставилъ; — точно
«Какъ первый взоръ мой, въ самый день пріѣзда,
«*Васъ* встрѣтилъ близъ нея!....» Какъ отказать?....
Я ѣду!.... Но молчать, но притворяться
Спокойною, — кто, кто мнѣ силы дастъ?....

Я не живу теперь; какъ въ лихорадкѣ
Считаю всѣ минуты, всѣ часы
Послѣднихъ этихъ дней.... Ахъ! ихъ такъ мало!....

Гр. Евд. Ростопчина.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО БАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Когда я на слѣдующее утро вышелъ изъ моей комнаты трактирный слуга, сердцемъ котораго я завладѣлъ линними шестью пенсами, данными ему для того, чтобы онъ меня разбудилъ во время, услужливо извѣстилъ меня, что могу сократить свое путешествіе на цѣлую милю и, вмѣстѣ съ этимъ, насладиться пріятной прогулкой, если пройду по тропинкѣ черезъ паркъ одного джентельмена, который узнаю по сторожкѣ у входа и увижу миляхъ въ семи отъ города.

— Вамъ покажутъ и садъ, если вы вздумаете посмотрѣть его, — сказалъ слуга. — Только не ходите къ садовнику: онъ захочетъ взять съ васъ полкроны; тамъ есть старуха, которая покажетъ вамъ все, что стоитъ смотрѣть,— аллеи, большой каскадъ, за какіе-нибудь пустяки; спросите ее отъ моего имени,— прибавилъ онъ съ гордостью, — скажите Бобъ, что служитъ въ гостинницѣ Льва. Она моя тетка, и всегда ужъ старается угодить, коли кто придетъ отъ меня.

Digitized by Google

Не сомнѣваясь въ томъ, что только доброжелательство вызвало эти совѣты, я поблагодарилъ за нихъ моего толстоголоваго пріятеля, и, на всякій случай, спросилъ, кому принадлежитъ паркъ.

— Мистеру Тривеніону, извѣстному члену Парламета, отвѣчалъ слуга. — Вы вѣрно слыхали объ немъ, сэръ.

Я покачалъ головой, съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе удивляясь тому какъ еще въ ней было мало.

— Въ гостинницѣ Ягненка есть «*Журналъ умъренаго человѣка,*» и тамъ говорятъ, что онъ одинъ изъ самыхъ умныхъ въ Нижней Палатѣ, — продолжалъ слуга шепотомъ. Но мы подписываемся на «*Грозу Народа*» и лучше знаемъ этого мистера Тривеніона: онъ такъ.... вертушка.... молоко съ водой, — не ораторъ.... не настоящее дѣло, — понимаете?

Совершенно убѣжденный, что я изъ всего этого ничего не понялъ, я улыбнулся и сказалъ: — разумѣется! и, вскинувъ на плеча котомку, опять пустился въ дорогу, между тѣмъ какъ слуга кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Смотрите, сэръ, не забудьте же сказать тетушкѣ, что васъ прислалъ я.

Городъ едва оказывалъ слабые признаки возвращенія къ жизни, когда я проходилъ по улицамъ. На лицѣ лѣниваго Феба блѣдное, больное выраженіе смѣнило лихорадочный, чахоточный румянецъ вчерашняго вечера; пастеровые, которые мнѣ попадались, скользили мимо меня, истощенные и будто измученные; немногія раннія лавки были отворены; человѣка два пьяныхъ вывалились изъ переулковъ и тащились домой съ разбитыми трубками въ зубахъ; объявленія, большими своими буквами, просившія о вниманіи къ «Лучшимъ фамильнымъ чаямъ по 4 шиллинга за фунтъ», «Прибывшему каравану дикихъ звѣрей мистера Сломена» и «Парацельсіевымъ пилюлямъ безсмертія,» какого-то доктора, — печально торчали на стѣнахъ пустыхъ, развалившихся домовъ, скудно-освѣщенныя восходомъ туманнаго солнца, которое мало содѣйствовало очарованію. Я

Digitized by Google

былъ очень доволенъ когда оставилъ за собою городъ, увидѣлъ жнецовъ на поляхъ и услышалъ щебетанье птицъ. Я пришелъ къ сторожкѣ, о которой говорилъ слуга: то былъ домикъ въ деревенскомъ вкусѣ, полузакрытый деревьями и кустарникомъ, съ двумя большими чугунными воротами для пріятелей хозяина и маленькой калиткой для прохожихъ, вслѣдствіе странной небрежности хозяина и невниманія мѣстныхъ властей сохранившихъ право проходить черезъ владѣнія богача и любоваться ихъ великолѣпіемъ—ограничиваясь исполненіемъ просьбы, прописанной на дощечкѣ: ходить по дорожкамъ. Не было и осьми часовъ; времени я имѣлъ довольно: вотъ почему, пользуясь экономическимъ внушеніемъ трактирнаго слуги, я вошелъ въ сторожку и спросилъ старую даму, тетку мистера Бобъ. Молодая женщина, занятая приготовленіемъ завтрака, отвѣчала на мое требованіе учтивымъ поклономъ, и, подбѣжавъ къ груди платья, которую тогда только я увидѣлъ въ одномъ изъ угловъ комнаты, громко сказала: — Бабушка, этотъ джентельменъ хочетъ посмотрѣть на водопадъ.

Груда платья зашевелилась и, повернувшись, обличила человѣческій образъ, озарившійся особеннымъ выраженіемъ въ ту минуту, когда внучка, обратившись ко мнѣ, простодушно сказала:

— Стара она, голубушка, а все еще любитъ нажить себѣ шесть пенсовъ!—И, взявши въ руку костыль, между тѣмъ какъ внучка надѣвала ей хорошенькую шляпу, эта промышленная дама выступила шагомъ, бодрость котораго меня поразила.

Я покушался вступить въ разговоръ съ моей путеводительницей, но она казалась мало склонна къ общительности, а красота долинъ и рощь, которыя открывались передо мной, безъ труда склоняла меня къ молчанію.

Много разныхъ мѣстностей видѣлъ я съ тѣхъ поръ, но не нашелъ ландшафта красивѣе того, что тогда раскидывался передо мною съ его чисто-Англійскимъ характеромъ. Въ немъ не было ни одного изъ феодальныхъ признаковъ старинныхъ парковъ: ни огромныхъ дубовъ, ни фантастически-остриженныхъ деревьевъ, ни овраговъ, поросшихъ папорот-

Digitized by Google

никомъ, ни оленей, собравшихся на скатахъ; напротивъ того, все это, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ деревьевъ, всего болѣе березъ, производило впечатлѣніе новой, искусственной мѣстности. Возвышенія на травѣ показывали, что здѣсь нѣкогда были ограды, теперь уничтоженныя; луга были заново раздѣлены мелкими желѣзными рѣшетками; молодыя деревья, размѣщенныя съ удивительнымъ вкусомъ, но безъ достопочтенной правильности аллей и не въ шахматномъ порядкѣ (по которымъ познаются парки, ведущіе свое происхожденіе отъ временъ Елисаветы или Іакова), разнообразили огромное пространство зелени; вмѣсто оленей паслись быки и коровы, съ короткими рогами, самыхъ лучшихъ породъ, и овцы, которыя непремѣнно бы заслужили призъ на сельско-хозяйственной выставкѣ. На каждомъ шагу встрѣчались явныя доказательства улучшенія, энергіи, достатка, богатства; но издержки явно были сдѣланы не съ одной цѣлью прибыли. Мысль о красотѣ видимо преобладала надъ мыслью о выгодѣ; или, точнѣе, хозяинъ согласенъ былъ извлечь все возможное изъ своей земли, а не изъ своихъ денегъ.

Но упорное желаніе старухи заработать шесть пенсовъ привело меня къ неблагопріятному заключенію о характерѣ хозяина.

— Здѣсь, думалъ я, — всѣ признаки богатства, а этой бѣдной женщинѣ, живущей на порогѣ роскоши, недостаетъ шести пенсовъ.

Эти предположенія, въ которыхъ я видѣлъ доказательство моей смѣтливости, были доведены до степени убѣжденія тѣми немногими изрѣченіями, которыя я наконецъ успѣлъ вырвать у старухи.

— Мистеръ Тривеніонъ долженъ быть богатый человѣкъ, сказалъ я.

— Довольно-богатый, — проворчала моя путеводительница.

— И ему нужно много рукъ здѣсь? Работы довольно?— сказалъ я, оглядывая огромное пространство, засаженное

Digitized by Google

молодымъ кустарникомъ и покрытое грядами и клумбами, по которому вилась наша дорога, то выдаваясь въ луга и овраги и обсаженная рѣдкими садовыми деревьями, то (ибо всякая неровность почвы была обращена въ пользу красоты ландшафта) спускаясь въ долины, то взбираясь по пригоркамъ, то направляя зрѣніе къ какому-нибудь произведенію изящнаго искусства или очаровательницы-природы.

— Да, конечно! Кто жъ говоритъ, что онъ не найдетъ работы для тѣхъ, кому она нужна. Да имѣніе-то ужъ не то теперь, что было въ мое время.

— Такъ оно прежде было въ другихъ рукахъ?

— Какъ же! Оно еще за мою память принадлежало Гоггонамъ.... вотъ были господа! Мой мужъ былъ тогда садовникомъ — не то что нынѣшніе щеголи — джентельмены, которые и за заступъ-то взяться не умѣютъ!

Бѣдная старушка!

Я начиналъ ненавидѣть неизвѣстнаго владѣльца. Ясно было, что, купивъ имѣніе прежняго простаго и гостепріимнаго семейства, онъ оставлялъ въ небреженіи старыхъ слугъ, предоставивъ имъ снискивать себѣ пропитаніе показываніемъ водопадовъ

— Вотъ и вода! Куда хороша! Не то было въ мое время, — сказала моя спутница.

Вдругъ неожиданно открылся взорамъ ручей, журчаніе котораго слышалось еще издали, и довершилъ прелесть картины. Когда, погрузившись опять въ молчаніе, мы пошли по его теченію, подъ навѣсомъ каштановъ и тѣнистыхъ липъ, на противоположной сторонѣ открылся намъ домъ самого владѣльца: новое, современное зданіе изъ бѣлаго камня, съ прекраснымъ Коринѳскимъ портикомъ, которому подобнаго мнѣ никогда не приходилось видѣть въ этой сторонѣ.

— А славный домъ! сказалъ я. — Долго живетъ здѣсь мистеръ Тривеніонъ?

— Онъ-то почти никогда не выѣзжаетъ отсюда, да все оно не то, что было въ мое время: Гоггоны живали здѣсь круглый годъ; только въ тепломъ домѣ, не въ этомъ.

Digitized by Google

Добрая старушка, и вы, бѣдные изгнанники, Гоггоны! подумалъ я. Проклятый выскочка! Я былъ доволенъ, когда поворотъ въ кустахъ скрылъ отъ насъ домъ, хотя мы, на самомъ дѣлѣ, подходили къ нему ближе. И я увидѣлъ хваленый каскадъ, чей ревъ слышался мнѣ уже нѣсколько минутъ.

Въ Альпахъ подобный водопадъ показался бы ничтожнымъ, но въ противуположности съ тщательно-обработанной почвой и при отсутствіи другихъ рѣзкихъ чертъ природы, онъ производилъ впечатлѣніе разительное и даже величественное. Берега сходились здѣсь ближе: скалы, частью природныя, частью, безъ сомнѣнія, искусственныя, придавали имъ дикій видъ; каскадъ падалъ съ значительной вышины въ быстротекущія воды, по выраженію моей спутницы, смертельно-глубокія.

— Въ прошломъ Іюнѣ минуло два года съ того дня какъ какой-то сумасшедшій перепрыгнулъ на ту сторону, вотъ съ этого мѣста, гдѣ вы теперь стоите, — сказала старуха.

— Сумасшедшій! отчего же? — сказалъ я, оглянувъ узкое разстояніе между двухъ краевъ пропасти глазомъ, привыкшимъ къ гимнастикѣ еще въ институтѣ. — Не надо быть сумасшедшимъ для этого, мой добрая леди, — сказалъ я.

И, съ этими словами, по одному изъ тѣхъ порывовъ, которые было бы неумѣстно приписывать благородному чувству храбрости, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и перескочилъ черезъ пропасть. Но когда съ другаго берега я оглянулся и увидѣлъ, что промахъ былъ бы моей смертью, у меня закружилась голова, и я почувствовалъ, что перепрыгнуть назадъ не рѣшился бы даже и съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться владѣльцемъ всего имѣнія.

— Какъ же я теперь вернусь? — спросилъ я отчаяннымъ голосомъ у старухи, которая въ недоумѣніи глядѣла на меня съ противоположнаго берега. — А, вижу, вижу: внизу мостъ!

Digitized by Google

— Да пройти-то нельзя черезъ мостъ: у моста калитка, а баринъ держитъ ключь при себѣ. Вы теперь въ той части сада, куда чужихъ не пускаютъ. Бѣда! — Сквайръ ужасно будетъ сердиться, если узнаетъ. Вамъ надо воротиться, а васъ увидятъ изъ дому. Господи, Господи! Что я стану дѣлать? А нельзя вамъ перепрыгнуть опять?

Тронутый этими жалостными восклицаніями и не желая подвергнуть старушку гнѣву ея господина, я рѣшился собраться съ духомъ и опять перескочить черезъ опасную пропасть.

— Хорошо, не бойтесь, — сказалъ я ей. — Что было сдѣлано разъ, то должно сдѣлаться и два раза, когда необходимо. Посторонитесь!

И я отступилъ нѣсколько шаговъ: почва была слишкомъ неровна, и разбѣжаться передъ скачкомъ не позволяла. Сердце мое билось объ ребра, и я понялъ, что порывъ производитъ чудеса тамъ, гдѣ приготовленія не ведутъ ровно ни къ чему.

— Пожалуйста поскорѣе! — сказала старуха.

Гадкая старуха! Я началъ меньше уважать ее. Я стиснулъ зубы и готовъ былъ прыгнуть, когда сзади меня кто-то сказалъ:

— Подождите, молодой человѣкъ, я васъ пропущу черезъ калитку.

Я обернулся и увидѣлъ возлѣ себя (удивительно только, что я не видѣлъ его прежде) человѣка, чье простое, однако не рабочее платье, повидимому, обличало главнаго садовника, о которомъ говорила моя спутница. Онъ сидѣлъ на камнѣ подъ каштановымъ деревомъ; у ногъ его лежала отвратительная собака, которая заворчала на меня, когда я обернулся.

— Спасибо, пріятель! — сказалъ я съ радостью. — Признаюсь откровенно, я боялся скачка.

— Какъ же вы говорили, что то, что было сдѣлано одинъ разъ, можетъ быть сдѣлано и два раза.

— Я не говорилъ *можетъ*, а *должно* быть сдѣлано.

— Гмъ! Вотъ эдакъ будетъ лучше!

Digitized by Google

Онъ всталъ; собака подошла, понюхала мои ноги и, словно убѣдившись, что я человѣкъ заслуживающій уваженія, замотала концомъ хвоста.

Я посмотрѣлъ на ту сторону, на старуху, и къ моему удивленію, увидѣлъ, что она убѣгала назадъ, какъ только могла скорѣе.

— Знаете ли, — сказалъ я смѣясь,—бѣдная старушка боится, чтобы вы не сказали барину: — вы, вѣдь, старшій садовникъ, должно быть? Но я одинъ виноватъ. Вы такъ и скажите, если станете разсказывать! — Я вынулъ полъкроны и подалъ ее моему новому путеводителю.

Онъ отказался отъ денегъ, прибавивъ тихо: — гмъ, не дурно! потомъ, громко: — Вамъ не зачѣмъ подкупать меня, молодой человѣкъ: я все видѣлъ.

— Я боюсь, вашъ баринъ очень крутъ съ старыми слугами бѣдныхъ Гоггоновъ.

— Будто? Да, такъ баринъ-то. То есть—вы полагаете—мистеръ Тривеніонъ.

— Да.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ. Вотъ дорога. — И онъ повелъ меня отъ водопада внизъ по узкому оврагу.

Нѣтъ человѣка, который бы не замѣтилъ, что избѣжавъ большой опасности, удивительно ободряешься духомъ и приходишь въ состояніе пріятнаго веселія. Такъ было и со мной: я говорилъ съ садовникомъ совершенно-откровенно и не догадывался, что его односложные отвѣты всѣ вели къ тому, чтобы вывѣдать отъ меня короткую повѣсть о моемъ путешествіи, ученіи у доктора Германа и большой книгѣ моего отца. Только тогда замѣтилъ я возникшую между нами короткость, когда, обошедъ извилистую дорожку, мы опять подошли къ рѣчкѣ и остановились у желѣзной двери, вдѣланной въ сводъ, сложенный изъ обломковъ скалъ, и мой товарищъ сказалъ очень просто: — а имя ваше, молодой человѣкъ? — какъ ваше имя?

Я сначала поколебался, но слышавъ, что объ этомъ обыкновенно спрашиваютъ у посѣтителей, любопытствую-

Digitized by Google

щихъ видѣть какія бы то ни было достопримѣчательности, отвѣчалъ:

— Мое имя очень почтенное, въ особенности если вашъ баринъ охотникъ до книгъ, мое имя: Какстонъ.

— Какстонъ!—воскликнулъ садовникъ съ живостію,— въ Кумберландѣ есть эта фамилія.

— Это наше семейство, и мой дядя Роландъ его глава.

— А вы сынъ Огюстена Какстона?

— Да. Такъ вы слыхали о батюшкѣ?

— Теперь мы не пройдемъ черезъ калитку: ступайте за мной.—И, круто поворотивъ, онъ пошелъ по узкой тропинкѣ; прежде чѣмъ я могъ опомниться отъ удивленія, ярдахъ во сто передъ нами вдругъ открылся домъ.

— Извините меня, — сказалъ я, — да куда же мы идемъ, любезный другъ?

— Любезный другъ, любезный другъ! Это хорошо сказано, сэръ. Вы идете къ добрымъ друзьямъ. Я былъ въ школѣ съ вашимъ отцомъ. Я даже нѣсколько зналъ вашего дядюшку. Мое имя Тривеніонъ.

Въ ту минуту, когда мой проводникъ сказалъ мнѣ свое имя, я былъ смущенъ отъ непростительной ошибки. Небольшое, ничего не выражавшее лицо вдругъ облеклось въ моихъ глазахъ достоинствомъ; простое платье, толстаго, темнаго сукна преобразилось въ обыкновенное и приличное déshabillé деревенскаго джентельмена, въ предѣлахъ его владѣній. Даже гадкая собака обратилась въ Шотландскаго терріера самой рѣдкой породы.

Проводникъ добродушно посмѣялся моему недоумѣнію, и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ:

— Вамъ надо извиняться передъ садовникомъ, а не передо мною. Онъ очень красивый малый, футовъ шести ростомъ.

Я не могъ выговорить ни одного слова, покуда мы поднимались по широкимъ ступенямъ портика, и прошли черезъ большія сѣни, уставленныя статуями и померанцовыми деревьями; мой спутникъ, вступивъ въ небольшую

Digitized by Google

комнату украшенную картинами и гдѣ все было приготовлено къ завтраку, сказалъ дамѣ, сидѣвшей за самоваромъ: — Милая Эллиноръ, представляю вамъ сына нашего стараго друга, Огюстена Какстонъ. Удержите его здѣсь, на сколько ему это будетъ возможно. Повѣрьте, молодой человѣкъ, что вы видите въ леди Эллиноръ Тривеніонъ особу, съ которою вы должны быть хорошо знакомы: семейная дружба должна быть наслѣдственна!

Мистеръ Тривеніонъ произнесъ эти слова съ особеннымъ выраженіемъ и потомъ, взглянувъ на большой мѣшокъ, лежавшій на столѣ, вытащилъ изъ него кипу писемъ и газетъ, опустился въ кресла и, казалось, совершенно позабылъ о моемъ существованіи.

Дама на минуту пришла въ недоумѣніе: я замѣтилъ, что она нѣсколько разъ перемѣнилась въ цвѣтѣ лица, переходя отъ блѣднаго къ красному и отъ краснаго къ блѣдному, прежде нежели подошла ко мнѣ съ очаровательной прелестью непритворной ласки, взяла меня за руку, усадила возлѣ себя и такъ радушно стала разспрашивать меня объ отцѣ, дядѣ и обо всемъ моемъ семействѣ, что черезъ пять минутъ я былъ какъ у себя дома. Леди Эллиноръ слушала съ улыбкой (хотя и съ влажными глазами, которыя, по временамъ утирала) простодушныя подробности моего разсказа. Наконецъ она сказала:

— Вы никогда не слыхали отъ батюшки обо мнѣ.... то есть о Тривеніонахъ!

— Никогда, — отвѣчалъ я, — да это бы и очень меня удивило; къ тому же мой отецъ, какъ вы и сами знаете, не разговорчивъ.

— Будто бы! Когда я знала его, онъ былъ, напротивъ, преживой и преразговорчивый!—Она отвернулась и вздохнула.

Въ эту минуту вошла молодая леди, свѣжая, цвѣтущая и милая: у меня въ головѣ не осталось ни одной мысли! Леди вошла, распѣвая какъ птичка; моему очаровательному взору казалось, что она родилась на небѣ.

— Фанни, — сказала леди Эллиноръ, — дай руку мистеру Какстонъ, сыну человѣка, котораго я не видала

Digitized by Google

съ тѣхъ поръ, когда еще была немногимъ старѣе тебя, но котораго помню, какъ будто его видѣла только вчера.

Миссъ Фанни покраснѣла, улыбнулась и подала мнѣ руку съ непринужденностью, которой я напрасно старался подражать. Во время завтрака, мистеръ Тривеніонъ продолжалъ читать письма и просматривалъ бумаги, иногда восклицая: — «Гмъ! Все вздоръ!» и безсознательно глотая между тѣмъ чай или небольшіе куски поджаренаго хлѣба. Потомъ, съ быстротой свойственной всѣмъ его движеньямъ, онъ всталъ и на минуту погрузился въ размышленіе. Онъ снялъ шляпу съ широкими полями, покрывавшую его брови: первое отрывистое движеніе и послѣдовавшая за нимъ неподвижность обратили на себя мое любопытное вниманіе, и я еще болѣе стыдился моей ошибки. Лицо его, истощенное заботой, пылкое, но въ то же время задумчивое, впалые глаза и глубоко-врѣзанныя черты принадлежали одной изъ тѣхъ натуръ, одаренныхъ достоинствомъ и нѣжностію, при помощи того умственнаго образованія, которымъ отличается истинный аристократъ, т. е. человѣкъ отъ рожденія острый и умный, прекрасно воспитанный. Это лицо въ молодости могло быть хорошо, потому что всѣ черты, хотя и мелкія, были удивительно опредѣленны,—лобъ, отчасти лысый, былъ породистъ и высокъ, а въ очертаніи губъ пробивалась почти женская нѣжность. Выраженіе всего лица было повелительно, но грустно. Нерѣдко, сдѣлавшись уже опытнѣе въ дѣлахъ жизни, мнѣ казалось, что на этомъ челѣ я читаю повѣсть могучаго честолюбія, подчиненнаго философіи и строгой совѣсти; но въ то время я прочелъ на немъ только какую-то недовольную грусть, которая, не знаю почему, опечалила меня.

Тривеніонъ опять подошелъ къ столу, собралъ свои письма и скрылся въ двери.

Глаза жены нѣжно слѣдили за нимъ. Эти глаза напоминали мнѣ глаза моей матери, вѣроятно подобно всѣмъ глазамъ, выражавшимъ привязанность. Я подвинулся къ ней, и мнѣ захотѣлось пожать ея бѣлую руку, которая небрежно лежала передо мной.

Digitized by Google

— Хотите пройтиться съ нами?—сказала миссъ Тривеніонъ, обращаясь ко мнѣ.

Я поклонился, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ комнатѣ одинъ. Покуда дамы отправились за своими шляпами и шалями, я, отъ нечего дѣлать, взялъ газеты, которыя мистеръ Тривеніонъ оставилъ на столѣ. Мнѣ бросилось въ глаза его собственное имя: оно встрѣчалось часто, и во всѣхъ газетахъ. Въ одной его бранили, въ другой хвалили безъ мѣры; но одна статья той изъ газетъ, которая, повидимому, хотѣла показаться безпристрастною, поразила меня и осталась у меня въ памяти. Я увѣренъ, что все еще сумѣю передать ея содержаніе, хоть и не слово въ слово. Помнится, тутъ было что-то въ родѣ слѣдующаго:

«При настоящемъ положеніи партій, наши современники естественно посвятили много мѣста достоинствамъ и недостаткамъ мистера Тривеніонъ. Несомнѣнно, что это имя стоитъ высоко въ Нижней Палатѣ; но несомнѣнно и то, что оно возбуждаетъ мало сочувствія въ народѣ. Мистеръ Тривеніонъ по преимуществу восторженный *членъ Парламента.* Онъ скоръ и точенъ въ дебатахъ; онъ удивительно говоритъ въ комитетахъ. Хотя онъ никогда не былъ на службѣ, продолжительный опытъ въ дѣлѣ общественной жизни, его сердечное вниманіе къ общественнымъ дѣламъ, даютъ ему почетное мѣсто между тѣми практическими государственными людьми, изъ которыхъ выбираются министры. Онъ—человѣкъ съ незапятнанной славой и благонамѣренный, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; и въ немъ всякій кабинетъ имѣлъ бы члена честнаго и полезнаго. Вотъ все, что можно сказать въ похвалу ему. Какъ оратору, ему недостаетъ того огня, которымъ снискивается сочувствіе народа. Его слушаютъ въ Палатѣ, но сердце народа не лежитъ къ нему. Оракулъ вопроса второстепенной важности, онъ, сравнительно, мелокъ въ политикѣ. Онъ никогда искренно не придерживается никакой партіи, никогда не обнимаетъ вопроса вполнѣ и не сродняется съ нимъ. Умѣренность, которою кичится онъ, нерѣдко проявляется въ насмѣшливыхъ придиркахъ и въ

Digitized by Google

притязаніи на стоицизмъ, издавна заслужившихъ ему отъ его враговъ славу человѣка нерѣшительнаго. Обстоятельства могутъ дать такому человѣку временную власть, но способенъ-ли онъ на долго сохранить вліяніе? Нѣтъ. Пускай же мистеръ Тривеніонъ остается при томъ, что указали ему и природа, и его положеніе въ обществѣ, — пусть будетъ онъ неподкупнымъ, независимымъ и способнымъ членомъ Парламента и примирителемъ умныхъ людей обѣихъ сторонъ, когда партіи вдаются въ крайности. Онъ пропадетъ, если сдѣлать его кабинетнымъ министромъ. Зазрѣнія его совѣсти ниспровергнутъ всякій кабинетъ, а его нерѣшительность помрачила бы его личную репутацію.»

Едва окончилъ я чтеніе этого параграфа, вошли дамы.

Хозяйка, увидѣвъ листокъ въ моихъ рукахъ, сказала съ принужденной улыбкой:

— Опять какія-нибудь нападки на мистера Тривеніона?

— Пустое,—сказалъ я не совсѣмъ умѣстно. — Статья, которая показалась мнѣ столь безпристрастною, была желчнѣе всѣхъ — пустое!

— Я теперь никогда не читаю газетъ, т. е. политическихъ статей: онѣ слишкомъ грустны. А было время, онѣ доставляли мнѣ столько удовольствія, — когда началось его поприще и слава его еще не была сдѣлана.

Леди Эллиноръ отворила дверь, выходившую на террасу, и спустя нѣсколько минутъ, мы очутились въ той части сада, которую хозяева оградили отъ общественнаго любопытства. Мы прошли мимо рѣдкихъ растеній, странныхъ цвѣтовъ, длинными рядами теплицъ, гдѣ цвѣли и жили всѣ диковинныя произведенія Африки и обѣихъ Индій.

— Мистеръ Тривеніонъ охотникъ до цвѣтовъ? спросилъ я.

Хорошенькая Фанни засмѣялась:

— Не думаю, чтобъ онъ умѣлъ отличить одинъ отъ другаго.

— Я и самъ не похвалюсь, и врядъ ли отличу одинъ цвѣтокъ отъ другаго, когда ихъ не вижу.

Digitized by Google

— Ферма васъ больше займетъ, — сказала леди Эллиноръ.

Мы подошли къ зданію фермы, недавно отстроенной по послѣднимъ правиламъ. Леди Эллиноръ показала мнѣ машины и орудія самаго новаго изобрѣтенія, назначенныя къ сокращенію труда и усовершенствованію механизма въ хозяйствѣ.

— Такъ мистеръ Тривеніонъ большой хозяинъ?

Фанни опять засмѣялась:

— Батюшка одинъ изъ оракуловъ агрономіи, одинъ изъ первыхъ покровителей ея успѣховъ, но что касается до хозяйства, онъ, право, не скажетъ вамъ, когда ѣдетъ по своимъ полямъ.

Мы воротились домой. Миссъ Тривеніонъ, чья открытая ласка произвела слишкомъ глубокое впечатлѣніе на юное сердце Пизистрата II, предложила показать мнѣ картинную галлерею. Собраніе ограничивалось произведеніями Англійскихъ художниковъ. Миссъ Тривеніонъ остановила меня передъ лучшими.

— Мистеръ Тривеніонъ любитель картинъ?

— Опять таки нѣтъ! — сказала Фанни, покачавъ выразительно головкой. — Моего отца считаютъ удивительнымъ знатокомъ, а онъ покупаетъ картины потому только, что считаетъ себя обязаннымъ поощрять нашихъ художниковъ. А какъ купитъ картину, — врядъ ли когда и взглянетъ на нее!

— Что же онъ?.... — Я остановился, почувствовавъ невѣжливость моего, впрочемъ весьма основательнаго, вопроса.

— Что онъ любитъ, — хотѣли вы спросить? Я, конечно, знаю его съ тѣхъ поръ какъ что-нибудь знаю, но не умѣла еще открыть что любитъ мой отецъ. Онъ даже не любитъ и политики, хоть и живетъ весь въ политику. Вы какъ будто удивляетесь; когда-нибудь вы его лучше узнаете, а никогда не разрѣшите тайны о томъ, что любитъ мистеръ Тривеніонъ.

Digitized by Google

— Ты ошибаешься,—сказала леди Эллиноръ, вошедшая въ комнату вслѣдъ за нами, несльшно для насъ. — Я сейчасъ тебѣ назову что отецъ твой болѣе нежели любитъ и чему служитъ каждый часъ своей благородной жизни:— справедливость, благотворительность, честь и свое отечество. Тому, кто любитъ все это, можно простить равнодушіе къ какому-нибудь гераніуму, къ новому плугу и даже (хотя это болѣе всего оскорбитъ тебя, Фанни) къ лучшему произведенію Лендесера или послѣдней модѣ, удостоенной вниманія миссъ Фанни Тривеніонъ.

— Мама! сказала умоляющимъ голосомъ Фанни, — и слезы брызнули изъ глазъ.

Неописанно-хороша была, въ то время, леди Эллиноръ: глаза ея блистали, грудь подымалась высоко. Женщина, взявшая сторону мужа противъ дочери и понимавшая такъ хорошо то, чего дочь не чувствовала, не смотря на опытъ каждаго дня, то, что свѣтъ никогда не узналъ бы, не смотря на бдительность его похвалъ и порицаній, — эта женщина была, по моему, лучшая картина всего ихъ собранія.

Выраженіе ея лица смягчилось, когда она увидѣла слезы въ блестящихъ, карихъ глазахъ Фанни: она протянула ей руку, которую дочь нѣжно поцѣловала, и потомъ, сказавъ шепотомъ:

— Не останавливайтесь на всякомъ пустомъ моемъ словѣ, маменька: иначе придется каждую минуту что-нибудь прощать мнѣ, — миссъ Тривеніонъ ускользнула изъ комнаты.

— Есть у васъ сестра? — спросила леди Эллиноръ.

— Нѣтъ.

— А у Тривеніона нѣтъ сына, — сказала она грустно. — На щекахъ моихъ выступилъ яркій румянецъ. — Какой же я сумасшедшій опять! Мы оба замолчали; дверь отворилась и вошелъ мистеръ Тривеніонъ.

— Я пришелъ за вами, — сказалъ онъ улыбаясь, когда увидѣлъ меня; — и эта улыбка, такъ рѣдко появлявшаяся на его лицѣ, была исполнена прелести. — Я поступилъ невѣжливо; извините. Эта мысль только теперь

Digitized by Google

пришла мнѣ въ голову, и я сейчасъ же бросилъ мои голубыя книжки и моего письмоводителя, чтобъ предложить вамъ прогуляться со мною полчасика, — только полчаса; болѣе никакъ не могу: въ часъ ко мнѣ должна быть депутація! — Вы, конечно, обѣдаете и ночуете у насъ?

— Ахъ, сэръ! матушка будетъ безпокоиться, если я не поспѣю въ Лондонъ къ вечеру.

— Пустое, — отвѣчалъ членъ Парламента, — я пошлю нарочнаго сказать, что вы здѣсь.

— Не надо, не надо, благодарю васъ.

— Отчего же?

Я колебался.

— Видите ли, сэръ, отецъ мой и мать въ первый разъ въ Лондонѣ: и хотя я самъ тамъ никогда не бывалъ, все-таки могу имъ понадобиться, быть имъ полезенъ. — Леди Эллиноръ положила мнѣ руку на голову и гладила мнѣ волосы, покуда я говорилъ.

— Хорошо, молодой человѣкъ: вы уйдете далеко въ свѣтѣ, какъ ни дуренъ онъ. Я не думаю, чтобы вы въ немъ имѣли успѣхъ, какъ говорятъ плуты: это другой вопросъ, но если вы и не подниметесь, то навѣрное и не упадете. Возьмите шляпу и пойдемте со мной; мы отправимся къ сторожкѣ... и вы еще застанете дилижансъ.

Я простился съ леди Эллиноръ и хотѣлъ просить ее передать отъ меня поклонъ миссъ Фанни, но слова остановились у меня въ горлѣ, а мистеръ Тривеніонъ уже выходилъ изъ терпѣнія.

— Хорошо бы опять намъ свидѣться поскорѣе! — сказала леди Эллиноръ, провожая насъ до двери.

Мистеръ Тривеніонъ шелъ скоро и молча: онъ держалъ одну руку за пазухой, а другою небрежно махалъ толстой тростью.

— Мнѣ надо пройти къ мосту, — сказалъ я, — потому что я позабылъ свою котомку. Я снялъ ее передъ тѣмъ какъ собрался прыгать, и старушка врядъ ли захватила ее.

— Такъ пройдемте здѣсь. Сколько вамъ лѣтъ?

Digitized by Google

— Семнадцать съ половиной.

— Вы конечно знаете Латинскій и Греческій языки, какъ ихъ знаютъ въ школахъ?

— Думаю, что знаю порядочно, сэръ.

— А батюшка что говоритъ?

— Батюшка очень взыскателенъ, однако онъ увѣряетъ, что вообще доволенъ моими познаніями.

— Такъ и я доволенъ. А математика?

— Немножко.

— Хорошо!

Здѣсь разговоръ на время былъ прерванъ. Я нашелъ котомку, пристегнулъ ее, и мы уже подходили къ сторожкѣ, когда мистеръ Тривеніонъ отрывисто сказалъ мнѣ:

— Говорите, мой другъ, говорите.... я люблю слушать васъ, когда вы говорите; это меня освѣжаетъ. Въ послѣднія десять лѣтъ никто не говорилъ со мной просто, естественно.

Эти слова разомъ остановили потокъ моего простодушнаго краснорѣчія; я ни за что на свѣтѣ не могъ бы послѣ этого говорить непринужденно.

— Видно я ошибся, — добродушно замѣтилъ мой спутникъ, увидѣвъ мое замѣшательство. — Вотъ мы и пришли къ сторожкѣ. Карета проѣдетъ минутъ черезъ пять; вы можете, покамѣстъ, послушать какъ старуха хвалитъ Гоггоновъ и бранитъ меня. Вотъ еще что, сэръ: не ставьте никогда ни во что похвалу или порицаніе; похвала и порицаніе здѣсь,— и онъ ударилъ себя рукою по груди, съ какимъ-то страннымъ воодушевленіемъ. — Вотъ вамъ примѣръ: эти Гоггоны были лѣва околодка; они были необразованы и скупы; ихъ земля была дичь, деревня — свиной хлѣвъ. Я пріѣзжаю съ капиталомъ и пониманіемъ дѣла; я улучшаю почву; изгоняю бѣдность, стараюсь все просвѣтить вокругъ себя; — у меня, говорятъ, нѣтъ заслуги: — я только выраженіе капитала, направляемаго воспитаніемъ, — я машина. И не одна эта старуха станетъ увѣрять васъ, что Гоггоны были ангелы, а я — извѣстная антитеза ангеловъ. А хуже-то всего то, сэръ, — и все оттого что эта старуха,

Digitized by Google

которой я даю десять шиллинговъ въ недѣлю, такъ хлопочетъ объ какихъ-нибудь шести пенсахъ, а я ей не запрещаю этой роскоши — хуже всего то, что всякій посѣтитель, какъ только поговоритъ съ ней, уходитъ отсюда съ мыслью, что я, богатый мистеръ Тривеніонъ, предоставляю ей кормиться какъ она знаетъ и тѣмъ, что выпроситъ она у любопытныхъ, которые приходятъ посмотрѣть садъ. Судите же что все это значитъ? — Прощайте, однакожъ. Скажите вашему отцу, что его старинный пріятель желаетъ его видѣть; пользуйтесь его кротостію; его пріятель часто дѣлаетъ глупости и груститъ. Когда вы совсѣмъ устроетесь, напишите строчку въ Сентъ-Джемсъ-Скверъ: тогда я буду знать гдѣ васъ найти. Вотъ и все; довольно!

Мистеръ Тривеніонъ пожалъ мнѣ руку и удалился.

Я не сталъ дожидаться дилижанса и пошелъ къ калиткѣ, гдѣ старуха (увидавъ или издали почуявъ вознагражденіе, котораго я былъ олицетвореніемъ),

«Молча и въ мрачномъ покоѣ, утренней ждала добычи.»

Мои мнѣнія на счетъ ея страданій и добродѣтелей Гоггоновъ до того измѣнились, что я уронилъ въ ея открытую ладонь только ровно условленную сумму. Но ладонь осталась открыта, между тѣмъ какъ пальцы другой руки вцѣпились въ меня, а крестъ калитки удерживалъ меня, какъ патентованный штопоръ держитъ пробку.

— А три-то пенса племяннику Бобу?—сказала старуха.

— Три пенса Бобу? за что?

— Онъ всегда беретъ три пенса, когда присылаетъ джентельменовъ. Вѣдь вы не захотите, чтобы я платила ему изъ того, что я получаю, потому что онъ непремѣнно потребуетъ трехъ пенсовъ, а то онъ у меня отыметъ мой доходъ. Бѣднымъ людямъ надо платить за ихъ труды.

Ея увѣщанія меня не тронули, и, отъ души препоручая Боба тому джентельмену, котораго ноги много бы выиграли, если бы надѣть на нихъ сапоги, я повернулъ рогатку и убѣжалъ.

Digitized by Google

Къ вечеру добрался я до Лондона. Кто, увидавъ Лондонъ въ первый разъ, не былъ разочарованъ? — Длинныя предмѣстья, незамѣтно сливающіяся съ столицей, мѣшаютъ любоваться ею. Постепенность вообще разрушаетъ очарованіе. Я счелъ нужнымъ нанять фіакра и отправился въ гостинницу; подъѣздъ ея выходилъ на переулокъ Стрэнда, а большая часть всего зданія — на эту шумную улицу. Я нашелъ отца въ весьма затруднительномъ положеніи: въ небольшой комнаткѣ, по которой ходилъ онъ взадъ и впередъ, онъ былъ похожъ на льва, только что пойманнаго и посаженнаго въ клѣтку. Бѣдная матушка жаловалась на все, и въ первый разъ въ жизни видѣлъ я ее не въ духѣ. Разсказывать о моихъ приключеніяхъ въ такое время казалось неумѣстнымъ. Въ пору было послушать. Они цѣлый день понапрасну проискали квартиры. У отца вытащили изъ кармана новый Индійскій фуляровый платокъ. Приммисъ, которой Лондонъ былъ такъ хорошо знакомъ, не узнавала ровно ничего и объявила, что его оборотили вверхъ ногами, и даже всѣмъ улицамъ дали другія названія. Новый шелковый зонтикъ, на пять минутъ оставленный безъ призрѣнія, былъ въ сѣняхъ подмѣненъ старымъ коленкоровымъ, въ которомъ оказалось три дыры.

Только тогда разсказалъ я о моемъ новомъ знакомствѣ съ мистеромъ Тривеніонъ, когда матушка, вспомнивъ, что я непремѣнно перестану владѣть всѣми членами, если она сама не присмотритъ за тѣмъ, какъ будутъ провѣтривать мою постель, скрылась для этого, вмѣстѣ съ миссисъ Приммисъ и бойкой служанкой, которая, повидимому, полагала, что мы не стоимъ особенныхъ хлопотъ.

Отецъ, кажется, не слушалъ до той минуты, когда я произнесъ имя: Тривеніонъ; тогда онъ ужасно поблѣднѣлъ и молча сѣлъ.

— Продолжай, — сказалъ онъ, замѣтивъ, что я пристально смотрю на него.

Digitized by Google

Когда я разсказалъ все и передалъ ему ласковое порученіе, возложенное на меня мужемъ и женой, онъ слегка улыбнулся; потомъ, закрывъ лицо рукою, погрузился въ размышленія, вѣроятно невеселыя, и раза два вздохнулъ.

— А Эллиноръ? — спросилъ онъ, наконецъ, не поднимая глазъ, — Леди Эллиноръ, хотѣлъ я сказать.... все также.... также....

— Также.... что вы хотите сказать, сэръ?

— Также хороша?

— Хороша! очень хороша; но я больше думалъ о ея обращеніи, нежели о лицѣ. Ктому жь миссъ Фанни.... миссъ Фанни.... такъ молода!

— А! — замѣтилъ отецъ, произнося, сквозь зубы и по-Гречески, знаменитыя строки, извѣстныя всякому изъ перевода Попе:

«Like leaves on trees the race of man is found:
Now green in youth, now withering on the ground!»*

— Такъ она хочетъ меня видѣть? Кто это сказалъ? Эллиноръ.... Леди Эллиноръ или ея.... ея мужъ?

— Конечно, мужъ; леди Эллиноръ дала это почувствовать, но не сказала.

— Посмотримъ, — продолжалъ батюшка. — Отвори окно. Что за духота здѣсь!

Я отворилъ окно, которое выходило на Стрэндъ. Шумъ, голоса, звукъ шаговъ по камнямъ, стукъ колесъ, вдругъ сдѣлались слышнѣе. Отецъ высунулся изъ окна и, на нѣсколько мгновеній, остался въ этомъ положеніи; я стоялъ за нимъ. Потомъ онъ спокойно обратился ко мнѣ:

— Каждый муравей въ кучкѣ тащитъ свою ношу, и домъ его сложенъ только изъ того, что онъ добылъ. Какъ

---

* Родъ человѣческій, подобно листьямъ древеснымъ, то зеленъ въ молодости, то разсыпается по землѣ.

Digitized by Google

счастливъ я! какъ долженъ я благословлять Бога! Какъ легка моя ноша, и какъ безопасенъ мой домъ!

Въ эту минуту вошла матушка. Онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и поцѣловалъ. Подобныя ласки не потеряли цѣны своей отъ привычки къ нимъ: лицо матушки, передъ тѣмъ грустное, вдругъ просіяло. Однако она посмотрѣла ему въ глаза, пораженная сладкою неожиданностью.

— Я теперь думалъ, — сказалъ отецъ, какъ бы въ объясненіе своего поступка, — сколькимъ я вамъ обязанъ, и какъ сильно я васъ люблю!

ГЛАВА II.

Теперь взгляните на насъ, три дня послѣ моего прибытія, какъ мы расположились въ Рёссель-Стритѣ квартала Блумсбери, во всей пышности и величіи собственнаго дома: библіотека музея у насъ подъ рукою. Отецъ проводитъ каждое утро въ этихъ *lata silentia*, какъ называетъ Виргилій міръ замогильный. И, въ самомъ дѣлѣ, можно назвать замогильнымъ міромъ этотъ міръ духовъ: собраніе книгъ.

— Писистратъ,—сказалъ мнѣ однимъ вечеромъ отецъ, укладывая передъ собой свои бумаги и вытирая очки, — Писистратъ, мѣсто подобное Большой Библіотекѣ, внушаетъ благоговѣніе. Тутъ схоронено все оставшееся отъ людей, со времени потопа.

— Это кладбище! — замѣтилъ дядя Роландъ, отыскавшій насъ въ этотъ день.

— Это Ираклія, — сказалъ батюшка.

— Пожалуйста безъ этихъ выраженій! — сказалъ капитанъ, качая головой.

— Ираклія была страна чернокнижниковъ, гдѣ вызывали они умершихъ.... Хочу я бесѣдовать съ Цицерономъ? я вызываю его. Хочу поболтать на Аѳинской площади, и послушать новостей, которымъ теперь двѣ тысячи лѣтъ?— пишу заклинаніе на лоскуткѣ бумаги, и магикъ вызываетъ мнѣ Аристофана. И всѣмъ этимъ мы обязаны нашему пред....

Digitized by Google

— Братъ!

— Нашимъ предкамъ, которые писали книги.... благодарю.

Тутъ дядя Роландъ поднесъ свою табакерку отцу, который, хоть и ненавидѣлъ табакъ, однако смиренно понюхалъ и вслѣдствіе этого чихнулъ пять разъ, что подало поводъ дядѣ Роланду пять разъ повторить съ чувствомъ:

— На здоровье, братъ Остинъ!

Оправившись, отецъ мой продолжалъ, съ слезами на глазахъ, но также спокойно какъ передъ тѣмъ, когда былъ прерванъ (онъ держался философіи стоиковъ):

— Но это все не страшно. Страшно совмѣстничество съ высокими умами, страшно сказать имъ: посторонитесь, я тоже требую мѣста между избранными. Я тоже хочу говорить съ живыми, цѣлыя столѣтія послѣ смерти, которая изведетъ мой прахъ. Я тоже.... ахъ, Пизистратъ! Зачѣмъ дядя Джакъ не отправился къ чорту, прежде нежели притащилъ меня въ Лондонъ и поселилъ между этихъ учителей міра.

Покуда отецъ говорилъ, я хлопоталъ за висячими полками для этихъ избранныхъ умовъ, потому что матушка, всегда предусмотрительная, когда дѣло шло о спокойствіи отца, предугадавъ необходимость этой утвари въ наемномъ домѣ, не только привезла съ собою ящикъ съ инструментами, но даже сама утромъ закупила всѣ нужные матеріалы.

— Батюшка! — сказалъ я, останавливая бѣгъ рубанка по гладкой еловой доскѣ, — если бы я въ институтѣ пріучилъ себя смотрѣть съ такимъ благоговѣніемъ на болвановъ, которые меня опередили, я навсегда остался бы послѣднимъ въ малолѣтномъ отдѣленіи.

— Пизистратъ, ты такой же безпокойный человѣкъ, какъ твой историческій тёзка, — замѣтилъ, улыбаясь, отецъ.—Ну ихъ совсѣмъ, этихъ болвановъ!

Въ это время вошла матушка, въ хорошенькомъ вечернемъ чепчикѣ, съ улыбкой на лицѣ и въ прекрасномъ рас-

Digitized by Google

положеніи духа, вслѣдствіе: оконченнаго ею устройства комнаты для дяди Роланда, заключенія выгоднаго условія съ прачкой и совѣщанія съ миссисъ Примминсъ о средствахъ предохраненія себя отъ плутень Лондонскихъ торговцевъ. Довольная и собою, и цѣлымъ свѣтомъ, она поцѣловала въ лобъ отца, углубившагося въ свои выписки и подошла къ чайному столу, за которымъ недоставало только предсѣдательствующаго божества. Дядя Роландъ, съ своей обычной вѣжливостью, подбѣжалъ къ ней съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ (потому что нашъ самоваръ — у насъ былъ свой самоваръ — еще не былъ выложенъ) и, исполнивъ съ точностію солдата обязанность, взятую имъ на себя, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Есть сталь болѣе приличная для рукъ молодаго человѣка хорошаго происхожденія, чѣмъ рубанокъ столяра.

— Можетъ быть, дядюшка, но это зависитъ отъ....

— Отъ чего?

— Отъ того, на что ее употребляютъ. Дѣятельность Петра Великаго, какъ кораблестроителя, заслуживаетъ болѣе уваженія, нежели дѣятельность Карла XII, какъ рубаки.

— Бѣдный Карлъ XII! — сказалъ дядя, глубоко вздыхая, — славный былъ малый!

— Жаль, что онъ такъ мало любилъ дамъ!

— Нѣтъ человѣка совершеннаго,—сказалъ дядя, важно. — Но, серьёзно, вы, какъ мужчина, теперь единственная надежда всего семейства.... вы теперь.... Онъ остановился, а лицо его помрачилось. Я видѣлъ, что онъ думалъ о своемъ сынѣ, объ этомъ таинственномъ сынѣ! И, взглянувъ на него нѣжно, я замѣтилъ, что его глубокія морщины стали еще глубже, сѣдые волосы — еще сѣдѣе. На его лицѣ были слѣды недавнихъ страданій, и хотъ не сказалъ онъ намъ ни слова о дѣлѣ, по поводу котораго тогда насъ оставилъ, не много нужно было смѣтливости, чтобы удостовѣриться, что оно кончилось неблагопріятно.

Digitized by Google

— Съ незапамятныхъ временъ, — продолжалъ дядя Роландъ, — каждое поколѣніе нашего семейства давало отечеству воина. Теперь, я смотрю кругомъ: только одна вѣтвь зеленѣетъ на старомъ деревѣ и....

— Ахъ, дядюшка! Что же скажутъ они? Неужели вы думаете, что я не захотѣлъ бы быть солдатомъ? Не искушайте меня!

Дядя мой искалъ спасенія въ своей табакеркѣ; въ эту минуту, на бѣду тѣхъ лавровъ, которые можетъ быть когда-нибудь и увѣнчали бы чело Писистрата Англіи, всѣ разговоры были прерваны неожиданнымъ и шумнымъ входомъ дяди Джака. Ни чье явленіе не было неожиданнѣе.

— Вотъ и я, мои друзья! Ну что вы всѣ дѣлаете, какъ поживаете? Капитанъ де-Какстонъ, имѣю честь кланяться. Слава Богу, я теперь свободенъ. Я бросилъ заниматься этой несчастной провинціальной газетой. Я былъ созданъ не для этого. Океанъ въ чайной чашкѣ! Я — и эти мелкіе, грязные, тѣсные интересы; я, чье сердце обнимаетъ все человѣчество. Ну что между этимъ общаго?

Отецъ мой, замѣтившій наконецъ его краснорѣчіе, которое уничтожало всякую возможность дальнѣйшаго продолженія его сочиненія на нынѣшній вечеръ, вздохнулъ и отодвинулъ въ сторону свои замѣтки.

Дядя Джакъ совершилъ три аволюціи, ни въ чемъ не соотвѣтствовавшія его любимой теоріи величайшаго счастія отъ величайшихъ чиселъ: во-первыхъ, онъ вылилъ въ чашку, которую взялъ изъ рукъ моей матери, половину скуднаго количества молока, обыкновенно вмѣщаемаго Лондонскими молочниками, потомъ значительно уменьшилъ объемъ пирога, вырѣзавъ изъ него три треугольника, и, наконецъ, подошелъ къ камину, затопленному изъ угожденія Капитану де-Какстонъ, подобралъ полы сертука и, продолжая пить чай, совершенно затмилъ источникъ свѣта, къ которому сталъ спиной.

— Человѣкъ созданъ для себя подобныхъ. Мнѣ давно надоѣло возиться съ этими себялюбивыми провинціалами.

Digitized by Google

Вашъ отъѣздъ совершенно убѣдилъ меня. Я заключилъ условіе съ однимъ Лондонскимъ торговымъ домомъ, извѣстнымъ по уму, капиталу и обширнымъ филантропическимъ видамъ. Въ субботу я оставилъ службу мою олигархіи. Теперь я въ моей сферѣ: я покровитель милліона. Программа моя напечатана: она у меня здѣсь, въ карманѣ. Еще чашку чаю, сестрица, да не много побольше сливокъ, да другой кусокъ пирога. Позвонить что ли? — Освободившись отъ чашки и блюдца, дядя Джакъ вытащилъ изъ кармана сырой листъ печатной бумаги, въ заглавіи котораго было напечатано крупными буквами: «Антимонопольная Газета» Онъ съ торжественнымъ видомъ вертѣлъ его передъ глазами отца.

— Пизистратъ,—сказалъ отецъ,—посмотри сюда. Вотъ какое клеймо дядя Джакъ теперь кладетъ на кружки свого масла. — Хорошо, Джакъ! хорошо, хорошо!

— Онъ якобинецъ! — воскликнулъ Капитанъ.

— Должно быть, — замѣтилъ отецъ, — но познанія лучшій девизъ въ мірѣ, какой только можно изобразить на кружкахъ масла, назначеніаго на рынокъ.

— Какіе кружки масла? я не понимаю, — сказалъ дядя Джакъ.

— Чѣмъ меньше вы понимаете, Джакъ, тѣмъ лучше будетъ продаваться масло, — отвѣчалъ ему отецъ, принимаясь опять за свои занятія.

ГЛАВА III.

Дядя Джакъ думалъ было поселиться съ нами, и матушка съ трудомъ могла объяснить ему, что у насъ не было и кровати для него.

— Это предосадно, — сказалъ онъ. — Какъ только я пріѣхалъ въ городъ, меня завалили приглашеніями, но я отказался отъ всѣхъ, чтобъ остановиться у васъ.

Digitized by Google

— Какъ это мило! Какъ это похоже на васъ! — отвѣчала матушка. — Но вы сами видите....

— Стало быть, мнѣ теперь надо отыскивать себѣ комнату. Не безпокойтесь: вы знаете, я могу завтракать и обѣдать съ вами, т. е. когда мои другіе знакомые отпустятъ меня. Ко мнѣ будутъ страшно приставать. — Сказавъ это, дядя Джакъ положилъ въ карманъ свою программу и пожелалъ намъ доброй ночи.

Пробило одиннадцать часовъ; матушка ушла въ свою комнату, отецъ оставилъ книги и спряталъ въ футляръ очки. Я кончилъ свою работу и сидѣлъ у камина, мечтая то о карихъ глазахъ Фанни Тривеніонъ, то о походахъ, сраженіяхъ, лаврахъ и славѣ, между тѣмъ какъ дядя Роландъ, скрестивъ руки и опустивъ голову, глядѣлъ на тихо-потухавшіе уголья. Отецъ мой обвелъ глазами комнату и, поглядѣвъ нѣсколько минутъ на брата, произнесъ почти шопотомъ:

— Сынъ мой видѣлъ Тривеніоновъ; они насъ помнятъ, Роландъ.

Капитанъ вскочилъ и сталъ свистать, что дѣлалъ онъ обыкновенно, когда былъ сильно встревоженъ.

— И Тривеніонъ хочетъ насъ видѣть. Пизистратъ обѣщался дать ему нашъ адресъ: какъ вы думаете, Роландъ?

— Какъ вамъ угодно! — отвѣчалъ Роландъ, принимая воинственную осанку и вытягиваясь до того, что, казалось, дѣлался футовъ семи росту.

— Я бы очень не прочь!—сказалъ смиренно отецъ.— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ мы не видались.

— Больше двадцати, — сказалъ дядя съ грустной улыбкой; — помните, стояла осень....

— Каждыя семь лѣтъ, измѣняются и фибры человѣка, и весь его матеріальный составъ, а въ трижды семь лѣтъ есть время измѣниться и внутреннему человѣку. Могутъ ли двое прохожіе любой улицы менѣе быть похожи одинъ

Digitized by Google

на другаго, нежели похожа сама на себя душа въ данный мигъ и черезъ двадцать лѣтъ? Братъ, ни плугъ не проходитъ даромъ по почвѣ, ни забота черезъ сердце человѣка. Новые посѣвы измѣняютъ характеръ почвы, и плугъ долженъ глубоко проникнуть въ землю, прежде нежели дотронется первозданнаго ея основанія.

— Пожалуй, пусть пріѣдетъ Тривеніонъ, — воскликнулъ дядя; потомъ, обратившись ко мнѣ, отрывисто сказалъ:

— Какое у него семейство?

— Одна дочь.

— Сына нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Это должно огорчать бѣднаго, суетнаго честолюбца. Васъ, конечно, очень удивилъ этотъ мистеръ Тривеніонъ. Да, его пылкость, отборныя выраженія и смѣлыя мысли должны бросаться въ глаза юношѣ.

—. Да, ужъ выраженія, дядюшка: и огонь! Послушавъ мистера Тривеніонъ, я готовъ сказать, что его слогъ такъ простъ, что удивительно какимъ образомъ онъ могъ пріобрѣсть славу хорошаго оратора.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Плугъ прошелъ и тутъ, — сказалъ отецъ.

— Но не плугъ заботы: онъ богатъ, извѣстенъ, Элинноръ его жена, и у него нѣтъ сына.

Роландъ взглянулъ сперва на моего отца, потомъ на меня.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ отъ души, — съ Богомъ, пускай его пріѣдетъ. Я могу подать ему руку какъ подамъ ее товарищу-солдату. Бѣдный Тривеніонъ! Напишите къ нему сейчасъ, Сисси!

Я сѣлъ и повиновался. Запечатавъ письмо, я поднялъ глаза и увидѣлъ, что Роландъ зажигаетъ свѣчу на столѣ у отца. Отецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему что-то потихоньку. Я догадался, что дѣло шло о его сынѣ, потому

Digitized by Google

что онъ покачалъ головой и отвѣчалъ грустнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ:

— Вспоминайте горе, если хотите, но не стыдъ. Объ этомъ — ни слова!

ГЛАВА IV.

По утрамъ, предоставленный самому себѣ, я съ вниманіемъ бродилъ одинокій по обширной пустынѣ Лондона. Постепенно свыкался я съ этимъ люднымъ уединеніемъ. Я пересталъ грустить по зеленымъ полямъ. Дѣятельная энергія вокругъ меня, на первый взглядъ однообразная, сдѣлалась забавной и наконецъ заразительной. Для ума промышленнаго нѣтъ ничего заманчивѣе промышленности. Я сталъ скучать золотымъ праздникомъ моего беззаботнаго дѣтства, — вздыхать по труду, искать себѣ дороги. Университетъ, котораго я прежде ожидалъ съ удовольствіемъ, теперь представлялся мнѣ безцвѣтнымъ отшельничествомъ, а погранивши Лондонскую мостовую, пуститься ходить по монастырямъ значило идти назадъ въ жизни. День ото дня духъ мой мужалъ: онъ выходилъ изъ сумерекъ отрочества; онъ терпѣлъ муки Каина, блуждая подъ палящимъ солнцемъ.

Дядя Джакъ скоро погрузился въ новыя спекуляціи для пользы человѣчества и, исключая завтрака и обѣда (къ которымъ, по истинѣ, являлся, почти всегда исправно, не скрывая однако принесенныхъ имъ жертвъ, приглашеній, не принятыхъ ради насъ), мы рѣдко его видѣли. Капитанъ тоже уходилъ послѣ завтрака, рѣдко съ нами обѣдалъ и, большею частію, приходилъ домой поздно. У него былъ особый ключь и, по этому, онъ могъ входить когда хотѣлъ. Иногда (комната его была рядомъ съ моею) меня пробуждали его шаги по лѣстницѣ, иногда я слышалъ какъ онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, или до меня доносился тихій вздохъ. Каждый день, болѣе и болѣе, его лице омрачалось заботой, волоса, будто съ каждымъ днемъ, сѣдѣли. Но онъ

Digitized by Google

по прежнему говорилъ съ нами непринужденно и весело: и я думалъ, что одинъ во всемъ домѣ замѣчалъ тяжкія страданія, которыя твердый, старый Спартанецъ прикрывалъ завѣсой приличія.

Жалость, смѣшанная съ удивленіемъ, родила во мнѣ любопытство узнать, въ чемъ проводилъ онъ внѣ дома дни, которые вели за собою такія тревожныя ночи. Я чувствовалъ, что, узнавъ его тайну, получу право утѣшать его и помогать ему.

Наконецъ, послѣ долгихъ соображеній, я рѣшился удовлетворить любопытство, которое извиняли его причины.

По этому, однимъ утромъ, подкарауливъ его выходъ изъ дома, я послѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

И вотъ очеркъ этого дня. Онъ пошелъ, сначала твердымъ шагомъ, не смотря на хромоту, — выпрямляя свою тощую фигуру и выставляя впередъ солдатскую грудь изъ вытертаго, но до крайности чистаго сертука. Сперва, онъ шелъ къ Листеръ-Скверу; потомъ прошелъ нѣсколько разъ, взадъ и впередъ, перещеекъ, ведущій изъ Пиккедилли къ этому общему притону иностранцевъ, равно переулки и площадки, ведущія оттуда къ церкви св. Мартина. Часъ или два спустя, походка его сдѣлалась медленнѣе, и онъ, по временамъ, сталъ приподнимать гладкую, вытертую шляпу и утирать лобъ. За тѣмъ, онъ пошелъ къ двумъ большимъ театрамъ, остановился передъ афишками, какъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, размышляя о томъ который изъ нихъ доставитъ ему большее число предлагаемыхъ удовольствій; потомъ тихо побродилъ по переулкамъ, окружающимъ эти храмы музъ и опять по Странду. Тутъ онъ пробылъ съ часъ въ небольшой харчевнѣ (cook-shop), и когда я прошелъ мимо окна то увидѣлъ его сидящимъ за незатѣйливымъ обѣдомъ, къ которому онъ едва прикасался: между тѣмъ, онъ просматривалъ объявленія *Times*. Прочитавъ *Times* и проглотивъ безъ малѣйшаго вкуса нѣсколько кусковъ, капитанъ молча вынулъ шиллингъ, взялъ шесть пен-

Digitized by Google

совъ сдачи, и я едва успѣлъ отскочить въ сторону, какъ онъ уже показался на порогѣ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя; но я принялъ свои мѣры къ тому, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Тогда онъ отправился въ самые людные кварталы. Было ужъ заполдень и, не смотря на время года, улицы кишили народомъ. Когда онъ вышелъ на Ватерлооскую площадь, по ней, на красивой гнѣдой лошади, проѣхалъ маленькимъ галопомъ человѣкъ, съ виду ничего не значущій, застегнутый до верху, какъ и самъ Роландъ: — взоры толпы были устремлены на этого человѣка. Дядя Роландъ остановился и приложилъ руку къ шляпѣ; всадникъ тоже дотронулся своей шляпы, указательнымъ пальцемъ, и поскакалъ дальше. Дядя Роландъ обернулся и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Кто этотъ джентельменъ на лошади? — спросилъ я у лавочника, стоявшаго возлѣ меня и тоже смотрѣвшаго во всѣ глаза.

— Это Герцогъ, — отвѣчалъ мальчикъ

— Герцогъ?

— Веллингтонъ! — Что за глупый вопросъ!

— Покорно благодарю! — сказалъ я тихо.

Дядя Роландъ пустился по Ридженгсъ-Стритъ (улицѣ Регента), но шелъ скорѣе прежняго, какъ будто видъ стараго начальника ободрилъ стараго солдата. И опять онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, до того что я, слѣдя за нимъ по другой сторонѣ улицы, какъ ни былъ здоровъ ходить, едва не свалился отъ усталости. Но Капитанъ не совершилъ еще и половины своего дневнаго труда. Онъ вынулъ часы, поднесъ ихъ къ уху и положивъ ихъ опять въ карманъ, прошелъ въ Бондъ-Стритъ, а оттуда въ Гейдъ-Паркъ. Здѣсь, видимо-утомленный, онъ прислонился къ рѣшеткѣ, у бронзовой статуи, въ положеніи, выражавшемъ отчаяніе. Я сѣлъ на траву возлѣ статуи и глядѣлъ на него: паркъ былъ пустъ въ сравненіи съ улицами, но въ немъ, однако же, нѣсколько человѣкъ каталось верхомъ и было много

Digitized by Google

пѣшеходовъ. Дядя осматривалъ всѣхъ ихъ внимательно: разъ или два джентельмены воинственной наружности (я ужъ выучился узнавать ихъ) останавливались, смотрѣли на него, подходили къ нему и заговаривали съ нимъ; но капитанъ, казалось, стыдился ихъ привѣтствій. Онъ отвѣчалъ отрывисто и отворачивался.

День кончался. Подходилъ вечеръ. — Капитанъ опять посмотрѣлъ на часы, покачалъ головой и подошелъ къ скамьѣ, на которую сѣлъ, совершенно недвижимъ, надвинувъ шляпу и скрестивъ руки: онъ пробылъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, покуда взошелъ мѣсяцъ. Я ничего не ѣлъ съ самого завтрака и былъ голоденъ, но все-таки остался на своемъ постѣ, какъ древній Римскій часовой.

Наконецъ капитанъ всталъ и пошелъ опять по направленію къ Пиккедилли, но какъ измѣнилось выраженіе его лица и походка! Истомленный и изнуренный, съ ввалившейся грудью и повѣсивъ голову, онъ съ трудомъ передвигалъ члены, и жалко было смотрѣть на его хромоту. Какая противуположность между слабымъ инвалидомъ ночи и бодрымъ ветераномъ утра!

Какъ хотѣлось мнѣ подбѣжать къ нему и подать ему руку! Но я не смѣлъ.

Капитанъ остановился возлѣ мѣста, гдѣ стоятъ наемные кабріолеты. Онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ кошелекъ, провелъ по немъ пальцами; кошелекъ опять скользнулъ въ карманъ, и, какъ бы дѣлая надъ собою геройское усиліе, дядя приподнялъ голову и продолжалъ путь свой.

— Куда еще? подумалъ я. — Навѣрное домой. Нѣтъ, онъ былъ безжалостенъ.

Капитанъ остановился только у входа одного изъ небольшихъ театровъ Стрэнда: тутъ онъ прочелъ афишу и спросилъ началась ли вторая половина представленія, «Только что началась,» отвѣчали ему; — Капитанъ вошелъ. Я тоже взялъ билетъ и взошелъ вслѣдъ за нимъ. Проходя мимо отворенной двери буфета, я подкрѣпилъ себя бисквитами и

Digitized by Google

содовой водой. И, минуту спустя, я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ театральное представленіе. Но оно меня не занимало. Я попалъ въ серединѣ какой-то забавной интермедіи. Около меня раздавался оглушительный смѣхъ. Я не находилъ ничего смѣшнаго, и, высматривая всякій уголъ, наконецъ разглядѣлъ въ самомъ верхнемъ ярусѣ лицо, печальное не менѣе моего. — Это было лицо Капитана.

— Зачѣмъ ему ходить въ театръ? — подумалъ я, — когда онъ доставляетъ ему такъ мало удовольствія: лучше бы ему, бѣдному старику, истратить шиллингъ на кабріолетъ.

Вскорѣ къ уединенному углу, гдѣ сидѣлъ капитанъ, подошли какіе-то щегольски-одѣтые мужчины и разряженныя дамы. Онъ вышелъ изъ терпѣнья, вскочилъ и скрылся. Я тоже вышелъ и сталъ у двери съ тѣмъ, чтобы подстеречь его. Онъ сошелъ внизъ; я спрятался въ тѣни: онъ, простоявши на мѣстѣ минуту или двѣ, какъ бы въ недоумѣніи, смѣло вошелъ въ буфетъ или залу.

Съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ оттуда, буфетъ наполнился народомъ, а я, теперь, проскользнулъ незамѣченный. Странно и смѣшно, но, вмѣстѣ, и трогательно было видѣть стараго солдата въ кругу этой веселой толпы. Онъ ростомъ своимъ отличался отъ всѣхъ, подобно герою Омирову; онъ былъ головою выше самыхъ рослыхъ, и наружность его была такъ замѣчательна, что сейчасъ же обратила на себя вниманіе прекраснаго пола. Я, въ простотѣ моей, думалъ, что только врожденная нѣжность этого любезнаго и проницательнаго пола, такъ легко умѣющаго подстеречь душевную скорбь и всегда готоваго ее утѣшить, заставила трехъ дамъ въ шелковыхъ платьяхъ и изъ которыхъ на одной была шляпа съ перомъ, а на двухъ другихъ множество локоновъ, отойти отъ кружка джентельменовъ, съ ними разговаривавшихъ, и стать передъ дядей. Я пробѣжалъ сквозь толпу, чтобы послушать, что тамъ происходило.

— Вы вѣрно кого-нибудь ищете, — сказала одна изъ нихъ, ударяя его по рукѣ опахаломъ.

Digitized by Google

Капитанъ вздрогнулъ.

— Вы не ошиблись — отвѣчалъ онъ.

— Не могу ли я замѣнить то, чего вы ищете? — перебила другая.

— Вы слишкомъ добры, покорно васъ благодарю: но этого нельзя, — сказалъ Капитанъ, съ самымъ учтивымъ поклономъ.

— Выпейте стаканъ *нигаса*,* — сказала третья, когда ея пріятельница уступила ей мѣсто. — Вы, кажется, устали; я — тоже. Пройдемте сюда. — И она схватила его за руку съ тѣмъ, чтобы подвести къ столу. Капитанъ грустно покачалъ головой а потомъ, какъ бы внезапно понявъ какого рода было вниманіе, ему оказываемое, взглянулъ на прелестныхъ Армидъ съ такимъ укоромъ, съ такимъ нѣжнымъ состраданіемъ (не отнимая своей руки, по свойственному ему рыцарскому чувству къ женскому полу, распространявшемуся и на его отверженицъ), что и самые смѣлые глаза опустились. Рука робко и невольно вырвалась изъ-подъ его руки, и дядя пошелъ своей дорогой.

Онъ пробился черезъ толпу и вышелъ въ наружныя двери, между тѣмъ какъ я, угадавъ его намѣреніе, уже ждалъ его выхода на улицѣ.

— Слава Богу, подумалъ я, — теперь домой! — И опять я ошибся! Дядя сперва отправился въ тотъ притонъ черни, который — я нынѣ узналъ — называется: «*Тьми*,» но онъ скоро вышелъ оттуда и постучался въ дверь какого-то дома, въ одной изъ улицъ Сентъ-Джемскаго предмѣстья. Дверь сейчасъ же отворилась осторожно, и лишь только онъ вошелъ, ее заперли, оставивъ меня на улицѣ. Какой могъ быть это домъ! Покуда я стоялъ и высматривалъ мѣстность, къ дому подошли другія лица, повторился тихій ударъ, дверь опять осторожно отворилась: и всѣ таинственно входили.

---

* Нигасъ: вода съ виномъ, сахаромъ и пряностями.

Digitized by Google

Мимо меня нѣсколько разъ прошелъ полицейскій.

— Не поддавайтесь искушенію, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, внимательно вглядываясь въ меня; — послушайтесь моего совѣта: ступайте домой!

— Что жь это за домъ? — спросилъ я, содрогаясь отъ зловѣщаго предостереженія.

— Вы знаете.

— Право нѣтъ: я еще недавно въ Лондонѣ.

— Это адъ, — отвѣчалъ полицейскій, заключившій изъ моего откровеннаго обхожденія, что я говорю правду.

— Господи! что же это такое? Я васъ вѣрно не разслышалъ.

— Адъ, адъ, т. е. игорный домъ!

— А!.... И я пошелъ далѣе. Неужели Капитанъ Роландъ, строгій, бережливый, бѣдный, неужели онъ игрокъ? Внезапный свѣтъ озарилъ меня: несчастный отецъ, безъ сомнѣнія, искалъ своего сына! Я прижимался къ столбу и сдѣлалъ страшное усиліе, чтобъ не зарыдать.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, Капитанъ вышелъ и отправился по направленію къ дому. Я побѣжалъ впередъ и пришелъ прежде его, къ невыразимому удовольствію отца и матери, которые не видали меня съ самаго завтрака и которыхъ равно тревожило мое отсутствіе. Охотно рѣшился я выслушать ихъ выговоръ. Я сказалъ, что глазѣя зашелъ слишкомъ далеко и сбился съ дороги. Я спросилъ поужинать и бросился въ постель; черезъ пять минутъ Капитанъ, неровными шагами, медленно взбирался по лѣстницѣ.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

— Не знаю, — сказалъ мой отецъ.

Чего это онъ не знаетъ? Отецъ мой не знаетъ, »точно ли счастье есть конечная цѣль нашей жизни.«

Зачѣмъ онъ отвѣчаетъ въ такихъ скептическихъ выраженіяхъ на истину такъ мало оспориваемую?

Читатель, вотъ ужъ полчаса, какъ мистеръ Тривеніонъ сидитъ въ нашей маленькой гостиной. Онъ получилъ двѣ чашки чаю изъ прекрасныхъ рукъ моей матери, и у насъ уже какъ дома. Съ мистеромъ Тривеніонъ пришелъ другой пріятель моего отца, сэръ Сэдлей Бьюдезертъ, который не видалъ его съ тѣхъ поръ, когда они вышли изъ коллегіума.

Представьте себѣ теплую ночь: часъ десятый въ началѣ; ночь, не то лѣтняя не то осенняя. Окны отворены; въ нашемъ домѣ есть балконъ, который матушка озаботилась уставить цвѣтами; воздухъ, хоть мы и въ Лондонѣ, тихъ и свѣжъ; улица спитъ; развѣ изрѣдка проѣдетъ карета или наемный кабріолетъ; немногіе пѣшеходы, украдкой и безъ шума, возвращаются по домамъ. Мы на классической почвѣ, близъ стариннаго и почтеннаго Музея, этого мрачнаго вмѣстилища сокровищъ учености, попаженныхъ вкусомъ нашего вѣка: миръ этого храма словно освящаетъ его окрестность. Капитанъ Роландъ сидитъ у камина, и, хотя нѣтъ въ каминѣ огня, закрываетъ лицо ручнымъ экраномъ; отецъ мой и мистеръ Тривеніонъ сдвинули свои стулья на серединѣ комнаты; сэръ Сэдлей Бьюдезертъ прислонился къ стѣнѣ у окна, позади моей матери, которая милѣе и веселѣе обыкновеннаго, затѣмъ что около ея Остена собрались его старые пріятели; я, облокотившись на столъ и держа въ рукѣ подбородокъ, смотрю съ особеннымъ удивленіемъ на сэра Сэдлей Бьюдезертъ.

О, рѣдкій образецъ породы нынѣ быстро исчезающей!—Образецъ истиннаго джентльмена, какъ былъ онъ до того дня, когда слово *денди* сдѣлалось общеизвѣстно, позволь мнѣ, здѣсь, описать тебя!—Сэръ Сэдлей Бьюдезертъ былъ современникъ Тривеніона и моего отца; но не стараясь при-

Digitized by Google

дать себѣ видъ молодости, онъ все еще казался молодъ. — Костюмъ, тонъ, наружность, пріемы, все въ немъ было молодо; но все это сливалось въ какое-то неизъяснимое достоинство, несвойственное молодости. Двадцати пяти лѣтъ онъ достигъ того, что составило бы славу Французскаго маркиза стараго времени, т. е. былъ самымъ пріятнымъ человѣкомъ своего времени, общеизвѣстенъ между нашимъ полюмъ и пользовался расположеніемъ вашего, милая читательница. Напрасно, по моему, думаютъ, что и безъ особеннаго таланта можно имѣть успѣхъ въ фешенебльномъ мірѣ: во всякомъ случаѣ, сэръ Сэдлей имѣлъ неоспоримый успѣхъ и былъ человѣкъ съ талантомъ. Онъ много путешествовалъ, много читалъ, преимущественно по части мемуаровъ, исторіи и изящной словесности, писалъ стихи не лишенные прелести, своеобразнаго ума и граціознаго чувства; онъ говорилъ восхитительно, былъ вѣжливъ и любезенъ, храбръ и благороденъ; онъ умѣлъ льстить на словахъ, но въ дѣлахъ былъ искренъ.

Сэръ Сэдлей никогда не былъ женатъ. Но, какъ ни былъ онъ въ лѣтахъ, съ виду всякій сказалъ бы, что за него можно выдти замужъ по любви. Онъ происходилъ отъ извѣстнаго рода, былъ богатъ, любимъ всѣми, и, не смотря на это, въ его прекрасныхъ чертахъ было выраженіе грусти; на челѣ, не стянутомъ морщинами честолюбія и не отягченномъ занятіями учеными, явно лежала тѣнь печали.

— Не знаю! — сказалъ отецъ мой; — я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ человѣка, конечною цѣлью котораго было бы счастье. Одинъ хочетъ нажить состояніе, другой прожить его; тотъ добивается мѣста, этотъ — имени, но всѣ они очень хорошо знаютъ, что то, чего каждый изъ нихъ ищетъ, не есть счастье. Ни одинъ утилитарій не былъ движимъ личнымъ интересомъ, когда, бѣдняга, принимался марать всѣ эти жалкіе доводы въ пользу того, что этотъ личный интересъ движетъ всѣми! Что же касается до того замѣчательнаго различія между грубымъ чувствомъ личнаго интереса и тѣмъ же чувствомъ уже просвѣщеннымъ, то несомнѣнно, что чѣмъ больше оно просвѣщается, тѣмъ меньшимъ оказывается его вліяніе на насъ. Если вы скажете молодому

Digitized by Google

человѣку, который только что написалъ хорошую книгу или произнесъ дѣльную рѣчь, что онъ не будетъ счастливѣе, если достигнетъ славы Мильтона или политическаго значенія Питта, и что, для его же счастья, ему полезнѣе бы обрабстывать ферму и жить въ деревнѣ, и тѣмъ отодвинуть, на сколько можно, къ концу жизни подагру и разслабленіе, — онъ простодушно отвѣтитъ вамъ: — »Все это я понимаю не хуже васъ, но я не намѣренъ думать о томъ, буду ли я счастливъ или нѣтъ. Я рѣшился, если можно, быть великимъ ораторомъ или первымъ министромъ!« И это правило общее всѣмъ мыслящимъ дѣтямъ міра. Наступательное движеніе есть всеобщій естественный законъ. Безполезно говорить дѣтямъ, а людямъ и цѣлымъ обществамъ подавно: — Сидите на мѣстѣ и не таскайте башмаковъ.

— Стало быть, — сказалъ Тривеніонъ, — если я вамъ скажу, что я несчастливъ, вы мнѣ только отвѣтите, что я подчиняюсь закону необходимости.

— Нѣтъ, я не говорю, что неизбѣжно, чтобъ человѣкъ не былъ счастливъ, но неизбѣжно то, что человѣкъ, наперекоръ самому себѣ, живетъ для чего-нибудь высшаго его собственнаго счастья. Онъ не можетъ жить только въ самомъ себѣ или для себя, какъ бы ни старался быть себялюбивымъ. Всякое его желаніе связываетъ его съ другими. Человѣкъ не машина: онъ только часть машины.

— Правда ваша, братъ: онъ солдатъ, а не армія, — сказалъ капитанъ Роландъ.

— Жизнь — драма, а не монологъ, — продолжалъ отецъ. — Слово драма происходитъ отъ Греческаго глагола, который значитъ: дѣйствовать. На всякомъ лицѣ драмы лежитъ какое-нибудь дѣйствіе, способствующее ходу цѣлаго: для этого всѣ эти лица и созданы; исполняйте свою роль, и не мѣшайте ходу Великой Драмы.

— Положимъ, — отвѣчалъ Тривеніонъ, — но въ исполненіи роли и лежитъ вся трудность. Всякое дѣйствующее лицо способствуетъ развязкѣ представленія, и должно исполнять свою роль, не зная чѣмъ все это кончится. Къ какой развязкѣ ведутъ его? Чѣмъ разрѣшится цѣлое? — Тра-

Digitized by Google

гедіей или комедіей? Слушайте: я скажу вамъ единственную тайну моей политической жизни — она и объяснитъ ея безуспѣшность (потому что, не смотря на мое положеніе, я не достигъ своей цѣли) и всѣ мои сожалѣнія: *у меня недостаетъ убѣжденія.*

— Такъ, такъ, — сказалъ отецъ, — въ каждомъ вопросѣ есть двѣ стороны, а вы смотрите на обѣ.

— Именно, — отвѣчалъ Тривеніонъ, улыбаясь. Для общественной жизни человѣку надо быть односторонимъ; онъ долженъ дѣйствовать за какую-нибудь партію, а партія утверждаетъ, что щитъ серебряный, тогда какъ, еслибъ она дала себѣ трудъ взглянуть съ другой стороны, то увидѣла бы, что изнанка щита золотая. Горе тому, кто сдѣлалъ такое открытіе одинъ, и покуда сторона, которой онъ держится, еще распинается, что щитъ серебряный; и это не одинъ разъ въ жизни, но каждый день!

— То, что вы сказали, слишкомъ достаточно убѣждаетъ меня, что вы не должны принадлежать ни къ какой партіи, но не довольно этого, чтобъ увѣрить меня, что вы не должны быть счастливы, — сказалъ батюшка.

— Не помните ли вы, — спросилъ сэръ Сэдлей Бьюдезертъ, — анекдота о первомъ герцогѣ Портъ-Эндскомъ? Въ большой конюшнѣ его виллы была галлерея, гдѣ каждую недѣлю давали по концерту, на пользу и удовольствіе его лошадей! Я не сомнѣваюсь, что лошади отъ этого выходили хорошія. Вотъ этого концерта и нужно Тривеніону. Онъ не живетъ безъ сѣдла и шпоръ. И все-таки, кто ему не позавидуетъ? Если жизнь драма, его имя на афишкѣ стоитъ высоко, и изображено на стѣнахъ крупными буквами.

— Завидовать мнѣ! — воскликнулъ Тривеніонъ — мнѣ! нѣтъ, вотъ вамъ такъ можно позавидовать: у васъ только одно горе въ жизни, и такое нелѣпое, что я заставлю васъ краснѣть, если раскрою его. Слушайте, мудрый Остинъ и добрый Роландъ! Ориваreца преслѣдовало видѣніе, — Сэдлея Бьюдезерта — преслѣдуетъ страхъ старости.

— Такъ что же? — сказала матушка: — я думаю, чтобъ примириться съ мыслью о старости, нужно глубокое

Digitized by Google

религіозное чувство, или, по крайней мѣрѣ, имѣть дѣтей, въ которыхъ мы молодѣемъ.

— Вы такъ удивительно говорите, — сказалъ сэръ Сэдлей, слегка покраснѣвшій отъ замѣчанія Тривеніона, — что даете мнѣ силу повиниться въ моей слабости. Я, точно, боюсь состарѣться. Всѣ радости моей жизни были радости молодости. Я такъ былъ счастливъ однимъ чувствомъ жизни, что старость, приближаясь, пугаетъ меня своимъ печальнымъ взглядомъ и сѣдиной. Я жилъ жизнію бабочки. Прошло лѣто, цвѣты мои вянутъ, и уже чувствую я, что сковываетъ мои крылья дуновеніе зимы. Да, я завидую Триніону, потому что въ политической жизни человѣкъ никогда не молодъ, а покуда онъ можетъ работать — онъ не старъ.

— Что вы скажете объ этихъ двухъ несчастныхъ, братъ Роландъ? — спросилъ отецъ.

Капитанъ съ трудомъ повернулся на стулѣ: его мучили ревматизмъ плеча и острыя боли въ ногѣ.

По моему, — отвѣчалъ Роландъ, — эти господа устали отъ перехода изъ Брентфорда до Виндзора: не знаютъ они ни бувуаковъ, ни битвъ.

Оба недовольные взглянули разомъ на ветерана: глаза ихъ сначала остановились на морщинахъ орлинаго лица, потомъ упали разомъ на пробочную ногу.

Въ это время матушка тихо встала, и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы взять работу, лежавшую на столѣ возлѣ капитана, подошла къ нему, потупясь, и пожала его руку.

— Господа! — сказалъ мой отецъ, — братъ врядъ ли когда слышалъ о Греческомъ комикѣ Нихокорѣ, а между тѣмъ очень удачно передалъ его мысль: »лучшее средство отъ пьянства—неожиданное несчастье.« Противъ запоя, непрерывная цѣпь несчастій дѣйствительно должна принести пользу.

На эти слова не было возраженія; отецъ мой взялъ со стола большую книгу.

ГЛАВА II.

— Друзья мои, — сказалъ отецъ, поднявъ глаза надъ книгой и обращаясь къ двумъ гостямъ: — есть вещь, полегче несчастій, которая обоимъ вамъ сдѣлала бы много добра.

— Что такое? — спросилъ сэръ Сэдлей.

Digitized by Google

— Мѣшечекъ съ шафраномъ: носить его подъ ложкой!

— Остинъ, другъ мой!—съ упрекомъ сказала матушка.

Отецъ, не обращая вниманія на ея восклицанія, продолжалъ:

— Ничего лучше быть не можетъ! Роланду не нужно шафрана: онъ воякъ; желаніе сражаться и надежда побѣды преисполняютъ духъ такого жара, который способствуетъ продолжительности жизни и поддерживаетъ весь организмъ.

— Вотъ вздоръ! — сказалъ Тривеніонъ.

— Но люди въ вашемъ положеніи обязаны прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ. Напримѣръ: растворъ селитры, отъ трехъ гранъ до десяти (скотъ отъ этого жиреетъ); или запахи, въ родѣ тѣхъ, какіе есть въ огурцахъ, въ капустѣ. Я зналъ одного знаменитаго лорда, который каждое утро послѣ сна клалъ себѣ подъ носъ комокъ свѣжей земли, завернутой въ салфеткѣ. Хорошо мочить голову масломъ, смѣшаннымъ съ розовыми листьями и солью; но, въ сущности, я совѣтую шафранный мѣшокъ къ....

— Сисси, душа моя, сходи пожалуйста за моими ножницами, — сказала матушка.

— Что за вздоръ вы говорите! — воскликнулъ М. Тривеніонъ.

— Вздоръ? — сказалъ отецъ, выпучивъ глаза: — я даю вамъ совѣтъ Лорда Бэкона. Вы хотите убѣжденія: убѣжденіе родится отъ страсти, страсть отъ физической бодрости, бодрость отъ шафраннаго мѣшка. Вы, Бьюдезертъ, хотите быть молодымъ. Тотъ дольше молодъ, кто дольше живетъ. Ничто такъ не содѣйствуетъ долголѣтію, какъ шафранный мѣшечекъ, конечно если его носить на....

— Сисси, наперстокъ!

— Вы шутите, — сказалъ Бьюдезертъ, улыбаясь: — и одно и то же средство, по вашему мнѣнію, поможетъ намъ обоимъ?

— Непремѣнно! — отвѣчалъ отецъ; — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Подъ ложечкой центральный узелъ всѣхъ нервовъ: оттуда они дѣйствуютъ на голову и на сердце. М. Скилль доказалъ намъ это; помнишь, Сисси?

Digitized by Google

— Помню, — сказалъ я, — но я никогда не слыхалъ отъ него про шафранный мѣшечекъ.

— Какой ты глупый ребенокъ....

ГЛАВА III.

— Всего хуже имѣть слишкомъ взыскательную совѣсть! — замѣтилъ членъ Парламента.

— Ну, не знаю, лучше ли потерять одинъ изъ переднихъ зубовъ, — сказалъ сэръ Сэдлей.

Этимъ временемъ отецъ привсталъ и, пропустивъ руку за жилетъ, какъ дѣлалъ всегда, произнесъ свою знаменитую *«рѣчь о связи между убѣжденіемъ и рѣшимостью.»*

Эта рѣчь была знаменита въ нашемъ домашнемъ кругу и до сихъ поръ не выходила изъ него. Но такъ какъ читатель, вѣроятно, въ этихъ мемуарахъ о Каксгонахъ не ищетъ проповѣдей, то пусть рѣчь моего отца и останется безъизвѣстною по прежнему. Я скажу объ ней только, что это была славная рѣчь, неопровержимо доказавшая мнѣ, по крайней мѣрѣ, пользительное дѣйствіе шафраннаго мѣшечка, приложеннаго къ главному центру нервной системы. Мудрый Али говоритъ, что безумный не знаетъ, что именно дѣлаетъ его ничтожнымъ, и не хочетъ слушать совѣтовъ, которые даютъ ему. Я не могу утверждать, что всѣ пріятели моего отца были безумные, но они, конечно, подходили подъ это опредѣленіе безумія.

ГЛАВА IV.

Прекрасная рѣчь повела не къ убѣжденію, а къ спорамъ. Тривеніонъ былъ логиченъ, Бьюдезертъ сентименталенъ. Отецъ стоялъ на шафранномъ мѣшкѣ. Когда Іаковъ I-й посвятилъ Герцогу Букингаму свое: Размышленіе о молитвѣ Господней, онъ нашелъ прекрасную причину, почему именно ему дѣлалъ честь этого посвященія: „Это размышленіе, — сказалъ Король, — написано на молитву простую и краткую, и потому болѣе всего приспособлено для придворнаго, ибо придворные не имѣютъ ни охоты, ни времени читать длинныя молитвы, предпочитая *короткія молитвы и длинные обѣды.*“ Я полагаю, что по такой же причинѣ отецъ мой посвятилъ члену Парламента и отцвѣтшему щеголю свое простое и краткое нравоученіе, т. е. рѣчь о шафранномъ мѣшечкѣ. Онъ

Digitized by Google

явно былъ убѣжденъ, что мѣшечекъ непремѣнно привелъ бы къ желаемой цѣли, еслибъ только добиться до того, чтобъ они его употребили, — и что на другія средства у нихъ не станетъ ни охоты, ни времени. И этотъ мѣшечекъ съ шафраномъ являлся непремѣнно къ каждому слову въ его аргументахъ! Окончательно, и мистеръ Тривеніонъ, послѣ безчисленныхъ возгласовъ и восклицаній, и сэръ Сэдлей Бьюдезертъ, послѣ разныхъ любезныхъ гримасъ, оба были побѣждены, хотя и не сознавались въ этомъ.

— Довольно, — сказалъ членъ Парламента, — я вижу, что вы меня не понимаете: мнѣ придется продолжать дѣйствовать по собственному внушенію.

Для крайнихъ случаевъ была у отца книга: Бесѣды Эразма; онъ обыкновенно говорилъ, что эти бесѣды на каждой страницѣ представляютъ объясненія на всѣ цѣли жизни. На этотъ разъ, оставивъ въ сторонѣ Эразма, онъ отвѣтилъ Тривеніону:

— Рабирій, желая разбудить раба своего Сируса, закричалъ ему.... но, я хотѣлъ сказать о шафранномъ мѣшечкѣ ...

— Ну его къ чорту, вашъ шафранъ! — воскликнулъ Тривеніонъ гнѣвно.—Потомъ, надѣвая перчатки, обратился къ матушкѣ и сказалъ ей учтивѣе обыкновеннаго:

— Кстати, дорогая миссисъ Какстонъ, я долженъ сказать вамъ, что завтра леди Эллиноръ будетъ въ городѣ съ тѣмъ, чтобъ быть у васъ; мы пробудемъ здѣсь нѣсколько времени, Остинъ, и хотя Лондонъ теперь пустъ, я бы желалъ кое-кому представить и васъ, и всѣхъ вашихъ.

— Нѣтъ,—сказалъ мой отецъ: вашъ міръ и мой міръ вещи разныя. Мнѣ—книги, вамъ—люди. Ни Китти, ни я не можемъ измѣнить нашихъ привычекъ, даже для дружбы: ей надо кончить работу, мнѣ тоже. Горы не могутъ трогаться съ мѣста, но Магометъ можетъ прійти къ горамъ.

М. Тривеніонъ настаивалъ, и сэръ Сэдлей Бьюдезертъ любезно присоединилъ свои просьбы. Оба хвалились знакомствомъ съ писателями, съ которыми, быть можетъ, пріятно было бы встрѣтиться и моему отцу. Отецъ не вѣрилъ возможности встрѣтиться съ писателемъ краснорѣчивымъ болѣе Цицерона, забавнымъ болѣе Аристофана, и замѣтилъ, что если

Digitized by Google

и есть такіе, то онъ охотнѣе встрѣтится съ ними въ ихъ сочиненіяхъ, нежели въ гостиной. Однимъ словомъ, онъ былъ непоколебимъ, также какъ и капитанъ Роландъ, не позаботившійся даже о доводахъ.

Тогда мистеръ Тривеніонъ обратился ко мнѣ:

— По крайней мѣрѣ вашему сыну надо бы взглянуть на свѣтъ.

Нѣжные глаза моей матери заблистали.

— Благодарю васъ, другъ мой, — сказалъ отецъ, тронутый, — мы объ этомъ поговоримъ съ Пизистратомъ.

Наши гости уѣхали. Мы всѣ четверо вышли на балконъ, и въ молчаніи наслаждались свѣжимъ воздухомъ и луннымъ сіяніемъ.

— Остинъ, — сказала наконецъ матушка, — я боюсь, не для меня ли ты отказываешься видѣть старинныхъ друзей: ты зналъ, что меня стѣснилъ бы большой свѣтъ и....

— И мы болѣе осьмнадцати лѣтъ были счастливы безъ него, Китти! Мои бѣдные друзья несчастливы, а мы счастливы. Довольствоваться своей судьбой—золотое правило, стоящее всего Пиѳагора. Женщины Бубастиса, душа моя, — мѣсто въ Египтѣ, гдѣ поклонялись кошкамъ,—всегда удалялись отъ мужчинъ Аѳривиса, которые поклонялись хорькамъ. Кошка животное домашнее, хорекъ — злое и хищное: не найти тебѣ нигдѣ, Китти, образца лучше женъ Бубастиса.

— Какъ Тривеніонъ перемѣнился! — сказалъ Роландъ разсѣянно; — онъ былъ такой пылкій, такой живой.

— Онъ сначала слишкомъ скоро побѣжалъ съ горы и скоро запыхался, — отвѣчалъ мой отецъ.

— А леди Эллиноръ? спросилъ нерѣшительно дядя Роландъ: — увидите вы ее завтра?

— Непремѣнно, — отвѣчалъ спокойно отецъ.

Во время разговора капитана Роланда что-то въ тонѣ его вопросовъ какъ будто освѣтило сердце моей матери: она соображала быстро, какъ и всѣ женщины; она какъ будто вздрогнула, не смотря на свѣтъ мѣсяца, видимо поблѣднѣла, уставила глаза на отца, и рука ея, лежавшая въ моей рукѣ, судорожно сжалась.

Digitized by Google

Я ее понялъ. Да, эта леди Эллиноръ была та прежняя соперница, которой имя она до сихъ поръ не знала. Она уставила глаза на отца, и видя, что онъ былъ совершенно спокоенъ, вздохнула свободнѣе, вынула свою руку изъ моей и положила ее нѣжно на его плечо. Нѣсколько мгновеній спустя мы стояли у окна одни, капитанъ Роландъ и я.

— Вы молоды, племянникъ! сказалъ капитанъ, — и должны поддержать имя падающей фамиліи. Отецъ хорошо сдѣлалъ, что не отказался для васъ отъ предложенія Тривеніона ввести васъ въ большой свѣтъ. Мое дѣло въ Лондонѣ, кажется, кончено: я не могу найти то, чего искалъ, я послалъ за дочерью; ворочусь къ моей башнѣ, и пусть старикъ и развалины разрушаются вмѣстѣ.

— Полноте, дядюшка! я буду работать и наживу денегъ: тогда мы исправимъ старую башню и купимъ опять родовое имѣніе. Отецъ продастъ красный кирпичный домъ; мы устроимъ ему библіотеку въ башнѣ, и будемъ жить всѣ вмѣстѣ, мирно и въ довольствѣ, какъ жили наши предки.

Пока я говорилъ это, дядя, не сводя глазъ, смотрѣлъ на одинъ изъ угловъ улицы, гдѣ неподвижно стояла какая-то фигура, на половину въ тѣни, на половину освѣщенная луной.

— А!—сказалъ я, слѣдя за взоромъ капитана,—я уже раза два или три замѣтилъ, что этотъ человѣкъ проходилъ взадъ и впередъ по той сторонѣ улицы и все оборачивался на наши окны. Но здѣсь были гости, а батюшка горячо разсказывалъ, иначе бы я....

Прежде нежели я успѣлъ кончить фразу, дядя, заглушая невольное восклицаніе, оставилъ меня, бросился изъ комнаты, бѣгомъ спустился съ лѣстницы и уже былъ на улицѣ, а я все еще не могъ опомниться отъ удивленья. Я остался у окна, и все смотрѣлъ на таинственную фигуру. Я видѣлъ, что капитанъ съ непокрытой головой перебѣжалъ улицу; фигура вздрогнула, обогнула уголъ и скрылась.

Тогда я пошелъ за дядей, и поспѣлъ во время, чтобы не дать ему упасть; онъ положилъ мнѣ голову на грудь и едва слышно произнесъ:

— Это онъ, это онъ! Онъ насъ искалъ! Онъ раскаивается!

Digitized by Google

ГЛАВА V.

На другой день пріѣхала леди Эллиноръ, но, къ моему немалому отчаянію, безъ Фанни.

Удовольствіе ли по поводу происшествія прошлой ночи помолодило дядю — не знаю, но когда вошла леди Эллиноръ, онъ показался мнѣ десятью годами моложе. Какъ тщательно былъ вычищенъ до верху застегнутый фракъ его! Какъ новъ и блестящъ черный галстукъ! Бѣдный капитанъ тряхнулъ стариной, и какъ гордо смотрѣлъ онъ! На щекахъ игралъ румянецъ, въ глазахъ горѣлъ огонь; голова была откинута назадъ, весь видъ его былъ строгъ, воинственъ и величественъ, какъ будто бы готовился онъ произвести аттаку на Французскихъ кирасиръ, въ главѣ своего отряда. Отецъ, напротивъ, былъ какъ всегда (исключая до обѣда, когда постоянно одѣвался изъ уваженья къ своей Китти), въ своемъ покойномъ шлафорѣ и туфляхъ, и только незначительное измѣненіе въ положеніи его губъ, продолжавшееся цѣлое утро, свидѣтельствовало въ немъ объ ожиданіи этого посѣщенія и волненіи отъ него.

Леди Эллиноръ выдержала себя какъ нельзя лучше. Она не могла скрыть едва замѣтное нервическое потрясеніе, когда въ первый разъ дотронулась до руки, протянутой ей отцемъ, и въ видѣ трогательнаго укора капитану за его холодный поклонъ, протянувъ ему другую руку, взглянула на него такъ, что Роландъ сразу очутился на ея сторонѣ. То была измѣна своимъ знаменамъ, которой не представляетъ подобной исторія и есть не ровняющаяся поступку Нея при возвращеніи Наполеона съ Эльбы. Не ожидая никакихъ прелиминарій и не давъ никому сказать слова, леди Эллиноръ подошла къ матушкѣ, такъ просто, такъ привѣтливо, — она придала столько прелести и ласки свой улыбкѣ, голосу, манерамъ, что, коротко-знакомый съ простымъ и любящимъ сердцемъ моей матери, я не могъ надивиться, какъ матушка не кинулась ей на шею, не принялась цѣловать ее. И если не сдѣлала она этого, вѣрно не легко ей было побѣдить себя! За тѣмъ пришла моя очередь; заговоривъ со мной и обо мнѣ, леди Эллиноръ скоро поставила всѣхъ въ самое непринужденное положеніе, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось.

Digitized by Google

Что было говорено — я не помню, да врядъ ли помнилъ и кто другой изъ насъ. Не прошло и часа — бесѣда сдѣлалась общая.

Съ напряженнымъ любопытствомъ и стараясь быть безпристрастнымъ, сравнивалъ я леди Эллиноръ съ моей матерью. И я понялъ, какъ знатная леди въ ея ранней молодости очаровала обоихъ братьевъ, столько другъ съ другомъ не схожихъ. Характеристическая черта всей ея личности была невыразимая прелесть. То не была одна грація утонченнаго воспитанія, хотя и эта сторона была не забыта; это было очарованіе, происходившее какъ бы отъ врожденной симпатіи. Тотъ, съ кѣмъ она заговаривала, на время сосредоточивалъ на себѣ какъ бы все ея вниманіе, всѣ способности ея ума. Она въ рѣдкой степени обладала умѣніемъ пріятно бесѣдовать. Ея слова были всегда какъ бы продолженіемъ того, что было сказано другимъ. Казалось, она угадывала ваши мысли и только высказывала ихъ. Умъ ея былъ образованъ тщательно, но безъ малѣйшей тѣни педантизма. Однимъ намекомъ иногда показывала она человѣку образованному объемъ своихъ знаній, не смущая притомъ и не оскорбляя невѣжды. Да, она была единственная женщина изъ встрѣченныхъ моимъ отцемъ въ теченіе всей его жизни, достойная сдѣлаться подругой его ума, способная объ руку съ нимъ, проходить поле науки и рвать цвѣты, въ то время какъ онъ очищалъ его дороги. Съ другой стороны, въ чувствахъ леди Эллиноръ было какое-то врожденное благородство, которое должно было затронуть самую чувствительную струну природы Роландовой; и эти чувства краснорѣчиво выражались взглядомъ, миной, спокойнымъ достоинствомъ всѣхъ ея пріемовъ. Да, она была бы достойною Ориндою любаго Амадиса. Не трудно было увидѣть, что леди Эллиноръ была честолюбива, что она *любила славу для славы*, что она была горда и до крайности цѣнила высоко мнѣніе свѣта. Это было замѣтно, когда она говорила о мужѣ, даже о дочери. Мнѣ казалось, что она измѣряла умъ одного и красоту другой ступенями общественнаго мнѣнія или свѣтскаго блеска. Она мѣрила дары природы, подобно тому какъ докторъ Германъ училъ меня измѣрять вышину башни длиною ея тѣни по землѣ.

Digitized by Google

Добрый батюшка! съ такой женой вы никогда бы не прожили осьмнадцати лѣтъ въ нерѣшимости надъ вашимъ сочиненіемъ.

Добрый дядюшка, съ такой женой вы бы не удовольствовались пробочной ногой и Ватерлооской медалью! И я понимаю, почему М. Тривеніонъ, честолюбивый и пылкій, какъ говоритъ, что былъ въ молодости, съ способностями къ практическому успѣху въ жизни, добился руки богатой наслѣдницы. Но вы видите, что мистеръ Тривеніонъ не заботился о томъ, чтобъ быть счастливымъ! Рядомъ съ матушкой, теперь ее слушающей, ей удивляющейся, съ ея влажными голубыми глазами, не говоря уже о коралловыхъ губахъ, леди Эллиноръ кажется отцвѣтшею. Была ли она когда-нибудь такъ мила, какъ матушка теперь? Никогда. Но она была лучше собою. Какая нѣжность въ чертахъ и, не смотря на нѣжность, какъ рѣзко обозначены всѣ онѣ. Бровь будто нарисована, профиль слегка орлиный и чисто вырѣзанный, ноздря нѣсколько приподнята, что, если вѣрить физіономистамъ, обличаетъ глубокую раздражительность; губы — классическія, и, еслибы не эта ямка, онѣ были бы надмѣнны. Но на этомъ лицѣ слѣдъ и мукъ и слезъ. Нервозный, раздражительный темпераментъ помогъ волненіямъ честолюбиваго жизненнаго поприща. Любезный дядюшка, я до сихъ поръ не знаю вашей частной жизни; что же касается до моего отца, я увѣренъ, что еслибъ онъ женился на леди Эллиноръ, то менѣе гораздо былъ бы достоинъ неба, хотя можетъ быть и болѣе бы сдѣлалъ на землѣ.

Этотъ визитъ, сколько понялъ я, составлявшій предметъ страха для трехъ членовъ нашего семейства, заключился моимъ обѣщаніемъ обѣдать въ этотъ день у Тривеніоновъ.

Когда мы опять остались одни, отецъ вздохнулъ всею грудью, и посмотрѣвъ вокругъ себя веселѣе прежняго, сказалъ:

— Если Пизистратъ насъ оставляетъ, давайте утѣшимся, пошлемъ за братомъ Джакомъ и всѣ четверо поѣдемъ въ Ричмондъ пить чай.

— Спасибо, Остинъ, — сказалъ Роландъ, — для меня не надо, увѣряю тебя.

— Будто бы? — спросилъ отецъ шепотомъ.

Digitized by Google

— Клянусь честью.

— Такъ и я не хочу.

— А мы пойдемъ погулять: Китти, Роландъ и я; воротимся къ тому времени, когда будетъ одѣваться Пизистратъ: посмотримъ, хорошъ ли будетъ этотъ юный анахронизмъ въ нынѣшнемъ Лондонскомъ нарядѣ. По настоящему, ему бы слѣдовало итти съ яблокомъ въ рукѣ и голубемъ за пазухой. Виноватъ, я и забылъ, что этой моды не было у Аѳинянъ до Алкивіада.

ГЛАВА VI.

Вы можете судить о дѣйствіи обѣда у мистера Тривеніонъ и послѣдовавшаго за нимъ разговора съ леди Эллиноръ, изъ того, что, воротившись домой и удовлетворивъ всѣ вопросы родительскаго любопытства, я дрожа и нерѣшаясь взглянуть въ глаза моему отцу, сказалъ:

— Батюшка, мнѣ бы очень хотѣлось, если вы ничего не имѣете противъ этого, мнѣ бы....

— Что такое, душа моя? — спросилъ ласково отецъ.

— Принять предложеніе, которое сдѣлала мнѣ леди Эллиноръ отъ имени мистера Тривеніонъ. Ему нуженъ секретарь. Онъ на столько снисходителенъ, что принимаетъ въ разсчетъ мою неопытность и говоритъ, что я скоро пойму дѣло и могу быть ему полезенъ. Леди Эллиноръ говоритъ (я продолжалъ уже съ достоинствомъ), что это будетъ очень полезно для меня, какъ начало къ общественной жизни; во всякомъ случаѣ, батюшка, я бы узналъ свѣтъ и выучился бы вещамъ болѣе полезнымъ тѣхъ, которымъ учатъ въ коллегіумѣ.

Матушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на отца.

— Это бы въ самомъ дѣлѣ было очень полезно для Систи! — сказала она робко; потомъ, ободрившись, прибавила: — онъ родился именно для этого рода жизни.

— Гмъ!.... — сказалъ дядя.

Отецъ задумчиво потеръ очки и, помолчавъ нѣсколько времени, отвѣчалъ:

— Ты, можетъ быть, и права, Китти: я не думаю, чтобы Пизистратъ могъ сдѣлаться ученымъ; дѣятельная жизнь скорѣй по немъ. Но къ чему поведетъ это мѣсто?

Digitized by Google

— Къ общественнымъ должностямъ, сэръ, — отвѣчалъ я рѣшительно: — къ службѣ отечеству.

— Если такъ, — замѣтилъ Роландъ, — я не говорю ни слова. Но я думалъ, что для юноши съ умомъ, потомка старыхъ де-Какстоновъ, служба въ арміи....

— Въ арміи! — воскликнула матушка, всплеснувъ руками и невольно взглянувъ на пробочную ногу капитана.

— Въ арміи! — сердито повторилъ отецъ. — Тебѣ не хотѣлось бы въ военную службу, Пизистратъ?

— Конечно нѣтъ, сэръ, если это огорчитъ васъ и матушку; иначе....

— Та-та-та-та! — прервалъ меня отецъ. — Это все отъ того, миссисъ Кактонъ, что вы дали ребенку это честолюбивое, безпокойное имя; что обѣщаетъ любому человѣку имя Пизистратъ, какъ не мученіе? Идея такимъ образомъ служить своему отечеству совершенно въ духѣ Пизистрата. Еслибъ у меня былъ другой сынъ (*Dii meliora*!), того бы еще назвать Геростратомъ: онъ бы сжегъ ужъ соборъ Св. Павла, который, сколько я помню, построенъ изъ развалинъ храма Діаны! Однако, Пизистратъ, я подумаю о твоей просьбѣ и поговорю съ Тривеніономъ.

— Лучше съ леди Эллиноръ, — сказалъ я неосторожно: матушка слегка вздрогнула и выпустила мою руку. Сердце мое болѣзненно сжалось отъ опрометчивости языка.

— Такъ ужъ пусть говоритъ мать, — отвѣчалъ сухо отецъ, — если ей нужно удостовѣриться, что кто-нибудь будетъ заботиться о твоемъ бѣльѣ. Вѣдь, я думаю, они хотятъ, чтобъ ты и жилъ у нихъ.

— О нѣтъ,—воскликнула матушка: — адакъ все равно отпуститъ его въ коллегіумъ. Я думала, что онъ будетъ жить съ нами; ходить туда по утрамъ, а ночевать здѣсь.

— Я хоть и немного знаю Тривеніона, — сказалъ мой отецъ, — но увѣренъ, что его секретарю не много удастся поспать. Дитя! не знаешь ты и самъ, чего добиваешься. И однако въ твои лѣта, я.... отецъ вдругъ остановился—Нѣтъ! продолжалъ онъ, помолчавъ и какъ будто говоря съ самимъ собою, — нѣтъ, человѣкъ никогда не ошибается, покуда живетъ для другихъ. Философъ, озирающій міръ съ высоты

Digitized by Google

скалы, менѣе заслуживаетъ уваженія, нежели мореходецъ, который храбро борется съ бурей. Зачѣмъ было бы двое насъ здѣсь? И могъ ли бы онъ быть вторымъ мною, *alter ego*, даже еслибъ я захотѣлъ этого? Невозможно.

Отецъ повернулся на креслѣ, положилъ лѣвую ногу на правое колѣно и, улыбаясь глядѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

ГЛАВА VII.

Здѣсь большой скачекъ въ моемъ повѣствованіи.

Я живу у Тривеніоновъ. Краткая бесѣда съ государственнымъ мужемъ послужила къ совершенному убѣжденію моего отца; сущность ея лежала въ слѣдующей истинѣ, сказанной Тривеніономъ: — Я обѣщаю вамъ одно: онъ никогда не будетъ празденъ!

Оглядываясь назадъ, я увѣренъ, что отецъ мой былъ правъ и понималъ мой характеръ и искушенія, къ которымъ я болѣе всего былъ склоненъ, когда позволилъ мнѣ отказаться отъ коллегіума и вступить такъ рано на поприще свѣта. Я отъ природы былъ такъ склоненъ къ удовольствіямъ, что сдѣлалъ бы себѣ изъ университетской жизни праздникъ, а потомъ, въ вознагражденіе, доработался бы до чахотки.

Отецъ мой былъ правъ и въ томъ, что хотя я и могъ учиться, но не былъ созданъ для того, чтобъ сдѣлаться ученымъ.

Наконецъ, это былъ опытъ: времени было у меня впереди довольно; еслибъ опытъ не удался, годъ отсрочки не значилъ еще потерянный годъ.

И такъ, я совершенно поселился у М. Тривеніона. Я ужь пробылъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. — Зима на исходѣ: засѣданія Парламента и сезонъ начались. Я работаю крѣпко, вотъ какъ крѣпко, и больше, нежели пришлось бы работать въ колтегіумѣ. Возьмите въ примѣръ одинъ день.

Тривеніонъ встаетъ въ осемь часовъ, и во всякую погоду часъ ѣздитъ верхомъ до завтрака; въ девять часовъ онъ завтракаетъ въ женниной уборной; въ половинѣ десятаго приходитъ въ кабинетъ. Къ этому времени онъ ожидаетъ найти тамъ изготовленную его секретаремъ работу, которую я сейчасъ опишу.

Digitized by Google

Возвращаясь домой, или, вѣрнѣе, передъ тѣмъ какъ онъ отходитъ ко сну, что бываетъ обыкновенно послѣ трехъ часовъ, М. Тривеніонъ имѣетъ привычку оставлять на столѣ, въ упомянутомъ кабинетѣ, памятную записку для секретаря. Нижеслѣдующая, которую я беру на удачу изъ множества записокъ, у меня сохранившихся, дастъ вамъ понятіе о ихъ разнообразіи:

1) Отыскать въ отчетахъ Комитета Палаты Перовъ за послѣднія 7 лѣтъ все сказанное о выдѣлываніи льна; сдѣлать выписки.

2) Тамъ же: о переселеніи Ирландцевъ.

3) Найти 2-ю часть Исторіи человѣка, Кема, и въ ней статью о Логикѣ Рейда. Я не знаю гдѣ эта книга!

4) Какъ кончается строка: *Lumina conjurent inter....* У Грея что ли? Найти!

5) Фраскаторій пишетъ. Quantum hoc *infecit* vitium, quod adiverit urbes. — Посмотрите, не нужно ли, по строгой грамматикѣ, писать *infecerit* вмѣсто *infecit*? Если не знаете, напишите къ отцу.

6) Написать 4 письма по замѣткамъ, мною прилагаемымъ, т. е. о духовныхъ судахъ.

7) Возьмите народныя переписи и выложите за пять лѣтъ разницу между рожденіемъ и смертностью въ графствахъ Девонскомъ и Ланкастерскомъ.

8) Отвѣчайте учтивымъ отказомъ на эти шесть просительныхъ писемъ.

9) Въ другихъ шести, къ избирателямъ — что я въ глазахъ правительства не имѣю особеннаго вѣса.

10) Посмотрѣть, если успѣете, не хламъ ли нѣкоторыя изъ новыхъ книгъ на кругломъ столѣ.

11) Мнѣ надо знать все о кукурузѣ.

12) Лонгинъ гдѣ-то говоритъ что-то о занятіяхъ несогласныхъ съ призваніемъ (вѣроятно объ общественной жизни): что такое? Лонгина нѣтъ въ моемъ Лондонскомъ каталогѣ: онъ долженъ быть въ ящикѣ, въ кладовой.

13) Повѣрить мои исчисленія о нищихъ: я гдѣ-то ошибся, и т. д.

Digitized by Google

Мой отецъ не ошибся въ Тривеніонѣ: онъ не думалъ о томъ, что его секретарю нужно спать! Чтобы приготовить къ половинѣ десятаго все вышеписанное, я всталъ при огнѣ. Въ половинѣ десятаго я искалъ Лонгина — вошелъ М. Тривеніонъ съ пачкой писемъ.

Мнѣ досталось отвѣчать на половину. Я получаю словесныя наставленія въ отрывистомъ разговорѣ. Покуда я пишу, М. Тривеніонъ читаетъ журналы, просматриваетъ мою работу, дѣлаетъ изъ нея выписки, иныя для Парламента, другія для бесѣды, третьи для переписки; пробѣгаетъ утреннія парламентскія бумаги и набрасываетъ замѣтки для выписокъ, сокращеній и сравненія ихъ съ другими, иногда лѣтъ за двадцать. Въ одиннадцать часовъ онъ идетъ въ Комитетъ Нижней Палаты, а я работаю до половины четвертаго — времени его возвращенія. Въ четыре, голова Фанни показывается въ кабинетъ, а я теряю свою. Четыре раза въ недѣлю М. Тривеніонъ исчезаетъ на остальное время дня, обѣдаетъ у Бельэми, или въ клубѣ, ждетъ меня въ Парламентѣ въ осемь часовъ, на случай какой-нибудь надобности, справки или цитата. Тогда онъ отпускаетъ меня съ новымъ запасомъ инструкцій. Но есть у меня и праздники. По середамъ и субботамъ М. Тривеніонъ даетъ обѣды, на которыхъ я вижу самыя замѣчательныя личности обѣихъ партій: Тривеніонъ самъ принадлежитъ къ обѣимъ партіямъ, или ни къ одной изъ нихъ, что все равно. По вторникамъ леди Эллиноръ даетъ мнѣ билетъ въ оперу, и я попадаю туда во время къ балету. Сверхъ того я получаю много приглашеній, ибо на меня смотрятъ какъ на единственнаго сына, имѣющаго право на большія надежды. Со мной обходятся какъ прилично обходиться съ Какстономъ, имѣющимъ право, буде желаетъ, ставить передъ своимъ именемъ частичку *de*. Я занимаюсь моимъ туалетомъ и пристрастился къ нарядамъ, что весьма естественно въ осемнадцать лѣтъ. Я люблю все, что дѣлаю, и все меня окружающее. Я съ головой и по уши влюбленъ въ Фанни Тривеніонъ, которая надрываетъ мое сердце, ибо кокетничаетъ съ двумя перами, однимъ гвардейскимъ офицеромъ, тремя старыми членами Парламента,

Digitized by Google

сэромъ Сэдлемъ Бьюдезертъ, однимъ посланникомъ, всѣми его подчиненными и въ довершеніе (какова!) съ епископомъ въ паркѣ, который, говорятъ, собирается опять жениться.

Пизистратъ блѣднѣетъ и худѣетъ. Его мать говоритъ, что онъ похорошѣлъ; самъ онъ приписываетъ это естественному дѣйствію искусства Штольца и Гоби. Дядя Джакъ говоритъ, что онъ *совершенный* молодой человѣкъ. Отецъ смотритъ и пишетъ къ Тривеніону:

»Любезный Т. — Я отказался отъ жалованья для сына. Дайте ему лошадь, и пусть его ѣздитъ верхомъ два часа въ день. Вашъ О. К.«

На другой день я сижу на отличной гнѣдой кобылѣ и ѣду рядомъ съ Фанни Тривеніонъ. Господи! Господи!

ГЛАВА VIII.

Я не упоминаю о дядѣ Роландѣ; онъ уѣхалъ за границу, за дочерью. Онъ остался тамъ дольше, нежели мы думали. Ищетъ ли онъ и тамъ своего сына, какъ здѣсь? Отецъ кончилъ первую часть своего сочиненія въ двухъ большихъ томахъ. Дядя Джакъ, который недавно былъ что-то грустенъ и теперь все сидитъ дома, выключая субботъ, когда всѣ мы сходимся за обѣдомъ у моего отца, дядя Джакъ, говорю, взялся продать сочиненіе отца.

— Не горячитесь! — говоритъ дядя Джакъ, укладывая рукопись въ два красныхъ картона, нѣкогда принадлежавшіе одной изъ покойныхъ компаній: — не ожидайте большой платы. Эти издатели никогда не рискуютъ много на первый опытъ. Еще какъ ихъ уговоришь просмотрѣть книгу.

— О, — отвѣчалъ отецъ, — лишь бы они издали ее на свой счетъ, я бы не стоялъ за другими условіями. »Отъ продажнаго пера не родилось никогда ничего великаго,« сказалъ Драйденъ.

— Удивительно глупо это замѣчаніе Драйдена, — возразилъ дядя Джакъ: — ему бы, кажется, можно было получше знать свое ремесло.

— Да онъ и зналъ его — сказалъ я, — потому что употреблялъ свое перо на то, чтобы набивать свои карманы, бѣдняжка!

Digitized by Google

— Да перо-то не было продажно, господинъ анахронизмъ, — замѣтилъ отецъ. — Хлѣбника нельзя назвать продажнымъ за то, что онъ продаетъ свои хлѣбы: онъ продаженъ, если продаетъ самого себя. Драйденъ только продавалъ свои хлѣбы.

— А намъ надо продать ваши, — восторженно сказалъ дядя Джакъ. — Тысячу фунтовъ стерлинговъ за томъ: настоящая цѣна, а?

— Тысячу фунтовъ стерлинговъ за томъ! — воскликнулъ отецъ: — да Гиббонъ, я думаю, получалъ не больше?

— Кто его знаетъ! но у Гиббона не было дяди Джака, который бы присмотрѣлъ за дѣломъ, — сказалъ М. Тиббетсъ, улыбаясь и потирая свои гладкія руки. — Нѣтъ! двѣ тысячи за оба волюма: и это уступка, но я предупреждалъ, что надо быть умѣреннымъ.

— Я очень буду радъ, если что-нибудь можно выручать изъ книги, — сказалъ отецъ, видимо поддаваясь обольщенію: — этотъ молодой джентельменъ таки мотоватъ; ну, а половина суммы, можетъ быть, пригодится вамъ, любезный Джакъ!

— Мнѣ, братъ, мнѣ! — воскликнулъ дядя Джакъ: — да если новое мое предпріятіе удастся, я буду милліонеръ.

— Вы задумали новую спекуляцію, дядюшка, — спросился я робко. — Что такое?

— Тише! — сказалъ дядя, прикладывая свой палецъ къ губамъ и какъ бы осматривая всѣ углы комнаты, — Тсъ! Тсъ!

Пизистратъ. Не большую ли національную компанію для взрыва зданій двухъ Палатъ?

Мистеръ Какстонъ. Признаюсь, я ожидалъ чего-нибудь поновѣе; имъ же, если вѣритъ журналамъ, не нужно помощи брата Джака, чтобы подорвать другъ друга.

Дядя Джакъ (таинственно). Журналамъ? Вы не часто читаете журналы, Остинъ Какстонъ!

М. Какстонъ. Грѣшный человѣкъ, Джакъ Тиббетсъ.

Digitized by Google

Дядя Джакъ. Ну, а если моя спекуляція заставитъ васъ читать журналъ каждый день?

М. Какстонъ. Заставить меня читать журналъ каждый день?

Дядя Джакъ (протягивая руки къ огню). Такой же величины какъ *Times!*

М. Какстонъ (съ безпокойствомъ). Джакъ, вы меня пугаете!

Дядя Джакъ. И если заставлю васъ писать въ немъ.... да еще главныя статьи!

М. Какстонъ (отодвигаетъ стулъ, хватаетъ единственное сподручное ему оружіе и мечетъ въ дядю Джака Греческую сентенцію): Τοὺς μὲν γὰρ εἶναι χαλεποὺς ὅσε καὶ ἀνθρωποφαγεῖν, т. е. были люди до того необразованные и звѣрскіе, что ѣли себѣ подобныхъ!

Дядя Джакъ (ни мало не смущаясь). И по-Гречески можете писать туда сколько хотите!

М. Какстонъ (успокоившись). Любезный Джакъ, вы великій человѣкъ: мы васъ слушаемъ.

Дядя Джакъ началъ говорить. Читатели мои, можетъ быть, замѣтили, что этотъ достославный спекуляторъ дѣйствительно былъ счастливъ на идеи. Его предпріятія всегда были чрезвычайно здравы въ зернѣ, — но крайне пусты по плоду; оттого и былъ онъ такъ опасенъ. Настоящая мысль дяди Джака, навѣрное, обогатитъ кого-нибудь въ самомъ непродолжительномъ времени; поэтому, я разсказываю о ней со вздохомъ, особенно сообразивъ, сколько потеряло наше семейство отъ ея невыполненія. Знайте же, что это было не менѣе, какъ изданіе ежедневнаго журнала по плану *Times*, но посвященнаго исключительно искусствамъ, литературѣ и наукѣ, словомъ, умственному прогрессу; я говорю по плану *Times*, потому что нужно было перенять могучій механизмъ ежедневнаго просвѣтителя. Этотъ журналъ долженъ былъ сдѣлаться литературнымъ Салмонеемъ политическаго Юпитера, и переносить свои громы черезъ мостъ познаній. Онъ долженъ былъ имѣть корреспондентовъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара; въ этомъ фокусѣ свѣта имѣло мѣсто все, относящееся къ лѣтописямъ ума, отъ труда миссіонера

Digitized by Google

на островахъ Южнаго океана, или изысканій путешественника преслѣдующаго миражъ, называемый Томбукту до какого-нибудь Парижскаго романа или послѣдняго коментарія Германскаго университета на Греческую частицу. Онъ долженъ былъ забавлять, поучать, занимать: всѣ эти цѣли обнимала его дѣятельность. Не нашлось бы человѣка читающаго, не только въ трехъ Соединенныхъ Королевствахъ, не только въ Великобританскихъ владѣніяхъ, но и на всемъ земномъ шарѣ, которому бы не затронулъ этотъ журналъ — сердце, голову или карманъ. Самый взыскательный членъ общины ума нашелъ бы въ немъ конька *для* себя.

— Подумайте, — воскликнулъ дядя Джакъ, — подумайте о движеніи ума, подумайте о страсти къ дешевому познанію, подумайте о томъ, какъ мало всѣ эти мѣсячные, недѣльные и другіе журналы удовлетворяютъ большинству потребностей времени! Не все ли равно еженедѣльный журналъ для политики, что̀ такой же журналъ для всѣхъ другихъ предметовъ, занимающихъ большинство публики болѣе политики. Лишь только появится мой литературный Times, всѣ будутъ дивиться какъ можно было жить безъ него! Сэръ, никто и не жилъ безъ него: всѣ прозябали, всѣ жили въ ямахъ и пещерахъ, какъ Троглодики ...

— Троглодиты,—прервалъ тихо отецъ:—отъ *троглъ* — пещера, и *думи* — скрываться. Они жили въ Эѳіопіи; жены у нихъ были общія.

— Что касается послѣдняго пункта, — простодушно замѣтилъ дядя Джакъ, — я не утверждаю, чтобы публика дошла до этого; нѣтъ сравненія, которое было бы выдержано со всѣхъ сторонъ. Но публика все-таки трогледикская, или какъ вы тамъ называете, въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ она при свѣтѣ моего литературнаго Times. Сэръ, это будетъ переворотъ для всего земнаго шара. Онъ перенесетъ литературу съ облаковъ въ гостиную, въ лачугу, на кухню. И денди изъ денди, и леди изъ леди найдутъ въ немъ что-нибудь по своему вкусу; самый дѣловый членъ торговли или промышленности обогатитъ свои практическія познанія новымъ пріобрѣтеніемъ. Практическій человѣкъ увидитъ ус-

Digitized by Google

пѣхи богословія, медицины, юриспруденціи. Сэръ, Индіецъ будетъ читать меня подъ банаиомъ; я буду въ сераляхъ Востока, и надъ моими листами Сѣверо-Американецъ будетъ курить люльку мира. Мы дадимъ политикѣ настоящее мѣсто въ дѣлахъ жизни, возведемъ литературу на должную ступень между интересами и нуждами людей. Это великая мысль, и сердце мое бьется самодовольно, когда я ее разсматриваю.

— Любезный Джакъ, — сказалъ отецъ торжественно и съ волненіемъ, привставъ, — это, истинно, великая мысль, и я уважаю васъ за нее! Вы правы: это сдѣлало бы переворотъ! Это нечувствительно бы воспитало родъ человѣческій. Признаюсь, я бы счелъ за честь написать туда.... хоть что-нибудь. Джакъ, вы обезсмертите себя!

— Думаю!—скромно отвѣчалъ дядя Джакъ; но я еще не успѣлъ сказать ни слова о главномъ....

— Что такое?

—Объявленія-то!— воскликнулъ дядя, разводя руками и потомъ переплетая пальцы подобно ниткамъ паутины.— Объявленія-то! Подумайте-ка: вѣдь это сущее Эльдорадо! Объявленія, сэръ, по меньшей мѣрѣ, принесутъ намъ въ годъ 50,000 ф. стерл.! — Пизистратъ, мой другъ, я никогда не женюсь: вы будете моимъ наслѣдникомъ. Обнимите меня!

Сказавъ это, дядя Джакъ бросился на меня и выдавилъ изъ моей груди благоразумное сомнѣніе, готовившееся выступить на уста.

Бѣдная матушка, смѣясь и рыдая, проговорила:

— Такъ *мой* братъ заплатитъ *его* сыну за все то, чѣмъ онъ пожертвовалъ для меня!

Отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, болѣе взволнованный нежели случалось мнѣ видѣть его когда-либо, и ворчалъ:

— Что за несчастная, безполезная тварь былъ я до сихъ поръ! А, кажется, я охотно сталъ бы служить общей пользѣ! Право, сталъ бы.

Послужилъ ей за то этимъ временемъ дядя Джакъ! Онъ нашелъ единственную въ мірѣ приманку, на которую можно было поймать такую рыбу, каковъ былъ мой отецъ: „*laeret*

Digitized by Google

lethalis arundo.“ Я видѣлъ, что смертельный крючекъ былъ на разстояніи инча отъ носа моего отца и что онъ уже готовъ былъ проглотить его.

Но, благо это забавляло моего отца! Ребенокъ! — далѣе этого я не видѣлъ. Я долженъ сознаться, что и самъ былъ обольщенъ и, можетъ быть, по ребяческому чувству злобы радовался ослѣпленію ближнихъ. Маленькой рыбкѣ было весело видѣть волненіе воды, въ то время какъ большая рыба вертѣла хвостомъ и раздувала жабры.

— Однако! — сказалъ дядя Джакъ, — ни слова объ этомъ ни Тривеніону, ни кому!

— Отчего же?

— Какъ отъ чего? Да въ своемъ ли вы умѣ: если узнаютъ о моемъ планѣ, развѣ вы думаете, что не поторопятся привести его въ исполненіе? Да вы меня пугаете. Обѣщайте же мнѣ быть нѣмымъ какъ могила!

— Мнѣ бы хотѣлось послушать мнѣніе Тривеніона.

— Такъ ужь все равно влѣзть на колокольню, да прокричать оттуда! Сэръ, я довѣрился вамъ. Сэръ, тайны домашняго очага священны. Сэръ, я....

— Любезный дядюшка Джакъ, вы сказали довольно. Я не скажу ни слова....

— Я думаю право, что ему можно довѣриться, Джакъ,— сказала матушка.

— И я довѣряю ему тайну несмѣтнаго богатства, — отвѣчалъ дядя. — Позвольте попросить воды и немножко рому, да бисквитъ или, пожалуй, сандвичъ. Я проголодался что-то.

Я взглянулъ на дядю Джака. Бѣдный дядя Джакъ: онъ, въ самомъ дѣлѣ, похудѣлъ!

(*До слѣд. книж.*).

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

Докторъ Лютеръ говоритъ: «Когда я увидѣлъ, что докторъ Годе принялся считать свои колбасы, висѣвшія въ каминѣ, я сказалъ ему, что онъ проживетъ не долго!»

Жалѣю я, что крупными буквами не выписалъ этихъ словъ изъ сочиненія Лютера и не показалъ ихъ за завтракомъ моему отцу, утромъ того роковаго дня, когда дядя Джакъ убѣждалъ его считать его колбасы.

Но теперь я припоминаю, что дядя Джакъ повѣсилъ въ трубу колбасы, но считать ихъ — отца не убѣждалъ.

Помимо неопредѣленнаго предположенія о томъ, что половина развѣшенныхъ *tomacula* доставитъ завтракъ для дяди Джака и что юношескій аппетитъ Пизистрата распорядится остальною, мой отецъ не остановился ни на минуту на питательномъ свойствѣ колбасъ, — другими словами, на двухъ тысячахъ фунтовъ стерлинговъ, висѣвшихъ въ трубѣ. Во всемъ, что касалось его большаго сочиненія, отецъ думалъ только о его изданіи, не о барышахъ. Но

Digitized by Google

скажу, чтобъ онъ не жаждалъ похвалы, но вполнѣ увѣренъ, что онъ не ставилъ ни во что колбасы. Тѣмъ не менѣе появленіе какихъ бы то ни было колбасъ становилось зловѣщимъ и мрачнымъ предзнаменованіемъ для Остина Какстонъ, въ особенности потому, что онѣ были изготовлены гладкими руками дяди Джака! Ни одна изъ тѣхъ колбасъ, которыя онъ, бѣдняга, развѣшивалъ всю свою жизнь, въ своей ли трубѣ, или въ чужой, не обратилась въ дѣйствительную колбасу, но всѣ онѣ были только *Erscheinungen*, фантомы и тѣни колбасъ. Не думаю, чтобъ дядя Джакъ много зналъ о Демокритѣ Абдерскомъ. Но онъ, безспорно, подвергся вліянію философа мечтателя. Онъ населялъ воздухъ образами гигантскаго размѣра, которые управляли его снами и предсказаніями, и отъ чьихъ вліяній зависѣли и ощущенія его, и помыслы. Все его существованіе, и во снѣ, и на яву, было только отраженіемъ большихъ фантастическихъ колбасъ!

Едва М. Тиббетсъ взялъ два тома «Исторіи Человѣческихъ Заблужденій», онъ естественно получилъ надъ моимъ отцомъ власть, которая до тѣхъ поръ скользила у него изъ рукъ. Онъ обрѣлъ то, по чемъ такъ давно вздыхалъ, ту точку опоры, на которой могъ основать Архимедовъ винтъ. Крѣпко уперъ онъ его въ «Исторію Человѣческихъ Заблужденій» и сталъ ворочать міръ семейства Какстоновъ.

День или два спустя послѣ бесѣды, приведенной мною въ послѣдней главѣ, дядя Джакъ вышелъ изъ дверей отцова банкира; съ того времени оказалось, что не было уже причинъ мистеру Тиббетсъ не посѣщать своихъ родственниковъ по буднямъ, также какъ по воскреснымъ днямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не проходило дня безъ длиннаго совѣщанія между нимъ и отцомъ. Много говорилъ онъ о своихъ свиданіяхъ съ издателями. Въ этихъ совѣщаніяхъ онъ невольно возвращался къ великой мысли о «литературномъ Times'ѣ, такъ сильно ослѣпившей воображеніе моего отца; а раскаливъ уже желѣзо, дядя Джакъ, какъ человѣкъ весьма опытный, не забывалъ ковать его, пока оно было горячо.

Digitized by Google

Когда я вспоминаю простоту, обнаруженную моимъ отцомъ въ столь важномъ случаѣ его жизни, я долженъ признаться, что не столько сожалѣлъ о великодушномъ ученомъ, сколько дивился ему. Мы видѣли, что двадцатилѣтняя ученая лѣнь преобразилась въ самолюбіе, этотъ инстинктъ геніальнаго человѣка, а приготовленіе сочиненія на судъ свѣта незамѣтно возобновило права шумнаго свѣта на отшельника. Вслѣдъ за этимъ явилось благородное раскаяніе въ томъ, что такъ мало сдѣлалъ онъ до сихъ поръ для себѣ подобныхъ. Достаточно ли было писать in-quarto о прошедшей исторіи человѣческихъ заблужденій? Не было ли его обязанностію, при первомъ удобномъ случаѣ, вступить въ настоящій, ежедневный и ежечасный бой съ заблужденіями — это истое рыцарство знанія? Св. Георгій разсѣкалъ не мертвыхъ драконовъ, онъ дрался съ живыми. И Лондонъ, съ той магнетической атмосферой большихъ столицъ, которая какъ бы наполняетъ грудь возбуждающими атомами, содѣйствовалъ еще ускоренію спокойнаго пульса ученаго. Въ деревнѣ онъ читалъ своихъ любимыхъ писателей, и жилъ съ ними въ прошедшемъ. Въ городѣ же, мой отецъ, въ промежутки занятій своимъ сочиненіемъ, и тѣмъ болѣе теперь, когда оно пріостановилось, обозрѣвалъ литтературу настоящаго времени. Онъ не принадлежалъ къ тому извѣстному разряду ученыхъ и читателей, которые въ суевѣрномъ уваженіи къ смерти всегда рады принести ей въ жертву живыхъ. Онъ отдавалъ полную справедливость диковинному обилію ума, отличающему произведенія нынѣшняго времени. Подъ настоящимъ временемъ я понимаю все время отъ начала вѣка. — Нынѣшняя литтература, — сказалъ однажды отецъ въ спорѣ съ Тривеніономъ, всего болѣе отличается *человѣчностію*. Не видишь, чтобы ученый обращался къ ученымъ, видишь людей, обращающихся къ людямъ, и не оттого, чтобы рѣже стали ученые, а оттого, что увеличился кругъ читающей публики. Писатели всѣхъ временъ обращали вниманіе на то, что занимаетъ читателей; не могутъ занимать цѣлое общество тѣ вещи, надъ которыми сидитъ десатокъ монаховъ или книжниковъ.

Digitized by Google

Общее освѣщеніе цѣлой атмосферы мѣшаетъ вамъ съ точностію различать величину каждой отдѣльной звѣзды. Развѣ не видите вы, что съ просвѣщеніемъ проснулась литература чувствъ и ощущеній? Каждое чувство находитъ своего историка, каждое ощущеніе — свой оракулъ. Какъ нѣкогда Эпименидъ, я спалъ въ пещерѣ; всталъ и вижу, что тѣ, кого я оставилъ дѣтьми, сдѣлались мужи,— города встали тамъ, гдѣ были прежде безмолвныя пустыни!—

Изъ этого читатель увидитъ причины перемѣны въ моемъ отцѣ. Подобно тому, что говоритъ Робертъ Голль про доктора Кипписа, «онъ вбилъ себѣ въ голову столько книгъ, что мозгъ не могъ продолжать своихъ отправленій». Но теперь электричество проникло въ сердце и оживленная сила этого благороднаго органа возбудила дѣятельность въ головѣ. Оставляю, покуда, отца подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній и въ нескончаемой бесѣдѣ съ дядей Джакомъ, и берусь опять за клубокъ моей жизненной нити.

Благодаря мистеру Тривеніонъ, привычки мои не благопріятствовали дружбѣ съ людьми праздными, но я пріобрелъ нѣсколько знакомствъ между молодыми людьми, немного меня старшими, частію уже занимавшими мѣста въ гражданской службѣ, частію готовившимися въ адвокаты. Не было въ этихъ людяхъ недостатка въ способностяхъ, но всѣ они мало еще были знакомы съ суровою прозой жизни. Часы занятій только болѣе располагали ихъ къ наслажденію часами отдыха. И когда мы сходились, какъ весело и добродушно было наше общество! Мы не имѣли ни довольно денегъ на то, чтобы бросать ихъ, ни довольно досуга, чтобы не дорожить имъ; но тѣмъ не менѣе проводили время чрезвычайно пріятно. Новые мои пріятели обладали удивительными познаніями въ дѣлѣ всего, что касалось до театровъ. Отъ оперы до балета, отъ Гамлета до послѣдняго фарса, взятаго съ Французскаго, они знали по пальцамъ всю литературу подмостковъ. Они имѣли прекрасное и обширное знакомство между актерами и актрисами

Digitized by Google

и были до тонкости посвящены въ подробности скандалезныхъ хроникъ. Отдавая имъ справедливость, нельзя не упомянуть, однакожь, что они были не равнодушны и къ болѣе достойному знанію, необходимому въ семъ грѣшномъ мірѣ. Они съ одинаковою непринужденностію говорили и о настоящихъ актерахъ дѣйствительной жизни. Они до точности умѣли опредѣлять притязанія государственныхъ людей, соперничествовавшихъ между собою. Они не выдавали себя за посвященныхъ въ тайны чужихъ кабинетовъ (за исключеніемъ одного молодаго человѣка, служившаго при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, хвалившагося тѣмъ, что будто бы знаетъ на вѣрное что думаютъ Русскіе), но должно повиниться, что большинство ихъ проникло сокровеннѣйшіе замыслы нашего кабинета. Правда, что слѣдуя системѣ раздѣленія труда, каждый изъ нихъ бралъ для своихъ личныхъ наблюденій одинъ изъ составныхъ членовъ управленія, подобно тѣмъ искуснымъ хирургамъ, которые хотя и глубоко исчерпали общую структуру нашего тѣла, но основываютъ славу анатомовъ на свѣтѣ, брошенномъ ими на одну изъ его отдѣльныхъ частей, и потому занимаются: одинъ — мозгомъ, другой двѣнадцатиперстной кишкой, третій спиннымъ хребтомъ, между тѣмъ какъ четвертый, быть можетъ, владѣетъ всѣми признаками, на которые указываетъ нерѣшительный еще палецъ. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ пріятелей занимался внутреннимъ дѣлами, другой—колоніями; третій же, на котораго всѣ мы смотрѣли, какъ на будущаго Талейрана (или, по крайней мѣрѣ, де Реца) посвятилъ себя спеціальному изученію Роберта Пиля, и узнавалъ, по тому, какъ этотъ глубокомысленный и непроницаемый мужъ разстегивалъ фракъ, какія намѣренія волновали его грудь! Адвокаты и юристы, они всѣ имѣли высокое мнѣніе о себѣ, и обширныя познанія о томъ, чѣмъ со временемъ быть имъ, но не о томъ, что *дѣлать*. По словамъ царя всѣхъ юныхъ джентельменовъ о себѣ самомъ, въ перифразѣ Вольтера, «у нихъ были въ карманахъ письма, адресованныя къ потомству, но могли же они и позабыть отдать ихъ.» Было въ нихъ, конечно,

Digitized by Google

и что-то мелочно-самолюбивое, за то въ сущности они были гораздо занимательнѣе людей, преданныхъ исключительно удовольствіямъ. Всѣ они, какъ бы схожія дѣти одного семейства, были одарены избыткомъ жизненной дѣятельности, веселымъ и обильнымъ честолюбіемъ, искреннимъ прилежаніемъ во время труда, школьною непринужденностію въ часы отдохновенія.

Рѣзкую противоположность этихъ молодыхъ людей составлялъ сэръ Сэдлей Бьюдезертъ, которой былъ особенно расположенъ ко мнѣ; домъ этого холостяка былъ всегда отворенъ для меня послѣ полудня: до этого времени сэръ Сэдлей былъ невидимъ, развѣ для своего слуги. И что за чудный домъ былъ у холостяка! Окна выходили на Паркъ: въ углубленіяхъ оконъ были разставлены диваны, на которыхъ могли вы нѣжиться вдоволь, подобно философу у Лукреція,

«Despicere unde queas alios, passimque videre,
Errare»,

и слѣдить за веселыми толпами, ходившими взадъ и впередъ по Rotten Row (Роттенъ Роо), не подвергаясь усталости, въ особенности, когда вѣтеръ дулъ съ запада.

Въ комнатахъ не было притязаній на пышность, ни того, что драпировщики называютъ изысканностію, но во всемъ безусловно преобладалъ комфортъ. Здѣсь было мѣсто всякому патентованному креслу, послужившему къ утонченію искусства нѣги; и возлѣ каждаго кресла стоялъ столикъ, на который вы могли положить вашу книгу или поставить чашку кофе, давъ себѣ только трудъ слегка протянуть руку. Для зимы не было ничего теплѣе его стеганыхъ занавѣсокъ и Эксминстерскихъ ковровъ; для лѣта—и воздушнѣе и свѣжѣе кисейныхъ занавѣсокъ и Индѣйскихъ рогожекъ. И не вѣрю я, чтобы тотъ, кто не обѣдалъ у сэра Сэдлея Бьюдезертъ, имѣлъ понятіе о томъ, до какого совершенства можетъ быть доведенъ обѣдъ. Если бъ этотъ замѣчательный человѣкъ былъ эгоистомъ, онъ былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Но, къ его личному несчастію, онъ былъ до крайности

Digitized by Google

любезенъ и добродушенъ. Онъ былъ преисполненъ искренняго состраданія къ людямъ, живущимъ безъ патентованныхъ креселъ и принадлежащихъ къ нимъ столиковъ, къ людямъ, въ чьихъ квартирахъ окна не выходили на Паркъ и были безъ покойныхъ, мягкихъ диванов. Генрихъ IV желалъ, чтобъ у каждаго человѣка былъ свой pot-au-feu, — сэръ Сэдлей Бьюдезертъ, будь это въ его власти, озаботился бы непремѣнно о томъ, чтобъ каждому человѣку подавали зеленый огурчикъ къ рыбѣ и графинъ воды со льдомъ къ хлѣбу и сыру. Наивная простота, которую оказывалъ онъ въ дѣлахъ политики, составляла удивительную противоположность съ его проницательностію въ дѣлѣ вкуса. Я помню его замѣчаніе во время разговора по поводу билля о пивѣ: «не надо бы бѣднымъ людямъ позволять пить пиво: оно неимовѣрно располагаетъ къ ревматизмамъ! лучшій напитокъ при тяжелой работѣ — шампанское, отнюдь не тогда, когда оно шипитъ! Я испыталъ это, охотясь въ болотахъ.»

Лѣнивая изнѣженность сэра Сэдлея невѣроятно содѣйствовала брешамъ въ его богатствѣ.

Во первыхъ, какъ землевладѣлецъ, онъ безконечно былъ осаждаемъ несчастными фермерами, нищими стариками, благотворительными обществами и охотниками, которыхъ лишилъ онъ промысла, отдавъ право пользованія лѣсами наемщикамъ своихъ дачь.

Потомъ, имѣлъ законныя притязанія на него весь прекрасный полъ, какъ на человѣка извѣстнаго своею преданностію удовольствіямъ. Начиная отъ покинутой герцогини, чье изображеніе было скрыто за потайной пружиной его табакерки, и до отцвѣтшей уже прачки, которой когда либо случилось ему изъявить свое благоволеніе за превосходно выглаженное жабо, стоило быть дочерью Еввы, чтобы найти по Адаму основательныя права на наслѣдство отъ сэра Сэдлея.

Наконецъ, къ сострадательной улыбкѣ сэра Сэдлея Бьюдезертъ, любителя искусства и покорнаго слуги всякой

Digitized by Google

музы, обращались всѣ тѣ, кому публика перестала покровительствовать: живописецъ, актеръ, поэтъ, музыкантъ, — подобно тому, какъ умирающій подсолнечникъ обращается къ солнцу. Прибавьте къ этому всю разнообразную толпу, наслышанную о неимовѣрной щедрости сэра Сэдлея, и вы поймете чего стоила ему его слава. И хотя на дѣлѣ сэръ Сэдлей не издерживалъ на свою персону и пятой доли своего, весьма значительнаго, дохода, нѣтъ сомнѣнія, что къ концу года ему трудно было сводить концы съ концами. Если же онъ и сводилъ ихъ, то былъ этимъ обязанъ двумъ правиламъ, издавна усвоеннымъ его философіей: онъ никогда не дѣлалъ долговъ и никогда не игралъ. И я думаю, что за эти отступленія отъ общей рутины всѣхъ свѣтскихъ джентельменовъ, онъ долженъ былъ благодарить особенную нѣжность своего характера. Онъ особенно жалѣлъ о тѣхъ, кого преслѣдовали заимодавцы:

— Бѣдняга! — говорилъ онъ — ужасно должно быть всю жизнь свою говорить: нѣтъ! — Вотъ до чего не зналъ онъ этихъ вѣчныхъ обѣщателей: какъ будто бы человѣкъ, преслѣдуемый за долги, сказалъ когда нибудь: «нѣтъ!» Подобно Бруммелю, отвѣчавшему на вопросъ: любитъ ли онъ овощи? что онъ съѣлъ разъ горошинку, сэръ Сэдлей Бьюдезертъ признавался, что онъ однажды игралъ въ большую игру въ пикетъ: — я имѣлъ несчастіе выиграть, — заключалъ онъ, разсказывая свой проступокъ; — и никогда не забуду я выраженія лица моего противника, когда онъ платилъ мнѣ. Не говоря уже о томъ, что можно всегда проиграть, игра для меня была бы сущимъ наказаніемъ.

Замѣтьте теперь огромную разницу въ щедротахъ сэра Сэдлея и М. Тривеніонъ. Мистеръ Тривеніонъ ненавидѣлъ частную милостыню. Онъ рѣдко опускалъ руку въ кошелекъ, но давалъ записки къ своимъ банкирамъ. Былъ ли приходъ безъ церкви, селеніе безъ школы, рѣка безъ моста, мистеръ Тривеніонъ принимался за вычисленія, находилъ искомое рѣшеніе съ помощію алгебраическихъ иксовъ и игрековъ и выдавалъ потребную сумму, какъ будто бы платилъ своему мяснику. Правда, что несчастный, ко-

Digitized by Google

тораго онъ находилъ заслуживающимъ помощи, прибѣгалъ къ нему не по пустому. Но удивительно, какъ давалъ онъ мало этимъ путемъ. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, убѣдить мистера Тривеніонъ, чтобы человѣкъ, достойный участія, могъ дойти до того, чтобы нуждаться въ подаяніи.

Что Тривеніонъ, при всемъ этомъ, дѣлалъ гораздо болѣе истиннаго добра, нежели сэръ Сэдлей, — въ этомъ я убѣжденъ: но у него это была операція ума, отнюдь не слѣдствіе внушенія сердца. Грустно мнѣ сказать здѣсь, что несчастіе какъ бы сбиралось вокругъ сэра Сэдлея, и бѣжало присутствія Тривеніона. Гдѣ являлся послѣдній съ своимъ прямымъ, дѣятельнымъ и проницательнымъ умомъ, тамъ рождалась энергія, начинался успѣхъ. Куда приходилъ первый, съ своимъ теплымъ, нѣжнымъ сердцемъ,—подъ его лучами распространялось какое-то оцѣпенѣніе: при видѣ Тривеніона народъ вскакивалъ, какъ бы отъ вліянія свѣжей, живительной зимы, — при видѣ Сэдлея, лежалъ и нѣжился какъ бы на палящемъ солнцѣ лѣниваго Италіанскаго лѣта. Что зима благодѣтельная живительница, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но мы всѣ однако предпочитаемъ ей лѣто.

Лучшее доказательство любезности сэра Сэдлея то, что я его любилъ, хотя и ревновалъ его. Изъ всѣхъ спутниковъ, окружавшихъ мою прелестную Цинѳію, Фанни Тривеніонъ, я болѣе всего боялся этого свѣтила любезности. Напрасно говорилъ я себѣ, со всею самоувѣренностію молодости, что сэръ Сэдлей Бьюдезертъ однихъ лѣтъ съ отцомъ Фанни: когда ихъ видѣли вмѣстѣ, онъ могъ прослыть сыномъ Тривеніона. Никто изъ молодаго поколѣнія не былъ такъ хорошъ, какъ Сэдлей Бьюдезертъ. На первый взглядъ, конечно, не мудрено было перещеголять его обиліемъ кудрей и цвѣтомъ лица; но стоило ему заговорить, улыбнуться, чтобы затмить цѣлую когорту юныхъ дэнди. Цѣлое его выраженія было обворожительно: въ его добротѣ, въ его нѣжности было что-то особенное. И какъ хорошо зналъ онъ женщинъ! Онъ такъ незамѣтно льстилъ ихъ слабостямъ; онъ снискивалъ ихъ сочувствіе съ такимъ граціознымъ достоинствомъ. Помимо всѣхъ своихъ совершенствъ, сообенной репутаціи, продолжительности холостой жизни и

Digitized by Google

кроткой грусти, которою были проникнуты всѣ его выраженія, онъ всегда старался заинтересовать женщинъ. Не было ни одной любезной женщины, которою бы не казался онъ плѣненъ! Видали ль вы, когда великолѣпная форель, въ прозрачной струѣ, задумчиво плаваетъ взадъ и впередъ вокругъ вашей удочки, какъ бы въ нерѣшимости, съ которой стороны подступить къ ней, какъ схватить ее? И что за форель! Сущая бы жалость не поймать ея, при такомъ ея прекрасномъ расположеніи! Эта форель, граціозная дѣвушка или милая вдова, продержала бы васъ отъ утра до вечера, и вы все бы волновали струю и тянули удочку. Сравнительно, я не желаю моему злѣйшему двадцатипятилѣтнему врагу такого соперника, каковъ былъ Сэдлей Бьюдезертъ, не смотря на его сорокъ семь лѣтъ.

Фанни, дѣйствительно, приводила меня въ отчаяніе. Иногда мнѣ казалось, что она любитъ меня, но едва я успѣвалъ придти въ восторгъ отъ такого предположенія, оно рушилось отъ равнодушнаго взгляда или холодной стрѣлы насмѣшливой улыбки. Балованное дитя свѣта, она казалась до того невинна въ своемъ безмѣрномъ счастіи, что нельзя было не забыть всѣхъ ея недостатковъ въ этой атмосферѣ радости, которую разливала она вокругъ себя. И, не взирая на ея очаровательную надменность, безпрестанно проглядывало нѣжное сердце женщины! Когда она замѣчала, что огорчила васъ, то дѣлалась мила, кротка, ласкова до тѣхъ поръ, покуда залечивала рану. Но тогда, какъ бы замѣтивъ, что черезъ чуръ вамъ понравилась, маленькая фея успокоивалась только, если удавалось ей помучить васъ опять. Понятно, что, какъ наслѣдница богатаго отца или, вѣрнѣе, богатой матери (состояніе шло со стороны леди Эллиноръ) она была окружена поклонниками, не вовсе безкорыстными. И хорошо дѣлала она, что мучила ихъ, а меня-то? Бѣдный ребенокъ, почему-же я долженъ былъ казаться безкорыстнѣе другихъ; какъ могла она замѣтить все, что лежало сокрыто въ молодомъ, темномъ сердцѣ? Развѣ между всѣми ея искателями я не былъ послѣдній, и не долженъ ли я былъ, по этому, казаться самымъ корыстолюбивымъ? я,

Digitized by Google

который никогда не думалъ о ея состояніи, а когда эта мысль внезапно настигала меня, блѣднѣлъ и приходилъ въ ужасъ? И отъ первой ея улыбки, ужасъ исчезалъ, какъ видѣнія на зарѣ. Какъ трудно убѣдить въ житейскомъ неравенствѣ молодость, которая видитъ всегда предъ собою будущее и населяетъ его золотыми, волшебными замками! Я, въ моей прихотливой и безподобной мечтательности, смотрѣлъ въ эту необозримую даль, и видѣлъ себя ораторомъ, государственнымъ человѣкомъ, министромъ, посланникомъ, Богъ знаетъ чѣмъ еще, повергающимъ лавры, которые принималъ за банковые билеты, къ ногамъ Фанни.

То, что Фанни можетъ быть и замѣтила о состояніи моего сердца, казалось бездною, не заслуживающею изслѣдованія, и Тривеніону, и леди Эллиноръ. Первый, дѣйствительно, былъ слишкомъ занятъ своими дѣлами, чтобъ заниматься такими пустяками. А леди Эллиноръ смотрѣла на меня, какъ на ребенка, правда, какъ на своего ребенка: она такъ была нѣжна со мною. Но она и вообще мало замѣчала вещи, непосредственно ее окружавшія. Въ блестящей бесѣдѣ съ поэтами, учеными, государственными людьми, въ непрерывномъ сочувствіи къ трудамъ супруга, и самолюбивыхъ помыслахъ о его возвышеніи, леди Эллиноръ жила жизнью искусственною. Ея большіе, блестящіе глаза, выражавшіе какое-то лихорадочное безпокойство, смотрѣли далеко, какъ бы отыскивая новые міры: то, что было подъ ея ногами, ускользало отъ луча ея зрѣнія. Она любила свою дочь, гордилась ею, но, самолюбиво въ ней увѣренная, она не наблюдала за ней. Леди Эллиноръ стояла одна на горѣ, и посреди облака.

ГЛАВА II.

Однажды Тривеніоны всей семьей отправились за городъ, навѣстить отставнаго министра, дальняго родственника леди Эллиноръ, и принадлежавшаго къ небольшому числу тѣхъ лицъ, къ которымъ самъ Тривеніонъ обращался иногда за совѣтомъ. Весь этотъ день былъ у меня свободный. Мнѣ вздумалось сходить къ сэру Сэдлею Бьюдезертъ. Давно

Digitized by Google

хотѣлъ я дознаться отъ него объ одной вещи, и никогда не осмѣливался. На этотъ разъ, я рѣшился собраться съ духомъ.

— А, молодой человѣкъ! — сказалъ онъ, переставая разсматривать незатѣйливую картину молодаго артиста, только что снисходительно имъ пріобрѣтенную, — я думалъ объ васъ сегодня утромъ. Подождите минуту. Соммерсъ (это относилось къ слугѣ), возьмите эту картину, уложите ее и отправьте въ деревню. Этотъ родъ живописи — прибавилъ онъ, обращаясь опять ко мнѣ — требуетъ обширнаго помѣщенія. У меня есть старая галлерея, съ маленькими окнами, почти не впускающими свѣтъ. Удивительно, какъ это будетъ удобно!

Отправивъ картину, сэръ Сэдлей глубоко вздохнулъ, какъбы отдѣлавшись отъ тяжкаго труда, и продолжалъ веселѣе:

— Да, я думалъ объ васъ; и если вы простите мнѣ участіе въ вашихъ дѣлахъ, какъ старому пріятелю вашего отца, я счелъ бы за особенную честь, еслибъ вы позволили мнѣ спросить у Тривеніона, въ чемъ онъ видитъ окончательную пользу отъ тѣхъ ужасныхъ трудовъ, которыми васъ заваливаетъ.

— Но, любезный сэръ Сэдлей, я люблю работать, я совершенно доволенъ.

— Довольны, но не съ тѣмъ, чтобы остаться навсегда секретаремъ человѣка, который, если бы не нашелъ работы между людей, принялся бы учить муравьевъ строить муравейники по правиламъ архитектуры! Любезный другъ, Тривеніонъ страшный человѣкъ, ужасный человѣкъ: пробылъ съ нимъ въ одной комнатѣ три минуты, устаешь! Въ ваши лѣта, въ этомъ возрастѣ, который долженъ быть такъ счастливъ, — продолжалъ сэръ Сэдлей съ совершенно ангельскимъ состраданіемъ, — грустно имѣть такъ мало удовольствій.

— Увѣряю васъ, сэръ Сэдлей, вы ошибаетесь, я вполнѣ доволенъ моей участью; развѣ вы сами не признавались, что можно быть праздными и не быть счастливымъ?

— Я не говорилъ этого до тѣхъ поръ, пока не исполнилось мнѣ сорока лѣтъ! — сказалъ сэръ Сэдлей; и брови его слегка нахмурились.

Digitized by Google

— Никто и не скажетъ, что вамъ исполнилось сорок лѣтъ! — замѣтилъ я съ преднамѣренной лестью, чтобы дойтъ до моего главнаго предмета. — Хотъ бы миссъ Тривеніонъ и

Я остановился. Сэръ Сэдлей взглянулъ на меня внимательно, своими блестящими темно-голубыми глазами.

— Миссъ Тривеніонъ, хотѣли вы сказать?

— Миссъ Тривеніонъ, которую окружаетъ лучшая молодежь всего Лондона, видимо предпочитаетъ васъ всѣмъ другимъ. — Я сказалъ это съ большимъ усиліемъ. Но мнѣ непремѣнно хотѣлось разъяснить себѣ мракъ моихъ опасеній.

Сэръ Сэдлей всталъ; онъ ласково положилъ свою руку на мою и сказалъ:

— Не давайте Фанни Тривеніонъ мучить васъ болѣе, нежели мучитъ васъ ея отецъ!

— Я васъ не понимаю, сэръ Седлей.

— А я васъ понимаю, и это главное. Дѣвочка, подобная миссъ Тривеніонъ, жестока до тѣхъ поръ, пока не откроетъ она, что у ней есть сердце. Не благоразумно рисковать своимъ сердцемъ для женщины, покуда она не перестала быть кокеткой. Юный другъ мой, если бы вы смотрѣли на жизнь не съ такой серьезной стороны, я избавилъ бы васъ отъ труда слушать эти наставленія. Одинъ сѣетъ цвѣты, другой сажаетъ деревья: вы сажаете дерево, подъ которымъ — вы скоро увидите — не будетъ ни одного цвѣтка. Хорошо еще, если дерево можетъ принести плоды и дать тѣнь; но берегитесь, чтобы рано или поздно вамъ не пришлось вырвать его: тогда что будетъ? за что вырвете вы всю вашу жизнь съ его корнями!

Сэръ Сэдлей произнесъ послѣднія слова съ такимъ непритворнымъ воодушевленіемъ, что я раскаявался въ смущеніи, произведенномъ во мнѣ началомъ его рѣчи. Онъ замолчалъ, ударилъ по табакеркѣ, тихо понюхалъ табаку, и продолжалъ съ живостію, болѣе ему свойственною:

— Показывайтесь въ свѣтъ, сколько можете, повторяю вамъ, веселитесь. И опять таки спрашиваю, къ чему ведетъ теперешній вашъ трудъ? Всякой другой человѣкъ, хоть и далеко понезначительнѣе Тривеніона, счелъ бы себя обязан-

Digitized by Google

нымъ, въ благодарность за послуги, помочь вамъ на поприщѣ практической жизни, найти вамъ мѣсто въ службѣ, а ему что? Онъ не рискнетъ ничемъ своей независимости для того, чтобы обратиться съ просьбой къ министру. Онъ до того считаетъ занятія наслажденіемъ жизни, что занимаетъ васъ единственно изъ любви къ вамъ. Онъ не ломаетъ себѣ головы надъ вашимъ будущимъ. Онъ думаетъ, что объ этомъ позаботится вашъ отецъ, и не беретъ въ разсчетъ того, что, покуда, ваши труды не ведутъ ни къ чему! Подумайте обо всемъ этомъ. Я сказалъ, кажется, довольно.

Я былъ ошеломленъ и нѣмъ: какъ эти практическіе, свѣтскіе люди нападаютъ на насъ въ расплохъ! Я пришелъ извѣдать сэръ Сэдлея, и я же былъ разобранъ насквозь, измѣренъ, осмѣянъ, вывороченъ на изнанку, не проникнувъ на пядь далѣе поверхности этого улыбающагося, недальновиднаго, спокойнаго хладнокровія. При этомъ сэръ Сэдлей, съ своей неизмѣнной деликатностію, вопреки всей его неумолимой откровенности, не сказалъ ни слова, которое могло бы оскорбить чувствительнѣйшія струны моего самолюбія, ни слова о неравенствѣ между мною и Фанни Тривеніонъ и неосновательности моихъ притязаній, вслѣдствіе этого неравенства. Если бы мы были Селадонъ и Хлоя какого-нибудь села, онъ не могъ счесть насъ равнѣе, какъ ни далеко раздѣлялъ насъ свѣтъ. И въ заключеніе, онъ скорѣе давалъ понять, что бѣдная Фанни, богатая наслѣдница, была недостойна меня, а не я недостоенъ Фанни.

Я чувствовалъ, что было бы неумѣстно запираться и представлять возраженія или двусмысленныя отговорки, и потому протянулъ руку сэру Сэдлей, взялъ шляпу и отправился. Безсознательно направилъ я путь мой къ дому отца. Я не былъ дома уже нѣсколько дней. Не только изъза монхъ сильныхъ занятій, но—стыдно сказать—и изъ-за того, что удовольствія отняли у меня и все свободное время, а миссъ Тривеніонъ, въ особенности, наполнила его, я далъ возможность отцу все болѣе и болѣе запутаться въ сѣтяхъ дяди Джака: слабѣе и слабѣе отбивался онъ отъ него. Когда я очутился въ Рессель-Стритѣ, я нашелъ ихъ

Digitized by Google

вмѣстѣ, и паука и муху. Дядя Джакъ вскочилъ мнѣ на встрѣчу и воскликнулъ:

— Поздравьте вашего отца. Поздравьте его! или нѣтъ, поздравьте весь свѣтъ.

— Что такое, дядюшка? — спросилъ я, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы раздѣлить его радость: — развѣ литтературный Times уже пущенъ въ ходъ?

— Все давнымъ давно сдѣлано. Вотъ и образчикъ шрифта, который мы выбрали для главныхъ статей.

И дядя Джакъ, чьи карманы не жили никогда безъ какого-нибудь мокраго, печатнаго листа, вытащилъ только что родившееся бумажное чудовище, которое, по величинѣ, относилось къ литтературному Times, какъ мамонтъ къ слону.

— Все кончено. Мы теперь только сбираемъ сотрудниковъ, и выпустимъ программу на будущей недѣлѣ, или предбудущей. Нѣтъ, Пизистратъ, я говорю о сочиненіи отца.

— Какъ я радъ, любезный батюшка! Такъ оно, въ самомъ дѣлѣ, продано?

— Гм! — сказалъ отецъ.

— Продано! — воскликнулъ дядя Джакъ: — продано! нѣтъ, сэръ, мы бы его не продали! Не продали бы, если бы всѣ книгопродавцы упали передъ нами на колѣна, что непремѣнно случится рано или поздно; этой книги не должно бы продавать! сэръ, эта книга — эпоха, эта книга освободительница генія изъ кабалы: эта книга....

Я въ недоумѣніе смотрѣлъ то на отца, то на дядю, и въ душѣ готовъ былъ взять назадъ мои поздравленія. Мистеръ Какстонъ, слегка краснѣя и тихо потирая очки, сказалъ:

— Ты видишь, Пизистратъ, что не смотря на неимовѣрныя усилія дяди Джака убѣдить издателей въ достоинствѣ, найденномъ имъ въ Исторіи Человѣческихъ Заблужденій, — это не удалось ему.

— Нисколько. Они всѣ признаютъ ея диковинную ученость, ея...

— Правда, но они не думаютъ, чтобъ она могла разойтися въ скоромъ времени, отчего и не хотятъ купить ее. Одинъ книгопродавецъ, конечно, согласенъ на сдѣлку

Digitized by Google

со мной, но съ тѣмъ, чтобы я выпустилъ все сказанное о Готтентотахъ и Каффрахъ, о Греческихъ мудрецахъ и Египетскихъ жрецахъ, и, ограничивая сьтолько обществомъ просвѣщеннымъ, назвалъ сочиненіе «Анекдотическою исторіею дворовъ Европы,» древнихъ и новыхъ.

— Невѣжда! — проворчалъ дядя Джакъ.

— Другой совѣтовалъ раздѣлить его на небольшія отдѣльныя статьи, выкинуть цитаты и назвать: «Люди и Нравы.» Третій былъ на столько любезенъ, что замѣтилъ, что хотя это сочиненіе вѣроятно и не найдетъ потребителей, но какъ по видимому я имѣю кое-какія историческія познанія, то онъ былъ бы счастливъ получить историческій романъ моего живописнаго пера, — не такъ ли онъ выразился, Джакъ?

Джакъ не нашелся даже отвѣчать.

— Но съ тѣмъ еще, чтобъ я ввелъ любовную интригу и сдѣлалъ три тома небольшаго формата, въ 25 строкъ страницу, ни больше, ни меньше. Наконецъ нашелся одинъ добрый человѣкъ, который показался мнѣ и честнымъ и предпріимчивымъ. Послѣ разныхъ вычисленій и соображеній, доказавшихъ, что выгодъ ожидать нельзя, онъ великодушно предложилъ мнѣ принять на себя половину убытковъ, съ тѣмъ, чтобъ я взялъ на себя другую. Въ то время, какъ я обсуживалъ про себя послѣднее предложеніе, дядѣ пришла удивительная мысль, которая бросила мою книгу въ бурю ожиданія.

— И эта мысль? — спросился я безнадежно.

— Эта мысль, — отвѣчалъ дядя Джакъ, какъ бы приходя въ себя, — просто и коротко, въ слѣдующемъ: съ незапамятныхъ временъ писатели были добычей издателей. Сэръ, писатели жили на чердакахъ, подъ открытымъ небомъ, давились коркой хлѣба, хоть бы тотъ несчастный, что писалъ для сцены!

— Отуей! — сказалъ отецъ — но это не правда; ну да все равно, не о томъ.

— Мильтонъ, сэръ, какъ извѣстно всякому, продалъ Потерянный Рай за десять фунтовъ стерл., за десять фунтовъ, сэръ! Ну да что тутъ? Всѣхъ примѣровъ этого рода не

Digitized by Google

перескажешь. А книгопродавцы, сэръ, это левіаѳаны: они купаются въ океанахъ золота. Они сосутъ кровь писателей, какъ вампиры кровь маленькихъ дѣтей. Наконецъ, терпѣніе достигло своихъ границъ, власть издателей пропала, писатели сломали свои цѣпи. И мы думаемъ основать *Большое общество соединенныхъ писателей*, съ помощью котораго, Пизистратъ, съ помощью котораго — замѣтьте это — всякій писатель самъ и издатель, разумѣется тотъ писатель, который принадлежитъ къ Обществу. Нѣтъ болѣе зависимости безсмертнаго творенія отъ спекулаторовъ, отъ грязныхъ вкусовъ, нѣтъ тяжелыхъ торговъ и отчаяній! нѣтъ корокъ хлѣба для безпріютныхъ поэтовъ! Потерянный Рай не будетъ продаваться за 10 Ф. ст.! Авторъ приноситъ свою книгу въ избранный комитетъ, нарочно составленный: все это люди деликатные, воспитанные, образованные, сами писатели; они читаютъ сочиненіе, общество издаетъ, и, за скромнымъ вычетомъ въ пользу суммъ общества, кассиръ выдаетъ выручку автору.

— Если все такъ, дядюшка, всякій авторъ, не нашедшій для себя издателя, непремѣнно прибѣгнетъ къ обществу. Братство будетъ многочисленно.

— Разумѣется.

— Но спекуляція — разорительна.

— Разорительна? Отчего?

— Оттого, что во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ разорительно употреблять капиталъ на тѣ предметы, на которые нѣтъ потребности. Вы беретесь издавать книги, которыхъ не хотятъ издавать книгопродавцы. Отчего не хотятъ? оттого что они не могутъ продать ихъ. Вѣроятно, что вы продадите ихъ не лучше книгопродавцевъ. Стало быть, чѣмъ больше у васъ дѣла, тѣмъ больше убытокъ. Чѣмъ многочисленнѣе ваше общество, тѣмъ незавиднѣе положеніе: это очевидно.

— Да комитетъ рѣшитъ какія книги издавать.

— Гдѣ жъ тутъ къ чорту выгода *для* авторовъ? Мнѣ все равно подвергнуть мою книгу разсмотрѣнію книгопродавца или избраннаго комитета писателей.

Digitized by Google

— Право, племянникъ, вы дѣлаете плохой комплиментъ сочиненію вашего отца, отъ котораго отступились всѣ книгопродавцы.

Это возраженіе было чрезвычайно искусно, и я замолчалъ. Мистеръ Какстонъ замѣтилъ съ многозначительной улыбкой:

— Дѣло въ томъ, Пизистратъ, что я хочу издать мою книгу, не уменьшая нисколько небольшое состояніе, которое со временемъ долженъ оставить тебѣ. Дядя Джакъ намѣренъ основать общество, чтобы издать его. Дай Богъ здоровья и многія лѣта обществу дяди Джака. Даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Въ это время вошла матушка, раскраснѣвшаяся вслѣдствіе экспедиціи по лавкамъ съ миссисъ Примминсъ,—и, отъ радости о томъ, что я могу остаться обѣдать, все остальное было забыто. Какимъ-то образомъ дядя Джакъ былъ дѣйствительно отозванъ на обѣдъ, о чемъ я не жалѣлъ. У него кромѣ «литературнаго Times и общества писателей» калилось въ огнѣ и другое желѣзо: онъ затѣялъ проэктъ дѣланія крышъ изъ войлока (что, если не ошибаюсь, другими руками исполнено;) и нашелъ какого-то богатаго человѣка, вѣроятно шляпнаго фабриканта, который казался расположенъ къ этому проэкту, и просилъ его обѣдать, чтобъ выслушать отъ него изложеніе его плана.

ГЛАВА III.

Вотъ мы теперь, послѣ обѣда, сидимъ всѣ трое у отвореннаго окна, семейно, какъ въ бывалое, счастливое время; матушка говоритъ шопотомъ, боясь безпокоить отца, который, повидимому, погруженъ въ размышленія.

Кр-кр-кр-кр-крр! Вотъ оно! вотъ, вотъ! Гдѣ? Что? Гдѣ? Ударьте, бросьте на полъ! Ловите же! Ради Бога, посмотрите что такое! Крррр-крррр—вотъ, здѣсь, тутъ — въ волосахъ, въ рукавѣ, въ ухѣ.... Крр-крр.

Объявляю торжественно и завѣряю честью, что я принялся за эту главу въ какомъ-то грустномъ и мечта-

Digitized by Google

тельномъ расположеніи: перо незамѣтно скользнуло у меня изъ рукъ, я развалился въ креслахъ, и вздумалъ смотрѣть на огонь. Конецъ Іюня; вечеръ замѣчательно холоденъ по времени года. Въ то время, читательница, какъ я разсѣянно глядѣлъ на огонь, я почувствовалъ, что что-то ползетъ у меня по затылку. Безсознательно, механически и продолжая разсѣянно мечтать, я поднялъ руку и схватилъ.... что? Вотъ это-то меня и приводитъ въ недоумѣніе. То было что-то черное, довольно большое, гораздо большее, нежели я ожидалъ. Я такъ испугался, что изо всей силы отряхнулъ руку, и это *что-то* исчезло, куда? не знаю. Что и куда? въ этомъ-то все затрудненіе. Едва оно пропало, я сталъ раскаяваться, что не разсмотрѣлъ этого повнимательнѣе, не удостовѣрился, что это такое. Это могъ быть клещакъ*, большая, матерая самка, далеко ушедшая на томъ пути, по которому идутъ клещаки-самки, горячо любящія своихъ самцовъ. Я питаю глубокое отвращеніе къ клещакамъ, я знаю, что они забираются въ уши. Объ этомъ безполезно спорить со мной, по философскимъ основаніямъ. Живо помню я исторію, разсказанную мнѣ миссисъ Примминсъ: какъ одна леди много лѣтъ сряду страдала мучительными головными болями, какъ, по выраженію надгробныхъ камней, «лекаря не помогли», какъ она умерла; какъ вскрыли ея голову и какъ нашли въ ней эдакое гнѣздо клещаковъ! Да, читательница, гнѣздо! Клещаки удивительно плодовиты и неимовѣрно способны къ размноженію! Они высиживаютъ яица какъ курицы, и дѣти, какъ только родятся, подползаютъ подъ нихъ, какъ бы ища защиты — что чрезвычайно трогательно! Вообразите же такую колонію въ тимпанѣ уха!

Но то, что видѣлъ я было больше клещака. Это было насѣкомое изъ рода *Labidoura*, семейства *Forficulidae*, чудовище, имѣющее антенны съ тридцатью сочлененіями. Есть видъ этого насѣкомаго въ Англіи, гораздо большій обыкновеннаго клеща, или *Forficulida auriculana*: онъ встрѣ-

* Earwig, forbicine, perce-oreille.

Digitized by Google

чается чрезвычайно рѣдко, къ немалому неудовольствію естествоиспытателей и къ чести природы. Ужъ не оводъ ли это? Голова черная, большіе щупальцы. Я питаю еще большее отвращеніе къ оводамъ, нежели къ клещамъ. Два овода способны убить человѣка, а три — большую, возовую лошадь. Однако, козявка исчезла. Да, но куда? Куда я такъ неосторожно бросилъ ее? Она, пожалуй, упала въ складку моего халата, или въ мои туфли, наконецъ, мало ли куда?— въ одно изъ тѣхъ разнообразныхъ убѣжищъ, которыя представляетъ мужской костюмъ клещамъ и оводамъ. Я удовлетворился до времени тѣмъ, что разсудилъ, что не одинъ же я въ комнатѣ, а на мнѣ нѣтъ козявки. Я взглянулъ на коверъ, на чехолъ, на кресла, въ угольницу. Нѣтъ, какъ нѣтъ. Польстивъ себя немилосердой надеждой, что козявка жарится подъ этимъ чернымъ угломъ, который свалился къ самой рѣшеткѣ, я сбираюсь съ духомъ, осторожно располагаюсь въ противоположномъ концѣ комнаты, начинаю опять мою главу, честь-честью, и размышляю обо всемъ приключившемся. Только что проникся я моимъ предметомъ, вдругъ опять кр-кр-кр-кр-кр-краул-крип-кри..... И, вообразите, рѣшительно на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ прежде. Боже ты мой! Я забылъ всѣ мои ученыя сожалѣнія о томъ, что прежде не изслѣдовалъ субъекта науки. Я сдѣлалъ отчаянное движеніе обѣими руками, знаете какъ будто бъ меня кто хотѣлъ задушить или зарѣзать. Козявка опять исчезла. Куда еще? Увѣряю васъ, это *куда* страшный вопросъ. Дважды явившись, вопреки всѣмъ моимъ предосторожностямъ, и на одномъ и томъ же мѣстѣ, насѣкомое обнаруживаетъ расположеніе поселиться гдѣ-нибудь на мнѣ, избрать себѣ постоянное мѣстопребываніе; это просто страшно, это противоестественно. Увѣряю васъ, нѣтъ на мнѣ живаго мѣста, которое бы не кричало кр-кр-кр, которое бы не содрогалось; судите же сами, какую главу можно написать при этомъ. Другъ мой, возьми, пожалуйста свѣчку и посмотри хорошенько подъ столомъ. Сдѣлай милость, душа моя: черная такая, съ двумя рогами, довольно толстая. Кавалеры и дамы, занимавшіеся Финикійскимъ на-

Digitized by Google

рѣчіемъ, должны знать, что Велзевулъ, разсмотрѣнный этимологически и энтомологически, есть не иное что какъ Ваалзебубъ, Юпитерова муха, эмблема разрущительной силы, болѣе или менѣе, но несомнѣнно встрѣчаемой во всѣхъ классахъ насѣкомыхъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ, какъ замѣчаетъ мистеръ Пейнъ Найтъ въ своемъ *Изслѣдованіи символическихъ нарѣчій*, Египетскіе жрецы брились съ головы до ногъ, не исключая даже бровей, чтобы не дать возможности нигдѣ укрыться мелкимъ зебубамъ великаго Ваала. Будь я хоть сколько-нибудь увѣренъ, что это черное насѣкомое все еще на мнѣ, и что жертвою моихъ бровей я лишу его пристанища, клянусь тѣнями Птоломеевъ, я пожертвовалъ бы ими, непремѣнно бъ пожертвовалъ. Позвони пожалуйста, душа моя!* Джонъ, мою сигарочницу! Нѣтъ ни одного насѣкомаго въ мірѣ, которое могло бы ужиться съ дымомъ Гаванны! Полноте, сэръ, не одинъ я разрѣшаю мои мысли о холодной стали, какъ эту главу, дымомъ и пф-пф-пф!

ГЛАВА IV.

Каждая вещь на свѣтѣ имѣетъ свою цѣль, даже гадкое насѣкомое, которому вздумается сѣсть на затылокъ. Какая-нибудь невѣдомая гримаса, къ чему она? Я употреблю ее для сравненія!

Милостивая государыня, вы, я полагаю, допустите, что если бы приключилось съ вами обстоятельство, подобное описанному мною, т. е. если бы, при должномъ отвращеніи съ вашей стороны къ клещамъ (хотя бы нѣжнымъ къ своимъ рожденіямъ) и оводамъ, и всѣмъ породамъ насѣкомыхъ съ черными головками, рогами и другими аттрибутами, одно изъ нихъ поселилось бы гдѣ нибудь по сосѣдству вашего уха, я полагаю, говорю, что если бы приключилось съ вами такое обстоятельство, вы допустите, что не легко бы вамъ было сразу возвратиться къ прежнему спокойствію и продолжать рукодѣліе. Вы бы почувствовали что что-то безпокоитъ ваши нервы, что по васъ что-то ползаетъ. А всего

* Это, вѣроятно, обращеніе автора къ дочери. *Прим. перев.*

Digitized by Google

хуже то что вы бы стыдились признаться въ этомъ. Вы считали бы себя обязанною не только принимать участіе въ разговорѣ, но быть веселой и любезной, а не дѣлать никакихъ особенныхъ движеній, не стряхивать безпрестанно фалбору вашего платья, не заглядывать въ темный уголъ вашего передника. Такъ бываетъ во многихъ случаяхъ жизни, и безъ насѣкомыхъ. У каждаго человѣка своя тайная забота, отвлеченная, нѣчто среднее между чувствомъ и воспоминаніемъ, свое черное, невѣдомое насѣкомое, которое анализировать не осмѣливался никто.

И такъ, я сидѣлъ съ моей матерью, усиливаясь смѣяться и болтать, какъ въ бывалое время, но стараясь притомъ подвинуться впередъ, хорошенько осмотрѣться и убѣжать отъ моего внутренняго одиночества, раздѣть, такъ сказать, разоблачить мою душу и дознаться что, такъ испугало меня, что волновало, ибо и испугъ и какос-то волненіе овладѣли мною совершенно. А матушка, всегда (Богъ съ ней!) любопытная во всемъ, касавшемся до ея любимца, въ этотъ вечеръ была особенно любопытна. Она заставляла меня повторять ей и гдѣ я былъ, и что дѣлалъ, и какъ провожу время, и.... Фанни Тривеніонъ (которую она, этимъ временемъ, видѣла три или четыре раза и которую считала первою красавицею всего свѣта) о, ей непремѣнно нужно было знать въ подробности все что я думалъ о Фанни Тривеніонъ!

Отецъ все казался погруженъ въ размышленіе. Облокотясь на матушкины кресла и держа ея руки въ моихъ, я отвѣчалъ на ея вопросы, то запинаясь, то съ принужденною бѣглостію; когда вопросъ ударялъ мнѣ прямо въ сердце, я отворачивался и встрѣчалъ взглядъ моего отца, устремленный на меня. Онъ смотрѣлъ на меня такъ какъ въ то время, когда ребенкомъ еще я, неизвѣстно отчего, мучился и сохъ, а онъ говорилъ: — «ему надо въ школу!» Этотъ взглядъ былъ исполненъ заботливой нѣжности. Нѣтъ! мысль его въ это время принадлежала не его сочиненію, — онъ углубился въ разборъ послѣднихъ страницъ жизни существа, къ которому былъ преисполненъ всею отеческою привязанностію. Мои глаза встрѣтились съ его глазами, и мнѣ за-

Digitized by Google

хотѣлось броситься къ нему на шею, и сказать ему все. Все? Читательница, я также не зналъ что̀ сказать ему, какъ не понималъ какая черная козявка мучила меня во весь тотъ вечеръ!

— Мой добрый Остенъ, замѣтила матушка, — онъ кажется очень спокоенъ.

Отецъ покачалъ головой и раза два-три прошелся по комнатѣ.

— Не позвонить ли, сэръ, чтобъ дали свѣчей: смеркается, а вы можетъ быть хотите читать?

— Нѣтъ, Пизистратъ, ты будешь читать, и сумерки приличнѣе всего для книги, которую я отворю передъ вами.

Сказавъ это, онъ поставилъ кресло между матушкой и мною, тихо сѣлъ, помолчалъ нѣсколько времени, потомъ, поочередно взглянувъ на обоихъ насъ, началъ такъ:

— Любезная жена, я намѣренъ говорить о себѣ въ то время, когда еще не зналъ тебя.

Хотя и становилось темно, я замѣтилъ въ матушкѣ легкій признакъ безпокойства.

— Ты уважала мои тайны, Китти, нѣжно, честно. Пришло время, когда я могу повѣрить ихъ и тебѣ, и нашему сыну.

ГЛАВА V.

Первая любовь моего отца.

— Я рано лишился матери; отецъ (человѣкъ добрый, но до того лѣнивый, что онъ рѣдко даже приподнимался съ своего кресла и иногда проводилъ цѣлые дни въ молчаніи, подобно Индѣйскому дервишу) предоставилъ и Роланду и мнѣ воспитывать себя сообразно съ нашими вкусами. Роландъ стрѣлялъ, охотился, ловилъ рыбу, читалъ поэтовъ и всѣ рыцарскія книги, какія только могъ найти въ собраніи моего отца, весьма богатаго сочиненіями этого рода; по нѣскольку разъ списывалъ старую родословную, единственную вещь къ которой отецъ оказывалъ наибольшее участіе въ жизни. Рано

Digitized by Google

позналъ я страсть къ занятіямъ болѣе дѣльнымъ, и къ моему счастію, Китти, нашелъ руководителя въ мистерѣ Тиббетсъ, который, не оскорбляя его скромности, могъ бы быть соперникомъ Порсона. По своему трудолюбію второй Будей, онъ говорилъ, какъ тотъ, что единственный потерянный день въ его жизни былъ тотъ, въ который онъ женился, потому что въ этотъ день онъ могъ употребить на чтеніе только шесть часовъ. При такомъ наставникѣ, я не могъ не сдѣлаться ученымъ. Я вышелъ изъ Университета съ такимъ отличіемъ, что не могъ уже смотрѣть на мое будущее поприще въ жизни безъ предубѣжденія въ свою пользу.

Я возвратился къ мирному крову моего отца, съ тѣмъ чтобы отдохнуть и обдумать какую мнѣ избрать дорогу къ славѣ. Пасторскій домъ стоялъ у подножія той горы, на вершинѣ которой развалины замка, впослѣдствіи пріобрѣтеннаго Роландомъ. Хотя и не питалъ я къ руинамъ того романическаго уваженія, какимъ былъ преисполненъ къ нимъ братъ (ибо сны мои оттѣнялись болѣе воспоминаніями классическими, нежели феодальными), но все-таки любилъ подняться на эту гору, съ книгой въ рукѣ, и строилъ свои, воздушные, замки между развалинами, которыя время разметало по землѣ.

Однажды, войдя на старый, заросшій всякой травою дворъ, я увидѣлъ женщину, которая сидѣла на моемъ любимомъ мѣстѣ и срисовывала развалины. Эта женщина была молода и, въ моихъ глазахъ, лучше всѣхъ женщинъ, которыхъ случалось мнѣ видѣть прежде. Словомъ, я былъ очарованъ, или, какъ говорится, околдованъ. Я сѣлъ въ небольшомъ разстояніи, и сталъ любоваться ею, не желая даже говорить. Нѣсколько мгновеній спустя, съ другой стороны развалинъ, въ то время необитаемыхъ, подошелъ высокій и важный, почтенныхъ лѣтъ джентельменъ добродушной наружности; съ нимъ была собачка. Собачка подбѣжала ко мнѣ и залаяла. Это обратило на меня вниманіе джентельмена и дѣвушки. Джентельменъ подошелъ, клик-

Digitized by Google

нулъ собаку и учтиво извинился передо мной. Оглядѣвъ меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ, онъ принялся разспрашивать о развалинахъ, о мѣстѣ и о родѣ, которому оно нѣкогда принадлежало, и называлъ имена предковъ, хорошо ему знакомыхъ. Мало по малу объяснилось что я происхожу отъ этого рода и что я младшій сынъ бѣднаго пастора, нынѣ, его представителя. Тогда джентельменъ рекомендовался мнѣ Графомъ Ренсфортсъ, главнымъ землевладѣльцемъ околодка; такъ какъ онъ чрезвычайно рѣдко бывалъ въ графствѣ во время моего дѣтства и первой молодости, то я прежде никогда и не видалъ его. Единственный сынъ его, молодой человѣкъ подававшій прекрасныя надежды, былъ однакожъ вмѣстѣ со мною въ Университетѣ. Молодой лордъ много читалъ и хорошо занимался, и мы уже были слегка знакомы, когда онъ оставилъ Университетъ и отправился путешествовать.

Услышавъ мое имя, лордъ Ренсфортсъ дружески взялъ мою руку и, подводя меня къ дочери, сказалъ: — Вообрази, Эллиноръ, какой счастливый случай! это мистеръ Какстонъ, о которомъ такъ часто говорилъ твой братъ.

Словомъ, Пизистратъ, ледъ былъ проломанъ, знакомство сдѣлано и лордъ Ренсфортсъ, объявивъ мнѣ что онъ пріѣхалъ искупить продолжительное свое отсутствіе изъ своихъ владѣній и намѣренъ прожить въ Комптнѣ большую часть года, настоятельно просилъ меня навѣстить его. Я отправился къ нему. Расположеніе лорда Ренсфортса ко мнѣ росло: я сталъ бывать у него чаще.

Мой отецъ остановился, и увидавъ что мать уставила на него свои глаза, выражавшіе какую-то особенную грусть, и судорожно сжала руки, привсталъ и поцѣловалъ ее въ лобъ:

— Какъ тебѣ не стыдно, дитя моя! — сказалъ онъ. — Въ первый разъ при мнѣ обращался онъ къ матери какъ отецъ. Но никогда, до этого времени, и не говорилъ онъ такъ важно и торжественно: у него не вырвалось даже ни

Digitized by Google

одного цитата, это было невѣроятно; не отецъ мой говорилъ, а другой человѣкъ. Онъ продолжалъ:

— И такъ, я часто бывалъ у нихъ. Лордъ Ренсфортсъ былъ человѣкъ замѣчательный. Щекотливость, впрочемъ безъ малѣйшей примѣси гордости (что довольно рѣдко) и любовь къ литтературнымъ занятіямъ, не дали ему принять то личное участіе въ жизни общественной, для котораго онъ былъ одаренъ такъ щедро; но слава его ума и прямодушіе дали ему не маловажное вліяніе, я думаю, и въ составленіи кабинетовъ; однажды, его даже убѣдили принять на себя исполненіе важной дипломатической должности, и не сомнѣваюсь я въ томъ, что онъ былъ въ ней на столько несчастливъ, на сколько можетъ быть несчастливъ добрый человѣкъ. Теперь онъ съ восторгомъ покидалъ свѣтъ и смотрѣлъ на него лишь издали, изъ своего уединенія. Лордъ Ренсфортсъ оказывалъ глубокое уваженіе къ дарованію и теплое сочувствіе къ молодымъ людямъ, которые казались ему одаренными имъ. Въ самомъ дѣлѣ, семейство его возвысилось черезъ дарованіе, и всегда отличалось имъ. Его дядя, первый въ семействѣ перъ, былъ знаменитый юрисконсультъ; отецъ прославился учеными трудами; дѣти, Эллиноръ и лордъ Пендервисъ, были высоко образованы. Такимъ образомъ все семейство усвоило себѣ аристократію ума. Этого не теряйте изъ виду, впродолженіи всего моего разсказа.

Леди Эллиноръ раздѣляла и вкусы и привычки отца (она тогда еще не была наслѣдницей). Лордъ Ренсфортсъ говорилъ со мной о моемъ будущемъ.

Мало по малу лордъ Ренсфортсъ полюбилъ меня до того, что склонялъ меня занять мѣсто въ Нижней Палатѣ. Членъ Парламента могъ добиться чего-нибудь, а вліянія и вѣса лорда Ренсфортса стало бы на то чтобы заставить избрать меня. Такое будущее было ослѣпительно для юноши, только что оторвавшагося отъ Ѳукидида, и знавшаго наизусть Демосѳена Тогда, сынъ мой, я былъ не тотъ что теперь: я любилъ

Digitized by Google

леди Эллиноръ Комптнъ, и потому былъ честолюбивъ. Вы знаете сколько въ ней честолюбія до сихъ поръ. Но не могъ я выкраивать мое честолюбіе по ея честолюбію. Я не умѣлъ смотрѣть на мѣсто въ сенатѣ моей родины глазами человѣка, зависящаго отъ партіи или покровителя, заботящагося только о своей карьерѣ и при всякомъ выборѣ обязаннаго думать о томъ что и на сколько онъ сдѣлаетъ пользы себѣ. И я не зналъ даже согласовались-ли политическія убѣжденія лорда Ренсфортса съ моими. Да и могли-ли согласоваться виды человѣка опытнаго въ дѣлѣ жизни и юнаго, пылкаго студента? Но если бъ и были они одинаковы, я чувствовалъ, что никогда не достигиу равенства съ дочерью моего патрона. Нѣтъ! я готовъ былъ пожертвовать моей любовью къ наукамъ, направить всѣ мои силы, всю мою энергію къ тому, чтобы сдѣлаться адвокатомъ, пренебречь задушевнымъ моимъ путемъ къ счастію, и достигнувъ независимости.... что тогда? къ чему бы послужили право говорить о любви и стремленія къ власти? Въ моихъ видахъ не было ничего общаго съ видами леди Эллиноръ. Поприще юриста или адвоката казалось ей трудомъ недостойнымъ, безполезнымъ: въ немъ ничто не плѣняло ея воображенія. Она слушала меня съ тою же очаровательной прелестью, которую сохранила и до сей поры, и съ помощью которой она какъ бы сливается съ тѣмъ, кто съ ней разговариваетъ. Она смотрѣла на меня умоляющимъ взоромъ, когда отецъ ея съ воодушевленіемъ распространялся о блестящей будущности людей, имѣющихъ успѣхъ въ Парламентѣ, ибо онъ (хотя самъ и не имѣлъ успѣха, но всегда жилъ съ людьми имѣвшими успѣхъ) слишкомъ высоко цѣнилъ его и, повидимому, всегда хотѣлъ насладиться имъ черезъ чье-нибудь посредство. Когда я въ свою очередь говорилъ объ адвокатурѣ (the bar), о независимости, лицо Эллиноръ помрачалось. Съ нею вездѣ былъ свѣтъ, на каждомъ шагу проглядывало его вліяніе,—честолюбіе свѣта, всегда направленное къ власти и тщеславію!—Одна сторона дома выходила на востокъ и была, по этому, подвержена

Digitized by Google

непріятному восточному вѣтру. — Насадите деревьевъ на полугорѣ! — сказалъ я какъ-то разъ. — Сажайте! — замѣтила леди Эллиноръ: — да и ждите двадцать лѣтъ пока они выростутъ. Нѣтъ, батюшка, постройте каменную стѣну и закройте ее плющемъ! — Вотъ вамъ очеркъ всего ея характера. Подождать покуда выростутъ деревья— она не могла; стѣну, разумѣется, можно было вывести гораздо скорѣе, а какія-нибудь чужеядныя растенія были бы болѣе пріятны для вида! Не смотря на все это, она была прекрасное, благородное созданіе. А я былъ влюбленъ! И я еще не до такой степени терялъ надежду, какъ вы думаете; лордъ Ренсфортсъ самъ ободрялъ меня и такъ, что не трудно было понять это! Не требуя отъ искателя руки своей дочери ни особеннаго значенія въ свѣтѣ, ни чрезмѣрно-большаго состоянія, онъ видѣлъ во мнѣ все чего было нужно ему: джентельмена стараго рода, въ комъ дѣятельный его умъ нашелъ бы осуществленіе того рода умственнаго честолюбія, котораго былъ преисполненъ самъ онъ, и которое до сихъ поръ не имѣло исхода. А Эллиноръ! Сохрани меня Богъ сказать, что она меня любила, но что-то заставляло меня думать что это могло случиться. При всѣхъ этихъ данныхъ, заглушивъ всѣ мои надежды, я сдѣлалъ надъ собой большое усиліе, высвободился изъ подъ разнообразныхъ впечатлѣній меня окружавшихъ и рѣшился избрать поприще, которое считалъ наиболѣе достойнымъ всѣхъ насъ. Я отправился въ Лондонъ готовиться въ адвокаты.

— Въ адвокаты! Неужели?—воскликнулъ я. — Отецъ грустно улыбнулся.

— Тогда все казалось мнѣ возможнымъ. Я занимался уже нѣсколько мѣсяцевъ. За это время я по немногу приглядѣлся къ моей дорогѣ, обнялъ предстоявшія мнѣ трудности и сознался, что во мнѣ заключалось все необходимое для того чтобы побѣдить ихъ. Воспользовавшись первымъ свободнымъ временемъ, я возвратился въ Кумберландъ. Я нашелъ тамъ Роланда. Со своею страстью къ приключеніямъ,

Digitized by Google

съ жаждой къ дѣятельности, онъ, еще не вступая въ армію, въ два года исходилъ пѣшкомъ едва-ли не всю Великобританію и Ирландію. Я отъ души обнялъ рыцаря-странника и выслушалъ отъ него упреки за избранный мною путь. Во всемъ семействѣ, отъ роду, не было адвоката! Чуть-ли не въ это время ошеломилъ я его моимъ открытіемъ на счетъ типографщика! Когда-же я узналъ отъ Роланда о его короткомъ знакомствѣ съ владѣльцами Комптна, не знаю что именно овладѣло мною: ревность, страхъ, или предчувствіе, но знаю что мнѣ стало ужасно больно. Роландъ встрѣтился съ лордомъ Ренсфортсъ у кого то изъ джентельменовъ околодка, и лордъ Ренсфортъ изъявилъ свое удовольствіе что имѣлъ случай познакомиться съ нимъ, сначала изъ-за меня, а потомъ сошелся и съ самимъ Роландомъ.

— Ни за что на свѣтѣ,—продолжалъ мой отецъ,—не могъ я рѣшиться спросить у Роланда нравится ли ему Эллиноръ; но когда я замѣтилъ, когда удостовѣрился, что и онъ не предлагалъ мнѣ этого вопроса, мнѣ сдѣлалось страшно! Мы отправились въ Комптнъ вмѣстѣ, и мало говорили дорогой. Мы пробыли тамъ нѣсколько дней.

Здѣсь отецъ заткнулъ руку за жилетъ. У всякаго человѣка есть ничтожные на видъ привычки и пріемы, иногда означающіе весьма важное. Когда мой отецъ затыкалъ руку за жилетъ, это было всегда знакомъ умственнаго усилія: онъ собирался, въ такомъ случаѣ, сильно доказывать, опровергать, или проповѣдывать. По этому хотя я и слушалъ обѣими ушами, но съ той минуты, когда отецъ заложилъ руку за жилетъ, у меня, право, выражаясь магнетически или месмерически, выросла какъ бы другая пара ушей.

ГЛАВА VI.

Въ которой отецъ продолжаетъ свою исторію.

— Нѣтъ ни одного мистическаго созданія, типа, символа или поэтическаго вымысла, назначеннаго для выраженія тайнаго, отвлеченнаго и непостижимаго смысла, ко-

Digitized by Google

торый не былъ бы представленъ въ женскомъ родѣ, — сказалъ отецъ, держа руку за жилетомъ. — Сфинксъ, Химера, Изида, чьего покрывала не поднималъ никто,—это все женщины, Китти! Такъ и Персефона, которая должна была быть или на небѣ или въ аду, Геката,—которая была ночью одна, днемъ другая. Сивиллы были женщины; женщины же были Горгоны, Гарпіи, Фурій, Парки, Тевтонскія Валкиріи, Норніи, и сама Гела: словомъ, всѣ изображенія идей темныхъ, загадочныхъ, зловѣщихъ,— женскаго рода.

Слава тебѣ Господи! Огюстенъ Какстонъ опять сталъ самимъ собой! Я началъ бояться, чтобъ разсказъ моего отца не пропалъ для меня, затерявшись въ лабиринтѣ учености. Но, къ счастію, когда отецъ остановился чтобъ перевести дыханіе, взоръ его встрѣтилъ прозрачные, голубые глаза моей матери, ея прекрасныя брови, въ которыхъ, конечно, не было ничего общаго съ Сфинксами, Химерами, Фуріями или Валкиріями, и сердце ли отошло у него или разсудокъ объяснилъ ему что онъ вдался въ разсужденія крайне странныя и несостоятельныя, — дѣло въ томъ что наморщенный лобъ разгладился, и онъ продолжалъ съ улыбкой:

— Эллиноръ менѣе всякой другой женщины въ мірѣ была способна обманывать сознательно. Неужели обманывала она и Роланда и меня, когда оба мы, не будучи самолюбивыми хвастунами, были увѣрены, что если бы осмѣлились открыто говорить съ ней о любви, то это было бы не по пустому? или думаешь ты, Китти, что женщина можетъ любить (не много, а хоть сколько-нибудь) двухъ человѣкъ или трехъ, или полдюжины, въ одно и то же время.

— Невозможно! — воскликнула матушка. — Что касается этой леди Эллиноръ, она, право, меня удивляетъ; я не знаю какъ назвать это!

— И я не знаю, душа моя, — отвѣчалъ отецъ, тихо вытаскивая руку изъ подъ жилета, какъ будто бы усиліе превышало его силы и задача была неразрѣшима — но я думаю, съ вашего позволенія, что молодая женщина, прежде нежели дѣйствительно, истинно и сердечно сосредоточитъ свою привязанность на одномъ лицѣ, даетъ своей фан-

Digitized by Google

тазіи, своему воображенію, желанію власти, любопытству, или Богъ знаетъ чему, средства представлять ея же уму блѣдныя отраженія свѣтила еще не вошедшаго: это тогда пареліи, предшествующія солнцу. Не суди о Роландѣ по тому что онъ теперь, Пизистратъ: сѣдъ, сумраченъ и Формалистъ. Вообрази себѣ натуру парящую высоко въ средѣ смѣлыхъ помысловъ, щедро одаренную невыразимою поэзіею юности, складъ красивый и гибкій, глазъ исполненный огня, сердце, изъ котораго летѣли всѣ благородныя чувства, какъ искры отъ наковальни. У леди Эллиноръ было воображеніе пылкое, безпокойное. Отважная, огненная натура Роланда должна была возбудить ея участіе. Съ другой стороны, у ней былъ умъ обработанный, широкій, пытливый. И я безъ самохвальства, по прошествіи столькихъ лѣтъ, могу сказать что въ моемъ умѣ ея умъ находилъ себѣ товарища. Когда женщина любитъ, выходитъ за мужъ, устанавливается, почему жизнь ея дѣлается полна? Но въ дѣвушкѣ, подобной леди Эллиноръ, было нѣсколько женщинъ. Сама разнообразная, она, очевидно, любила всякое разнообразіе. Я увѣренъ что если бы одинъ изъ насъ смѣло выговорилъ завѣтное слово, леди Эллиноръ взглянула бъ въ свое собственное сердце, спросила бы его, и дала бы искренній и великодушный отвѣтъ. И тотъ кто сталъ бы говорить первый, имѣлъ бы вѣроятно лучшій шансъ получить отвѣтъ не отрицательный. Но ни одинъ не говорилъ. Можетъ быть, даже въ ней было болѣе любопытства узнать произвела ли она впечатлѣніе, нежели желанія произвести его. Не то чтобы она насъ обоихъ обманывала, но вся ея атмосфера была обманъ, обольщеніе. Туманъ бываетъ до солнечнаго восхода. Какъ бы то ни было, мы съ Роландомъ скоро поняли другъ друга. Отсюда произошла сначала холодность, потомъ ревность, наконецъ ссора.

— Батюшка, видно, въ самомъ дѣлѣ, любовь ваша была сильна, что разрознила она сердца двухъ такихъ братьевъ?

— Да! — сказалъ отецъ. Это было между старыхъ развалинъ замка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ леди Эллиноръ: я нашелъ его сидящимъ

Digitized by Google

среди репейника и камней, съ потуплепной головой, полузакрытой руками; я подошелъ къ нему, обнялъ его и сказалъ: братъ, мы оба любимъ эту женщину! Моя натура хладнокровнѣе, я менѣе почувствую потерю. Протянемъ руку другъ другу, Богъ помощь вамъ, а я ѣду!

— Остинъ! — прошептала матушка, опуская голову на грудь отца.

— Тутъ же мы и поссорились. Роландъ вздумалъ настаивать на противномъ, а слезы такъ и лились; онъ стучалъ ногой объ землю и увѣрялъ что онъ вмѣшался въ чужое счастіе, что не имѣетъ никакой надежды, что онъ сумасшедшій, безумный, что надо ѣхать ему! Покуда мы спорили, старый слуга моего отца пришелъ на развалины съ запиской ко мнѣ отъ леди Эллиноръ, въ которой она просила книги, которую я ей похвалилъ. Роландъ узналъ ея руку и, покуда я въ нерѣшимости вертѣлъ записку, и прежде нежели я ее распечаталъ, онъ исчезъ.

Домой онъ не возвращался. Мы не знали что съ нимъ сдѣлалось: зная эту впечатлительную, волканическую натуру, я сталъ сильно безпокоиться. Я отправился отыскивать его, напалъ на слѣдъ и нашелъ его, наконецъ, въ бѣдной хижинѣ, среди одной изъ самыхъ грустныхъ и глухихъ степей, изъ которыхъ состоитъ большая часть Кумберланда. Онъ такъ перемѣнился, что я едва его узналъ. Словомъ, мы кончили тѣмъ что условились отправиться вмѣстѣ въ Комптнъ. Эта неизвѣстность была невыносима. Одному изъ насъ нужно было наконецъ собраться съ духомъ и узнать свою судьбу. Но кому говорить первому? Мы бросили жеребій: досталось мнѣ.

И теперь, когда мнѣ дѣйствительно нужно было перейти черезъ Рубиконъ, теперь, когда мнѣ предстояло разъяснить надежды, такъ давно меня оживлявшія, бывшія для меня новою жизнію, что же я чувствовалъ? Дитя моя, повѣрь что счастливѣе всѣхъ тотъ возрастъ, когда не могутъ уже волновать насъ тѣ чувства, которыя волновали меня въ то время. Въ свѣтломъ порядкѣ величественной жизни есть ошибки, которыя небо назначило на долю мыслящихъ лю-

Digitized by Google

дей. Наши души на землѣ должны быть какъ звѣзды, не какъ метеоры и мучимыя кометы. Что могъ я предложить леди Эллинору, ея отцу? Что, кромѣ будущаго, терпѣливаго труда? А съ другой стороны, какое страшное несчастіе ожидало меня: или все мое сушествованіе разбивалось въ дребезги, или благородное сердце Роланда!

И такъ, мы пріѣхали въ Комптнъ. Прежде мы бывали тамъ единственными гостями. Лордъ Ренсфортсъ не больно любилъ посѣщеніе сосѣднихъ сквейровъ, тогда менѣе воспитанныхъ нежели теперь. То и извиняетъ леди Эллинору, что она въ этомъ обширномъ и скучномъ домѣ, изъ мужчинъ своихъ лѣтъ, видѣла почти исключительно насъ двоихъ. Какъ только кончился Лондонскій сезонъ и домъ ихъ наполнился, не было уже возможности по прежнему безпрестанно быть съ молодой хозяйкой, непринужденно говорить съ ней, отчего прежде мы составляли какъ бы одно семейство. Важныя леди, лучшее общество окружали ее; взглядъ, улыбка, мимолетное слово—вотъ все чего я имѣлъ право ожидать. И разговоръ сдѣлался совсѣмъ другой! Прежде, я могъ говорить о книгахъ: я былъ какъ дома; Роландъ преслѣдовалъ свои сны, свою рыцарскую любовь къ прошедшему, свой дерзкій вызовъ неизвѣстному будущему. И Эллинору, просвѣщенная и романическая, могла сочувствовать обоимъ. И ея отецъ, ученый и джентельменъ, тоже могъ сочувствовать. Но теперь....

ГЛАВА VII.

Въ которой мой отецъ приходитъ къ развязкѣ.

— Живя въ свѣтѣ нѣтъ ни какой пользы знать нарѣчія, излагаемыя въ грамматикахъ и объясняемыя въ лексиконахъ, — сказалъ отецъ — если не выучишься языку свѣтскому. Это особенный языкъ, Китти! — воскликнулъ онъ, разгорячившись. — Это анаглифы, чистые анаглифы, мой другъ! Если бы ты и знала по пальцамъ Египетскіе

Digitized by Google

іероглифы, а анаглифы были бы тебѣ неизвѣстны, ты все таки ничего бы не поняла въ истинныхъ тайнахъ жрецовъ!*

Ни Роландъ, ни я не знали ни одной изъ символическихъ буквъ этихъ анаглифовъ. Говорили, говорили, говорили, все о людяхъ, о которыхъ мы никогда не слыхивали, о вещахъ, о которыхъ никогда не заботились. Все что мы считали важнымъ было ребячество, педантизмъ, мелочь; все что по нашему было мелко и пошло — являлось великимъ дѣломъ въ жизни! Если, встрѣтивъ школьника, который, воспользовавшись свободнымъ временемъ, удитъ пискарей на кривую булавку, вы начнете говорить ему о всѣхъ чудесахъ глубины морской, о законахъ прилива и отлива, о допотопныхъ остаткахъ игвanодона и ихѳіозавра, если станете разсказывать ему о ловлѣ жемчуга, о коралловыхъ скалахъ, о водяныхъ келпіяхъ или найадахъ, ребенокъ, навѣрное, скажетъ: «Отстаньте отъ меня съ этими глупостями! Оставьте меня удить моихъ пискарей!» Я думаю, что онъ былъ бы по своему правъ: онъ вышелъ, бѣдный ребенокъ, удить пискарей, а не слушать исторію игванодоновъ и водяныхъ келпій!

Все общество Комптна удило пискарей, и мы не могли сказать ни одного слова о нашихъ жемчужныхъ ловляхъ и кораллахъ. Если же бы насъ заставили ловить пискарей, то увѣряю тебя, Пизистратъ, что менѣе гораздо удивились бы мы предложенію ловить сиренъ! Понимаешь ли ты теперь одну изъ причинъ почему я такъ рано пустилъ тебя въ свѣтъ? Да. Но одинъ изъ этихъ рыболововъ ловилъ пискарей съ такими пріемами, что пискари казались болѣе сомовъ,

Тривеніонъ былъ со мною въ Кембриджѣ. Мы даже были довольно коротки. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ со мной, ему также нужно было сдѣлать себѣ дорогу. Бѣденъ какъ я, онъ принадлежалъ, подобно мнѣ, къ древнему, но падшему роду. Была, однакожъ, и разница между нами. У

---

* Анаглифы были извѣстны только жрецамъ Египетскимъ, іероглифы—образованнымъ людямъ всѣхъ сословій. *Прим. Авт.*

Digitized by Google

него были связи въ большомъ свѣтѣ, у меня — нѣтъ. Главный его денежный рессурсъ, также какъ и мой, заключался въ университетской стипендіи. Тривеніонъ вынесъ изъ университета завидную славу, менѣе какъ ученый (хотя и съ этой стороны слава его была недурна) нежели какъ человѣкъ имѣвшій данныя на успѣхъ въ жизни. Всякая способность его была энергія. Онъ стремился ко всему: иное терялъ, другаго достигалъ. Онъ отлично говорилъ въ обществѣ, былъ членомъ какого-то политико-экономическаго клуба. Рѣчь его была блестяща, разнообразна, пародоксальна, цвѣтуща, не та что теперь. Боясь своего воображенія, онъ всю свою жизнь употребилъ на то чтобы обуздать его. Но весь его умъ привязывался къ тому, что мы, Англичане, называемъ *solide*, прочнымъ; этотъ умъ былъ широкъ, подобенъ, милая Китти, не киту плавающему по океану знанія изъ удовольствія плавать, а полипу, который протягиваетъ вѣ свои щупальцы, съ тѣмъ, чтобы схватить что-нибудь. Тривеніонъ прямо изъ Университета отправился въ Лондонъ: его репутація и бесѣда ослѣпили его знакомыхъ, и недаромъ. Они употребили всѣ свои силы и помѣстили его въ Парламентъ: онъ держалъ рѣчь, имѣлъ успѣхъ. Въ Комптнъ явился онъ въ сіяніи своей юношеской славы. Не умѣю передать вамъ, знающимъ его теперь, съ его озабоченнымъ лицомъ, отрывистыми, сухими пріемами, отъ вѣчной борьбы обратившагося въ кожу и кости, — что это былъ за человѣкъ въ то время, когда онъ ступилъ на жизненное поприще.

Вы видите, мои слушатели, что мы тогда всѣ были народъ молодой, т. е. также похожи на то что мы теперь, какъ зеленѣющая лѣтомъ вѣтвь на сухое дерево изъ котораго строятъ корабли или дѣлаютъ столбы для воротъ. Ни человѣкъ, ни дерево не становится годнымъ въ жизни прежде той поры, когда осыпятся листья и вытечетъ сокъ. И дѣла жизни преображаютъ насъ въ странныя вещи, другихъ наименованій: дерево ужь не дерево, оно столбъ или корабль; юноша — не юноша, онъ или солдатъ объ одной ногѣ, или государственный человѣкъ съ ввалившимися гла-

Digitized by Google

зами, или ученый въ очкахъ и въ туфляхъ! Когда Мициллъ (рука полѣзла опять за жилетъ), когда Мициллъ спросилъ у пѣтуха, нѣкогда бывшаго Пиѳагоромъ,* точно ли дѣло подъ Троей было такъ, какъ разсказываетъ Омиръ, пѣтухъ отвѣчалъ гнѣвно: «какъ могъ Омиръ знать что нибудь объ этомъ? — онъ въ то время былъ верблюдомъ въ Бактріи.» — Такъ, Пизистратъ, если задаться ученіемъ о переселеніи душъ, ты могъ быть верблюдомъ въ Бактріи, когда то, что было въ моей жизни осадой Трои, видѣло Тривеніона и Роланда у ея стѣнъ.

Что Тривеніонъ былъ хорошъ собой — это вы видите; но красота всей его личности тогда была въ вѣчной игрѣ его физіогноміи, ея разумной оживленности; а бесѣда его была такъ пріятна, такъ разнообразна, такъ жива, и сверхъ этого, такъ полна современнаго интереса! Пробудь онъ пятьдесятъ лѣтъ жрецомъ Сираписа, онъ не могъ бы лучше знать анаглифы! Поэтому онъ проникъ своимъ любознательнымъ и упорнымъ свѣтомъ всѣ трещины и поры этого пустаго общества. Поэтому, всѣ удивлялись ему, говорили о немъ, слушали его, и всякій заключалъ: «Тривеніонъ идетъ въ гору!»

Но я тогда не отдавалъ ему справедливости, какъ теперь: мы, ученые и отвлеченные мыслители, въ первой молодости бываемъ способны судить глубину чьихъ-нибудь познаній или ума, но не довольно умѣемъ цѣнить пространство ими занимаемое. Гораздо болѣе воды въ текучей струѣ, глубиною въ четыре фута, и болѣе силы и цѣлебности, нежели въ мрачномъ прудѣ, хотя бы и было въ немъ тридцать ярдовъ глубины! Я не отдавалъ справедливости Тривеніону. Я не видѣлъ, что онъ естественно осуществлялъ идеалъ леди Эллиноръ. Я сказалъ, что она заключала въ себѣ какъ бы нѣсколькихъ женщинъ: въ Тривеніонѣ была цѣлая тысяча мужчинъ. Ученость его должна была понравиться ея уму, краснорѣчіе — плѣнить ея воображеніе, красота — очаровать ея зрѣніе, честолюбіе — затронуть

* Луціанъ: Сонъ Мицилла.

Digitized by Google

ея тщеславіе; открытая, благородная и добросовѣстная рѣшимость — удовлетворить ея понятіямъ. И, болѣе всего, онъ былъ честолюбивъ, честолюбивъ не такъ, какъ я или Роландъ, а какъ сама Эллиноръ, ревнуя не къ тому, чтобы осуществить одинъ изъ великихъ идеаловъ въ глубинѣ сердца, а къ тому, чтобы пріобрѣсти практическія, положительныя выгоды, внѣ сердца лежавшія.

Эллиноръ была дитя большаго свѣта: онъ тоже.

Всего этого тогда не видѣлъ ни я, ни братъ Роландъ, и, казалось, Тривеніонъ не ухаживалъ особенно за леди Эллиноръ.

Приближалось время, когда мнѣ приходилось говорить. Домъ сталъ пустѣть. Лорду Ренсфортсъ былъ досугъ возобновить прежнія, непринужденныя бесѣды со мной: однажды, гуляя со мною по саду, онъ далъ мнѣ удобный случай объясниться. Не нужно говорить тебѣ, Пизистратъ, — замѣтилъ отецъ глядя на меня пристально, — что честный человѣкъ, въ особенности если онъ принадлежитъ къ низшему слоя общества, обязанъ, прежде нежели откроетъ чувства свои дочери, поговорить съ тѣмъ изъ родителей, чьею довѣренностію онъ пользуется. — Я опустилъ голову и покраснѣлъ.

— Не знаю какъ это случилось, — продолжалъ мой отецъ, — но лордъ Ренсфортсъ обратилъ разговоръ къ леди Эллиноръ. Упомянувъ о надеждахъ, возложенныхъ имъ на сына, онъ сказалъ: «но онъ скоро вступитъ на поприще общественной жизни, скоро, — я увѣренъ — женится, заживетъ своимъ домомъ, и я рѣдко буду видѣться съ нимъ. А моя Эллиноръ! мнѣ невыносима мысль что я совсѣмъ разстанусь съ нею: поэтому-то, если сказать ужь всю правду, я никогда и не желалъ чтобъ она вышла за богача и такимъ образомъ покинула меня навсегда. Я все надѣялся что она отдастся человѣку, который будетъ согласенъ прожить со мною бо́льшую часть года, который сдѣлался бы моимъ вторымъ сыномъ и не отнялъ бы дочь. Я не вздумалъ бы требовать чтобъ онъ проводилъ свою жизнь въ

Digitized by Google

деревнѣ: его занятія, вѣроятно, привязывали бы его къ Лондону. Мнѣ нѣтъ дѣла того, *гдѣ* мой домъ, я хлопочу изъ того чтобы у меня былъ *свой* домъ. Вы знаете (прибавилъ онъ съ многозначительной улыбкой), я часто объяснялъ вамъ что для Эллиноръ у меня нѣтъ пошлаго честолюбія. Ея состояніе будетъ очень незначительно, потому что у меня есть сынъ, а я всю жизнь привыкъ проживать весь мой доходъ, и надѣяться отложить теперь что-нибудь — поздно. Но ея вкусы не требуютъ большихъ издержекъ; и покуда я живъ, нечего перемѣнять въ ея образѣ жизни. Пусть бы она только выбрала человѣка, чьи наклонности и способности, сродныя ей, сдѣлали бы ему карьеру, — и лишь бы эта карьера была сдѣлана прежде нежели я умру.» — Лордъ Ренсфортсъ остановился; тогда, — какъ и въ какихъ словахъ — не знаю, все лопнуло! и полилась моя такъ дого скрываемая, робкая, недовѣрчивая любовь. Какую странную энергію придала она натурѣ, до тѣхъ поръ скрытной и спокойной! Эта родившаяся вдругъ преданность къ адвокатурѣ, это убѣжденіе что съ такой наградой я буду имѣть успѣхъ — было какъ бы перенесеніемъ труда отъ одного занятія къ другому. Трудъ долженъ былъ одолѣть все, а привычка усладить всѣ пути. Адвокатство, конечно, было поприще не столь блестящее какъ сенатъ. Но первымъ стремленіемъ бѣднаго человѣка должна была быть независимость. Главное, Пизистратъ, главное то, что, бѣдный эгоистъ, я въ эти минуты позабылъ Роланда, и говорилъ какъ человѣкъ, который чувствуетъ что въ его словахъ вся его жизнь.

Когда я кончилъ, лордъ Ренсфортсъ посмотрѣлъ на меня съ участіемъ, но неутѣшительно.

«Любезный Какстонъ, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я признаюсь что нѣкогда и самъ этого желалъ; желалъ этого съ того часа когда узналъ васъ; но отчего вы такъ медлили? Я этого никогда не подозрѣвалъ, да и Эллиноръ навряд ли».... Онъ остановился и живо прибавилъ: «впрочемъ, идите, говорите съ Эллиноръ, какъ гово-

Digitized by Google

рили со мной. Ступайте, можетъ еще не поздно. И однако.... но идите, идите....»

— Поздно! Что значили эти слова? Лордъ Ренсфортсъ поспѣшно свернулъ на другую дорожку, предоставивъ мнѣ одному добиваться смысла отвѣта, скрывавшаго загадку. Я скоро пошелъ черезъ домъ, отыскивая леди Эллиноръ, на половину надѣясь, на половину боясь найти ее одну. Была небольшая комната рядомъ съ теплицей, въ которой она обыкновенно сидѣла по утрамъ. Я пошелъ къ той комнатѣ.

Эта комната, вижу ее теперь! стѣны были покрыты картинами ея руки: многія были виды мѣстностей, которыя мы посѣщали вмѣстѣ; — во всемъ простота, женственность, но не изнѣженность: на столѣ, столько знакомомъ по частымъ бесѣдамъ за нимъ, лежали книги. Вотъ Тассъ, въ которомъ мы вмѣстѣ читали эпизодъ о Клориндѣ, вотъ Эсхилъ, откуда я переводилъ ей Прометея. Многимъ это покажется педантствомъ; можетъ и было тутъ педантство, но въ этомъ же заключались и доказательства сходства между молодымъ ученымъ и дочерью большаго свѣта. Эта комната была домъ моего сердца! Такой воздухъ—шепталo мнѣ самолюбіе—долженъ наполнить мой будущій домъ Я посмотрѣлъ на всѣ стороны, смущенный и тронутый, и увидѣлъ передъ собой леди Эллиноръ: она сидѣла облокотившись на руку лицомъ, щеки ея были румянѣе обыкновеннаго; на глазахъ висѣли слезы. Я подошелъ молча и, подвинувъ стулъ къ столу, увидѣлъ на полу перчатку. Перчатка была мужская. Знаете-ли, однажды, я былъ еще очень молодъ, мнѣ случилось видѣть Голландскую картину, подъ названіемъ: «Перчатка»: сюжетъ ея былъ убійство. На ней былъ заплесневѣлый, полузаросшій травою прудъ: печальный ландшафтъ наводилъ мысль на злодѣйство, исполнялъ ужаса. Двое мужчинъ, проходившихъ какъ бы случайно стояли у пруда: одинъ изъ нихъ указывалъ пальцемъ на окровавленную перчатку; они пристально смотрѣли другъ на друга, какъ будто не нужно имъ было словъ. Перчатка была сама исторія!

Digitized by Google

Картина долго преслѣдовала мое дѣтское воображеніе, но никогда не производила она на меня такого тяжелаго, страшнаго впечатлѣнія, какъ эта перчатка на полу. Отчего? Любезный Пизистратъ, теорія предчувствій заключаетъ въ себѣ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, вслѣдствіе которыхъ приходится всегда говорить: «отчего?» Болѣе потерявшись нежели передъ отцемъ, я однакожъ, собрался съ духомъ, наконецъ, и сталъ говорить съ Эллиноръ. —

Отецъ остановился: мѣсяцъ всталъ и освѣщалъ всѣмъ своимъ сіяніемъ, и комнату, и его лицо. Лицо его измѣнилось: впечатлѣнія молодости возвратили ему молодость: онъ казался юношей. Но что за скорбь была въ его чертахъ! Если могло такъ потрясти его одно воспоминаніе, этотъ призракъ страданія, какова же была живая дѣйствительность! Я невольно схватилъ отца за руку! Онъ пожалъ мою судорожно и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Я опоздалъ. Тривеніонъ былъ счастливымъ женихомъ леди Эллиноръ, избраннымъ и объявленнымъ. Добрая Катарина, я теперь не завидую ему: взгляни на меня, добрый другъ, взгляни!

ГЛАВА VIII.

— Эллиноръ—отдать ей справедливость — была смущена моимъ безмолвнымъ отчаяніемъ. Ни одни уста не умѣли бы выразить болѣе нѣжное сочувствіе, болѣе благородное себяобвиненіе; но все это не исцѣляло моей раны. Такъ я оставилъ ихъ домъ, такъ не обратился уже къ адвокатурѣ: такъ весь пылъ, всѣ побужденія къ дѣятельности пропали у меня навсегда, такъ я зарылся въ книгахъ. И до конца дней моихъ остался бы я грустнымъ, отчаяннымъ и ни къ чему не годнымъ мизантропомъ, еслибъ небо, въ своемъ милосердіи, не послало поперегъ моей дороги твоей матери, Пизистратъ; и днемъ и ночью, я благодарю Бога и ее, потому что я и былъ, и теперь.... о, конечно, я счастливый человѣкъ!

Digitized by Google

Матушка, громко рыдая, бросилась къ отцу на грудь и, не говоря ни слова, вышла: глаза отца наполненные слезъ, слѣдили за ней. Нѣсколько минутъ молча походивъ по комнатѣ, онъ подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку на мое плечо, прошепталъ:

— Догадываешься-ли ты теперь къ чему я разсказалъ все это?

— Отчасти: благодарю васъ, батюшка. — Я запинался и сѣлъ, потому что мнѣ почти сдѣлалось дурно.

— Есть сыновья, — сказалъ отецъ, садясь возлѣ меня — которые въ безумствахъ и заблужденіяхъ отцовъ нашли бы извиненія своихъ ошибокъ: ты этого не сдѣлаешь, Пизистратъ.

— Я не вижу ни безумства, ни заблужденія, сэръ: все очень естественно и очень грустно.

— Погоди заключать это, — сказалъ отецъ. — Велико было безумство, велико и заблужденіе, позволявшее мечтамъ рождаться безъ основанія, хотѣвшее связать дѣятельность и пользу цѣлой жизни съ волей такого же смертнаго существа, какъ и самъ я. Небо не назначало страсти любви для мученія: этого не видно и на опытѣ, между большинствомъ. Мечтатели, т. е. одинокіе ученые, какъ я или полупоэты, какъ бѣдный Роландъ, сами создаютъ себѣ несчастія. Сколько лѣтъ, уже и послѣ того когда твоя мать дала мнѣ такое полное семейное счастіе, столь долго мною не оцѣненное, сколько лѣтъ я томился! Главная пружина моего существованія была сломана: на время я не обращалъ вниманія. По этому, ты видишь, поздно въ жизни проснулась Немезида. Я смотрю назадъ съ сожалѣніемъ о пренебреженныхъ силахъ, о случаяхъ, пропущенныхъ безъ вниманія. Развѣ съ помощью гальванизма могу я иногда воротить на время энергію дѣятелей парализированныхъ отъ бездѣйствія: теперь ты видишь меня спокойнымъ и ни къ чему не годнымъ, погруженнымъ во что же? въ нелѣпости какого-нибудь дяди Джака! — Теперь я посмотрѣлъ снова на Эллиноръ, и спрашиваю себя съ удивленіемъ: какъ? все

Digitized by Google

это.... все это.... все.... все безумство, все это увлеченіе для этого поблекшаго лица, для этого свѣтскаго ума? Такъ всегда въ жизни. Смертное вянетъ; безсмертное свѣжѣетъ съ каждымъ шагомъ къ могилѣ.

ГЛАВА IX.

— Ну, а Роландъ, сэръ? Какъ принялъ онъ все это?

— Со всѣмъ негодованіемъ человѣка гордаго и безразсуднаго. Онъ больше злился, бѣдняга, за меня нежели за себя. И до того оскорбилъ и разсердилъ онъ меня всѣмъ тѣмъ, что говорилъ объ Эллиноръ, до того бѣсился на меня за то что я не хотѣлъ раздѣлить его гнѣва, что мы опять поссорились. Мы разъѣхались въ разныя стороны, и много лѣтъ не встрѣчались. Неожиданно получили мы наше небольшое состояніе. Онъ, какъ ты вѣроятно знаешь, употребивъ свою долю на покупку старыхъ развалинъ и *коммиссіи* въ арміи (a commission in the army) что всегда, было предметомъ его сновъ, и опять уѣхалъ, все еще сердитый. Моя часть обезпечивала мою лѣнь: она удовлетворяла всѣмъ моимъ нуждамъ; и когда умеръ мой старый опекунъ, а его дочь сдѣлалась моей питомицей, потомъ, такъ или иначе, моей женой, я рѣшился оставить прежнее общество и зажилъ посреди книгъ, какъ книга: одно утѣшеніе, однакожь было дано мнѣ еще до моей женитьбы, и Роландъ говоритъ что онъ тѣмъ же самымъ былъ утѣшенъ не менѣе меня: Эллиноръ получила наслѣдство. Бѣдный братъ ея умеръ, и все состояніе ея отца досталось ей. Состояніе раздѣлило насъ бездной, большей нежели ея бракъ. Будь Эллиноръ бѣдна, не смотря на ея положеніе въ свѣтѣ, я могъ бы работать, трудиться какъ лошадь. Но Эллиноръ богатая — это бы меня уничтожило! Значитъ, тутъ было утѣшеніе. И однако прошедшее было неотвязно со мною, прошедшее, это мучительное сознаніе объ утраченномъ, о томъ что существенное жизни было оторвано отъ жизни, и все болѣе, болѣе! То что осталось мнѣ, было не горе, а пустота. Живи я больше съ людьми, меньше съ мечтами

Digitized by Google

и книгами, я умѣлъ бы пріучить себя переносить утрату какой-нибудь страсти. Но въ уединеніи мы живемъ только въ самихъ себѣ. Нѣтъ растенія, которому солнце и воздухъ были бы такъ нужны, какъ человѣку. Теперь я понимаю отчего лучшіе и замѣчательнѣйшіе люди жили въ столицахъ, и по этому я опять таки говорю, что довольно одного ученаго въ семьѣ. Довѣряясь твоему доброму сердцу и строгой чести, я спозаранку пустилъ тебя въ свѣтъ. Ошибся ли я? докажи что нѣтъ, дитя мое; знаешь что сказалъ одинъ очень хорошій человѣкъ: «слушай мои совѣты и слѣдуй имъ, а не моему примѣру!»

— Свѣтъ такъ созданъ, такъ важна всякая дѣятельность что, по видимому, каждая вещь твердитъ человѣку: дѣлай что-нибудь, дѣлай то, — дѣлай это!*

Я былъ глубоко тронутъ, и привсталъ ободренный и исполненный надежды, какъ вдругъ дверь растворилась.... Что или кто собирался войти? Кто бы то ни былъ, онъ, она, оно или они, — не войти тому въ эту главу! На этотъ счетъ я рѣшился. Да, прекрасная леди, мнѣ чрезвычайно лестно: я понимаю ваше любопытство, но право не скажу болѣе ни слова, ни одного слова. Впрочемъ, извольте; если вамъ непремѣнно угодно, — вы смотрите на меня такъ соблазнительно, — если вы хотите знать кто или что вошло, остановивъ во всѣхъ насъ дыханіе, не давъ даже времени выговорить: «съ вашего позволенія!», заставивъ насъ разинуть рты отъ удивленія и безсмысленно вытаращить глаза, — знайте, что

* *Remains of the Rev. Richard Cecil* p. 349.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА I.

вошла въ гостиную дома моего отца въ Рессель-Стритѣ, — вошла эльфа! эльфа, одѣтая вся въ бѣломъ, маленькая, нѣжная, съ черными локонами, падавшими на плеча, съ глазами до того большими и свѣтлыми, что они свѣтили черезъ всю комнату и такъ, какъ не могутъ свѣтить человѣческіе глаза. Эльфа подошла в смотрѣла на насъ. Это видѣніе было такъ неожиданно, явленіе такъ странно, что мы на нѣсколько мгновеній не умѣли выговорить ни слова. Наконецъ, отецъ, смѣлѣйшій и умнѣйшій изъ двухъ, какъ наиболѣе способный имѣть дѣло съ непостижимыми вещами другаго міра, возимѣлъ рѣшимость подойти къ этому маленькому созданію и, привставъ чтобъ разсмотрѣть ея лицо, спросилъ:

— Что вы хотите, мое прекрасное дитя?

Прекрасное дитя! Будто бъ это было только прекрасное дитя? Увы, хорошо бы если все то, что мы приняли на первый взглядъ за фей, разрѣшалось просто въ прекрасное дитя!

— Пойдемте! — отвѣчало дитя, съ иностраннымъ удареніемъ, взявъ отца за полу сертука, — пойдемте, бѣдный папа ужасно боленъ! Я боюсь! Пойдемте, надо спасти его.

— Конечно! — поспѣшно воскликнулъ отецъ:—гдѣ моя шляпа, Систи? Конечно, дитя мое, пойдемъ, надо спасти папеньку!

— Да гдѣ же папа? — спросилъ Пизистратъ, чего никогда бы не пришло въ голову моему отцу. Онъ никогда не спрашивалъ гдѣ и кто больные отцы тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя хватали его за полу. — Гдѣ папа?

Digitized by Google

Ребенокъ строго посмотрѣлъ на меня,—крупныя слезы катились изъ большихъ, свѣтлыхъ глазъ, — и не отвѣчалъ ни слова. Въ эту минуту высунулось изъ за порога и показалось изъ тѣни полное лицо, и вслѣдъ за тѣмъ очутилась передъ ними толстая и здоровая, молодая женщина. Она довольно неловко присѣла (dropp a curtsy) и сказала, тихо :

— О, миссъ, вы напрасно не подождали меня и безпокоили господъ, вбѣжавши сюда такимъ манеромъ. Съ вашего позволенія, сэръ, я торговалась съ кабменомъ*, онъ такой несговорчивый : они подлецы всѣ такіе, когда ....то есть съ нами, сэръ, бѣдными женщинами, и....

— Да въ чемъ дѣло? — воскликнулъ я:— отецъ, лаская ребенка, взялъ его на руки, а ребенокъ все плакалъ.

— Вотъ видите ли, сэръ, (она опять присѣла) они, всего прошедшую ночь, изволили пріѣхать въ нашу гостинницу, сэръ.... въ гостинницу Ягненка, рядомъ съ Лондонскимъ мостомъ, да и заболѣли, и до сихъ поръ какъ будто не въ своемъ умѣ; мы послали за докторомъ, докторъ посмотрѣлъ на дощечку ихъ дорожнаго мѣшка, посмотрѣлъ потомъ въ придворный Альманахъ и сказалъ: «есть какой-то мистеръ Какстонъ въ Большой-Рессель-Стритѣ,не родня ли?»— а вотъ эта леди сказала «это папенькинъ братъ»; — мы и поѣхали сюда. Никого изъ прислуги не было дома, я и взяла кабріолетъ, миссъ захотѣла непремѣнно ѣхать, ѣхать со мною и....

— Роландъ.... Роландъ боленъ ! Скорѣй, скорѣй, скорѣй!—закричалъ отецъ; и, держа ребенка въ рукахъ, онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ. Я послѣдовалъ за нимъ съ его шляпой, которую впопыхахъ онъ забылъ. Ксчастію, мимо подъѣзда проѣзжалъ кабріолетъ, но горничная не дала намъ сѣсть въ него, покуда не удостовѣрилась, что это былъ не тотъ кабріолетъ, котораго она отпустила. По совершеніи этого предварительнаго осмотра, мы сѣли и понеслись къ Ягненку.

---

* The man of the cab, l'homme du cabriolet, le cocher, — фіакръ.

Digitized by Google

Горничная, сидѣвшая на переднемъ мѣстѣ, проводила время въ безполезныхъ предложеніяхъ подержать дѣвочку, которая все прижималась къ моему отцу и въ длинномъ, разбитомъ на эпизоды, разсказѣ о причинахъ побудившихъ ее отпустить давишняго фіакра, разсудившаго, для увеличенія своей выручки, сдѣлать крюкъ; сверхъ того она безпрестанно хваталась за чепчикъ, и, оправляя платье, извинялась въ безпорядкѣ своего туалета, въ особенности когда взоръ ея упалъ ея на мой атласный галстукъ и блестящіе сапоги.

Когда мы пріѣхали въ гостинницу, горничная съ сознательнымъ достоинствомъ повела насъ вверхъ по лѣстницѣ, которая казалась нескончаемою. Вошедши на третій этажъ, она остановилось чтобы перевести духъ, и объявила намъ, что домъ теперь полонъ, но что если джентельмену угодно будетъ пробыть здѣсь дальше пятницы, то его переведутъ въ № 54, гдѣ прекрасный видъ и каминъ; маленькая кузина моя, соскочивъ съ рукъ отца, бѣжала вверхъ по лѣстницѣ, приглашая насъ слѣдовать за нею. Исполнивъ это, мы подошли къ двери, у которой ребенокъ остановился и прислушался; потомъ, снявъ башмаки, онъ вошелъ на цыпочкахъ. Мы вошли за ней.

При свѣтѣ одинокой свѣчи, мы увидѣли лицо дяди: оно горѣло отъ лихорадки, глаза его были недвижны и смотрѣли тѣмъ безжизненнымъ, тупымъ взглядомъ, съ которымъ такъ страшно встрѣтиться. Не такъ ужасно найти тѣло уже опустѣвшимъ, черты обличающія борьбу съ жизнію, какъ смотрѣть на лицо, въ которомъ нѣтъ выраженія мысли, глаза, лишенные способности узнавать. Такое зрѣлище страшный ударъ тому безсознательному, привычному матеріализму, съ которымъ мы всегда бываемъ склонны смотрѣть на тѣхъ, кого любимъ; ибо, не находя уже той мысли, того сердца, той привязанности, которыя летѣли на встрѣчу намъ, мы внезапно заключаемъ что было что-то внутри этой формы, не сама форма, что было намъ такъ мило. Форма все тутъ, и развѣ слегка измѣнилась; но уста не улыбаются намъ привѣтливо, глазъ блуждаетъ по намъ какъ

Digitized by Google

по чужимъ, ухо не различаетъ нашихъ голосовъ, и нѣтъ друга, котораго искали мы! Даже любовь наша какъ бы остыла, родится какой-то неопредѣленный, суевѣрный страхъ. Нѣтъ, не матерія, и теперь присущая, соединяла въ себѣ всѣ эти невидныя, безчисленныя чувства, которыя сплетаются и сливаются въ словѣ «привязанность», а то воздушное, неосязаемое, электрическое *нѣчто*, чье отсутствіе теперь бросаетъ насъ въ дрожь.

Я стоялъ нѣмъ, отецъ тихо подкрался и взялъ руку, которая не отвѣчала ему пожатіемъ: только ребенокъ, казалось, не раздѣлялъ нашихъ впечатлѣній, но влѣзъ на постель, прильнулъ щекой къ груди отца и молчалъ.

— Пизистратъ,—шепнулъ отецъ,—(я подошелъ, удерживая дыханіе) Пизистратъ, еслибъ мать была здѣсь!

Я кивнулъ головой. Намъ обоимъ пришла одна и та же мысль. Его глубокая мудрость и моя дѣятельная юность, обѣ разомъ, почувствовали что были безполезны здѣсь. Въ комнатѣ больнаго мы, оба безпомощные, сознали что недостаетъ *женщины*.

Я вышелъ, спустился съ лѣстницы и, уже на свѣжемъ воздухѣ, остановился въ какомъ-то непонятномъ раздумьи. Звукъ шаговъ, шумъ колесъ, словомъ, Лондонъ — оживили меня. Что за заразительная сила въ практической жизни, убаюкивающая сердце и возбуждающая дѣятельность мозга, какая скрытая уму тайна въ ея обычной атмосферѣ! Минуту спустя, я, какъ бы по вдохновенію, выбралъ изъ большаго числа кабріолетовъ тотъ, который казался на видъ всѣхъ легче и былъ запряженъ лучшею лошадью, и былъ уже на пути не къ матушкѣ, но къ доктору М. Г., жившему на Манчестеръ-скверѣ и котораго я зналъ за доктора Тривеніоновъ. Къ счастью, этотъ любезный и даровитый врачь былъ дома, и обѣщалъ мнѣ быть у больнаго даже прежде меня. Тогда я поскакалъ въ Рессель-Стритъ и передалъ матушкѣ, какъ съумѣлъ осторожнѣе, порученіе возложенное на меня отцомъ.

Когда мы пріѣхали съ ней подъ вывѣску Ягненка, то нашли доктора занятаго прописываніемъ рецептовъ: поспѣш-

Digitized by Google

ность его доказывала опасность. Я полетѣлъ за хирургомъ, который прежде насъ уже былъ у больнаго. Счастливы тѣ, кому незнакома печальная тишина, подъ часъ царствующая въ комнатѣ больнаго и борьба между жизнію и смертью, грудь съ грудью и рука съ рукой,—когда бѣдная, безсильная, безсознательная плоть ведетъ войну съ страшнымъ врагомъ; черная кровь течетъ—течетъ, рука на пульсѣ, и на лицахъ недоумѣніе, каждый взоръ направленъ къ наморщенной брови врача. Вотъ кладутъ горчичники къ ногамъ, ледъ къ головѣ; порой, сквозь тишину или шопотъ, слышится безсвязный голосъ страдальца, которому грезятся зеленыя поля и волшебныя страны, въ то время какъ надрывается сердце присутствующихъ! Вотъ, наконецъ, сонъ; въ этомъ снѣ, можетъ быть, переломъ. Все сторожитъ, не смѣя дохнуть, все ходитъ не дотрогиваясь до полу. Вотъ первыя *здравыя* слова, прежняя улыбка, хотя еще и слабая. Во всѣхъ очахъ слезы, тихія, благодарственныя; на всѣхъ устахъ: «слава Богу! слава Богу!»

Вообразите все это: это ужь прошло. Роландъ проговорилъ, онъ пришелъ въ память; матушка наклонилась надъ нимъ; маленькія ручки дочери обвились вокругъ его шеи; хирургъ, пробывшій тутъ шесть часовъ, взялся за шляпу и, раскланяваясь, весело улыбается, а отецъ, прислонившись къ стѣнѣ, закрываетъ лицо руками.

ГЛАВА II.

Все это было такъ неожиданно, что, выражаясь истертой фразой—нѣтъ ни одной болѣе выразительной — было похоже на сонъ: я сознялъ безусловную, гнетущую потребность уединенія, открытаго воздуха. Избытокъ признательности давилъ меня, комната казалась мнѣ слишкомъ тѣсна для сердца, переполненнаго. Въ ранней молодости, если трудно подавлять чувства, еще труднѣе обнаруживать ихъ въ присутствіи другихъ. До двадцати лѣтъ, когда что поражаетъ насъ, мы запираемся въ своей комнатѣ или бѣжимъ на улицу, въ поле; въ молодости мы всѣ дѣти дикой природы и дѣлаемъ то, что дѣлаютъ животныя: ране-

Digitized by Google

ный олень покидаетъ стадо, а когда ляжетъ что-нибудь на вѣрное сердце собаки, она забивается куда-нибудь въ уголъ.

Я вышелъ изъ гостинницы и отправился бродить по улицамъ, которыя еще были пусты. Былъ первый часъ разсвѣта, самое спокойное время, особенно въ Лондонѣ! Въ холодномъ воздухѣ была какая-то животворная свѣжесть, въ пустынномъ безмолвіи — что-то успокоительное. Любовь, которую возбуждалъ дядя, была чрезвычайно замѣчательна по своему началу: она была не та тихая привязанность, которою обыкновенно должны удовлетворяться люди уже въ лѣтахъ; нѣтъ, она рождала то болѣе живое сочувствіе, какое будитъ молодость. Въ немъ всегда было столько живости и огня, и въ его заблужденіяхъ и капризахъ столько юношескаго увлеченія, что трудно было вообразить себѣ его не молодымъ. Эти преувеличенныя, Донъ-Кихотскія понятія о чести, эта исторія чувства, котораго не могли извести ни горе, ни заботы, ни несчастія, ни разочарованія, (явленіе странное въ такое время, когда 22-хъ — лѣтніе юноши объявляютъ себя разочарованными), казалось, оставили ему всю прелесть молодости. Одинъ Лондонскій сезонъ сдѣлалъ меня человѣкомъ свѣтскимъ болѣе его и старшимъ его сердцемъ. А грусть глодала его такъ упорно, такъ неотступно. Да, капитанъ Роландъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые овладѣваютъ всѣми вашими помыслами, которые сливаютъ свою жизнь съ вашею! Мысль, что Роландъ долженъ умереть, умереть съ бременемъ на сердцѣ не облегченномъ, выходила изъ всѣхъ законовъ природы, была внѣ всѣхъ стремленій жизни, моей, по крайней мѣрѣ. Ибо одною изъ цѣлей моего существованія я положилъ себѣ: возвратить отцу сына, возвратить улыбку нѣкогда веселую на желѣзныя уста, стянутыя горемъ. Но теперь Роландъ былъ внѣ опасности и, подобно человѣку, спасенному отъ кораблекрушенія, я боялся оглянуться на прошедшее; гулъ и ревъ всепоглощающей бездны все еще раздавался у меня въ ушахъ. Погруженный во всѣ эти размышленія, я безсознательно остановился, услышавъ бой часовъ: пробило четыре; осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что удалился отъ центра Сити и нахо-

Digitized by Google

жусь въ одной изъ улицъ, ведущихъ къ Стрэнду. Непосредственно передо мною, на ступеняхъ крыльца большой лавки,. чьи закрытыя ставни выражали такое упорное молчаніе, какъ будто бы хранили онѣ тайны семнадцати вѣковъ, въ одной изъ улицъ Помпеи, я увидѣлъ человѣческую фигуру, погруженную въ глубокій сонъ: рука была оперта въ жесткій камень, служившій изголовьемъ; члены неловко лежали на ступеняхъ. Одежда спавшаго была грязна, какъ отъ дороги, и изтерта, но носила слѣды какой-то претензіи: видъ поблекшаго, затасканнаго, нищенскаго щегольства давалъ бѣдности выраженіе тѣмъ болѣе грустное, что доказывалъ неспособность человѣка бороться съ нею. Лицо его было изнеможенно и блѣдно, но выраженіе его, и во снѣ, было дерзко и смѣло. Я подошелъ поближе: я узналъ и правильныя черты, и черные какъ смоль волосы, даже эту, какую-то особенную, грацію въ позѣ: передо мной лежалъ молодой человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ гостинницѣ, дорогой, и который оставилъ меня на погостѣ, съ Савояромъ и его мышами. Стоя въ тѣни одной изъ колоннъ, я разсуждалъ съ самимъ собой о томъ, давало ли мнѣ дорожное знакомство право разбудить спавшаго, какъ вдругъ полицейскій, выходя изъ за угла улицы, положилъ конецъ моему раздумью, съ рѣшительностію, свойственною его практическому призванію: онъ взялъ руку молодаго человѣка и потресъ ее, съ словами: — зачѣмъ вы тутъ лежите? вставайте и идите домой! — Спавшій проснулся, быстро вскочилъ, протеръ глаза, осмотрѣлся во всѣ стороны и остановилъ на полицейскомъ взглядъ до того надменный, что достойный блюститель порядка вѣроятно подумалъ, что такое, не свойственное человѣку, ложе было избрано имъ не изъ одной необходимости, и, съ большимъ уваженіемъ, сказалъ:

— Вы вѣрно выпили, молодой человѣкъ; найдете ли вы дорогу домой?

— Найду! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, располагаясь по прежнему: — вы видите, нашелъ.

— Фу ты, чортъ возьми! — проворчалъ полицейскій: — пожалуй опять уснетъ! Вставайте-же, вставайте; а то мнѣ придется проводить васъ.

Digitized by Google

Мой старый знакомый обернулся: — Пріятель — сказалъ онъ съ странной улыбкой: — что, по вашему, стоитъ это помѣщеніе? Не на ночь; ночь, видите, прошла, а на два часа? Помѣщеніе — первобытное, но мнѣ оно годится; я думаю, шиллингъ хорошая цѣна за него, а?

— Вы любите шутить, сэръ, — сказалъ полицейскій, ласковѣе и механически отворяя руку.

— Хотите шиллингъ, такъ дѣло слажено! Я нанимаю у васъ квартиру въ долгъ. Доброй ночи: разбудите меня въ шесть часовъ.

Молодой человѣкъ такъ рѣшительно опять расположился спать, а лицо полицейскаго выразило такую опалѣлость, что я лопнулъ со смѣху и вышелъ изъ моей засады. Полицейскій посмотрѣлъ на меня:

— Знаете вы этого.... этого....

— Джентельмена? — перебилъ я важно. — Предоставьте его мнѣ. — Я отдалъ полицейскому условленное за квартиру. Онъ посмотрѣлъ на шиллингъ, посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на улицу вверхъ и внизъ, покачалъ головой и пошелъ. Я подошелъ къ юношѣ, слегка толкнулъ его и сказалъ:

— Помните вы меня, сэръ; а куда вы дѣвали мистера Пикока?

Незнакомецъ (помолчавъ). Я васъ помню: ваше имя Какстонъ.

Пизистратъ. А ваше?

Незнакомецъ. Дайте припомнить! (оглядывая меня съ ногъ до головы) Свѣтъ вамъ, кажется, улыбнулся, мистеръ Какстонъ! И вы не стыдитесь говорить съ несчастнымъ, который лежитъ на камняхъ? Но, впрочемъ, теперь конечно никто васъ не видитъ.

Пизистратъ (сентенціально). Если бы я жилъ въ прошломъ вѣкѣ, я нашелъ бы лежащимъ на камняхъ Самуэля Джонсона.

Незнакомецъ (вставая). Вы испортили мнѣ сонъ; вы имѣете право на то, съ той минуты, какъ заплатили за

Digitized by Google

квартиру. Я пройду съ вами немного; не бойтесь, по карманамъ я еще не лазаю!

Пизистратъ. Вы говорите, что свѣтъ мнѣ улыбнулся; вамъ, боюсь, онъ сдѣлалъ гримасу. Я не говорю вамъ: смѣлѣе! — смѣлости у васъ, кажется, довольно; я скажу только: «терпѣнье!» Эта добродѣтель рѣже первой.

Незнакомецъ. Гм! (опять смотритъ на меня, дерзко) Для какого чорта заговариваете вы со мной, останавливаетесь, — съ человѣкомъ, о которомъ ничего не знаете, или хуже чѣмъ ничего?

Пизистратъ. Потому что я часто думалъ объ васъ; потому что вы меня интересуете; потому что — простите — я бы помогъ вамъ, если бы смогъ, то есть, если вамъ нужна помощь.

Незнакомецъ. Нужна! Я весь нужда, я самъ нужда! Нужда сна, нужда пищи, нужда терпѣнія, которое вы предписываете, терпѣнія для того, чтобъ околѣть и сгнить. Я прошелся пѣшкомъ изъ Парижа въ Булонь съ двѣнадцатью су въ карманѣ. Изъ этихъ двѣнадцати сберегъ я четыре; съ этими четырьмя явился я въ Булони къ биліарду и выигралъ ровно столько, сколько нужно было заплатить за переѣздъ и за три маленькихъ хлѣба. Вы видите, — дайте мнѣ капиталъ, и я сдѣлаю себѣ огромное состояніе. Если съ четырьмя су я могу выиграть двадцать франковъ въ ночь, что могу я выиграть на капиталъ въ четыре соверѐна, и въ теченіи года? Это задача тройнаго правила, — но теперь у меня черезъ-чуръ болитъ голова, почему я разрѣшать ея и не стану. Эти три хлѣбца продержались у меня три дня; послѣднюю корку съѣлъ я за ужиномъ прошлой ночью. Поэтому, берегитесь, предлагая мнѣ денегъ (подъ помощью разумѣются деньги). Вы видите, для меня нѣтъ выбора: надо взять. Но предупреждаю васъ: не ожидайте благодарности; во мнѣ нѣтъ ея!

Пизистратъ. Вы не такъ дурны, какъ говорите. Я сдѣлалъ бы для васъ болѣе, нежели далъ вамъ взаймы ту бездѣлицу, которую могу теперь предложить. Обѣщаете вы быть со мною откровенны?

Digitized by Google

Незнакомецъ. Смотря.... Но, кажется, я до сихъ поръ былъ довольно откровененъ.

Пизистратъ. Правда: такъ и я буду откровененъ. Не называйте мнѣ своего имени и сословія, если не хотите, но скажите мнѣ, есть у васъ какіе-нибудь родственники, къ которымъ могли бы вы обратиться? Вы качаете головой. Ну, такъ хотите вы трудиться для себя? Или только умѣете вы пробовать счастіе на биллiардѣ (извините) и думаете, что только за биллiардомъ можно сдѣлать 10 франковъ изъ 4-хъ су.

Незнакомецъ. Я васъ понимаю; до сихъ поръ я никогда не трудился: я ненавижу трудъ. Но отчего не попробывать, способенъ ли я къ труду?

Пизистратъ. Способны, непремѣнно: человѣкъ, умѣющій пройти отъ Парижа до Булони съ двѣнадцатью су въ карманѣ, и сберечь изъ нихъ четыре для какой-нибудь цѣли, человѣкъ, который рискуетъ этими четырьмя су по одной увѣренности въ свое искусство, будь это даже на биллiардѣ, и на четвертый день просыпается на мостовой столицы, съ такимъ присутствіемъ духа и гордымъ взглядомъ, какъ вы,— такой человѣкъ имѣетъ всѣ средства къ тому, чтобы покорить судьбу.

Незнакомецъ. А вы трудитесь?

Пизистратъ. Тружусь, и очень.

Незнакомецъ. И я готовъ трудиться, если такъ.

Пизистратъ. Хорошо. Что-же вы знаете, что умѣете?

Незнакомецъ (съ обычной улыбкой). Много полезныхъ вещей. Могу разрѣзать пулю о перочинный ножикъ: знаю тайную тьерсу Кулона, знаменитаго фехтовальнаго учителя, говорю на двухъ языкахъ, кромѣ Англiйскаго, какъ на родномъ; играю въ карты во всѣ игры; могу быть актеромъ, разыграю комедiю, трагедiю, фарсъ; перепью самого Бахуса. Умѣю заставить любую женщину влюбиться въ меня, разумѣется, женщину, ни къ чему не годную. Скажите, можно изъ всего этого нажать достаточныя средства къ жизни —

Digitized by Google

носить оленьи перчатки, разъѣзжать въ кабріолетѣ? Вы видите, желанія мои скромны?

Пизистратъ. Вы говорите на двухъ языкахъ, какъ на своемъ, — вѣроятно и по Французски?

Незнакомецъ. Да.

Пизистратъ. Хотите учить Французскому языку?

Незнакомецъ (гордо). Нѣтъ. Je suis gentilhomme, что значитъ или больше или меньше, чѣмъ джентельменъ. Gentilhomme значитъ человѣкъ хорошаго происхожденія.

Пизистратъ (безсознательно подражая мистеру Тривеніонъ). Какіе пустяки!

Незнакомецъ (смотритъ сердито, потомъ смѣется). Правда. Въ моихъ башмакахъ становиться на ходули не приходится! Но я не умѣю учить: Боже оборони тѣхъ, кого бы я сталъ учить. Другое что-нибудь.

Пизистратъ. Что-нибудь другое! Вы оставляете мнѣ широкое поле. Вы бѣгло говорите по Французски, и пишете также, какъ говорите? Это много. Дайте мнѣ адрессъ, гдѣ бы мнѣ васъ найти, или отыщите меня.

Незнакомецъ. Нѣтъ! Я встрѣчусь съ вами какъ-нибудь вечеромъ, въ сумерки: какой мнѣ вамъ дать адрессъ! Показывать эти отрепья въ чужомъ домѣ тоже нельзя.

Пизистратъ. Стало быть, въ девять часовъ вечера, здѣсь же въ Стрэндѣ, въ будущій четвергъ. Можетъ быть къ тому времени я и найду что нибудь по вашему вкусу. Покуда (суетъ въ руку незнакомца кошелекъ. NB. Кошелекъ не очень полонъ)....

Незнакомецъ кладетъ кошелекъ въ карманъ, съ миной человѣка, дѣлающаго одолженіе; столько поразительнаго въ этомъ отсутствіи малѣйшаго волненія вслѣдствіе неожиданнаго спасенія отъ голодной смерти, что Пизистратъ восклицаетъ:

— Не знаю, право, почему я принимаю такое участіе въ васъ. Дерево, изъ котораго вы сдѣланы, жестко и сукопато; а все таки, въ рукахъ искуснаго рѣщика, оно стоило бы дорого.

Digitized by Google

Незнакомецъ (испугавшись). Будто бы? Никакому до сихъ поръ это въ голову не приходило. А я, пожалуй, скажу вамъ, почему вы принимаете участіе во мнѣ: сильное сочувствуетъ сильному. Вы то же могли бы побѣдить судьбу!

Пизистратъ. Постойте; если такъ, если есть сходство между нами, пусть привязанность будетъ взаимна. Обѣщайте-же мнѣ это. Половина моей надежды помочь вамъ въ возможности тронуть ваше сердце.

Незнакомецъ (видимо смягченный). Если бъ я былъ такой негодяй, какимъ бы долженъ быть, мнѣ было бы легко отвѣчать. Но, теперь, я отложу отвѣтъ. Прощайте, до четверга (исчезаетъ въ лабиринтѣ аллей, окружающихъ Листеръ-Сквэръ).

ГЛАВА III.

Возвратившись въ гостинницу, я засталъ дядю тихо и спокойно спящимъ; послѣ утренняго посѣщенія хирурга и его увѣреній, что лихорадка скоро пройдетъ и миновали причины безпокойства, я нашелъ нужнымъ отправиться домой, т. е. къ Тривеніону, дабы объяснить, почему не ночевалъ дома. Но семейство еще не вернулось изъ деревни. Самъ Тривеніонъ пріѣхалъ послѣ обѣда и казался очень пораженъ болѣзнію дяди. Хотя очень занятой, какъ всегда, онъ вмѣстѣ со мной отправился въ гостинницу, повидать отца и развлечь его. Роландъ продолжалъ поправляться, по предсказанію хирурга, и когда мы воротились въ Сентъ-Джемсъ-Сквэръ, Тривеніонъ былъ на столько внимателенъ, что освободилъ меня на нѣсколько дней отъ занятій для него. Освободившись отъ безпокойства за Роланда, я всею мыслью отдался моему новому пріятелю. Не безъ основанія допрашивалъ я его о Французскомъ языкѣ. Тривеніонъ велъ большую заграничную переписку на Французскомъ языкѣ. Въ этомъ дѣлѣ я мало могъ быть ему полезенъ. Самъ онъ хотя говорилъ и писалъ по Французски бѣгло и грамматически-правильно, но не обладалъ знаніемъ этого нѣжнаго и дипломатическаго нарѣчія въ той степени, которая бы удовлетворила его классическій пуризмъ

Digitized by Google

Тривеніонъ до мелочности любилъ выбирать слова: его взыскательный вкусъ былъ мучителемъ жизни, и его и моей. Его приготовленныя рѣчи были самыми окончеными образцами того холоднаго краснорѣчія, какое когда либо могло родиться подъ мраморнымъ портикомъ Стоиковъ. Онѣ были до того выглажены и вычищены, обработаны и округлены, что столь же мало допускали мысль, которая могла бы согрѣть сердце, сколько фразу, которая оскорбила бы ухо. Онъ питалъ такое отвращеніе къ вулгарности, что, подобно Кеннингу, охотно бы сказалъ двѣ строки лишнихъ для того, чтобы избѣжать слова: «кошка.» Только въ простомъ разговорѣ могъ иногда нескромно блеснуть лучь его природнаго дарованія. Не трудно понять, къ какому неимовѣрному труду эта изысканность вкуса обязывала человѣка, переписывавшагося на иностранномъ языкѣ съ значительными государственными людьми и учеными обществами, и знавшаго этотъ языкъ ровно на столько, чтобы умѣть цѣнить всѣ достоинства его, которыхъ онъ не могъ достигнуть. Въ эту эпоху моего разсказа Тривеніонъ занимался статистическимъ трудомъ, назначеннымъ для Копенгагенскаго общества, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ. Слишкомъ три недѣли это занятіе было мученіемъ всего дома, особенно Фанни, лучше всѣхъ насъ вмѣстѣ знавшей Французскій языкъ. Но Тривеніонъ нашелъ ея фразеологію слишкомъ жидкою, слишкомъ женственною, называя ея языкъ языкомъ будуаровъ. Здѣсь стало быть представлялся прекрасный случай ввести моего новаго пріятеля и испытать способности, которыя я чаялъ найти въ немъ. Съ этою цѣлію я осторожно навелъ рѣчь на «Замѣтки объ ископаемыхъ сокровищахъ Великобританіи и Ирландіи» (заглавіе сочиненія, назначеннаго для просвѣщенія Датскихъ ученыхъ), и, съ помощью извѣстныхъ оговорокъ, объявилъ о моемъ знакомствѣ съ однимъ молодымъ джентельменомъ, до тонкости знающимъ языкъ и могущимъ быть полезнымъ для просмотра рукописи. Я на столько зналъ Тривеніона, что ни коимъ образомъ не могъ позволить себѣ раскрыть обстоятельства, сопровождавшія это знакомство: онъ былъ человѣкъ слишкомъ практическій и

Digitized by Google

растерялся бы совершенно при мысли довѣрить такого рода занятіе человѣку, подобному моему новому знакомому, если бы зналъ его исторію. Но, занятый до чрезвычайности и разнымъ, Тривеніонъ ухватился за мое предложеніе, принялъ его и, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Лондона, повѣрилъ мнѣ свою рукопись.

— Мой пріятель бѣденъ, — сказалъ я робко.

— О, если такъ, — рѣзко возразилъ Тривеніонъ, — если рѣчь идетъ о подаяніи, располагайте моимъ кошелькомъ, но пожалѣйте моей рукописи! Если же говорить о трудѣ, о работѣ, — надо мнѣ сначала обсудить ее, а потомъ сказать, чего она стоитъ: можетъ быть и ничего!

Вотъ до чего страненъ былъ этотъ достойный человѣкъ даже въ своихъ лучшихъ качествахъ!

— Разумѣется, — сказалъ я — тутъ рѣчь о способности человѣка, и мы сперва испытаемъ ее.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Тривеніонъ въ заключеніе разговора и застегивая свои карманы, — если мнѣ не понравится сдѣланное вашимъ знакомымъ, я не дамъ ничего; если понравится, дамъ двадцать гиней. Гдѣ вечернія газеты?

Минуту спустя, членъ Парламента забылъ объ чемъ говорилъ, и горячился читая *Globe* или *Sun*.

Въ четвергъ дядя былъ уже въ такомъ положеніи, что его можно было перевезти къ намъ въ домъ; вечеромъ этого дня я отправился на свиданіе, обѣщанное незнакомцу. Пробило девять часовъ, когда мы встрѣтились. Пальма исправности принадлежала обоимъ равно. Онъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени для исправленія наиболѣе-очевидныхъ недостатковъ его гардероба; и хотя во всей его наружности было что-то дикое, безпорядочное, иностранное, но въ гибкости его стана, въ рѣшительной увѣренности его походки было и такое что-то, что природа даетъ только своей аристократіи, ибо, на сколько не обманываютъ меня мои наблюденія, то, что называется «le grand air» (и что не значитъ учтивость или особенная грація въ человѣкѣ высокаго происхожденія) всегда сопровождается, а можетъ быть

Digitized by Google

и порождается, двумя качествами: храбростію и желаніемъ повелѣвать. Оно больше свойственно натурѣ полудикой, нежели цивилизированной до тонкости. Оно есть у Араба, у Индійца Америки: и я подозрѣваю, что оно было болѣе обыкновенно между рыцарями и баронами среднихъ вѣковъ, нежели между благовоспитанными джентельменами современныхъ гостиныхъ.

Мы подали другъ другу руки и нѣсколько мгновеній ходили молча; наконецъ, такъ началъ незнакомецъ:

— Вы, я думаю, теперь убѣдились, что не такъ легко, какъ воображали вы, поставить стоймя пустой мѣшокъ. Если предположить, что третья доля рожденныхъ для труда, работы найти не могутъ, почему мнѣ найти ее?

Пизистратъ. Я такъ упрямъ, что увѣренъ, что трудъ всегда можно найти тому, кто ищетъ его серьезно. Человѣкъ, извѣстный тѣмъ, что всегда держалъ свое слово, сказалъ: «если я обѣщалъ вамъ желудь и ни одинъ дубъ въ Англіи не произвелъ ни одного желудя, я пошлю за нимъ въ Норвегію.» Если бы мнѣ нужна была работа и не нашелъ я ея въ старомъ свѣтѣ, то нашелъ бы дорогу въ новый. Но къ дѣлу: я нашелъ вамъ занятіе, которое, надѣюсь, не будетъ противно вашему вкусу и которое дастъ вамъ средства къ честной независимости. На улицѣ объясняться не ловко: куда бы намъ....

Незнакомецъ (послѣ недолгой нерѣшимости). У меня есть квартира недалеко отсюда, и я не краснѣя могу принять васъ, потому что живу не между плутовъ и отверженцевъ.

Пизистратъ (очень довольный, беретъ его подъ руку). Такъ пойдемте.

Пизистратъ и незнакомецъ переходятъ Ватерлооскій мостъ и останавливаются передъ небольшимъ домомъ благовидной наружности. Незнакомецъ отворяетъ калитку, идетъ впередъ къ третьему этажу, зажигаетъ свѣчку, которая освѣщаетъ чистую комнату, гдѣ все въ порядкѣ. Пизистратъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ принесенная работа, и развертываетъ рукопись. Незнакомецъ непринужденно подвигаетъ стулъ къ огню и бѣгло просматриваетъ страницу за

Digitized by Google

страницей. Пизистратъ содрагается, увидѣвъ, что онъ остановился на длинномъ рядѣ цыфръ и вычисленій. Конечно, онѣ смотрятъ не заманчиво, но это часть труда, который ограничивается только поправками словъ.

Незнакомецъ (коротко). Тутъ должна быть ошибка! Позвольте ... Вижу. (Быстро поворачиваетъ назадъ нѣсколько страницъ и съ неимовѣрною точностію исправляетъ промахъ въ какомъ-то сложномъ и мудреномъ вычисленіи).

Пизистратъ (удивленный). Да вы должны быть отличный математикъ?

Незнакомецъ. Я говорилъ вамъ, что я искусникъ на всѣ игры, гдѣ смѣшаны разсчетъ и счастье? Для этого нужна математическая способность; хорошій карточный игрокъ всегда можетъ быть акціонеромъ. Я увѣренъ, что вы никогда не найдете человѣка счастливаго на торфѣ или за карточнымъ столомъ, чья голова была бы создана не для цифръ. Ну, а языкъ по видимому здѣсь изряденъ; есть однако нѣсколько оборотовъ, мѣстами, въ строгомъ смыслѣ, скорѣе Англійскихъ, нежели Французскихъ. Но все это — работа едва стоющая малѣйшей платы.

Пизистратъ. Головная работа предполагаетъ цѣну соразмѣрную не количеству, а качеству. Когда за этимъ придти?

Незнакомецъ. Завтра. (Кладетъ рукопись въ ящикъ.)

За тѣмъ мы около часа разговаривали о разныхъ предметахъ, и увѣренность моя въ дарованіи и способностяхъ юноши не только укрѣплялась, но и росла. Но эта способность въ направленіи своемъ и инстинктахъ была такъ же ложна и превратна, какъ способность Французскихъ новеллистовъ. Казалось, онъ обладалъ въ высокой степени наибольшею долею способностей разума, но безъ того свойства, которое скрашиваетъ характеръ, мягчитъ и очищаетъ разсудокъ — безъ воображенья. Ибо хотя насъ слишкомъ много учатъ остерегаться воображенія, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ капитаномъ Роландомъ, я думаю, что оно лучшая изъ способностей нашего мышленія и менѣе всѣхъ другихъ даетъ намъ сбиваться съ дороги. Конечно, въ юности, оно принимаетъ заблужденія; но всѣ онѣ не грязнаго, не унизитель-

Digitized by Google

наго свойства. Ньютонъ говоритъ, что одно изъ конечныхъ дѣйствій кометъ—приводить въ нормальное положеніе моря и планеты чрезъ сгущеніе паровъ и испареній; такъ произвольныя вспышки свѣта воображенія истинно-здраваго и могучаго углубляютъ наши познанія и освѣщаютъ наши понятія; — онѣ приводятъ въ должное соотношеніе наши звѣзды и наши моря. Въ дѣлѣ такихъ вспышекъ мой пріятель былъ такъ невиненъ, какъ только могъ желать самый отъявленный матеріалистъ. Мыслей было у него бездна, и въ томъ числѣ весьма дурныя, но воображенія ни искорки! У него былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые вѣчно живутъ въ тюрьмѣ логики и не хотятъ или не могутъ видѣть далѣе рѣшетки: такія натуры бываютъ, въ одно и то же время, и положительны и скептичны. О безчисленныхъ сложностяхъ жизни общества, онъ разомъ заключалъ по своей личной горькой опытности: такимъ образомъ вся система общественной жизни, по его мнѣнію, была война и взаимный обманъ. Еслибъ міръ состоялъ только изъ плутовъ, онъ навѣрное бы сдѣлалъ свою дорогу. И эта наклонность ума, хотя непріятная и довольно злая, могла бы еще быть безопасною при темпераментѣ летаргическомъ, но она грозила сдѣлаться вредною и страшною въ человѣкѣ, при недостаткѣ воображенія, обладавшемъ избыткомъ страсти: таковъ былъ юный отверженецъ. Страсть въ немъ обнимала многіе, изъ самыхъ худшихъ двигателей, которые ополчаются на счастіе человѣка. Нельзя было противорѣчить ему, онъ сейчасъ же сердился; нельзя было говорить съ нимъ о богатствѣ: онъ сейчасъ же блѣднѣлъ отъ зависти. Удивительныя, врожденныя свойства бѣднаго юноши: его красота, его быстрая способность, этотъ смѣлый умъ, которымъ дышалъ онъ, какъ бы какой-то огненной атмосферой, обратили его самоувѣренность въ такую гордость, что права его на общее удивленіе становились предосудительны ему самому. Завистливый, раздражительный, наглый, дурной не до конца, онъ прикрывалъ всѣ эти угловатости холоднымъ, отвратительнымъ цинизмомъ, выражая внутреннія движенія свои нечеловѣческою улыбкою. Въ немъ, повидимому, не было нрав-

Digitized by Google

ственной впечатлительности, и, что еще болѣе замѣчательно въ натурѣ самолюбивой, ни малѣйшаго слѣда настоящаго point d'honneur. До болѣзненной крайности доходило въ немъ то побужденіе, которое обыкновенно называется честолюбіемъ, но оно не было желаніемъ славы, или уваженія, или любви себѣ подобныхъ, а какою-то странною потребностью успѣть, не блестѣть, не быть полезнымъ, — успѣть для того, чтобы имѣть право презирать свѣтъ, который смѣется надъ его мнѣніемъ о себѣ, и насладиться удовольствіями, которыхъ, повидимому, настоятельно требовала натура нервозная и щедрая. Таковы были самыя явныя принадлежности характера, который, какъ ни былъ онъ дуренъ, все таки возбуждалъ во мнѣ участіе, казался исправимымъ, и заключалъ въ себѣ грубыя начала извѣстной силы. Не обязаны ли мы сдѣлать что-нибудь дѣльное изъ юноши, менѣе нежели двадцатилѣтняго, въ высшей степени одареннаго быстротою пониманія и смѣлостью исполненія? Съ другой стороны, во всемъ великомъ, во всемъ сильномъ лежитъ способность ко всему доброму. Въ дикомъ Скандинавѣ, въ безжалостномъ Франкѣ—сѣмена Сиднеевъ и Баярдовъ. Чѣмъ бы былъ лучшій изъ насъ, если бы вдругъ заставить его вести войну съ цѣлымъ свѣтомъ? А этотъ дикій умъ былъ въ войнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, войнѣ, которой быть можетъ, и самъ искалъ онъ, но тѣмъ не менѣе была война.

До всѣхъ этихъ убѣжденій дошелъ я не въ одно свиданье и не въ одну бесѣду; я собралъ здѣсь впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ съ теченіемъ времени тою личностью, чью участь я намѣревался взять на свою отвѣтственность.

На первый разъ, уходя, я сказалъ:

— Однако на всякій случай есть же какое-нибудь у васъ здѣсь имя: кого мнѣ спросить завтра?

— Теперь, разумѣется, я могу сказать вамъ свое имя— отвѣчалъ онъ улыбаясь: — меня зовутъ Франсисъ Вивіенъ.

ГЛАВА IV.

Мнѣ памятно одно утро, когда еще ребенкомъ, шатаясь возлѣ старой стѣны, я занялся наблюденіемъ операцій

Digitized by Google

садоваго наука, котораго ткань, повидимому, была въ большомъ ходу. Сначала, когда я подошелъ, паукъ былъ очень спокойно занятъ мухой изъ рода домашнихъ, съ которою онъ управлялся свободно и съ достоинствомъ. Какъ разъ въ то время, какъ онъ наиболѣе былъ погруженъ въ это увлекательное занятіе, явилась чета жуковъ, потомъ комаръ и, наконецъ, большая зеленая муха, — всѣ въ разныхъ углахъ паутины. Никогда бѣдный паукъ не былъ развлеченъ такимъ неожиданнымъ благополучіемъ! Онъ явно не зналъ, за кого хватиться сперва. Бросивъ первую жертву, онъ до полдороги скользнулъ къ жукамъ; тогда одинъ изъ его осьми глазъ увидѣлъ зеленую муху, и онъ понесся по направленію къ ней: вдругъ услышалъ онъ жужжаніе комара и, посреди всего этого, слетѣлъ на паутину съ особенной яростью юный шмель! Тогда паукъ лишился присутствія духа и совершенно растерялся; постоявъ недвижно и въ недоумѣніи въ центрѣ своихъ сѣтей, минуты съ двѣ, онъ пустился изо всѣхъ силъ бѣжать къ своей норѣ, предоставивъ гостямъ своимъ распорядиться какъ имъ угодно.

Признаюсь, я находился въ дилеммѣ привлекательнаго и любезнаго насѣкомаго, которое я только что описалъ. Все еще шло кое-какъ, покуда надо было смотрѣть за одною домашнею мухой. Но теперь, когда въ каждомъ концѣ моей сѣти непремѣнно бьется хоть что-нибудь (и въ особенности со времени прибытія молодаго шмеля, который жужжитъ въ ближайшемъ углу), я рѣшительно не знаю, за что мнѣ взяться сперва; и увы! нѣтъ у меня, какъ у паука, норки, куда бы скрыться мнѣ, и ткача, которому могъ бы довѣрить я работу; но постараюсь подражать пауку по мѣрѣ возможности; и, покуда все вокругъ меня жужжитъ и бьется, не зная ни часа ни времени, я намѣренъ уединиться въ тайникъ моей собственной жизни.

Болѣзнь дяди и возобновленное знакомство съ Вивіеномъ естественно отвлекли мои мысли отъ дерзкой и неблагопріятной любви къ Фанни Тривеніонъ. За время отсутствія всего семейства изъ Лондона (они пробыли въ

Digitized by Google

деревнѣ болѣе нежели предполагали), я умѣлъ припомнить трогательную исторію отца и ея ясную мораль для меня; я составилъ себѣ столько прекрасныхъ предположеній, что при возвращеніи въ Лондонъ привѣтствовалъ Фанни рукою ни мало недрожавшею и твердо, по возможности, бѣжалъ чаръ ея сообщества. Медленное выздоровленіе дяди представляло основательный предлогъ къ прекращенію нашихъ прогулокъ верхомъ. Время, не нужное для Тривеніона, я естественно проводилъ съ моимъ семействомъ: я не ѣздилъ ни на балъ, ни на вечера. Я отлучался отъ обѣдовъ Тривеніона. Миссъ Тривеніонъ сначала смѣялась надъ моимъ отшельничествомъ съ свойственной ей живостью. Но я продолжалъ достойно довершать мое мученье и всячески старался, чтобъ ни одинъ недовольный взглядъ на беззаботность и веселье, которыя меня томили, не обличилъ моей тайны. Тогда Фанни казалась то обиженной, то равнодушной, и съ своей стороны избѣгала входить въ кабинетъ отца; вдругъ она перемѣняла свою тактику и впадала въ страшную жажду познанія, которая приводила ее въ кабинетъ десять разъ въ день, то за книгой, то съ какимъ-нибудь вопросомъ. Я оставался твердъ противъ всѣхъ искушеній, но, сказать правду, былъ глубоко-несчастливъ. Когда, теперь, оглядываюсь назадъ, меня пугаетъ одно воспоминаніе моихъ страданій; здоровье мое не на шутку портилось; я одинаково боялся и искушеній дня, и безпокойства ночи. Единственнымъ развлеченіемъ моимъ были посѣщенія мои Вивіену, единственное убѣжище-домашній кругъ. Этотъ кругъ былъ моей защитой и спасеніемъ въ настоящемъ переломѣ жизни. Его атмосфера скромной честности и спокойной добродѣтели укрѣпляла меня въ моихъ намѣреніяхъ; она давала мнѣ новыя силы для борьбы съ самой могучей изъ страстей, допускаемыхъ молодостью, и противодѣйствовала вреднымъ испареніямъ воздуха, которымъ дышалъ и въ которомъ двигался ядовитый умъ Вивіена. Безъ вліянія такого круга, я, можетъ быть, и не отступилъ бы отъ законовъ чести въ отношеніи къ тѣмъ, въ чьемъ домѣ былъ пользующимся довѣріемъ гостемъ, но врядъ ли бы умѣлъ устоять противъ заразъ

Digitized by Google

того горькаго и болѣзненнаго озлобленія на судьбу и свѣтъ, къ которому такъ легко приводитъ страсть, безуспѣшная изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, и для выраженія котораго Вивіенъ обладалъ всѣмъ краснорѣчіемъ, свойственнымъ всякому убѣжденію, въ истинѣ ли или въ заблужденіи. Какъ бы то ни было, я никогда не оставлялъ спокойной комнаты, скрывавшей ужасное страданіе, воплощенное въ лицѣ стараго солдата, котораго губа часто дрожавшая отъ внутренней муки, никогда не пропускала ропота; — спокойной мудрости, послѣдовавшей за ранними испытаніями отца (похожими на мои испытанія);—исполненной любви улыбки нѣжнаго лица моей матери; невинной прелести Бланшь (такъ называли нашу эльфу), которую я уже любилъ, какъ сестру: — никогда не покидалъ я всего этого, не почувствовавъ, что эти четыре стѣны были сильны усладить жизнь, будь она по край полна желчи и уксуса.

Тривеніонъ былъ болѣе нежели доволенъ трудомъ Вивіена: онъ былъ пораженъ имъ. Хотя поправки въ фразеологіи были весьма ограничены числомъ, но вели дальше измѣненія въ словахъ, потому что предлагали такія слова, которыя улучшали мысли; кромѣ же значительной поправки ариѳметической ошибки, которой не могъ не оцѣнить умъ Тривеніона, одна или двѣ замѣтки на поляхъ были чрезвычайно смѣлы, какъ намекавшія на большую связь въ цѣпи разсужденій или указывавшія на необходимость большей ясности въ положительномъ вопросѣ. И все это былъ плодъ природной и чистой логики остраго ума, безъ помощи малѣйшаго знанія въ дѣлѣ даннаго предмета. Тривеніонъ сталъ давать Вивіену и довольно работы, и достаточное вознагражденіе, такъ что обѣщанія мои о независимости начинались сбываться. И не разъ онъ говорилъ мнѣ, чтобъ я ему представилъ моего знакомаго. Этого, однако же, я по прежнему избѣгалъ, и право не изъ ревности, но единственно изъ опасенія, чтобы пріемы Вивіена и его рѣчи не поразили непріятно человѣка, ненавидѣвшаго всякую самоувѣренность и недопускавшаго эксцентричностей ни въ комъ, кромѣ себя.

Digitized by Google

Занятія Вивіена были, конечно, серьезны, но не многочисленны, и ему приходилось употреблять на нихъ лишь нѣсколько часовъ въ день: поэтому я боялся, чтобъ онъ отъ одной праздности не впалъ въ прежнія привычки, не обратился къ старымъ знакомствамъ. Съ циническимъ простодушіемъ допускалъ самъ онъ ихъ пагубное вліяніе, что еще болѣе оправдывало опасность предполагаемыхъ послѣдствій: на этомъ основаніи я старался удосуживаться и, по вечерамъ, приходилъ раздѣлять его скуку, сопровождалъ его въ прогулкахъ по освѣщеннымъ газомъ улицамъ, а иногда и въ театръ.

Первая забота Вивіена, по пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ, была о собственной персонѣ; эти двѣ способности наблюденія и подражанія, которыми всегда такъ отмѣнно владѣютъ быстрые умы, дали ему возможность достигнуть граціозной оконченности въ нарядѣ, свойственной предпочтительно Англійскому джентельмену. Въ первые дни его превращенія были еще замѣтны слѣды его прирожденной любви къ выставкѣ на показъ, къ площадному сообществу, но по немногу они изчезали. Сначала явился великолѣпный галстукъ съ отвороченными воротничками; потомъ пропала пара шпоръ; наконецъ исчезло и дьявольское орудіе, которое онъ называлъ тростью, и которое при помощи подвижной пули могло служить кистенемъ съ одного конца, между тѣмъ какъ въ другомъ скрывало кинжалъ,—орудіе, замѣнявшее обыкновенную трость, усвоенную для прогулокъ по нашей мирной метрополіи. Одинаковая перемѣна, хотя въ меньшей степени, происходила въ его пріемахъ и разговорѣ. Онъ дѣлался менѣе рѣзокъ въ однихъ, болѣе спокоенъ, можетъ быть болѣе веселъ, въ другомъ. Явно было, что онъ постигалъ высокое удовольствіе обезпечивать себя занятіями, имѣвшими цѣну, или чувствовать въ первый разъ, что его способности приносили ему осязаемую пользу. Какъ заря занималася надъ нимъ новый міръ, хотя еще и темный, хотя и видный сквозь туманъ.

Digitized by Google

Таково тщеславіе всѣхъ бѣдныхъ смертныхъ, что, вѣроятно, участіе мое къ Вивіену выросло, а отвращеніе ко многому въ немъ смягчилось потому, что я замѣтилъ, что имѣю какое-то вліяніе на его дикую натуру. Когда мы въ первый разъ встрѣтились дорогой, потомъ разговорились на погостѣ, вліяніе, конечно, было не на моей сторонѣ. Но теперь я являлся передъ нимъ изъ такой сферы общества, въ какой доселѣ не вращался онъ. Я насмотрѣлся и наслушался замѣчательнѣйшихъ людей цѣлой Англіи. Что въ то время меня ослѣпляло, теперь только возбуждало сожалѣніе. Съ другой стороны его дѣятельный умъ не могъ не замѣтить перемѣны и во мнѣ; и изъ зависти ли, или по чувству болѣе возвышенному, онъ у меня же хотѣлъ выучиться затмить меня и по прежнему взять верхъ надо мной: не быть выше меня — бѣсило его. По этому онъ съ вниманіемъ слушалъ меня, когда я показывалъ ему книги, находившіяся въ соотношеніи къ разнымъ предметамъ, которыми занималъ его Тривеніонъ. Но хоть онъ вообще былъ менѣе способенъ къ наукамъ, нежели всѣ другіе, встрѣчавшіеся мнѣ люди, равные ему по уму, и прочиталъ мало въ сравненіи съ количествомъ пріобрѣтенныхъ имъ понятій и съ похвальбой немногими сочиненіями, съ которыми добровольно ознакомился — онъ, однако, рѣшительно сталъ заниматься, не смотря на то, что ученыя занятія были ему положительно противны; тѣмъ выгоднѣе заключилъ я по этимъ даннымъ о его рѣшимости заняться тѣмъ, что въ настоящее время было для него тягостно, изъ того только, чтобы привести въ исполненіе намѣренія свои въ будущемъ. Но похвалилъ ли бы я это намѣреніе, если бы я его понялъ — это другой вопросъ! Въ его прошедшей жизни и въ его характерѣ были бездны, въ которыя я не могъ проникнуть. Въ немъ были въ одно время и беззаботная откровенность и бдительная скрытность: откровенность его проявлялась въ разговорѣ о всѣхъ непосредственно-предстоявшихъ предметахъ, въ совершенномъ отсутствіи всякаго усилія казаться лучшимъ, нежели былъ онъ на самомъ дѣлѣ. Скрытность его выказывалась въ ловкомъ уклоненіи отъ

Digitized by Google

всякаго рода признаній, которыя бы могли навести меня на извѣстныя тайны его жизни: на то, гдѣ родился онъ, вырось, воспитывался; по какимъ причинамъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ, чѣмъ онъ прежде жилъ, чѣмъ содержалъ себя; все это были предметы, о которыхъ не говорить онъ, словно, поклялся Гарпократу, богу молчанія. Въ то же время онъ разсказывалъ множество анекдотовъ о томъ, что видѣлъ, о странныхъ товарищахъ, которыхъ никогда не называлъ, и съ которыми ему когда-то приходилось знаться. Чтобъ отдать ему справедливость, я долженъ замѣтить, что, не взирая на то, что раняя его опытность была собрана изъ трущобъ и закоулковъ, почерпнута изъ грязныхъ стоковъ жизни, что не былъ онъ, по видимому, въ разладѣ съ закономъ, и что смотрѣлъ на добродѣтель и порокъ съ равнодушіемъ, подобно поэту, который видитъ въ нихъ болѣе всего содержаніе для искусства, — онъ однакоже въ самомъ себѣ не обнаруживалъ ни одного нарушенія честности. Онъ смѣялся надъ разсказомъ о какомъ-нибудь затѣйливомъ обманѣ, которому присутствовалъ, и казался равнодушенъ къ его безнравственности, но говорилъ о немъ въ тонѣ безпристрастнаго свидѣтеля, а не дѣятельнаго участника. Когда мы стали болѣе коротки, онъ постепенно понялъ тотъ невольный стыдъ, который должно производить сношеніе съ людьми, привыкшими отличать правое отъ неправаго, и прежніе разсказы прекратились. Никогда не упоминалъ онъ о своемъ семействѣ; разъ только проговорился, и то странно и отрывисто.

— Ахъ! — воскликнулъ онъ, однажды, неожиданно остановившись передъ магазиномъ эстамповъ, — какъ это напоминаетъ мнѣ мою добрую, добрую мать.

— Которая? — спросилъ я, недоумѣвая между гравюрами: «Рафаэлевой Мадонны» и «Жены разбойника.»

Вивіенъ не удовлетворилъ моего любопытства и потащилъ меня, вопреки моему сопротивленію.

Digitized by Google

— Такъ вы любили вашу мать?—сказалъ я, помолчавъ.

— Да, какъ собаченка тигрицу.

— Странное сравненіе!

— Или какъ бульдогъ травильщика, его хозяина! Это вамъ больше нравится?

— Не очень; неужели это сравненіе понравилось бы вашей матери?

— Ей? Она умерла, — выговорилъ онъ какъ бы съ трудомъ.

Я крѣпче прижалъ его руку.

— Я васъ понимаю, — продолжалъ онъ съ своей цинической, отвратительной улыбкой. — Но вы напрасно жалѣете о моей утратѣ. Я ее чувствую, но никто изъ людей, принимающихъ во мнѣ участіе, не можетъ сочувствовать этому моему горю.

— Отчего?

— Оттого что моя мать была не то, что люди называютъ хорошей женщиной. Я ее любилъ отъ этого не менѣе. Но перемѣнимте предметъ разговора.

— Нѣтъ, ужь если вы столько сказали, Вивіенъ, мнѣ бы хотѣлось заставить васъ говорить дальше. Отецъ вашъ живъ?

— Скажите пожалуйста, монументъ стоитъ?

— Я думаю, да что жъ изъ этого?

— Ну то-то, ни которому изъ насъ до этого нѣтъ дѣла; мой вопросъ отвѣтъ на вашъ!

Продолжать разспросы послѣ этого я не могъ, и никогда не сдѣлалъ я впередъ ни шагу. Должно признаться, что если Вивіенъ съ своей стороны былъ не щедръ на признанія, то и отъ меня не требовалъ откровенности. Съ вниманіемъ слушалъ онъ, когда я разсказывалъ о Тривеніопѣ (я сказалъ ему о моихъ отношеніяхъ къ нему, хотя, вы можете быть увѣрены, не промолвился словечкомъ о Фанни) и о блестящемъ обществѣ, которое было доступно мнѣ, потому именно, что я жилъ у такого лица. Но лишь только, отъ переполненнаго сердца, я заводилъ рѣчь о мо-

Digitized by Google

ихъ родителяхъ, о домѣ, онъ или изъявлялъ такую нахальную скуку или такъ зло и гадко улыбался, что я убѣгалъ отъ него и отъ разговора съ негодованіемъ и отвращеніемъ. Разъ особенно, когда я предложилъ ему ввести его въ домъ къ моему отцу, чего мнѣ дѣйствительно хотѣлось, ибо я считалъ невозможнымъ, чтобы самъ чортъ не смягчился отъ этого прикосновенія, — онъ отвѣчалъ мнѣ съ своимъ презрительнымъ смѣхомъ:

— Любезный Какстонъ, когда я былъ ребенкомъ, мнѣ до того надоѣлъ Телемакъ, что для того, чтобъ сдѣлать его сноснымъ, я сдѣлалъ на него пародію.

— Такъ что же?

— Вы не боитесь, чтобъ подобное злое расположеніе духа не сдѣлало каррикатуры вашего Улисса?

Три дня не видалъ я Вивіена послѣ этой бесѣды, и врядъ ли бы увидѣлся я съ нимъ и по истеченіи этого срока, если бъ мы, случайно, не встрѣтились подъ колоннадой опернаго театра. Вивіенъ, прислонившись къ колоннѣ, наблюдалъ за толпой, стремившейся къ единственному модному храму, который удержало за собой искусство въ Англійскомъ Вавилонѣ. Кареты и коляски, украшенныя гербами и коронами, кабріолеты скромнаго цвѣта, но удивительныхъ фасоновъ, съ гигантами-лошадьми и пигмеями-грумами, съ шумомъ катились мимо него. Красивыя женщины, блестящіе наряды, звѣзды и ленты, честь и красота аристократическаго свѣта, проносились передъ нимъ. И я не могъ устоять противъ состраданія, которое внушала одинокая, бездомная, озлобленная, недовольная натура, смотрѣвшая на эту роскошь, на это обиліе, для которыхъ считала себя рожденною, со всею силою желанія, со всѣмъ отчаяніемъ исключенія. По одному проблеску загадочной позы, я прочелъ все, что происходило въ его сердцѣ. Впечатлѣніе врядъ ли было пріятно, мысли — врядъ ли благоразумны, но были ли и то и другія неестественны? Я испыталъ кое-что подобное не въ отношеніи къ людямъ хорошо одѣтымъ, не въ отношеніи достатка и праздной лѣни, удовольствія и fashion'a; но стоя у

Digitized by Google

дверей парламента, когда, не замѣчая меня, проходили къ своей великой аренѣ люди, снискавшіе себѣ славное имя, люди, чье слово имѣло вліяніе на судьбы Англіи; или, когда среди праздничной толпы и безсмысленной торжественности, я слышалъ шопотъ славы вкругъ благороднаго труженика искусства или науки. Кто не чувствовалъ когда-нибудь этой противоположности между славой, въ одно и то же время и близкой и далекой, и своей личной неизвѣстностью, какъ сознавалъ и ее не разъ? Увы, не одинъ юноша, которому не суждено быть Ѳемистоклюмъ, сознается однакоже, что трофеи Мильтіада не давали ему спать. И такъ, я подошелъ къ Вивіену и положилъ руку на его плечо.

— А! воскликнулъ онъ любезнѣе обыкновеннаго — я радъ видѣть васъ и извиниться: я оскорбилъ васъ намедни. Но вы, право, не дождетесь любезныхъ отвѣтовъ отъ душъ чистилища, если вздумаете говорить съ ними о счастіи рая. Не говорите со мной никогда ни о семействахъ, ни объ отцахъ. Но довольно, я вижу вы прощаете меня. Отчего вы не идете въ оперу? Вамъ можно?

— Да и вамъ, я думаю, коли очень хочется. Билетъ конечно стоитъ очень дорого, однако, если вы любите музыку, это роскошь, которую вы можете себѣ позволить.

— Вы льстите мнѣ, если думаете, что меня удерживаетъ благоразуміе и бережливость. Я былъ въ оперѣ недавно, но другой разъ не пойду. Музыка! Когда вы ходите въ оперу, неужели это для музыки?

— Отчасти, разумѣется: освѣщеніе, сцена, блескъ влекутъ меня столько же. Но я не думаю, чтобъ опера была полезнымъ удовольствіемъ для насъ съ вами. Другое дѣло люди праздные: для тѣхъ она забава также невинная, какъ и другія, но по моему опера какъ-то грустно разслабляетъ.

— По моему напротивъ, ужасно возбуждаетъ. Знаете Какстонъ — это, пожалуй, покажется вамъ непріятнымъ — я теряю терпѣніе отъ этой *честной независимости*. Къ чему она ведетъ? Платье, квартира, столъ; можетъ она когда-нибудь принести мнѣ еще что-нибудь?

Digitized by Google

— Сначала, Вивіенъ, вы ограничивали ваши желанія замшевыми перчатками и кабріолетомъ: она ужъ принесла вамъ замшевыя перчатки, по немногу она принесетъ вамъ и кабріолетъ!

— Желанія наши растутъ по мѣрѣ того, какъ удовлетворяются. Вы живете въ большомъ свѣтѣ, можете имѣть поощреніе, когда захотите; я хочу поощренія, мнѣ нуженъ свѣтъ, нуженъ просторъ для моего ума, понимаете?

— Вполнѣ, и сочувствую вамъ, бѣдный мой Вивіенъ, но все это придетъ; терпѣніе, какъ говорилъ я вамъ, когда заря такъ грустно занималась для васъ надъ улицами Лондона. Вы не теряете времени: обогащайте умъ вашъ, читайте, учитесь, дѣлайте себя способнымъ къ честолюбію. Зачѣмъ желать летѣть, покуда нѣтъ еще крыльевъ? Живите въ книгахъ: онѣ роскошные замки и открыты всѣмъ намъ, богатому и бѣдному.

— Книги, книги! Да, вы сынъ ученаго! Не посредствомъ книгъ люди дѣлаютъ успѣхи въ свѣтѣ и въ то же время наслаждаются жизнью.

— Не знаю; но вы хотите и того и другаго разомъ: успѣть въ свѣтѣ, какъ только можетъ успѣть трудъ, и наслаждаться жизнью, какъ наслаждается ею безпечная лѣнь. Вы хотите жить бабочкой и получить медъ трудолюбивой пчелы; а всего хуже что вы, какъ бабочка, требуете отъ цвѣтка, чтобъ онъ выросъ въ одно мгновенье, и какъ пчела хотите, чтобы сотъ былъ готовъ въ четверть часа! Терпѣнье, терпѣнье, терпѣнье!

Вивіенъ тяжело вздохнулъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ послѣ минуты безпокойнаго молчанья, — что бродяжничество и прежнія привычки все еще во мнѣ, потому что мнѣ хочется возвратиться къ старому образу жизни, которая была вся дѣятельность и не давала мнѣ размышлять.

Покуда онъ кончилъ, мы обошли кругомъ колоннады и очутились въ узкомъ проходѣ, гдѣ особенный подъѣздъ

Digitized by Google

къ оперѣ. У этого подъѣзда стояло нѣсколько молодыхъ людей. Когда Вивіенъ кончилъ, до насъ долетѣлъ голосъ одного изъ нихъ сквозь общій смѣхъ.

— О,—сказалъ этотъ голосъ, вѣроятно въ отвѣтъ на вопросъ:—мой путь къ богатству гораздо проще: я намѣренъ жениться на богатой наслѣдницѣ. — Вивіенъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на говорившаго: онъ выглядѣлъ очень хорошо. Вивіенъ продолжалъ осматривать его съ ногъ до головы; тогда онъ отвернулся съ довольной и многозначительной улыбкой.

— Конечно, — сказалъ я серьезно (объясняя себѣ улыбку)—вы правы; вы даже лучше собою, чѣмъ этотъ....

Вивіенъ покраснѣлъ; но прежде чѣмъ онъ собрался отвѣчать, другой изъ молодыхъ людей, въ то время, какъ общество приходило въ себя послѣ смѣха, возбужденнаго хвастливой выходкой, сказалъ:

— Если вамъ непремѣнно нужна богатая наслѣдница, такъ вотъ одна изъ самыхъ богатыхъ во всей Англіи, но чтобы имѣть право искать руки Фанни Тривеніонъ, надо быть, по крайней мѣрѣ, графомъ, а не младшимъ въ семействѣ, съ тремя жизнями между васъ и Ирландскимъ перствомъ.

Звукъ этого имени пронзилъ меня, я чувствовалъ дрожь, и, поднявъ глаза, увидѣлъ леди Эллиноръ и миссъ Тривеніонъ, спѣшившихъ изъ кареты ко входу въ оперу. Онѣ обѣ узнали меня, и Фанни воскликнула:

— Вы здѣсь! Какъ это хорошо! Проводите насъ до ложи; послѣ, если хотите, можете уйти.

— Я не такъ одѣтъ, — отвѣчалъ я, смущенный.

— Какой вздоръ! — сказала миссъ Тривеніонъ, потомъ, понизивъ голосъ, прибавила:—отчего вы такъ упрямо убѣгаете насъ? — и, взявъ меня за руку, почти насильно увлекла въ корридоръ. Молодые люди, стоявшіе у входа, разступились передъ нами и осматривали меня, безъ сомнѣнія, съ завистью.

Digitized by Google

— Помилуйте! — сказалъ я, притворяясь улыбающимся, увидѣвъ, что миссъ Тривеніонъ ждетъ моего отвѣта, — вы знаете, какъ мало у меня времени для такого рода удовольствій, а дядюшка....

— Мы сегодня ѣздили навѣстить вашего дядюшку: онъ почти здоровъ; не правда ли, мама? я не умѣю сказать вамъ, до какой степени я его люблю, и какъ ему удивляюсь. Такимъ воображаю я себѣ Дугласа прежняго временъ. Мама начинаетъ терять терпѣніе. Вамъ надо завтра обѣдать съ нами — обѣщайтесь! — не *прощайте*, а *до свиданья*! — И Фанни взяла руку матери. Леди Эллиноръ, всегда ласковая и благосклонная ко мнѣ, внимательно дожидалась конца этаго діалога, или лучше монолога.

Когда я возвратился къ выходу, я нашелъ Вивіена ходившимъ по немъ взадъ и впередъ; онъ зажегъ сигару и курилъ энергически.

Эта богатая наслѣдница, — сказалъ онъ, смѣясь, — которая, сколько я могъ разглядѣть ее подъ ея капишономъ, кажется, столько же хороша, сколько и богата, должна быть дочь того мистера Тривеніонъ, котораго щедроты вы такъ любезно передавали мнѣ. Такъ онъ очень богатъ? Вы этого никогда не говорили, однако это бы, кажется, надо было знать мнѣ: но вы видите, что я ничего не знаю о вашемъ *beau monde* — даже и того, что миссъ Тривеніонъ одна изъ самыхъ богатыхъ наслѣдницъ цѣлой Англіи.

— Да, мистеръ Тривеніонъ богатъ,—сказалъ я, удерживая вздохъ — очень богатъ.

— И вы его секретарь! любезный другъ, вамъ можно проповѣдывать мнѣ терпѣнье, потому что вамъ большая его доля совершенно лишняя.

— Я васъ не понимаю.

— Однако не хуже меня, слышали, что говоритъ тотъ молодой джентльменъ, и вы живете въ одномъ домѣ съ наслѣдницею:

— Вивіенъ!

Digitized by Google

— Что такое?

— Вы говорите объ молодомъ человѣкѣ; развѣ вы не слыхали отвѣта его товарища: «надо по крайней мѣрѣ быть графомъ, чтобы искать руки Фанни Тривеніонъ?

— По этому надо быть милліонеромъ, чтобы имѣть право на милліонъ! — Я думаю однако, что тѣ, которые наживаютъ милліоны, по большей части начинаютъ съ пенсовъ.

— Такое убѣжденіе должно успоконвать васъ и придать вамъ бодрости, Вивіенъ. Прощайте: у меня много дѣла.

— Прощайте же, — сказалъ Вивіенъ. — И мы разстались. Я пошелъ къ дому мистера Тривеніонъ и въ его кабинетъ. Тамъ ждало меня огромное количество запущенной работы; я сперва сѣлъ за нее съ твердой рѣшимостью; но постепенно мои мысли стали убѣгать отъ нескончаемыхъ книгъ и перо скользнуло изъ руки, посреди выписки изъ донесенія о Сіерра-Леонѣ. Пульсъ мой бился громко и скоро. Я былъ въ состояніи первической лихорадки, которое можетъ быть произведено только сильнымъ волненіемъ. Сладкій голосъ Фанни звучалъ въ моихъ ушахъ; ея глаза, какъ я видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ, необыкновенно ласковые, почти умоляющіе, глядѣли на меня, куда бы ни повернулся я, и тутъ, какъ бы на смѣхъ, я опять слышалъ эти слова: «нужно, по крайней мѣрѣ, быть графомъ, чтобы искать руки ея.»—О! неужели я искалъ этой руки?—Неужели я до такой степени обезумѣлъ? Неужели я до того измѣнилъ гостепріимству? Нѣтъ! нѣтъ! Такъ за чѣмъ же я остался подъ одной кровлей съ нею? — за чѣмъ оставаться и впивать этотъ ядъ, отравляющій всѣ источники моей жизни? При этомъ вопросѣ, который, будь я годомъ или двумя старше, я предложилъ бы себѣ ужъ давно, мною овладѣлъ смертельный ужасъ, кровь хлынула отъ сердца и оставила меня совершенно холоднымъ, холоднымъ какъ ледъ. Оставить домъ! оставить Фанни! Никогда больше не видѣть этихъ глазъ, никогда не слышать ея голоса! Лучше умереть отъ сладкой отравы, нежели отъ самовольнаго лишенія. Я всталъ, отворилъ окно, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ: я не

Digitized by Google

зналъ, на что рѣшиться, не могъ думать ни о чемъ. Съ твердымъ желаніемъ переломить себя подошелъ я опять къ столу. Я рѣшился принудить себя работать, хоть бы для того только, чтобы собрать силы и сдѣлать ихъ способными перенести мои мученія. Я нетерпѣливо перебиралъ книги, какъ вдругъ.... какъ вдругъ, зарытое между ними, взглянуло на меня лицо самой Фанни! То былъ ея портретъ въ миніатюрѣ. Я зналъ, что нѣсколько дней тому назадъ его дѣлалъ одинъ молодой художникъ, которому покровительствовалъ Тривеніонъ. Онъ вѣроятно принесъ его въ кабинетъ и забылъ объ немъ. Художникъ уловилъ ея особенное выраженіе — ея невыразимую улыбку, такую очаровательную, плутовскую, даже ея любимую позу, съ головкой, обращенной къ округленному, какъ у Гебы, прекрасному плечу; глаза сверкали изъ подъ рѣсницъ. Не знаю, какое новое сумасбродство овладѣло мной; я упалъ на колѣни и цѣлуя портретъ, залился слезами; и что это были за слезы! Я не слышалъ, какъ отворилась дверь, не видѣлъ, какъ скользнула по полу тѣнь; легкая рука коснулась моего плеча и дрожала; я тоже вздрогнулъ — надо мною стояла сама Фанни!

— Что съ вами? — спросила она нѣжно — что вы? вашъ дядюшка, семейство.... всѣ здоровы? о чемъ вы плачете?

Я не могъ отвѣчать, но упорно закрывалъ руками портретъ.

— Вы не хотите отвѣчать? Развѣ я не другъ вашъ? Я почти ваша сестра. Не позвать-ли маменьку?

— Да, да, ступайте, ступайте!

— Нѣтъ, я не пойду. Что у васъ тутъ?—что вы прячете?

И невинно и непринужденно ея руки схватили мои руки, такъ что портретъ сталъ виденъ! Сдѣлалось мертвое молчаніе. Я взглянулъ сквозь слезы: Фанни отошла на нѣсколько шаговъ, щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, глаза были опущены. Мнѣ казалось, что я совершилъ преступленье, однако я удержалъ, да, слава Богу, я удержалъ крикъ, рвавшійся у меня изъ сердца, который просился на

Digitized by Google

уста: Пожалѣйте меня, потому что я люблю васъ! Я удержалъ его, и у меня вырвалось рыданіе, скорбь о потерянномъ счастьи. Я всталъ, положилъ портретъ на столъ и голосомъ, который, кажется, былъ твердъ, сказалъ:

— Миссъ Тривеніонъ, вы были ко мнѣ добры, какъ сестра; поэтому я, какъ братъ, прощался съ вашимъ портретомъ: онъ такъ похожъ.

— Прощались? — сказала Фанни, все еще не подымая глазъ.

— Прощайте, *сестрица*! Я смѣло сказалъ это слово, потому что.... потому что.... — Я выбѣжалъ къ двери и прибавилъ, помнится, съ улыбкой — потому что дома говорятъ, что я.... что я не здоровъ; мнѣ это надоѣло; вы знаете, матери иногда странны; и.... и.... я завтра же хочу говорить съ вашимъ отцомъ;.... доброй ночи.... Прощайте.... миссъ Тривеніонъ!

(*До слѣдующей книги*).

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

И отецъ отодвинулъ книги.

О юный читатель, или читатель, который былъ молодъ, помнишь ли то время, когда съ безпокойствомъ и грустью, еще хранимыми въ тайнѣ, ты, изъ суроваго и непріязненнаго свѣта, открывшагося тебѣ при первомъ шагѣ за домашній порогъ, возвратился къ четыремъ мирнымъ стѣнамъ, между которыхъ невозмутимо сидятъ старики, помнишь ли, съ какою досадой ты смотрѣлъ на ихъ спокойствіе и миръ? Какъ недвижно-далеко отъ буйной молодости кажется это поколѣніе, предшествовавшее тебѣ на пути страстей, поколѣніе твоихъ родителей (иногда, по лѣтамъ, не слишкомъ много отъ тебя разное)! Въ немъ спокойствіе классическаго вѣка, античное, подобно статуямъ Грековъ. Какъ странно противорѣчатъ твоему лихорадочному раздраженію: это мирное однообразіе колеи, въ которое погрузились они, этѣ прежнія жизни, — занятія, которыхъ достаточно для ихъ счастія, занятія у

Digitized by Google

камина, въ креслѣ и углѣ, каждымъ присвоенныхъ! И они даютъ тебѣ мѣсто, привѣтствуютъ тебя, и принимаются опять за прерванныя занятія, какъ будто бы не случилось ничего! Ничего не случилось! А въ сердцѣ твоемъ, между тѣмъ, быть можетъ, земля соскочила съ оси и стихіи объявили другъ другу войну.... И вы садитесь, задавленные невозмутимымъ счастіемъ, котораго уже не можете раздѣлять, безсознательно смѣетесь, смотрите въ огонь; и можно отвѣчать десять противъ одного, что вы не скажете ни слова, покуда не придетъ время сна: тогда вы берете свѣчу и тащитесь грустные въ одинокую горницу.

Если, среди зимы, три пассажира дилижанса сидятъ въ немъ тепло и спокойно, и четвертый, покрытый снѣгомъ и обмерзшій, слѣзаетъ съ наружнаго мѣста и внезапно помѣщается между нихъ, они начинаютъ тѣсниться, оправляютъ воротники шинелей, подвигаютъ подушки, лежащіе подъ ногами, и обнаруживаютъ неудовольствіе отъ потери теплорода: новый гость, значитъ, произвелъ впечатлѣніе. Будь же въ вашемъ сердцѣ всѣ снѣга горъ Грампіанскихъ, вы войдете незамѣченные: не наступите только на ноги кому-нибудь, никто и не подумаетъ о васъ, — ничто не тронется съ мѣста и на инчь!

Я не смыкалъ глазъ и даже не ложился въ ночь, послѣдовавшую за прощаніемъ съ Фанни Тривеніонъ: утромъ, едва встало солнце, я вышелъ, куда? самъ не знаю. Остались лишь смутно въ воспоминаніи: длинныя, сѣрыя, пустыя улицы; рѣка, которая въ мрачномъ молчаніи текла далеко, далеко, въ какую-то невидимую вѣчность; деревья, зелень, веселыя голоса дѣтей. Я вѣроятно прошелъ съ одного конца великаго Вавилона на другой, но память моя прояснилась только, когда, уже послѣ полудня, я постучался у дверей отцовскаго дома, и, съ трудомъ поднявшись на лѣстницу, очутился въ гостинной, обыкновенномъ мѣстѣ сборища небольшаго семейства. Съ тѣхъ поръ, какъ мы жили въ Лондонѣ, у отца не было особенной комнаты для занятій: онъ устроилъ себѣ «уголъ,» уголъ на столько про-

Digitized by Google

сторный, что въ немъ вмѣщались два стола, этажерка, и нѣсколько стульевъ заваленныхъ книгами. На противоположной сторонѣ этого объемистаго угла сидѣлъ дядя, почти совершенно оправившійся, и записывалъ что-то такое въ маленькую, красную счетную книжку: вы знаете, что дядя Роландъ, въ своихъ издержкахъ, былъ человѣкъ самый методичный.

Лицо моего отца было веселѣе обыкновеннаго, ибо передъ нимъ лежалъ первый оттискъ его перваго творенія, его единственнаго творенія, Большой Книги! Она, таки нашла себѣ издателя. А спросите у любаго автора, что значитъ первый оттискъ перваго творенія? Матери моей не было: она, безъ сомнѣнія, съ вѣрною миссисъ Приммисъ, отправилась въ лавки или на рынокъ. Такъ какъ оба брата были заняты, естественно, что появленіе мое не произвело того впечатлѣнія, какое произвела бы бомба, пѣвецъ, ударъ грома или послѣдняя новость сезона, или всякая иная вещь, производившая шумъ въ бывалое время. Ибо что производитъ впечатлѣніе, что надѣлаетъ шума теперь? Теперь, когда удивительнѣе всѣхъ вещей наша привычка къ вещамъ удивительнымъ?

Дядя кивнулъ мнѣ головой, и что-то проворчалъ; отецъ....

— Отодвинулъ книги, —да вы ужь сказали намъ это.—

Сэръ, вы крайне ошибаетесь: онъ не тогда отодвинулъ книги, ибо тогда онъ былъ занятъ не ими, а пробнымъ оттискомъ. Онъ улыбнулся, многозначительно показалъ на него (на оттискъ), какъ бы желая сказать: «чего ты теперь можешь ожидать, Пизистратъ! Мой новорожденный-то, и еще не во всей формѣ!»

Я поставилъ стулъ между ними, взглянулъ на одного, потомъ на другаго, и — да проститъ мнѣ небо! — почувствовалъ возмутительное, неблагодарное зло на обоихъ: глубока, видно, была горечь моего расположенія, что пролилась она въ эту сторону. Юношеское горе—ужасный эгоистъ, и это правда. Я всталъ и подошелъ къ окну: оно

Digitized by Google

было открыто; снаружи висѣла клѣтка съ канарейкой миссисъ Приммисъ. Лондонскій воздухъ пришелся по ней и она весело пѣла. Увидавъ меня противъ клѣтки, стоявшимъ съ мрачнымъ видомъ и внимательно на нее смотрѣвшимъ, канарейка остановилась и свѣсила голову на сторону, подозрительно глядя на меня, какъ бы изъ подлобья. Но замѣтивъ, что я не замышляю дурнаго, она, робко и вопросительно, стала пускать отрывистыя ноты, по временамъ прерывая ихъ молчаніемъ; наконецъ, такъ какъ я не дѣлалъ возраженій, она, очевидно, сочла себя разрѣшившею недоумѣніе, ибо постепенно перешла къ такимъ сладкимъ и серебрянымъ аккордамъ, что я понялъ, что ей хотѣлось утѣшить меня, меня, ея стараго друга, котораго неосновательно подозрѣвала она. Никогда никакая музыка не трогала меня такъ глубоко, какъ ея длинные, жалобные переливы. Замолчавъ, птичка сѣла на рѣшетку клѣтки, и внимательно смотрѣла на меня своими свѣтлыми, понятливыми глазами. Я чувствовалъ слезы на моихъ глазахъ, отвернулся и остановился по серединѣ комнаты, не рѣшаясь, что дѣлать, куда итти. Отецъ, кончивъ занятіе сочиненіемъ, погрузился въ свои фоліанты. Роландъ закрылъ свою счетную книжку, спряталъ ее въ карманъ, тщательно обтеръ перо и смотрѣлъ на меня изъ подъ своихъ густыхъ, задумчивыхъ бровей.

— Да бросьте вы эти проклятыя книги, братъ Остинъ! Посмотрите, что у него на лицѣ такое! Ну-ка, разрѣшите это, если умѣете!

ГЛАВА II.

И отецъ отодвинулъ книги, и поспѣшно всталъ. Онъ снялъ очки, тихо потеръ ихъ, но не сказалъ ни слова, а дядя, поглядѣвъ на него съ минуту, какъ бы пораженный его молчаніемъ, воскликнулъ:

— О, понимаю! онъ попался въ какую-нибудь глупую продѣлку, а вы сердитесь! Не хорошо! молодой крови нужно теченіе, Остинъ: нужно. Я за это не сержусь: другое дѣло когда.... подите сюда, Сисси! Говорятъ вамъ, подите сюда!

Digitized by Google

Отецъ тихо отвелъ руку капитана и, подойдя ко мнѣ, открылъ мнѣ свои объятія. Мигъ спустя, я рыдалъ у него на груди.

— Что это значитъ?—воскликнулъ капитанъ Роландъ:— неужели никто этого не скажетъ мнѣ? Денегъ что-ли, денегъ, вѣрно, надо этому повѣсѣ! Ксчастію, есть дядя, у котораго ихъ болѣе, нежели нужно ему. Сколько? пятьдесятъ? сто, двѣсти? Почемъ-же мнѣ знать, если вы не скажете?

— Полноте, братъ! вашими деньгами тутъ ничего не поправишь. Бѣдный Систи! Что, отгадалъ я? Отгадалъ я намедни, когда....

— Отгадали, сэръ, отгадали! Мнѣ было такъ грустно. Но теперь легче: я могу сказать вамъ все.

Дядя тихо пошелъ къ двери: утонченное чувство деликатности навело его на мысль, что онъ могъ быть лишнимъ въ откровенной бесѣдѣ между сыномъ и отцемъ.

— Нѣтъ, дядюшка, — сказалъ я, удерживая его за руку, — постойте: вы тоже можете посовѣтовать мнѣ, поддержать меня. Я до сихъ поръ былъ вѣренъ чести: помогите мнѣ не измѣнить ей!

При звукѣ слова: честь, капитанъ молча остановился и приподнялъ голову.

Тутъ я сказалъ все, сначала довольно безсвязно, потомъ, по немногу, яснѣе и полнѣе. Теперь я знаю, что влюбленные не имѣютъ обычая ввѣряться отцамъ и дядямъ. Научаясь изъ зеркаловъ жизни, театральныхъ пьесъ и повѣстей, они выбираютъ лучше: слугъ и горничныхъ или друзей, съ которыми сошлись на улицѣ, какъ я съ бѣднымъ Франсисомъ Вивіеномъ; имъ раскрываютъ они сердечныя треволненія. Для отцовъ и дядей они нѣмы, непроникаемы, застегнуты до подбородка. Каксгоны были самое эксентрическое семейство, и не дѣлали никогда ничего, какъ другіе. Когда я кончилъ, я поднялъ глаза и жалобно спросилъ:

— Ну, теперь скажите мнѣ, есть надежда? или никакой?

— Отчего не быть? — поспѣшно отвѣчалъ капитанъ. Де-Каксгоны такая же фамилія, какъ Тривеніоны; что до васъ

Digitized by Google

лично, я думаю, что молодая леди можетъ выбрать гораздо хуже, для своего собственнаго счастія.

Я пожалъ дядину руку и со страхомъ повернулся къ отцу, ибо зналъ, что, не смотря на его привычку къ уединенію, онъ такъ здраво судилъ о всѣхъ свѣтскихъ отношеніяхъ, какъ немногіе, — если нужно было ему для другаго взглянуть на нихъ вблизи. Странная вещь: какую глубокую мудрость оказываютъ ученые и поэты въ чужихъ дѣлахъ, и какъ рѣдко употребляютъ ее въ своихъ! И почему все это такъ на свѣтѣ? Я взглянулъ на отца, и надежда, возбужденная во мнѣ Роландомъ, быстро разсѣялась.

— Братъ, — сказалъ отецъ тихо и качая головой, — свѣтъ, который предписываетъ законы тѣмъ, кто живетъ въ немъ, не даритъ большимъ вниманіемъ родословную, когда не связано съ ней права на владѣнія.

— Тривеніонъ былъ не богаче Пизистрата, когда женился на Эллинорѣ, — отвѣчалъ дядя.

— Правда, но леди Эллиноръ была тогда не наслѣдница, и отецъ ея смотрѣлъ на эти вещи, какъ ни одинъ, можетъ быть, перъ въ цѣлой Англіи. Самъ Тривеніонъ, я думаю, не имѣетъ предразсудковъ на счетъ сословія, но онъ строгъ въ практическомъ смыслѣ. Онъ кичится тѣмъ, что человѣкъ практическій. Безразсудно было бы говорить съ нимъ о любви, объ увлеченіяхъ юности. Въ сынѣ Огюстена Кастонъ, живущаго процентами съ какихъ-нибудь 15 или 16 т. ф., онъ увидѣлъ бы такую партію, которую не похвалилъ бы ни одинъ благоразумный человѣкъ въ его положеніи. Ну, а леди Эллиноръ....

— Она много еще должна намъ, Остинъ! — воскликнулъ Роландъ, насупившись.

— Леди Эллиноръ та женщина, которая — знай мы ее лучше прежде — и обѣщала быть честолюбивой, блестящей, свѣтской. Неправда ли, Пизистратъ?

Я не отвѣчалъ ничего. Я слишкомъ много чувствовалъ.

— А дѣвушка-то любитъ васъ? — ну да это ясно, что любитъ! — замѣтилъ Роландъ. — Судьба, судьба! злопо-

Digitized by Google

лучно это семейство для насъ! Впрочемъ, это ваша вина, Остинъ! Зачѣмъ было пускать его туда?

— Сынъ мой теперь не ребенокъ, — сердцемъ, по крайней-мѣрѣ, если не лѣтами: гдѣжь мнѣ оберечь его отъ опасностей и искушенья? Нашли же онѣ меня, братъ, въ нашихъ развалинахъ! — тихо отвѣчалъ отецъ.

Дядя прошелъ раза три по комнатѣ, остановился, скрестилъ руки и рѣшилъ:

— Да, если дѣвушка васъ любитъ, недоумѣніе вдвоимѣ понятно: нельзя пользоваться ея расположеніемъ. Вы хорошо сдѣлали, что оставили ихъ домъ, искушеніе было бы непосильно.

— Но что мнѣ сказать Тривеніону? — спросилъ я робко — какую исторію я выдумаю? Сколько беззаботенъ онъ, покуда вѣритъ человѣку, столько проницателенъ, когда начинаетъ подозрѣвать: онъ пойметъ, онъ увидитъ насквозь всѣ мои хитрости и ... и....

— Это просто и прямо, какъ пика, — коротко возразилъ дядя — тутъ никакихъ хитростей не нужно: — «Я долженъ разстаться съ вами, мистеръ Тривеніонъ» — «Почему?» — «Не спрашивайте.» — Онъ настаиваетъ. — «Если такъ, сэръ, если вы непремѣнно хотите знать почему, — я люблю вашу дочь. У меня нѣтъ ничего, она богатая наслѣдница. Вы этой любви сочувствовать не можете, я и оставляю васъ!» — Вотъ какъ долженъ поступить Англійскій джентельменъ, а, Остинъ?

— Вы всегда правы, когда говорятъ ваши инстинкты, Роландъ! — отвѣчалъ отецъ. — Скажешь ты это, Пизистратъ, или мнѣ сказать за тебя?

— Пусть скажетъ самъ! — сказалъ Роландъ, — и пусть самъ судитъ объ отвѣтѣ. Онъ молодъ, смышленъ, пусть дѣйствуетъ въ свѣтѣ своимъ лицомъ. А Тривеніонъ пусть отвѣчаетъ. Пожавъ лавры, умѣйте покорить даму, какъ древніе рыцари. Во всякомъ случаѣ, помните, что услышите недоброе.

— Я пойду — сказалъ я твердо.

Digitized by Google

Я взялъ шляпу и вышелъ. Между тѣмъ какъ я выходилъ на лѣстницу, я услышалъ легкіе шаги, спускавшіеся съ верхней лѣстницы, и маленькая ручка схватила мою. Я живо обернулся и встрѣтилъ полные, темные, мрачно-тихіе глаза Бланшь.

— Не уходите, Сисси, — сказала она ласково. — Я ждала васъ, я слышала вашъ голосъ, но боялась войти и помѣшать.

— Для чего-жь вы меня ждали, Бланшь?

— Для чего? Такъ, чтобъ васъ видѣть. У васъ глаза краспы. О, братецъ! — И, прежде нежели замѣтилъ я ея дѣтскій порывъ, она прыгнула мнѣ на шею и цѣловала меня. Бланшь была не похожа на большую часть дѣтей, и была скупа на ласки: стало быть она цѣловала меня отъ глубины своего ребяческаго сердца. Я отплатилъ ей тѣмъ-же, не сказавъ ни слова, спустился скоро по лѣстницѣ и выбѣжалъ на улицу. Не далеко отошелъ я, когда услышалъ голосъ отца: онъ нагналъ меня, взялъ меня подъ руку и сказалъ:

— Развѣ не двое насъ страдальцевъ? Пойдемъ вмѣстѣ!

— Я пожалъ его руку, и мы пошли, молча. Когда мы поравнялись съ домомъ Тривеніона, я, нерѣшительно, спросилъ:

— Не лучше-ли, сэръ, войти мнѣ одному. Если должно быть объясненіе между Тривеніономъ и мной, не покажется-ли ваше присутствіе или просьбой къ нему, которая унизитъ обоихъ насъ, или сомнѣніемъ во мнѣ, которое....

— Разумѣется, ты войдешь одинъ: я подожду....

— Не на улицѣ-же, батюшка! — воскликнулъ я, невыразимо тронутый.

Все это было такъ противно привычкамъ моего отца, что меня уже мучило раскаяніе въ томъ, что я вмѣшалъ юношескія мои треволненія въ тихое достоинство его безоблачной жизни.

— Сынъ мой, ты не знаешь, какъ я тебя люблю. Я самъ узналъ это недавно. Посмотри, я весь живу въ тебѣ, моемъ первенцѣ, не въ моемъ другомъ сынѣ, Большой Книгѣ.

Digitized by Google

Надо-же и мнѣ дѣйствовать по моему разумѣнію: войди-же; вотъ дверь? Развѣ не эта?

Я пожалъ руку отца и почувствовалъ тогда, что покуда эта рука будетъ отвѣчать на мое пожатіе, даже потеря Фанни Тривеніонъ не сдѣлаетъ для меня изъ свѣта пустыню. Сколько у насъ впереди въ жизни, покуда есть у насъ родители! Какъ многаго еще можемъ мы домогаться и надѣяться! Какой поводъ побѣждать наше горе въ томъ, чтобы они не горевали съ нами!

ГЛАВА III.

Я вошелъ въ кабинетъ Тривеніона. Въ этотъ часъ онъ рѣдко бывалъ дома, но я объ этомъ не подумалъ, и безъ малѣйшаго удивленія увидѣлъ, что онъ, противъ привычки, сидитъ въ своемъ креслѣ и читаетъ одного изъ своихъ любимыхъ классиковъ, вмѣсто того чтобъ быть въ одномъ изъ комитетовъ Нижней-Палаты.

— Хорошъ мальчикъ! — сказалъ онъ, взглянувъ на меня, — оставляетъ меня на все утро, и Богъ знаетъ отчего. А комитетъ мой отложенъ, ораторъ боленъ: больнымъ лучше бы не ходить въ Нижнюю-Палату. Вотъ я и сижу, да любуюсь на Проперція, а Парръ правъ: у него нѣтъ щегольства Тибуллова. Да фу, чортъ возьми, что съ вами дѣлается? Что-жь вы не садитесь? Гм! Вы что-то заняты какъ будто чѣмъ-нибудь? Вамъ надо сказать что-нибудь мнѣ: говорите!

И, положивъ Проперція, Тривеніонъ перемѣнилъ острое выраженіе своего лица на внимательное и серьёзное.

— Любезный мистеръ Тривеніонъ — сказалъ я, какъ умѣлъ тверже; — вы всегда были добры ко мнѣ, и, внѣ моего семейства, нѣтъ человѣка, кого бы я любилъ и уважалъ больше васъ.

Тривеніонъ. Гм! Что это все значитъ? (понижая голосъ) обмануть что-ли хотятъ меня?

Пизистратъ. Не считайте-же меня неблагодарнымъ, когда я скажу, что пришелъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы оставить мою должность при васъ, разстаться съ домомъ, гдѣ я былъ такъ счастливъ.

Digitized by Google

Тривеніонъ. Оставить домъ! Ба! я завалилъ васъ работой. Впередъ я буду снисходительнѣе. Вы должны простить политико-эконому: свойство нашей братьи — смотрѣть на людей, какъ на машинъ.

Пизистратъ (слегка улыбаясь). О нѣтъ, не то! Мнѣ жаловаться не на что! Не къ чему желать перемѣны въ чемъ-бы то ни было, если бы я могъ остаться.

Тривеніонъ (всматриваясь въ меня задумчиво). А отецъ вашъ согласенъ, чтобы вы меня оставили такимъ образомъ?

Пизистратъ. Вполнѣ.

Тривеніонъ (подумавъ съ минуту). Я вижу, ему хочется послать васъ въ Университетъ, сдѣлать изъ васъ такого-же книжника, какъ самъ онъ. Напрасно: этого не будетъ никогда, вы никогда не сдѣлаетесь въ строгомъ смыслѣ ученымъ; это не въ вашей природѣ. Молодой человѣкъ, я, хоть и кажусь безпечнымъ, умѣю угадывать характеры, когда захочу, и очень скоро. Вы дурно дѣлаете, что оставляете меня: вы рождены для свѣта, для дѣятельнаго участія въ его жизни; я могу открыть вамъ славную каррьеру. Я хочу этого! Леди Эллиноръ тоже хочетъ этого, она этого требуетъ, столько же для вашего отца, сколько для васъ самихъ. Я никогда не просилъ никакого одолженія у министровъ, не буду просить. Но (въ это время Тривеніонъ быстро всталъ и, съ выраженіемъ откровенности и рѣзкимъ жестомъ рукою, прибавилъ) — но самъ министръ можетъ располагать своимъ покровительствомъ, какъ ему угодно. Смотрите-же, это до сихъ поръ тайна, и я ввѣряю ее вамъ. Но, не кончится годъ — и я буду въ кабинетѣ. Останьтесь при мнѣ, я отвѣчаю вамъ за блестящее будущее: три мѣсяца тому я не сказалъ бы этого. Мало по малу я открою вамъ Парламентъ: теперь еще рано; покуда работайте. А теперь, садитесь и пишите мои письма: мы ужасно запустили дѣло!

— Добрый, добрый мистеръ Тривеніонъ! — сказалъ я, до того тронутый, что едва могъ говорить, и взялъ его руку, которую крѣпко сжалъ: — я не смѣю благодарить васъ, не могу! Вы не знаете моего сердца: тутъ не честолюбіе. Нѣтъ! О, если бъ можно было мнѣ навсегда остаться

Digitized by Google

на тѣхъ же условіяхъ, здѣсь, *здѣсь* (я грустно смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ наканунѣ вечеромъ, стояла Фаини).... Но это не возможно! Еслибы вы знали все, вы первые предложили бы мнѣ оставить васъ.

— Вы надѣлали долговъ? — сказалъ свѣтскій человѣкъ холодно. — Это дурно, очень дурно, но....

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ: хуже!

— Хуже врядъ-ли можетъ быть, молодой человѣкъ, да, едва-ли! Впрочемъ, дѣлайте какъ хотите: вы хотите оставить меня и не хотите сказать, отчего. Прощайте. Чего-жь вы ждете? Дайте мнѣ вашу руку, и ступайте.

— Такъ я не оставлю васъ ни за что: я.... я.... сэръ, вы должны узнать истину. Я на столько безуменъ и безразсуденъ, что не умѣлъ смотрѣть на миссъ Тривеніонъ, и, въ то же время, забыть, что я бѣденъ, и....

— А! — прервалъ Тривеніонъ, тихо и поблѣднѣвъ: — это, въ самомъ дѣлѣ, несчастіе! А я-то, говорилъ, что понимаю характеры. Правда, правда: всѣ мы хваленые практическіе люди — сумасшедшіе, сумасшедшіе. И вы ухаживали за моей дочерью?

— Сэръ, М. Тривеніонъ! нѣтъ, никогда, никогда не былъ я такъ низокъ! Въ вашемъ домѣ, пользуясь вашимъ довѣріемъ.... какъ вы могли это подумать? Можетъ быть, я осмѣлился любить, можетъ быть понялъ, что не безчувственъ къ искушенію, для меня слишкомъ сильному. Но, сказать это вашей дочери, требовать любви отъ нее — я скорѣе взломилъ бы вашу конторку! Я откровенно признаюсь вамъ въ моемъ безумствѣ: это — безумство, не низость!

Тривеніонъ быстро подошелъ ко мнѣ — я прислонился къ полкѣ съ книгами — схватилъ мою руку съ сердечной лаской и сказалъ:

— Простите меня! Вы поступили, какъ сынъ вашего отца! Я завидую ему въ такомъ сынѣ! Теперь, выслушайте меня: я не могу отдать вамъ моей дочери....

— Повѣрьте, сэръ, я никогда....

— Постойте, выслушайте! Я не могу за васъ отдать мою дочь. Я ничего не говорю о неравенствѣ: всѣ джен

Digitized by Google

тельмены равны; если же и нѣтъ, то всякое притязаніе на преимущество, въ такомъ случаѣ, было бы крайне неумѣстно въ человѣкѣ, который самъ обязанъ своимъ состояніемъ женѣ. Теперь у меня твердое мѣсто въ свѣтѣ, и снискалъ я его не однимъ состояніемъ, но трудомъ цѣлой жизни: я, подавилъ половину моей натуры, — избилъ, обтесалъ и погнулъ все, что было славою и радостью мой юности, для того чтобы сдѣлаться Англійскимъ *государственнымъ человѣкомъ*! Это положеніе постепенно выразилось своимъ естественнымъ результатомъ, властью. Я говорю вамъ, что я скоро буду играть важную роль въ администраціи: я надѣюсь оказать большія услуги Англіи, ибо мы, Англійскіе политики, что ни говорятъ о насъ толпа и журналы, не себялюбивые искатели мѣстъ. Десять лѣтъ тому назадъ я отказался отъ того самаго мѣста, котораго жду теперь. Мы вѣримъ въ наше мнѣніе и кланяемся власти, которая можетъ привести его въ исполненіе. Въ этомъ кабинетѣ у меня будутъ враги. О, не думайте, чтобы мы оставляли зависть позади себя, у дверей Даунингъ-стритъ! Я буду однимъ изъ меньшинства. Я очень хорошо знаю, что должно случиться: подобно всѣмъ людямъ съ властью, мнѣ надо искать опоры въ головахъ и рукахъ, помимо моихъ собственныхъ. Дочь моя породнитъ меня съ домомъ Англіи, наиболѣе мнѣ нужнымъ. Жизнь моя распадется до основанія, какъ карточный домикъ ребенка, если расточу я — не говорю на васъ — на людей съ состояніемъ вдесятеро, большимъ вашего, средства къ силѣ, которыя къ моимъ услугамъ въ рукѣ Фанни Тривеніонъ. Объ этомъ я ужъ думалъ, а мать ужь хлопотала: эти домашнія дѣла входятъ въ число надеждъ мужчины, но принадлежатъ къ политикѣ женщины. Довольно объ насъ. — Что до васъ, мой добрый, благородный, искренній другъ, что до васъ, будь я не отецъ Фанни, а вашъ ближайшій родственникъ, и было бы также легко получить Фанни, какъ пожелать этого, не смотря на ея княжеское приданое (оно, точно, княжеское), — вамъ я бы сказалъ: бѣгите отъ бремени на сердце, на дарованіе, на энергію, на гордость, на умъ, — отъ бремени, котораго

Digitized by Google

не вынесетъ и одинъ человѣкъ изъ десяти тысячъ; бѣгите отъ проклятія быть чѣмъ нибудь обязаннымъ женщинѣ: это противно всякому естественному положенію, это — поще-чина всему, что есть въ насъ человѣческаго! Вы не знаете, что это такое: я знаю! Состояніе моей жены пришло лишь послѣ женитьбы: это еще хорошо; это спасло меня много отъ славы искателя богатства. Но я увѣряю васъ честью, что, если бъ этого состоянія не было, я былъ бы болѣе гордымъ, великимъ и счастливымъ человѣкомъ, нежели былъ или могу быть когда-нибудь; при всѣхъ его выгодахъ, оно для меня, какъ жерновъ на шеѣ. И, однако, Эллинора никогда не промолвилась ни однимъ словомъ, которое бы задѣло мое самолюбіе. Была ли бы дочь ея также осторожна? Какъ ни много люблю я Фанни, но сомнѣваюсь, чтобъ было въ ней возвышенное сердце ея матери. Вы смотрите недовѣрчиво: естественно! О, вы думаете, я пожертвую счастіемъ моего ребенка честолюбію политика. Безуміе юности! Фанни была бы несчастна съ вами. Теперь, конечно, она бы этого не подумала, а лѣтъ черезъ пять! Фанни будетъ удивительная герцогиня, графиня, важная леди, но не жена она человѣку, который былъ бы обязанъ ей всѣмъ; нѣтъ, нѣтъ.... не мечтайте объ этомъ! Я не понесу на жертву ея счастія, вѣрьте этому! Я говорю просто, какъ мужчина съ мужчиной, какъ человѣкъ пожившій, съ человѣкомъ, только что вступающимъ въ жизнь, во всякомъ случаѣ какъ не-ребенокъ съ не-ребенкомъ. Вы что скажете?

— Я подумаю обо всемъ, что вы мнѣ сказали. Я знаю, что вы говорили со мной великодушно, какъ бы отецъ: теперь позвольте мнѣ идти, и да сохранитъ Богъ и васъ и всѣхъ вашихъ.

— Идите, желаю вамъ того же, идите! Я не оскорблю васъ предложеніями услугъ, но помните, что вы всегда имѣете право требовать ихъ отъ меня, во всякое время, въ какомъ бы ни было случаѣ. Постойте! захватите съ собой утѣшеніе, грустное теперь, большое въ будущемъ. Въ положеніи, которое должно бъ было возбудить гнѣвъ, пре-

Digitized by Google

зрѣніе, сожалѣніе, вы заставили человѣка съ сухимъ сердцемъ уважать васъ и удивляться вамъ. Вы, еще мальчикъ, заставили меня, съ моими сѣдыми волосами, измѣнить къ лучшему мое мнѣніе о цѣломъ свѣтѣ. Скажите это вашему отцу!....

Я заперъ дверь и вышелъ тихо, тихо. Когда я вошелъ въ залу, Фанни неожиданно отворила дверь изъ столовой, и, казалось, и взглядомъ и жестомъ, звала меня войти туда. Лицо ея было очень блѣдно, и на тяжелыхъ вѣкахъ были слѣды слезъ.

Я остановился на мгновенье, сердце мое сильно билось. Пробормотавъ что-то невнятно, я низко поклонился и поспѣшилъ къ двери.

Мнѣ показалось, впрочемъ, быть можетъ, слухъ обманулъ меня, что было произнесено мое имя; къ несчастію, рослый швейцаръ приподнялся съ своего кожанаго кресла, и, положивъ свою газету, уже отворилъ дверь на подъѣздъ. Я подошелъ къ отцу.

— Все кончено, — сказалъ я съ рѣшительной улыбкой. — Теперь, добрый батюшка, теперь-то чувствую я, какъ долженъ я благодарить васъ за все, чему ваши уроки, ваша жизнь научили меня; повѣрьте, я не несчастливъ.

ГЛАВА IV.

Мы воротились къ отцову дому, и на лѣстницѣ встрѣтили мою мать, встревоженную многозначительными взглядами Роланда и страннымъ отсутствіемъ ея Остина. Отецъ спокойно направилъ путь свой къ маленькой комнаткѣ, которую занимала матушка вмѣстѣ съ Бланшь, и, положивъ мою руку въ ту, которая помогла ему съ каменистаго пути сойти въ тихія юдоли жизни, сказалъ мнѣ:

— Природа даетъ тебѣ здѣсь утѣшителя — и вышелъ.

И это была правда. О матушка! какіе глубокіе родники утѣшенія природа вложила въ твое простое, любящее сердце! Мы приходимъ къ мужчинамъ за мудростью, къ женщинамъ — за утѣшеніемъ. Всю эту тысячу слабостей и сожалѣній, острыя песчинки мелочей, производящихъ горе, все то, чего не могъ повѣрить я мужчинѣ, даже ему,

Digitized by Google

добрѣйшему и нѣжнѣйшему изъ мужчинъ: все это раскрылъ я передъ тобой, безъ малѣйшаго стыда! Твои слезы, которыя падали на мои щеки, были слаще бальзама Аравіи; сердце мое наконецъ лежало убаюканное и успокоенное, подъ взглядомъ влажныхъ, милыхъ глазъ!

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и присоединился къ маленькому обществу на время обѣда: съ благодарностью чувствовалъ я, что не было съ ихъ стороны особенныхъ усилій успокоить меня, — ничего, кромѣ привязанности тихой, невозмутимой. Даже маленькая Бланшь, какъ бы по инстинкту своей симпатіи, забыла свою болтовню, и, когда подошла чтобъ сѣсть возлѣ меня, старалась ступать не слышно. Но послѣ обѣда, когда мы всѣ перешли въ гостинную, зажгли свѣчи, и опустили сторы, и только мимолетный звукъ колесъ напоминалъ, что былъ и внѣ всего этого еще міръ, отецъ началъ говорить. Онъ отложилъ всѣ свои занятія, младшее и менѣе безпокойное чадо, и началъ говорить.

— Извѣстная вещь — сказалъ онъ задумчиво — что есть лекарства, травы, которыя полезны для тѣла, въ случаяхъ его разстройства. Когда мы больны, мы не на удачу отворяемъ домашнюю аптеку, не беремъ стклянку или порошокъ, какъ они попадутъ подъ руку. Искусный врачь тотъ, кто соразмѣряетъ пріемъ съ болѣзнію.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, — возразилъ капитанъ Роландъ, — я помню замѣчательное подтвержденіе справедливости того, что вы говорите. Когда я былъ въ Испаніи, мы оба заболѣли въ одно время: моя лошадь и я; и ей и мнѣ предписано было лекарство; по проклятой ошибкѣ, я принялъ то, что было для нее, а она, бѣдная, — мое.

— И что же вышло? — спросилъ отецъ.

— Лошадь пала! — отвѣчалъ Роландъ, печально: — дорогая была лошадь и славная: свѣтло-гнѣдая, со звѣздочкой!

— А вы?

— Я? докторъ говорилъ, что пріему слѣдовало убить меня, но чтобъ убить человѣка въ моемъ полку, нужно было что-нибудь побольше бутылки какого-нибудь лекарства.

Digitized by Google

— Тѣмъ не менѣе, мы пришли къ одному заключенію, — сказалъ отецъ, — я съ моей теоріей, вы — съ вашимъ опытомъ, — что нельзя въ выборѣ лекарства вѣрить случаю, и что ошибка въ стклянкѣ можетъ убить лошадь. Когда дѣло идетъ объ исцѣленіи духа, какъ мало думаемъ мы о золотомъ правилѣ, которое здравый смыслъ прилагаетъ къ тѣлу!

— Это что еще? — сказалъ капитанъ — будто есть медицина для духа? Шекспиръ что-то сказалъ объ этомъ, и, если не ошибаюсь, утверждаетъ, что нѣтъ лекарства для разстроеннаго духа.

— Не думаю, братъ: онъ говорилъ, что духу не помогутъ пилюли и микстуры. И Шекспиръ самъ, конечно, менѣе всякаго другаго ошибался въ дѣйствіи своего искусства: онъ былъ великій врачь духа.

— Опять за то-же, братъ, опять эти книги! Такъ вы думаете, что когда у человѣка надрывается сердце, или онъ потеряетъ состояніе, или дочь (Бланшь, дитя мое, поди сюда), то стоитъ только приложить печатный пластырь къ больному мѣсту, и все хорошо. Желалъ бы я, чтобы нашли мнѣ эдакое леченіе....

— Хотите попробовать?

— Коли не по-Гречески — отвѣчалъ дядя.

ГЛАВА V.

Доказательства отца въ пользу гигіеническаго свойства книгъ.

— Если—сказалъ отецъ,—и рука полезла далеко подъ жилетъ — если положиться на авторитетъ Діодора въ дѣлѣ надписи надъ большою Египетскою библіотекой, — я не вижу, почему Діодоръ не можетъ быть также близокъ къ истинѣ, какъ и всякій другой? — прибавилъ онъ вопросительно, озирая кругомъ все общество.

Матушка приняла этотъ вопросъ на свой счетъ, и подтвердила авторитетъ Діодора граціознымъ наклоненіемъ головы. Удовольствовавшись этимъ подтвержденіемъ его мнѣнія, отецъ продолжалъ:

Digitized by Google

— Если, говорю я, положиться на авторитетъ Діодора, — надъ Египетской библіотекою было написано: «Медицина духа.» Нынѣ, эта фраза открыто сдѣлалась нестертою, и всякій безсмысленно повторяетъ, что книги — лекарства для духа.

— Это вы сказали намъ и прежде, два раза — рѣзко замѣтилъ капитанъ — но какое тутъ дѣло Діодору, я также не знаю, какъ житель луны.

— Такъ я никогда не дойду до цѣли — отвѣчалъ отецъ, не то съ упрекомъ, не то голосомъ просьбы.

— Будьте умны, дѣти, Роландъ и Бланшь, — сказала матушка, оставивъ работу и грозя иголкой; потомъ она уколола капитана въ плечо.

— *Rem acu tetigisti* — сказалъ отецъ, заимствуя у Цицерона его извѣстную остроту.* — Теперь все пойдетъ какъ по бархату. Я говорю, что книги, если брать ихъ безъ разбора, не исцѣлятъ скорбей и разстройствъ духа. Нуженъ цѣлый міръ науки, чтобъ умѣть обращаться съ ними. Я зналъ людей, которые, въ большомъ горѣ, прибѣгали къ повѣсти или къ легонькой, модной книжкѣ. Все равно употребить настой изъ розоваго листа отъ чумы! Легкое чтеніе не ведетъ ни къ чему, когда на сердцѣ, въ самомъ дѣлѣ, тяжело. Мнѣ говорили, что Гёте, когда потерялъ сына, сталъ изучать науку, новую для него. А Гёте былъ врачъ, который зналъ свое дѣло. Въ такомъ горѣ, не развлечь вамъ духа, не разщекотать его: нужно оторвать его отъ самаго себя, отвлечь, схоронить его въ бездну, запутать его въ лабиринтъ. Поэтому для неизлечимыхъ скорбей средняго и стараго возраста, я совѣтую послѣдовательный курсъ науки и строгаго мышленія, въ видѣ контръ-ирритаціи. Заставьте мозгъ дѣйствовать на сердце. Если наука черезъ-чуръ не по силамъ (не у всѣхъ насъ математическія головы), необходимо занятіе доступное по-

* Цицеронъ сказалъ сенатору, который былъ сынъ портнаго: — Ты коснулся вещи *остро!* (Другой смыслъ: *иголкой*, *acu*). *Прим. Авт.*

Digitized by Google

нятію второстепенному, но любопытное и для высшаго, — новый языкъ: Греческій, Арабскій, Скандинавскій, Китайскій, Галльскій! Въ случаѣ потери состоянія, лекарство должно относиться менѣе непосредственно къ интеллектуальной способности: я бы далъ что-нибудь слегка-успокоивающее. Если отъ потери въ дѣлѣ привязанности наиболѣе страдаетъ и мучится сердце, — отъ потери денежной скорѣе болитъ голова. Тутъ прекрасное средство — поэты перваго достоинства. Ибо замѣтьте, что поэты съ наибольшимъ и обширнѣйшимъ геніемъ заключаютъ въ себѣ двухъ отдѣльныхъ людей, всегда другъ отъ друга различныхъ, человѣка воображенія и человѣка практическаго: это-то счастливое смѣшеніе двухъ началъ и полезно противъ разстройствъ духа, на половину воображаемыхъ, на половину дѣйствительныхъ. Возьмите Омира, то теряющагося между богами, то нисходящаго до людей самыхъ обыкновенныхъ, настоящаго поэта *of circumstance*, какъ остроумно назвалъ его Грей, всегда имѣющаго довольно воображенія, чтобы очаровать и приласкать человѣка самаго тяжелаго, до той степени, чтобы заставить его, хоть на время, забыть маленькое пятно на конторкѣ, которое можетъ прикрыть книга его банкира. Есть еще Виргилій, который конечно гораздо ниже его,

> ..... Virgil the wise,
> Whose verse walk highest, but not flies,*

какъ выразился Каулей. Но и у Виргилія генія на столько, что въ немъ два человѣка, на столько, чтобъ свести васъ въ поле и заставить слушать пастушескій рожокъ и жужжаніе пчелъ, и, въ то же время, научить употребить съ возможною пользой почву и виноградникъ. Есть Горацій, любезный свѣтскій человѣкъ, который вмѣстѣ съ вами будетъ грустить о потерѣ вашего состоянія, но и не унизитъ ни за что хорошихъ вещей сего бреннаго міра, и все таки покажетъ вамъ, что человѣкъ можетъ быть счастливъ съ *vile modicum* или *parva rura* (т. е. при умѣренныхъ услові-

* Мудрый Виргилій, котораго стихъ поднимается высоко, но никогда не летитъ.

Digitized by Google

ахъ или съ малыми полями). Есть, наконецъ, Шекспиръ, который, болѣе всѣхъ поэтовъ, олицетворяетъ въ себѣ эту таинственную двойственность строгаго смысла и эмпирической фантазіи, — и многіе другіе, которыхъ нѣтъ надобности называть, но которые всѣ, если вы возьметесь за нихъ съ толкомъ, не скажутъ вамъ, какъ вашъ отъявленный философъ—несговорчивый стоикъ, что вы ничего не потеряли, а постепенно увлекутъ васъ изъ этаго міра, съ его утратами и тяжкими крестами, и перенесутъ васъ въ другой міръ, прежде нежели хватитесь вы, — въ міръ, гдѣ вы приняты радушно, хотя бы изъ потерянныхъ вами акровъ не унесли вы съ собой земли болѣе, нежели сколько прилипло ея къ подошвѣ вашихъ башмаковъ. Затѣмъ, противъ ипохондріи и пресыщенности, что можетъ быть дѣятельнѣе живаго и разнообразнаго курса путешествій, особенно путешествій раннихъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, полумиѳическихъ, исполненныхъ легендъ. Какъ они освѣжаютъ чувства и умъ! Какъ они вырываютъ васъ изъ состоянія однообразной зѣвоты, въ которое погружены вы. Посмотрите съ Геродотомъ, какъ юная Греція рождается къ жизни, или замѣчайте вмѣстѣ съ нимъ, какъ диковинный, древне-восточный міръ падаетъ громадной развалиной; или отправляйтесь въ Тартарію, съ Карпини и Рубрикисомъ, встрѣчать повозки Джагатаи, нагруженныя домами, и воображайте, что къ вамъ подходитъ большой путешествующій городъ.* — Полюбуйтесь на дикую Тартарію, гдѣ «потомки Чингиса множатся и разсыпаются по необъятной пустынѣ, безбрежной какъ океанъ.» Плывите съ первыми сѣверными мореходцами, проникните до сердца зимы, между морскихъ змѣй, и медвѣдей, и моржей съ клыками и человѣческими лицами. А что думаете вы о Колумбѣ, о мужествѣ Кортеца, объ имперіи Мехика, о страшномъ золотомъ городѣ Перувіанцевъ, съ смѣлымъ животнымъ, Пизарро? А Полинезы, которые для всего свѣта тоже, что древніе Бретанцы? А Американскіе Индѣйцы, а островитяне Южнаго Океана? — Какъ

* Rubriquis, Sect. XII.

Digitized by Google

веселъ, молодъ, любознателенъ и живъ долженъ сдѣлаться вашъ ипохондрикъ отъ такого леченія! Теперь, противъ той болѣзни духа, которую я называю сектаріанизмомъ, не въ религіозномъ значеніи этого слова, — нѣтъ, я говорю о мелкихъ, тѣсныхъ предразсудкахъ, которые заставляютъ васъ ненавидѣть вашего ближайшаго сосѣда за то, что у него яица сварены въ крутую, между тѣмъ какъ у васъ въ смятку; — противъ сплетенъ и вмѣшательства въ чужія дѣла, противъ злословія, противъ мысли, что земля и небо сойдутся, если вѣникъ задѣнетъ паутину, которой вы дали вырости надъ оконнымъ косякомъ вашего мозга, что можетъ сравниться съ обширнымъ и щедрымъ, тихо разрѣшающимъ (прости меня, душа моя!) курсомъ исторіи! Какъ разгоняетъ она жаръ головы! — лучше чемерицы, которою старые коновалы среднихъ вѣковъ очищали можжечекъ. Среди этаго великаго вихря и *Sturmbad'a* какъ говорятъ Нѣмцы, государствъ и народовъ, племенъ и вѣковъ, какъ высоко паритъ духъ вашъ надъ этимъ мелкимъ, лихорадочнымъ раздраженіемъ на Джона Стейлесъ, или надъ этимъ несчастнымъ предубѣжденіемъ, что весь свѣтъ принимаетъ участіе въ вашемъ неудовольствіи на какого-нибудь Тома Стоксъ и его жену!

— Вы видите, я могу говорить только о немногихъ предметахъ этой великолѣпной аптеки: ея средства неистощимы, но нужна самая строгая осторожность. Я помню, что вылечилъ безутѣшнаго вдовца, упорно отказывавшагося отъ всякаго другаго пособія, строгимъ курсомъ геологіи. Я окунулъ его глубоко въ гнейсъ и сланецъ; среди первыхъ пластовъ, я далъ слезамъ обратиться въ прохлаждающія, кристализованныя массы, а покуда я доводилъ его до третичнаго періода, между переходныхъ известняковъ Мейстрихта и конхиліеносныхъ марлей Гозаускихъ, онъ уже былъ совсѣмъ готовъ для другой жены. Китти, мой другъ, смѣяться нечего! Не менѣе замѣчательно мое леченіе молодаго студента въ Кембриджѣ, назначавшаго себя для духовнаго званія, и внезапно одержаннаго холоднымъ припадкомъ вольнодумства и сомнѣнія, вслѣдствіе перехода отъ его занятій къ Спи-

Digitized by Google

нозѣ. Ни одинъ изъ богослововъ, за которыхъ сначала принимался я, не сдѣлалъ ему ни малѣйшей пользы; тогда я обратился къ другому средству и тихо привелъ его на главы о вѣрѣ въ книгѣ Авраама Токкера (тебѣ бы надо прочесть его, Сисси); потомъ далъ большіе пріемы Фихте, послѣ этого я посадилъ его на Шотландскихъ метафизиковъ, окунная въ нѣкоторыхъ Германскихъ трансценденталистовъ; и, убѣдивъ его, что вѣра не есть анти-философское состояніе духа и что онъ можетъ вѣрить не боясь за разумъ, ибо онъ былъ сильно настроенъ на этотъ ладъ, — я принялся за моихъ богослововъ, которыхъ переварить онъ уже былъ приготовленъ; съ тѣхъ поръ его богословское сложеніе стало до того здорово, что онъ проѣлъ два пресвитерства и одинъ декаріатъ! У меня есть планъ для библіотеки, гдѣ заголовки будутъ не: филологія, естественныя науки, поэзія и т. д., а сообразны съ разстройствами, тѣлесными и духовными, которымъ противодѣйствуетъ тотъ или другой предметъ, начиная отъ самаго ужаснаго несчастія или мученій подагры, до припадка сплина или легкаго катарра; въ послѣднемъ случаѣ предписывается ваше легкое чтеніе вмѣстѣ съ сывороткой и ячной водой. Если же,—продолжалъ отецъ, болѣе важно — если какое нибудь горе, все-таки исправимое, овладѣваетъ вашимъ духомъ, подобно мономаніи, если вы задумали что вся жизнь ваша должна быть пробѣломъ, на томъ основаніи, что небо отказало вамъ въ томъ или другомъ, на что разсчитывало ваше сердце, — тогда лечитесь хорошенько біографіей, біографіей добрыхъ и великихъ людей. Взгляните, какъ мало мѣста дѣйствительно занимаетъ горе въ жизни. Посмотрите, едва страница посвѣщена скорби, схожей съ вашей, и какъ торжественно паритъ надъ нею жизнь! Вы думали, что сломали крыло! Нѣтъ, смято одно только перушко! Посмотрите, что жизнь оставляетъ за собою, когда все кончено — сумму положительныхъ фактовъ, далекихъ отъ области горя и страданій, связанныхъ съ существованіемъ всего міра. Да, здѣсь лекарство — біографія! Вы говорили, Роландъ, что хотѣли бы испытать мое леченіе: вотъ вамъ.

Digitized by Google

И отецъ взялъ книгу и подалъ ее капитану.

Дядя взглянулъ: то была *Жизнь Роберта Галль.*

— Братъ, онъ былъ диссентеръ (т. е. отступникъ отъ Англійской церкви), а я Англиканецъ, душой и тѣломъ.

— Робертъ Галль былъ храбрый человѣкъ, настоящій воинъ Великаго Вождя, — сказалъ краснорѣчиво отецъ.

Капитанъ механически приложилъ указательный палецъ къ своему лбу, по военному обычаю, и почтительно отдалъ честь книгѣ.

— У меня есть другой экземпляръ для тебя, Пизистратъ: Роланду далъ я свой. Тотъ, который я сегодня купилъ для тебя, ты береги.

— Благодарю васъ, сэръ, — сказалъ я разсѣянно, не понимая въ чемъ заключалась для меня большая польза *Жизни Роберта Галль*, или почему одно и то же лекарство должно было помочь избитому бурей дядѣ и племяннику, еще не достигшему двадцатилѣтняго возраста.

— Я не сказалъ ни слова — заключилъ отецъ, слегка наклоняя голову, — о книгѣ книгъ, ибо она дерево жизни (*lignum vitae*), универсальное лекарство отъ всего. Тѣ только ея помощники, ея сподвижники, потому что ты вѣроятно и помнишь это, Китти (я сказалъ это прежде), нельзя требовать совершенной правильности въ экономіи нашего тѣла, если не дѣйствовать на центръ узловой системы, откуда нервы тихо распространяютъ свое вліяніе на все тѣло.

ГЛАВА VI.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, я взялъ шляпу и собрался идти, но отецъ мой, посмотрѣвъ на меня и заключивъ, что я не спалъ, ласково спросилъ:

— Пизистратъ, ты еще не пробовалъ моего лекарства?

— Какого, сэръ?

— Роберта Галль.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ я улыбаясь.

— Такъ попробуй, другъ мой, прежде нежели выйдешь: повѣрь, ты болѣе насладишься прогулкой.

Digitized by Google

Признаюсь, я повиновался неохотно. Я воротился въ мою комнату и сѣлъ какъ бы за урокъ. Есть ли между васъ, мои юные читатели, такіе, которые не читали *жизни Роберта Галль*? Если есть, — именемъ великаго Капитана Коттль* заклинаю васъ, «если найдете эту книгу, замѣтьте ее.» Къ какому бы исповѣданію ни принадлежали вы, будьте вы эпископаліанецъ, пресвитеріянецъ, анабаптистъ, піедабаптистъ, индепендентъ, квакеръ, унитарій, философъ, скептикъ, вольнодумецъ; пошлите за Робертомъ Галль! Да, если существуетъ еще на земли одинъ изъ послѣдователей тѣхъ важныхъ ересей, которыя въ дни оны надѣлали столько шума; люди, которые вѣрятъ съ Базилидомъ, что столько же сферъ небесныхъ, сколько дней въ году; или раздѣляютъ вѣру Керинѳійцевъ, Эбіонитовъ и Назаритовъ (послѣдніе открыли, что жену Ноеву звали Уріей и что она сожгла ковчегъ); или, подобно Валентіанцамъ, что было 30 *Aeones*, вѣковъ или міровъ, рожденныхъ отъ Глубины (Bathos), мужскаго начала, и Безмолвія, женскаго; или слѣдуютъ Марцитамъ, Коларбазіямъ и Гераклеонитамъ, которые придерживались толковъ объ эонахъ; или Офитамъ, поклонявшимся змѣѣ; или, — Архонтикамъ, Аскоѳинтамъ, Цердонійцамъ, Марціонитамъ, послѣдователямъ Апеллеса, Севера, (послѣдній былъ чаепіецъ и утверждалъ, что вино изобрѣтеніе сатаны!) или Татіана, вѣрившимъ, что всѣ потомки Адама безвозвратно обречены проклятію, за исключеніемъ ихъ самихъ (эти есть еще и теперь); или Катафригійцамъ, называемымъ и Таскодрантами, потому что они совали указательные пальцы въ ноздри, въ изъявленіе своей набожности; или Пепуціанамъ Квинтиліанамъ, или Артотиритамъ или.... но довольно. Если я стану перебирать всѣ заблужденія людей въ дѣлѣ вѣры, я никогда не доберусь ни до конца моей главы, ни до Роберта Галль; и такъ, кто бъ ни былъ ты, мой читатель, къ какому бы ни принадлежалъ вѣроисповѣданію, пошли за *жизнью Роберта Галль*: это

---

* Дѣйств. лицо Диккенсова романа: «Домби и Сынъ.»

Digitized by Google

жизнь человѣка, на которую смотрѣть — приносить пользу человѣчеству.

Я кончилъ чтеніе біографіи, довольно короткой, и размышлялъ надъ нею, когда услышалъ на лѣстницѣ стукъ деревянной ноги капитана. Я отворилъ дверь; онъ вошелъ, держа въ рукѣ книгу; я встрѣтилъ его съ той же книгой.

— Ну что, сэръ? — спросилъ Роландъ, садясь: — сдѣлало вамъ пользу лекарство?

— Да, дядюшка; и большую.

— И мнѣ то же. Клянусь Юпитеромъ, Систи, молодецъ былъ этотъ Галль! Удивительно, если лекарство одними и тѣми же путями прошло въ обоихъ! Скажите мнѣ сначала, какъ оно подѣйствовало на васъ?

— Во первыхъ, любезный дядюшка, я думаю, что книга, подобная этой, должна приносить пользу всякому человѣку, живущему въ свѣтѣ обыкновеннымъ образомъ, потому что вводитъ насъ въ область, о которой — подозрѣваю я, мы вообще заботимся мало. Здѣсь человѣкъ, непосредственно связывающій себя съ небесною цѣлью, и обработывающій значительныя способности на одинъ этотъ конецъ,— силящійся возвести духъ свой до возможнаго, дабы онъ дѣлалъ наибольшее добро на земли и удостоился высшаго счастія на небѣ, — словомъ, живущій какъ бы на небѣ и до того преисполненный сознаніемъ безсмертія, до того сильный связью между божествомъ и человѣкомъ, что онъ, безъ малѣйшаго притворства въ стоицизмѣ и не будучи безчувственнымъ къ страданію, (по первическому темпераменту даже воспринимая его до крайности), однакожь наслаждается счастіемъ совершенно независимымъ отъ всего. Нельзя не содрогаться отъ удивленія, въ одно и тоже время возвышающаго и гнетущаго васъ, при чтеніи его торжественнаго «посвященія себя Богу.» Это приношеніе духа и плоти, времени, здоровья, славы, дарованій — божественному и невидимому началу добра, приводитъ насъ къ сознанію се-

Digitized by Google

близорукости нашихъ взглядовъ и надеждъ, и пробуждаетъ отъ того эгоизма, который требуетъ всего и не уступаетъ ничего. Но эта книга наиболѣе задѣла по струнѣ моего сердца тою чертою, которую отецъ приписывалъ всякой біографіи. Это — жизнь замѣчательной полноты, жизнь обширнаго труда, великой мысли, великой дѣятельности; и, при этомъ — прибавилъ я, краснѣя — какъ мало мѣста занимаютъ въ ней тѣ чувства, которыя владѣли мною до того, что все прочее дѣлали въ моихъ глазахъ пустымъ и безплоднымъ! И не то чтобы человѣкъ этотъ былъ холодный аскетъ; — легко видѣть въ немъ замѣчательную нѣжность и теплыя чувства, но съ тѣмъ вмѣстѣ строгую волю и страсть всѣхъ сильныхъ натуръ. Да! Теперь я лучше понимаю, чѣмъ должна быть жизнь для настоящаго человѣка.

— Все это дѣло — отвѣчалъ капитанъ — но меня это не поразило. Я видѣлъ въ этой книгѣ мужество. Тутъ бѣдное созданіе, катающееся по полу въ мученіяхъ, отъ колыбели до могилы мучимое таинственнымъ, неизцѣлимымъ недугомъ, недугомъ, подобнымъ «внутреннему аппарату мученія,» — созданіе, при помощи своего героизма, болѣе нежели переносящее мученіе, — отнимающее у него силу дѣйствовать на него; и хотя (какъ сказано въ книгѣ) удѣлъ его днемъ и ночью было страданіе, но высокая радость была закономъ всей его жизни. Робертъ Галль даетъ мнѣ урокъ, мнѣ, старому солдату, считавшему себя выше всѣхъ уроковъ, въ дѣлѣ мужества, по крайней мѣрѣ. И когда я дошелъ до того мѣста, гдѣ онъ говоритъ въ послѣднемъ пароксизмѣ передъ смертью: «я не жаловался, — развѣ я жаловался? И я не хочу жаловаться!» я вскочилъ и воскликнулъ: Роландъ де-Какстонъ, ты былъ трусъ! и еслибъ не было у тебя твоихъ заслугъ, тебя бы слѣдовало разжаловать и давно выгнать изъ полка подъ барабанный бой!

— Стало быть мой отецъ не много ошибся: онъ хорошо поставилъ пушки, и открылъ мѣткій огонь.

Digitized by Google

— Онъ поставилъ ихъ вѣроятно между 6° и 9° надъ гребнемъ парапета, — отвѣчалъ дядя: — это, сколько знаю я, лучшее возвышеніе и для пушекъ и для ядръ, когда нужно подорвать укрѣпленіе.

— Такъ что-жь, капитанъ? берите ранцы, и въ походъ!

— Съ праваго фланга — прямо! — воскликнулъ дядя, вытягиваясь на подобіе колонны.

— И не оглядываться, если съумѣемъ.

— Прямо на фронтъ непріятеля. На-руку!

— Англія ожидаетъ, что всякій человѣкъ исполнитъ свой долгъ.

— Кипарисъ или лавръ! — воскликнулъ дядя, махая книгой надъ головою.

ГЛАВА VII.

Я вышелъ съ намѣреніемъ навѣстить Франсиса Вивіена, ибо, оставивъ мистера Тривеніонъ, я безпокоился о будущей судьбѣ моего новаго пріятеля. Но Вивіена не было дома, и отъ его квартиры я отправился бродить по предмѣстьямъ по ту сторону рѣки, и сталъ размышлять о томъ, что слѣдовало теперь предпринять мнѣ. Оставляя настоящее занятіе, я отказывался отъ будущаго, болѣе блестящаго, болѣе успѣшнаго, нежели могъ я надѣяться отъ всякаго другаго вступленія въ жизнь. Но я сознавалъ необходимость болѣе серьезнаго занятія, болѣе послѣдовательнаго и дѣльнаго труда, дабы укрѣпиться въ томъ здравомъ состояніи духа, до котораго дошелъ. Мысли мои опять полетѣли къ университету, и миръ его затворничества, на время моего ослѣпленія блескомъ Лондонской жизни и до тѣхъ поръ покуда горе не притупило острія моихъ живыхъ желаній и надеждъ, казавшійся мнѣ печальнымъ и однообразнымъ, принялъ видъ привлекательный. Онъ представлялъ то, въ чемъ наиболѣе нуждался я: новую сцену, новую арену, извѣстное возвращеніе къ юности, успокоеніе страстей, преждевременно родившихся, дѣятельность для умственныхъ способностей въ новыхъ направленіяхъ. Времени не потерялъ я въ Лондонѣ: я пріобрѣлъ — если не чисто-классическіе познанія, —

Digitized by Google

привычку къ занятіямъ: я поощрилъ вообще мои понятія и обогатилъ мои средства. Вслѣдствіе всего этого, воротившись домой, я рѣшился говорить съ отцомъ. Но оказалось, что онъ уже предупредилъ меня; когда я вошелъ, матушка повела меня на верхъ въ свою комнату, и съ улыбкой, настроенной подъ ладъ моей, объявила, что она и ея Остинъ разсудили, что лучше всего для меня оставить Лондонъ какъ можно скорѣе, что отецъ теперь на нѣсколько мѣсяцевъ можетъ обойтись безъ библіотеки музея, что срокъ, на который нанята наша квартира, кончится черезъ нѣсколько дней, что лѣто уже давно наступило, городъ несносенъ, деревня прекрасна, — словомъ, что мы поѣдемъ домой. Тамъ я могъ готовиться къ Кембриджу, впродолженіе вакацій. Матушка прибавила (нерѣшительно и съ предварительнымъ остереженіемъ чтобъ я берегъ мое здоровье) что отецъ мой, котораго состояніе съ трудомъ удовлетворитъ необходимымъ моимъ потребностямъ, надѣется, что я скоро облегчу его издержки, заслуживъ университетскую стипендію. Я понялъ сколько предусмотрительной нѣжности было во всемъ этомъ, даже въ этой мысли о стипендіи, имѣвшей цѣлью возбудить мою дѣятельность и внушить мнѣ новое честолюбіе. Я столько же былъ радъ, сколько благодаренъ.

— А бѣдный Роландъ? — сказалъ я — и маленькая Бланшъ: съ нами они поѣдутъ?

— Боюсь, что нѣтъ, — отвѣчала матушка, — потому что Роландъ спѣшитъ воротиться къ своей старой башнѣ, и, черезъ день или два, онъ будетъ въ состояніи ѣхать.

— Не думаете-ли вы, милая матушка, что такъ или иначе этотъ потерянный сынъ виною болѣзни Роландовой, что болѣзнь была скорѣе душевная, нежели физическая?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, Сисси; какое сухое, дурное сердце должно быть у молодаго человѣка!

— Дядюшка, кажется, потерялъ всякую надежду найти его въ Лондонѣ; иначе, какъ ни былъ онъ боленъ, я увѣренъ, что мы бы не могли удержать его дома. Такъ онъ

Digitized by Google

возвращается къ старой башнѣ. Бѣдняга, ему тамъ должно быть порядочно-скучно! Надо намъ постараться навѣстить его. Говоритъ когда-нибудь Бланшь о братѣ?

— Нѣтъ; они, кажется, мало жили вмѣстѣ, по крайней-мѣрѣ, она его не помнитъ. Какъ она мила! Мать у ней вѣрно была красавица.

— Чудесный ребенокъ, но какой странный родъ красоты! Какіе огромные глаза! Какъ она нѣжна, какъ любитъ Роланда!

Здѣсь разговоръ кончился.

Послѣ такихъ предположеній, я необходимо долженъ былъ, и не теряя времени, видѣться съ Вивіеномъ и озаботиться объ устройствѣ его будущаго. Пріемы его до такой степени потеряли свою угловатость, что я почелъ за возможное представить его лично Тривеніону, а я зналъ, что, послѣ всего происшедшаго, Тривеніонъ радъ будетъ обязать меня. Я рѣшился посовѣтоваться объ этомъ съ отцомъ. До сихъ поръ я не нашелъ ни разу или не искалъ случая говорить съ отцомъ объ этомъ предметѣ: такъ былъ онъ занятъ; а еслибъ онъ и согласился увидѣться съ моимъ новымъ пріятелемъ, какой отвѣтъ далъ бы я ему, послѣ циническихъ выраженій Вивіена? Теперь же, такъ какъ мы уѣзжали, послѣднее обстоятельство не имѣло значенія, а что до перваго, ученый не совсѣмъ еще присѣлъ опять за свои книги. Выждавъ, для этого, время, когда отецъ отправлялся въ музей, я догналъ его, взялъ подъ руку и, коротко и скоро, разсказалъ ему всѣ обстоятельства моего страннаго знакомства и настоящее положеніе Вивіена. Разсказъ мой менѣе возбудилъ участіе отца, нежели ожидалъ я, и онъ не понялъ всѣ противорѣчія и сложности Вивіенова характера;—но какъ было понять ему? Онъ отвѣчалъ сухо:

— Я думаю, что для молодаго человѣка, по видимому, не имѣющаго никакихъ средствъ къ жизни, и съ такимъ ограниченнымъ воспитаніемъ, надежда на Тривеніона будетъ ограничена и неопредѣленна. Поговори съ дядей Джакомъ: онъ можетъ найти ему какое-нибудь мѣсто, я въ этомъ увѣренъ, — корректора въ типографіи или стенографа какого-

Digitized by Google

нибудь журнала, если онъ на это способенъ. Но если ты хочешь для него что-нибудь основательное, надо найти ему занятіе правильное.

Тѣмъ отецъ и кончилъ, и исчезъ въ сѣняхъ Музея. — Корректоромъ въ типографіи, стенографомъ журнала! Для молодаго человѣка съ познаніями и гордымъ тщеславіемъ Франсиса Вивіена, котораго притязанія распространялись много выше замшевыхъ перчатокъ и кабріолета! — Эта мысль была безнадежна; грустный и исполненный сомнѣній, я пошелъ къ квартирѣ Вивіена. Я нашелъ его дома, праздным, стоящимъ у окна съ скрещенными руками и до того погруженнымъ въ задумчивость, что онъ не замѣтилъ моего появленія, покуда не дотронулся я его плеча.

— А! — сказалъ онъ, съ однимъ изъ своихъ коротких, быстрыхъ и нетерпѣливыхъ вздоховъ, — я думалъ, что вы меня бросили и забыли, но вы что-то блѣдны и какъ будто устали. Можно подумать, что вы похудѣли въ послѣдніе дни.

— О, не заботьтесь обо мнѣ, Вивіенъ: я пришелъ поговорить съ вами объ васъ. Я оставилъ Тривеніона и рѣшено, что я вступлю въ университетъ: мы всѣ ѣдемъ черезъ нѣсколько дней....

— Черезъ нѣсколько дней! Всѣ? Кто-жь эти всѣ?

— Мое семейство: отецъ, мать, братъ, кузина и я. Теперь подумайте, что вамъ дѣлать. Я могу васъ представить Тривеніону.

— А!

— Но Тривеніонъ человѣкъ тяжелый, хоть и добрый; сверхъ того, такъ какъ онъ часто перемѣняетъ предметы своихъ занятій, можетъ случиться, что черезъ мѣсяцъ или болѣе, ему нечего будетъ дать вамъ. Вы говорили, что готовы трудиться: согласитесь ли вы не жаловаться, если нельзя будетъ трудиться въ замшевыхъ перчаткахъ? Молодые люди, высоко поднимавшіеся въ свѣтѣ, начинали — это извѣстно — съ того, что были стенографами. Это должность чрезвычайно уважаемая: на нее много охотниковъ и даже не легко добиться ея, я думаю; однако....

Digitized by Google

Вивіенъ поспѣшно прервалъ меня:

— Благодарю васъ тысячу разъ! но то, что вы сказали, утверждаетъ меня въ намѣреніи, которое я принялъ до вашего посѣщенія. Я сойдусь съ моимъ семействомъ и ворочусь домой.

— О, я радъ отъ души. Какъ это умно!

Вивіенъ отвернулся и прибавилъ:

— Ваши картины семейной жизни и домашняго мира, видите вы — соблазнили меня болѣе, нежели вы ожидали. Когда вы ѣдете?

— Да, я думаю, въ первыхъ дняхъ будущей недѣли.

— Такъ скоро — сказалъ Вивіенъ, задумчиво. — Хорошо, я, можетъ быть, попрошу ввести меня къ мистеру Тривеніонъ, потому что — кто знаетъ? — мы можемъ опять не поладить съ семьей. Но я объ этомъ подумаю. Я, помнится, слышалъ отъ васъ, что Тривеніонъ старый пріятель вашего отца или дяди?

— Да, онъ старый пріятель обоимъ, т. е. скорѣе леди Эллиноръ.

— По этому онъ обратитъ вниманіе на вашу рекомендацію. Но можетъ быть я обойдусь безъ нее. А вы, по доброй волѣ, оставили положеніе, которое, мнѣ кажется, должно быть гораздо пріятнѣе коллегіума; а вы его оставили; зачѣмъ вы его оставили?

И Вивіенъ устремилъ на меня свои свѣтлые глаза, большіе и проницательные.

— Я былъ тамъ на время, для опыта, — отвѣчалъ я, — какъ у кормилицы, до тѣхъ поръ, пока отворила мнѣ свои объятія наша *alma mater*, Университетъ: и онъ, дѣйствительно, будетъ нѣжною матерью для сына моего отца.

Вивіенъ казался недоволенъ моимъ объясненіемъ, но далѣе разспрашивать не сталъ. Онъ какъ будто бы съ намѣреніемъ обратилъ разговоръ на другой предметъ и сдѣлалъ это съ большею нѣжностію противъ обыкновеннаго. Онъ разспрашивалъ вообще о нашихъ планахъ, о вѣроятности нашего возвращенія въ Лондонъ, и требовалъ отъ меня описанія нашего сельскаго Тускулумъ. Онъ говорилъ

Digitized by Google

тихо и покорно, и разъ или два мнѣ показалось, что свѣтлые глаза были влажны. Мы разстались съ бо́льшею искренностію юношеской дружбы, нежели было ее прежде между нами, — по крайней мѣрѣ съ моей стороны, а, по видимому, и съ его; до сихъ поръ недоставало цемента сердечной привязанности въ отношеніяхъ, гдѣ одна сторона отказывалась отъ малѣйшаго довѣрія, а другая соединяла боязнь съ нѣжнымъ участіемъ и сострадательнымъ удивленіемъ.

Тѣмъ же вечеромъ, прежде нежели подали свѣчи, отецъ, обратившись ко мнѣ, отрывисто спросилъ, видѣлъ ли я моего пріятеля, и на чемъ мы съ ними порѣшили.

— Онъ хочетъ воротиться къ своему семейству — сказалъ я.

Роландъ, по видимому дремавшій, неловко повернулся на креслѣ.

— Кто возвращается къ своему семейству? — спросилъ капитанъ.

— Надо знать — сказалъ отецъ — что Систи поймалъ пріятеля, о которомъ данныя врядъ ли бы удовлетворили полицейскаго чиновника, и котораго судьбу онъ считаетъ себя обязаннымъ взять подъ свое покровительство. Счастливъ ты, что онъ не вывортилъ тебѣ кармановъ, Систи, — но онъ пожалуй сдѣлалъ это, а ты этого не замѣтилъ? Какъ его имя?

— Вивіенъ — сказалъ я — Франсисъ Вивіенъ.

— Хорошее имя, Корнваллійское — сказалъ отецъ. — Нѣкоторые производятъ его отъ Римскаго *Vivianus*, другіе отъ Цѣлтическаго слова, которое значитъ....

— Вивіенъ! — прервалъ Роландъ. — Вивіенъ! Неужли это сынъ полковника Вивіенъ.

— Онъ, непремѣнно, долженъ быть сынъ джентельмена — сказалъ я, — но онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего ни о своемъ семействѣ, ни о родствѣ.

— Вивіенъ — повторилъ дядя — бѣдный полковникъ Вивіенъ! Такъ молодой человѣкъ возвращается къ своему отцу? Онъ: долженъ быть онъ. А!

Digitized by Google

— Что вы знаете о полковникѣ Вивіенѣ или его сынѣ? — спросилъ я. — Разскажите пожалуйста, я принимаю такое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Я ничего не знаю ни о томъ, ни о другомъ, кромѣ кое-какихъ слуховъ, — отвѣчалъ дядя не въ духѣ. — Мнѣ говорили, что полковникъ Вивіенъ, отличный офицеръ и достойный человѣкъ, былъ ужасно.... ужасно.... (голосъ Роланда задрожалъ) сердитъ на сына, которому не позволилъ — почти еще ребенку — вступить въ неровный бракъ, и который убѣжалъ, думали, въ Америку. Эта исторія тогда меня тронула! — прибавилъ дядя, силясь говорить хладнокровно.

Мы всѣ молчали, ибо чувствовали, почему дядя былъ такъ разстроенъ и почему горе полковника Вивіена такъ задѣло его. Сходство въ несчастіяхъ дѣлаетъ братьями даже незнакомыхъ.

— Такъ вы говорите, что онъ собирается вернуться къ своему семейству: сердечно радуюсь этому! — сказалъ любезный, старый солдатъ.

Подали свѣчи, и, двѣ минуты спустя, мы сидѣли съ дядей другъ подлѣ друга; я читалъ надъ его плечомъ, а палецъ его безмолвно указывалъ на мѣсто, которое такъ поразило его: «Я не жаловался; развѣ я жаловался? и я не буду жаловаться».

Digitized by Google

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Преположеніе дяди о родствѣ Франсиса Вивіена казалось мнѣ положительнымъ открытіемъ. Весьма было естественно, что своевольный мальчикъ свелъ какія-нибудь непристойныя знакомства, которыхъ не могъ допустить ни одинъ отецъ, и, такимъ образомъ, разсерженный и озлобленный, оторвался отъ отца и бросился въ жизнь. Это объясненіе было мнѣ пріятнѣе всякаго другаго, ибо оправдывало все, что казалось мнѣ подозрительнымъ въ таинственности, окружавшей Вивіена. Я не выносилъ мысли, что онъ когда-либо сдѣлалъ что-нибудь низкое и преступное, хотя и вѣрилъ, что онъ былъ и необузданъ и виноватъ во многомъ. Естественно, что одинокій путникъ былъ брошенъ въ общество, котораго двусмысленный характеръ едва не возстановилъ противъ всего пытливый умъ и горячій темпераментъ; но естественно не менѣе, что привычки хорошаго рода и воспитанія, которое вообще Англійскіе джентельмены получаютъ отъ колыбели, могли оберечь его честь, неприкосновенную, не взирая на все. Конечно, самолюбіе, понятія, даже ошибки и проступки человѣка хорошаго происхожденія, остались въ немъ въ полной силѣ; — отчего-же не остаться и лучшимъ качествамъ, если и задушеннымъ отъ времени? Я чувствовалъ себя признательнымъ къ мысли, что Вивіенъ возвращался къ началу, въ которомъ могъ возобновить духъ свой, приспособливался къ сферѣ, куда принадлежалъ, — признательнымъ за то, что мы могли опять встрѣтиться и настоящая наша полу-короткость обратиться въ прочную дружбу.

Въ этихъ мысляхъ, на слѣдующее утро взялъ я шляпу и отправился къ Вивіену для того, чтобы убѣдиться, нашли ли мы настоящій ключь, какъ вдругъ мы были поражены

Digitized by Google

звукомъ, для всѣхъ насъ весьма непривычнымъ, стукомъ въ дверь почтальона. Отецъ мой былъ въ музеѣ; матушка—въ глубокомъ разсужденіи и приготовленіяхъ къ близкому уже отъѣзду нашему съ миссисъ Примминсъ; въ комнатѣ были только Роландъ, я и Бланшь.

— Письмо не ко мнѣ, — сказалъ Пизистратъ.

— Вѣрно и не ко мнѣ! — сказалъ капитанъ.

Вошла служанка и опровергла его слова; письмо было къ нему. Онъ поднялъ его съ удивленіемъ и недоумѣніемъ, какъ Глумдалклитчь Гулливера или какъ натуралистъ поднимаетъ невѣдомое насѣкомое, которое, не знаетъ онъ, не укуситъ ли его или не уколетъ-ли. А! Такъ оно васъ укололо или укусило, капитанъ Роландъ! Вы измѣняетесь въ лицѣ, вы удерживаетесь отъ восклицанія, ломая печать, вы безпокойно дышете, читая, и письмо, хоть, кажется, и коротко, отнимаетъ у васъ много времени, потому что вы перечитываете его нѣсколько разъ. Потомъ вы складываете его, мнете, и, запихнувъ въ боковой карманъ, смотрите кругомъ, какъ бы человѣкъ, проснувшійся отъ сна. Какой-же это сонъ, — грустный или веселый? Право, не могу отгадать, ибо нѣтъ на орлиномъ лицѣ ни горя, ни радости; а скорѣе страхъ, волненіе, смущеніе. Но глаза свѣтлы, а на желѣзной губѣ— улыбка.

Дядя посмотрѣлъ вокругъ себя, говорю, и, спросивъ «поскорѣе» шляпу и палку, принялся застегиваться до верху, хотя день былъ на столько жаркій, что, какъ подъ тропиками. можно было идти даже съ вовсе непокрытой грудью.

— Вы ужь не идете-ли, дядюшка?

— Да, да.

— Совсѣмъ-ли вы здоровы? Позвольте мнѣ идти съ вами.

— Нѣтъ, сэръ. Бланшь, поди сюда. (Онъ взялъ ребенка на руки, посмотрѣлъ на него внимательно и поцѣловалъ). Я отъ тебя не видалъ никогда никакого горя, Бланшь; скажи: Богъ съ вами, батюшка, Богъ помощь!

Digitized by Google

— Богъ съ вами, Богъ помощь, мой милый, милый папа! — сказала Бланшь, складывая маленькія ручки свои, какъ для молитвы.

— Вотъ такъ! это принесетъ мнѣ счастіе, Бланшь! — сказалъ капитанъ, весело и сажая ее.

Потомъ взявъ изъ рукъ служанки трость, и съ какимъ-то рѣшительнымъ выраженіемъ надѣвъ шляпу, онъ бодро вышелъ: по улицѣ шелъ онъ также весело, какъ будто бы осаждалъ Бадайоцъ.

— Богъ тебѣ помощь! — сказалъ и я невольно.

А Бланшь взяла меня за руку и, съ однимъ изъ граціознѣйшихъ своихъ пріемовъ (а граціозныхъ пріемовъ было у ней много), сказала:

— Я бы хотѣла, чтобы вы поѣхали съ нами, братецъ Систи, и помогли мнѣ любить папеньку. Бѣдный папа! Мы оба ему нужны: ему нужна вся любовь, которую мы можемъ дать ему!

— Это правда, милая Бланшь; я думаю, что большая ошибка, что мы не живемъ всѣ вмѣстѣ. Вашему папа незачѣмъ ѣхать въ свою башню, на конецъ свѣта, а лучше пріѣхать въ нашъ славный, чудный домъ, съ садомъ и бездной цвѣтовъ: вы бы были царица Мая, отъ Мая до Ноября;—я ужь не говорю объ уткѣ, которая умнѣе, нежели всѣ эти звѣри въ басняхъ, что я намедни давалъ вамъ.

Бланшь засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Ахъ! какъ бы это было славно, но — она остановилась преважно и прибавила, — но тогда не будетъ башни, которая бы любила папеньку, а я увѣрена, что башня его очень любитъ, потому что онъ ее ужасно любитъ.

Была моя очередь смѣяться.

— Понимаю я, чего вамъ хочется, маленькая колдунья! Вамъ хочется утащить насъ съ собой и заставить жить съ совами: по мнѣ пожалуй, я радъ бы отъ всей души.

— Систи — сказала Бланшь, съ страшною торжественностію на лицѣ — знаете-ли, о чемъ я думала?

— Не знаю, миссъ, не знаю! Вѣрно о чемъ-нибудь страшномъ, ужасномъ; да, да, вы глядите такъ серьёзно.

Digitized by Google

— Я думала, — продолжала она также серьёзно и не краснѣя ни мало, — я думала, что буду вашей маленькой женой, и тогда мы всѣ будемъ жить вмѣстѣ.

Бланшь не покраснѣла, а я покраснѣлъ.

— Скажите мнѣ это черезъ десять лѣтъ, если осмѣлитесь, шалунья эдакая, безстыдница; а покуда, бѣгите къ миссисъ Примминсъ, и скажите ей, чтобъ она тутъ присмотрѣла за вами, потому что мнѣ надо идти.

Но Бланшь не побѣжала, и достоинство ея казалось неимовѣрно оскорблено моимъ пріемомъ ея предложенію, потому что она, надувшись, забилась въ уголъ и сѣла съ большой важностію.

Я оставилъ ее и пошелъ къ Вивіену. Его не было дома; увидавъ на столѣ книги и не имѣя дѣла, я рѣшился дождаться его. Не даромъ былъ я сынъ моего отца и сей часъ обратился къ обществу книгъ; кромѣ нѣкоторыхъ дѣльныхъ книгъ, мною же рекомендованныхъ, я нашелъ тутъ нѣсколько романовъ на Французскомъ языкѣ, которыя онъ взялъ изъ кабинета чтенія. Во мнѣ родилось любопытство прочесть ихъ, ибо, кромѣ классическихъ романовъ Франціи, эта многовѣтвистая отрасль ея литературы еще была нова для меня. — Вскорѣ было затронуто мое участіе, но что это было за участіе! — участіе, которое бы возбудилъ кошмаръ, еслибъ можно было, проснувшись, приняться разсматривать его. Помимо ослѣпительной проницательности и глубокаго знанія трущобъ и угловъ человѣческой системы, о которыхъ вѣроятно говоритъ Гете (если не ошибаюсь и не клеплю на него, за что не отвѣчаю), что «есть непремѣнно что-нибудь такое въ сердцѣ каждаго человѣка, что, если бы могли знать мы, заставило бы насъ ненавидѣть его», помимо этого и многаго другаго, свидѣтельствовавшаго о неимовѣрной смѣлости и энергіи разумной способности, какое странное преувеличеніе, какое ложное благородство чувства, какое непостижимое злоупотребленіе разсудка, какая дьявольская безнравственность! Истинный художникъ, въ романѣ ли или въ драмѣ, нерѣдко необходимо заставитъ насъ принять участіе въ преступномъ характерѣ, но онъ не

Digitized by Google

отниметъ у насъ средства негодовать на порокъ или преступленіе. А здѣсь меня не только вынуждали на участіе къ дурному (что весьма можно бы было допустить: я сознаю большое участіе къ Макбету и Ловласу), но заставляли удивляться и сочувствовать дурному. Не смѣшеніе неправаго и праваго въ одномъ и томъ же характерѣ особенно смущало меня, а картина всего общества, писанная такими отвратительными красками. — Бѣдный Вивіенъ! — подумалъ я, вставая, — если ты читаешь эти книги съ удовольствіемъ, или по привычкѣ, не диво, что ты кажешься мнѣ такъ тупъ въ дѣлѣ праваго и неправаго, и что у тебя пустое мѣсто тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть органу совѣстливости въ полномъ развитіи!

Тѣмъ не менѣе, — отдать справедливость этимъ писателямъ, — я съ ихъ зачумленной помощью незамѣтно провелъ столько времени, что, взглянувъ на часы, удивился, какъ ужь было поздно. Только что я рѣшился написать строчку, дабы назначить свиданіе на другой день, и идти, какъ вдругъ услышалъ внизу стукъ въ дверь, стукъ Вивіена, стукъ чрезвычайно-характеристическій, рѣзкій, нетерпѣливый, неправильный, не чистый, гармоническій, раздѣльный, хладнокровный, — стукъ, который казался вызовомъ и дому и цѣлой улицѣ, ужасно нахальный, стукъ сердитый и оскорбительный, *impiger et iracundus*.

Но шагъ по лѣстницѣ не соотвѣтствовалъ стуку въ дверь: онъ былъ легокъ, хоть твердъ, — тихъ, хоть и упругъ.

Служанка, отворившая дверь, безъ сомнѣнія предупредила Вивіена о моемъ посѣщеніи, потому что онъ не былъ удивленъ, увидѣвъ меня; но онъ бросилъ по комнатѣ тотъ бѣглый подозрительный взглядъ, на который способенъ человѣкъ, оставившій незапертыми свои бумаги, когда находитъ постороннее лицо, къ кому не имѣетъ довѣрія, сидящимъ посреди не охраняемыхъ ничѣмъ тайнъ. Взглядъ этотъ былъ не лестенъ, но совѣсть моя была такъ чиста, что я сложилъ весь стыдъ на обычную подозрительность Вивіенова характера.

Digitized by Google

— Я здѣсь пробылъ три часа, — сказалъ я съ намѣреніемъ.

— Три часа?

Тотъ же взглядъ.

— И вотъ худшая тайна, которую я открылъ.... — я показалъ на этихъ литературныхъ манихеянъ.

— О! отвѣчалъ онъ беззаботно: — Французскіе романы! Не дивлюсь я, что вы просидѣли такъ долго. Я не могу читать ваши Англійскіе романы: они плоски и безтолковы, а тутъ истина и жизнь.

— Истина и жизнь! — воскликнулъ я, и каждый волосъ на головѣ поднялся у меня отъ удивленія. — Стало быть, да здравствуетъ ложь и смерть!

— Они вамъ не нравятся? вкусы необъяснимы.

— Извините, я объясняю ваши, если вы дѣйствительно считаете за истину и жизнь такія тяжелыя и прискорбныя нелѣпости. Ради Бога, не думайте, чтобъ въ Англіи кто нибудь могъ довести себя до чего-нибудь, кромѣ Стараго Бойле или острова Норфолка, еслибы сталъ соразмѣрять свой образъ дѣйствій съ превратными понятіями о свѣтѣ, которыя нашелъ я здѣсь.

— Сколько лѣтъ старше вы меня, — спросилъ Вивіенъ съ насмѣшкой, — что вы разъигрываете роль ментора, и поправляете мое незнаніе свѣта

— Вивіенъ, не лѣта и опытность говорятъ здѣсь, а что-то болѣе ихъ мудрое: инстинктъ сердца и честь джентельмена.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ Вивіенъ, нѣсколько сбитый, оставьте бѣдныя книги, вы знаете мое мнѣніе: такъ или иначе книги мало дѣйствуютъ на насъ.

— Клянусь Египетской библіотекой и тѣнью Діодора! Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы послушали моего отца объ этомъ предметѣ! Пойдемте — прибавилъ я, съ глубокимъ состраданіемъ, — пойдемте, еще не поздно, дайте мнѣ представить васъ моему отцу. Я согласенъ читать Французскіе

Digitized by Google

романы всю жизнь, если послѣ одной бесѣды съ Остиномъ Какстонъ вы не уйдете домой съ облегченнымъ сердцемъ и свѣтлымъ лицомъ. Пойдемте къ намъ обѣдать!

— Не могу,—сказалъ Вивіенъ, какъ бы смущенный,— не могу, потому что на дняхъ оставляю Лондонъ. Въ другое время, пожалуй, — прибавилъ онъ — мы можемъ встрѣтиться опять.

— Надѣюсь — сказалъ я, пожимая ему руку, — и это очень вѣроятно, тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ, на смѣхъ вамъ, я разгадалъ вашу тайну, ваше происхожденіе и родство.

— Какъ! — воскликнулъ Вивіенъ, поблѣднѣвъ и кусая губу — что вы хотите сказать? говорите.

— Развѣ вы не сынъ полковника Вивіенъ? Скажите правду, довѣрьтесь мнѣ.

Вивіенъ нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ, сѣлъ и положилъ голову на столъ, смущенный, что былъ открытъ.

— Близко отъ дѣла — сказалъ онъ наконецъ — но не спрашивайте больше покуда. Придетъ время! — воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ и вскакивая, — придетъ время, вы узнаете все: да, когда нибудь, если я буду живъ, когда это имя будетъ высоко стоять въ свѣтѣ, да, когда міръ будетъ у моихъ ногъ!

Онъ протянулъ свою правую руку, какъ будто бы желая захватить пространство, и все его лицо освѣтилось гордымъ энтузіазмомъ. Но блескъ потухъ, и при неожиданномъ возвращеніи къ своей злобной улыбкѣ, онъ сказалъ:

— Сны, опять сны! А посмотрите-ка на эту бумагу.

Онъ вытащилъ какую-то бумагу, всю исписанную цифрами.

— Тутъ, кажется, весь денежный долгъ мой вамъ; черезъ нѣсколько дней я надѣюсь кончить его. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

— О! — сказалъ я оскорбленный, — какъ вамъ не стыдно говорить мнѣ о деньгахъ, Вивіенъ.

Digitized by Google

— Это одинъ изъ тѣхъ инстинктовъ чести, которые вы такъ часто приводите, — отвѣчалъ онъ, краснѣя. — Простите меня.

— Вотъ мой адресъ. — сказалъ я, принявшись писать для того, чтобы скрыть мое волненіе. — Вамъ, надѣюсь, онъ часто будетъ нуженъ, и пишите мнѣ, что вы здоровы и счастливы.

— Если буду счастливъ, вы объ этомъ узнаете.

— Не хотите рекомендацій къ Тривеніону?

Вивіенъ подумалъ.

— Нѣтъ, не надо, я думаю. А если понадобится, напишу вамъ.

Я взялъ шляпу и собрался идти, ибо былъ оскорбленъ и обиженъ, какъ вдругъ, по невольному влеченію, Вивіенъ быстро подбѣжалъ ко мнѣ, обвилъ руками мою шею и цѣловалъ меня, какъ мальчикъ своего брата.

— Простите меня! — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я не думалъ, чтобы могъ любить кого-нибудь такъ, какъ вы заставили меня любить васъ, хоть и противъ моей натуры. Если вы не мой добрый ангелъ, это потому только, что моя натура и привычки сильнѣе васъ. Несомнѣнно, мы когда-нибудь встрѣтимся. Мнѣ, покуда, будетъ досугъ поразсмотрѣть, можетъ ли «свѣтъ быть моей раковиной?» Я хочу быть *aut Caesar, aut nullus!* Вообще мало знаю я латинскихъ цитатовъ!

— Вивіенъ!

— Идите теперь, добрый другъ мой, покуда я еще въ такомъ расположеніи, идите, чтобы я опять не смутилъ васъ выходкой прежняго человѣка. Идите, идите!

И взявъ меня тихо подъ руку, Франсисъ Вивіенъ проводилъ меня изъ своей комнаты и, вернувшись, заперъ дверь.

О, если бъ могъ я оставить ему Роберта Галль, вмѣсто этихъ неистовыхъ тифоновъ! Но было ли бы въ этомъ случаѣ полезно лекарство, или должна была суровая опытность прописать ему болѣе горькіе пріемы своей желѣзной рукою?

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Когда я вернулся домой, къ самому обѣду, Роланда еще не было: онъ пришелъ уже поздно вечеромъ. Всѣ глаза были устремлены на него, въ ту минуту, какъ мы его привѣствовали; лицо его было подобно маскѣ, мертво, строго, непроницаемо.

Внимательно затворивъ за собой дверь, онъ подошелъ къ камину, облокотился на него, стоя, и, черезъ нѣсколько мгновеній, спокойно спросилъ:

— Бланшь ушла спать?

— Ушла — сказала матушка, — но вѣрно еще не спитъ: она просила сказать ей, когда вы вернетесь.

Бровь Роланда разгладилась.

— Завтра, сестра, — сказалъ онъ тихо, — закажите ей, пожалуйста, траурное платье! Сынъ мой умеръ.

— Умеръ! — воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ, окружая его.

— Умеръ? Быть не можетъ.... Вы бы не выговорили это такъ спокойно. Умеръ? почемъ вы знаете? Васъ обманули. Кто вамъ сказалъ? Да почему вы это думаете?

— Я видѣлъ его тѣло, — отвѣчалъ дядя, съ тѣмъ же мрачнымъ спокойствіемъ. — Мы всѣ оплачемъ его. Писистратъ, вы теперь также наслѣдникъ моего имени, какъ и отцова. Доброй ночи; извините меня всѣ вы, которые любите меня.... Я измучился....

Дядя зажегъ свою свѣчу и оставилъ насъ какъ бы подъ вліяніемъ громоваго удара: онъ скоро вернулся, посмотрѣлъ кругомъ, взялъ свою книгу, открытую на любимомъ мѣстѣ, опять поклонился и опять исчезъ. Мы взглянули другъ на друга, какъ будто бы намъ предстало видѣніе. Отецъ всталъ, вышелъ изъ комнаты и пробылъ въ Роландовой далеко, далеко за полночь. Мы съ матушкой не ложились, пока не вернулся онъ. Добродушное лицо его было очень грустно.

— Ну что, сэръ? Можете вы намъ сказать что-нибудь?

Отецъ покачалъ головой.

— Роландъ проситъ, чтобъ мы такъ же мало говорили объ его сынѣ теперь, какъ до сихъ поръ. Миръ живымъ,

Digitized by Google

также, какъ мертвымъ. Китти, это перемѣняетъ наши планы: намъ надо ѣхать въ Кумберландъ; нельзя такъ оставить Роланда.

— Бѣдный, бѣдный Роландъ! — сказала матушка сквозь слезы. — И подумать, что отецъ и сынъ не помирились. Но Роландъ прощаетъ ему теперь, о, да, *теперь*!

— Не Роланда можемъ мы упрекать!— сказалъ отецъ довольно строго, — а.... но что ужъ тутъ. Надо намъ выбраться изъ города какъ можно скорѣе: Роландъ оживетъ отъ родимаго воздуха своихъ старыхъ развалинъ.

Мы пошли спать, грустные.

— А я-то — подумалъ я—теряю одну изъ важныхъ цѣлей моей жизни....' Я надѣялся свести ихъ, примирить! Но, увы! есть-ли примиритель, подобный могилѣ?

ГЛАВА III.

Дядя три дня не выходилъ изъ своей комнаты и провелъ ихъ въ переговорахъ съ адвокатомъ (lawyer), а изъ нѣсколькихъ словъ, которыя обронилъ мой отецъ, можно было понять, что умершій оставилъ долги, и бѣдный капитанъ дѣлалъ заемъ подъ свое небольшое имущество. Такъ какъ Роландъ сказалъ, что онъ видѣлъ тѣло своего сына, я ожидалъ, что будутъ похороны, но объ этомъ не было ни слова. На четвертый день, Роландъ, въ глубокомъ траурѣ, сѣлъ въ наемную карету съ адвокатомъ, и отлучился часа на два. Воротившись домой, онъ опять заперся и не хотѣлъ даже видѣть отца. Но на слѣдующее утро, онъ явился, какъ всегда, и мнѣ даже показалось, что онъ былъ безсаботнѣе, нежели зналъ я его когда-либо: было ли это притворство, или худшее уже прошло и могила была для него сноснѣе неизвѣстности. На другой день, мы всѣ поѣхали въ Кумберландъ.

Этимъ временемъ дядя Джакъ безпрестанно бывалъ у насъ и — отдать ему справедливость — казался непритворно огорченъ несчастіемъ, постигшимъ Роланда. Въ самомъ дѣлѣ, не было въ Джакѣ недостатка въ сердцѣ, когда бы вы ни обратились къ нему, но трудно было найти сердце, если вы задумали пролагать путь черезъ карманы. Достойному

Digitized by Google

спекулатору нужно было кончить многія дѣла съ отцомъ до нашего отъѣзда. *Анти-издательское общество* было открыто, и съ упорною помощью этого братства должно было родиться на свѣтъ Большое сочиненіе отца. Новый журналъ, литтературный Times, тоже далеко подвинулся, хотя и не выходилъ еще, и отецъ мой имѣлъ въ немъ большое участіе. Приготовленія къ нему дѣлались на почтенной ногѣ: три джентельмена, одѣтые въ черномъ, одинъ похожій на адвоката, другой на типографщика, третій нѣсколько на жида, являлись дважды съ бумагами неимовѣрной величины. По окончаніи всѣхъ этихъ прелиминарій, дядя Джакъ, ударивъ отца по спинѣ, сказалъ:

— И слава и состояніе обезпечены теперь! идите спокойно спать, вы оставляете меня здѣсь. Джакъ Тиббетсъ никогда не спитъ!

Мнѣ казалось страннымъ, что со времени моего неожиданнаго выхода изъ дома Тривеніона, ни разу ни подумали ни объ комъ изъ насъ, ни самъ онъ, ни леди Эллиноръ. Но вечеромъ, на канунѣ нашего отъѣзда, пришла любезная записка ко мнѣ отъ Тривеніона изъ его любимаго загороднаго дома (при ней были рѣдкія книги, въ подарокъ моему отцу): онъ писалъ коротко, что у нихъ въ семействѣ «хворали», что вынудило ихъ оставить городъ для перемѣны воздуха, но что леди Эллиноръ надѣется на будущей недѣлѣ навѣстить мою мать; что онъ нашелъ между своими книгами любопытныя сочиненія о Среднихъ Вѣкахъ, и въ томъ числѣ полное изданіе Кардана, которыя имѣть, вѣроятно, отецъ будетъ радъ, почему и посылаетъ ихъ. На происшедшее между нами не было и намека.

Въ отвѣтѣ на эту записку, послѣ изъявленія благодарности за отца, который бросился на Кардана (Ліонское изданіе, 1663, 10 ч. in f.), какъ шелковичный червь на шелковицу, я выразилъ общія сожалѣнія наши о томъ, что не было никакой надежды видѣться съ леди Эллиноръ, потому что мы собрались ѣхать. Я бы прибавилъ что-нибудь о потерѣ дядиной, но отецъ подумалъ, что, такъ какъ Роландъ избѣгалъ всякаго разговора о сынѣ даже въ домашнемъ

Digitized by Google

кругу, то тѣмъ болѣе желалъ, чтобъ вѣсть о его горѣ не выходила изъ этого круга.

А въ семействѣ Тривеніона хворали! Кто жъ это хворалъ? Общимъ выраженіемъ не удовлетворялся я, и вмѣсто того, чтобъ послать отвѣтъ Тривеніону по почтѣ, я понесъ его самъ въ его домъ. Въ отвѣтъ на мои вопросы, привратникъ сказалъ, что ждутъ все семейство въ концѣ недѣли, что слышно, что леди Эллиноръ и миссъ Тривеніонъ обѣ были нездоровы, но теперь имъ лучше. Я оставилъ мое письмо, приказавъ отправить его, и, уходя, чувствовалъ, что раны мои открылись снова.

Для нашего путешествія заняли мы цѣлый дилижансъ, и безмолвно было оно, это путешествіе, пока не пріѣхали мы въ небольшой городокъ, лежавшій въ восьми миляхъ отъ дядина имѣнія, куда намъ надо было ѣхать уже не большой дорогой. Дядя настоялъ на томъ, чтобъ ему отправиться впередъ, и, хотя онъ еще до нашего отъѣзда увѣдомилъ о нашемъ прибытіи, онъ безпокоился объ томъ, чтобы бѣдная башня не приняла насъ какъ можно лучше: онъ и уѣхалъ одинъ, а мы расположились въ гостинницѣ.

На другой день мы взяли карету особеннаго объема, ибо обыкновенный экипажъ не вмѣстилъ бы насъ съ книгами моего отца, и поплелись черезъ лабиринтъ весьма непривлекательныхъ дорогъ, которыхъ не вызвалъ еще отъ ихъ первобытнаго хаоса ни одинъ Маршалъ Вадъ. Болѣе всего оказались чувствительными къ толчкамъ бѣдная миссисъ Примминсъ и ея канарейка: первая, сидѣвшая на переднемъ мѣстѣ, качалась на связкахъ разной величины и вида, на которыхъ (безъ исключенія) было надписано: берегитесь, чтобы нижнее не положить на верхъ (зачѣмъ — не знаю, ибо все это были книги, и какъ бы ни лежали онѣ, это вѣроятно не измѣнило бы ихъ матеріальнаго достоинства), — первая, говорю, старалась протянуть свои руки надъ этими *dissecta membra*, и, хватаясь правой рукой за одну дверцу, лѣвой за другую, уподоблялась Австрійскому орлу. Канарейка исправно отвѣчала крикомъ удивленія на всякое: «помилосердуйте!» и «Господи, ты Боже мой!» которыя

Digitized by Google

вырывали изъ устъ миссисъ Приммисъ паденіе колеса въ колею и скачекъ изъ нея, со всею эмфатическою скорбью извѣстнаго Αἰ, αἰ! въ Греческихъ хорахъ.

Отецъ, надвинувъ на брови широкую шляпу, былъ погруженъ въ размышленія. Передъ нимъ вставали картины его юности, и память его, легкая какъ крыло духа, летѣла черезъ колеи и пригорки. А матушка, сидѣвшая рядомъ съ нимъ, положивъ руку на его плечо, ревниво слѣдила за выраженіями его лица. Думала-ли она, что на этомъ задумчивомъ челѣ было сожалѣніе о старой любви? Бланшь, до сихъ поръ печальная и все плакавшая съ тѣхъ поръ, какъ на нее надѣли трауръ, и сказали, что уже не было у ней брата (хотя и не помнила она его), стала изъявлять дѣтское любопытство и непремѣнно первая хотѣла увидѣть любимую отцову башню. Бланшь сидѣла у меня на колѣняхъ; я раздѣлялъ ея нетерпѣніе. Наконецъ показался церковный шпицъ, церковь, рядомъ съ ней — большое четвероугольное зданіе — пресвитерство (прежній домъ моего отца), длинная, неправильная улица хижинъ и бѣдныхъ лавокъ, съ немногими лучшими домами между нихъ; на заднемъ планѣ, сѣрая, обезображенная масса стѣнъ и развалинъ, расположенныхъ на одномъ изъ тѣхъ возвышеній, гдѣ Датчане любили раскидывать лагерь или строить укрѣпленіе, — съ высокою, простою, Англо-Норманскою башнею, подымавшеюся изъ ихъ середины. Кругомъ ея было нѣсколько деревьевъ, тополей и сосенъ, осѣненныхъ могучимъ дубомъ, цѣлымъ и невредимымъ. Теперь дорога вилась позади пресвитеріи и поднималась круто. Что за дорога! Весь приходъ слѣдовало бы наказать за нее. Еслибы я сдѣлалъ такую дорогу даже на картѣ, и подалъ ее доктору Герману, мнѣ, кажется, не было бы покоя на цѣлую недѣлю!

Карета наша вдругъ остановилась.

— Выйдемте! — сказалъ я, отворивъ дверь и соскочивъ на землю для примѣра.

Бланшь послѣдовала за мною, потомъ мои почтенные родители. Когда дошла очередь до миссисъ Приммисъ, отецъ замѣтилъ:

Digitized by Google

— Я думаю, миссисъ Примминсъ, что вамъ надо остаться, чтобы удержать на мѣстѣ книги.

— Что вы, Богъ съ вами! — воскликнула Примминсъ, въ ужасѣ.

— Отвлеченіе такой массы или *moles* (тяжесть, грузъ), мягкой и упругой, каково всякое мясо, могущей войти во всѣ углы мертвой матеріи, такое отвлеченіе миссисъ Примминсъ оставитъ пустоту, которой не выдержитъ ни одна система въ природѣ, ни одна искусственная организація. Начнется правильная пляска атомовъ, миссисъ Примминсъ; книги мои полетятъ туда, сюда, на полъ, изъ окна!

Corporis officium est quoniam omnia deorsum.

Назначеніе тѣла, подобнаго вашему, миссисъ Примминсъ, — тяготѣть надъ всѣми вещами, удерживать ихъ въ равновѣсіи, какъ вы узнаете о томъ на этихъ же дняхъ, то есть, если сдѣлаете мнѣ удовольствіе прочесть Лукреція и усвоить себѣ ту матеріальную философію, которой вы, миссисъ Примминсъ — говорю это безъ лести — живое олицетвореніе.

Эти первыя слова отца съ отъѣзда нашего изъ гостинницы, казалось, убѣдили матушку, что не зачѣмъ было ей бояться его задумчивости: она стала весела и, смѣясь, сказала:

— Посмотри на бѣдную Примминсъ, а потомъ на этотъ пригорокъ.

— Можешь распоряжаться Примминсъ, если берешься отвѣчать за остальное, Китти. Только я предупреждаю тебя, что это противъ законовъ физики.

Сказавъ это, онъ пошелъ довольно скоро; потомъ, взявъ меня подъ руку, остановился, посмотрѣлъ кругомъ и громко и свободно вдохнулъ родимый воздухъ.

— Однако — сказалъ отецъ, исполнивъ это изъявленіе благодарности и любви, — однако, надо признаться, что нѣтъ нигдѣ мѣста хуже, кромѣ Графства Кембриджскаго!*

* Этого нельзя сказать вообще о Кумберландѣ, одной изъ лучшихъ странъ Великобританіи. Но тотъ участокъ, о которомъ говоритъ М. Какстонъ, дикъ, безплоденъ и пустъ. *Прим. Авт.*

Digitized by Google

— Напротивъ — сказалъ я — оно широко и просторно, у него своя красота. Въ этихъ необозримыхъ, волнующихся, невоздѣланныхъ, безлѣсныхъ степяхъ вся прелесть первобытнаго безмолвія! И какъ онѣ подходятъ къ характеру развалинъ! Все здѣсь феодально: я теперь лучше понимаю Роланда.

— Не случилось бы чего съ Карданомъ! — воскликнулъ отецъ: — онъ отлично переплетенъ; онъ такъ славно упирался въ самую мясистую часть этой безпокойной Принцессъ.

Бланшь, между тѣмъ, убѣжала далеко впередъ, и я поспѣшилъ за ней. Тутъ еще сохранились остатки глубокой траншеи (окружавшей развалины съ трехъ сторонъ, между тѣмъ какъ съ четвертой былъ изломанный парапетъ), любимаго вида укрѣпленія Тевтонскихъ племенъ. Насыпь, сдѣланная на кирпичныхъ сводахъ, замѣнила прежній подъемный мостъ, а наружныя ворота были только масса живописныхъ развалинъ. На дворѣ стараго замка была площадка, гдѣ нѣкогда творилось правосудіе, и посреди его, сравнительно пощаженная временемъ, высилась башня, изъ которой вышелъ къ намъ на встрѣчу владѣлецъ-ветеранъ.

Предки его, можетъ быть, приняли бы насъ великолѣпнѣе, но едва-ли болѣе ласковый привѣтъ могли они сдѣлать намъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ владѣніи, Роландъ казался другимъ человѣкомъ. Его угловатость, отталкивавшая тѣхъ, кто не понималъ ея, исчезала. Онъ казался менѣе гордъ, потому именно, что онъ и его гордость, на этой землѣ, были въ ладу между собой. Какъ любезно протянулъ онъ правую руку свою моей матери, не подражая неумѣстной развязности современныхъ рыцарей, какъ осторожно и внимательно провелъ онъ ее черезъ репейники, кусты и камни, къ низкой двери надъ сводомъ, гдѣ высокаго роста слуга, въ которомъ не трудно было узнать стараго солдата, въ ливреѣ, сообразной безъ сомнѣнія съ цвѣтами его герба (чулки его были красные), стоялъ, выпрямившись, какъ часовой. Когда мы вошли въ залу, она смотрѣла такъ весело,

Digitized by Google

что мы были поражены удивленіемъ. Въ ней былъ большой каминъ и, хотя было лѣто, въ каминѣ горѣлъ огонь! Но это ни мало не казалось лишнимъ, потому что въ залѣ не было потолка, а окна были такъ малы и узки, и устроены такъ высоко и глубоко, что можно было подумать, что мы вошли въ подземелье. И все-таки эта комната имѣла видъ веселый и пріятный, въ особенности благодаря огню, частію же пестрымъ обоямъ съ одной стороны, а съ другой, соломенной рогожкѣ, утвержденной вдоль нижней части стѣнъ, и меблировкѣ, свидѣтельствовавшей о живописномъ вкусѣ дяди. Когда мы наглядѣлись и насмотрѣлись вдоволь на залу, дядя повелъ насъ не по одной изъ тѣхъ широкихъ лѣстницъ, какія видите вы въ нынѣшнихъ домахъ, а по маленькой, каменной, винтообразной, — показывать комнаты, назначенныя для его гостей. Была, во первыхъ, узкая комната, которую онъ назвалъ кабинетомъ моего отца, по истинѣ устроенная для философа, ревнующаго отрѣшиться отъ міра; нужно было влѣзть на лѣстницу, чтобъ выглянуть въ окно, и тогда зрѣніе человѣка, даже не близорукаго, не могло обнять ничего болѣе небольшаго отверстія въ стѣнѣ, которое представляло взору одно небо Кумберланда, и изрѣдка на немъ летѣвшую ворону. Но отецъ — я кажется, уже сказалъ это прежде,—не заботился о картинахъ природы, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на келью, назначенную для него.

— Можно, когда хотите, прибить полки для вашихъ книгъ — сказалъ дядя, потирая руки.

— Доброе бы дѣло! — отвѣчалъ отецъ — онѣ такъ долго находились въ лежачемъ положеніи, и имъ вѣрно было бы пріятно порасправиться, бѣдняжкамъ. Любезный Роландъ, эта комната назначена для книгъ, такъ кругла она и глубока. Я буду здѣсь, какъ Истина въ колодцѣ.

— А вотъ комната для васъ, сестрица, прямо изъ этой— сказалъ дядя, отворяя небольшую дверь въ прекрасную комнату, съ низкимъ окномъ и желѣзнымъ балкономъ, — а рядомъ, спальня. Что касается до васъ, Пизистратъ, я боюсь, чтобы не пришлось вамъ покуда помѣститься по сол-

Digitized by Google

датски. Но не бойтесь: въ день или въ два мы устроимъ все это достойно полководца вашего славнаго имени; онъ былъ великій полководецъ, Пизистратъ I, не правда-ли?

— Говорятъ, — отвѣчалъ отецъ, — не люблю я его.

— Здѣсь вы можете говорить все, что хотите! — отвѣчалъ Роландъ весело, и повелъ меня вверхъ по лѣстницамъ, продолжая извиняться передо мной, такъ что я думалъ, что мнѣ придется жить въ тюрьмѣ или въ конурѣ. Подозрѣнія мои мало разсѣялись, когда я увидѣлъ, что мы выходили изъ башни и шли по направленію къ тому, что казалось мнѣ кучей однѣхъ развалинъ, на правой сторонѣ двора. Но я былъ пріятно пораженъ, найдя посреди этихъ развалинъ комнату съ просторнымъ окномъ, откуда былъ видъ на всю мѣстность, и построенную непосредственно надъ клочкомъ земли, обработаннымъ на подобіе сада. Убранство было хорошо, хотъ и просто, стѣны и полы — покрыты рогожками, и, не взирая на необходимость переходить весь дворъ, для сообщенія съ домомъ и лишеніе въ современномъ удобствѣ, называемомъ *сонеткой*, я разсчелъ, что ничего лучше не могъ желать я.

— Да это удивительная комната, любезный дядюшка! Повѣрьте, что здѣсь былъ будуаръ прежнихъ дамъ де-Каксгонъ, миръ праху ихъ!

— Нѣтъ — сказалъ дядя важно. — Я думаю, что это была комната капеллана, потому что правѣе отъ васъ была домашняя церковь: раньше была церковь въ самой башнѣ; рѣдко встрѣтите вы настоящій укрѣпленный замокъ безъ домашней церкви, колодца и залы. Я могу показать вамъ часть крыши первой: послѣдніе цѣлы; колодецъ прелюбопытенъ, онъ вырытъ въ стѣнѣ въ одномъ изъ угловъ залы. При Карлѣ I, нашъ предокъ опустилъ туда въ ведрѣ своего единственнаго сына, во время осады замка бунтовщиками. Я не говорю вамъ, что самъ старикъ не спрятался отъ этой свалочи: не тотъ былъ человѣкъ. Сынъ остался живъ, сдѣлался расточителемъ и держалъ въ колодцѣ вино. Онъ пропилъ не одинъ изъ отцовскихъ акровъ.

Digitized by Google

— Я бы его вычеркнулъ изъ родословной, на вашемъ мѣстѣ. Но, скажите, пожалуйста, не добрались вы, гдѣ была комната того великаго сэра Вилльяма, на счетъ котораго отецъ изъявляетъ такой постыдный скептицизмъ?

— Сказать вамъ по секрету — отвѣчалъ капитанъ, слегка толкнувъ меня пальцемъ въ бокъ, — въ ней-то я и помѣстилъ отца! Тамъ въ гербѣ Іоркской розы есть буквы В. К., а число, три года передъ Босвортскою битвой, вырѣзано на каминѣ.

Я не могъ не раздѣлить смѣха дяди по поводу этой характеристической шутки, и, поздравивъ его съ такимъ благоразумнымъ средствомъ проводить свое убѣжденіе, спросилъ, какимъ образомъ онъ умѣлъ такъ хорошо поддержать башню, тѣмъ болѣе, что такъ рѣдко навѣщалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ выкупилъ.

— Видите ли — сказалъ дядя — нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ несчастный, котораго вы видите теперь у меня въ услуженіи, — садовникъ, ключникъ, келарь, дворецкій и все, куда вы захотите его употребить, получилъ отставку какъ инвалидъ. Я помѣстилъ его сюда, и, такъ какъ онъ превосходный плотникъ и кромѣ того прекрасно воспитанъ, я объяснилъ ему, въ чемъ заключаются мои желанья, и каждый годъ откладывалъ небольшую сумму для поддержекъ и омеблированія. Удивительно какъ все это мнѣ дешево стоитъ: Болтъ, бѣдняга, (это его имя) такъ хорошо понимаетъ дѣло, и большую часть мебели (которая — вы видите — древняя, и прилична) онъ собралъ по хижинамъ и фермамъ околодка. Однакожь все еще пропасть комнатъ пустыхъ, но что дѣлать? — прибавилъ онъ, слегка перемѣняясь въ лицѣ, — въ послѣднее время я не могъ отложить ничего. Но пойдемте — заключилъ онъ, съ видимымъ усиліемъ — посмотрите мою казарму: она по ту сторону залы и выстроена, безъ сомнѣнія, изъ бывшихъ службъ.

Проходя чрезъ дворъ, мы увидѣли нашу карету, только что остановившуюся у входа въ башню. Голова отца была просунута въ окно; онъ собиралъ свои книги и, подобно

Digitized by Google

оракулу, металъ въ миссисъ Примминсъ, за пустоту ею оставленную, проклятія на разные тоны; миссисъ Примминсъ, поднявъ передникъ, получала книги и проклятія, вынося ихъ съ ангельскимъ терпѣніемъ, возводя очи къ небу, и что-то шептала про «бѣдныя, старыя кости.» Кости миссисъ Примминсъ уже двадцать лѣтъ обратились въ мифы, и вы скорѣе бы нашли плезіозавръ въ жирной почвѣ болота Ромней-скаго, нежели кость въ этихъ слояхъ мяса, въ которые бѣдный отецъ мой полагалъ тщательно закутать своего Кардана.

Предоставивъ имъ мириться между собою и пройдя низкимъ ходомъ, мы вошли въ комнату Роланда. О, конечно, Болтъ понималъ свое дѣло! онъ проникъ до задушевныхъ струнъ Роландова сердца. Бюффонъ говоритъ: le style — c'est l'homme, въ слогѣ виденъ человѣкъ; здѣсь о человѣкѣ можно было заключить по комнатѣ. Невыразимая, солдатская, методическая опрятность, свойственная Роланду, поражала прежде всего: она же была отличительною чертою цѣлаго. Потомъ переходя къ подробностямъ, стояли тутъ на высокихъ дубовыхъ полкахъ, книги, которыми отецъ любилъ попрекать одареннаго пылкимъ воображеніемъ брата: Фруассаръ, Барантъ, Жоанвиль, *Смерть Артура*, *Амадисъ*, *Царица Фей* Спенсера, богатый экземпляръ *Горды* Струтта, *Сѣверныя Древности* Маллета, *Гомеръ* Поппе, — сочиненія о литьѣ пушекъ, стрѣльбѣ изъ лука, о соколиной охотѣ, о фортификаціи; древнее рыцарство и нынѣшняя война лежали рядомъ.

Древнее рыцарство и современная война! Взгляните на этотъ кованый шлемъ, съ гербомъ Какстоновъ; взгляните на этотъ трофей, рядомъ съ нимъ, — Французскую кирассу,— на этотъ старый штандартъ (почетную принадлежность рыцаря) и скрещенные надъ нимъ штыки. А надъ каминомъ чистые и свѣтлые (ихъ, увѣряю васъ, чистятъ каждый день), сабля, пушки и пистолеты самаго Роланда; вотъ и сѣдло, на которомъ зашатался онъ, когда нога.... Я вздохнулъ, я тяжело вздохнулъ, тихо отошелъ, и, не будь тутъ Роланда, я поцѣловалъ бы этотъ мечъ, столько же почтенный, какъ если бы былъ онъ Баярдовъ или Сиднеевъ.

Digitized by Google

Дядя слишкомъ былъ скроменъ, чтобъ объяснить себѣ мое смущеніе: онъ скорѣе думалъ, что я, отвернувшись, хотѣлъ скрыть смѣхъ, возбужденный во мнѣ его суетностію, и сказалъ стыдливымъ тономъ извиненія:

— Да вѣдь это все Болтъ!

ГЛАВА IV.

Нашъ хозяинъ угощалъ насъ съ гостепріимствомъ, рѣзко противоположнымъ его Лондонской бережливости. Безъ сомнѣнія, Болтъ поймалъ огрумную щуку, явившуюся въ главпира; Болтъ, конечно, содѣйствовалъ воспитанію превосходныхъ цыплятъ ab ovo; Болтъ же дѣлалъ Испанскую яичницу; для остальнаго добровольными помощниками ему были скотный дворъ и огородъ, столько различные отъ тѣхъ торговыхъ источниковъ, въ которыхъ черпаютъ столичные кондотьеры, мясникъ, и зеленщикъ, для угощенія горожанъ.

Вечеръ прошелъ превесело: Роландъ, противъ обыкновеннаго, управлялъ бесѣдой. Пробило одиннадцать часовъ, когда Болтъ явился съ фонаремъ, для того чтобы проводить меня черезъ дворъ и развалины къ моей спальнѣ; и каждую ночь, будь она свѣтла или темна, онъ стоялъ на точномъ исполненіи этого обряда.

Долго не могъ я заснуть, долго не могъ я повѣрить, что такъ немного дней прошло съ того времени, когда Роландъ услышалъ о смерти своего сына, этого сына, котораго участь такъ долго его мучила; и никогда Роландъ не казался такъ беззаботенъ! Было ли это естественно, было ли тутъ усиліе? Нѣсколько дней не умѣлъ я разрѣшить этого вопроса, и разрѣшилъ его все-таки не совсѣмъ удовлетворительно. Усиліе ли это было, или, вѣрнѣе, преднамѣренная, систематическая рѣшимость? Мгновеніями голова Роланда наклонялась, брови хмурились, весь человѣкъ видимо опускался. Все же это были только мгновенія; онъ ободрялся, какъ задремавшій скакунъ при звукѣ трубы, и сбрасывалъ гнетущее бремя. Но, въ силу ли его рѣшимости или помощью другой цѣпи размышленій, я не могъ не замѣтить, что тоска Роланда была не такъ тяжела и горька, какъ прежде, не

Digitized by Google

такъ, какъ должно было предполагать. Казалось, онъ со дня на день, болѣе и болѣе, переносилъ привязанность свою отъ умершаго на окружавшее его, особенно на Бланшь и меня. Онъ явно показывалъ, что смотритъ теперь на меня, какъ на своего законнаго наслѣдника, на будущую опору его имени: онъ любилъ повѣрять мнѣ свои небольшіе планы и совѣтоваться со мною на этотъ счетъ. Онъ обходилъ со мной всѣ свои владѣнія (о которыхъ скажу болѣе вслѣдъ за симъ), показывалъ, съ каждаго возвышенія, куда взбирались мы, какъ обширныя земли, принадлежавшія его предкамъ, простирались до небокрая; смущенною рукой развертывалъ разсыпавшуюся родословную, и тихо останавливался на предкахъ, занимавшихъ военныя должности, или павшихъ на полѣ сраженія. Былъ тутъ одинъ крестоносецъ, послѣдовавшій за Ричардомъ въ Аскалонъ; былъ рыцарь, сражавшійся при Аженкурѣ; былъ одинъ кавалеръ (котораго изображеніе уцѣлѣло) съ прекрасными кудрями, павшій подъ Ворчестеромъ, безъ сомнѣнія тотъ, который отправилъ сына своего прохлаждаться въ колодецъ, посвященный сыномъ болѣе пріятному употребленію. Но изъ всѣхъ этихъ знаменитостей ни одной не чтилъ дядя наравнѣ съ апокрифическимъ сэръ Вилліамомъ, можетъ быть по духу противорѣчія, а почему? потому что, когда измѣнникъ Стенлей рѣшилъ участь Босвортскаго сраженія и раздался отчаянный крикъ: измѣна, измѣна! сорвавшійся съ устъ послѣдняго изъ Плантагенетовъ, этотъ вѣрный изъ вѣрныхъ, этотъ истый воинъ бросился съ отвагою льва вслѣдъ за Ричардомъ.

— Вашъ отецъ говоритъ, что Ричардъ былъ убійца и узурпаторъ — сказалъ какъ-то дядя. — Сэръ, это можетъ быть и правда и нѣтъ; но не на полѣ сраженія было разсуждать подчиненнымъ о характерѣ вождя, имъ вѣрившаго, въ особенности когда стояла противъ нихъ дружина чужеземныхъ наемниковъ. Я не согласился бы происходить отъ этого отступника Стенлея, сдѣлайте вы меня владѣльцемъ всѣхъ земель, какими могутъ похвалиться всѣ графы Дерби. Сэръ, когда есть привязанность къ государю, человѣкъ сражается и умираетъ за великое начало, за бла-

Digitized by Google

городную страсть; сэръ Вилліамъ платилъ послѣднему изъ Плантагенетовъ за благодѣянія, полученныя имъ отъ перваго.

— И все-таки подвержено сомнѣнію — замѣтилъ я съ намѣреніемъ — не Вильямъ ли Какстонъ типографщикъ....

— Муки, чума и огонь этому Вильяму Какстонъ и его изобрѣтенью! — восклинулъ звѣрски дядя. — Когда было книгъ не много, по крайней мѣрѣ онѣ были хороши; а теперь, когда онѣ такъ обильны, онѣ сбиваютъ разсудокъ, уродуютъ умъ, изгоняютъ изъ уваженія хорошія книги и проводятъ борозду нововведенія по всякому клочку старой почвы; развращаютъ женщинъ, изнѣживаютъ до женственности мужчинъ, рождаютъ племя самоувѣренныхъ и пустыхъ краснослововъ, всегда могущихъ найти бездну книгъ въ объясненіе неисполненія своего долга; утончаютъ древнія, старыя добродѣтели до того, что обращаютъ ихъ въ остроты и сентиментальность! Прежде все воображеніе тратилось на благородную дѣятельность, отвагу, предпріимчивость, высокіе подвиги и стремленія; теперь воображеніе имѣетъ только тотъ, кто поддерживаетъ раздраженіе страстей, которыхъ онъ никогда не раздѣлялъ, и все, что есть въ немъ жизненной силы, онъ соритъ на призрачную любовь Бондъ и Сенъ-Джемсъ-стрита. Сэръ, рыцарство кончилось, когда родилось книгопечатаніе. И навязывать мнѣ въ предки изъ всѣхъ людей, когда-нибудь жившихъ и мыслившихъ, человѣка, который разрушилъ болѣе другихъ то, что уважаю я болѣе всего, который, съ своимъ проклятымъ изобрѣтеніемъ, возстановилъ противъ уваженія ко всѣмъ предкамъ вмѣстѣ, — да это варварство, на какое никогда бы не былъ способенъ мой братъ, еслибъ не овладѣлъ имъ этотъ злой духъ типографщика!

Чтобы въ благословенномъ девятнадцатомъ вѣкѣ человѣкъ могъ быть такимъ Вандаломъ! Дядя говорилъ такъ, какъ постыдился бы говорить Атила, и такъ скоро послѣ ученой рѣчи отца о гигіенической силѣ книгъ: это повергало въ отчаяніе на счетъ успѣха ума и способности къ усовершенствованію человѣческаго рода. А я увѣренъ, что, въ то же время, у дяди была въ карманахъ пара книгъ, и одна

Digitized by Google

изъ нихъ Робертъ Галль! Въ самомъ дѣлѣ, онъ впалъ въ какое-то воодушевленіе и не зналъ, какія говорилъ безсмыслицы. Но эта вспышка капитана Роланда прервала нить моего разсказа. Уфъ! Надо передохнуть и начать съизнова!

Да, не взирая на мою дерзость, старый солдатъ явно привязывался ко мнѣ болѣе и болѣе. И, кромѣ нашихъ критическихъ наблюденій надъ имѣніемъ и родословной, онъ бралъ меня съ собою на продолжительныя прогулки къ отдаленнымъ селеніямъ, гдѣ только можно было встрѣтить что-нибудь замѣчательное, напоминавшее о Кажстонахъ: древнее вооруженіе, надпись на памятникѣ. И онъ заставлялъ меня смотрѣть на топографическія сочиненія и историческія преданія (забывая, Готовъ эдакой, что всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ былъ обязанъ отвергаемому типографщику!) для того только, чтобъ найти какой нибудь анекдотъ о любимыхъ покойникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, околодокъ, миль на нѣсколько кругомъ, представлялъ слѣды старыхъ Кажстоновъ: ихъ рука была не на одной сломаной стѣнѣ. Какъ ни были темны эти слѣды въ сравненіи съ великимъ труженикомъ въ Вестминстерѣ, къ которому прицѣплялся мой отецъ, однакожь, изъ общаго уваженія и наслѣдственной привязанности къ старому имени, и въ хижинахъ и въ замкахъ, было очевидно, что прошедшія времена, освѣщавшія ему путь, озаряли блескомъ не обезчещенные гербы. Забавно было видѣть почтеніе, оказываемое этому маленькому гидалго едва трехсотлѣтнему, — патріархальную нѣжность, съ которой онъ за него отплачивалъ. Роландъ заходилъ въ хижину, клалъ свою пробочную ногу у очага, и по цѣлымъ часамъ толковалъ съ хозяиномъ о предметахъ наиболѣе близкихъ къ его сердцу. Есть особенное пониманіе аристократизма между сельскими жителями: они любятъ старыя имена и фамиліи, они сродняются съ почестями рода, какъ бы своего *клана*. Они не обращаютъ такъ много вниманія на состояніе, какъ городскіе жители и среднее сословіе; они питаютъ сожалѣніе, полное уваженіе къ бѣдности хорошаго рода. Ктомуже этотъ Роландъ, обѣдавшій у кухмистера (in a cook shope) и бравшій сдачу съ шиллинга, отказы-

Digitized by Google

вавшій себѣ въ разорительной роскоши наемнаго кабріолета, здѣсь становился до безмѣрія расточительнымъ къ окружавшимъ его. На своихъ наслѣдственныхъ акрахъ онъ дѣлался другимъ человѣкомъ. Скромно одѣтый капитанъ, терявшійся въ вихрѣ Лондона, здѣсь являлся щедрымъ и расточительномъ, такъ что ему подивился бы самъ Честерфильдъ. И если истинный признакъ учтивости — нравиться, я бы желалъ, чтобы вы взглянули, какъ всѣ лица улыбались капитану Роланду, когда шелъ онъ по селенію, кланялсь на обѣ стороны.

Однажды добрая, простая старуха, знавшая Роланда мальчикомъ, увидѣвъ его упиравшимся на мою руку, остановила насъ, какъ говорила она, чтобы наглядѣться на меня.

Ксчастію я былъ довольно изряднаго роста, чтобъ не бояться даже смотра матроны Кумберланда. Послѣ привѣтствія, чрезвычайно понравившагося Роланду, она сказала мнѣ, показывая на Роланда:

— Вамъ есть еще время, сэръ. Пользуйтесь имъ, чтобы сдѣлаться такимъ же, какъ онъ.... Вы будете такіе-же, если Богъ вамъ дастъ пожить: это вѣрно. На этомъ деревѣ никогда не было дурныхъ вѣтокъ. Милостивы къ маленькимъ людямъ: всѣ вы были такіе изстари. Богъ да благословитъ старое имя, хоть не велико наслѣдіе! Это имя для бѣднаго звучитъ какъ червонецъ!—

— Видите теперь, — сказалъ Роландъ, когда мы разстались съ старухой, — чѣмъ мы обязаны именемъ, чѣмъ обязаны нашимъ предкамъ? видите, что самый далекій изъ нихъ имѣетъ право на уваженіе и благодарность: онъ былъ отцомъ цѣлаго рода. «Чти отца твоего....» Не сказано: чти твоего сына.... Если сынъ обезчститъ насъ, и умершихъ, и святость наслѣдственныхъ добродѣтелей, словомъ, *имя*, если....

Капитанъ остановился и съ чувствомъ прибавилъ:

— Но теперь вы мой наслѣдникъ, я не боюсь теперь! И что до горя безумнаго старика! имя, это наслѣдіе поколѣній, спасено, слава Богу.... имя....

Digitized by Google

Загадка была разрѣшена: я понялъ, почему, несмотря на всю грусть о потерѣ сына, честолюбивый отецъ былъ утѣшенъ. Онъ самъ былъ менѣе отецъ, нежели сынъ нескончаемой смерти. Изъ каждой могилы, гдѣ спалъ предокъ, онъ слышалъ голосъ. Онъ согласился бы на всякое лишеніе, лишь бы не страдали предки. Роландъ былъ болѣе, нежели на половину Римлянинъ: сынъ всегда бы звучалъ въ его нѣжномъ сердцѣ, но предки были часть его вѣрованія.

ГЛАВА V.

Но мнѣ бы слѣдовало работать и приготовляться къ Кембриджу. Да, куда тутъ къ чорту. Болѣе всего нужно было заняться мнѣ Греческимъ сочиненіемъ. Я приходилъ къ отцу, который, какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ былъ какъ дома. Но увы, мудрено найти ученаго, который былъ бы хорошій учитель.

Добрый батюшка! Если удовлетвориться тѣмъ, что вы по природѣ своей, нельзя найти лучшаго наставника для сердца, головы, правилъ вкуса, когда, замѣтивъ, что нужно вылечить рану, исправить недостатокъ, вы вытираете очки или суете руку между рубашкой и жилетомъ. Но подходить къ вамъ, коротко и сухо, однообразно, правильно, съ книгой и упражненіемъ въ рукѣ, видѣть мрачное терпѣніе, съ которымъ вы отрываетесь отъ большаго волюма Кардана, въ медовый мѣсяцъ обладанія имъ, слѣдить за тѣмъ, какъ спокойныя брови постепенно измѣняются въ ломаныя линіи надъ ложнымъ количествомъ или варваризмомъ, пока не вырвется у васъ это ужасное: *papae!* значущее — я въ томъ увѣренъ — въ вашихъ устахъ гораздо болѣе, нежели въ то время, когда Латынь была живой языкъ и *papae*, было восклицаніе естественное и не педантическое, — о нѣтъ, я лучше соглашусь тысячу разъ запутаться въ моемъ собственномъ мракѣ, нежели зажигать мой ночникъ у лампы этого *papae* береговъ Флегетона!

И тогда отецъ, задумчиво, ласково и удивительно-тихо, вычеркивалъ три четверти стиховъ своего любимца и замѣнялъ ихъ другими, которые явно были превосходны, но почему— этого опредѣлительно не было видно. Тогда, если спросить

Digitized by Google

почему? отецъ въ отчаяніи качалъ головой и говорилъ: — должно чувствовать по чему!

Короче, ученость была для него тоже, что поэзія: онъ также не могъ учить васъ ничему, какъ Пиндаръ не показалъ бы вамъ, какъ написать оду. Вы обоняли ароматъ, но схватить и разобрать его, вы не могли также, какъ нельзя ладонью вытянуть запахъ изъ розы. Я скоро оставилъ моего отца съ Карданомъ и большою книгой, которая, сказать мимоходомъ, подвигалась плохо. Дядя Джакъ настоялъ чтобъ она была издана in quarto и съ пояснительными рисунками. Эти рисунки отнимали бездну времени и должны были стоить пропасть денегъ, но издержки были дѣло Антиздательскаго Общества. А самому мнѣ какъ было заняться? Только что уходилъ я въ свою комнату, *penitus ab orbe divisus*, убѣжденный, что отдѣлился отъ свѣта, слышался стукъ въ дверь. То матушка, добровольно взявшаяся устроить занавѣски у всѣхъ оконъ (пустое излишество, которое забылъ или пренебрегъ Болтъ) является спросить, какъ устроены драпри у миссисъ Тривеніонъ — предлогъ, чтобъ видѣть собственными глазами, не грустенъ-ли я, ибо съ той минуты, какъ она услышитъ, что я заперся у себя въ комнатѣ, она увѣнена, что это съ горя. То Болтъ, дѣлающій полки для моего отца, хочетъ посовѣтоваться со мной на всякомъ шагу, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я далъ ему готическій рисунокъ, который неимовѣрно ему нравится. То Блаишь, которую въ какую-то несчастную минуту, я обѣщался учить рисовать, крадется на цыпочкахъ, увѣряя, что не будетъ мѣшать мнѣ, и сидитъ такъ спокойно, что выводитъ меня изъ терпѣнья. То наконецъ, и это всего чаще, капитанъ зоветъ меня гулять, ѣздить верхомъ, ловить рыбу. И вотъ, о Св. Губертъ, покровитель охоты! приходитъ блестящій Августъ: въ пустыхъ поляхъ явилась дичь, дядя далъ мнѣ ружье, изъ котораго онъ стрѣлялъ въ мои лѣта, одноствольное съ кремнемъ; вы, конечно, не смѣялись бы надъ нимъ, если бъ видѣли его доблестныя дѣла въ рукахъ Роланда, за то въ моихъ.... Я всегда могъ свалить срамъ на кремень! Время, такимъ образомъ, шло скоро, и если у Роланда и

Digitized by Google

у меня были часы грусти, мы поднимали ихъ прежде, нежели садились они, и подстрѣливали ихъ въ крыло, лишь только взлетали они.

Кромѣ того, хотя ближайшія окрестности были безплодны и пусты, мѣстность, на нѣсколько миль, была такъ полна занимательныхъ предметовъ, видовъ столь поэтически-величественныхъ или милыхъ сердцу; и, по временамъ, мы отрывали отца отъ Кардановъ и проводили цѣлые дни на прибрежьи какого-нибудь славнаго озера.

Въ числѣ этихъ прогулокъ, я предпринялъ одну къ тому дому, гдѣ мой отецъ узналъ радость и муки той печальной первой любви, которая все еще оставляла слѣды въ моей собственной памяти. Домъ, большой и величественный, стоялъ запертъ: Тривеніоны не были здѣсь много лѣтъ; паркъ былъ весьма сокращенъ. Не было положительнаго разрушенія, развалинъ: этого никогда бы не потерпѣлъ Тривеніонъ, но вездѣ былъ грустный видъ отсутствія и пустоты. Я вошелъ въ домъ съ помощью моей визитной карты и полу-кроны. Я увидѣлъ достопамятный будуаръ, я воображалъ себѣ мѣсто, на которомъ отецъ выслушалъ приговоръ, измѣнившій теченіе всей его жизни. И когда я вернулся домой, я съ новой нѣжностію смотрѣлъ на невозмутимое чело моего отца, и снова благословлялъ нѣжную помощницу, терпѣливой своей любовью прогнавшую съ него всякую тѣнь.

Нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда я получилъ письмо отъ Вивіена. Оно было адресовано въ домъ моего отца, коротко, но показалось весело. Онъ говорилъ, что полагаетъ, что попалъ на прямую дорогу, что будетъ держаться ея, что онъ теперь въ лучшемъ отношеніи къ свѣту, нежели прежде. Онъ присоединилъ банковый билетъ, нѣсколько превышавшій его долгъ мнѣ, и просилъ меня возвратить ему этотъ излишекъ, когда онъ потребуетъ его милліонеромъ. Адреса онъ не писалъ, но на конвертѣ было клеймо Годалминга. Я имѣлъ дерзкое любопытство заглянуть въ старое топографическое описаніе графства Суррей и, въ приложен-

Digitized by Google

ноиъ путеводитель, нашелъ слѣдующе: «По лѣвую сторону кленоваго лѣса, три мили отъ Годалминга, вамъ представляется прекрасный видъ владѣнія Франсиса Вивіенъ, Эск.» Судя по времени сочиненія, этотъ Франсисъ Вивіенъ могъ быть дѣдомъ моего пріятеля, и его тезка. Не оставалось сомнѣнія о происхожденіи и родѣ этаго блуднаго сына.

Длинныя вакаціи скоро кончались и всѣ гости капитана должны были оставить его. Въ самомъ дѣлѣ, мы долго пользовались его гостепріимствомъ. Рѣшено было, что я провожу отца и мать къ давно-покинутымъ пенатамъ и потомъ отправлюсь въ Кембриджъ.

Разлука была печальна, даже миссисъ Принминсъ проливала слезы, пожимая руку Болта. Болтъ, какъ старый солдатъ, былъ крайне любезный кавалеръ. Братья, не только жали руки, но и нѣжно обнялись, какъ рѣдко обнимаются братья въ настоящее время, развѣ на подмосткахъ. А Бланшь, охвативъ одною рукою шею моей матери, другою — мою, шептала мнѣ въ ухо: — я хочу быть вашей маленькой женой, хочу! Въ заключеніе, карета еще разъ приняла насъ въ свои объятія, всѣхъ, исключая бѣдной Бланшь: мы смотрѣли кругомъ и не досчитывались ея.

ГЛАВА VI.

Alma mater, *alma mater*! Нынѣшнее поколѣніе, съ широкими теоріями воспитанія, можетъ находить недостатки въ тебѣ. Но ты все таки настоящая мать, строгая и неумолимая, какъ та древняя матрона, которая принесла первый камень противъ сына своего Павзанія; строгая и неумолимая, говорю, къ недостойному, но полная величественной нѣжности къ достойному.

Для молодаго человѣка, отправляющагося въ Кембриджъ (не говорю объ Оксфордѣ, ничего о немъ не зная) только въ силу рутины, для того, чтобы какъ нибудь проболтаться три года до степени между οἱ πολλοὶ, — для такого, сама Оксфордская улица, къ которой такъ немилосердо обращается

Digitized by Google

безсмертный *Opium-eater*,* — мать безваботная и съ каменнымъ сердцемъ. Но тому, кто хочетъ читать, кто хочетъ заниматься, воспользоваться предоставляемыми ему выгодами, разсудительно выбирать друзей, отличать, въ этомъ обширномъ броженіи юной мысли въ ея цвѣтущей силѣ, дурное отъ хорошаго, тому — полная возможность собрать въ эти три года плоды не преходящіе; и три года будутъ истрачены благородно, хотя бы и нужно было перейти мостъОсловъ, чтобы попасть въ храмъ Славы.

Важныя перемѣны объявлены недавно въ академической системѣ, и особенныя отличія обѣщаны успѣшнымъ ученикамъ по части наукъ моральныхъ и естественныхъ. Рядомъ съ древнимъ трономъ башни Мавезисъ, поставлено два весьма полезныхъ Вольтеровскіе кресла. Я не имѣю противъ этого никакого возраженія, но въ трехъ годахъ такой жизни не столько, по моему, важно то, чему выучишься, сколько эта упорная настойчивость выучиться чему-нибудь.

Счастливо было для меня, съ одной стороны, что я нѣсколько узналъ жизнь дѣйствительную, столичную, и прежде нежели вступилъ въ подражаніе ей, жизнь затворническую. То, что въ послѣдней называлось удовольствіемъ и что бы соблазнило меня, попади я въ нее прямо изъ школы, — теперь не имѣло для меня прелести. Сильно пить и играть въ большую игру, какая-то смѣсь грубости и неистовства, — вотъ въ чемъ было занятіе праздныхъ, когда я былъ въ университетѣ, *sub consulo Planco*, когда Вордсвортсъ былъ главнымъ начальникомъ коллегіума Троицы: теперь это, быть можетъ, измѣнилось.

Но я уже пережилъ всѣ эти искушенія и естественнымъ образомъ былъ выброшенъ изъ общества праздныхъ и долженъ былъ попасть въ кругъ трудолюбивыхъ.

Однако, говоря откровенно, не было у меня уже прежней любви къ книгамъ. Если мое сближеніе съ большимъ свѣтомъ ослабило искушеніе ребяческихъ излишествъ, за

---

* Сочиненіе славнаго критика, Кѣнси (M. de Quincy).

Digitized by Google

то и увеличило мое прирожденное стремленіе къ практической дѣятельности. И увы! на смѣхъ всему добру, которое извлекъ изъ Роберта Галль, были времена, когда воспоминанія дѣлались до того тяжки, что я былъ вынужденъ бѣжать изъ одинокой горницы, наполняемой искусительными видѣніями, и гнать лихорадку сердца утомленіемъ тѣла. Пылъ, свойственный ранней юности, который она такъ прекрасно посвящаетъ познанію, былъ преждевременно принесенъ на алтарь, менѣе священный. По этому я, хотѣ и работалъ, но работалъ съ тѣмъ сознаніемъ труда, котораго (какъ узналъ я въ позднѣйшемъ періодѣ моей жизни) настоящій, торжествующій труженикъ науки не знаетъ никогда. Наука, это мраморное изваяніе, согрѣвается до жизни, не работою рѣзца, а духомъ ваятеля. Механическій работникъ находитъ только безгласный камень.

У дяди вещь, подобная журналу, была рѣдкимъ явленіемъ. Въ Кембриджѣ, даже между людьми дѣльными, они имѣли свою важность. Политика стояла высоко, и не пробылъ я трехъ дней въ Кембриджѣ, какъ уже услышалъ имя Тривеніона. Журналы, по этому, имѣли для меня свою прелесть. Предсказаніе Тривеніона о самомъ себѣ, повидимому, должно было исполниться. Носились слухи о перемѣнахъ въ кабинетѣ. Имя Тривеніона являлось то здѣсь, то тамъ, переходило отъ похвалы къ охужденію, подымалось и опускалось, подобно мячику, когда имъ играютъ дѣти. Однакоже перемѣнъ еще не было, и кабинетъ держался крѣпко. Ни слова въ *Morning Post*, подъ рубрикой *fashionable intelligence*, о слухахъ, которые болѣе взволновали бы меня, нежели паденіе и возвышеніе кабинетовъ, ни одного намека на «предстоящій въ непродолжительномъ времени союзъ дочери и единственной наслѣдницы извѣстнаго и богатаго члена Нижней Палаты;» только по временамъ, когда исчислялся блестящій кругъ гостей въ домѣ главы какой-нибудь партіи, сердце мое рвалось на уста, когда я встрѣчалъ имя леди Эллиноръ и миссъ Тривеніонъ.

Но гдѣ же, между всѣмъ этимъ многочисленнымъ исчадіемъ періодической литтературы, отдаленнымъ потомствомъ

Digitized by Google

моего великаго предка (я держусь убѣжденій моего отца), гдѣ же былъ *литтературный Times*? Что такъ долго задержало обѣщанное его цвѣтѣніе? Ни листа его подъ видомъ объявленія не появилось еще изъ его родной земли. Я отъ души надѣялся, что это предпріятіе было оставлено, и я не упоминалъ объ немъ въ моихъ письмахъ домой, чтобъ не оживить мысли о немъ. Но, за неимѣніемъ литтературнаго Times, явился новый журналъ, также ежедневный: длинный, худой и тощій юноша съ огромной головой въ видѣ программы, представлявшейся въ продолженіи трехъ недѣль передъ началомъ главныхъ статей, съ жидкимъ туловищемъ изъ параграфовъ и съ ножками, въ видѣ объявленій, до того маленькими, что ни одному журналу не устоять бы на немъ! Этотъ бѣдный журналъ имѣлъ полновѣсный и тучный титулъ, титулъ пахнувшій черепахой и дичью, титулъ алдерменскій, видный, величественный, Фальстафовскій: онъ назывался *Капиталистъ*. И всѣ его щедушные параграфы были напичканы рецептами, какъ дѣлать деньги. Въ каждой фразѣ былъ цѣлый Эльдорадо. Если повѣрить этому журналу, никто до сихъ поръ не находилъ настоящаго оборота своимъ фунтамъ, шиллингамъ и пенсамъ. Вы бы, послѣ него, отвернули носъ отъ 20%. Было тутъ много объ Ирландіи, не о несчастіяхъ ея, слава Богу! а о ея рыбныхъ ловляхъ; изслѣдованіе о томъ, куда дѣвались жемчужныя ловли, которыми нѣкогда такъ славилась Великобританія; ученое разсужденіе о какихъ-то потерянныхъ золотыхъ рудахъ, нынѣ, къ счастію вновь открытыхъ; затѣйливое предложеніе обратить дымъ Лондона въ удобреніе, посредствомъ новаго химическаго процесса; совѣты бѣднымъ выводить цыплятъ по образу Египтянъ; хозяйственные проэкты о засѣяніи въ Англіи полей лукомъ, по системѣ принятой близъ Бедфорда, съ чистымъ барышомъ въ сто фунтовъ съ акра. Три дня въ клубѣ потолковали объ этомъ журналѣ, посмѣялись, пожали плечами, до тѣхъ поръ покуда какой-то недоброжелательный математикъ, только что кончившій курсъ, отправилъ письмо въ *Morning-Chronicle*, гдѣ доказывалъ, что въ статьѣ, на которую редакторъ *Капита-*

Digitized by Google

листа наиболѣе обращалъ общее вниманіе, больше ошибокъ, нежели нужно ихъ, чтобы вымостить весь островъ Лилліпутъ. Послѣ этого, ни одна душа не читала *Капиталиста*. Какъ долго продлилъ онъ свое существованіе — не знаю, но несомнѣнно, что онъ умеръ не отъ изнурительной болѣзни.

Не подумалъ я, когда вмѣстѣ съ другими смѣялся надъ *Капиталистомъ*, что лучше бы мнѣ послѣдовать за нимъ къ его могилѣ, съ чернымъ крепомъ и плёрёзами! Подобно иному поэту, о *Капиталистъ!* ты не былъ оцѣненъ и признанъ до тѣхъ поръ, когда умеръ ты — схоронили тебя и объявили подписку на памятникъ тебѣ!

Первый годъ моего курса былъ конченъ, когда я получилъ отъ матушки письмо, до того безпокойное, грустное, и на первый взглядъ непонятное, что я только могъ заключить, что насъ постигло большое несчастіе; и упалъ на колѣни, чтобы помолиться за тѣхъ, кому, по видимому, наиболѣе угрожало это несчастіе, и потомъ уже къ концу прочелъ разъ, два и три, нѣсколько строкъ нѣсколько вытертыхъ и которыя сначала я не могъ разобрать. — Слава Богу! воскликнулъ я, наконецъ — такъ это только деньги!

(*До слѣд. книж.*)

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

На слѣдующее утро, на имперіалѣ «Кембриджскаго Телеграфа» сидѣлъ путникъ, который, вѣроятно, далъ прочимъ пассажирамъ высокое понятіе о своихъ познаніяхъ въ мертвыхъ языкахъ, ибо онъ не произнесъ ни одного склада изъ живаго языка съ той минуты, когда поднялся на высоту, и до той, когда опять спустился на землю. «Сонъ—говоритъ простодушный Санхо—закрываетъ человѣка лучше плаща». Мнѣ стыдно за тебя, мой добрый Санхо! Ты—жалкій плагіарій; Тибуллъ сказалъ почти тоже самое до тебя:

Te somnus fusco velavit amictu.

Но будто молчаніе не тотъ же плащь, что сонъ? Развѣ не закрываетъ оно человѣка тою же темной и непроницаемой складкой? Молчаніе — какой міръ заключаетъ оно! Сколько дѣльныхъ предположеній, сколько блестящихъ надеждъ и темныхъ опасеній, какое честолюбіе или какое отчаяніе! Случалось-ли вамъ, увидавъ человѣка, нѣсколько часовъ сряду сидящаго въ обществѣ нѣмымъ, не почувствовать безпокойнаго любопытства и желанія пробить стѣну, которую

Digitized by Google

воздвигаетъ онъ между собою и другими? Не занимаетъ ли онъ васъ гораздо болѣе, нежели краснорѣчивый ораторъ и остроумный любезникъ, чьи стрѣлы тщетно ударяются о мрачную броню молчальника! О безмолвіе, братъ ночи и Эреба, какъ, полоса на полосу, тѣнь на тѣнь, мракъ на мракъ, ты ложишься отъ ада до неба надъ твоими избранными пріютами, сердцемъ человѣка и могилою!

Такъ, закутавшись въ широкій плащь и въ молчаніе, совершилъ я мое путешествіе. На вечеръ втораго дня я достигъ стараго кирпичнаго дома. Какъ грустно раздался въ моихъ ушахъ звонокъ! какъ страненъ и зловѣщь моему нетерпѣнію показался свѣтъ, дрожавшій около оконъ залы! какъ билось мое сердце, когда я вглядывался въ лицо слуги, отворявшаго мнѣ дверь!

— Всѣ здоровы? — спросилъ я.

— Всѣ, сэръ, — отвѣчалъ слуга весело. — Мистеръ Скилль у мистера Какстона, но, впрочемъ, кажется, нѣтъ ничего такого....

На порогѣ явилась матушка, и я уже былъ въ ея объятіяхъ.

— Сисси, Сисси, мой милый! мы разорены, можетъ-быть, и все я виновата, я....

— Вы? Пойдемте въ эту комнату, чтобъ насъ не слышали; вы?

— Да, да! Если бъ не было у меня брата, если бъ я не увлеклась, а напротивъ, какъ должна была, уговорила бѣднаго Остина не....

— Добрая матушка, вы обвиняете себя въ томъ, что, по моему, только несчастіе дяди, даже не его вина! (Тутъ я прилгнулъ). Нѣтъ, вы сложите вину на настоящія плечи, на покойныя плечи ужаснаго предка, Вилліама Какстонъ, типографщика; я, хоть и не знаю подробностей того, что случилось, готовъ биться объ закладъ, что все это въ связи съ проклятымъ изобрѣтеніемъ кригопечатанія. Пойдемте. Батюшка здоровъ, не правда ли?

— Слава Богу.

Digitized by Google

— И вы то же, и я, и Роландъ, и маленькая Бланшь! Вы правы, что благодарите Бога: ваши настоящія сокровища невредимы. Садитесь же и разскажите мнѣ.

— Ничего не умѣю разсказать и ничего не понимаю, кромѣ того, что онъ, мой братъ, запуталъ Остина въ.... въ....

Послѣдовали слезы.

Я утѣшалъ, бранилъ, смѣялся, проповѣдывалъ и умолялъ въ одно и то же время. Потомъ тихо приподнявъ матушку, вошелъ въ кабинетъ отца.

У стола сидѣлъ Скилль съ перомъ въ рукѣ; возлѣ него былъ стаканъ съ его любимымъ пуншемъ. Отецъ стоялъ у камина, слегка блѣдный, но съ рѣшительнымъ выраженіемъ на лицѣ, несвойственнымъ его задумчивой и кроткой натурѣ. Онъ поднялъ глаза, когда отворилась дверь, и взглянувъ на мать, приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ весело:

— Тутъ еще нѣтъ бѣды. Не вѣрь ей: женщины всегда преувеличиваютъ и обращаютъ въ дѣйствительность свои видѣнія: это недостатокъ ихъ живаго воображенія, какъ доказалъ это очень ясно Віерусъ при объясненіи разныхъ знаковъ на тѣлѣ, которыми награждаютъ онѣ невинныхъ дѣтей, прежде даже ихъ рожденія. Любезный другъ — прибавилъ отецъ, послѣ того какъ я поцѣловалъ его и улыбнулся ему — спасибо тебѣ за эту улыбку. Богъ да благословитъ тебя.

Онъ пожалъ мнѣ руку и на минуту отвернулся.

— Большое еще утѣшеніе — продолжалъ отецъ, — если, когда случится несчастіе, знаешь, что нельзя было отвратить его. Скилль открылъ, что у меня нѣтъ шишки предусмотрительности; стало быть, говоря краніологически, еслибъ я избѣжалъ одной ошибки, я бы ударился головой объ другую голову.

— Человѣкъ съ вашимъ организмомъ рожденъ для того, чтобъ остаться въ дуракахъ, — сказалъ Скилль въ видѣ утѣшенія.

— Слышишь, Китти? а ты еще имѣешь духъ сердиться на Джака, бѣдное созданіе, одаренное шишкой, которая

Digitized by Google

способна обмануть весь Лондонскій банкъ? Рано или поздно, она запутаетъ человѣка въ свои невидимыя сѣти, не такъ ли, Скилль? Заколотитъ его въ неизбѣжной кельѣ мозга. Тамъ его ждетъ его участь.

— Совершенно справедливо, — замѣтилъ Скилль. — Какой бы вышелъ изъ васъ удивительный френологъ!

— Ступай же, душа моя, — сказалъ отецъ, — и не вини никого, кромѣ этого жалкаго мѣста моего черепа, гдѣ предусмотрительности нѣтъ! Вели дать ужинать Систи; Скилль говоритъ, что у него удивительно развиты математическіе органы, а намъ нужна его помощь. У насъ тутъ тьма дѣла съ цифрами, Пизистратъ.

Матушка взглянула грустно, и, покорно повинуясь, вышла изъ двери, не вымолвивъ ни слова. Но на порогѣ она обернулась и сдѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я слѣдовалъ за ней.

Я сказалъ нѣсколько словъ на ухо отцу и вышелъ. Матушка стояла въ сѣняхъ, и при свѣтѣ лампы я видѣлъ, что она утерла свои слезы, и ея лицо, хотя еще невеселое, было болѣе спокойно.

— Систи, — сказала она голосомъ, которому силилась придать твердость, — Систи, обѣщай мнѣ разсказать мнѣ все, что-бы тутъ ни было. Они отъ меня скрываютъ, въ этомъ самое страшное для меня наказаніе, когда я не знаю всего, отъ чего онъ.... отъ чего Остинъ страдаетъ; мнѣ кажется, что я потеряла его привязанность. Систи, дитя мое, не бойся. Я буду счастлива, что бы ни случилось съ нами, лишь бы мнѣ отдали назадъ мое право. Мое право, Систи, утѣшать, дѣлить и счастіе и несчастіе: понимаешь?

— Да, да, матушка! съ вашимъ здравымъ смысломъ, съ вашей женской проницательностію, лишь бы вы чувствовали, какъ они нужны намъ, вы будете нашимъ лучшимъ совѣтникомъ. Не бойтесь: между мною и вами не будетъ тайнъ.

Матушка поцѣловала меня и ушла еще спокойнѣе.

Когда я вошелъ опять въ кабинетъ отца, онъ обнялъ меня и сказалъ въ смущеніи:

— Сынъ мой, если скромныя твои надежды погибли....

Digitized by Google

— Батюшка, батюшка, можете ли вы думать обо мнѣ въ такую минуту, обо мнѣ? Можно ли погубить меня, съ этими силами и первами, съ воспитаніемъ, которое вы дали мнѣ—этими силами и нервами духа! о, нѣтъ, мнѣ судьба не страшна!

Скилль вскочилъ и, утирая глаза одной рукой, крѣпко ударилъ меня по плечу другою и воскликнулъ:

— Я горжусь тѣмъ, что пекся о васъ въ дѣтствѣ, мастеръ Какстонъ. Вотъ что значитъ укрѣплять спозаранку органы пищеваренія. Такія чувства — доказательства удивительной узловой системы и ея отличнаго порядка. Когда у человѣка языкъ такъ чистъ, какъ, безъ сомнѣнія, у васъ, онъ скользитъ, по несчастію, подобно угрю.

Я засмѣялся отъ души. Отецъ улыбнулся тихо. Я сѣлъ, подвинулъ къ себѣ бумагу, исписанную Скилемъ, и сказалъ:

— Такъ надо найдти неизвѣстную величину. Да это что такое? «Примѣрная цѣна книгъ — 750 ливровъ....» Батюшка, да это невозможно. Я былъ готовъ ко всему, кромѣ этого. Ваши книги — ваша жизнь!

— Что жъ изъ этого? — сказалъ отецъ. Онѣ—всему причина; по этому и должны сдѣлаться главными жертвами. Кромѣ того, я думаю, что многія изъ нихъ знаю наизусть. А мы теперь только дѣлаемъ смѣту всей наличности для того, что бы удостовѣриться, — прибавилъ гордо отецъ,—что мы не обезчещены, что бы ни случилось.

— Не противорѣчьте ему, — шепнулъ Скилль:—мы спасемъ книги. — Потомъ онъ прибавилъ громко, положивъ палецъ на мой пульсъ: — разъ, два, три, около семидесяти: прекрасный пульсъ, спокоенъ и полонъ; онъ все вынесетъ....; надо сказать ему все.

Отецъ сдѣлалъ знакъ головой.

— Конечно. Но, Пизистратъ, надо пожалѣть твоей бѣдной матери. За что вздумала она пѣнять на себя потому, что бѣдный Джакъ, чтобъ обогатить насъ, избралъ ложный путь: я этого понять не могу. Но, я и прежде имѣлъ случай замѣтить это, Сфинксъ и Енигма — имена женскія.

Digitized by Google

Бѣдный отецъ! То было тщетное усиліе поддержать твое безпечное расположеніе. Губы дрожали.

Тутъ я узналъ все дѣло. Кажется, когда было рѣшено предпринять изданіе литтературнаго Times, неутомимая дѣятельность Джака собрала изрядное число акціонеровъ: имя моего отца стояло въ главѣ этого сообщества, какъ владѣльца четвертой доли всего капитала. Если въ этомъ отецъ поступилъ неосторожно, не сдѣлалъ онъ, однако жь, ничего, что по обыкновеннымъ соображеніямъ ученаго, уединеннаго отъ свѣта, могло бы казаться раззорительнымъ. Но именно въ тѣ минуты, когда мы всего болѣе были заняты нашимъ ускореннымъ отъѣздомъ, дядя Джакъ объяснилъ моему отцу, что, можетъ-быть, нужно будетъ нѣсколько измѣнить планъ газеты, и для того, чтобы разширить кругъ читателей, нѣсколько болѣе коснуться повседневныхъ извѣстій и современныхъ интересовъ. Перемѣна въ планѣ могла повести къ перемѣнѣ заглавія; и онъ внушилъ моему отцу мысль оставить гладкія руки мистера Тибетсъ несвязанными столько же въ отношеніи къ заглавію, сколько къ плану изданіе. На это отецъ мой легкомысленно согласился, слыша, что прочіе акціонеры тоже согласны. Мистеръ Пекъ, типографщикъ чрезвычайно богатый и уважаемый, согласился ссудись нужную сумму для изданія первыхъ нумеровъ, подъ обезпеченіе акта компаніи и подписи моего отца къ документу, уполномочивавшему м. Тибетса на всякую перемѣну въ планѣ или заглавіи газеты, соразмѣрную съ потребностію и соотвѣтствующую общему согласію другихъ дольщиковъ.

Мистеръ Пекъ, вѣроятно, въ предварительныхъ объясненіяхъ съ мистеромъ Тибетсъ плеснулъ много холодной воды на мысль о литтературномъ Times, и говорилъ въ пользу того, что бы затронуло вниманіе торговой публики, ибо впослѣдствіи открылось, что книгопродавецъ, чьи предпріимчивыя наклонности были сходны съ Джаковыми, имѣлъ доли въ трехъ или четырехъ спекуляціяхъ, на которыя обратить вниманіе публики онъ былъ радъ всякому случаю. Словомъ, едва отецъ успѣлъ отвернуться, литтературный Times былъ непосредственно оставленъ, и мистеръ Пекъ

Digitized by Google

съ мистеромъ Тибетсъ стали сосредоточивать свои глубокія познанія на томъ знаменитомъ и подобномъ кометѣ явленіи, которое окончательно явилось подъ заглавіемъ *Капиталистъ*.

Отъ этой перемѣны въ предпріятіи удалился самый благоразумный и отвѣтственный изъ всѣхъ первоначальныхъ дольщиковъ. Большинство, правда, осталось еще; но то были почти все дольщики такого рода, которые подчинялись вліянію *дяди* Джака, и готовы принимать участіе въ чемъ угодно, потому что сами не имѣютъ ничего.

Удостовѣрившись въ состоятельности моего отца, предпріимчивый Пекъ употребилъ всѣ свои старанія на то, чтобы дать сильный ходъ *Капиталисту*. Всѣ стѣны были обвѣшаны его объявленіями; циркуляры о немъ летали съ одного конца королевства на другой. Были пріисканы агенты, корреспонденты, цѣлыми массами. Не такъ глубокомысленно было разсчитано нашествіе Ксеркса на Грековъ, какъ нашествіе *Капиталиста* на довѣрчивость и скупость рода человѣческаго.

Но подобно тому, какъ провидѣніе снабжаетъ рыбъ плавательными крыльями для того, чтобы онѣ могли держаться на водѣ и управлять движеніями то быстрыми, то сомнительными среди этой глубины, по которой не проложено ни одной дороги, — холоднокровныя созданія нашей собственной породы, принадлежащія къ роду дѣловыхъ людей, снабжены свойствами благоразумія и прозорливости, съ помощію коихъ они величественно плаваютъ по необозримому океану спекуляцій. Короче, рыба, за которой былъ выброшенъ неводъ, отдѣлилась отъ поверхности съ первой же тони. Нѣкоторыя потомъ подходили и обнюхивали петли, но опять убѣгали какъ можно скорѣе, исчезая въ глубинѣ и укрываясь подъ скалами и кораллами. Метафоры въ сторону, капиталисты застегнули свои карманы и не желали имѣть никакого дѣла съ своимъ тезкой. Ни слова объ этой перемѣнѣ, столько противной всѣмъ убѣжденіямъ бѣднаго Огюстина Какстонъ, не сказали ему ни Пекъ, ни Тибетсъ. Онъ ѣлъ, спалъ, трудился надъ боль-

Digitized by Google

шою книгой, по временамъ удивляясь, что не слышитъ ничего о литературномъ Times, не подозрѣвая всей страшной отвѣтственности, которую возложилъ на него *Капиталистъ*, и не зная о немъ ровно также, какъ не зналъ онъ о послѣднемъ займѣ Ротшильдовъ.

Трудно было для всякой другой человѣческой натуры, кромѣ отцовой, не разразиться негодующимъ проклятіемъ надъ затѣйливой головою свояка, нарушившаго такимъ образомъ самыя священныя обязанности довѣрія и родства, и запутавшаго бѣднаго философа. Но, отдать справедливость Джаку Тибетсъ, — онъ былъ твердо убѣжденъ, что *Капиталистъ* обогатитъ моего отца, и если не извѣстилъ онъ его о странномъ и необыкновенномъ развитіи, въ слѣдствіе коего сонный хризолитъ литературнаго Times пріобрѣлъ могучія крылья, это было единственно по убѣжденію, что предразсудки моего отца (какъ называлъ онъ ихъ), помѣшаютъ ему сдѣлаться Крезомъ. И въ самомъ дѣлѣ, дядя Джакъ такъ сердечно вѣрилъ въ свое собственное предпріятіе, что онъ совершенно отдался во власть мистеръ Пека, подписалъ на свое имя нѣсколько огромныхъ документовъ, и теперь сидѣлъ въ Флитъ*, откуда и прислалъ свою грустную и отчаянную исповѣдь, пришедшую въ одно время съ краткимъ письмомъ отъ мистера Пека, гдѣ почтенный типографщикъ увѣдомлялъ моего отца, что онъ на свою голову продолжалъ изданіе *Капиталиста* на столько, сколько допускало благоразумное попеченіе отца семейства, что открытіе вседневной газеты — предпріятіе чрезвычайно обширное; что издержки на *Капиталиста* были несоизмѣримо болѣе издержекъ на чисто-литературное изданіе, какъ было предположено сначала; и что теперь, будучи вынужденнымъ обратиться къ акціонерамъ за своими ссудами, простирающимися до многихъ тысячъ, онъ проситъ моего отца разсчитаться съ нимъ непосредственно, осторожно прибавляя, что самъ онъ ужъ по возможности разсчитается съ другими акціонерами, изъ коихъ многіе, грустно при-

* Долговая тюрьма.

Digitized by Google

знаться, хотя и представленные ему мистеромъ Тибетсъ за людей состоятельныхъ, оказались на дѣлѣ ничего неимущими.

Въ этомъ была еще не вся бѣда. Большое *анти-издательское общество*, вообще съ трудомъ поддерживавшее свое существованіе, начавшееся съ объявленій о непрерывномъ рядѣ занимательныхъ и дѣльныхъ сочиненій, между которыми въ спискѣ великолѣпныхъ поэмъ, драмъ, назначенныхъ не для сцены, опытовъ Филевѳероса, Филантропоса, Филополиса, Филодема и Филалета, выскакивала Исторія человѣческихъ заблужденій, томы I и II in q°, съ картинами, — анти-издательское общество, говорю, которое до сихъ поръ произвело одни только цвѣточки, умерло отъ внезапнаго удара въ ту минуту, когда его солнце, въ лицѣ дяди Джака, сѣло въ киммерійскихъ странахъ Флита; а учтивое письмо отъ другаго типографщика (о Вилліамъ Какстонъ, Вилліамъ Какстонъ, досадный предокъ!) увѣдомлявшаго моего отца объ этомъ происшествіи, почтительно доводило до его свѣдѣнія, что къ нему, какъ наиболѣе достойному члену этого общества, вынужденъ былъ онъ, типографщикъ, обратиться за покрытіемъ издержекъ не только по дорогому изданію «Исторіи человѣческихъ заблужденій», но и по тѣмъ, которыхъ стоило печатаніе и бумага поэмъ, драмъ, назначенныхъ не для сцены, опытовъ Филевѳероса, Филантропоса, Филополиса, Филодема и Филалета, безъ сомнѣнія весьма достойныхъ, но тѣмъ не менѣе сопряженныхъ съ значительными потерями съ точки зрѣнія денежной.

Признаюсь, когда я узналъ обо всѣхъ этихъ пріятныхъ происшествіяхъ и удостовѣрился отъ м. Скилля, что отецъ дѣйствительно принялъ на себя законную отвѣтственность удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, я упалъ на мое кресло, удивленный и ошеломленный.

— Ты видишь, — сказалъ отецъ,—что до сихъ поръ мы боремся съ чудовищами во мракѣ. А въ темнотѣ всякое чудовище кажется больше и страшнѣе. Даже Августъ Цезарь, хотя, конечно, всегда умѣлъ найдти столько видѣній, сколько нужно было ему, не любилъ однакожь ихъ неожиданныхъ посѣщеній и никогда не сидѣлъ въ потем-

Digitized by Google

кахъ одинъ. До чего простирается сумма, которой требуютъ отъ меня, мы не знаемъ; чего можно ждать отъ другихъ дольщиковъ, также темно и неопредѣленно. Но прежде всего нужно вытащить бѣднаго Джака изъ тюрьмы.

— Джака изъ тюрьмы? — воскликнулъ я. — По моему, сэръ, вы слишкомъ далеко простираете прощеніе.

— Далеко? Онъ не былъ бы теперь въ тюрьмѣ, если бъ я не закрылъ глаза на его слабость. Надо мнѣ было знать его лучше. Глупая самоувѣренность ослѣпила меня; я вздумалъ печатать Большую книгу, какъ будто бы (м. Какстонъ оглянулъ полки) и безъ того не довольно большихъ книгъ на свѣтѣ! Я вздумалъ распространять и поощрять познанія подъ видомъ журнала, я, не знавшій на столько характеръ моего свояка, чтобы спасти самаго себя отъ гибели! Будь, что будетъ, а я сочту себя ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ людей, если дамъ сгнить въ тюрьмѣ бѣдному созданію, на которое мнѣ слѣдовало смотрѣть, какъ на мономана, — потому только, что мнѣ, Остину Какстонъ, не достало здраваго смысла. И (заключилъ съ рѣшимостію отецъ) онъ братъ твоей матери, Пизистратъ. Мнѣ бы надо было сейчасъ же ѣхать въ городъ; но услышавъ, что жена писала къ тебѣ, я ждалъ тебя, чтобы оставить ее въ сообществѣ надежды и утѣшенія — двухъ благъ, которыя улыбаются каждой матери на лицѣ такого сына, какъ ты. Завтра я ѣду.

— И думать не смѣйте! — твердо отвѣчалъ мистеръ Скилль. — Какъ медикъ, я запрещаю вамъ ѣхать прежде шести дней.

ГЛАВА II.

— Сэръ, — продолжалъ мистеръ Скилль, откусивъ кончикъ сигары, которую вытащилъ изъ кармана, — вы согласитесь со мною, что васъ призываетъ въ Лондонъ весьма важное дѣло.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — отвѣчалъ отецъ.

— А хорошо или худо сдѣлается дѣло — это зависитъ отъ состоянія здоровья,—самодовольно воскликнулъ Скилль.—

Digitized by Google

Знаете-ли, мистеръ Какстонъ, что покуда вы смотрите такъ спокойно, нарочно для того, чтобъ поддержать вашего сына и обмануть жену, знаете-ли, что вашъ пульсъ, который бьется обыкновенно не много болѣе шестидесяти разъ, теперь дѣлаетъ до ста ударовъ? Знаете-ли вы, что ваши слизистыя оболочки въ состояніи раздраженія, очевиднемъ на *papillis* кончика вашего языка? И если при такомъ пульсѣ и при такомъ языкѣ вы думаете дѣлать денежныя дѣла съ людьми, которые надъ ними посѣдѣли, я могу только сказать, что вы человѣкъ пропадшій.

— Но.... началъ было отецъ.

— Развѣ скваръ Ролликъ, — продолжалъ мистеръ Скилль — скваръ Ролликъ, самая коммерческая голова, развѣ скваръ Ролликъ не продалъ свою прекрасную ферму, Скрэнниголтъ, тридцатью процентами дешевле ея настоящей цѣны? Все графство съ ума сошло! А что было причиной? У него были первые признаки припадка желтухи, дававшаго ему печальный взглядъ и на всю жизнь, и на интересы земледѣлія! Съ другой стороны, развѣ знаменитый Куль (Cool), благоразумнѣйшій изъ всего населенія трехъ соединенныхъ королевствъ и до того методичный, что всѣ часы ставились по его часамъ, однимъ утромъ, очертя голову, не бросился въ безумную спекуляцію воздѣлыванія Ирландскихъ болотъ (часы его шли невѣрно впродолженіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, отчего все наше графство на часъ ушло впередъ отъ всей Англіи!). А что было причиной этого, не зналъ никто, пока не позвали меня: я нашелъ кожицу черепа въ состояніи остраго раздраженія, вѣроятно, въ полостяхъ органовъ пріобрѣтенія и мечтательности. Нѣтъ, мистеръ Какстонъ, вы останетесь дома и примете успокоивающую микстуру, которую я пришлю вамъ, изъ соку латука и бузины. А я, — продолжалъ Скилль, зажигая свою сигарку и дѣлая двѣ отчаянныя затяжки, — а я поѣду въ городъ и обдѣлаю все дѣло за васъ, и кстати возьму съ собой этого молодаго джентельмена, котораго пищеварительныя отправленія въ состояніи безопасно бороться съ ужасными началами диспепсіи, — неумолимыми должниками.

Digitized by Google

Мистеръ Скилль, говоря это, съ намѣреніемъ наступилъ мнѣ на ногу. Отецъ кротко отвѣчалъ:

— Хоть я вамъ и очень благодаренъ, Скилль, за ваше любезное предложеніе, но не вижу я необходимости принять его. Я не такой дурной философъ, какъ вы, по видимому, воображаете; и ударъ, который я получилъ, хоть и разстроилъ мой организмъ, но не сдѣлалъ меня неспособнымъ продолжать мои дѣла.

— Гм! — проворчалъ Скилль, вскакивая и хватая пульсъ отца; — девяносто-шесть, девяносто-семь біеній! А языкъ, сэръ!

— Вотъ вздоръ, — отвѣчалъ отецъ: — вы и не видали моего языка.

— Нѣтъ нужды: я знаю, каковъ онъ, по состоянію вѣкъ: кончикъ красенъ, а бока шаршавы, какъ подпилокъ!

— Какъ хотите, — сказалъ Скилль торжественно, — мой долгъ предупредить, (вошла матушка съ извѣстіемъ, что готовъ былъ мой ужинъ), и я объявляю вамъ, миссисъ Какстонъ, и вамъ, мистеръ Пизистратъ Какстонъ, какъ непосредственно здѣсь заинтересованнымъ, что, если вы, сэръ, отправитесь въ Лондонъ по этому дѣлу, я не отвѣчаю за послѣдствія.

— Остинъ, Остинъ! — воскликнула матушка, бросаясь на шею къ отцу.

Я, между тѣмъ, менѣе напуганный серьезнымъ тономъ и видомъ Скилля, представилъ безполезность личнаго присутствія мистеръ Какстона на первое время. Все, что могъ онъ сдѣлать по пріѣздѣ въ городъ, было отдать дѣло въ руки хорошаго адвоката: это могли и мы сдѣлать за него; достаточнымъ казалось послать за нимъ, когда мы удостовѣримся въ настоящемъ смыслѣ всей исторіи. Между тѣмъ Скилль не выпускалъ изъ рукъ пульса отца, а мать висѣла у него на шеѣ.

— Девяносто-шесть, девяносто-семь! — ворчалъ Скилль мрачно.

— Не вѣрю, — воскликнулъ отецъ почти сердито, — никогда не чувствовалъ я себя лучше и хладнокровнѣе.

Digitized by Google

— А языкъ! посмотрите на его языкъ, миссисъ Какстонъ: языкъ, который такъ свѣтится, что можно читать при его свѣтѣ!

— Остинъ, Остинъ!

— Душа моя, языкъ мой тутъ ни при чемъ, увѣряю тебя, — сказалъ отецъ сквозь зубы; — но этотъ человѣкъ столько же знаетъ объ моемъ языкѣ, сколько о таинствахъ элевзинскихъ.

— Покажите-же его! — воскликнулъ Скилль, — и если онъ не такой, какъ я говорю, вотъ вамъ мое разрѣшеніе отправиться въ Лондонъ и бросить все ваше состояніе въ двѣ большія ямы, которыя вы ему вырыли. Покажите!

— Мистеръ Скилль! — сказалъ отецъ, краснѣя, — стыдитесь!

— Добрый, милый Остинъ! у тебя рука прегорячая; у тебя вѣрно лихорадка.

— Ничуть не бывало.

— Сэръ, но только для того, чтобъ утѣшить мистера Скилль, — сказалъ я умоляющимъ голосомъ.

— Вотъ вамъ! — сказалъ отецъ, вынужденный къ повиновенію и робко высунувъ на минуту оконечность побѣжденнаго органа краснорѣчія.

Скилль вытаращилъ свои жадные глаза.

— Красенъ, какъ морской ракъ, и колючь, какъ крыжовникъ! — воскликнулъ Скилль голосомъ дикаго восторга.

ГЛАВА III.

Была-ли возможность одному бѣдному языку, до того униженному и преслѣдованному, оскорбленному, осмѣянному и осиленному, противустоять тремъ языкамъ, соединившимся противъ него.

Окончательно отецъ мой уступилъ, и Скилль, возгордясь, объявилъ, что пойдетъ ужинать со мной, чтобы не дать мнѣ съѣсть что-нибудь такое, что бы ослабило его довѣріе къ моему организму. Оставивъ матушку съ ея Остиномъ, добрый хирургъ взялъ меня подъ руку, и, когда мы

Digitized by Google

вошли въ сосѣднюю комнату, онъ осторожно притворилъ дверь, вытеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Я думаю, мы спасли его!

— Будто это въ самомъ дѣлѣ сдѣлало бы столько вреда моему отцу?

— Столько вреда! развѣ вы не видите, что при его незнаніи дѣлъ, когда они касаются лично его (хотя въ чужихъ дѣлахъ ни Ролликъ, ни Куль не имѣли лучшаго сужденія), и при дон-кихотскихъ понятіяхъ о чести, доведенныхъ до состоянія раздраженія, онъ бы бросился къ мистеру Тибетсъ и воскликнулъ: «сколько вы должны? вотъ вамъ!» кончилъ бы счеты не хуже Тибетса, и воротился-бы безъ пенса; между тѣмъ какъ вы и я можемъ осмотрѣться хладнокровно и довести воспаленіе до ничтожества!

— Понимаю и сердечно благодарю васъ, Скилль.

— Сверхъ того, — сказалъ хирургъ съ бо́льшимъ чувствомъ, — отецъ вашъ дѣйствительно сдѣлалъ надъ собой благородное усиліе. Онъ болѣе страдаетъ, нежели вы думаете; не за себя (будь онъ одинъ на свѣтѣ, онъ на вѣкъ былъ-бы счастливъ, еслибъ могъ спасти 50 фун. годоваго дохода и свои книги), а за вашу мать и за васъ; новый припадокъ раздраженія, все нервическое безпокойство поѣздки въ Лондонъ по такому дѣлу, могло-бы кончиться параличемъ или эпилепсіей. Теперь мы задержали его здѣсь; и худшія извѣстія, которыя мы будемъ вынуждены дать ему, все-таки будутъ лучше того, что́ бы онъ самъ надѣлалъ. Но вы не ѣдите?

— Не ѣмъ; да куда тутъ? Бѣдный отецъ!

— Дѣйствіе горя на питательные соки черезъ систему нервовъ очень замѣчательно, — сказалъ Скилль глубокомысленно, гложа кость; — оно увеличиваетъ жажду и въ то же время убиваетъ голодъ. Нѣтъ, портвейна не троньте: горячитъ! хересъ съ водой.

ГЛАВА IV.

Дверь дома затворилась за Скиллемъ, обѣщавшимъ мнѣ завтракать со мною на слѣдующее утро, для того, чтобы мы могли сѣсть въ дилижансъ у нашихъ воротъ. Я остался

Digitized by Google

одинъ и, сидя за столомъ, гдѣ мы ужинали, размышлялъ обо всемъ слышанномъ, когда вошелъ отецъ.

— Пизистратъ, — сказалъ онъ важно, оглянувъ комнату, — твоя мать ... предполагая худшее.... первая забота твоя по этому обезпечить ее чѣмъ-нибудь. Мы съ тобой мужчины: мы не можемъ нуждаться, пока есть у насъ здоровье духа и тѣла; но женщина.... и если что-нибудь случится со мной....

Губы отца дрожали въ то время, какъ онъ произносилъ эти отрывистыя слова.

— Добрый, добрый батюшка! — сказалъ я, съ трудомъ сдерживая слезы, — всякое несчастіе, сами вы говорите, всегда кажется хуже издали. Невозможно, чтобы все ваше состояніе было тутъ запутано. Газета выходила не многія недѣли, и напечатана только первая часть вашего сочиненія. Кромѣ того, нѣкоторые другіе акціонеры вѣроятно заплотятъ свои доли. Повѣрьте мнѣ, я чувствую, что наша поѣздка будетъ имѣть успѣхъ. А бѣдную матушку, увѣряю васъ, оскорбляетъ не потеря состоянія — объ этомъ она очень мало заботится, — а потеря вашего довѣрія.

— Моего довѣрія?

— Да! повѣрьте ей всѣ ваши предчувствія, всѣ ваши надежды. Не дайте вашему нѣжному сожалѣнію исключить ее ни изъ одного угла вашего сердца.

— Да, да, Остинъ, мой мужъ, моя радость, моя гордость, моя душа, мое все! — вскрикнулъ тихій и дрожащій голосъ.

Матушка прокралась въ комнату, незамѣченная нами.

Отецъ посмотрѣлъ на насъ обоихъ, и слезы, стоявшія въ глазахъ, полились. Открывъ свои объятія, въ которыя его Китти кинулась съ восторгомъ, онъ поднялъ влажные глаза къ небу, и по движенію его губъ я видѣлъ, что онъ благодарилъ Бога.

Я вышелъ изъ комнаты. Я чувствовалъ, что двумъ сердцамъ нужно быть однимъ, биться и слиться безъ свидѣтелей. И съ этого часа я убѣжденъ, что Огюстинъ Как-

Digitized by Google

стонъ пріобрѣлъ философію болѣе твердую, нежели философія стоиковъ. Силы, которая уничтожаетъ горе, уже не было нужно, потому что горе ужь не чувствовалось.

глава v.

Мистеръ Скилль и я совершили путешествіе безъ приключеній, и, такъ какъ мы были не одни на имперіалѣ, почти безъ разговора. Мы остановились въ небольшой гостинницѣ, въ Сити, и на утро я отправился къ Тривеніону, ибо мы разсудили, что онъ лучше всѣхъ дастъ намъ совѣты. Но на Сенъ-Джемсъ-скверѣ я имѣлъ неудовольствіе услышать, что все семейство уѣхало въ Парижъ, три дня тому назадъ, и что ждутъ его возвращенія не прежде, какъ къ открытію парламента.

Это было очень непріятное обстоятельство, потому что я много разсчитывалъ на свѣтлую голову Тривеніона и этотъ необычайный даръ къ практическимъ занятіямъ, которымъ въ полномъ смыслѣ обладалъ мой бывшій патронъ. Слѣдовало, поэтому, найдти его адвоката, ибо Тривеніонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ повѣренные должны быть способны и дѣятельны, но оказалось, что онъ оставлялъ такъ мало дѣла для адвокатовъ, что, покуда я зналъ его, онъ не имѣлъ случая сноситься ни съ однимъ; поэтому я и не зналъ настоящаго имени его адвоката, а привратникъ, которому былъ порученъ домъ, тоже не могъ сказать мнѣ ничего. Къ счастію я вспомнилъ про сэра Седлея Бьюдезертъ, который безъ сомнѣнія долженъ былъ вывести меня изъ затрудненія, и во всякомъ случаѣ могъ рекомендовать мнѣ адвоката. Я отправился къ нему.

Я нашелъ сэра Седлея за завтракомъ съ молодымъ джентельменомъ, которому казалось около двадцати лѣтъ. Добрый баронетъ былъ въ восторгѣ, увидавъ меня; но мнѣ показалось, что, представляя меня своему двоюродному брату, лорду Кастльтонъ, онъ былъ нѣсколько сконфуженъ. что не соотвѣтсвовало его обычной развязности. Имя это было мнѣ очень знакомо, хотя я прежде и не встрѣчался ни разу съ молодымъ патриціемъ.

Digitized by Google

Маркизъ де-Кастльтонъ былъ дѣйствительно предметомъ зависти праздныхъ юношей и интересныхъ разговоровъ сѣдовласыхъ политиковъ. Часто случалось мнѣ слышать: «счастливецъ этотъ Кастльтонъ; какъ только онъ вступитъ въ совершеннолѣтіе, онъ будетъ хозяиномъ одного изъ тѣхъ состояній, которыя бы осуществили сны Аладина, состоянія, которое все растетъ съ его дѣтства!» Часто слышалъ я, какъ важныя старухи спорили о томъ, приметъ-ли Кастльтонъ дѣятельное участіе въ общественной жизни. Его мать, еще живая, была женщина необыкновенная, и посвятила себя отъ его дѣтства на то, чтобы замѣнить ему потерю отца и приготовить его къ высокому положенію въ свѣтѣ. Говорили, что онъ былъ съ дарованіемъ, что былъ воспитанъ опекуномъ удивительно-ученымъ, и долженъ былъ скоро кончить курсъ въ Оксфордѣ. Этотъ молодой маркизъ былъ дѣйствительно главою одного изъ тѣхъ немногихъ домовъ Англіи, которые еще сохранили за собой свою феодальную важность. Онъ имѣлъ вѣсъ не только по своему званію и состоянію, но и по огромному кругу сильныхъ связей; по способности его двухъ предковъ, которые были глубокіе политики и министры; по предубѣжденію въ его пользу, сроднившемуся съ его именемъ; по особенному свойству его владѣній, вслѣдствіе котораго онъ имѣлъ шесть парламентскихъ голосовъ въ Великобританіи и Ирландіи, помимо того посредственнаго вліянія, которое постоянно имѣлъ глава Кастльтоновъ на многихъ сильныхъ и благородныхъ родственниковъ этого княжескаго дома. Я не зналъ, что онъ былъ родня сэру Седлею, чья дѣятельность была такъ далека отъ политики, и не безъ удивленія и участія услыхалъ я объ этомъ, едва не съ послѣдней ступени бѣдности смотря на юнаго наслѣдника сказочнаго Эльдорадо.

Ясно было, что лордъ Кастльтонъ былъ воспитанъ въ сознаніи своего будущаго величія и всей отвѣтственности послѣдняго. Онъ стоялъ неизмѣримо-высоко надъ всѣми ухватками, свойственными юнымъ патриціямъ низшаго разряда. Его не выучили цѣнить себя по покрою платья или формѣ

Digitized by Google

шляпы. Его міръ былъ далеко выше Сенъ-Джемсъ-стрита и клубовъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто, хотя въ стилѣ, ему лично принадлежащимъ: на немъ былъ бѣлый галстукъ (что въ то время было не такъ необыкновенно, какъ теперь) панталоны безъ штрипокъ, башмаки и гетры. Въ его пріемахъ не было и слѣда той нахальной неподвижности, которая отличаетъ денди, введеннаго къ человѣку, которому, не знаетъ онъ, поклониться ли ему съ балкона *White*'скаго клуба: ни одного изъ признаковъ площаднаго фатства не было у лорда Кастльтонъ, но въ то же время трудно было найдти молодаго джентельмена болѣе фата. Ему безъ сомнѣнія было сказано, что, какъ глава дома, который самъ по себѣ составлялъ цѣлую партію, онъ обязанъ быть учтивъ и внимателенъ ко всякому; и эта обязанность, будучи возложена на натуру неимовѣрно холодную и необщительную, выражалась учтивостію, въ одно время, до того гордой и до того снисходительной, что бросала всякаго въ краску, не смотря на то, что это минутное неудовольствіе уравновѣшивалось забавною противоположностію между граціознымъ величіемъ его пріемовъ и ничтожною наружностію ребяческаго, безбородаго лица. Лордъ Кастльтонъ, при знакомствѣ нашемъ, не удовольствовался однимъ поклономъ. Къ немалому удивленію моему онъ сказалъ мнѣ небольшую рѣчь, какъ Людовикъ XIV провинціальному дворянину. Эта небольшая рѣчь, въ которой были перемѣшаны и ученость моего отца, и заслуги дяди, и любезное свойство вашего покорнаго слуги, произнесенная фалцетомъ, казалась выученною наизусть, хотя безъ сомнѣнія была импровизирована. Кончивъ ее, онъ сѣлъ и сдѣлалъ граціозный знакъ головою и и рукою, какъ будто бы позволяя мнѣ тоже сѣсть.

Завязался разговоръ, скачками и прыжками, разговоръ, который лордъ Кастльтонъ до того выводилъ изъ предѣловъ обыкновеннаго понятія и любезной бесѣды бѣднаго сэра Седлея, что послѣдній, какъ ни привыкъ онъ быть корифеемъ за своимъ столомъ, на этотъ разъ долженъ былъ молчать. При его легкой начитанности, знаніи анекдотовъ и веселой

Digitized by Google

опытности по части гостиныхъ, онъ не находилъ ни одного слова, которое могъ бы помѣстить между важныхъ и серьезныхъ предметовъ, занимавшихъ лорда Кастльтонъ, по временамъ прихлебывавшаго изъ стакана. Только самые важные и практическіе вопросы, повидимому, влекли этого будущаго путеводителя человѣчества. Дѣло въ томъ, что лордъ Кастльтонъ преимущественно изучалъ все, что относится къ *собственности*, — понятію, заключающее ему обширный объемъ. Ему было сказано: «вы будете богатымъ владѣльцемъ: для вашего самосохраненія необходимо основательное знаніе. Вы будете обмануты, запутаны, осмѣяны, одурачены, затруднены на каждый день вашей жизни, если не освоитесь со всѣмъ, что угрожаетъ или обезпечиваетъ собственность, уменьшаетъ или увеличиваетъ ее. Вы имѣете значительный вѣсъ въ государствѣ, вамъ надо знать интересы всей Европы, даже всего просвященнаго свѣта, потому-что эти интересы имѣютъ вліяніе на отдѣльную страну, а интересы вашей страны чрезвычайно важны для личныхъ интересовъ маркиза де-Кастльтонъ». Въ слѣдствіе этого молодой лордъ обсуждалъ и излагалъ въ полудюжинѣ сентенціальныхъ фразъ: состояніе материка; политику Меттерниха; вопросъ о папствѣ и расколахъ; отношеніе земледѣльческаго класса къ мануфактурному; хлѣбные законы; монетный курсъ; законы о платѣ за трудъ; разборъ главныхъ ораторовъ Нижней-палаты, со вставочными замѣчаніями о важности удобренія скота; введеніе льна въ Ирландіи; переселенія; пауперизмъ; патологію картофеля; связь между картофелемъ, пауперизмомъ и патріотизмомъ, и другіе, не менѣе для размышленія важные, предметы, болѣе или менѣе связанные съ идеею о собственности Кастльтоновъ, — оказывая притомъ немалозначительную ученость и какое-то торжественное направленіе ума. Странность была въ томъ, что предметы, такимъ образомъ избранные и обсуживаемые, принадлежали не молодому адвокату или не зрѣлому политику-эконому, а гордой лиліи поля. О человѣкѣ менѣе высокаго званія всякій бы сказалъ: онъ не безъ дарованія, но черезъ-чуръ самолюбивъ; а въ лицѣ, рожденномъ съ такимъ состояніемъ

Digitized by Google

и имѣвшемъ всю возможность весь вѣкъ свой нѣжиться на солнцѣ, нельзя было не уважать добровольнаго участія къ чужимъ интересамъ; нельзя было не сознаться, что въ молодомъ маркизѣ были всѣ данныя человѣка чрезвычайно замѣчательнаго.

Бѣдный сэръ Седлей, которому всѣ эти вопросы были столько же чужды, сколько богословіе Талмуда, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій свести разговоръ на болѣе-благодарную почву, наконецъ отказался отъ всякой надежды и съ сострадательной улыбкой на прекрасномъ лицѣ, окунувшись совершенно въ свое покойное кресло, принялся разсматривать свою табакерку.

Къ немалому удовольствію нашему слуга доложилъ, что пріѣхалъ экипажъ лорда Кастльтонъ; сказавъ мнѣ другую рѣчь съ невыносимой любезностію, и холодно пожавъ руку сэра Седлея, лордъ вышелъ.

Комната, гдѣ мы завтракали, выходила на улицу, и, между тѣмъ какъ сэръ Седлей провожалъ своего гостя, я невольно подошелъ къ окну. У подъѣзда стояла дорожная карета, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей: слуга, казавшійся иностранцемъ, ждалъ съ шубой своего господина. Когда лордъ Кастльтонъ остановился на улицѣ, и сталъ кутаться въ дорогой мѣхъ, я, болѣе, нежели въ комнатѣ, замѣтилъ слабость его сложенія и неимовѣрную блѣдность его безстрастнаго лица; вмѣсто зависти я почувствовалъ сожалѣніе къ владѣльцу всей этой роскоши величія, почувствовалъ, что ни за что бы не промѣнялъ моего здоровья, непринужденной веселости и живучей способности наслаждаться вещами самыми обыкновонными и самыми общедоступными, на состояніе и вѣсъ, которымъ такъ много служилъ этотъ бѣдный юноша, можетъ-быть, потому, что такъ мало употреблялъ ихъ на служеніе удовольствію.

— Ну, что, — сказалъ сэръ Седлей, — что вы объ немъ думаете?

— Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно нравятся Тривеніону, — отвѣчалъ я довольно разсѣянно.

Digitized by Google

— Это правда, — сказалъ сэръ Седлей серьезно и съ вниманіемъ глядя на меня; — вы слышали? Впрочемъ нѣтъ, вы не могли еще слышать.

— Что такое?

— Мой добрый другъ, — отвѣчалъ любезнѣйшій и деликатнѣйшій изъ всѣхъ джентельменовъ, отворачивалсь, чтобъ не видѣть моего волненія, — лордъ Кастльтонъ ѣдетъ въ Парижъ къ Тривеніонамъ. Задушевная мысль леди Эллиноръ приведена въ исполненіе, и наша прекрасная Фанни должна сдѣлаться маркизою де-Кастльтонъ, лишь только ея жениху исполнятся лѣта, то есть черезъ шесть мѣсяцевъ. Матери давно это устроили между собою.

Я не отвѣчалъ, и все смотрѣлъ въ окно.

— Въ этомъ союзѣ, — продолжалъ сэръ Седлей, — все, что нужно Тривеніону для упроченія его положенія. Какъ только откроется парламентъ, онъ получитъ важное мѣсто. Бѣдняга! Какъ я буду жалѣть его! Странно, — сказалъ сэръ Седлей, начавшій ходить по комнатѣ, чтобъ дать мнѣ время оправиться, — какъ заразительна эта страсть къ дѣламъ въ нашей туманной Англіи! И не одинъ Тривеніонъ, вы видите, болѣнъ ею до такой сложной степени, а и бѣдный мой двоюродный братъ, который такъ молодъ (сэръ Седлей вздохнулъ) и могъ-бы такъ наслаждаться жизнію; онъ теперь хуже васъ, когда Тривеніонъ мучилъ васъ до смерти. Конечно, славное имя и высокое положеніе, какъ у Кастльтоновъ, тяжелая забота для человѣка совѣстливаго. Вы видите, какъ сознаніе его отвѣтственности состарѣло его; у него, положительно, двѣ морщины подъ глазами. При всемъ томъ, я удивляюсь ему и уважаю его опекуна; почва, по природѣ, боюсь, чрезвычайно-жидкая, тщательно обработана, и Кастльтонъ, съ помощью Тривеніона, будетъ первымъ между перами, и когда-нибудь, право, первымъ министромъ. И когда я думаю объ этомъ, какъ благодаренъ я всякій разъ его отцу и матери, которыя произвели его на свѣтъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, потому что, еслибъ онъ не родился, я былъ бы несчастнѣйшій человѣкъ, да, рѣшительно: этотъ ужасный маркизатъ перешелъ бы на

Digitized by Google

меня! Я не умѣю безъ глубокаго сочувствія подумать о сожалѣніяхъ Ораса Вальполя, когда онъ сталъ графомъ Орфолдъ, безъ содроганія — о несчастіи, отъ котораго добрая леди Кастльтонъ имѣла любезность спасти меня, благодаря водамъ Эмса и послѣ двадцати лѣтъ брачной жизни!.... Скажите-же, мой добрый другъ, что у васъ дѣлается дома?

Когда великій актеръ еще не прибылъ на сцену, или нужно ему переодѣться, или еще не оправился онъ отъ излишняго пріема горячительныхъ жидкостей, и зеленая занавѣсь, по этому, противъ обыкновеннаго, замедляетъ свое восхожденіе, вы замѣчаете, что въ оркестрѣ контрабассъ, великодушно посвятивъ себя на прелюдію удивительно щедрую, вызываетъ *Лодоиску* или *Фрейшюца*, чтобы протянуть время и дать замѣшкавшемуся истріону досугъ надѣть панталоны тѣлеснаго цвѣта и придать себѣ сложеніе, приличное Коріолану или Макбету; — точно такъ сэръ Седлей сказалъ свою длинную рѣчь, не требовавшую возраженій, и продолжилъ ее до той точки, гдѣ могъ онъ искусно кончить ее росчеркомъ заключительнаго вопроса, чтобъ дать бѣдному Пизистрату и время и средства оправиться. Есть особенная нѣжность и заботливое участіе въ этомъ рѣдкомъ дарѣ утонченной внимательности: теперь, оправившись, когда я оглянулся и увидѣлъ, что кроткіе, голубые глаза сэра Седлея спокойно и ласково были обращены на меня, между тѣмъ какъ, съ граціей, которой отъ временъ Поппе не было ни у одного человѣка, нюхавшаго табакъ, онъ освѣжился щепоткой прославленной «Бьюдезертовой смѣси,» сердце мое исполнилось признательности къ нему, словно сдѣлалъ онъ мнѣ неизмѣримое одолженіе. И этотъ вопросъ «что у васъ дѣлается дома?» совершенно возвратилъ мнѣ мое присутствіе духа и на время отвлекъ отъ горькаго потока мыслей.

Я отвѣчалъ короткимъ объясненіемъ неудачи отца, скрывая наши опасенія за всю ея важность и говоря о ней болѣе какъ о предметѣ скучномъ, нежели возможномъ поводѣ къ разоренію, и просилъ сэра Седлея дать мнѣ адресъ адвоката Тривеніонова.

Digitized by Google

Добрый баронетъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ: быстрая проницательность, свойственная свѣтскому человѣку, дала ему понять, что я смягчилъ разсказъ мой болѣе, нежели слѣдовало вѣрному разскащику.

Онъ покачалъ головой, и, сѣвъ на диванъ, далъ мнѣ знакъ, чтобъ я сѣлъ рядомъ съ нимъ; потомъ, положивъ руку на мое плечо, сказалъ своимъ вкрадчивымъ, любезнымъ тономъ:

— Мы, молодые люди, должны понять другъ друга, когда будемъ говорить о денежныхъ дѣлахъ. Я могу сказать вамъ, чего не скажу моему почтенному старшему — тремя годами, вашему доброму отцу. Откровенно говоря, я думаю — это прескверное дѣло! Я вообще мало знаю о газетахъ, кромѣ того, что подписываюсь на одну въ моемъ графствѣ, которая стоитъ мнѣ пустяки; но знаю, что Лондонская ежедневная газета можетъ разорить человѣка въ нѣсколько недѣль. Что касается до дольщиковъ, я разъ былъ дольщикомъ въ каналѣ, который проходилъ черезъ мое владѣніе и окончательно унесъ у меня 30,000 фунт.! Другіе акціонеры потонули въ немъ, какъ Фараонъ и его войско въ Чермномъ морѣ. Но вашъ отецъ ученый; его не надо мучить подобными дѣлами. Я ему многимъ обязанъ. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ въ Кембриджѣ, и развилъ во мнѣ вкусъ къ чтенію, чему я одолженъ пріятнѣйшими минутами моей жизни. Такъ, когда вы съ адвокатомъ рѣшите до чего простирается убытокъ, мы вмѣстѣ съ вами посмотримъ, какъ его поисправить. Въ самомъ дѣлѣ, мой юный другъ, у меня нѣтъ жены и дѣтей. И я не несчастный милліонеръ, какъ этотъ бѣдный Кастльтонъ, у котораго столько обязанностей къ обществу, что онъ не можетъ бросить шиллингъ иначе, какъ для общественнаго блага. Идите же, другъ мой, къ адвокату Тривеніона: онъ и мой то же. Славная голова, тонокъ какъ иголка: мистеръ Пикъ, на Большой Ормондской улицѣ; вы увидите его имя на бронзовой доскѣ. Когда онъ опредѣлитъ вамъ сумму потери, мы, молодые вѣтреники, какъ-нибудь поможемъ другъ другу, не говоря ни слова старикамъ.

Digitized by Google

Какъ полезно для человѣка на всю жизнь встрѣчать въ молодости такіе примѣры ласки и великодушія!

Не къ чему упоминать, что я былъ слишкомъ вѣрный представитель ученой гордости моего отца и его разборчивой независимости ума, почему и не принялъ этаго предложенія: вѣроятно сэръ Седлей, богатый и щедрый, и не воображалъ, къ чему бы вынудило исполненіе его предложенія. Я изъявилъ мою признательность такимъ образомъ, чтобы она понравилась и тронула этаго послѣдняго преемника де-Коверлейевъ, и отъ него отправился къ м. Пику, съ рекомендательной запиской отъ сэра Седлея. Я нашелъ въ м. Пикѣ того человѣка, какого ожидалъ по характеру Тривеніона: проворнаго, немногословнаго, понятливаго, въ вопросахъ и отвѣтахъ; довольно важнаго, нѣсколько методичнаго; не заваленнаго дѣломъ, но имѣвшаго его достаточно, чтобы снискать довѣріе и достигнуть опытности; ни стараго, ни молодаго, ни педанта, подобнаго старому пергаменту, ни модника, съ притязаніями на свѣтскость.

— Дѣло скверное! — сказалъ онъ мнѣ: — тутъ нужна осторожность! Оставьте все это въ моихъ рукахъ на три дня. Не ходите ни къ мистеру Тиббетсъ, ни къ мистеру Пекъ; въ субботу, если зайдете сюда въ 2 ч. по полудни, узнаете мое мнѣніе.

Мистеръ Пикъ взглянулъ на часы, и я взялъ шляпу и вышелъ.

Нѣтъ мѣста восхитительнѣе большой столицы, когда вы расположены въ ней со всѣми удобствами и такъ правильно устроили свое время, что умѣете въ должной пропорціи заняться дѣломъ и удовольствіями. Но та же столица, когда вы пріѣхали въ нее налетомъ, живете въ гостинницѣ, и еще въ гостинницѣ Сити, съ тяжелымъ бременемъ дѣла на умѣ, о которомъ вамъ, въ добавокъ, не суждено слышать цѣлые три дня, — и съ безпокойнымъ горемъ на сердцѣ, какое было у меня, не дающимъ вамъ возможности ни заняться дѣломъ, ни принять участія въ удовольствіяхъ; та-же столица кажется пустою, утомительною! Она —

Digitized by Google

замокъ Лѣни, не тотъ, который построилъ Томсенъ, но который нарисовалъ Бекфордъ въ своемъ романѣ: она — неизмѣримое пространство, по которому вы ходите взадъ и впередъ, она — необозримая зеленѣющая степь Австраліи, по которой носится полудикій конь: да, эта степь — лучшій пріютъ для человѣка, у котораго нѣтъ своего крова, и чья рука безпрестанно прижимается къ сердцу, гдѣ столько гнетущаго, однообразнаго горя.

Мистеръ Скилль на слѣдующій вечеръ утащилъ меня въ одинъ изъ небольшихъ театровъ: онъ отъ души смѣялся всему, что видѣлъ и слышалъ. Между тѣмъ какъ съ судорожнымъ насиліемъ я старался также смѣяться, я внезапно узналъ въ одномъ изъ актеровъ лицо, которое прежде гдѣ-то видѣлъ. Пять минутъ спустя, я бросилъ Скилля и былъ въ этомъ странномъ мірѣ, который называется кулисами.

Актеръ былъ слишкомъ занятъ важностію своей роли, и не далъ мнѣ возможности подойдти къ нему до конца пьесы. Но когда пьеса кончилась, я подошелъ къ нему въ ту минуту, какъ онъ принялся дружно дѣлить горшокъ портера съ джентельменомъ въ черныхъ штанахъ и блестящемъ жилетѣ, — сбиравшимся играть роль несчастнаго отца въ трехъ-актной семейной драмѣ, которою должны были заключиться увеселенія этого вечера.

— Извините меня, — сказалъ я; — но, какъ весьма основательно замѣчаетъ Лебедь:

«Should auld acquaintance be forgot?»*

— Лебедь, сэръ? — воскликнулъ актеръ: — онъ никогда не говорилъ съ такимъ скернымъ шотландскимъ удареніемъ.

— У Твида свои лебеди, у Эвона свои, м. Пикокъ!

— Тсс! — пробормоталъ актеръ, видимо смущенный, и принялся разглядывать меня съ напряженной внимательностію изъ-подъ своихъ начерненныхъ бровей. Потомъ онъ

---

* Развѣ должно забывать старое знакомство?

Digitized by Google

взялъ меня за руку, и оттащивъ, на сколько позволяли тѣсные предѣлы сцены, сказалъ:

— Сэръ, вы имѣете преимущество надо мной: я васъ не помню. Не притворяйтесь, не корчите удивленнаго: увѣряю васъ, меня нельзя обмануть. Я играю на чистоту: если вы хотите играть съ джентельменами, сэръ, надо быть готовымъ къ послѣдствіямъ.

Я поспѣшилъ успокоить этого достойнаго человѣка.

— Дѣйствительно, мистеръ Пикокъ, вы помните, я отказался играть съ вами; но у меня не было и на умѣ оскорбить васъ, а теперь я пришелъ поздравить васъ съ вашимъ удивительнымъ искусствомъ, и узнать отъ васъ, не слыхали ли вы чего въ послѣднее время о вашемъ молодомъ пріятелѣ мистеръ Вивіенѣ.

— Вивіенъ? Никогда не слыхалъ этого имени, сэръ. Вивіенъ! Ба, да вы меня хотите одурачить! Прекрасно!

— Увѣряю васъ, мистеръ Пик....

— Тс, тс! Какимъ чортомъ вы узнали, что меня прежде звали Пик.... то есть, это было просто пріятельское прозвище, не больше. Бросьте его, сэръ, или

«Вы возбудите благородный гнѣвъ!»

— Хорошо, хорошо!

«Подъ всякимъ именемъ благоухаетъ роза!»

какъ замѣчаетъ Лебедь, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ справедливо. У мистеръ Вивіена тоже, кажется, разныя имена. Припомните: молодой человѣкъ, черноволосый, почти ребенокъ, съ которымъ я встрѣтилъ васъ однажды на дорогѣ.

— А-а! — сказалъ мистеръ Пикокъ, успокоившись; — понимаю, о комъ вы говорите, хотя и не помню, что имѣлъ удовольствіе видѣть васъ прежде. Нѣтъ, не слыхалъ я о немъ давно ничего; а хотѣлось-бы мнѣ знать, куда онъ дѣвался. Этотъ джентельменъ былъ по сердцу мнѣ. Вилль обрисовалъ его какъ нельзя вѣрнѣе:

«The courtier's, soldier's, scholar's eye, tongue, sword.»*

---

* Глазъ придворнаго, языкъ ученаго, храбрость солдата.

Digitized by Google

И что за рука для кія! Посмотрѣли бы вы, какъ онъ искалъ мыльнаго пузыря славы у самой пасти пушки! Я могу сказать, — продолжалъ мистеръ Пикокъ восторженно, — что это былъ замѣчательный человѣкъ; что за складъ! просто кирпичь.

Потомъ, вглядываясь въ меня еще больше и сложивъ руки и пальцы подобно Тальмѣ, когда онъ произносилъ знаменитое: *qu'en dis-tu?*, онъ прибавилъ тихо и мѣрно:

— Когда вы его ви....дѣ.....ли, мо.....лодой человѣкъ?

Видя, что такимъ образомъ невыгода начинала обращаться противъ меня, и не желая дать мистеру Пикоку орудій противъ Вивіена, который, казалось, окончательно прекратилъ это знакомство, я отвѣчалъ нѣсколькими неопредѣленными фразами, для того чтобы обмануть его любопытство, пока не позвали его къ переодѣванью для роли въ драмѣ. Такъ мы разстались.

ГЛАВА VI.

Я такъ же отъ души ненавижу подробности процесса, какъ, вѣроятно, мои читатели, и по этому я только скажу имъ, что, благодаря распоряженіямъ мистера Пика, по прошествіи не трехъ дней, а двухъ недѣль, дядя Джакъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, а отецъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности, посредствомъ суммы, двумя третями меньшей той, которая сначала такъ смутила насъ: дѣло кончилось такимъ образомъ, что оно удовлетворило бы самаго точнаго формалиста. Все-таки сумма была чрезвычайно велика въ отношеніи къ цѣлому состоянію моего бѣднаго отца. И вмѣстѣ съ долгами Джака, требованіями анти-издательскаго общества со включеніемъ дорогихъ рисунковъ къ «Исторіи человѣческихъ заблужденій», напередъ отпечатанныхъ въ большомъ количествѣ, а въ особенности со всѣми издержками для *Капиталиста* (ибо мистеръ Пекъ устроилъ журналъ на большой ногѣ, и всѣ закупленные типографскіе матеріалы надо было продать за треть цѣны; онъ не забылъ также поставить въ счетъ деньги, выданныя стенографамъ и корреспондентамъ, нанятымъ на годъ, и ко-

Digitized by Google

торыхъ права переживали журналъ, убитый и схороненный ими); словомъ, за всѣмъ тѣмъ, что соединенная изобрѣтательность дяди Джака и типографщика Пека сдѣлала для совершеннаго раззоренія семейства Какстонъ, послѣ всѣхъ вычетовъ и уступокъ, послѣ всего, что только можно было извлечь изъ привидѣній, называемыхъ дольщиками, состояніе моего отца равнялось 8,000 фун., что, считая по $4\frac{0}{0}$, давало въ годъ 372 л. 10 шил. Этого было довольно на прожитокъ моему отцу, но не хватало на то, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать его сыну Пизистрату воспитаніе въ Кембриджскомъ коллегіумѣ Троицы. Ударъ, стало быть, падалъ болѣе на меня, чѣмъ на отца, и я безъ большаго сопротивленія подставилъ ему мои молодыя плечи.

Когда все это кончилось къ общему удовольствію, я явился къ сэру Седлею съ прощальнымъ визитомъ. Во все время моего пребыванія въ Лондонѣ онъ былъ чрезвычайно внимателенъ ко мнѣ. Я довольно часто завтракалъ и обѣдалъ у него; я представилъ ему Скилля, который, едва бросилъ взглядъ на его роскошное сложеніе, сей-часъ описалъ его характеръ съ самой мелочною точностію и какъ необходимое послѣдствіе его естественнаго расположенія къ удовольствіямъ жизни: эта философія утѣшила и привела въ восторгъ сэра Сэдлея. Мы оба ни разу не возвращались къ Фанни, и какъ бы безмолвно сговорились не упоминать о Тривеніонахъ. Въ этотъ послѣдній визитъ, онъ, сохраняя прежнее молчаніе о Фанни, сталъ говорить о ея отцѣ.

— Ну, мой молодой Аѳинянинъ, — сказалъ онъ, поздравивъ меня съ исходомъ моихъ хлопотъ и опять тщетно предложивъ мнѣ принять на себя хоть какую-нибудь долю въ потерѣ отца, — ну, я вижу, что въ этомъ я не могу помочь вамъ; по крайней мѣрѣ, вы позволите мнѣ изъявить вамъ мое участіе вліяніемъ моимъ, которое я употребилъ бы на то, чтобы достать вамъ какое-нибудь мѣсто въ администраціи. Тривеніонъ, конечно, могъ бы быть полезнѣе, но я понимаю, что вамъ употреблять его на это дѣло теперь бы не хотѣлось.

Digitized by Google

— Признаться-ли вамъ, добрый сэръ Сэдлей, у меня нѣтъ расположенія къ общественнымъ должностямъ Съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ въ длинной башнѣ, я объясняю себѣ въ половину мой характеръ кровью пограничныхъ племенъ Англіи, которая течетъ во мнѣ. Я сомнѣваюсь, чтобъ я былъ рожденъ для городской жизни, и у меня въ головѣ вертятся какія-то безсвязныя, летучія мысли, которыя послужатъ къ моей забавѣ, когда я ворочусь домой и, пожалуй, подадутъ поводъ къ задачамъ и планамъ. Но, чтобы перемѣнить предметъ нашей бесѣды, позвольте спросить, какого рода человѣкъ занялъ послѣ меня мѣсто секретаря при Тривеніонѣ?

— О, онъ взялъ къ себѣ какого-то сутуловатаго, серьезнаго господина, въ очкахъ и бумажныхъ чулкахъ, — который писалъ, кажется, «о доходахъ»: вопросъ, воображаемый по отношенію къ нему, потому что самъ онъ, безъ сомнѣнія, никогда не получалъ никакого, да врядъ ли и сдѣлалъ кому другому. Впрочемъ, онъ одинъ изъ вашихъ политико-экономовъ, и совѣтовалъ Тривеніону продать свои картины, какъ мертвый капиталъ. Менѣе добродушенъ, нежели Поппева Нарсисса, онъ былъ бы способенъ «для какого-нибудь умыванья сварить ребенка.»* Кромѣ этого оффиціальнаго секретаря, Тривеніонъ много довѣряетъ очень способному и благовидному юношѣ, къ которому весьма расположенъ.

— А его имя?

— Гауеръ, должно-быть побочный сынъ Гауеровъ.

Въ это время вошли двое знакомыхъ сэра Сэдлея, и визитъ мой кончился.

ГЛАВА VII.

— Клянусь, — воскликнулъ дядя, — что это будетъ!

И, насупивъ бровь, онъ, съ гнѣвнымъ взоромъ, схватилъ злополучный документъ.

— Нѣтъ, право, братъ, этого не надо,—сказалъ отецъ, кладя блѣдную и мирную руку на загорѣлый, воинствен-

* Слова Поппе, въ Сатирическихъ посланіяхъ.

Digitized by Google

ный и костлявый кулакъ капитана, между тѣмъ какъ, протянувъ другую, защищалъ ею дрожавшую, угрожаемую жертву.

Ни слова не слыхалъ дядя о нашихъ потеряхъ, покуда не были кончены всѣ счеты и деньги сполна заплачены, потому что мы всѣ знали, что иначе, при первомъ порывѣ великодушія дяди Роланда, пропала бы старая башня, т. е. была бы продана сосѣднему сквэйру или какому-нибудь аферисту. Остинъ въ опасности! Остинъ разоренъ! Дядя не посидѣлъ бы на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не явился бы на помощь къ нему съ деньгами въ рукахъ. По этому, говорю, я и не писалъ къ капитану до того дня, когда все было кончено; и тогда я увѣдомилъ его обо всемъ случившемся въ самомъ веселомъ тонѣ. Но не смотря на притворное равнодушіе, съ которымъ я представилъ наши неудачи, письмо принесло капитана къ красному кирпичному дому въ самый вечеръ моего пріѣзда и только часъ спустя. Онъ не продалъ своей башни, а явился приготовленный тащить насъ туда vi et armis. Онъ требовалъ, чтобъ мы ѣхали жить съ нимъ и на его счетъ, чтобъ мы оставили или продали кирпичный домъ и приложили вырученное изъ него къ доходамъ моего отца, чтобъ паростить ихъ и увеличить. И находя сопротивленіе моего отца все еще упрямымъ и неуступчивымъ, дядя, вышедъ въ сѣни, гдѣ оставилъ свой дорожный мѣшокъ и прочее, воротился съ старымъ дубовымъ ящикомъ и подавилъ его пружину: изъ него выплыла родословная Какстоновъ.

Она выплыла, покрывая столъ и волнуясь подобно Нилу, пока не раскинулась по книгамъ, бумагамъ, рабочему ящику моей матери и чайному прибору (ибо столъ былъ обширенъ и обиленъ, какъ эмблема ума его владѣльца) и упавъ на коверъ, продолжала свое теченіе до рѣшетки камина.

— Видите ли, — сказалъ дядя торжественно, — между вами, Остинъ, и мною никогда не было никакихъ причинъ къ раздору, кромѣ двухъ. Одна кончилась; за чѣмъ переживетъ ее другая? Ага! я знаю, отчего вы упрямитесь: вы думаете, что мы будемъ ссориться изъ за-этого.

Digitized by Google

— Изъ-за чего, Роландъ?

— Изъ-за этого. Но покарай же меня Богъ, если это случится! — воскликнулъ дядя, краснѣя. Я долго думалъ объ этомъ и не сомнѣваюсь теперь, что вы правы. Вотъ я и принесъ съ собою старый пергаментъ и сей-часъ наполню пробѣлъ по вашему. Стало-быть вамъ можно ѣхать и жить со мной. Не о чемъ теперь намъ будетъ спорить.

Говоря это, дядя Роландъ оглядывался за перомъ и чернилами; и нашедъ ихъ, не безъ затрудненія, ибо онѣ исчезли подъ наводненіемъ родословной, онъ уже готовился наполнить пробѣлъ или *hiatus*, подавшій поводъ къ столькимъ достопримѣчательнымъ спорамъ, — именемъ Вилльяма Какстонъ, типографщика аббатства, когда отецъ, оправившись, подошелъ, чтобъ помѣшать этому. Сладко было бы вашему сердцу послушать ихъ: такъ безусловно, въ силу непостоянства человѣческой природы, измѣнили себѣ обѣ стороны въ одномъ и томъ же вопросѣ, что отецъ мой былъ за сэра Вилльяма де-Какстонъ, героя босвордскаго, а дядя за безсмертнаго типографщика. Они все болѣе и болѣе горячились, глаза ихъ блестѣли, голоса возвышались; голосъ Роланда былъ звученъ и грозенъ, голосъ Остина тонокъ и проницателенъ. Мистеръ Скилль заткнулъ себѣ уши; дошло до того, что дядя, выбившись изъ силъ, закричалъ:

— Клянусь, что это будетъ!

а отецъ, испытывая послѣднее средство своего пафоса, нѣжно взглянулъ въ глаза Роланду и умоляющимъ голосомъ произнесъ:

— Ну, право, братъ, не надо!

Между тѣмъ сухой пергаментъ кряхтѣлъ, морщился и дрожалъ каждою жилой своей желтой ткани.

— Но *я* не вижу, — сказалъ *я*, являясь подобно божеству Горація, — по какому праву оба вы, господа, располагаете моими предками. Ясно, что у человѣка нѣтъ собственности въ потомствѣ. Онъ можетъ принадлежать потомству, но что ему за дѣло, или какую пользу можетъ принести онъ праправнукамъ.

Скилль. Слушайте, слушайте.

Digitized by Google

Пизистратъ (горячась). Но предки человѣка—его положительная собственность. Сколько наслѣдуетъ онъ отъ своихъ самыхъ отдаленныхъ предковъ не одними акрами, но и темпераментомъ, правилами, сложеніемъ, характеромъ! Развѣ безъ предка родился бы онъ, развѣ какой-нибудь Скилль воззвалъ бы его къ жизни, или выносила его кормилица upo kolpo?

Скилль. Слушайте, слушайте.

Пизистратъ (съ восторженнымъ волненіемъ). По этому ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права отнимать у другаго предка однимъ почеркомъ пера, какая ни будь на то причина, хотя бы и дружелюбная. Въ настоящемъ случаѣ вы, можетъ быть, скажете, что предокъ, о которомъ идетъ рѣчь, — апокрифъ, будь это типографщикъ или рыцарь; положимъ; но гдѣ сомнѣвается исторія, ужели рѣшитъ безотчетное чувство. Покуда оба сомнительны, мое воображеніе привязывается къ обоимъ. Я могу уважать то изобрѣтательность и ученость типографщика, то храбрость и преданность рыцаря. Это благодѣтельное сомнѣніе даетъ мнѣ двухъ великихъ предковъ, и черезъ нихъ, два направленія мысли, которая будетъ руководить мною въ различныхъ обстоятельствахъ. Я не позволю вамъ, капитанъ Роландъ, отнять у меня одного изъ моихъ предковъ, одно изъ направленій моей мысли. Оставьте же этотъ священный пробѣлъ ненаполненнымъ и примите это выраженіе рыцарскаго чувства: покуда отецъ мой будетъ жить съ капитаномъ, мы будемъ вѣрить въ типографщика; когда разстанемся съ капитаномъ, твердо станемъ за рыцаря.

— Хорошо, — воскликнулъ дядя Роландъ, когда я остановился.

— А я думаю, — тихо сказала матушка, — что все это можно устроить къ удовольствію всѣхъ. Грустно подумать, что бѣдный Роландъ и добрая маленькая Бланшь будутъ одни въ башнѣ; я думаю, что мы были бы гораздо счастливѣе всѣ вмѣстѣ.

Digitized by Google

— И дѣло! — торжествуя, воскликнулъ Роландъ; — если вы не самое упрямое, жестокосердое, безчувственное животное на свѣтѣ, чего я никакъ не думаю объ васъ, братъ Остинъ, то послѣ этой дѣйствительно прекрасной рѣчи вашей жены, нельзя сказать и слово.

— Но мы не дослушали Китти до конца, Роландъ.

— Тысячу разъ прошу извинить меня, миледи.... сестрица, — сказалъ капитанъ, кланяясь.

— Я хотѣла прибавить, — отвѣчала матушка,—что мы поѣдемъ и будемъ жить съ вами, Роландъ, и соединимъ наши небольшіе доходы. Бланшь и я займемся хозяйствомъ. и вмѣстѣ мы будемъ вдвое богаче, нежели порознь.

— Хорошо будетъ мое гостепріимство, — проворчалъ капитанъ. — Не ожидалъ я отъ васъ этого. Нѣтъ, нѣтъ, вамъ надо откладывать для этого юноши; что съ нимъ будетъ!

— Да мы всѣ будемъ откладывать для него — отвѣчала матушка просто, — вы также, какъ Остинъ. Тѣмъ легче будетъ откладывать, чѣмъ больше мы будемъ издерживать.

— А, откладывать: легко сказать. Стало, пріятно было бы откладывать! — сказалъ капитанъ грустно.

— А что же со мной-то будетъ? — сказалъ Скилль. — Неужели вы меня оставите здѣсь на старости лѣтъ? И ни души, съ кѣмъ бы поговорить: и въ цѣлой деревнѣ ни одного мѣста, гдѣ-бы можно было достать каплю сноснаго пунша. «Проклятіе надъ обоими домами вашими!» какъ говорилъ намедни на сценѣ одинъ изъ актеровъ.

— Есть мѣсто для врача въ нашемъ сосѣдствѣ, м. Скилль, — замѣтилъ капитанъ. — Джентельменъ вашего званія, который насъ пользуетъ, ищетъ, я знаю, передать свою практику.

— Гм! — отвѣчалъ Скилль, — должно быть ужасно здоровый околодокъ.

— Да, есть немножко, м. Скилль, — сказалъ дядя съ улыбкой. — Но съ вашей помощью можетъ произойдти въ этомъ отношеніи большая перемѣна къ лучшему.

Digitized by Google

М. Скилль собирался отвѣчать, когда послышался нетерпѣливый и прерывистый звукъ колокольчика у рѣшетки, такъ что всѣ мы вскочили и посмотрѣли другъ на друга удивленные. Кто бы это могъ быть? Не долго оставались мы въ нерѣшимости: спустя мгновеніе, голосъ дяди Джака, всегда ясный и звучный, раздался въ сѣняхъ, и мы все еще смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи, когда м. Тибетсъ съ толстымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ и въ удивительно-роскошномъ пальто изъ двойнаго саксонскаго сукна, совершенно новомъ, ввалился въ комнату, внеся съ собою изрядное количество холоднаго воздуха, который поспѣшилъ согрѣть сначала въ объятіяхъ матери. Послѣ этого онъ бросился-было къ капитану, но капитанъ скрылся за этажеркой съ словами:

— Гм! мистеръ.... сэръ Джакъ.... сэръ.... Гм, гм!....

Обманувшись съ этой стороны, м. Тибетсъ вытеръ остававшійся на пальто холодъ о вашего покорнаго слугу, ударилъ попріятельски Скилля по спинѣ и сталъ располагаться на своемъ любимомъ мѣстѣ передъ каминомъ.

— Что, удивилъ!—сказалъ дядя Джакъ, усѣвшись;— нѣтъ, васъ это не должно удивлять; вы должны были знать сердце Джака; вы, по крайней мѣрѣ, Остинъ Какстонъ, которые знаете всякую вещь, вы должны были видѣть, что оно было переполнено самыми нѣжными и родственными чувствами: что однажды избавленный изъ этой проклятой Флитъ (вы не можете себѣ представить, что это за мѣсто, сэръ), я не найду покоя ни днемъ, ни ночью, покуда не прилечу сюда, бѣдный раненный голубь, сюда, къ милому семейному гнѣзду! — съ чувствомъ прибавилъ дядя Джакъ, вынимая носовый платокъ свой изъ пальто, которое бросилъ на отцовы кресла.

Не было ни слова отвѣта на это краснорѣчивое и трогательное обращеніе. Матушка наклонила прекрасную головку, какъ будто бы пристыженная. Дядя совершенно забился въ уголъ, поставивъ передъ собою этажерку такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, чтобъ устроить рѣшительное укрѣпленіе. Мистеръ Скилль схватилъ перо, которое уронилъ Роландъ, и принялся гнѣвно чинить его, то есть рѣзать на куски, осязаемо намѣкая на то, какъ поступилъ-бы онъ съ дядей Джакомъ, если бъ онъ живой попался ему въ руки. Я нагнулся надъ родословиой, а отецъ вытиралъ свои очки.

Безмолвіе испугало-бы всякаго человѣка: ничто не пугало дядю Джака.

Дядя Джакъ оборотился къ огню, погрѣлъ одну ногу, другую, и, совершивъ эту пріятную операцію, опять повернулся къ обществу, и, какъ будто бы отвѣчая какимъ-то воображаемымъ возраженіямъ, продолжалъ задумчиво:

— Да, да, вы правы, и чортъ-знаетъ что за несчастная спекуляція! Но обошелъ меня этотъ бездѣльникъ Пекъ. Говорилъ я ему, говорилъ: *Капиталистъ*! Тутъ нѣтъ общихъ интересовъ: это не относится къ большинству публики. Капиталисты — классъ не многочисленный; лучше обратимся къ интересамъ толпы. Да, говорилъ я, назовите его *Анти-капиталистомъ*. Завѣряю васъ, сэръ, мы бы тутъ надѣлали чудесъ; но я поддался чужому вліянію. *Анти-капиталистъ* — какая мысль! обратиться ко всему читающему міру, сэръ: Анти-капиталистъ, сэръ! мы бы разбѣжались по мануфактурнымъ городамъ, какъ блудящіе огни. Но что-жь мнѣ дѣлать!

— Джакъ Тибетсъ! — сказалъ отецъ торжественно,— капиталистъ или анти-капиталистъ, ты имѣлъ право преслѣдовать твою мысль, какая бы ни была она, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ это дѣлалось твоими деньгами. Ты видишь вещь, Джакъ Тибетсъ, не съ настоящей точки зрѣнія; и немножко раскаянія въ лицѣ тѣхъ, кого ты запуталъ, было бы не лишнее сыну твоего отца и брату твоей сестры!

Никогда такой строгій выговоръ не исходилъ изъ кроткихъ устъ Остина Какстонъ; съ жалостію и ужасомъ взглянулъ я на Джака Тибетса, ожидая, что, того и гляди, онъ провалится сквозь коверъ.

Digitized by Google

— Раскаяніе! — воскликнулъ дядя Джакъ, вскочивъ, какъ будто бы его подстрѣлили;—да развѣ вы думаете, что у меня сердце изъ камня или изъ пемзы! развѣ вы думаете, что я не раскаиваюсь! Я только и дѣлаю, что раскаиваюсь: я буду раскаиваться всю свою жизнь.

— Такъ и говорить нечего, Джакъ, — сказалъ отецъ тише и протягивая ему руку.

— Да! — отвѣчалъ м. Тибетсъ, схвативъ руку и прижимая ея къ сердцу, которое защищалъ отъ подозрѣнія, будто бы оно изъ пемзы, — да, дернуло же меня повѣрить этому деревянному, проклятому шуту Пеку: какъ не раскаиваться, что я далъ ему назвать журналъ *Капиталистомъ*, на смѣхъ всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, между тѣмъ какъ *Анти*....

— Ба! — прервалъ отецъ, отнимая руку.

— Джакъ! — сказала матушка важно, со слезами въ голосѣ, — вы забываете, кто избавилъ васъ отъ тюрьмы, вы забываете, кого вы чуть-чуть не отправили самаго въ тюрьму, вы забываете....

— Тише, тише!—перебилъ отецъ,—это не то. Ты забываешь, чѣмъ я обязанъ Джаку. Онъ уменьшилъ состояніе мое на половину — это правда; но я думаю, что онъ увеличилъ вдвое три сердца, гдѣ лежатъ мои настоящія сокровища. Пизистратъ, другъ мой, позвони!

— Милая Китти, — сказалъ дядя Джакъ жалобно и подходя къ матери, — не будьте такъ строги ко мнѣ: я думалъ обогатить всѣхъ васъ, право думалъ.

Вошелъ слуга.

— Велите отнести вещи мистера Тибетсъ въ его комнату, и чтобъ затопили каминъ! — сказалъ отецъ.

— И — продолжалъ дядя Джакъ громче, — я обогащу васъ непремѣнно: все это у меня вотъ здѣсь. — Онъ ударилъ себя по лбу.

— Погоди немножко, — сказалъ отецъ слугѣ, уже отошедшему къ двери, — погоди, — сказалъ онъ испу-

Digitized by Google

ганный, — можетъ быть мистеръ Тибетсъ предпочитаетъ остановиться въ гостиницѣ.

— Остинъ, — сказалъ дядя Джакъ въ волненіи, — если бъ я былъ собака, не имѣлъ жилья кромѣ конуры, и вы пришли бы ко мнѣ за ночлегомъ, я поворотился бы и отдалъ бы вамъ лучшій клочекъ соломы.

На этотъ разъ отецъ насквозь растаялъ.

— Приммисъ распорядится, чтобъ устроить все въ комнатѣ мистера Тибетсъ, — сказалъ отецъ, дѣлая рукою знакъ слугѣ. — Китти, душа моя, вели приготовить намъ чего-нибудь получше къ ужину и побольше пунша. Вы любите пуншъ, Джакъ?

— Пуншъ, Остинъ? — сказалъ дядя Джакъ, прикладывая къ глазамъ носовой платокъ.

— Капитанъ оттолкнулъ этажерку, прошелъ черезъ комнату и пожалъ руку дяди Джака; матушка наклонила голову въ фартукъ и вышла, а Скилль шепнулъ мнѣ на ухо:

— Все это происходитъ отъ желчныхъ отдѣленій! Нельзя понять этого, не зная особенную, превосходную организацію печени вашего отца.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Эгира совершилась; мы всѣ основали свое пребываніе въ старой башнѣ. Книги отца пріѣхали съ транспортомъ и спокойно расположились въ своемъ новомъ жилищѣ, наполнивъ покои, назначенные ихъ владѣльцу, включая спальню и двѣ другихъ комнаты. Утка тоже пріѣхала, подъ крыломъ миссисъ Примминсъ, и помирилась съ садкомъ, у котораго отецъ нашелъ дорожку, вознаграждающую его за персиковую, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ разными почтенными карпами, которые позволяютъ ему кормить себя послѣ утки: отецъ естественно гордится этой привиллегіей (когда кто другой подходитъ, карпы сейчасъ разбѣгаются). Всѣ привиллегіи цѣнятся тѣмъ выше, чѣмъ исключительнѣе наслажденіе ими.

Съ той минуты, когда первый карпъ съѣлъ хлѣбъ, брошенный ему отцомъ, мистеръ Какстонъ рѣшилъ про себя, что столь довѣрчивая порода никогда не должна быть принесена въ жертву Цереръ и Примминсъ. Но всѣ рыбы владѣній моего дяди находились въ непосредственномъ распоряженіи Протея Болта, а Болтъ не такой человѣкъ, чтобъ позволить карпамъ ѣсть хлѣбъ, не платя дани нуждамъ общины. Каковъ господинъ, таковъ и слуга. Онъ былъ болѣе Роландъ, нежели самъ Роландъ, въ своемъ уваженіи къ звучнымъ именамъ и древнимъ фамиліямъ, и на эту-то удочку отецъ мой поймалъ его съ такою ловкостію, что если бы Остинъ Какстонъ былъ рыболовомъ, онъ непремѣнно каждый день наполнялъ бы корзину свою по края, будь солнце или дождикъ.

— Замѣтьте, Болтъ, — сказалъ отецъ, начиная искусно, — что эти рыбы, какъ ни глупы кажутся онѣ вамъ, способны къ силлогизмамъ; если онѣ увидятъ, что пропор-

Digitized by Google

ціонально къ ихъ учтивости ко мнѣ вы будете уничтожать ихъ, онѣ сведутъ свои разсчеты и откажутся отъ знакомства со мною. Человѣкъ животное менѣе силлогистическое, нежели многія твари, которыхъ вообще считаютъ низшими. Да, пусть одна изъ этихъ киприпидъ, съ своимъ тонкимъ чувствомъ логики, замѣтитъ, что когда ей подобныя поѣдятъ хлѣба, то будутъ извлечены изъ ихъ элемента и исчезнутъ навсегда; тогда ломайте имъ хлѣбъ въ четыре фунта, они будутъ смѣяться вамъ въ глаза, но не подойдутъ. Если бы я былъ такъ логиченъ, какъ эти животныя, я бы никогда не проглотилъ той приманки.... Ну да Богъ съ ней. А возвращаясь къ киприпидамъ....

— Какъ вы называете этихъ карповъ? — спросилъ Болтъ.

— Киприниды, семейство изъ рода желудочныхъ малакоптеригіевъ,—отвѣчалъ мистеръ Какстонъ. Зубы у нихъ чрезвычайно-близко къ пищепріемному горлу, что и отличаетъ ихъ между прочимъ отъ рыбъ обыкновенныхъ и хищныхъ.

— Сэръ,—отвѣчалъ Болтъ, глядя на садокъ,—если бъ я зналъ, что это семейство такой важности, я бы, конечно, обходился съ ними съ большимъ уваженіемъ.

— Это семейство чрезвычайно древнее, Болтъ: оно основалось въ Англіи съ XIV столѣтія. Младшая линія расположилась въ одномъ изъ прудовъ петергофскаго сада (тамъ знаменитый дворецъ Петра Великаго, Императора, котораго весьма уважаетъ мой братъ за его военныя заслуги). Когда приходитъ часъ обѣда для русскихъ киприпидъ, ихъ извѣщаютъ объ этомъ колокольчикомъ. Стало-быть, вы видите, Болтъ, что было бы непростительно убивать членовъ такого достойнаго и почтеннаго семейства.

— Сэръ, — сказалъ Болтъ, — я очень радъ, что вы мнѣ это сказали. Я догадывался и самъ, что карпы благородныя рыбы, такъ они робки и осторожны: таковы всѣ люди хорошей породы.

Отецъ улыбнулся и потеръ руки: онъ достигъ своей цѣли, и киприниды изъ рода малакоптеригіевъ съ этого вре-

Digitized by Google

мени сдѣлались такъ же священны въ глазахъ Болта, какъ кошки и ихневмоны въ глазахъ жрецовъ эгипетскихъ.

Бѣдный батюшка! съ какой искренней и непритворной философіей ты поддѣлывался къ наибольшей перемѣнѣ въ твоей тихой и беззаботной жизни, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ короткаго и жгучаго цикла страстей. Потерянъ былъ домъ твой, этотъ домъ, освященный для тебя столькими безвредными побѣдами духа, столькими нѣмыми исторіями сердца, ибо одинъ лишь ученый знаетъ, какая глубокая прелесть въ однообразіи, въ старыхъ привычкахъ, въ старыхъ дорожкахъ, въ правильномъ распредѣленіи мирнаго времени. Конечно, домъ можно замѣнить: сердце вездѣ строитъ домъ свой вокругъ себя, и старая башня вознаградитъ за потерю кирпичнаго дома, а дорожка у садка сдѣлается столько-же милой, сколько была мила тебѣ персиковая аллея. Но что замѣнитъ тебѣ свѣтлый сонъ твоего невиннаго честолюбія, это крыло ангела, которое пронеслось надъ тобою между восходомъ и закатомъ солнца твоихъ дней? Что замѣнитъ тебѣ *Magnum Opus*, твое большое сочиненіе, красивое и развѣсистое дерево, одинокое въ пустынѣ ландшафта, теперь вырванное съ корнями? Кислородъ отнятъ изъ воздуха твоей жизни. Сострадательные читатели, со смертію анти-издательскаго общества, кровообращеніе Большаго сочиненія остановилось, пульсъ пересталъ биться, полное сердце его замерло. Три тысячи экземпляровъ первыхъ семи листовъ in q^{o}, съ безчисленными рисунками, анатомическими, архитектурными и графическими, изображавшими разные виды человѣческаго черепа, этого храма заблужденія, отъ Готентота до Грека; древніе памятники Циклоповъ и Пелазговъ; пирамиды и слѣды племенъ, чья рука проходила по этимъ стѣнамъ; виды мѣстностей для объясненія вліянія природы на обычаи, вѣрованія и философію людей, какъ напримѣръ, пустыни Халдеи, заставлявшія наблюдать теченіе звѣздъ; изображенія зодіака для объясненія таинствъ поклоненія символамъ; фантастическіе очерки земли непосредственно послѣ потопа, для разъясненія ранніхъ суевѣрій первобытными силами природы; виды гористыхъ тѣснинъ

Digitized by Google

Лакедемоніи, Спарта по сосѣдству съ безмолвными Аминклами, — географическое указаніе на желѣзные обычаи воинственной колоніи (колоніи ультра-торіевъ среди шумныхъ и промышленныхъ демократій Эллады), въ противоположность съ морями, прибрежьемъ и губами Аттики и Іоніи, побуждавшимъ къ торговлѣ, морскимъ путешествіямъ и мѣнѣ. Отецъ мой хотѣлъ, чтобы въ этихъ рисункахъ карандашъ художника столько же освѣтилъ дѣтскій возрастъ земли и ея обитателей, сколько его ученое слово. Рисунки и печатные листы теперь остались въ мирѣ и пыли, сдружившись съ мракомъ и смертію, на могильныхъ полкахъ чердака, куда были препровождены эти лучи, не дошедшіе до своего назначенія, эти недоношенные міры. Прометей былъ связанъ, и огонь, который укралъ онъ съ небесъ, лежалъ безъ искры въ нѣдрахъ его скалъ. Такъ великолѣпна была форма, подъ которою дядя Джакъ и анти-издательское общество хотѣли выпустить эту выставку человѣческаго заблужденія, что каждый книгопродавецъ отворачивался отъ нея, ослѣпленный, какъ филинъ отъ дневнаго свѣта, какъ заблужденіе отъ Истины. Тщетно мы съ Скиллемъ, передъ отъѣздомъ изъ Лондона, приносили программу Большаго сочиненія къ самымъ богатымъ и самымъ смѣлымъ книгопродавцамъ-издателямъ. Издатель за издателемъ приходилъ въ ужасъ, какъ будто бы мы прикладывали имъ къ уху заряженный пистолетъ. Вся улица Paternoster-Row кричала: «Боже оборони!» Человѣческое заблужденіе не нашло ни одной жертвы, которая-бы согласилась на свой собственный счетъ издать два волюма in quarto съ перспективой еще двухъ другихъ; я надѣялся, что отецъ для блага человѣчества рѣшится рискнуть еще часть (и конечно не маловажную) оставшагося капитала, чтобъ окончить изданіе, столь прекрасно начатое. Но онъ былъ непреклоненъ. Никакія слова о человѣчествѣ и пользѣ не рожденныхъ еще поколѣній не могли подвинуть его и на инчь.

— Вздоръ, — говорилъ мистеръ Какстонъ рѣшительно; — первая обязанность къ человѣчеству и потомству начинается съ собственнаго сына; разоривъ половину сво-

Digitized by Google

сго наслѣдства, я никакъ не намѣренъ издерживать другую на удовлетвореніе моего тщеславія: это истина. Человѣкъ долженъ искупить свою глупость. Я погрѣшилъ черезъ книгу; пусть книга и отвѣчаетъ за это. Пусть она лежитъ на полкахъ чердака, и когда-нибудь тотъ, кто пройдетъ мимо этого великолѣпнаго памятника человѣческаго заблужденія, станетъ мудрѣе и смирится.

По истинѣ, я не знаю, какъ отецъ могъ равподушно смотрѣть на эти свѣжіе обломки отъ самаго себя, эти пласты формаціи Какстоновъ, лежавшіе одинъ на другомъ, какъ будто бы въ ожиданіи пытливаго генія какого-нибудь моральнаго Мурчиссона или Мантёлья. Что до меня, я никогда не могъ пройдти мимо мрачнаго кенотафа, не сказавъ себѣ: мужайся, Пизистратъ! вотъ для чего нужно жить тебѣ; трудись и богатѣй, и Большое сочиненіе узритъ свѣтъ Божій!

Между тѣмъ я бродилъ по окрестностямъ, знакомился съ фермерами и съ управляющимъ Тривеніона, человѣкомъ крайне-способнымъ и отличнымъ агрономомъ, научившимъ меня лучше узнать свойство земли дядиныхъ владѣній. Эти владѣнія занимали огромное пространство, которое теперь ничего не стоило. Но подобная же почва еще недавно была высушена самымъ простымъ способомъ, нынѣ извѣстнымъ въ Кумберландѣ, и, съ капиталомъ, торфяныя болота Роландовы сдѣлались-бы цѣнною собственностію. Но капиталъ, гдѣ его взять? Природа даетъ намъ все, кромѣ средствъ обратить ее въ торговую цѣнность или, какъ замѣчаетъ старикъ Плавтъ: «день, ночь, воду, солнце, и мѣсяцъ — все это вы имѣете даромъ, а остальное....»

ГЛАВА II.

Не было слышно ничего о дядѣ Джакѣ. Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ кирпичнаго дома капитанъ пригласилъ его въ свою башню, болѣе, полагаю, изъ вѣжливости къ моей матери, нежели по непрошенному порыву собственнаго желанія. Но мистеръ Тибетсъ тонко отклонилъ это предложеніе. Въ бытность свою въ кирпичномъ домѣ онъ по-

Digitized by Google

лучилъ и написалъ бездну писемъ; нѣкоторыя изъ полученныхъ оставались въ селеніи на почтѣ подъ загадочными адресами АВ или УZ. Никакая неудача не обезсиливала энергіи дяди Джака. На всю зиму несчастія онъ, правда, исчезалъ, но въ то же время все-таки прозябалъ. Онъ былъ похожъ на тѣ *algae*, называемыя *protococcus nivalis*, которыя даютъ розовый цвѣтъ полярнымъ снѣгамъ, ихъ скрывающимъ, и цвѣтутъ незамѣченныя среди общаго разрушенія природы. Дядя Джакъ былъ такъ-же живъ, здоровъ и дѣятеленъ, какъ всегда, хотя и начиналъ уже проявлять неопредѣленныя намѣренія бросить общую пользу себѣ подобныхъ, и съ этого времени заняться своей собственной, чѣмъ отецъ мой, къ немалому оскорбленію моей вѣры въ его филантропію, оказывался чрезвычайно-доволенъ. И я подозрѣваю, что, когда дядя, снова облачившись въ свое пальто изъ саксонскаго сукна, пустился въ обратный путь, онъ взялъ съ собою болѣе, нежели желаніе моего отца, въ помощь его себялюбивой философіи.

— Этотъ человѣкъ поправится, — сказалъ отецъ, когда исчезъ у насъ изъ-вида дядя Джакъ, стоявшій на козлахъ дилижанса рядомъ съ почтальономъ, частію для того, чтобъ сдѣлать намъ знакъ рукой (мы стояли у воротъ), частію для того, чтобы спокойнѣе закутаться въ дорожную шинель съ шестью воротниками, которою ссудилъ его кучеръ.

— Поправится, сэръ? — сказалъ я сомнительно, — позвольте спросить, почему?

М. Какстонъ. По своей кошачьей натурѣ: онъ падаетъ неимовѣрно легко. Бросьте его со шпица Святаго-Павла, онъ черезъ минуту полѣзетъ на Монументъ.

Пизистратъ. Но самая живуча якошка ограничена, говорятъ, девятью жизнями, а дядя Джакъ, должно-быть, теперь много ужъ зажилъ изъ осьмой.

М. Какстонъ (не обращая вниманія на отвѣтъ и заткнувъ руку за жилетъ). Земля, согласно Апулею въ его *Трактатѣ о Философіи Платона*, состоитъ изъ прямоугольныхъ треугольниковъ; огонь и воздухъ — изъ неправильныхъ треугольниковъ, которыхъ углы, не зачѣмъ и напоминать

Digitized by Google

объ этомъ, рѣзко отличаются отъ угловъ прямоугольнаго треугольника. Я думаю, есть на свѣтѣ люди, о которыхъ можно основательно судить единственно чрезъ приложеніе этихъ математическихъ началъ къ ихъ своеобразному сложенію; ибо, когда въ насъ преобладаетъ огонь или воздухъ, мы — треугольники неправильные, когда земля — прямоугольные. Теперь, такъ какъ воздухъ столь замѣтно обнаруживается въ конформаціи Джака, онъ *nolens-volens* сложенъ сообразно преобладающему въ немъ началу. Онъ — неправильный треугольникъ, и долженъ быть обсуждаемъ по законамъ о неправильныхъ линіяхъ, между тѣмъ какъ вы и я, обыкновенные смертные, подобно землѣ, нашему преобладающему началу, всѣ состоимъ изъ треугольниковъ прямоугольныхъ, правильныхъ и полныхъ, за что будемъ благодарить провидѣніе и будемъ снисходительны къ тѣмъ, которые вѣтрены и гасообразны изъ-за этого несчастнаго неправильнаго треугольника, по коему они были сложены, треугольника, который — вы видите — въ непрерывномъ противорѣчіи съ математическимъ построеніемъ земли.

Пизистратъ. Я очень радъ, что слышу такое простое, свободное и понятное объясненіе особенностей дяди Джака; но я только надѣюсь, что на будущее время стороны его неправильнаго треуголнника никогда не столкнутся съ нашими прямоугольными сложеніями.

М. Какстонъ (сходя съ своихъ ходуль и съ видомъ такого укора, какъ будто-бы я посмѣялся надъ добродѣтелями Сократа). Ты не отдаешь справедливости дядѣ, Пизистратъ: онъ человѣкъ очень способный, и я увѣренъ, что, не смотря на его непрямоугольное сложеніе, онъ былъ бы честнымъ, т. е. (продолжалъ мистеръ Какстонъ, поправившись) не романически-честнымъ, а какъ всѣ люди, еслибъ онъ могъ достаточно удержать голову надъ водою; но извѣстно, что когда честнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ тонетъ, онъ хватается за все, что попадаетъ ему подъ руки, и можетъ утопить лучшаго друга, который бросится спасать его.

Digitized by Google

Пизистратъ. Совершенно справедливо, сэръ; но дядя Джакъ распоряжается такъ, что всегда тонетъ.

М. Какстонъ (простодушно). Да можетъ-ли это быть иначе, если онъ до сихъ поръ носилъ въ своихъ карманахъ всѣхъ себѣ подобныхъ? Теперь, такъ какъ онъ сбросилъ этотъ опасный грузъ, не диво, что онъ поплыветъ какъ пробка.

Пизистратъ (который съ анти капиталиста сдѣлался отъявленнымъ анти-джакіанцемъ). Но если вы, сэръ, дѣйствительно предполагаете такую сильную любовь къ себѣ подобнымъ въ дядѣ Джакѣ, это еще не худшее его свойство.

М. Какстонъ. О придирчивый аргументаторъ, нечувствительный къ истинной логикѣ аттической иронiи! Развѣ ты не можешь понять, что привязанность можетъ быть искренна въ человѣкѣ, но вредна и ложна по отношенiю къ другимъ? Человѣкъ можетъ искренно вѣрить, что любитъ себѣ подобныхъ, когда жаритъ ихъ, какъ Торквемада, или обезглавливаетъ, какъ Юстинъ! Къ счастiю, неправильный треугольникъ дяди Джака, состоя болѣе изъ воздуха, нежели изъ огня, не даетъ его филантропiи воспалительнаго характера, отличающаго инквизиторовъ и революцiонеровъ. Поэтому филантропiя принимаетъ болѣе невинную и жидкую форму и проявляетъ свою силу въ надуванiи бумажныхъ шаровъ, съ которыми падаетъ и Джакъ и всѣ тѣ, кого уговоритъ онъ подняться съ ними. Нѣтъ сомнѣнiя, что человѣколюбiе дяди Джака искренно, когда онъ обрѣзываетъ веревку и уносится за предѣлы обыкновеннаго зрѣнiя, но искренность мало помогаетъ, когда шаръ лопнетъ и самъ онъ съ своими спутниками падаетъ. Широко должно быть то сердце, которое умѣетъ заключить въ себѣ все человѣчество, и велика должна быть его сила, когда несетъ оно такую тяжесть. Джакъ не такого свойства: онъ — треугольникъ неправильный; онъ не кругъ. И все-таки у него по своему доброе сердце, да, очень доброе сердце, — продолжалъ отецъ, увлекаясь до нѣжности, которую, по отношенiю ко всему случившемуся, нельзя не назвать дѣтскою. — Бѣдный Джакъ! Какъ это было славно сказано: «если бъ я былъ собака, и не было

Digitized by Google

бы у меня ничего, кромѣ моей конуры, я бы уступилъ вамъ лучшее мѣсто на соломѣ!» Бѣдный Джакъ!

Такъ кончилась наша бесѣда, впродолженіе которой дядя Джакъ, подобно дѣйствующму лицу въ *Spectator*'ѣ, «отличился» глубокимъ молчаніемъ.

ГЛАВА III.

Бланшь присоединилась ко мнѣ, если не въ дѣятельныхъ набѣгахъ по околодку и знакомствѣ съ фермерами, по крайней мѣрѣ, въ моихъ домашнихъ досугахъ. Въ ней есть какая-то безмолвная прелесть, которую трудно опредѣлить, и которая по видимому происходитъ изъ прирожденнаго сочувствія къ вкусамъ и прихотямъ тѣхъ, кого она любитъ Когда вы веселы, въ ея серебристомъ смѣхѣ есть что-то такое, что вы готовы принять за самую веселость; когда вы скучны и забиваетесь въ уголъ, прячете голову въ руки и задумываетесь понемногу, именно въ ту минуту, когда вы намечтались до-сыта, и сердцу нужно что-нибудь такое, что̀ бы освѣжило его и подкрѣпило, вы чувствуете у себя на шеѣ двѣ невинныхъ ручки, смотрите: надъ вами кроткіе глазки Бланшь, полные нѣжнаго состраданія; она имѣетъ тактъ никогда не спрашивать; она хочетъ грустить съ вашею грустью, — бо́льше ей не нужно ничего. Странный ребенокъ! Она безстрашна, и все-таки любитъ тѣ вещи, которыя внушаютъ страхъ дѣтямъ, всѣ эти сказки о феяхъ, духахъ и привидѣніяхъ, которыя нескончаемо выбрасываетъ изъ своей памяти миссисъ Приммисъ, подобно тому какъ фокусникъ бросаетъ изъ шляпы одинъ горячій блинъ за другимъ. При всемъ этомъ Бланшь такъ увѣрена въ своей собственной невинности, что этѣ сказки никогда не смущаютъ ея сновъ въ ея одинокой маленькой горенкѣ, полной мрачныхъ угловъ, и не смотря на то, что вѣтры воютъ надъ развалинами, а окна башни хрипло шумятъ. Она бы не побоялась пройдти въ темнотѣ черезъ эту залу, населенную духами, или черезъ кладбище, на которомъ,

«При трепетномъ свѣтѣ луны»,

такъ страшно смотрятъ могильные камни, и тѣнь ивъ ле-

Digitized by Google

житъ на зелени. Когда брови Роланда надвинуты и губы его выражаютъ глубокую грусть, будьте увѣрены, что Бланшь лежитъ у его ногъ, ожидая мгновенія, когда онъ тяжело вздохнетъ, и она знаетъ, что вызоветъ улыбку, если вспрыгнетъ къ нему на колѣни. Прекрасно слѣдить за нею, когда она взбирается по изломаннымъ ступенькамъ башни или остановится въ углубленіи стараго окна. Вы дивитесь тогда, какія мысли неопредѣленнаго страха и торжественнаго удовольствія работаютъ подъ этимъ тихимъ, спокойнымъ челомъ. Она чрезвычайно быстро понимаетъ все, чему ее учатъ, и уже истощила запасы знанія моей матери. Отецъ перерылъ всю свою библіотеку, ища книгъ, чтобы напитать или погасить ея жажду учиться, и обѣщалъ ей въ золотомъ времени неизвѣстнаго будущаго уроки французскаго и итальянскаго языка; обѣщаніе это было принято съ такой благодарностію, что можно подумать, что Бланшь принимаетъ Телемака и *Novelle morali* за игрушки и куклы. Пошли ей Богъ болѣе счастья съ французскимъ и итальянскимъ языкомъ, нежели Пизистрату съ его уроками въ греческомъ языкѣ отъ мистера Какстонъ! У ней есть ухо, о которомъ мать моя, недурной судья въ этомъ дѣлѣ, отзывается съ отличной стороны. Къ счастію, миляхъ въ десяти отъ насъ есть старый итальянецъ, который слыветъ за отличнаго музыкальнаго учителя и объѣзжаетъ сосѣдство два раза въ недѣлю. Я выучилъ ее рисовать; и она уже сдѣлала эскизъ съ натуры, который, кромѣ перспективы, не такъ дуренъ: въ самомъ дѣлѣ, у ней есть способность идеализировать, обѣщающая оригинальность: она умѣла къ ивѣ, свѣсившейся надъ рѣкой, прибавить вѣтку, которой недоставало ей; она умѣетъ смягчать слишкомъ рѣзкія черты. Боюсь я только, чтобы Бланшь не сдѣлалась слишкомъ мечтательна и задумчива. Бѣдный ребенокъ, — ей не съ кѣмъ играть. По этому я озаботился найдти ей собаку рѣзвую и молодую, которая вообще ненавидитъ сидячихъ занятій, чорную какъ смоль, съ ушами падающими до земли. Я назвалъ ее *Джуба*, въ честь аддисонова Катона и во уваженіе ея курчавой шерсти и мавританскаго сложенія. Бланшь не смотритъ уже

Digitized by Google

такою воздушною, когда скользитъ по развалинамъ, если *Джуба* несется возлѣ нея и, лая, вспугиваетъ птицъ.

Однажды я долго ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, которая была пуста; видъ вооруженій и портретовъ, нѣмыхъ свидѣтелей дѣятельной и романической жизни ея старыхъ обитателей, какъ будто бы упрекавшихъ меня въ моей лѣни и неизвѣстности, посадилъ меня на одного изъ тѣхъ пегасовъ, на которыхъ юность поднимается въ поднебесье, избавляя на скалахъ дѣвъ, убивая горгонъ и чудовищъ, — какъ вдругъ влетѣлъ *Джуба*, а за нимъ вошла Бланшь, держа въ рукѣ соломенную шляпку.

Бланшь. Я подумала, что вы здѣсь, Систи; можно мнѣ остаться?

Пизистратъ. За чѣмъ, душа моя! День такъ хорошъ, что, вмѣсто того, чтобъ сидѣть дома, лучше всего теперь бѣгать по полю съ *Джуба*.

Джуба. Бау—ау!

Бланшь. А вы пойдете? Если Систи останется дома, Бланшь не хочетъ бѣгать за бабочками.

Пизистратъ (видя, что нить его мечтаній прервана, соглашается; на порогѣ Бланшь останавливается и смотритъ, какъ будто бы хочетъ сказать что-нибудь важное). Что такое, Бланшь? За чѣмъ вы завязываете узлы на лентѣ и пишете на полу какія-то непонятныя буквы этой маленькой ножкой?

Бланшь (таинственно). Я нашла новую горницу, Систи. Какъ вы думаете, можно намъ посмотрѣть ее съ вами?

Пизистратъ. Конечно; если не запретила вамъ этого какая-нибудь Синяя-Борода. Гдѣ она?

Бланшь. На верху, на лѣво.

Пизистратъ. Гдѣ эта дверь, куда спускаются двумя ступеньками, и которая всегда затворена.

Бланшь. Да. Сегодня она не затворена. Она немножко растворилась, и я только заглянула въ нее, но не хотѣла войдти, не спросивъ у васъ, можно-ли.

Пизистратъ. Это очень хорошо. Я не сомнѣваюсь, что тутъ жилище какого-нибудь духа, однакожь подъ покровительствомъ Джубы, я думаю, мы можемъ рѣшиться войдти.

Digitized by Google

Пизистратъ, Бланшь и Джуба поднимаются по лѣстницѣ и исчезаютъ на лѣво, въ темномъ корридорѣ, въ сторону отъ жилыхъ комнатъ.

Мы подходимъ къ полукруглой двери, сдѣланной изъ дубовыхъ плотно-сбитыхъ досокъ, отворяемъ ее и видимъ лѣстницу винтомъ внизъ: эта комната надъ комнатой Роланда.

Насъ поразилъ запахъ сырости: комната, вѣроятно, была отворена для очищенія воздуха; вѣтеръ дуетъ въ открытыя окна и полѣно горитъ въ каминѣ. Въ цѣломъ — здѣсь привлекательный, чарующій видъ, свойственный какому-нибудь издавна заброшенному чердаку, который, не знаю я и самъ почему, всегда такъ занимаетъ и уноситъ воображеніе молодости. Сколько сокровищъ подъ часъ лежитъ въ этихъ спокойныхъ сундукахъ и углахъ, которыми старшія поколѣнія пренебрегли, какъ бездѣлицами! Всѣ дѣти по природѣ антикваріи и любятъ рыться въ какой угодно старинѣ. Однако въ порядкѣ и точности вещей, расположенныхъ въ этой горницѣ, видѣнъ былъ намекъ на то, что изъ нея не хотѣли сдѣлать обыкновеннаго чердака: нигдѣ не было слѣда закоренѣлой старины и ржавчины, придающихъ какую-то таинственную занимательность вещамъ, оставленнымъ на разрушеніе.

Въ одномъ углу были наставлены ящики и походные сундуки, по видимому иностранные, съ буквами Р. Д. К., выбитыми мѣдными гвоздиками. Мы отошли отъ нихъ съ невольнымъ уваженіемъ и кликнули Джубу, который забрался за сундуки, преслѣдуя, вѣроятно, какую-нибудь воображаемую мышь. Въ другомъ углу было что-то такое, что я почелъ за колыбель, не англійскую, конечно: она была изъ дерева, похожаго на испанское розовое, съ небольшими колоннами по сторонамъ въ видѣ ограды. Я, можетъ-быть, и не призналъ бы въ этомъ колыбели, если бъ не было тутъ стеганаго одѣяльца и подушечекъ, указывавшихъ на назначеніе этой утвари. Надъ колыбелью были прислонены къ самой стѣнѣ разныя вещи, нѣкогда, быть можетъ, веселившія дѣтское сердце: сломанныя игрушки съ стертою кра-

Digitized by Google

скою, маленькая сабля и труба, нѣсколько разрозненныхъ книгъ, большею частію испанскихъ, по величинѣ и виду безъ сомнѣнія дѣтскихъ. Рядомъ съ этимъ, на полу, стояла картина, лицомъ къ стѣнѣ. Джуба, прогнавъ мышь, которую такъ упорно преслѣдовала его фантазія, выскочилъ и чуть не уронилъ картины, такъ что я долженъ былъ протянуть руки, чтобъ поддержать ее. Я поднялъ ее къ свѣту, и былъ удивленъ, увидѣвъ старый фамильный портретъ: то былъ джентельменъ въ шитомъ камзолѣ и фрезѣ, относившихся къ царствованію Елисаветы, человѣкъ благородной и бодрой наружности; въ уголкѣ былъ поблекшій гербъ и рядомъ надпись: »Гербертъ де-Какстонъ, Эск. ann. aetat. 35.» На изнанкѣ полотна была надпись, сдѣланная рукою Роланда, моложе и тверже, нежели онъ писалъ теперь. Она состояла изъ слѣдующихъ словъ: «лучшій и храбрѣйшій изъ нашего рода. Онъ сражался съ Сиднеемъ на полѣ Цутфена; бился на кораблѣ Драка противъ испанской Армады. Если когда-нибудь у меня будетъ....» — остальное, по видимому, было стерто.

Я отвернулся и почувствовалъ стыдъ раскаянія въ томъ, что такъ далеко довелъ мое любопытство, если можно назвать этимъ именемъ могучее участіе, которое завлекло меня. Я оглянулся на Бланшь: она отошла отъ меня къ двери и, закрывая глаза руками, плакала. Подходя къ ней, я увидѣлъ на стулѣ книгу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ всѣхъ этихъ остатковъ дѣтства нѣкогда чистаго и безоблачнаго. По старинным серебрянымъ застежкамъ я узналъ Библію Роланда. Мнѣ казалось, что я сдѣлалъ только что не святотатство. Я отвелъ Бланшь; мы неслышно спустились по лѣстницамъ, и уже очутившись на нашемъ любимомъ мѣстѣ, возвышенномъ пригоркѣ, гдѣ нѣкогда творилась феодальная расправа, рѣшился я отереть ея слезы поцѣлуемъ и спросить о ихъ причинѣ.

— Бѣдный братецъ! — сказала она, рыдая! — это, вѣрно, все было его, и мы никогда, никогда не увидимъ его! А папенькина Библія, которую онъ читаетъ, когда очень, очень грустенъ! Я не довольно плакала, когда братъ

Digitized by Google

мой умеръ. Я теперь лучше знаю, что такое смерть! Бѣдный папа, бѣдный папа!... Не умрите и вы, Сисси.

Въ это утро не было охоты за бабочками, и долго не могъ я утѣшить Бланшь. Много, много дней еще носила она въ своемъ тихомъ взглядѣ слезы горя, и часто спрашивала меня съ вздохомъ:

— Какъ вы думаете: не дурно-ли я сдѣлала, что позвала васъ туда?

Бѣдная маленькая Бланшь, истая дочь Евы! она даже не хотѣла отдать мнѣ мою долю вины. Съ этого времени Бланшь, казалось, болѣе еще любила Роланда, и сравнительно, оставляла меня и все сидѣла съ нимъ, пока, бывало, не взглянетъ онъ на нее и скажетъ:

— Дитя мое, ты блѣдна! поди побѣгай за бабочками!

Тогда она говорила ужь ему, а не мнѣ:

— Пойдемте вмѣстѣ!

и тащила его на солнце, рукою, которая ни за что не хотѣла выпустить своей добычи.

Изъ всей родословной Роланда, этотъ Гербертъ де-Каксгонъ былъ лучшій и самый храбрый! А онъ никогда не называлъ его мнѣ, никогда не выставляя никого въ сравненіе съ сомнительнымъ и миѳическимъ сэромъ Виллілмомъ. Теперь я вспомнилъ, что, однажды, разсматривая родословное дерево, я остановился на имени Герберта, единственнаго во всей родословной, и спросилъ: «кто это, дядюшка?—а Роландъ что-то проворчалъ неслышно и отвернулся. Я вспомнилъ также, что въ комнатѣ Роланда былъ на стѣнѣ знакъ висѣвшей картины подобнаго размѣра. Она была снята оттуда передъ нашимъ первымъ пріѣздомъ, но чтобъ оставить такой слѣдъ на стѣнѣ, должна была висѣть на одномъ мѣстѣ многіе годы: можетъ быть она была повѣшена Болтомъ, въ продолжительное отсутствіе Роланда. «Если когда-нибудь у меня будетъ».... Что значили эти слова? Увы! Не относились-ли онѣ къ сыну, потерянному навсегда, но, видимо, все еще не забытому?

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Дядя сѣлъ съ одного угла камина, мать съ другаго, а я у маленькаго столика, между нихъ, готовясь записывать плоды ихъ совѣщанія, потому что они собрались для совѣта, чтобы, соединивъ свои состоянія, рѣшить, что употреблять на общія издержки, что на частныя, и что откладывать для приращенія капитала. Мать, какъ настоящая женщина, имѣла женскую страсть «казаться», слыть въ околодкѣ женщиною съ состояніемъ: она хотѣла, чтобъ шиллингъ шелъ не только на то, на что можетъ идти шиллингъ, но чтобъ онъ въ оборотѣ, если можно, блестѣлъ какъ гинея. Она не думала ослѣплять поддѣльнымъ или заемнымъ блескомъ, подобно кометѣ или сѣверному сіянью, но хотѣла распространять вокругъ себя скромные лучи, какъ добрая и благодѣтельная звѣздочка.

Я уже имѣлъ случай замѣтить читателю, что мы всегда занимали довольно почетное мѣсто въ мнѣніи околодка кирпичнаго дома: мы были на столько общительны, сколько допускали привычки моего отца; у насъ были небольшіе вечера и обѣды, и, не смотря на то, что мы никогда не вступали въ совмѣстничество съ богатыми сосѣдями, при искусствѣ моей матери показывать свой шиллингъ, во всемъ была такая опрятность, такая аккуратность, такая хозяйственная распорядительность, что не осталось на семь миль кругомъ ни одной старой дѣвы, которая не называла бы вечера наши удивительными, а важная миссисъ Ролликъ, плативша сорокъ фунтовъ въ годъ ученому повару и домоправителю, всякій разъ, когда мы обѣдали въ ея замкѣ, обращалась за столомъ къ матушкѣ (которая, по этому, краснѣла до ушей), прося извинить ее за клубничное желе. Правда, когда мы возвращались домой и матушка заводила рѣчь объ этой внимательной любезности тономъ, свидѣтельствовавшимъ о тщеславіи человѣческомъ, — отецъ, для того ли, чтобы обратить свою Китти къ христіанскому смиренію, или по свойственной ему проницательности, замѣчалъ, что миссисъ Ролликъ женщина безпокойнаго характера, что

Digitized by Google

комплиментъ ея относился не къ матушкѣ, а скорѣе имѣлъ цѣлью подзадорить знаменитаго повара и домоправителя, которому ключникъ, безъ сомнѣнія, передастъ двусмысленный апологъ.

Переѣхавъ въ башню и принявъ бразды хозяйства, матушка, естественно, заботилась о томъ, чтобы башня, этотъ старый, избитый инвалидъ, держала себя на возможно-лучшей ногѣ. Разныя визитныя карточки, не смотря на малочисленность сосѣдства, были оставлены у входа; приглашенія, которыя дядя доселѣ отклонялъ, сдѣлались обильнѣе съ той поры, когда распространилась вѣсть о нашемъ пріѣздѣ, такъ что матушка видѣла обширное поле для ея гостепріимныхъ намѣреній и достаточное основаніе, чтобы заставить башню поднять голову, какъ прилично башнѣ, гдѣ живетъ глава семейства.

О, добрая матушка! когда ты сидишь здѣсь, противъ суроваго капитана, въ бѣломъ фартукѣ, гладко-причесанныхъ и блестящихъ волосахъ и утреннемъ чепцѣ съ голубыми лентами, такъ кокетливо наколотыми, что какъ будто бы боишься ты, что малѣйшее опущеніе въ нарядѣ отниметъ у тебя сердце твоего Остина,—худо зналъ бы тебя тотъ, кто бы подумалъ, что тебя волнуютъ только пустыя прихоти женскихъ видѣній объ удовольствіяхъ и удобствахъ жизни. Ибо прежде и выше всего твое желаніе, чтобы твой Остинъ какъ можно менѣе чувствовалъ перемѣну въ своемъ положеніи, какъ можно менѣе имѣлъ недостатка въ разсѣяніи отъ его отвлеченныхъ занятій, прерываемыхъ только его невыносимымъ *parae*!—разсѣяніи, которое принесло бы ему пользу и освѣжило бы потокъ его мыслей. Кромѣ того, ты была убѣждена что небольшое общество, нѣсколько добрыхъ сосѣдей и гордое удовольствіе показывать развалины и хозяйничать при гостяхъ въ залѣ своихъ предковъ отвлекутъ Роланда отъ мрачной задумчивости, въ которую онъ все еще впадаетъ по временамъ. Въ-третьихъ, ты думала о насъ, молодомъ народѣ: развѣ не нужно было Бланшь найдти подругъ между дѣтьми ея лѣтъ? Въ ея большихъ черныхъ глазахъ уже было что-то задумчивое, гру-

Digitized by Google

стное, какъ въ глазахъ всѣхъ дѣтей, которыя живутъ только съ старшими; а что касается до Пизистрата, съ его разстроенными надеждами и съ гнетущимъ воспоминаніемъ на сердцѣ, которое онъ старается утаить отъ самаго себя, — что не ускользало отъ глазъ матери (и матери, которая любила), — могло-ли для него быть что-нибудь лучше сношенія и столкновенія съ окружающимъ всякаго человѣка свѣтомъ, какъ бы тѣсенъ ни былъ онъ? Съ Пизистратомъ было не то, что съ славнымъ Флорентинцемъ, который ходилъ

„Sopra lor vanita che par persona",

т. е. надъ тѣнями, представлявшимися ему живыми существами: нѣтъ, ему живыя существа казались тѣнями, *vanità*.

Что за отступленіе! Уже-ли я не могу никогда разсказывать мою исторію, все впередъ и впередъ? Я вѣрно родился подъ знакомъ Рака, потому что всѣ мои движенія такъ неправильны, то направлены въ сторону, то назадъ.

ГЛАВА V.

— Я думаю, Роландъ, — сказала матушка, — что прислуги въ домѣ довольно: Болтъ, который идетъ за троихъ; Приммиссъ, кухарка и ключница; Молли, добрая и старательная дѣвка (хоть и не безъ труда убѣдила я ее, бѣднюжку, чтобъ она не давала себя называть Анна-Маріей!) Ихъ жалованіе не большая сумма, мой добрый Роландъ.

— Гм! — сказалъ Роландъ, — если мы не можемъ обойтись безъ этаго числа слугъ, дѣлать нечего: надо назвать ее небольшою.

— Да такъ! — отвѣчала матушка кротко, но положительно. — А, при своей дичи и рыбѣ, своей зелени и птичникѣ, при своихъ баранахъ, хозяйство не будетъ намъ стоить почти ничего.

— Гм! — онять сказалъ упрямый капитанъ, слегка сдвинувъ темныя брови. — Почти ничего; вы правы, миледи.... сестра; оно можетъ казаться вамъ тѣмъ, чѣмъ кажется лавка мясника отелю Нортумберланда, но огромная бездна между «ничѣмъ» и «почти ничѣмъ.»

Эта рѣчь была такъ похожа на отцовы, она была такое простодушное подражаніе риторической фигурѣ, назы-

Digitized by Google

ваемой *antanaclasis* (повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ разномъ смыслѣ), что я засмѣялся, а матушка улыбнулась. Но она улыбнулась почтительно, не думая объ *antanaclasis* и, кладя руку свою на плечо капитана, отвѣчала еще болѣе страшною фигурой, *epiphonema* (воззваніе):

— Однакоже, при всей вашей экономіи, вы брались содержать насъ....

— Позвольте,—воскликнулъ дядя, отбивая воззваніе мастерскою *apozіopezисъ*;—позвольте; если бы вы сдѣлали то, чего я хотѣлъ, я бы имѣлъ болѣе удовольствія за мои деньги.

Риторическій арсеналъ бѣдной моей матери не представилъ ей оружія для отраженія этой искусной *apozіopezисъ*: она бросила въ сторону всю риторпку и явилась съ безъискусственнымъ краснорѣчіемъ, прирожденнымъ ей, наравнѣ съ другими великими финансовыми преобразователями:

— Полноте, Роландъ; я хорошая хозяйка, увѣряю васъ, и не бранитесь; по вы никогда не бранитесь, а я хотѣла сказать, не смотрите такъ, какъ будто бы вы сбирались браниться; дѣло въ томъ, что, если даже положить сто фунтовъ ст. въ годъ на наши небольшіе семейные вечера и обѣды....

—Сто фунтовъ въ годъ!—воскликнулъ капитанъ испуганный.

Матушка продолжала не смущаясь:

— Да, сто фунтовъ мы легко можемъ назначить на это; и не считая вашего полупенсіона, который вы должны оставить себѣ на карманныя издержки и гардеробъ вашъ и Бланшинъ, я разочла, что мы можемъ дать Пизистрату полтораста ф. въ годъ, чего, вмѣстѣ съ стипендіей, которую онъ получитъ, будетъ для него достаточно въ Кембриджѣ (при этомъ я сомнительно покачалъ головой, ибо стипендія была еще только однимъ изъ удовольствій Надежды); и все-таки, — продолжала матушка, не обращая вниманія на знакъ моего несогласія, — намъ остапется что откладывать.

Смѣшанное чувство состраданія и ужаса придало лицу капитана забавное выраженіе: онъ видимо подумалъ, что несчастія разстроили мозговыя отправленія моей матери.

Его мучитель продолжалъ:

Digitized by Google

— Проценты состоянія Остина — сказала матушка съ граціознымъ наклоненіемъ головы и обращая указательный палецъ правой руки къ пяти пальцамъ лѣвой,—370 ф., и 50, которые мы получимъ за наемъ нашего дома, составляютъ 420 ф. Прибавьте ваши 330 отъ сбора съ фермы, скотнаго двора и луговъ: всего 750 ф. При всемъ томъ, что мы для хозяйства имѣемъ даромъ, какъ сказалъ я прежде, намъ очень достаточно 500 ф. въ годъ, и мы даже можемъ жить очень хорошо. Если дать Систи 150 ф., мы все-таки можемъ откладывать по 100 ф. для Бланшь.

— Стойте, стойте, стойте! — воскликнулъ капитанъ въ страшномъ волненіи. — Кто вамъ сказалъ, что у меня 330 ф. дохода въ годъ?

— Кто? Болтъ: не сердитесь на него за это.

— Болтъ — дуракъ. Изъ 330 ф., отымите 200: остатокъ — весь мой доходъ, кромѣ моего полупенсіона.

Матъ выпялила глаза, я тоже.

—Къ этимъ 130 прибавьте ваши 130. Все, что у васъ останется, принадлежитъ вамъ, Остину или вашему сыну, но ни шиллинга не нужно на роскошь бѣдному, старому солдату. Понимаете вы меня?

— Нѣтъ, Роландъ, — сказала мать, —совсѣмъ не понимаю. Развѣ ваши владѣнія не приносятъ вамъ 330 ф. въ годъ?

— Да, но на нихъ ежегодный долгъ въ 200 ф., — отвѣчалъ капитанъ не-хотя и съ усиліемъ.

— О Роландъ! — сказала нѣжно матушка, подходя къ нему такъ близко, что, если бы отецъ былъ тутъ, она навѣрное поцѣловала-бы суроваго капитана, хотя я никогда не видалъ его болѣе строгимъ и менѣе достойнымъ поцѣлуя;— о Роландъ, — сказала матушка, заключая славную epiphonema, которую прежде прервала aposiopesis моего дяди, — а вы все-таки брались содержать насъ, которые богаче васъ вдвое, и хотѣли лишить себя послѣдняго.

— А! — сказалъ Роландъ, стараясь улыбнуться,—покрайней мѣрѣ тогда бы исполнилось мое желаніе, еслибъ я не уморилъ васъ съ голода. Такъ не говорите объ удовольствіяхъ

Digitized by Google

и другихъ подобныхъ вещахъ. Но не обращайте-же дѣла противъ меня и не думайте своими 420 Ф. пополнить мои 130.

— Ни мало,—сказала матушка великодушно, — но вы забываете, что вы приносите въ хозяйство: запасы и произведенія вашихъ владѣній стоютъ, покрайней мѣрѣ, 300 Ф. въ годъ.

— Миледи.... сестрица, — сказалъ капитанъ,—я увѣренъ, что вы не хотите оскорблять меня; я скажу вамъ въ послѣдній разъ, что, если вы прибавите къ моимъ 130 Ф. такую-же сумму, это все, что я могу позволить. Остальное не будетъ лишнимъ Пизистрату въ коллегіумѣ.

Сказавъ это, капитанъ всталъ, поклонился, и прежде чѣмъ мы могли остановить его, вышелъ изъ комнаты.

— Милый Сисси! — сказала матушка, всплеснувъ руками,—я вѣрно разсердила его. Но почемъ мнѣ было знать, что на его имѣніи такой большой долгъ?

—Не заплатилъ-ли онъ долги за сына; не это-ли причина?

— Ахъ!—прервала матушка и заплакала,—такъ вотъ что его мучило, а я и не догадалась; что теперь дѣлать!

— Начать новый разсчетъ и оставить капитана дѣлать, что онъ хочетъ.

— Но тогда, — сказала матушка, — дядя умретъ со скуки, а у отца не будетъ отдыха: ты видишь, что книги не занимаютъ его по прежнему. А Бланшъ? а ты? Если мы прибавимъ отъ себя только 130 Ф., я не вижу, какимъ образомъ съ 260 Ф. мы можемъ принимать сосѣдей. Что скажетъ Остинъ! мнѣ одной этого не разрѣшить. Пойду, провѣрю счетныя книги съ Приммисъ.

Я смотрѣлъ на старую рыцарскую залу, величественную въ ея одинокомъ разрушеніи. И сны, которые начиналъ ласкать я всѣми силами сердца, овладѣли мной и унесли меня далеко, далеко, въ тѣ золотыя страны, куда надежда манитъ юность. Исправить состояніе моего отца, оживить замершее честолюбіе, прежде его волновавшее, отстроить эти развалившіяся стѣны, обработать безплодныя болота, воротить славу древняго имени и радость стараго солдата, сдѣлаться для обѣихъ братьевъ тѣмъ, что потерялъ

Digitized by Google

Роландъ, — сыномъ: вотъ въ чемъ были мои сны, мои мечты. И они привели меня къ твердому убѣжденію, къ положительной цѣли. Мечтай, мечтай, о юность, мечтай смѣло и благородно, и твои мечты, твои сны сдѣлаются пророчествами!

ГЛАВА VI.

Письмо отъ Пизистрата Какстонъ къ Альберту Тривеніонъ, Эск. чл. Пар.

(Признаніе юноши, который въ Старомъ-Свѣтѣ находитъ себя лишнимъ).

Любезный мистеръ Тривеніонъ!

Сердечно благодаримъ васъ я и всѣ мы за вашъ отвѣтъ на мое письмо, гдѣ я увѣдомлялъ васъ о непріятныхъ западняхъ, чрезъ которыя мы прошли, оставивъ въ нихъ, если не жизнь и кости, — покрайней мѣрѣ клочки шкуры, что, соображая съ числомъ ловушекъ (ихъ было три) и остротою зубцовъ, все-таки меньше того, чего мы могли ожидать. Мы убрались въ пустыню, какъ настоящія лисицы, и я не думаю, чтобъ теперь еще можно было поймать на какую-нибудь приманку лисицу-отца. Дѣло другое лисица-сынъ, и я намѣренъ доказать вамъ, что онъ сбирается исправить семейныя неудачи. О добрый м. Тривеніонъ! если вы заняты вашими «голубыми книгами», когда получите это письмо, остановитесь и отложите ихъ въ сторону на нѣсколько времени. Я хочу открыть вамъ мое сердце и просить васъ, такъ хорошо знающихъ свѣтъ, помочь мнѣ выбраться за эти *flammantia moenia*, которыми для меня огражденъ міръ. Вотъ видите-ли, сэръ, вы и отецъ мой были правы, когда говорили, что жизнь книгъ не для меня. И все-таки, какъ избѣжать этой жизни молодому человѣку, который хочетъ пройдти свою дорогу по обыкновеннымъ и условленнымъ ступенямъ. Всѣ ремесла, всѣ званія подбиты книгами, окаймлены книгами, завалены книгами, такъ что, куда ни простираю я мои руки, жаждущія дѣятельности, вездѣ встрѣчаю стѣны изъ иноктавовъ, заборы изъ инквартовъ. Для начала — жизнь коллегіума: три года книга на книгѣ, сущее Мертвое море передъ человѣкомъ впродолженіи трехъ лѣтъ, а яблоки, которыя зрѣютъ на его берегахъ, полны прахомъ разныхъ шрифтовъ. По окончаніи трехъ лѣтъ начинается

Digitized by Google

жизнь общественная: все-таки книги, книги, если вы не хотите ограничить для себя весь міръ школьной оградой. Сдѣлаюсь-ли я писателемъ, авторомъ по ремеслу—книги и книги. Хочу-ли быть адвокатомъ — книги, книги и книги. *Ars longa, vita brevis*, а это въ переводѣ значитъ, что не скоро дождетесь вы, чтобы кліентъ принесъ вамъ дѣло. Сдѣлаюсь я врачемъ — опять книги, чтобы убивать время до тѣхъ поръ, когда, въ сорокъ лѣтъ, счастливый случай позволитъ мнѣ убивать что-нибудь другое. Словомъ, кромѣ благороднаго званія воина, которое не всегда еще путь къ счастію, можете-ли вы указать мнѣ какое-нибудь средство избѣжать вѣчныхъ книгъ, этого умственнаго однообразія и тѣлесной летаргіи? Гдѣ-же найдетъ исходъ эта страсть къ жизни, которая течетъ по всѣмъ моимъ жиламъ; куда употреблю я мое прекрасное сложеніе, широкую грудь, въ этомъ парникѣ мозговаго воспаленія? Я знаю, что во мнѣ, я знаю, что имѣю всѣ качества, соотвѣтствующія хорошему сложенію и сильной груди. У меня простой здравый смыслъ, быстрота пониманія и соображенія, любовь къ опасностямъ, терпѣніе въ неудачахъ, — качества, за которыя я благословляю небо, потому что всѣ онѣ полезны въ частной жизни. Но на форумѣ, на этомъ рынкѣ счастія, развѣ онѣ не *flacci, nauci, nihili*?

Словомъ, въ этомъ многолюдномъ Старомъ-Свѣтѣ нѣтъ уже того простора, который былъ для нашихъ предковъ. Теперь намъ надо сидѣть, какъ мальчикамъ за уроками и учить ихъ, округляя плечи, до боли въ пальцахъ. Былъ вѣкъ пастушескій, вѣкъ охотничій, вѣкъ воинственный. Мы живемъ въ вѣкѣ сидячемъ. Дальше другихъ уходятъ тѣ люди, которые сидятъ больше другихъ: все это люди нѣжнаго сложенія, которыхъ руки только что управляются съ перомъ, а глаза до того утомлены свѣтомъ ночной лампы, что нѣтъ для нихъ уже радости въ свѣтѣ солнца (которое влечетъ меня въ поле, какъ жизнь все живое), — которыхъ пищеварительные органы истощены и измучены безостановочнымъ бичеваніемъ мозга. Конечно, если это царство разума, то безполезно противиться ему и биться противъ уколовъ, но такимъ образомъ всѣ мои прирожденныя

Digitized by Google

способности къ дѣятельности пропадутъ ни за что. Если бъ я былъ богатъ, тѣмъ лучше, я-бы стрѣлялъ, охотился, отдавалъ въ наймы свои фермы, путешествовалъ и, пожалуй, ломалъ-бы себѣ пальцы о честолюбіе. Если бъ я былъ такъ бѣденъ, что могъ-бы сдѣлаться лѣсничимъ или стремяннымъ, что иногда дѣлали въ старину бѣдные джентельмены, всебы хорошо: я-бы упражнялъ мою страсть къ дѣятельности въ ночныхъ битвахъ съ нарушителями законовъ объ охотѣ, въ скачкахъ черезъ рвы и каменныя стѣны. Если бъ я былъ до того мелокъ духомъ, что безъ угрызенія совѣсти могъбы жить на ограниченныя средства отца и воскликнуть съ Клавдіаномъ: «земля даетъ мнѣ праздники, которые ничего не стоютъ«, — и то-бы ничего: это была-бы жизнь, достойная прозябаемаго или поэта послѣдняго разряда. Но съ моими понятіями и при моихъ данныхъ, — здѣсь я открою вамъ вторую половину моего сердца! — Сказать, что будучи бѣденъ, я хочу составить себѣ состояніе, значитъ сказать, что я Англичанинъ. Свойство нашего практическаго племени — привязаться къ чему-нибудь положительному. Даже въ снахъ нашихъ, когда мы строимъ воздушные замки, то не «замки Нѣги», и даже не замки, потому что они болѣе всего похожи на одинъ изъ банковъ Темпль-бара. И такъ, я хочу сдѣлать себѣ состояніе, но я отличаюсь отъ моихъ соотечественниковъ во-первыхъ тѣмъ, что хочу того, что богатые люди называютъ *небольшимъ* состояніемъ, во-вторыхъ тѣмъ, что не хочу употребить на это всю мою жизнь. Теперь сообразите мое личное положеніе.

Если я послѣдую общей колеѣ, мнѣ надо начать съ того, что взять у моего отца изрядную часть дохода, безъ которой онъ обойдется съ трудомъ. По моимъ соображеніямъ, родителямъ моимъ и дядѣ нужно все то, что у нихъ осталось, а если отнять годовую сумму, которую нужно проживать Пизистрату, покуда не будетъ онъ въ состояніи жить собственными трудами, это будетъ сопряжено для нихъ съ лишеніемъ главныхъ удобствъ жизни. Если я ворочусь въ Кембриджъ, при всей экономіи, я все-таки стѣсню res angusta domi; потомъ, когда кончу курсъ и выступ-

Digitized by Google

лю на жизненное поприще, не снискавъ себѣ даже стипендіи члена университетскаго общества, что довольно вѣроятно, сколько лѣтъ долженъ я трудиться или скорѣе, увы! не трудиться надъ приготовленіемъ къ адвокатурѣ (которая кажется мнѣ лучшей дорогой), прежде нежели буду въ состояніи въ свою очередь обеспечивать нужды тѣхъ, которые до того времени будутъ обдѣлять себя для меня? Я вступлю въ зрѣлый возрастъ, а они успѣютъ состарѣться, покуда не упадутъ ко мнѣ гинеи кліента. Я-бы хотѣлъ, что бы, если я разбогатѣю, моимъ богатствомъ наслаждались тѣ, кого я люблю, пока еще есть въ нихъ способность къ наслажденію; чтобы отецъ мой увидѣлъ «Исторію человѣческихъ заблужденій» стоящею на полкахъ, полною и въ богатомъ переплетѣ; чтобъ матушка имѣла невинныя удовольствія, которыя удовлетворяютъ ее, прежде нежели лѣта унесутъ съ ея устъ улыбку; чтобы, прежде нежели волоса Роланда въ бѣлизнѣ уподобятся снѣгу (увы! снѣга на его головѣ накопляются скоро!), капитанъ, опираясь на мою руку, отправился со мною рѣшать, какую часть развалинъ исправлять, какую предоставить совамъ, и гдѣ должна быть засѣяна зерномъ эта необозримая пустыня. Ибо вы знаете свойство почвы Кумберланда, вы, имѣющіе на ней столько владѣній и обработавшіе столько акровъ, нѣкогда безплодныхъ; вы знаете, что вся земля моего дяди, кромѣ одной фермы, едва стоющая по шиллингу за акръ, нуждается въ капиталѣ для того, чтобъ сдѣлаться болѣе выгодною, нежели была она для его предковъ. Вы это знаете, потому что вы положили большой капиталъ на туже землю, и сдѣлавъ это, сколько благословеній вы вызвали, сколько ртовъ накормили, сколько рукъ употребили (о чемъ вы, можетъ-быть, и не догадываетесь въ вашей лондонской библіотекѣ)! Я разсчелъ, что болота моего дяди, теперь едва прокармливающія двухъ или трехъ пастуховъ, могли бы при деньгахъ продовольствовать двѣсти семействъ отъ ихъ собственнаго труда. Все это стоитъ попробовать! Для этого Пизистрату нужно денегъ. И немного: ему не нужно милліоновъ; нѣсколько тысячъ

Digitized by Google

фунтовъ стерлинговъ было бы слишкомъ достаточно. И съ скромнымъ капиталомъ для начала, Роландъ сдѣлался бы настоящимъ сквэйромъ, настоящимъ землевладѣльцемъ, и перестали-бы быть хозяиномъ пустыни. Добрый м. Тривеніонъ, посовѣтуйте мнѣ, какимъ образомъ, при моихъ способностяхъ, достать этотъ капиталъ, и такъ, чтобы это было не слишкомъ поздно и чтобы обогащеніе не заняло меня до могилы.

Съ отчаяніемъ отворотился я отъ этого образованнаго свѣта къ другому свѣту, который старше нашего, и къ третьему наконецъ, едва выходящему изъ дѣтства. Здѣсь Индія, тамъ Австралія! Что скажете вы, сэръ, вы, которые безстрастно видите вещи, носящіяся передъ моими глазами въ золотой призрачной дали. Таково мое довѣріе къ вашему сужденію, что, если вы скажете: «безумный, брось твое Эльдорадо и оставайся дома, садись къ столу за книги, подави избытокъ жизненности, тебя волнующей, сдѣлайся умственной машиной, твои физическія дарованія негодны ни къ чему, твое мѣсто между рабами лампы»,—я послушаюсь безъ возраженій. Но если я правъ, если у меня есть свойство, которое здѣсь сбыта не находитъ, если мое отвращеніе—инстинктъ природы, которая побуждаетъ меня перенестись на юную почву, дайте мнѣ, умоляю васъ, совѣтъ, который бы помогъ мнѣ обратить мою мечту въ осязаемую дѣйствительность. Понятно-ли я объяснился?

Мы здѣсь рѣдко видимъ газеты; но иногда иныя попадаютъ сюда изъ пресвитерства. Я недавно порадовался на одинъ параграфъ, гдѣ говорятъ о вашемъ близкомъ вступленіи въ администрацію, какъ о вещи вѣрной. Пишу къ вамъ прежде, нежели вы сдѣлались министромъ: вы видите, что то, чего я ищу,—внѣ предѣловъ оффиціальнаго покровительства. Я не ищу мѣста. Я пишу къ вамъ откровенно, зная ваше теплое, благородное сердце, и какъбы къ моему отцу. Позвольте мнѣ прибавить мои искреннія поздравленія по случаю близкаго союза миссъ Тривеніонъ съ человѣкомъ достойнымъ если не ея, по крайней мѣрѣ, ея положенія въ свѣтѣ: я исполняю обязанность того, кому вы позволили оставить за собою право молиться за счастіе ваше и всѣхъ вашихъ.

Digitized by Google

Любезный мистеръ Тривеніонъ, вотъ вамъ длинное письмо, и я не рѣшаюсь перечитывать его; если же перечту, то не пошлю. Примите его со всѣми его ошибками, и судите его съ тѣмъ снисхожденіемъ, съ которымъ всегда судили вашего покорнаго и преданнаго слугу

Пизистрата Каксгонъ.»

Отъ Алберта Тривеніонъ, эск. ч. П. къ Пизистрату Каксгонъ.

Библіотека Нижней-палаты, четвергъ вечеромъ.

Любезный Пизистратъ!

На каѳедрѣ ***! Придется намъ помучиться еще часа съ два. Я убѣжалъ въ библіотеку и посвящаю эти два часа вамъ. Не увлекайтесь черезъ-чуръ моей похвалой: ваше собственное изображеніе, которое вы сдѣлали мнѣ, поразило меня своей оригинальностью. Положеніе духа, которое вы описываете такъ живо, въ нашемъ періодѣ просвѣщенія, должно быть чрезвычайно общее, хотя до сихъ поръ оно не являлось мнѣ такъ рѣзко. Я думалъ о васъ цѣлый день. И сколько въ этомъ Старомъ-Свѣтѣ должно быть молодыхъ людей, подобно вамъ способныхъ, понятливыхъ, дѣятельныхъ и довольно трудолюбивыхъ, и все-таки не приспособленныхъ къ успѣху въ одномъ изъ нашихъ условныхъ ремеслъ и званій. Ваше письмо, мой юный художникъ, — прекрасная картина философіи колонизаціи; прочитавъ его, я лучше понимаю древнія греческія переселенія, высылку изъ страны черезъ-чуръ населенной не только излишка, но и изряднаго числа единицъ достойныхъ, людей, исполненныхъ способностей и жизненной силы, подобно вамъ сливающихъ въ этихъ мудрыхъ *cleruchiae* извѣстную долю аристократизма съ началомъ болѣе демократическимъ; — той колонизаціи, которая не выбрасывала на новую почву ни къ чему негодную сволочь, а пересаживала въ чужія земли выводки благоустроенной страны, сообразно направленію метрополій, не только заботясь о томъ, чтобы избавиться отъ голодныхъ ртовъ, но доставляя исходъ обильному избытку ума и рѣшимости, избытку, который дома дѣйствительно не нуженъ.

Digitized by Google

Что касается до меня, въ моемъ идеалѣ переселеній я считаю, что всякое переселеніе, какъ и въ древности, должно имѣть своихъ вождей и начальниковъ, но непремѣнно людей такихъ, которымъ извѣстная степень воспитанія дала быстроту пониманія и способность распоряженія, для того, чтобы другіе имѣли довѣріе къ нимъ. Греки это понимали. Съ успѣхомъ колоніи, по мѣрѣ того, какъ ея главный городъ обращается въ столицу, я думаю, что было-бы благоразумно идти далѣе, не только перенести туда просвѣщіе метрополіи, но и привести колонію въ большую связь съ послѣднею, облегчить сообщеніе плодовъ ума, воспитанія и гражданственности. Я знаю, что многіе изъ моихъ вольнодумныхъ пріятелей посмѣются надъ этою мыслію, но я увѣренъ, что, когда колоніи достигли-бы такой степени, всякій понялъ бы пользу моихъ предположеній. И когда придетъ время колоніямъ сдѣлаться странами независимыми, мы имѣли бы утѣшеніе видѣть, что перенесли въ нихъ управленіе и просвѣщеніе, подобное нашему. Повѣрьте, Новый-Свѣтъ будетъ другъ или врагъ Старому *не пропорціонально родству племенъ, а пропорціонально сходству обычаевъ и постановленій*, — истина, для которой мы колонизаторы до сихъ поръ были слѣпы.

Переходя отъ этихъ общихъ теорій къ частности, вы должны видѣть изъ сказаннаго мною, что я сочувствую вашимъ предположеніямъ, и, разобравъ ихъ по вашему желанію, сообразивъ ваши способности и цѣли, я даю вамъ совѣтъ переселиться.

Этотъ совѣтъ, однакожь, основанъ на той гипотезѣ, что вы говорите отъ души, и удовлетворитесь жизнію труженика съ умѣреннымъ состояніемъ на концѣ ея. Не думайте о переселеніи, если хотите нажить милліонъ или десятую долю милліона. Не думайте о переселеніи, если не надѣетесь, что съумѣете *насладиться* всѣми его условіями: *переносить* ихъ не довольно.

Австралія — вотъ страна для васъ, какъ вы, кажется, и сами это предполагаете. Австралія — прекрасное мѣсто для двухъ родовъ переселенцевъ: 1) для того, у кого

Digitized by Google

нѣтъ ничего, кромѣ способности и много ея; 2) для того, кто имѣетъ не большой капиталъ и согласенъ употребить десять лѣтъ на то, чтобы утроить его. Возьмите съ собой 3,000 ф., и прежде, нежели исполнится вамъ тридцать лѣтъ, вы воротитесь съ 10,000 или 12,000 фунтами. Если этого вамъ достаточно, думайте серьезно объ Австраліи. Завтра съ дилижансомъ пришлю вамъ лучшія сочиненія и отчеты по этому предмету, и справки, какія только можно будетъ собрать въ Департаментѣ управленія колоніями. Прочитавъ все это и обдумавъ съ вниманіемъ, проживите нѣсколько мѣсяцевъ на пастбищахъ Кумберланда; учитесь всему, чему будетъ можно, и отъ всѣхъ пастуховъ, начиная отъ Тирсиса, до Меналка. Сдѣлайте болѣе, приготовьтесь всячески къ жизни въ Австраліи, куда не проникла еще теорія раздѣленія труда. Сдѣлайтесь немножко кузнецомъ, немножко плотникомъ; учитесь дѣлать много съ наименьшимъ числомъ орудій; учитесь стрѣлять; укрощайте всѣхъ дикихъ лошадей и клеперовъ, которыхъ достанете. Если, переселившись, вы и не будете нуждаться въ каждомъ изъ этихъ ремеслъ, все-таки они могутъ пригодиться вамъ въ непредвидѣнномъ случаѣ. Бросьте всѣ ваши джентельменскія привычки, отъ головы до ногъ, и сдѣлаетесь чрезъ это самымъ высшимъ аристократомъ, ибо тотъ болѣе всѣхъ аристократъ, кто самъ исполняетъ всѣ свои нужды: тотъ человѣкъ самъ хозяинъ надъ собою, потому что ему не нужно прислуги. Кажется, Сенека гдѣ-то сказалъ объ этомъ прежде меня, и я привелъ бы вамъ его слова, но боюсь, что его сочиненій нѣтъ въ библіотекѣ Нижней-палаты. Теперь (что это такое? да, * * * кончилъ, и входитъ на каѳедру S.; всѣ эти вызовы поощряютъ нападеніе на меня. О, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть ваши лѣта и ѣхать съ вами въ Австралію!) Теперь—продолжаю прерванный періодъ, — о главномъ дѣлѣ, о капиталѣ. Вамъ нуженъ капиталъ, если вы не хотите ѣхать въ Австралію для того, чтобъ быть пастухомъ и тогда проститься съ 10,000 ф. черезъ десять лѣтъ. Вы видите, что съ перваго шага вамъ нужно прибѣгнуть къ вашему отцу; но — скажите вы, съ тою разницею, что вы возьмете у него капиталъ съ

Digitized by Google

надеждой отдать его, вмѣсто того, чтобы годъ за годомъ проживать его доходъ до тѣхъ поръ, пока не исполнится вамъ тридцать восемь или сорокъ лѣтъ. Все-таки, Пизистратъ, вы такимъ образомъ не упрощаете семейныхъ отношеній, и я не хочу, чтобъ мой старый другъ лишился въ одно и то же время и сына своего и денегъ. Вы говорите, что пишете ко мнѣ, какъ къ отцу; вы знаете, что я ненавижу лесть, и если вы не думаете того, что говорите, вы оскорбили меня смертельно. Но какъ отецъ, я пользуюсь правами отца и скажу все, что у меня на душѣ. У одного моего пріятеля, м. Гольдинга, есть сынъ, — буйная голова, которая въ Англіи легко попадетъ во всякаго рода непріятность — одаренный многими прекрасными качествами, безъ недостатка въ талантѣ, но съ недостаткомъ въ благоразуміи. Онъ будетъ прекраснымъ колонистомъ (въ Австраліи нѣтъ тѣхъ искушеній!), если присоединить къ нему такого юношу, какъ вы. Я предлагаю, чтобъ отецъ его далъ ему капиталъ въ 1500 Ф., который, однакоже, будетъ не въ его рукахъ, а въ вашихъ; вы съ своей стороны будете имѣть такую же сумму, которую займете у меня на три года, безъ процентовъ. Потомъ начнутся проценты, и, по возвращеніи вашемъ, и капиталъ и проценты будутъ выплачены мнѣ или моимъ наслѣдникамъ. Пообжившись въ Австраліи, осмотрѣвшись и попривыкши къ дѣлу, вы можете смѣло занять еще 1500 Ф. у вашего отца; покуда, вы съ вашимъ товарищемъ будете имѣть 3000 Ф. для начала. Вы видите, что въ этомъ предложеніи нѣтъ и тѣни подарка и никакого риска для меня, даже на случай вашей смерти. Если вы умрете несостоятельнымъ, я обѣщаю вамъ обратиться къ вашему отцу: тогда все равно ему будетъ много-ли или мало останется отъ его состоянія. Я сказалъ все, и никогда не прощу вамъ, если вы откажетесь отъ помощи, которая будетъ вамъ такъ полезна, а мнѣ не стоитъ ничего.

Благодарю за поздравленіе съ бракомъ Фанни съ лордомъ де-Кастльтонъ. Въ то время, когда по возвращеніи вашемъ изъ Австраліи вы еще будете человѣкъ молодой, она

Digitized by Google

(хоть теперь и вашихъ лѣтъ) станетъ женщиной зрѣлой, съ головой набитой предразсудками и тщеславіемъ. У дѣвушекъ молодость коротка, для всѣхъ одинаково; но когда онѣ выходятъ замужъ, женщина становится женщиной своего сословія. Что касается до меня и мѣста, о которомъ говорятъ общіе слухи, помните что̀ сказалъ я вамъ передъ нашей разлукой и.... но вошелъ Д. и говоритъ, что меня ждутъ на каѳедру для отвѣта М., который вызываетъ мои возраженія: Палата набита биткомъ и жаждетъ дебатовъ. Такъ я (человѣкъ Стараго-Свѣта) препоясываю мои бедра и прощаюсь со вздохомъ съ свѣжею дѣвственностію Юнаго.

«Ne tibi sit duros acuisse in proelia dentes!»

Вашъ преданный

Альбертъ Тривеніонъ.»

ГЛАВА VII.

Такимъ образомъ, читатель, ты знаешь тайну моего сердца.

Не дивись, что сынъ *книжника* и, въ извѣстные періоды жизни, самъ *книжникъ*, хотя и занимавшій еще ничтожную ступень въ этомъ почтенномъ сословіи въ переходномъ возрастѣ отъ юношества къ зрѣлости, съ нетерпѣніемъ отвернулся отъ книгъ. Многіе ученые, въ томъ или другомъ періодѣ жизни, созпали потребность этого неумолкающаго голоса природы, который вызываетъ каждаго сына Адамова на дѣятельность. Но не всѣ великіе ученые непремѣнно были люди для практической дѣятельности, хотя тѣ славные дѣятели, о которыхъ говоритъ исторія, рѣдко были вовсе не ученые. Мысли, которыя пробуждаются книгами, не всегда могутъ удовлетвориться ими. Царственный питомецъ Аристотеля хотя и спалъ съ Омиромъ подъ подушкой, но дѣлалъ это не для того чтобы писать эпопеи, а для того, чтобы покорять новые Иліоны въ Азіи. И не одинъ человѣкъ, хотя и не похожій на Александра, долженъ взять его за образецъ въ цѣли, которой можетъ достигнуть только практическая дѣятельность, какова-бы ни была книга, которую положитъ онъ подъ подушку. И какъ тайныя судьбы, управляющія человѣкомъ, вводятъ первые на-

Digitized by Google

меки свои на его будущее съ ранняго дѣтства! Моя старая няня не даромъ съ первыхъ дней потѣшала меня легендами и сказками: доблести странствующихъ рыцарей и другихъ баснословныхъ героевъ пустили ростки свои въ моемъ воображеніи, и въ теплицѣ лондонскаго общества я ускорилъ развитіе моей страсти къ приключеніямъ. Къ поэзіи воспоминаній первыхъ лѣтъ присоединилась поэзія первой любви, поощряемой тщетными надеждами и возложившей на себя одну изъ тѣхъ жертвъ, которыя поэтизируютъ долгъ. Этимъ торжествомъ надъ самимъ собою заключилось мое воспитаніе, и съ нетерпѣніемъ хотѣлось мнѣ испытать мою смѣлость и способность.

Трудно было мнѣ опять сдѣлаться школьникомъ и ужиться съ отшельническимъ однообразіемъ Кембриджа. Любовь къ моему отцу, правда, помирила меня съ этимъ неудовольствіемъ, но я не могъ уже хладнокровно возвратиться въ университетъ, потому что зналъ, что продолженіе моего курса поведетъ къ лишеніямъ для моего семейства. Подъ предлогомъ, что я не довольно приготовленъ для продолженія занятій, я выпросилъ позволеніе остаться въ башнѣ и заниматься про себя. Это давало мнѣ время обсудить мои планы, и разными окольными путями довести до согласія на нихъ, тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ нужно было разстаться. Но какъ это сдѣлать? Тяжело дѣйствовать въ жизни, но самый тяжелый шагъ — первый за порогъ любимаго дома. Какъ же это сдѣлать?

— Нѣтъ, Бланшъ, вы сегодня не можете идти со мною; я выкожу на нѣсколько часовъ, и прежде нежели возвращусь, уже будетъ поздно.

Домъ, *home!* это слово меня душитъ. Джуба въ отчаяніи крадется къ своей госпожѣ; Бланшъ, стоя на нашемъ любимомъ возвышеніи, слѣдитъ за мною недовольная; цвѣты, которые рвала она, небрежно падаютъ изъ ея корзинки; матушка, работая у раствореннаго окна, въ полголоса поетъ.... Какъ тутъ быть-то! Какъ это сдѣлать?

(*До слѣд. книж.*)

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ СЪ VI ДО IX ВѢКА ПО Р. Х.

(Статья Озанама.)

I.

Исторія литературы насчитываетъ слишкомъ не много вѣковъ вдохновенія; на счету у ней болѣе вѣковъ труда. Вдохновеніе — благодатный даръ: оно появляется въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, приходитъ и удаляется. Трудъ, напротивъ, — дѣло закона; онъ присущъ всѣмъ временамъ, и Тотъ, Кто далъ условія для существованія человѣческаго рода, не попускаетъ, чтобъ трудъ когда-нибудь прерывался. Съ удивленіемъ останавливаются на золотомъ вѣкѣ литературы, на краткихъ промежуткахъ времени, когда лучь свыше озарялъ эпохи Перикла, Августа, Льва X: но равнодушно и съ презрѣніемъ смотрятъ на трудовые и спасительные періоды, которые отъ одного золотаго вѣка до другаго сохраняли и поддерживали жизнь науки. Мы не понимаемъ, сколько нужно было твердости духа этимъ людямъ, которые увѣрены были, что имъ никогда не будутъ рукоплескать, — и которые, не смотря на то, посвящали всю жизнь трудному дѣлу учить, толковать, сохранять чужую мысль, чужое слово. Но есть что-то привлекательное — углубляться въ эти вѣка, несправедливо забытые, видѣть вблизи трудъ во всей его сухости, трудъ безъ славы, но такой трудъ, безъ котораго послѣ и вдохновеніе было бы безполезно для умовъ необразованныхъ. Такое явленіе представляютъ вѣка, которые называются варварскими; варварства ихъ отрицать совсѣмъ нельзя; но мы думали бы объ нихъ гораздо уважительнѣе, если бы лучше ихъ знали.

Digitized by Google

Безпристрастная критика начала уже извлекать изъ мрака забвенія произведенія богослововъ, историковъ, грамматиковъ и поэтовъ, которые жили въ вѣка, протекшіе отъ Григорія Турскаго до Іоанна Скота Эригены.[1] Не говоря о сочиненіяхъ того времени, не чуждыхъ достоинства, я хочу заняться изслѣдованіемъ о предметѣ, оставленномъ въ совершенномъ небреженіи, не разработанномъ, и однако очень занимательномъ. Я хочу говорить объ училищахъ, въ которыхъ получили воспитаніе эти трудолюбивые ученые, которые положили начало образованію сѣверныхъ народовъ. Мы прослѣдимъ состояніе училищъ не въ одной какой-либо странѣ, но на всемъ Западѣ, и доведемъ обзоръ до эпохи Карла Великаго, когда показались плоды столькихъ усилій, когда изъ этого продолжительнаго Латинскаго образованія возникла первоначальная дѣятельность новыхъ языковъ, и началась прелюдія рыцарской поэзіи.

Римская имперія, если разсматривать ея вліяніе на послѣдующія времена, представляется огромною школою, которая научила народы Запада сдѣлать первые опыты законодательства, литературы и цивилизаціи. Сами Императоры содѣйствовали этому доброму дѣлу, когда возводили образованіе на степень общественнаго обученія, когда открывали училища въ Капитоліи, гдѣ, по ихъ приказу, 34 Греческихъ и Латинскихъ учителя преподавали грамматику, реторику, діалектику и краснорѣчіе. Въ ту пору, какъ Германцы укрѣплялн границы, Императоры христіанскіе старались усовершенствовать училища,—умножали ихъ, открыли доступъ въ нихъ и варварамъ Дошло до того, что Валентиніанъ опасался огромнаго стеченія учениковъ изъ всѣхъ концевъ міра, и выдалъ указъ, чтобъ уменьшили ихъ число; въ то же время Граціанъ въ городахъ Галліи утвердилъ штатъ профессоровъ и велѣлъ поставить каѳедры въ церквахъ. Можно судить о дѣйствительности такихъ мѣръ

[1] *Tiraboschi*, Storia della litteratura italiana; *Nicolas Antonio*, Bibliotheca hispana vetus; *Lingard*, History and antiquities of the anglosaxon church; *Wright*, Biographia Britannica; *Bähr*, Geschichte der Römischen Litteratur in dem Karolingischen Zeitalter; *Guizot*, Histoire de la civilisation; *Ampere*, Histoire littéraire de la France, t. II, III.

Digitized by Google

и о блескѣ образованія, который въ продолженіе двухъ вѣковъ исходилъ изъ училищъ; въ нихъ образовалось множество грамматиковъ, коментаторовъ, компиляторовъ, которымъ суждено было сдѣлаться образцами въ средніе вѣка. Таково было назначеніе этихъ наставниковъ, послѣ совсѣмъ забытыхъ: Доната, Харизія, Присціана, — наслѣдниковъ древней филологіи — Макровія и Сервія, которые своими толкованіями хотя перепачивали иногда простоту въ сочиненіяхъ Цицерона и Виргилія, но за то возбудили къ нимъ уваженіе; таково назначеніе Гермогена, Григорія и другихъ, которые хотя исказили текстъ Римскаго права, но за то все-таки передали его потомству.

Древнее знаніе всячески старалось собраться съ силами, сжаться, такъ сказать, чтобы пройти опасные вѣка, которые оно предвидѣло. Нигдѣ эти усилія не обнаружились такъ ясно, какъ въ книгѣ Марціана Капеллы de Nuptiis Philologiae et Mercurii, въ которой авторъ, языкомъ, смѣшаннымъ изъ прозы и стиховъ, прославляетъ бракъ Меркурія съ одной дѣвушкой, которой не знавали на Олимпѣ. Но оракулъ Аполлона отгадалъ, кто она, и ей открыли входъ въ небо. Когда Юпитеръ заставилъ прочитать въ собраніи боговъ брачный контрактъ и Римскій законъ о бракахъ, супругъ подарилъ молодой семь дѣвъ въ прислужницы. Это были: грамматика, діалектика, реторика, геометрія, ариѳметика, астрономія и музыка, — семь свободныхъ наукъ, которыя со временъ Іудея Филона составляли энциклопедію древности. Нельзя отвергать недостатковъ такого страннаго сочиненія, но нельзя не признать смѣлой мысли въ писателѣ, который хотѣлъ выставить на видъ всю поэзію древности и всю эрудицію своего времени. Эта странная идея доставила славу Марціану Капеллѣ, и книгу его всѣ наперерывъ читали. Варвары вскорѣ должны были наполнить вновь заведенныя школы и у нихъ въ ходу были вымыслы; поэтому нужно было удовлетворить поэтическимъ потребностямъ этихъ людей, которые никогда не раскрывали книгъ, но проводили зимніе вечера, слушая пѣсни своихъ скальдовъ. Какъ же они стали бы слушать учителя, если бы онъ, ни съ того съ сего, началъ

Digitized by Google

мучить ихъ путаницею спряженій, или изворотами силлогистики? А какъ имъ станутъ разсказывать, какъ женился богъ на прекрасной смертной, они будутъ слушать съ удовольствіемъ; и когда поэтъ прочитаетъ имъ двѣ пѣсни, въ которыхъ описываются чудеса Олимпійской сватьбы, они не откажутся выслушать и остальныхъ пѣсней о семи прислужницахъ, которыя введутъ ихъ въ тайну человѣческаго знанія. Не удивительно послѣ этого, что твореніе Марціана Капеллы одно изъ первыхъ явились на языкахъ сѣверныхъ народовъ; до насъ дошелъ Нѣмецкій переводъ его XI вѣка.[2]

Пора узнать, въ какомъ состояніи были училища послѣ паденія имперіи, начиная съ Италіи и Испаніи, которыя составляли болѣе сильную оппозицію противъ варварства, и сохранили свѣтъ просвѣщенія до того времени, пока другіе народы могли его отъ нихъ заимствовать.

Что мы видимъ въ Италіи? Римъ, преданный Геруламъ и Готѳамъ, взятый Тотилою, потомъ Велизаріемъ и Нарзесомъ, испытавшій всѣ ужасы четырехъ нашествій; въ немъ злодѣйствовали и тѣ, которые объявляли себя его избавителями, и варвары, которые хотѣли выместить на немъ обиды, нанесенныя своимъ предкамъ. Если Готѳы срывали свинецъ съ крышъ храмовъ, и вынимали изъ стѣнъ театральныхъ желѣзныя связи, то Греки бросали въ Тибръ статуи съ мавзолея Адріанова. По современнымъ разсказамъ, въ которыхъ самое преувеличеніе свидѣтельствуетъ о всеобщемъ ужасѣ, вѣчный городъ былъ доведенъ до того, что въ немъ осталось всего 500 жителей, и что дочери патриціевъ бродили изъ дому въ домъ, вымаливая себѣ кусокъ хлѣба, и умирали съ голоду на развалинахъ опустѣвшихъ зданій. Среди такого разоренія, въ 549 году, Римъ еще праздновалъ игры на гипподромѣ, въ то же время показывали древнюю статую Януса, которая стояла въ его храмѣ, а въ арсеналѣ

[2] Еще у Филона въ сочиненіи De congressu встрѣчается раздѣленіе науки на семь родовъ. Грамматикѣ онъ даетъ самое обширное значеніе: Scribere, говоритъ онъ, legereque est minus perfectae grammaticae, quam quidam torquentis vocabulum, grammatisticam vocant, perfectioris autem poetarum historicorumque explicatio. Книга Марціана Капеллы издана Коппомъ въ 1836 г. Francfort.

Digitized by Google

на берегу Тибра корабль Энея со всѣми его веслами. Народъ, такъ крѣпко привязанный къ своимъ преданіямъ, не могъ разстаться съ предметомъ, который доказывалъ его священное происхожденіе. Политика Ѳеодорика возвратила сенату прежнее величіе; онъ возстановилъ судилища, починилъ водопроводы и театры: какъ же онъ могъ предать забвенію науки? Въ одномъ письмѣ Аталарика къ сенату говорится объ обыкновенномъ жалованьѣ, которое назначалось публичнымъ преподавателямъ: «это преступленіе, писалъ онъ, если не ободрять наставниковъ юношества. Грамматика — основаніе наукъ, украшеніе рода человѣческаго, наставница въ краснорѣчіи; разбирая отличныя сочиненія, она передаетъ намъ всѣ совѣты древности. Цари у варваровъ вовсе ея не знаютъ; она остается вѣрною законнымъ обладателямъ міра. Въ рукахъ другихъ націй — оружіе; одно краснорѣчіе остается во власти Римлянъ. Оно-то трубитъ въ трубу, когда ораторы вступаютъ въ борьбу на аренѣ гражданскаго права. И такъ намъ угодно, чтобъ каждый наставникъ, грамматикъ, риторъ, или юрисконсультъ получалъ безъ всякой убавки то, что получалъ его предшественникъ; и, чтобъ ничего не оставлять на произволъ счетчиковъ, то пусть жалованье за каждый семестръ выдается непремѣнно въ срокъ. Ибо если мы платимъ актерамъ, за то что они забавляютъ народъ, то не должно ли кормить тѣхъ, которые обучаютъ насъ краснорѣчію и вѣжливости.»

Въ этомъ письмѣ указывается на древнее раздѣленіе наукъ, которыя ученики должны были по порядку проходить у грамматиковъ, риторовъ и юрисконсультовъ. Въ то же время мы знаемъ, что преподаватели, заслужившіе такую похвалу, не оставались одни на своихъ каѳедрахъ, и что указомъ Валентиніана велѣно допускать въ училища слушателей и писать ихъ въ спискахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ запрещалось заводить тайныя общества и дѣлать шумные пиры, и когда они достигнутъ 20-лѣтняго возраста, то имъ предписывалось оставлять Римъ. Дѣйствительно, два указа Ѳеодорика, которыми позволялось молодымъ Сиракузянамъ оставаться въ Римѣ послѣ ученія, свидѣтельствуютъ самымъ этимъ исклю-

Digitized by Google

ченіемъ, что существовало древнее постановленіе подобнаго рода, и что въ началѣ VI вѣка правительство заботилось о томъ, чтобы школы были наполнены слушателями.[3] Послѣдуемъ за реторомъ Эннодіемъ, который послѣ былъ епископомъ, — въ школу, гдѣ онъ любилъ большое собраніе и шумъ; подивимся въ его сочиненіяхъ игривости ума, которою онъ возбуждалъ удивленіе въ своихъ современникахъ: у него найдемъ всѣ предметы витійства: и обычные вопли Ѳетиды, при взглядѣ на прахъ Ахилла, и рѣчи Менелая передъ пожаромъ Трои, и рѣчи при открытіи новаго училища, или по случаю выбора кого-нибудь въ члены ученаго общества и т. п. Такое времяпрепровожденіе занимало юношество Рима, Равенны, Милана, тогда какъ варвары были у стѣнъ города. Самое христіанство, при всей строгости своихъ правилъ, не запрещало публичныхъ чтеній въ школахъ, гдѣ поэты временъ упадка испрашивали у своихъ современниковъ рукоплесканій, которыхъ не обѣщало имъ потомство. Въ 551 году, когда иподіаконъ Араторъ поднесъ Папѣ Вигилію свои двѣ книги Дѣяній Апостольскихъ, переложенныхъ въ стихи, всѣ ученые въ Римѣ просили позволенія публично читать ихъ. Папа назначилъ для этого церковь Веригъ Апостола Петра, и народу сошлось туда такое множество, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней семь разъ перечитывали поэму съ начала до конца, въ одинъ разъ нельзя было успѣть прочитать больше половины книги, потому что слушатели не разъ просили повторять лучшія мѣста. Можемъ понять, какъ дороги эти восклицанія, заглушавшія голосъ Аратора, — когда вспомнимъ, что въ этотъ самый годъ Нарзесъ и Тотила оспоривали другъ у друга испепеленную Италію, что Римъ еще не задѣлалъ проломовъ въ своихъ стѣнахъ. Среди этихъ развалинъ христіанскій поэтъ обѣщалъ Риму иное величіе, и кончалъ свою книгу слѣдующими прекрасными стихами, въ которыхъ прославлялъ встрѣчу Апостоловъ Петра и Павла въ вѣчномъ

[3] Cassiodor variar. Lib. IX. ep. 21. «Ut successor scholae liberarum artium tam grammaticus, quam orator, nec non et juris expositor, commoda sui decessoris ab eis, quorum interest sine aliqua imminutione percipiat.»

Digitized by Google

городѣ. «Тогда, говоритъ онъ, Петръ возсталъ, чтобы быть главою церкви; Римъ высоко вознесъ свою главу, увѣнчанную башнями, дабы быть виднымъ со всѣхъ концевъ міра. Сошлись два великіе мужа: они должны обладать всею землею, и честь города требуетъ, чтобъ подвластный ему міръ внималъ имъ. Urbis cogit honor, subjectus ut audiat orbis!

Такимъ образомъ Римъ и среди горькихъ бѣдствій не могъ оставить привязанности къ наукамъ и любви къ древней славѣ: онъ еще выказывалъ притязаніи на учительство народовъ. Оказалось, что онъ не обманулся: въ этотъ вѣкъ, столь тяжкій для него, явились два человѣка, которые способны были поддержать его древнюю славу и продолжить воспитаніе Запада.

Одинъ изъ нихъ былъ Боэцій изъ роду Аниціевъ и Манліевъ, почтенный саномъ консула, неутомимый до самой смерти защитникъ правъ сената и, какъ говорятъ, послѣдній изъ Римлянъ, если только въ этомъ неистощимомъ поколѣніи Римлянъ можно найдти послѣдняго. Онъ занимствовалъ въ Аѳинахъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, непреодолимую ревность къ самымъ труднымъ ученымъ занятіямъ, и любовь къ истинѣ не охлаждала въ немъ любви къ прекрасному. Этотъ человѣкъ, заваленный дѣлами сената и угрожаемый варварами, находилъ время написать нѣсколько трактатовъ о музыкѣ, геометріи и ариѳметикѣ, комментировалъ топики Цицерона, перевелъ аналитику Аристотеля и знаменитое введеніе Порфирія, котораго одно выраженіе, раскрытое въ диспутахъ номиналистовъ и реалистовъ, заключало въ себѣ сѣмя всей схоластической философіи. Тогда какъ переводъ Порфирія далъ мучительную работу среднимъ вѣкамъ, книга Consolatio услаждала всѣхъ и сообщала ученію платониковъ строгій духъ православія и весь поэтическій блескъ, которымъ должны были восхищаться младенческіе народы; она до того сдѣлалась популярною, что въ концѣ X вѣка появилась на простонародныхъ языкахъ Англіи, Прованса и Германіи.

Боэцій принадлежалъ еще къ прошедшему времени, но Кассіодоръ жилъ болѣе въ будущности, — у варваровъ. Министръ Ѳеодорика, Амалазонты, Аталарика и Ѳеодата, онъ

Digitized by Google

пользовался ихъ могуществомъ, чтобъ спасти останки древности; указы этихъ государей, которые писалъ Кассіодоръ, сообщили Риму блистательные титулы матери краснорѣчія, храма добродѣтелей, и проч. Сорокъ лѣтъ Кассіодоръ служилъ при Короляхъ Готѳскихъ, и дожилъ до паденія ихъ монархіи, но не отчаявался, что наука устоитъ, хотя всѣ опоры ея уже ослабѣли. Достигнувъ 60 лѣтъ, онъ увидѣлъ, что въ новыя времена потребны иныя усилія, что для избѣжанія приблизившейся грозы нужно ему безопасное убѣжище. Онъ нашелъ его въ монастырѣ *Vivaria*, который онъ построилъ на берегахъ Скилласкаго залива, не далеко отъ городовъ великой Греціи, гдѣ училъ Пиѳагоръ. Онъ самъ потрудился описать эти прекрасныя мѣста, которыя призывали бѣдныхъ и странниковъ подъ мирный кровъ гостепріимства: тутъ были сады, орошаемые журчащими ручьями, бани и садки для рыбы, высѣченные въ скалѣ, портики, подъ которыми бродили ченовиты, закутанные въ свой pallium, наконецъ библіотека, богатая манускриптами, которые собирали отвсюду, даже въ Африкѣ. Здѣсь-то онъ основалъ училище, болѣе обширное и прочное, чѣмъ шумныя аудиторіи грамматиковъ и риторовъ, и вмѣсто рукоплесканій толпы сообщилъ наукамъ новыя опоры — молитву, безмолвіе и мысль объ обязанности. Подъ этимъ вдохновеннымъ небомъ онъ написалъ Institutiones divinas et humanas; въ этомъ сочиненіи, начертавъ планъ богословскаго образованія по образцу христіанскихъ школъ Александріи, онъ признавалъ необходимость свѣтскихъ наукъ для истолкованія Св. писанія, »ибо, говорилъ онъ, сами святые отцы не презирали мірскихъ наукъ, и Моисей, вѣрный служитель Божій, изучилъ всю мудрость Египетскую.» Обращая вниманіе на то, что въ Св. писаніи, также какъ и у комментаторовъ, многія истины выражены фигурально и могутъ быть поняты при пособіи грамматики, риторики, діалектики, ариѳметики, геометріи, музыки и астрономіи, — онъ посвящаетъ всю вторую часть изслѣдованію о сихъ семи наукахъ. Здѣсь было бы умѣстно анализировать это сочиненіе, которому суждено было сдѣлаться кодексомъ монастырскаго устава: по крайней мѣрѣ

Digitized by Google

слѣдуетъ привесть одну страницу, весьма замѣчательную: «Между твореніями рукъ человѣческихъ я бы отдалъ преимущество труду переписчиковъ, если они дѣлаютъ свое дѣло съ самою возможною точностію; ибо, перечитывая Св. писаніе, они обогащаютъ свой умъ, а посредствомъ переписки сообщаютъ другимъ познаніе о заповѣдяхъ Господнихъ. Счастливое стараніе, трудъ достохвальный поучать трудами рукъ, объяснять пальцами смыслъ нѣмыхъ языковъ, безмолвію возвѣщать людямъ жизнь вѣчную, отражать перомъ нападенія духа злаго! Переписчикъ находится въ одномъ мѣстѣ, но посредствомъ распространенія своихъ списковъ онъ посѣщаетъ безчисленныя области, его книгу читаютъ въ святыхъ мѣстахъ, народы слушаютъ ее и учатся удаляться отъ страстей и обращаться на служеніе Богу. Славное зрѣлище для того, кто умѣетъ созерцать оное! Обрѣзанная трость, скользя по поверхности древесной коры, начертываетъ на ней небесные глаголы, какъ будто для того, чтобы загладить вину, сдѣланную другою тростію, которою поражена была глава Спасителя въ день Его страданія. Но остерегайтесь смѣшивать зло съ добромъ безразсуднымъ искаженіемъ текстовъ. Читайте древнихъ, которые писали объ орѳографіи, Велія Лонга, Курція Валеріана, Мартирія объ употребленіи буквъ B и U, Эвтихія о придыханіи, Фоки о различіи родовъ: я со всею ревностію старался собрать ихъ сочиненія. Присоединилъ къ этимъ стараніямъ работу переплетчиковъ, дабы красота священныхъ книгъ возвышалась отъ блеска украшеній, — въ подражаніе притчѣ Спасителя, который приглашаетъ своихъ избранныхъ на вечерю небесную, но хочетъ, чтобы они были облечены въ брачную одежду.» [4] Вотъ вѣрный, прекрасный взглядъ на суровый трудъ переписывать манускрипты и свѣрять ихъ съ подлинникомъ! Нельзя смотрѣть безъ уваженія на

[4] Cassiod. de instit. divin. script. lib. 1. 27. 28 и 30. «Felix intentio, laudanda sedulitas, manu hominibus praedicare, digitis linguas aperire, salutem mortalibus tacitam dare.... Uno itaque loco situs operis sui dissemination perdiversas provincias vadit. In locis sanctis legitur labor ipsius: audiunt populi, unde se a prasa voluntate convertant. Arundine currente verba coelestia describuntur, ut unde diabolus caput Domini in passione fecit percuti, inde eius calliditas possit extingvi.»

Digitized by Google

этого старика, который, видя, что съ нашествіемъ Ломбардовъ наступятъ страшныя времена, думаетъ только о сохраненіи книгъ, и который, будучи 93 лѣтъ, написалъ еще трактатъ объ орѳографіи. Это было около 575 года.

Твердое постановленіе о публичномъ обученіи, котораго основанія лежали въ муниципальныхъ преданіяхъ городовъ, должно было устоять среди жестокостей Ломбардовъ. Въ то время, какъ войска Агилульфа стояли подъ стѣнами Рима, св. Григорій Великій скорбно воскликнулъ: «Вотъ она — царица міра! Гдѣ сенатъ? гдѣ народъ?» Онъ не спрашиваетъ, гдѣ училище, и даетъ поводъ думать, что оно не уничтожено: мы знаемъ, что около 590 года одинъ молодой Римлянинъ, по имени Бенэдикъ, пришелъ въ Шартръ, и своимъ поведеніемъ, краснорѣчіемъ и огромными свѣдѣніями въ наукахъ и въ философіи, восхищалъ всѣхъ до того, что вскорѣ его сдѣлали придворнымъ капелланомъ и потомъ епископомъ. Въ то же время, по свидѣтельству Фортуната, публичныя лекціи читались еще на форумѣ Траяновомъ.[5] Здѣсь читали Энеиду; поэты того времени тутъ же имѣли аудиторію и вступали въ литературные споры, послѣ которыхъ побѣдитель, увѣнчанный судіями, съ торжествомъ былъ водимъ по улицамъ, покрытымъ парчею. Въ самыхъ бѣдныхъ провинціяхъ сохранялись еще нѣкоторые остатки умственнаго образованія. Въ концѣ VII вѣка, въ Павіи, въ самой столицѣ завоевателей, былъ одинъ грамматикъ, именемъ Феликсъ, который читалъ такія блестящія лекціи, что Король Куниберть подарилъ ему трость, украшенную золотомъ и серебромъ. Послѣ него,

---

[5] Fortunat. carmin. III. 20.

Vix modo tam nitido pomposa poëmata cultu
Audit Trajano Roma verenda foro,
Quod si tale decus recitasses aure senatus
Stravissent plantis aurea fila tuis,
Per loca, per populos, per compita cuncta videret,
Currere versiculos plebe favente tuos.

и Lib. VI. 8.

Si tibi forte fuit sapiens bene notus Homerus,
Aut Maro Trajano lectus in urbe foro.

Digitized by Google

его племянникъ Флавіанъ поддерживалъ славу школы Павской, изъ которой вышелъ потомъ историкъ Павелъ Діаконъ. Такимъ образомъ Италія, которая должна была заводить училища духовныя, не оставляла безъ вниманія и образованія свѣтскаго; и если оно на время исчезло за дымомъ городовъ, сожженныхъ варварами, за то, въ то же время оно бросило яркій свѣтъ на другую оконечность Латинской Европы. Я говорю объ Испаніи.

Эта страна, произведшая при упадкѣ Рима столько прекрасныхъ умовъ, досталось на долю менѣе жестокимъ варварамъ, Визиготоамъ, которыхъ вождь Астаульфъ любилъ ходить въ тогѣ, кататься, подобно проконсуламъ, на колесницѣ, запряженной въ четверню лошадей, и мечтать о возстановленіи имперіи. Тамъ, въ городахъ, ознаменованныхъ рожденіемъ Сенеки, Лукана, Марціала, послѣ первыхъ ужасовъ завоеванія, ничто бы уже не возмущало спокойствія умовъ, если бы не было гоненій отъ аріанизма, тайнаго врага Римскаго имени. Угрозы секты завистливой и иногда кровожадной не отняли однако духа у мужей ученыхъ, которые прославили Испанію въ VI вѣкѣ: таковы Мартинъ Дюме, епископъ Браганца, послѣ котораго осталось нѣсколько стихотвореній, и Іоаннъ Бекларъ, авторъ знаменитой хроники, переведенной на Греческій и Латинскій языки. Но въ ту пору, какъ цалъ аріанизмъ, явилось одно семейство съ призваніемъ къ дѣламъ великимъ. Нѣкто Северіанъ, Латинскаго поколѣнія, имѣлъ отъ своей жены Туртуръ пять человѣкъ дѣтей. Ѳеодора, старшая изъ дочерей, сдѣлалась Королевой, раздѣлила престолъ съ Леувигильдомъ, и произвела на свѣтъ перваго Короля-католика Реккареда. Вторая, Флорентина, осталась въ дѣвицахъ и посвятила свою жизнь заботамъ о трехъ своихъ братьяхъ. Старшій изъ нихъ, Леандръ, достигъ епископства и заслужилъ удивленіе современниковъ своимъ краснорѣчіемъ и познаніями, и въ то же время порѣшилъ судьбу своего отечества, обративъ Реккареда въ христіанскую вѣру. Фульгенцій также былъ епископомъ, и историки хвалятъ его и за ученіе, и за святость жизни. Но все это семейство, кажется,

Digitized by Google

имѣло назначеніемъ воспитать младшаго и самаго знаменитаго изъ всѣхъ, Исидора Севильскаго.

Разсказъ о юности Исидора доказываетъ постоянное существованіе публичныхъ училищъ въ Испаніи и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какими науками занимались не только монахи, но дѣти вельможъ и родственники Королей. Разсказываютъ, что дитя, оставшись сиротою, воспитывался у брата своего Леандра, епископа Севильскаго, и что онъ нашелъ такъ мало занимательнаго въ первыхъ основаніяхъ науки, что рѣшился бросить ученіе и тайно ушелъ изъ дому брата. Бродя долгое время по безплодной долинѣ, онъ остановился усталый у одного колодца, и, отдохнувъ, разсматривалъ съ любопытствомъ борозды, выведенныя на камнѣ, покрывавшемъ колодезь. Узнавъ отъ одного путника, что эти борозды сдѣлались отъ того, что веревка взадъ и впередъ обращалась въ колодезѣ, онъ сдѣлалъ заключеніе, что грубость его ума не помѣшаетъ наукѣ произвесть на него свое дѣйствіе. Онъ подумалъ, и воротился къ своему брату, а этотъ, плохо вѣря такому быстрому обращенію Исидора, заперъ бѣглеца въ келію, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ слушалъ уроки ученыхъ наставниковъ. Нечего винить Леандра за такую строгость; въ то же время вотъ что писалъ онъ Флорентинѣ: «прошу тебя, любезная сестра, воспоминай обо мнѣ въ своихъ молитвахъ, и не забывай нашего младшаго брата Исидора, котораго намъ поручили родители; они отходили ко Господу съ радостію, и не опасаясь за своего сына, ибо предавали его промыслу Божію, попеченію сестры и двоихъ братьевъ»[6]. Дѣйствительно, ихъ попеченіе не осталось безъ плода. Исидоръ выросъ ученымъ и строгимъ въ жизни, сдѣлался послѣ брата епископомъ въ Севильѣ, славою Испаніи и однимъ изъ великихъ жрецовъ науки въ то время, когда было великою заслугою трудиться въ пользу науки.

Не будемъ говорить о множествѣ сочиненій Исидора Севильскаго, которыя касаются всѣхъ родовъ человѣческаго

---

[6] Nicolas Antonio Biblioth. Hispan. Vet. Epist. 5. Leand. ad Florentinam.

Digitized by Google

знанія, о его «Природѣ вещей, о характерѣ рѣчи, о жизни отцевъ, о хроникѣ Королей Визиготскихъ,» и остановимся на его трактатѣ *De originibus*. Въ самомъ началѣ авторъ занимается, кажется, только разборомъ словъ и скучною этимологіею, приводитъ примѣры изъ Платона, Варрона, Римскихъ грамматиковъ и юрисконсультовъ; но нельзя входить въ опредѣленіе словъ, не касаясь идеи, не проникая до основанія каждаго знанія, не падая на слѣды тѣхъ, которые до него занимались этимъ дѣломъ. И такъ онъ въ 20 книгахъ передаетъ свѣдѣнія о началахъ семи свободныхъ наукъ, потомъ о началахъ медицины, юриспруденціи, богословія, естественной исторіи, земледѣлія и механики. Тутъ у него бездна цитатовъ изъ Латинскихъ и Греческихъ писателей; твореніе это, похожее на словарь, сдѣлалось энциклопедіею, сборникомъ предметовъ всякаго рода, выпискою изъ библіотеки, которой половина для насъ погибла бы, если бы епископъ Севильскій не сохранилъ ея останковъ. Въ среднихъ вѣкахъ понимали всю цѣну этого труда, и вотъ почему имѣли всегда подъ руками книги Originum, также какъ Institutiones divinas et humanas и всѣ другія сочиненія, въ которыхъ шло дѣло о семи наукахъ у древнихъ. Грубый духъ того времени не скучалъ отъ такихъ повтореній, — и, какъ Исидоръ у колодезя, понималъ, что веревкой чаще нужно водить по камню, чтобъ прорѣзать его. Исидора Севильскаго считаютъ, вмѣстѣ съ Кассіодоромъ и Боэціемъ, образователями Запада; они всѣ трое представляются такими людьми, которые, идя рука объ руку съ свѣточемъ просвѣщенія, съ одной стороны касались древности, съ другой — проносили свѣтъ въ самую глубину варварства. Исидоръ умеръ въ 636 году; его ученики поддерживали Испанскую школу до временъ Беды и Алкуина.

Такимъ образомъ когда науки утвердились на границахъ Галліи, какъ могли онѣ пасть безъ противоборства въ этой дикой провинціи, гдѣ они имѣли такую важность? Какъ школы, возстановленныя Граціаномъ, прославленныя Авзоніемъ и Аполлинаріемъ, твердо устоявшія послѣ перваго нашествія въ V вѣкѣ, могли пасть въ VI вѣкѣ, не оставивъ исторіи о своемъ паденіи?

Digitized by Google

Григорій Турскій восклицалъ: vae diebus nostris, quia periit studium litterarum! Въ этомъ восклицаніи слышна жалоба, свойственная всѣмъ бурнымъ временамъ, скорбное сѣтованіе великихъ умовъ христіанскихъ, которые думали, что дожили до конца вѣковъ; потому нельзя здѣсь видѣть мысли о совершенномъ упадкѣ науки въ его время. Самая исторія Григорія Турскаго разувѣряетъ на счетъ его безпокойства; потому что онъ весь былъ проникнутъ древностію, онъ коротко ознакомился не только съ Виргиліемъ, но и съ Саллюстіемъ, Плиніемъ, Авломъ-Геллiемъ. Если онъ торжественно высказываетъ негодованіе на искусственную рѣчь, если поставляетъ славу въ томъ, чтобъ не бѣжать отъ солецизма, — очевидно онъ имѣетъ въ виду людей съ новымъ вкусомъ, съ новымъ стилемъ, которыхъ суда онъ боится. Онъ хлопочетъ за грубую простоту своего стиля у тѣхъ, которые изучили основанія семи наукъ, по примѣру Марціана Капеллы, которые съ грамматикою выучились читать классиковъ, съ діалектикою распутывать противорѣчія въ предложеніяхъ, съ реторикою распознавать различные виды метра, съ геометріею, астрономіею, ариѳметикою и музыкою мѣрить землю, разсматривать движенія звѣздъ, слагать числа, подлаживать пѣніе подъ риѳмъ стиха. Вотъ весь курсъ классическихъ наукъ; тутъ же есть и юриспруденція, если судить по примѣру сенатора Феликса, который въ школахъ былъ пропитанъ поэмами Виргилія и кодексомъ Ѳеодосія[7]. Виргилій съ комментаріями Сервія и Макровія — вотъ вся поэзія, вся философія, вся миѳологія Латинская. Кодексъ Ѳеодосія вкратцѣ содержалъ законодательство Императоровъ христіанскихъ. Дезидерій Каорскій, кончившій ученіе около 613 года въ одномъ городѣ Аквитаніи, прошелъ три курса наукъ, которыя мы видѣли въ Римѣ во время Аталарика и Кассіодора. Сперва онъ изучалъ Латинскія науки, далѣе — краснорѣчіе, къ которому уваженіе сохранила Галлія; наконецъ онъ посвятилъ себя изученію законовъ, чтобъ смяг-

[7] Gregor. Turov. IV. 47. «De operibus Virgilii, legis Theodosianae libris arteque calculi ad plene eruditus est.»

Digitized by Google

чить плодовитостію и блескомъ ораторовъ Галліи серьезность Римскихъ ораторовъ[8]. Около того же времени и въ Австразіи Павелъ Вердюнскій (ум. 647) съ малыхъ лѣтъ занимался науками и свободными искусствами, которыя преподавали юношамъ изъ благородныхъ фамилій; онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что зналъ рѣшительно всѣ правила грамматики, діалектики и другихъ наукъ[9]. Еще позже, именно въ срединѣ VII вѣка, въ Клермонѣ учили началамъ грамматаки и кодексу Ѳеодосія. Безъ сомнѣнія, только не многіе изъ большихъ городовъ имѣли привиллегію на полный курсъ наукъ; но можно думать, что и въ другихъ мѣстахъ было первоначальное обученіе; когда Хилперикъ хотѣлъ дополнить азбуку четырьмя буквами, исторія замѣчаетъ что онъ послалъ приказъ во всѣ города своего королевства, чтобъ дѣтей учили читать, и чтобъ старыя азбуки вытерли пемзой и написали новыя.[10]

Благородныя фамиліи Галло-Римскія не думали отказываться отъ плодовъ воспитанія, которое поддерживало уваженіе къ нимъ варваровъ, и давало имъ доступъ ко двору Королей. Всѣ знатные епископы того времени, всѣ эти мужи сенаторскаго рода: Ницетій Тревскій, Агрикола Шалонскій, Григорій Лангрскій, Ферреоль Узскій, заслужили похвалу за свое краснорѣчіе, за свои сочиненія, за свои необыкновенные успѣхи въ изученіи наукъ и въ искусствѣ ораторскомъ. Не говорю объ Авитѣ и Реми, которые принадлежали вѣку предшествующему. Феликсъ Нантскій говорилъ по-Гречески, какъ природный Грекъ. Преемникъ Ремилія на каѳедрѣ Реймской не уступалъ своему предшественнику въ изяществѣ и отдѣлкѣ своихъ стихотвореній. Такимъ образомъ, все свидѣтельствуетъ о томъ, что свѣтское образованіе еще крѣпко держалось, и что двери науки не закрыты были ни для кого. Невольникъ Андаркій, провожавшій въ школу сенатора Фе-

---

[8] Vita Desider. apud Bouquet. III. 527.

[9] Vita Pauli Virodun. apud Mabillon.

[1] Gregov. Turor. Hist. V, 45. «Et misit epistolas in universas civitates regni sui, ut sic pueri docerentur, ac libri antiquitus scripti, planati pumice, rescriberentur.

Digitized by Google

ликса, самъ сдѣлался ученымъ, и хотѣлъ насильно жениться на дочери одного богача, и кончилъ тѣмъ, что сжегъ себя живаго.[11] Ѳеодебертъ считалъ между своими придворными двухъ ученыхъ — Астеріола и Секундина, которые впрочемъ оставались вѣрны варварству своего времени, и до того доходили въ своихъ ссорахъ, что царапали у себя лице когтями, между тѣмъ ихъ хвалили, какъ отличныхъ учителей краснорѣчія. Науки жили еще въ духовной перепискѣ, поддерживавшей связь между раздѣленными провинціями имперіи. Нищетій Тревскій вызывалъ изъ Италіи художниковъ для возстановленія своихъ базиликъ изъ развалинъ; Мартинъ Дюме, епископъ Браганцскій, написалъ стихи на могилѣ своего патрона Мартина Турскаго. Короли Французскіе посылали въ Константинополь людей способнѣйшихъ изъ царедворцевъ Галло-Римскихъ. Реовалисъ, медикъ въ Поатье, учился въ Греціи; Греческіе монахи, каковъ напр. Егидій, приходили въ Галлію искать нравовъ болѣе строгихъ, и въ 588 году такое было стеченіе иностранцевъ изъ всѣхъ націй, что Король Гонтранъ, при своемъ торжественномъ вступленіи въ Орлеанъ, былъ встрѣченъ привѣтствіями на трехъ языкахъ — Сирскомъ, Еврейскомъ и Латинскомъ.[12]

Это общество образованныхъ людей VI вѣка, которые занимали престолы епископскіе, сенаты въ городахъ и были въ связяхъ съ Королями варваровъ, имѣетъ самаго вѣрнаго представителя въ поэтѣ Фортунатѣ. Новые историки съ успѣхомъ выставили на видъ этого ученика школъ Равеннскихъ, который, по страсти къ путешествіямъ, рѣшился въ 565 году посѣтить Галлію, перешелъ Альпы, прошелъ провинціи Баварцевъ, Аллемановъ и восточныхъ Франковъ, жилъ нѣсколько времени при дворѣ Австразійскомъ, и преклонивъ колѣна на могилѣ Св. Мартина Турскаго, остановился въ Поатье, гдѣ встрѣтилъ дружественный пріемъ отъ Св. Радегонды и Агнесы, настоятельницы монастыря Св. креста.

---

[11] Gregor. Turov. IV. 47.

[12] Ibid. VIII. 1. Et hinc lingua Syrorum, hinc Latinorum, hinc etiam ipsorum Iudeorum in diversis laudibus varie concrepabat.

Digitized by Google

Послѣ смѣялись надъ чистой, такъ сказать, платонической привязанностью этого иностранца къ двумъ монахинямъ, надъ именами, которыя онъ расточалъ имъ, называя ихъ не только матерями и сестрами, но жизнью, свѣтомъ, утѣхою души своей; наконецъ говорили, что онѣ давали ему денегъ; нѣжными попеченіями предупреждали всѣ его желанія, дѣлали для него роскошные обѣды на столахъ, увѣнчанныхъ розами, отягченныхъ мясомъ и плодами, среди которыхъ, если вѣрить его собственному признанію, онъ приходилъ въ самозабвеніе и импровизировалъ стихи: «моимъ полузакрытымъ глазамъ, говорилъ онъ, казалось, что столъ угопаетъ въ чистомъ винѣ; моя муза слишкомъ развеселилась и не могла владѣть руками.»[13] Судъ, нѣсколько строгій, можетъ быть, преувеличилъ слабости поэта, вѣря на слово его гиперболамъ; люди слишкомъ внимательные, какъ онъ самъ говорилъ, къ грубости его времени, строго пересмотрѣли 14 книгъ его стохотвореній. Безъ сомнѣнія, Фортуната нельзя ставить на ряду съ великими умами; онъ признается въ своей необразованности, говоритъ, что онъ испилъ только нѣсколько жалкихъ капель изъ источниковъ грамматики и реторики.[14] Не смотря на то, этотъ Итальянецъ, выходецъ изъ страны образованной, не такъ безполезенъ, какъ думаютъ въ Поатье, въ сердцѣ Аквитаніи: онъ выполнилъ свое назначеніе, какъ стражъ преданій міра образованнаго, и какъ наставникъ варваровъ.

Что съ перваго раза поражаетъ въ сочиненіяхъ Фортуната — это взглядъ на Римскій міръ, который видишь въ развалинахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ встрѣчаешь мнѣнія, обычаи и пороки. Тутъ раскрываются бѣдствія нашествія

[13] Fortunat. Carmin. Lib. IX 23.

Non digitis poteram, calamo neque pingere versus,
Fecerat incertas ebria musa manus.
Nam mihi, vel reliquis sic vina bibentibus apta,
Ipsa videbatur mensa natare in mero.

[14] Ibid. Lib. I. 29.

Parvula grammaticae lambens refluamina guttae,
Rhetoricae exiguum praelibans gurgitis haustum
Cote ex juridica cui vix rubigo recessit.

Digitized by Google

варваровъ, и въ двадцати стихотвореніяхъ поэтъ воспѣваетъ храмы, дворцы, города, отнятые хищными руками. Всѣ старые города Нейстріи наперерывъ стараются воздвигнуть на могилахъ своихъ святыхъ патроновъ базилики, украшенныя колоннадами, огромными окнами, блестящія золотомъ и оживленныя произведеніями скульптуры и живописи. Австразійскіе города: Тревъ, Кельнъ, Майнцъ подражаютъ этому примѣру, и не помнятъ уже о Вандалахъ. Епископы съ ревностію о православіи соединяютъ любовь къ искусствамъ и вкусъ къ древней утонченности; они разъѣзжаютъ въ тяжелыхъ каретахъ благородныхъ Галловъ, они не презираютъ роскоши садовъ; столъ ихъ обиленъ, покрытъ богатыми коврами, съ изображеніемъ листьевъ и винограда.[15] Эти важныя особы любятъ стихи, и Фортунатъ удовлетворяетъ ихъ желаніямъ. Онъ въ перепискѣ со всѣми; у него есть привѣтствія съ вступленіемъ ихъ на престолъ, гимны на ихъ праздники, надписи на ихъ церкви, импровизированныя двустишія, въ которыхъ онъ рекомендуетъ имъ странствующаго пилигрима, или несчастную дѣвушку, попавшуюся подъ судъ. Я накожу въ Фортунатѣ толковника, связь, душу этого общества, которое онъ воспѣваетъ. Изящество, которое онъ любитъ во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ жизни, проникаетъ его стихи и сообщаетъ имъ счастливые обороты, отъ которыхъ не отказались бы и въ лучшее время. И если кто не доволенъ въ немъ бѣдностію игры ума, тотъ не доволенъ ни чѣмъ, что было въ славѣ не только въ вѣкъ Авзонія, но и у современниковъ Ѳеокрита и Каллимаха.[16]

---

[15] Fortun. Carm. III. 10, 19, 14.

Vitibus intextis ales sub palmite vernat,
Et leviter pietas cernit ab ore dapes
Multiplices epulas meruit conviva tenere;
Aspicit hinc uvas, inde Falerna bibit.

[16] Carmin. Lib. II, 3.

Crux benedicta nitet Dominus qua carne pependit,
Atque cruore suo valnera nostra lavat....
Hic manus illa fuit clavis confixa cruentis,
Quae Pavlum eripuit crimine, morte Petrum,
Fertilitate potens, o dulce et nobile lignum,
Quando tuis ramis tam nova poma geris!

Digitized by Google

Такимъ образомъ Фортунатъ имѣлъ назначеніемъ утѣшать послѣднія поколѣнія древняго міра, ободрять ихъ къ умственнымъ трудамъ, поддерживать между ними изученіе наукъ; онъ сдѣлался популярнымъ у Германцевъ. Тогда какъ Редегонда Турингская собираетъ вокругъ себя дѣвицъ Франкскихъ, дабы занимать ихъ христіанскими размышленіями, Фортунатъ укрѣпляетъ ее своими похвалами: онъ поздравляетъ ее, что она читаетъ отцевъ Греческихъ и Латинскихъ; для нея сохраняетъ онъ свои граціозныя произведенія. Онъ посылаетъ ей стихи, въ которыхъ оплакиваетъ минуты, когда она затворялась въ своей келіи; въ другихъ стихахъ прославляетъ день, когда она выходитъ изъ келіи; въ стихахъ благодаритъ ее за чашку молока; при стихахъ посылаетъ ей корзинку съ каштанами и съ цвѣтами: эти дѣтскія нѣжности, можетъ быть, имѣли ту выгоду, что вводили мало по малу Латинскія науки въ кругъ образованія женщинъ.[17] Въ то же время Фортунатъ находилъ себѣ учениковъ между придворными и военными чинами. Онъ воспѣваетъ брань Сигиберта и Брунегильды; чтобъ утѣшить Фредегонду въ смерти ея дѣтей, онъ перечисляетъ всѣхъ знаменитыхъ людей, переселившихся въ вѣчность. Въ его поэтической корреспонденціи упоминаются Хродинъ, Бодегизель, Фарамондъ, Берульфъ — всѣ Германцы по происхожденію; Магнульфъ, котораго онъ хвалитъ за отличное знаніе юриспруденціи; Гого, котораго краснорѣчіе онъ сравниваетъ съ лирою Орфея, а рѣчи съ сотами меда. Ученые совѣтуются съ знаменитымъ выходцемъ изъ Италіи. Франкскій епископъ Бертрамъ послалъ къ нему стихи, и Фортунатъ отвѣчалъ ему: «въ листкѣ, присланномъ тобою, я восхищался превосходными стихами и мыслями, достойными ученаго, который носитъ котурну. Когда я читалъ строки, звучащія твоими волнистыми стихами, мнѣ казалось, что я плыву на шумящемъ морѣ. Твоя поэма ка-

[17] Fort. Carm. Lib. VII. 1, 5, 6, 7, 8, 9, ad Radegundem.

Unde mihi rediit radianti lumine vultus?
Quae nimis absentem te tenuere morae?
Abstuleras tecum, revocas mea gaudia tecum,
Paschalemque facis bis celebrare diem.

Digitized by Google

тила бурныя волны, какъ океанъ, когда онъ воздымаетъ изъ глубины воды и бросаетъ ихъ на берегъ. Сомнѣваюсь, чтобъ Римъ, почтенный городъ, внималъ когда-нибудь такимъ прекраснымъ пѣснямъ, которымъ рукоплескалъ на Форумѣ Траяновомъ. Если бы ты прочиталъ свои стихи въ присутствіи сената, подъ ноги твои подослали бы парчевый коверъ. Твои стихи разнесли бы въ народѣ, пустили бы по площадямъ, по улицамъ, и пошли бы они изъ города въ городъ. Впрочемъ я замѣтилъ нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ украдкой вводится новое на мѣсто древнихъ правилъ. Въ нѣкоторыхъ стихахъ лишній слогъ нарушаетъ мѣру, и муза вздыхаетъ, чувствуя, что у ней одна нога хромая.»[18] Видно, что Фортунатъ ласкалъ своихъ учениковъ, однако не скрывалъ отъ нихъ правды. Въ глуши уединенія онъ содержалъ школу краснорѣчія и поэзіи, спускалъ своимъ шумнымъ питомцамъ нарушеніе правилъ языка, слишкомъ надѣясь на этотъ бурный возрастъ, въ которомъ отчаявался Григорій Турскій. Безъ сомнѣнія, у него не было ни пылкости, ни порыва чувствъ Григорія Турскаго; но это отъ того, что ему не суждено было испытать тѣхъ бурь, какія испыталъ Григорій; онъ смотрѣлъ и на будущность съ свѣтлой точки зрѣнія.

И такъ Германцы, которые долгое время не хотѣли знать никакихъ правилъ, начали подчиняться законамъ труда, сносили, если учитель выправлялъ ихъ языкъ, давалъ работу ихъ памяти, руководилъ ихъ мыслями. Когда королевство Меровинговъ употребляло всѣ усилія, чтобъ возстановить времена Римскія, нужно было усвоить и языкъ Римлянъ. Хильдебертъ выучился по-Латинѣ, поставлялъ за честь, что любитъ науки, и входилъ въ церковь св. Винцентія въ длинной тогѣ, съ книгой въ рукахъ. Харибертъ украшалъ свою

---

[18] Fortunat. Carm. VI. 1. VII. 12 ad Berteg rammum episcopum.

Ardua suscepi missis epigrammata chartis
Atque cothurnato verba votata sopho.
Percurrens tumide spumantia carmina versu,
Credidi in nudoso me dare vela frete....
Ex quibus in parcis superaddita syllaba fregit
Et pede laesa suo musica clauda gemit.

Digitized by Google

прозу всѣми цвѣтами древней реторики.[19] Хильперикъ возвысился до поэзіи и написалъ двѣ книги стиховъ. Если Григорій Турскій утверждаетъ, что стихи увѣнчаннаго поэта плохо держались на ногахъ, то потомство болѣе снисходительное не думало такъ, и статуя Хильперика была поставлена въ предверіи церкви Notre-Dame съ скрипкою въ рукѣ, въ позѣ Аполлона. Клотарій II получилъ ученое образованіе, которое научило его страху Божію и снисходительности къ людямъ. Примѣръ Королей научалъ ихъ соратниковъ. Самые воинственные полководцы во время праздниковъ любили слушать попеременно арфу пѣвца варварскаго и лиру Римлянина.[20] Въ этомъ нетерпѣливомъ стремленіи къ удовольствіямъ, которое показало имъ всю прелесть цивилизаціи, многіе кончали тѣмъ, что привязывались къ умственнымъ наслажденіямъ. Тотъ самый Гого, который прославляемъ былъ Фортунатомъ и сдѣлался послѣ первымъ министромъ при дворѣ Австразійскомъ, писалъ стихи къ одному пріятелю, въ которыхъ извинялся, если, очень долго живя у Германцевъ, среди столькихъ націй, на языкѣ которыхъ онъ долженъ говорить, ему придется забыть уроки ритора Парѳенія.[21] Франкъ Ебрульеръ, извѣстный послѣ подъ именемъ св. Еврульта, съ дѣтства посвятилъ себя наукамъ, и оказалъ такіе быстрые успѣхи, что Король Хильдебертъ призвалъ его во дворецъ, котораго онъ сдѣлался украшеніемъ по краснорѣчію своихъ защитительныхъ рѣчей и по мудрости своихъ совѣтовъ.[22] Аттала, сынъ одного благороднаго Бургиньонца, долгое время занимался свободными науками, пока религіозное призваніе не

---

[19] Ib. Carm. V. 2.

Quum sis progenitus clara de stirpe sicamber
Floret in eloquio lingua latina tuo.

[20] Ibid. Carm. VI. 8, ad Lupum ducem.

«Romanus que lyra, plaudat libi barbarus harpa.»

[21] Gogon. epist. Clamingo duci apud Duchesne 1. 859.

[22] Vit. Ebrult. apud Mabillon. «Qui mira velocitate divina et humana diligenter percurrens studia, etiam ad huc puer ipsos magistros dicitur praecessisse doctrina.... Oratoris quippe facundia preditus ad agendas causas inter aulicos residebat doctissimus.

Digitized by Google

привело его въ ряды воинства св. Коломбана. Дворянство Германское начинаетъ соперничать съ сенаторами Галло-Римскими, посылаетъ дѣтей своихъ въ школы, дабы они получили тамъ не одно духовное образованіе, но и свѣтское, чтобъ они могли быть способны къ службѣ при дворѣ и къ возведенію на мѣста епархіальныя. Науки входятъ въ кругъ воспитанія женщинъ, и одна знаменитая дама Вилитруда, супруга Дагульфа, восхвалена въ своей эпитафіи, что она была Римлянка, по образованности, тогда какъ по роду происходила отъ варваровъ.[23] Потребность знанія проникла до послѣднихъ классовъ этихъ грубыхъ племенъ, которыя пришли въ Галлію вовсе не за книгами и учителями. Одинъ молодой пастухъ Валарикъ, пасшій стада своего отца на горахъ Оверни, услышалъ однажды уроки, которые читали дѣтямъ благородныхъ родителей. Страсть къ ученію овладѣла имъ, и онъ, сдѣлавши дощечку, просилъ сосѣдняго учителя написать ему азбуку. Ему написали, и онъ съ такимъ жаромъ принялся за ученіе, что въ короткое время выучилъ весь псалтырь съ начала до конца.[24]

Всѣ эти примѣры VI вѣка. Такимъ образомъ сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ Кловисъ вступилъ въ церковь, послѣдніе изъ его народа вступили въ школу. Не удивительно, что воспоминанія о Латинской древности смѣшались съ мнѣніями Германскими, что образовалась связь между двумя преданіями, и что Фредегаръ разсказывалъ уже, какъ Франки, вырвавшись изъ развалинъ Трои, рѣшились подъ начальствомъ Франціона выстроить новую Трою на берегахъ Рейна, и какъ Меровинги, происходившіе отъ одной крови съ энеемъ, были законными наслѣдниками Цезарей.[25]

Фортунатъ умеръ въ 609 году. Необходимо проникнуть съ нимъ въ литературный духъ Галліи и особенно Аквиталіи, чтобъ видѣть, можно ли въ той же области, въ то же

---

[23] Fortunat. Carmin. IV. 17.

Sanguine nobilium generata Parisiis urbe,
Romana studio, barbara prole fuit.

[24] Act. Sanct. II. 77.

[25] Fredegar. Histor. Franc. Epitom. 1.

Digitized by Google

время найдти мѣсто для писателя, который бросилъ самый яркій свѣтъ на исторію школъ и обученія. Мы говоримъ о грамматикѣ Тулузскомъ, Виргиліѣ Маронѣ. Ученый издатель его сочиненій относитъ его къ концу VI вѣка. Изъ сочиненій Виргилія дошло до насъ 8 посланій къ діакону Жермену о частяхъ рѣчи. Конечно, въ книгѣ подъ такимъ пустымъ заглавіемъ нельзя искать постепеннаго развитія науки, тайныхъ преданій, которыя переходили отъ одного Аквитанскаго профессора къ другому въ продолженіе цѣлаго вѣка, и диспутовъ, которыми они занимались день и ночь, тогда какъ подъ стѣнами ихъ городовъ рѣзались Франки и Визиготы.

Виргилій начинаетъ исторію своей школы спискомъ грамматиковъ: первый грамматикъ былъ старикъ Донатъ, жившій въ Троѣ, о которомъ говорятъ, что онъ жилъ тысячу лѣтъ. Онъ пришелъ къ Ромулу, основателю Рима, и принятъ былъ имъ съ честію. Проживъ здѣсь четыре года, онъ основалъ въ Римѣ школу и оставилъ послѣ своей смерти безчисленное множество сочиненій, въ которыхъ онъ предлагалъ, напр., такіе вопросы: «что это за женщина, сынъ мой, которая кормитъ молокомъ безчисленное множество дѣтей и которой грудь тѣмъ менѣе истощается, чѣмъ болѣе сосудъ изъ нея? это знаніе.» Въ городѣ былъ у Доната ученикъ Виргилій, который написалъ 70 книгъ о метрикѣ и письмо къ Виргилію Азіатскому съ объясненіями на глаголы. Виргилій Азіатскій, ученикъ Троянскаго Виргилія, былъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ. «Когда я былъ еще ребенкомъ, я зналъ его, и своей рукой онъ писалъ мнѣ задачи. Онъ пользовался отличнымъ уваженіемъ въ Каппадокіи, въ обращеніи былъ очень любезенъ, занимался науками физическими, счисленіемъ лунныхъ годовъ и мѣсяцевъ. Онъ объяснялъ своимъ ученикамъ грохотъ грома вѣтромъ, который дуетъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ атмосферы, и котораго сильныя движенія бываютъ слышны въ извѣстныя минуты. Я зналъ также Испанца Гистрія, который передалъ весь блескъ краснорѣчія въ своихъ историческихъ книгахъ. Григорій Египетскій занимался съ ревностію науками Греческими и написалъ исторію Греціи въ 3,000 книгахъ. Баланситъ Никоми

Digitized by Google

дійскій, умершій недавно, перевелъ на Латинскій языкъ кодексъ нашихъ законовъ, который у меня есть на Греческомъ. Были еще три Юліана: одинъ въ Аравіи, другой въ Индіи, третій въ Африкѣ, — всѣ они были наставниками Энея, моего учителя; онъ собралъ ихъ сочиненія, благодаря искусству записывать за ними. Онъ открылъ, что около временъ потопа жилъ одинъ великій человѣкъ, по имени Маронъ, котораго мудрость достойна вѣчнаго прославленія. Въ память его Эней вздумалъ назвать меня именемъ, которое я ношу. Замѣтивъ во мнѣ большія способности, онъ сказалъ: этотъ изъ моихъ сыновъ получитъ имя Виргилія Марона, ибо въ немъ воскресла душа древняго Марона.»[26]

Конечно, если такой разсказъ не приписывать сумасшедшему, то должно его принять въ смыслѣ аллегорическомъ. Точно большія подробности не позволяютъ оспаривать дѣйствительнаго существованія лицъ, которыя скрываются подъ этими странными именами; и первый ключь къ разгадкѣ мы находимъ въ свидѣтельствѣ Аббона Флоріанскаго, который говоритъ, что Виргилій жилъ въ Тулузѣ. И такъ Тулуза была Римомъ у Галловъ, а Римъ былъ второю Троею. Продолжая толкованіе, мы узнаемъ въ новомъ Ромулѣ Короля Эрика, основателя монархіи Визиготѳовъ. Нечего дивиться, что въ VI вѣкѣ процвѣтало столько Виргиліевъ. Въ варварскія времена любили это имя: тогда было оно именемъ мудреца, который въ четвертой эклогѣ предсказалъ пришествіе Спасителя; Виргилія принимали даже за святаго. Извѣстенъ Виргилій, діаконъ Равеннскій; Виргилій, архіепископъ Арльскій; не говоримъ о Виргиліѣ, извѣстномъ при осадѣ Зальцбурга. Тѣ, кои посвящали себя наукамъ, церкви, государству, — не осмѣливались что-либо другое заимствовать у древности, кромѣ имени. И когда нашъ грамматикъ упоминаетъ о Гомерѣ, Катонѣ, Теренціѣ, Варронѣ, Цицеронѣ, Горапіѣ, Луканѣ, не слѣдуетъ думать, что онъ говоритъ о великихъ классикахъ древности: мы имѣемъ дѣло только съ учителями грамматики, украшенными этими пышными име-

[26] Virgil. epitom. r. de catalog. grammaticor. p. 123.

Digitized by Google

нами, которыя они произвольно писали на мурпуровой завѣсѣ, висѣвшей въ родѣ вывѣски на дверяхъ ихъ школъ.

Эти школы соперничали въ дѣятельности съ училищами Александріи, Рима и Милана. Виргилій, еще юный, присутствовалъ на собраніи тридцати граматиковъ, которые сошлись разсуждать о пользахъ науки. Тутъ рѣшили, что нѣтъ ничего лучше, какъ заняться учеными разсужденіями о спряженіи глагола, котораго употребленіе управляло всѣмъ синтаксисомъ Латинскимъ. Послѣ общихъ разсужденій, всѣ учители раздѣлились на двѣ секты и предались безконечнымъ спорамъ. Двое главныхъ, Теренцій и Гальбунгъ, говорятъ, ровно двѣ недѣли спорили о томъ, имѣетъ ли мѣстоименіе ego звательный падежъ; и такъ какъ они не могли этого рѣшить, то вопросъ о томъ былъ переданъ грамматику Энею, который допустилъ звательный мѣстоименія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно употребляется въ рѣчи вопросительной. Но этотъ споръ еще ничего не значитъ въ сравненіи съ другимъ, который подняли Регулъ Каппадокійскій и Седулій Римскій. Дѣло шло о томъ, всѣ ли глаголы имѣютъ frequentativum; двое ученыхъ, занятые такимъ важнымъ вопросомъ, спорили 15 дней и 15 ночей, не ѣвши и не спавши, и споръ дошелъ почти ad gradiorum conflictum, до ножей.[27] Самыя женщины увлекались науками; онѣ не бѣгали публичнаго обученія. Можно указать на сочиненія Сульпиціи; но эта ученая дама не такъ еще знаменита, какъ Фассика, которая сама была профессоромъ.[28] Не менѣе другихъ былъ ревностенъ къ наукѣ и Виргилій; порядокъ словъ не давалъ ему покоя. Онъ разсказываетъ, что однажды ночью Испанецъ Миттерій, котораго онъ очень уважалъ, толкнулся въ его дверь, и въ благодарность за его гостепріимство обѣщался отвѣчать на всѣ его вопросы. Грамматикъ, вскочивъ съ постели, спросилъ только, какимъ образомъ различить значеніе слова, которое можетъ имѣть двоякій смыслъ, а пишется одинаково, и какъ узнать, когда слово *hic* нарѣчіе, и когда мѣстоименіе?

[27] Virgil. epitom. X. p. 45.

[28] Ibid. p. 23. Fassica quoque foemina tum sapiens et scholastica, ut nomen ejus, quamdiu orbis erit, certissime celebretur.

Digitized by Google

Если современники порицали эту страсть къ диспутамъ и охоту мучить осемь частей рѣчи, то, съ своей стороны, эти ученые наставники жалѣли о профанахъ, которые не постигали всей глубины Латинской грамматики. «Кто, говорили они, подумаетъ, что Латинь такъ узка и бѣдна, что каждое слово имѣетъ только одинъ смыслъ и употребленіе, когда считаютъ 12 родовъ Латини, и для каждаго рода есть много грамматикъ?»[29] Дѣйствительно, занавѣсъ школы поднимается и вводитъ насъ въ литературный міръ, гдѣ все ново.

Узкіе предѣлы, въ которыхъ заключены были древніе грамматики, не могли удовлетворить честолюбія ихъ преемниковъ. Наскучивъ перечитывать и толковать безъ конца классическихъ писателей, не находя уже ни одного стиха Энеиды безъ комментарія, движимые потребностями новизны, они выдумали для себя и для своихъ любимыхъ учениковъ другое нарѣчіе и особую литературу. У нихъ на это было три причины: сперва они хотѣли развить въ ученикахъ остроуміе и проницательность, потомъ думали сообщить краснорѣчію больше украшеній, наконецъ, имъ не хотѣлось посвящать профановъ въ знанія, доступныя только для своихъ адептовъ, сообразно съ древнимъ правиломъ: не мечите бисера предъ свиніями. Вотъ почему Виргилій Азіатскій различалъ 12 родовъ Латини. Первый языкъ общеупотребительный, *vulgaris*. Второй родъ онъ называетъ *assena*, и разумѣлъ подъ нимъ языкъ сжатый, свойственный нотаріямъ, которые занимались перепискою общественныхъ актовъ. Третій — *semedia*, состоялъ изъ народнаго нарѣчія и языка ученыхъ. Четвертый — *numeria*, языкъ численный. Пятый — *lumbrosa*, способствовалъ удлиненію рѣчи и употреблялъ четыре слова вмѣсто одного. Шестой — *syncolla*, все сокращалъ и вмѣсто четырехъ словъ ставилъ одно. Шесть другихъ родовъ: metroxia, belsabia, bresina, militena, spela, polema, — назначены также для видоизмѣненій рѣчи, и мы бы ихъ не поняли, если бы Виргилій не привелъ объяснительнаго примѣра въ словѣ огонь. Языкъ вулгарный называетъ его ignis; но ученые называютъ его quoque vihabis, потому что

[29] Virgil. epist. III. de verbo.

Digitized by Google

онъ варитъ пищу; ardon, потому что возгарается; calax, потому что грѣетъ; spiridon, потому что производитъ пары; rufin, по причинѣ краснаго цвѣта углей; fragon — отъ треска пламени; fumaton отъ дыма; ustrax — отъ силы истребительной; seluseus — отъ кремня (silex), изъ котораго онъ извлекается; aereon — отъ мѣднаго сосуда, который въ него ставятъ. Такъ родилось 12 знаковъ для выраженія одной мысли, и явился языкъ философскій, мистическій, высшій общеупотребительнаго.[30]

Всякая школа признала 12 родовъ Латини, выдуманныхъ Виргиліемъ Азіатскимъ, и съ тѣхъ поръ занималась внесеніемъ въ языкъ новыхъ тонкостей. Первою заботою было составлять новыя слова; для сего обыкновенно брали корни изъ Греческаго языка и видоизмѣняли ихъ на различные манеры; говорили charaxare вм. scribere, писать; изъ thronos сдѣлали thors и этимъ именемъ означали короля, сидящаго на тронѣ.[31] Иногда для составленія новыхъ словъ сокращали или переставляли буквы въ словѣ, напр. всѣ употребляли heri, вчера, но ученые говорили rhei. Если позволялось писать на языкѣ общепонятномъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобъ учитель вставлялъ въ рѣчь хотя предлоги новаго издѣлія: con вм. apud, salion вм. erute, cyron вм. contra. Во-вторыхъ прибѣгали къ искусственному письму, что называлось scinderatio phonorum; разрывали конструкцію, слова, слоги, писали цифрами и т. п. Напр. въ одномъ письмѣ было написано: rr, ss, pp, mm, ut, ee, oo, an, ii. Корреспондентъ, у котораго былъ ключь къ такому чтенію, читалъ: spes Romanorum periit. Въ-третьихъ украшали грамматику, давая именамъ другіе падежи, глаголамъ другія времена и наклоненія. Грамматики не хотѣли склонять такъ, какъ склоняли въ школѣ; они склоняли: doctus, doctii, sanctus, sanctii. Ихъ спряженія обогатили грамматику; сказать navigare pontum, казалось слишкомъ обыкновеннымъ; они говорили: navigabere pontum. Наконецъ въ просодіи они вставили новую версифи-

---

[30] Virgil. Mar. Ep. 7. p. 100. 124.

[31] Ibid. epist. p. 9. B. 94. 27.

Digitized by Google

кацію, въ которой дактили и спондеи имѣли мѣру не силлабическую, но тоническую. Вотъ напр. какъ начинается одна пѣснь на восхожденіе солнца:

Phoebus surgit, coelum scandit,
Polo claret, cunctis paret.

Чтобъ не передавать мыслей своихъ народу, ученые писали загадками, которыхъ смыслъ они одни только и могли разгадывать; вотъ напр. начало загадки Виргилія: Vastum personet ponticum ponto: ex natum naturo natum natura nataturus: terni terna flumen fontes fronda ex una undatim daturi sepha semper atur aspin, и пр.[32]

Школа Тулузская, дошедъ до такой крайности, представляется сборищемъ людей сумасшедшихъ, и съ трудомъ вѣришь Виргилію, когда онъ цитуетъ цѣлыя сочиненія, написанныя этими Цицеронами и Луканами того времени, по этой странной системѣ грамматики, орѳографіи и версификаціи. Однакожъ, не смотря на это ребячество, ученые все-таки раскрывали мысли глубокія, религіозныя вѣрованія, ученіе философское. Виргилій былъ христіанинъ: посылая діакону Жермену свои письма о частяхъ рѣчи, онъ проситъ его молитвъ; онъ хочетъ посвятить все краснорѣчіе и всѣ знанія на служеніе божественному закону. И такъ если въ изученіи науки возстаютъ нѣкоторые споры противъ древняго ученія Евреевъ, необходимо, чтобъ вѣщанія земли замолкли предъ глаголами неба. Ибо, говоритъ онъ, тѣ дѣлаютъ жалкое употребленіе изъ своего мужества, которые хотятъ защищать знаніе философовъ и колеблютъ авторитетъ Еврейской мудрости, когда признаютъ ее старою и необразованною. Что касается до него, то, вѣрный святымъ правиламъ отцевъ, онъ не думаетъ, чтобъ это было лишнее, когда міръ освѣщается двумя свѣтилами, вѣрою и разумомъ. Онъ хвалитъ церковь за обычай, котораго она держится по преданію апостольскому, именно, что хранитъ порознь сочиненія философовъ языческихъ и философовъ христіанскихъ. Люди, изучившіе свободныя и свѣтскія науки, не могутъ бросить въ

[32] Virg. Epist. p. 94.

Digitized by Google

сторону своихъ познаній. Они дѣлаютъ услугу церкви списываніемъ и толкованіемъ книгъ Писанія; потому учители церкви мудро рѣшили, чтобъ были двѣ библіотеки, одна съ книгами христіанскихъ философовъ, другая для книгъ языческихъ, изъ опасенія, что если смѣшать невѣрныя книги съ вѣрными, то не будетъ различія между нечистымъ и чистымъ.[33] Это свидѣтельство важно, какъ доказательство терпимости со стороны церкви относительно языческихъ писателей; оно бросаетъ новый свѣтъ на эпоху грамматика Тулузскаго. Видишь послѣднюю борьбу древней философіи съ новою религіею, которая оспариваетъ у первой малое число людей нерѣшительныхъ. Фабіанъ, ученикъ Виргилія, до крещенія былъ жаркимъ проповѣдникомъ язычества. Другой учитель того же времени, по имени Донъ, грамматикъ и риторъ сдѣланъ былъ священникомъ церкви христіанской. Самъ Виргилій не могъ оставаться праздным зрителемъ этой борьбы: онъ написалъ противъ невѣрныхъ книгу о сотвореніи міра.

Но, держа сторону откровенія, Виргилій не былъ врагомъ здравой философіи. Какъ философъ, онъ уважалъ всякаго, кто, «съ чистымъ сердцемъ и съ истинною ревностію приступаетъ къ изученію вещей божескихъ и человѣческихъ.» Для него философія, достойная своего имени, была источникомъ и матерію всякой науки, всякаго знанія; она объемлетъ поэзію, реторику, грамматику, діалектику, геометрію и ботанику. Онъ присоединяетъ сюда астрономію и физику, которая изслѣдуетъ, говоритъ онъ, о природѣ вещей.[34] Среди столькихъ предметовъ ученія первое занятіе ученаго и основаніе всей философіи есть познаніе человѣка. Для одушевленія тѣла человѣческаго, составленнаго изъ элементовъ сухихъ, жидкихъ и холодныхъ, Виргилій допускаетъ три души: первая, anima, сообщаетъ жизнь тѣлу, и отличаетъ человѣка отъ прочихъ животныхъ; вторая, mens, собираетъ впечатлѣнія чувствъ, удерживаетъ ихъ, совокупляетъ, и возвышается до истинъ отвлеченныхъ; третья, ratio, есть высшій разумъ, ко-

[33] Virgil. Praef. p. 5. Epitom. 1. p. 99. Epist. p. 41.

[34] Ibid. Epitom. III. p. 113, 115, 116.

Digitized by Google

торый нисходитъ въ мысль, уже приготовленную, сообщаетъ ей свѣтъ и жизнь, и передаетъ ей понятіе о небесныхъ предметахъ; и такъ на человѣка смотрѣли какъ на микрокозмъ, потому что онъ содержитъ въ себѣ все, что есть въ видимомъ мірѣ. «Въ тѣлѣ есть земля, въ душѣ огонь; мысли по быстротѣ подобны движенію воздуха, знаніе блеску солнца; счастіе подобно непостоянству явленій луны; юность есть цвѣтущая весна, пороки чудовище, сердце буря.»

Такое ученіе не было чуждо основаній, и нельзя отвергать, что въ школахъ занимались не однимъ изученіемъ Латинскаго, Греческаго и Еврейскаго языковъ. Однакожъ всего замѣчательнѣе, что эти умы, сбившись съ толку, кончали тѣмъ, что сомнѣвались въ своемъ знаніи и признавали тщетными труды, которые отнимали у нихъ множество времени. Эней, учитель Виргилія, имѣлъ обыкновеніе учить сравненіями и притчами. Однажды, когда Виргилій указалъ ему на скалу, разбиваемую волнами, Эней сказалъ: » сынъ мой! видишь этотъ голый утесъ, о который ударяютъ волны; такъ и мудрый окруженъ волнами знанія и погружается въ нихъ, и среди самыхъ пріятныхъ занятій, онъ все-таки чувствуетъ себя несчастнымъ.»[35] Пріятно уловить эти рѣзкія вспышки истиннаго знанія и найдти тамъ людей, гдѣ думаютъ видѣть только стариковъ, сдѣлавшихся младенцами!

Мы были бы не такъ строги къ темнымъ грамматикамъ VI и VII вѣка, если бы вспомнили, что такая же игра ума господствовала при Людовикѣ XIV; тогда во Франціи являлись Сафо, Анакреоны; Парижъ называли Аѳинами, Венсенъ — Венузіей, родиной Горація, Медонъ — Тибуромъ (Тиволи); когда знатныя барыни не гнушались вулгарнымъ языкомъ, и когда отшельники Портъ-Ройяльскіе занимали своихъ учениковъ разными формами силлогизмовъ.

(До след. книж).

[35] Virgil. Epist. p. 94. Dixit mihi (Aeneas): vide fili, doceat te lapis hic nudus, quem vides aquis corrosum; sic sapiens aquis suis corroditus, hoc est, sapientiae studiis infelix in mundo habetur.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ СЪ VI ДО IX ВѢКА ПО Р. Х.

(Статья Озанама.)

II.

Школы свѣтскія существовали и въ VII вѣкѣ, но уже склонялись тогда къ упадку. Язычество исчезло; съ нимъ пала и привязанность къ наукамъ языческимъ; потому должно было изъ духа Христіанства заимствовать новыя начала для образованія юношества.

Въ первыя времена Христіанства, новая религія открыла свои училища въ катакомбахъ. Въ Римѣ, въ пещерахъ Св. Агнесы, въ сторонѣ отъ предѣловъ, наполненныхъ могильными памятниками, находятся залы безъ алтарей, безъ орнаментовъ: тутъ только видна каѳедра, высѣченная въ камнѣ, на которой возсѣдалъ учитель, и скамья, назначенная для учениковъ; но новое образованіе становится болѣе извѣстнымъ съ того времени, какъ уроки Пантена, Климента Александрійскаго и Оригена привели въ движеніе цѣлый Востокъ, и указали возможность связи наукъ священныхъ съ языческими науками. Италія издали слѣдила за этими образцами, и если Кассіодоръ не успѣлъ, по желанію Папы Агапита, основать богословскаго училища, подобнаго Александрійскому, то по крайней мѣрѣ началось тогда первоначальное обученіе духовенства; соборъ Везуннскій (529 г.) писалъ въ одномъ изъ своихъ постановленій: «хорошо, что, по доброму обычаю, «принятому во всей Италіи, приходскіе священники принима«ютъ къ себѣ въ домъ мальчиковъ, и, какъ отцы, воспиты«ваютъ ихъ, заставляютъ ихъ учить Псалтирь, разумѣть Св. «писаніе, узнавать законъ Божій; они такимъ образомъ при-

Digitized by Google

«готовляютъ себѣ достойныхъ преемниковъ и заслуживаютъ «вѣчное блаженство».[1] Правило собора Везуннскаго, послѣ повторенное на соборахъ Турскомъ, въ 567 году, Толедскомъ, въ 624 году, Лiежскомъ и на Вселенскомъ Константинопольскомъ, въ 680 году, должно было положить основаніе публичному обученію въ средніе вѣка.

Слѣдуетъ узнать, какъ это постановленіе, столько разъ повторявшееся, потомъ оставленное безъ исполненія, преодолѣло наконецъ всѣ препятствія и принято на всемъ Западѣ.

Григорій Великій, котораго напрасно упрекаютъ, будто онъ проклялъ науки и сжегъ Тита Ливія, Цицерона и всю Палатинскую библіотеку, старался ввести науку въ Церковь; «онъ не терпѣлъ ничего варварскаго въ своихъ ученикахъ, и желалъ, чтобъ вокругъ него все было въ Латинскомъ духѣ, и чтобъ дворецъ его сдѣлался храмомъ знанія, опиравшимся на столпы семи свободныхъ наукъ».[2] Конечно, не одинъ разъ этотъ великій человѣкъ возставалъ противъ древности; но древность передала ему любовь къ изящному, и выражалась у него въ торжествахъ религіозныхъ, въ священныхъ пѣснопѣніяхъ; въ его литургическихъ реформахъ сохранились для насъ остатки музыки Греческой. Дабы сохранить это прекрасное искусство, завѣщанное древностію, Григорій основалъ школы въ двухъ мѣстахъ: одну подлѣ собора Св. Петра, другую во дворцѣ Латеранскомъ; долгое время спустя послѣ него, показывали здѣсь постель, на которой этотъ Папа, изможденный старостію и болѣзнями, любилъ отдыхать, и въ то же время заниматься съ своими учениками: тутъ же висѣла и плеть — наказаніе для лѣнивцевъ. Но музыка, послѣдняя изъ семи свѣт-

---

[1] Concil. Vasionens. II. c. 1. Placuit, ut omnes presbyteri, qui sunt in parochiis constituti, secundum consuetudinem, quam per totam Italiam satis salubriter teneri cognovimus, juniores lectores secum in domo, ubi ipsi habitare videntur, recipiant etc. Conf. concil. Constantinopol. general. VI, can. 5.

[2] Johann. Diacon. in vita Gregor. 1 c. 2 Nullus pontifici famulantium a minimo usque ad maximum barbarum quolibit in sermone, vel habitu prae se ferebat. Sed togata Quiritum more beata latinitas secum Latium in ipso latiali palatio singulariter obtinebat. Reflоruerant ibi diversarum artium studia, etc.

Digitized by Google

скихъ наукъ, требовала знанія всѣхъ другихъ, и для духовнаго пѣнія нужно была разумѣніе Св. писанія; потому нечего дивиться, если школа Св. Григорія сдѣлалась мѣстомъ богословскаго и свѣтскаго образованія, которое продолжалось даже въ IX вѣкѣ[3].

Въ то же время началась и монастырская ученая дѣятельность — на горѣ Кассино. Правда, уставъ Бенедикта не занимается школами монастырскими; но онъ предполагаетъ уже ихъ существованіе, когда позволяетъ принимать дѣтей, приводимыхъ въ монастырь, и воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ. Въ одномъ изъ правилъ говорится и о библіотекѣ: «Во время великаго поста съ утра до третьяго часа заниматься чтеніемъ. Въ эти дни пусть всякій беретъ книги изъ библіотеки и читаетъ ихъ всѣ по порядку. Одинъ или двое изъ старцевъ должны обойти монастырь и смотрѣть, нѣтъ ли между братіями какого-нибудь лѣнивца, который бы предался праздности или болтовнѣ, вмѣсто того, чтобы заниматься чтеніемъ. По воскреснымъ днямъ всѣ рѣшительно должны посвящать время чтенію»[4]. Уважая трудъ ума, обращая чтеніе въ обычное занятіе по днямъ воскреснымъ и во время четыредесятницы, правило Бенедиктинское много содѣйствовало ходу образованія. Эти монахи, которымъ оно предписывало корпѣть надъ книгами, должны были содѣлаться наставниками для всего Христіанства. Едва лишь монастыри начали образовываться, какъ вступаютъ въ нихъ науки. Между первыми учениками Бенедикта, многіе отличались своими сочиненіями; одинъ изъ нихъ, именемъ Маркъ, воспѣлъ открытіе своего монастыря, въ поэмѣ, которой прекрасными стихами въ ту пору восхищались. По древнему преданію, Вар-

---

[3] Ibid. Lib II, cap. 6. Scholam quoque cantorum, quae hactenus eisdem constitutionibus in sancta Romana ecclesia modulatur, constituit; eique cum nonnullis praediis duo habitacula, scilicet, alterum Lateranensis patriarchii domibus fabricavit, ubi *usque hodie* lectus ejus, in quo recubans modulabatur, et flagellum ipsius, quo pueris minabatur, reservatur.

[4] Reg. S. Benedict: «In quadragesimae diebus a mane usque ad tertiam lectioni vacent. In quibus diebus accipient omnes singuli codices de bibliotheca, quos per ordinem ex integro legant.»

Digitized by Google

ронъ жилъ на горѣ Кассино, и здѣсь, въ своемъ домѣ имѣлъ училище философіи. Бенедиктинцы хвалились, что имъ досталось это мѣсто, и Петръ діаконъ, ихъ историкъ, благодаритъ Бога за то, что Онъ даровалъ имъ эту гору и утвердилъ на ней училище вѣчной мудрости[5].

Но за стѣнами Рима, также какъ на высотахъ Кассино, науки не боялись варваровъ, которые ихъ не трогали. Важнѣйшею заслугою было распространить ихъ въ провинціяхъ Ломбардіи, гдѣ епископъ, окруженный небольшимъ числомъ клириковъ, одинъ защищалъ противъ тиранніи властителей слабые останки христіанскаго образованія. Среди опасностей седьмаго вѣка Архіепископъ Медіоланскій Бенедиктъ Криспъ завелъ училище, въ которомъ преподавались семь свободныхъ наукъ. Въ VIII вѣкѣ Гизонъ Моденскій побуждалъ своихъ священниковъ заводить школы и учить дѣтей. Въ то же время церковь Луккская имѣла свои училища подъ портикомъ самаго собора[6]. Такимъ образомъ Италія не покидала духовнаго образованія, которому сама дала первое движеніе; но во Франціи школьное обученіе 300 лѣтъ находилось въ борьбѣ съ вольномысліемъ и порчею нравовъ.

По немногимъ памятникамъ, которые дошли до насъ, видно, что во Франціи въ эту эпоху было 20 епископскихъ школъ: шесть въ Нейстріи; именно: въ Парижѣ, Шартрѣ, Троа, Манѣ, Ализѣ, Бове; три въ Аквитаніи: въ Поатье, въ Буржѣ, въ Клермонѣ; четыре въ Бургони: въ Аррѣ, Гапѣ, Вьеннѣ, Шалонѣ Саонскомъ; и семь въ Австразіи: въ Утрехтѣ, Мёстрихтѣ, Трирѣ, Ивѣ, Камбре, Мецѣ и Музонѣ[7].

---

[5] Petr. Diacon. de ort. et obit. Justorum coenobii Casinensis, vita Placidi: «Casinensis areis sublimitus tanto olim culmine viguit, ut Romani celsitudo imperii philosophicis studiis illam in aevum dicaret. Hanc Warro omnium Romanorum doctissimus incoluit» etc.

[6] Murator. Antiqu. Ital. II 487 act. Gison. «In clericis congregandis, schola habenda, et pueris educandis sis assiduus». О Криспѣ и Луккскомъ училищѣ apud Mai Auct. class. 4 v. p. 391 И Diplom. Luce 737. «Signum manus Téndualdi magistri. Ib. 767.» Propter porticalem ejusdem basilicae, ubi est schola».

[7] Guizot. Histoire littér. de France, tom. III, p. 417.

Digitized by Google

Въ самомъ началѣ 17 вѣка, предъ тѣмъ, какъ запустѣли каѳедры языческихъ грамматиковъ и риторовъ, епископы начали заботиться объ образованіи клира и народа. Цезарій Арльскій обучалъ своихъ учениковъ первымъ основаніямъ наукъ; тогда же его богословскими уроками восхищались Греческіе монахи, приходившіе его слушать. Ремигій скорбѣлъ о нападкахъ Фулька, Епископа Тонгрскаго, на духовное училище въ Музонѣ. Дезидерій Вьеннскій объяснялъ своимъ ученикамъ творенія поэтовъ. Жермень привелъ въ цвѣтущее состояніе школу Парижскую. Поэтъ Фортунатъ описываетъ роскошную базилику, построенную Хильдебертомъ, украшенную мраморными колоннами, освѣщенную окнами, которыя, «брали въ плѣнъ лучи солнца,» и говоритъ между прочимъ: «По срединѣ на хорахъ церковныхъ возсѣдаетъ Св. Жермень, окруженный своими священниками и діаконами въ бѣломъ облаченіи; онъ управляетъ двумя ликами, которые воспѣваютъ псалмы Давида, и глазами и жестами дирижируетъ съ одной стороны стариками, съ другой юношами»[8]. Эти юноши, набранные изъ дѣтей клириковъ, брали у первосвященника первые уроки въ знаніи вещей Божескихъ и человѣческихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Епископъ Бертрамъ, тотъ самый, котораго Фортунатъ привѣтствовалъ своими роскошными стихами, и который хвалился, что могъ ссбя считать однимъ изъ любимыхъ учениковъ Жерменя. Нельзя безъ уваженія смотрѣть на эти начатки публичнаго обученія въ томъ народѣ, которому въ XIII вѣкѣ суждено было видѣть тысячи учениковъ при ногахъ учителей.

Тогда же во Франціи стали открывать школы въ монастыряхъ, и нигдѣ монастыри не были такъ хорошо устроены для наукъ, какъ въ этой странѣ: образцами въ этомъ родѣ были аббатство Леренское и Св. Виктора. Правила обученія распространялись тамъ вмѣстѣ съ правилами жизни монаше-

[8] Fortunat. Carm. Lib, II. 8. «In medio Germanus adest, antistes honore,
Qui regit hinc juvenes, subrigit inde senes.»

Digitized by Google

ской. Авгендъ, аббатъ Кондатскій (Реннскій), обучалъ своихъ учениковъ Греческому и Латинскому языкамъ; и когда онъ умеръ въ 510 году, Авитъ Вьеннскій безпокоился объ опасности, угрожавшей этой знаменитой школѣ, и умолялъ священника Вивентьола поддержать училище. Спустя сто лѣтъ, въ монастырѣ Св. Иларія въ Поатье существовало училище, въ которомъ преподавали свободныя науки; въ немъ курсъ ученія продолжался семь лѣтъ: два первые года были посвящены упражненіямъ, способствующимъ раскрытію ума; въ слѣдующія пять лѣтъ преподавались высшія науки, и ученикъ могъ прямо занять мѣсто учителя[9]. Школа Фонтенелева въ Нормандіи считала до 300 учениковъ; школы Св. Медара въ Соассонѣ, въ Ситью, въ Иссуарѣ, были разсадниками епископовъ и ученыхъ монаховъ. Библіотека въ Лигюже обогащена была почти всѣми отцами Греческими и Латинскими. Если нужно перечислять всѣ монастыри, въ которыхъ преподавались науки въ VII вѣкѣ, то можно указать на монастыри Жюльежъ, Св. Тореня въ Эвре, Солиньякъ, Св. Жерменя Оксерскаго, Мутье въ Троа, Миси, Агонь, и въ сѣверныхъ провинціяхъ монастыри Св. Венсана, Св. Валерія, Толедскій и Гранвальскій. Даже женскіе монастыри, закрытые отъ всѣхъ внѣшнихъ искушеній, были открыты для знаменитыхъ наставниковъ и драгоцѣнныхъ рукописей. Цезарій Арльскій требовалъ, чтобъ его монахини каждый день два часа посвящали чтенію и занимались списываніемъ книгъ. Монахи Ирландскіе приходили учить церковной музыкѣ монастырокъ Нивельскихъ, и около 745 года двѣ монахини обители Валансьенской переписали весь Псалтирь, Евангеліе и много другихъ книгъ, которыя потомъ обложили золотомъ и драгоцѣнными камнями.

---

[9] Vita Aicadr. apud Mabillou. Act. Ss. II. 954. Post ablactationem pueri, summa cum diligentia tradiderunt parentes illum ad erudiendum cuidam viro, sapientia famosissimo, nomine Ausfrido. Erat itaque infans decennalis, quando resedit in scholari primo geniculo. Dein biennio discens ea, quae a magistro petierat, florere jam coepit.... et post de virtute in virtutem transiens, quinquennio transacto, visum illi fuit magistrum fore et inter primores conscholarios residere.»

Digitized by Google

И такъ Церковь была училищемъ, и притомъ доступнымъ для всѣхъ. Вовсе не слѣдуетъ думать, какъ многіе думаютъ, что знаніе, заключенное въ монастыряхъ, не было доступно для мірянъ. Этерій, Епископъ въ Лизьё, такъ былъ привязанъ къ воспоминанію юношества, что выкупивъ одного клирика, осужденнаго на смерть и бывшаго наставникомъ изящныхъ искусствъ, заставилъ его учить, назначилъ ему доходъ съ виноградниковъ, и отдалъ на его руки дѣтей со всего города[10]. Съ другой стороны видимъ, что Св. Экадръ, получивъ образованіе въ одномъ монастырѣ въ Поатье, пошелъ послѣ того въ міръ, и нѣсколько лѣтъ прожилъ тамъ, пока не поступилъ на служеніе Церкви. Но огромная духовная и свѣтская школа во времена Меровинговъ, когда публичное обученіе значительно распространилось, была при дворѣ.

Когда Франки вступили въ Галлію и въ Церковь, они всего болѣе питали уваженіе къ имени Св. Мартина, который нанесъ послѣдній ударъ язычеству. Соборъ Турскій, гдѣ почивали его мощи, сдѣлался народнымъ святилищемъ: короли не могли перенести могилу святаго въ другое мѣсто, хотѣли по крайней мѣрѣ, чтобъ его мантія перенесена была во дворецъ, какъ знаменіе благословенія и побѣды на поляхъ брани, и мантія (chape) Св. Мартина, положенная въ ковчегъ, дала имя *капеллы* (chapelle) часовнѣ, въ которой она хранилась. Мѣсто, освященное такимъ высокимъ залогомъ, должно было день и ночь оглашаться религіозными пѣснопѣніями. Меровинги, эти люди неукротимые, любили, подобно Саулу, укрощать свои страсти звуками музыки и пѣнія. Кловисъ выписалъ изъ Италіи игрока на лютнѣ; Тьерри держалъ при себѣ молодаго клирика Галла, котораго голосъ приводилъ его въ восторгъ; Гонтранъ на торжественномъ пиршествѣ просилъ епископовъ, сидѣвшихъ за его столомъ, спѣть ему стихи, которые поютъ

---

[10] Gregor. Turon. VI. 36 «Igitur postquam clericus vitae donatus est, profert se litterarum esse doctorem, promittens sacerdoti, quod, si ei pueros delegaret, perfectos eos in litteris redderet. Gavisus auditu, sacerdos pueros civitatis colligit, ipsique delegat ad docendum,» etc.

Digitized by Google

на литургіи между Апостоломъ и Евангеліемъ (graduel, степенны). Если Короли имѣли такую страсть къ церковной музыкѣ, не удивительно, что молодые клирики, служившіе въ придворной церкви, были тщательно упражняемы въ музыкѣ и пѣніи, что капелла сдѣлалась школою церковнаго пѣнія, и что наконецъ она, подобно школѣ Св. Іоанна Латеранскаго, заключала въ себѣ всѣ науки, которыми довершалось образованіе клириковъ. Вотъ почему титулъ начальника капеллы, капельмейстера, давали только людямъ ученымъ, часто иностранцамъ, какъ наприм. Беоарію, Римлянину, котораго милость Королей взыскала въ Шартрѣ, куда онъ принесъ ученыя преданія Италіи. Такіе учители нужны были для учениковъ, предназначаемыхъ къ высшимъ должностямъ церковнымъ, и посему понятенъ декретъ Клотарія II, который предоставляетъ своему сыну право избирать епископовъ изъ клириковъ своей капеллы, «per meritum personae et doctrinae»[11].

Но эта школа епископовъ не была такъ строга, чтобъ отталкивать отъ себя благородное юношество, служившее при дворѣ по древнему обычаю, занятому у Германцевъ. Со временъ Тацита, полководцы принимали въ свою свиту юношей благородныхъ фамилій. Послѣ видимъ Королей, окруженныхъ молодыми людьми, которыхъ рекомендовали имъ отцы; это условный терминъ, который означалъ состояніе дѣтей воспитываемыхъ на глазахъ самого Короля, ихъ протектора, предназначаемыхъ въ его сподвижники и собесѣдники. Такимъ образомъ дворецъ сыновей Кловиса наполнился потомками знаменитыхъ Франкскихъ и Галло-Римскихъ фамилій; они были залогамц вѣрности ихъ родителей, украшеніемъ королевскихъ праздниковъ, привеллигированными кандидатами на всѣ важныя должности при дворѣ. Потому имъ необходимо было получить образованіе, соразмѣрное съ важностію ихъ назначенія. Съ тѣхъ поръ какъ

[11] Du Cange Glossarium vid. La chapelle. Clotharii edict. apud Pertsz. tom. I Legum p. 14. «vel certe si de palatio eligitur, per meritum personae et doctrinae ordinetur.»

Digitized by Google

Короли начали говорить по-Латинѣ, писать стихи, изучать Римскіе законы для изданія своихъ капитуляріевъ и для наложенія податей, они любили окружать себя людьми образованными, питали расположеніе къ тѣмъ, которые умѣли разобрать какое-нибудь дѣло, или быть адвокатами и кричать подобно древнимъ Галльскимъ ораторамъ; Св. Эврультъ, Дезидерій Кагорскій, Жермень, Боннетъ, Гермеландъ за свои успѣхи въ наукахъ достигли чести быть при дворѣ совѣтниками, казнохранителями и мундшенками. Юные сверстники наслѣднаго принца, питомцы двора, какъ ихъ называли, шли тѣмъ же путемъ къ счастливой будущности; и если имъ надлежало посвятить себя наукамъ, то школа, образовавшаяся подъ сѣнію капеллы, давала имъ наставниковъ.[12]

Придворная школа Французскихъ Королей приготовляла воспитанниковъ къ обязанностямъ жизни религіозной или къ обязанностямъ гражданскимъ. Въ VI вѣкѣ Аквитанецъ Аредій отрекомендованъ былъ Королю Теодеберту съ тѣмъ, чтобъ его приняли въ королевскую школу, и послѣ сдѣлался основателемъ аббатства Св. Ирье, Франкъ Гого удивлялъ дворъ храбростію въ борьбѣ съ буйволомъ; онъ же отличался краснорѣчіемъ, которое возбуждало рукоплесканія въ школѣ.[13] Въ VII вѣкѣ родственники Св. Ламберта привели его къ епископу Утрехтскому, дабы онъ отдалъ учить его наукамъ священнымъ и монашескимъ правиламъ вмѣстѣ съ питомцами двора. Въ то же время Св. Вандриль, принятый Королемъ Дагобертомъ, научился военному искусству и изучилъ всѣ искусства, необходимыя для людей благородныхъ, и всѣ свѣт-

---

[12] Vita Geremar. in Act Ss. p. 475. «Hunc si quidem genitores velut unicum filium tenere diligentes, tradiderunt scholis erudiendum. Audivit famam sanctitatis ejus atque prudentiae rex Dagobertus, mittensque nuntios accersivit eum in palatio suo. Et videns eum elegantem et doctum in verbis et sapientem in consiliis, praefecit eum consiliis suis.»

[13] De Aredio Gregor. Tur. «interea praecellentissimo regi Theodeberto commendatur, ut eum instrueret eruditione palatina.» Fortunat. Carmin. VI. 4. ad Gogon.

Sive Palatina residet modo lactus in aula,
Cui schola congregiens plaudit, amore sequax.

Digitized by Google

скія науки.[14] Въ VIII вѣкѣ, въ ту пору, когда Карлъ Мартеллъ даритъ епископства и аббатства своимъ соратникамъ, когда при дворѣ Австразійскомъ, казалось, только и были одни военные — мы видимъ при немъ молодаго Хродеганга, который съ такимъ успѣхомъ занимался науками, что говорилъ по-Латинѣ, какъ природный Римлянинъ, и отличался красно рѣчіемъ въ рѣчахъ. Между тѣмъ онъ искалъ еще временныхъ почестей и занималъ должность референдарія, пока Промыслъ не призвалъ его на епископство въ Мецъ. При Пипинѣ Короткомъ въ придворной школѣ образовались Адальгардъ и Вала, оба королевской фамиліи, возведенные на первыя мѣста въ Церкви и государствѣ, и кромѣ ихъ Св. Бенедиктъ Аніанскій, реформаторъ монашеской жизни. Вотъ школьные товарищи Карла Великаго, а это послѣднее имя ручается, что школа, дошедшая до его времени, не могла погибнуть.[15]

Теперь хотѣлось бы проникнуть въ пріютъ, открытый политикою Королей для избранныхъ юношей Франкскихъ, послушать лекціи наставниковъ и узнать, до какой степени они продолжали преданіе Римское. Если недостатокъ свидѣтельствъ не позволяетъ узнать вполнѣ ученую жизнь, которая одушевляла дворъ Дагобера, то объ ней можно судить по двумъ лицамъ, представителямъ всего, что VII вѣкъ, — такой худой періодъ времени, — могъ сохранить важнаго въ ученомъ и нравственномъ отношеніи.

На первомъ планѣ стоитъ Дезидерій Кагорскій, воспитанникъ школъ Аквитанскихъ, рано призванный ко двору, гдѣ онъ выказалъ всю глубокость ума, напитаннаго чтеніемъ

---

[14] Vita Landebert. apud Mabill. Act. Ss. sec. III. p. 69. «Protinus pater ejus commendavit eum supradicto Antistiti, divinis dogmatibus et monasticis disciplinis in aula regia erudiendum.» Vita Wandregis. ibid. p. 534. «Quumque adolescentia polleret actas in annis, sub praefacto rege Dagoberto, militaribus gestis ac aulicis disciplinis, quippe, ut nobilissimus, nobiliter educatus est; et crescentibus sanctae vitae moribus, cunctisque mundanarum rerum disciplinis imbutus, a praefacto rege comes constituitur palatii.»

[15] Vita Adalh. Walae et Benedicti apud Mabill. Acta Ss. sect. IV, p. 144. 464. 710.

Digitized by Google

поэтовъ, ораторовъ и юрисконсультовъ. Совѣты матери его Герхенфреды сопровождали его среди опасностей придворной жизни; и эта женщина, варварка по происхожденію, находила способы, подобно Св. Моникѣ, учить своего любезнаго сына, «хранить страхъ Божій и вѣрность Королю, любить ближнихъ и ненавидѣть зло». Дезидерій сблизился съ умными и лучшими изъ товарищей; указанія на это видны въ его перепискѣ. Сдѣланный сперва губернаторомъ Марсели, потомъ епископомъ Кагорскимъ, Дезидерій никогда не забывалъ первыхъ привязанностей дружбы, которыя укрѣпились любовію къ наукѣ. Онъ принималъ стихи отъ Сульпиція Буржскаго, — напоминалъ Св. Авдену о нѣжной привязанности, которую оба они питали къ Св. Элигію, онъ писалъ къ Аббону: «у меня часто бываетъ желаніе, если бы можно было, бесѣдовать съ тобою, подобно тому какъ нѣкогда въ мірской одеждѣ, въ обществѣ принца Клотарія, мы имѣли обыкновеніе передавать другъ другу мысли на тетрадяхъ; теперь, отложивъ суету, хорошо бы намъ вмѣстѣ размышлять о вожделѣнныхъ заповѣдяхъ Христовыхъ.»[16] Такъ любилъ умственныя занятія, такой вкусъ имѣлъ къ прекрасному этотъ житель юга, изъ Галло-Римскаго поколѣнія; онъ всегда уважалъ древность, и выстроилъ вновь стѣны въ своемъ епископскомъ городѣ, — не такъ какъ у варваровъ, но, по замѣчанію его біографа, изъ широкихъ тесанныхъ камней, какъ строили древніе. Онъ соорудилъ также много церквей и монастырей, и одну часовню, такой чудной архитектуры, что «когда входишь въ это прекрасное мѣсто, то нельзя не пасть на колѣна; ибо думаешь, что ты въ раю.»[17]

Совершенно другимъ характеромъ отличались личность и сочиненія Св. Авдена, этого друга Дезидерія и Элигія, который провелъ вмѣстѣ съ ними прекрасные дни юности

---

[16] Epist. Desider. Abboni apud Duschesne. p. 879. «Optarem frequenter, si possibilitas arrideret, vestris interesse colloquiis, ut, sicut nos sub saeculi habitu in contubernio serenissimi Clotharii mutuis solebamus revelare tabellis«, etc.

[17] Vita Desider. apud Buquet. III. p. 527. «Quo loco, dum mens desiderantis ita ingrediens refovetur, ac si partem paradisi se occupasse gratulatur».

Digitized by Google

въ дворцѣ Нейстрійскомъ. Онъ основательно зналъ Латинскій языкъ и христіанское богословіе, и занималъ мѣсто референдарія при Архіепископѣ Руанскомъ. Въ немъ виденъ житель Сѣвера, угрюмый Германецъ, увлеченный болѣе строгими правилами Христіанства, нежели суетою древняго образованія. Рѣшившись описать жизнь Св. Элигія, онъ проситъ извиненія въ жесткости своего языка, но не такъ какъ это дѣлалъ Григорій Турскій, не по смиренію, но съ выраженіемъ отвращенія къ древности и презрѣнія къ школьнымъ украшеніямъ рѣчи. Онъ говоритъ, что «разсказъ его могъ бы быть блистательнѣе, но ему хотѣлось умѣрить языкъ такъ, чтобы излишнею грубостію не оскорбить учителей, и чтобъ не наскучить простымъ людямъ, если гнаться за пустымъ дымомъ грамматиковъ.» Онъ желаетъ, чтобъ религіозный писатель говорилъ не для малаго числа людей праздныхъ, которые слѣдуютъ философамъ, но для всего рода человѣческаго. Онъ называетъ несноснымъ того, который говоритъ какъ софистъ, и наконецъ спрашиваетъ: что за польза отъ этихъ учителей, которые заняты больше разрушеніемъ, чѣмъ созиданіемъ.[18] Въ жару такого негодованія на красоты рѣчи, которое кончилось тѣмъ, что онъ самъ дѣлался краснорѣчивъ, Авденъ приводитъ на судъ Христовъ всѣхъ поэтовъ, всѣхъ ораторовъ, историковъ, языческихъ философовъ, и укоряетъ ихъ, что они ничему не научили христіанъ.

Конечно, тяжело слушать такія грубыя выходки противъ Виргилія, Тита Ливія и Цицерона; но нужно вспомнить о грубости того времени, объ отчаянной борьбѣ, которая происходила между Римскими преданіями и геніемъ Германскимъ, который вполнѣ жилъ еще въ нравахъ Франковъ. Епископы начинали понимать, что усилія возста-

[18] Vita S. Audoeni. proleg. «Ita stylum placet corrigere, ut nec simplicibus quibusque grammaticorum sectando fumos displiceat, nec scholasticos etiam nimia rusticitate offendat. Non otiosis philosophorum sectatoribus, sed universo loquatur hominum generi. Qui sophistice loquitur, odibilis est.... Quid enim legentibus nobis diversa grammaticorum argumenta proficiunt, quum videantur subvertere potius, quam aedificare?»

Digitized by Google

новить древнее общество поведутъ только къ его паденію. Вотъ почему они уклонялись отъ этой древности, которая приводила въ удивленіе и восторгъ ихъ предшественниковъ; они видѣли, что этотъ свѣтъ не могъ руководить народами среди новыхъ опасностей, наведенныхъ Промысломъ. Ужасныя событія не позволяли предаваться занятіямъ созерцательными науками, и предпочитать любовь къ изящному любви къ полезному. Люди умные хотѣли искать въ наукахъ только средства призывать людей къ ихъ обязанностямъ, а не къ тому, чтобъ доставлять имъ удовольствіе. Въ седьмомъ вѣкѣ, такомъ жалкомъ, явилось, можетъ быть, столько же сочиненій, сколько и въ шестомъ; но тогда занимались въ особенности проповѣдями и житіями святыхъ, сочиненіями, прямо ведущими къ назиданію невѣдущихъ. Въ это время видны только слабые останки науки и искусства, и историки указываютъ на этотъ вѣкъ, какъ на время упадка литературы.

Между тѣмъ самая жесткость, съ какою Авденъ нападалъ на авторитетъ древнихъ, показываетъ, что были въ то время приверженцы древности. Съ такою силою не возстаютъ противъ дѣла уже покончennаго; и когда благочестивый епископъ высказываетъ негодованіе на школьныхъ ученыхъ, грамматиковъ и софистовъ, онъ протестуетъ только противъ пустыхъ споровъ, противъ мистическаго направленія науки и противъ философскаго языка профессоровъ Тулузскихъ. Онъ не принадлежалъ къ ученикамъ Виргилія Марона, къ тѣмъ людямъ, которые до того боялись варваровъ, что выдумали новый языкъ, чтобъ ихъ не понимали; онъ не принадлежалъ къ этимъ людямъ, которые не могли уберечь наслѣдія ума человѣческаго. Нужны были характеры желѣзные, убѣжденія самыя сильныя, чтобъ сдѣлать занятія науками не пищею суеты, но дѣломъ совѣсти. Точно наука перестала быть игрушкою ума и сдѣлалась обязанностію государственною; стремленіе ко благу заставило забыть любовь къ красотѣ; въ этой побѣдѣ мысли надъ формою я вижу не конецъ, но начало истинной литературы. Правда, что всѣ литературные роды, извѣстные у древнихъ, исчезли, что всѣ идолы классическаго искусства сокрушены; но вдохновеніе, которое одушевляло

Digitized by Google

древнихъ, не исчезнетъ, оно съумѣетъ найти себѣ новые образцы. Я увѣряюсь въ этомъ, когда читаю прологъ къ жизни Св. Максимина, аббата Мицiйскаго, написанный однимъ неизвѣстнымъ монахомъ VII вѣка; здѣсь я нахожу всю жесткость и, если угодно, всю нетерпимость Св. Авдена; но вмѣстѣ тутъ видна вся пламенность человѣка, который не даетъ уму человѣческому повергнуться въ дремоту, и который, проклиная философовъ, хочетъ по крайней мѣрѣ спасти имя философіи.

«Извѣстно, читается въ прологѣ, что въ древніе вѣка многія секты учили мудрости. Но между всѣми тѣхъ считали достигшими мудрости, которые проникали въ trivium; тутъ будто заключалось полное знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ, или, какъ говорятъ Латиняне, scientia naturalis, moralis et rationalis, т. е. физика, эѳика и логика. Но Писаніе говоритъ, что премудрые міра сего, не познавъ премудрости Божіей, погибли въ своемъ невѣжествѣ. Ибо эти умы, которые силою своего разумѣнія познали Творца, не прославили Его достойнымъ образомъ. У нихъ много послѣдователей, которые считаютъ себя великими на словахъ, которые хвастаются, что проникаютъ въ истины, открытыя ихъ предками, но которые погружены въ тѣ же самыя заблужденія.

«Но мы стараемся убѣгать сихъ заблужденій; у насъ есть истинная физика въ историческомъ повѣствованіи Св. писанія, истинная логика въ созерцаніяхъ вѣры, надежды и любви, истинная эѳика въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Вотъ философія богоугодная; Богъ хотѣлъ показать намъ первый примѣръ ея въ лицѣ Соломона, который въ трехъ своихъ книгахъ представляетъ троякій родъ философіи: въ Екклезіастѣ учитъ познавать природу, въ Притчахъ исправляетъ нравы, въ Пѣсни пѣсней научаетъ подъ покровомъ аллегоріи искать тайны вещей божественныхъ.

«И такъ, желая научить нашъ вѣкъ, Всемогущій избралъ изъ среды людей одного человѣка, который не былъ напоенъ мірскою мудростію, но сіялъ блескомъ добродѣтели, — въ Максиминѣ указалъ намъ образецъ мудрости; ибо тогда какъ ученики философіи языческой возносятъ своихъ учителей до

Digitized by Google

облаковъ, хвалятъ въ Пиѳагорѣ познаніе природы, въ Сократѣ чистоту нравовъ, въ Платонѣ знаніе вещей божественныхъ, не достойно было бы вѣры христіанской оставить во мракѣ забвенія того, который былъ нашимъ философомъ.»[19]

Однакожъ общее ученіе Церкви никогда не отвергало наукъ классическихъ. Въ каждую эпоху стоятъ на виду двѣ школы: одна унижала древность, какъ Эрмъ въ своихъ возраженіяхъ противъ языческихъ философовъ; другая хвалила ее, какъ напр. Климентъ Александрійскій и Св. Василій. Большинство лицъ впрочемъ на сторонѣ послѣдней школы. Іеронимъ и Августинъ не могли удержаться, чтобъ не цитовать Виргилія; за четвертую эклогу пѣвцу любви Дидоны готовы простить грѣхи, и даютъ ему мѣсто въ ряду Сивиллъ и между провозвѣстниками Христіанства. Намъ извѣстно постановленіе церкви Тулузской касательно книгъ языческихъ; оно позволяетъ ими осторожно пользоваться, а не предаетъ ихъ всесожженію. Если въ VII вѣкѣ поэзія и знаніе древнихъ не были вполнѣ безопасны для Галліи, еще не оставившей воспоминаній о Латинскомъ язычествѣ, за то языческая древность не казалась вредною для Ирландцевъ и Англосаксовъ, которымъ она не напоминала ни боговъ ихъ страны, ни жестокихъ обычаевъ ихъ предковъ. И Церковь, которая открывала робкою рукою эти страницы, обольстительныя для дѣтей древнихъ городовъ Латинскихъ, даетъ ихъ безъ опасенія этимъ выходцамъ изъ страны варваровъ.

Легенда о Св. Патриціѣ разсказываетъ, что онъ, послѣ тридцатилѣтней проповѣди, возжелавъ видѣть плоды трудовъ своихъ, былъ восхищенъ духомъ, и ему представилось, что онъ перенесенъ на вершину одной горы, съ которой увидѣлъ Ирландію всю въ огнѣ. Этотъ огонь, возженный имъ самимъ, былъ огонь знанія и вѣры. Ученикъ аббатства Мар-

---

[19] Vita Maximin. abbat. Miciae, apud Mabill. Ac. Ss. I. 581. Prolog. Plures fuisse sectas, quae sapientiam profiterentur inter eos, quos prisca saecula pepererunt, manifestum est; sed inter omnes illi judicati sunt summam sapientiae attigisse, qui trivium illud terere conati sunt, in quo requiritur divinarum humanarumque peritia rerum, quod constat in physica, ethica et logica», etc.

Digitized by Google

мутьерскаго въ началѣ V вѣка, когда изъ монастырей Галліи вышло столько ученыхъ мужей, Патрицій не опустилъ изъ виду сихъ великихъ образцевъ. Въ одно и то же время онъ строилъ церкви и открывалъ школы; одну изъ нихъ, основанную въ Слетти, онъ поручилъ обратившемуся въ христіанство барду, по имени Фиху; школу Армагскую отдалъ въ управленіе своему ученику Бенгегну, вѣроятно, Галлу по происхожденію. Память о немъ особенно сохранилась въ большихъ монастыряхъ Клонара, Лизмора и Бангора. Гдѣ бы религія ни сооружала алтари, тамъ утверждались и науки. Эта христіанская ревность Ирландцевъ, которые никогда не боялись обширныхъ познаній, хорошо высказывается въ исторіи Св. Люана, основателя Клонферта. Юный Люанъ стерегъ свои стада; Св. Комгалль, выпросивъ его у отца, привелъ его въ монастырь Бангорскій, вырѣзалъ ему азбуку на камнѣ, и началъ учить. Однажды Комгалль увидѣлъ своего ученика у ногъ Ангела, который училъ его читать и поощрялъ къ занятіямъ. Дождавшись конца видѣнія, онъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: «сынъ мой! ты просилъ у Господа опаснаго дара; ибо многіе были обольщены своимъ знаніемъ и любовію къ свободнымъ наукамъ, и погибли.» Люанъ отвѣчалъ: «если бы я позналъ Бога, я бы никогда не оскорблялъ Его; ибо тѣ не повинуются Ему, которые Его не познали.» Тогда Комгалль оставилъ его, сказавъ: «сынъ мой! ты твердъ въ законѣ, и истинное знаніе поставитъ тебя на прямомъ пути къ небу.»[20]

Исторія Св. Люана есть исторія всей Ирландіи. Этотъ народъ пастушескій, остававшійся столько вѣковъ внѣ разумнаго общенія со свѣтомъ, захотѣлъ вдругъ узнать все, чего не зналъ. Онъ съ жаромъ бросается за всѣ науки и собираетъ множество книгъ. Какъ у Королей были свои барды и историки, такъ каждый монастырь имѣлъ своихъ писцовъ, которые распространяли книги священныя и свѣтскія. Если поднимали какой-нибудь религіозный споръ, то на немъ приводили сочиненія не только Латинскихъ отцевъ, Кипріана,

[20] Vita S. Luan. apud Fleming. Collectanea sacra.

Digitized by Google

Іеронима, Августина, Григорія, но и писанія отцевъ Греческихъ, напр. Св. Кирилла. Изъ двухъ легендъ можно видѣть, какое глубокое уваженіе имѣли тогда къ смиренному труду переписчиковъ. Въ Кильдарѣ показывали одну книгу, украшенную рисунками, и преданіе гласило, что ангелъ каждую ночь являлся писцу и водилъ его рукою. Разсказываютъ еще о Св. Коломбанѣ, что извѣщенный о своей смерти, онъ наканунѣ этого дня провелъ нѣсколько часовъ въ перепискѣ Псалтиря, и дописавъ до конца страницы, на которой оканчивается 33-й псаломъ, остановился и завѣщалъ одному изъ своихъ учениковъ дописать остальные псалмы.

Если считали добрымъ и богоугоднымъ дѣломъ — переписывать книги, то учить, открывать людямъ истину было уже чисто небеснымъ призваніемъ; самая ревность, съ какою старались обогатить библіотеки Ирландскихъ монастырей, свидѣтельствуетъ о благоуспѣшномъ состояніи школъ. Въ нихъ преподавали богословіе во всемъ объемѣ и въ такой чистотѣ, съ какою оно вышло изъ борьбы съ аріанствомъ и ученіемъ Пелагія; ученики VII вѣка изучали Св. писаніе по методу толкованія, введенному Петромъ Ломбардомъ и Ѳомою, именно, различали въ немъ смыслъ четырехъ родовъ: буквальный, аллегорическій, нравственный и аналогическій. Можно сказать, что они перегнали схоластику, приспособляя утонченность Греческой логики къ разрѣшенію догматовъ христіанскихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Св. Бенедиктъ Аніанскій, который приводитъ любимую дилемму богослововъ Ирландскихъ о таинствѣ Святыя Троицы[21]. Страсть къ религіознымъ диспутамъ не отвлекала умы отъ наукъ свѣтскихъ. Энциклопедія Марціана Капеллы, состоявшая изъ семи наукъ, составляла курсъ ученія. Нигдѣ «Бракъ Меркурія и Филологіи» не былъ принятъ съ такимъ восторгомъ, какъ на берегахъ этого острова, гдѣ никогда не бывали музы языческія. Не было ни одного строгаго анахорета, котораго бы

[21] Benedict. Anianens. Epistol. «Apud modernos scholasticos maximi apud Scotos est syllogismus delusionis, ut dicunt, Trinitatem, sicut personarum, ita esse substantiarum.»

Digitized by Google

не выхваляли въ его житіи за то, что онъ любилъ науки. Св. Коломбанъ трудился надъ изученіемъ грамматики, реторики, геометріи; Св. Финтанъ отличался въ діалектикѣ. Наконецъ Ирландцы старались довести до послѣдняго совершенства двѣ науки, вѣнецъ всѣхъ наукъ, астрономію и музыку. Съ одной стороны, они вступали съ Британцами въ споръ о времени празднованія Пасхи, а это уже предполагаетъ знаніе цикловъ астрономическихъ. Св. Кумміанъ считаетъ ихъ не менѣе десяти въ своемъ письмѣ, въ которомъ, оправдывая Римскій обычай, вноситъ свѣтъ здравой критики въ лабиринтъ древнихъ календарей. Съ другой стороны, ничто не могло равняться со славою бардовъ Эринскихъ и умѣньемъ ихъ играть на арфѣ. Когда Англы въ XI вѣкѣ въ первый разъ ступили на эту землю, то ихъ стрѣлки въ восторгѣ остановились при звукахъ, которые туземные пѣвцы извлекали изъ своихъ инструментовъ, — удивлялись ихъ ловкости и быстротѣ, съ какою руки бѣгали по струнамъ, извлекая изъ нихъ цѣлый міръ гармоніи. Ирландцы отличались и въ церковномъ пѣніи; у нихъ принцессы Франкскія искали учителей для дѣвицъ своихъ монастырей, дабы онѣ благозвучно воспѣвали хвалы Богу.[22]

Не смотря на такой широкій объемъ науки, варвары требовали новой пищи для ума. Литература Латинская новела ихъ далѣе, къ древности Греческой, въ страну болѣе обширную и чудесную, въ которую проникнуть они пламенно желали. Въ то время не боялись продолжительныхъ путешествій, и если Аѳинянинъ Эгилій пришелъ искать уединенія въ Галлію, и Сиріецъ Евсевій купилъ епископство Парижское, если въ Орлеанѣ было много восточныхъ купцовъ при торжественномъ въѣздѣ Короля Гонтрана, — то не удивительно, что были Греки и въ Ирландіи, и что въ Тримѣ въ графствѣ Митъ существовала Греческая церковь. Преданія Ирландцевъ показываютъ, что они были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Испаніею, слѣдов. и съ южною Галліею, въ кото-

[22] Vid. Giraldus lambrens. Typographia diss. III, cap. 2. O'conn'r. rerum Hibernli scriptor. p. 128.

Digitized by Google

рой многіе города сохраняли долгое время языкъ и нравы Греціи. Такимъ путемъ языкъ Греческій вошелъ въ употребленіе у учениковъ Патриція и Комгалля. Отъ того въ ихъ сочиненіяхъ вездѣ эллинизмы; отъ того въ послѣдствіи Скоттъ Эригена, подобно метафизикамъ Александрійскимъ, дошелъ до крайности пантеизма; отсюда наконецъ эти воспоминанія о Гомерѣ, которыя смѣшивались съ преданіями народными. Такъ получило названіе графство Ульстеръ (Ulysis terra) отъ того, что Улиссъ былъ на его берегахъ...

И такъ вотъ заслуга Ирландцевъ, что они умѣли популяризировать древность; ихъ религіозная поэзія дышетъ воспоминаніями древности, и монахи ихъ, столько приверженные къ наукамъ классическимъ, не могутъ оторваться отъ пѣсней своихъ бардовъ. Св. Патрицій нашелъ себѣ между бардами двухъ самыхъ лучшихъ учениковъ; самъ Оссіанъ не противился проповѣди Патриція, и обратился въ Христіанство. Древнее сказаніе увѣряетъ, что Оссіанъ, обремененный старостію, сердился на Патриція, который то и дѣло ходилъ по Ирландіи съ ликомъ псалмопѣвцевъ, и столкнувшись съ нимъ однажды, предложилъ ему разсказать дѣянія древнихъ Королей. Патрицій напомнилъ старцу о другихъ болѣе важныхъ предметахъ. Но наконецъ, тронутый его слезами, согласился и выслушалъ до конца исторію Финна и Осгура. Монахи поступали также; они слушали сказки о своихъ предкахъ, они вносили нѣкоторыя черты оттуда и въ свои легенды, какъ напр. въ сказанія о Брендапѣ и Патриціѣ, которыя церковь, конечно, не приняла, но онѣ все-таки прошли по Европѣ.

Но въ то же время, какъ Ирландская школа заключала всю народную поэзію въ своихъ легендахъ, она старается создать у себя ученую литературу, въ подражаніе школамъ Аквитанскимъ, которыя всѣми силами старались скрывать знаніе, дабы какъ-нибудь сохранить его. Дѣйствительно, таинственный языкъ Доктора Тулузскаго перешелъ за море, и проникъ въ монастырь Бангорскій, при помощи Ирландскихъ пилигримовъ, которые доходили до Франціи и Рима. Между

Digitized by Google

пѣснопѣніями, написанными для этого монастыря, многіе гимны носятъ характеръ ученаго искусства, которое старалось о трудности и темнотѣ выраженія. Тутъ слова Греческія перемѣшаны съ Латинскими; а поэма, написанная въ честь Комгалля, доводитъ однозвучіе въ сочетаніи словъ до того, что 10 стиховъ первой строфы начинаются буквою А, а 10 стиховъ четвертой строфы — буквою Д.[23] Около того же времени Англо-Саксъ Альдгельмъ поздравляетъ одного своего друга, вышедшаго изъ школъ Ирландіи, и пишетъ ему языкомъ тайнымъ. Наконецъ 12 родовъ Латини Виргилія Азіатскаго являются у одного неизвѣстнаго автора, но вѣрно Ирландца, въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Hisperica famina*. Тутъ представляется ученикъ изъ варваровъ, который рѣшился написать отличное произведеніе въ своемъ родѣ, и считалъ себя столь же великимъ, какъ боги древнихъ, и, какъ они, окружалъ себя облаками. Онъ начинаетъ съ похвалы своимъ учителямъ: «Новое вино знанія, восклицаетъ онъ, разжигаетъ мое сердце. Грудь моя надрывается отъ болѣзни; но въ душѣ возникаетъ радость, когда вижу знаменитыхъ блюстителей философіи, которые льютъ въ засохшія уста чистую струю изящнаго слога, которые составляютъ извилистые силлогизмы.[24] Послѣ такого блистательнаго вступленія, онъ вызываетъ на борьбу атлетовъ литературной палестры; трое борцовъ падаютъ подъ его ударами, и онъ никого не боится; ибо «я знаю, говоритъ онъ, 12 родовъ языка Авзоніи.» Таково начало этой поэмы въ прозѣ, въ которой авторъ описываетъ обыкновенное теченіе дня, видъ моря и неба, наконецъ главныя

---

[23] Antiphona Benchorens, apud Murator. Anecdot. Latin. tom. IV. Hymn. S. Comgalli:

Audite *pantes ta erga*,
Allati ad angelica
Athletece Dei abdita,
A juventute florida, etc.

[24] Hisper. famin. edit. Mai. Classici auctores tom. V. p. 479: «Ampla pectoralem suscitut vernia cavernam; moestum extrico pulmone tonitrum, sed gaudifluam pectoris arto procellam arteriis, cum insignes sophiae speculator, aratores, qui egreriam urbani tenoris propinant faucibus lymphum, viperecoque litteraturae plasmant syllogismos.»

Digitized by Google

явленія въ человѣческой жизни. Среди лабиринта перифразовъ, метафоръ и умышленной темноты, житель Сѣвера не разъ даетъ узнать свою личность въ оригинальности образовъ и въ картинахъ дикихъ иравовъ. Все варварство передъ вами въ разсказѣ объ охотникахъ, которые убиваютъ буйвола въ самомъ его логовищѣ, въ разсказѣ объ огромныхъ пиршествахъ, на которыхъ столы гнутся подъ тяжестію мясъ, облитыхъ масломъ Ирландскимъ, тогда какъ собесѣдники пьютъ огромными чашами пиво и молоко. Въ поэмѣ можно узнать жителя крайнихъ береговъ міра, привыкшаго смотрѣть на безпредѣльныя моря, когда онъ говоритъ о кипящихъ волнахъ океана, о рыбахъ, разбиваемыхъ о подводные камни, о морскихъ чудовищахъ, которыя гоняются другъ за другомъ и исчезаютъ въ безднѣ; когда, чтобы выразить весь ужасъ при видѣ безмѣрнаго океана, онъ говоритъ: «если бы всѣ жители вселенной могли придти на берегъ моря, и посмотрѣть въ глубь, у нихъ закружилась бы голова, и они полетѣли бы въ эту обитель смерти». Но вся ученость, всѣ тонкости грамматики и риторики сосредоточиваются тамъ, гдѣ авторъ изображаетъ школу, пробужденіе учителя и множество учениковъ, его окружающихъ. «Посмотрите на селеніе философовъ, взгляните на цвѣтъ учености. Одни привѣтствуютъ учителя, который вкусилъ спасительный сонъ, и который еще бы поспалъ, если бы жаръ горящаго Феба не оторвалъ его вѣждей отъ сладостнаго сна. За чѣмъ, кричатъ ему школьники, хочешь ты оглушить насъ громомъ твоей рѣчи, и потрясти твоимъ словомъ глубину нашего слуха? Мы провели безъ сна и за наукой все время, когда ночь бороздила своею колесницею долины неба. А ты предавалъ свое тѣло сладкому сну; вотъ отъ чего теперь твои уроки застаютъ насъ спящими».[25] Языкъ,

[25] Ibid. 8: «Sophicam stemicate coloniam, ac litterales speculamini apices. Nonnulli ceremonicant arcatori trophea, si salubrem pectoreo carpserit soporem claustro, ni rutilanti Proebei orientis ardore somniosum evellerit palpebris oblectamentum, tuitamque aptaverit lumbis stragulam, lectoralem cudere industriam. Ut quid nos tonitruoso sermonum obruis clangore, et internas loquiloso tumore perturbas aurium cavernas? Totum namque nocturni ligonis lectriceis censuimus stadium excubiis; vos soporea oblectastis pernas tabe: ob hoc nunc somnolentus nos stigat tactus.»

Digitized by Google

на которомъ писана эта поэма, носитъ на себѣ печать языка Виргилія Азіатскаго. Тутъ все есть, и конструкція извращенная, и Греческія слова съ Латинскими окончаніями, и вновь скованныя слова всякаго рода, и тотъ странный порядокъ ихъ размѣщенія, который выдумали грамматики для того, чтобъ не кидать, какъ говорили они, бисера предъ свиніями.

Но эти варвары, на которыхъ сперва смотрѣла Аквитанія съ такимъ презрѣніемъ, не скрывали перла знанія подъ спудомъ; школы Ирландскія едва лишь были открыты, какъ въ нихъ стекся весь Западъ. Въ 536 году 50 монаховъ съ твердой земли вышли на берегъ въ Коркѣ. Въ VII вѣкѣ было уже обычаемъ у Франковъ, исчерпавъ всѣ знанія въ церквахъ и монастыряхъ, отправляться въ Ирландію. Св. Вандриль посѣщалъ эту ученую страну, и нѣсколько позже епископъ Атильбертъ провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, чтобъ изучить Св. писаніе. Въ свою очередь Ирландцы толпами шли во Фландрію, въ пустыни Юры и до самыхъ Альповъ, и приносили сюда свѣтъ ученія евангельскаго и науки. Св. Коломбанъ, такой строгой священникъ, собралъ всю миѳологію языческихъ поэтовъ, чтобъ написать маленькіе стишки къ одному другу. Три великія аббатства, которыя указываютъ на поприще его апостольскаго служенія, Люксейльское, Боббійское и Галльское, поставили для науки въ Ирландіи столько каѳедръ, что она распространилась и у сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ, что монастырь Люксейльскій былъ разсадникомъ знаменитыхъ епископовъ; уроки, какіе тамъ преподавали, извѣстны намъ изъ біографіи Св. Асиля, который, изучивъ въ этомъ монастырѣ свободныя науки, самъ послѣ училъ здѣсь краснорѣчію и богословію. Боббіо одѣлалось свѣтильникомъ для сѣверной Италіи. Монахъ Іона, писавшій объ этомъ монастырѣ въ 645 году, начерталъ жизнь Св. Коломбана и его первыхъ учениковъ перомъ поэтическимъ, и не считалъ страннымъ перемѣшивать съ цитатами изъ Св. писанія мѣста изъ Тита Ливія и Виргилія. Но знаменитѣе обоихъ монастырей въ литературномъ отношеніи былъ монастырь Св. Галла. Ирландцы, какъ говоритъ одинъ современникъ,

Digitized by Google

толпами приходили въ это орлиное гнѣздо, которое ихъ безстрашный соотечественникъ, утвердилъ на горѣ[26]. Монахи Ирландскіе помогали Отмару во времена Карла Мартелла, возстановить обитель послѣ ея временнаго упадка. Въ библіотекѣ долго хранились книги, писанныя ихъ руками; тутъ былъ Виргилій съ комментаріемъ, духовныя поэтическія сочиненія Ювенка и Седулія, метрика Беды и ариѳметика Боэція. Позже одинъ епископъ Ирландскій Марксъ и его племянникъ Менгалль, по возвращеніи изъ путешествія по святымъ мѣстамъ Римскимъ, остановились у воротъ обители Галльской, отослали своихъ слугъ и лошадей, и оставивъ у себя только священные сосуды и книги, дали обѣтъ кончить дни свои въ уединеніи. Менгалль, взявъ въ свое вѣдѣніе школу монастырскую, внесъ въ нее ученые обычаи своей родины, ввелъ въ курсъ ученія языкъ Греческій, и довелъ грамматическіе споры до высшей степени тонкости. Ученики его крѣпко были привязаны къ наукѣ. Ратпертъ поэтъ такъ прилежно сидѣлъ за книгами, что въ годъ изнашивалъ одни только сапоги, и такъ хорошо зналъ древнихъ, что думалъ даже стихами Виргилія. Богословъ Ноткеръ, сочинитель трактата о комментаторахъ Библіи, имѣлъ обширную начитанность, и по красотѣ своихъ народныхъ пѣсенъ соперничествовалъ съ Пиндаромъ и Гораціемъ.[27] Тотило, музыкантъ, живописецъ и рѣзчикъ, приводилъ всѣхъ въ восторгъ, когда игралъ на арфѣ пѣсни своего сочиненія. Во всѣхъ церквахъ восточной Галліи наперерывъ хватали его работы. Разсказываютъ, что когда онъ вырѣзывалъ изображеніе Богоматери для Мецскаго собора, двое богомольцевъ пришли къ нему за милостынею, и получивъ ее, спросили клирика: что это, должно быть, его сестра, эта благородная и прекрасная дама, которая стоитъ около него, подаетъ ему циркуль и показываетъ, что дѣлать? И такъ Ма-

[26] Weidman. Geschicht. d. Hist biblioth. von. S. Gall.
«Scottigenae nidificant, velut ipse,
Tanquam Germani vivunt ibi compatriani.»

[27] Basnage. Thesaurus tom. II. par. 2. p. 190. Посланіе къ Ноткеру:
Ultima secli generate poëta
Vincis antiquos lyricos poëtas,
Pindarum Flaccum, reliquosque centum carmine major.

Digitized by Google

терь Божія приходила на помощь художнику. Въ этой граціозной легендѣ я узнаю воображеніе Ирландцевъ, и нахожу слѣды ихъ характера въ страстной любви къ музыкѣ, о которой Галль сохранилъ преданіе. Ирландія принесла туда арфу, эмблемму своего генія, которую этотъ народъ удержалъ доселѣ на своемъ воинскомъ щитѣ; это символъ слова христіанскаго, которое побѣждаетъ варваровъ всѣхъ вѣковъ, умягчая ихъ сердца.

Впрочемъ Св. Коломбанъ и его соотечественники не одни взяли на себя трудъ довершить воспитаніе варваровъ; мы знаемъ еще народъ, который далъ имъ наставниковъ.

Англо-Саксы учились въ трехъ школахъ: въ Италіи, Галліи и Ирландіи. Около 636 года Сигебертъ, Король восточной Англіи, возвратился изъ Галліи, гдѣ искалъ убѣжища отъ гоненій брата своего Редвальда. Вступивъ въ обладаніе королевствомъ, которымъ владѣлъ отецъ его, онъ вознамѣрился ввести въ него во-первыхъ Христіанство и во-вторыхъ школы, по примѣру видѣнныхъ имъ у Франковъ. Феликсъ, Архіепископъ Кентербурійскій, ободрялъ его въ этомъ благочестивомъ намѣреніи, и далъ ему учителей. Въ 668 году одинъ Грекъ изъ Тарса, въ Киликіи, по имени Ѳеодоръ, занимавшійся духовными и свѣтскими науками, поставленъ былъ Папою Виталіемъ на престолъ Кентербурійскій. Онъ пріѣхалъ изъ Италіи съ однимъ ученымъ монахомъ Адріаномъ, объѣхалъ семь королевствъ Англо-Саксонскихъ, заставляя признать свою епископскую власть, устроялъ церкви, и плѣнялъ всѣхъ краснорѣчіемъ своихъ проповѣдей. Потомъ, собравъ въ своемъ архіепископскомъ городѣ множество дѣтей клириковъ, самъ училъ ихъ стихотворству, астрономіи, ариѳметикѣ, музыкѣ, толковалъ имъ Св. писаніе, и все это съ такимъ успѣхомъ, что спустя 30 лѣтъ, многіе изъ его учениковъ еще говорили по-Гречески и по-Латини такъ свободно, какъ на своемъ отечественномъ языкѣ. Между тѣмъ молва объ ученой дѣятельности Ѳеодора и Адріана привлекала къ нимъ множество иноземцевъ, такъ что понадобился цѣлый флотъ, чтобъ перевозить въ Ирлан-

Digitized by Google

дію искавшихъ ученія и презиравшихъ скуку и опасности жизни, на далекомъ Сѣверѣ. Гостепріимство обителей давало имъ пищу, книги, уроки; но эпидемія истребляла ихъ сотнями, и однакожь это не приводило въ уныніе ихъ товарищей. Разсказываютъ, что юный Эгбертъ, видя, какъ умираютъ его товарищи, началъ плакать, молилъ Бога дать ему время для очищенія грѣховъ, и обѣщался, если останется живъ, провесть всю жизнь въ чужой сторонѣ съ тѣмъ, чтобъ самому учиться и учить другихъ[28].

Этотъ даровитый народъ, проникнутый чувствомъ поэтическимъ, и обогатившій родину пѣснями, которыя не уступаютъ прекраснымъ отрывкамъ Эдды, не могъ не получить пользы отъ такого долгаго и основательнаго ученія. VII вѣкъ не кончился, а между учениками Адріана является уже Альдгельмъ, который равнялся съ своими учителями въ знаніи, и былъ выше ихъ по дарованіямъ. Въ Альдгельмѣ сохранились еще всѣ черты генія Англо-Саксонскаго. Онъ происходилъ изъ королевскаго Вессекскаго дома и наслѣдовалъ отъ предковъ кипучую варварскую кровь, любовь къ родинѣ и уваженіе къ народнымъ преданіямъ. Въ юности онъ отличался сочиненіемъ гимновъ на простонародномъ языкѣ, на манеръ пѣсней странствующихъ пѣвцовъ, и стоя у дверей церковныхъ, привлекалъ къ себѣ множество народа. Сдѣлавшись учителемъ въ монастырской школѣ въ Малмебури, потомъ аббатомъ и наконецъ епископомъ Шербурнскимъ, онъ не хотѣлъ умереть, не побывавъ въ Римѣ; и плѣненный тамъ Латинскими музами, желалъ ввести ихъ и утвердить на своей родинѣ. Онъ написалъ трактатъ о стихосложеніи, одинъ изъ самыхъ полныхъ, которые дошли до насъ; здѣсь онъ разбираетъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей просодію классическую. Кромѣ того онъ написалъ еще поэму о дѣвствѣ.

---

[28] Beda Histor. Eccles. IV. 1. 2. «Congregata discipulorum caterva, scientiae salutaris quotidie flumina in vigandis eorum cordibus emanabant. Ita, ut etiam metricae artis, astronomicae et arithmeticae, eclesiasticae disciplinam inter sacrorum apicum volumina suis auditoribus contaherent (Theodorus et Adrianus). Gudicio est, quod hucusque supersunt decorum discipulis, qui Latinam Graecamqe linguam aeque, ut propriam, inq ua nati sunt, norunt.»

Digitized by Google

Въ ней много прекрасныхъ стиховъ, и муза христіанская находитъ тутъ краснорѣчивые возгласы, когда идетъ дѣло о паденіи язычества и о богахъ, не могшихъ спасти своихъ алтарей. Но въ ней есть всѣ черты поэзіи сѣверной, не естественныя метафоры, пышные перифразы. Альдгельмъ отличается игривостію ума; акростихи его торжество, и темнота его загадокъ можетъ сбить съ толку всѣхъ Эдиповъ Сѣвера; Греческія слова, которыми изобилуютъ его стихи, показываютъ въ немъ ученика тѣхъ школъ, въ которыхъ писали для малаго числа таинниковъ.[29] Но онъ лучше видѣнъ въ одномъ письмѣ къ Идфриду, окончившему курсъ ученія въ Ирландіи; онъ поздравляетъ своего друга и старается показать, что Англіи не слѣдуетъ завидовать ученымъ наставникамъ сосѣдняго острова. Письмо, написанное философскимъ стилемъ, усѣянное эллинизмами, начинается фразою, которой достоинство теряется въ переводѣ; 15 первыхъ словъ начинаются буквою P. Прежде всего «ради чести, подобающей царямъ и владыкамъ,» Альдгельмъ прославляетъ Творца вселенной, посвящая ему свои поэмы и рѣчи. Онъ благодаритъ Бога за то, что Идфридъ возвратился изъ туманной Ирландіи, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ, «прильнувъ къ груди философіи.» Ибо, говоритъ онъ, такъ обширна слава Ирландцевъ, и молва объ ихъ свѣдѣніяхъ распространилась до того, что только и видишь, что идутъ въ Ирландію или возвращаются оттуда. Подобно тому, какъ пчелы складываютъ свой медъ, и когда разсѣевается мракъ ночи, летятъ на липовый цвѣтъ, и улетаютъ съ сладкою ношею: такъ множество ревностныхъ учениковъ идутъ собирать медъ грамматики, геометріи, физики и Св. писанія, которое толкуется аллегорически и тронологически.» Онъ удивляется огромному стеченію учениковъ въ Ирландію, которые цѣлыми флотами наполняютъ море: «какъ будто на этой цвѣтущей и плодородной почвѣ Англіи не достаетъ Греческихъ и Латинскихъ учителей, чтобъ объяснять любознательнымъ темныя мѣста Св. писанія. Пусть

---

[29] Vita Adhelm. Faricii. «Miro denique modo gratiae facundiae omnia idiomata sciebat, et quasi Graecus natione scriptis et verbis pronuntiabat.«

Digitized by Google

на небѣ Ирландіи есть блестящія звѣзды; но вѣдь и въ Бретаніи, на предѣлахъ Запада, есть свое солнце въ лицѣ Ѳеодора, увѣнчаннаго митрою епископа, воспитаннаго отъ младенчества млекомъ философіи; есть у ней и своя благотворная луна въ лицѣ Адріана, одареннаго всѣми прелестями невыразимой вѣжливости. Надо видѣть, какъ блаженный епископъ Ѳеодоръ, окруженный толпою Ирландскихъ учениковъ, подобно разъяренному буйволу, окруженному стаею собакъ, оскалившихъ зубы, отражаетъ ихъ ударами граматики и дождемъ силлогизмовъ».[30] Въ заключеніе, Альдгельмъ проситъ своего друга не думать, чтобъ ради, похвалы своимъ соотечественникамъ, онъ хотѣлъ очернить ученыхъ Ирландцевъ. Въ концѣ письма встрѣчается одна темная фраза, и она неожиданно разливаетъ свѣтъ на литературную исторію Англо-Саксовъ. Я нахожу тутъ цитатъ изъ Гленга, современника лже-Виргилія, также какъ между писателями, поименованными въ метрикѣ Альдгельма, встрѣчаю нѣкоторыхъ изъ учителей, заслужившихъ славу у грамматиковъ Аквитанскихъ.[31] Такимъ образомъ тайное ученіе школъ Тулузы два раза переходило за море. Ирландцы сообщили его Англо-Саксамъ, и оно чрезвычайно имъ понравилось. Эдельвальдъ, любимый ученикъ Альдгельма, не могъ найти лучшаго средства отблагодарить своего учителя, какъ рѣчью на этомъ тайномъ языкѣ. Св. Бонифацій не оставлялъ этой слабости; въ письмахъ, которыя онъ писалъ въ первые годы служенія къ своимъ друзьямъ въ Англію, видѣнъ древній учитель грамматики, любившій обогащать рѣчь свою эллинизмами. Такіе прекрасные примѣры не остались безъ подражанія и въ послѣдующихъ поко-

---

[30] Usheri veter. epistol. Hibern. syllog. p. 26. Epist. Aldhelmi Eadfrido: «Primitus (*pantorum* procerum, praeterumque pio potissimum, paternoque praesertim privillegio) panegyricum poëmataque, passim prosatori sub polo promulgantes; stridula verum symphonia ac melodia, cantilenaeque carmine modulatori hymnizemus.... Cur, inquam, Hibernia quo catervatim istinc lectores classibus advecti confluunt, inestabili quodam privilegio efferatur: ac si istinc facundo Britanniae in cespite didascali Argivi Romanique Quirites reperiri minime queant?» etc.

[31] Ibid. Si vero quippiam, in scitia suppeditante garrula frontose convincitur pagina promisisse, ut versidicus ait:

Digna fiat fante Glengio gurgofugax fambulo.

Digitized by Google

лѣніяхъ; ученики превзошли своихъ учителей, и мы послѣ увидимъ поэмы, писанныя за разъ на трехъ смѣшанныхъ языкахъ: Греческомъ, Латинскомъ и Англо-Саксонскомъ[32].

Но подъ этими жалкими покровами, подъ которыми скрывали знаніе, какъ трупъ въ могилѣ, сохранилась теплота, и первые признаки новой жизни начинаютъ показываться во время Беды. По смерти Альдгельма въ 709 году, Беда заступилъ его мѣсто. Посвященный Богу съ младенчества, онъ выросъ въ монастырѣ Ярроу, принадлежавшемъ къ аббатству Вирмутскому, подъ руководствомъ епископа Бенедикта, этого неутомимаго путешественника, который пять разъ бывалъ въ Римѣ, и привозилъ оттуда безчисленное множество книгъ и иконъ, и вызвалъ пѣвчихъ, чтобы ввести у себя литургію Св. Григорія. Вся церковная древность была собрана въ этомъ ученомъ аббатствѣ, въ церкви, расписанной символическими изображеніями, на манеръ Римскихъ базиликъ. Здѣсь-то проводилъ жизнь Беда, и находилъ, какъ самъ говоритъ, великое удовольствіе въ томъ, чтобъ непрестанно «учиться, и писать.» Не выходя изъ своей келіи, онъ прошелъ весь кругъ наукъ своего времени; какъ же ему было не знать трудовъ грамматиковъ Аквитанскихъ? Онъ цитуетъ лже-Горація, и заимствуетъ кое-что изъ лже-Виргилія. Но отличаясь высокимъ вкусомъ, онъ не любилъ тонкостей 12 родовъ Латини, и, оставивъ безъ вниманія этихъ новыхъ классиковъ, посвятилъ себя собственно древнимъ. Онъ изучилъ отцевъ Церкви, дабы уяснить себѣ темныя мѣста Писанія, на кото-

---

[32] Epistol. Bonifacii IV. ad Nidhardum. «Et hac de re aurilegi Ambrones *apo ton grammaton agiis* frustratis afflicti inservire excubiis et fragilia araneārum incassam cui flatum tenuem, sive pulverem captantia tetendisse retia dignoscuntur,» etc.

Вотъ еще образецъ стихотворнаго языка:

«Ac he caluc sceal
*Boë*thia biddan georne,
Thurh his modes gemiud
Micro in cosmo,
Thaet him Drihten gyte
Dinamis en earthan
Fortis factor,
Thaet he forth simle.»

Digitized by Google

рое написалъ полный комментарій. Въ то же время онъ писалъ трактаты объ орѳографіи, метрикѣ, ариѳметикѣ, и въ нихъ выказалъ огромную начитанность и высокій талантъ критическій; онъ вышелъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ знанія, перегналъ древнихъ, и внесъ въ науку новые взгляды Въ сочиненіи: *De natura rerum* онъ приводитъ космографію Плинія и Птоломея, разрушаетъ мечты астрологовъ, и предположеніемъ о причинахъ морскихъ приливовъ и отливовъ предваряетъ Ньютона. Въ двухъ книгахъ о фигурахъ и тропахъ Св. писанія онъ начертываетъ планъ священной риторики, и находитъ у пророковъ всѣ украшенія рѣчи, которыхъ изобрѣтателями называли Грековъ. Но особенно замѣчательна его исторія Англійской Церкви. Онъ обѣщаетъ только исторію Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ исторію Королей и народа. При разборчивости въ выборѣ свидѣтельствъ и документовъ, онъ, кажется, только ищетъ исторической истины, и между тѣмъ находитъ поэзію въ этихъ простодушныхъ разсказахъ, въ которыхъ дышетъ весь умъ юной, воинственной и христіанской націи. Этотъ обильный писатель былъ и неутомимымъ учителемъ. Въ глуши уединенія Ярровскаго онъ былъ окруженъ учениками, — и занимался ими такъ внимательно, что и припадки его послѣдней болѣзни не прерывали его ежедневныхъ уроковъ. Я не знаю ничего привлекательнѣе описанія послѣднихъ минутъ Беды, о которыхъ пересказываетъ ученикъ его Кутбертъ:

«Въ эти дни Беда началъ два дѣла, переводилъ на нашъ языкъ Евангеліе отъ Іоанна для пользы Божіей Церкви, и еще нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Исидора, епископа Севильскаго; ибо, говорилъ онъ, «я хочу, чтобъ мои дѣти читали безъ ошибокъ, и чтобъ послѣ моей смерти не предавались трудамъ безплоднымъ.» За три дня до Вознесенія, онъ почувствовалъ себя хуже. Однакожъ продолжалъ весело диктовать, и однажды прибавилъ: «спѣшите учиться, ибо не знаю, сколько времени пробуду съ вами; можетъ быть, скоро призоветъ меня Творецъ мой.» Наступилъ праздникъ; на разсвѣтѣ онъ велѣлъ намъ продолжать писать, и мы трудились до третьяго часа. Съ трехъ часовъ мы пошли въ церковь съ другими братіями, какъ требовало

Digitized by Google

того торжество. Но одинъ изъ насъ остался съ нимъ и сказалъ ему: недостаетъ одной главы въ книгѣ, которую ты диктовалъ, учитель! а мнѣ кажется, трудно тебѣ говорить теперь. Беда отвѣчалъ: «Я могу еще, возьми перо, очини скорѣе и пиши.» И тотъ началъ писать. Въ девять часовъ онъ послалъ за священниками монастырскими, и роздалъ имъ нѣсколько вещей, что было у него въ ящикѣ, — ладону, пряныхъ кореньевъ, и простился съ ними, умоляя каждаго изъ нихъ молиться за него. Такъ провелъ онъ послѣдній день до вечера. Ученикъ, о которомъ я говорилъ, сказалъ ему еще: любезный мой учитель, остается дописать одинъ стихъ. «Пиши же скорѣе,» отвѣчалъ онъ. И молодой человѣкъ, кончивъ въ нѣсколько минутъ, воскликнулъ: все кончено! «Правду сказалъ ты, замѣтилъ Беда, что все кончено. Возьми меня за голову и поворотн меня; ибо для меня много утѣшенія обратиться къ святому храму, въ которомъ я молился.» И такъ, лежа на полу своей келіи, онъ началъ говорить: Gloria Patri и т. д., и, окончивъ, испустилъ духъ.»[33]

Обученіе не кончилось съ смертію Беды. Этотъ умный учитель весьма дорогъ былъ для народа, одареннаго въ особенности смысломъ практическимъ. Для Англіи онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Кассіодоръ и Пиндаръ для Италіи и Испаніи; онъ принялъ съ разборчивостію наслѣдіе знанія и передалъ его съ силою. Уроки его должны были произвести прозелитизмъ не только въ Церкви, которая поставила его въ ряду учителей, но и въ свѣтскомъ обществѣ, въ ту пору, когда дѣти благородныхъ раздѣляли науки съ клириками, когда Короли вступали на престолъ не иначе, какъ потрудившись надъ Trivium и Quadrivium. Альдгельмъ посвятилъ свою метрику Королю Нортумберландскому. Напомнивъ ему о долгихъ лѣтахъ, когда они вмѣстѣ учились подъ руководствомъ епископа, онъ поставлялъ ему въ обязанность прочитать съ начала и до конца эту толстую книгу о Латинскомъ стихосло-

[33] Wright Biograph. 270. Беда, будучи однажды въ Римѣ, написалъ на однихъ воротахъ: PPP. SSS. RRR. FFF. Одинъ Римлянинъ спросилъ его, что онъ читаетъ? Онъ прочиталъ: Pater patriae perditus. Sapientia secum sublata. Ruet regnum Romae. Ferro, flamma, fame. Письмо о смерти Беды напечатано въ концѣ его сочиненій.

Digitized by Google

женіи. Беда поднесъ свою исторію Англійской Церкви Королю Цеольвульфу съ тѣмъ, чтобъ онъ читалъ ее съ размышленіемъ и распространялъ между своими подданными. Но его сочиненія пошли далѣе: они перешли на материкъ, и миссіонеры Англо-Саксонскіе, изгнанные въ лѣса Гессенскіе и Туринтскіе, просили прислать къ нимъ сочиненія Беды, для утѣшенія въ ихъ страннической жизни. Дѣйствительно, эти благочестивые странники, которые оставили тишину обителей, которые разорвали всѣ узы, связывавшія ихъ съ обществомъ, и пошли жить съ варварами, никогда не отказывались отъ умственной дѣятельности. Св. Бонифацій среди своихъ подвиговъ находилъ время выправлять стихи своихъ учениковъ, и написать поэму о добродѣтеляхъ. Основавъ аббатство Фульдское въ самомъ сердцѣ Германіи, онъ желалъ сдѣлать оное обителію наукъ; предчувствуя свой близкій конецъ, онъ, въ одномъ письмѣ, просилъ для своихъ миссіонеровъ, погибавшихъ въ предѣлахъ языческихъ, покровительства Фульрада, аббата Св. Діонисія, и рекомендовалъ ему своихъ монаховъ, какъ наставниковъ юношества. Колоніи Англо-Саксонскія умножались; онѣ продолжали и въ VIII вѣкѣ миссію, начатую въ VII Ирландскими пилигримами, и поддерживали науки, заимствованныя у Франковъ. Къ концу столѣтія Фульдъ сдѣлался школою не только Германіи, но и всей имперіи Карловинговъ. Въ немъ, какъ и въ Галліѣ, преподавали всѣ науки, всѣ искусства и ремесла, которыя составляютъ украшеніе образованнаго общества. Земледѣліе разчищало дѣвственные лѣса, и въ прекрасныхъ фермахъ аббатства выполняли практически правила Римскаго земледѣлія; тутъ были отведены мѣста для всякихъ работъ изъ камня, дерева и металла; и казначей смотрѣлъ, чтобъ мастерскія скульпторовъ, рѣщиковъ и ювелировъ не были пусты. Надпись въ стихахъ, сдѣланная на двери залы, гдѣ работали переписчики, убѣждала ихъ размножить книги, держаться исправнаго текста, и не искажать его пустыми вставками. Наука приняла такой быстрый полетъ и породила такую страсть къ преніямъ, какой можно было ожидать только въ XII вѣкѣ. Монахъ Пробъ питалъ религіозное ува-

Digitized by Google

женіе къ Виргилію и Цицерону такъ, что надъ нимъ смѣялись, не помѣстилъ бы онъ ихъ въ число святыхъ. Введеніе Порфирія въ категоріи Аристотеля породило въ ученыхъ споры о томъ, что такое роды и виды, — знанія только, или самые дѣйствительные предметы? Эти споры, возникшіе въ Фульдѣ, были началомъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, которые въ продолженіе трехъ-сотъ лѣтъ существовали у номиналистовъ съ реалистами. Безъ сомнѣнія, школа Англо-Саксонская не вдругъ отказалась отъ привычекъ, занятыхъ Альдгельмомъ и его современниками у риторовъ Аквитанскихъ. Такъ монахи Фульдскіе мѣняли свои Германскія имена на Латинскія, болѣе пріятныя для ихъ слуха; Виллибрордъ переименовался Климентомъ, Винфридъ — Бонифиціемъ, и трое монаховъ IX вѣка: Гаттонъ, Брунъ и Реми приняли имена Боноза, Кандида и Модеста. Рабанъ Мавръ въ своей книгѣ: *Хвалебныя пѣсни кресту* довелъ искусство акростиховъ до крайней утонченности. Въ одно время съ нимъ въ Фульдѣ воспитывался Лупъ-Феррьерскій, родомъ Французъ, котораго вся жизнь прошла въ рѣшеніи вопросовъ изъ грамматики и просодіи, въ пріобрѣтеніи книгъ изъ Англіи и Италіи; по его сочиненіямъ думали, что онъ относится къ періоду возрожденія.

(*До слѣд. книж.*)

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ СЪ VI ДО IX ВѢКА ПО Р. Х.

(Статья Озанама.)

III.

Посмотримъ теперь, какъ ученыя преданія, не прерывавшіяся въ Италіи, Испаніи, Ирландіи и Англіи, подвинулись впередъ на землѣ Франковъ, и какъ всѣ провинціи Запада собирались въ школы Карловинговъ.

Италія первая начала трудиться. Хотя отцы Римскаго собора 680 года извинялись, что не могутъ отличаться свѣтскимъ краснорѣчіемъ, «проводя жизнь, полную скорбей и заботъ, среди варваровъ,» однакоже не слѣдуетъ изъ этого заключать, что завоеваніе Ломбардовъ изгладило послѣдніе слѣды умственнаго образованія. Этотъ самый соборъ свидѣтельствуетъ, что многіе епископы отличались вкусомъ къ изящному, содержали игроковъ на арфѣ и давали мимическія представленія, послѣдніе остатки древней мимики. Въ то же время мужество, съ которымъ вышла церковь Италіанская изъ борьбы съ монотеизмомъ и иконоборствомъ, утонченность метафизическихъ вопросовъ, и свидѣтельства отцевъ, приводимыя во время споровъ съ еретиками, показываютъ, что и знаніе богословія оставалось въ силѣ. Укажемъ на два краснорѣчивыхъ посланія Григорія II ко Льву Исавру;— кромѣ того надписи въ стихахъ, высѣченныя на гробницахъ Папъ VII вѣка, въ подземельяхъ Ватикана, доказываютъ, что преемники Св. Григорія не изгоняли поэзіи изъ святилища. Гоненіе на иконопочитателей наполнило Римъ Греческими монахами: они хотѣли здѣсь уберечь свои иконы,

Digitized by Google

книги и все, что фанатизмъ обрекъ на истребленіе. Гостепріимные Папы отдали имъ церкви Св. Маріи въ Космеденъ, Св. Георгія на Велабрѣ, Св. Саввы, Св. Аполлинарія, Св. Стефана и Сильвестра, Св. Стефана и Кассіана. Языкъ Св. Іоанна Златоустаго, распространившійся посредствомъ этихъ переселенцевъ, сохранялъ свои права при литургіи Латинской. Въ день Пасхи, послѣ вечерни, когда Папа, выходя изъ церкви Іоанна Латеранскаго, остановился подъ портикомъ Св. Венанса, — подносили ему и его клиру вино, и когда кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пѣвчіе пѣли Греческую пѣснь. Римскія библіотеки еще мало были изчерпаны, не смотря на то, что обогатили книгами монастыри Франкскіе и Англо-Саксонскіе, и можно думать, что Римская церковь не противилась мнѣнію, принятому въ Тулузѣ касательно сочиненій языческихъ философовъ; Павелъ I отыскалъ въ своихъ архивахъ для Короля Пипина Короткаго одинъ томъ Аристотеля. Въ школахъ, кромѣ избраннаго юношества, которое обучалось свободнымъ наукамъ и церковному пѣнію въ дворцѣ Латеранскомъ, было еще такое множество учениковъ, что они могли составить длинные ряды при встрѣчѣ Карла Великаго, когда онъ, въ святый четвертокъ 774 года, въ первый разъ вступалъ въ вѣчный городъ.

Къ чести Карла Великаго служитъ то, что онъ, при всей гордости, свойственной его лѣтамъ, не оставилъ безъ вниманія толпы учениковъ, вышедшихъ къ нему на встрѣчу, и что этотъ сынъ воинственнаго поколѣнія возжелалъ мирной славы наукъ. Послѣ того, какъ ему возвращали хартію, которую онъ клалъ на престолъ Св. Петра, онъ съ веселымъ видомъ принялъ учителей, данныхъ ему Папою Адріаномъ. Онъ былъ въ Италіи еще въ 780 и въ 787 годахъ; и всегда увозилъ оттуда людей способныхъ быть наставниками. Въ послѣдній разъ, какъ онъ праздновалъ въ Римѣ Пасху, клирики его капеллы подняли ссору съ папскими пѣвчими, которые укоряли ихъ за то, что они исказили преданія Св. Григорія. Король сдѣлалъ выговоръ своимъ клирикамъ и сказалъ: «Вода въ концѣ ручья уже не такъ чиста, какъ при истокѣ.» Онъ принялъ отъ Папы двухъ пѣвчихъ, Петра и Романа,

Digitized by Google

отлично свѣдущихъ не только въ музыкѣ, но и въ седми свободныхъ наукахъ; вывезъ изъ Рима еще учителей грамматики и ариѳметики, которымъ поручилъ распространить школьное обученіе въ своемъ государствѣ[34] Всѣ они стоили такого великаго назначенія.

Не останавливаясь на тѣхъ, которые особенно были знамениты въ Церкви и Государствѣ, каковы напр. Ѳеодульфъ и Павлинъ, обратимъ вниманіе на двухъ Италіанцевъ: Петра Пизскаго и Павла діакона, которые начали реформу въ школахъ. Карлъ Великій взялъ ихъ, такъ сказать, въ добычу при взятіи Павіи, гдѣ Петръ прославился публичными диспутами съ Евреемъ Юліемъ, гдѣ Павелъ училъ при дворѣ Королей Ломбардскихъ. Оба они, добровольные или невольные заложники, остались при Королѣ, который сдѣлался ихъ ученикомъ. Петръ, уже старикъ, кончилъ жизнь сановникомъ двора; онъ преподавалъ грамматику, разумѣя подъ этимъ названіемъ изученіе поэтовъ. Павелъ училъ по-Гречески принцессу Ротруду, невѣсту молодаго Императора Константина. Въ это время Петръ Пизскій писалъ ему отъ имени Государя слѣдующіе стихи: «похваляемъ Христа, Единороднаго Сына Отца, который привелъ тебя, Павелъ, ученѣйшій изъ поэтовъ, въ наши пустынныя земли, дабы бросить на нихъ сѣмена плодоносныя. Въ Греческомъ языкѣ ты Гомеръ, въ Латинскомъ — Виргилій, въ Еврейскомъ — Филонъ. Ты знаешь, что, по волѣ Христа, моя дочь скоро поѣдетъ по морямъ, дабы принять скипетръ великой имперіи; вотъ зачѣмъ ты, между прочимъ, преподаешь Греческій языкъ моимъ клирикамъ, чтобъ оставшись у нея на службѣ, они показали себя учеными предъ Царями Византіи.» Павелъ діаконъ отвѣчалъ любезно на такія гиперболы и говорилъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ Гомеромъ и Виргиліемъ, и что ему досадно, когда его заставляютъ быть въ дурномъ обществѣ этихъ язычниковъ. «Я не говорю по-Гречески, сказалъ онъ въ заключеніе, я не знаю

[34] Anastas. in Hadriano, Chronicon Engolis-mense ann. 787. «Et dominus rex Carolus iterum a Roma artis grammaticae et computatoriae magistros secum adduxit in Franciam; et ubique studium litterarum expandere jussit.»

Digitized by Google

и Еврейскаго языка: три или четыре слова, заученныя въ школѣ, составляютъ весь запасъ, который я могу принесть въ ваши житницы[35].» Переписка этихъ двухъ эмигрантовъ объясняетъ начало литературной дѣятельности въ вѣкъ Карла Великаго; она доходитъ до конца 787 года, въ которомъ кончились сношенія по случаю предполагаемаго брака Константина съ Ротрудою; между тѣмъ ее ужъ выучили по-Гречески, познакомили съ Латинскими поэтами, прозу научили перекладывать въ стихи, чтобъ лучше подѣйствовать на сердце принца; до насъ дошли письма, писанныя загадками и извѣстія о томъ, какъ проводили ученые время при дворѣ.

Что дѣлалось въ Испаніи, и какія услуги оказала наукѣ эта страна, преданная мечу мусульманъ?

Завоеваніе мусульманское потрясло менѣе, нежели какъ думаютъ, составъ церкви Испанской, которой соборы Толедскіе дали такія прочныя основанія. Школы Епископскія, устроенныя по опредѣленію собора 624 года, поддерживались съ такимъ постоянствомъ, что къ концу X вѣка Гербертъ учился не у Арабовъ Кордуанскихъ, но у епископа Вихскаго въ Каталоніи. Онъ оказалъ во всѣхъ наукахъ огромные успѣхи, и приводилъ своими познаніями въ удивленіе современниковъ.[36] Такимъ образомъ сословіе ученыхъ, образовавшееся изъ учениковъ Исидора Севильскаго, не исчезло, и не смотря на гоненія, воздвигаемыя мусульманами, церковь Испанская была довольно сильна. Но ученіе Магомета, и кажется, оно, возжгло еще худо погасшія искры аріанизма между потомками Вест-Готѳовъ. Елипандъ Толедскій и Фе-

---

[35] Dissertations sur l'histoire ecclesiastique par Lebeouf. tom. I. p. 370.
«Graeca cerneris Homerus,
Latina Virgilius
In Hebraea quoque Philo....»
Respons. Pauli:
«Graecam nescio loquelam,
Ignoro Hebraicam» etc.

[36] Concil. Toled. 621. Quicunque in clero puberes, aut adolescentes existunt, omnes in uno conclavi atrii commorentur, ut lubricae aetatis annos non in luxuria, sed in disciplinis ecclesiasticis agant.

Digitized by Google

ликсъ Ургельскій отрицали божество Христа, называя его Сыномъ Божіимъ по усыновленію, а не по естеству (per adoptionem). Православные пришли въ ужасъ отъ этого ученія, и осудили еретиковъ подъ именемъ адоптіанистовъ. Пламя ереси, охвативъ Испанію, скоро перешло за Пиринеи.

Однажды, когда Карлъ Великій сидѣлъ среди епископовъ въ залѣ дворца, онъ заставилъ прочитать письма, присланныя къ нему и къ Французской церкви Елипандомъ Толедскимъ, дабы склонить ихъ къ своему же ученію; потомъ, вставъ съ своего мѣста, онъ долго говорилъ и заключилъ просьбою къ епископамъ и богословамъ, чтобъ они написали свои мнѣнія на бумагѣ. Павлинъ Аквилейскій, Алкуинъ и многіе другіе, коихъ имена не дошли до насъ, написали противъ заблужденія адоптіанистовъ, и Франкфуртскій соборъ 794 года осудилъ ихъ отъ имени всего Запада. На этомъ соборѣ предсѣдательствовали два легата Папскіе, присутствовали епископы: изъ Галліи, Германіи и Аквитаніи, духовные депутаты изъ Италіи и Англіи, и разсматривали вопросъ, который три вѣка назадъ уже былъ рѣшенъ въ церкви Греческой. Однакожъ соборный диспутъ имѣлъ огромное вліяніе на богословскія школы въ Испаніи и Франціи; онъ вызвалъ ученыхъ на защиту истины.

Когда на Югѣ добровольно или насильно трудились надъ наукою подъ вліяніемъ Карла Великаго, въ то время и ученые народы Сѣвера приняли участіе въ дѣятельности Карла. Разсказываютъ, что двое Ирландскихъ монаховъ пріѣхали однажды во Францію съ иностранными купцами, и когда толпа окружила ихъ, они кричали: мы продаемъ мудрость, кто хочетъ купить ее? Всѣ изумились этому предложенію, и ихъ привели къ Королю, который, допросивъ ихъ, нашелъ очень свѣдущими въ священныхъ и свѣтскихъ наукахъ, и удержалъ у себя для образованія своего народа. Первый, котораго звали Климентомъ, поселился въ Галліи: Король поручилъ ему множество дѣтей изъ высшаго дворянства и изъ низшихъ сословій. Вторый былъ посланъ въ Павію въ качествѣ учителя въ монастырь Св. Августина. Изъ указа, изданнаго Лотаріемъ въ 823 году, касательно заведенія школъ

Digitized by Google

въ Италіи, видно, что тогда въ Павіи преподавалъ грамматикъ Дунгаль; подъ этимъ нельзя не узнать ученаго Ирландца, который опровергалъ богословскія заблужденія Клавдія Туринскаго. Климентъ нѣсколько времени былъ преемникомъ Алкуина въ управленіи придворнымъ училищемъ, и Алкуинъ, возвратившись, выразилъ негодованіе на иностранцевъ, которые ввели безпорядокъ въ обученіи, и говорилъ: я оставилъ при дворѣ Латинянъ, и не знаю, кто нагналъ туда Египтянъ.[37]

При дворѣ часто роптали на этихъ сѣверныхъ выходцевъ; но Карлъ Великій не отгонялъ ихъ. Онъ нашелъ между ними учителей ученѣе Климента, астрономовъ, которые объяснили ему затмѣнія, поэтовъ, которыхъ стихи восхищали его. Въ торжественный день, когда Король принималъ вельможъ, когда множество помѣщиковъ тѣснилось вокругъ трона, чтобъ представить Королю подарки на новый годъ, одни гнулись подъ грузомъ золота и серебра, другіе несли пурпуровыя ткани или множество драгоцѣнныхъ камней въ сосудахъ изъ дорогаго металла, одинъ Ирландскій монахъ пробился сквозь толпу, развернулъ пергаменъ, исписанный цвѣтными буквами, и хотѣлъ поднесть Королю. По знаку Государя водворилось молчаніе: иноземецъ сдѣлалъ воззваніе къ своей музѣ, «которая одна изъ всѣхъ плѣнила его сладостію пѣсней, и которая предпочла прелести стиховъ богатствамъ міра.» Отъ нея-то ожидалъ онъ стиховъ, достойныхъ великаго Короля, и началъ воспѣвать недавній раздоръ, нарушившій миръ между Государями: «Тассильонъ, Герцогъ Баварскій, послушался искусителя, обольстившаго первыхъ людей; но Карлъ покрылъ Рейнъ своимъ флотомъ и Германія восколебалась подъ стопами его воиновъ, наконецъ мятежникъ смирился и обнялъ колѣна побѣдителя.» При чтеніи гекзаметровъ, которые напоминали манеру древнихъ, грамматики придворные должны были признать себя побѣжденными. Самые воины рукоплескали поэту, когда имъ перевели одно мѣсто,

[37] Alcuin. Epist. IX. ad Carol. «Ego imperitus, ego ignarus, nesciens aegyptiacam scholam in palatio Davidicae versari gloriae. Ego abiens Latinos ibi dimisi Nescio, quis subintroduxit Aegyptios.»

Digitized by Google

гдѣ онъ называлъ ихъ «народомъ царственнымъ, изшедшимъ изъ стѣнъ Иліона, избраннымъ отъ Бога, Владыки міра, съ тѣмъ, чтобъ онъ поплѣнилъ земли, города и народы.»[38] Какъ же Карлъ Великій могъ остаться равнодушнымъ къ такимъ прекраснымъ стихамъ? Онъ далъ выходцамъ Ирландскимъ то, что было для нихъ дороже золота и серебра: училище и учениковъ. Въ половинѣ IX вѣка Герикъ Оксерскій писалъ, что вся Гибернія прошла моря, презирая бури, и прибыла съ стадами философовъ къ берегамъ Франціи.[39]

Но слава Ирландіи уже меркла предъ блестящимъ геніемъ Англо-Саксовъ. Тогда какъ достопочтенный Беда собралъ въ свою Ярровскую келлію всѣ науки древности, Архіепископъ Эгбертъ, другъ его, ввелъ ихъ въ епископскую Іоркскую школу, и сдѣлалъ обученіе публичнымъ.[40] Школа Іоркская, обогащенная памятниками, принесенными изъ Рима, имѣла въ своей библіотекѣ не только писанія отцевъ и учителей, но сочиненія философовъ и поэтовъ языческихъ; тутъ были: Аристотель, Цицеронъ, Плиній, Виргилій, Стацій и Луканъ. Было не мало и рукописей Греческихъ и Еврейскихъ. Въ этомъ городѣ, состоявшемъ изъ мазанокъ и деревянныхъ хижинъ, исчезавшемъ на крайней оконечности Сѣвера, было введено полное Римское обученіе съ грамматикою, краснорѣчіемъ и юриспруденціей. Тутъ же учили ариѳметикѣ, астрономіи и естественной исторіи, сколько ее знали древніе. По изученіи этого ряда наукъ отверзалось святилище богословія. Вотъ почему тѣ, которые желали усовершенствоваться въ

---

[38] Versus Hibernici exulis apud Mai scriptor. tom. V. p. 405.
«O gens regalis, profecta a moenibus altis
Troaé! nam patres nostros hic appulit oris,
Tradidit atque illis hos agros, arbiter orbis
Hos fines amplos, capiendas funditus urbes.»

[39] Heric. Epist. ad Carol. calvum apud Bolland. tom. VII, p. 222. «Quid Hiberniam memorem, contempto pelagi discrimine, pene totam cum grege philosophorum ad littora nostra migrantem?»

[40] Alcuin carmen. de pontific. ecclesiae Eboracensis.
«His dans grammaticae rationis graviter artes,
Illis rhetoricae infundens refluamina guttae,
Istos juridica curavit cote polire.»

Digitized by Google

изученіи духовныхъ и свѣтскихъ наукъ, стекались въ Іоркъ не только изъ всей Англіи, но изъ Фландріи и Фризіи: здѣсь Св. Людджеръ въ молодости слушалъ уроки Алкуина.

Въ 781 году Алкуинъ, еще разъ видѣвшій Римъ, опять отправился туда, чтобъ получить палліумъ по ходатайству Архіепископа Инбальда, и увидѣлъ Карла Великаго въ Пармѣ. Карлъ, умѣвшій своимъ орлинымъ взоромъ узнавать людей съ дарованіями, понялъ, что Алкуинъ-то ему и былъ нуженъ, и Алкуинъ припомнилъ при этомъ случаѣ предсказаніе Эгберта, что его ожидаетъ блестящая будущность въ странѣ Франковъ. Онъ согласился ѣхать во Францію, и окончивъ свое дѣло въ Римѣ, прибылъ туда въ 782 году. Чрезъ 8 лѣтъ онъ возвратился въ Британію съ посольствомъ къ Королю Оффѣ, и опять возвратился во Францію въ 792 году, раздѣляя честь служить великому человѣку съ любовію къ уединенной келейной жизни. Изъ любви къ Карлу Алкуинъ согласился умереть на чужой землѣ съ условіемъ, чтобъ ему было позволено жить въ уединеніи, и чтобъ къ нему привезли хотя нѣкоторые изъ цвѣтовъ Англіи, — такъ онъ называлъ свои книги. Король помѣстилъ его въ аббатствѣ Св. Мартина Турскаго, окружилъ его всѣми предметами роскоши; въ помѣстьяхъ, подаренныхъ ему Королемъ, считалось до 20,000 крестьянъ. Но ученый старикъ не возгордился при такомъ богатствѣ, и заботился только о духовномъ преспѣяніи своихъ учениковъ. Для него мало ихъ было во Франціи, и недостаточнымъ казалось давать имъ, какъ онъ говорилъ, «медъ писанія, вино древняго знанія, первые плоды грамматики и свѣтильникъ астрономіи,» — онъ вызвалъ еще изъ Іорка своихъ питомцевъ, дабы съ ними раздѣлить свои труды. Множество пришельцевъ Англо-Саксонскихъ, наполнившихъ школу Турскую, уже стало надоѣдать гостепріимству Франковъ. Разсказываютъ, что однажды четверо Франковъ стояли у воротъ аббатства, когда священникъ Эгульфъ шелъ къ Алкуину, и одинъ изъ нихъ вскричалъ на своемъ родномъ языкѣ: Боже мой! когда Ты избавишь эту обитель отъ Британцевъ, которые словно пчелы жужжатъ вокругъ этого стараго Британца? Путешественникъ понялъ это, и

Digitized by Google

чрезъ минуту Алкуинъ послалъ отыскать насмѣшниковъ, и далъ имъ въ наказаніе выпить за здоровье Англо-Саксовъ по чаркѣ добраго вина.

Франки одолжены признательностію этому народу, который далъ имъ такого знаменитаго наставника. Если Алкуинъ былъ ниже Беды, какъ писатель, если въ немъ менѣе было оригинальности и увлекательности, за то онъ превзошелъ его, какъ наставникъ варваровъ, въ отправленіи этой великой обязанности, которой трудности не всѣмъ понятны. У него было двѣ страсти: страсть къ книгамъ и страсть къ обученію. Онъ уважалъ древность до благоговѣнія и мелочности, любилъ исправлять манускрипты, и не считалъ время потеряннымъ, если употреблялъ его на поправку правописанія и знаковъ препинанія въ искаженныхъ руконисяхъ. Узнавъ, что Карла Великаго короновали въ Римѣ, онъ не нашелъ лучшаго подарка для преемника Цезарей, кромѣ Библіи, тщательно пересмотрѣнной и выправленной его рукою. Его выписки утомляли переписчиковъ, распространяли правила здравой критики, и наполняли библіотеки. Въ то же время этотъ неутомимый человѣкъ, который училъ до послѣдняго издыханія, не могъ удерживать своей ревности въ стѣнахъ школы. Онъ рѣшился объяснить всѣ науки, и раскрылъ въ небольшомъ трактатѣ, по примѣру Исидора Севильскаго, основанія семи свободныхъ наукъ. Въ этомъ сочиненіи видна вся возвышенность ума, который въ знаніи видитъ не земную игрушку, но средство воспитанія душъ, начало вѣчныхъ созерцаній. Это представлено у него въ формѣ разговора: ученики спрашиваютъ, а учитель отвѣчаетъ.

Ученики: «ты часто намъ твердилъ, ученый наставникъ, что философія есть знаніе, которое учитъ всѣмъ добродѣтелямъ, что она есть сокровище, которое никогда не повергаетъ въ бѣдность того, кто имъ владѣетъ. Это разсужденіе, признаемся, возбудило въ насъ стремленіе къ такому великому благу. Мы желаемъ знать, гдѣ кончается изученіе философіи, и по какимъ степенямъ дойдти до этого конца? Но нашъ возрастъ слабъ, и если ты не подашь руки, намъ трудно будетъ подняться однимъ.»

Digitized by Google

Учитель: «не трудно указать вамъ путь къ мудрости, если вы ищете ее только для Бога, для сохраненія души въ чистотѣ, изъ любви къ истинѣ, если вы любите ее для нея самой, если не гонитесь за славою мірскою и временными почестями, тѣмъ менѣе за богатствомъ и удовольствіями.»

Ученики: «учитель! подними насъ выше отъ земли, на которой держитъ насъ наше невѣдѣніе, дай намъ взойдти на эти высоты, на которыя возвело тебя знаніе, говорятъ, съ первыхъ лѣтъ молодости. Ибо, если позволительно вѣрить баснямъ поэтовъ, то намъ кажется, что они имѣли право назвать науки пиршествомъ боговъ.»

Учитель: Посредствомъ семи наукъ грамматики, реторики, діалектики, ариѳметики, геометріи, музыки и астрономіи; философы получили право на вѣчную славу; вотъ чему посвящали они свое время и труды при помощи ихъ святые учители и защитники вѣры побѣдили всѣхъ еретиковъ на публичныхъ состязаніяхъ.»[41]

Вотъ тутъ больше, нежели жалкое повтореніе понятій древнихъ, — здѣсь видѣнъ истинный энтузіазмъ наставника, который, дознавъ опытомъ удовольствія отъ науки, хочетъ сообщить ихъ другимъ, и который, любя книги, еще больше любитъ людей. Въ немъ не видно желанія скрывать знаніе, сдѣлать науку тайною, доступною только немногимъ Онъ дѣлится своими знаніями не только съ клириками, но и съ мірянами, съ придворными кавалерами и дамами. Однакожъ и онъ не могъ не подчиняться характеру вѣка. Риторы Аквитанскіе научили его разсѣкать одно слово на два для метра стиховъ. Подобно предшественникамъ, онъ слишкомъ далеко простеръ искусство писать анаграммы и логогрифы. Одинъ изъ его друзей далъ ему гребень изъ слоновой кости, на верхнихъ концахъ котораго вырѣзаны двѣ головы; это подало ему мысль къ загадкѣ: «вотъ животное о двухъ головахъ съ 60 зубами; оно происходитъ отъ слона, но не имѣетъ его роста.» Столько же утонченности въ одномъ

[41] Alcuin epistol. et de septem artibus praefatio.

Digitized by Google

діалогѣ, въ которомъ видны слѣды поэзіи Англо-Саксонской, но вмѣстѣ есть намеки и на духъ школы Тулузской. И у него есть манера Доната Троянина, Энея и Гальбунга, которые признавали полезнымъ раскрывать воображеніе своихъ учениковъ посредствомъ вопросовъ и аллегорій.... «Что это за лошадь, спрашивалъ Эней, которая, кончивъ ѣзду, уходитъ въ хлѣвъ и оставляетъ поле свободнымъ для кобылы и жеребятъ? Это солнце, которое заходитъ, оставляя твердь для луны и звѣздъ....» «Кто, спрашивалъ Гальбунгъ, пробѣгаетъ въ одинъ часъ всѣ сферы небесныя? Умъ человѣка.» Такъ и Алкуинъ выводитъ на сцену Пипина, сына Карла Великаго, самъ спрашиваетъ, и самъ отвѣчаетъ.

Пипинъ: «Что такое письмо? Алкуинъ: Стражъ исторіи. П. Что такое слово? Алк. Измѣна мысли. П. Кто порождаетъ слово? Алк. Языкъ. П. Что такое языкъ? Алк. Бичь воздуха. П. Что такое воздухъ? Алк. Средство жизни. П. Что такое жизнь? Алк. Радость для счастливцевъ, скорбь для несчастныхъ, ожиданіе смерти. П. Что такое человѣкъ? Алк. Невольникъ смерти, хозяинъ постоялаго двора, мимоходящій путникъ.»

Вотъ еще вопросы одного изъ пиратовъ, которые были стратилицами сѣвера: «что такое море? — Путь къ смѣлости. — Что такое корабль? — Ходячій домъ, путникъ, не оставляющій за собою слѣда, другъ песка. — Что такое летитъ за смертоносная женщина съ желѣзной головой, съ деревяннымъ тѣломъ, съ перянымъ хвостомъ? — Эта женщина — стрѣла, спутница воина. — Что никогда не надоѣстъ человѣку? — Прибыль.»

Другіе вопросы и отвѣты напоминаютъ времяпрепровожденіе школьниковъ: «Что такое годъ? — Колесница, запряженная въ четверню лошадей. — Что это за лошади? — Ночь и день, тепло и холодъ. — Какой возница управляетъ колесницею? — Солнце и луна. — Что такое дружба? — Равенство думъ. — Что такое свобода? — Невинность.»[42]

---

[42] Alcuin. dissertat. regalis et nobiliss. juvenis Pipini cum Albino scholast. Epistol. Alcuin. ad quendam discipul. Te cupiens appel — peregrinis — lare Camoenis.

Digitized by Google

Подъ такими надутыми формами и символами скрывались глубокія истины. Міръ варварскій не зналъ другой свободы, кромѣ презрѣнія всякихъ законовъ; потому прекрасно указать свободу въ исполненіи закона, въ чистотѣ неукоризненной совѣсти, въ стремленіи души не отступать отъ Бога. Въ средніе вѣка, когда скульпторы собора Шартрскаго наполнили портики множествомъ статуй, изображавшихъ характеръ времени, они представили молодую дѣвушку отличной красоты, съ глазами поднятыми къ небу, съ ногами отдѣлившимися отъ земли, — и снизу подписали: *Libertas.*

Нужно было такое множество школъ и стеченіе всѣхъ націй во Францію, чтобъ спасти науки въ этой странѣ. Дѣйствительно, если мы не встрѣчаемъ въ VII вѣкѣ всеобщаго невѣжества, которое оплакивали историки, то надо признаться, что VIII вѣкъ начался слишкомъ грустными годами. Когда Сарацыны сожгли южные города, а Саксонцы овладѣли границами сѣверныхъ; когда Карлъ Мартеллъ, окруженный священниками дурной жизни и святокупцами, отдалъ имъ доходы церковные, когда, по выраженію Гинкмара, Христіанство, повидимому, исчезло, — какъ при такихъ безпорядкахъ могла остаться въ покоѣ наука? Въ то же время, какъ одинъ воинъ, весь покрытый кровью, добился епископской каѳедры въ Майнцѣ, доходы аббатства Фонтенельскаго назначены были для снабженія войска одеждою. Въ этихъ огромныхъ монастыряхъ, привыкшихъ къ шуму учениковъ, теперь слышались только ржаніе коней, лай собакъ, свистъ охотниковъ. Во многихъ мѣстахъ упадокъ духовнаго образованія дошелъ до того, что священникъ, не понимая словъ таинства, сомнѣвался въ самой силѣ таинства.[43]

Не смотря на эти безпорядки, во многихъ монастыряхъ оставалось небольшое число тружениковъ, которые среди опасностей занимались дѣломъ безъ всякаго возмездія на землѣ. Эта эпоха, въ которую, кажется, ужъ ничего не писали, все-таки имѣетъ хроники Св. Аманда, Лоба, Мурбака и Эммерана.

---

[43] Epistol. Bonifac. 12.

Digitized by Google

Конечно, это не болѣе, какъ бѣглыя замѣтки, которыми обогащали календарь монастырскій: но эти замѣтки оживлялись по временамъ важностію событій, и послѣ заняли страницы исторіи. При упадкѣ Французской Церкви три имени свидѣтельствуютъ, что знаніе еще не совсѣмъ погибло: Хродегангъ, который написалъ уставъ монастырскій; Ангельрамнъ, составитель коллекціи декреталовъ; и Амвросій Этперъ, который выучился по-Гречески, чтобъ прояснить трудныя мѣста Писанія. Пороки Карла Мартелла, преувеличенные, впрочемъ, на судѣ потомства, кончились съ нимъ. Первые лучи лучшихъ дней являются въ царствованіе Пипина Короткаго. Онъ покровительствовалъ ученымъ прищельцамъ, которыхъ Св. Бонифацій вызвалъ изъ монастырей Англо-Саксонскихъ для преобразованія клира и воспитанія варваровъ; онъ же выписалъ изъ Рима книги грамматическія, геометрическія и литургики. Пѣвцы, присланные Папою Григоріемъ III, учили Франковъ началамъ церковной музыки. По желанію Пипина, избранные монахи ѣздили учиться церковному пѣнію въ обитель Іоанна Латеранскаго. Придворная школа, которой не закрывалъ и Карлъ Мартелъ, возникла опять въ прежнемъ величіи; фамиліи Галло-Римскія посылали въ нее своихъ дѣтей изъ Аквитаніи и Австразіи. Карлъ Великій учился съ ними, — и этотъ великій человѣкъ, о которомъ говорятъ, что онъ не умѣлъ писать, получилъ полное образованіе, которое давали благороднымъ Франкамъ, въ королевскомъ дворцѣ.

Карлъ Великій сколько былъ славенъ какъ герой, столько же и какъ питомецъ науки. Этотъ завоеватель, законодатель, повелитель двадцати народовъ, отличался любознательностію, которая не давала покоя ученымъ. Въ ту пору, какъ онъ приводилъ въ движеніе весь Западъ громомъ побѣдъ своихъ, онъ между дѣломъ брался за неконченные уроки; перечитывалъ съ Петромъ Пизскимъ классиковъ; подъ руководствомъ Алкуина окончилъ изученіе семи свободныхъ наукъ. Письма его не давали покоя Алкуину; Карлъ предлагалъ ему для разрѣшенія трудные вопросы изъ грамматики, ариѳметики, астрономіи. Онъ говорилъ по-Латинѣ такъ же прекрасно, какъ на своемъ родномъ языкѣ, и зналъ довольно по-Гречески,

Digitized by Google

такъ, что могъ сверить Латинскій переводъ Евангелія съ подлинникомъ. Онъ участвовалъ въ спорахъ съ адоптіанистами, и требовалъ у своихъ епископовъ трактатовъ богословскихъ, и если оставался недоволенъ, то приказывалъ ихъ передѣлывать. Не будемъ удивляться, если онъ по цѣлымъ часамъ велъ жаркіе споры; если во время обѣда заставлялъ читать себѣ древнюю исторію или «Civitatem Dei,» Августина; если онъ вставалъ по ночамъ, чтобъ заниматься каллиграфіей. И между тѣмъ послѣ столькихъ трудовъ среди Итальянцевъ, Англо-Саксовъ, которыми наполненъ былъ его дворецъ, идеалъ болѣе совершеннаго знанія всю жизнь преслѣдовалъ и мучилъ его.

Достойны уваженія заботы Карла и о распространеніи школъ. Онъ занялся этимъ дѣломъ не съ прихотью Хильперика, который навязалъ школамъ свою азбуку, дополненную четырьмя буквами, — но съ добрымъ чувствомъ, съ кротостью и постоянствомъ, которыя всегда увѣнчивались блистательнымъ успѣхомъ. Во время перваго путешествія въ Римъ, онъ привезъ оттуда учителей. Въ то же время онъ вспомнилъ объ ученикахъ, которыхъ далъ ему Св. Бонифацій, и писалъ въ Лилль Архіепископу Майнцскому: «Блаженному епископу, отцу моему, Карлъ, надѣющійся на милость Христову. Тогда какъ вы заботитесь съ помощію Божіей о пріобрѣтеніи душъ, меня очень изумляетъ, что вы не обнаруживаете никакой ревности объ образованіи вашего духовенства. Вы видите, что мракъ невѣжества покрываетъ народъ вашъ; и тогда какъ вы могли бы озарить его свѣтомъ знанія, вы хладнокровно смотрите, какъ онъ изнываетъ во мракѣ. Между тѣмъ у васъ есть два священника, изучившіе свободныя науки. Такъ позаботьтесь, сколько возможно, объ образованіи вашего духовенства, убѣждайте его то усердными совѣтами, то строгими обличеніями; а если есть между ними бѣдные, поощряйте ихъ своею помощію. Если вы не можете привлечь другихъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые находятся на служеніи вашей церкви, выбирайте, кого найдете способнымъ къ ученію. И кто повѣритъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ въ такомъ множествѣ подчиненныхъ

Digitized by Google

вашихъ нельзя было найдти ни одного для ученія? Всякій, знающій въ васъ ученика Св. Бонифація, ожидаетъ отъ вашихъ попеченій огромныхъ успѣховъ. И такъ начните, любезный отецъ, и приложите стараніе о воспитаніи вашихъ чадъ въ свободныхъ наукахъ; чрезъ сіе вы удовлетворите моему пламенному желанію и заслужите вѣчную награду.»[44]

Вотъ первый актъ Карла Великаго о распространеніи образованія. Здѣсь уже видѣнъ взглядъ генія, отъ котораго ничто не сокрыто, который знаетъ, въ какомъ углу королевства и сколько ученыхъ священниковъ. Стоитъ уваженія смѣлость этого молодаго Короля, который напоминаетъ старому епископу одну изъ его обязанностей. Это не такой Государь, который смотритъ на науку, какъ на суетное украшеніе своего царствованія, который собираетъ ученыхъ во дворецъ также, какъ рѣдкихъ животныхъ въ свои сады. Попеченіе объ образованіи въ глазахъ его болѣе, нежели государственное благо, — онъ въ этомъ видитъ дѣло религіи. Каждый разъ, какъ онъ посѣщалъ Римъ, онъ выносилъ оттуда пламенную ревность къ пробужденію дремлющихъ умовъ. Мысль его наконецъ является во всемъ блескѣ въ замѣчательномъ окружномъ посланіи, которое онъ писалъ на имя епископовъ и аббатовъ въ 787 году, по возвращеніи изъ третьяго путешествія въ Римъ. Въ немъ изумляешься усильной борьбѣ генія съ остатками варварства, надъ которымъ онъ торжествуетъ.

«Карлъ, Божіею милостію, Король Франкскій и Ломбардскій, Патрицій Римскій, Аббату Баугульфу и всему собору желаетъ здравія. Да будетъ извѣстно вашему преосвященству, что по разсужденіи съ нашими вѣрными, мы признали нужнымъ, чтобъ живущіе въ епископствахъ и монастыряхъ, по благодати Христовой находящихся подъ вашимъ начальствомъ, кромѣ соблюденія устава благочестивой жизни и исполненія постановленій религіи, предавались съ ревностію изученію наукъ и обучали бы тѣхъ, которые при помощи Божіей могутъ учиться, каждый смотря по своей спо-

[44] Leboeuf. Dissertations sur l'histoire ecclesiastique, p. 370.

Digitized by Google

собности. Такимъ образомъ, когда уставъ, свято выполняемый, поддерживаетъ чистоту нравовъ, — стараніе учиться и учить введетъ порядокъ въ языкѣ, дабы тѣ, которые желаютъ угождать Богу доброю жизнію, не оставляли угождать Ему добрымъ словомъ. Написано: *отъ словъ твоихъ оправдишися или осудишися.* Хотя, въ самомъ дѣлѣ, доброе дѣло лучше знанія, однако знаніе должно предшествовать дѣлу. И такъ каждый долженъ упражняться въ законѣ, который онъ хочетъ исполнить, такъ, чтобы душа лучше понимала кругъ своихъ обязанностей, и чтобъ языкъ безошибочно прославлялъ Бога. Ибо если всѣ люди должны избѣгать произвольныхъ погрѣшностей, то какъ должны ихъ остерегаться тѣ, кои призваны на служеніе истинѣ? Въ сіи послѣдніе годы писали къ намъ изъ многихъ монастырей, что братія, живущіе въ нихъ, другъ предъ другомъ усиливаютъ святыя свои молитвы за насъ; мы нашли въ большей части такихъ посланій доброе чувство, а рѣчь необразованную. Что искренняя преданность говорила мысли, того неопытный языкъ не могъ выразить, и это зависитъ отъ нерадѣнія объ ученіи. Вотъ почему мы начали бояться, что если не будетъ умѣнья выражаться на письмѣ, чтобъ не было слишкомъ мало смысла при истолкованіи Св. писанія. Опасны ошибки въ словѣ, но мы знаемъ, что ошибки въ смыслѣ гораздо опаснѣе. Посему увѣщаваемъ васъ не только не презирать изученія наукъ, но и съ смиреннымъ расположеніемъ духа стараться превзойти другъ друга въ ревности ученія, дабы вы могли удобнѣе и вѣрнѣе проникать въ тайны Св. писанія. Такъ какъ въ священныхъ книгахъ есть фигуры, тропы и другія подобныя украшенія рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что каждый, читая ихъ, не пойметъ скоро духовнаго смысла, если не притотовленъ къ тому ученіемъ. Къ этой должности надобно выбрать людей, съ силою воли, съ умѣньемъ учить, что бъ они отличались благочестивымъ расположеніемъ духа. Ибо мы желаемъ, чтобы вы, какъ прилично воинамъ Церкви, были благочестивы внутри, а учены во-внѣ, и соединяли чистоту святой жизни съ знаніемъ правильной рѣчи; всякій, кто посѣтитъ васъ изъ любви къ Богу и для подражанія

Digitized by Google

вашей святой жизни, въ тоже время получитъ назиданіе отъ вашей мудрости, нашедъ ее въ вашихъ чтеніяхъ и въ священныхъ пѣснопѣніяхъ, и пойдетъ отъ васъ съ радостію, благодаря Господа Всемогущаго. Не забудьте послать списокъ съ сего посланія ко всѣмъ зависящимъ отъ васъ епископамъ, и во всѣ монастыри, если желаете пользоваться нашимъ расположеніемъ. Legenti salutem!»[45]

Послѣ этаго въ граммать 789 года духовенству предписывается: «устроить школы и принимать въ нихъ не только дѣтей рабовъ, но и людей свободныхъ. Каждый монастырь, каждое епископство должны имѣть псалтири, книги для пѣнія, ариѳметики, грамматики и правильные экземпляры Библіи; ибо часто люди плохо молятся Богу отъ того, что въ рукахъ у нихъ книги невѣрныя. Не позволяйте дѣтямъ искажать текстъ, и въ чтеніи и въ письмѣ. Если нужно писать псалтирь или литургію, пусть пишутъ ихъ люди опытные, и употребляютъ на то все свое стараніе[46].» Соборъ Шалонскій 813 года, собравъ чиновъ Императорскихъ, опредѣлилъ, чтобъ епископы учредили школы, въ которыхъ бы учили наукамъ и толковали Св. Писаніе. Этихъ опредѣленій не всегда слушались, но онѣ часто повторялись; наконецъ упадшія школы возстановлены, и открыты новыя, и къ концу IX вѣка, какъ бы сѣтью, онѣ покрыли Францію, Ломбардію, Германію до береговъ Везера. Тогда какъ каѳедры монастырей и церквей епископскихъ собирали около себя образованное юношество, и посвящали ихъ седми наукамъ, правила соборовъ установили первоначальное обученіе, безмездное для всѣхъ, и предписали, чтобъ священникъ каждаго прихода училъ читать малыхъ дѣтей безъ различія состояній, не ища другаго воздаянія, кромѣ обѣщаннаго въ Писаніи.[47]

---

[45] Encyclica de litteris colendis apud Sirmond. Concilia Galliae. tom 2. p. 124.
[46] Pertz tom. I. Legum p. 65.
[47] Theodulfi Avrelianens. capitul. 20. «Presbyteri per villas et vicos scholas habeant; et si quilibet fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis commendare vult, eos suscipere et docere non renuant, attendentes illud, quod scriptum est: *qui ad justitiam erudiunt multos, fulgebunt quasi stellae in perpetuas aeternitates.* Cum ergo eos docent, nihil ab iis pretii pro hac re exigant.»

Digitized by Google

Такимъ образомъ Карлъ Великій силою воли преодолѣлъ всѣ препятствія; невѣжество и упорство не устояло противъ его распоряженій. Придворная школа, закрытая при Меровингахъ, занимала историковъ Карла Великаго: многіе видѣли въ ней начало всеобщаго университетскаго обученія, другіе смотрѣли на нее, какъ на случайное и не постоянное собраніе образованныхъ людей, и видѣли въ ней больше академію, чѣмъ школу. Однакожъ свидѣтельства показываютъ, что ея существованіе было прочно, что она процвѣтала при Пипинѣ Короткомъ и его преемникахъ. Анзегизъ, аббатъ Фонтенельскій, былъ представленъ съ малолѣтства знаменитому Карлу, принятъ ко двору и «наученъ всякому знанію Божескому и всей мудрости человѣческой.» Альдрикъ, Епископъ Сенскій, учился свободнымъ наукамъ и священнымъ предметамъ съ такимъ успѣхомъ, что однажды, когда онъ защищалъ Христіанскую вѣру противъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ въ присутствіи Людовика Кроткаго, то плѣнилъ краснорѣчіемъ своимъ Императора, который назначилъ его придворнымъ учителемъ.[48] Но для чего собирать по одному эти свидѣтельства, когда мы находимъ живое изображеніе школы въ разсказахъ монаха Сен-Гальскаго и въ перепискѣ Алкуина?

На монаха Сен-Гальскаго смотрѣли съ какою-то недовѣрчивостію. Онъ писалъ въ концѣ IX вѣка, въ ту пору, какъ сильное аббатство Сен-Гальское сіяло полнымъ блескомъ возрожденной науки. Точно, когда повѣствователь съ вершины своихъ горъ смотритъ на завоеванія Карла Великаго, и въ разсказѣ вѣритъ на слово старымъ воинамъ, его сподвижникамъ, то можно подумать, что его воображеніе прибавляло многія черты къ картинѣ, и что поэзія вторгалась въ исторію. Но когда онъ слѣдуетъ за великимъ Императоромъ въ Церковь, когда передаетъ его домашнія бесѣды съ лицами духовными, тогда онъ въ своей сферѣ; онъ повторяетъ разсказы, которые ходили по монастырямъ, и дошли въ Сен-Галль съ пилигримами, съ странствующими мо-

[48] Mabillon. vita Ansegisi et Aldrici. p. 568. 631.

Digitized by Google

нахами, съ мірянами, отрекшимися отъ жизни при дворѣ. Если онъ представляетъ ученаго Карла среди пѣвцовъ, когда онъ на однихъ прикрикивалъ, другихъ хвалилъ, то здѣсь видишь любимую страсть Королей Французскихъ къ церковному пѣнію и церковному порядку, который былъ въ такой связи съ школьнымъ обученіемъ. Монахъ не забылъ сказать, что Карлъ, по возвращеніи изъ походовъ, призывалъ къ себѣ учениковъ, учившихся во дворцѣ, и самъ выправлялъ ихъ задачи въ прозѣ и стихахъ. Не хотятъ вѣрить этимъ разсказамъ, но не хотятъ вспомнить, что нѣтъ ничего малаго для великихъ людей; геній проявляетъ свою силу, когда входитъ въ самыя мелочи, презираемыя умами посредственными. Мы знаемъ, что Карлъ на канунѣ сраженія осматривалъ сѣдла у лошадей, и отвѣдывалъ кушанье воиновъ.[49]

Но такія сомнѣнія уничтожатся, если мы просмотримъ переписку Алкуина; вотъ здѣсь-то вполнѣ виденъ дворецъ Карла В. съ тремя его свѣтилами, съ академіею или собраніемъ ученыхъ людей, которыхъ государь сзывалъ для разрѣшенія вопросовъ по всѣмъ предметамъ; съ библіотекою, богатою книгами священными и свѣтскими, наконецъ, съ училищемъ, гдѣ воспитывались молодые люди. Здѣсь училъ Петръ Пизскій, сюда приходили Ирландцы, которыхъ ругали Египтянами, здѣсь Алкуинъ мечталъ о новыхъ Аѳинахъ. Такое прекрасное заведеніе требовало содѣйствія могучаго государя. Самъ Карлъ смотрѣлъ за воспитаніемъ придворнаго юношества, убѣждалъ учениковъ учиться наукамъ, которыя доставятъ имъ счастіе въ зрѣломъ возрастѣ и честь въ старости. Нужно было очистить грубыя понятія: потому государь требовалъ, чтобъ его мысли передавали во всемъ блескѣ краснорѣчія. Вся внутренняя жизнь этого ученаго двора открывается въ одномъ стихотворномъ посланіи, которое бы трудно было понять, если бы мы не знали предварительно, что подъ именами Давида, Флакка, Гомера и другихъ лицъ,

[49] Monach. Sangallens. de cura ecclesiastica Caroli Magni.

Digitized by Google

взятыхъ изъ Писанія или древности, разумѣются Карлъ Великій, самъ Алкуинъ, Ангильбертъ, и всѣ, составлявшіе украшеніе дворца.[50]

При воспоминаніи о государѣ-другѣ своемъ, поэтъ воспламеняется и пишетъ: «Ты слава и упованіе твоего народа, ты радость великой имперіи; ты слава Церкви, хранитель ея, ты ея любовь. Ты наполнилъ достойными служителями всѣ степени іерархіи церковной. Святый первосвященникъ, вдохновенный сердцемъ, идетъ впереди священниковъ, и управляетъ ими словомъ и примѣромъ. Чинъ діаконовъ имѣетъ тебя руководителемъ, Іессей! Голосъ твой раздается, подобно рычанію вола, и приличенъ служителю, который съ высоты амвона гласитъ народу святое слово. Потомъ Сульпицій ведетъ бѣлое стадо чтецовъ; его долгъ управлять ими и учить, чтобъ они не переставляли ударенія. Идіомъ учитъ дѣтей священному пѣнію; и чтобъ ихъ гармоническій голосъ издавалъ сладкіе звуки, они должны знать, что музыка основывается на правильности такта, числа и мѣры. Далѣе: врачи тѣснятся въ пріемной Иппократа; одинъ отворяетъ кровь, другой мѣшаетъ травы въ котлѣ, третій подноситъ цѣлебный напитокъ. Туне дадите, врачи, да благословитъ васъ Христосъ. Это усердіе нравится мнѣ, это учрежденіе похвально. Но что дѣлаетъ благозвучный Виргилій? Что дѣлаетъ Весселіилъ (Эглигардъ), этотъ мастеръ писать стихи? Зачѣмъ онъ не взялъ въ управленіе школу, подъ именемъ отца, убѣленнаго старостію? Маленькій Закхей приподнимается на цыпочки, чтобъ видѣть собраніе книжниковъ. Каждый учитель на своемъ мѣстѣ. Пусть моя благородная дочь (Гисла) созерцаетъ звѣзды небесныя въ тиши ночной, пусть она учится непрестанно хвалить Бога Всемогущаго, Который украсилъ небо звѣздами, а землю зеленью! Флаккъ (Алкуинъ) и Гомеръ (Ангильбертъ) на свирѣляхъ будутъ пѣть тебѣ, когда ты придешь въ священный дворецъ! Да здравствуютъ счастливцы Тирзитъ и Меналкъ! Меналкъ! продолжай учить поваровъ, чтобъ поэтъ видѣлъ передъ собою горячія блюда!

[50] Alcuin. epist. 25. ad Homer. Suum. Ep. 10. 9. 1. 105. 15.

Digitized by Google

Виночерпій Неемія! наливай ему большіе кубки Греческаго вина, потому что онъ привыкъ ходить такъ, чтобъ за нимъ всегда слѣдовала бочка. Да здравствуютъ мальчики и дѣвочки королевскаго дома! Да дастъ имъ Христосъ долголѣтнюю жизнь, и блаженство въ вѣчномъ царствіи! Христосъ, Спаситель міра, слава наша, наша жизнь, нашъ Искупитель, всегда, всякій годъ, всякій часъ сохраняй нашего возлюбленнаго Давида (Карла Вел.), даруй ему счастливую жизнь и благословенное царство. Отвѣчайте на эту молитву всѣ единымъ гласомъ: Аминь![52]

Въ этомъ посланіи является весь дворъ: и духовенство придворное, и дѣти, учащіеся церковному пѣнію, и общество врачей, писцы и наконецъ школа: вокругъ государя полное собраніе знаменитыхъ лицъ, посвятившихъ себя наукѣ; поэтъ не забываетъ ни отсутствующихъ, ни художниковъ кухни, ни благородныхъ дамъ, которыхъ, какъ ученицъ своихъ, онъ имѣлъ право называть дочерьми своими. Безъ сомнѣнія, педантизмъ еще примѣшивался тогда къ ученой дѣятельности. Эти Германцы перерыли всю классическую древность и пересмотрѣли всю Библію, чтобъ отыскать тамъ имена не столько грубыя, какъ имена ихъ предковъ; епископы и воины заставляютъ себя называть именами изъ эклогъ; упорныя состязанія грамматическія, любовь къ загадкамъ, въ которыхъ самъ Король старается превзойти другихъ, — всѣ сіи черты напоминаютъ намъ Лже-Виргилія и преданіе риторовъ Аквитанскихъ. Долго еще оно будетъ бороться съ успѣхами умственнаго развитія. Въ X вѣкѣ Аттонъ Верцейльскій написалъ сатиру на свой вѣкъ языкомъ, въ которомъ есть всѣ темноты двѣнадцати родовъ Латыни; а неизвѣстный географъ Равенскій перегналъ ученыхъ школы Тулузской, и цитовалъ философовъ Египетскихъ, Готѳскихъ, Африканскихъ,

---

[51] Alcuin. versus apud. Froben. tom. II. p. 228.

Venerunt apices vestrae Pietatis ab aula,
O Dilecte Deo, David, dulcissime Flacco.....
Tu dignos equidem misisti sorte ministros
Ordinibus sacris jam per loca nota capellae....
Accurrunt medici mox Hippocratica tecta....

Digitized by Google

ему одному только извѣстныхъ. Поэты еще будутъ наполнять свои стихи акростихами, эллинизмами; и въ честь Карла Лысаго напишутъ поэму, которой каждое слово начинается съ буквы К. Наконецъ ученые будутъ заимствовать имена у Римлянъ и Грековъ; тутъ услышишь имена Меланхтона, Озіандра, Эколампада, и подумаешь, что имѣешь дѣло съ людьми, только что пріѣхавшими изъ Аѳинъ, если они не измѣнятъ себѣ грубыми ругательствами; Италіанскія Академіи возмутъ у пастушковъ Аркадскихъ посохъ съ ихъ именами. Привязанность къ классической древности дойдетъ до крайности. Виргилій будетъ идоломъ юношества и мужей ученыхъ. Мы увидимъ, что Ригбодъ, епископъ Трирскій, 12 книгъ Энеиды зналъ лучше четверо-Евангелія. Самъ Алкуинъ въ отрочествѣ предпочиталъ слезы Дидоны псалмамъ Давида. Правда, что послѣ онъ горько упрекалъ себя за этотъ грѣхъ, и состарѣвшись не хотѣлъ, чтобъ его Турскіе ученики удивлялись опаснымъ красотамъ языческаго поэта. Но ученикъ его Сигульфъ будетъ читать имъ Виргилія украдкой: мало по малу сладкій пѣвецъ Георгикъ откроетъ для себя всѣ двери и крѣпко запертыя; его найдешь въ каталогахъ всѣхъ церковныхъ библіотекъ IX и X вѣка, въ Сен-Галлѣ, въ Фульдѣ, въ Мецѣ, въ Реймсѣ рядомъ съ Гораціемъ и Теренціемъ. Его станутъ даже представлять народу въ религіозныхъ драмахъ; слова Виргилія будутъ приводить вмѣстѣ съ словами Давида и Исаіи въ мистеріяхъ, его поставятъ на ряду съ пророками. Воспитаніе Карла Лысаго поручено будетъ Лупу Феррьерскому, самому жаркому ученику Цицерона и Квинтиліана. Нѣсколько позже Скотъ Эригена введетъ философію во дворецъ. Послѣдній наслѣдникъ созерцаній Александрійскихъ, онъ завѣщаетъ ихъ пламенной любознательности вѣковъ послѣдующихъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ.

ДВА СЛОВА КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

Кто добръ поистинѣ,...
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Крылов.

Добро помнить должно: о добрыхъ вспоминать сладко. Въ 1818 году, М. М. Сперанскій былъ Гражданскимъ Губернаторомъ въ Пензѣ. Посвящая дни дѣламъ своего служенія, онъ, по вечерамъ, нерѣдко выходилъ для прогулки по городу, въ партикулярномъ платьѣ, такъ что немногіе могли узнавать его. Мѣстами прогулокъ его были не главныя только улицы города, но и самые глухіе переулки. Дано было предписаніе Полиціи о исправленіи тротуаровъ. У домовъ гражданъ достаточныхъ они скоро были исправлены; жителей недостаточныхъ Полиція понуждала къ тому же. Однажды вечеромъ, полицейскій чиновникъ, пришедъ съ солдатами къ дому одной вдовы, вызвалъ ее къ воротамъ, и настоятельно требовалъ, чтобы, чрезъ два дни, тротуары близъ ея дома были построены. Вдова плакала, жалуясь на свое бѣдное состояніе. Тутъ сошлась толпа народу. М. М. Сперанскій незамѣтно подошелъ къ толпѣ и вслушался въ разговоръ. «А чего, по вашему, стоитъ эта постройка?» спросилъ онъ полицейскаго чиновника. — Да не меньше 20-ти рублей, — отвѣчалъ чиновникъ. Сперанскій подошелъ къ печальной вдовѣ, далъ ей 50 рублей, и удалился.

Домъ Губернаторскій въ Пензѣ отдѣляется отъ дома Архіерейскаго одной только дорогой. Около Архіерейскаго при домѣ сада былъ полисадъ, въ которомъ росли акаціи и

Digitized by Google

густая трава. Одинъ мальчикъ-семинаристъ, изъ числа Архіерейскихъ пѣвчихъ, чтобъ свободнѣе заняться своимъ урокомъ, уходилъ въ этотъ полисадъ, таясь отъ рѣзвыхъ товарищей, и, лежа въ травѣ, училъ урокъ; такъ дѣлалъ онъ часто, особенно по вечерамъ. Однажды, проходя мимо полисада, и замѣтивъ, что мальчикъ быстро пробѣжалъ и залегъ въ травѣ, М. М. заключилъ вѣроятно что-нибудь нехорошее объ этомъ мальчикѣ. Подошедъ къ Губернаторскому дому, онъ приказалъ жандарму взять этого мальчика и привести къ себѣ. Мальчикъ, не одѣтый какъ должно, упрашивалъ жандарма оставить его; но посланный былъ неумолимъ. Приведенный предъ М. М., онъ, отъ испуга, не могъ проговорить слова, и упалъ ему въ ноги. Сперанскій поднялъ и обласкалъ мальчика; онъ взялъ бывшія въ рукахъ мальчика книжки и тетрадки, бѣгло пересмотрѣлъ ихъ, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ изъ Греческой и Латинской Грамматикъ. Мальчикъ ободрился, и отвѣчалъ удовлетворительно. «Ты хорошо поешь,* хорошо и учишься. Но голосъ твой скоро спадетъ, а наука тебѣ пригодится всегда и вездѣ. Не переставай же учиться, до окончанія курса. Вотъ тебѣ на твои потребности (далъ ему полуимперіялъ); а когда будешь нуждаться, приходи ко мнѣ.» — Мальчикъ не смѣлъ ходить къ Губернатору; но М. М. не забывалъ его во время пребыванія своего въ Пензѣ, и поручилъ его особенному попеченію Инспектора Семинаріи В. Ѳ. Алявдина. Этотъ случай сильно подвинулъ мальчика: одинъ онъ изъ своихъ товарищей-пѣвчихъ, выпущенъ изъ Семинаріи студентомъ, и теперь трудится на служебномъ поприщѣ, нося въ душѣ глубочайшую признательность къ своему благодѣтелю.

А. Росницкій.

---

* Часто бывая въ Крестовой церкви при Богослуженіи, М. М. лично зналъ нѣкоторыхъ изъ пѣвчихъ.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ХИМІИ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

ВВЕДЕНІЕ.—ХИМІЯ ДРЕВНИХЪ.—ХИМІЯ АРАБОВЪ.—ГЕБЕРЪ.—ХИМІЯ ПЕРЕНОСИТСЯ ВЪ ЕВРОПУ.—ЕЯ ХАРАКТЕРЪ.—РОДЖЕРЪ БАКОНЪ.—АЛЬБЕРТЪ ВЕЛИКІЙ.—АРНОЛЬДЪ ВИЛЛЬНЕВЪ.—РЕЙМОНДЪ ЛЮЛЛЬ.—ШКОЛА РЕЙМОНДА ЛЮЛЛЯ.—ПАРАЦЕЛЬСЪ.—ОСНОВАНІЯ АКАДЕМІЙ.—НИКОЛАЙ ЛЕФЕВРЪ.—ГЛАЗЕРЪ.—НИКОЛАЙ ЛЕМЕРИ.—ГОМБЕРГЪ.—БЕХЕРЪ.—СТАЛЬ.—ШЕЕЛЕ.—ПРИСТЛЕЙ.—ЛАВУАЗЬЕ.

Изъ прекраснаго сочиненія Либиха «Письма о химіи», переведеннаго на Русскій языкъ Г. Дымчевичемъ, не трудно получить ясное и основательное понятіе о настоящемъ состояніи этой науки. Но прежде открытія главныхъ началъ химіи, поставившихъ ее на степень науки, были потрачены цѣлыя столѣтія на изысканія тяжкія, и безплодныя въ тѣхъ случаяхъ, когда забывали слѣдовать указаніямъ опыта. Цѣлый рядъ заблужденій былъ слѣдствіемъ такого отступленія, какъ бы въ доказательство той высокой истины, что природа въ великихъ и малыхъ своихъ проявленіяхъ дѣйствуетъ по законамъ, простѣйшимъ всѣхъ умствованій человѣческихъ.

Исторія химіи полезна не только тѣмъ, что можетъ, въ нѣкоторымъ случаяхъ, предохранить насъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній и безусловной довѣренности къ гипотезамъ; не только тѣмъ, что показываетъ истинный способъ изслѣдованія, гдѣ для открытія законовъ природы должно вопрошать саму природу, а не составлять для нея своихъ

Digitized by Google

правилъ, на которыхъ такъ часто человѣкъ любитъ успокоивать свой нетерпѣливый умъ; но она полезна для насъ и тѣмъ, что представляетъ великіе примѣры самопожертвованія въ пользу науки и истины. Подобные примѣры могутъ возбуждать благотворное соревнованіе. Ибо, что можетъ быть выше той награды, которую получаетъ дѣятель науки, внося свой трудъ въ святилище ея истинъ! Ея истины громко и неумолкаемо говорятъ человѣку о его духовности и совершенствѣ Существа, отъ котораго онъ получилъ свое бытіе.

Начало химіи теряется въ глубокой древности. Но оно тамъ существовало не въ формѣ науки, а какъ собраніе различныхъ дѣйствій, направленныхъ къ усовершенствованію искусствъ и промышленности. Древніе не старались объяснять причинъ явленій, но умѣли соединять ихъ, согласовать и извлекать изъ нихъ ту часть, которая имъ была нужна въ матеріальномъ отношеніи. Впрочемъ, нѣкогда думали, что Египтяне были великими химиками, и что наука скрывалась въ ихъ іероглифахъ. Но когда раскрылся смыслъ этихъ загадочныхъ писаній трудомъ Шампольіона, такое мнѣніе потеряло всякую достовѣрность, тѣмъ болѣе, что мы теперь видимъ у Китайцевъ и Индійцевъ, какъ можно безъ помощи науки достигнуть до удивительнаго совершенства въ промышленности. Мало примѣра Китайцевъ и Индійцевъ; стоитъ посмотрѣть на наше производство: большая часть усовершенствованій въ немъ сдѣланы путемъ опыта или случайностью.

Египтяне передали свое знаніе въ химическихъ производствахъ другимъ народамъ — Евреямъ и потомъ Грекамъ. Но Греки, научившись отъ Египтянъ приготовленію стекла, мыла и извести; употребленію металловъ: золота, серебра, свинца, олова и желѣза; искусству соединять эти металлы и производить изъ нихъ *альяжи*; приготовленію вина и уксуса; окрашиванію тканей въ различные цвѣта, которымъ до сихъ поръ не можемъ надивиться,—съ тѣмъ вмѣстѣ наслѣдовали отъ нихъ полное незнаніе основаній всего того, что умѣли дѣлать. Самые ихъ философы, столь много размышлявшіе о явленіяхъ природы и оставившіе объ ней за-

Digitized by Google

мѣчательныя идеи, молчатъ о дѣйствіяхъ этого рода и не обнаруживаютъ даже покушенія достигнуть до ихъ пониманія.

Тоже можно сказать о Римлянахъ: они въ этомъ отношеніи были не дальше Грековъ.

Чтобъ выдти изъ круга догадокъ, нужно спуститься до осьмаго вѣка, гдѣ находимъ точное понятіе о состояніи химическихъ свѣдѣній въ то время. Тогда жилъ Геберъ, основатель школы арабскихъ химиковъ и авторъ *Summa perfectionis* — самаго древняго сочиненія, сколько намъ извѣстно. Геберъ собралъ въ немъ всѣ химическія знанія Арабовъ, и хотя онъ не выдаетъ себя за ихъ изобрѣтателя, однако трудно допустить, чтобъ онъ былъ только простой компиляторъ. Какъ-бы то ни было, мы ему одолжены вѣрнымъ понятіемъ о тогдашнемъ состояніи науки. Его твореніе, написанное совершенно въ духѣ алхимическомъ, показываетъ, что уже съ давнихъ временъ вѣрили въ превращеніе металловъ, хотя не знали, гдѣ начало этому заблужденію. Тутъ же мы находимъ указаніе на универсальную медицину. Геберъ говоритъ о красномъ элексирѣ, который есть не что иное, какъ растворъ золота, и предлагаетъ его отъ всѣхъ болѣзней, для продолженія жизни на неопредѣленное время и для возобновленія юности въ дряхлыя лѣта.

Вотъ небольшая выписка изъ болѣе практическаго сочиненія Гебера *investigatione magisteria*, которая очень хорошо можетъ познакомить съ химіею того времени. «Надѣяться извлечь тѣло — говоритъ онъ — изъ соединенія, въ которомъ оно не содержится, глупо. Но какъ всѣ металлы составлены изъ ртути и сѣры, болѣе или менѣе чистыхъ; то можно къ нимъ прибавить или убавить отъ нихъ то, въ чемъ они имѣютъ недостатокъ или избытокъ. Для достиженія этого, искусство употребляетъ различныя средства, свойственныя каждому тѣлу. Опытъ насъ научилъ слѣдующимъ: возгонкѣ, сливанію, растворенію, дистиллированію и сгущенію. Что же до дѣятелей, то это суть соли, квасцы, купоросы, стекло, бура, уксусъ самый крѣпкій и огонь.» Самоувѣренность и ясность въ выраженіяхъ Гебера показываютъ, что онъ предлагаетъ вещи совершенно уже рѣшенныя, который

Digitized by Google

вѣроятно къ нему пришли издалека. Кромѣ ртути и сѣры, Геберъ предлагаетъ еще третье начало — мышьякъ.

Излагая предметъ на арабскомъ языкѣ, Геберъ посвятилъ Арабовъ въ практическое дѣло своего искусства болѣе, чѣмъ всякую другую націю. По этому, по смерти его, алхимія преимущественно обработывается въ этомъ народѣ, гдѣ вскорѣ являются знаменитые писатели по части медицины и фармакологіи. Въ ихъ сочиненіяхъ или описываются новыя приготовленія, или указывается новый путь къ дальнѣйшему развитію медицины.

Химическія свѣдѣнія, которыми Арабы владѣли съ давняго времени, проникли въ Европу только въ тринадцатомъ вѣкѣ во время крестовыхъ походовъ. Но Арабы, научивши крестоносцевъ своей наукѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ сообщили ей тотъ характеръ чудеснаго, который выразился въ трудахъ первыхъ европейскихъ химиковъ и сдѣлался неразрывенъ съ ихъ именами. Въ главѣ этихъ химиковъ-маговъ стоитъ англійскій францисканскій монахъ, Рожеръ Баконъ, первый писатель, явившійся по этой части въ Европѣ. Судя по его сочиненіямъ, это былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ. Жаль только, что по своему суевѣрію, онъ смотрѣлъ на многіе предметы съ ребяческою довѣренностью, которая мѣшала ему самому ихъ изслѣдовать. Но тамъ, гдѣ его предубѣжденія не имѣли мѣста, его проницательный умъ является во всемъ блескѣ и удивляетъ вѣрностью своего воззрѣнія. Въ его *Opus majus*, написанномъ хорошимъ слогомъ, особенно замѣчательна глава *объ искуствѣ производить опыты*. Онъ ставитъ опытъ на самую высокую ступень лѣствицы человѣческихъ знаній. «Посредствомъ опыта — говоритъ онъ — «химики достигли до самыхъ блестящихъ открытій, и тотъ «же опытъ научилъ ихъ увеличить число драгоцѣнныхъ ме«талловъ и продолжить жизнь на многіе вѣки.» Если мы отбросимъ эту химерическую идею, которая пришла къ нему извнѣ: ибо самъ Баконъ не говоритъ, чтобъ онъ сдѣлалъ золото или нашелъ средство къ безсмертію, но, побѣжденный своимъ суевѣріемъ, свойственнымъ тринадцатому вѣку, онъ думалъ, что послѣ тѣхъ чудесъ, которыя представляетъ

Digitized by Google

химія, другіе могли достигнуть до такого совершенства; если отбросимъ — говоримъ мы — эту идею, то будетъ ясно, что онъ не настаивалъ бы такъ на необходимость опыта, еслибъ не былъ дѣятелемъ науки своего времени. При этомъ замѣтимъ еще, что въ человѣкѣ, столь расположенномъ принимать факты на слово, находимъ характеръ, составляющій необходимую принадлежность истинной химіи — эту полную вѣру въ опытъ, которую никто изъ химиковъ со временъ Рожера Бакона не оставлялъ до сихъ поръ.

Не смотря на славу, пріобрѣтенную Рожеромъ Бакономъ, въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего похожаго на тѣ разсказы, которые служили орудіями его извѣстности. Такъ говорили, что будто бы онъ сдѣлалъ мѣдную голову, которая могла объясняться, и съ которою онъ даже совѣтовался въ крайнихъ случаяхъ.

Почти въ одно время съ Р. Бакономъ является на сцену другое лице — соперникъ по глубокимъ и разнообразнымъ знаніямъ, оставившій по себѣ всеобщую славу мага. То былъ Альбертъ Больстодскій, переименованный въ Альберта великаго, и подъ этимъ эпитетомъ пріобрѣтшій репутацію колдуна, сохранившуюся до нашихъ временъ.

Онъ родился въ Швабіи, въ 1205 году. Поступивши въ монашескій орденъ доминиканцевъ, получилъ въ послѣдствіи времени мѣсто кельнскаго епископа. Какъ большая часть ученыхъ того времени, это былъ человѣкъ многосторонній, изучившій всѣ возможныя науки, въ которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія обширныя и глубокія. Объ немъ говорятъ лѣтописи, что онъ былъ: *Magnus in magiâ, major in philosophiâ, maximus in theologiâ.* Въ самомъ дѣлѣ, его мчогочисленныя сочиненія, писанныя имъ по этимъ частямъ, показываютъ его основательныя въ нихъ свѣдѣнія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ трактатъ о химическихъ свойствахъ камней, металловъ и солей, принадлежатъ собственнымъ его изслѣдованіямъ.

Много сохранилось чудесныхъ разсказовъ объ Альбертѣ великомъ. Одинъ изъ нихъ особенно можетъ показать, какъ тогда думали о людяхъ, занимающихся химіею. Однажды,

Digitized by Google

Альбертъ пригласилъ къ себѣ обѣдать какого-то владѣтельнаго графа. Чтобъ принять достойнымъ образомъ высокаго гостя, онъ приказалъ накрыть столъ въ саду, что не мало удивило графа и его окружавшихъ вельможъ, потому что была зима и снѣгъ покрывалъ землю на нѣсколько футовъ. Но въ ту минуту, какъ надобно было садиться за столъ, снѣгъ внезапно изчезъ, пріятная теплота смѣнила ужасный холодъ, деревья покрылись зеленью и цвѣтами, по которымъ порхали райскія птички, и веселымъ щебетаніемъ возвѣщали начало весны. Такъ продолжалось во все время обѣда. Но по выходѣ изъ за стола, очарованіе изчезло, и зима съ своимъ снѣгомъ явилась въ прежнемъ видѣ.

До этого времени Франція не имѣла ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго химика; но въ слѣдъ за Рожеромъ Бакономъ и Албертомъ великимъ, на югѣ ея, является человѣкъ съ великими способностями, котораго ученыя заслуги поставили наравнѣ съ Рожеромъ Бакономъ и гораздо выше Альберта великаго. Если Арнольда Вилльнева нельзя считать изобрѣтателемъ перегонки, потому что Діоскоритъ далъ первый описаніе куба; то, по крайней мѣрѣ, онъ указалъ ея важность въ химіи и добылъ этимъ способомъ вещества, до него неизвѣстныя Ему же принадлежитъ описаніе главныхъ свойствъ спирта.

Арнольдъ Вилльневъ, какъ мы сказали, родился въ южной Франціи. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ отвезенъ въ Парижъ, гдѣ выучился медицинѣ, и потомъ съ успѣхомъ преподавалъ эту науку въ Монпелье. Онъ оставилъ послѣ себя очень много сочиненій по медицинѣ, фармакологіи и химіи. Не смотря на вѣрный взглядъ на эти науки, онъ отдалъ дань своему времени, и, по примѣру прочихъ, предлагаетъ рецептъ приготовленія философскаго камня, но въ выраженіяхъ столь загадочныхъ, что рѣшительно изъ нихъ нельзя ничего понять, не будучи посвященнымъ въ тайны языка, которымъ тогдашніе химики любили скрывать дѣйствительныя и вымышленныя ихъ открытія.

Хотя сочиненія Арнольда Вилльнева наполнены поучительными подробностями, но форма, въ которой онѣ выра-

Digitized by Google

жены, говоритъ намъ, что онъ не былъ чуждъ скучнаго педантизма. Составленныя изъ множества отдѣльныхъ разсужденій, написанныхъ сухимъ и вялымъ языкомъ, онѣ представляютъ какъ бы перечень уроковъ, читанныхъ ученикамъ, и можетъ-быть даже сдѣланный тѣми же учениками. Словомъ, кромѣ его открытій, ничто не говоритъ намъ, чтобъ онъ имѣлъ живой и возвышенный умъ; но извѣстенъ его скептицизмъ, за который онъ въ послѣдствіи подпалъ духовному суду.

Ни одна изъ біографій химиковъ этой эпохи не представляетъ столько разнообразія и блеска, какъ жизнь Реймонда Люлля, ученика Арнольда Вилльнева. Чтобъ получить объ ней полное понятіе, нужно было бы прослѣдить всю его осмидесятилѣтнюю жизнь, исполненную неутомимой дѣятельности до послѣдней минуты; нужно бы разсказывать, какъ онъ путешествовалъ по всѣмъ частямъ свѣта, не оставаясь году ни въ одномъ мѣстѣ; какъ онъ входилъ въ сношенія со всѣми учеными, велъ съ ними переписку о многихъ предметахъ, оспоривалъ многіе вопросы и въ то же время, такъ сказать, сыпалъ сочиненіями, въ которыхъ видны обширность и разнообразіе его знаній, и въ которыхъ мы находимъ странную смѣсь разсужденій богословскихъ, химическихъ, философскихъ и медицинскихъ: онъ писалъ о богословіи, потому что былъ монахъ; онъ писалъ о физикѣ и химіи, потому что эти науки въ то время не были отдѣлены, а онъ имѣлъ особенную охоту заниматься химіею; наконецъ, онъ писалъ о медицинѣ, потому что находился въ сношеніяхъ съ Арнольдомъ Вилльневымъ, который много трудился надъ этой наукой.

Реймондъ Люлль былъ Испанецъ: онъ родился въ Маіоркѣ и принадлежалъ къ богатой и благородной фамиліи. Какъ большая часть вельможъ того времени, онъ провелъ молодость въ праздникахъ и удовольствіяхъ. Случаемъ онъ влюбился въ одну даму, и влюбился страстно. Не было глупости, которую бы эта страсть ему не внушила. Такъ, однажды, чтобъ обратить на себя вниманіе своей возлюбленной, онъ въѣхалъ въ церковь на конѣ.

Утомленная его безконечными преслѣдованіями, синьора Амвросія де-Кастелло написала къ нему письмо, въ которомъ

Digitized by Google

старалась уменьшить въ немъ эту любовь, представляя ему, что она недостойна ея; напоминала даже о долгѣ человѣка посвящать жизнь на вещи поважнѣе волокитства. Но это письмо, исполненное кротости и братскаго участія, усилило еще болѣе любовь въ Реймондѣ Люллѣ, если только можно было ее усилить. Онъ слѣдитъ за нею, какъ тѣнь, воспѣвая ея прелести въ пламенныхъ стихахъ. Такъ прошло довольно времени. Наконецъ, синьора, выведенная изъ терпѣнія, рѣшилась назначить ему свиданіе. Тутъ были повторены отъ нея всѣ прежніе совѣты, но все безуспѣшно; и вотъ она говоритъ ему: «хорошо, Реймондъ, вы меня любите, но знаете ли вы, что̀ вы любите! Вы воспѣвали меня въ вашихъ стихахъ, вы прославляли мою красоту и вы особенно много говорили о моей груди. Но посмотрите, достойна ли она вашихъ похвалъ, достойна ли я сама вашей любви.» Въ то же самое время она раскрыла передъ нимъ свое платье, и онъ увидѣлъ грудь, сокрушенную ужаснымъ ракомъ.

Это происшествіе страшно подѣйствовало на Реймонда Люллія. Онъ рѣшился отказаться отъ міра, и на тридцатомъ году вступилъ въ монастырь. Среди уединенія и ученыхъ занятій, ему впервые пришла мысль о крестовомъ походѣ, за которую онъ взялся со всѣмъ жаромъ своей горячей души. Онъ объѣзжаетъ, съ этою цѣлью, всѣ европейскія земли, входитъ въ сношенія съ дворами, посѣщаетъ тогдашнюю ученую знаменитость; но на его призывный голосъ мало отозвалось охотниковъ. Однако онъ не пренебрегалъ ни малѣйшимъ обстоятельствомъ, которое бы могло служить къ организаціи крестоваго похода, задуманнаго имъ съ цѣлью обращенія народовъ Алжиріи въ христіанство и уничтоженія рабства. Желая выучиться восточнымъ языкамъ, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе магометанина, который, проникнувши его планы, поразилъ его кинжаломъ въ грудь.

Къ счастію, Реймондъ Люллій скоро выздоровѣлъ отъ раны, и его апостольская ревность ни сколько отъ того не ослабѣла. Онъ снова проходитъ Европу, но, не имѣя и въ этотъ разъ успѣха, рѣшается одинъ отправиться въ Алжиръ. Тамъ его скоро схватили за его проповѣди и заключили

Digitized by Google

въ тюрьму, изъ которой на кораблѣ перевезли въ Италію. Здѣсь онъ опять возобновилъ странническую жизнь, не переставая при этомъ безпрестанно издавать сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ. Кончилъ онъ однако тѣмъ, что воротился опять въ Африку, гдѣ однажды народъ, взволнованный болѣе противъ обыкновеннаго, съ камнями въ рукахъ бросился на неутомимаго проповѣдника и положилъ его мертвымъ на берегу моря. Матросы отвезли тѣло въ Испанію, гдѣ причислили его къ лику святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить легендѣ, трупъ Реймонда Люлля, оставаясь на пескѣ, далеко распространялъ отъ себя свѣтъ, который привлекъ вниманіе матросовъ.

Таковъ былъ конецъ этого удивительнаго человѣка, который, можетъ-быть, сдѣлался бы предметомъ удивленія въ исторіи просвѣщенія, когдабъ обстоятельства не уничтожили его блестящихъ плановъ покоренія Африки подъ власть Европы.

Послѣ тѣхъ приключеній, которыя испыталъ Реймондъ Люлль, трудно повѣрить, чтобъ онъ могъ оставить замѣчательныя сочиненія, особенно по химіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ думать, что въ такой безпокойной жизни, ему оставалось время на размышленіе, на трудъ высокой важности. Но онъ, такъ сказать, на ходу обдумывалъ вопросы и, останавливаясь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, тотчасъ принимался писать, и писалъ въ одно время о физикѣ, химіи и богословіи. Если отбросимъ изъ его сочиненій элементъ алхимическій, то способъ, которымъ онъ руководствовался въ изслѣдованіяхъ, и подробности этихъ изслѣдованій истинно достойны удивленія. Онъ составилъ въ химіи эпоху, давши изысканіямъ алхимиковъ полезное направленіе. Изыскивая философскій камень мокрымъ путемъ и употребляя для этого перегонку, онъ заставилъ ихъ обратить вниманіе на летучія произведенія сложнаго тѣла.

Для знакомства съ способомъ выраженія Реймонда Люлля и химиковъ его школы, выпишемъ описаніе приготовленія философскаго камня изъ сочиненія Риплея, жившаго спустя столѣтіе послѣ Реймонда Люлля. «Чтобъ добыть — говоритъ Риплей — элексиръ мудрецовъ (философскій камень),

Digitized by Google

нужно взять, мой сынъ, ртути философовъ и калить ее до тѣхъ поръ, пока она превратится въ зеленаго льва; послѣ этого, ты продолжай ее еще калить; тогда она измѣнится уже въ краснаго льва. Этого краснаго льва, вмѣстѣ съ кислымъ спиртомъ винныхъ ягодъ, поставь въ песчаную баню и выпари произведеніе: ртуть приметъ видъ смолы, способной рѣзаться ножемъ; положи это смолистое вещество въ кубъ, хорошо замазанный, и управляй такъ перегонкою, чтобъ она шла медленно. Собери произведенія, которыя явятся тебѣ въ различныхъ видахъ жидкости. Ты получишь безвкусную флегму, потомъ спиртъ и красныя капли. Мракъ покроетъ кубъ темнымъ покровомъ, и ты въ немъ увидишь истиннаго дракона, ибо онъ пожретъ свой хвостъ. Возьми этого чернаго дракона, разотри его на камнѣ и прикоснись къ нему раскаленнымъ углемъ: онъ воспламенится и приметъ чудный лимонный цвѣтъ, — онъ произведетъ зеленаго льва. Сдѣлай такъ, чтобъ онъ поглотилъ свой хвостъ, и произведеніе подвергни вторичной перегонкѣ. Наконецъ, мой сынъ, послѣ тщательнаго очищенія, ты получишь огненную воду и и кровь человѣческую». Кровь человѣческая и есть то вещество, которое составляло предметъ изысканій, т. е. элексиръ мудрецовъ.

Не трудно проникнуть въ тайну этого описанія. Если мы слово *ртуть философовъ* замѣнилъ свинцомъ, то загадка сама собою разрѣшится. Риплей беретъ свинецъ и калитъ его; металлъ чрезъ это окисляется и переходитъ въ закись свинца или массикотъ, отсюда зеленый левъ. Онъ продолжаетъ каленіе: закись свинца перекаляется и превращается въ окись или глётъ — это красный левъ. Онъ соединяетъ глетъ съ кислымъ спиртомъ виноградныхъ ягодъ, т. е. уксусомъ: уксусная кислота растворяетъ окись свинца. Чрезъ перегонку этой уксусокислой соли, получаются различныя спиртовыя произведенія, въ числѣ которыхъ находится въ маломъ количествѣ масло темнаго или краснаго цвѣта. Въ ретортѣ останется свинецъ, превращеный въ самый мелкій порошокъ — отсюда мракъ, покрывающій кубъ темнымъ покровомъ. Порошокъ этотъ имѣетъ свойство возгораться отъ прикоснове-

Digitized by Google

нія раскаленнаго угля, при чемъ переходитъ въ массикотъ, котораго часть, смѣшенная съ жидкостью, отдѣляющеюся въ пріемникъ, соединяется мало по малу съ ея кислотою и распускается въ ней. Въ этомъ заключается черный драконъ, пожирающій свой хвостъ. Послѣ новой перегонки и очищенія, получаются окончательно огненная вода, т. е. спиртъ и масло темнокраснаго цвѣта — человѣческая кровь, предметъ изысканій алхимиковъ. По ея красному цвѣту, который постоянно играетъ въ ихъ мнѣніи важную роль, они приписали ей важное значеніе. Впрочемъ она, какъ многія масла, имѣетъ свойство осаждать золото изъ растворовъ въ металлическомъ видѣ.

По смерти Реймонда Люлля исторія химіи представляетъ длинный періодъ бездѣйствія. Встрѣчаются только люди съ чисто-алхимическими понятіями, которыхъ сочиненія совершенно для насъ невразумительны. Въ числѣ ихъ былъ Николай Фламель, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность. Увѣряютъ, что онъ также нашелъ философскій камень, воспользовавшихъ изысканіями какого-то Еврея, который оставилъ ему свои записки. Потомъ является Василій Валентинъ, авторъ «Currus triumphalis antimonii», въ которомъ онъ показываетъ способъ добыванія сурьмы, однаго изъ тѣлъ, составлявшихъ предметъ неутомимыхъ изысканій химиковъ, и которое потомъ получило важное приложеніе въ медицинѣ.

Приложеніе химіи къ медицинѣ въ особенности развито трудами Парацельса, который является въ началѣ семнадцатаго вѣка. Онъ родился въ окрестностяхъ Цюриха, и былъ, если вѣрить преданію, человѣкъ самый безпорядочный — гуляка и пьяница, посѣщавшій только кабаки и мѣста разврата. Но предаваясь вину и разгулу, онъ успѣлъ пріобрѣсть обширныя свѣдѣнія, которыя доставили ему громкую извѣстность. Вызванный въ Базель на каѳедру химіи, которая была только что основана и по времени считается первою во всемъ мірѣ, онъ скоро ее оставилъ по весьма оригинальному обстоятельству, которое мы здѣсь разскажемъ.

Преподавая химію, онъ не переставалъ заниматься медициной. Позванный однажды къ заболѣвшему канонику, онъ

Digitized by Google

предварительно съ нимъ условился въ цѣнѣ, которую тотъ ему долженъ былъ дать за излѣченіе. Началось пользованіе. Больному были прописаны пилюли, которыя его поставили на ноги въ нѣсколько дней. Излѣчившись такъ быстро, каноникъ нашелъ, что обѣщанное вознагражденіе слишкомъ значительно, и отказался его заплатить. Парацельсъ сталъ жаловаться; но совѣтъ тогдашнихъ эскулаповъ, изъ зависти, что ихъ собратъ такъ скоро вылѣчиваетъ больныхъ, подалъ голосъ противъ него. Такимъ образомъ процессъ Парацельса былъ проигранъ. Высказалъ-ли онъ въ гнѣвѣ слишкомъ много, но только съ тѣхъ поръ тамошній магистратъ сталъ сильно его притѣснять, такъ что онъ долженъ былъ наконецъ оставить городъ.

Лишенный всѣхъ средствъ существованія, Парацельсъ долго скитался изъ мѣста въ мѣсто, ведя самую нетрезвую жизнь, пока не пришелъ въ Стразбургъ, гдѣ умеръ въ харчевнѣ, за бутылкою вина, на 48 году отъ роду. Но его ученики, боясь, чтобъ молва о безславной смерти ихъ учителя не повредила имъ самимъ, распустили слухъ, будто бы онъ былъ отравленъ врагами, которые подсыпали ему въ питье яду.

Посмотримъ теперь на Парацельса въ ученомъ отношеніи. Кромѣ четырехъ элементовъ Аристотеля, онъ допускалъ пятый, происходящій отъ соединенія первыхъ въ совершеннѣйшей ихъ формѣ. По его мнѣнію, огонь не есть совершенно тоже, что теплота, вода также не есть влажность; словомъ, онъ считалъ возможнымъ отдѣлить качество отъ формы. Отсюда его убѣжденіе, что четыре элемента могутъ въ соединеніи своемъ образовать пятый, лишенный ихъ формъ, который онъ назвалъ квинтъ-эссенціей, или веществомъ предрасполагающимъ. Хотя всѣ его старанія въ полученіи этого вещества въ чистомъ состояніи не имѣли успѣха, однако онъ, отдѣляя съ этою цѣлью вещества самыя энергическія, иногда достигалъ до медикаментовъ удивительной силы. Этимъ объясняется его успѣхъ въ медицинѣ.

Съ Парацельса начинается новая эра въ химіи; ибо чрезъ него она явилась публично и чрезъ него же получила постоянное, непрерывное существованіе. Не прошло и ста

Digitized by Google

лѣтъ по смерти его, какъ ученые, соединившись въ общество, дали основанія академіямъ. Такъ, въ 1651 году, является въ Тосканѣ первая академія *del Cimento*; за нею вслѣдъ основывается Королевское общество въ Лондонѣ, а въ 1666 году открывается знаменитая академія Наукъ въ Парижѣ. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣло неоспоримое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи умственнаго развитія человѣчества.

Между тогдашними членами парижской академіи Наукъ, особенно сдѣлался замѣчателенъ профессоръ химіи, Николай Лефевръ. Впрочемъ онъ не долго преподавалъ эту науку въ своемъ отечествѣ. Отозванный скоро въ Англію королемъ Іаковомъ II, онъ занялъ тамъ мѣсто въ лабораторіи, учрежденной при Королевскомъ обществѣ. Къ такой перемѣнѣ въ особенности его побудили враждебныя отношенія правительства къ протестантамъ, къ которымъ онъ принадлежалъ. Въ Англіи было написано знаменитое его сочиненіе *Traité de Chimée raisonie*, которое далеко выше стоитъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время твореній по этой части, представлявшихъ науку, какъ смѣшенное собраніе рецептовъ на различныя производства. Лефевръ, напротивъ того, старается въ своемъ сочиненіи прежде всего дать отчетъ въ явленіяхъ, группируетъ ихъ и описываетъ каждое съ ясностью и простотою. Его взглядъ на химію чрезвычайно обширенъ. «Химія—говоритъ онъ—имѣетъ предметомъ познаніе всѣхъ вещей, которыя Богъ создалъ изъ ничего Своею творческою силою», и дѣлитъ ее на три части: химію философскую, ятро-химію и химію фармацевтическую. Химія философская есть чистая химія, разсматриваемая безъ отношенія къ медицинѣ и фармаціи; она изучаетъ природу, изыскиваетъ составныя тѣла, производимыя ею, изъясняетъ тайны, являющіяся въ различныхъ видахъ, и также занимается явленіями метеорологическими. Ятро-химія есть приложеніе химіи къ явленіямъ организма и функціямъ животныхъ, — это есть физіологія животныхъ. Наконецъ химія фармацевтическая изучаетъ пріемы, служащіе для приготовленія медикаментовъ.

Digitized by Google

Лефевръ, вмѣсто четырехъ элементовъ Аристотеля, принималъ пять: воду, спиртъ, масло, соль и землю, которые, вѣроятно, имъ получены при перегонкѣ органическихъ тѣлъ. Но кромѣ выше поименованныхъ, онъ допускалъ еще шестое вещество, похожее на квинтъ-ессенцію, названное имъ всеобщимъ началомъ. Хотя въ отдѣльномъ состояніи всеобщее начало не было получено, однако по той дѣятельности, которую Лефевръ ему приписывалъ, можно думать, что это былъ кислородъ. Всеобщее начало, по мнѣнію Лефевра, истекаетъ изъ свѣтилъ въ видѣ свѣта и, соединяясь съ воздухомъ, производитъ всѣ дѣйствія, замѣчаемыя нами въ минералахъ, растеніяхъ и животныхъ. Напримѣръ, воздухъ въ актѣ дыханія не ограничивается только тѣмъ, что охлаждаетъ легкія, но онъ производитъ на кровь истинную реакцію посредствомъ всеобщаго начала, которое разрѣжаетъ и уноситъ съ собою всѣ лишнія части крови. Кромѣ животныхъ, всеобщее начало дѣйствуетъ также на растенія и даже на землю, съ которой образуетъ селитру.

Когда Лефевръ отправился въ Англію, его мѣсто въ Парижѣ занялъ Глазеръ, извѣстный открытіемъ сѣрнокислаго поташа. Однако этотъ ученый стоитъ много ниже Лефевра. Онъ никогда не возвышался до общаго взгляда, ограничиваясь постоянно одними отдѣльными указаніями на приготовленія различныхъ веществъ. Для него химія не есть болѣе наука, изучающая всѣ тѣла вселенной, но только искусство производить смѣси безконечнымъ числомъ разнообразныхъ пріемовъ. Словомъ, это былъ чистый манипуляторъ, а не химикъ-наблюдатель съ обширнымъ взглядомъ на предметъ. Его лекціи были чрезвычайно-утомительны и скучны, такъ что многіе изъ желавшихъ учиться химіи бросили его слушать. Въ числѣ послѣднихъ находился Николай Лемери, который единственно для химіи пріѣхалъ въ Парижъ, но скоро принужденъ былъ оставить своего несноснаго наставника, и окончилъ образованіе уже въ Монпелье. Тамъ, чрезъ нѣсколько времени, онъ самъ открылъ химическія лекціи, которыя увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Желая распространить кругъ своей дѣятельности, онъ снова перебрался въ Парижъ,

Digitized by Google

гдѣ его встрѣтили съ энтузіазмотъ: цѣлое городское народонаселеніе стекалось его слушать: одни посѣтители смѣнялись другими, и улица, которая вела къ его дому, была постоянно наполнена народомъ, дожидавшимся своей очереди.

Въ 1675 году, онъ издалъ свой *курсъ химіи*. Это сочиненіе пріобрѣло огромную извѣстность, и расходилось въ такомъ безчисленномъ количествѣ, что каждый годъ нужно было приступать къ новымъ изданіямъ. Переведенное на латинскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій языки, оно вошло въ употребленіе у всѣхъ образованныхъ народовъ. Авторъ названъ въ немъ великимъ Лемери. Но кромѣ славы, онъ пользовался полнымъ благосостояніемъ. Его аптека — одно изъ лучшихъ парижскихъ учрежденій — приносила ему весьма значительный доходъ. Все, казалось, шло хорошо, все обѣщало надежду на завидную участь; между тѣмъ, не прошло и десяти лѣтъ, какъ эта надежда изчезла и оставила по себѣ одно горькое подтвержденіе непрочности земнаго счастія.

Лемери былъ протестантъ, а потому, когда открылось въ Парижѣ гоненіе противъ этого вѣроисповѣданія, онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію. Пробывши тамъ около двухъ лѣтъ, онъ, сгорая желаніемъ снова взглянуть на свое отечество, воротился во Францію въ 1683 году. Но исключенный здѣсь за свои религіозныя убѣжденія изъ числа преподавателей, сдѣлался изъ одной крайности меликомъ. Когда же въ 1685 году состоялся нантскій эдиктъ, которымъ запрещалось практиковать протестантамъ, у него было отнято послѣднее средство существованія. И знаменитый Лемери, съ титломъ *великаго*, впадаетъ въ крайнюю бѣдность: вселенная гремитъ его именемъ, а онъ самъ, окруженный обнищавшимъ семействомъ, едва не умираетъ съ голоду.

Замѣчательно, что всякій разъ, когда два значительные человѣка являются на поприщѣ какой-нибудь науки, они непремѣнно смотрятъ на предметъ съ двухъ противуположныхъ точекъ зрѣнія и стараются всячески идти по разнымъ дорогамъ въ изслѣдованіяхъ. Такъ Лемери, наслѣдовавшій въ исторіи науки Лефевру, блиставшему воображеніемъ и обширностью взгляда, отличается отъ послѣдняго ясностью

Digitized by Google

описаній, точностью наблюдаемыхъ явленій. Допуская теоретическія положенія Лефевра, онъ выказываетъ чрезвычайную осторожность въ заключеніяхъ. Всеобщее начало имъ также принято, но онъ его находитъ нѣсколько метафизическимъ. Принимая, вмѣстѣ съ Лефевромъ, элементами воду, спиртъ, масло, соль и землю, онъ старается показать, что эти элементы имѣютъ настоящее значеніе только въ отношеніи нашихъ средствъ, потому что мы не можемъ продолжать далѣе разложеніе вещества.

Лемери умеръ въ 1715 году, оставивъ послѣ себя сына, который также занимался химіею, но съ меньшимъ трудолюбіемъ.

Въ одинъ годъ съ Лемери умеръ Гомбергъ, германскій дворянинъ, составившій себѣ извѣстность открытіемъ нѣкоторыхъ веществъ. Таковы его седативная соль, извѣстная нынѣ подъ именемъ борной кислоты, его фосфоръ — нынѣ хлористый кальцій, и его пирофоръ, который до сихъ поръ изучается въ курсахъ химіи.

Гомбергъ былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени, и занимался наукою со страстью. Онъ родился въ 1652 году въ Батавіи, на островѣ Явѣ, а воспитывался въ Лейпцигѣ. Одаренный нѣсколько медленнымъ умомъ и не имѣя большихъ способностей къ практическимъ занятіямъ, онъ отказался отъ профессорства и выбралъ поприще болѣе свойственное его характеру. Изобрѣтая самъ мало, онъ любилъ собирать труды другихъ, для чего большую часть своей жизни посвятилъ на путешествія. Проѣхавши нѣсколько разъ Италію, Францію, Голландію, Пруссію и Швецію, онъ видѣлся со всѣми тогдашними учеными знаменитостями, стараясь у нихъ выманить тайны химическихъ производствъ, которыя, по приведеніи въ порядокъ, издавалъ въ отдѣльныхъ запискахъ и знакомилъ такимъ образомъ съ явленіями, скрываемыми другими.

Если мы теперь воротимся нѣсколько назадъ, то найдемъ въ Германіи ученаго, котораго сочиненія достойны всякаго вниманія, сколько можно судить по сохранившимся до насъ. Дѣло идетъ о Бехерѣ, авторѣ *Physica subterranea*,

Digitized by Google

на заглавномъ листѣ которой Сталь не побоялся написать *opus sine pari*. Къ сожалѣнію, намъ осталась отъ нея только первая часть.

Прежде всего въ этомъ *несравненномъ твореніи* поражаетъ насъ оригинальность начала. Разсуждая о различныхъ вкусахъ людей, Бехеръ говоритъ: «кто повѣрилъ-бы, что существуетъ такой вкусъ, которому нужно жертвовать своею честію, своимъ здоровьемъ, своимъ временемъ и даже жизнію. Вы скажете, что только одинъ дуракъ можетъ предаваться такой склонности; совсѣмъ нѣтъ: для этого есть особый классъ людей, чрезвычайно странный, эксцентричный, неправильный, словомъ — это химики».

Такое мрачное направленіе очень хорошо объясняется жизнію Бехера. Онъ сначала занималъ мѣсто перваго медика при майнцскомъ курфирстѣ, отъ котораго перешелъ на службу къ ганноверскому; но подпавши въ немилость Императора, долженъ былъ бѣжать въ Голландію, откуда уже переправился въ Англію. Самолюбіе придворныхъ, оскорбленное его тщеславіемъ, гнало его безъ милосердія и отравляло всю его жизнь. Между тѣмъ, это былъ человѣкъ съ благородными чувствами и понятіями, у котораго всѣ способности были равно развиты и выразились въ одинаковой силѣ въ богословіи, философіи, математикѣ и химіи. Собирая въ одну группу всѣ извѣстныя въ то время химическія открытія, онъ располагаетъ ихъ въ порядкѣ и, стараясь дать имъ объясненіе, возвышается иногда до яснаго пониманія ихъ причинъ. — Химическія явленія — говоритъ онъ — происходятъ между матеріальными началами, производя послѣднія и возстановляя фундаментальныя начала, ихъ составляющія.»

Бехеръ, кажется, первый точнымъ образомъ указалъ на существованіе неразлагаемыхъ началъ и тѣлъ составныхъ.

Разрывъ между схоластической философіей и химіей, до Бехера казавшійся сомнительнымъ, окончательно имъ утвержденъ въ его физикѣ. Тамъ онъ ясно говоритъ, что кто хорошій перипатетикъ — тотъ дурной химикъ, и обратно; ибо, по его мнѣнію, природа не имѣетъ ничего общаго съ тѣми

Digitized by Google

мечтами, которыми питалась аристотелева философія. Произнося такимъ образомъ рѣшительный приговоръ ученію Аристотеля и его послѣдователямъ, онъ приглашаетъ ихъ объяснить, почему серебро растворяется въ азотной кислотѣ, почему оно изъ растворовъ осаждается мѣдью, морскою солью и проч.

Но слава Бехера въ особенности утверждена на ученіи о трехъ элементахъ, названныхъ имъ тремя землями: земля остеклованная, или элементъ землистый; земля сгараемая, или элементъ горючій, земля ртутная, или элементъ металлическій. Каждая изъ этихъ земель можетъ измѣняться въ своихъ свойствахъ и принимать различные наружные признаки.

Наконецъ, весьма любопытно замѣтить, что Бехеръ, равно какъ и Сталь, такъ тщательно изучавшій свойства тѣлъ, со всѣмъ почти не обращалъ вниманія на важное и самое ощутительное изъ нихъ, на вѣсъ.

Основатель флогистической теоріи, Эрнестъ Георгъ Сталь, которому мы между прочимъ обязаны сохраненіемъ лучшей части твореній Бехера, родился въ 1660 году. Сначала находился медикомъ при герцогѣ саксо-веймарскомъ, а въ 1716 году сдѣлался первымъ докторомъ короля прусскаго, и сохранилъ эту должность до своей смерти, послѣдовавшей въ 1734 году. Всѣ его сочиненія показываютъ обширный геній, удивительную проницательность ума и богатство знаній по всѣмъ наукамъ. Онъ постоянно стремился къ взглядамъ возвышеннымъ, къ идеямъ самымъ глубокимъ. Нашедши элементы Аристотеля неудобоприлагаемыми къ химическимъ явленіямъ, онъ ихъ, согласно съ Бехеромъ, отвергнулъ и сталъ искать тѣла неразлагаемыя, которыя бы представляли истинныя начала всѣхъ прочихъ составныхъ веществъ. Съ этою цѣлью онъ занялся изученіемъ земель Бехера, и понялъ совершенно отношенія, связывающія металлы съ ихъ окислами, когда открылъ необходимость присутствія горючаго вещества при обращеніи окисловъ въ металлы или, однимъ словомъ, при ихъ возстановленіи. Еслибъ онъ взялъ за элемены металлы или, по Бехеру, различныя видоизмѣненія ртутной земли, и разсматривалъ окислы, какъ составныя, происшедшія изъ тѣхъ простыхъ тѣлъ, то его теорія была бы

Digitized by Google

согласна съ настоящимъ ученіемъ, основаннымъ Лавуазье. Но онъ сдѣлалъ и долженъ былъ сдѣлать противное, по укоренившемуся понятію смотрѣть на металлы, какъ на сложныя тѣла. Онъ умѣлъ отказаться отъ элементовъ Аристотеля, такъ же какъ и отъ мнѣній физиковъ и математиковъ, предлагавшихъ ихъ для объясненія химическихъ явленій, но удержалъ всѣми тогда принятый взглядъ на металлы, который передавался изъ вѣка въ вѣкъ, и въ справедливости котораго никто въ то время не смѣлъ усомниться.

По мнѣнію Сталя, земли — нынѣ окислы — суть тѣла неразлагаемыя; флогистонъ можетъ съ ними соединяться, и результатомъ этого соединенія будутъ металлы. Слѣдовательно, металлы должны заключать въ себѣ флогистонъ. Уголь содержитъ его еще болѣе. Всѣ горючія вещества болѣе или менѣе наполнены имъ. Всякій разъ, какъ тѣло горитъ, оно освобождаетъ флогистонъ, и самое горѣніе есть только освобожденіе флогистона; такъ что, чѣмъ болѣе тѣло освобождаетъ этого вещества, тѣмъ оно способнѣе горѣть. Если окисл свинца, перекаляемый съ углемъ, переходитъ въ металлическое состояніе, это значитъ, что уголь, сжигаясь, оставляетъ свой флогистонъ, который соединяется съ окисломъ. Наконецъ, въ глазахъ Сталя, различныя степени окисленія металла, происходящія отъ болѣе или менѣе продолжительнаго каленія, представляютъ большее или меньшее состояніе его разфлогистированія.

Словомъ, теорія Сталя только тѣмъ отличается отъ современной намъ, что авторъ видѣлъ соединеніе тамъ, гдѣ по нашему разложеніе, и обратно. Сталю, для повѣрки его положеній, не доставало только обратить вниманіе на показанія вѣса. Прими онъ во вниманіе вѣсъ, заблужденіе разсѣялось бы само собою. Свинецъ, который окисляется, который, по теоріи Сталя, разфлогистировывается, увеличивается въ вѣсѣ; потеря одного изъ его началъ даетъ ему большій вѣсъ! Съ другой стороны, окислъ свинца, возстановленный углемъ, пріобрѣтаетъ флогистонъ; поэтому онъ долженъ бы былъ вѣсить болѣе прежняго, между тѣмъ онъ вѣситъ менѣе.

Digitized by Google

Итакъ, вѣсъ нисколько не входилъ въ расчетъ Сталя при изученіи химіи: форма составляетъ единственный предметъ его вниманія. Въ этомъ заключается существенное различіе между имъ и Лавуазье. Одинъ принималъ въ расчетъ, при объясненіи химическихъ явленій, только измѣненіе формы и вида сжигаемыхъ тѣлъ; между тѣмъ другой въ одно время бралъ въ расчетъ и измѣненіе формы и измѣненіе вѣса.

Хотя теорія Сталя еще въ началѣ встрѣтила много противниковъ, которые никакъ не хотѣли допустить этого идеальнаго и неуловимаго вещества, названнаго флотистономъ, однако она оставалась господствующимъ ученіемъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія. Это, конечно, зависѣло отъ того, что химики не брали въ расчетъ другихъ явленій, кромѣ тѣхъ, на которыхъ она была основана. Какъ же скоро наблюденіе подвинулось впередъ, — теорія Сталя рушилась.

Съ тѣхъ поръ, какъ она начала колебаться, поняли всю силу возраженія со стороны вѣса. Защитники ея вотъ что придумали для рѣшенія вопроса. Дѣйствительно — говорили они — флогистонъ, въ соединеніи съ тѣлами, отнимаетъ отъ нихъ часть ихъ вѣса и возвращаетъ имъ его, когда отдѣляется. Но это происходитъ отъ того, что флогистонъ не притягивается къ центру земли, а напротивъ имѣетъ стремленіе отъ него удалиться, т. е. имѣетъ вѣсъ отрицательный. Отсюда ясно, почему тѣла, соединяясь съ нимъ, дѣлаются легче: онъ уменьшаетъ ихъ вѣсъ на столько, сколько вѣситъ самъ. Гюйтонъ Морво идетъ еще дальше. По его мнѣнію, флогистонъ есть вещество, которое гораздо легче воздуха; оно, соединяясь съ тѣлами, уменьшаетъ ихъ вѣсъ противъ того вѣса, который онѣ показали въ воздухѣ, подобно тому, какъ пузыри, привязанные къ пловцу, уменьшаютъ его относительный вѣсъ до того, что онъ не въ состояніи уже погрузиться въ воду. Но Гюйтонъ Морво, предлагая такое толкованіе, показываетъ, что онъ не понялъ смысла вопроса. Самое вѣрное изображеніе его представленія находимъ въ воздухоплавателѣ, который въ лодкѣ, привязанной къ шару, поднимается въ воздухъ потому, что все вмѣстѣ — шаръ, лодка и онъ самъ, вѣсятъ менѣе объема вытѣсняемаго ими воздуха;

Digitized by Google

онъ дѣлается какъ будто тяжелѣе, когда, оставляя свой шаръ, спускается на парашютѣ. Поэтому, не принимая въ расчетъ объема, мы сказали бы, что воздухоплаватель, для поднятія себя въ воздухѣ, прибавляетъ къ своему вѣсу — вѣсъ шара, и для того, чтобъ спуститься — отнимаетъ его. Но такое объясненіе рушится само собою, когда мы примемъ во вниманіе, что здѣсь увеличиваніе вѣса сопровождается въ то же время увеличиваніемъ объема; между тѣмъ окислъ свинца, возстановляясь, теряетъ въ одно время и въ вѣсѣ и въ объемѣ.

Попытка продолжить существованіе флогистической теоріи помощью подобныхъ объясненій, показываетъ, въ какомъ жалкомъ состояніи она находилась съ первыхъ опытовъ Лавуазье надъ каленіемъ металловъ. Скоро за тѣмъ ей былъ нанесенъ смертельный ударъ, когда этотъ славный химикъ представилъ въ академію Наукъ свои наблюденія, сдѣланныя надъ разложеніемъ окисла ртути дѣйствіемъ одного тепла, безъ помощи угля или какого-нибудь другаго флогистическаго вещества. Однако Маккеръ пробовалъ на нихъ отвѣчать, говоря, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ ртуть могла обойтись безъ угля, но по крайней мѣрѣ при производствѣ этого опыта реторта, въ которой онъ производился, находилась въ соприкосновеніи съ углемъ, отъ котораго она приняла флогистонъ. Тщетныя усилія! Флогистическая теорія отжила свой вѣкъ, оставаясь для насъ замѣчательною въ томъ отношеніи, что ею окончена борьба между схоластической философіей и химіей.

Въ 1773 году являются три человѣка, которые должны были измѣнить видъ науки.

Различные по мѣсту рожденія, возрасту и положенію въ свѣтѣ, какъ по уму и генію, они всѣ трое трудятся въ одномъ дѣлѣ, съ равною бодростью, въ продолженіе равнаго времени, но не съ равнымъ счастіемъ.

Одинъ человѣкъ свѣтскій, богатый, окруженный избранными учеными и шествующій въ главѣ ихъ, становится выше всѣхъ современныхъ знаменитостей. Другой, монахъ, ревностный богословъ, политикъ по страсти, безъ богатства, поддерживаемый только немногими друзьями науки, бросаетъ на

Digitized by Google

нее свѣтъ, преходящій, но до того живой, что до сихъ поръ онъ ослѣпляетъ насъ. Послѣдній, аптекарскій ученикъ, бѣдный и скромный, незнаемый никѣмъ и едва извѣстный самому себѣ, ниже перваго, но много выше втораго; онъ, господствуя надъ природою силою своего генія, исторгаетъ у нея самыя сокровенныя ея тайны и укрѣпляетъ за собою вѣчную славу.

Между ними возгарается борьба живая, хотя ихъ усилія стремятся къ одной цѣли, но они этого не замѣчаютъ. И когда, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ихъ общее дѣло окончено, когда имъ остается только наслаждаться плодами побѣды и отдыхать на пріобрѣтенныхъ ими лаврахъ славы, неумолимая судьба сгнетаетъ, разбиваетъ ихъ, и природа, столько времени тревожимая ими, какъ будто вкушаетъ покой.

Сначала мы будемъ говорить о самомъ скромномъ изъ нихъ, котораго труды менѣе всѣхъ извѣстны, станемъ говорить о Шеле, объ одномъ изъ величайшихъ химиковъ Швеціи. Онъ родился въ Стральзундѣ, 9 Декабря 1742 года. Отданный своими небогатыми родителями въ коллегію, онъ оказалъ весьма незначительные успѣхи, такъ-что принуждены были отказаться отъ задуманнаго плана сдѣлать изъ него ученаго человѣка, и рѣшились помѣстить его въ аптеку. Такимъ образомъ, Шеле съ дѣтства обнаруживаетъ характеръ своего ума: онъ ничему не научился отъ людей, — природа, такъ сказать, была единственною его наставницею.

Въ аптекѣ, Шеле занимался съ прилежаніемъ и любовью, хотя ничто не показывало въ немъ великаго химика. Нечаянно ему попалось въ руки сочиненіе Неймана, ученика и ревностнаго поклонника Сталя; онъ читалъ и изучалъ его тщательно: это былъ его единственный наставникъ въ химіи.

Окончивъ ученіе, Шеле сдѣлалъ небольшое путешествіе по Швеціи, послѣ котораго отправился въ Стокгольмъ и опредѣлился въ тамошнюю аптеку. Исполняя свою должность съ точностью, онъ не забывалъ однако работать собственно для науки. Хотя у него было мало для этого свободнаго времени, но отходя спать, онъ всякій разъ нѣсколько часовъ просиживалъ за своими любимыми опытами. Однажды, одинъ изъ

Digitized by Google

его товарищей вздумалъ для шутки подмѣшать въ его матеріалы пороху. Едва Шеле принялся за нихъ, какъ вдругъ раздался ужасный взрывъ, который поднялъ на ноги весь домъ и открылъ ночныя занятія нашего химика. Съ этого времени за нимъ стали строже смотрѣть и отняли у него почти всякую свободу заниматься опытами.

Такимъ образомъ, Шеле, посвящая наукѣ всѣ свои свободные часы, успѣлъ изучить винную кислоту, извлеченную имъ изъ креморъ-тартара, и сдѣлалъ точнѣйшій анализъ фтористаго кальція, который привелъ его къ открытію кремнеземной кислоты, весьма замѣчательной по своимъ свойствамъ. Онъ думалъ, что эти открытія обратятъ на него вниманіе стокгольмской академіи Наукъ, однако жестоко въ этомъ ошибся; она не только не сдѣлала ему никакого поощренія, но, напротивъ, своею холодностью и какимъ-то враждебнымъ расположеніемъ, безъ сомнѣнія, возбужденнымъ противъ него завистниками, принудила его оставить Стокгольмъ и удалиться въ Упсалу. Въ это время каѳедру химіи занималъ тамъ Берхманъ, человѣкъ чрезвычайно ученый и оказавшій большія услуги наукѣ. Вѣроятно, что Шеле хотѣлъ съ нимъ сойтись, но по своей робости долго на то не рѣшался; наконецъ случай свелъ ихъ. Однажды, для какого-то опыта, понадобилась Берхману селитра, и онъ послалъ за нею въ аптеку одного изъ своихъ учениковъ. Употребивъ ее въ дѣло, Берхманъ получилъ красные пары, которые, по его мнѣнію, въ данныхъ обстоятельствахъ, не должны были отдѣляться. Отнеся это явленіе къ нечистотѣ селитры, онъ отослалъ ее назадъ, съ выговоромъ аптекарю за неаккуратность. Шеле, который служилъ въ этой аптекѣ, вмѣшался въ размолвку, и когда узналъ всѣ обстоятельства опыта, тотчасъ далъ объясненіе явленію красныхъ паровъ. Это было передано Берхману, который въ восторгѣ обнялъ Шеле, признавъ подъ скромною наружностью фармацевта великаго химика. Такъ началась ихъ дружба, которая сохранилась во всю ихъ жизнь.

Берхманъ всѣми силами старался доставить приличное мѣсто своему другу; но когда открылась должность управ-

Digitized by Google

.ляющаго казенными фабриками, Шеле отъ нея отказался. Онъ искалъ мѣста болѣе покойнаго, менѣе отвѣтственнаго, которое представляло бы ему больше свободнаго времени для его любимыхъ занятій. И когда онъ узналъ, что въ небольшомъ городкѣ Швеціи, Кепенгѣ, осталась аптека на рукахъ вдовы, — онъ тотчасъ рѣшился ѣхать туда. Будущее обѣщало ему обезпеченіе, уединеніе и тишину, а ему больше ничего не было нужно. Однако онъ нѣсколько ошибся въ расчетѣ; аптека была обременена долгами, и ему для поправленія состоянія бѣдной женщины, надобно было единственно заняться аптекарскою частью. Свободное отъ нея время онъ могъ употреблять на свои изысканія, и изъ 600 ливровъ годоваго дохода употреблялъ 500 на химическіе опыты, а остальные сто на свои нужды.

Могло статься, что великія открытія Шеле, по скромному и уединенному его положенію въ свѣтѣ, остались бы на долго неизвѣстными, когда-бъ не Берхманъ, который, зная объ нихъ изъ писемъ своего друга, печаталъ ихъ въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Швеція ничего не знала о своемъ химикѣ, вся Европа удивлялась его генію. Разсказываютъ, что король шведскій, въ свое пребываніе за границей, слыша безпрестанно толки о Шеле, какъ объ одномъ изъ величайшихъ химиковъ, далъ себѣ слово сдѣлать что-нибудь для него. Дѣйствительно, по возвращеніи въ свое королевство, онъ приказалъ наградить Шеле орденомъ. Министръ, въ обязанностяхъ котораго находилось исполненіе повелѣній такого рода, долго былъ въ нерѣшительности. «Шеле, Шеле,—говорилъ онъ, — и только!» Однакожъ приказаніе нужно было исполнить, и Шеле сдѣланъ кавалеромъ. Но это былъ не Шеле — знаменитый химикъ, не Шеле — слава Швеціи, это былъ другой Шеле, который много дивился неожиданной милости.

Шеле умеръ 22 Мая 1786 года, на 44 году отъ роду, черезъ четыре дня послѣ своей свадьбы на вдовѣ аптекаршѣ, которой онъ хотѣлъ, въ благодарность, оставить свое имя.

Digitized by Google

Вотъ исторія отношеній Шеле съ обществомъ; но когда рѣчь идетъ объ его отношеніяхъ съ природою, то тутъ другой вопросъ.

Какъ химикъ, онъ во всемъ успѣвалъ: онъ рѣшалъ помощью самыхъ простыхъ средствъ самыя трудныя задачи. Ибо не должно представлять себѣ, чтобъ Шеле работалъ инструментами нынѣшняго совершенства, ни даже тѣми, которые были въ рукахъ химиковъ его времени. У него было только нѣсколько ретортъ и пузырей, которыми онъ умѣлъ замѣнить самые сложные инструменты, и достигнулъ съ ними до важнѣйшихъ своихъ открытій. Природа, казалось, хотѣла вознаградить его за то горе, которое онъ перенесъ отъ людей,—раскрывая передъ нимъ задушевныя свои тайны. Онъ не касался ни одного тѣла, чтобъ не произвести открытія, а иногда разомъ открывалъ три или четыре простыхъ вещества. Въ примѣръ приведемъ его записку объ окисѣ марганца, изученіе которой привело его къ открытію марганца, барита, хлора и, можетъ быть, даже кислорода. Ибо, если онъ не говоритъ объ немъ въ этомъ мѣстѣ, то можно отнести его молчаніе къ тому, что онъ хотѣлъ внести его въ особое разсужденіе *о воздухѣ и огнѣ*.

Мы обязаны Шеле открытіемъ многихъ кислотъ, какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ. Выше было сказано о винной и кремнеземной кислотахъ: къ нимъ еще принадлежатъ, какъ наиболѣе замѣчательныя: марганцовая, мышьяковая, молибденовая, молочная, вольфрамовая, синильная, лимонная и дубильная кислоты.

Между простыми тѣлами находятся многія, которыя Шеле открылъ и отдѣлилъ, но многихъ онъ сдѣлалъ существованіе вѣроятнымъ, изучивъ ихъ составныя и показавъ ихъ отличіе отъ другихъ. Такимъ образомъ, ему принадлежитъ открытіе хлора. Онъ узналъ кислородъ почти въ одно время съ Пристлеемъ. Его изслѣдованія надъ фтористымъ кальціемъ и фторо-кремнеземною кислотою, заставили его допустить существованіе фтора. Если онъ не открылъ барія, на отдѣленіе котораго требовалась электрическая сила, то по крайней мѣрѣ онъ указалъ баритъ, считавшійся простымъ

Digitized by Google

тѣломъ до того времени, пока не былъ отдѣленъ потасій. Наконецъ онъ предсказалъ вольфрамъ и молибденъ въ кислотахъ вольфрамовой и молибденовой; ибо, для извлеченія металловъ изъ этихъ кислотъ, достаточно перекалить ихъ съ углемъ.

Кромѣ того, Шеле сдѣлалъ весьма много отдѣльныхъ наблюденій: онъ описалъ свойства свинцовой руды, приготовленіе глицерина, и открылъ многія эфирныя соединенія. Впрочемъ, для того, чтобъ прослѣдить Шеле во всѣхъ его открытіяхъ и изысканіяхъ, необходимо пройти всѣ его сочиненія; тогда только можно понять всю гибкость его генія, плодотворность его метода изысканій, безошибочность его руки и эту удивительную проницательность его ума, съ которою онъ всегда умѣлъ достигнуть истины и на ней остановиться. Во всѣхъ его запискахъ нельзя найдти ни одной ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о свойствахъ и взаимныхъ дѣйствіяхъ тѣлъ, и даже, когда онъ выводитъ ближайшія отсюда слѣдствія. Но, переходя къ общимъ теоріямъ, онъ увлекается и впадаетъ въ такія опрометчивости, которыхъ никакъ нельзя было бы ожидать отъ его въ высшей степени логичнаго ума. Такимъ образомъ, въ своемъ сочиненіи *о воздухѣ и огнѣ*, онъ говоритъ, что свѣтъ и теплота состоятъ изъ вѣсомыхъ веществъ — флогистона и кислорода, которые, соединившись, могутъ образовать тѣло невѣсомое, способное по своей тонкости проходить чрезъ всѣ тѣла и являться подъ видомъ теплоты или свѣта. Форма у Шеле, какъ у Бехера и Сталя, играетъ первую роль, и онъ нисколько не обращаетъ вниманія на измѣненіе вѣса. Отсюда объясняется, почему Шеле, безошибочный во всѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣненіе ограничивалось одною формою, впадаетъ въ грубыя ошибки, какъ скоро требуется понятіе о вѣсѣ.

Жизнь другаго химика представляетъ рѣзкій контрастъ съ жизнію Шеле. Пристлей, о которомъ мы теперь хотимъ говорить, родился въ Іоркширѣ, 30-го Марта 1733 года. Его отецъ, суконный фабрикантъ, желалъ, чтобъ сынъ тоже занимался торговлею; но религіозная восторженность молодаго человѣка помѣшала тому и увлекла его въ жизнь болѣе безпокойную.

Digitized by Google

Тѣ, которые думаютъ, что дочери походятъ на отца, а сыновья на мать, могутъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія взять Пристлея. Его мать въ высшей степени обнаруживала это религіозное чувство, и въ памяти Пристлея долго сохранялись ея предсмертныя слова, слышанныя имъ отъ нея въ ребячествѣ, которыми она описывала съ восторгомъ открывающійся передъ ея глазами рай.

Оставшись на попеченіяхъ отца и тетки, юный Пристлей былъ помѣщенъ ими въ частный пансіонъ, въ которомъ онъ изучилъ греческій, латинскій и еврейскій языки. Въ награду за успѣхи, ему позволили сдѣлать путешествіе, и онъ въ продолженіе его выучился по-французски, нѣмецки и итальянски. Но вмѣстѣ съ годами въ немъ росли религіозныя идеи, которыя скоро совершенно имъ овладѣли и привели его въ состояніе восторженности. Онъ впалъ въ глубокое отчаяніе, вообразивъ себѣ, что онъ, грѣшный, оставленъ небеснымъ милосердіемъ. Единственнымъ чтеніемъ сдѣлалось для него Св. Писаніе, для лучшаго пониманія котораго, онъ изучилъ халдейскій, арабскій и сирійскій языки. Наконецъ, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, онъ рѣшился вступить въ духовное сословіе, и явился въ немъ ревностнымъ проповѣдникомъ, хотя безъ большаго успѣха. Дамы, какъ онъ самъ признается, находили его скучнымъ; да кромѣ того, его подозрѣвали въ аріанизмѣ и даже социніанизмѣ. Однако молва объ немъ, какъ о чрезвычайно ученомъ человѣкѣ, скоро достигла до Варингтона, и онъ былъ вызванъ тамошней академіей для занятія каѳедры древнихъ языковъ. Это случилось въ 1761 году; къ этому же времени относится его женитьба на дочери желѣзнозаводчика, дѣвицѣ Вилькинсонъ.

Въ одну изъ побывокъ въ Лондонъ, Пристлей познакомился съ Франклиномъ, который своею бесѣдою возбудилъ въ немъ желаніе изучить явленія электрическія и написать исторію ихъ открытій. Для этого онъ купилъ въ Лондонѣ нужныя для себя книги, и, воротясь домой, съ жаромъ принялся за свой трудъ. Скоро однако предстало ему сомнѣніе въ нѣкоторыхъ вопросахъ, и онъ, для уясненія ихъ,

Digitized by Google

сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, за которые ему было дано званіе доктора и члена Королевской академіи. Въ 1767 г., онъ, перемѣнивъ квартиру, поселился близъ пивоварни. Это сосѣдство представило ему случай, какъ онъ самъ говоритъ, позабавиться угольною кислотою, освобождающеюся во время пивнаго броженія. Съ перемѣною жительства, онъ лишился источника угольной кислоты, что заставило его подумать, какъ бы самому произвести этотъ газъ; и вотъ онъ, нашедши для этого средство, улавливаетъ свою кислоту посредствомъ имъ же изобрѣтеннаго снаряда, который много способствовалъ дальнѣйшимъ его открытіямъ

Въ это время капитанъ Кукъ приготовлялся на второе свое путешествіе. Зная Пристлея съ хорошей стороны, онъ предложилъ ему мѣсто капеллана на кораблѣ, и нашъ химикъ, вѣроятно, раздѣлилъ бы общую участь всей экспедиціи, еслибъ правительство, къ счастію для него и для науки, не нашло, что онъ къ тому мало способенъ, по своему либерализму. Вотъ единственный случай, гдѣ религіозныя убѣжденія Пристлея послужили ему въ пользу.

Въ 1773 году, лордъ Шельбюрнъ привязался къ нему, какъ къ человѣку ученому и литератору. Пристлей нашелъ въ лордѣ могущественнаго себѣ покровителя, который ободрялъ его въ изслѣдованіяхъ и доставлялъ всѣ средства для облегченія ихъ. Въ 1774 году, Пристлей былъ съ нимъ въ Парижѣ, присутствовалъ нѣсколько разъ въ собраніяхъ тамошней академіи, гдѣ между прочимъ слышалъ споръ между Каде и Боме о свойствахъ краснаго окисла ртути, послужившій ему, можетъ-быть, нѣсколько въ открытіи кислорода, который онъ получилъ изъ этого вещества.

Пристлей находился при лордѣ около семи лѣтъ; въ это время онъ издалъ самыя замѣчательныя свои сочиненія по химіи, т. е. четыре первыхъ тома своихъ *опытовъ и наблюденій надъ различными родами воздуха*. Когда онъ оставилъ своего покровителя, у него былъ уже почти готовъ послѣдній пятый томъ, который однако много ниже первыхъ. До сихъ поръ положительно не извѣстно, по какой причинѣ онъ отказался отъ покойнаго мѣста при лордѣ Шельбюрнѣ,

Digitized by Google

но должно думать, что къ этому побудили его религіозныя убѣжденія.

Во время Пристлея, знали изъ газовъ только угольную кислоту и водородъ, извѣстный подъ именемъ воспламеняющагося газа. Пристлей, кромѣ ихъ, въ непродолжительномъ времени, добылъ еще семь газовъ: азотъ, азотистую окись, сѣрнистую кислоту, водохлорную кислоту, кислородъ, фторокремнеземный газъ и окись углерода. Но на эти открытія онъ смотрѣлъ, какъ на дѣло случая, въ чемъ, конечно, трудно съ нимъ согласиться. Впрочемъ, что онъ не имѣлъ никакого плана въ своихъ изслѣдованіяхъ, это ясно изъ того, что онъ не только не дошелъ до какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ, но напротивъ, открывая новыя тѣла, болѣе и болѣе заблуждался въ своихъ понятіяхъ, и въ то время, какъ Лавуазье заставлялъ всѣхъ преклоняться передъ ново-открываемыми имъ истинами науки, онъ никакъ не хотѣлъ отказаться отъ флогистона, и умеръ, можно сказать, единственнымъ защитникомъ этого ученія.

Окончимъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ остальную жизнь Пристлея. Разставшись съ лордомъ Шельбюрномъ, онъ поселился въ деревнѣ близъ Бирмингама, гдѣ прожилъ покойно 12 лѣтъ, занимаясь богословіемъ и ведя споры о догматахъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Между тѣмъ ему готовилось ужасное несчастіе, которое разразилось надъ нимъ 14 Іюля 1792 года. На-канунѣ этого дня онъ получилъ извѣстіе, что противъ него сильно возстала городская чернь, и чтобъ онъ принялъ нужныя мѣры для своей безопасности. Дѣйствительно, на утро цѣлая толпа народа окружила его домъ. Единственнымъ спасеніемъ было спрятаться; но изъ своего убѣжища Пристлей видѣлъ, какъ разбивали его снаряды, жгли его сочиненія: каждая новая утрата тяжело отзывалась въ его сердцѣ, но все это онъ перенесъ съ смиреніемъ истиннаго христіанина. Бѣдствіе окончилось, когда нечего было болѣе терять.

Послѣ открылось, что Пристлея подозрѣвали въ сочиненіи возмутительнаго письма, въ которомъ дѣлалось воззваніе къ жителямъ Бирмингама о взятіи Бастиліи. Чернь по-

Digitized by Google

вѣрила клеветѣ, потому что была приготовлена къ тому другими обстоятельствами. Передъ этимъ временемъ, былъ присланъ изъ Франціи Пристлею дипломъ на французскаго гражданина, который не только лишилъ его уваженія его соотечественниковъ, но сдѣлалъ даже изъ него подозрительнаго человѣка въ ихъ глазахъ. Его враги, стараясь воспользоваться общею къ нему недоброжелательностью, всячески возстановляли противъ него народъ и наконецъ достигли своими навѣтами 14 Іюля.

Воротясь послѣ своего несчастія въ Лондонъ, Пристлей прожилъ въ немъ около двухъ лѣтъ. Но его религіозная раздражительность стала наконецъ въ тягость самому правительству, которое въ 1794 году отправило его въ Америку, предоставивъ ему мѣсто профессора въ Филадельфіи. Однако онъ отъ него отказался и, живя тамъ доходами съ купленныхъ имъ 200,000 акровъ земли, умеръ въ 1804 году, на семьдесять первомъ году.

Десять лѣтъ позже Пристлея, родился въ Парижѣ Лавуазье, основатель науки химіи. Его отецъ, имѣвшій довольно значительное состояніе, помѣстилъ его въ коллегію Мазарина, гдѣ онъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Въ слѣдствіе этого, по окончаніи учебнаго курса, ему предоставлена была полная свобода, и онъ съ жаромъ предался изученію наукъ, не дѣлая пока ни одной изъ нихъ исключительнымъ своимъ занятіемъ. Но когда академія Наукъ, по приказанію правительства, предложила въ 1766 году премію за лучшее сочиненіе объ освѣщеніи Парижа, онъ, занявшись этимъ вопросомъ, принялъ съ тѣхъ поръ намѣреніе посвятить всю жизнь на рѣшеніе химическихъ вопросовъ. Вопросъ о лучшемъ освѣщеніи Парижа долго занималъ его. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, онъ замѣтилъ, что зрѣніе его не имѣетъ достаточной чувствительности, чтобъ различать относительную напряженность различныхъ видовъ пламени, которые хотѣлось ему сравнить. Въ слѣдствіе этого, онъ рѣшился запереться въ совершенно темной комнатѣ и просидѣлъ въ ней шесть недѣль. По выходѣ, зрѣніе его получило такую тонкость, что малѣйшіе оттѣнки свѣта не усколь-

Digitized by Google

зали отъ него. Такимъ образомъ, задача была рѣшена, и онъ получилъ за нее отъ академіи медаль.

Въ 1768 году, академія Наукъ приняла его въ свои члены на мѣсто Барона, химика мало извѣстнаго. Но Лавуазье, не имѣя достаточныхъ средствъ, чтобъ свободно предаваться химическимъ изслѣдованіямъ, на которыя требовались значительныя издержки, принужденъ былъ занять мѣсто генеральнаго откупщика, которое давало значительные доходы. Однако соединеніе въ одномъ лицѣ столь различныхъ должностей, возбудило неудовольствіе съ обѣихъ сторонъ. Въ академіи Наукъ говорили: «этотъ молодой человѣкъ подаетъ о себѣ большія надежды, но онъ пошелъ по финансовой части, значитъ, мы его потеряли для химіи; онъ ничего не сдѣлаетъ для этой науки». Когда же Лавуазье приходилъ въ академію съ новыми открытіями, тогда слышалась другая рѣчь: «ахъ, какъ жаль — восклицали ея члены, — что онъ генеральный откупщикъ! — онъ сдѣлалъ бы еще больше для науки». Съ другой стороны, едва Лавуазье явился въ обществѣ генеральныхъ откупщиковъ, какъ былъ встрѣченъ отъ нихъ самою явною недовѣрчивостью; они никакъ не хотѣли вѣрить, чтобъ ученый могъ успѣшно заниматься ихъ дѣломъ. Скоро однако они въ этомъ разувѣрились, и ихъ вниманіе къ Лавуазье перешло потомъ въ истинное уваженіе. Онъ первый предложилъ понизить откупа, показавши, что ихъ доходы отъ этого ни сколько не уменьшатся, а напротивъ возрастутъ.

Химическіе труды Лавуазье поражаютъ въ одно время смѣлостью мысли, осторожностью или, лучше сказать, осмотрительностью въ заключеніяхъ и удивительною точностью языка. Онъ ихъ начинаетъ съ того, что тѣло, нагрѣваемое въ закрытомъ сосудѣ, соединяется съ частію воздуха и переходитъ въ окисленное состояніе. Когда извѣстное количество олова окислилось, то, сколько бы мы ни продолжали нагрѣвать сосудъ, дѣйствіе нисколько не подвинется впередъ; остальная часть металла останется неизмѣнною, не смотря на то, что въ сосудѣ будетъ еще заключаться большое количество воздуха, но лишеннаго, слѣдовательно, способности

Digitized by Google

соединяться съ металломъ. Кромѣ того, тѣмъ болѣе окислится олова, чѣмъ болѣе объемъ сосуда, или *количество окисляющагося олова пропорціонально объему сосуда.* Такимъ образомъ, часть воздуха изчезнетъ, но въ то же время вѣсъ металла увеличится, и прибыль объясняется поглощеніемъ воздуха.

Таковому же каленію Лавуазье подвергалъ ртуть, и когда она соединялась съ воздухомъ, онъ ставилъ ее подъ дѣйствіе еще сильнѣйшаго жара, вслѣдствіе чего отдѣлялся газъ, оказавшійся кислородомъ. Впрочемъ это открытіе еще прежде было сдѣлано Пристлеемъ, съ которымъ Лавуазье одинаково заключалъ, что кислородъ способенъ поддерживать дыханіе и горѣніе. Вскорѣ за тѣмъ имъ же было открыто, что этотъ газъ производитъ кислоты, хотя по прежнему назывался онъ жизненнымъ воздухомъ.

Въ 1777 году, Лавуазье сдѣлалъ свой безсмертный анализъ воздуха, который до сихъ поръ сохраняется въ лучшихъ курсахъ химіи, какъ памятникъ его геніальности. «Я взялъ — говоритъ онъ — стеклянную колбу, ёмкость которой была въ 36 кубическихъ дюймовъ, и согнулъ ея длинную шейку, имѣвшую 6 и 7 линей въ поперечникѣ, такъ, что когда колба была поставлена на жаровню, то конецъ шейки выходилъ подъ колоколъ, опущенный въ ртутную ванну. Я впустилъ въ колбу четыре унціи самой чистой ртути, потомъ, посредствомъ сифона, поднялъ нѣсколько ртуть въ колоколѣ, отмѣтивши ея высоту, и въ тоже время сдѣлалъ тщательное наблюденіе надъ показаніями термометра и барометра.

«Когда снарядъ былъ такимъ образомъ приготовленъ, я развелъ огонь въ жаровнѣ и поддерживалъ его почти въ продолженіе двѣнадцати дней, такъ что температура ртути не много не доходила до точки кипѣнія.

«Въ первый день ничего замѣчательнаго не произошло: ртуть, хотя не кипѣла, находилась однако въ безпрерывномъ испареніи; она испестрила внутренность сосуда сначала весьма мелкими каплями, но которыя, увеличиваясь безпрестанно въ объемѣ, наконецъ падали на дно колбы и соединялись съ

Digitized by Google

прочею ртутью. На второй день я сталъ замѣчать на поверхности ея плавающія частицы краснаго цвѣта, которыхъ число и величина росли безпрестанно въ продолженіи четырехъ или пяти дней, а за тѣмъ оставались въ томъ же самомъ видѣ. Въ концѣ двѣнадцатаго дня, убѣдившись, что каленіе ртути (окисленіе ртути) нисколько не подвигается впередъ, я потушилъ огонь и оставилъ колбу остыть. Объемъ воздуха, содержащагося въ колбѣ, ея шейкѣ и колоколѣ, взятый при давленіи двадвати осьми дюймовъ и 19° термометра, равнялся, до начала дѣйствія, почти пятидесяти кубическимъ дюймамъ. Когда же дѣйствіе было кончено, этотъ объемъ, при тѣхъ же давленіи и температурѣ, сократился до сорока двухъ дюймовъ, слѣдовательно потерялъ почти шесть дюймовъ. Съ другой стороны, собравъ тщательно образовавшіяся красныя частицы и отдѣливъ ихъ какъ можно старательнѣе отъ прочей ртути, въ которой онѣ плавали, я нашелъ ихъ вѣсъ въ сорокъ пять гранъ.

«Воздухъ, оставшійся послѣ этого опыта и приведенный чрезъ каленіе ртути къ пяти шестымъ своего объема, не былъ способенъ ни къ дыханію, ни къ горѣнію; ибо животныя, введенныя въ него, погибали въ одну минуту, а зажженная лампа гасла въ немъ, какъ опущенная въ воду.

«Потомъ я взялъ сорокъ пять грановъ краснаго вещества, которое образовалось въ продолженіи опыта, и ввелъ его въ весьма-малую стеклянную реторту, которая соединялась съ аппаратомъ, способнымъ къ принятію жидкихъ и газообразныхъ произведепій, еслибъ онѣ отдѣлялись: разведши огонь въ жаровнѣ, я замѣтилъ, что, по мѣрѣ того, какъ красное вещество нагрѣвалось, оно принимало болѣе и болѣе густой цвѣтъ. Когда же реторта раскалилась до бѣла, красное вещество стало уменьшаться въ объемѣ и въ нѣсколько минутъ изчезло совершенно; въ то же самое время въ малой пріемникъ собралось сорокъ одинъ съ половиною гранъ текучей ртути, а подъ колоколъ перешло до осьми кубическихъ дюймовъ упругой жидкости, гораздо болѣе способной къ поддержанію горѣнія и дыханія животныхъ, чѣмъ воздухъ.

Digitized by Google

«Отдѣливши часть этого газа въ стеклянную трубку въ дюймъ діаметра, я опустилъ въ нее зажженную восковую свѣчу, которая дала блестящій свѣтъ; уголь же, вмѣсто того чтобъ потухнуть въ ней, какъ это бываетъ съ нимъ въ обыкновенномъ воздухѣ, загорѣлся такимъ яркимъ пламенемъ, что глазамъ трудно было переносить его свѣтъ; при этомъ слышался трескъ, подобный треску зажженнаго фосфора.

«Размышляя объ обстоятельствахъ этого опыта, видимъ, что ртуть, перекаляясь, (окисляясь), поглощаетъ здоровую и дыхательную часть воздуха; что та часть воздуха, которая остается, есть родъ дурнаго испаренія, неспособнаго поддерживать ни дыханія, ни горѣнія. Слѣдовательно атмосферный воздухъ составленъ изъ двухъ упругихъ жидкостей различнаго свойства и, такъ сказать, противоположныхъ.

«Доказательствомъ этой важной истины служитъ еще то, что, если мы соединимъ эти двѣ упругія жидкости, полученныя отдѣльно, т. е. сорокъ два дюйма дурнаго испаренія, или неспособнаго къ дыханію воздуха и осемь кубическихъ дюймовъ воздуха дыхательнаго, то образуется воздухъ, совершенно подобный атмосферному и который почти въ одинаковой степени способенъ поддерживать горѣніе, раскаленіе металловъ, дыханіе животныхъ.»

Лавуазье прибавляетъ, что количество дыхательнаго воздуха найдено нѣсколько меньше настоящаго потому, что трудно совершенно отдѣлить его отъ ртути.

Этотъ анализъ и этотъ синтезъ, равно замѣчательные своею оконченностью и деликатностью пріемовъ, привели его къ разсмотрѣнію акта дыханія животныхъ. Онъ, открывъ въ немъ образованіе угольной кислоты, замѣтилъ, что количество поглощаемаго ими кислорода было болѣе противъ потребнаго на образованіе этой кислоты. Въ то время ему еще не былъ извѣстенъ составъ воды, а потому онъ не могъ идти дальше. Однако, не видя, куда дѣвается излишнее количество кислорода, онъ предлагаетъ себѣ такіе вопросы, которые могутъ, по справедливости, почесться черезъ чуръ

Digitized by Google

смѣлыми, но которые впрочемъ рѣдко у него встрѣчаются. «Когда мы калимъ металлъ, то имъ поглощается кислородъ,— говоритъ онъ; не то ли же бываетъ съ кровью? Не въ силу ли этого каленія, кровь дѣлается красною, подобно ртути, когда послѣдняя переходитъ въ окислъ?»

Отъ дыханія Лавуазье перешелъ къ разсмотрѣнію сожиганія жирныхъ веществъ, воска и дерева. Здѣсь онъ также открылъ образованіе угольной кислоты и потерю нѣкотораго количества кислорода.

Въ слѣдъ за этимъ онъ изслѣдовалъ образованіе сѣрнистой кислоты изъ сѣрной, и нашелъ, что излишекъ кислорода, который имѣетъ сѣрная кислота передъ сѣрнистой, совершенно равенъ тому количеству, которое пріобрѣтаетъ ртуть, обращаясь въ сѣрнокислую.

За тѣмъ, Лавуазье объяснилъ дѣйствіе влажнаго воздуха на пириты, которые, поглощая изъ него кислородъ, переходятъ въ сѣрнокислые металлы и увеличиваются притомъ въ вѣсѣ.

Оцѣнивши вполнѣ важность точнаго познанія состава угольной кислоты, образованіе которой имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ, Лавуазье, убѣжденный еще въ томъ, что эта кислота есть, такъ сказать, основаніе имъ воздвигаемаго зданія, опредѣлилъ ея составныя части (углеродъ и кислородъ) съ такою точностью, что при настоящемъ даже совершенствѣ снарядовъ, не найдено ни малѣйшей перемѣны въ числахъ его анализа.

Сдѣлавъ послѣ этого многочисленныя наблюденія надъ растворѐніемъ металловъ въ кислотахъ, онъ приступилъ къ опредѣленію состава воды, которое имъ сдѣлано, какъ онъ самъ признается, по мысли знаменитаго геометра Лапласа, замѣтившаго, что образованіе невоспламеняющагося газа (водорода), условливаемое образованіемъ солей при дѣйствіи кислотъ на металлы, должно происходить отъ разложенія воды. Дѣйствительно, когда Лавуазье налилъ ее на же-

Digitized by Google

лѣзные опилки, то она разложилась на двѣ части, изъ которыхъ одна соединилась съ металломъ и произвела окисл, а другая явилась въ видѣ воспламеняющагося газа, названнаго потому *водородомъ*.

Вода состоитъ изъ водорода и кислорода: этимъ тотчасъ объяснилось сомнѣніе, которое Лавуазье встрѣтилъ при разсматриваніи явленій дыханія животныхъ и сожиганія органическихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, для образованія, которое постоянно тамъ являлось, требовалась также извѣстная часть кислорода. Давши это объясненіе, Лавуазье приступилъ къ опредѣленію состава органическихъ тѣлъ, и нашелъ, что онѣ состоятъ изъ кислорода, водорода и углерода — элементовъ, къ которымъ въ послѣдствіи Бертолетъ прибавилъ азотъ для животныхъ матерій. Пріемъ, которымъ руководствовался Лавуазье въ этомъ анализѣ, употребляется до сихъ поръ, и состоитъ въ превращеніи испытуемыхъ веществъ въ угольную кислоту и воду, сожигаемыхъ въ извѣстномъ количествѣ кислорода.

Послѣ столькихъ опытовъ, которые всѣ подтверждали его первоначальную идею, Лавуазье высказываетъ ее наконецъ громогласно, какъ великую истину: «ничто не создается, ничто не теряется.» Въ реакціяхъ вещество можетъ различно измѣняться въ формѣ, но сохраняетъ всегда одинъ и тотъ же вѣсъ. «Эти реакціи — говоритъ онъ — можно, слѣдовательно, выразить алгебраическимъ уравненіемъ, въ первую часть котораго войдутъ употребленныя вещества, а во вторую — произведенія этихъ веществъ, и между ними необходимо будетъ равенство въ вѣсѣ. Какъ въ алгебраическомъ уравненіи посредствомъ данныхъ или извѣстныхъ опредѣляются неизвѣстныя, такъ точно и въ химіи, принимая поперемѣнно каждый изъ элементовъ этого уравненія за неизвѣстное, можно найдти ихъ величины, и повѣрять такимъ образомъ опытъ вычисленіемъ, а вычисленіе опытомъ».

За тѣмъ, онъ переходитъ къ разбору ученія Сталя, и характеризуетъ заслуги этого ученаго слѣдующимъ образомъ.

Digitized by Google

«Изъ того — говоритъ онъ, — что нѣкоторыя тѣла горятъ, Сталь заключилъ, что въ нихъ находится горючее вещество. Еслибъ онъ этимъ ограничился, его ученіе не могло бы ему доставить славы патріарха химіи и произвести эпоху въ этой наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего натуральнѣе сказать, что тѣла горючія потому горятъ, что заключаютъ въ себѣ горючее вещество; но мы обязаны Сталю двумя важными открытіями, независимыми ни отъ какой системы, ни отъ какой гипотезы, и которыя вѣкогда останутся вѣчными истинами.

«Первое: — металлы суть тѣла горючія, раскаленіе есть истинное горѣніе, со всѣми его явленіями.

Второе: — свойство горѣть, воспламеняться, можетъ быть передано однимъ тѣломъ другому. Если мы смѣшаемъ, напримѣръ, уголь, который есть вещество горючее, съ веществомъ негорючимъ — купоросным маслом (сѣрною кислотою), то кислота, обратясь въ сѣру, получитъ свойство горѣть, между тѣмъ какъ уголь это свойство потеряетъ. То-же самое происходитъ съ веществами металлическими: онѣ, чрезъ каленіе, теряютъ свойство горѣть, но если мы ихъ приведемъ въ соприкосновеніе съ углемъ или вообще съ какимъ-нибудь горючимъ веществомъ, то онѣ возстановятся и сдѣлаются, при содѣйствіи сихъ послѣднихъ веществъ, горючими».

Далѣе приговоръ надъ флогистической теоріей онъ заключаетъ словами:

«И такъ, всѣ размышленія подтверждаютъ мою мысль, которую я хотѣлъ доказать, и которую еще разъ повторяю: химики сдѣлали изъ флогистона произвольное начало; оно не имѣло точнаго опредѣленія, а потому ладилось со всѣми явленіями, къ которымъ его прикладывали. Въ немъ, то допускали вѣсъ, то говорили, что оно не имѣетъ вѣса; то представляли его себѣ въ видѣ огня, то какъ соединеніе огня съ землистымъ элементомъ; то оно могло проходить черезъ скважины сосудовъ, то не могло; имъ объяснялись въ одно время ѣдкость

Digitized by Google

и отсутствіе ѣдкости; прозрачность и непрозрачность, цвѣтность и безцвѣтность. Это былъ настоящій Протей, являвшійся безпрестанно въ различныхъ видахъ.»

Этимъ мы окончимъ обозрѣніе ученой дѣятельности Лавуазье, оставляя его изслѣдованія надъ удѣльною теплотою, теоріею тепла и проч., исторіи физики.

Кому не извѣстенъ печальный конецъ жизни Лавуазье? Въ то время, какъ трудъ его былъ оконченъ и онъ готовилъ къ полному изданію свои сочиненія, въ нѣсколько дней состоялся приговоръ конвента, осудившій его на смерть по должности генеральнаго откупщика. Предупрежденный объ опасности своими друзьями, онъ скрылся въ Академію Наукъ и пробылъ тамъ около двухъ сутокъ. Но когда онъ узналъ, что всѣ его товарищи и родственники схвачены, самъ вышелъ изъ своего убѣжища и отдался въ руки тюремщика. Многіе бросились хлопатать за него, въ томъ числѣ докторъ Галль, который дрожащею рукою написалъ въ конвентъ записку, исчисляя вкратцѣ заслуги Лавуазье, — но всё было тщетно, и 8 Мая 1794 года не стало великаго человѣка....

И. Перевощиковъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго. На основаніи наблюденій, произведенныхъ Р. И. Мурчисономъ, Э. Вернейлемъ и Графомъ А. Кейзерлингомъ. Перев. съ Англійск. съ примѣчаніями и дополненіями Корп. Горн. Инж. Полк. Алек. Озерскимъ. Ч. I. и II. Спб. 1849.

Опытъ прикладной Геологіи преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи. Барона А. Мейендорфа. Спб. 1849 г.

Статья II.

Осадочныя породы по времени образованія своего въ геологіи дѣлятся на системы или формаціи. Начиная съ самыхъ древнихъ, онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: *азоическія, палеозоическія* (силурская, девонская, каменноугольная, пермская), *мезозоическія* (тріасовая, юрская, мѣловая) и *кайнозоическія* (третичная, дилювіальная, аллювіальная или современная). Главное раздѣленіе формацій, какъ видно изъ самыхъ названій, основано на свойствѣ ископаемыхъ животныхъ. Древнѣйшую систему Мурчисонъ называетъ *азоическою*, т. е., такою, въ которой вовсе нѣтъ животныхъ остатковъ, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не находили, и едвали возможно существованіе ихъ въ породахъ кристаллическихъ, каковы азоическія. Первыя ископаемыя животныя встрѣчаются въ *палеозоическихъ* ф. ф. и почитаются самыми древними; по своему устройству они много

Digitized by Google

отступаютъ отъ нынѣшнихъ органическихъ типовъ. Въ формаціяхъ *мезозоическихъ* и *кайнозоическихъ*, слѣдующихъ однѣ за другими, эти древнія, палеозоическія животныя все болѣе и болѣе сближаются съ нынѣшними, живыми. Азоическая система до сихъ поръ почитается единственною, а всѣ прочія, какъ мы видѣли, представляютъ нѣсколько подраздѣленій, принимаемыхъ за особыя системы, каковы силурская, девонская и т. д.

Каждая система выражаетъ собою извѣстное состояніе земнаго шара, извѣстный періодъ въ его жизни со всѣми принадлежавшими ему въ то время растеніями и животными. Но въ одномъ и томъ же періодѣ поверхность земнаго шара могла находиться подъ разными физическими условіями, могла быть болѣе или менѣе различною; поэтому каждая формація, кромѣ общихъ признаковъ, выражающихъ собою извѣстный періодъ, имѣетъ еще частные, особенные, зависящіе отъ мѣстныхъ условій. На эти-то особенности нашихъ ф. ф, описанныхъ въ сочиненіи Мурчисона, я намѣренъ обратить преимущественное вниманіе.

Система азоическая.

И такъ во-первыхъ азоическая система. Находится ли она въ Европейской Россіи и въ горахъ Уральскихъ? Если находится, то гдѣ и что представляетъ особеннаго?

Система эта по преимуществу покрываетъ сѣверную часть Европы, а именно: Шотландію, Норвегію, Швецію, всю Финляндію, Русскую Лапландію и значительную часть губерній Олонецкой и Архангельской. Во всѣхъ означенныхъ странахъ азоическая система состоитъ изъ гранита, гнейса и кристаллическихъ сланцевъ, слюденаго, талковаго и амфиболитоваго; все это пересѣчено множествомъ гранитныхъ жилъ. Послѣднее явленіе, весьма обыкновенное въ Шотландіи, давно обратило на себя вниманіе Гюттона и Плейфера, и служило подтвержденіемъ созданной ими плутонической теоріи. Гранитныя жилы пересѣкаютъ азоическіе сланцы по всѣмъ направленіямъ и такъ тѣсно переплетаются съ ними, что многіе геологи такое образованіе принимали за одно цѣлое, и называли гранито-гней-

Digitized by Google

сомъ. Сверхъ этого, азоическія породы прорѣзываются многими діоритовыми, порфировыми и металлоносными жилами; къ послѣднимъ относятся между прочимъ знаменитыя мѣсторожденія серебряныхъ рудъ въ Консбергѣ и кобольтовыхъ въ Модумѣ. — Въ Шотландіи и особенно на Скандинавскомъ полуостровѣ (въ Норвегіи и Швеціи) азоическія породы видимо составляютъ главную основу или ядро, на которомъ залегаютъ другія, болѣе новыя породы; у насъ же, въ Россіи, онѣ представляются въ видѣ отдѣльнаго бугра, который занимаетъ весьма обширное пространство, и довольно рѣзкою чертою отдѣляется отъ всѣхъ осадочныхъ породъ. Черта эта тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, болѣе или менѣе параллельно главной оси Скандинавіи. Начавшись отъ Бѣлаго моря, она идетъ чрезъ всѣ углубленія, занятыя озерами, Онежскимъ, Ладожскимъ и другими, и наконецъ оканчивается Финскимъ заливомъ. Въ томъ же направленіи подняты и здѣшнія азоическія породы, но удивительно, что трещины, образовавшіяся во время этаго подъема, слѣдуютъ другому направленію; онѣ пересѣкаютъ первое почти подъ прямымъ угломъ. Главныя изъ этихъ поперечныхъ трещинъ въ настоящее время заняты морскими заливами (Архангельскимъ, Кандалажскимъ, Онежскимъ) и множествомъ прѣсныхъ озеръ, изъ коихъ самыя большія: Онежское и Ладожское. По направленію такихъ же трещинъ проложили себѣ дорогу многія эруптивныя породы, діориты, траппы, сіениты и порфиры,* — которыя въ окрестностяхъ Петрозаводска и къ сѣверу отъ него образуютъ длинные гребни; такія же породы были причиною возстанія многихъ острововъ на Бѣломъ морѣ (Кій, Соловецкій) и въ Финскомъ заливѣ (Гохландъ, Радшеръ, Соммеръ, Нерва), составляющихъ концы той огромной линіи, которая отдѣляетъ здѣшнія азоическія породы отъ осадочныхъ." По направленію той же линіи, около Пе-

* Онѣ превосходно описаны Инженеръ-Поручикомъ Энгельманомъ (Горн. жур. 1838. N 2.)

** Островъ Гохландъ описанъ бывшимъ Проф. Универ. Св. Владиміра Гофманомъ, острова Кій и Соловецкій осмотрѣны самимъ Мурчисономъ съ своими спутниками, относительно прочихъ острововъ Мурчисонъ ссылается на наблюденія Акад. Бера.

Digitized by Google

троазаводска и вдоль береговъ Онежскаго озера, пограничныя осадочныя породы отъ вліянія трапповъ и порфировъ превратились въ широкую метаморфическую полосу: сланцеватыя глины перешли въ грубые сланцы или лидійскій камень, известняки въ болѣе или менѣе совершенный мраморъ, песчаники въ кремнистые сланцы, либо въ зернистый кварцъ. Къ числу такихъ же измѣненныхъ породъ относится извѣстный *Соломенскій камень*, — траповая масса, заплавившая въ себѣ куски кремнистаго сланца, и чрезъ то представляющаяся конгломератомъ или брекчіею. При всѣхъ означенныхъ измѣненіяхъ органическіе остатки уничтожились, либо сдѣлались почти неразличимыми; паденіе пластовъ весьма различное. Но по мѣрѣ удаленія отъ эруптивныхъ породъ къ югу, всѣ метаморфическія явленія изчезаютъ, и являются обширныя горизонтальныя толщи, нисколько неизмѣненныя, и какъ будто еще недавно вышедшія изъ нѣдръ моря.

Поперечныя трещины, образовавшіяся въ Финляндской и Олонецкой губерніяхъ, повидимому, были слѣдствіемъ весьма обширнаго дѣйствія внутреннихъ силъ, поелику параллельныя этимъ трещинамъ и слѣд. произшедшія въ одно съ ними время, находятся далеко на востокъ отъ Финляндіи, и были причиною возстанія такъ называемаго Тиманскаго хребта. До путешествія Графа Кейзерлинга въ страну рѣки Печоры (1843 г.), мы не имѣли почти никакого понятія о Тиманскихъ горахъ, этомъ длинномъ хребтѣ, который, получивъ начало при истокахъ Печоры, почти подъ 62° сѣв. ш., отбрасывается отъ Урала къ сѣверо-западу, и постоянно направляясь къ Чешской губѣ, составляетъ съ нимъ большой уголъ, то самое пространство, гдѣ извилисто и привольно протекаетъ Печора. Съ перваго взгляда Тиманскій хребетъ можно бы почесть отрогомъ Уральскаго, но всматриваясь ближе въ его осадочныя и эруптивныя породы (базальтовидные траппы и діориты), и особенно въ его направленіе, необходимо отнести его къ одной системѣ съ Олонецкими поперечными горами. Въ основаніи Тиманскаго хребта, имѣющаго до 60 верстъ въ ширину, вѣроятно лежитъ цѣлый рядъ параллельныхъ трещинъ, по которымъ проходили траппы. Ны-

Digitized by Google

нѣшняя высота его не болѣе 1,000 фут., а въ длину простирается онъ на 750 верстъ. Кромѣ траповъ и діоритовъ, его составляютъ многія осадочныя породы, и каменноугольныя, и девонскія, и силурскія, и наконецъ болѣе древнія, которыя залегаютъ подъ верхнесилурскими и не имѣютъ съ ними согласнаго пластованія (граниты, глинистые и слюденые сланцы); по своимъ кристаллическимъ свойствамъ и по отсутствію органическихъ остатковъ, онѣ, повидимому, должны быть отнесены къ азоическимъ породамъ; наружу выходятъ онѣ только мѣстами, большею частію по направленію главной оси, и въ томъ же направленіи переходятъ на Канинскій полуостровъ и оканчиваются его мысомъ. Можно полагать, что и самый полуостровъ или, точнѣе сказать, сѣверо-восточная часть его составляла нѣкогда продолженіе Тиманскаго хребта, и уже въ послѣдствіи отмыта Чешскою губою.*

Система силурская.

Перехожу къ палеозоическому періоду. Основываясь на различіи органическихъ и другихъ признаковъ, сюда относятъ четыре системы: *силурскую*, *девонскую*, *каменноугольную* и *пермскую*.

Силурскую систему составляютъ самыя древнія изъ числа осадочныхъ породъ, заключающихъ органическіе остатки. Подобно азоической системѣ, въ болѣе полномъ развитіи она также находится въ сѣверной части Европы, а именно въ Англіи, на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, Петербургской, Эстляндской и отчасти Ковенской. Названіе *силурской* системы, предложенное Мурчисономъ, заимствовано имъ отъ той страны, которая нѣкогда населена была поколѣніемъ Бриттовъ, *Силурами*, и которая представляетъ эту систему въ наиполнѣйшемъ развитіи; я разумѣю юго-западную часть Англіи и княжество

* Слѣдуя Мурчисону, Уральскія формаціи я опишу послѣ, исключая тѣхъ, которыя подверглись меньшимъ измѣненіямъ, каковы напр. пермская и каменноугольная.

Digitized by Google

Валлисское. Дѣйствительно, здѣшніе силурскіе осадки, по ихъ развитію, можно назвать образцовыми, типическими, и это-то типическое развитіе дало возможность Мурчисону установить силурскую систему; ему же обязаны мы проясненіемъ ея и въ другихъ государствахъ, Германіи, Франціи и наконецъ у насъ въ Россіи. Это та самая система, для которой собственно, чтобы сличить ее съ Британскою и съ нашею при-Балтійскою, Мурчисонъ предпринималъ путешествіе въ Швецію и Норвегію. Поѣздка эта, мы сказали выше, увѣнчалась такими результатами, которые превзошли ожиданія Мурчисона. Какого же рода эти неожиданные результаты? Въ Англіи, гдѣ впервые была установлена силурская система, самые нижніе осадки, еще недовольно изслѣдованные, были приняты Проф. Седжвикомъ за особую систему, и названы имъ *кембрійскими*. Позднѣйшія изслѣдованія Делабеша, Филлипса и другихъ заставляли думать, что кембрійскіе осадки не иное что суть, какъ нижніе силурскіе; но по неизвѣстности основанія, на какомъ залегаютъ они въ Англіи, вопросъ оставался нерѣшенымъ. Въ Швеціи и Норвегіи отношенія силурскихъ осадковъ къ болѣе древнимъ или азоическимъ совершенно ясны, и вполнѣ подтверждаютъ предположеніе Делабеша и Филлипса. Тутъ нижніе силурскіе осадки лежатъ непосредственно на породахъ азоическихъ; основаніе ихъ составляетъ песчаникъ (аркозъ), образовавшійся изъ гранита и гнейса, тѣхъ самыхъ породъ, на которыхъ онѣ залегаютъ; значитъ, нижнія силурскія породы дѣйствительно принадлежатъ къ самымъ древнимъ осадочнымъ, тѣмъ болѣе, что въ кембрійской системѣ до сихъ поръ не находили такихъ ископаемыхъ, которыхъ бы не было въ силурской системѣ, и которыя слѣдовательно составляли бы ея отличительность. Такимъ образомъ изслѣдованіе Скандинавіи и сличеніе ея съ Англіею способствовало окончательному опредѣленію силурской системы. Сличеніе той же страны или, точнѣе, той же силурской системы съ нашею привело Мурчисона къ неменѣе любопытнымъ заключеніямъ, и оправдало предположенія нашихъ Русскихъ геологовъ, Эйхвальда и Пандера, которые давно на-

Digitized by Google

ходили сходство между западными и восточными берегами Балтійскаго моря.*

Британскую силурскую систему Мурчисонъ дѣлитъ на четыре формаціи: *лудловскую, венлокскую, карадокскую* и *ландейльскую*. Названія эти указываютъ на тѣ мѣста, гдѣ означенныя ф. ф. обнаруживаются самымъ полнымъ образомъ. Двѣ первыя изъ нихъ составляютъ *верхнюю часть* силурской системы, а двѣ другія *нижнюю*. Каждая изъ этихъ формацій состоитъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ, и отличается отъ другихъ литологически и палеонтологически, т. е. составомъ и органическими признаками. Въ Англіи обѣ части силурской системы, нижняя и верхняя, залегаютъ непосредственно одна на другой, и находятся почти въ одинакой степени развитія. Въ этомъ отношеніи Норвежскіе и Шведскіе силурскіе осадки значительно разнятся отъ Британскихъ. Не смотря на огромную массу, они почти исключительно принадлежатъ нижнесилурской системѣ; верхняя же силурская является только небольшими отдѣльными клочками, и то большею частію не на материкѣ, а на ближайшихъ островахъ, каковы острова залива Христіаніи около Норвегіи и островъ Готландъ при берегахъ Швеціи; тѣ и другіе состоятъ изъ известняка съ отличительными венлокскими и лудловскими окаменѣлостями. Весьма замѣчательно, что точно такое же образованіе имѣетъ и наша силурская система, лежащая на противоположномъ берегу Балтійскаго моря; она до такой степени сходна съ Скандинавскою, особенно Шведскою, что безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ съ нею одну систему, только разорванную Балтійскимъ моремъ, и представляющую

---

* Эйхвальдъ и Пандеръ, основываясь на свойствѣ ископаемыхъ, давно сравнивали палеозоическіе осадки Эстляндіи и Петербурской губ. со Шведскими. См. *Eichwald*, Observat. in itinere per Ingriam marisque Baltici provincias etc. 1825. Zoologia specialis 1829. Die Urwelt des Russlands. 1840 и 1842. О силурійской системѣ пластовъ въ Эстляндіи. 1840. *Pander*, Beitraege zur Geognosie des Russisch. Reichs. 1830. Предметъ этотъ въ послѣдствіи былъ еще болѣе развитъ Эйхвальдомъ въ его статьѣ: Einige vergleichende Bemerkungen zur Geognosie Scandinaviens, etc. (Bull. de la Societ. Imp. des natural. de Moscou. 1846).

Digitized by Google

нѣкоторыя частныя различія. Впрочемъ различія эти не больше тѣхъ, какія часто замѣчаются въ одной и той же формаціи на противоположныхъ сторонахъ бассейна. Разсмотримъ это подробнѣе, и начнемъ съ Петербургской губерніи.

Тутъ силурскіе осадки занимаютъ полосу отъ 50 до 70 верстъ въ ширину, и преимущественно замѣтны въ береговыхъ обнаженіяхъ Ижоры, Тосны, Волхова и Сяси. Въ восходящемъ порядкѣ здѣшнюю систему составляютъ слѣдующіе ярусы: 1, голубая глина, 2, унгулитовый песчаникъ съ смолистымъ сланцемъ, и 3, плитный или ортоцератитовый известнякъ. Эти ярусы еще до Мурчисоновской экспедиціи весьма подробно были описаны Англичаниномъ Странгвейсомъ, Эйхвальдомъ, особенноже Пандеромъ и Бухомъ.* Разсмотримъ каждый ярусъ особо.

1. *Голубая глина.* Во всѣхъ естественныхъ обнаженіяхъ она занимаетъ самый нижній ярусъ. При буреніи артезійскихъ колодцевъ въ окрестностяхъ Петербурга и Ревеля въ нее углублялись на нѣсколько сотъ футовъ, и не замѣчали никакой разницы въ свойствахъ, исключая того, что мѣстами попадались въ ней песчаные прослойки. Не смотря на такую огромную толщину, въ голубой глинѣ до сихъ поръ не находили органическихъ остатковъ, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся отпечатковъ, которые приписываютъ водорослямъ (fucus), и которые только въ недавнее время открыты Пандеромъ. Вѣроятно она соотвѣтствуетъ песчанику или аркозу, который составляетъ основаніе силурской Скандинавской системы, и который также заключаетъ одни водоросли. По недостатку плутоническихъ поднятій основаніе нашей голубой глины неизвѣстно; можно однако полагать, что она лежитъ на продолженіи Финляндскихъ азоическихъ породъ; но соприкосновеніе ихъ, находящееся къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Петербурга, по теченію Невы и Ладожскому озеру, прикрыто огромными наносами, и полагаетъ предѣлъ геологическому изслѣдованію. Если бы можно было снять эти наносы, тогда вѣроятно

* Beitraege zur Bestimmung der Gebirgsformationen in Russland. Berlin. 1840.

Digitized by Google

мы открыли бы тутъ непосредственное залеганіе голубой глины на Финляндскихъ гранитахъ, либо такой же песчаникъ съ водорослями, какой находится въ Швеціи и Норвегіи. Всѣ мѣста, гдѣ эта Петербургская глина выходитъ наружу, оказываются чрезвычайно влажными, скудны растеніями и весьма неблагопріятны для здоровья. Петербургъ въ этомъ отношеніи имѣетъ одинакую участь съ Лондономъ, который также лежитъ на глинѣ, но глина эта принадлежитъ не къ силурской, а къ третичной эпохѣ.

2. *Унгулитовый песчаникъ* съ *смолистымъ* или *горючимъ сланцемъ*. — За глиною въ нашей системѣ слѣдуетъ песокъ, либо песчаникъ, мало по малу наполняющійся обломками раковинъ, и наконецъ почти единственно состоящій изъ раковинъ, которыя всѣ, исключая весьма немногихъ, принадлежатъ къ одному роду. Странгвейсъ называлъ ихъ *хамитами;* въ послѣдствіи времени онѣ были точнѣе описаны, сперва Эйхвальдомъ подъ именемъ Obolus, а потомъ Пандеромъ, который назвалъ ихъ Ungulites или Ungula, отъ чего и самый песчаникъ отъ него же получилъ названіе *унгулитоваго песчаника*. Хотя родъ этотъ до сихъ поръ нигдѣ не замѣченъ кромѣ Россіи и, быть можетъ, Сѣверной Америки*), но онъ по своему темному цвѣту и сильному блеску, совершенно соотвѣтствуетъ роговой раковинѣ Lingula attenuata (Sow), которая, подобно нашей Ungula, находится въ чрезвычайномъ изобиліи въ Британскихъ силурскихъ осадкахъ. Долгое время думали, что унгулиты исключительно свойственны песчанику, но самъ же Пандеръ въ послѣдствіи нашелъ ихъ въ болѣе верхнемъ, известняковомъ ярусѣ нашей системы. Кромѣ унгулитовъ, въ томъ же песчаникѣ найдены два вида Orbicula, описанные Мурчисономъ, Orbicula Buchii и O. reversa.

Въ промежуткѣ между унгулитовымъ песчаникомъ и верхнимъ известняковымъ слоемъ обыкновенно залегаетъ смолистый или горючій сланецъ, темнозеленаго либо чернаго цвѣта, и заключающій въ себѣ большое количество

---

* Замѣтимъ мимоходомъ, что Евр. Россія и Сѣверная Америка, находящіяся подъ одною географическою широтою, имѣютъ большое геологическое сходство.

Digitized by Google

сростковъ известоваго шпата и желѣзнаго колчедана. По рѣчкѣ Саблицкѣ, одного изъ притоковъ Сосны, онъ сильно проникнутъ углемъ, который вѣроятно произошелъ отъ измѣненія водорослей. Нигдѣ не имѣетъ значительной толщины и рѣдко содержитъ органическіе остатки, въ Эстляндіи однако открыты въ немъ граптолиты, Gorgonia flabelliformis и другія ископаемыя.

3. *Плитный или ортоцератитовый известнякъ.* Смолистый сланецъ съ унгулитовымъ песчаникомъ, вѣроятно, составляютъ одинъ ярусъ, тотъ самый, который въ Англіи заключаетъ большое количество Lingula attenuata. Тамъ же въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ нижнихъ слоевъ встрѣчаются весьма многіе виды ортитовъ и трилобитовъ. Въ нашемъ унгулитовомъ песчаникѣ ихъ нѣтъ, но стоитъ только подняться выше, въ сосѣдній известняковый ярусъ, тотчасъ начинаешь встрѣчать и ортиты и трилобиты и другія ископаемыя, вообще весьма отличительныя для нижней силурской системы. Въ нашей формаціи известняковый ярусъ есть самый верхній; нижній слой его состоитъ изъ песчаника, который заключаетъ множество зеренъ вещества, похожаго на хлоритъ, и отъ того имѣетъ сходство съ зеленымъ песчаникомъ мѣловой формаціи. За симъ песчанистымъ слоемъ слѣдуетъ уже настоящій известнякъ, который состоитъ изъ многихъ пластовъ, большею частію нечистосѣраго цвѣта, и заключающихъ въ себѣ чрезвычайное количество ископаемыхъ. Въ Швеціи такой же известняковый ярусъ и предшествующій ему кварцовый сланецъ имѣютъ одинакое значеніе съ нашимъ плитнымъ известнякомъ: оба относятся къ нижней силурской системѣ. Для доказательства сравнимъ наши ископаемыя съ Британскими и Скандинавскими.

Изъ семейства Brachiopoda у насъ въ особенности распространены ортиты: Orthis calligramma (Dalm), O. testudinaria (Dalm), O. orthambonites (Pand), O. moneta (Eichn), O. inflata (Pand), O. adscendens (Pand), O. hemipronites (v. Buch.), и другіе виды, вообще принадлежащіе къ тому отдѣлу этого рода, который почитается самымъ отличительнымъ для нижнесилурскихъ Британскихъ осадковъ. Изъ рода Spirifer, который

Digitized by Google

вообще мало свойственъ силурской системѣ, у насъ находится Spirifer lynx, отличающійся, какъ извѣстно, чрезвычайно обширнымъ географическимъ распространеніемъ, отъ предѣловъ Россіи до сѣверной Америки, гдѣ составляетъ одну изъ самыхъ многочисленныхъ нижнесилурскихъ раковинъ. Другіе Brachiopoda, каковы Leptaena и Atrypa, встрѣчаются рѣдко.

Какъ ни многочисленны вышеозначенныя ископаемыя въ нашемъ известняковомъ ярусѣ, но главное мѣсто по своему количеству занимаютъ тутъ Cephalopoda или, точнѣе сказать, ортоцератиты. Ихъ бываетъ иногда такъ много, что весь известнякъ повидимому состоитъ изъ однихъ ортоцератитовъ, и потому нашъ верхній ярусъ весьма справедливо называется иначе *ортоцератитовымъ известнякомъ*. Не смотря однако на такое огромное количество особей (individuum), они представляютъ только три главные вида: Orthoceratites vaginatus (Schlesh), O. duplex (Wahl) и O. bacillus (Eichw). Два первые вида, весьма обыкновенные въ нашемъ известнякѣ, вовсе неизвѣстны въ Британской системѣ; тамъ они замѣнены ортоцератитами съ боковыми сифонами. Въ Скандинавіи Orthoceratites duplex также обыкновенъ какъ въ Россіи, а O. vaginatus замѣщенъ сроднымъ ему O. trochlearis.

Изъ числа трилобитовъ и въ Россіи и въ Скандинавіи преобладаютъ Asaphus expansus (Dalm) и Illaenus crassicauda (Dalm); первый преимущественно распространенъ въ Россіи, послѣдній въ Скандинавіи. Другія ракообразныя животныя, Calymene Fischeri (Eichw), C. polytoma (Dalm), Ampyx nasutus (Dalm) и Metopias aries (Eichw), равно свойственны и Скандинавіи и Россіи. Asaphus Buchii (Brogn) и A. hero (Dalm. A. tyrannus, Murch), столь обыкновенные въ Англіи, постепенно изчезаютъ по мѣрѣ удаленія на востокъ, въ Норвегію и Швецію, и наконецъ у насъ становятся весьма рѣдки. Въ то время, когда въ Британскихъ и Скандинавскихъ моряхъ въ большомъ количествѣ находились Trinucleus Caractaci (Murch), у насъ жили Tr. sphaericus (Boeck); въ тѣхъ же моряхъ въ одно время съ ними жили еще Agnostus pisiformis, трилобиты весьма отличительные для нижней системы.

Digitized by Google

Кромѣ изчисленныхъ ископаемыхъ, наши силурскіе осадки болѣе нежели всѣ извѣстные изобилуютъ особенными органическими тѣлами, которыя хотя близко подходятъ къ Crinoidea, но по нѣкоторымъ признакамъ отдѣлены теперь Бухомъ въ особое семейство подъ названіемъ Cystideæ*. Изъ числа ихъ Sphaeronites (Echinosphaerites) aurantium составляетъ преобладающій видъ. Въ Англіи онъ долго не былъ извѣстенъ, и только въ недавнее время найденъ въ южномъ части Валлиса и въ Графствѣ Вотерфордъ, въ такихъ породахъ, которыя давно почитались нижнесилурскими.

Наша система, подобно Британской, бѣдна кораллами, и заключаетъ не болѣе двухъ или трехъ видовъ, между которыми господствующимъ всегда оказывается Chaetetes (Favosites) Petropolitanus (Pand.). Въ однихъ пластахъ съ выше упомянутыми ископаемыми находятся еще другія, особенно моллюски или раковины, изъ коихъ многія въ послѣднее время были описаны Проф. Куторгою (въ запискахъ Петербург. Минер. Общества).

Всѣ эти небольшія отличія, какія замѣчаются между нашими Петербургскими, Скандинавскими и Британскими осадками, нисколько не противорѣчатъ понятію о сближеніи ихъ въ одну систему, которая, какъ цѣлое, всегда характеризуется общностію признаковъ.

Обратимся къ силурской системѣ Эстляндіи и Ковенской губерніи.

Преслѣдуя ее вдоль скалистыхъ береговъ Финскаго залива около Ревеля и Балтійскаго Порта, и потомъ въ южной части Эстляндіи и въ Ковенской губерніи, вездѣ находимъ породы одинакія съ тѣми, какія мы видѣли въ Петербургской губерніи; преимущественно здѣсь развитъ плитный известнякъ. Въ береговыхъ, обнаженіяхъ, достигающихъ иногда до 150 фут. высоты, онъ имѣетъ отъ 30 до 40 фут. толщины, и представляетъ какъ бы помостъ,

---

* Док. Фольбортъ, одинъ изъ Петербургскихъ ученыхъ, въ статьѣ своей *Ueber die Russischen Sphaeroniten* etc., помѣщенной въ запискахъ Петербург. Минералог. Общества, не согласенъ съ мнѣніемъ Буха относительно устройства сферонитовъ.

Digitized by Google

уложенный плитами. Впрочемъ главное отличіе здѣшней силурской системы состоитъ въ томъ, что она прикрыта еще особаго рода известнякомъ; въ этомъ верхнемъ слоѣ, вмѣсто ортоцератитовъ и трилобитовъ, столько отличительныхъ для плитнаго известняка, находится раковина Pentamerus borealis (Eich.), вмѣстѣ съ Leptaena depressa (Sow.) и нѣкоторыми другими верхнесилурскими видами. Пройдя полосою почти чрезъ всю Эстляндію, пентамерный известнякъ изчезаетъ, и потомъ снова показывается въ Ковенской губерніи (въ Мяшковцахъ, около Шавли и Бубли).* Въ Петербургской губерніи онъ открытъ въ однихъ Гатчинскихъ известнякахъ.** Очевидно, это тотъ самый слой, который въ Скандинавіи и Англіи лежитъ непосредственно на нижнесилурскихъ осадкахъ и заключаетъ Pentamerus oblongus (Murch). Мурчисонъ принимаетъ его за самый верхній изъ нижнесилурскихъ, либо за промежуточный между верхними и нижними. Во всякомъ случаѣ, у насъ на материкѣ это самый верхній силурскій слой; такихъ силурскихъ породъ, которыя были бы новѣе пентамернаго известняка, не замѣчено ни въ Петербургской губерніи, ни въ Эстляндіи. Въ этомъ отношеніи наши губерніи имѣютъ совершенное сходство съ Шведскими берегами. Сходство это еще болѣе увеличивается тѣмъ, что верхнесилурскіе осадки, несуществующіе на материкѣ, встрѣчаются на прилежащихъ островахъ Эзель и Дагэ, подобно тому, какъ при Шведскихъ берегахъ они находятся на островѣ Готландѣ. Эзель и Дагэ состоятъ изъ известняка, заключающаго множество венлокскихъ и лудловскихъ коралловъ; таковы: Catenipora escharoides, C. labyrinthica, Favosites Gothlandica, F. basaltica, F. polymorpha, Syringopora reticularis, Aulopora serpens; тутъ же находятся: Calymene Blumen-

---

* Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Эстляндіи можно найти въ сочиненіи Эйхвальда, *О силурійской системѣ пластовъ въ Эстляндіи*, 1840, и о томъ же предметѣ, въ статьѣ Полков. Озерскаго, помѣщенной въ Гор. жур. 1844 г. к. V. 4 и 5.

** Въ Гатчинскомъ известнякѣ Проф. Куторга нашелъ Pentamerus, близко подходящій къ Pentamerus oblongus (Murch), и составилъ изъ него особый видъ, подъ названіемъ Pentamerus ventricosus.

Digitized by Google

Lachü, var. pulchella, Terebratula tumida и др. ископаемыя, весьма отличительныя для верхней силурской системы. Онѣ большею частію опредѣлены Пандеромъ.

Послѣ того, что было сказано, Балтійское море представляется намъ огромною силурскою котловиною, на краяхъ которой съ востока и запада находятся нижніе осадки, а въ срединѣ этой котловины верхніе. Такое образованіе ясно доказываетъ, что Швеція и Петербургская губернія съ Эстляндіею уже составляли материкъ, сушу, въ то время, когда большая часть Балтійскихъ острововъ съ коралловыми рифами находились еще подъ водою. Мысль эта находитъ для себя сильное подкрѣпленіе въ той послѣдовательности осадковъ, какая замѣчается въ Русскихъ губерніяхъ по направленію отъ востока къ западу. Въ восточной части или въ Петербургской губерніи, гдѣ поднятіе было наибольшее и ранѣе воспослѣдовало, плитный известнякъ большею частію прямо покрывается одними девонскими породами; подаваясь къ западу, въ Эстляндію, встрѣчаемъ между ними явственный промежуточный слой, пентамерный известнякъ; наконецъ еще западнѣе, на островахъ Эзель и Дагэ, находимъ несомнѣнные верхнесилурскіе осадки.

Правильность, съ какою нижнесилурское море отходило отъ нашихъ береговъ, и смѣнялось верхнесилурскимъ или, точнѣе сказать, постепенность, съ какою наши прибалтійскія страны подымались изъ силурскаго моря, доказываетъ, что поднятіе это происходило чрезвычайно медленно и безъ сильныхъ потрясеній. Дѣйствительно, наши силурскіе осадки въ этомъ отношеніи вовсе не похожи на Британскіе и Норвежскіе; тѣ и другіе подвергались большимъ переворотамъ, и потому не рѣдко бываютъ изогнуты, переломаны или даже имѣютъ кристаллическое образованіе; у насъ они остались почти безъ всякаго измѣненія, и представляются то глинами, то сыпучими песками, и вообще мало оплотнѣвшими породами. Они всѣ имѣютъ положеніе горизонтальное, съ едва замѣтнымъ паденіемъ къ юго-юго-востоку. Точнѣе сказать, здѣшніе силурскіе пласты имѣютъ положеніе волнообразное, сопровождающееся широкими сѣдловинами и плоскими возвышенностя-

Digitized by Google

ми; мѣстами, при такомъ движеніи пластовъ, образовались въ нихъ переломы или трещины и выгибы; конечно такихъ случаевъ немного, но есть, особенно по рѣчкамъ Пулковкѣ и Поповкѣ. Весьма замѣчательно, что эти неправильности въ пластованіи породъ находятся почти подъ прямымъ угломъ къ ихъ общему протяженію. Причиною всѣхъ изчисленныхъ явленій Мурчисонъ признаетъ поднятіе пластовъ съ низу, и полагаетъ, что это зависѣло отъ тѣхъ же силъ, которыя далѣе на сѣверѣ, на протяженіи отъ Бѣлаго моря до Финскаго залива, выдвинули на поверхность земли азоическія и эруптивныя породы; силы эти, будучи значительно ослаблены на югѣ, обнаружили себя только поднятіемъ пластовъ и образованіемъ поперечныхъ трещинъ. Мурчисонъ полагаетъ, что тѣ же внутреннія силы принимали большое участіе въ образованіи широкихъ рѣчныхъ руслъ; быть можетъ, онѣ же образовали и ту широкую поперечную впадину, которую занимаетъ озеро Пейпусъ. Въ Швеціи (въ горахъ Чиннекулѣ, Биллингенъ и др.) сквозь нижніе силурскіе осадки проложили себѣ дорогу базальтовидные траппы или порфиры, и произвели разстройство въ пластованіи породъ. Событіе это, судя по всѣмъ признакамъ, предшествовало образованію верхнесилурскихъ осадковъ. У насъ, напротивъ, оно произошло гораздо позднѣе, послѣ осажденія каменноугольной формаціи. Мнѣніе это основывается на томъ, что горный или каменноугольный известнякъ, составляющій Валдайскія высоты, прорѣзанъ такими же поперечными трещинами, какими и древнѣйшіе силурскіе и девонскіе пласты.

Въ Европейской Россіи силурская система, кромѣ Петербургской губерніи, и Эстляндіи, находится еще въ Подольской губерніи и въ окрестностяхъ Кельце въ Польшѣ. Первая изъ нихъ изслѣдована Ак. Эйхвальдомъ и Полков. Блёде, а вторая Пушемъ, Эйхвальдомъ, Полк. Блёде и Мурчисономъ съ своими спутниками.*

---

* *Eichwald*, Naturhis. Skizze von Lithauen, Volhynien und Podolien. Wilna 1830. Его же Einige Bemerkungen zur Geognosie Skandin. u.

Digitized by Google

Въ Подольской губерніи, по теченіи Днѣстра и его притоковъ, около Хотина, Каменецъ-Подольска, Черновозинца, также около Могилева, силурскую систему составляютъ глинистый сланецъ, песчаникъ и известнякъ. Ни сланцы, ни песчаники не содержитъ никакихъ ископаемыхъ, кромѣ неясныхъ отпечатковъ водорослей, напротивъ известнякъ заключаетъ ихъ очень много. Ак. Эйхвальдъ относитъ его къ верхнесилурской системѣ, а глинистый сланецъ и песчаникъ къ нижнесилурской. Подольская система тѣмъ замѣчательна, что въ ней песчаникъ (аркозъ) лежитъ непосредственно на гранитѣ.

Кельценскія окрестности, въ первый разъ описанныя Пушемъ, были отнесены имъ къ силурской системѣ. Полков. Блёде былъ того же мнѣнія. Мурчисонъ весьма положительно отнесъ ихъ къ девонской системѣ, а Ак. Эйхвальдъ, основываясь на свойствѣ многихъ орудныхъ остатковъ, снова причислилъ ихъ къ силурскимъ осадкамъ. Такое разногласіе объ одной и той же системѣ пластовъ, вѣроятно, зависитъ отъ неточнаго опредѣленія самыхъ ископаемыхъ, и отъ неточнаго знанія того, въ какомъ относительномъ положеніи онѣ находятся.

Въ Тиманскомъ хребтѣ силурскіе осадки принадлежатъ одной верхней части системы, и непосредственно прикрываютъ собою азоическія породы, о которыхъ мы говорили выше. Въ здѣшнихъ осадкахъ находится много кораллovъ (Catenipora labyrinthica, Stromatopora concentrica, Calamopora alveolaris) и другихъ животныхъ (Pentamerus, Cytherina), которыми совершенно опредѣляется ихъ относительная древность.

Г. Щуровскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

d. Wesh. Pr. Russil. (Bull. de la Societ. des Nutural. de Moscou, 1846). Его же Курсъ Геогнозіи, 1846 г. *Bloeds*, Beitraege zür Geognosie des südl. Russlands (Jahrbuch für Mineralogie etc. 1841). Его же статьи: Ueber die Uebergangsformation, nebst mit Uebersicht saemmtlicher Formaionen von Polen, 1830, и Formationssystem von Polen etc., помѣщенныя въ трудахъ Минер. Петер. Общества, 1845 и 1846 г. *Pusch*, Geognostische Beschreibung von Polen, 1833.

Digitized by Google

90. Мнемоника по методѣ Ревентлова для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ Исторіи, Статистикѣ, Законовѣдѣніи, Химіи и другихъ наукахъ. Спб. 1850. Стр. 122 въ 12-ю д. л.

Не вдаваясь въ толки о томъ, существуютъ ли природныя способности, или все пріобрѣтается силою воли, терпѣніемъ, стойкостію, по правилу Наполеона—vouloir c'est pouvoir—нельзя не согласиться съ тѣмъ, что память есть одна изъ прекраснѣйшихъ способностей, которыми пользуется человѣкъ; кто изъ насъ не смѣялся надъ различными изображеніями характеровъ разсѣяннаго, кто изъ насъ не завидовалъ покойному кардиналу? Человѣкъ безъ памяти, человѣкъ, у котораго, по Русскому выраженію, отшибло память — что можетъ быть жалче? Какимъ же образомъ достигнуть завидной способности памяти? Конечно, нѣтъ другаго средства, кромѣ постояннаго упражненія; шуллеръ изощряетъ чувствительность своихъ пальцовъ, кузнецъ силу мышцъ, почему же нельзя усовершенствовать памяти? Намъ возразятъ, можетъ быть, что всѣ способности даются отъ природы, которая для однихъ мать, а для другихъ мачиха. Согласны отчасти; говорили же когда-то, что геній не учась ученъ; но геніевъ не много; а развѣ мы не видимъ, что люди и неодаренные, повидимому, большою памятью чрезъ нѣсколько лѣтъ достигали въ ней такого совершенства, что далеко опережали даже тѣхъ счастливцевъ, у которыхъ въ нижней части лба находится большое возвышеніе, органъ памяти? Въ эпоху преобладанія Лафатера стоило только искусственнымъ образомъ произвести это возвышеніе, и задача памяти была рѣшена; если не ошибаемся, докторъ Галленъ, упавши одинъ разъ съ лѣстницы и ударившись лбомъ, до того испугался за свой органъ памяти, что не шутя, съ замираніемъ сердца, началъ перечислять всѣхъ Папъ, и тогда только успокоился, когда въ этомъ перечисленіи не сдѣлалъ ни одной ошибки. Нравственное наше усовершенствованіе въ нашихъ рукахъ; въ томъ и состоитъ достоинство человѣка, что онъ силою воли можетъ достиг-

Digitized by Google

нуть всего возможнаго добраго; есть же разсказъ, что любовь сдѣлала одного кузнеца живописцемъ; извѣстно преданіе о Демосѳенѣ, и очень жаль, что Филиппъ плохо наградилъ Грека, который научился попадать чечевичнымъ зерномъ въ маленькое отверстіе. Вотъ почему нельзя, мы думаемъ, безъ удовольствія смотрѣть на тѣхъ людей, которые ногами вдѣваютъ нитку въ иголку, дымомъ изъ трубки рисуютъ ландшафты, даже на тѣхъ, которые выучиваютъ блохъ танцовать польку. Пусть все это занятія безплодныя, но здѣсь фактъ стойкости, упрекъ всѣмъ малодушнымъ, которые отступаются отъ предположенной цѣли и перестаютъ толкаться въ дверь, если съ перваго раза имъ не отворяется она; право, въ повѣстяхъ гораздо болѣе возбуждаетъ сочувствіе Акакій Акакіевичъ, добившійся до шинели, чѣмъ какой-нибудь Печоринъ, этотъ Юлій Цезарь въ сердечныхъ дѣлахъ. Но обращаемся къ памяти и къ методѣ Ревентлова.

Мэнъ де-Биранъ (Maine de-Biran), въ своихъ Oeuvres philosophiques—сочиненіи, мимоходомъ скажемъ, не лишенномъ многихъ нелѣпостей — принимаетъ три разряда памяти: первая память звуковъ, словъ, чиселъ, которая развита у дѣтей,—имъ все равно учить Французское или Китайское слово; другая память чувственности, напр. мѣстности, физіономій и проч., наконецъ третій видъ памяти — логическій, память того процесса, который совершаетъ умъ нашъ, когда доходитъ до извѣстнаго знанія. Примѣровъ второй памяти мы знаемъ нѣсколько: такъ Наполеонъ имѣлъ удивительную память мѣстности, — для него люди ничего не значили, ему важно было поле сраженія, на немъ сосредоточивалось все его вниманіе; кто постоянно зависитъ отъ людей, особенно любитъ ихъ или боится, у того развивается память физіономій и проч.; пусть напр. въ одномъ и томъ же мѣстѣ гуляютъ живописецъ и ботаникъ,— одинъ упомнитъ общій видъ мѣстности, другой особенное положеніе дерева, цвѣтка и т. д. То, что мы любимъ, всегда лучше удерживается въ памяти; кто изъ насъ не помнитъ иногда всѣхъ малѣйшихъ подробностей извѣстнаго дня, заронившаго надолго отрадное, свѣтлое чувство въ

Digitized by Google

душѣ, тогда какъ тысячи другихъ дней проходятъ безо всякаго слѣда? Такъ часто объ одной и той же книгѣ слышатся разнородныя сужденія; одинъ говоритъ: какъ скучно, и ничего не помнитъ изъ нея; другой, напротивъ, въ состояніи разсказать наизустъ цѣлыя страницы. Ясно, что двухъ послѣднихъ видовъ памяти (принимая раздѣленіе Мэнъ-де-Бирана) усовершенствовать нельзя, по крайней мѣрѣ не найдено еще средство; за то усовершенствованіе перваго вида было предметомъ постоянныхъ заботъ человѣчества; придумано множество системъ, теорій, образовалась цѣлая наука памяти—Мнемоника.

Намъ пришелъ на память теперь разговоръ Таута, изобрѣтателя буквъ съ Египетскимъ Царемъ; послѣдній доказываетъ, что письмена не облегчаютъ память, а уничтожаютъ ее. Мы совершенно согласны съ Египетскимъ Царемъ; взявши у другаго книгу, мы прочитывали ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ собственныя лежали иногда по цѣлой недѣлѣ неразрѣзанными; сдѣлавши какую-нибудь выписку, совершенно успокоишься и не трудишься тотчасъ усвоить себѣ знаніе. Намъ кажется, что Мнемоника если и не убиваетъ памяти вовсе, то значительно ослабляетъ ее, оставляя въ бездѣйствіи. Наука эта не нова; но въ нашъ вѣкъ механизма, машинъ, и Мнемоника пошла въ ходъ; основаніе ея то же, что и механики: съ меньшимъ усиліемъ достигнуть большихъ результатовъ. Разница въ томъ, что природа безпрестанно поставляетъ препятствія физической силѣ нашей,—мы не можемъ напр. поднять больше 10 пудъ и проч.; но чего не въ состояніи одолѣть нравственныя силы человѣка, надъ тѣмъ не слѣдуетъ и пытаться; во-вторыхъ, механика сдѣлала изумительные успѣхи, мнемоника же ровно никакихъ; думаемъ, что вся она, вся ея слава и достоинство основаны на необыкновенной природной памяти, конечно, развитой еще упражненіемъ, на памяти основателей мнемотехническихъ системъ. За это мы рискуемъ попасть въ категорію невѣждъ, какъ грозитъ предисловіе разбираемой книги; но, ради Бога, пусть же растолкуютъ и почтенный Ревентловъ и Г. Чумиковъ, Русскій переводчикъ его системы, по какимъ соображеніямъ могъ упомнить изобрѣ-

Digitized by Google

татель методы 105 цифръ и фразъ на разныхъ языкахъ (стр. 10 и 11), и отчего ни у одного мнемоника не было ученика, съ способностями учителя? А пока мы остаемся при убѣжденіи, что Ревентловъ достигъ своей способности только постояннымъ упражненіемъ. Предисловіе между прочимъ говоритъ:

«Если науки пріобрѣли отъ Мнемоники мало пользы, это происходитъ отъ того, что она находилась до сихъ поръ въ рукахъ спекулянтовъ и шарлатановъ.» Слѣд. только теперь надо ждать великихъ дѣлъ Мнемоники; подождемъ.

Ревентловъ имѣлъ огромный успѣхъ въ Германіи; доказательствомъ служатъ отзывы о немъ журналовъ и начальниковъ училищъ; кромѣ того Ревентловъ доказалъ свою способность публично: ему предложили 105 цифръ и фразъ, а онъ повторилъ ихъ безошибочно; выписываемъ изъ 105-ти четыре: 100) Perge quaeso, 101) Rom, 102) 84162420145 1 и 105) Ein Maas und Liel muss seyn.; ясно, что между этими задачами нѣтъ никакой связи. Г. Чумиковъ, «прочитавъ выгодные отзывы о методѣ Ревентлова въ нѣсколькихъ иностранныхъ журналахъ», перевелъ ее на Русскій языкъ и приложилъ къ преподаванію Исторіи; въ 12 уроковъ, т. е. въ 7 или 8 часовъ ученики Г. Чумикова знали всѣ важнѣйшія хронологическія числа. Успѣхъ блистательный, и былъ бы еще блистательнѣе, если бы авторъ пояснилъ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ важнѣйшихъ чиселъ—ихъ можетъ быть 100 и 1000.

Посмотримъ, въ чемъ же состоитъ прославленная метода? Надо замѣтить что въ изданной книжкѣ 66 страницъ, т. е. больше половины занято похвалами Ревентлова самому себѣ, грозными словами всѣмъ, кто осмѣлился бы сказать слово противъ него, и наконецъ исторію мнемоники отъ Симонида до Адибера (1840 г.); самая же метода изложена на 11-ти страничкахъ. Впрочемъ и этого, можетъ быть, очень достаточно для того, чтобы убить окончательно тѣхъ «литературныхъ педантовъ-деспотовъ, которые съ своими отсталыми мнѣніями противятся всему новому потому только, что оно ново.» Помилуйте, что за новость, которая была извѣстна Цицерону!

Digitized by Google

«Наша метода, говоритъ Г. Чумиковъ, основывается на слѣдующемъ началѣ: человѣкъ легче и долѣе удерживаетъ въ памяти то, что̀ понимаетъ, что̀ согласно съ его личнымъ взглядомъ на предметъ, что̀, наконецъ, превратилось въ немъ въ мысль и перешло въ сознаніе.» Это совершенно справедливо и доказываетъ невозможность методы, потому что послѣдняя уничтожитъ личный взглядъ. Дѣйствительно, мы соединяемъ фактъ неизвѣстный съ фактомъ, уже усвоеннымъ нами, напр. подводимъ подъ одинъ годъ разныя событія, составляемъ отношенія между величинами; число, годъ не такъ легко запоминаются, какъ фактъ, поэтому мы дѣлаемъ сближенія, говоримъ напр.: въ 1775 году былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, издано Учрежденіе о губерніяхъ, введена давность въ дѣлахъ уголовныхъ, а черезъ 10 лѣтъ издана жалованная дворянству грамота и Городовое положеніе, въ томъ же году въ Германіи Fürstenbund и пр. Такія сближенія, кромѣ облегченія памяти, доставляютъ существенную пользу. Этого показалось мало—и вотъ стали изобрѣтать различныя системы хронологіи; мы помнимъ одну изъ нихъ—Г. Язвинскаго, которая когда-то введена была въ гимназіяхъ; но здѣсь, какъ и всегда, опять оказалось, что метода пригодна только для изобрѣтателя; каждый изъ учениковъ заучивалъ хронологію по своей методѣ и потомъ уже прилагалъ ее къ хронологической доскѣ, слѣд. къ обыкновенному заучиванію присоединялся трудъ держать въ головѣ таблицу изъ 2000 клѣтокъ. Г. Чумиковъ не любитъ этой наглядной методы: вмѣсто клѣтокъ у него буквы, подъ которыя подводятся числа. Подведеніе это не совсѣмъ удачно, напр. Г. значитъ 7, потому что по Гречески 7 гепта, Л—о, потому что въ словѣ нуль послѣдній звукъ л; но это бы еще не бѣда: можно потрудиться выучить 10 разрядовъ и 22 буквы. Изъ этихъ буквъ составляются слова, которыя потомъ переводятся въ цифры. Вопросъ состоитъ въ составленіи словъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Г. Чумиковъ на стр. 74-ой: «Время, употребленное на пріисканіе словъ, не только не потеряно, но еще употреблено съ величайшею пользою, какъ мы удостовѣрились въ этомъ на собственномъ опытѣ. Это

Digitized by Google

занятіе заставляетъ учащихся вникать глубже въ историческій или другой какой-нибудь фактъ, и разсматривать его съ различныхъ сторонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ самыми подробностями событія и т. п.» Помилуйте! да вѣдь вы взялись облегчить память ребенка: какъ же вы хотите, чтобы онъ глубже изучилъ всѣ факты Исторіи, гдѣ же для этого время? Конечно, если прочесть Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича и всѣ монографіи о немъ, то трудно забыть время его изданія; но вѣдь въ этомъ случаѣ не узнаешь больше 10 чиселъ, а вы научили вашихъ учениковъ въ 12 уроковъ 132-мъ числамъ, — ужъ навѣрное вы употребляли другую систему. Намъ кажется, что, на основаніи собственныхъ словъ Г. Чумикова, нужно или вовсе уничтожить, не признавать системы Ревентлова, предоставляя каждому отъискивать легчайшія для него средства къ удержанію въ памяти извѣстнаго факта,—или заковать въ тиски способность ученика. Что же новаго придумалъ Ревентловъ? Г. Язвинскій привелъ наши способности въ квадратики, Ревентловъ въ буквы; результатъ долженъ выйдти одинъ и тотъ же.

Принявши въ основаніе справедливое положеніе — соображеніе учащагося, самодѣятельность его способностей— система Ревентлова или требуетъ отъ него невозможнаго или заковываетъ его въ странныя формы. Возьмемъ примѣръ изъ разбираемой книги. Стр. 93. *Алексѣй Комненъ.* 1081. Искусно отдѣлывается (какъ бы *лавируетъ*) отъ Норманъ. — *Начало Крестовыхъ походовъ.* 1096. *Люди толпами* стремятся ко гробу Господню. — *Генрихъ IV.* 1106. Папа заставилъ его играть *роль школьника.* — Скажите на милость, что легче запомнить ученику, что черезъ 15 лѣтъ послѣ Алексѣя Комнена начались Крестовые походы, а черезъ 10 лѣтъ потомъ умеръ Генрихъ IV, или: лавируетъ (л-в-р.), люди толпами (л-д-т) и роль школьника (р-л-ш.)? Или еще стр. 118: *Англія.* — 27 мил. жж. — *несносномолчаливы*; *Испанія* — 14 м. ж. — *рукъ* не трогаютъ. Рукъ не трогаютъ — извините, это изъ рукъ вонъ. Нѣтъ, Г. Ревентловъ, вы не достигли вашей цѣли; вмѣсто облегченія вы сдѣлали затрудненіе; не мѣшайте развитію дѣтскаго со-

Digitized by Google

ображенія; давайте дѣтямъ заучивать годы, цифры, они сами найдутъ средства облегчить себя, а то не было бы хуже.

Скажемъ еще о приложеніи Мнемоники къ законовѣдѣнію. Кажется, что знать буквально каждую статью Свода Законовъ вовсе нѣтъ надобности; на это есть много причинъ: во-первыхъ эти статьи измѣняются по продолженіямъ и каждыя десять лѣтъ; а во-вторыхъ надо быть такъ увѣреннымъ въ величіи Мнемоники, какъ Ревентловъ, чтобы, не справляясь съ закономъ, на основаніи своей памяти подписать приговоръ и дать рѣшеніе; довольно, если мы будемъ на столько знать составъ Свода, что въ случаѣ нужды можемъ найдти въ немъ скоро все намъ необходимое. Примѣры, приведенные Г. Чумиковымъ, крайне неудачны; напр. ст. 943 тома IX: Доказательствомъ крѣпостнаго состоянія не считается, и проч.; здѣсь сокращеніе состоятъ въ буквахъ д-з-к. Да можно найдти сотнюстатей Свода, которыя всѣ начинаются словомъ «доказательство:» неужели все это будутъ статьи 943-ьи?

Наконецъ замѣтимъ, что все сказанное здѣсь о методѣ Ревентлова сказано не a priori, а по опыту, или, точнѣе, по многимъ опытамъ. Для общей пользы желаемъ Г. Чумикову новыхъ усовершенствованій, если только они возможны. Пусть онъ достигнетъ главной цѣли, уничтожитъ умственныя тиски — и мы первые посовѣтуемъ употреблять Мнемонику при всѣхъ урокахъ; а до тѣхъ поръ позволяемъ себѣ не вѣрить въ дѣйствительную пользу всѣхъ мнемотехническихъ системъ, не исключая даже системы Лепореуса, который совѣтуетъ съ фактами и числами соединять понятія о хорошенькихъ женщинахъ; вопросъ: какъ быть, если онѣ подурнѣютъ?

Развитіе способностей ребенка такъ важно, что нельзя позволить себѣ ничего, что можетъ хотя нѣсколько задержать это развитіе. Вотъ почему мы думаемъ, что объ этомъ говорить мало и слегка невозможно.

М. Капустинъ.

Digitized by Google

91. Странная Ночь. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе Алексѣя Жемчужникова. С.-Петербургъ. 1850. Стр 55 въ 8 д. л.

Есть люди, недовольные косностію отечественной словесности и жалующіеся, преимущественно, на бѣдность ея произведеніями драматическими; есть писатели, имѣющіе странныя понятія о разныхъ вещахъ, въ томъ числѣ и о комедіи; есть, наконецъ, журналы, скорбящіе о томъ, будто бы нашей литературой овладѣваетъ непомѣрный дендизмъ и, въ то же время, печатающіе на своихъ страницахъ комедіи, гдѣ дѣйствуютъ только: Князь, Княгиня и господинъ, «сѣдой и завитой, который держится важно и прямо, говоритъ съ самоувѣренностію и одѣтъ изысканно,» — комедіи, насквозь пропитанныя дендизмомъ, подобно тому какъ бываетъ пропитано скапидарнымъ запахомъ платье, только что спасенное отъ истязаній инаго усерднаго пятновыводчика!—Такія ли еще есть странности на свѣтѣ? И мало ли ихъ! Но какъ ихъ согласовать между собою, какъ все это привести въ систему? Мы за ато не беремся. Пусть же будутъ далеко отъ насъ всѣ эти «предметы, вызывающіе на размышленіе!» Прочь, всѣ они. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, путаться въ этомъ лабиринтѣ? Взглянемъ лучше на лежащую передъ нами прекрасную книжку: «Странная Ночь.»

Что такое «Странная Ночь?»

Комедія.

Что же такое комедія?

Комедія есть драматическое произведеніе, первое условіе существованія котораго — комизмъ.

Что такое комизмъ?

Комизмомъ литературнаго произведенія называется то его свойство, которое, выставляетъ человѣческіе пороки и слабости съ ихъ смѣшной стороны. Въ цѣломъ такого произведенія, отъ его начала до конца, слышится смѣхъ человѣка надъ человѣкомъ, обличаемымъ истиной и съ головы до ногъ, — тотъ теплый смѣхъ, который не только не исключаетъ слезъ, но котораго непремѣнная из-

Digitized by Google

нанка — слезы, т. е. скорбь объ обличаемомъ недугѣ нравственнаго лица или цѣлаго общества. Это свойство, болѣе или менѣе общее всякому литературному произведенію, и, въ современной словесности, принадлежащее тому или другому тѣмъ больше, чѣмъ то или другое выше, чѣмъ глубже смыслъ того или другаго, — это свойство есть необходимая и самая главная принадлежность комедіи. И оно тѣмъ еще важнѣе для насъ, что при настоящемъ состояніи нашей словесности и ея направленіи, нравственно-обличительномъ, комедіи суждено занять едва ли не главное мѣсто между разнородными явленіями всей литературной дѣятельности. Цѣлью комедіи, ея задачей должно быть: скрѣплять эти, лежащіе въ ней и вызываемые ею, «видимый міру смѣхъ и незримыя иными слезы,» и такимъ соединеніемъ, ихъ художественнымъ сліяніемъ, возбуждать участіе къ обличаемому и осмѣиваемому. Безъ этого условія не полонъ комизмъ, безъ него комизмъ не комизмъ: онъ тогда или фарсъ или насмѣшка; а безъ комизма нѣтъ комедіи.

Теперь, предположимъ, что случилось слѣдующее происшествіе:

Князь какой-то женился на вдовѣ. Едва новобрачные успѣли проводить гостей и вступили en tête-à-tête въ чрезвычайно-сантиментальный разговоръ, слуга докладываетъ имъ о пріѣздѣ третьяго лица. Это третье лицо, «господинъ 50 лѣтъ, въ коротенькомъ сюртукѣ, клѣтчатыхъ шароварахъ и пестромъ жилетѣ» (больше, право, сказать о немъ нечего, и мы въ этомъ не виноваты), явилось изъ-за тридевяти земель, какъ Deus ex machina, требовать отъ Князя отчета въ письмѣ, написанномъ симъ послѣднимъ женѣ пріѣзжаго, два года тому назадъ. Княгиня вышла, прежде нежели вошелъ незнакомецъ. Начинается между нимъ и Княземъ хладнокровно-учтивое объясненіе по поводу письма, слѣдуетъ со стороны оскорбленнаго супруга вызовъ на дуэль, а со стороны Князя согласіе. Пріѣзжій хочетъ стрѣляться сейчасъ, Князь объявляетъ, что ранѣе утра не можетъ, потому-де, что только что женился. Женился? О радость!—И гость въ восторгѣ, какъ истый Мавръ. Рѣшено, однакожь, отложить встрѣчу до утра. Гость уходитъ. Князь остается одинъ и заочно грозитъ врагу смертью. Входитъ опять Княгиня, и, слыша,

Digitized by Google

что мужъ сбирается ѣхать куда-то, хочетъ знать куда онъ ѣдетъ, и старается, разумѣется, удержать его. Мужъ отговаривается безвыходной необходимостію быть секундантомъ, вслѣдствіе обѣщанія даннаго пріятелю, и уѣзжаетъ. Въ ту же минуту возвращается извѣстный господинъ, разсудившій про себя, что драться не слѣдуетъ, и придумавшій другое средство отомстить Князю; вслѣдствіе своихъ соображеній онъ пишетъ письмо къ Княгинѣ и, въ видѣ совершенной улики, прилагаетъ подлинникъ, подавшій поводъ къ его пріѣзду, объясненію съ Княземъ и вызову: — это и проще. Княгиня, прочитавъ оба письма, выходитъ къ гостю: онъ узнаетъ въ ней одну изъ тысячи женщинъ, которымъ ему, на его долгомъ вѣку, случалось строить куры и которой онъ, однажды, даже написалъ форменную декларацію. Слѣдуетъ объясненіе между ними: гость, по закоренѣлой привычкѣ, любезно нападаетъ,—Княгиня любезно его дурачитъ. Входитъ Князь и, увидавъ гостя съ женой, приходитъ въ патетическій экстазъ. На бѣду еще Княгиня роняетъ изъ рукъ письмо, прежнее письмо къ ней, благоразумно-уцѣлѣвшее, — и мужъ это видитъ, поднимаетъ его и подаетъ женѣ. Князь внѣ себя. Видя всю неловкость своего положенія, гость, не изъ храбрыхъ, незамѣтно исчезаетъ. Наступаетъ третье объясненіе, мужа съ женой. Мужъ требуетъ письма, жена не хочетъ отдать его, но потомъ отдаетъ, — старое письмо къ ней. Прочитавъ его, мужъ, скрестивъ руки на груди, произноситъ грозно-саркастическій монологъ на безсмертную тему: o tempora, o mores! и клеймитъ жену презрѣньемъ. Княгиня на послѣднемъ словѣ вскакиваетъ, но потомъ даетъ Князю довершить ораторскій подвигъ, и подаетъ ему доставшееся ей въ этотъ день, его письмо къ женѣ пріѣзжаго. Роли перемѣняются. Князь садится, Княгиня начинаетъ говорить. Она отражаетъ всѣ упреки мужа съ неменьшимъ краснорѣчіемъ Князь слушаетъ, но нѣсколько разъ прерываетъ рѣчь жены. (Князь нетерпѣливѣе Княгини). Съ общаго согласія рѣшено завтра же разъѣхаться: такова, видно, сила обоюднаго краснорѣчія! — Все это разрѣшается, однако, очень благополучно. Сожигаются оба письма: отъ пріѣзжаго къ Кня-

Digitized by Google

гинѣ и отъ Князя къ его женѣ. Миръ во всѣхъ правилахъ утонченной свѣтскости. О дуэли рѣшено не думать.

«Истуаръ,» да и все тутъ! Не правда ли?

Но кто же бы изъ этого вздумалъ сдѣлать комедію? И есть ли тутъ содержаніе для комедіи?

Г. Жемчужниковъ, взявъ за тему разсказанное нами происшествіе, развелъ его избитыми сентенціями до такой степени, что оно сдѣлалось совершенно безцвѣтнымъ, облекъ эту смѣсь въ 55 страницъ стиховъ довольно правильныхъ, но большею частію неимовѣрно водянистыхъ, завершилъ все это великолѣпнымъ двустишіемъ:

Бываютъ женщины, и съ чувствомъ, и съ умомъ:
Но безъ кокетства не бываютъ!

и составилъ нѣчто въ родѣ тѣхъ пословицъ, proverbes en action, которыя обязаны своимъ рожденіемъ, если не ошибаемся, Г. Альфреду де-Мюссе, надъ которыми трудился еще Г. Октавъ Фёлье и которыя называются у Французовъ pièces de salon, т. е. назначаются для домашнихъ спектаклей.

Стало быть «Странная Ночь» не комедія.

Почему же она названа комедіей?

Это разрѣшить безъ помощи автора никакъ нельзя.

Мы и просимъ его объяснить намъ это, и въ то же время обратимся къ нему еще съ слѣдующими вопросами:

1) Какая охота называть «Странную Ночь» комедіей, если есть въ литературѣ такія комедіи, какъ: Горе отъ Ума, Ревизоръ, Женитьба?—Развѣ отъ этого новое произведеніе могло выиграть?

2) Ужели есть малѣйшая необходимость переносить на щедрую предметами и богатую животворящими силами почву отечественной словесности тощее, жиденькое и больное прозябеніе чужаго климата, и на родинѣ своей живущее только день одинъ?

....Комедія, да и только!*

---

* Мы слышали, что «Странная Ночь» имѣла большой успѣхъ на Петербургской сценѣ: этому повѣрить всякій, кто знаетъ игру Г-жи Самойловой 2, Гг. Сосницкаго и Максимова 1. Но будетъ ли успѣхъ этотъ проченъ, какъ успѣхъ настоящихъ комедій?

Digitized by Google

92. Сказка о сынѣ откупщика, Иванъ Найденышъ. М. 1850. Стр. 66 въ 12 д. л.

Сказка это — списокъ съ покойнаго «Конька-горбунка», и списокъ довольно удачный. Иванушка-дурачекъ дѣлаетъ дива-дивныя, а неизвѣстный сочинитель воспѣваетъ его не менѣе удивительными стихами. Напримѣръ:

Не по днямъ, а по часамъ
Росъ Иванъ, и двѣ недѣли
Только жилъ онъ въ колыбели,
А чрезъ годъ курилъ табакъ,
И служить пошелъ въ кабакъ;
Былъ Иванъ мальчишка бойкой,
Лѣтъ чрезъ пять стоялъ за стойкой;
Хоть частенько ѣлъ тузы,
Что не зналъ писать азы —
Зналъ за то на счетъ всѣ стклянки
И премудрости орлянки,
Сколько на небѣ всѣхъ звѣздъ
И подъ крышей галчьихъ гнѣздъ;
Парень къ цѣли шелъ высокой,
Билъ лягушекъ межъ осокой....

Или:

Приведя въ свою каютку,
Веселить онъ сталъ малютку.
Ужъ какихъ тамъ нѣту штукъ:
На китѣ верхомъ паукъ,
Слонъ не болѣе мурашки,
Въ шляпкахъ въ чепчикахъ букашки,
Блохи пляшутъ, въ кандалахъ,
Мухи въ курткахъ и въ штанахъ,
Воробей — орлиный шуринъ —
Нѣжно глазками прищурилъ....

О достоинствѣ такихъ стиховъ пусть судятъ читатели этой сказки, которыхъ, вѣроятно, не мало будетъ у ней. Не послѣднее диво въ ней и то, что, не въ примѣръ подобнымъ произведеніямъ, она издана очень красиво.

93. Битва Русскихъ съ Кабардинцами, или прекрасная Магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа. Русская повѣсть въ двухъ частяхъ. Соч. Н. Зрячова. Изданіе ДЕВЯТОЕ безъ перемѣны. М. 1849. Стр. 113 и 137 въ 12 д. л.

Сочиненіе это извѣстно всѣмъ и каждому — однимъ на дѣлѣ, другимъ по слуху. Одни прочли его отъ доски до доски, читаютъ и не начитаются; другіе, не видавъ

Digitized by Google

его даже и въ глаза, говорятъ о немъ съ двусмысленной улыбкой, заставляющей краснѣть «прекрасную Магометанку».... Значитъ, нѣтъ никакой надобности излагать содержаніе такой *популярной* книги и разбирать ея красоты или недостатки. Другое обстоятельство заставляетъ насъ сказать объ ней нѣсколько словъ. — ДЕВЯТОЕ изданіе! въ продолженіе менѣе чѣмъ десяти лѣтъ! и кто угадаетъ, сколько еще изданій будутъ въ слѣдующія десять. И девять изданій не по одному «заводу,» т. е. не по тысячѣ двѣсти экземпляровъ, далѣе которыхъ рѣдко простираются надежды дѣтей Аполлона, — а по четыре, по пяти, такъ что, считая круглымъ числомъ, можно навѣрное сказать, что «Битвы Русскихъ съ Кабардинцами» разошлось по лицу Русской земли до *пятидесяти тысячъ экземпляровъ!* Вотъ вамъ явленіе, если угодно — фактъ, надъ которымъ стоитъ подумать.

Книга шибко читается. Кто же ея читатели? Всѣ, кто учился на мѣдныя деньги, и въ свободный отъ трудовъ часъ не хочетъ заниматься бездѣльемъ. Мастеровой, сидѣлецъ, изрѣдка крестьянинъ, — вотъ многочисленный кругъ знакомцевъ «Битвы Русскихъ съ Кабардинцами.» Не многіе изъ нихъ читаютъ съ толкомъ, но всѣ съ чувствомъ, съ разстановкой, наслаждаясь процессомъ чтенія, «ради скуки-съ!» Но почему же эта книжка сдѣлалась предметомъ особенной ихъ любви, почему именно она, а не какая другая, болѣе достойная съ пользою занять ихъ досугъ? спросите, пожалуй, вы. — Да какая же другая? Бову съ Еруслановъ они знаютъ уже почти наизусть; Милордъ-Георгъ съ Францылемъ-Венеціановъ давнымъ давно приокучили имъ, да и понялъ, наконецъ, Русскій человѣкъ, что это вздорныя сказки, грошa не стоющія супротивъ его собственныхъ; Старичекъ-весельчакъ, труды Орлова, Кузмичева, Потапова и множества другихъ не всѣмъ пришлись по вкусу: разъ прочелъ — и разкусилъ до зернышка, и заняться болѣе нѣчѣмъ, и слушателей научить нѣчему. — «Да нѣтъ, не объ этихъ пустякахъ хотѣлъ сказать я, возражаетъ читатель: мало ли книгъ дѣльныхъ, поучительныхъ, написанныхъ хотя и не для простолюдья, но которыя навѣрно были бы ему по

Digitized by Google

душѣ. Напримѣръ: исторія....» — Позвольте. Несправедливо бы судили вы о Русскомъ человѣкѣ, полагая, что онъ можетъ сильно увлечься названными выше сочиненіями: сотни ихъ отдастъ онъ за одну дѣльную книгу историческаго или духовнаго содержанія, которая могла бы наставить его умъ и сердце. Довольно у насъ такихъ книгъ, да въ томъ-то и бѣда, что не сподручны онѣ народу — дороги. Вѣдь никакая мало-мальски порядочная книжечка не цѣнитъ себя менѣе рубля серебромъ, а книга въѣзжаетъ въ два, въ три и выше. И если вы, человѣкъ съ достаткомъ, жалуетесь нерѣдко на эту дороговизну, то что же дѣлать тому, у котораго весь капиталъ руки да голова? И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. И по неволѣ станешь читать Битву Русскихъ съ Кабардинцами, Козла-бунтовщика, Стеньку Разина.... Правда, что иногда издаются для народа и дѣльныя по заглавію книжки, продаваемыя по дешевой цѣнѣ; но какого толку ждать отъ нихъ, когда этими издѣліями издавна владѣетъ бумагопрядильная литература, когда производители ея рубятъ съ плеча и предметъ, о коемъ возьмутся говорить, и здравый смыслъ? Вѣдь какъ ни просты читатели, а навѣрно изъ девяти десятый пойметъ, что дѣло-то не ладно, что это не исторія, а «какая-то ахинея съ моралью....» Что, если бы не цѣховые литературы, а писатели съ дарованіемъ взялись за этотъ важный предметъ, и издали для народа два-три десятка избранныхъ сочиненій! Что, если бы нашелся предпріимчивый, благомыслящій человѣкъ, или составилось цѣлое общество для изданія, напримѣръ, сокращенной Исторіи Карамзина, басень Крылова и т. п. книгъ по самой дешевой цѣнѣ! Навѣрно, никто не остался бы въ накладѣ: честь была бы честью, а польза сама по себѣ. Такъ нѣтъ: литераторамъ нашимъ — однимъ недосугъ, другіе считаютъ недостойнымъ себя тратить свои благородныя силы на эту работу; а издатели живутъ въ ладахъ только съ Вѣчными Жидами, да Парижскими тайнами.

Въ «Битвѣ Русскихъ съ Кабардинцами,» между различными рѣдкостями, находятся слѣдующіе стихи Г. Зряхова, подъ заглавіемъ: *Къ милымъ читательницамъ*:

Digitized by Google

О, ты чувствительны, прелестны Россіянки!
Возьмите здѣсь примѣръ съ моей Магометанки
Не только въ страсти сей, но въ вѣрности священной....
И вамъ сравненія не будетъ во вселенной!

Такихъ стиховъ, разумѣется, никто не съумѣетъ написать; но, призвавъ на помощь Телемахиду, подумавъ до поту лица, намъ удалось составить слабое подражаніе имъ:

Къ собратіямъ по Аполлону.

О, вы, любезные писатели Россійски!
Потщитесь наконецъ примѣръ взять съ этой книжки —
Не въ краснорѣчіи, а въ дешевизнѣ умной,
И жить тепло вамъ будетъ во подлунной!

94. О значеніи кровной Англійской лошади въ Русскомъ коннозаводствѣ. И. С. Москва 1850 въ 8. д. л. Стр. 70.

Сочиненіе Г. И. С. вызвано, очевидно, соперничествомъ, открывшимся въ Россіи и преимущественно въ Москвѣ, между охотниками рысистой и скаковой породъ лошадей. Авторъ имѣетъ въ виду два предмета: ратовать за скаковыхъ лошадей и оспаривать доводы автора двухъ статей о томъ же предметѣ, помѣщенныхъ въ Моск. Вѣд. 1848 N° 138, 139 и 1849 N° 121, который преданъ интересамъ рысистой породы въ Россіи, и котораго, за неимѣніемъ подписи подъ статьями, назовемъ N, означая статьи Римскими цифрами. Хотя Г. И. С. нигдѣ прямо не называетъ своего противника, однакожъ даетъ ясно знать о немъ частыми намеками и цитатами.

Вторая изъ цѣлей автора, конечно, внѣ интересовъ публики, но первая слишкомъ близка сердцу Москвичей, и потому поговоримъ о книжкѣ Г. И. С. въ этомъ отношеніи.

Книжка содержитъ факты и соображенія или своего рода выводы. Виноваты: есть еще quasi-факты, то есть такія положенія, которыя авторъ желалъ бы отнести къ фактамъ, но которыя, по совершенному отсутствію доводовъ, читатель можетъ включить развѣ въ число соображеній автора. Будемъ снисходительнѣе читателя, и отнесемъ нѣкоторые quasi-факты къ фактамъ.

Digitized by Google

Факты (и нѣкоторые неопредѣленные quasi-факты) заключаютъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія положенія:

1. Г. И. С. писалъ не наизустъ, а по точнымъ свѣдѣніямъ о выписныхъ лошадяхъ и по указаніямъ владѣльцевъ такихъ лошадей (стр. 18). Значитъ въ составленіи книги участвовали лица всего болѣе заинтересованныя въ вопросѣ, и могла бы выдти книга очень дѣльная.

2. Заводъ рысистыхъ лошадей Графа Орлова существуетъ слишкомъ 60 лѣтъ. Заводы же скаковыхъ лошадей существуютъ около половины того времени.

3. Извѣстно, что Гр. Орловъ въ основаніе своего завода поставилъ жеребца Сметанку, самой высокой Арабской крови. Если заглянемъ въ таблицы первоначальныхъ производительныхъ матокъ Хрѣновскаго завода, то удостовѣримся, что изъ 72 матокъ отысканнаго происхожденія: 33 Англійскихъ, 9 Арабскихъ, 8 Мекленбургскихъ, 7 Голландскихъ, 4 изъ Польши, 3 Датскихъ, 3 Кавказскихъ, 1 Персидская, 1 Донская.

4. Около 1820 г. возникаютъ въ Россіи заводы скаковыхъ лошадей, въ томъ числѣ самый большой изъ нихъ не только въ Россіи, но и въ Англіи, и во всей Европѣ: это заводъ Г. Петровскаго. На этомъ заводѣ изъ породы Сорсеровъ родился знаменитый Берфутъ, какъ говоритъ Г. И. С., не побѣжденный никѣмъ, кромѣ времени.

5. Ни одна страна не получала такого количества испытанныхъ Англійскихъ скакуновъ и производителей, какъ Россія.

6. За то нынѣ Россія не имѣетъ надобности выписывать ихъ, а можетъ поддержать дальнѣйшее улучшеніе скакуновъ своими лошадьми.

7. Результатами скачекъ, утвержденныхъ въ 1825 г. въ Лебедяни, въ 1833, въ Москвѣ и въ 1841, въ Царскомъ Селѣ, подтверждается, что наши лошади едва ли многими секундами уступятъ скакунамъ Британіи; первоклассные же Англійскіе скакуны, скакавшіе въ Царскомъ Селѣ, по большей части уступали въ скорости нашимъ первоклассныхъ, выигрывавшимъ въ Лебедяни.

8. Касательно сбыта кровныхъ лошадей, авторъ проситъ Гг. охотниковъ помнить количество каждогоднаго

Digitized by Google

приплода и время, съ котораго въ Россіи стали разводиться чисто-кровныя лошади. Количество приплода кровныхъ лошадей такъ незначительно, что, если, по большей мѣрѣ, положить 60 на самый большой заводъ, Петровскаго, 35 на заводы братьевъ Мосоловыхъ, 20 Воейкова, 10 Ланскаго и 40 на остальныхъ владѣльцевъ: тогда получимъ только 175 головъ кровнаго приплода на всю Россію.

Къ такимъ фактамъ прибавлять нечего, развѣ повторить, что мы не всегда умѣли отличить факты отъ quasi-фактовъ.

Соображенія Г. И. С. многоразличны: въ однихъ онъ противорѣчитъ своему противнику, въ другихъ — самому себѣ, въ третьихъ и противнику и самому себѣ, въ четвертыхъ — общему пониманію дѣла.

Вотъ по образчику изъ каждаго рода соображеній.

I. Противорѣчія Г. N а) «Графу Орлову не удалось вывести *хорошей*, чистокровной породы» (И. С. стр. 40).

Г. N говоритъ (II, стр. 15). «Геніальный составитель рысистой породы, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, посвятилъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни на созданіе этой породы и тѣмъ оказалъ величайшую услугу нашему отечеству, обогативъ его совершеннѣйшею породою лошадей.» (Стр. 19 и 20): «Орловская порода ведется до сего времени и производитъ совершеннѣйшихъ лошадей: Любезнаго, Кролика, Ловкаго, Лебедя 2. Во всей Россіи учрежденныя сводныя конюшни, составленныя изъ жеребцовъ Орловской крови, постепенно распространяютъ ее и улучшаютъ въ настоящее время Русское коннозаводство. Продаваемые съ аукціона жеребцы и кобылы высочайшей Орловской крови представляютъ возможность коннозаводчикамъ самимъ вести эту породу во всей ея чистотѣ, и теперь она столько доступна, что всѣ почти помѣщичьи заводы красуются этими перлами чистѣйшей рысистой крови. Безмѣрность этого благодѣянія Правительства вполнѣ можно оцѣнить только тогда, если вспомнить, что 20 лѣтъ тому назадъ конечно нѣсколько заводчиковъ сдѣлали бы складчину и заплатили бы за Орловскаго жеребца сотни тысячъ рублей. А теперь дѣти Лебедя, Ловкаго, Мужика, Непобѣдимаго, замѣчательной рѣзвости, прекрасныхъ

Digitized by Google

статей, пріобрѣтаются цѣною столь умѣренною, что многіе помѣщики пріобрѣли въ свои заводы каждый уже по нѣсколько жеребцовъ.»—(Стр. 16) «Графская порода особое, новое животное животнаго царства — эта колоссальная масса костей и мускуловъ, вся проникнутая огнемъ Арабской крови, легкая, быстрая, гибкая, кипящая, какъ Аравійскій конь, и могучая и огромная, какъ гигантскій конь Голландскій. Словомъ, ни одна порода въ мірѣ не подходитъ къ Орловскому рысаку, и онъ составляетъ особый видъ этого разнообразнаго класса животныхъ.»

А Г. И. С. говоритъ, что Гр. Орлову не удалось образовать *хорошій* чистокровной породы!

b) «Относительное вліяніе скаковыхъ лошадей на коннозаводство въ Россіи очень велико» (И. С. 62).—«Очень многія лошади Г. Мосолова попали въ Донскіе заводы, и тамъ. служили обновителями крови, нѣкоторые въ Малороссію, на Кавказъ, и наконецъ нѣсколько лошадей отведено было въ Англію» (И. С. стр. 53).

Г. N говоритъ: «Какъ ни блистательна слава Гг Мосоловыхъ, но незначительно ихъ вліяніе на коннозаводство въ Россіи. Сбытъ скаковыхъ лошадей почти ограничивается ипподромами» (I. стр. 11).

c) «Одна скаковая порода обладаетъ твердою, правильнаго сложенія костью, крѣпкими мускулами, свободнымъ дыханіемъ» (И. С. стр. 60).

Г. N говоритъ, что: у скаковой лошади и бабки слишкомъ длинны, и лопатки слишкомъ жидки и отвѣсны, и шея невыработываемая, и ребра не круты, и т. д.

II. Противорѣчія самому себѣ: Г. И. С. говоритъ (стр. 4): «порода рысистыхъ лошадей не есть производительная, а сама произведенная.» — (стр. 59): «одна порода скакуновъ самостоятельная.» И въ то же время во всей своей книгѣ доказываетъ, что скаковая порода не самостоятельная, а сама произведена изъ Арабской. Г. И. С. не станетъ, конечно, отрицать и того, что рысистая порода, хотя и произведенная, въ свою очередь произвела много лошадей первокласснаго достоинства.

III. Противорѣчія и противнику и самому себѣ: а) Г. И. С. говоритъ: (стр. 59). «Одна порода высшая для

Digitized by Google

всѣхъ лошадей — порода кровныхъ скакуновъ» (стр. 14). «Англійская лошадь, конечно, гораздо выше Арабской. Англійская *одна* должна быть производительницею и обновительницею низшихъ породъ» (стр. 17).

b) Вдругъ, вѣроятно, забывшись, на стр. 44, говоря о превосходствѣ завода Графа Гудовича, обогащеннаго не Англійскими лошадьми, утверждаетъ: «восточные жеребцы одинаковаго свойства съ Англійскими, конечно, *всегда* могутъ быть производителями.»

c) Г. N говоритъ: «Лошадь совершеннѣйшая есть лошадь Аравійская, тамъ созданная и тамъ постоянно безъ измѣненія пребывающая, уже нѣсколько тысячелѣтій, безъ пособія искусства человѣческаго, оставленная самой природѣ и ей одной обязанная своимъ совершенствомъ.» — «Арабскій конь, привыкшій къ солнцу Аравійскому, къ его палящимъ лучамъ, къ воздуху, раскаленному 50 градусами жара, къ благоухающимъ травамъ, къ рису и верблюжьему молоку, въ Англіи сталъ видѣть солнце, и то блѣдное, нѣсколько дней въ году, сталъ дышать болотными испареніями, питаться травами, выросшими въ туманахъ безъ солнца, и естественно долженъ былъ чрезъ два-три поколѣнія превратиться въ лимфозную безобразную массу — упасть совершенно. Тогда-то Англичане берутся за скачку, за теплую конюшню, теплую попону, потѣніе, кормъ на вѣсъ,» и т. д. — По свидѣтельству самихъ Англичанъ: Ричарда Дарвиля и Вилліама Уата и другихъ, Англійскіе заводы въ послѣднее время получили вредное для коннозаводства направленіе, и свидѣтельствуютъ о современномъ упадкѣ скаковыхъ лошадей въ Англіи.» — «Нынѣ стали обращать вниманіе на прыткость, на усиленную рѣзвость, а не на формы и силу и сократили рыстаніе на одну или двѣ мили, отчего совершенно измѣнились условія формъ скакуна.»

IV. Противорѣчія общему пониманію дѣла.—Г. И. С. говоритъ: (стр. 55) «Дистанція 30 верстъ совершаема была кровными лошадьми, въ Россіи родившимися, иногда болѣе, иногда менѣе, чѣмъ въ часъ, безъ изнуреній, даже *безъ усталости*». Устаешь читать и едва вѣришь глазамъ! Англичане свидѣтельствуютъ, что у нихъ нынѣ, при гораздо меньшей

Digitized by Google

дистанціи нежели у насъ, большая часть лошадей выбивается изъ силъ въ половинѣ скачки, и изъ 20 лошадей не болѣе 2 сохраняютъ свои силы до призоваго столба, а наши совершаютъ эту дистанцію иногда менѣе чѣмъ въ часъ, безъ усталости! — Ай-да наши! Петербургскіе охотники удивлялись, что тройка кровныхъ Англійскихъ и обыкновенныхъ Русскихъ лошадей могла вообще совершить 30 верстъ въ часъ, и для повторенія такого опыта предлагаютъ огромные заклады. Зачѣмъ же бы заклады, если бы *наши совершали эту дистанцію иногда менѣе чѣмъ въ часъ, даже безъ усталости?*

Но, довольно. Г. И. С. самъ, очевидно, не полагаетъ большой важности въ своей брошюрѣ. Иначе въ ней, написанной при чужомъ участьи, въ защиту интересовъ общества, авторъ конечно бы позаботился о грамматической правильности, которая, по временамъ, сильно прихрамываетъ, какъ напр. на стр. 60, 42, 5.

Мы уже обтирали перо, когда спросили у насъ: «неужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ брошюрѣ соображеній, въ которыхъ бы Г. И. С. не противорѣчилъ никому?» — Виноваты: таковыя, дѣйствительно, имѣются. Вотъ обращики:

(Стр. 5). «Эти (Бюффонъ и Буржела) односторонніе естествоиспытатели и зоологи, конечно, сами съ полнымъ убѣжденіемъ обнародовали свои заблужденія!» — Дѣйствительно такъ: — эти Бюффонъ и Буржела обнародовали свои заблужденія съ полнымъ убѣжденіемъ. (Стр. 49): «Дѣло штутгрумовъ есть *наука* не простая, но требующая глубокаго изученія и тонкаго наблюденія.» Дѣйствительно такъ: нынѣшнее умѣніе производить хорошихъ скакуновъ, упражнять ихъ и выигрывать на нихъ призы — есть *наука*, и притомъ глубокая; въ *научномъ* значеніи этого умѣнья всѣ согласны, между прочимъ и противникъ Г. И. С., т. е. Г. N. (I стр. 11).

Но еще странность: штутгрумы люди глубоко ученые, а Бюффонъ односторонній естествоиспытатель! Или авторъ имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ изъ Гг. членовъ Англійскаго клуба жокеевъ, — всесторонніхъ, *круглыхъ* ученыхъ?....

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго, на основаніи наблюденій, произведенныхъ Р. И. Мурчисономъ, Э. Верпейлемъ и Графомъ А. Кейзерлингомъ. Перев. съ Англійск. съ примѣчаніями и дополненіями Корп. Горн. Инж. Полк. Алек. Озерскимъ. Ч. I. и II. Спб. 1849.

Опытъ прикладной Геологіи преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи. Барона А. Мейендорфа. Спб. 1849 г.

Статья III.

Прежде нежели перейдемъ къ слѣдующей эпохѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на участіе Русскихъ геологовъ въ изслѣдованіи двухъ предыдущихъ системъ, азоической и силурской.

Азоическія и эруптивныя породы Финляндіи, Лапландіи, Олонецкой и Архангельской губерній почти всѣ описаны Русскими; Мурчисономъ и Графомъ Кейзерлингомъ онѣ изслѣдованы только въ одной южной части, по линіи соприкосновенія съ осадочными породами. Прежде другихъ геогностическое описаніе Финляндіи сдѣлано Дерптскимъ Проф. Энгельгардтомъ* и Фурманомъ**. Полковникъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Соколовъ описалъ островъ Паргасъ***,

* Darstellungen aus dem Felsgebaeude Russlands. 1-te Lief. Geognostische Umrisse von Finland. Berlin, 1820.

** Минералогическое описаніе нѣкоторой части Старой и Новой Финляндіи. Г. Ж. 1828. Ч. XI.

*** Минералогическое описаніе острова Паргаса. Г. Ж. 1825. Ч. II.

Digitized by Google

примыкающій къ берегамъ Финляндіи. Г. Соболевскій весьма подробно и отчетливо изслѣдовалъ западные берега Ладожскаго озера и Русскольскихъ мраморныхъ ломокъ*. Проф. Гофманъ съ такою же подробностію и знаніемъ дѣла объяснилъ строеніе острова Гохландъ въ Финскомъ заливѣ, и нашелъ, что онъ состоитъ изъ гранито-гнейса, кристаллическаго известняка, діорита и порфира**. Другія острова Финскаго залива, Нерва, Соммеръ и Родшеръ, по свидѣтельству Ак. Бера, недавно посѣтившаго ихъ, представляютъ рядъ порфировыхъ возвышеній, и состоятъ единственно изъ порфира. Они составляютъ западный конецъ той линіи, которая отдѣляетъ Финляндскія и Олонецкія азоическія породы отъ осадочныхъ; восточный же конецъ ея или острова Бѣлаго моря, и особенно тѣ, которые разсѣяны въ Онежской губѣ, осмотрѣны Мурчисономъ и Вернейлемъ. Самый главный изъ нихъ, Кій, состоитъ изъ гранито-гнейса; другія острова, лежащіе сѣвернѣе Кія, изъ коихъ самый замѣчательный Соловецкій, имѣютъ такое же образованіе. Болѣе сѣверныя азоическія породы, составляющія Лапландію и полуостровъ Колу, намъ извѣстны изъ путешествія г. Бетлинга; во всѣхъ мѣстахъ онъ находилъ гнейсъ и гранитъ въ сопровожденіи зеленаго камня***. Въ послѣднее время сообщены нѣкоторыя геологическія замѣчанія о Финляндіи Ак. Эйхвальдомъ****, Французскимъ путешественникомъ Дюроше*****, г. Норденшильдомъ******, и Проф. Куторгою*******.

---

* Обозрѣніе старой Финляндіи (и описаніе Русскольскихъ мраморныхъ ломокъ). Г. Ж. 1829, к. 1, 2, 3.

** Geognos. Beobachtugen auf einer Reise von Dorpat nach Abo, mit einer Karte der Insel Hochland. Также Г. Ж. 1838. к. I.

*** Bericht einer Reise durch Finland und Lapland, въ Bull. Scientif. publié par l'Acad. d. s. de St.-Peterb. 1840.

**** Въ Beitraege zur Kenntniss des Russisch. Reiches etc. von. K. v. Baer und G. v. Helmersen. Tom. VIII, также въ Die Urwelt Russlands. Hef. II.

***** Etudes géologiques sur la Finlande въ Compte rendu hebdomadaire etc. Tom. XVI. N. 19.

****** Въ Förcdragen, för Vet. soc. d. 25 April 1840. Также Г. Ж. 1843. к. 4.

******* Дорога къ водопаду Иматры въ Биб. для Чтен. 1849, Т. 96.

Digitized by Google

Въ описаніи Олонецкой и Архангельской губерній наиболѣе участвовали Горные Инженеры. Г. Широкшинъ описалъ западный берегъ Бѣлаго моря*, Энгельманъ представилъ описаніе Олонецкаго горнаго округа, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ, особенно по объясненію многихъ плутоническихъ и метаморфическихъ явленій. Весьма многія мѣста, принадлежащія Олонецкой и Архангельской губерніямъ, изслѣдованы Бутеневымъ***.** Означенные наблюдатели повсюду находили кристалическіе сланцы, разорванные діоритами и зелеными камнями. Тоже самое подтверждается замѣчаніями, которыя сдѣланы были Штабсъ-Капитаномъ Комаровымъ къ картѣ Олонецкаго горнаго округа****.

Всѣ изслѣдованія относительно Тиманскаго хребта принадлежатъ исключительно Графу Кейзерлингу. Объ участіи Русскихъ геологовъ относительно силурской системы въ Петербургской и Эстляндской губерніяхъ, мы отчасти упоминали выше, а болѣе подробныя объ этомъ свѣдѣнія будутъ изложены при описаніи слѣдующей, девонской системы, по связи ея съ силурскою. Здѣсь замѣчу только, что Ак. Пандеръ, положившій такое прочное основаніе геологическому описанію Петербургской губ. своимъ сочиненіемъ Beitrage zur Geognosie des Russichen Reiches, въ послѣднее время весьма дѣятельно занимался изслѣдованіемъ нашихъ Остъзейскихъ губерній. Ему же обязаны мы открытіемъ въ Эстляндіи и Литвѣ того замѣчательнаго силурскаго слоя, въ которомъ заключается Pentamerus borealis (Eichw.), и который былъ наблюдаемъ также Мурчисономъ и Вернейлемъ въ окрестностяхъ Шавли.

---

* Геогностическій обзоръ береговъ Кандалажской губы и Бѣлаго моря, до г. Кема, въ Архангельской губ. Г. Ж. 1835, кн. I.

** Взглядъ на геолого-геогностическій составъ Олонецкаго Горнаго Округа. Г. Ж. 1838. к. I.

*** Описаніе Оленьихъ острововъ. Г. Ж. 1828, к. III. Каменный боръ. Г. Ж. 1828, к. IV. Геогностическое обозрѣніе западнаго берега Онежскаго озера. Г. Ж. 1830, к. II.

**** Геогностическія примѣчанія къ картѣ Олонецкаго Горнаго Округа. Г. Ж. 1842, к. I.

Digitized by Google

Девонская система.

Система, по времени образованія слѣдующая непосредственно за силурскою, прежде называлась *древнимъ краснымъ песчаникомъ* (Alter rother Sandstein, Vieux grés rouge, Old red sandstone), а въ настоящее время называется *девонскою системою* (Devon-System, Système dévonien). Самое названіе системы, заимствованное отъ Графства Девонъ или Девоншира, показываетъ, что она, подобно силурской, первоначально установлена въ Англіи, даже опредѣленіе ея очень много зависѣло отъ предварительнаго опредѣленія силурской системы, замыкающей ее снизу.

Кромѣ Девоншира или юго-западной части Англіи, девонскіе осадки находятся еще въ значительномъ развитіи въ Шотландіи, на восточномъ отклонѣ Грампіанскихъ горъ. Въ палеонтологическомъ отношеніи они вообще имѣютъ средній характеръ между каменноугольными и силурскими; это прежде другихъ замѣчено Лонсделемъ по Девонширскимъ ископаемымъ. Главная отличительность ихъ состоитъ въ необыкновенномъ развитіи *рыбъ* (ихтіолитовъ), едва явившихся въ предыдущую эпоху, и въ чрезвычайномъ количествѣ руконогихъ животныхъ (Brachiopoda), преимущественно двухъ родовъ: Spirifer и Terebratula. Весьма замѣчательно, что всѣ девонскія рыбы на Британскихъ островахъ находятся въ однихъ Шотландскихъ осадкахъ, а прочія животныя въ однихъ Девонширскихъ. Такое разъединеніе ископаемыхъ, принадлежащихъ одной и той же системѣ, безъ всякаго сомнѣнія, много затрудняло ея опредѣленіе. Профессоръ Зеджвикъ и Мурчисонъ, установившіе эту систему, не встрѣчая нигдѣ девонскихъ рыбъ въ однихъ пластахъ съ раковинами, могли сомнѣваться, дѣйствительно ли Шотландскіе осадки составляютъ одну естественную систему съ Девонширскими. Сомнѣніе это въ послѣдствіи было отчасти уничтожено ихъ же собственными изслѣдованіями въ Рейнскихъ областяхъ; тутъ, въ Эйфелѣ, вмѣстѣ съ Девонширскими раковинами нашлись Шотландскія рыбы, а именно: Osteolepis и Coccosteus. Тоже самое, и въ большемъ развитіи, замѣчено въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но самое убѣдительное доказательство естест-

Digitized by Google

венности девонской системы представила Россія; ей суждено было рѣшить этотъ вопросъ окончательно. И гдѣ рѣшаться подобнымъ вопросамъ, какъ не въ Россіи, гдѣ девонскія моря занимали такое обширное пространство? Начавшись отъ восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, съ Курляндіи и Лифляндіи, онѣ простирались внутрь Россіи по двумъ направленіямъ, на сѣверо-сѣверо-востокъ, чрезъ губерніи Псковскую, Новогородскую, Олонецкую и Архангельскую, и на юго-юго-востокъ, чрезъ Витебскъ, Смоленскъ, Калугу и Тулу къ Орлу и Воронежу. Кромѣ того, девонская система проходитъ еще широкою полосою по склонамъ Тиманскаго хребта, и не столь широкою, но чрезвычайно длинною полосою по западному склону Урала. Площадь, занимаемая въ Европейской Россіи девонскими осадками, болѣе поверхности всѣхъ Британскихъ острововъ.

Опредѣленіе нашей девонской системы въ историческомъ порядкѣ началось съ Лифляндіи и Новгородской губерніи. О геологическомъ значеніи известняковъ, песчаниковъ и пестрыхъ глинъ, составляющихъ здѣшнюю девонскую систему, мы долгое время не имѣли надлежащаго понятія. Ульманъ сравнивалъ ихъ съ новымъ краснымъ песчаникомъ (Rothliegentes) *, Эрманъ съ соленосною Германскою формаціею **, Квенштедтъ и Розе относили къ пестрому песчанику или кейперу и раковинному известняку (Muschelkalk) ***. Опредѣленія эти были основаны на внѣшнихъ признакахъ формаціи, и неправильномъ понятіи объ ея ископаемыхъ. Въ окрестностяхъ Дерпта она заключаетъ въ себѣ кости и чешуи рыбъ, исполинскихъ и весьма загадочныхъ. Енгельгардтъ****, Квендштедтъ*****, Парротъ****** и Куторга******* относили ихъ къ черепашнымъ и ящерич-

---

* Горн. Журналъ, 1827. кн. IV.

** Reise um die Erde. Berlin, 1833.

*** G. Rose, Reise nach dem Ural etc. T. I. 1837.

**** Rose, Reise nach dem Ural et. T. I. 1837.

***** Тамъ же.

****** Въ описаніи Буртнекскаго озера, въ сѣверной Лифляндіи.

******* Beitrag zur Geognosie und Paleontologie Dorpats. St. Peterb. 1838.

Digitized by Google

нымъ животнымъ; Асмусъ и Гукъ первые убѣдились, что означенныя кости и чешуи принадлежатъ рыбамъ*. Дѣйствительно, это были рыбы, и самыя замѣчательныя изъ всѣхъ до нынѣ открытыхъископаемыхъ рыбъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ длина одной кости простиралась до 2 футовъ и 9 дюймовъ. Самой огромной изъ здѣшнихъ рыбъ Агасисъ далъ названіе Chelonichtys Asmusii, а въ послѣдствіи ее же назвалъ Asterolepis Asmusii. Вскорѣ послѣ открытія, сдѣланнаго Асмусомъ, Полковники Оливіери и Гельмерсенъ въ 1839 году нашли такіе же органическіе остатки въ рухлякахъ и песчаникахъ, образующихъ Валдайскія высоты. Въ то же время они доказали, что означенныя породы залегаютъ тутъ подъ горнымъ или каменноугольнымъ известнякомъ**. Это послѣднее наблюденіе, чрезвычайно важное, способствовало положительному ихъ опредѣленію; ибо не оставалось никакого сомнѣнія, что Лифляндскія и Новгородскія породы, заключающія ихтіолиты, относятся къ болѣе древнему періоду, нежели каменноугольная формація. Валдайскія ископаемыя, собранныя гг. Оливіери и Гельмерсеномъ, были описаны Ак. Эйхвальдомъ и Бухомъ, и признаны ими за *древнекраснопесчаниковыя* или *девонскія****. Въ слѣдующемъ году Полк. Гельмерсенъ еще подробнѣе изслѣдовалъ Валдайскія высоты, и свои наблюденія связалъ съ наблюденіями, произведенными въ Остзейскихъ губерніяхъ****. Такимъ образомъ девонская система сдѣлалась извѣстною на протяженіи отъ Рижскаго залива до Волхова. О дальнѣйшемъ протяженіи ея къ Бѣлому морю можно было судить по тѣмъ наблюденіямъ, какія были сдѣланы въ 1840 году

---

* Акад, Эйхвальдъ честь этаго открытія приписываетъ Квенштедту. Курсъ геогнозіи, стр. 398), другіе Асмусу, а Полк. Гельмерсенъ Асмусу и Гуку. Г. Ж. 1841, кн. 4.

** Г. Ж. 1840 г. Кн. V. 1841 г. Кн. V и VI.

*** См. Письмо Полк. *Гельмерсена* къ Е. П. Фишеру Фонъ-Вальдгейму въ Bull. de la Société des Natur. de Moscou. 1840. Письмо Ак. *Эйхвальда* къ Бронну отъ 24-го Нояб. 1839 г. въ N. Jahrbuch für Mineralogie. Hef. IV. Въ Г. Ж. 1840. кн. I. *Leop. von Buch*, Beitraege zur Kentniss der Gebirgformationen in Russland. Berlin, 1840. Въ Г. Ж. 1840 г. к. 9.

**** Г. Ж. 1841, кн. II.

Digitized by Google

Бетлингомъ и Мурчисономъ съ своими сопутниками. Бетлингъ видѣлъ остатки рыбъ въ песчаникахъ близъ Вытегры, при Онежскомъ озерѣ, а Мурчисонъ преслѣдовалъ ихъ отъ береговъ Волхова до Архангельска. Довольно вѣроятно, что къ этой же системѣ надобно отнести песчаники, видѣнные Беромъ и Бетлингомъ на полуостровѣ Колѣ и при Варангерскомъ заливѣ. Съ среднею или юго-восточною девонскою полосою первоначально познакомилъ насъ Гельмерсенъ. Въ 1841 году, занимаясь въ подмосковныхъ губерніяхъ точнѣйшимъ опредѣленіемъ каменноугольной формаціи, онъ нашелъ, что южный край Московскаго бассейна въ Орловской губерніи, подобно сѣверному въ Новогородской, состоитъ изъ древняго краснаго песчаника, который довольно широкою полосою тянется отъ З. Двины до окрестностей Воронежа*. Это та самая полоса, которую почти въ одно время съ Гельмерсеномъ опредѣлили Мурчисонъ съ Гр. Кейзерлингомъ и Вернейлемъ на пути изъ Таганрога въ Москву, и которую въ послѣдствіи Мурчисонъ назвалъ *геологическою осью Европейской Россіи*. Остальныя изслѣдованія описываемой системы большею частію принадлежатъ тѣмъ же геологамъ, либо Пандеру и Эйхвальду.

Дабы получить ясное понятіе о послѣдовательности Русскихъ девонскихъ осадковъ, мы представимъ общій разрѣзъ системы, начиная отъ самыхъ нижнихъ породъ, залегающихъ на силурскихъ осадкахъ, и постепенно восходя до самыхъ верхнихъ, покрывающихся каменноугольною формаціею. Такой восходящій разрѣзъ можно видѣть по направленію Петербургско-Московскаго шоссе, или, точнѣе сказать, отъ береговъ Волхова, Сяси, Ижоры и Славянки до Валдайскихъ высотъ.

Вдоль береговъ Волхова, около селеній Бора, Выдинъ-острова и Прусыно, на верхнихъ силурскихъ осадкахъ непосредственно лежатъ песчанистые плитняки и известняки, краснаго либо зеленаго цвѣта, съ рухляковыми прослойками и съ такими ископаемыми, которыя ясно показываютъ, что породы эти относятся къ девонской системѣ. Тутъ найдены: Serpula omphalotes (Goldf.), Spirifer mura-

* См. статья Гельмерсена въ Erman's Archiv 1841, H. 2.

Digitized by Google

lis (Vern.), S. speciosus (micropterus, v. Buch), S. Archiaci (Murch.), Terebratula prisca (Schloth.), T. Meyendorfii (Vern.), T. concentrica (v. Buch.), T. ventilabrum (Phill.), Orthis striatula (Schloth.), Productus productoides (Murch.), P. spinulosus (Sow.), и другія раковины, сходныя съ тѣми, какія находятся въ девонскихъ осадкахъ западной Европы. Вмѣстѣ съ означенными раковинами встрѣчаются также рыбы, особенно чешуи Bothriolepis (Eichw. Glyptostcus, Ag.) и Diplopterus, такихъ родовъ, которые почитаются отличительными для Шотландскаго древняго песчаника.

По теченію рѣки Сяси, какъ показываютъ изслѣдованія Графа Кейзерлинга и Пандера*, также можно видѣть непосредственное залеганіе девонскихъ породъ, песчанистыхъ и глинистыхъ, на силурскомъ известнякѣ съ трилобитами. Но въ берегахъ Ижоры эти отношенія являются несравненно въ лучшемъ и полнѣйшемъ развитіи, особенно близъ деревень Варлевы и Онтоловой. Здѣшнія песчаники и рухляки, какъ извѣстно, чрезвычайно богаты девонскими рыбами, и прежде другихъ были наблюдаемы Ак. Эйхвальдомъ**, потомъ Графомъ Кейзерлингомъ и Вертомъ***. Тутъ найдено нѣсколько новыхъ родовъ ископаемыхъ рыбъ, и много такихъ видовъ, которые совершенно одинаковы съ Шотландскими. Къ послѣднимъ относятся: Diplopterus macrocephalus (Ag.), Glyptolepis leptopterus (Ag.), Holoptychius Flemingii (Ag.), Actinolepis tuberculatus (Ag.), Dendrodus strigatus (Owen.), D. sigmoides (Owen) и др. Виды рыбъ донынѣ неизвѣстные въ Шотландіи, и сопутствуемые предыдущими видами, относятся къ родамъ Onchus и Byssacanthus. Тутъ же находятся два вида изъ такого рода, который донынѣ встрѣчался только въ одной каменноугольной системѣ, а именно: Ctenodus Keyserlingii и C. Wörthii. Остальные виды

---

* *Гр. Кейзерлингъ*, Геогност. замѣчанія по берегамъ р. Сяси. Г. Ж. 1843, ч. 3. *Пандера*, Отчетъ въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ по линіи Петербургско-Московской желѣзной дороги и т. д. Г. Ж. 1846. кн. 4.

** Eichwald's, Ueber silurisch-devonische Schichten im St.-Petersburgischen Gouvern. (Leonh. und Bronn's N. Jahrb. f. Mineralogie. 1844.

*** Notiz ueber den alten rothen Sandstein an der Jschora въ Verhandlungen der Mineral. Gesell. zu St.-Peterb. 1844.

Digitized by Google

принадлежатъ къ совершенно новымъ родамъ, которые названы Агасисомъ Homacanthus, Haplacanthus, Narcodes, Naulas и др. Берега Славянки, протекающей почти параллельно съ Ижорою, повидимому имѣютъ одинакій характеръ съ предыдущими. Близъ деревни Марьиной, правый берегъ ея, по изслѣдованіямъ Ак. Эйхвальда, составляетъ продолженіе Онтоловскихъ породъ, и также чрезвычайно богатъ ихтіолитами. Сіи послѣдніе были замѣчены почти въ одно время г. Симашко, Графомъ Кейзерлингомъ и Вертомъ, описаны же Ак. Эйхвальдомъ* и Агасисомъ**.

Во всѣхъ изчисленныхъ мѣстахъ, по теченію Волхова, Сяси, Ижоры и Славянки, девонскіе осадки такъ сходно пластуются съ силурскими, что если бы они не отличались своими ископаемыми, то можно было бы принять ихъ за самый верхній силурскій ярусъ. Но рыбы, въ нихъ заключающіяся, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это особенные осадки, совершенно сходные съ древнимъ краснымъ песчаникомъ Шотландіи; наши рыбы такой же высокой организаціи какой Шотландскія, (poissons placoides); это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онѣ находятся тутъ въ самыхъ нижнихъ девонскихъ пластахъ, и вовсе неизвѣстны въ силурской системѣ***.

---

* Въ Отечест. Запискахъ за Августъ 1844 г.; также въ Bull. de la Société des Natur. de Moscou. 1844. г. IV.

** Въ Géologie de la Russie. Vol. II. 1845. *Agassiz*, Monographie des poissons fossiles du syst. devonien. 1845.

*** До сихъ поръ силурскіе ихтіолиты были извѣстны только въ Англіи, и то въ самомъ маломъ количествѣ и въ одной верхней части системы, сперва въ лудловской, а потомъ и въ венлокской формаціяхъ. Никогда и нигдѣ не находили ихтіолитовъ въ нижнихъ силурскихъ осадкахъ, и потому полагали, что существованіе ихъ началось въ верхней части системы. Но, къ удивленію, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Ак. Эйхвальду встрѣтился кусокъ песчанистаго известняка съ рѣки Ижоры, въ которомъ вмѣстѣ съ нижнесилурскими раковинами находилась и чешуя рыбы, похожей на Holoptychius (Bull. de la Société des Natur. de Moscou. Cah. VI. 1844. Отечеств. Зап. 1844. к. IX); также Пандеръ нашелъ рыбій позвонокъ въ рѣкѣ Сяси, вмѣстѣ съ силурскимъ трилобитомъ Illaenus. Обстоятельство весьма замѣчательное, если оно подтвердится послѣ-

Digitized by Google

Теперь продолжимъ разрѣзъ къ югу, въ Новгородскую губернію. Около Чудова, на берегахъ небольшой рѣчки Керести, мы находимъ известнякъ плотный либо желваковатый, нечистаго красноватобѣлаго цвѣта, и съ значительнымъ паденіемъ; но первоначально известнякъ этотъ, по всѣмъ признакамъ, образовался въ спокойномъ морѣ. Онъ весь прорѣзанъ водорослями или какими-то вѣтвистыми тѣлами; животные остатки улеглись въ немъ тихо, безъ всякаго возмущенія, и всѣ принадлежатъ къ девонскому періоду, таковы: Serpula omphalotes (Goldf.), Spirifer muralis (Vern.), Sp. Archiaci (Murch.), Sp. ventilabrum (Phill.), стебли энкриниговъ, пентакринитовъ и т. д. Мурчисономъ этотъ известняковый осадокъ принимается за самый нижній ярусъ; но, по увѣренію Пандера, подъ нимъ лежитъ еще осадокъ, песчаный, не рѣдко весьма значительный, и по свойству ископаемыхъ совершенно сходный съ верхними пластами*. Чудовскіе известняки послѣ Гильденштедта впервые хорошо изслѣдованы Гельмерсеномъ.

Нѣсколько южнѣе Чудова, въ окрестностяхъ селенія Холопья-Полисть, на правомъ берегу Полисти, каменноломнями обнаружены известняковые пласты особаго рода. Принимая въ соображеніе общее склоненіе пластовъ, Мурчисонъ полагаетъ, что они лежатъ на высшемъ горизонтѣ сравнительно съ прежними, и прикрываютъ ихъ собою. Они состоятъ изъ плитныхъ известняковъ, краснаго либо бѣловатаго цвѣта, частію плотныхъ, частію песчанистыхъ и желваковатыхъ. Кромѣ нѣкоторыхъ раковинъ и водорослей, тутъ встрѣчаются ихтіолиты, относящіеся къ родамъ Diplopterus (Ag.) и Bothriolepis (Echw).

Еще южнѣе въ Валдайскихъ высотахъ и въ холмистыхъ окрестностяхъ озера Ильмень (около селенія Коростыля и Буреги), описанные нами известняки покрываются другими девонскими породами, красными и зелеными рухляками либо глинами, и плитнымъ песчанистымъ

дующими наблюденіями, и если силурскіе остатки случайно не перемѣшались тутъ съ девонскими.

* Отчетъ въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ по линіи С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги Г. Ж. 1846. Кн. IV.

Digitized by Google

известнякомъ краснаго цвѣта. Къ югу отъ озера Ильменя означенныя породы имѣютъ чрезвычайную толщину, болѣе 600 футовъ, и заключаютъ въ себѣ гипсъ и Старо-Русскіе разсолы, а быть можетъ и соль*. Этотъ рядъ осадковъ составляетъ самую верхнюю часть девонской системы и скрывается подъ каменноугольную формацію Московскаго бассейна, что превосходно можно видѣть въ крутыхъ берегахъ Прыкши, Мсты и Бѣлой, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ разработка каменнаго угля. Въ берегахъ Прыкши девонскіе осадки, покрытые каменноугольною системою, состоятъ изъ рухляковъ и известняковъ, разнаго цвѣта, и до того изобилуютъ остатками ихтіолитовъ, что многіе пласты почти единственно образованы изъ рыбьихъ костей и чешуй. Три вида изъ числа ихъ совершенно одинаковы съ Шотландскими, а именно: Holoptychius nobilissimus, Bothriolepis favosa и Diplopterus macrocephalus. Наконецъ все это покрывается песками и смолистыми сланцами, въ которыхъ девонскія рыбы смѣняются уже каменноугольными растеніями, и которые слѣдовательно довольно ясно разграничиваютъ девонскую систему отъ горнаго известняка. Разрѣзы по рѣкѣ Мстѣ въ сущности представляютъ тоже самое, и въ послѣднее время весьма подробно описаны Пандеромъ**.

И такъ отъ сѣверныхъ предѣловъ Петербургской губерніи до Валдайскихъ высотъ, девонская система, прямо залегающая на силурской, состоитъ изъ разноцвѣтныхъ песчаниковъ и рухляковъ, перемежающихся съ известняками; первые (песчаники и рухляки) преимущественно изобилуютъ остатками рыбъ, а вторые (известняки) раковинами и прочими ископаемыми; слѣдовательно въ этомъ пространствѣ наша девонская система, можно сказать, соединяетъ въ себѣ Шотландскіе осадки съ Девонширскими. Въ юго-западномъ направленіи отъ типическаго разрѣза, въ Лифляндіи и Курляндіи, она удерживаетъ тотъ же ха-

---

* *Пандеръ*, О возможности нахожденія каменной соли въ Новгородской губерніи. Г. Ж. 1844. Кн. III.

** Отчетъ въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ по линіи С.-Петербургско-Московск. желѣзной дороги. Г. Ж. 1846. Кн. IV.

Digitized by Google

рактеръ съ нѣкоторыми небольшими отличіями. Въ Курляндіи ее составляютъ большею частію известняки, весьма небогатые ископаемыми. Вообще они имѣютъ горизонтальное положеніе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно съ приближеніемъ къ Лифляндской границѣ, подверглись волнообразному искривленію. Вдоль Западной Двины, отъ Риги до Кирхгольма и Кокенгузена, такое искривленіе мѣстами доходитъ до разрыва. Около Кирхгольма девонскіе осадки состоятъ изъ четырехъ известняковыхъ пластовъ, изъ коихъ одинъ заключаетъ остатки одностворчатыхъ раковинъ Rotella и Natica. Въ окрестностяхъ Кокенгузена берега небольшой рѣчки Перзе представляютъ высокій разрѣзъ, въ которомъ самый нижній рухляково-известняковый ярусъ содержитъ остатки рыбъ Cteracanthus serrulatus и Osteolepis major, одинакіе съ Шотландскими. Залегающій надъ ними песчанистый известнякъ отличается отпечатками водорослей либо зоофитовъ. Между Ригою и Дерптомъ девонскіе осадки являются большею частію въ видѣ мягкихъ и рыхлыхъ песчаниковъ съ пестрыми глинами; въ этомъ пространствѣ Проф. Асмусомъ и Пандеромъ найдены тѣ замѣчательные образцы ископаемыхъ рыбъ, о которыхъ мы говорили выше. Къ южнымъ границамъ Эстляндіи девонскія породы смѣняются уже бѣлымъ силурскимъ известнякомъ, въ которомъ заключается Pentamerus borealis (Eichw.), и который въ первый разъ отличёнъ и описанъ Пандеромъ*. Отъ Дерпта девонскія породы тянутся къ Чудскому озеру, оттуда къ Нарвѣ, Ямбургу и Гатчинѣ. Въ сихъ мѣстахъ силурская и девонская системы были наблюдаемы Графомъ Кейзерлингомъ и Вертомъ**, г. Симашкою***, и особенно Проф. Куторгою****, который употребилъ на это два лѣта сряду 1845 и 1846 г.

---

* *Пфейферъ*, Геогностическое описаніе формацій, занимающихъ Остзейскія и приграничныя съ ними губерніи. Г. Ж. 1843. Кн. III.

** Ueber das silurische und devonische Schichtensystem von Gatschina, въ Verh. der Miner. Gesellsch. Peterb. 1844.

*** Въ Bull. de la Société des Natur. de Moscou. 1845. N° I.

**** Въ I-мъ томѣ разсматриваемаго сочиненія, стр. 188—194, 310—312.

Digitized by Google

Слѣдствіемъ такого изслѣдованія было, во-первыхъ, болѣе точное опредѣленіе границъ силурской системы съ девонскою; во-вторыхъ, показана особенность Гатчинскаго известняка отъ тѣхъ, которые находятся въ Пулковѣ, около Царскаго Села, на Ижорѣ и Славянкѣ; въ третьихъ, опредѣлена девонская система отъ восточныхъ береговъ Чудскаго озера до Псковскаго, въ окрестностяхъ Гдова, въ значительной части Лужскаго уѣзда до Черменецкаго озера, и съ этимъ вмѣстѣ доказано, что девонскіе осадки, наблюдаемые Графомъ Кейзерлингомъ и Вертомъ по рѣкѣ Ижорѣ, не составляютъ тутъ отдѣльнаго, островнаго образованія, но примыкаютъ къ обширной девонской полосѣ сѣвернаго бассейна.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли девонскую систему на протяженіи отъ Петербурга до Валдая, и отъ Валдая до Риги и Митавы; вездѣ видѣли одинъ и тотъ же характеръ, перемежаемость известняковъ съ рухляками, ихтіолитовъ съ раковинами; но въ сѣверовосточномъ направленіи этотъ характеръ совершенно измѣняется. Дѣйствительно, на всемъ протяженіи отъ Онежскаго озера до Архангельска девонская система состоитъ изъ однѣхъ глинъ, песчаниковъ и рухляковъ; известняковъ нигдѣ не замѣчено; съ этимъ вмѣстѣ, не замѣчено въ ней и тѣхъ раковинъ, какими изобилуютъ Петербургскіе и Новогородскіе осадки; однѣ рыбы составляютъ принадлежность этихъ песчаныхъ и глинистыхъ породъ. Очевидно, девонская система Олонецкой и Архангельской губерній имѣетъ все сходство съ Шотландскою, не смотря на огромное пространство, ихъ раздѣляющее. Она преимущественно осмотрѣна Мурчисономъ съ своими сотоварищами, и отчасти Поручикомъ Ерофѣевымъ*. Къ юго-западу отъ Онежскаго озера, высокіе берега Вытегры, Андомы, и восточные берега самаго озера состоятъ изъ рыхлыхъ песчаниковъ и мергелей, краснаго и зеленаго цвѣта, заключающихъ въ себѣ остатки Diplopterus, Glyptosteus, Holoptychius, Pterichtys major (въ берегахъ Андомы;) послѣдній родъ въ Россіи служитъ однимъ изъ немногихъ представителей семей-

* О древ. красн. песчаникѣ на Андомской горѣ. Г. Ж. 1846. ч. I.

Digitized by Google

ства Cephalaspides. Тутъ же въ окрестностяхъ Андомы, красные девонскіе осадки покрыты каменноугольными породами, изъ которыхъ состоятъ всѣ здѣшнія возвышенности. Около Петрозаводска и въ другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ мягкія и рыхлыя девонскія породы измѣнены діоритами въ твердыя кремнистыя. Отъ Онеги до Архангельска еще не сдѣлано подробныхъ изслѣдованій, но, основываясь на томъ, что тамошняя почва имѣетъ красный цвѣтъ, заключаетъ нѣсколько соленыхъ источниковъ, полагаютъ, что девонская система должна простираться до Бѣлаго моря.

Наконецъ обращаюсь къ юго-восточному направленію системы, которое Мурчисонъ называетъ *центральною* или *геологическою осью Европейской Россіи*. Подъ этимъ названіемъ разумѣетъ онъ широкую девонскую полосу въ самой срединѣ Россіи. Явнымъ образомъ она обнажена въ берегахъ Оки, ниже и выше Орла, и въ берегахъ Дона, сѣвернѣе и южнѣе Воронежа. Въ этомъ пространствѣ девонскія породы образуютъ бугоръ или плоскую возвышенность, подымающуюся на 800 футовъ надъ моремъ, и простирающуюся почти на 300 верстъ въ направленіи отъ Орла къ Воронежу. Къ сѣверо-западу отъ Орла девонскія породы покрыты наносами, но, основываясь на изслѣдованіяхъ Проф. Блазіуса, можно полагать, что образованіе это простирается до Орши, и тамъ сливается съ западными девонскими осадками. Среднею девонскою возвышенностію, по весьма остроумному замѣчанію Мурчисона, Европейская Россія дѣлится на два геологическіе бассейна, сѣверный и южный, различные не только по своему положенію, но и по свойству самыхъ формацій. Та часть сѣвернаго бассейна, которая ограничена съ одной стороны Новогородскою девонскою системою, а съ другой среднею или центральною, называется Московскимъ бассейномъ. Въ стратиграфическомъ отношеніи юго-восточная девонская полоса имѣетъ совершенное сходство съ сѣверною, при-Балтійскою; съ приближеніемъ къ Московскому бассейну та и другая скрываются подъ каменноугольными осадками. Въ литологическомъ смыслѣ все различіе соститъ въ томъ, что южной полосѣ гораздо менѣе, нежели сѣверной, прилично названіе древняго *краснаго песчаника;*

Digitized by Google

она заключаетъ очень мало песчаниковъ, и нигдѣ не замѣчается въ ней породъ краснаго цвѣта; напротивъ, она почти единственно состоитъ изъ желтаго, либо сѣраго известняка, мѣстами до того проникнутаго горькоземомъ, что безъ помощи органическихъ признаковъ невозможно отличить его отъ цехштейна, формаціи гораздо новѣйшаго происхожденія. Сверхъ того, южная и сѣверная полосы различаются между собою относительнымъ количествомъ ископаемыхъ; въ сѣверной преобладаютъ рыбы числомъ родовъ и видовъ; въ южной, напротивъ, преобладаютъ моллюски, рыбъ же очень мало. Судя по нынѣшнему размѣщенію животныхъ, полагаютъ, что одна изъ этихъ полосъ, а именно сѣверная, должна образоваться въ открытомъ морѣ или на значительной глубинѣ, а другая при берегахъ того же моря, или по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ не слишкомъ глубокихъ. Укажемъ на нѣкоторыя подробности.

Напластованіе южной девонской системы всего яснѣе представляютъ поперечные разрѣзы, образуемые рѣками Окою и Дономъ. По теченію первой, отъ Орла до Лихвина и Перемышля замѣчательны въ особенности слѣдующія мѣста. Въ окрестностяхъ Орла, нѣсколько южнѣе города, правый берегъ Оки представляетъ цѣлый рядъ каменоломень, изъ которыхъ добывается известнякъ. Въ самыхъ нижнихъ слояхъ этихъ обширныхъ каменоломень находятъ въ большомъ количествѣ обломки мелкихъ ихтіолитовъ, которые относятся къ тѣмъ же видамъ, какіе свойственны нижнедевонскимъ слоямъ сѣверной полосы около Прусыно и Чудова (Diplopterus и Bothriolepis). Верхніе слои напротивъ содержатъ множество раковинъ, особенно Arca Oreliana (Wern.); изъ остатковъ одного этаго вида образуются цѣлые пласты, въ сопровожденіи Serpula omphalotes и др. — На сѣверъ отъ Орла, при деревнѣ Отрада, скалистый берегъ Оки состоитъ изъ многихъ известняковыхъ пластовъ съ прослойками глинъ и песковъ; въ нижнихъ пластахъ находятся отпечатки водорослей, мелкіе обломки ихтіолитовъ и раковины, подобныя тѣмъ, какія встрѣчены въ окрестностяхъ Чудова (Spirifer Archiaci, S. Anosofii, Terebratula ventilabrum, Orthis striatula и др.). Одинъ изъ верхнихъ слоевъ составленъ изъ безчисленнаго множества мел-

Digitized by Google

кихъ раковинъ, имѣющихъ большое сходство съ Venus gemma, которая встрѣчается въ девонской системѣ Сѣверной Америки. — Вблизи города Мценска, въ нѣкоторыхъ обнаженіяхъ находятся рыбьи чешуи, Arca Oreliana (Vern.), характеристическая для верхнихъ слоевъ около Орла и для среднихъ около деревни Отрады. — На пространствѣ отъ г. Мценска къ Бѣлеву, и отъ Бѣлева къ Лихвину, девонскіе известняки, кромѣ прежде упомянутыхъ ископаемыхъ, заключаютъ Orthoceratites vermicularis (Vern.) Cytherina, Terebratula Puschiana (Vern.), T. livonica (v. Buch.). T. pleurodon, Evomphalus acutus (Sow.) и др. сопровождаемыя остатками Holoptychius. На рубежѣ Московской котловины къ сѣверу отъ Лихвина южныя девонскія породы скрываются подъ каменноугольными.

По теченію Дона и его притоковъ девонскіе осадки встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, около гг. Данкова, Лебедяни, Задонска, но всего лучше видны вблизи Воронежа на лѣвомъ берегу небольшой рѣчки Дѣвицы. Тутъ глины, рухляки и пески покрываются известковоглинистыми плитняками; эти самые плитники, по свидѣтельству Мурчисона, заключаютъ несравненно бо́льшее число отличительныхъ ископаемыхъ, нежели какой-либо слой въ другихъ частяхъ Россіи. Они не только изобилуютъ девонскими ископаемыми, какія извѣстны въ Булонѣ, Эйфелѣ и Девонширѣ, но содержатъ также остатки ихтіолитовъ, и все это при толщинѣ слоевъ около семи футовъ. Въ числѣ наиболѣе характеристическихъ раковинъ прежде извѣстныхъ тутъ находятся Spirifer Verneulii, Productus caperatus, Leptaena Dutertrii, Terebratula aspera; между вновь открытыми видами Spirifer Anosofii (Vern.) Leptaena Fischeri (Vern.), L. asella (Vern.). Этотъ замѣчательный слой, по вѣроятному предположенію Мурчисона, принадлежитъ къ числу нижнихъ слоевъ южной полосы, не потому что Воронежъ лежитъ на низшемъ горизонтѣ сравнительно съ Орломъ, но по свойству самыхъ ископаемыхъ; сходныя съ ними вездѣ находятся въ нижнедевонскихъ осадкахъ. Мурчисонъ сравниваетъ ихъ съ девонскими известняками Булоне, потому что извѣстно уже покрайней мѣрѣ 12 видовъ раковинъ, общихъ той и другой мѣстности.

Digitized by Google

О средней девонской возвышенности мы будемъ говорить еще при описаніи каменноугольной формаціи, а теперь обратимся къ Тиманскому хребту.

Мы сказали выше, что девонскія породы идутъ широкою полосою по направленію Тиманскаго хребта. Тутъ онѣ состоятъ изъ красныхъ, либо зеленоватыхъ песковъ и рухляковъ, либо глинъ, заключающихъ много отличительныхъ раковинъ. Тутъ же найдены нѣкоторые остатки коралловъ и рыбъ; изъ первыхъ наичаще встрѣчаются Lithodendron caespitosum, Stromatopora polymorpha, Fenestella antiqua, изъ вторыхъ, по опредѣленію Пандера, Bothriolepis favosa, B. ornata Pterichtys major (Eichw.), P. cellulosus (Pand.), Lambodus hastatus, Dimeracanthus concentricus, и между прочимъ Coccosteus obtusus (Pand.), родъ весьма обыкновенный въ Шотландіи и нигдѣ не встрѣчающійся въ Россіи, кромѣ Тиманскихъ горъ, на берегахъ рѣки Ухты. По теченію той же рѣки, впадающей при деревнѣ Усть-Ухта въ Ижму, подъ девонскими породами залегаетъ особаго рода смолистый сланецъ, извѣстный тамъ подъ названіемъ *доманика*. Въ тамошнемъ краю и въ сосѣднихъ губерніяхъ употребляютъ его на столовыя доски и другія издѣлія, похожія на черный мраморъ. Но главный интересъ доманика состоитъ въ его геологическомъ значеніи. Мѣстами онъ заключаетъ въ себѣ почки или даже пласты кристаллическаго темносѣраго известняка, который нисколько не проникнутъ смолою, и пренаполненъ окаменѣлостями, рѣдко встрѣчающимися въ самомъ сланцѣ. Наполненіе сланца горною смолою, безъ всякаго сомнѣнія, предшествовало образованію известняка, химически осѣвшаго около раковинъ. Но, что особенно замѣчательно, раковины эти представляютъ, по опредѣленію Графа Кейзерлинга, совершенно новые виды для Россіи, а именно: Tentaculites tenuis, T. annulatus, Cardiola tonuistriata, C. concentrica, C. articulata, C. retrostriata, Naticopsis Domanicensis, Orthoceratites sabflexuosus, O. carinatus, Goniatites cinctus, G. strangulatus, G. retrorsus, G. acutus, G. bisulcatus, G. Uchtensis и др. Доманиковый сланецъ, очевидно, составляетъ новую группу, которая залегаетъ подъ обыкновенными девонскими осадками. Группа эта, по своимъ органическимъ признакамъ, имѣетъ сходство съ древними гоніатитовыми сланцами

Digitized by Google

Германіи и Англіи. Она особенно удивительна по малому числу Brachiopoda и *кораллов*, животныхъ, обитающихъ въ глубокихъ моряхъ. По этому можно полагать, что она представляетъ мѣстную формацію. Графъ Кейзерлингъ готовъ былъ даже принять ее за верхній силурскій ярусъ; но въ слѣдствіе новыхъ наблюденій, произведенныхъ Вернёйлемъ въ Сѣв. Америкѣ, эти сомнѣнія совершенно уничтожены; всѣ осадки, залегающіе ниже каменноугольныхъ, и изобилующіе гоніатитами или клименіями, относятся къ нижнему ярусу девонской системы*. Въ слѣдствіе такого общаго характера и нѣкоторыхъ другихъ наблюденій, всѣ породы, древнѣйшія каменноугольной, на Рейнѣ и на Гарцѣ должны имѣть одинакое значеніе съ девонскими породами Россіи и Англіи.

Такимъ образомъ изслѣдованіе девонскихъ осадковъ въ Россіи не оставляетъ никакого сомнѣнія, что это есть особая система, средняя между силурскою и каменноугольною, что рыбы и моллюски, встрѣчающіяся въ западной Европѣ отдѣльно, въ небольшихъ бассейнахъ, въ Россіи, покрытой нѣкогда огромными девонскими морями, жили въ одно время, и потому встрѣчаются вмѣстѣ. Въ слѣдствіе той же обширности, наши девонскія моря заключали гораздо бо́льшее разнообразіе животныхъ, нежели какъ это было въ другихъ странахъ. Замѣчаніе это преимущественно относится къ рыбамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, по изслѣдованіямъ Агасисса, совершенно сходны съ Шотландскими, другія исключительно принадлежатъ Россіи. Агассисъ описалъ около 47 видовъ Русскихъ девонскихъ рыбъ; это составляетъ почти половину всѣхъ извѣстныхъ; изъ сего числа 18 видовъ общи Россіи съ Шотландіею, а 29 принадлежатъ собственно Россіи. Изъ этого видно, до какой степени изслѣдованіе Россіи способствовало умноженію нашихъ свѣдѣній о девонскихъ животныхъ, и вообще прояснению всей девонской системы.

Г. Щуровскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* Г. Ж. 1847 г. стр. 383.

Digitized by Google

95. Библіотека восточныхъ историковъ, изд. И. Березинымъ, Професс. Казанскаго Университета. Т. I. Шейбаніада. Исторія Монголо-Тюрковъ на Джагатайскомъ діалектѣ, съ переводомъ, примѣчаніями и приложеніями. Казань. 1849. Стр. LXXIX и 80, кромѣ приложеній.

Монголы слишкомъ любопытны для насъ. До сихъ поръ мы имѣли только два важныхъ сочиненія объ этомъ народѣ—знаменитаго отца Іакинѳа (Записки о Монголіи, и Исторію первыхъ четырехъ Хановъ). Есть еще краткая Исторія Монголовъ, В. В. Григорьева. А работы предлежитъ много.

«Изученіе Монгольскаго періода Русской Исторіи, говоритъ авторъ, весьма поучительное для Историка-наблюдателя, для Русскаго изслѣдователя составляетъ предметъ большой важности, тѣмъ болѣе, что возникшія въ послѣднее время сомнѣнія и появленіе новыхъ данныхъ бросаютъ на этотъ періодъ нашей исторіи иную тѣнь. До нынѣ, однако, ни одинъ Русскій оріенталистъ не посвятилъ своего дарованія разработыванію русско-монгольскихъ соотношеній, а изъ иностранцевъ представленная Г-мъ Гаммеромъ Geschichte des Coldenes Horde не была признана удовлетворительной по многимъ причинамъ. Не желая оставаться дѣятелемъ, совершенно чуждымъ Русской Исторіи, и сознавая въ то же время слабость силъ моихъ и ограниченность средствъ, я рѣшился приступить къ собиранію и обнародованію въ подлинникѣ и переводѣ сказаній восточныхъ писателей о Монголахъ, а также и о Тюркскихъ и другихъ племенахъ, обитавшихъ въ первобытной Россіи, пополняя эти извѣстія извлеченіями изъ географовъ мусульманскихъ.»

«Предлагаю на первый разъ небольшую исторію Монголо-Тюрковъ.... Авторъ дѣлитъ свою книгу на два отдѣленія: въ первомъ разсказывается коротко исторія Монгольскихъ и Тюркскихъ племенъ сообразно съ Мусульманскимъ преданіемъ отъ Ноя до вступленія на императорство Чингизъ-хана. Это отдѣленіе могло бы быть весьма интереснымъ, если бы авторъ имѣлъ подъ рукою источники кромѣ Рашидъ Эд-диновой исторіи, къ которой онъ часто отсылаетъ читателя, и если бъ даже при одной этой исторіи авторъ съ умѣньемъ исполнилъ выборъ фактовъ.»

«Второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ неполныя историческія извѣстія о племени Гконгиратъ, состоявшемъ въ родствѣ по женской линіи съ многими Монгольскими ханами. Устремивъ свое вниманіе преимущественно на это родство, авторъ весьма не

Digitized by Google

много говоритъ о другихъ племенахъ, о Чингизъ Ханѣ, его сыновьяхъ, но болѣе о Гконгиратскихъ Бекахъ, даетъ родословную Абуль Хаиръ Хана и его наслѣдниковъ, и оканчиваетъ это отдѣленіе семью благочестивыми Султанами. Это отдѣленіе изложено еще съ большею непослѣдовательностью, нежели предыдущее, но оно даетъ возможность пополнить и исправить родословіе Бухарскихъ Хановъ, изложенное у Абуль Гази и Мухаммедъ Юсуфа Эльмунши.»

«Собственно этимъ отдѣленіемъ и должно бы оканчиваться сочиненіе, но авторъ снова принимается за разсказъ и излагаетъ довольно подробно исторію междоусобій по смерти Абуль-Хаиръ Хана и походы Мухаммедъ Шейбани Хана, внука Абуль Хаирова, заключая это повѣствованіе смертію Шейбани Хана въ битвѣ съ Персидскимъ Шахомъ Измаилемъ, что случилось въ 1510 году по Р. Х. Здѣсь авторъ объявляетъ титулъ своей книги—«Шейбани намэ» Шейбаніада.»

«Изъ содержанія его книги мы можемъ только заключить, что онъ жилъ не позже первой половины XVI столѣтія, а приводимыя имъ генеалогіи заставляютъ думать, что сочиненіе его написано не раньше 1510—1530 года.»

Въ приложеніяхъ помѣщенъ переводъ описанія Мавераннагра изъ Всеобщей Географіи Хаджи Хальфы и нѣсколько статей, доставленныхъ ему ученымъ Монголомъ кандидатомъ Казанскаго Университета, Банзаровымъ, относительно Монгольской Исторіи; наконецъ, указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и переводѣ.

Въ слѣдующихъ книгахъ Библіотеки Восточныхъ Историковъ Г. Березинъ предполагаетъ помѣстить:

I) Сокращенный переводъ Татарской рукописи: «Изложеніе Болгарскихъ повѣствованій,» соч. Шеферъ Эд-дина бенъ Хюсамъ Эд-дина Болгарскаго, съ примѣчаніями, мемуаромъ о Болгарахъ, Болгарскими надписями и небольшимъ отрывкомъ Татарскаго текста подлинника.

II) Текстъ и переводъ Татарской рукописи «Собраніе хроникъ,» принадлежащей Библіотекѣ Казанскаго Университета, съ примѣчаніями и Географическими приложеніями.

III) Переводъ исторіи Абуль-Гази (уже оканчиваемый Профессоромъ Саблуковымъ) съ варіантами изъ рукописи Азіятскаго музея С.-Петербургской Академіи Наукъ, примѣчаніями переводчика и издателя и географическими приложеніями.

Digitized by Google

IV) Переводъ Исторіи Монголовъ Бенакети, (въ пер. Г. Холмогорова) по рукописямъ Азіатскаго музея С.-Петербургской Академіи Наукъ и Библіотеки Казанскаго Университета, съ примѣчаніями переводчика и издателя и Географическими приложеніями.

Г. Березинъ обѣщаетъ намъ дѣятельнаго оріенталиста. Онъ видно не поддается восточному кейфу, который въ союзѣ съ Русской лѣнью овладѣваетъ многими изъ нашей братьи, восточниковъ и западниковъ. Не давно издалъ онъ свое путешествіе. И вотъ теперь новое сочиненіе, которое безъ сомнѣнія стоило ему большаго труда. Ожидаемъ окончательнаго приговора отъ законныхъ судей, и впередъ увѣрены, что они встрѣтятъ благосклонно это произведеніе Русской учености. *М. П.*

96. Жизнь Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго. Сочиненіе И. Чичагова, 145. XIV. Спб. 1849.

Было время въ нашей литературѣ, когда вмѣстѣ съ торжественно-громкими одами въ большомъ ходу были и похвальныя слова — тѣ же оды, писанныя только прозою. Писатели восторгались, геройствовали сами — и потому во всякомъ лицѣ, которое восхваляли, они видѣли непремѣнно какого-то идеальнаго героя со всѣми совершенствами и высокими добродѣтелями. Само собою разумѣется, что это былъ поэтическій восторгъ, условливаемый временемъ, историческими причинами и весьма умѣстный въ одахъ и даже иногда въ похвальныхъ словахъ. Но дѣло въ томъ, что съ тою же восторженностію, съ тѣмъ же геройскимъ *пою*, сочинители принимались и за біографіи знаменитыхъ людей. Разверните любую *жизнь* какого бы-то ни было извѣстнаго лица—вы съ первыхъ же словъ увидите, что дѣло идетъ вовсе не о жизни, а о восхваленіи громкихъ подвиговъ героя, объ оправданіи всѣхъ его слабостей, которыхъ разумѣется не лишенъ каждый человѣкъ, хотя бы и геніальный. Такимъ образомъ вмѣсто простой, но дѣльной, безпристрастной біографіи вы читаете большею частію

Digitized by Google

Панегирикъ или громогласное, фразистое похвальное слово, неправильно названное жизнію такого-то лица.

«Писать исторію дѣяній Великаго Мужа, любезные соотечественники! Мужа, извѣстнаго всей Европѣ по уму и побѣдамъ своимъ, есть предметъ, превышающій силы мои,— говоритъ одинъ біографъ Румянцова-Задунайскаго, начиная свой обильный краснорѣчіемъ Панегирикъ. — «Великое искуство требуется, продолжаетъ онъ, изобразить характеръ такого полководца, съ которымъ немногихъ можно сравнить, въ разсужденіи способностей и дарованій, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ.» *) Поставивъ себя въ такое затруднительное положеніе, авторъ не могъ уже глядѣть на вещи просто; къ каждому событію въ жизни избраннаго имъ героя онъ подходилъ съ какимъ-то подобострастнымъ удивленіемъ и зрѣніе его совершенно помрачалось отъ лучей славы и геніальности этого героя. Все, что составляетъ собственно жизнь лица, т. е. такъ называемыя мелочи повседневнаго быта, коренныя черты характера — всегда оставлялись въ сторонѣ, какъ предметы неумѣстные въ біографіи, между тѣмъ они-то и могутъ объяснять и громкіе подвиги и не менѣе громкія неудачи великихъ людей. Прежніе писатели даже не понимали, какъ можно давать какую-либо цѣну мелкимъ чертамъ характера великаго человѣка.

«Герой (имрк) приводитъ всѣхъ въ удивленіе, которые чувствуютъ цѣну великихъ его дѣлъ. *Но странное любопытство влечетъ многихъ, знать и малѣйшія подробности о жизни знаменитыхъ мужей.* Въ такомъ случаѣ раждаются пустые разсказы, химерическіе анекдоты, выдуманные праздными людьми и обезображенные невѣжествомъ, чуждымъ всякой истины.» — А если уже въ самомъ дѣлѣ ни пустыхъ разсказовъ, ни химерическихъ анекдотовъ опровергнуть нельзя и они вовсе не чужды истины—въ такомъ случаѣ панегиристъ дѣлалъ обыкновенно легонькую уступку.

«Правда онъ (т. е. избранный герой) въ молодыхъ лѣтахъ былъ горячъ и пылокъ. Но какой щастливецъ можетъ похва-

---

* Жизнь, характеръ и военныя дѣянія Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, въ 4 частяхъ. М. 1803. (Соч. С. Созоновича).

Digitized by Google

литься, что въ юношествѣ не былъ обуреваемъ страстями съ какой нибудь стороны, которыя сильно дѣйствуютъ и въ старости?» — и потомъ разсуждалъ: «сіе предоставляемъ судить знающимъ частную и уединенную его жизнь; а извѣстно только, что онъ воспитанъ строгими родителями по обыкновенію нашихъ прародителей. Почему всякъ благородномыслящій долженъ отвергнуть всѣ слухи, разсѣянные въ поношеніе сему знаменитому мужу, какъ недостойные вниманія умнаго человѣка; ибо славныя дѣла его и подвиги, оказанные съ равною чрезъ всю его жизнь ревностію къ пользѣ отечества, оправдываютъ великой его духъ и разумъ.»

Изъ этой выписки достаточно видно, какъ понимали свое дѣло наши прежніе біографы. Они не считали своею обязанностію знать частную жизнь лица и описывали только жизнь офиціальную, праздничную, въ которой мы всѣ являемся рыцарями безъ упрека. Далѣе, все, что противорѣчило восторженному удивленію и благоговѣнію предъ героемъ, старые біографы отвергали, считали недостойнымъ вниманія умнаго человѣка.

Въ настоящее время, конечно, трудно выдти съ подобною біографіею: поэтическій жаръ, ораторскій восторгъ значительно поутихли; требованія сдѣлались холоднѣе, строже. Несмотря на то, способъ писать біографіи въ сущности остается все тотъ же. Улучшенія сдѣланы только съ внѣшней стороны; въ бо́льшей части появившихся въ послѣднее время біографій встрѣчается уже гораздо менѣе фразъ и гораздо болѣе дѣла, т. е. болѣе данныхъ о жизни лица. Но главный характеръ біографіи не измѣнился — она еще до сихъ поръ все тотъ же Панегирикъ и тотъ же Сборникъ извѣстій, неосвѣщенный критикою и имѣющій въ виду одну только офиціальную сторону жизни.

Подтвержденіемъ этому можетъ служить предлежащая *Жизнь Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго*. Собственно о жизни Кагульскаго героя въ этой новой біографіи нѣсколько строкъ, двѣ-три странички,—остальное, т. е. почти вся книга трактуетъ только о войнахъ, еще болѣе о причинахъ войнъ, о Польшѣ, о тогдашней Европейской политикѣ; излагаетъ всѣ подробности походовъ, мелкихъ сшибокъ, незначительныхъ военныхъ движеній и т. п.

Digitized by Google

Все это, какъ видите, нисколько не относится къ жизни Задунайскаго, даже нисколько не объясняетъ, въ чемъ именно заключался геній Румянцова, какъ полководца. Описаніе битвъ, военныхъ движеній, взятія крѣпостей и пр. важно и необходимо для біографіи на столько, на сколько это можетъ уяснить дарованія полководца и все то, что пріобрѣтаетъ его геніемъ военное искуство. Всѣ же мельчайшія подробности въ описаніи военныхъ дѣйствій, неидущія къ дѣлу въ показанномъ отношеніи, вовсе неумѣстны въ біографіи, они только затемняютъ ее; при томъ и читать ихъ, не имѣя въ виду знакомства съ личностью полководца, — скука невыносимая. Между тѣмъ большая половина книги наполнена именно такими подробностями, выписанными, разумѣется, изъ реляцій. Съ любопытствомъ мы остановились только на описаніи дѣйствій Румянцова въ должности Генералъ-Губернатора Малороссіи. Особенныхъ подробностей, какихъ по всей справедливости можно требовать въ этомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ; но все-таки описаніе любопытно и важно по приведенной авторомъ инструкціи, которая дана была Румянцову Императрицею Екатериною II, при возложеніи на него должности Малороссійскаго Намѣстника. Здѣсь авторъ говоритъ между прочимъ, что «Графъ самъ полюбилъ прекрасную страну, ввѣренную его заботамъ, привыкъ до такой степени къ особенностямъ ея нарѣчія, что это было замѣтно въ его разговорѣ и пр.» — Такимъ образомъ у автора знакомство Графа съ Малороссіею начинается повидимому только со времени поступленія его въ управленіе этою страною; между тѣмъ какъ Г. Созоновичъ въ своей біографіи говоритъ, что Румянцовъ «*воспитывался* и жилъ по большой части въ Малой Россіи. По сей-то причинѣ онъ былъ весьма привязанъ къ Малороссіянамъ и произношеніе языка имѣлъ не чисто Русское.» Въ этомъ случаѣ конечно должно болѣе вѣрить Г. Созоновичу. Вообще изъ сочиненія Г. Чичагова вы не составите себѣ никакого цѣльнаго, связнаго понятія о Графѣ Румянцовѣ, и останетесь съ тѣмъ же запасомъ свѣденій, который получили изъ прежнихъ его біографій. Конечно, существуетъ много условій, при которыхъ нельзя написать дѣльной, удовлетвори-

Digitized by Google

тельной біографіи, особенно, если лицо, котораго жизнь описывается, не слишкомъ отдалено отъ насъ временемъ. Но въ такомъ случаѣ обязанность добросовѣстнаго біографа тщательно собрать въ одно мѣсто всѣ разсѣянныя тамъ и сямъ извѣстія и матеріалы, тщательно пересмотрѣть собранное и представить такимъ образомъ для будущихъ біографовъ возможно полную и вѣрную компиляцію. Г. Чичаговъ не имѣлъ этого въ виду и весьма мало воспользовался даже трудами прежнихъ жизнеописателей Румянцова, не говоря уже о другихъ матеріалахъ, въ которыхъ недостатка нѣтъ.

По всему видно, что жизнь Румянцова для Г. Чичагова была дѣломъ постороннимъ. Его болѣе интересовали разсужденія о политическихъ дѣлахъ того времени, описанія военныхъ дѣйствій, которыя онъ и излагаетъ съ особенною подробностію и всегда въ ущербъ главному дѣлу. Такъ, описывая на трехъ страничкахъ семилѣтнюю войну, въ которой Графъ Румянцовъ впервые оказалъ свои военныя дарованія и знанія, авторъ изложилъ причины этой войны на 14 страницахъ, такъ что вышла цѣлая статья, которую, разумѣется, уже нельзя было внести въ текстъ, и которая по этому явилась (съ оговоркою: для пользы науки) въ концѣ книги въ видѣ приложенія.

Въ отношеніи къ языку сочиненіе Г. Чичагова, подобно жизнеописаніямъ стараго времени, изобилуетъ фразами, весьма часто затемняющими дѣло. Вотъ начало біографіи:

«При Императорѣ Петрѣ Великомъ поступилъ рядовымъ воиномъ въ гвардію молодой человѣкъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, членъ семейства бѣднаго, но благороднаго. Государь замѣтилъ его способности, отъ придворныхъ не укрылось близкое возвышеніе, и одинъ изъ богачей предложилъ ему въ супружество дочь свою съ большимъ приданымъ. Легко угадать, какъ принято предложеніе тамъ, гдѣ бѣдность набрасывала свои ѣдкія заботы на самое честолюбіе. Съ жаромъ донесено Государю о назначенномъ балѣ и сговорѣ и испрашивалось дозволенія на бракъ. При *теплотѣ* (?) просителя, Императоръ не почелъ лишнимъ вопросъ, видѣлъ ли онъ свою невѣсту?» и т. п.

Далѣе, по случаю женитьбы Графа авторъ говоритъ:

«Желаніе родителей видѣть счастіе сына упроченнымъ чрезъ выборъ достойной супруги, наконецъ этотъ выборъ, въ которомъ

Digitized by Google

разумъ участвовалъ повидимому не менѣе, чѣмъ сердце, довершили (sic) преобразованіе юноши. Молодой супругъ, вмѣсто нѣги, занялся горячо книгами и службой. Тутъ превосходная память его не замедлила оказать существеннѣйшія услуги, а свѣтлый умъ отыскалъ средства примирить съ собою общее мнѣніе.»

Непремѣнно нужно было бы исчислить всѣ источники для біографіи Румянцова, и показать, гдѣ какіе изъ нихъ напечатаны. Есть и ошибки, напр., авторъ ошибочно полагаетъ Ташань подъ Кіевымъ. Это село находится далеко отъ Кіева, верстахъ въ 25 за Переяславлемъ.

Въ Москвитянинѣ напечатано было нѣсколько матеріаловъ для біографіи Румянцова, о коихъ не упомянуто въ сочиненіи Г. Чичагова.

97. Краткое историческое сказаніе о чудотворныхъ иконахъ: Казанской, Седміозерной (Смоленской), Раифской (Грузинской) и Мироносицкой. М. 1849. Стр. 65 въ 8 д. л.

Довольно тщательно составленная, книжка эта заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ, прославленныхъ многими чудесами въ предѣлахъ Казанской епархіи; именно: Казанской Божіей Матери (въ самой Казани), Смоленской (въ Седміозерской Казанской пустыни), Грузинской (въ Раифской Богородицкой пустыни близъ Свіяжска) и Св. Женъ-мироносицъ (въ Мироносицкой Царевококшайской пустыни).

98. Указатель статей Горнаго Журнала съ 1825 по 1849 годъ, состоящій изъ систематическаго указателя статей и алфавитнаго указателя авторовъ. Сост. Р. Кемпиньски. Спб. 1850. Стр. XX и 350 въ 8 д. л.

Первая книжка Горнаго Журнала, издаваемаго ученымъ Комитетомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, вышла въ Іюлѣ 1825 года. Съ того времени это періодическое изданіе продолжается непрерывно. Съ Іюля 1825 по Іюль

Digitized by Google

1849 г., т. е. въ продолженіе 24 лѣтъ, вышло Горнаго Журнала 288 книжекъ, въ которыхъ заключается болѣе 2300 печатныхъ листовъ, и слишкомъ 5000 статей разнаго содержанія. — Горный Журналъ, въ настоящемъ своемъ объемѣ, представляетъ, такъ сказать, энциклопедію горно-заводскаго дѣла и нѣкоторыхъ наукъ, имѣющихъ съ нимъ неразрывную связь, и, что всего важнѣе, заключаетъ въ себѣ статистическія данныя, обнародованныя отъ Правительства о горно-заводской промышленности; почему къ этому журналу прибѣгаютъ всѣ, кому подобныя свѣдѣнія необходимы. Но по мѣрѣ умноженія книжекъ журнала увеличились и затрудненія въ отысканіи статей. Для отвращенія этого неудобства, въ 1836 г. былъ изданъ Указатель статей Горнаго Журнала съ 1825 по 1835 г.; съ того времени прошло 15 лѣтъ, и затрудненія сдѣлались ощутительнѣе.—Составленіемъ новаго указателя мы обязаны трудолюбію Библіотекаря Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ, Р. О. *Кемпиньски*, который посвятилъ этому занятію нѣсколько лѣтъ и заслужилъ чрезъ то полное право на общую благодарность. Мы затрудняемся указать на важнѣйшія статьи: такъ ихъ много!

Указатель составленъ такъ мастерски, по такой отчетливой системѣ, что всякая справка, относящаяся до Горнаго Журнала, можетъ быть сдѣлана по немъ въ минуту. Перелистывая этотъ огромный трудъ, мы невольно вспомнили о Русской Исторіи и о другихъ наукахъ: сколько богатыхъ матеріаловъ для нихъ разсѣяно по разнымъ періодическимъ изданіямъ, и какого труда стоитъ отыскивать эти матеріалы. Извѣстный библіографъ нашъ И. П. Быстровъ (къ сожалѣнію, недавно скончавшійся) усердно занимался этимъ дѣломъ, но успѣлъ издать только небольшую часть его. Впрочемъ, намъ кажется, что для силъ одного человѣка это работа почти невозможная, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что рѣдкій труженикъ успѣваетъ подѣлиться съ свѣтомъ плодами тяжелыхъ своихъ занятій,— и драгоцѣнные матеріалы, собранные съ чрезвычайнымъ стараніемъ, нерѣдко погибаютъ безъ пользы для другихъ и не въ славу того, кто посвятилъ всю свою жизнь на ихъ собраніе....

Digitized by Google

99. Одушевленные цвѣты и мечтатель. Картина-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣл. съ Франц. (П. Араповымъ). М. 1850. Стр. 63 въ 8 д. л.

Леонъ Мильфлёръ, молодой человѣкъ, сошелъ съ ума отъ несчастной любви: случай, почти неслыханный въ жизни и очень обыкновенный въ водевиляхъ. Впрочемъ, помѣшательство его такое тихое, скромное, что не нуждается въ желтомъ домѣ: бѣдный Мильфлёръ помѣшанъ на цвѣтахъ. Для него всякій цвѣтокъ не просто растеніе, а «тайное существо, скрывающееся подъ нѣжною оболочкою, душа узника, томящаяся въ бутонѣ» онъ разговариваетъ съ цвѣтами, воображаетъ, что присутствуетъ на ихъ праздникахъ, танцуетъ польку съ туберозою, подъ звуки оркестра, составленнаго изъ бабочекъ, которыя, порхая въ воздухѣ, навѣваютъ кружевными крыльями мелодію, изъ жуковъ и букашекъ, нашептывающихъ каденсъ, и наконецъ, изъ эха за горою. Противъ такого *цвѣтобѣсія* мудрые доктора не находятъ другаго лекарства, какъ перемѣну климата. Мильфлёръ путешествуетъ вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ слугою Морисомъ. Дорогою, въ окрестностяхъ Парижа, гроза заставляетъ его искать убѣжища въ одномъ замкѣ, принадлежащемъ Графинѣ Леокадіи де-Линьи, богатой вдовѣ, которая, не смотря на свои двадцать лѣтъ и очаровательное личико, живетъ затворницей и особенно избѣгаютъ присутствія мужчинъ. Уединеніе это не просто: хорошенькая вдовушка, еще до замужества, страстно любила одного молодаго человѣка; принужденная пожертвовать собою для спасенія своего отца и выйдти замужъ за Графа, она не измѣнила своихъ чувствъ къ молодому человѣку, и овдовѣвъ, любитъ его такъ же пламенно. Вы, конечно, догадываетесь, что этотъ молодой человѣкъ и есть помѣшанный Мильфлёръ: ужъ такъ заведено въ водевиляхъ. Отъ слуги Леона она узнаетъ о несчастіи своего возлюбленнаго, узнаетъ и то, что письмо, которое должно было объяснить Мильфлёру причины ея невольной измѣны, не дошло по назначенію.... Что дѣлать? Нельзя же выйдти замужъ за сумасшедшаго, но нельзя велѣть и сердцу разлюбить его. Подкрѣпляемая

Digitized by Google

какой-то слабой надеждой, Графиня говоритъ слугѣ Мильфлёра, чтобы онъ увѣрилъ своего господина, будто замокъ необитаемъ, и всѣми силами удержалъ его здѣсь на нѣсколько дней: «отъ этого зависитъ его благополучіе», заключаетъ она, а сама крѣпко задумывается, какими бы средствами достигнуть этого благополучія. Напрасно ея знакомыя, пріѣхавшія повеселиться въ замкѣ, стараются развлечь ее: одна показываетъ альбомъ каррикатуръ, другая богатый запасъ новыхъ романсовъ и танцевъ, третья собраніе модныхъ картинокъ — Графиню не занимаетъ ничто. Но вотъ, четвертая разкрываетъ передъ нею рисунки Гранвиля: одушевленные цвѣты: «какъ одушевленные цвѣты? живые люди?« спрашиваетъ Графиня.—Да, вотъ ночная красавица, вотъ василекъ, камелія, роза, фіалка.... Счастливая мысль вдругъ озаряетъ умъ печальной вдовы: живыми цвѣтами я вылечу моего Леона, говоритъ она, и проситъ своихъ подругъ принять участіе въ этомъ леченіи.

Между тѣмъ Морисъ увѣрилъ своего барина, что замокъ необитаемъ, что они могутъ жить въ немъ сколько угодно, а садовникъ, по наставленіямъ Графини, наговорилъ помѣшанному на цвѣтахъ столько чудесъ о ночныхъ праздникахъ, на которыхъ танцуютъ розы и фіалки, что обожатель растеній съ нетерпѣніемъ ждетъ желаннаго часа. Наконецъ бьетъ восемь часовъ, раздается тихая музыка, садъ постепенно освѣщается, Леонъ приходитъ въ восторгъ, въ полузабытье.... и вдругъ, какъ будто волшебствомъ, является передъ нимъ группа очаровательныхъ женщинъ-цвѣтовъ, съ гирляндами и вѣнками въ рукахъ, окруженная роемъ дѣвочекъ-маргаритокъ, освѣщенная таинственнымъ блескомъ.... Леонъ бросается на колѣна передъ волшебнымъ видѣніемъ, и царица цвѣтовъ, роза, сходитъ къ нему съ своего трона. Она такъ хороша, что Леонъ хочетъ обнять ее, но укалывается объ шипы, и выслушиваетъ отъ очаровательницы милый романсъ, напоминающій ему первую любовь; снова хочетъ взять розу за руку, а она опять укалываетъ его булавкою, и опять говоритъ, что сердце его занято другимъ цвѣткомъ.... Къ Мильфлёру подходятъ другіе цвѣты: ночная красавица, камелія, нарцизъ и флёръ д'оранжъ увѣряютъ, что онъ парикмахеръ, и просятъ о воз-

Digitized by Google

становленіи ихъ правъ въ уборахъ красавицъ, на что посягаютъ другіе цвѣты; василекъ принимаетъ его за подлекаря и умоляетъ не губить его скромныхъ листочковъ для аптекъ ... Но вотъ выходитъ сама Графиня въ нарядѣ незабудки. Леонъ пораженъ, видя вѣчно памятныя черты, слыша знакомый обворожительный голосъ. «Я умерла, говоритъ ему незабудка, но любовь снова возвратила меня къ жизни».... — Но зачѣмъ же ты измѣнила мнѣ? спрашиваетъ Леонъ. — «Измѣнила? о, нѣтъ! Ты долженъ былъ узнать все изъ моего письма.» — Какого письма? — «Что было вложено въ букетѣ, который я бросила тебѣ изъ окна.» — Этотъ букетъ я всегда ношу на своемъ сердце. Вотъ онъ.. Въ завядшемъ букетѣ, дѣйствительно находится роковое письмо:

«Леонъ! любезный другъ! я въ грустномъ положеньи,
Я сердцемъ вся твоя.... Но жребій мой иной:
Вступаю въ бракъ съ другимъ, невольно и въ мученьи,
Клянусь любить тебя за гробовой доской!»

Онъ падаетъ въ обморокъ — а такія потрясенія всегда благопріятны для больнаго мозга. Разсудокъ мало по малу возвращается къ цвѣто-мечтателю, дѣло объясняется какъ нельзя лучше, — и Леонъ вмѣстѣ съ здоровымъ умомъ получаетъ руку прекрасной Графини. Подруги хотятъ поднести ей свадебный букетъ, но она напоминаетъ имъ балладою Фрейлиграфа*: «Мщеніе цвѣтовъ», какъ опасно это,—и въ заключеніе, по принятому въ водевиляхъ обычаю, проситъ снисхожденія у публики.

Публика разумѣется, всегда будетъ снисходительна; да и кто рѣшится, кто посмѣетъ быть взыскательнымъ къ *живымъ* цвѣтамъ, блестящимъ юностью и красою? Непремѣнное условіе лишь то, чтобы эти цвѣты были настоящіе, благоухали своимъ собственнымъ ароматомъ, а не заемнымъ, потому что «поддѣльные цвѣты дождя боятся....» На сценѣ водевиль этотъ всегда будетъ имѣть успѣхъ, при соблюденіи *главнаго* условія. Но теперь онъ является въ область литературы, гдѣ требованія другія. Здѣсь мы не

* Въ прекрасномъ переводѣ Ѳ. Б. Миллера.

Digitized by Google

видимъ ни голубыхъ глазъ незабудки, ни персиковыхъ губокъ розы, ни роскошныхъ кудрей василька, ни привлекательной улыбки фіалки, ни миніатюрной ножки флёръ-д'оранжа, — не видимъ ничего, кромѣ печатной бумаги, прочесть которую есть наша обязанность. Читаемъ, перечитываемъ, и беремъ на себя смѣлость замѣтить, что разговоръ дѣйствующихъ лицъ нарушаетъ иногда законы Русскаго языка; что въ немъ напрасно встрѣчаются слова, въ родѣ слѣдующихъ, *депоизировать, резонъ, уражъ, меланжъ*, и т. п. Далѣе—мы желали бы болѣе легкости въ стихѣ. Для примѣра выписываемъ одинъ еще изъ лучшихъ куплетовъ: Флёръ-д'оранжъ поетъ:

Въ Москву, въ первопрестольный градъ,
Лечу я въ центръ Россіи,
Гдѣ всѣмъ прекраснымъ дорожатъ,
Гдѣ модницы большія.
Къ густому локону прильну
Невѣсты, тамъ ихъ въ волю,
И очень важную начну
Разыгрывать я ролю.
Вы смѣсь цвѣты — одинъ меланжъ (!!!)
Земли, травы съ листами!
Я докажу, что флёръ-д'оранжъ
Есть перлъ между цвѣтами.
Прійду всей публикѣ на вкусъ,
Средь блондъ, кружевъ, атласа,
Я въ магазинѣ поселюсь
Артюра Матіаса.
Восплещетъ мнѣ Кузнецкій мостъ,
Все дамское сословье
На свадьбахъ будутъ первый тостъ
Пить за мое здоровье!

100. Новый способъ истребленія клоповъ, таракановъ, мухъ и разныхъ гадовъ, блохъ и мышей. М. 1850.

Извините, что мы рѣшаемся говорить объ этой книжонкѣ, но предметъ, о которомъ трактуетъ она, не шуточный. Извѣстно, что въ Индіи есть секта сумасбродовъ, которая считаетъ тяжкимъ грѣхомъ убить какое-нибудь насѣкомое, и думаетъ, что человѣкъ созданъ для прокорм-

Digitized by Google

ленія клоповъ и мухъ съ компаніею. Но у насъ нѣтъ такихъ животнолюбцевъ, и враги спокойствія человѣка, осмѣливающіеся нарушать его сонъ, посягающіе на кушанья, которыя онъ приготовилъ для собственнаго удовольствія, подвергаются безпощадному истребленію. Какъ, въ самомъ дѣлѣ: онъ царь природы, льва сдѣлалъ смирнѣе теленка, шкуру тигра постлалъ вмѣсто ковра, на слонѣ разъѣзжаетъ точно въ каретѣ, медвѣди и волки въ страхѣ бѣгутъ предъ его могуществомъ; а презрѣнная мелкота, козявки, мушки, таракашки, и знать не хотятъ его власти, и какъ на смѣхъ, плодятся, роятся для мученій всего человѣчества. Всѣ средства, какія ни придумывало это послѣднее, до сихъ поръ не могли истребить злаго племени до корня. Ловушка, хлопушка, мухоморы, персидская ромашка, тысячи всякихъ снадобьевъ — ничто не достигало цѣли; враги умножались въ огромномъ количествѣ. Наступилъ XIX вѣкъ. Промышленность придумала извлечь пользу и изъ зла: блохъ заставили плясать, пауковъ прясть, изъ мухъ стали гнать масло, изъ мышиныхъ шкурокъ шить перчатки. Вражье племя пріуныло, видя, что индустрія шутить не любитъ; члены его начали гибнуть тысячами. Наконецъ на поле битвы явились «сочинители,» вооруженные вѣрнѣйшими и «новѣйшими способами,» и дѣло истребленія пошло еще лучше. Чуть налетитъ рой мухъ на какой-нибудь «способъ» съ желаніемъ погулять по его бѣлымъ полямъ, глядишь— часа черезъ два всѣ мухи одурѣли—вѣроятно отъ безсмыслицъ, заключающихся въ «способѣ;» попробуетъ иногда лакомая мышь отгрызть два-три клочка отъ этого же самаго «способа» — и съ ней приключается то же самое, что́ съ мухами....

Въ такой ли степени дѣйствителенъ «новый способъ», судить не можемъ. Издатель говоритъ, что средства, обнародываемыя имъ, «клонятся къ цѣли *благонамѣренной*.» Ужъ, разумѣется!

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

101. Греческія Стихотворенія Н. Щербины. Одесса, въ тип. А. Нитче. 1850. въ 8 д. л. Стр. 98.

Второй подарокъ любителямъ поэзіи отъ начала нынѣшняго года! Первымъ они были обязаны г. Фету: за второй должны благодарить г. Щербину. И такъ, двѣ книжки стихотвореній за шесть мѣсяцевъ: и половина изъ нихъ — не новыя (это относится къ стихотвореніямъ г. Фета)! Сравните-же это данное съ прежнимъ временемъ, съ сороковыми годами, съ тридцатыми, далѣе. Какая неимовѣрная разница! Вспомните, какъ много появлялось стиховъ въ прежнее время, — и какъ мало читаете вы ихъ теперь: что же бы это значило? Гдѣ прежнія безчисленныя собранія стихотвореній? Куда дѣвалась поэзія? Или покинула насъ посланница боговъ? Или ей, прихотливой и избалованной шалуньѣ, не ужиться съ нашимъ временемъ, этимъ *положительнымъ*, *разсчетливымъ*, *холоднымъ* антрепренёромъ, сыномъ па́ра и желѣзныхъ дорогъ, отцомъ воздухоплаванія, подводнаго телеграфа и иныхъ прозаическихъ затѣй?

Нѣтъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Не бойтесь, читатель: поэзія, по прежнему, съ нами. Шекспиръ, Байронъ, Гете, Пушкинъ, Лермонтовъ живы и для насъ; и все еще жива и слава ихъ, и сочувствіе къ нимъ. Есть и въ наше время произведенія поэтическія, есть и теперь имена, которыя лѣтописи поэзіи занесутъ на свои скрижали. Не вѣрьте же вы тому, что поэзія не любитъ нашего времени, что не

Digitized by Google

поладить ей съ его стремленіями: это также несправедливо какъ и то, что наше время не любитъ поэзіи или что современныя стремленія ей противны. — Но разница — говорите вы: — отчего эта разница? Отчего прежде являлось такъ много стиховъ, а теперь ихъ такъ мало? — Оттого, отвѣчаемъ мы, что прежде слово »стихи« было равносильно слову »поэзія«, если не для всѣхъ, такъ для большинства, и оттого что теперь, въ наше *прозаическое* время, каждому изъ этихъ понятій назначенъ точный и опредѣленный кругъ. Оцѣненная по достоинству, поэзія стала отвергать слабосильныхъ служителей, а эти служители поняли, что не зачѣмъ имъ выступать передъ публикой и добровольно подвергать себя осужденію и насмѣшкамъ.

Было время, когда человѣкъ написавшій десятокъ изрядныхъ куплетовъ, какое нибудь посланіе: къ лунѣ, къ ней, къ ***, къ ...., или кое-какъ переложившій нѣсколько строфъ съ одного изъ иностранныхъ языковъ, живаго или мертваго, считался питомцемъ музъ, сыномъ Аполлона, вѣстникомъ поэзіи и былъ провозглашаемъ поэтомъ; — человѣкъ, нанизавшій нѣсколько дѣйствительныхъ или вымышленныхъ событій изъ частной жизни и пересыпавшій ихъ изношенными сентенціями, ходульно-риторическими діалогами и лубочными описаніями разныхъ мѣстностей, — назывался романистомъ: въ то время появлялось и бездна стиховъ, и сотни романовъ и повѣстей. И это очень естественно. Не всякому ли лестно быть поэтомъ, романистомъ? Эти наименованія никогда не ставились въ укоръ никому, отъ начала міра. Замѣтьте, однакожь, что первое мѣсто и тогда все-таки принадлежало поэту, т. е. стихотворцу: и это уваженіе къ стихотворству, къ стихамъ, между иными доходило до того, что дюжина риѳмованныхъ строкъ считалась выше всякаго произведенія, написаннаго прозой. Какъ же было не плодиться стихамъ? Не понятно-ли и то, что ихъ писалось и печаталось гораздо болѣе, даже, нежели тѣхъ романовъ, о которыхъ мы упомянули? И странное дѣло! Такой порядокъ вещей поддерживался еще и въ то время, когда Русская публика была уже знакома и съ Батюшковымъ и съ Жуковскимъ, — мало измѣнился при самомъ Пушкинѣ, — жилъ еще, хотя съ меньшею силой, и послѣ

Digitized by Google

него, при Лермонтовѣ! Не хотѣлось бы намъ здѣсь тревожить многія, частью живыя, частью уснувшія тѣни, иначе мы сейчасъ бы назвали вамъ нѣсколько десятковъ именъ, въ подтвержденіе того факта, что и при Батюшковѣ, и при Жуковскомъ, и при Пушкинѣ, и при Лермонтовѣ являлось множе всякихъ стиховъ, и многія *разныя* лица назывались »поэтами.« Но вы и сами это помните. Что же осталось отъ этихъ стиховъ,—кто нынѣ называетъ поэтами всѣхъ этихъ »*разныхъ*« усердныхъ жрецовъ прекраснаго искусства? Ничего, и никто. Неужели и за это досадовать на время? Неужели сердиться на него за все то, что оно для насъ сдѣлало? Какъ смѣло оно, это дерзкое время, сорвать вѣнки незаслуженные, раздававшіеся безъ разбора, и достойному, и недостойному? Какъ не сѣтовать на Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, которые, съ помощію времени, и по его же мудрому и тайному велѣнію, мало-по-малу вразумили насъ, научили цѣнить поэзію, и благодаря которымъ постепенно опредѣлился межъ нами ея настоящій смыслъ? Вы, читатель, не сердитесь ни на Батюшкова, ни на Жуковскаго, ни на Пушкина, ни на Лермонтова, — мы въ этомъ увѣрены: вы ихъ читаете, вы ихъ любите. Не сердитесь же на время, которое не отняло у васъ сочувствія къ нимъ, а благодарите его за то, что познакомило васъ съ ними оно, и, черезъ нихъ, объяснило вамъ, что поэзія не въ стихѣ и не въ риѳмѣ, а въ содержаніи, т. е. въ поэтической мысли и прекрасномъ ея выраженіи. Въ этомъ-то воззрѣніи и вся разница между прежнимъ временемъ и настоящимъ, въ отношеніи къ поэзіи. Если же вы убѣдитесь въ томъ, чему вѣримъ мы, — что такое воззрѣніе на поэзію нынѣ сдѣлалось общимъ, что всякій нынѣ знаетъ что можно написать сто-тысячь стиховъ и не прослыть поэтомъ, то легко поймете, почему нынѣ является менѣе стихотвореній, нежели прежде, и не станете тужить объ этомъ. Кто не сталъ разборчивѣе? Для кого бы теперь печатать все то, чѣмъ нѣкогда пробавлялась публика и чему кадила, что награждала, жалуя за то въ поэты? И еще одно обстоятельство: мы сказали что Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ и др. помогли намъ опредѣлить съ точностію границы поэзіи, выучили узнавать поэта отъ не-поэта: — въ этомъ заключается

Digitized by Google

ихъ вліяніе на смыслъ искусства; но этимъ вліяніе ихъ не ограничилось: съ нимъ неразлучно шло и усовершенствованіе формъ искусства и языка: они облегчили прежнія трудности и постепенно упростили механизмъ искусства и законы языка до того, что, нынѣ, владѣть этимъ механизмомъ и умѣть прилагать къ дѣлу эти законы — не большая заслуга. И тутъ еще не все: въ отношеніи къ стихосложенію можно сверхъ того сказать, что, благодаря всѣмъ названнымъ нами достойнымъ дѣятелямъ поэзіи и литературы, — и въ особенности Пушкину и Лермонтову, — мудрено теперь писать дурные стихи: всѣ размѣры исчерпаны ими, всѣ хитрости раскрыты, всѣ тайны стихостроенія не-тайны. На этомъ основаніи писать теперь въ стихахъ легче чѣмъ когда-либо, и, стало быть, по видимому, теперь то и должны бы были появляться многочисленныя стихотворенія. Такъ и было бы на дѣлѣ, еслибъ Пушкинъ и Лермонтовъ, съ нѣкоторыми ихъ предшественниками, облегчивъ для насъ всѣ пути всякаго литературнаго, а слѣд. и стихотворнаго, дѣланія, не заповѣдали намъ свои произведенія; еслибъ ихъ произведенія не стояли вѣчно на стражѣ и въ памяти каждаго, при оцѣнкѣ новыхъ произведеній; еслибы Пушкинъ и Лермонтовъ и другіе, не называемые, но непремѣнно подразумѣваемые, были только обновители формъ искусства и языка, какъ напримѣръ до нихъ Ломоносовъ и Карамзинъ, а не сами художники и поэты, не сами избранники того искусства, которому нѣкогда неслись на жертву и вдохновенныя пѣсни могучаго дарованія, и убогія вирши извѣстныхъ »питомцевъ музъ«, больныхъ страстію къ стихотворству, — съ рыцарскимъ самопожертвованіемъ извергавшихъ весь этотъ сбродъ недоношеныхъ ощущеньицъ и недоразвитыхъ идей, которыя, отъ временъ баснословныхъ, всегда волновали обиженныхъ чадъ земли. За то и любимъ мы наше время, что привело оно насъ ко всѣмъ этимъ заключеніямъ: что, не ослабивъ въ насъ сочувствія къ прекрасному въ прошедшемъ, выучило отличать достойное отъ недостойнаго, въ поэзіи какъ и во всемъ другомъ. И Лермонтовъ, и Пушкинъ, и Жуковскій, и Батюшковъ цѣнятся нами высоко: и Байронъ, и Шекспиръ, и Гете, и другіе славные поэты стоятъ для насъ не только на прежнихъ под-

Digitized by Google

ножіяхъ, — но и все болѣе и болѣе яснѣютъ передъ нами и заслуги ихъ, и смыслъ, и значеніе. Но чѣмъ становятся явственнѣе и опредѣленнѣе ихъ заслуги, ихъ смыслъ, ихъ значеніе, тѣмъ, разумѣется, замѣтнѣе мельчаютъ въ глазахъ нашихъ пигмеи искусства. Какъ же за это не любить времени, какъ не благодарить его? Гдѣ же доказательство въ пользу того, что наше время не любитъ поэзіи? Въ его сочувствіи къ названнымъ нами поэтамъ мы видимъ: и опроверженіе этого предположенія, и ручательство въ томъ, что наше время готово такимъ же сочувствіемъ встрѣтить новыя поэтическія дарованія; — припомните, не ходя далеко, сказанное нами по поводу стихотвореній Г. Фета. Потомъ прочтите, непремѣнно прочтите »Греческія стихотворенія« г. Щербины. А покуда вы ихъ не читали, или для тѣхъ, кто ихъ еще не читалъ, да позволено будетъ намъ сказать о нихъ наше мнѣніе.

Г. Щербина поклонникъ міра греческаго. Вы знаете какъ хорошъ былъ этотъ міръ, этотъ маленькій міръ, откуда, по выраженію Цицерона, »распространились на весь міръ и всѣ человѣческія понятія, и науки, и вѣрованія, и плоды, и законы«*. Древняя Эллада заключала въ себѣ всѣ богатства природы и искусства; искусство процвѣтало въ ней и въ то уже время, когда другіе Европейскіе народы или еще не начинали жить, или едва оказывали признаки жизни, или только проходили первыя ступени своего историческаго существованія. Стало быть, колыбель искусства, въ точномъ значеніи этого слова, — Грецію. Безпрерывное столкновеніе съ красотами природы, среди которыхъ родился и жилъ Грекъ, естественно должно было преисполнить его благодарности, уваженія къ природѣ, родить въ немъ особенное сочувствіе ко всему, ею видимо и осязаемо производимому, и особенное, вслѣдствіе того, пониманіе физическихъ красотъ, пониманіе формы: отсю-

* Unde humanitas, doctrina, religio, fruges, leges ortæ, atque in omnes terras distributae.

Cicero. Pro L. Flacco. 26. (Греч. Стихотв. Н. Щербины, стр. 92.)

Digitized by Google

да первымъ искусствомъ Греціи сдѣлалась пластика, отсюда и преобладаніе пластической точки зрѣнія во всѣхъ проявленіяхъ жизни народа, впечатлительнаго тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе былъ онъ молодъ, — пластицизмъ религіи Грековъ, пластицизмъ во всѣхъ искусствахъ, въ живописи, въ поэзіи И здѣсь, и тамъ — вездѣ у Грековъ форма; въ доказательство этого стоитъ вспомнить исторію искусства въ Греціи; нигдѣ ваяніе и зодчество не достигали той степени совершенства какъ въ Греціи; живопись Грековъ была или портретная или историческая; поэзія — эпопея, драма (въ обширномъ значеніи этого слова) и, наконецъ, антологическія стихотворенія. Въ каждомъ изъ этихъ видовъ искусства, въ каждомъ подраздѣленіи каждаго вида былъ разгулъ пластицизму, этому стремленію всякую вещь, всякую мысль, изображаемую, краской-ли, словомъ-ли, передать осязаемо т. е. представить ее какъ бы выпуклою, какъ бы изваянною рѣзцомъ. И этимъ стремленіемъ проникнуты всѣ произведенія Греческой живописи; вспомните споръ о первенствѣ между Апеллесомъ и Зевксисомъ: одинъ написалъ виноградную кисть, которую слетались клевать птицы, — другой изобразилъ картину, завѣшанную полотномъ такъ, что его соперникъ сталъ требовать, чтобъ онъ отдернулъ завѣсу и показалъ ему картину! Въ этой баснѣ, если даже это только басня, — вся идея, весь смыслъ Греческой живописи. Тѣмъ же пластическимъ стремленіемъ дышатъ и всѣ произведенія Греческой поэзіи, начиная отъ Омира. Но, въ области поэзіи, болѣе всего поражаютъ своею пластичностію стихотворенія антологическія: эти стихотворенія — какъ бы объясненія прекрасныхъ картинъ, и чѣмъ выше дарованіе поэта, тѣмъ болѣе такія объясненія, такія перифразы, способны замѣнить самыя картины, — тѣмъ они пластичнѣе, тѣмъ болѣе походятъ на живыя картины; читая лучшія изъ нихъ, невольно забываешься, и, то воображаешь себя передъ одною изъ тѣхъ картинъ, на которыхъ каждая фигура будто бы отдѣляется отъ полотна, если присматриваешься къ ней, — то слышишь рѣчи представляемыхъ лицъ (большею частію миѳологическихъ), какъ бы живыя, — то чувствуешь дуновеніе вѣтра, или слышишь шелестъ листа, плескъ

Digitized by Google

морской волны, и за-правду переживаешь все описываемое. И басня и вымыселъ, если можно такъ выразиться, становятся дѣйствительностію болѣе дѣйствительною, нежели настоящая дѣйствительность. Таковы антологическія стихотворенія.

Таковы и всѣ стихотворенія Г. Щербины. Онъ назвалъ ихъ »Греческими« и подраздѣляетъ напечатанныя имъ 36 стихотвореній на три разряда: антологическія, переводныя и навѣянныя сочувствіемъ къ эллинской жизни и искусству и которыя онъ называетъ собствено-греческими. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ дѣленіи: правъ-ли, не правъ-ли авторъ съ этой стороны — объ этомъ говорить не стоитъ, да и не мѣсто здѣсь. Мы предположили познакомить нашихъ читателей съ самими стихотвореніями. Но какъ приступить къ этому? Г. Щербина до того освоился съ смысломъ Греческой исторіи, съ духомъ Греческаго искусства, Греческой поэзіи, до того хорошо умѣлъ перенести этотъ смыслъ на почву Русской поэзіи, выразить этотъ духъ по Русски, а, сверхъ того, такъ строгъ былъ онъ къ себѣ въ дѣлѣ выбора произведеній, представляемыхъ имъ на судъ читателей, что мы рѣшительно не знаемъ на которомъ изъ его стихотвореній остановиться, которому отдать преимущество, которое здѣсь выписать. Закрываемъ лежащую передъ нами книгу и открываемъ ее на удачу. Открылась стр. 16:

Невольная вѣра.

Какъ я радъ, что оставилъ акрополь
Тамъ лишь башни висятъ надо мной,
Да лепечетъ безтѣнная тополь,
Да летаютъ щуры надъ стѣной;
Мнѣ и слышать, и видѣть докучно,
Какъ сова-мышеловка поетъ,
Какъ ворота скрыпятъ однозвучно,
И змѣя по цитернѣ ползетъ...
Но на полѣ, на полѣ — иное! —
Я не въ силахъ, друзья, разсказать!...
Здѣсь отрадно воскресло былое,
Осѣнила меня благодать...
Здѣсь меня обнимаетъ природа,
И все тихо, покойно кругомъ...

Digitized by Google

Мѣдяница, повиснувъ на вѣткѣ,
Померанецъ лѣниво сосетъ.
Не боясь ни змѣя, ни клѣтки,
Соловей беззаботно поетъ.
Надо мною склонилась олива,
Льютъ прохладу съ утеса ключи,
И горятъ разноцвѣтнымъ отливомъ
На волнахъ голубаго залива
Заходящаго солнца лучи,
И бросаютъ развалинъ колонны
На холмы свою длинную тѣнь,
И мою полусонную лѣнь
Освѣжаютъ росой анемоны...

Я всему здѣсь повѣрить готовъ,
Въ этомъ чудномъ жилищѣ боговъ,
Подсмотрѣвъ, какъ клонились ціаны,
Будто смятыя ножкой Діаны,
Пробѣжавшей незримо на ловъ...
Я всему здѣсь повѣрить готовъ!

Мы цѣликомъ выписали стихотвореніе, на которомъ открылась книга. Не знаемъ какъ быть съ другими: но, да проститъ насъ авторъ, — читатели же на вѣрное поблагодарятъ: —

Дѣтская игра.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой маленькій дискъ по дорогѣ.
Личики свѣтлы у нихъ и румяны, подъ туникой ножки
Живо бѣгутъ, и, колеблясь веэромъ, по мраморной шейкѣ
Черныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи, малютки:
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали....
Прыгать съ дороги въ пшеницу ужь больше не станетъ,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.

Чуждый товарищъ, стоялъ я межъ ними, и слезы смочили
Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить, и юностью милой
Снова зажить, и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.

Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ, когда-жь пробудился,
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали

Digitized by Google

Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья...
Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,
Крова косою изрытый опять я надвинулъ, и молча
Въ путь свой собрался ... но — стыдно признаться — съ печальною думой.

(Стр. 39.)

Туника и поясъ.

Te dea, te fugiunt venti, te nubilia coeli
Adventumque tuum; tibi suaves dedala tellus
Summittit flores; tibi rident aequora ponti,
Placatumque nitet diffuso lumine coelum.

Lucretius.

Въ тотъ часъ, какъ изъ пѣны жемчужной
Въ волнахъ Красота родилась,
И влажною грудью воздушно
Надъ моремъ она возвеслась,
Богиня съ боязнью стыдливой
Красы не скрывала своей
Подъ складкой одежды ревнивой,
И поясъ ненуженъ былъ ей;
Прозрачныя капли сіяли
Какъ перлы у ней на грудяхъ;
Недвижимо волны лежали,
И каждый онѣ цѣловали
Богинею пройденный шагъ,
Лилейной ступила ногою
На берегъ кремнистый она: —
И берегъ покрылся травою,
Зыбучею будто волна.
Какъ слѣдъ у нея подъ ногами
Мгновенно ростялись цвѣты,
И львы преклонялись главами,
Не смѣя коснуться очами,
Возникшей изъ водъ Красоты.
На все она дѣтски взирала,
И мирно все было предъ ней:
Стыдливыхъ смущеній не знала
Въ красѣ безмятежной своей....

Но, въ совѣтѣ боговъ, Афродита
Предстала богиней иной:
Властительной думой повита;
Блистающей гордой красой, —

Digitized by Google

И туника станъ покрывала,
И поясъ сжималъ ея станъ....
Богиня предчувствіемъ знала,
Что даръ всепобѣдный ей данъ
Что, мыслью сгарая одною,
Падутъ предъ ея красотою
Дикарь безобразный — Гефестъ,
Губитель, Арей безсердечный
И Бахусъ, сей юноша вѣчный...
Ей нужны покровы и честь!

(Стр. 57.)

Повторяемъ, всего, что бы хотѣлось намъ выписать,— выписывать нельзя: пришлось бы, мы говоримъ безъ малѣйшаго преувеличенія, переписывать всю книгу; но вотъ еще нѣсколько превосходныхъ строфъ:

.... не внимай легковѣрно словамъ моимъ, смертный!
Будь непреклоненъ душой для мірскихъ искушеній:
Праздникъ мгновенно пройдетъ и сокроются дѣвы...
Въ будничной жизни ты ихъ красоты не узнаешь.
Холодъ житейскихъ волненій скуетъ тебѣ душу,
Мелкія пріидутъ заботы о хлѣбѣ вседневномъ;
Старость недуги съ собой принесетъ и печали...
Все разрушается, все измѣняетъ въ подлунной: —
Только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ,
Только въ искусствѣ таится прямое блаженство,
Только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій.

(Стр. 55. Жизнь и искусство.)

Сказки.

Tout est bien, sortant des mains de l'Auteur des choses, tout dégénèle entre les mains de l'homme.

J. J. Rousseau.

Странно! малюткой,
Скучно мнѣ было за сказками няни:
Сказки тѣ были всё-только о людяхъ,
То о разбойникахъ, то о колдуньяхъ. —
Что-то влекло меня въ тёмную рощу
Слушать, какъ шепчется что-то въ вѣтвяхъ.

Digitized by Google

Сердце моё трепетало боязнью;
Сердце любило такую боязнь.
Я понималъ тотъ таинственный шопотъ...
Вамъ передать я его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣетъ.
Часто любилъ я смотрѣть на рѣку,
Слушая музыку хоровъ незримыхъ.
Въ очи мнѣ прямо, участья полны,
Водные боги сквозь волны смотрѣли...
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водой,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла: его
Бѣдный языкъ и холодный разсудокъ
Высказать вамъ не съумѣютъ, но сердце
Ясно его понимаетъ и помнитъ....

Годы иные настали, и старецъ,
Я не забылъ эти дѣтскія сказки:
Въ шумѣ-ль нестройномъ народныхъ собраній,
Въ битвахъ-ли жаркихъ, въ покоѣ-ль безстрастномъ;
Или въ порывахъ вакхическихъ мысли
Какъ-то невольно приходятъ на память
Старыя дѣтскія сказки природы,
Міромъ забытыя...
Стройныя сказки!

(Стр. 75.)

Вѣрите-ли теперь, читатель, что поэзія есть и въ наше время, что наше время не противно развитію сильныхъ поэтическихъ талантовъ и что оно умѣетъ цѣнить ихъ? Но довольствоваться, на этотъ разъ нашими выписками, не слѣдуетъ никому изъ любящихъ искусство и поэзію, также какъ и не слѣдуетъ предполагать, что все сказанное нами вполнѣ передаетъ удовольствіе, которое ощущали мы читая и перечитывая стихотворенія Г. Щербины: всякому необходимо самому прочесть ихъ всѣ.

Не умѣемъ сказать навѣрное, встрѣчали-ли мы гдѣ нибудь прежде, до появленія въ печати предлагаемаго собранія, имя Г. Щербины, и слѣдовательно, въ точности опредѣлить начало его литературнаго поприща — мы не можемъ. Подъ каждымъ изъ напечатанныхъ имъ нынѣ стихо-

Digitized by Google

твореній выставленъ годъ; одно принадлежитъ 1842 году: оно называется »Уединеніе«; все это стихотвореніе также окончено, также сильно, также пластично, словомъ, также зрѣло, какъ и всѣ остальныя произведенія, образцики которыхъ читатели видѣли. »Уединеніе« напомнило намъ Пушкина: мы и сами затрудняемся сказать какое именно стихотвореніе нашего Протея, но знаемъ, что, въ »Уединеніи«, замашка Г. Щербины вся Пушкинская; это родственное сходство двухъ художниковъ, но сходство не преднамѣренное, не подражаніе, не копія. Изъ такого сближенія уже видно, что считать это стихотвореніе первымъ произведеніемъ поэта — невозможно. Подъ другими стихотвореніями годы: 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848. 1848-мъ годомъ кончается поэтическая дѣятельность Г. Щербины, если судить по изданнымъ имъ »Греческимъ Стихотвореніямъ.« И этому вѣрить не позволительно: нельзя предположить, чтобъ человѣкъ вдругъ остановился на такомъ прекрасномъ пути. Мы, въ этихъ числахъ, которыми подписаны стихотворенія Г. Щербины, находимъ только доказательство замѣченнаго нами выше, — доказательство строгости поэта къ самому себѣ: тѣмъ болѣе должны мы быть ему благодарны, тѣмъ большею благодарностію будутъ обязаны ему читатели. Взявшись за »Греческія Стихотворенія«, ни одинъ изъ читателей ни разу не спроситъ себя: какимъ образомъ попало сюда вотъ это стихотвореніе? или, зачѣмъ было печатать вотъ это? или, къ чему между всѣми хорошими вещами вотъ эта слабая? — Слабыхъ вещей у Г. Щербины нѣтъ.

Мы сказали выше, что Г. Щербина поклонникъ древне-Греческаго міра; прибавимъ теперь: исключительно изъ древне-Греческаго міра черпалъ онъ до сихъ поръ свои вдохновенія. Какъ черпалъ и что изъ нихъ дѣлалъ — объ этомъ не мудрено читателямъ судить по нашимъ выпискамъ. Повторяя здѣсь Г. Щербинѣ отъ лица всѣхъ любителей Русской литтературы искреннюю благодарность за прекрасный и неоцѣненный подарокъ, мы никакъ не рѣшимся, на прим., изъявить желаніе, чтобы Г. Щербина принялся за другой родъ поэзіи, и написалъ бы эпопею, драму, комедію что-ли?

Digitized by Google

Неумѣстнѣе такого желанія, по нашему мнѣнію, ничего бы быть не могло. Къ чему бы повело такое желаніе? Поэтъ, такой поэтъ, какъ Г. Щербина, лучше всякаго другаго человѣка самъ знаетъ, какая область искусства ему сподручна, какая форма нужна для выраженія его чувства и мысли: насиловать свое дарованіе, обращать его на путь, лежащій внѣ его призванія — настоящій поэтъ не станетъ. И менѣе гораздо было бы вообще плохихъ поэтовъ, еслибъ большинство начинающихъ дѣйствовать на поприщѣ поэзіи не задумывало слишкомъ много о всесторонности своихъ поэтическихъ способностей, не задавалось всеобъемлемостью. Но возвращаемся къ Г. Щербинѣ. Мы даже не скажемъ и того, что желаемъ ему успѣха на поприщѣ словесности, не скажемъ и потому, что эта фраза отъ безпрестаннаго повторенія въ концѣ всѣхъ одобрительныхъ рецензій потеряла свое значеніе, черезъ-чуръ износившись, не скажемъ и потому, что Г. Щербина явно поэтъ не начинающій, а въ томъ родѣ поэзіи, который избралъ Г. Щербина, врядъ-ли еще можно желать успѣха.

Послѣднее слово. Г. Щербина выставилъ первымъ эпиграфомъ надъ своими стихотвореніями слова Шиллера:

Schöne Welt, wo bist du? Kehre wieder,
Holdes Blüthenalter der Natur!
Ach, nur in dem Feenland der Lieder
Lebt noch deine fabelhafte Spur.

»Гдѣ ты прекрасный міръ? Возвратись, золотой возрастъ цвѣтенія природы! Увы, только въ волшебной области пѣсень живетъ еще твой баснословный слѣдъ.«

На это мы позволимъ себѣ замѣтить:

Г. Щербина своими стихотвореніями возвратилъ насъ душою, мыслію и воспоминаніемъ въ этотъ прекрасный міръ, который онъ такъ любитъ и которому сочувствуемъ всѣмъ сердцемъ и мы, бѣдныя дѣти столь часто оклеветываемаго вѣка. Давно, признаться, не испытывали мы такого полнаго, прекраснаго удовольствія, какое доставило намъ чтеніе »Греческихъ Стихотвореній.«

Digitized by Google

»Греческія Стихотворенія« изданы превосходно. За небольшую книжку въ 98 страничекъ вы заплотите, правда, 1 р. 50 к. сер. Но за этимъ останавливаться не должно: поэзія, хорошая поэзія, всегда и вездѣ была дорога.

Отрадно для литературной лѣтописи заносить на свои страницы подобныя явленія.... Да здравствуетъ же наше время! —

102. Проба Пера. Статьи для легкаго чтенія. К. Картамышева. Одесса. 1849 г. Стр. 189 въ 8-ю д. л.

Скромное заглавіе этихъ опытовъ должно сдѣлать критику возможно-снисходительною къ нимъ, «*Проба пера*» — разумѣется, только еще приступъ къ самому писанью, и послѣ первой *пробы*, *перо* иногда перечинится еще нѣсколько разъ, пока не окажется годнымъ къ употребленію. «Статьи для легкаго чтенія» — достигаютъ своей цѣли: читаются легко; числомъ ихъ восемь: Первое Января, Поѣздка въ Аккерманъ, Быль, Куяльницкій Лиманъ, Полька, Волшебный козелъ, Букетъ цвѣтовъ, Андрей Днищевъ.

«Андрей Днищевъ» — лучшая піэса въ книжкѣ. Здѣсь останавливается вниманіе читателя не на интересѣ содержанія, очень обыкновеннаго, а на простотѣ разсказа и чувствѣ, которымъ проникнуть онъ. Жаль, что общему впечатлѣнію мѣшаютъ неумѣстныя подробности о разсѣянности героя.

Г. Картамышевъ хорошо владѣетъ языкомъ, пишетъ гладко, — и если бы ему не вредило часто желаніе блеснуть новымъ, изысканнымъ оборотомъ выраженій, да иногда реторическая натянутость рѣчи — «Проба пера» выиграла бы во мнѣніи читателя еще болѣе. Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ требовать, чтобы авторъ, послѣ перваго опыта, исправилъ свое перо, сдѣлалъ въ немъ поглубже разщепъ, и написалъ уже не пробу, не статейку, а что-нибудь поосновательнѣе. Судя по Андрею Днищеву», можно надѣяться, что второй опытъ будетъ удачнѣе перваго.

Digitized by Google

103. Очерки Современной Жизни. Томъ VIII. Довѣрчивые Женихи. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. М. Корсини. 1850 г. Спб. Стр. 180 въ 16-ю д. л.

Вотъ еще новый томъ »Очерковъ Современной Жизни.« Никто такъ проворно не очерчиваетъ современную жизнь, какъ Г-жа М. Корсини; плодовитость необычайная: — въ короткое время семнадцать томовъ, изъ которыхъ восемь уже вышли, а девять готовы къ печати. Повѣсти, драмы, комедіи такъ и являются одна за другой. Еще непонятнѣе дѣлается эта плодовитость, когда авторъ объявляетъ, что «устремляетъ все свое вниманіе на психологическое развитіе характеровъ.» Нѣтъ, тутъ и толковать нечего: авторъ владѣетъ какимъ-нибудь секретомъ, никому неизвѣстнымъ; безъ секрета никакъ нельзя такъ скоро писать произведенія, въ которыхъ все вниманіе обращено на психологическое развитіе характеровъ, рѣшительно никакъ нельзя.

Мы читали и перечитывали драму Г-жи Корсини, и столько же изъ любви къ искусству, сколько изъ любопытства, прирожденнаго всякому смертному, не мало ломали себѣ голову надъ завидною тайною. Но не смотря на всѣ наши старанія, не смотря на предложенія и слова, которыя въ «довѣрчивыхъ женихахъ» слѣдуютъ непосредственно за каждымъ появленіемъ, каждою рѣчью и каждымъ движеніемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и, вѣроятно, имѣли цѣлью выразить разнообразные моменты ихъ психологическаго развитія, — не смотря, говоримъ, на соединенныя усилія автора и наши, мы не могли поднять этого Изидина покрывала. Талантъ Г-жи Корсини такъ легко и щедро дѣйствовать на трудномъ поприщѣ литературы, по этому, остается для насъ загадкою Сфинкса. Вы, читатель, быть-можетъ, удивитесь нашему расположенію говорить съ вами такъ загадочно, употреблять сравненія изъ миѳологіи, изъ міра Греческаго. Въ этомъ вините не насъ, а Г-на Щербину, который перенесъ насъ всѣмъ существомъ нашимъ въ нѣдра древняго міра. Полные еще впечатлѣніями, оставленными въ насъ достойнымъ поэтомъ, мы, наприм., по поводу предлежащаго произведенія, не можемъ не замѣтить его автору слѣдующее: онъ говоритъ въ предисло-

Digitized by Google

вія, что въ его драмѣ »не должно искать движенія и театральныхъ эффектовъ«; какъ же быть-то намъ, когда онъ написалъ драму, а это слово по-Гречески значитъ: *дѣло, дѣйствіе*. Самъ же авторъ признается, что въ его драмѣ нѣтъ дѣйствія, т. е. — подставивъ равное количество — нѣтъ драмы.

Слогъ Г-жи Корсини вообще правиленъ, иногда даже черезъ-чуръ вылощенъ. Онъ нѣсколько разъ напомнилъ намъ щегольство того писателя, который одну изъ извѣстныхъ своихъ рѣчей началъ такъ:

Quousque tandem....

*104. Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о Св. Горѣ Аѳонской. Часть 2-я Спб. 1850. Стр. 251 въ 8 д. л.**

Вторая часть «Писемъ Святогорца» заключаетъ въ себѣ 15 писемъ, и занимательностію своего содержанія не уступаетъ первой. Множество новыхъ подробностей о монастыряхъ Святогорскихъ, описанныхъ уже въ первой части, и нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ, коимъ почтенный авторъ еще не посвящалъ своихъ писемъ; сказанія о чудотворныхъ иконахъ, находящихся на Святой Горѣ; подвиги отщельничества прошедшаго и настоящаго времени; устройство Протата или главнаго управленія Святогорскими монастырями: таково главное содержаніе новыхъ писемъ. Но, не стѣсняемый никакимъ планомъ, Святогорецъ разнообразитъ свой разсказъ многими вставками, если не всегда относящимися прямо къ предмету его писемъ, то болѣе или менѣе любопытными, назидательными. Такъ, первое письмо его большею частію посвящено описанію Страстной и Свѣтлой седмицъ въ Іерусалимѣ; третье занято разсказомъ о слѣпцѣ Григоріѣ, который былъ спутникомъ автора въ путешествіи по Св. мѣстамъ; въ пятомъ изложено нѣсколько мыслей о характерѣ Византійской и Италіянской живописи, и проч. — Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о жизни слѣпца Григорія (Ширяева), которому мы обязаны изданіемъ этихъ писемъ.

---

* О первой части см. въ 8 кн. М., Библіографія, N. 65.

Digitized by Google

Родился онъ въ одной изъ деревень Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи, и на 10-мъ году лишился зрѣнія. «При слѣпотѣ моей, разсказываетъ онъ, я не могъ уже быть полезнымъ въ общественныхъ занятіяхъ и въ семейной жизни; а потому главнымъ и единственнымъ моимъ предметомъ была церковь. Мой духъ и самое сердце требовали этой пищи. Я постоянно началъ погружаться въ созерцаніе навсегда утраченныхъ для меня красотъ природы, и легче сталъ переноситься мыслію и глубже проникать въ неизслѣдимыя судьбы Божественнаго о мнѣ Промысла и творческой мудрости. Лучшимъ изъ наслажденій моихъ, и даже необходимостію, сдѣлалось тогда слушаніе духовнаго чтенія, въ которомъ такъ много назидательныхъ образцовъ вѣры и терпѣнія христіанскаго; самая молитва была единственнымъ условіемъ къ успокоенію сердца и къ отраженію отъ него малодушія и ропота на Провидѣніе. Я искренно предался Богу, часто началъ ходить въ церковь, и всѣхъ, кто только могъ мало-мало читать, я просилъ утѣшать меня чтеніемъ изъ Четь-Минеи или другихъ назидательныхъ книгъ. Къ развитію въ моей юной и пылкой душѣ первыхъ зародышей духовной жизни, всего болѣе споспѣшествовалъ нашъ сельскій священникъ, мой крестный отецъ, у котораго я по нѣскольку дней сряду оставался, для того только, чтобы слушать чтеніе нравственныхъ или догматическихъ книгъ, и неупустительно быть въ церкви, при каждой службѣ, гдѣ проводилъ цѣлые дни и ночи. Къ утѣшеніямъ подобнаго рода, къ утѣшеніямъ высшимъ и чистымъ, присоединились и другія, просто ребяческія: я страстно любилъ звонить на колокольнѣ. Не рѣдко читалъ я иногда и на клиросѣ то, что выучивалъ на память, какъ-то: шестопсаліе, часы и проч. Такимъ образомъ мое ребячество протекло въ самыхъ невинныхъ, чистыхъ и даже разнообразныхъ удовольствіяхъ, которыя, не раздражая чувственности и не питая страстей плоти, напротивъ того, имѣли особенное вліяніе на проявленіе первыхъ разцвѣтовъ моей жизни по Богѣ и для Бога, такъ что въ тринадцать лѣтъ я началъ замышлять многое, въ отношеніи улучшенія моего нравственнаго чувства и располагался къ путешествію по Св. мѣстамъ, да притомъ къ

Digitized by Google

какому путешествію-то?.... Къ совершенно одинокому.... Я не хотѣлъ никакого себѣ товарища или спутника, рѣшился испытать мои собственыя силы и руководство слуха, которымъ такъ богато одарены жертвы карающей насъ судьбы, то есть слѣпцы. Напрасно уговаривали меня мои родные, и самымъ убѣдительнымъ образомъ представляли мнѣ опасности подобнаго путешествія: я ничего и слышать не хотѣлъ, вполнѣ надѣясь видѣть на себѣ оправданіе словъ Божественнаго Давида: *Ангеломъ своимъ заповѣсть, сохранити тя во всѣхъ путяхъ твоихъ; на рукахъ возмутъ тя, да некогда преткнеши о камень ногу твою.* Какъ ни объясняли мнѣ, каждый по собственному понятію, стихъ Псалтири, я стоялъ на своемъ и съ торжествующимъ видомъ повторялъ: это не для зрячихъ сказано; потому что чувствовать и знать преткновенія на пути дѣло только слѣпца, а зрячій, какъ говоритъ пословица, развѣ за солнышко запнется. Послѣ долгихъ, но напрасныхъ со стороны родителей моихъ убѣжденій — усадить меня дома, я настоялъ на своемъ, и на первый разъ предпринималъ недальнія путешествія, напр. къ Симеону Верхотурскому, а потомъ и къ вашему Николаю Великорѣцкому.» Путешествія такъ пришли по душѣ слѣпцу, что въ послѣдствіи времени онъ началъ предпринимать и болѣе отдаленныя странствія, посѣтилъ почти всѣ св. мѣста Русской земли, былъ въ Палестинѣ и на Синаѣ, и почти вездѣ одинъ, безъ проводника, руководствуясь только указаніями того внутренняго чувства, коимъ Богъ умудряетъ слѣпцовъ.... Окончивъ задуманныя странствованія, онъ предполагаетъ, подобно Святогорцу, поселиться на Аѳонѣ.

Изъ монастырей Св. Горы, кромѣ Русскаго, особенное вниманіе наше привлекаетъ Эсфигменъ, потому что въ немъ подвизался Преподобный Антоній Печерскій. Отлагая подробное описаніе Эсфигмена до времени, Святорецъ сообщаетъ намъ лишь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній объ немъ, которыя мы и передадимъ здѣсь.

Эсфигменъ въ Русскомъ переводѣ значитъ *утѣсненный*, потому что рѣшительно со всѣхъ сторонъ, исключая восточной, онъ сжатъ сосѣдственными высотами и выдвинутъ въ море, которое съ шумомъ и ревомъ бьется о низ-

Digitized by Google

менную скалу, гдѣ возвышается онъ. Въ аскетическомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ первому классу Аѳонскихъ монастырей, потому что общежительный. Основателями его были Ѳеодосій Младшій, Императоръ Греческій, и сестра его Пульхерія.

«Кромѣ святынь монастыря насъ трогательно здѣсь занялъ престарѣлый Епископъ Германъ, урожденецъ Румелійскій, пребывающій на покоѣ, послѣ іерархическихъ трудовъ; его келья въ самомъ верхнемъ ярусѣ, и галлереею выходитъ на монастырскую площадь. По прибытіи своемъ сюда онъ вскорѣ посхимился, и, не смотря на то, что много помогъ обители, наравнѣ съ прочими терпитъ строгость киновіатской жизни. Чтобъ постоянно имѣть въ памяти послѣдній часъ жизни и укоренить въ своемъ сердцѣ чувство загробнаго страха, Преосвященный выкопалъ себѣ, при наружной стѣнѣ церкви, могилу, которая и остается незакрытою въ виду его жилища. Часто смиренный владыка выходитъ на террасу своей кельи, садится противу церкви, лицомъ къ своей могилѣ, и слезы умилительнаго раздумья, о неизвѣстности загробной судьбы, текутъ изъ его старческихъ очей. По чувству глубокаго смиренномудрія и по самой старости онъ не служитъ, а, когда ему угодно, пріобщается изъ рукъ священнодѣйствующаго іеромонаха. Какъ поразительны для нашего самолюбія образцы подобнаго смиренія!.... Въ нашу бытность здѣсь, владыка задумчиво и долго сидѣлъ на своей возвышенной терасѣ, противу могилы. Въ послѣдствіи мнѣ очень было жаль, что я не удостоился быть у него и побесѣдовать съ нимъ. Разбитые дорогою, мы предпочли тѣлесное отдохновеніе сердечной пользѣ; впрочемъ, при могилѣ Преосвященнаго были. Тогда какъ съ грустнымъ чувствомъ мы осматривали этотъ символъ нашего ничтожества, то есть могилу, владыка не сводилъ съ насъ очей своихъ, оставаясь неподвижно на террасѣ; онъ и самъ иногда приходитъ сюда плакать и любить смотрѣть на вѣчный покой своей труженической жизни.

«Послѣ небольшаго отдыха, по обозрѣніи монастыря и послѣ поклоненія и лобзанія Св. мощей и Животворящаго древа, мы направились къ горной пещерѣ нашего Кіевскаго пещерника, Преподобнаго Антонія. Путь туда лежитъ чрезъ быстрый ключь; крутизна и неудобства всхода между кустарниками и, въ добавокъ, невыносимый жаръ насъ задушали и обезсиливали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ съуживалась тропа и такъ подмыта дождевыми стоками, что мы должны были безпрестанно цѣплятьсл за кустарники, чтобы не пролетѣть подъ гору. Впрочемъ, не болѣе четверти часа мы взбирались такъ.

Digitized by Google

«Пещера Св. Антонія изсѣчена въ скалѣ; гладкая площадка развита предъ нею и обнесена каменною легкою загородкою. Въ ровень съ главною пещерою, есть другая тѣснѣе и гораздо нестройнѣе первой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоитъ отшельническая двухъ-этажная келейка, сѣверовосточный уголъ которой треснулъ и отвалился. Келейка эта выдвинута на самый край отвѣсной скалы, при которой лежитъ глубокая пропасть до самаго моря, бурно утѣсняющаго волнами своими хладный гранитъ.... Внутри кельи страшно оставаться: одинъ подземный ударъ, легкій волканическій перекатъ, и она можетъ восточною своею частью, а всего скорѣе сѣверовосточнымъ отшатнувшимся уже угломъ, улетѣть въ бездну. Мы застали въ ней престарѣлаго отшельника, который, презирая страхъ и опасенія, спокойно доканчиваетъ здѣсь подвижническій вѣкъ свой. Онъ принялъ насъ очень ласково и провелъ къ пещерѣ нашего Кіевскаго пещерника.

«Пещера Преподобнаго Антонія, вѣроятно, ничего не измѣнила въ себѣ со времени ея первоначальнаго обитателя, развѣ только строгую постель его, которая теперь заложена, примѣтно, новыми дощечками, и каминъ. Радушный пустынникъ по-Гречески объяснялъ намъ и бѣдность монастыря и самой пустыни Антоніевой, и съ старческимъ простосердечіемъ располагалъ будущею судьбою келейки, здѣсь находящейся. Ему хотѣлось здѣсь устроить церковь, обновить келью и имѣть всѣ удобства и условія къ спокойному отшельничеству. Мы не мѣшали старцу заранѣе восхищаться будущимъ и поддерживали въ немъ духъ справедливой вѣры въ небесный Промыслъ.

«Видъ отсюда на востокъ чрезвычайно хорошъ. — Пустыня Св Антонія единственна во всѣхъ отношеніяхъ своего аскетическаго достоинства. Самая пещера вполнѣ удовлетворяетъ въ требованіяхъ мысли и духа: здѣсь невозмутимая тишина, удаленіе не только отъ свѣта, но и отъ самыхъ иноковъ; только море и небо, небо и море — единственные видимые предметы. Въ нашу пору небо было ясно и свѣтло; солнце дробилось въ переливныхъ волнахъ моря и ярко отражалось въ нихъ своими жгучими лучами; оно проникало въ самую глубь растрескавшихся скалъ и ущелій; природа въ царственной красотѣ полной весны; только море тревожилось перекатомъ волнъ и сердито разбивалось о неподвижный гранитъ пустынныхъ скалъ....»

Но на Св. Горѣ есть мѣста еще уединеннѣе, еще неприступнѣе, и одно изъ такихъ Святогорецъ описываетъ въ 5 письмѣ.

«Каруля считается безмолвнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ здѣсь пустынь, и путь туда не только трудень, но и опасенъ.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ, съ замирающимъ отъ страха сердцемъ, разсказываютъ о крайности жестокаго пути и о самыхъ опасностяхъ на немъ: потому что Каруля не иное что, какъ отвѣсная прибрежная скала, господствующая надъ бездною Архипелага, съ южной стороны Св. Горы. Высоту этой скалы, отъ моря до отшельническихъ келій полагаютъ до 150, а широту до 50 саженъ. Чтобъ взобраться туда, надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпляться за камень руками и даже висѣть всѣмъ корпусомъ надъ бездною.... Мгновеніе оплошности, и — помилуй какъ звали!.... На Карулю не всѣ ходятъ, по причинѣ трудности и опасностей пути. По разсказамъ очевидцевъ, тамъ устроена небольшая церковь во имя Св. Георгія Побѣдоносца, и есть нѣсколько келій. Первоначальный обитатель этой строгой и не всѣмъ доступной пустыни былъ какой-то кающійся разбойникъ (по преданію, онъ жилъ при Аѳанасіи Аѳонскомъ), а по смерти его она оставалась и остается по сю пору совершенно свободною для всякаго. Не смотря на то, что такъ опасенъ туда путь и жизнь сопряжена со всевозможными лишеніями и скорбью, Каруля почти никогда не остается пустою: кто-нибудь таки занимаетъ страшную пустыню. Въ настоящую пору уединяется тамъ Русскій Архимандритъ Онуфрій, у котораго борода до колѣнъ. Въ бытность Барскаго, въ 1744 году, уединялся на Карулѣ кающійся корсаръ, то есть морской разбойникъ.

«Продовольствіе получаютъ Карульскіе отшельники иногда изъ монастырей, но всего болѣе отъ проѣзжающихъ мимо Св. Горы кораблей и каиковъ христіанскихъ. Рѣдкій изъ мораковъ не знаетъ Карули; каждый капитанъ или шкиперъ корабля и каикчій (лодочникъ), какъ скоро подъѣзжаетъ къ Карулѣ, посылаетъ матросовъ къ корзинкѣ, которую однажды навсегда укрѣпили на блокѣ и опустили къ самому морю тамошніе отшельники, и кладетъ въ нее то, что Богъ внушитъ положить и совѣсть. Между тѣмъ Карульскіе иноки, имъ только извѣстною тропою, спускаются нѣсколько ниже отъ своей пустыни къ морю, и тамъ, изъ свѣшенной корзинки, берутъ себѣ то, что христолюбцы положатъ. Такимъ образомъ жизнь на Карулѣ вполнѣ почти обезпечивается милостынею отъ проѣзжающихъ мимо Св. Горы кораблей. Главный недостатокъ тамъ въ водѣ, потому что на Карулѣ нѣтъ ключей, и вода не иначе можетъ быть запасена на круглый годъ, какъ только стоками во время дождей. Между пустынными произведеніями тамошней природы отшельники находятъ годною къ употребленію только дикую капусту, которая растетъ въ трещинахъ прибрежныхъ скалъ....»

Говоря о первой части «Писемъ Святогорца», мы пожалѣли, что онъ ничего не сообщилъ намъ о древностяхъ

Digitized by Google

Аѳона, о его библіотекахъ и рукописяхъ: теперь онъ снимаетъ съ себя этотъ укоръ «Я, пишетъ онъ, хотя и люблю исторію, то есть историческія статьи читаю съ полнымъ удовольствіемъ; но писать вполнѣ исторически, хоть бы и о Св. Горѣ — какъ угодно — не берусь, потому что исторія для меня и скучна, въ своихъ археологическихъ изысканіяхъ, и неизмѣнима въ точности и вѣрности своихъ событій; она требуетъ строгой истины и неумолимой правды.» Не считая нужнымъ спорить съ почтеннымъ авторомъ о *скукѣ* исторіи, мы надѣемся, что со временемъ онъ перемѣнитъ свое мнѣніе, ибо въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Если угодно будетъ Господу Богу и продлится моя жизнь, я возьмусь за перо снова, но уже съ *строгою и историческою критикою* и послѣдовательностію, и не въ видѣ писемъ.» Пока мы находимъ у него только немногія свѣдѣнія о предметѣ, такъ много занимающемъ ученый міръ. О библіотекахъ Аѳонскихъ онъ показываетъ то же самое, что и Г. Григоровичъ, т. е. что онѣ въ самомъ небрежномъ положеніи. «Аѳонскіе иноки, какъ необразованные простячки, о старинныхъ книгахъ и рукописяхъ, большею частію писанныхъ на пергаменѣ, думали не какъ о драгоцѣнныхъ произведеніяхъ древняго ученаго міра, а какъ о ничтожной ветоши, напрасно занимающей только мѣсто. Не диво послѣ этого, если случится здѣсь увидѣть нѣкоторыя звена въ окнахъ заклеенными археологическимъ отрывкомъ какой-нибудь книги или рукописи. Можетъ быть, такимъ образомъ столько же утрачено священныхъ памятниковъ ученой старины, сколько ихъ сгнило отъ небреженія и сырости подвальнаго воздуха и расхищено неблагонамѣренными учеными. Мнѣ сказывали здѣсь, что на Западъ продавали прежде отсюда библіотечный соръ, то есть книги и рукописи, не по одиначкѣ и порознь каждую книгу и рукопись, а безъ разбору и цѣлыми пудами!» Въ другомъ мѣстѣ, говоря о мало доступной библіотекѣ Карейской, богатой рѣдкими рукописями, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *трагосъ*, т. е. пергаменъ или цѣлая козлиная шкура, на коей изложены правила Аѳонской жизни,—Святогорецъ замѣчаетъ: «Со своей стороны, не отягощая себя до времени строгимъ историческимъ обозрѣніемъ Аѳона,

Digitized by Google

я не силился и не силюсь открыть себѣ входъ въ здѣшній и другіе архивы, которые, конечно, для меня гораздо будутъ доступнѣе, чѣмъ для другихъ, потому что я здѣсь уже какъ свой и, при достаточныхъ средствахъ, легче и гораздо болѣе могу найти путей къ тайникамъ Аѳонскихъ библіографическихъ сокровищъ и къ сердцу ихъ счастливыхъ обладателей. Для меня еще время не ушло....» Мы усердно просимъ почтеннаго автора, чтобы это время *пришло* какъ можно скорѣе, и всѣ друзья науки будутъ благодарны ему столько же, сколько благодарятъ его теперь любители назидательнаго чтенія.

На Аѳонѣ существуютъ нѣсколько училищъ, но какихъ! Одно изъ нихъ, находящееся въ Карев, Святогорецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Представьте себѣ учениковъ-иноковъ съ длинными бородами: какое жъ ученое ихъ занятіе? какія книги питаютъ ихъ любознательность? Первая часть ариѳметики и Начатки христіанскаго ученія, то есть краткій катихизизъ.... Это бы не бѣда еще, но вотъ что плохо: ученикамъ не даютъ свободы въ образѣ жизни и питаютъ ихъ неудобосваримою пищею. И по неволѣ брадатые школьники даютъ тягу, предпочитая, при грубой пищѣ, тяжелые труды, и изъ-за книги съ удовольствіемъ стремятся къ своему декилю, чтобъ копать землю и бить камень, чѣмъ рыться въ глубинѣ премудрости. Между тѣмъ учители получаютъ здѣсь очень хорошее жалованье. Что дѣлать!....»

Съ подобными мыслями грустно покинуть книгу, посвященую Аѳону. Откроемъ ее снова, неудачу: насъ останавливаетъ описаніе освященія храма во имя Св. Митрофанія въ Русскомъ монастырѣ. Храмъ этотъ строился нѣсколько лѣтъ, и по скудости средствъ обители, едва ли могъ бы скоро быть оконченъ. Пріѣздъ одного Русскаго богомольца, С.-Петербурскаго купца С. М. Комарова, помогъ ходу дѣла: тронутый бѣднымъ положеніемъ монастыря, онъ далъ обѣтъ устроить иконостасъ въ новый храмъ и озаботиться о внутреннемъ его украшеніи. Спустя три года (1846), онъ прибылъ на Св. Гору со сдѣланнымъ въ Россіи иконостасомъ и церковною утварію, и 23 Ноября, день, когда празднуется память Св. Митрофанія, храмъ былъ

Digitized by Google

торжественно освященъ. Благословеніямъ Россіи и Державному Царю ея и изъявленіямъ чувствъ сердечной признательности благотворителю монастыря не было конца. Еще до освященія храма, на вопросъ братіи монастырской Комарову: «останется ли жить съ ними?» нашъ богомолецъ обыкновенно отвѣчалъ: «а вотъ подожду освященія храма. Когда это дѣло совершится, и я вполнѣ исполню мой обѣтъ, тогда посмотрю, что со мною сдѣлаетъ Св. Митрофаній, и что онъ скажетъ мнѣ. Теперь я ничего не предполагаю.» Но спустя нѣсколько дней послѣ совершенія торжества онъ принялъ на себя ангельскій образъ, а потомъ и схиму.... Отсюда мысль невольно переносится къ отшельникамъ Аѳонскимъ, и особенно къ нашимъ соотечественникамъ, которыхъ на Св. Горѣ подвизается до 200 человѣкъ*; далѣе къ богомольцамъ, приходящимъ на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ.... Объ одномъ изъ послѣднихъ, помѣщикѣ С.-Петербургской губ., Гдовскаго уѣзда, П. А. К—вѣ, находимъ въ письмахъ Святогорца слѣдующія строки: «Это человѣкъ прекраснаго сердца и доброй настроенности духа. Послѣ бурныхъ лѣтъ юности и послѣ разгуловъ офицерской жизни, онъ посвятилъ себя странствію по Св. мѣстамъ Востока, и притомъ въ такое время, когда бы другой, на его мѣстѣ, и не думалъ о такомъ пожертвованіи Богу: Г. К—въ только что обручился съ избранною имъ невѣстою, и оставилъ ее, съ тою цѣлію, чтобы исполнивши до вѣнца страннический обѣтъ свой, въ послѣдствіи остаться навсегда труженикомъ семейной жизни....»

Второю частью своихъ писемъ Святогорецъ прощается съ читателями — можетъ быть, надолго, но не навсегда, а «до тѣхъ дней и поръ, говоритъ онъ, когда опять увижу я мой Русикъ, и когда разыграется моя мысль и само воображеніе при новомъ обозрѣніи безцѣнныхъ для меня мѣстъ оставленнаго Аѳона.» Это было писано въ 1847 г.;

---

* Въ томъ числѣ въ Русскомъ монастырѣ до 50 ч. Въ этой обители каждый праздникъ возглашается многолѣтіе Государю Императору и всей Высочайшей Фамиліи, потомъ Св. Синоду и всѣмъ православнымъ.

Digitized by Google

авторъ отправлялся тогда, по порученію своего монастыря, въ Россію. Не знаемъ, возвратился ли онъ; но если Святогорецъ снова среди мѣстъ, которыя вдохновляютъ ему краснорѣчивыя страницы, то какъ же намъ не просить и не надѣяться, что онъ не замедлитъ доставить всей читающей публикѣ опять такое же наслажденіе, какое доставили изданныя имъ письма! Дай Богъ ему силъ душевныхъ и тѣлесныхъ для этого труда!....

105. Бесѣды и слова, говоренныя Нижегородскаго Макарьева монастыря Архимандр. Варлаамомъ. Спб. 1850. Стр. 311 въ 8-ю д. л.

Въ этой книгѣ содержится 30 словъ и бесѣдъ, произнесенныхъ въ періодъ времени 1838—1849 гг. Простота изложенія и правильный языкъ составляютъ несомнѣнныя ихъ достоинства. Для примѣра приводимъ начало бесѣды въ день Успенія Божіей Матери, о ежедневномъ прошеніи нашемъ у Господа «христіанскія кончины живота, безболѣзненны, непостыдны и мирны.»

«Смерть и веселіе, гробъ и торжество — какое дивное сочетаніе сегодня событій и чувствій въ Церкви Христовой! Мы скорбимъ, проливаемъ слезы при всякомъ гробѣ, какъ скоро видимъ въ немъ кого-либо изъ близкихъ нашихъ, по крайней мѣрѣ никогда не предаемся радости при видѣ этого жилища смерти, кто бы ни былъ жилецъ его: а когда почила на смертномъ одрѣ Матерь Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, мы веселимся, свѣтло торжествуемъ, и съ нами весь міръ христіанскій. Отъ чего это? Конечно, отъ того, что смерть Ея совсѣмъ не то, что мы обыкли называть смертію — тлѣніе и разрушеніе; нѣтъ, это былъ только сонъ кратковременный, и *гробъ Ея*, окруженный славою Боголѣпною, сдѣлался для Ней *лѣствицею къ небеси*. Ибо какова была Ея кончина? Горя паче Серафимовъ любовію къ Сыну своему и Богу, Пресв. Дѣва часто молилась и воздыхала о своемъ преселеніи къ Нему, и Господь открылъ Ей, чрезъ Архангела Гавріила, время онаго. Ко дню сему Апостолы изъ разныхъ странъ свѣта были восхищены облаками и поставлены во Іерусалимѣ. Въ день успенія Ея явился къ Ней въ необыкновенномъ свѣтѣ Самъ Господь съ Ангелами и Святыми, и Пресв. Дѣва, послѣ сладкой бесѣды съ Нимъ, не имѣя ни одной болѣзни тѣлесной, предала въ руки Его непорочную душу свою, возлегши на одрѣ своемъ. Тотчасъ облачный кругъ осѣнилъ тѣло Ея и

Digitized by Google

чудесно охранялъ его отъ дерзости Іудеевъ при погребеніи его. Въ третій день по смерти, когда Апостолъ Ѳома, не бывшій, по устроенію Божію, при кончинѣ Пресв. Дѣвы, пришелъ въ Геѳсиманію, и Апостолы открыли для него гробную пещеру почившей, пречистаго тѣла Ея уже не нашлось тамъ. Сынъ Божій, Самъ воскресшій изъ мертвыхъ въ третій день, возбудилъ и Пренепорочную Матерь Свою и восхитилъ Ее изъ гроба на небо. Симъ исполнилось пророческое возглашеніе Давидово: Воскресни Господи, въ покой Твой Ты и кивотъ святыни Твоей (Псал. 131, 8). Не торжество ли это, слушатели, для Пресв. Дѣвы, и не радоваться ли намъ надобно, воспоминая успеніе Ея!»

106. Священная Исторія, выбранная изъ четырехъ Евангелистовъ, Николаевской, что въ Воробинѣ, церкви Протоіереемъ, Магистромъ М. Богдановымъ. М. 1850 г. Стр. 197.

Въ этой книгѣ изложена исторія земной жизни Іисуса Христа. Отсюда всякій увидитъ важное значеніе этого новаго труда Протоіерея Богданова. Подобной книги, т. е. какъ особеннаго сочиненія, на Русскомъ языкѣ еще не было. (Мы не говоримъ о переводныхъ для дѣтей.) Книга же Протоіерея Богданова писана для всѣхъ возрастовъ. Она сколько полезна для взрослыхъ, столько же доступна и дѣтямъ.

Авторъ слѣдовалъ въ изложеніи Евангельскихъ событій самому лучшему порядку, по мнѣнію людей знающихъ это дѣло, именно тому порядку, какой предлагаетъ Библейская исторія Высокопреосв. Филарета въ жизни Іисуса Христа.

Языкъ Священной исторіи Богданова самый простой и общепонятный. Онъ приближается, сколько возможно, къ простотѣ Евангельскаго языка; а во многихъ мѣстахъ, особенно въ изложеніи ученія и притчей Іисуса Христа, слова Евангельскаго повѣствованія вносятся въ Исторію безъ всякой перемѣны. И нѣтъ сомнѣнія, что для Евангельскаго ученія не можетъ быть приличнѣе другаго языка.

Вообще сочинитель старался ближе держаться Евангелія. Потому въ его Исторіи нѣтъ какихъ-нибудь пространныхъ изслѣдованій, какихъ-нибудь взглядовъ и соображеній, которыя въ подобномъ сочиненіи не столько бы доставляли свѣта читателю, сколько закрывали бы отъ не-

Digitized by Google

го блескъ Евангельскаго свѣта. Сочинитель имѣетъ цѣлію чище и ближе передать только содержаніе Евангелія. Необходимыя объясненія и замѣчанія, археологическія, историческія и богословскія, онъ ставилъ не въ текстѣ, а подъ чертою. А текстъ у него только сокращеніе Евангелія. Отъ этого, сочиненіе, заключая въ себѣ ученый интересъ, въ то же время достигаетъ другой цѣли: оно назидаетъ умъ въ вѣрѣ и сердце въ благочестіи.

Мы съ почтеніемъ принимаемъ трудъ О. Протоіерея. Книга его будетъ доставлять намъ и ученое и поучительное чтеніе. А для изучающихъ Св. Исторію его сочиненіе конечно будетъ превраснѣйшимъ и удобнѣйшимъ руководствомъ.

Д. К.

107. Руководство къ черченію машинъ. По порученію начальства Артил. Техн. школы, перевелъ съ Франц. Полевой Инженеръ-Капитанъ Домерщиковъ. С.-Пб. Въ тип. Артил. Депар. Военнаго Министерства. 1850 г. Въ 8 д. стр. 244, съ 60-ю таблицами чертежей.

Эта книга, необходимая для всѣхъ занимающихся практическою механикою, напечатана по Высочайшему повелѣнію; она, безъ сомнѣнія, будетъ принята въ руководство преподаваній во всѣхъ спеціальныхъ школахъ; учители гимназій также хорошо сдѣлаютъ, когда въ классахъ геометріи будутъ заимствовать изъ нея примѣры для геометрическихъ задачъ, относящихся къ лонгиметріи и истереометріи: этого рода задачи содержатся въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ книги: »Геометрическія задачи« и »Способъ проекцій.« Всѣ остальныя *шестнадцать* отдѣленій основываются на двухъ упомянуты ъ и относятся къ практической механикѣ; именно:

Построеніе винтовой линіи,
Змѣеобразное тѣло,
О тѣневыхъ чертахъ,
О винтѣ,
Проекціи подшипника,
Изображеніе колесъ,
Начертаніе нѣкоторыхъ эксцентриковъ,
О зацѣпленіяхъ,

Digitized by Google

Детали коромысла,
Детали шатуна и мотыля,
Параллелограмъ Уатта,
Паровая машина съ горизонтальнымъ цилиндромъ (Тайлора),
Съемка машинъ съ натуры,
Построеніе тѣней,
Образцы тушованныхъ фигуръ,
Раскрашиваніе рисунка.

Изъ этого видно, что книга совершенно удовлетворяетъ *полнотѣ;* а прочитавъ ее, всякій увѣрится, что изложенные въ ней предметы расположены въ непрерывной связи, съ соблюденіемъ строгой геометрической послѣдовательности. Также нельзя не похвалить правильности, простоты и чистоты Русскаго языка: читая ее, кажется, слушаешь лекціи умнаго и ученаго преподавателя. Рецензентъ позволяетъ себѣ поспорить съ Г. переводчикомъ только о двухъ или трехъ словахъ: »элипсъ« надобно замѣнить »эллипсисомъ«; вмѣсто »подобный элипсу« должно написать: »похожій на эллипсисъ«, потому что въ геометріи смыслъ слова »подобный« опредѣляется особенными условіями: два треугольника, или двѣ кривыя линіи могутъ походить другъ на друга, не удовлетворяя условіямъ геометрическаго »подобія.« Наконецъ, когда изъ существительнаго »проекція« составляется глаголъ »проектировать«, тогда выходитъ двусмысліе: »проектировать зданіе« не значитъ изображать его на плоскости по правиламъ геометріи, но — »составлять для него проэктъ.« Поэтому не лучше ли вмѣсто »проекціи« употреблять Русское слово »проложеніе« и происходящій отъ него глаголъ »пролагать?« Слова эти не трудны для произношенія, и при употребленіи ихъ никогда не встрѣтимся съ двусмысленностью. Притомъ рецензентъ думаетъ, что »проложеніе« есть вѣрный переводъ слова »проекція.« Тутъ нѣтъ геометрической ошибки, какъ, напримѣръ, въ словахъ »поперечникъ и полупоперечникъ«, которыя совсѣмъ не выражаютъ геометрическаго смысла »діаметра и радіуса.«

Вотъ и вся рецензія. Остается только поблагодарить попечительное Начальство за изданіе полезнѣйшей книги: оно требовало значительныхъ издержекъ, не по силамъ частнаго человѣка.

Digitized by Google

108. Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей Съ полнымъ объясненіемъ. Н. Пирогова. Изд. редакціи Военно-медицинскаго журнала. Спб. Въ тип. Якова Трея. 1850.

Безспорно, что анатомическія изображенія много способствуютъ къ удержанію въ памяти вида, положенія и строенія разнообразныхъ частей человѣческаго тѣла. Потому разными учеными были изданы многочисленные анатомическіе атласы. Одни изъ этихъ атласовъ представляютъ изображенія человѣческаго тѣла и его частей въ состояніи здоровья; другіе — имѣютъ въ виду преимущественно болѣзненныя измѣненія. Такъ какъ изъ самаго изученія анатоміи здороваго человѣка извлекается врачемъ разнообразная выгода, смотря по примѣненіямъ этой науки къ хирургіи, судебной медицинѣ и пр.; то появились и анатомическіе атласы спеціальные, соотвѣтствующіе разнообразнымъ потребностямъ судебнаго врача, хирурга и т. д. Такіе атласы въ достаточномъ количествѣ изданы за границею и приносятъ большую пользу медицинской публикѣ. Мы, Русскіе, еще нуждаемся въ подобныхъ пособіяхъ, — и потому нельзя не поблагодарить искренно знаменитаго нашего ученаго *Н. И. Пирогова*, которымъ Русскій медицинскій міръ достойно гордится, и котораго необыкновенной дѣятельности нельзя не удивляться, за обогащеніе Русской медицинской литературы анатомическими атласами. Извѣстенъ огромный атласъ прикладной анатоміи *Пирогова*: онъ составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе нашей литературы; но, по своей дороговизнѣ, соотвѣтствующей огромности и великолѣпію изданія, можетъ быть пріобрѣтаемъ только общественными библіотеками и немногими частными людьми. Въ атласѣ, теперь изданномъ, назначенномъ преимущественно для судебныхъ врачей, на 22-хъ рисункахъ находятся изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла. Къ рисункамъ приложено пол-

Digitized by Google

ное объясненіе. Цѣна атласа самая умѣренная: 2 рубля 50 коп. сер.,—и потому его легко пріобрѣтетъ всякій изъ учащихся медицинѣ и врачей.

Желательно, чтобы Русская медицинская публика по всѣмъ отраслямъ медицины получила такія руководства, какимъ подарилъ ее теперь нашъ знаменитый Академикъ, издавъ анатомическій атласъ для судебныхъ врачей. Въ теченіе съ небольшимъ 10 лѣтъ этотъ ученый успѣлъ совершить слѣдующее: 1) издавалъ записки Хирургической клиники, которой былъ директоромъ; 2) напечаталъ хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій, съ огромнымъ атласомъ; 3) произвелъ изслѣдованія, съ цѣлію прояснить процессъ вслѣдъ за перерѣзкою сухожилій, и обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій; 4) какъ скоро начали толковать объ употребленіи предъ операціями средствъ, на время лишающихъ больнаго чувствительности, онъ одинъ изъ первыхъ произвелъ многочисленные опыты, съ цѣлію опредѣлить дѣйствіе этихъ средствъ, показать пользу и вредъ отъ нихъ; онъ предложилъ новый способъ введенія въ человѣческое тѣло средствъ, лишающихъ на нѣсколько минутъ чувствительности; по порученію Правительства онъ испыталъ на полѣ брани дѣйствіе анестетическихъ, съ пользою для человѣчества; 5) когда посѣтила наше Отечество язвительная эпидемія, у всѣхъ насъ такъ живо еще сохраняющаяся въ памяти, онъ неутомимо изслѣдовалъ больныхъ, вскрывалъ съ самопожертвованіемъ трупы и., какъ результатъ этихъ добросовѣстныхъ изслѣдованій, мы имѣемъ уже превосходный атласъ, изображающій анатомическія измѣненія, найденныя *Пироговымъ* у холерныхъ; 6) онъ издаетъ прикладную анатомію. Я не вычисляю многихъ другихъ замѣчательныхъ сочиненій *Пирогова*. Конечно, въ началѣ своего литературнаго поприща нашъ Академикъ издавалъ свои труды на языкѣ не родномъ, б. м. потому, что былъ Профессоромъ Университета Дерптскаго и обязанъ былъ преподавать науку на языкѣ Нѣмецкомъ; но теперь, переселившись въ Петербургъ, къ нашей пользѣ и удовольствію и къ славѣ Русской медицинской литературы, всѣ свои сочиненія онъ печатаетъ на родномъ языкѣ.

Digitized by Google

Желательно, чтобы необыкновенная, безкорыстная дѣятельность этого ученаго возбудила соревнованіе между Русскими врачами; тогда бы Русская медицинская литература обогатилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и люди, посвятившіе себя леченію больныхъ, получили бы больше средствъ къ выполненію своей благородной цѣли. *А. П.*

109. Ученіе о переломахъ костей. Соч. Ж. Ф. Мальгеня, члена Парижской Медиц. Академіи, и проч. По порученію Медиц. Департамента Воен. Министерства пер. съ Фр. Докторъ Я. Чиставичъ. Спб. 1850.

Это сочиненіе содержитъ въ себѣ полное ученіе о переломахъ костей. Переломы, какъ извѣстно, замѣчаются часто и при леченіи ихъ исходъ болѣзни много зависитъ отъ вѣрнаго распознанія ея и отъ правильнаго употребленія извѣстныхъ средствъ. Французскіе хирурги сдѣлали болѣе на этомъ поприщѣ, чѣмъ другіе. *Мальгень* одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ хирурговъ собралъ разные факты и мнѣнія, касающіеся переломовъ костей, оцѣнилъ ихъ, прибавилъ къ нимъ результаты своей собственной опытности и изложилъ все въ системѣ. Потому наша медицинская публика, конечно, съ благодарностію приметъ переводъ сочиненія *Мальгеня*, сдѣланный по порученію Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства. *А. П.*

110. Магазинъ всѣхъ усеселеній, или полный, подробнѣйшій оракулъ и чародѣй, славныхъ астрономовъ и мудрецовъ, Птоломея, Тихобрага, Брюса, Алберта, Іосифа, Мартына Задеки, Зороастра, и проч. содерж. въ себѣ 22 книги. М. 1850.

Вывѣска, нечего сказать, громкая. Зайдемъ въ этотъ магазинъ.—»Шампанскаго!—»Никакъ нѣтъ-съ; мы этимъ продуктомъ не торгуемъ; пожалуйте рядомъ въ погребокъ. Волшебное вино есть-съ.« —Хорошо?— »Первый сортъ-съ!« — Давай, братецъ, хоть волшебнаго вина: промочимъ горло да повеселимся. — »Извольте кушать.« — .... Тьфу! что это за гадость! Микстура не микстура, вода не вода.... Помилуй, любезный, да отъ твоего вина стошнитъ! —

Digitized by Google

»Волшебное, сударь.« — Къ чорту его!.... Нѣтъ ли чего закусить? — »Яичница въ шляпѣ, жареная курица, которая побѣжитъ....« — Ну, штукарь ты, да я тебѣ не игрушка. Яичницу-глазунью я люблю видѣть на сковородѣ, да эдакъ, знаешь, съ разными приправами: чтобъ тутъ были и ветчина и сосиски. А что касается до пулярки, я требую отъ нея самыхъ осязательныхъ достоинствъ, чтобы реально, съ ножемъ и вилкою въ рукѣ, можно было оцѣнить тѣ достоинства, которыя идеально представлялись воображенію, пока птица откармливалась. Такъ-то. Скажи на милость, что же у тебя за увеселенія, если самыхъ главныхъ условій веселья — питья и пищи — нѣтъ въ твоемъ магазинѣ? — »Всякихъ много: музыка, напримѣръ, отличная-съ, по прозванію музыка сферъ....« — А преферанса нѣтъ? — »Нѣтъ-съ.» — Дѣлать нечего, давай на голодный желудокъ послушаемъ и музыки. Вели-ка польку-tremblante. — »Этой не имѣется. Другое что, если угодно.« — Ну хоть другое.... Стой, стой! Мухи жужжатъ вдвое лучше твоей музыки сферъ. Это разбой! Отъ нея заснешь! — »Намъ то и на руку: привидится что во снѣ, разгадаемъ такъ, что лучше требовать нельзя.» — Такъ ты *сонникъ*? — »Точно такъ-съ; и оракулъ, и чародѣй тутъ же.... въ 22-хъ книгахъ-съ.... полтора цѣлковыхъ-съ.« — Зачѣмъ же ты далъ себѣ такое громкое заглавіе? — «Хе-хе-хе, сударь: ярмарка-съ; господа всякіе бываютъ-съ.... Мы люди маленькіе....» — Да, твоя правда. — Критика! пропусти на Нижегородскую ярмарку «Магазинъ всѣхъ увеселеній» безданно, безпошлинно. Такой же приказъ отдается и о слѣд. издѣліи:

111. Хиромантія и гороскопъ, или средства гадать по рукѣ и по созвѣздію Зодіака, и проч. Спб. 1850.

Обыкновенно подобные гадатели продаются по пятачку, а этотъ цѣнитъ себя въ полтинникъ.

Digitized by Google

АНТИКРИТИКА.

12. *Отвѣтъ М. Ѳ. Спасскому и безыменному рецензенту Отечественныхъ Записокъ.*

Моя электрическая машина, описанная въ послѣдней книжкѣ Москвитянина за 1849 и въ послѣдней книжкѣ Московскаго Врачебнаго Журнала за тотъ же годъ, не нашла себѣ ласковаго привѣта ни отъ Г. Спасскаго (№ 1 Москвитянина за 1850), ни отъ безыменнаго критика Отечественныхъ Записокъ (№ 2 за 1850). Вникнувъ безпристрастно во всѣ сдѣланныя мнѣ возраженія, *я не нашелъ ни одного*, которое бы могло, хоть сколько-нибудь, поколебать мое мнѣніе о дѣйствіяхъ моего электрическаго снаряда. Моя антикритика была давно готова, но, по своей обширности, долго не находила себѣ мѣста въ Москвитянинѣ; теперь, согласно съ требованіями журнала, представляю ее въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Начинаю съ рецензіи Г. Спасскаго.

«Заключенія Г. Кирова о дѣйствіяхъ его снаряда (говоритъ Г. Спасскій) основаны на одной только аналогіи. Правда, что открытія Вольты, Эрштеда и Фарадея уничтожили существенное различіе въ нашихъ понятіяхъ между электричествомъ, галванизмомъ и магнитизмомъ, но, въ частныхъ проявленіяхъ этихъ дѣятелей, мы не можемъ безъ различія употреблять то или другое названіе.»

Это возраженіе до меня не касается: я не намекнулъ ни однимъ словомъ на тожественность электричества и галванизма, до которой мнѣ въ моей статьѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Я сказалъ, что мой снарядъ произво-

Digitized by Google

дить всѣ дѣйствія сильнаго гальваническаго столба, но моего прибора не назвалъ гальваническимъ;—я утверждалъ, что онъ производитъ всѣ механическія, физическія, химическія и физіологическія дѣйствія сильныхъ электрическихъ теченій; но этихъ теченій даже и не уподоблялъ гальваническимъ. А что самыя дѣйствія гальванической цѣпи могутъ быть возпроизведены электрофорами, изъ которыхъ составленъ мой снарядъ, — это ужь другое дѣло; это основано совсѣмъ не на аналогіи, совсѣмъ не на предполагаемомъ тожествѣ гальванизма и электричества а на всѣмъ и каждому извѣстныхъ опытахъ. Электрофоры моего снаряда добываютъ первоначально свое электричество чрезъ треніе, стало быть изъ одного источника съ обыкновенною электрической машиной; но развѣ *сильная* электрическая машина не повторяетъ всѣхъ дѣйствій гальваническаго прибора? Подобно ему, она накаляетъ и плавитъ тѣла, отклоняетъ магнитную стрѣлку, намагничиваетъ желѣзо, разлагаетъ тѣла, производитъ потрясенія въ человѣкѣ и въ животныхъ и т. п. Положимъ даже, что найдутся дѣйствія, въ которыхъ электрическая машина, а стало быть и мой снарядъ, не можетъ вполнѣ подражать гальваническому; такія исключенія не заставятъ меня отступиться отъ моихъ выраженій, ибо a potiori fit denominatio. Но исключеній, вѣроятно, не будетъ, если кондукторами электричествъ будутъ служить не толстыя проволоки. Такъ и гальваническая цѣпь способна производить *всѣ* дѣйствія сильной электрической машины, если ея динамическое электричество обратить предварительно въ статическое. Для сего стоитъ только попеременно заряжать два конденсатора (а не одинъ, какъ у Guillemin) электричествомъ гальванической цѣпи и разряжать ихъ особеннымъ приборомъ.

Послѣдуемъ далѣе за Г. Спасскимъ.

«Посредствомъ *малой* электрической машины огромнаго снаряда *сильно* наэлектризовать не возможно, каковъ бы ни былъ этотъ снарядъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому, кто сколько нибудь учился Физикѣ; такъ, напримѣръ, посредствомъ *малой* электрической машины *никогда* нельзя сильно зарядить большую Лейденскую батарею.»

Digitized by Google

Отвѣчаемъ Г. Спасскому, что и посредствомъ малой электрической машины легко зарядить огромную Лейденскую батарею и огромный электрофорный снарядъ: *стоитъ только каждую банку или каждый электрофоръ зарядить особо.* При моемъ снарядѣ, гдѣ сообщенія электрофоровъ между собою и съ кондукторомъ электрической машины можно возобновлять и прерывать, посредствомъ проволокъ, очень быстро, такой способъ заряженія не будетъ даже сопряженъ ни съ какою потерею времени.

Кромѣ того, и малая электрическая машина будетъ дѣйствовать очень сильно, если быстро обращать стеклянный ея кружокъ, посредствомъ колеса, блока и шнура, и если ея кондукторъ, служащій только къ разсѣянію электричества, замѣнить проволокою, покрытою гуммилакомъ или обмотанною шелкомъ.

Обращаюсь къ послѣднему замѣчанію Г. Спасскаго.

«Если въ металлическую подкладку введемъ Е, то на смоляной поверхности *никогда* (!) не соберется Е въ замѣтномъ количествѣ, *особенно* (!) если электрическая машина, посредствомъ которой вводится Е, очень мала, потому что смола *непроводникъ* электричества; при большой и сильной электрической машинѣ *конечно* (?!) и по смолѣ распространится Е, *особенно*(!), если электрофоръ будетъ изолированъ, — но, во всякомъ случаѣ, описаннымъ способомъ электрофоръ не можетъ быть сильно наэлектризованъ, не только посредствомъ малой электрической машины, но и посредствомъ большой.»

Сколько мы понимаемъ Г. Спасскаго, онъ полагаетъ, что дурные проводники только съ трудомъ и то лишь слабо электризуются дѣйствіемъ электрической машины. Это мнѣніе несправедливо. Веберъ, будучи Профессоромъ въ Диллингенскомъ Лицеѣ, писалъ, и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, о своемъ *двойномъ электрофорѣ*, въ продолженіе 8 лѣтъ, съ 1807 по 1815. Онъ сообщалъ электричество *кондукторомъ электрической машины* сторонѣ смолянаго или стекляннаго кружка и возбуждалъ, по произволу, на другой сторонѣ одноименное или разноименное Е. Мало того: для электризованія стекляннаго кружка силь-

Digitized by Google

нымъ и прочнымъ образомъ, электрическая машина доставляетъ даже единственное средство. Ссылаюсь на статью Вебера въ Gilbert's Annalen, 1815, XXI, 200 и сл. Очевидно, что Лихтенбергъ электризуетъ попеременно обѣ половины своего двойнаго электрофора (котораго не должно смѣшивать съ Веберовымъ) тѣмъ же способомъ, съ тою только разностію, что, вмѣсто кондуктора, употребляетъ самую крышу.

Напомнимъ также Г. Спасскому, что, кромѣ оспориваемаго имъ способа, для электризованія нашихъ электрофоровъ, есть еще другой, извѣстный способъ натиранія, который мы также, да и предпочтительно, описываемъ въ нашей статьѣ. Для сильнѣйшаго электризованія электрофора, можно соединить оба способа вмѣстѣ; стоитъ только разобщить (уединить) натирающій мѣхъ и привести въ сообщеніе съ отрицательнымъ электричествомъ подушечекъ (смотри Физику Паррота).

Вслѣдствіе всего нами сказаннаго, да извинитъ насъ Г. Спасскій, что мы, не смотря на его замѣчанія, не находимъ никакой причины отступиться отъ нашихъ безусловныхъ выраженій (какъ-то: *нашъ снарядъ произведетъ всѣ дѣйствія гальваническаго столба*) и употребить вмѣсто нихъ другія, имъ предлагаемыя, смягченныя выраженія: *нашъ снарядъ можетъ быть, вѣроятно, произведетъ* и т. д.

Г. Спасскій разсуждалъ только о природѣ дѣйствій моего снаряда, оспоривалъ дѣйствительность одного изъ предлагаемыхъ способовъ для его электризованія, но нисколько не коснулся самаго состава моего прибора. Не таково стремленіе рецензента Отечественныхъ Записокъ. Онъ подкапывается подъ самыя основанія моего снаряда и силится убѣдить читателя, что и дѣйствія моего прибора и его приложенія — несбыточная мечта.

Г. Рецензентъ напрасно употребляетъ столько усилій, чтобы доказать, что электрофоры моего снаряда будутъ дѣйствовать *только нѣсколько часовъ*. Мы, для избѣжанія спора, соглашаемся съ Г. Рецензентомъ и всё-таки выводимъ изъ того, что нашъ снарядъ — есть превосходный снарядъ. Его электрофоры натираются въ продолженіе двухъ минутъ,

Digitized by Google

шерстяною или мѣховою наволокою, такъ, какъ это объяснено въ моей статейкѣ, и этимъ кратковременнымъ натираніемъ заряжаются на нѣсколько часовъ; ужели вы этимъ недовольны, г. анонимъ?

«Если кружокъ электрической машины Г. Кирова (продолжаетъ Г. Рецензентъ) будетъ приближаться каждый разъ къ смоляной поверхности электрофора на $\frac{1}{10}$ вершка (бо́льшаго сближенія кружка и смоляной поверхности, машина г. Кирова допустить не можетъ), то количество электричества, при этомъ обнаруживающагося, будетъ очень слабо или (сказано далѣе) даже безконечно мало.»

На чемъ же основанъ этотъ приговоръ?

На томъ, что мой электрофоръ будто бы по опытамъ (!) и соображеніямъ (!) г. Критика въ 1,000 разъ (во 100 разъ?) слабѣе такого электрофора, у котораго поверхность крыши плотно прилегаетъ къ поверхности смолы. Но сила этого сравнительнаго электрофора, существующаго только въ идеѣ рецензента, не опредѣлена имъ сама по себѣ, и, стало быть, онъ не имѣлъ никакого права дѣлать какое-либо невыгодное заключеніе о силѣ моего снаряда, если даже допустимъ, что найденное имъ *отношеніе* между количествами дѣйствій (1:1000) обоихъ электрофоровъ не подвержено никакому сомнѣнію. Возмемъ, для сравненія, электрофоръ, котораго размѣръ и сила были бы извѣстны: таковъ электрофоръ нашего Академика Паррота (Parrot's Physik, II, 492); онъ своимъ размѣромъ и силою почти равняется упомянутому стекляному электрофору Вебера. Въ кружкѣ моего снаряда, имѣющемъ до семи футовъ въ діаметрѣ, помѣстится, кромѣ промежутковъ, до 10 Парротовыхъ электрофоровъ. Положимъ, что крыши нашего электрофорнаго кружка, въ сравненіи съ крышею электрофора Парротова, отстоятъ втрое далѣе отъ той плоскости, въ которой сосредоточивается электрическая сила смолянаго слоя. Основываясь на законѣ Куломба, вычисляемъ, что нашъ кружокъ, при одномъ оборотѣ, дѣйствуетъ столь же сильно, какъ 26 Парротовыхъ или Веберовыхъ электрофоровъ, т. е. даетъ до 26 искръ, каждую длиною въ 2 вершка. Воля ваша, г. рецензентъ! дѣйствія такого снаряда

Digitized by Google

не безконечно малы, а напротивъ очень сильны. Означенный результатъ согласуется и съ опытами, произведенными мною въ маломъ видѣ.

Г. Рецензентъ видѣлъ ясно, что ослабленіе электрической силы крышъ, по причинѣ ихъ удаленности отъ смоляныхъ поверхностей, я вознаграждаю съ избыткомъ увеличиваніемъ электрофорныхъ площадей и быстро повторяющимися разложеніями естественнаго электричества въ каждой крышѣ. Чтобы лишить мой снарядъ этого пособія, г. рецензентъ возстаетъ противъ самаго очевиднаго закона, а имянно, что количества разлагаемыхъ электричествъ (съ математическою точностію) пропорціональны площадямъ (въ равной степени) электризованныхъ поверхностей. Этотъ законъ, основанный на тѣхъ же простыхъ началахъ, на которыхъ зиждется Пиѳагорова таблица, г. рецензентъ силится низвергнуть шутливыми фразами.

Не должно опасаться, что изъ моихъ крышъ будетъ вытекать въ полярныя проволоки только часть разъединенныхъ электричествъ а другая ими задерживаться. Это не можетъ случиться, ибо мой снарядъ раждаетъ токи обоихъ разноименныхъ электричествъ, стремящихся на соединеніе, одно съ другимъ.

Перейдемъ къ послѣднему возраженію г. рецензента. Англійскій физикъ Фарадэ вычислилъ, что, для разложенія *одного грана* воды, потребно такое количество обыкновеннаго электричества, какое даетъ только огромная Лейденская батарея, заряженная и разряженная 800,000 разъ. Стало-быть, заключаетъ г. рецензентъ, при самыхъ благопріятныхъ для машины Г. Кирова предположеніяхъ, для разложенія ею фунта воды, потребно нѣсколько сотъ лѣтъ! Фарадэ писалъ эти строки въ 1834 году; но впослѣдствіи самъ отказался отъ своего мнѣнія, низложеннаго блестящими опытами Армстронга.

Мнѣніе, что вода и другія тѣла разлагаются дѣйствіемъ обыкновеннаго электричества, не смотря на подтвердительные опыты Wollaston'a, Шёнбейна и многихъ другихъ физиковъ, было постоянно отвергаемо другою многочисленною партіею ученыхъ. Доказано, говоритъ Шёнбейнъ, что элек-

Digitized by Google

тролитическая жидкость не можетъ проводить электрическаго тока, не разлагаясь, и надлежало бы почесть чудомъ, если бы, напр., Лейденская банка могла разрядиться сквозь воду, не разрѣшивъ ни сколько воды на ея элементы.» Въ опытахъ Шёнбейна стоило только — замѣтьте это г. рецензентъ — обернуть одинъ разъ стекляный кружокъ электрической машины, чтобы проявить всѣ признаки разложенія: Pogg. Journ. 1843. LIX, 240 и слѣд. Мнѣнія колебались до появленія исполинской гидро-электрической машины Armstrong'a: Pogg. Journ. 1843, LX, 352 и слѣд. Оба газа, водородный и кислородный, освобождались, въ значительныхъ количествахъ, тотчасъ, какъ только этотъ снарядъ начиналъ дѣйствовать; съ помощію его Армстронгъ отклонялъ магнитную стрѣлку, намагничивалъ желѣзо и проч.

Также, вопреки мнѣнію критика, Армстронгъ *дознался опытомъ*, что количества освобождающихся газовъ, при разложевіи воды, нисколько не уменьшались, когда электричество проводилось изъ снаряда не непрерывнымъ токомъ, а прерывающимися искрами.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что можно построить электрическій снарядъ изъ одного или нѣсколькихъ франклиновыхъ листовъ, имѣющихъ форму четыреугольниковъ или кружковъ; крыши, въ этомъ случаѣ, должны двигаться взадъ и впередъ, параллельно самимъ себѣ.

Н. Кировъ.

Г. Рецензентъ Отечественныхъ Запис. отвергаетъ еще пользу арием. орудій, изобрѣтенныхъ и описанныхъ мною въ 1832 г. Скажу ему въ отвѣтъ только слѣдующее. Кружокъ или линейка, предложенные мною для сложенія чиселъ, были придуманы мною столь удачно, что и новѣйшіе изобрѣтатели употребили тѣже самыя средства для своихъ орудій (которыя сложнѣе, но не лучше моего). Мой ящикъ со 100 линейками даетъ средство производить умноженія и дѣленія съ самыми многосложными числами и притомъ съ изумительною скоростію; подобныхъ преимуществъ не вижу ни въ одномъ изъ ново-изобрѣтенныхъ способовъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

СОЧИНЕНІЯ ОБЪ ИСТОРІИ ВАЛЬДЕНСОВЪ. — Въ нѣкоторыхъ, самыхъ уединенныхъ долинахъ Піемонта, прилежащихъ къ Швейцаріи, живетъ нѣсколько общинъ Вальденсовъ. Въ продолженіе шести вѣковъ они были предметомъ безпрестанныхъ гоненій Католическаго духовенства отъ котораго отдѣлились въ XII вѣкѣ. Ученіе, представляющее большое сходство съ реформатскимъ, быстро распространилось по южной Европѣ, возмутило надолго спокойствіе Папъ, подало поводъ къ учрежденію инквизиціи и наконецъ къ кровопролитному крестовому походу противъ Альбигойцевъ (такъ назывались Вальденсы, жившіе въ южной Франціи). Объ исторіи Французскихъ Вальденсовъ есть нѣсколько отличныхъ сочиненій, но Итальянскіе Вальденсы доселѣ не имѣли исторіи; они, казалось, боялись напомнить о себѣ и своемъ существованіи Итальянскому духовенству. Только въ самое недавнее время могло на Итальянскомъ языкѣ появиться въ свѣтъ сочиненіе объ исторіи и ученіи Вальденсовъ въ Піемонтѣ; оно было издано однимъ изъ ихъ пасторовъ, въ Туринѣ.—Другой пасторъ, *Антоній Монатье*, напечаталъ во Франціи, въ Тулузѣ, сочиненіе объ исторіи Вальденсовъ, представляющее отличную монографію по этому предмету; оно содержитъ въ себѣ весьма подробно и на основаніи подлинныхъ актовъ изложенную исторію Вальденсовъ вообще отъ ихъ начала, а Вальденсовъ Піемонтскихъ доведенную до настоящаго времени; въ концѣ находится списокъ всѣхъ сочиненій объ ученіи Вальденсовъ, изданныхъ его проповѣдниками, и географическое описаніе горныхъ долинъ Піемонта, служащихъ пріютомъ Вальденсамъ; для объясненія приложена карта. Кромѣ того сочиненіе украшено потретомъ Ганри Арно. Въ подлинникѣ это замѣчательное сочиненіе, необходимое для тѣхъ, которые стали бы заниматься спеціально исторіею Вальденсовъ, имѣетъ слѣдующее заглавіе: L'histoire de l'église Vaudoise, depuis son origine, et des Vaudois du Piémont, jusqu'à nos jours avec: un appendice contenant les principaux écrits originaux de cette église, une déscription et une carte des vallées vaudoises actuelles et le portrait d'Henri Arnaud-par Antoine Monastier, ancien pausteur du centon de Vaud et originaire des vallées vaudoises du Piémont. 2 volumes. Toulouse.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

112. Мысли о Православіи при посѣщеніи Святыни Русской. (А. Н. Муравьева.) Спб. 1850. Стр. 407 въ 8 д. л.

Вотъ еще прекрасное прибавленіе къ богатому ряду путешествій, вышедшихъ въ настоящемъ году. Заслуженный литераторъ А. Н. Муравьевъ даритъ насъ новымъ произведеніемъ своего благочестиваго пера. Познакомимъ съ нимъ читателей Москвитянина.

«Быть можетъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, нѣкоторые спросятъ: «что такое Православіе?» и спросятъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ нѣкогда нѣкто спросилъ: «что есть истина?» и вышелъ, не дождавшись отвѣта (Іоан. XVIII, 38).— Православіе есть жизнь Руси, внутренній и внѣшній союзъ всѣхъ частей сего необъятнаго цѣлаго: ибо оно есть, или, по крайней мѣрѣ, должно быть, началомъ нравственнаго образованія каждаго вѣрнаго сына Церкви и Отечества. Наименованіе Православія само изъясняетъ заключенный въ немъ глубокій смыслъ и жизненную силу, потому что тотъ, кто славитъ, чтитъ, исповѣдуетъ Бога право, т. е. такъ, какъ учитъ насъ Св. Церковь Его, стоитъ, по обѣтованію самого Господа, на незыблемомъ основаніи, «котораго не одолѣютъ врата адовы» (Матѳ. XVI, 18). Онъ получаетъ, отъ сего твердаго союза съ Церковію, благодатную силу прославлять Бога не только исповѣданіемъ устнымъ, но и дѣлами своими, безъ которыхъ «вѣра мертва,» по словамъ Апостола (Іаков. II, 17), такъ какъ вѣра сія внушаетъ намъ во всемъ покорно слѣдовать заповѣдямъ Церкви, а Церковь научаетъ обязанностямъ нашимъ къ Богу и человѣкамъ, и слѣдовательно образуетъ насъ вполнѣ, не только для самихъ себя, но и для жизни общественной.»

Digitized by Google

«Но къ сожалѣнію, не разъ я замѣчалъ, что многіе, не разумѣя имени Православія, играютъ имъ, какъ дѣти священными предметами, употребляя оное совершенно въ превратномъ смыслѣ. Развѣ не случалось намъ слышать, изъ устъ людей образованныхъ, при видѣ какой-либо веселости народной, иногда и неприличной: «вотъ какъ наши Православные!» или иное тому подобное; а между тѣмъ, если спросятъ у нихъ самихъ: «какой они вѣры?» будутъ столь же безотчетно отвѣчать: «Православной!....»

Говоря далѣе о другихъ ложныхъ понятіяхъ о Православіи, авторъ заключаетъ свои замѣчанія слѣд. прекрасными строками: «Безъ Православія, или безъ истиннаго уваженія его, едва ли даже можно быть Русскимъ: одно выражается другимъ; и я встрѣчалъ отголосокъ сего роднаго чувства вездѣ, гдѣ только искалъ и находилъ что-либо Русское.»

Проникнутый этою мыслію, нашъ путешественникъ посѣтилъ многія Святыни Русскія. Послѣдуемъ за нимъ со всевозможнымъ вниманіемъ.

Путь отъ Лавры. — Дорогу отъ Сергіевой Лавры до Костромы, чрезъ Переяславль, Ростовъ и Ярославль, можно назвать «царственною», какъ потому, что по ней торжественно шелъ въ Москву юный Михаилъ, провозглашенный въ Костромѣ Царемъ, и столько разъ ходили послѣ него Державные богомольцы наши, такъ и отъ обилія святыни, какою обозначена она почти на каждомъ шагу. Умилительное зрѣлище «той духовной связи, въ которой и по смерти великіе подвижники наши удержали народъ свой, какъ бы доселѣ жительствуя между нами и привлекая къ себѣ безчисленныхъ собратій,» зрѣлище это внушаетъ автору два назидательныхъ разсужденія: «о призываніи Святыхъ» и «о чествованіи Св. мощей»; за ними слѣдуетъ описаніе жизни и подвиговъ *Преп. Даніила* Переяславльскаго, который явилъ въ себѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей иноческихъ, и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ и воспріемникомъ Царей (онъ принялъ отъ купели державнаго младенца Іоанна, по любви къ нему В. К. Василія).

Переяславль и Ростовъ. — Нѣкогда удѣльное княженіе и каѳедра архіерейская, Переяславль замѣчателенъ теперь обиліемъ храмовъ Божіихъ: 4 монастыря, 2 собора и 24 церкви — вотъ его богатство. Нашъ путешественникъ уже

Digitized by Google

посѣщалъ этотъ городъ, и потому нынѣ ограничивается немногими замѣчаніями о его святыняхъ.

(Обители) «Ѳеодоровская, основанная Іоанномъ на память рожденія сына, послѣдняго Царя изъ дома Рюрикова, Горицкая, память Великой Княгини Донской, нѣкогда великолѣпно украшенная Архіепископомъ Амвросіемъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ нея новую Геѳсиманію, въ подражаніе Новому Іерусалиму, но теперь запустѣвшая, и обитель Даніилова, образуютъ изъ себя священное предмѣстіе Переяславля, отъ Московской дороги. Мнѣ хотѣлось поклониться мощамъ великаго труженика, прославившаго житіемъ своимъ уже упадавшій тогда городъ. Я взошелъ на пустынный дворъ монастырскій, и просилъ открыть себѣ соборъ Троицкій, сооруженный въ память крещенія Іоаннова и обновленный Грознымъ Царемъ. Глубокая тишина царствовала въ полумракѣ собора. Подъ сѣнію Тихвинской великолѣпной иконы, принесенной самимъ Преподобнымъ съ мѣста его пострижения, изъ обители великаго Пафнутія Боровскаго, лежалъ онъ на своемъ высокомъ ложѣ, какъ бы только отдыхающій отъ многихъ трудовъ и готовый воспрянуть по гласу молитвъ, еще прежде послѣдняго зова трубы Архангельской. Невольный трепетъ проникалъ душу, въ пустотѣ и мракѣ святилища, при такомъ нетлѣнномъ свидѣтелѣ минувшаго, который вступилъ, сквозь врата вѣчности, опять въ нашу область настоящаго и будто живетъ съ нами, какъ живалъ онъ съ предками. Съ безмолвною молитвой поклонился я святому старцу и пошелъ къ древней церкви Всѣхъ Святыхъ, имъ милосердно основанной надъ бывшею скудельницею, и къ тому кладезю, который онъ самъ ископалъ на божедомскомъ мѣстѣ, чтобы тамъ вкусить мнѣ живительной струи, изведенной руками Преподобнаго.»

Вечерняя темнота не позволила нашему путешественнику посѣтить ни церкви Князя Андрея Смоленскаго, ни собора Спаскаго, который основанъ сыномъ Мономаха, Долгорукимъ, въ память Кіевскаго, что на Берестовѣ, и есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи, по своей неприкосновенной древности.

Въ Ростовѣ—Спасская обитель, прославленная издревле мощами Святителя Іакова, и въ новѣйшія времена открытіемъ мощей свѣтильника всей Россійской Церкви, Митрополита Димитрія. Въ первое посѣщеніе этой обители авторомъ, соборная церковь еще отдѣлывалась; «теперь же она сіяла во всей красѣ своей, расписанная въ Византійскомъ вкусѣ....»

Digitized by Google

«Я спросилъ: «кто помогъ довершить церковь?» мнѣ отвѣчали: графиня Анна.* Поклонясь мощамъ угодниковъ Божіихъ, увидѣлъ я новую серебряную раку Святителя Іакова. «Кто устроилъ раку?» спросилъ я опять настоятеля, и услышалъ тотъ же отвѣтъ: «графиня Анна.» Теперь когда она уже сама въ своемъ Юрьевскомъ склепѣ, не услышитъ земнымъ слухомъ моего слова, свободнѣе можетъ оно излиться. Какая жестокая утрата для всей Церкви, не только Русской, но и Греческой, ея преждевременная кончина! Куда не достигали ея щедрыя даянія, и гдѣ не благословлялось имя графини Анны? гдѣ не возносятся теперь теплыя молитвы о упокоеніи души ея? Не говорю о томъ, что въ своемъ завѣщаніи не забыла она ни одной обители Русской; богомольцы наши, странствуя по обширнымъ предѣламъ отечества, во всѣхъ почти главныхъ святилищахъ встрѣчаютъ ея церковные памятники. Вспоминать ли о Новѣгородѣ, обновленномъ ею въ лицѣ своихъ храмовъ, ибо къ нему наиболѣе лежало ея сердце? или сказать о Кіевѣ, гдѣ великолѣпная рака и сѣнь Великомученицы Варвары останутся навсегда свидѣтельствомъ ея благочестія? Давно ли Лавра Почаевская огласилась опять гимнами Православія? и уже рака ея основателя вылита изъ серебра, и для чудотворной ея иконы приготовлялся драгоцѣнный кивотъ. Трудно было бы исчислить всѣ щедрыя даянія усопшей внутри отечества; но если выйдти и за его предѣлы, и тамъ встрѣтятъ васъ ея благодѣянія: въ Царьградѣ великолѣпная церковь Живоноснаго источника, обновленная отчасти помощію графини, и въ Александріи, и въ Дамаскѣ, иконостасы патріаршихъ церквей устроены на ея счетъ, живописцами Юрьевской обители, и на Аѳонѣ, и въ Св. градъ жертвовала она съ тѣмъ же усердіемъ, какое одушевляло ее всегда, когда только можно было сдѣлать что-либо въ пользу Церкви. Въ древней исторіи христіанства одно лице напоминаетъ почившую нынѣ, тою же щедростью къ святынѣ. Это великая Меланія Римская, которой богатства были столь необъятны, что Кесари не могли купить ихъ, и всѣ сіи сокровища раздала она по Западу и Востоку, для сооруженія храмовъ и питанія убогихъ.»

Митрополія Ростова, великолѣпный соборъ В. К. Константина Всеволодовича, заложенный въ 1213 г., изъ всѣхъ древнихъ храмовъ Русскихъ едва ли не одинъ уцѣлѣлъ въ такой неприкосновенности. Въ немъ почиваютъ мощи первыхъ Святителей Ростовскихъ: Леонтія и Исаіи,—Епископа Игнатія и Архіепископа Ѳеодора, племянника Преп. Сергія.

---

* Графиня А. А. Орлова-Чесменская. Къ сожалѣнію, покойная Графиня не знала о Славянскихъ церквахъ въ Сербіи, Сирміи, Болгаріи, Далмаціи. *Ред.*

Digitized by Google

Снаружи и внутри онъ можетъ служить лучшимъ образцомъ строгаго Византійскаго вкуса, со всѣми условіями церковнаго зодчества, съ стройною папертію и тройственнымъ раздѣленіемъ алтаря. — По этому поводу авторъ очень основательно разсуждаетъ: «о православномъ зодчествѣ храмовъ, о православномъ иконописаніи и чествованіи Св. иконъ».

Драгоцѣнный памятникъ священной живописи XI вѣка хранится въ соборѣ Ростовскомъ. Это чудотворная икона Богоматери, писанная Св. Алипіемъ, инокомъ Печерскимъ, который учился у иконописцевъ Греческихъ, пришедшихъ въ Кіевъ для украшенія Лавры. По трогательному выраженію Патерика Печерскаго, Прп. Алипій, работая Господу, создавшему насъ по своему образу и подобію, не только изображалъ лица Святыхъ на иконахъ, но и добродѣтель ихъ въ душѣ своей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно первому иконописцу Евангелисту Лукѣ, былъ врачемъ тѣлесныхъ и духовныхъ недуговъ своей братіи. Древній Кремль, съ своими 5 храмами и архіерейскими палатами, приходитъ въ бо̀льшее и бо̀льшое запустѣніе. Особенно жаль видѣть постепенное паденіе того дома, въ которомъ жилъ Св. Митрополитъ Димитрій, той келіи, гдѣ онъ скончался на колѣняхъ....

На выѣздѣ къ Ярославлю, подлѣ монастыря просвѣтителя Ростовскаго Авраамія стоитъ еще обитель, на самомъ берегу Нера озера, въ честь Верховныхъ Апостолъ. Они указали это мѣсто Царевичу Ордынскому Петру, племяннику Хана Берки. Достойно вниманія, что выходецъ Ордынскій послужилъ не только къ назиданію Ростова, благою жизнію, но и по смерти, уже въ четвертомъ своемъ поколѣніи, сдѣлался защитникомъ избраннаго имъ города, осѣнивъ его отъ нашествія новаго завоевателя Татарскаго, памятью своего имени. Разсказъ о его назидательной жизни находится въ «Мысляхъ о Православіи».

Ярославль. — «Если живописенъ Переяславль-Залѣсскій, когда открывается онъ на берегу своего тихаго озера, съ вершины Крестовой горы, не менѣе очаровательно зрѣлище Великокняжескаго Ярославля, отъ нагорной церкви Креста, господствующей надъ всею роскошною долиною Волги. Одно близкое сердцу

Digitized by Google

Русскому теченіе сей матери нашихъ рѣкъ уже производитъ пріятное впечатлѣніе и оживляетъ широко раскрывающуюся взорамъ картину, и вотъ на берегу ея возстаетъ многоглавый Ярославль, весь исполненный величественными храмами въ Византійскомъ или, лучше сказать, собственно въ Русскомъ вкусѣ первыхъ временъ Дома Романовыхъ, ибо болѣе всѣхъ другихъ городовъ носитъ онъ отпечатокъ сей эпохи. Церковь Предтечи въ предмѣстіи издали напоминаетъ восточную массу Василія Блаженнаго, что посреди Китая, приготовляя къ необычайной красотѣ прочихъ храмовъ, которыми особенно славится Ярославль.»

Изъ множества храмовъ, украшающихъ городъ, древнѣйшій есть соборъ Спасскаго монастыря, построенный въ 1216 г. В. К. Константиномъ Всеволодовичемъ, основателемъ краткаго благоденствія Ярославля. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Ѳеодора, Князя Смоленскаго, и чадъ его, Давида и Константина. — Каѳедральный соборъ Ярославскій много уступаетъ Ростовскому, хотя былъ основанъ однимъ и тѣмъ же Княземъ. Въ немъ почиваютъ мощи Князей Василія и Константина, убитыхъ Татарами. Сердцу Русскому онъ памятенъ еще тѣмъ, что изъ-подъ его сѣни двинулся освободить столицу Князь Пожарскій съ ополченіемъ. — Изъ прочихъ церквей упомянемъ о «обыденной» Всемилостиваго Спаса, которая построена на мѣстѣ древней въ 1705 году. Въ ней хранится чудотворная икона Нерукотвореннаго образа Спасова. Историкъ, конечно, не пройдетъ безъ вниманія единственной, можетъ быть, въ цѣлой Россіи надписи, что «стѣнное писаніе этой церкви совершено *при малолѣтномъ Императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ*».

Въ осьми верстахъ отъ Ярославля находится знаменитая обитель Толгская съ чудотворною иконою Божіей Матери. Богато украшенный образъ Владычицы есть лучшее утѣшеніе, въ радостяхъ и скорбяхъ, всего гражданства Ярославскаго. Въ недѣлю Разслабленнаго приносятъ его съ великимъ торжествомъ въ городской соборъ, гдѣ пребываетъ онъ, пока не смѣнитъ его, въ началѣ Іюля, другая чудотворная икона Богоматери, Алипіева изъ Ростова: «такъ совершается ими благодатная чреда на стражѣ дома Израилева.» Первоначальное явленіе иконы Толгской совершилось въ самую трудную годину для Ярославля, послѣ разоренія

Digitized by Google

Татарскаго, при благовѣрномъ Князѣ Давидѣ, сынѣ Св. Ѳеодора Чернаго.

Говоря о своемъ посѣщеніи древней усыпальницы Князей Ярославскихъ, нынѣ церкви Верховныхъ Апостолъ, которая стоитъ надъ самою рѣкою, нашъ путешественникъ съ особенною назидательностію распространяется «о поминовеніи усопшихъ» вообще.

Кострома и Ипатіевскій монастырь. — Здѣсь все исполнено воспоминаній о перводержавномъ начальникѣ благословеннаго Дома Романовыхъ.... На паперти древняго собора Костромскаго изображено стѣннымъ писаніемъ избраніе его на царство. Въ самомъ храмѣ мы молимся той чудотворной иконѣ Ѳеодоровскія Божія Матери, съ которою онъ умоленъ былъ на царство. Во свидѣтельство этого событія остались на иконѣ драгоцѣнныя жемчужныя привѣски, съ именами Михаила Ѳеодоровича и великой старицы Маѳы Іоанновны, пожертвованныя въ пятое лѣто ихъ государствованія.

Знаменитая Ипатіевская обитель искони какъ-бы указана была для великаго событія, совершившагося въ ней. Здѣсь, на устьѣ рѣки Костромы, икона Священномученика Ипатія и Апостола Филиппа явилась Татарскому Мурзѣ Чету, когда плылъ онъ вверхъ по Волгѣ, и заболѣлъ отъ долговременнаго плаванія. Здѣсь получилъ онъ исцѣленіе, и потомъ, окрестившись, построилъ церковь на мѣстѣ явленія, которую его потомки, Годуновы, много украсили. Когда же угрожало Москвѣ нашествіе Эдигея, В. К. Василій Дмитріевичъ нашелъ себѣ пристанище въ стѣнахъ Ипатіевской обители, и оставилъ свое великокняжеское мѣсто, на память ея соборной церкви. «Могъ ли онъ предвидѣть, замѣчаетъ А. Н. Муравьевъ, что это княжеское мѣсто сдѣлается царскимъ, и что на немъ будетъ провозглашенъ Царемъ всея Руси юный Михаилъ? Какъ объяснить такое случайное стеченіе обстоятельствъ, если не указаніемъ самого Промысла на нѣкоторыя избранныя Имъ мѣста, для совершенія въ нихъ великихъ событій?» — Храмъ Живоначальныя Троицы, въ коемъ происходило нареченіе Михаила, основанъ былъ при

Digitized by Google

послѣднемъ Царѣ изъ Дома Рюрикова, но въ послѣдствіи перестроенъ. Внутри святилища доселѣ стоитъ рѣзное царское мѣсто, присланное самимъ Михаиломъ, и на этой царственной каѳедрѣ слушала литургію Екатерина Великая, когда, плывши Волгою въ Казань, остановилась воздать подобающее чествованіе родственной обители. — Память Михаила сохранилась и въ благолѣпномъ украшеніи мѣстныхъ иконъ, пожертвованныхъ Годуновыми.

«Внутри старой ограды сохранился еще одинъ памятникъ смиреннаго жительства Михаила: это его келіи въ двухъ-ярусномъ домѣ, расписанномъ шахматами съ лицевой стороны, по подобію Сергіевой трапезной церкви въ Лаврѣ. Прежнее каменное крыльцо уже отломано; но еще уцѣлѣли восемь покоевъ со сводами и [illegible], во вкусѣ теремовъ, шесть по лѣвую сторону сѣней и два служебные по правую. Преданіе говоритъ, что Царь Михаилъ велѣлъ украсить ихъ стѣнною живописью и тамъ были изображены: нареченіе его на царство, прощаніе съ Костромою, плаваніе по Волгѣ и торжественное вступленіе въ Москву. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сей живописи, потому что келіи нѣсколько разъ были поновляемы; но хорошо бы возстановить картины минувшаго; во всякомъ случаѣ дорого для Россіи то, что уцѣлѣло сіе первоначальное гнѣздо, отколѣ съ такою славою воспарилъ птенецъ орлій, и крылами осѣнилъ разросшееся подъ нимъ царство во всѣ страны свѣта.»

Недалеко отъ запустѣвшей обители Богоявленской, посреди главной площади города, поставленъ памятникъ Сусанину.... Благоговѣйно поклонится изображенію этого простаго крестьянина каждый Русскій, и много думъ о нашей Исторіи вызоветъ онъ.... Нашъ путешественникъ, послѣ разсужденія «о достоинствѣ Царей Православныхъ,» приходитъ къ заключенію, что «нравственное начало любви, глубоко вкорененное Церковію въ Православномъ народѣ, къ священному лицу своихъ Государей, всегда спасало и спасать будетъ Святую Русь, доколѣ сохранится въ ней ея животворящая стихія — Православіе.»

Нижній Новгородъ. — Посвятивъ нѣсколько картинныхъ строкъ раздольной Волгѣ-матушкѣ, и изобразивъ въ главныхъ чертахъ житіе Преп. Макарія Унженскаго и Желтоводскаго, авторъ ведетъ насъ въ Печерскую оби-

Digitized by Google

тель, близъ которой подвизался Св. Діонисій; потомъ въ женскій монастырь Крестовоздвиженскій, въ мужской Благовѣщенскій, основанный Святителемъ Алексѣемъ, при возвращеніи его изъ Орды. Въ послѣдней обители есть сокровище, превосходящее древностію многія святыни на Руси — чудотворная икона Корсунской Божіей Матери, писанная въ Греціи въ 993 г., какъ видно изъ подписи, и вѣроятно данная вкладомъ въ новую обитель отъ ея основателя, посѣтившаго Царьградъ. Письмо ея высокаго Византійскаго стиля, и древность дороже украшеній; а между тѣмъ, едва ли многимъ она извѣстна и въ самомъ Нижнемъ.

Описаніемъ Кремля и его соборовъ, особенно каѳедральнаго Спасскаго, съ его погребальнымъ склепомъ именитыхъ людей земли Нижегородской, въ которомъ каждый шагъ вызываетъ страницу изъ Исторіи (довольно назвать Минина),—этимъ описаніемъ авторъ оканчиваетъ посѣщеніе Нижняго.

Село Лысково, обязанное своимъ богатствомъ прежнему существованію здѣсь Макарьевской ярмарки, а теперь богатая хлѣбная пристань, находится въ 100 верстахъ отъ Нижняго. Соборъ и семь церквей украшаютъ его. Въ соборной ризницѣ хранится много частицъ мощей (и между прочимъ перстъ Іоанна Предтечи), принесенныхъ въ Россію предками нынѣшняго владѣльца села, Кн. Е. А. Грузинскаго. Но главное сокровище всегда носитъ на себѣ Князь: это двѣ большія части Животворящаго древа, сложенныя крестообразно, которыя прислалъ нѣкогда Императоръ Константинъ первому христіанскому Царю Грузіи Миріану. Опасаясь, чтобы такое истинно царственное сокровище не перешло въ частныя руки совершенно инаго поколѣнія, Князь намѣренъ былъ завѣщать его въ Московскій Успенскій соборъ.

Казань. — На пути къ этой столицѣ нашей Азіи лежитъ Свіяжскъ, который былъ послѣднею ступенью, приблизившею насъ къ Казани, и уже не могла держаться

---

* Описаніемъ этой обители занимался Преосв. Іаковъ Нижегородскій, къ сожалѣнію, недавно скончавшійся. Отъ неутомимаго Профессора О. Макарія мы ожидаемъ довершенія этого труда. *Ред.*

Digitized by Google

долѣе твердыня Татарская, когда водрузилось здѣсь знамя Русское. Благоговѣйное вниманіе путешественника привлечетъ въ Свіяжскѣ монастырь, въ коемъ почиваютъ мощи Святителя Германа, преемника Гурію на каѳедрѣ Казанской; онѣ перенесены изъ Москвы въ созданную имъ, Свіяжскую обитель, при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. — Въ Казани первымъ предметомъ поклоненія нашего путешественника были мощи Первосвятителей Казанскихъ Гурія и Варсонофія, которые положили начало спасенія Казани. Краснорѣчиво излагаетъ авторъ жизнь сихъ великихъ подвижниковъ Православія. Нетлѣнныя тѣлеса ихъ обрѣтены были въ 1596 году Митрополитомъ Гермогеномъ.—По волѣ царской устроенъ былъ придѣлъ во имя обоихъ Святителей при соборной церкви Преображенія, и тамъ поставлены мощи обоихъ, связанныхъ между собою узами духовной дружбы, какъ нѣкогда Святые Іерархи Василій и Григорій Богословъ. Митрополитъ Казанскій Матѳей перенесъ мощи Св. Гурія въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ была его каѳедра. Службу Чудотворцу составилъ Св. Димитрій Ростовскій, и написалъ похвальное слово ему, достойное обоихъ. Во время страшнаго пожара 1742 года св. мощи были вынесены безопасно; но въ 1815 г. другой пожаръ повредилъ ихъ цѣлость, ибо онѣ оставлены были въ пылающемъ храмѣ и загорѣлась рака. Однако драгоцѣнные останки ихъ были собраны. Такому же поврежденію подверглись и мощи Святителя Варсонофія.

При обозрѣніи, съ вершины такъ называемой Сумбекиной башни, обширнаго поля Казанскаго, гдѣ столько разъ рѣшалась судьба города, воображенію автора представилась, въ краткихъ очеркахъ, вся лѣтопись Казанскаго царства, — и онъ передаетъ ее своимъ читателямъ.

Другія святыни Казани — чудотворныя иконы Казанской и Одигитріи Богоматери — прославлены чудесами во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества.

Монастырь Зилантовъ, какъ обитель, послужившая первымъ разсадникомъ Христіанства для покоренной области, и памятникъ въ честь витязей, павшихъ на полѣ Казанскомъ, гдѣ совершились подвиги славной осады, — оба они не могли не обратить на себя вниманія нашего пу-

Digitized by Google

тешественника. Памятникъ стоитъ на берегу Казанки, которая свивается дугою передъ этою могильною пирамидою; все поле смерти и славы широко разстилается вокругъ гробоваго хранилища витязей Русскихъ.

«Мы вошли во внутренность пирамиды, образъ коей, взятый съ древнѣйшихъ гробницъ Мемфиса, соотвѣтствовалъ ея могильному назначенію; но вмѣсто тѣсной храмины съ пустымъ саркофагомъ, которые таятся въ сердцѣ исполинскаго зданія Египетскаго, мнѣ утѣшительно было видѣть себя внутри церкви, освящающей памятникъ надгробный. Я желалъ знать, что было прежде на этомъ мѣстѣ и кому празднуетъ Церковь? Настоятель отвѣчалъ:

«Послѣ перенесенія Успенской обители на урочище Зилантово, здѣсь, на старомъ кладбищѣ Русскомъ, существовала всегда часовня, для ежегоднаго поминовенія падшихъ на брани, и еще съ самаго начала установленъ крестный ходъ, изъ Кремлевскаго собора, къ сему мѣсту, 2-го Октября, на память покоренія Казани. Самая пирамида устроена недавно, послѣ 1812 года, усердіемъ Архимандрита нашей обители, Амвросія, который не могъ равнодушно видѣть, что нѣтъ достойнаго вмѣстилища костямъ столькихъ витязей, когда Господь прославилъ наше отечество новыми подвигами и подвижниками. Подписка началась съ жителей Казани, и до ста тысячь рублей пожертвовано было на сооруженіе памятника. Нынѣшняя церковь освящена тѣмъ же благочестивымъ Архипастыремъ, какъ и наша, въ 1832 году, въ знаменательный для насъ день взятія Казани: она празднуетъ Нерукотворенному образу Спасову, потому что ликъ его былъ начертанъ на царственномъ знамени Іоанна, которое здѣсь развѣвалось надъ его послѣднею ставкою, и съ коимъ торжественно вступилъ онъ въ покоренный городъ.

«Исполненный воспоминаніями минувшаго, спустился я, вслѣдъ за Архимандритомъ, въ подземелье, — мрачный склепъ, гдѣ хранятся кости избіенныхъ; тускло теплилась лампада предъ распятіемъ и освѣщала открытый саркофагъ на высокомъ подножіи, сквозь рѣшетки коего виднѣлись кости человѣческія; саркофагъ былъ исполненъ черепами храбрыхъ. Настоятель посвѣтилъ мнѣ во внутрь сего сокровища смерти и далъ прочесть надписи, по обѣимъ сторонамъ гробницы; прилично избраны обѣ изъ Священнаго Писанія: одна ветхозавѣтная, изъ Книги Царствъ, надгробная пѣснь Царя-Пророка падшимъ на горахъ Гелгуйскихъ: «Возлюбленніи и прекрасніи неразлучни, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей нераздучишася, паче орловъ легцы, паче львовъ крѣпцы» (II. Царст. I, 23). Другая новоза-

Digitized by Google

вѣтная, изъ Евангелія Іоанна, о подвигахъ любви: «Болыпи сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоанна XV, 13).

«Этотъ саркофагъ,» сказалъ мнѣ Архимандритъ, «есть только устье обширной могилы, которая отселѣ распространяется, изъподъ пирамиды, во всѣ стороны и только прикрыта дощатымъ помостомъ. Здѣсь, въ числѣ избіенныхъ, собраны всѣ громкія имена княжескія и боярскія, какъ безразлично смѣшаны ихъ кости; здѣсь и первые мученики за вѣру Христову, пострадавшіе до взятія Казани, Петръ, Іоаннъ и Стефанъ. Усердіе Патріарха Гермогена установило для всѣхъ ихъ торжественную панихиду, какъ то при началѣ предназначено было самимъ Іоанномъ. Ему первому возглашается нами вѣчная память, «какъ побѣдителю Казанскаго царствія и христіанскія вѣры насадителю;» и вслѣдъ за нимъ, «на той же брани доблественнѣ храбрствовавшимъ и усердно въ подвизѣ пострадавшимъ и избіеннымъ, Князю Димитрію Микулинскому, во иноцѣхъ Діонисію, и прочимъ, которыхъ имена поминаются по родамъ ихъ, Тверичи, Костромичи, Галичане».... До трехъ-сотъ именъ вписалъ Святитель въ синодикъ свой, ибо онъ усердствовалъ, чтобы всѣ Князья и Бояре и люди служилые, которые побиты были подъ стѣнами Казани, воспоминались молитвенно, и это совершается донынѣ.»

Размышленіями о «судьбѣ Православія на Востокѣ» авторъ прощается съ Казанью.

Арзамасъ. — Многолюдная община, 35 церквей и соборъ, какимъ могла бы похвалиться даже столица по обширности его и великолѣпію: можно ли ожидать такого духовнаго богатства отъ уѣзднаго города, въ которомъ нѣтъ и 9000 жителей? — Женская Алексѣевская община извѣстна во всей Россіи. Въ окрестностяхъ Арзамаса есть еще двѣ такія общины: Ардатовская и Дивѣевская, но онѣ уступаютъ Арзамасской. Въ ней до пятисотъ вдовъ и дѣвицъ, посвятившихъ себя на молитвы и рукодѣлія, представляютъ удивительный примѣръ благоустроенной обители; она держится только трудами и тѣмъ уваженіемъ, которое невольно внушаетъ безукоризненная жизнь многочисленныхъ сестеръ, иночествующихъ въ полномъ смыслѣ сего слова, хотя и безъ произнесенія обѣта.

«Арзамасская община обязана своимъ началомъ благочестивому труженику, изъ дворянскаго рода Ушаковыхъ, отцу Ѳеодору, въ мірѣ Іоанну, который, находясь на службѣ царской, при

Digitized by Google

Императрицѣ Елисаветѣ, оставилъ міръ, будучи пораженъ внезапною смертію одного изъ своихъ товарищей. Онъ тайно ушелъ изъ столицы и долго скитался по отдаленнымъ пустынямъ, доколѣ не былъ взятъ въ Кіевѣ, какъ не имѣвшій при себѣ вида. Узнавъ о его прежней службѣ по гвардіи, представили вольнаго инока Императрицѣ; она же, по свойственному ей благочестію, только упрекнула его, зачѣмъ не открылъ ей задушевнаго своего помысла, и разрѣшила ему постричься въ обители Невской. Множество учениковъ и учениць стали стекаться къ благоговѣйному иноку; возбуждая тѣмъ зависть братій, и для избѣжанія оной, удалился Ѳеодоръ въ Саровскую пустынь. За нимъ послѣдовали многочисленные его ученики: посему иноки Саровскіе посовѣтовали ему испросить для своей общины приходившую тогда въ упадокъ Синаксарскую пустынь того же уѣзда. Послушался ихъ совѣта отецъ Ѳеодоръ, и, будучи посвященъ въ іеромонахи, сдѣлался настоятелемъ Синаксарскимъ.

«Но его заботила безпріютная участь многочисленныхъ учениць, которыя также все оставили, чтобы идти вслѣдъ за нимъ, и онъ испросилъ для нихъ у духовнаго начальства недавно упраздненную въ Арзамасѣ, женскую Алексѣевскую обитель, гдѣ свободно могли онѣ помѣститься. Число ихъ возрасло до 150 еще при жизни отца духовнаго, который часто ихъ навѣщалъ, чтобы пользовались его совѣтами. Онѣ не приняли на себя монашескихъ обѣтовъ, но правила, данныя имъ отцемъ Ѳеодоромъ, были строже всякаго обѣта, и доселѣ исполняются съ чрезвычайною точностію.

«Все у нихъ должно быть общее и послушаніе настоятельницѣ безусловное; она же обязана, съ кротостію и благоразуміемъ, наблюдать за нравомъ каждой сестры, для сохраненія мира и удаленія нерадивыхъ. Не имѣя никакихъ окладовъ или угодій, община содержится единственно трудами рукъ своихъ и прославилась ими во всѣхъ краяхъ Россіи, особенно золотошвейнымъ искусствомъ; каждая сестра по своей способности шьетъ, или прядетъ, или тчетъ холстъ, и это въ теченіе цѣлаго дня до глубокаго вечера, а для того, чтобы не было между ними суетныхъ бесѣдъ, одна грамотная читаетъ вслухъ духовную книгу. Послѣ общей трапезы онѣ вмѣстѣ поютъ вечерню, повечеріе и читаютъ три канона Господу, Богоматери и Ангелу-хранителю, съ пятидесятью земными поклонами и молитвами на сонъ грядущихъ. По полуночи опять собираются для чтенія утреннихъ молитвъ и псалтиря съ помянникомъ за усопшихъ, и потомъ всѣ расходятся къ рукодѣльямъ. Въ церковь къ литургіи всѣ обязаны ходить по праздникамъ, и стоять отдѣльно на хорахъ; въ будни же ходятъ только престарѣлыя и тѣ, которыя болѣе свободны; крылосное пѣніе не лежитъ на нихъ, такъ какъ онѣ не пострижены, и служба церковная не составляетъ ихъ главной обязанности.

Digitized by Google

«Я еще засталъ раннюю обѣдню въ лѣтнемъ великолѣпномъ храмѣ Арзамасской общины; дряхлый старецъ священникъ совершалъ ее и едва былъ слышенъ дрожащій его голосъ; только два причетника пѣли на крылосѣ и одна сестра прислуживала вмѣсто пономаря; нѣсколько старицъ молились въ сторонѣ, а прочія были на работѣ. — Я просилъ одну изъ сестеръ доложить обо мнѣ настоятельницѣ, а между тѣмъ показать мнѣ церковь, и былъ изумленъ богатствомъ ея украшеній; но еще удивительнѣе было то, что все сіе убранство, не говоря о ризахъ и златошвейныхъ пеленахъ и плащаницахъ, даже самыя иконы и ихъ рѣзныя рамы и позолота, — все устроено женскими руками, потому что между ними есть искусные иконописцы и рѣщики. Всѣ сіи художества еще украшены строгою жизнію тѣхъ, которыя занимаются ими, для благолѣпія храмовъ и на пользу ближнихъ. Что сказать о такой общинѣ, состоящей изъ пятисотъ благочестивыхъ сестеръ, которыя сами себѣ снискиваютъ молитвенно пропитаніе, трудами рукъ своихъ? Вотъ истинно христіанское общежитіе, основанное на послушаніи Богу и настоятельницѣ.»*

Саровская пустынь. — Она возникла, въ концѣ XVII столѣтія, на мѣстѣ развалинъ Татарскаго города Сараклы. Основателемъ ея былъ іеромонахъ Исаакій. Ревность его преемниковъ, особенно Ефрема и Нифонта, и подвиги пустынножительства Саровскихъ отшельниковъ, скоро возвеличили новую обитель. Трогательно передаетъ намъ авторъ жизнь первоначальника Саровскаго, его преемниковъ и двухъ наиболѣе извѣстныхъ отшельниковъ: Марка и Серафима; живыми чертами изображаетъ духъ пустыннолюбія, коимъ славится Саровская обитель, и оканчиваетъ описаніе ея разсужденіемъ «объ иночествѣ». Боясь нарушить цѣлость впечатлѣнія, мы не дѣлаемъ никакихъ выписокъ изъ этой главы: тѣмъ полнѣе будетъ удовольствіе читателей, которые захотятъ ближе познакомиться съ книгою А. Н. Муравьева.

Возвращеніе въ Нижній-Новгородъ — даетъ автору поводъ сказать нѣсколько словъ о ярмаркѣ, — и потомъ, по случаю несоблюденія многими постовъ, распространиться о сихъ послѣднихъ.

Владимирскій соборъ съ его святынями и историческими памятниками подробно описанъ авторомъ; но мы,

---

* Довольно большая статья объ Арзамасской общинѣ была помѣщена въ Московскихъ Вѣдомостяхъ этого года. *Ред.*

Digitized by Google

и отчасти наши читатели, уже знакомы съ этимъ памятникомъ по сочиненію Г. Доброхотова.

Бородино. — Съ какими воспоминаніями соединено это имя, и какими чудными обстоятельствами сопровождалось устроеніе здѣсь обители! Разсказъ самой основательницы лучше всего передастъ намъ исторію Бородинскаго монастыря.

«Если припоминать всѣ обстоятельства и соображать минувшее съ настоящимъ (говорила мать Марія нашему путешественнику), то много откроется необычайнаго, чему даже трудно повѣрить, если бы не существовали еще живые свидѣтели. Нѣчто особенное, можно сказать роковое, влекло меня къ Бородину, и мѣсто сіе было мнѣ указано, когда еще никто не слыхалъ, что есть урочище Бородинское. Я была вполнѣ счастлива мужемъ и сыномъ, когда однажды мнѣ приснилось, за годъ до моей горькой потери, будто отецъ мой приноситъ ко мнѣ въ спальню одного моего младенца и говоритъ: «вотъ все, что тебѣ осталось!» и въ то же время мнѣ послышался тайный голосъ: «участь твоя рѣшится въ Бородинѣ!» Помню, что, проснувшись въ большомъ волненіи, я разсказала мужу то, что видѣлось мнѣ во снѣ, и онъ приписалъ это игрѣ пылкаго воображенія. Намъ любопытно было узнать: что это за урочище Бородинское, которымъ мнѣ угрожалъ сонъ? и мы напрасно искали его въ окрестностяхъ нашего полка, который тогда былъ расположенъ не далеко отъ западной границы. Кому могло придти на мысль искать Бородина по Смоленской дорогѣ близъ Москвы? — Когда же совершилось страшное событіе, я была при отцѣ моемъ, и онъ дѣйствительно пришелъ мнѣ объявить потерю мужа, съ младенцемъ на рукахъ, говоря: «вотъ все, что тебѣ осталось!» Тогда опять повторилось мнѣ роковое имя Бородина: — какъ объяснить такое горькое предчувствіе?»

.... «Я спросила еще Игуменью: что побудило ее основаться на этомъ мѣстѣ обширнаго поля? и какъ она могла отыскать тѣло своего мужа, среди столькихъ избіенныхъ? — «Ахъ! я не отыскала его,» отвѣчала мать Марія: «но здѣсь онъ былъ убитъ! Напрасно, нѣсколько недѣль послѣ сраженія, обѣжала я, съ старцемъ Можайскаго монастыря Іосафомъ, все побоище, когда еще не зажигались на немъ страшные костры для сожженія всѣхъ его труповъ. Отчаяніе мнѣ придавало силы; быстро прошла я все пространство, отъ селенія Бородина до Колоцкаго монастыря, и даже не почувствовала усталости девятиверстнаго пути. Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на курганъ Раевскаго и Семеновскія баттареи, гдѣ теперь стоитъ обитель; то были по истинѣ горы человѣческихъ тѣлъ, потому что здѣсь сильнѣе бились: мѣсто

Digitized by Google

сіе, изъ всего поля, казалось, наиболѣе требовало молитвы за усопшихъ, — и вотъ онѣ совершаются!»

«Но кто же указалъ вамъ самое мѣсто убіенія вашего мужа?» — «Одинъ изъ подвижниковъ битвы, Генералъ Коновницынъ, близкій ко мнѣ и по узамъ семейнымъ, сжалился надъ моимъ напраснымъ скитальчествомъ. Онъ прислалъ ко мнѣ, съ сыномъ своимъ, планъ Бородинскаго сраженія, составленный имъ самимъ, еще по свѣжей памяти, указалъ на немъ расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, и означилъ баттарею, близъ деревни Семеновской, какъ то горькое для меня мѣсто, гдѣ былъ убитъ мужъ мой. Я перестала искать и основалась на этой баттареѣ; вы увидите, что церковь наша стоитъ на валу. Вотъ и письмо, которымъ онъ убѣждалъ меня не искать долѣе ненаходимаго, и самый планъ, составленный имъ для меня.»

«Съ благоговѣніемъ прочелъ я простое, добродушное письмо великаго воина, исполненное нѣжнаго участія, и развернулъ планъ битвы Бородинской, его рукою начертанный Одинъ изъ витязей страшной битвы, самъ того не вѣдая, указывалъ мѣсто будущей обители для вдовы одного изъ положившихъ жизнь за вѣру и отечество, на этомъ полѣ: — и вотъ она, чрезъ столько лѣтъ, раскрываетъ планъ сей пришельцу, въ тиши своей келіи, уже въ санѣ Игуменьи, какъ бы межевые планы или писцовыя книги на владѣніе симъ кровавымъ урочищемъ! — Такого землемѣра достойна была такая обитель! И сколько великаго въ этой первоначальной простотѣ! Какъ драгоцѣнна будетъ хартія сія для потомства! — По ней я могъ распознать мѣстность окрестныхъ селеній и боевыхъ кургановъ, которую на другой день повѣрилъ самъ съ высоты уединеннаго памятника. — Мнѣ любопытно было знать, какъ могла женщина одна преодолѣть весь ужасъ этого поля и мужественно поселиться близъ своей одинокой церкви, доколѣ не устроилась еще обитель?

«Я никогда не думала о томъ, что со мною здѣсь будетъ, а только о томъ, что уже было, отвѣчала она. Бывшее же здѣсь слишкомъ сроднилось со мною, чтобы не приковать меня навсегда къ этому мѣсту. Сперва я очень занята была построеніемъ церкви, для себя же поставила малый домикъ въ видѣ сторожки, куда пріѣзжала только на время, чтобы наблюдать за работами; онъ и теперь существуетъ, и вы въ немъ проведете ночь. Со мною жила одна добрая старушка, которая хотя и была намъ чужда по вѣрѣ и племени, однако посвятила себя вполнѣ семейству нашему и здѣсь впослѣдствіи при мнѣ скончалась. — Не было ограды около нашего домика, и часто мы видали, по ночамъ, какъ бы огоньки свѣтящіеся вдали: это сверкали глаза рыскавшихъ около насъ волковъ, которыхъ вой обличалъ непріятное сосѣдство. Не понимаю также, какъ во все то

Digitized by Google

время мы не были ни разу ограблены, потому что при мнѣ не было почти вовсе прислуги, а мѣсто открытое. Богъ сохранялъ насъ. — Сынъ мой раздѣлялъ со мною уединеніе надъ прахомъ отца своего: когда же Господу было угодно лишить меня и сего единственнаго утѣшенія, я не хотѣла болѣе возвращаться въ міръ и безотчетно предалась тому чувству, которое влекло меня къ Бородину. Мѣсто сіе сдѣлалось для меня цѣлымъ міромъ: здѣсь похоронила я сына, здѣсь былъ убитъ его отецъ; чего же оставалось мнѣ искать въ другомъ мѣстѣ? — Не знаю сама, какъ составилась около меня община: добрые люди стали приходить и селиться, и я не имѣла духа имъ отказывать; сестры занялись молитвою и рукодѣльемъ для своего пропитанія, и я раздѣляла съ ними то, что имѣла отъ щедротъ Монаршихъ, и то, что пріобрѣла отъ продажи моего малаго имѣнія. Когда община сдѣлалась многолюднѣе, то показалось болѣе приличнымъ для Августѣйшихъ ея Посѣтителей, чтобы тутъ была обитель; но когда здѣсь совершалась знаменитая годовщина Бородинская, еще не было ни монастыря, ни ограды: деревья, насажденныя руками нашими, служили намъ оградою, подъ сѣнію нашего малаго храма, и вотъ теперь уже ограждена обитель, доброхотными даяніями усердствовавшихъ, и сооружены еще церковь и келіи. Такова начальная исторія всякой обители! Господь видимо пособилъ нашей немощи и позволилъ мнѣ устроить то, чего я никогда не надѣялась видѣть; никогда я не могла вообразить себѣ и того, что когда-либо буду Игуменьею Бородинскою; но въ обители Святаго Сергія удостоилась я принять образъ иноческій отъ руки нашего Владыки. Такъ благословеніе Преподобнаго, которому близко все отечественное, распространилось и на поле Бородинское.»*

Въ день разгрома Бородинскаго совершается крестный ходъ на самомъ страшномъ нѣкогда протяженіи поля— отъ села Бородина и до обители, въ которой отправляется панихида. Такимъ образомъ ежегодно обновляется память битвы, дабы никогда не стерлась она изъ памяти грядущихъ поколѣній....

Осматривая съ высоты памятника поле Бородинское, авторъ вспомнилъ живой разсказъ посѣдѣвшаго героя Бородинскаго: какъ вытѣснилъ онъ непріятеля, овладѣвшаго курганомъ Раевскаго, на которомъ возвышается памятникъ. Разсказъ этотъ достояніе Исторіи, и мы приводимъ его вполнѣ.

---

* Въ этомъ описаніи проскользнуло нѣсколько неточностей, впрочемъ незначительныхъ: онѣ исправятся, можетъ быть, при случаѣ. *М. П.*

Digitized by Google

«Это было дѣло случая», скромно говорилъ мнѣ маститый воитель Кавказа, какъ бы чуждаясь отблеска своей Бородинской славы. — «Въ самомъ пылу сраженія, когда Багратіонъ бросился на штыки со всѣми своими силами, чтобы оттѣснить непріятеля, къ Главнокомандующему прискакалъ зять его, Князь Кудашевъ, съ извѣстіемъ, что Багратіонъ тяжело раненъ и замѣшательство въ войскахъ очень велико. — «Голубчикъ,» сказалъ мнѣ Главнокомандующій (это было обычное его слово), посмотри, нельзя ли тамъ что-нибудь сдѣлать, чтобы ободрить войска.» — Я поѣхалъ въ большомъ раздумьѣ, потому что не предвидѣлъ возможности успѣха въ войскахъ, разстроенныхъ потерею любимаго ихъ начальника, и мнѣ совершенно незнакомыхъ. Увидѣвъ храбраго Полковника Никитина (нынѣ Графа и Инспектора всей Кавалеріи), я подозвалъ его и сказалъ: «тезка, возьми съ собою три конныя роты, и не теряй меня изъ виду, чтобы нагнать въ полѣ, а я поѣду на правый флангъ;» — черезъ нѣсколько минутъ прискакали орудія. Тутъ встрѣтился мнѣ Графъ Кутайсовъ, бывшій начальникъ артиллеріи первой арміи, и спросивъ: куда я ѣду? объявилъ свое желаніе слѣдовать за мной; напрасно старался я его отклонить.

«Ты всегда бросаешься туда, гдѣ тебѣ не нужно быть, говорилъ я; давно ли тебѣ досталось отъ Главнокомандующаго, за то что не могъ нигдѣ тебя доискаться, а теперь опять ты просишься на непріятности. Я ѣду въ арміо, мнѣ чужую, приказывать тамъ именемъ Главнокомандующаго, а ты что будешь тамъ дѣлать?» Но Кутайсовъ не хотѣлъ меня слушать и продолжалъ ѣхать со мною рядомъ, какъ будто бы его влекла судьба на опредѣленную ему смерть.

«Покамѣсть мы ѣхали полемъ, вдругъ я вижу вправо большое смятеніе, вокругъ баттареи Раевскаго: наши бѣгутъ въ безпорядкѣ; верхъ баттареи покрытъ густымъ дымомъ, и уже непріятель ею овладѣлъ; вся масса бѣгущихъ стремилась прямо на насъ. Я остановился и подумалъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать во вторую армію, гдѣ еще не знаю, что могу сдѣлать съ чужими войсками, не лучше ли будетъ возстановить тутъ сраженіе и выбить непріятеля изъ центра нашей позиціи? Сейчасъ же велѣлъ я конной артиллеріи поворотить вслѣдъ за мной вправо къ баттареѣ. Тутъ случился одинъ баталіонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края нашей первой арміи; я скомандовалъ ему къ атакѣ; онъ было хотѣлъ идти колонною, но я велѣлъ ему развернуться фронтомъ, чтобы линія наша казалась длиннѣе, и въ эти тенета захватить больше бѣгущихъ, которыхъ я останавливалъ крикомъ; вокругъ меня собралась большая толпа; я бросилъ впередъ нѣсколько Георгіевскихъ лентъ, которыя имѣлъ съ собою; тогда ударили мы на баттарею Раевскаго, и въ четверть часа она опять

Digitized by Google

уже была нашею, потому что Французы не успѣли даже оборотить на насъ орудій нашихъ, да и не было бы отъ нихъ пользы, потому что истощились заряды, отъ того они и могли овладѣть баттареею. Мы сбросили наши пушки съ валу вмѣстѣ съ непріятелемъ; не было ему пощады, взяли одного только Генерала Бонами. Не было возможности удержать нашихъ отъ погони, потому что вся масса не могла взойти на курганъ, остальные съ обѣихъ сторонъ устремились вслѣдъ за бѣгущими къ глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ, который былъ впереди нашей позиціи и занятъ войсками Маршала Нея. Теперь уже не видать этого оврага, онъ выровненъ, и срубленъ лѣсъ. Не будучи въ силахъ остановить своихъ, я велѣлъ кавалеріи заскакать впередъ и гнать ихъ обратно на баттарею. Въ этой свалкѣ исчезъ Графъ Кутайсовъ: прискакала только одна его лошадь; онъ не попалъ на баттарею, но былъ убитъ подлѣ. Одинъ изъ офицеровъ видѣлъ его паденіе, и принялъ его на руки, но не могъ вынести тѣла изъ свалки; онъ снялъ только съ него Георгіевскій крестъ и взялъ его золотую саблю, чтобы не достались непріятелю. До вечера отстаивали мы баттарею, я самъ держался на ней три часа, пока боль отъ раны не заставила меня удалиться.»

Кремль. Память освобожденія Москвы отъ Галловъ. — Едва ли можно приличнѣе заключить путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ, какъ описаніемъ торжественнаго хода кругъ Кремля, въ память освобожденія столицы отъ врага. Живымъ, краснорѣчивымъ перомъ рисуетъ авторъ эту умилительную картину, которая въ Москвѣ возобновляется ежегодно, —и слѣдующими словами оканчиваетъ «Мысли о Православіи»: «Святитель всходитъ на ступени всенароднаго амвона, съ котораго превозгласилось столько лѣтописныхъ рѣчей въ слухъ всея Руси; вокругъ Владыки стоитъ весь митроносный сонмъ и вся древняя святыня, исшедшая во свидѣтельство новаго чуднаго спасенія земли Русской. Митрополитъ подымается еще выше, на свое горнее мѣсто посреди лобнаго, и оттолѣ, при гулѣ колоколовъ, осѣняетъ весь градъ и міръ животворящимъ крестомъ, на всѣ четыре страны свѣта, дабы во всѣ концы его паствы распространилось пастырское благословеніе, и во всю вселенную спасительная сила святаго креста, изъ самаго сердца Православія. — Вотъ истинное urbi et orbi, которому далеко уступаетъ Римское!»

Digitized by Google

Въ заключеніе этого краткаго изложенія «Мыслей о Православіи», намъ остается сказать, что цѣль автора достигнута вполнѣ. Подъ скромнымъ заглавіемъ онъ даетъ намъ описаніе множества святынь Русскихъ, знакомитъ насъ съ жизнію великихъ угодниковъ Божіихъ, которые въ нихъ подвизались, чьею благодатію онѣ просіяли. Исторія вездѣ предлагаетъ ему щедрыя пособія, и онъ пользуется ими, какъ искусный зодчій для бо́льшаго великолѣпія своего зданія. Все, что выходитъ изъ этого круга, или на чемъ не отражается духъ древняго Православія Русскаго — то́ не останавливаетъ на себѣ его вниманія. Современная жизнь существуетъ для него въ однихъ храмахъ и обителяхъ. И какая жизнь! Горящій животворнымъ свѣтомъ перлъ, которому мы не знаемъ цѣны, а часто и вовсе не беремъ на себя труда оцѣнить его, увлекаясь поддѣльнымъ, ложнымъ блескомъ другихъ явленій. Между тѣмъ одинъ взглядъ на эту жизнь, на вѣковѣчные памятники, созданные ею, взглядъ, проникнутый мыслію, можетъ доставить много утѣшенія душѣ и сердцу....

И здѣсь еще не вся земля Русская.... Есть много другихъ святынь, еще не описанныхъ, которыя ожидаютъ пера столь же краснорѣчиваго, какъ перо А. Н. Муравьева. Есть, наконецъ, проявленіе православнаго духа въ нашемъ народномъ быту, который большею частію мы знаемъ по наслышкѣ или по наглядкѣ. На этотъ послѣдній должно быть обращено особенное вниманіе нашихъ путешественниковъ. Путешествіе по Европѣ сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ. Всесвѣтный ходокъ, если угодно — туристъ, Англичанинъ, изрѣдка прогуливается по Европѣ, а путешествовать отправляется въ глубь Африки, къ вершинамъ Гималаевъ и Кордильеровъ. Ему можно дѣлать это, потому что онъ знаетъ свое отечество. Мы ужъ сколько лѣтъ сбираемся узнать свое, и все-таки, какъ будто по влеченію притягательной силы, болѣемъ сердцемъ по Парижѣ съ компаніею.... А отечество!.... Нѣтъ, безсознательно повторяемъ мы слова Василія Ивановича что́ живетъ въ «Тарантасѣ», да толкуемъ объ отсутствіи комфорта по дорогамъ....

Digitized by Google

113. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Сост. А. Мартыновымъ. Текстъ И. М. Снегирева. Изд. 2-е съ дополненіями. Годъ второй. М. 1850. Стр. 139 и II въ 8-ю д. л.

Изданіе это не нуждается ни въ какихъ похвалахъ. Оно установилось прочно и продолжается съ заслуженнымъ успѣхомъ, находя болѣе и болѣе сочувствія между всѣми, кому дорого завѣтное наслѣдіе предковъ. Для удобства публики Г. Мартыновъ издаетъ вышедшія тетради въ маломъ форматѣ, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ доступнѣе для большинства покупателей. — Во *второмъ* годѣ заключаются: 1) Сухарева башня; 2) Церковь Св. Іоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ; 3) Боярская площадка въ Московскомъ Кремлѣ; 4) Церковь въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ; 5) Стефанова часовня близъ Троице-Сергіевой Лавры; 6) Гербовыя ворота въ Московскомъ Кремлѣ; 7) Церковь Рождества Богородицы, что́ на Старомъ Симоновѣ; 8) Ворота Измайловскаго дворца; 9) Ивановскій монастырь въ Москвѣ; 10) Московскій домъ Князя Юсупова; 11) Церковь Грузинскія Богоматери въ Москвѣ; 12) Церковь при домѣ Графа Шереметева; 13) Церковь въ селѣ Бесѣдахъ; 14) Церкви Введенская и Пятницкая въ посадѣ Троице-Сергіевой Лавры. — При этихъ статьхъ приложены *двадцать* литографированныхъ рисунковъ, которые, не смотря на малый форматъ, также отчетливо-хороши, какъ и въ большомъ. Текстъ дополненъ нѣсколькими новыми замѣчаніями.

114. Послѣдняя дань благовѣнія къ незабвенной памяти въ Бозѣ почивающаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича и воспоминанія о 50-лѣтнемъ юбилеѣ Его Императорскаго Высочества, какъ Генералъ-Фельдцехмейстера. (Съ портретомъ.) Спб. 1849. Стр. 60 въ 8-ю д. л.

Въ этой книжкѣ кратко изображены главныя черты изъ жизни въ Бозѣ почившаго Великаго Князя. Событія, о коихъ говоритъ авторъ, краснорѣчивы сами по себѣ. Приводимъ здѣсь одну черту изъ жизни Великаго Князя,

Digitized by Google

можетъ быть не всѣмъ извѣстную. «30-го Мая (при осадѣ Браилова), посѣщая плацъ-дармъ, въ трехъ саженяхъ отъ крѣпостнаго вала, желая ближе разсмотрѣть противолежащій бастіонъ, Великій Князь, осыпаемый ядрами и пулями, неустрашимо стоялъ у бойницы, на мѣстѣ одного изъ часовыхъ, рядоваго Яковлева; но Провидѣніе хранило безцѣнные для Россіи дни Августѣйшаго героя. Едва только Великій Князь, окончивъ наблюденія, уступилъ свое мѣсто часовому, какъ тотъ упалъ, пораженный пулею въ голову. Его Императорское Высочество, не смотря на явную опасность, остался при немъ и не прежде удалился, пока оказаны были раненому всѣ возможныя медицинскія пособія. Попеченія и старанія Августѣйшаго благотворителя возвратили здоровье почти смертельно раненому Яковлеву, который потомъ, служа рейткнехтомъ при Его Высочествѣ, благословлялъ милосердіе Великаго Князя.»

Умалчивая о слогѣ автора, позволимъ себѣ замѣтить, что болѣе нежели странно видѣть въ его книгѣ всѣ собственныя имена, начинающіяся строчными буквами: *р*оссія, *п*етербургъ, *с*уворовъ, *д*ержавинъ, *д*ибичъ, *н*аполеонъ, и пр. и пр. Неужели и на это, по мнѣнію его, есть какое-нибудь основаніе?

115. Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Соч. К. Гросгейнриха. Пер. съ Нѣм. М. и Е. Бурнашевыхъ. Спб. 1849. Стр. 154 въ 8-ю д. л.

Рѣдкое поэтическое явленіе была Елисавета Кульманъ! Рѣдкое по своей жизни, по обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ которыхъ развилась она, и по ранней зрѣлости своего прекраснаго, замѣчательнаго дарованія. Семи мѣсяцевъ она уже говорила; на одиннадцатомъ году знала пять языковъ и писала хорошіе стихи; на тринадцатомъ Гёте, Жанъ-Поль-Рихтеръ и Фоссъ привѣтствовали юное ея дарованіе; а семнадцати лѣтъ она сошла въ могилу, изнывъ при жизни въ бѣдности и душевныхъ страданіяхъ.... Она знала *одиннадцать* языковъ и говорила на осьми изъ нихъ; написала нѣсколько сотъ тысячъ стиховъ; Нѣмецкія стихотворенія ея имѣли пять изданій, Италіянскія три, Русскія два....

Digitized by Google

Жизнь и красота этого благоуханнаго цвѣтка, вѣроятно, знакомы всѣмъ нашимъ читателямъ изъ множества статей о Кульманъ, появлявшихся въ разное время въ нашихъ журналахъ. Жизнеописаніе, составленное Г. Гросгейнрихомъ, отличается бо́льшею противъ другихъ полнотою, ибо авторъ былъ наставникомъ Кульманъ, и слѣдов. лучше чѣмъ кто-либо могъ знать подробности ея жизни; особенно занимательно разсказано ея дѣтство. — Дарованіе Кульманъ признано единогласно всѣми; но о силѣ его, о возможности развитія съ лѣтами—критики расходятся въ мнѣніяхъ. Мы думаемъ, что, одаренная сильною воспріимчивостію, глубокимъ чувствомъ изящнаго, воображеніемъ живымъ и роскошнымъ, Кульманъ не была, однако, поэтомъ въ полномъ значеніи этого слова, хотя дарованія ея стало бы на дюжину обыкновенныхъ стихотворцевъ. Лучшія произведенія ея тѣ, въ которыхъ она подражаетъ древнимъ, и Фоссъ справедливо замѣтилъ, что «ихъ можно почесть мастерскимъ переводомъ твореній какого-нибудь поэта блистательныхъ временъ Греческой литературы, о которомъ мы до сихъ поръ не знали: до такой степени писательница умѣла вникнуть въ свой предметъ. Нѣтъ слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, чтобы столь молодая дѣвушка могла пріобрѣсть такія глубокія познанія въ искусствѣ и древности.» — Сама Кульманъ особенно цѣнила изображеніе Пиндара, и замѣчала, что «сравненіе его съ рѣкою, не бѣдное ни словами, ни содержаніемъ, таково, что самъ Державинъ, можетъ быть, не пренебрегъ бы имъ на ея мѣстѣ». Приводимъ это сравненіе:

Изъ всѣхъ пѣвцовъ пернатыхъ
Лишь соловей не знаетъ
Другому подражанья;
Онъ самъ собой доволенъ,
Въ себѣ одномъ находитъ
Разнообразны тоны
Для тихой, громкой, нѣжной,
Веселой, мрачной пѣсни.

Такъ Пиндаръ не имѣетъ
Ни съ кѣмъ въ напѣвѣ сходства.
Подобенъ онъ Азопу,

Digitized by Google

Царю Беотскихъ токовъ:
На скатѣ Киѳерона,
Между тремя дубами
Сей бьетъ изъ камня съ ревомъ,
Столпомъ алмазнымъ высясь;

И, радужной росою
На землю опускаясь,
Въ ручей соединенный,
Съ далеко слышнымъ шумомъ
Съ утесовъ на утесы
Въ долъ падаетъ, гдѣ, снѣжны
Потоки собирая,
Становится рѣкою.

Въ теченьи быстромъ скоро
Встрѣчается съ Эреей,*
Харитъ пріютомъ милымъ;
Онъ бы хотѣлъ съ подругой,
Отъ славы отрекаясь,
Здѣсь навсегда остаться;
Но строгій взоръ Юноны**
Мечты любови рушитъ.

И тихимъ токомъ льется,
Чтобъ не прервать сонъ первый
Героевъ опочившихъ,
Своей и Персовъ кровью
Платею напоившихъ,
Платею, въ коей скоро
Поднялся дубъ свободы,
Всю Гелу осѣняя.

Ужъ ждутъ его гласистый
Исменъ,*** любимый Фебомъ,
И Ѳермодонъ,**** біющій
Ключемъ у ногъ Зевасы,
И пышнымъ виноградомъ
Увѣнчанный Скамандеръ,
Чтобъ провожать владыку
Въ пути его къ Европу.

---

* Названіе острова.
** Храмъ Юноны былъ близъ Платеи.
*** Рѣка, при которой находился храмъ Аполлона.
**** Рѣка, вытекающая изъ подошвы горъ Гипата, гдѣ находился храмъ Зевса.

Digitized by Google

Огромными волнами
О берегъ ударя,
Спѣшитъ онъ къ водянистымъ
Холмамъ Амфіарая,
Ужъ не рѣкѣ подобенъ,
А озеру текущу,
Не данникъ онъ къ Еврипу,
Но царь къ царю приходитъ

Такъ ты пѣвецъ единый,
И милъ, и гордъ, и пышенъ,
И величавъ, и дивенъ,
Къ твоей стремишься цѣли;
Земное исполинской
Къ себѣ вздымая дланью,
Не ослѣпленъ Олимпа
Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Дѣятельность Елисаветы Кульманъ была изумительная. Исчислимъ всѣ ея произведенія по порядку:

1) «Собраніе картинъ въ сорока шести залахъ.» Оно содержитъ въ себѣ труды всѣхъ эпохъ поэтическаго ея существованія. Всѣ эти произведенія писаны на Нѣмецкомъ языкѣ. 2) Переводъ Анакреона сначала на пяти, потомъ на осьми языкахъ. 3) Переводъ трагедій Озерова. 4) Переводъ двухъ трагедій Альфіери на Нѣмецкій, и его же «Саулъ» на Русскій языкъ. 5) «Поэтическіе опыты» на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Италіянскомъ языкахъ. 6) Переводы: съ Испанскаго «Басень Иріарта», нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Лузіады» Камоэнса и «Тридцати одъ» Маноэля, отрывковъ изъ «Потеряннаго» и «Возвращеннаго Рая» Мильтона, и многихъ стихотвореній Метастазіо, все на Нѣмецкомъ языкѣ. 7) «Сказки заморскія», Русскія и одна восточная, всѣ на Русскомъ языкѣ. «Добрыня» и «Волшебная лампада» также и на Нѣмецкомъ. 8) Переводъ Новогреческихъ народныхъ пѣсенъ тоже на Нѣмецкомъ языкѣ. Елисавета Кульманъ занималась ими за нѣсколько дней до своей кончины, въ безсонныя ночи....

Digitized by Google

116. Разсужденіе о таинствѣ крещенія. Профессора Тверской Семинаріи, Свящ. Г. Рубцова. Спб. 1850. Стр. 95 въ 8-ю д. л.

117. О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Соч. Н. Малиновскаго. Спб. 1850. Стр. 194 въ 8-ю д. л.

Нельзя не радоваться, что число сочиненій по всѣмъ частямъ Богословія увеличивается у насъ съ каждымъ годомъ. Три духовныя изданія (Христіанское чтеніе, Воскресное чтеніе и Творенія Св. отцевъ) уже одни представляютъ богатые запасы въ этомъ отношеніи. Неутомимой дѣятельности іерарховъ и заслуженныхъ ученыхъ ревностно и не безуспѣшно подражаютъ и тѣ, которые только что выступили на поприще науки, и труды ихъ уже не остаются келейнымъ достояніемъ немногихъ. Основательное образованіе, обширная начитанность (eruditio) и всегда правильный, ясный языкъ — вотъ главныя достоинства большей части такихъ трудовъ, — и эти достоинства мы вполнѣ находимъ въ Разсужденіи Проф. Рубцова и книгѣ Г. Малиновскаго.

«Разсужденіе о таинствѣ крещенія» предварительно разсматриваетъ преобразованіе его, потомъ проповѣдь Предтечи и наконецъ уже крещеніе христіанское, какъ въ обрядовомъ составѣ, такъ и таинственномъ значеніи его, въ отношеніяхъ догматическомъ и нравственномъ.

Точно также Г. Малиновскій, прежде разсмотрѣнія литургіи преждеосвященныхъ даровъ въ томъ видѣ, какъ совершается она въ Православной Церкви, говоритъ о происхожденіи и древности, назначеніи и употребленіи ея, и этимъ предварительнымъ изслѣдованіемъ показываетъ читателю, съ какой стороны должно разсматривать священнодѣйствія, пѣснопѣнія и чтенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ, гдѣ искать ихъ происхожденія и какъ опредѣлять ихъ цѣль, значеніе и достоинство.

Digitized by Google

118. Краткая Исторія Церкви, Соч. Протоіерея В. Нордова. Спб. 1850. Стр. 140 въ 8-ю д. л.

119. Церковныя поученія Прот. В. Нордова. Новое изд., исправлен. и умноженное. Спб. 1850. Стр. 265 въ 8-ю д. л.

Первая книга — хорошій учебникъ, заключающій въ себѣ краткую Исторію Церкви Ветхаго и Новаго Завѣта. (Ветхозавѣтную авторъ подраздѣляетъ на *Патріархальную* и *Подзаконную.*) Вторая состоитъ изъ 70 поученій, произнесенныхъ на разные случаи. Обѣ написаны ясно и правильно.

120. О употребленіи соли въ сельскомъ хозяйствѣ. А. П. Заблоцкаго. Спб. 1850. Стр. 38 въ 8-ю д. л.

Соль необходима въ домашнемъ быту. Одинъ изъ отличнѣйшихъ Французскихъ химиковъ, Барраль, издалъ полный трактатъ объ употребленіи ея, въ которомъ изложилъ химическія изслѣдованія, опыты хозяевъ и указанія писателей. Но сочиненіе его, по научному способу изложенія и множеству числовыхъ выкладокъ, не можетъ быть легко доступно всѣмъ хозяевамъ; потому Г. Заблоцкій извлекъ изъ него все важнѣйшее въ практическомъ отношеніи и присоединилъ нѣсколько наблюденій Русскихъ хозяевъ. — Выводы Барраля заключаются въ слѣдующемъ:

1. Соль производитъ *увеличеніе роста* нѣсколько болѣе у бычковъ и телокъ, — подобное явленіе не замѣчено еще у другихъ животныхъ.

2. Относительно утучненія доселѣ были дѣланы опыты только съ овцами, и въ большей части случаевъ соль производила видимо благопріятные результаты.

3. Соль не увеличиваетъ количества молока; есть мнѣніе, что она усиливаетъ густоту его, но по этому предмету не было сдѣлано надлежащихъ опытовъ.

Digitized by Google

4. Кормленіе солью доставляетъ говядину отличнаго качества.

5. Соль оказываетъ очевидное вліяніе на *родотворную* способность животныхъ, которую она усиливаетъ; и потому вѣроятно опыты подтвердятъ, что соль способствуетъ сохраненію породъ.

6. Не доказано еще, чтобы соль оказывала непосредственное вліяніе на качество *кожи* и на произведеніе *шерсти*.

7. Соль имѣетъ свойство слабить, а потому съ пользою можетъ быть употребляема въ ветеринарной медицинѣ.

8. Она предупреждаетъ и ослабляетъ вліяніе эпизоотій у овецъ.

9. Она успливаетъ позывъ къ питью и вообще къ жидкому корму и, хотя въ меньшей степени, къ кормамъ сухимъ.

10. Изверженія содержатъ соли меньше, нежели сколько было ея въ пищѣ; она не оказываетъ вліянія на отдѣленіе слюны, которое у каждой породы животныхъ остается въ постоянномъ отношеніи съ сухою пищею.

11. Весьма мало выходитъ соли вмѣстѣ съ потомъ.

11. Соль, принятая животнымъ, не выходитъ непосредственно изъ организма; но чрезъ довольно продолжительное время находятъ въ уринѣ значительное количество принятой соли.

13. Примѣсь соли къ пищѣ увеличиваетъ количество въ уринѣ. Количество твердыхъ веществъ въ уринѣ также увеличивается.

14. Количество органическихъ твердыхъ веществъ, выходящихъ вмѣстѣ съ уриною, когда животныя принимаютъ соль, составляется главнымъ образомъ изъ азота, который, кажется, способствуетъ преобразованію урины въ уратъ, уринную кислоту и аммоніакъ.

15. *Удволя и даже утроля азотъ въ уринѣ, соль должна удвоивать или утроивать удобрительную силу жидкихъ изверженій животныхъ.*

16. Употребленіе соли уменьшаетъ отношеніе испарины къ испражненію.

17. Соль, въ умѣренныхъ пріемахъ, дѣйствуетъ какъ крѣпительное и мочегонное средство.

Digitized by Google

18. Изъ всего вышеизложеннаго естественно можно заключить, что соль способствуетъ измѣненію животныхъ тканей, и оказываетъ благотворное вліяніе на силу мускуловъ и на главныя отправленія организма.

Послѣ этого нечего и некому спорить о пользѣ соли. Лишь бы авторъ не былъ принужденъ сказать послѣ изданія, что онъ не солоно похлебалъ; а вы, читатели, солите все — пищу поваренною солью, разговоръ аттическою; пересолить и недосолить мы вамъ не желаемъ, а главное — избави Богъ всякаго насолить кому-нибудь....

121. Карманная поваренная книга. Соч. К. Авдѣевой. Спб. 1850. Стр. 196 въ 16-ю д. л.

Библіографія — аукціонъ, на которомъ всякій имѣетъ право продавать все, что вздумается: золото и желѣзо, картину Рафаэля и Суздальское писанье, бархатъ и тряпье. Радъ не радъ, а оцѣняй товаръ по крайнему своему разумѣнію. Вотъ, напримѣръ, пожаловала Поваренная книга: что съ нею дѣлать? Болѣе ничего, какъ внести ее въ число *входящихъ дѣлъ*, подъ такимъ-то нумеромъ, и основываясь на томъ, что Г-жа Авдѣева состряпала чуть ли не десятокъ разныхъ поварихъ, удостоилась поддѣлокъ подъ свое клеймо, сказать a priori, что, вѣроятно, и новое ея произведеніе вкусно не менѣе прежнихъ. Почему же поваренная книга названа *карманною* — этого не умѣемъ вамъ сказать. Можетъ быть, промышленность изобрѣла способъ носить кострюли, сковороды, вертела, всю кухню — *въ карманъ*.

122. Практическія правила къ руководству при покупкѣ лошадей. Соч. Г. Іонсона. Спб. 1850. Стр. 46 въ 8-ю д. л.

Тотъ, »кому вѣдать о семъ надлежитъ», найдетъ въ этой брошюрѣ довольно отчетливое описаніе примѣтъ хорошей лошади, поясненное рисунками.

Digitized by Google

123. Описаніе вѣрнѣйшихъ правилъ къ изученію шашечной игры, состав. по лучшимъ источникамъ. М. 1850.

Шашки далеко не то, что шахматы, но также имѣютъ своихъ любителей. Къ сожалѣнію, однако, эти послѣдніе любятъ доходить до всего *самоучкой*, слѣд. «вѣрнѣйшія правила къ изученію шашечной игры» едва ли могутъ быть кому-нибудь полезны, и придется имъ, подражая извѣстному обороту этой игры, сидѣть *взаперти* въ книжномъ амбарѣ.

124. Таблица для вычисленія четырехъ-процентнаго приращенія капиталовъ отъ одной копейки до 9,000,000,000,000 рублей на сто лѣтъ. Сост. И. Щуровъ. М. 1850.

Если кто бѣденъ и хочетъ разбогатѣть сказочнымъ образомъ, пусть разорится на покупку этой книжечки, состоящей изъ цифръ и линій, и утѣшаетъ себя на досугѣ мыслію, что одна копейка, стоящая у него ребромъ въ карманѣ и пущенная въ 4-процентное обращеніе, черезъ столько-то лѣтъ обратится во столько-то рублей, а рубль приведетъ съ собою тысячи, а отъ тысячи рукой подать до милліона,—разумѣется, путешествуя по «Таблицѣ для вычисленія процентовъ». Подъ обаяніемъ этихъ воздушныхъ замковъ ему будетъ сладко спаться, и сны прилетятъ золотые. Считать мы всѣ мастера, да та бѣда, что считать-то большей части изъ насъ нечего, развѣ чужіе приходы съ расходами; а тутъ еще заставляютъ насъ считать *девять билліоновъ*: шутка! Вотъ, если бы выучили насъ искусству *разсчитывать* — разсчитывать все: жизнь, время, деньги — стоило бы сказать спасибо.

Digitized by Google

Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго, на основаніи наблюденій, произведенныхъ Р. И. Мурчисономъ, Э. Верпейлемъ и Графомъ А. Кейзерлингомъ. Перев. съ Англійск. съ примѣчаніями и дополненіями Корп. Горн. Инж. Полк. Алек. Озерскимъ. Ч. I и II. Спб. 1849.

Опытъ прикладной Геологіи преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи. Барона А. Мейендорфа. Спб. 1849 г.

СТАТЬЯ IV.

Система каменноугольная.

Третья палеозоическая система называется *каменноугольною;* потому что она одна заключаетъ въ себѣ настоящій каменный уголь, самый важный элементъ государственнаго богатства. Неудивительно, что система эта искони обращала на себя вниманіе геологовъ и изслѣдована лучше другихъ палеозоическихъ. При описаніи формацій всегда принимали ее за такъ называемый *геогностическій горизонтъ*, то есть, за такую формацію, которою, какъ извѣстною, опредѣляли положеніе другихъ, лежащихъ выше и ниже ея. Изъ этаго однако не слѣдуетъ, чтобы свойства каменноугольной системы были совершенно опредѣлены въ наукѣ, и не представляли уже ничего неизвѣстнаго; не надобно думать, чтобы геологъ, даже самый опытный, тотчасъ, съ перваго взгляда могъ опредѣлить и степень развитія этой системы и степень выгоды, какую представляетъ она по количеству содержимаго угля. Подобные выводы бываютъ слѣдствіемъ только обширныхъ сравнительныхъ изслѣдованій. Русское Правительство, приглашая Мурчисона для изслѣдованія Европейской Россіи, между прочимъ имѣло въ виду привести въ ясность нашу каменноугольную систему, и опредѣлить степень ея богатства. Дѣйствительно, коротко знакомый съ каменноугольными осадками Великобританіи, Белгіи и другихъ государствъ, Мурчисонъ болѣе, нежели кто-либо, былъ въ со-

Digitized by Google

стояніи рѣшить этотъ вопросъ, особенно послѣ изслѣдованій Донецкаго края Демидовской экспедиціею и многихъ развѣдочныхъ работъ, которыя были предпринимаемы въ разныхъ мѣстахъ и руководимы весьма опытными и свѣдущими горными инженерами. Мурчисону надобно было прежнія изысканія, произведенныя отдѣльно и на весьма большихъ разстояніяхъ, сличить между собою и сличить съ каменноугольными осадками самаго полнаго англо-белгійскаго бассейна.

Англо-белгійскій бассейнъ занимаетъ южную часть Англіи или собственно Валлисское княжество, Белгію, сѣверную часть Франціи и Прусскія Рейнскія владѣнія. На всемъ этомъ пространствѣ каменноугольная система совершенно одинакова, и видимо составляетъ одну систему, только разорванную проливомъ Кале. Нижняя часть ея, лежащая непосредственно на девонскихъ породахъ, состоитъ изъ *горнаго известняка* (calcaire de montagne, calcaire carbonifère), который весьма богатъ морскими ископаемыми, особенно различными видами Productus, и въ верху переходитъ въ песчаникъ, называемый обыкновенно *жерновымъ песчаникомъ* (millstone grit). Надъ симъ послѣднимъ лежитъ уже собственно *каменноугольная формація* (terrain houiller), которая состоитъ изъ песчаниковъ и глинъ, перемежающихся съ пластами каменнаго угля. Эти-то пласты, болѣе или менѣе толстые, разработываются въ Валлисскомъ княжествѣ, въ окрестностяхъ городовъ Литтихъ, Намуръ, Шарлеруа, Монсъ, Валансьень, по теченію рѣки Руръ, — и почитаются главными центрами промышленной дѣятельности. Сочетаніе двухъ формацій, *горноизвестняковой* и *каменноугольной*, считается самымъ высшимъ развитіемъ описываемой системы, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ англо-белгійскомъ бассейнѣ. Таже система въ остальной части Европы, исключая Польшу и Силезію, большею частію состоитъ изъ одной какой-либо формаціи, горноизвестняковой либо каменноугольной. Въ самой Великобританіи, въ бассейнахъ Дербиширскомъ, Іоркширскомъ, Ньюкестельскомъ, собственно преобладаетъ горный известнякъ, одна нижняя часть Валлисскаго бассейна, но такая, которая вмѣстѣ съ песчаниками и отвер-

Digitized by Google

дѣлыми глинами заключаетъ сподчиненные пласты каменнаго угля, нерѣдко весьма толстые и превосходнаго качества. Бассейны, разсѣянные на материкѣ Европы, въ предѣлахъ Германіи (*Нижнерейнскій* или *Пфальцкій*, *Саксонскій*) и средней Франціи (*Гардскій*, *Саоно-Луарскій*, *Луарскій*, *Авейронскій* и т. д.), какъ бы въ противоположность Британскимъ островамъ, представляютъ одну верхнюю часть англо-белгійскаго бассейна, и состоятъ изъ одной каменноугольной формаціи. Само собою разумѣется, что означенныя формаціи весьма неодинаковы по своимъ частнымъ признакамъ и по количеству угля.

Спрашивается: къ какой же категоріи относится наша каменноугольная система, и что имѣетъ она особеннаго отъ другихъ, западно-европейскихъ?

У насъ каменноугольная система занимаетъ чрезвычайно обширное пространство. Начавшись отъ города Архангельска, она тянется на юго-западъ, сначала довольно узкою полосою до рѣки Вытегры, потомъ разширившись покрываетъ губерніи Новгородскую, Тверскую, Московскую, Тульскую, Калужскую и Рязанскую, вплоть до девонской возвышенности, которая, какъ выше было замѣчено, проходитъ по самой срединѣ Россіи. Къ югу отъ этой возвышенности каменноугольная система опять является и занимаетъ весь Донецкій край. Сверхъ того, она образуетъ длинную полосу по сторонамъ Урала и Тиманскаго хребта. Не смотря однако на такое обширное протяженіе, система наша, по сравненію съ западно-европейскими, соотвѣтствуетъ одному *горному известняку*, одной нижней части системы (calcaire carbonilére), верхней же или собственно каменноугольной (terrain houiller) до сихъ поръ не замѣчено. Но горный известнякъ Европейской Россіи, какъ произведеніе чрезвычайно обширныхъ морей, какихъ не было въ западной Европѣ, представляетъ много особеннаго отъ другихъ сименныхъ формацій. Въ самой Россіи формація эта весьма неодинакова, смотря потому, принадлежитъ ли она сѣверному или южному бассейну: горно-известняковыя моря, будучи разграничены девонскою возвышенностію, повидимому, находились въ такихъ физичес-

Digitized by Google

кихъ условіяхъ, которыя породили много частныхъ различій. Уральская каменноугольная формація имѣетъ свои особенности.

А. *Горный известнякъ сѣвернаго бассейна.*

Сперва опишемъ горный известнякъ сѣвернаго бассейна или ту полосу, которая лежитъ къ сѣверу отъ девонской возвышенности.

Горный известнякъ сѣвернаго бассейна прежде всего сдѣлался извѣстнымъ въ Московской губерніи трудами нашего маститаго старца Его Прев. Г. И. Фишера фонъ-Валдгейма, трудами, которые всегда будутъ служить основаніемъ при геологическомъ изученіи Московской губерніи. Первоначально они изложены въ его Oryctographie du Gouvernement de Moscou (1830—37), и потомъ дополняемы и исправляемы отдѣльными статьями въ запискахъ Московскаго Общества Испытателей природы.— Первый ученый обзоръ Валдайской или Новгородской формаціи горнаго известняка принадлежитъ, какъ мы видѣли, гг. Оливьери и Гельмерсену *). На основаніи наблюденій, произведенныхъ ими въ 1839 году, здѣшнія формаціи Ак. Эйхвальдомъ и Бухомъ отнесены къ древнему красному песчанику и *горному известняку*. Предметъ этотъ еще болѣе разработанъ послѣдующими изысканіями гг. Оливьери и особенно Гельмерсена **). Послѣдній нашелъ горный известнякъ въ Тверской губерніи, въ окрестностяхъ Ржева и при истокахъ С. Двины и Волги, и въ тоже время свои прежнія наблюденія надъ девонскою системою распространилъ отъ озеръ Ильменя и Селигера до Чудскаго озера ***). — Въ сѣверо-восточномъ направленіи, отъ Петербурга до Архангельска, горный известнякъ былъ наблюдаемъ путешественникомъ Роберомъ (1839) ****), Мурчисономъ въ сопровожденіи Вернёйля,

*) Оливьери, въ Г. и Ж. 1840, ч. II. стр. 309. Гельмерсена, тамъ же стр. 155.

**) Оливьери, въ Г. Ж. 1841, ч. II. стр. 319. Гельмерсена, тамъ же стр. 29.

***) Г. Ж. 1841, ч. II. к. 5.

****) Г. Ж. 1841, ч. III. к. 7.

Digitized by Google

Графомъ Кейзерлингомъ и Блазіусомъ (1840). Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ русскими ботаниками Шренкомъ и Рупрехтомъ, полагаютъ, что формація эта проникаетъ даже въ землю Самоѣдовъ *). Такимъ образомъ до 1841 года горный известнякъ сѣвернаго бассейна былъ извѣстенъ по направленію всей Валдайской возвышенности отъ Пинеги до истоковъ С. Двины или даже до Орши на Днѣпрѣ, а оттуда до Москвы. Было также извѣстно, что на всемъ этомъ пространствѣ настоящей каменноугольной формаціи не существуетъ, и что каменный уголь, открытый въ Новгородской губерніи, принадлежитъ исключительно нижней части горнаго известняка.—Геогностическія коллекціи, хранящіяся въ Петербургскомъ Горномъ Институтѣ, заставляли догадываться, что Московская губернія не составляетъ самой южной границы горнаго известняка, и что каменный уголь, давно извѣстный въ окрестностяхъ Тулы и Калуги, долженъ относиться къ той же формаціи. Но болѣе точное наблюденіе въ сихъ мѣстахъ сдѣлано графомъ Кейзерлингомъ, Блазіусомъ и барономъ Мейендорфомъ (1840 г.); они нашли, что на Упѣ, близъ Алексина, каменный уголь перемежается съ известнякомъ, чего до сихъ поръ не замѣчено было въ Новгородской губерніи. Такая особенность здѣшняго известняка была причиною, что баронъ Мейендорфъ многія изъ числа калужскихъ и тульскихъ мѣсторожденій почиталъ весьма благонадежными, и ставилъ ихъ въ совершенную параллель съ настоящею каменноугольною формаціею **). Но гг. Оливьери и Гельмерсенъ, назначенные въ 1841 году для изслѣдованія каменноугольной системы подмосковнаго края или точнѣе всего Московскаго бассейна (въ губ. Тверской, Московской, Тульской, Калужской, Рязанской и Орловской), доказали, что здѣшнія мѣ-

*) Окаменѣлости и горныя породы, доставленныя въ Петерб. Академію Наукъ Док. Шренкомъ съ береговъ сѣв. Двины и Пинеги и Док. Рупрехтомъ съ береговъ Индегской и Чешской губы, доказываютъ, что тамъ находится горный известнякъ.

**) Барона Мейендорфа, О каменноугольныхъ формаціяхъ въ Европейской Россіи, въ Г. Ж. 1846, ч. II. к. 6.

Digitized by Google

торожденія каменнаго угля, подобно Новгородскимъ, также подчинены горному известняку, и составляютъ нижнюю часть этой формаціи *. Графъ Кейзерлингъ и Блазіусъ получили такой же результатъ, и сверхъ того первые обнаружили мнѣніе, что горный известнякъ въ Россіи представляетъ четыре яруса, характеризующіеся особыми органическими остатками **. Одинъ изъ числа сихъ ярусовъ (ярусъ съ цидаритами), въ слѣдствіе дальнѣйшихъ изысканій, вскорѣ уничтожился, другой (ярусъ со Spirifer resupinatus или съ Fusulina cylindrica) сдѣлался проблематическимъ, а два остальные до сихъ поръ принимаются всѣми безъ исключенія. Одинъ изъ числа сихъ оставшихся ярусовъ отличается присутствіемъ раковины Spirifer Mosquensis, (Choristites, Fisch), другой—Productus giganteus (Mart); одинъ состоитъ изъ бѣлаго, коралловаго известняка, другой изъ пепельносѣраго либо чернаго, сопровождаемаго смолистыми сланцами и каменнымъ углемъ. Графу Кейзерлингу принадлежитъ мысль, что этѣ двѣ раковины никогда не находятся вмѣстѣ; одна изъ нихъ, Productus giganteus, повидимому была прибрежною обитательницею моря, находилась въ сосѣдствѣ материка, покрытаго растеніями, которыя въ послѣдствіи превратились въ каменный уголь, постоянный спутникъ этой раковины, или по крайней мѣрѣ окрасили имъ горный известнякъ; — другая раковина, Spirifer Mosquensis, напротивъ, есть произведеніе открытаго моря, обитаемаго кораллами, моря, которое, по своей отдаленности отъ береговъ, не могло осадкамъ своимъ сообщить чернаго цвѣта, происходящаго отъ разложенія растительныхъ веществъ. Справедливость требуетъ сказать, что относительное положеніе этихъ ярусовъ не вдругъ было понято графомъ Кейзерлингомъ и Блазіусомъ; сначала они приняли ихъ въ обратномъ порядкѣ противу естественнаго; ихъ примѣру послѣ-

---

* Гельмерсенъ, въ Bull. scientif. publiée par l'Acad. d. Sciences, d. St. Pétersb. Г. X, N 13. См. Въ Г. Ж. за 1841 и 1842 года статьи Оливьери, чрезвычайно важныя въ практическомъ отношеніи.

** Prof J. H. Blasius und Alex. Graf Keyserling, Notiz über Verbreitung von geognostischen Formationen im europäischen Russland, въ Bull. d. l. Société d. Natur. de Moscou. 1841, N. IV.

Digitized by Google

довалъ и баронъ Мейендорфъ *; но послѣ вторичнаго обозрѣнія береговъ Оки вмѣстѣ съ Мурчисономъ и Вернейлемъ они сами увидѣли свою ошибку, и въ замѣчательной статьѣ графа Кейзерлинга, *Объясненіе разрѣза горныхъ формацій отъ Москвы до Бѣлева*, означенные ярусы разсматриваются уже въ естественномъ порядкѣ **. Такому измѣненію, кромѣ собственныхъ наблюденій Графа Кейзерлинга, Мурчисона, Блазіуса и Вернейля, способствовали также изслѣдованія подмосковнаго края полк. Гельмерсеномъ. Въ отчетѣ своемъ онъ допускаетъ три яруса въ горномъ известнякѣ, и ярусу со Spirifer Mosquensis назначаетъ положеніе выше яруса съ Productus giganteus; въ томъ же порядкѣ онъ изобразилъ ихъ и въ своемъ геогностическомъ разрѣзѣ отъ Петербурга до Орла ***. Сверхъ того, этими изысканіями вполнѣ объяснилось положеніе девонской формаціи и горнаго известняка въ Московскомъ бассейнѣ. Г. Гельмерсенъ выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: »Горный известнякъ въ средней полосѣ Россіи съ подчиненнымъ ему ископаемымъ углемъ должно разсматривать какъ большой бассейнъ въ древнемъ красномъ песчаникѣ, коего границъ еще строго опредѣлить не могу. Начиная съ Валдая, горизонтъ понижается къ Москвѣ, потомъ возвышается до Тулы и Калуги опять до высоты Валдайскихъ горъ. На днѣ же бассейна лежатъ небольшіе юрскіе осадки, непосредственно на горномъ известнякѣ.« ****.

Такимъ образомъ установилось понятіе о раздѣленіи нашего горнаго известняка на ярусы; это было новымъ пріобрѣтеніемъ для науки; всѣ попытки рѣшить подобный вопросъ въ Англіи и другихъ странахъ оставались безъ успѣха.

---

* Въ статьѣ о каменноуг. формаціяхъ Евр. Россіи, Г. Ж. 1846 ч. II. к. 6.

** Г. Ж. 1842, ч. I.

*** Въ Annuaire des Mines de Russie за 1841, вышедшій въ 1844 г.

**** Письмо Гельмерсена къ Л. фонъ Буху (Auffindung devonischer Schichten bei Orel) въ Erman's Archiv, 1841 г. Heft 2.

Digitized by Google

Дальнѣйшіе развитіе нашихъ свѣдѣній о горномъ известнякѣ сѣвернаго бассейна принадлежитъ многимъ частнымъ изслѣдователямъ, въ особенности же мурчисоновской экспедиціи. Результаты ея изысканій сначала были помѣщаемы въ разныхъ иностранныхъ и русскихъ журналахъ, и потомъ всѣ вмѣстѣ служили матеріаломъ для сочиненія, нами разсматриваемаго.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному описанію горнаго известняка въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ Мурчисономъ на основаніи всѣхъ изчисленныхъ наблюденій.

Горный известнякъ сѣвернаго бассейна, по мнѣнію Мурчисона, вообще состоитъ изъ трехъ ярусовъ, незамѣтно переходящихъ другъ въ друга. Въ нижнемъ ярусѣ известнякъ большею частію темносѣраго цвѣта, смолистъ, заключаетъ остатки раковины Productus giganteus (Mart), и сподчиненные песчаники либо смолистые рухляки съ прослойками каменнаго угля. Въ среднемъ ярусѣ известнякъ большею частію бѣлаго цвѣта, углистыхъ веществъ не содержитъ, и вмѣсто Productus giganteus въ немъ находится раковина Spirifer Mosquensis (Fisch). Верхній известнякъ также не имѣетъ углистыхъ веществъ, и характеризуется остатками Fusulina cylindrica (Fisch).

Описаніе горнаго известняка въ сѣверномъ бассейнѣ начнемъ съ Валдайской возвышенности, потомъ будемъ слѣдить за продолженіемъ его на сѣверо-востокъ, юго-западъ и юго-востокъ.

Въ горахъ Валдайскихъ горноизвестняковую формацію почти единственно составляетъ *нижній ярусъ;* во всѣхъ извѣстныхъ обнаженіяхъ по рѣкамъ Мстѣ и Прыкшѣ осадки, относящіеся къ этому ярусу, и непосредственно покрывающіе девонскую систему, залегаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Нижній слой состоитъ изъ песковъ либо песчаниковъ, заключающихъ остатки растеній, особенно Stigmaria ficoides (Brogn). Потомъ идутъ: 2. Смолистые сланцы, съ каменнымъ углемъ; послѣдній, въ особенности добываемый по рѣкѣ Прыкшѣ, невысокаго достоинства, колчеданистъ, весьма походитъ на болотный уголь, и по испытаніи оказывается наиболѣе годнымъ для дѣйствія паровыхъ ма-

Digitized by Google

шинъ. 3. Пестрые глинистые рухляки. 4. Темносѣрый известнякъ, заключающій многія раковины, свойственныя Британской системѣ, каковы: Productus giganteus (Mart.), P. punctatus (Mart.), P. antiquatus (id), и пр.; тутъ же находятся огромные образцы коралла Chaetetes radians (Fisch.), весьма рѣдкаго въ Англіи. 5. Бѣлый известнякъ, который по цвѣту можно было бы отнести къ среднему ярусу, но въ немъ недостаетъ самой отличительной для него раковины, Spirifer Mosquensis; мѣсто ея тутъ занимаютъ многія другія: Orthis arachnoidea (Phill.), Productus striatus (Fisch.), P. scabriculus (Sow.), кораллъ Lithostrotion floriforme и др., встрѣчающіе въ Англіи. Въ берегахъ рѣчекъ Прыкши, и особенно Столбинки на бѣломъ известнякѣ лежитъ 6. Горькоземистый известнякъ со многими ископаемыми и съ прослойками кремня, того самаго, который составляетъ отличительную принадлежность нашей наносной почвы. Въ той же мѣстности всѣ горноизвестняковые осадки наклонены подъ угломъ отъ 35º до 40º. Эти частныя отступленія отъ правильнаго горизонтальнаго пластованія, вѣроятно, зависятъ отъ тѣхъ же причинъ, какими произведены подобныя измѣненія въ силурскихъ и девонскихъ осадкахъ.

На сѣверо-востокъ отъ Валдайской возвышенности горный известнякъ проходитъ постепенно съуживающеюся полосою къ рѣкамъ Вытегрѣ, Андомѣ, къ городу Каргополю, пересѣкается рѣками Онѣгою, Сѣверною Двиною, Пинегою и наконецъ оканчивается морскимъ берегомъ около Архангельска и Мезеня. Рѣкою Вытегрою или Андомою эта сѣверо-восточная полоса дѣлится на двѣ части, западную и восточную; западная составляетъ продолженіе нижняго валдайскаго яруса, а восточная вездѣ обнаруживаетъ средній и отчасти верхній ярусы горнаго известняка. По мѣрѣ приближенія къ Вытегрѣ, нижній ярусъ постепенно теряетъ сподчиненные смолистые сланцы, самые же известняки, по изобилію Chaetetes radians, мѣстами представляются настоящими коралловыми рифами. Въ 7 верстахъ къ югу отъ г. Вытегры, въ берегахъ небольшой рѣчки Вытегражки, близъ деревни Рымовой встрѣчается разрѣзъ, который имѣетъ большое сходство съ валдайскимъ по рѣчкѣ Столбинкѣ; онъ также заключаетъ горькоземистый

Digitized by Google

известнякъ, наклоненные и разорванные пласты. Къ востоку отъ Вытегры, почти отъ самыхъ береговъ рѣки начинается средній ярусъ описываемой формаціи, со многими отличительными окаменѣлостями, таковы: Spirifer Mosquensis (Fisch.), Sp. glaber (Mart.), Sp. {Lamarckii (Fisch.), Nautilus tuberculatus (Sow.), Harmodites parallelus (Fisch) и т. д. Не далеко отъ Каргополя въ одномъ мѣстѣ известнякъ заключаетъ остатки Fusulinà cylindrica (Fisch), такого ископаемаго, которымъ, по мнѣнію Мурчисона, отличается верхній ярусъ.

Ближайшее сходство съ этою восточною полосою имѣетъ горный известнякъ сосѣдняго Тиманскаго хребта. По свидѣтельству Графа Кейзерлинга, это чистый бѣлый известнякъ, прямо залегающій на девонскихъ осадкахъ, и заключающій Spirifer Mosquensis. По обѣ стороны хребта онъ образуетъ двѣ длинныя полосы. На восточномъ склонѣ, по рѣчкѣ Бѣлой, составляющей притокъ Индиги, замѣченъ фузулиновый известнякъ, сходный съ каргопольскимъ Главную отличительность здѣшней формаціи составляетъ особаго рода песчаникъ, замѣченный у самой сѣверной оконечности хребта. Мурчисонъ находитъ въ немъ сходство съ британскимъ *жерновымъ песчаникомъ* (millstone grit); это тотъ самый слой, который лежитъ на границѣ между горнымъ известнякомъ и настоящею каменноугольною формаціею.

Обратимся къ южному протяженію горнаго известняка.

На югъ отъ Валдайской возвышенности горный известнякъ тянется къ Москвѣ, разширяясь въ обѣ стороны и на полдень вплоть до средней девонской возвышенности. Все это пространство называется Московскимъ бассейномъ. Западный край его мало опредѣленъ по причинѣ огромныхъ наносовъ, его покрывающихъ, а восточную грань повидимому составляютъ города Калязинъ, Ковровъ, Касимовъ и Элатьма; по крайней мѣрѣ положительно извѣстно, что къ востоку отъ рѣки Волги горнаго известняка нигдѣ не замѣчено до самыхъ предгорій Уральскаго хребта.

Сѣверную границу Московскаго бассейна составляетъ, какъ мы видѣли, нижній ярусъ горнаго известняка; такой же ярусъ составляетъ и южную его границу. Отъ Перемышля до Тулы пласты, залегающіе на девонскихъ осад-

Digitized by Google

кахъ, имѣютъ совершенное сходство съ Валдайскими. Около Алексина находятся такіе же пласты, съ тѣмъ различіемъ, что каменный уголь составляетъ тутъ прослойки не въ одномъ смолистомъ сланцѣ, но и въ глинахъ и въ пескахъ; впрочемъ здѣшній уголь, подобно валдайскому, колчеданистъ, нечистъ, хрупокъ и легокъ; онъ не только не можетъ равняться своею добротою съ настоящимъ каменнымъ углемъ, но даже уступаетъ лучшимъ лигнитамъ третичнаго образованія. По мнѣнію Мурчисона, это зависитъ отъ того, что пласты, заключающіе здѣшній уголь, и самый уголь не получили достаточнаго оплотнѣнія и какъ бы еще неокаменились. Къ мѣсторожденію, наиболѣе значительному по обширности и добротѣ угля, изъ числа 30 извѣстныхъ во всей Тульской губерніи, принадлежитъ одно *Вялинское*, въ Одоевскомъ уѣздѣ (казенное). — Изъ Тульской губерніи нижній ярусъ горнаго известняка распространяется въ Калужскую, и вездѣ характеризуется присутствіемъ Productus giganteus и другими ископаемыми, какія мы видѣли въ валдайскомъ известнякѣ. Онъ особенно развитъ въ берегахъ Оки, около г. Тарусы, въ окрестностяхъ Калуги, Серпухова, и въ д. мѣстахъ. Въ Калужской губерніи извѣстно до 42 мѣсторожденій каменнаго угля, но значительныхъ только два, *Яковлевское* и *Кременское*; первое находится въ Лихвинскомъ уѣздѣ, и принадлежитъ помѣщику Яковлеву; второе въ Медынскомъ уѣздѣ, и лежитъ въ казенныхъ дачахъ; это самое близкое къ Москвѣ, въ 120 верстахъ, и въ 40 верстахъ отъ Москвы-рѣки. * — Переходя изъ Тульской губерніи въ Московскую, нижній горный известнякъ смѣняется весьма обширнымъ среднимъ ярусомъ, который отличается, какъ мы сказали, присутствіемъ Spirifer Mosquensis и отсутствіемъ каменнаго угля. Такой же ярусъ протягивается въ сосѣднія губерніи, Твер-

* Самыя подробныя свѣдѣнія о каменноугольныхъ мѣсторожденіяхъ Тульской, Калужской и др. губ.; съ полною исторіею ихъ разработки, опытовъ съ углемъ и проч. можно найти въ отчетахъ г. Оливьери, помѣщенныхъ имъ въ Г. Ж. за 1841, 1842 и 1844 годы.

Digitized by Google

скую, Рязанскую и отчасти Владимірскую. Наиболѣе онъ изслѣдованъ въ Московской губерніи, особенно по теченію Оки отъ Серпухова до Коломны, и по всѣмъ ея притокамъ съ лѣвой стороны, каковы Протва, Нара и Москва-рѣка.

Известнякъ средняго яруса Московской губерніи большею частію бѣлаго цвѣта, и не рѣдко покрытъ бываетъ горькоземистымъ известнякомъ. Таковъ онъ въ Мячковѣ (бѣлый московскій камень), около Подольска, около Серпухова и особенно около Коломны; тутъ близъ села Протопопова его добываютъ вмѣсто мрамора. Впрочемъ бѣлый известнякъ почти вездѣ перемежается съ рухляками разнаго цвѣта, оплотнѣвшими глинами и песками. Доказательствомъ этаго могутъ служить берега Оки между Серпуховымъ и Коломной, гдѣ означенныя породы являются во всемъ разнообразіи. Средній ярусъ въ Московской губерніи и на юго-востокъ отъ нея, около Рязани, Касимова и Элатьмы, большею частію прямо покрывается юрскими осадками. *).

Верхній ярусъ горнаго известняка или *фузулиновый известнякъ* замѣченъ въ Архангельской губерніи недалеко отъ Каргополя (близъ Перкиной и Филозофской), во Владимірской между Ковровымъ и Великовымъ, и особенно на рѣкѣ Усѣ, впадающей въ Волгу, между городами Симбирскомъ и Самарою (въ Жигулевскихъ горахъ на Самарской Лукѣ) — Фузулиновый известнякъ Мурчисономъ положительно принимается за самый верхній ярусъ нашего горнаго известняка; но справедливость требуетъ указать на нѣкоторые случаи, которые, повидимому, противорѣчатъ

*) Горный известнякъ Московской губерніи описанъ въ Орикто-графіи Г. Н. Фишера-фонъ-Валдгейма, въ сочиненіи проф. Рулье, *о животныхъ Московской губерніи*, съ разрѣзомъ почвъ, обнаженныхъ въ окрестностяхъ столицы (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 12 Іюня, 1845); также въ отчетѣ полк. Оливьери, помѣщенномъ въ Гор. Жур. за 1842 годъ.

Digitized by Google

этому мнѣнію. Во-первыхъ Fusulinae попадаются въ большомъ количествѣ и въ мячковскихъ и григоровскихъ известнякахъ Московскаго средняго яруса. Во-вторыхъ, Пандеръ, извѣстный геологъ, описываетъ два такіе разрѣза, въ которыхъ Fusulinae находятся совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, нежели какія предполагаетъ Мурчисонъ; одинъ изъ этихъ разрѣзовъ встрѣченъ Пандеромъ на лѣвомъ берегу Прыкши близъ города Галича, а другой на лѣвомъ берегу Волги близъ Старицы. Въ обоихъ мѣстахъ Fusulinae находятся въ однихъ пластахъ со Spirifer Mosquensis и ниже его*.

Органическіе остатки, о которыхъ идетъ рѣчь и которыми Мурчисонъ характеризуетъ верхній ярусъ нашего горнаго известняка, принадлежатъ къ много-камернымъ животнымъ (Foraminiferae), и всего ближе подходятъ къ роду Nonionina (D'Orb). Россія почитается въ цѣлой Европѣ единственною страною, въ которой находятся Fusulinae. Чрезвычайное количество ихъ и тонкослоистое, литографическое образованіе фузулиноваго известняка доказываютъ, что море, въ которомъ обитали означенныя животныя, во все время осажденія находилось въ спокойномъ состояніи. Fusulinae, кромѣ Россіи, найдены еще въ каменноугольной системѣ Сѣверной Америки, по рѣкѣ Ogio; и тамъ, по свидѣтельству Вернёйля, ископаемое это означаетъ верхнюю часть горнаго известняка**.

Кромѣ Fusulina, изъ класса много-камерныхъ животныхъ въ московскомъ горномъ известнякѣ находится родъ Spirolina, давно описанный г. Фишеромъ; въ 1848 году профессоръ Рулье нашелъ еще третій родъ, повидимому занимающій средину между Nonionina и Nummulina, болѣе однако приближающійся къ послѣднему, нежели къ пер-

---

* *Пандера*, Отчетъ въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ по линіи Петербургско-Московской желѣзной дороги, въ Г. Ж. за 1846 г. кн. 4.

** См. Biblioth. Univers. N. 13—15. Fevrier 1847. Quatrième série. 2-me année.

Digitized by Google

вому; профессоръ назвалъ его Nummulina antiquior *. Появленіе трехъ родовъ много-камерныхъ животныхъ въ горномъ известнякѣ замѣчательно потому, что въ геологическомъ ихъ распредѣленіи Дорбиньи до самаго послѣдняго времени принималъ только одинъ родъ, относящійся къ каменно-угольной системѣ; появленіе же Nummulina въ горномъ известнякѣ заслуживаетъ еще большее вниманіе въ томъ отношеніи, что этотъ родъ, по мнѣнію Дорбиньи и многихъ другихъ, составляетъ исключительную принадлежность третичныхъ формацій.

И такъ въ сѣверномъ бассейнѣ геологу встрѣчается то нижній, то средній ярусы горнаго известняка, легко различимые по своимъ органическимъ признакамъ. Такое ясное раздѣленіе на два или даже на три яруса составляетъ главную отличительность нашей формаціи отъ всѣхъ извѣстныхъ. Дѣйствительно, нигдѣ не замѣчено, чтобы Spirifer Mosquensis, неизмѣнно характеризующій собою средній ярусъ горнаго известняка, когда-нибудь спускался въ его нижній ярусъ или въ область Productus giganteus. Явленіе это чрезвычайно замѣчательно, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ у насъ и важную практическую пользу. Мы видѣли выше, что каменный уголь, разработываемый въ губерніяхъ Новгородской, Тульской и Калужской, находится въ одномъ нижнемъ ярусѣ горнаго известняка, вмѣстѣ съ Productus giganteus; между тѣмъ какъ въ Московской губерніи и другихъ, которыя покрыты среднимъ ярусомъ, заключающимъ Spirifer Mosquensis, вовсе не находится каменнаго угля. Такимъ образомъ геологическое опредѣленіе ярусовъ во всемъ сѣверномъ бассейнѣ тѣсно связано съ практическимъ розысканіемъ каменнаго угля, на который въ настоящее время съ каждымъ годомъ обращаютъ большее и большее вниманіе.

По другимъ органическимъ признакамъ горный известнякъ сѣвернаго бассейна похожъ на британскій или бельгійскій, съ нѣкоторыми небольшими отличіями, а именно:

---

* Ch. Rouiller, Etudes progressives sur la géologie de Moscou, въ Bull. d. l. Société. des Natur. de Moscou. Année 1849 № 11.

Digitized by Google

животныя головоногія (Cephalopoda), чрезвычайно многочисленныя и разнообразныя въ каменноугольныхъ осадкахъ западной Европы, у насъ необыкновенно рѣдки (Orthoceratites, Nautilus tuberculatus). Руконогія (Brachiopoda), особенно Productus, находятся въ такомъ же изобиліи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и большею частію тѣже самые виды, какіе свойственны западной Европѣ (Productus giganteus, P. striatus, P. semireticulatus, P. punctatus и др.). Но животныя, принадлежащія къ роду Chonetes (Fisch), и весьма близкія къ Productus, встрѣчаются рѣдко (Chonetes papilionacea, Phill. Ch. variolata, d'Orb., Ch. nana, Vern). * Столь же рѣдки изъ руконогихъ Spirifer; по крайней мѣрѣ виды ихъ не такъ многочисленны, какъ британскіе (Spirifer Mosquensis, Sp. glaber, Sp. Lamarkii). Изъ Gasteropoda наичаще встрѣчаются остатки Bellerophon (B. clathratus. D'Orb., B. depressus, Ficher). Изъ коралловъ преобладаютъ Chaetetes radians, Lithostrotion floriforme, Fenestella и Retepora laxa. Энкринитовъ довольно много, но они не такъ разнообразны, какъ въ Англіи; головки или желудки сихъ животныхъ, доставляющіе намъ вѣрные видовые признаки, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. — Изъ многокамерныхъ животныхъ (Foraminiferae) особенное вниманіе заслуживаютъ Fusulinae, но объ нихъ была рѣчь выше.

B. *Горный известнякъ южнаго бассейна.*

Теперь разсмотримъ, какой характеръ представляетъ таже формація въ южномъ или Донецкомъ бассейнѣ.

Южная каменноугольная формація, давно извѣстная Правительству по своему богатству, всегда обращала на себя его вниманіе, и потому въ разное время была изслѣдуема русскими горными инженерами. Изъ числа ихъ, по важности своихъ трудовъ, наиболѣе почетное мѣсто занимаютъ гг. Ковалевскій, Оливьери, Иваницкій и Блёде.

Г. Ковалевскій (бывшій въ послѣдствіи генералъ-маіоръ и директоръ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, нынѣ тайный совѣтникъ и сенаторъ) въ 1827 году

* L. de Koninck, Recherches sur les animaux fossiles. Première partie. Monographie des genres Productus et Chonetes. Liége. 1847.

Digitized by Google

представилъ первый *Опытъ геогностическаго изслѣдованія въ Донецкомъ горномъ кряжѣ*, основанный на собственныхъ наблюденіяхъ автора *. Тутъ изложена топографія цѣлой страны, по которой проходятъ горы, названныя г. Ковалевскимъ *Донецкимъ кряжемъ*. Геогностическое описаніе этой страны носитъ на себѣ характеръ тогдашняго состоянія нашей науки въ Россіи, но чрезвычайно вѣрно въ петрографическомъ и стратиграфическомъ отношеніяхъ. Въ 1828 году г. Ковалевскій, командированный для развѣдыванія здѣшняго угля, имѣлъ случай распространить свои прежнія наблюденія и представить довольно полную монографію Донецкаго края, заслужившую въ то время большое вниманіе **. Этими изслѣдованіями петрографически были опредѣлены два обширные уѣзда (Бахмутскій и Славяносербскій) Екатеринославской губерніи и Міусское Сыскное начальство Войска Донскаго, на пространствѣ 18,000 квад. верстъ. Наблюденія эти произведены съ такою вѣрностію, что служили превосходнымъ пособіемъ для послѣдующихъ геологовъ.

Первое описаніе Таганрогскаго градоначальства и Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губ. было сдѣлано г. Оливьери; имъ же опредѣлено положеніе здѣшняго каменнаго угля ***. Результаты сихъ изслѣдованій, произведенныхъ еще въ 1827 году, согласны съ новѣйшими геологическими картами Мурчисона и Лепле. Въ томъ же году г. Оливьери изслѣдовалъ берега Дона и Донца, со впадающими въ нихъ рѣками, и доказалъ благонадежность здѣшняго каменнаго угля ****. Въ 1835 году ему же поручено было составить подробную петрографическую карту Донецкаго кряжа. съ указаніемъ на тѣ мѣста, гдѣ находятся какія-либо ископаемыя. Карта эта обратила на себя вниманіе Эли-де-Бомона *****.

---

* Г. Ж. 1827 г. № 2.

** Г. Ж. 1829 г. № 1, 2 и 3.

*** Г. Ж. 1830 г. № 2.

**** Г. Ж. 1830 г. № 2.

***** Тамъ же, 1836 г. № 1.

Digitized by Google

Г. Иваницкій изслѣдовалъ Маріупольскій округъ и подробно описалъ его *. Описаніе это весьма любопытно; оно сопровождается геогностическою картою и разрѣзомъ отъ Маріуполя до Каракубы; здѣсь изображена часть кристаллической гранито-гнейсовой полосы, залегающей подъ осадочными породами, и конгломератъ, непосредственно за нею слѣдующій, и потому составляющій основаніе всѣхъ каменноугольныхъ осадковъ. Сверхъ того, въ этой статьѣ здѣшній известнякъ въ первый разъ называется *горнымъ известнякомъ*, и обращается замѣтное вниманіе на органическіе остатки описываемой формаціи. Въ 1839 году г. Иваницкій описалъ мѣсторожденіе антрацита по рѣчкѣ Грушевкѣ въ землѣ Войска Донскаго **. Въ томъ же году представилъ онъ еще три статьи: 1, *О мѣсторожденіяхъ каменнаго угля, извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ Никитовскаго* (въ Бахмутскомъ уѣздѣ); 2, *Геогностическое описаніе части Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи;* 3, *Краткую записку о геогностическихъ наблюденіяхъ въ Маріупольскомъ Начальствѣ, въ 1839 году* ***.

Всѣ изслѣдованія г. Блёде согласны съ современнымъ состояніемъ науки и богаты палеонтологическими указаніями; въ опредѣленіи послѣднихъ ему содѣйствовалъ ак. Эйхвальдъ. Въ одномъ изъ его изслѣдованій, *Геогностическій взглядъ на нѣкоторую часть Харьковской губерніи*, подробно описана петровская каменноугольная формація. Блёде принимаетъ ее за полную каменноугольную систему, а лисичанское мѣсторожденіе относитъ къ нижнему ярусу этой системы ****. Вторая статья г. Блёде, *Геогностическое описаніе Харьковской губерніи*, почитается весьма дѣльною. Всѣ формаціи Харьков. губ. онъ дѣлитъ на три: каменноугольную, юрскую и мѣловую. Относительно каменноугольной формаціи онъ и тутъ остается при своемъ прежнемъ мнѣніи; сверхъ того, въ известнякахъ луганской

---

* Г. Ж. 1833 г. № 10.

** Г. Ж. 1839 г. № 7.

*** Двѣ первыя статьи помѣщены въ Г. Ж. за 1839 г. № 11, а послѣдняя въ Г. Ж. за 1840 г. № 9.

**** Г. Ж. 1840 г. № 4.

Digitized by Google

формаціи онъ находитъ *окаменѣлости, характеризующія девонскую систему. *

Кромѣ выше поименованныхъ горныхъ инженеровъ, Донецкую систему въ частности обозрѣвали многіе другіе: Сырохватовъ, Любимовъ, Васильевъ, Соколовъ, Томиловъ и Анисимовъ. Труды ихъ помѣщены въ разныхъ NN? Гор. Ж. съ 1828 по 1844 годъ.

На основаніи предыдущихъ изслѣдованій и тѣхъ ископаемыхъ, которыя хранятся въ Горномъ институтѣ, ак. Эйхвальдъ въ 1840 году Донецкую систему принялъ за горный известнякъ **. Такого же мнѣнія были Мурчисонъ и Лепле, одинъ изъ членовъ Демидовской экспедиціи. Оба иностранные геолога до сихъ поръ остаются при первомъ своемъ убѣжденіи, а г. Эйхвальдъ въ послѣдствіи измѣнилъ его, и принимается тутъ настоящую каменноугольную формацію ***.

Лепле, извѣстный французскій инженеръ, приглашенный г. Демидовымъ для точнѣйшаго описанія Донецкаго края, представилъ трудъ, исполненный превосходно обработанныхъ подробностей ****. Свѣдѣнія эти были почерпнуты изъ обозрѣнія здѣшнихъ каменноугольныхъ копей и многочисленныхъ буровыхъ развѣдокъ, произведенныхъ имъ самимъ и его помощниками въ теченіе трехъ лѣтъ. Трудъ этотъ сопровождается довольно большою геологическою картою, и превосходно составленными таблицами, чрезвычайно важными для практическаго инженера; однѣ изъ сихъ таблицъ объясняютъ простираніе, склоненіе, толщину и качество угольныхъ пластовъ, а другія показываютъ составъ угля изъ 43 различныхъ мѣстъ, на основаніи химическихъ разложеній, произведенныхъ г. Маленьо, другимъ сочленомъ Демидовской экспедиціи. Здѣшнюю систему пластовъ, по сравненію съ западными, Лепле положительно

---

* Г. Ж. 1841 г. № 5.

** Ак. Эйхвальдъ, Первобытный міръ Россіи. Тетр. I. С.-Петерб. 1840 г. стр. 45.

*** Его же, Геогнозія, С.-Петер. 1846.

**** Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, T. IV, 1842 г.

Digitized by Google

отнесъ къ нижнему отдѣлу каменноугольной системы или къ горному известняку. Но, незнакомый съ другими современными формаціями евр. Россіи, онъ не могъ опредѣлить ея послѣдовательности или раздѣленія на ярусы. »Смѣло утверждать можно, говоритъ Мурчисонъ, что ни одинъ геологъ, какъ бы ни была велика его опытность, не можетъ разгадать строеніе сложной, отдаленной страны, не освоившись предварительно весьма тщательнымъ изученіемъ съ послѣдовательнымъ пластованіемъ формацій, ее составляющихъ, въ ихъ спокойномъ или нормальномъ состояніи. Мы убѣждены, что не смотря на продолжительное время, посвященное нами на изученіе палеозоическихъ породъ, мы, подобно Леплe, не достигли бы никакого геологическаго результата, если бы мгновенно были перенесены на Донецкій кряжъ, и пожелали вдругъ объяснить себѣ его запутанныя отношенія.«

Теперь укажемъ на эти отношенія Донецкаго кряжа, согласно съ мнѣніемъ Мурчисона и предшествовавшихъ ему геологовъ.

Это одинъ изъ огромнѣйшихъ каменноугольныхъ бассейновъ; въ длину имѣетъ онъ до 345 верстъ, между рѣками Волчьею и Кагальникомъ, изъ коихъ одна впадаетъ въ Днѣпръ, а другая въ Донъ; — наибольшая ширина находится между городами Каракубою и Бахмутомъ, и простирается до 150 верстъ; впрочемъ нѣкоторыя отдѣльныя части горнаго известняка лежатъ гораздо сѣвернѣе Бахмута.

Донецкій бассейнъ разрѣзывается многими рѣками, изъ которыхъ однѣ текутъ на югъ въ Азовское море (Кальміусъ и Міусъ, воспринимающій р. Кринку), а другія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и впадаютъ въ Донецъ, составляющій восточную границу бассейна (Торецъ, Бахмутка Луганъ, Ольховая, Каменка и д.). Разломъ или линію раздѣленія означенныхъ рѣкъ образуетъ весьма невысокій Донецкій кряжъ.

Съ сѣвера здѣшняя каменноугольная система покрыта пермскими, мѣловыми и третичными осадками; на югѣ от-

Digitized by Google

дѣляютъ ее отъ Азовскаго моря породы также третичныя и отчасти мѣловыя; съ юго-западной стороны примыкаетъ она къ обширной гранитной полосѣ, которая, слѣдуя теченію Днѣпра, тянется къ Волыніи и Подоліи. Ее составляютъ гнейсо-гранитовыя породы, чрезвычайно разнообразныя и разорванныя діоритомъ, особенно же красными глинистыми порфирами. Собственно говоря, кристаллическая полоса, о которой идетъ рѣчь, не примыкаетъ къ каменноугольнымъ осадкамъ, а скрывается подъ ними и отдѣляетъ ихъ отъ южныхъ третичныхъ формацій. По выраженію Мурчисона, она составляетъ геологическую ось Донецкаго бассейна. Параллельная Кавказскимъ и Крымскимъ горамъ, она имѣла сильное вліяніе на сопредѣльные каменноугольные осадки, изогнула ихъ и образовала различные переломы и сдвиги. По причинѣ этихъ-то изгибовъ и неправильнаго расположенія пластовъ, долго не могли установить порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ здѣшнія каменноугольныя породы. Честь открытія этой послѣдовательности принадлежитъ Мурчисону; онъ первый нашелъ такой разрѣзъ, которымъ можно было объяснить порядокъ напластованія. Этотъ замѣчательной разрѣзъ встрѣченъ имъ по рѣкѣ Кальміусу.

Тутъ горно-известняковыя породы идутъ въ восходящемъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу (отъ города Каракубы до самыхъ начальныхъ истоковъ Кальміуса), и представляютъ одинъ нижній ярусъ, характеризующійся присутствіемъ Productus giganteus, и состоящій изъ многихъ известняковыхъ пластовъ, перемежающихся съ отвердѣлыми глинами и песчаниками; однимъ словомъ, онъ имѣетъ сходство съ нижнимъ ярусомъ сѣвернаго известняка; подобно ему заключаетъ прослойки каменнаго угля, и столь же неблагонадежныя, исключая одного мѣста, близъ Александровки, на правомъ берегу Кальміуса. — Дабы пополнить предыдущій разрѣзъ, Мурчисонъ проводитъ его почти прямо на сѣверъ до деревни *Городовки* и до *Марченковой*; въ этомъ промежуткѣ предыдущія породы покрыты *среднимъ ярусомъ* со Spirifer Mosquensis, и отчасти *верхнимъ* съ Fusulina.

Если теперь разрѣжемъ южную часть бассейна, гдѣ протекаютъ Кринка и Міусъ, то увидимъ, что осад-

Digitized by Google

ки, составляющіе здѣшнюю формацію, чрезвычайно сдвинуты, изогнуты и переломаны; не смотря однако на всѣ эти измѣненія, Мурчисонъ находитъ тутъ эквивалентъ нижняго Кальміускаго яруса, съ тѣмъ различіемъ, что по мѣрѣ отдаленія на востокъ отъ перваго разрѣза известняковыя толщи постепенно утоняются, съ этимъ вмѣстѣ становятся рѣже и углистыя вещества. — Продолжая разрѣзъ въ томъ же направленіи до самаго Донца, замѣчаютъ такой же нижній ярусъ, но подвергшійся еще большимъ измѣненіямъ. Известняки утоняются, песчаники и глины твердѣютъ, каменный уголь переходитъ въ антрацитъ. Эти измѣненія, безъ всякаго сомнѣнія, зависѣли отъ залегающей подъ ними кристаллической полосы. Самое замѣчательное мѣсторожденіе полуантрацита находится вблизи такъ называемаго *Краснаго Кута*, къ югу отъ почтовой станціи Ивановки. Здѣшнія копи принадлежатъ генералу Попкову, и почитаются весьма благонадежными; самый уголь по своимъ качествамъ нисколько не уступаетъ лучшему англійскому углю. — Самая прибыльная разработка настоящаго антрацита происходитъ по рѣчкѣ *Грушевкѣ*, вблизи селенія *Поповки*, въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Новочеркаска. Здѣшній уголь, сплавляемый по Донцу и Дону, имѣетъ большой сбытъ въ Новочеркаскѣ, Ростовѣ и другихъ портахъ Азовскаго моря.

По теченію Донца каменноугольные осадки представляютъ непрерывные сдвиги, сбросы, крутое и изогнутое положеніе; поэтому полагаютъ, что каменный уголь здѣсь не можетъ разработываться съ большою выгодою. Къ востоку отъ Донца каменноугольныя породы занесены сыпучимъ пескомъ; Мурчисонъ однако думаетъ, что онѣ простираются до рѣки Кагальника.

И такъ въ юго-западной и въ южной части Донецкаго бассейна, или, что все равно, въ нижнемъ ярусѣ здѣшняго горнаго известняка, благонадежныхъ мѣсторожденій каменнаго угля не находится, исключая Александровки и нѣкоторыхъ антрацитовыхъ копей (Красный Кутъ, Грушевка или Поповка). Совсѣмъ противное представляютъ намъ средній и верхній ярусы, занимающіе сѣверную часть Донецкаго бассейна. Тутъ находятся богатѣй-

Digitized by Google

шія каменноугольныя копи, каковы *Желѣзинскія* или *Никитовскія*, *Успенскія* и особенно *Лисичанскія* или *Лисичьей балки*.

Первыя изъ нихъ или Желѣзинскія находятся въ 7 верстахъ на востокъ отъ селенія Желѣзнаго, лежащаго на правомъ берегу Торца. Породы, образующія здѣшнее мѣсторожденіе и всю окрестную страну, состоятъ изъ песчаниковъ, которые перемежаются съ тонкими слоями известняка, заключающаго Productus, и др. ископаемыя. Мурчисонъ находитъ въ нихъ большое сходство съ тѣми породами, которыя лежатъ къ югу отъ Городовки, и потому относитъ ихъ къ верхнему ярусу. Въ Желѣзинскомъ мѣсторожденіи означенные песчаники представляютъ огромный рядъ, и заключаютъ шесть пластовъ каменнаго угля, изъ коихъ каждый отъ 2 до 3 футовъ толщиною. Одинъ изъ числа сихъ пластовъ, а именно четвертый, покрытъ известнякомъ, заключающимъ Encrinites, Productus и Fusulina. Судя по нѣкоторымъ образцамъ здѣшняго угля, онъ можетъ быть добываемъ съ большою выгодою; но до сихъ поръ имъ пользуются одни сосѣдніе поселяне для собственнаго употребленія; притомъ здѣшніе каменноугольные пласты, по причинѣ крутаго ихъ паденія и глубокаго залеганія, для жителей, не употребляющихъ никакихъ водоотливныхъ машинъ, большею частію недоступны.

Успенскія и Лисичанскія копи лежатъ въ сѣверо-восточной сторонѣ Донецкаго бассейна. Тѣ и другія, какъ богатѣйшія и по качеству и по количеству угля, съ давняго времени обращали на себя преимущественное вниманіе Правительства.

Успенскія копи расположены по рѣчкѣ Ольховой, на юго-западъ отъ Луганскаго завода. Подымаясь на сѣверъ отъ истоковъ Міуса, наблюдатель встрѣчаетъ цѣлый рядъ куполообразныхъ высотъ, раздѣленныхъ между собою продольными долинами. Въ одной изъ таковыхъ долинъ, а именно въ долинѣ небольшой рѣчки Ольховой, впадающей въ Лугань, его поражаютъ сильные переломы и крутое паденіе пластовъ. Эти самые переломы были причиною естественныхъ обнаженій каменнаго угля, и подали мысль учредить въ этомъ мѣстѣ разработки. Первыя изъ нихъ

Digitized by Google

были открыты близъ *Успенской* слободы. Тутъ извѣстно II угольныхъ пластовъ, но изъ числа ихъ разработываются только три, изъ коихъ каждый толщиною отъ 14 дюймовъ до 3 футовъ; остальные очень тонки и содержатъ много примѣсей. Они подчинены песчаникамъ, сланцамъ и известнякамъ; въ послѣднихъ замѣчены Spirifer Mosquensis и Chaetetes radians; очевидно, успенскій уголь находится въ среднемъ ярусѣ горнаго известняка, слѣдовательно въ болѣе новыхъ породахъ сравнительно съ тѣми, которыя образуютъ южную часть бассейна. Успенскій уголь отчасти имѣетъ смѣшенный характеръ, и много отличается отъ чистаго смолистаго угля; онъ сильно дымитъ, но хорошо спекается, весьма пригоденъ для ковки желѣза и содержитъ достаточное количество смолистыхъ частицъ для произведенія свариваюшаго жара.

Между Успенскою слободою и Луганскимъ заводомъ каменноугольные осадки представляются въ видѣ параллельныхъ гребней съ крутопадающими пластами; долины между сими гребнями и самые гребни по направленію къ сѣверу покрыты мѣловыми породами, посреди которыхъ находится Луганскій заводъ. Преслѣдуя каменноугольные осадки вверхъ по Донцу, на сѣверъ отъ Луганскаго завода, находятъ уголь въ трехъ или четырехъ пунктахъ, но то мѣсто, которое положило основаніе весьма обширнымъ разработкамъ, лежитъ въ самомъ сѣверовосточномъ углу бассейна, близъ такъ называемой *Лисичьей балки*. Мѣсто это, отстоящее примѣрно около 30 верстъ на сѣверо-востокъ отъ Бахмута, составляетъ средоточіе обширнаго округа, доставляющаго значительное количество угля, который большею частію поступаетъ на Луганскій заводъ.

Здѣшніе каменноугольные пласты, подобно успенскимъ, подчиняются известнякамъ, песчаникамъ и глинамъ, и вмѣстѣ съ ними имѣютъ весьма крутое паденіе. Всѣхъ каменноугольныхъ пластовъ считается 13, разработывается же только 7. Лисичанскій уголь вообще хорошаго или даже превосходнаго качества; по преимуществу онъ относится къ смолистому углю, спекается, даетъ много пламени и дыму, и съ большою пользою употребляется на

Digitized by Google

Луганскихъ заводахъ въ отражательныхъ печахъ. Орудные остатки, заключающіеся въ известнякахъ, подчиняющихъ лисичанскій уголь, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что всѣ огромныя толщи здѣшнихъ породъ (около 900 англійс. футовъ, изъ коихъ 30 фут. занимаетъ каменный уголь, 50 известняки, 200 песчаники и 600 глины) соотвѣтствуетъ *среднему* ярусу горнаго известняка. Spirifer Mosquensis, столь отличительный для этаго яруса, находится и въ верхнихъ, и въ среднихъ и въ самыхъ нижнихъ известняковыхъ пластахъ. Productus antiquatus, характеризующій собою горный известнякъ Великобританіи и другихъ западныхъ государствъ, найденъ въ верхнихъ слояхъ вмѣстѣ съ Orthis и мелкимъ трилобитомъ Otarion Eichwaldi (Fisch). Тотъ же видъ спускается ниже, въ сопровожденіи Orthis, Bellerophon и др. Еще ниже въ одномъ изъ известняковыхъ пластовъ вновь появляется Spirifer Mosquensis съ нѣкоторыми другими ископаемыми, Pecten, Retepora и т. д. Наконецъ въ известнякѣ, покрывающемъ самый нижній каменноугольный пластъ, эта характеристическая раковина находится вмѣстѣ съ Evomphalus Baeri (Eichw). Растительные отпечатки, по недостатку хорошихъ образцовъ, худо опредѣлены, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣшнія Equiseta, Calamites, Sigillaria и *папоротники* должны быть одинаковы съ тѣми, какія находятся въ каменноугольной системѣ западной Европы.

Литологическій характеръ лисичанскаго мѣсторожденія, по замѣчанію Мурчисона, имѣетъ чрезвычайную важность. Сравнивая его съ другими каменноугольными системами, говоритъ онъ, удивляешься, до какой степени одна и таже система пластовъ можетъ быть различна по различію мѣстъ. Съ перваго взгляда лисичанскія породы нельзя не признать за настоящую каменноугольную формацію; но принявъ въ соображеніе здѣшніе известняки, преисполненные морскими животными, и перемежающіеся со всѣми другими породами, по необходимости должны отнести его къ горному известняку. Впрочемъ такого полнаго развитія горнаго известняка, по свидѣтельству Мурчисона, не представляетъ ни одна страна, ни даже Англія, почитающаяся типическою страною для каменноугольной системы. Въ Іоркширѣ, Дургамѣ и

Digitized by Google

Нортумберландѣ каменный уголь находится въ нижней части системы, но она далеко не такъ богата углемъ, глинами и растеніями, какъ Донецкій ярусъ. Въ самой Россіи онъ не имѣетъ сходства съ другими современными ярусами горнаго известняка, каковы Московскій и Архангельскій. Ни въ томъ, ни въ другомъ не находится и слѣдовъ каменнаго угля; онъ весь составляетъ принадлежность однаго нижняго яруса, каковы Валдайскій, Тульскій и Калужскій. Въ Донецкомъ бассейнѣ мы видимъ почти противное; его нижній ярусъ до сихъ поръ не представилъ намъ того богатства, какое находится въ каменноугольныхъ копяхъ средняго и верхняго ярусовъ.

Каменноугольная система Лисичьей балки по направленію къ Бахмуту изчезаетъ подъ пермскими осадками, а вверхъ по теченію Донца подъ пермскими и мѣловыми. Въ нѣкоторыхъ однако мѣстахъ она выдается наружу, а именно близъ слободы *Петровской*, на правомъ берегу Донца, въ 20 верстахъ отъ Харькова, также близъ *Гусадовки*, въ 4 вер. къ сѣверу отъ Петровской, и близъ *Дмитріевки* въ 15 вер. къ югу. Изъ этаго Мурчисонъ заключаетъ, что каменноугольные осадки принадлежатъ къ основнымъ породамъ цѣлаго округа, и потому находитъ весьма полезнымъ произвести развѣдки между означенными мѣстами и Харьковымъ, съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить, не тянутся ли каменноугольныя толщи на сѣверъ, и не залегаютъ ли онѣ прямо подъ мѣловыми осадками Харьковской губерніи.

Въ заключеніе Мурчисонъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно экономической важности каменноугольнаго Донецкаго бассейна.

Основываясь на томъ, что въ западной части бассейна каменноугольные осадки постепенно изчезаютъ и лежатъ прямо на древнѣйшихъ кристаллическихъ породахъ, Мурчисонъ полагаетъ, что всѣ усилія открыть каменной уголь въ ложбинѣ Днѣпра должно почитать тщетными. Этимъ замѣчаніемъ уничтожаются прежнія надежды, ближайшимъ путемъ, по Днѣпру, снабжать Одессу каменнымъ углемъ.

Digitized by Google

Рѣка Кальміусъ обнажаетъ, какъ мы видѣли, рядъ известняковъ, песчаниковъ и отвердѣлыхъ глинъ съ углемъ. По недостатку значительныхъ разработокъ въ этихъ мѣстахъ, трудно дать рѣшительный приговоръ о значеніи ихъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Впрочемъ, судя по александровскимъ разработкамъ, можно думать, что нѣкоторыя мѣста, орошаемыя рѣкою Кальміусомъ и его притоками, должны содержать достаточный запасъ угля для удовлетворенія окрестныхъ жителей. — Гораздо большую благонадежность представляетъ страна, лежащая къ востоку отъ рѣки Кальміуса, особенно антрацитовый округъ, ближайшій къ Азовскому морю.—Но самую богатую часть Донецкаго бассейна составляетъ сѣверовосточный округъ, гдѣ лежатъ успенскіе и лисичанскіе промыслы. Здѣшнія мѣсторожденія важны не только въ настоящее время, но подаютъ еще большія надежды въ будущемъ. Онѣ скрываются, какъ мы видѣли, подъ мѣловыми и пермскими осадками, и потому можно надѣяться, что по истощеніи угля въ Лисичьей балкѣ, его можно найдти подъ сими новѣйшими осадками, подобно каменному углю въ Валансьенѣ, во Франціи. Основываясь на примѣрахъ западной Европы, можно даже полагать, что каменный уголь, залегающій подъ мѣловыми и пермскими породами, имѣетъ болѣе правильное пластованіе, и слѣдовательно, лучшаго качества, нежели тотъ, который выдвинутъ наружу и переломанъ. На глубинѣ, какъ извѣстно изъ опыта, каменный уголь всегда бываетъ и лучшаго качества и въ болѣе правильныхъ пластахъ. На этомъ основаніи почти половина всего угля, употребляемаго въ Англіи, извлекается глубокими разработками. Всѣ тѣ мѣсторожденія, которыя разработываются поверхностно и безъ помощи паровыхъ машинъ, должны быть почитаемы едва тронутыми, каковы наши донецкія. Утвердительно полагаютъ, что если бы въ предѣлахъ Великобританіи извлекался только тотъ уголь, который можно добывать безъ помощи паровыхъ машинъ, то производительность его мгновенно понизилась бы до одной тысячной части ея настоящаго развитія, Великобританія обратилась бы къ тому состоянію, въ какомъ находилась за четыре вѣка предъ симъ, и мало отличалась бы отъ нынѣшняго состоянія южной Россіи.

Digitized by Google

С. *Горный известнякъ уральскій.*

Итакъ каменноугольная система южнаго бассейна, не смотря на общее сходство съ сѣверною, представляетъ много особеннаго относительно развитія пластовъ и относительно залеганія каменнаго угля. Эти особенности чрезвычайно затрудняютъ геологическое опредѣленіе системъ, и доказываютъ, какъ онѣ различны по различію мѣстъ. Еще большимъ доказательствомъ этой истины можетъ служить каменноугольная система Уральская. Она также состоитъ изъ горнаго известняка, но такого, который по многимъ признакамъ, и особенно по залеганію каменнаго угля, съ перваго раза представляется какъ бы особенною формаціею, непохожею на двѣ предыдущія.

Съ восточной стороны Урала онъ извѣстенъ только въ двухъ мѣстахъ, а именно въ окрестностяхъ Каменскаго завода по теченію Исети, и въ такъ называемыхъ Казачьихъ дачахъ, къ югу отъ Міяска. Въ послѣднемъ мѣстѣ горный известнякъ принадлежитъ къ нижнему ярусу, и чрезвычайно богатъ органическими остатками; Мурчисонъ находитъ въ нихъ сходство съ вестмореландскими, іоркширскими и дербиширскими. Съ западной стороны Урала горный известнякъ образуетъ весьма длинную полосу по теченію Чусовой, Уфы, Бѣлой и Сакмары.

Берега Чусовой, представляющіе превосходный геологическій разрѣзъ, состоятъ изъ плотнаго либо кристаллическаго и отчасти горькоземистаго известняка, который въ многихъ мѣстахъ образуетъ огромные перегибы и скалы, съ западнымъ либо отвѣснымъ паденіемъ пластовъ. Нижняя часть этаго известняка, лежащая непосредственно на девонскихъ породахъ, обыкновенно заключаетъ Productus giganteus, а верхняя Spirifer Mosquensis, слѣд. первая изъ нихъ соотвѣтствуетъ новгородскому или калужскому горному известняку, а вторая московскому. Къ западу отъ Чусовой верхній известнякъ скрывается подъ твердые кварцеватые песчаники, и потомъ, вновь выходя наружу, образуетъ съ ними многіе антиклинальные перегибы. Означенные песчаники ничѣмъ не отличаются отъ жерновнаго бри-

Digitized by Google

танскаго песчаника (millstone grit), и того, который мы видѣли на сѣверной оконечности Тиманскаго хребта. Но то что особенно интересно, и что составляетъ главную отличительность здѣшней формаціи, — этимъ самымъ песчаникамъ подчиненъ каменный уголь, открытый въ дачахъ, принадлежащихъ заводамъ княгини Бутеро, и гг. Лазаревыхъ. По мнѣнію Мурчисона, весь каменный уголь, залегающій вдоль западнаго склона сѣверной части Урала (быть можетъ до Вайгачскаго пролива), долженъ подчиняться томуже песчанику. Такое образованіе имѣетъ сходство съ нѣкоторыми каменноугольными мѣсторожденіями въ Англіи.

Вблизи такъ называемаго Чусовскаго городка и по сторонамъ большой почтовой дороги отъ Кунгура до Екатеринбурга, известняковые и жерновные песчаники смѣняются грубымъ *известковатымъ песчаникомъ* и *конгломератомъ* съ прослойками глины, представляющей много растительныхъ отпечатковъ, особенно Calamites. Такія же породы тянутся внизъ по теченію Уфы, и весьма явственно составляютъ тутъ одну группу съ горноизвестняковыми породами. Въ окрестностяхъ Артинскаго и Саранинскаго заводовъ онѣ лежатъ на среднемъ ярусѣ и жерновномъ песчаникѣ, и заключаютъ несомнѣнныя каменноугольныя ископаемыя. Впрочемъ эти ископаемыя во всей Россіи единственно принадлежатъ одной Уральской системѣ; я разумѣю *гоніатиты*. Съ восточной стороны (въ Казачьихъ дачахъ) они большею частію сходны съ британскими и белгійскими видами, а съ западной, именно въ окрестностяхъ Артинскаго и Саранинскаго заводовъ, совершенно особенные (Goniatites Jossae, G. Kingianus, G. Koninkianus, G. Orbignyanus, G. Sobolevskyanus). Ихъ сопровождаютъ Nautilus tuberculatus, N. bicarinatus, обломки ортоцератитовъ, и растенія изъ рода Lepidodendron и Calamites. Наиболѣе же любопытный остатокъ составляютъ плоды, величиною въ большой орѣхъ; подобные имъ найдены въ Англіи, въ Виккерслейскомъ песчаникѣ, къ востоку отъ Ротзергама, на самой границѣ каменноугольныхъ осадковъ съ пермскими. Въ окрестностяхъ Саранинскаго завода также найдены: Retepora inaequalis (Eichw.), R.

Digitized by Google

prisca (Goldf)., Calamopora spongites (Goldf.), Productus Martini (Sow.) P. pustulosus (Phill.), Cyathocrinites pinnatus (Goldf.), Cidaris oculeatus (Eihw.), и Fusulina cylindrica (Fisch).

По направленію отъ Уральскаго хребта къ Стерлитамаку вновь показывается горный известнякъ, состоящій изъ нижняго и средняго ярусовъ. Самую западную часть его, по видимому, составляетъ лѣвый берегъ рѣки Бѣлой, близъ самаго Стерлитамака. Тутъ онъ открытъ и подробно описалъ маіоромъ Вангенгеймомъ фонъ-Квален, геологомъ, которому Оренбургская губернія обязана весьма многими изслѣдованіями, особенно относительно пермской системы*. По его описанію, горный известнякъ около Стерлитамака вышелъ наружу четырьмя коническими холмами, какъ будто произведенными вулканическимъ поднятіемъ. Въ здѣшнемъ известнякѣ (гора Чекетау), почти состоящемъ изъ однѣхъ раковинъ, явственнѣе другихъ замѣтны: Productus semireticulatus, P. lobatus, P. punctatus, P. spinulosus, Spirifer lineatus (Sow.), Sp. quadriradiatus (Venn.), Terbratula pleurodon, Orthis arachnoidea, ортоцератиты и небольшой трилобитъ Otarion Eichwaldi. Здѣсь не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ гоніотитоваго песчаника. — Къ югу отъ Стерлитамака горный известнякъ образуетъ нѣсколько выдающихся параллельныхъ грядъ, которыя простираются до рѣки Сакмары или даже гораздо южнѣе, и тамъ скрываются подъ пермскими осадками. На лѣвомъ берегу Сакмары, вблизи деревни Кундровки, Верблюжьи горы состоятъ изъ горнаго известняка, который по направленію къ западу покрытъ гоніатитовымъ песчаникомъ.

И такъ ни въ Уральскихъ горахъ, ни въ Европейской Россіи нѣтъ собственно каменноугольный формаціи; всюдѣ горный известнякъ, съ подчиненными слоями каменнаго угля. Но этотъ, восточный характеръ системы, по мѣрѣ удаленія къ западу, измѣняется и переходитъ въ англо-белгійскій; и въ Польшѣ и въ Силезіи она состоитъ уже изъ пластовъ угля, песчаниковъ и отвердѣлыхъ глинъ, которыя весьма опредѣлительно лежатъ на горномъ известнякѣ.

---

* Въ запискахъ С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества.

Digitized by Google

Къ западу отъ Кракова и къ сѣверу отъ Кржежовица горный известнякъ встрѣчается на самой поверхности, а по направленію къ западу, близъ Сіерца (копи, принадлежащія графу Потоцкому) онъ уходитъ подъ настоящіе каменноугольные осадки. Далѣе на западъ, эти послѣдніе принимаютъ бо́льшее развитіе; около Домброва (копь Ре́день), Бе́ндзина (копь Ксаве́ри), Не́мце (копь Фе́ликсъ) и Стражови́це въ нихъ заложены разработки, принадлежащія Правительству. Пласты каменнаго угля, обнаженные здѣсь разносами, превосходятъ своею толщиною всѣ извѣстныя мѣсторожденія древняго, палеозоическаго угля. Вблизи Бендзина толщина угля въ одномъ мѣстѣ доходитъ до 60 футовъ, слѣд. вдвое болѣе противу самыхъ толстыхъ британскихъ пластовъ, каковъ дудлейскій, въ 30 футовъ. Только нѣкоторой части этого 60-футоваго пласта достаточно для удовлетворенія потребностей по здѣшнему желѣзному производству. Каменный уголь покрывается пескомъ и глиною, заключающими въ большомъ изобиліи отпечатки растеній, большею частію переломанныхъ и находящихся въ лежачемъ положеніи. Пушъ, которому мы обязаны подробнымъ геологическимъ описаніемъ Польши, только однажды встрѣтилъ здѣсь стволъ растенія въ отвѣсномъ положеніи. *

Изъ Польши каменноугольная система переходитъ въ верхнюю и нижнюю Силезію, и удерживаетъ тотъ же характеръ, съ тѣмъ однако различіемъ, что угольные пласты здѣсь не такъ мощны, какъ въ Польшѣ. **

Г. Щуровскій.

---

* G. G. Pusch, Geognostische Beschreibung von Polen, so wie der uebrigen Nordkarpathen-Laender. Stuttgart und Tübingen, 1833.

** Дальнѣйшее разсмотрѣніе сочиненій Мурчисона и Барона Мейендорфа я отлагаю до будущаго, болѣе свободнаго времени.

Г. Щ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ПОДПИСКѢ, ОТКРЫТОЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

для сбора добровольныхъ приношеній въ пользу Сербскаго народа и церквей въ Бачкѣ и Банатѣ.

Всѣмъ извѣстно, какое участіе принимали южные Славяне, Хорваты и Сербы въ войнѣ Австріи съ возмутившимися Венграми, съ какимъ постояннымъ мужествомъ они выдержали борьбу съ огромною силою, далеко превосходившею ихъ собственныя. Двѣ причины вызвали Хорватовъ и Сербовъ на войну съ Венграми — преданность къ своему законному правительству, и привязанность къ своей народности. Возмутившаяся Венгрія явилась врагомъ столько же Австрійскаго Дома, сколько и народности Славянской. Желая уничтожить цѣлость имперіи и основать независимое Венгерское государство, она стремилась въ то же время и уничтожить народность Славянскую, и Хорватовъ и Сербовъ превратить въ Мадьяръ не вліяніемъ нравственнымъ, котораго не имѣла, но внѣшнею силою.

Первая эпоха воины Венгерцевъ съ Сербами, Австрійскими подданными, окончилась блистательно для Сербовъ. Венгерскія войска нѣсколько разъ были разбиты, и послѣ неудачной осады Сербобрана прекратили, на время, нападенія. Къ Сербамъ, Австрійскимъ Граничарамъ, подоспѣли на

Digitized by Google

помощь ихъ соотечественники изъ княжества; Венгерскія же войска устремились къ другой цѣли. Они, какъ бы мимоходомъ затронувъ военную границу, двинулись въ противоположную сторону Венгріи — къ Пешту и Комарну. Встрѣтивъ на одной изъ своихъ границъ сильный отпоръ Сербовъ, Мадьяры побѣдоносно прошли всю Венгрію до другой границы, и тамъ встрѣтили Хорватовъ, которые, подъ предводительствомъ своего Бана, спасли Вѣну, и война противъ мятежниковъ приняла другой оборотъ.

Послѣ взятія Австрійскими войсками Пешта, въ 1849 году, Венгерскія войска отступили за Марошъ (въ Банатѣ) и Суботицу (Терезіополь, въ Бачкѣ), и сосредоточились у Стараго Арада и Сегедина.

Между тѣмъ Сербы, раздѣленные на мелкіе отряды, разбросанные на значительномъ пространствѣ отъ Римскихъ укрѣпленій до Францова канала, были еще болѣе обезсилены удаленіемъ Книтятина со вспомогательными войсками Сербскаго княжества. Непріятель могъ почти безъ сопротивленія возвратиться въ Петроварадинъ; оттуда, подъ предводительствомъ Перцеля, онъ пошелъ на Сербобранъ. Послѣ упорной защиты, Сербобранъ былъ взятъ мятежниками; 700 человѣкъ Сербовъ долго защищались въ городскихъ улицахъ противъ 6,000 Венгровъ, но не могли устоять, и въ числѣ 300 едва спаслись. Городъ былъ сожженъ, разграбленъ, жители безъ разбора пола и возраста перерѣзаны. Сербобранъ, такъ храбро отразившій первыя нападенія Венгровъ, считался Сербами неприступнымъ. Его взятіе произвело сильное дѣйствіе, и малочисленныхъ Сербовъ, лишенныхъ всякой помощи, повергло въ совершенное отчаяніе. Оно усилилось еще болѣе, когда Перцель, опустошивъ окрестности Сербобрана, двинулся къ Римскимъ укрѣпленіямъ и одержалъ новую побѣду. Сербскихъ войскъ не существовало: всѣ разбрелись по сторонамъ; уцѣлѣвшее отъ меча Сербское народонаселеніе, изъ областей, занятыхъ непріятелями, сосредоточилось въ Чайкашскомъ батальонѣ и Сремѣ (Сирміи). Начались всеобщіе безпорядки: путь къ Тителю и оттуда въ Сремъ (Сирмію) былъ открытъ для непріятеля. Надоб-

Digitized by Google

но вспомнить, что въ сіе самое время Австрійская главная армія, подъ командою Барона Вельдена, по новому плану кампаніи, сосредоточивалась около Пресбурга, въ ожиданіи Русской вспомогательной арміи, а Банъ Хорватскій, съ своимъ войскомъ, еще находился подъ Пештомъ, откуда долженъ былъ пройти Венгрію во всю длину, чтобъ явиться на югъ для защиты Сербовъ. Банатъ и Сремъ (Сирмія), совершенно отрѣзанные отъ арміи, оставались безъ помощи, безъ регулярныхъ войскъ, почти безъ артиллеріи, даже безъ извѣстій о томъ, что дѣлается на сѣверѣ и на западѣ королевства.

Почтенный старецъ, Патріархъ Сербскій, Іосифъ Раячичь, управлялъ вмѣстѣ и гражданскою частью и православною Церковію, и умѣлъ внушать своему народу такую же вѣрность къ престолу, такую же непоколебимую твердость и терпѣніе, какія самъ, какъ истинный пастырь православный, показалъ въ сіе роковое время, и какими невольно напоминаетъ намъ, Русскимъ, тѣхъ великихъ мужей нашей Церкви, которые, въ бѣдственныя для Отечества времена, такъ много способствовали спасенію Россіи и сохраненію у насъ Православія. Видя отчаянное положеніе края, ему ввѣреннаго, Патріархъ упросилъ Сербскаго Князя вновь прислать Книтянина съ отрядомъ на помощь. Книтанинъ, собравъ на-скоро тысячу человѣкъ, явился въ Новый Садъ, и потомъ въ Карловцы, куда пришло уже извѣстіе о пораженіи при Римскихъ укрѣпленіяхъ. Уныніе было такъ велико, что, не смотря на уваженіе и довѣренность къ Книтянину, ему не удалось собрать достаточнаго количества войскъ, чтобъ итти противъ Перцеля, и оградить отъ вторженія въ Сремъ (Сирмію). Книтянинъ объявилъ Патріарху, что гибель неминуема, что онъ не успѣетъ дождаться нужной помощи изъ княжества, что непріятель вдесятеро сильнѣе его, а народъ совершенно упалъ духомъ и что развѣ одинъ человѣкъ можетъ спасти ихъ: этотъ человѣкъ — Георгій Стратимировичь (племянникъ покойнаго Митрополита Сербскаго, Стефана Стратимировича). Въ 1848 году, какъ извѣстно, молодой Стратимировичь

Digitized by Google

командовалъ охотниками Сербскими, отразилъ съ ними нападеніе Мадьяръ, показалъ блистательныя военныя способности, и заслужилъ неограниченную довѣренность и любовь войска. Онъ въ это время находился въ Землинѣ Вице-Президентомъ Коммиссіи Правленія. Не смотря на бывшую между ими съ нѣкотораго времени остуду, Патріархъ, тотчасъ же, по полученіи письма Книтянина, обратился къ Стратимировичу, и спросилъ: рѣшится ли онъ взять на себя собрать разбитыя разсыпанныя войска, отправиться въ Титель и спасти всю южную Венгрію? Стратимировичъ показалъ себя достойнымъ довѣренности народа и его начальниковъ: забывъ свои прежнія неудовольствія, принялъ полномочіе отъ Патріарха, и явившись въ Титель, умѣлъ въ двое сутокъ собрать войско и одушевить его своимъ присутствіемъ; чрезъ пять дней разбилъ на голову главный отрядъ Перцеля, и съ семью батальонами Граничаръ и 1,500 Сербскихъ охотниковъ подъ Книтянинымъ, защищался противъ непріятеля вдвое больше его числомъ и съ сильной артиллеріей, въ теченіе шести недѣль, до прибытія Бана съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ Сербы отстояли остальныя богатыя провинціи южной Венгріи, и дали новый оборотъ войнѣ, которая кончилась въ пользу вѣрныхъ защитниковъ престола, народности и вѣры.

Между тѣмъ страны, по которымъ прошли Венгерскія орды, были опустошены и разграблены, села и города сожжены. Война кончилась, — не кончились бѣдствія Сербовъ: возвратившееся въ опустошенныя страны, народонаселеніе не нашло ни домовъ, ни храмовъ; безъ хлѣба и крова должно было провести зиму.

Не станемъ повторять грустныхъ описаній положенія Сербской границы которыми были наполнены не только Славянскіе, но даже и Нѣмецкіе журналы. Особенно церкви и монастыри православные были жертвою ненависти и ярости Мадьяръ: они жгли, разоряли ихъ потому именно, что знали, съ какою любовью и благоговѣніемъ Сербы привержены къ святой Церкви своей. Вотъ отрывокъ изъ письма: «Свирѣпство Венгровъ простиралось не

Digitized by Google

токмо на вооруженныхъ, но и на всѣ невинныя чада, дѣвицы, жены, дряхлые старцы и старицы, павшія въ область ихъ. Все, что не могло спастись бѣгствомъ, безъ различія пола и возраста было истребляемо и посѣкаемо. Домы разграбленные были предаваемы огню. Особенно же свирѣпствовали Венгры и ополчались на св. храмы Божіи, аки бо и съ Богомъ и со Святыми Его рать имѣли: вшедши въ церкви, святымъ иконамъ Христа Спасителя и Пречистыя Богоматери и прочихъ Святителей мечами очи истыкивали; во святомъ алтарѣ отверзли святые кивоты, хранимые тамо Святая просыпали и попирали ногами, всѣ утвари церковныя грабили, напослѣдокъ книги молитвенныя, Св. Евангеліе и все удобосожигаемое снесше предъ иконостасъ, предали пламени и самую церковь. Словомъ, конечное истребленіе како народа Сербскаго, тако и Православія его умыслиша. — Больше 150,000 душъ Сербскаго народа лишаются домовъ своихъ, лишаются всякаго богослуженія, наставленія и духовнаго утѣшенія. Лисамъ подобно изрыли подземныя рови, идѣже отъ мраза спастися мняще всякаго земнаго блага лишены алчущіе и жаждущіе чаютъ Бога спасающаго! Не можетъ языкъ изрещи, ниже умъ вообразити себѣ золъ и болѣзней, яже народъ Сербскій претерпѣлъ, терпитъ, и Богъ вѣсть доколѣ еще терпѣтъ будетъ.»

Можно было бы до безконечности умножить подобныя описанія, свидѣтельствующія о дикой жестокости Венгровъ и ужасныхъ страданіяхъ Сербовъ. Но мы ограничимся только исчисленіемъ церквей и монастырей, разрушенныхъ совершенно или разграбленныхъ Венграми въ воеводствѣ Сербскомъ:

Въ приходѣ	Новосадскомъ въ Бачкѣ.....	49
«	Темешварскомъ.....	57
«	Вершацкомъ.....	11
«	Будимскомъ.....	1

Всѣхъ разрушенныхъ и разграбленныхъ православныхъ храмовъ 115; убытокъ простирается слишкомъ на 1,300,000 гульденовъ (800 тысячь рублей серебромъ). — 25-го Ноя-

Digitized by Google

бря 1849 года духовенство Чайкашское подало прошеніе въ Землинѣ Сербскому правительству, прося не только обновленія храмовъ, но пищи и крова, которыхъ они не имѣли. Правительство передало прошеніе Патріарху Раячичу; онъ его представилъ Австрійскому министерству, которое дозволило ему обратиться къ другимъ народамъ съ воззваніемъ о помощи. «Тяжки были для Нижне-Дунайскихъ странъ бѣдственныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ», говоритъ Патріархъ въ своемъ воззваніи: «Австрійское правительство старалось облегчить бѣдствія, но они такъ велики, что до сихъ поръ только отчасти можно было помочь имъ; какъ духовный архипастырь Сербскаго народа, я считаю долгомъ обратиться съ полною довѣренностью и христіанскимъ смиреніемъ къ человѣколюбію тѣхъ народовъ, которыхъ Богъ сохранилъ отъ подобныхъ бѣдствій. Да облегчатъ они нужды Сербскаго народа съ тѣмъ же усердіемъ, которое показывали при всѣхъ великихъ бѣдствіяхъ! Кромѣ внутренняго чувства, сопровождающаго каждое доброе дѣло, вѣчная благодарность несчастныхъ вознаградитъ великодушныхъ друзей человѣчества, принесшихъ свою дань, для того, чтобы осушить горькія слезы страждущаго народа.»

(*Съв. Пч.*)

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ краяхъ Россіи найдется много людей, которые окажутъ свое сочувствіе къ несчастному, единоплеменному намъ народу.... Въ Москвѣ, при ревностномъ содѣйствіи Графа А. А. Закревскаго, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, въ пользу разоренныхъ Сербскихъ церквей, жителями пожертвовано было разной церковной утвари на сумму болѣе 7,600 руб. сер., и приношенія еще продолжаются.—Въ слѣдующей книгѣ мы надѣемся посвятить нѣсколько словъ этому предмету.

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРСКАЯ И МОСКОВСКАЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ КАССЫ ВЪ 1849 ГОДУ. — Въ С.-Петербурской Кассѣ къ 1 Января 1849 г. оставалось наличнаго капитала вкладчиковъ до 765,000 р. с.; къ нимъ приписано процентовъ слишкомъ 30 т. Въ теченіе 1849 года поступило вкладовъ около 470,000 р. с.; за выдачею обратно капитала съ процентами осталось въ Кассѣ къ 1850 г. слишкомъ 840,000 р. Бо̀льшая часть вкладовъ внесены были *ремесленниками* (до 100 т.), мѐньшая воспитанниками Воспитательнаго Дома (около $5\frac{1}{2}$ т.)

Обороты Московской Кассы были въ гораздо меньшемъ объемѣ. Къ 1849 г. оставалось слишкомъ 350,000 р. с., да къ нимъ приписано процентовъ до 15 т. Въ продолженіе 1849 г. внесено болѣ 230,000 р. Къ 1850 г. осталось до 420,000 р. Большая часть вкладовъ внесены чиновниками, меньшая *ремесленниками* (съ небольшимъ 3 т. р.), тогда какъ для послѣднихъ, нерѣдко держащихся привычки, доѣдать хлѣбъ до рукъ», — Сберегательная Касса есть истинно благодѣтельное учрежденіе.

(Спб. и М. В.)

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЕРВАЯ МЕДАЛЬ ВЪ РОССІИ ЗА ОТКРЫТІЕ КОМЕТЫ.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что Г. Швейцеръ, наблюдатель при Московскомъ Университетѣ, открылъ нѣсколько кометъ. За одну изъ нихъ, открытую 1847 г. $\frac{19}{31}$ Августа, Его Величество Король Датскій прислалъ Г. Швейцеру золотую медаль, установленную за открытіе новой кометы. Эта медаль первая, выданная въ Россіи за такое открытіе, а комета первая, открытая въ Россіи. Точныя наблюденія надъ кометою описаны авторомъ въ образцовомъ трудѣ въ *Запискахъ* Московскаго Общества Испытателей Природы, 1849 г. Т. I, стр. 250 и слѣд. — На медали изображены, на одной сторонѣ — Его Величество покойный Король Датскій Христіанъ VIII, основатель преміи, а на другой — Уранія, смотрящая на небо и указывающая мѣсто новой кометы на небесномъ сводѣ. Эпиграфъ изъ Виргилія: «Non frustra signorum obitus speculamur et ortus» указываетъ, что большею частью кометы открываются вечеромъ и утромъ. Внизу означены годъ и число открытія кометы, а на ребрѣ — имя открывшаго ее.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТЕННЫХЪ НАУКЪ.

УТРОБНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. — *Изслѣдованія доктора Мандля.* — Всѣмъ извѣстны положенія Жоффруа-де-Сентъ Илера, что высшія животныя въ утробной жизни проходятъ черезъ типы низшихъ, пока наконецъ достигнутъ своего типа. Это положеніе подтверждено было нѣсколькими примѣрами и, какъ извѣстно, возбудило сильный споръ между Жоффруа-де-Сентъ-Илеромъ и Кювье, въ который вмѣшался въ послѣдствіи Гёте. Нынѣ Г. Мандль расширилъ это положеніе и подтвердилъ его множествомъ микроскопическихъ наблюденій. Крылья напр. птицы въ зародышѣ устроены совершенно сходно съ крыльями бабочки, тонкіе волосы красавицы въ утробномъ младенцѣ состоятъ изъ клѣтокъ, какъ шерсть напр. грызуна ипр. ипр. Особенно важны изслѣдованія нервной системы. Отъ мозга, покрытаго чернымъ веществомъ, идетъ множество нитей, несоединенныхъ между собою. Эти нити раздѣляются на вѣтви и отъ каждой вѣтви идетъ множество новыхъ нитей, впрочемъ одинаковой толщины. Это будущіе нервы. Въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ черными массами узловъ, идущихъ совершенно отдѣльно въ зародышѣ высшихъ животныхъ, какъ и въ зрѣломъ возрастѣ низшихъ; черная масса мозга есть, такъ сказать, зародышъ, отъ котораго развивается бѣлое мозговое вещество.

Мандль прилагаетъ тотже законъ къ цвѣтамъ и вообще къ растеніямъ.

Г. Мандль получилъ орденъ Почетнаго легіона и сверхъ того премію отъ Парижской Академіи.

Digitized by Google

ВОДОРОДЪ КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ОТОПЛЕНІЯ И ОСВѢЩЕНІЯ. Извѣщаютъ, что г. Пайнъ, въ Ворчестерѣ (Штатъ Массачузетъ) нашелъ способъ примѣнить водородъ къ отопленію своего дома и къ освѣщенію въ большомъ и маломъ видѣ. Если правда, то это примѣненіе должно произвести огромный промышленный переворотъ повсюду.

Съ самаго времени открытія водорода, (а открытъ онъ Кавендишемъ въ 1766 году), было извѣстно, что онъ горитъ слабымъ синимъ, при дневномъ свѣтѣ почти не замѣтнымъ пламенемъ, которое однако жь жарче всякого другаго пламени. Сжигая его одинъ фунтъ, мы можемъ довести отъ таянія до кипѣнія 254 фунта воды или нагрѣть отъ 0 до 16° почти 1600 фунтовъ воды или около 6000 фунтовъ воздуха. Полагая въ фунтѣ воздуха 10 кубическихъ футовъ, однимъ фунтовъ сгарающаго газа мы могли бы нагрѣть 60000 кубическихъ футовъ воздуха отъ 0 до 16° Ц. Сжигая газъ, нужный для наполненія аэростата въ 30000 кубическихъ футовъ, мы могли бы вскипятить 50800 фунтовъ воды или нагрѣть отъ 0 до 16° Ц. 12000000 кубическихъ футовъ воздуха. Всѣ эти числа выведены изъ положительныхъ опытовъ.

Количество теплоты, происходящее отъ совершеннаго сгаранія самаго сухаго дерева, въ пятеро меньше, слѣдовательно однимъ фунтомъ сухаго дерева мы могли бы довести до кипѣнія почти 51 фунтъ воды или нагрѣть отъ 0 до 16° 320 фунтовъ воды или 1200 фунтовъ (около 12000 куб. фута) воздуха, но эта цыфра обманчива въ приложеніи, потому что какое бы ни было устройство снаряда для сожиганія, всегда главное количество теплоты при горѣніи дерева или угля теряется, т. е. употребляется для изведенія образовавшихся при горѣніи газовъ (дыма), что обыкновенно называютъ унасъ *топить на вытеръ*. При водородѣ эта потеря не существуетъ, ибо отъ горѣнія его образуется вода, вещество безвредное и освобождающее при сгущеніи еще значительное количество теплоты.

По этому издавна мечтали о примѣненіи водорода къ нагрѣванію. Онъ и примѣненъ въ химическихъ опытахъ, гдѣ требуется сильный жаръ; но для примѣненія въ большомъ видѣ онъ былъ слишкомъ дорогъ.

Digitized by Google

При обыкновенномъ способѣ для полученія одного фунта водорода нужно разложить девять фунтовъ воды, а для этого нужно употребить слишкомъ 27 фунтовъ желѣза, да 49 фунтовъ концентрированной сѣрной кислоты Очевидно, что этотъ способъ неприменимъ въ настоящемъ случаѣ. Оставалось искать рѣшенія задачи въ разложеніи воды помощію Вольтова столба! Что Вольтовъ столбъ разлагаетъ воду, извѣстно всѣмъ. Но разложеніе идетъ медленно, такъ что врядъли можно получить этимъ способомъ значительное количество того или другаго газа. Конечно, при усовершенствованномъ устройствѣ баттареи, при употребленіи вмѣсто чистой воды подкисленной, значительно можно ускорить разложеніе; но все таки сомнительно, чтобы какая нибудь баттарея могла дать въ короткое время нужное для отопленія количество газа. Притомъ всякое усиленіе баттареи предполагаетъ большую трату матеріаловъ, а самые дешевые матеріалы — цинкъ, желѣзо, сѣрная кислота, все таки значительно цѣнны для такого употребленія. А потому, не сомнѣваясь нимало въ возможности нагрѣвать, что угодно, водородомъ, мы однакожъ не можемъ несомнѣваться въ практической пользѣ этого изобрѣтенія и въ дешевизнѣ потребляемыхъ матеріаловъ. Наше сомнѣніе усиливается еще тѣмъ, что въ извѣстіи объ опытахъ г. Пайна не значится, какой Вольтовъ столбъ онъ употреблялъ, Что касается до устройства самаго нагрѣвательнаго снаряда, оно просто до невѣроятности. Баттарея помѣщается въ подвалѣ зданія и, судя по извѣстію, занимаетъ очень немного мѣста. Труба отъ отрицательнаго полюса проводитъ газъ въ газометръ, оттуда онъ посредствомъ разныхъ трубокъ можетъ быть проведенъ въ разныя части зданія. Каждая трубка оканчивается между двумя круглыми желѣзными плитками, отстоящими одна отъ другой около двухъ дюймовъ. Газъ, выходящій изъ трубки, зажигается и раскаляетъ плитки, отъ которыхъ теплота распространяется по комнатѣ.

Кажется, въ этомъ приборѣ есть недостатки, которые впрочемъ легко поправить. Недостаетъ вопервыхъ сосуда для сгущенія образовавшихся отъ горѣнія водорода паровъ, отъ чего можетъ выйдти сырость въ воздухѣ ком-

Digitized by Google

наты; вовторыхъ для нагрѣванія употреблены хорошіе проводники теплоты. Комната будетъ скоро согрѣваться и скоро остывать; въ третьихъ — не понимаемъ почему вмѣсто одного газометра не употреблено двухъ; тогда кислородъ, нужный для горѣнія водорода, получался бы изъ тойже разлагающейся воды; въ противномъ случаѣ онъ получается изъ воздуха комнаты, отъ чего воздухъ этотъ долженъ быть часто обновляемъ. Впрочемъ очевидно, все это такія мелочи, которыя ничего не стоитъ отстранить. Устройство прибора можетъ быть то или другое, и все таки сущность дѣла не перемѣнится.

Г, Пайнъ старался примѣнить водородъ и къ освѣщенію, напитывая его какъ то углеродомъ. Свѣтъ былъ столь силенъ, что на разстояніи четырехъ футовъ отъ пламени можно было различать самые тонкіе оттѣнки зеленаго и голубаго цвѣта. Въ большомъ видѣ онъ дѣлалъ опыты въ залѣ Ворчестерской биржи, гдѣ зажжено было 3,000 рожковъ. Способъ напитыванія водорода углеродомъ (карбонизированія) тайна изобрѣтателя. Свѣтъ свой онъ называетъ гидро-электрическимъ. Впрочемъ если удается приложеніе къ нагрѣванію, то безспорно удастся и приложеніе къ освѣщенію, хоть бы и не способомъ г. Пайна.

Докторъ Амторъ — директоръ и аптекарь Шпрингмюль преподаватель физики и химіи въ Коммерческой школѣ въ Гильдбургаузенѣ, повторяли опыты Г. Пайна надъ нагрѣваніемъ и особенно надъ плавленіемъ металловъ и рудъ. Въ верхнюю плитку ударяло пламя водорода въ одинъ дюймъ длины, толщиной съ булавку. Въ нѣсколько секундъ распространялась около снаряда пріятная теплота, а въ нѣсколько минутъ сильный жаръ. На плиткѣ $\frac{1}{2}$ фунта воды въ три минуты доведена до кипѣнія, на что употреблено $\frac{2}{3}$ куб. фута газа. Въ томже пламени олово плавилось въ четверть минуты, чугунъ въ платиновомъ тиглѣ въ три минуты, кварцовистая красная желѣзная руда, одно изъ самыхъ трудно-плавкихъ веществъ, въ четыре или пять минутъ. Но въ извѣстіи Гг. Амтора и Шпрингмюля не видно, сколько расплавлено было олова, желѣза или руды и потому нельзя сдѣлать объ ихъ опытахъ никакого надежнаго заключенія. Не описано также и устройство

Digitized by Google

баттареи, хотя экспериментаторы замѣчаютъ, что именно въ этомъ состоитъ главное, и по ихъ мнѣнію единственное затрудненіе. Въ слѣдствіе чего они приглашаютъ Гг. механиковъ заняться упрощеніемъ Вольтова столба, увѣряя ихъ, что здѣсь для нихъ откроется новая Калифорнія.

Очень можетъ быть, что не скоро мысль г. Пайна пойдетъ въ ходъ, тѣмъ не менѣе рано или поздно должна пойдти, потому что съ одной стороны съ каждымъ годомъ истребляются болѣе и болѣе обыкновенные горючіе матеріалы, съ другой упрощаются и совершенствуются физическіе и химическіе снаряды вообще, и Вольтовъ столбъ въ особенности. Рано или поздно, полученіе чистаго водорода въ большомъ количествѣ будетъ дешевле, чѣмъ пріобрѣтеніе дровъ или каменнаго угля.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ первоначальный Вольтовъ столбъ и нынѣшнія баттареи, то найдемъ огромную разницу. Знаменитый изобрѣтатель врядъ ли могъ думать, чтобы его снарядъ достигъ до той степени совершенства, до какой онъ достигъ уже и теперь. Чтожь будетъ послѣ?

Усовершенствованія относились а) къ усиленію дѣйствія при одинаковой тратѣ матеріаловъ; b) къ усиленію дѣйствія при одинаковомъ или меньшемъ объемѣ; c) къ усиленію дѣйствія, не обращая вниманія на матеріалы. Разумѣется, и теперь улучшенія пойдутъ тѣми же путями; только напрасно Гг. Амторъ и Шпрингмюль ждутъ многаго отъ механиковъ. Значительное улучшеніе всегда зависитъ отъ уясненія теоріи, а не отъ упрощенія работъ.

ВОЕННЫЙ ПАРОХОДЪ. — На счетъ Сардинскаго правительства построенъ въ Лондонѣ, Англійскими инженерами, военный корабль-пароходъ *il Governole*. При грузѣ въ 550 бочекъ угольевъ и всемъ вооруженіи, этотъ корабль-пароходъ, съ перваго опыта дѣлалъ до одиннадцати узловъ въ часъ.

Il Governole имѣетъ 68 пушекъ. Сила машинъ равняется 450 лошадинымъ силамъ. Постройка и оснащеніе производились подъ

Digitized by Google

надзоромъ Марзика-де-Риччи. Котелъ опущенъ возможно-низко, для безопасности отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Трубы устроены на одинаковыхъ законахъ съ телескопами и такъ, что по усмотрѣнію спускаются, не мѣшая парусамъ, и не препятствуютъ дѣйствію вѣтра, когда корабль движется только силой вѣтра, безъ помощи пара. Колеса расположены какъ въ лодкахъ съ Архимедовымъ винтомъ, т. е. такимъ образомъ, чтобы ихъ не могли достать ядра и чтобъ онѣ были закрыты, когда попутный вѣтеръ не требуетъ содѣйствія паровъ.

ЧИСЛО ПУБЛИЧНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Во Франціи	107
Въ Белгіи	14
Въ Пруссіи	44
Въ Австріи съ Ломбардіей	48
Въ Саксоніи	6
Въ Баваріи	17
Въ Даніи	5
Въ Тосканѣ	9

NB. *Въ Англіи публичныхъ библіотекъ нѣтъ.*

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. — По случаю вакансіи послѣ г. Фелеца, обнаружилось раздѣленіе между членами Парижской Академіи; на нее явились три соискателя; Монталамберъ, Мюссе и Низаръ; заслуги послѣднихъ двухъ чисто литтературныя, Монталамберъ же искалъ этого мѣста какъ представитель извѣстной партіи. Искательство Монталамбера поддерживали Тьеръ, Моле, Паскье, Ремюза, Сенъ-При, Барантъ, Сентъ-Олеръ, де-Ноайль, Сенъ-Бевъ, Мериме, Минье и Амперъ. Напротивъ, сторону Низара держали именно въ слѣдствіе несогласій во мнѣніяхъ съ вышепоименованными членами гг.: Дюпенъ, Гизо, Сальванди*. Вильменъ, С. Маркъ Жирарденъ, Ламартинъ, де-

---

* Нынѣ онъ Директоръ Академіи.

Digitized by Google

Сегюръ, Віенне, Скрибъ. Бауръ-Лорміанъ, Тиссо, Вите, Дюпати, Флуренсъ, де-Понжервиль и Патенъ. Гг. Викторъ Гюго, Кузенъ, де-Виньи, Лебрюнь и Емпи подали голоса въ пользу Мюссе. Въ слѣдствіе такаго разногласія выборъ несостоялся и отложенъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

ВѢСТЬ О ХЛОРОФОРМѢ. — Леопардъ, не такъ давно еще присланный Египетскимъ Пашею въ подарокъ Лондонскому Зоологическому Обществу, рѣзвясь въ клѣткѣ, сломалъ себѣ ногу: рѣшено было отрѣзать ее. Ампутація сдѣлана чрезвычайно искусно и благополучно Симмондсомъ, Профессоромъ Ветеринарной школы въ Камдентоунѣ. Животное предварительно подвергли вдыханію хлороформа, посредствомъ губки, имъ напитанной, которую привязавъ на палку, приложили къ пасти и ноздрямъ: сначала леопардъ страшно ревѣлъ, но потомъ по немногу впалъ въ усыпленіе,—и лежалъ такъ спокойно, что операція сдѣлалась безпрепятственно. Когда онъ пришелъ въ себя, то принялся бѣгать по клѣткѣ на трехъ ногахъ и, повидимому, не заботился даже о томъ, куда дѣвалась четвертая.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КАЗАНИ. — На Универ. актѣ, 4-го Іюля Э. О. Профессоръ *А. Н. Бекетовъ* произнесъ рѣчь: »*О хлороформѣ и примѣненіи его въ оперативной хирургіи.*« Рѣчь эта, при всей своей краткости, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, потому что она вполнѣ выказала предъ ними чудныя свойства хлороформа, дѣйствія котораго, по новости употребленія его въ медицинѣ, еще не для всѣхъ совершенно извѣстны.

По окончаніи рѣчи разыграна было увертюра, и за тѣмъ Адъюнктъ *В. А. Сбоевъ* прочиталъ отчетъ о состояніи Университета въ истекшемъ 1849 — 1850 академическомъ году. Изъ этого отчета въ настоящее время заимствую слѣдующее: всѣхъ студентовъ въ минувшемъ году считалось 311; изъ нихъ окончило курсъ 69 человѣкъ; въ томъ числѣ 28 Кандидатами, 27 Дѣйствительными Студентами и 14 Лекарями. Награждены медалями за лучшія разсужденія Кандидаты: Н. Сосѣновъ, С. Филоновъ, Э. Янишевскій, К. Раненбаумъ и Г. Фирстовъ—*золотыми*; Кандидаты: М. Корниловъ, К. Киндяковъ и В. Бабкинъ — *серебряными*. Сверхъ тодо удостоена награды *золотою же медалью* диссертація, написанная на тему, заданную Юридическимъ Факультетомъ (»Опытъ ученой разработки купчихъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею«) и присланная изъ Кіева, подъ девизомъ: »купить не купить, а поторговать можно.« По вскрытіи пакета съ именемъ автора оказалось, что эта диссертація писана студентомъ Юридическаго Факультета Университета Св. Владиміра — *Е. Коссовичемъ*.

По раздачѣ наградъ объявлены для соисканія тэмы на будущій годъ.

Digitized by Google

8-го Іюля, происходило публичное защищеніе диссертаціи: »De statu reipublicae atheniensis sub Periclo» — представленной учителемъ первой Казанской Гимназіи, *Андреемъ Уелянскимъ*, на полученіе степени Магистра.

Изъ трудовъ нашихъ ученыхъ извѣстно мнѣ вотъ что: О. Архимандритъ *Гавріилъ* оканчиваетъ печатаніе своихъ *Проповѣдей*. Орд. Пр. *П. И. Вагнеръ* окончилъ свой курсъ *Сравнительной Анатоміи*. Э. Орд. Пр. *Е. Г. Осокинъ* напечаталъ свое сочиненіе: »*О пошлинахъ, существовавшихъ въ Россіи.*« Э. Орд. Пр. *И. Н. Березинъ* печатаетъ 2-е изданіе своего *Путешествія по Дагестану и Закавказью*; началъ печатаніе 2-й части »Восточной Библіотеки«, гдѣ будетъ помѣщена весьма любопытная исторія *Джами-ут-таварихъ*, содержащая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ царствованію Бориса Годунова; кромѣ того издаетъ *Ярлыкъ Тохтамыша*, полученный имъ отъ Князя М. А. Оболенскаго.

Вышла также изъ печати *Краткая Исторія города Казани*, соч. М. С. Рыбушкина. Авторъ померъ въ 1848 г., и потому изданіе не совсѣмъ вѣрно, съ опечатками, пропусками. Невольно надобно взяться за перо и указать на всѣ эти недостатки, дабы, при малочисленности сочиненій о Казани, не могли они ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Все относящееся къ Казани я стараюсь слѣдить строго и аккуратно.

А. Артемьевъ.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА КОВРОВСКАГО УѢЗДА.—Вслѣдъ за губернскими справочными книгами являются и уѣздныя. А. Н. *Чихачевъ*, житель Ковровскаго уѣзда (Владимирской губ.) предпринялъ составленіе подобной книги для своего уѣзда, и по богатству матеріаловъ, которые предполагаетъ помѣстить въ ней, справедливо называетъ ее »Уѣздною Сокровищницею« Во Владимирскихъ Губ. Вѣд. (N 23) напечатана просьба его ко всѣмъ, кто сколько-нибудь можетъ содѣйствовать ему въ этомъ полезномъ дѣлѣ сообщеніемъ какого-либо извѣстія, относящагося къ Ковровскому уѣзду. Усердно желаемъ успѣха добровольному труженнику, какъ онъ называетъ себя), и надѣемся, что примѣръ

Digitized by Google

его не останется безъ подражанія. Сколько важныхъ пособій могутъ получить этимъ путемъ отечественная исторія и географія!

МѢНОВАЯ ТОРГОВЛЯ СЪ ГОРЦАМИ, — въ Ставропольской губ., въ прошломъ году производилась на 17 пунктахъ; обороты ея простирались слишкомъ до 820,000 р. сер.; а именно: получено отъ горцовъ разныхъ произведеній на 313½ т. р. с., а вымѣнено имъ почти на 508 т. Отъ Горцевъ получаются: разный хлѣбъ, медъ, масло, сухіе плоды, скотъ, лошади, кожи, овчины, мѣха, лѣсъ, марена, оружіе, готовое черкесское платье, и т. п. Отъ насъ они вымѣниваютъ: разныя мануфактурныя и галантерейныя издѣлія, соль, металлы, сафьянъ, небольшое количество чаю и сахару, зеркаловъ и даже — *картинъ*! Вообще разнообразіе требуемыхъ въ горы произведеній заставляетъ предполагать нѣкоторое усовершенствованіе домашняго быта полудикихъ туземцевъ; слѣдовательно и торговля, для удовлетворенія этихъ новыхъ потребностей ихъ жизни, должна увеличиваться съ каждымъ годомъ, если притомъ спокойствіе края будетъ содѣйствовать ея развитію.

ПРОИЗВОДСТВО ВИНА ВЪ КРЫМУ И ВЪ ПОЛТАВСК. Г. — На Крымскомъ Полуостровѣ, въ 1849 г., выдѣлано было виноградnаго вина слишкомъ 652,000 ведеръ, противъ предшествовавшаго года болѣе нежели 50-ю т. ведеръ. Винодѣліе производилось въ 52 городахъ и мѣстечкахъ. Бо́льшее количество доставили: Ѳеодосія (27 т.), Кутлагъ (30½ т.), Алушта (54 т.), Тарханташа (35 т.), Балаклава (40 т.) Кача (70 т.), Бельбекъ (80 т.) г. Судакъ (119 т).

Въ томъ же году въ Полтавской г. было 458 винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ выкурено до 2,870,000 ведеръ. Наибольшее количество выкуреннаго вина было въ уѣздахъ Лохвицкомъ и Хорольскомъ (до 360 и болѣе 250 т. в.); по отношенію выкуриваемаго вина къ народонаселенію губерніи, составлявшему въ прошломъ году 1,654,000 душъ об. п., приходится на каждую по $1\frac{7}{10}$ ведра.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Н. И. Цвѣткова.

Въ теченіи послѣдняго пятнадцатилѣтія, въ области Русскаго воспитанія, произошелъ значительный переворотъ: домашнее ученіе, которое до тѣхъ поръ, особенно въ высшемъ сословіи, было господствующимъ, совершенно уступило мѣсто общественному. Прошло то время, когда учители, Французскіе или Нѣмецкіе, замѣняли для своихъ питомцевъ не только гимназіи, но даже и университеты. Когда дѣятельное Правительство представило богатѣйшія средства и пособія для общественнаго образованія, тогда и само общество, въ лицѣ своихъ членовъ, сознало тотчасъ же несостоятельность и ограниченность тѣхъ домашнихъ средствъ, которыми оно до тѣхъ поръ скудно пробавлялось въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Переворотъ совершился въ пору, къ чести и славѣ нашего прозорливаго Правительства. Несчастныя событія на Западѣ затруднило совершенно педагогическія сообщенія наши съ его лицами, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Направленіе, которому тамъ послѣдовали новыя поколѣнія, стало въ конецъ противно основамъ нашей жизни, — и никакое сближеніе сдѣлалось невозможнымъ. Мы и сами начали смотрѣть на воспитаніе какъ на главную задачу въ человѣческой жизни народа, какъ на одну изъ коренныхъ основъ государства, какъ на условіе будущаго нашего благосостоянія. Исчезло прежнее легкомысліе, прежняя привязанность къ одному Европейскому блеску, къ однимъ наружнымъ формамъ.

Не скудно наше Отечество высшими училищами и приготовительными къ нимъ учебными заведеніями. Не можемъ того же сказать объ училищахъ элементарныхъ, назначаемыхъ для первоначальнаго приготовленія. Причина заключается въ томъ, что нѣтъ въ нихъ такой потребности: здѣсь еще болѣе господствуетъ домашнее ученіе — и, можетъ быть,

Digitized by Google

основательно, потому что семейный бытъ, разумѣется, благочестиво и просвѣщенно устроенный, есть самый лучшій, незамѣнимый разсадникъ для питомца въ первоначальномъ его возрастѣ и развитіи. Но для домашняго ученія необходимы домашніе наставники: до сихъ поръ намъ почти исключительно доставлялъ ихъ Западъ. Теперь этотъ источникъ оскудѣлъ совершенно: необходимы домашніе наставники изъ нашихъ же соотчей. Необходимо новое сословіе Русскихъ педагоговъ, которые соглашались бы посвящать себя высокому дѣлу первоначальнаго воспитанія и ученія. Гдѣ же они могутъ образоваться? Только въ Историко-Филологическомъ и Физико-Математическомъ Факультетахъ Русскихъ Университетовъ, безъ всякаго сомнѣнія. Только отсюда могутъ выходить эти люди, столько необходимые въ настоящую минуту для нашего государства, вызываемые важною потребностію времени.

Но всякое ли семейство въ состояніи пригласить къ себѣ домашняго педагога? Всякое ли семейство такъ благоустроено, чтобы въ немъ сфера домашняго быта не исключала возможности основательнаго первоначальнаго обученія? А несчастныя сироты, неисповѣдимымъ Промысломъ лишенныя родителей, гдѣ найдутъ семейное пристанище, въ связи съ ученіемъ?

Всѣ эти причины вызываютъ необходимость первоначальныхъ приготовительныхъ школъ, въ которыхъ, по крайней возможности, семейный бытъ соединялся бы съ основательнымъ ученіемъ.

Учебное заведеніе Николая Ивановича Цвѣткова, давшее мнѣ поводъ коснуться одного изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ времени, совершенно отвѣчаетъ этой потребности. По особенной надобности, черезъ газетное объявленіе, я случайно познакомился съ этимъ училищемъ, и мнѣ пріятно передать въ общую извѣстность то впечатлѣніе, которое оно на меня произвело.

Заведеніе Г. Цвѣткова, хотя и назначено преимущественно для приготовленія въ военно-учебныя школы, но простираетъ свою задачу и на другія учебныя заведенія. Много-

Digitized by Google

лѣтняя опытность Наставника, всегда любимаго своими питомцами, дала ему право на открытіе такого разсадника.

Устройство училища по возможности приближается къ семейному быту, какъ и быть должно. Наставнику легко было это устроить, потому что онъ самъ отецъ семейства, и въ своемъ заведеніи воспитываетъ собственныхъ дѣтей своихъ, которыя другимъ дѣтямъ даютъ примѣръ повиновенія и прилежанія. Но изъ семейнаго быта взято сюда все то, что необходимо для блага малютокъ, еще столько нуждающихся въ семействѣ, а удаленъ весь произволъ семьи и излишество ея свободы, которое могло бы повредить ученію.

Первая мысль, руководствующая Наставника во всѣхъ его дѣйствіяхъ, есть Религія. Все то, что можетъ укрѣпить ее въ сердцахъ и умахъ питомцевъ, не пренебрежено Наставникомъ. Первый вопросъ въ пріемномъ испытаніи — ясное и правильное чтеніе Молитвы Господней; второй—умѣнье безъ ошибокъ написать ее. Славянскій языкъ, какъ языкъ Церкви, сопровождаетъ изученіе языка отечественнаго. Церковная музыка и церковное пѣніе входятъ также въ кругъ воспитанія, и эту новую мысль, приносящую честь Наставнику, я нахожу прекрасною. Это одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ тому, чтобы еще въ ранніе годы глубже напечатлѣть въ душѣ религіозное чувство.

Другая мысль, руководящая Наставника, есть Россія. Для Русскаго мысль объ Отечествѣ тѣсно и неразрывно соединена съ мыслію о Самодержавной власти, какъ необходимомъ условіи его благоденствія. Русскій, слава Богу! до сихъ поръ не отдѣлялъ еще въ мысли своей понятія о Государѣ отъ понятія объ Отечествѣ. Жизнь Русскаго народа всею крѣпостью корня своего упирается въ томъ глубокомъ чувствѣ, гдѣ для него Государь и Отечество — одно.

Русскій языкъ положенъ въ основу тому ученію, которое раскрываетъ разумъ. Ясное, правильное, отчетливое Русское слово проникаетъ все ученіе, какого бы предмета оно ни касалось. Полнота отвѣта, логически построеннаго, этимологически правильнаго и синтаксически связаннаго, есть первое, на что Наставникъ обращаетъ самое строгое внима-

Digitized by Google

ніе въ своихъ непрерывныхъ бесѣдахъ съ учениками. Правописаніе наблюдается самымъ рачительнымъ образомъ. Ясный и даже красивый почеркъ принадлежность почти каждаго питомца.

Языки Французскій и Нѣмецкій входятъ въ кругъ ученія, въ надлежащей мѣрѣ, какъ гости — представители Европейской образованности, но не какъ полные хозяева, передъ которыми Русскій языкъ постыдно преклоняется, унижается и искажается, какъ бывало это, къ сожалѣнію, во многихъ частныхъ заведеніяхъ нашихъ. Дѣти отъ 8 до 11 лѣтъ пишутъ безъ ошибокъ подъ диктантъ по-Французски и по-Нѣмецки, и могутъ понять прочитаное изъ легкой прозы: чего же болѣе?

Взглядъ Наставника въ этомъ отношеніи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ господствующему предразсудку во мнѣніи большинства. Но этотъ взглядъ далеко опережаетъ устарѣлый предразсудокъ, подкрѣпляемый безсознательною массою; онъ соотвѣтствуетъ не пошлой модѣ времени, но за то потребностямъ будущихъ поколѣній, которыя его поблагодарятъ за то; онъ приноситъ честь образу мыслей Наставника и его твердой волѣ, которая, не смотря ни на какія искушенія, устояла въ своемъ прекрасномъ и благородномъ убѣжденіи, что внутренній образъ Русскаго человѣка, выражаемый въ насъ языкомъ нашего Отечества, долженъ быть сохраненъ въ цѣлости, и не подвергаться никакому искаженію въ такомъ раннемъ возрастѣ, гдѣ искренность и чистота этого народнаго образа такъ святы, гдѣ натянутое выраженіе мысли на чужомъ языкѣ ведетъ только къ лицемѣрію въ личномъ и самоуниженію въ общемъ народномъ смыслѣ.

Если бы всѣ такъ думали, какъ Г. Цвѣтковъ, — великое благо бы послѣдовало отсюда для Россіи.

Живы и прекрасны устныя бесѣды Наставника съ учениками, служащія для умственнаго ихъ развитія. Онѣ состоятъ въ вопросахъ, которые начинаются съ самыхъ близкихъ, окружающихъ предметовъ, и восходятъ постепенно къ высшимъ, захватывая въ кругъ свой множество практическихъ знаній, столько необходимыхъ для человѣка и не вмѣщаемыхъ въ книжное ученіе. Онѣ состоятъ также въ умствен-

Digitized by Google

ныхъ задачахъ, предлагаемыхъ внезапно питомцамъ: надъ ихъ рѣшеніемъ изощряются ихъ способности, а соревнованіе общественное здѣсь много участвуетъ въ раскрытіи дарованій.

Метода Наставника состоитъ въ томъ, чтобы черезъ каждаго дѣйствовать на всѣхъ, и всѣми дѣйствовать на каждаго. Совокупные отвѣты всѣхъ разомъ, чтеніе единогласное наизусть какого нибудь стихотворенія, разсказъ изъ Священной Исторіи, продолжаемый по случайному вызову съ того мѣста, гдѣ товарищъ остановился, служатъ къ тому, чтобы поддерживать непрерывно вниманіе даже въ тѣхъ, которые наименѣе къ нему способны. Такимъ образомъ у ученика не бываетъ ни одной, ни праздной, ни скучной минуты въ классѣ. Нельзя задремать умственно, когда безпрерывно надъ каждымъ бодрствуетъ Наставникъ. Такой способъ преподаванія особенно успѣшенъ для математики. Каждый вызываемый долженъ рѣшать задачу отчетливо, потому уже, что за нимъ слѣдятъ глаза всѣхъ учениковъ, готовыхъ при первой ошибкѣ остановить товарища.

Искусства не только не забыты въ заведеніи Г. Цвѣткова, но принимаютъ дѣятельное участіе въ образованіи его воспитанниковъ. Я уже сказалъ о томъ, какъ церковная музыка и пѣніе дѣйствуютъ на самое религіозное ихъ образованіе. Но искусства идутъ у него и далѣе: скрипка, фортепьяно, свѣтское пѣніе развиваютъ способности учениковъ. Сколько благородныхъ наслажденій приготовляется тѣмъ для будущихъ воиновъ! Какими прекрасными занятіями могутъ они наполнять свои кочевые досуги во время мирное!

И танцы не забыты: они ввѣрены танцмейстеру весьма искусному, обучающему въ Кадетскихъ корпусахъ.

Каникулы не имѣютъ мѣста въ учебномъ заведеніи Н. И. Цвѣткова. Вотъ одинъ изъ несомнительныхъ признаковъ его добросовѣстности и неутомимости въ исполненіи своего долга! Кто изъ наставниковъ и учителей не радъ каникуламъ? Но сколько необходимы они для высшихъ училищъ, для гимназій, столько же излишни и вредны для приготовительныхъ! Дѣти того возраста, которому преимущественно посвятилъ себя Наставникъ, способны бываютъ въ теченіи вакацій за-

Digitized by Google

быть рѣшительно все имъ пройденное, и ученіе въ этомъ возрастѣ съ лѣтнею вакаціею походило бы на работу Данаидъ, мучительную для учениковъ и учителей. Сколько трудностей долженъ побѣдить содержатель училища для того, чтобы избѣгнуть каникулъ! Какъ согласить учителей и гувернеровъ! Сколько лишнихъ издержекъ! А содержаніе самихъ учениковъ, не покидающихъ на лѣто училища! Если сообразимъ все это, то увидимъ ясно, что одно только истинное призваніе, одна полная любовь къ своему дѣлу, побуждаютъ Наставника не измѣнять своему правилу и не разставаться съ дѣтьми на лѣтнюю вакацію.

И дѣйствительно это такъ. Наставникъ весь посвятилъ себя одному дѣлу, которое себѣ задалъ. Онъ не отвлеченъ отъ него ни службою, ни уроками, никакими иными занятіями; онъ всегда въ училищѣ и въ своемъ семействѣ, что̀ для него одно и тоже.

Въ теченіи пяти лѣтъ уже существуетъ въ Москвѣ учебное заведеніе Николая Ивановича Цвѣткова. Желая узнать о немъ подробнѣе, я присутствовалъ при испытаніи и самъ въ немъ участвовалъ. Отвѣты учениковъ, ихъ веселый видъ, ихъ успѣхи обнаружили мнѣ и весьма замѣчательное развитіе ихъ способностей, и живую любовь къ ученію, лучшее ручательство за духъ училища и за нравственный характеръ самого Наставника. Я счелъ долгомъ передать то, что̀ узналъ, во всеобщее свѣдѣніе, и весьма радъ буду, если мой голосъ сколько-нибудь усилитъ довѣріе къ Наставнику, его заслуживающему, и дастъ ему новыя средства къ тому, чтобы расширить кругъ ученія, какъ онъ то предполагаетъ. Доброе дѣло, полезное обществу, должно быть извѣстно всѣмъ, — и свѣтильникъ, особенно въ такомъ случаѣ, не долженъ оставаться подъ спудомъ.* *С. Шевыревъ.*

---

* Учебное заведеніе Николая Ивановича Цвѣткова помѣщено близъ Малолѣтнаго Кадетскаго корпуса, на Большой Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ купца Гусева. См. прибавленіе къ 79-му № Московскихъ Вѣдомостей, 4-го Іюля, 1850 года.

Digitized by Google

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ХАРАКТЕРѢ ПОГОДЫ ЗА ИСТЕКШЕЕ ПОЛУГОДІЕ*.

Чтобы судить о характерѣ погоды болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, необходимо имѣть какую-нибудь *норму*, съ которою бы можно было производить сравненія; безъ этого мы не можемъ произнести ни одного правильнаго заключенія; потому что всѣ наши сужденія объ этомъ предметѣ суть *относительныя*: теплая Январская или Февральская погода будетъ холодною уже для Апрѣля; наши жестокіе морозы во время зимы очень умѣренны для Якутовъ, а наши лѣтніе жары довольно сносны для жителей песчаныхъ степей Африки и южной Азіи.

Чрезъ сравненіе одного какого-либо года съ другимъ мы также не достигнемъ до положительныхъ результатовъ; потому что, по причинѣ слишкомъ большой измѣняемости общаго состоянія атмосферы въ нашемъ климатѣ, ни одинъ годъ не можетъ быть принимаемъ за *норму*; кромѣ того измѣненія погоды со дня на день, въ теченіи года, входятъ между собою въ столь разнообразныя и многочисленныя *сочетанія*, что выраженіе: *старожилы не запомнятъ такой погоды* въ такое-то время, такъ часто повторяемое многими, во всей своей строгости можетъ быть прилагаемо къ тому или другому дню, къ той или другой недѣлѣ, въ каждомъ году; а подобныхъ дней и недѣль мы насчитаемъ всегда очень, очень много.

Замѣтимъ однакожъ, для предупрежденія всякаго возможнаго недоразумѣнія, что это выраженіе справедливо только относительно частныхъ подробностей въ послѣдовательности атмосферныхъ перемѣнъ, но никогда не можетъ быть защищаемо въ приложеніи или къ общему характеру погоды, или, даже, и къ частнымъ явленіямъ въ то или другое время года, въ томъ или другомъ мѣсяцѣ, — какъ нѣсколько разъ уже и было замѣчено нами, когда мы говорили объ этомъ предметѣ**.

---

* Статья эта прислана къ прошедшей книгѣ, но за недостаткомъ мѣста отложена была до нынѣшняго. *Ред.*

** См. Москвит. 1850. N. 3. «Метеорологическія замѣчанія.»

Digitized by Google

Принимая главнѣйшимъ элементомъ, для выраженія состоянія погоды, температуру, и за *норму* температуры среднie выводы изъ многолѣтнихъ наблюденій, мы получимъ болѣе или менѣе ясное понятіе о характерѣ погоды въ данное время чрезъ сравненіе температуры этого времени съ означенною *нормою*. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще такихъ *нормъ* для короткихъ промежутковъ времени, не говоримъ уже — для каждаго дня отдѣльно; наши *мѣсячныя среднія* температуры, которыя для многихъ мѣстъ на земной поверхности опредѣлены съ надлежащею точностію, не достаточны въ этомъ случаѣ потому, что одна половина мѣсяца можетъ отклоняться отъ *нормы* въ одну сторону, а другая въ другую,—но среднiй выводъ доставитъ намъ въ этомъ случаѣ результатъ весьма близкiй къ *нормѣ*; иногда даже одна треть можетъ съ избыткомъ вознаграждать противоположныя отклоненія остальныхъ двухъ третей мѣсяца.

Изслѣдованія автора о климатѣ Москвы показали, что чѣмъ короче періодъ времени, для котораго опредѣляется *норма*, тѣмъ продолжительнѣе долженъ быть взятъ непрерывный рядъ наблюденій для такаго опредѣленія.

Начиная съ 1841 года авторъ дѣлаетъ непрерывные выводы для пятидневныхъ промежутковъ; среднія величины ихъ изъ десяти лѣтъ далеки еще отъ настоящихъ нормъ, потому что не представляютъ собою правильнаго — непрерывнаго возвышенія температуры, въ теченіи одной, и пониженія, въ теченіи другой половины года; тѣмъ не менѣе однакожъ, съ прибавленіемъ каждаго года, эти неровности постепенно сглаживаются. — Подставляя эти величины въ аналитическую формулу, выражающую *нормальный ходъ* температуры въ теченіи года, можно потомъ посредствомъ ея получить величины весьма уже близкія къ *нормѣ*. Еще въ прошломъ году мы опредѣлили, на основаніи 8-ми-лѣтнихъ наблюденій (1841—48), *нормы* для пятидневныхъ промежутковъ, но до сихъ поръ еще не имѣли случая сообщить ихъ публикѣ.

Откладывая до другаго времени подробное изложеніе этого предмета, представляемъ здѣсь сравненіе температуры истекшаго полугодія по пятидневнымъ промежуткамъ съ

Digitized by Google

упомянутыми нами нормами. Чтобы избѣжать слишкомъ большаго скопленія цыфръ, помѣщаемъ здѣсь одни только разности между пятидневными температурами текущаго года и ихъ *нормами*; числа предъ занятой означаютъ градусы по Реомюру, послѣ запятой — десятыя доли градуса. Знаки (+) и (—) означаютъ, что температура была въ текущемъ году выше (+) и ниже (—) нормы. — Числа и мѣсяцы считаются по новому стилю; причина такого счисленія объясняема была неоднократно; чтобы включить въ этотъ обзоръ всю зиму, которая начинается съ Декабря (по нов. ст.), мѣсяцъ Декабрь прошлаго года причисленъ къ текущему.

Отклоненія пятидневныхъ температуръ текущаго 1850 г. отъ нормальныхъ.

Мѣсяцы.	Числа.	Отклоненія.	Мѣсяцы.	Числа.	Отклоненія.
Декабрь 1849.	2— 6	— 6,8	Апрѣль.	1— 5	— 5,0
	7—11	— 5,1		6—10	— 1,8
	12—16	+ 2,5		11—15	— 2,3
	17—21	+ 2,5		16—20	— 0,3
	22—26	— 5,6		21—25	+ 0,5
	27—31	— 0,3		26—30	— 2,4
Январь 1850.	1— 5	+ 1,1	Май.	1— 5	— 3,1
	6—10	— 4,5		6—10	— 0,9
	11—15	— 6,1		11—15	+ 5,3
	16—20	— 5,6		16—20	+ 6,1
	21—25	—11,8		21—25	+ 4,4
	26—30	— 7,7		26—30	— 0,5
Февраль.	31— 4	—11,5	Іюнь.	31— 4	+ 3,1
	5— 9	+0,9		5— 9	+ 1,8
	10—14	+5,7		10—14	+ 3,4
	15—19	+2,8		15—19	+ 0,6
	20—24	+4,8		20—24	+ 0,6
	25— 1	+0,7		25—29	— 1,7
Мартъ.	2— 6	+ 3,1			
	7—11	— 1,8			
	12—16	— 2,8			
	17—21	— 5,5			
	22—26	— 4,0			
	27—31	— 3,2			

Digitized by Google

Сравнивая *среднія мѣсячныя* температуры съ ихъ *нормами*, мы находимъ вообще, что въ текущемъ году Декабрь и Январь были холоднѣе, а Февраль теплѣе, — равнымъ образомъ Мартъ и Апрѣль холоднѣе, а Май и Іюнь теплѣе *нормальныхъ* мѣсяцовъ. Принимая же въ соображеніе всѣ подробности, при помощи предыдущей таблицы, мы видимъ, что 10 дней Декабря въ самой срединѣ мѣсяца, равно и первые 5 дней Января были теплѣе, а первые 5 дней Февраля значительно холоднѣе обыкновеннаго; Мартъ тоже представляетъ исключеніе, потому что первые 5 дней его были *относительно* очень теплы; Апрѣль почти безъ исключенія былъ холоденъ, хотя впрочемъ предпослѣдніе пять дней его были нѣсколько теплѣе обыкновеннаго (нормальнаго); первые десять и послѣдніе пять дней Мая были холодны, но за то остальные 15 дней его были очень теплы, такъ что въ общей сложности этотъ мѣсяцъ принадлежитъ къ самымъ теплымъ, сравнительно съ другими годами. Іюнь также принадлежитъ къ самымъ теплымъ мѣсяцамъ, сравнительно съ другими годами, — только послѣдніе 5 дней его были довольно холодны.

Вскрытіе рѣкъ, — эпоха, съ которой мы обыкновенно въ общежитіи начинаемъ нашу кратковременную весну (различно отъ астрономической и метеорологической), произошло въ текущемъ году довольно поздно, — однакоже не позднѣе прошлогодняго. Москва рѣка вскрылась $^{11}/_{23}$ Апрѣля, Нева $^{12}/_{24}$, первая — однимъ, а послѣдняя пятью днями раньше прошлогодняго. О времени вскрытія Москвы рѣки въ различные годы свѣдѣнія до сихъ поръ нигдѣ не собраны, такъ что мы не въ состояніи опредѣлить *для* того *нормы или средняго числа*. Судя по тому, что въ послѣдніе годы вскрытіе ея предшествовало вскрытію Невы весьма не многими днями (въ нынѣшнемъ году однимъ, а въ прошломъ пятью), за эту *норму* можно принять 6 или 7 Апрѣля (по стар. стилю), потому что среднее число вскрытія Невы, по 130-лѣтнимъ наблюденіямъ, падаетъ на 9 Апрѣля*.

* См. Академич. Календарь на 1850 г.

Digitized by Google

Средняя температура зимы текущаго года = —9°,4; весны = 2°,5, первая ниже *нормы* на 2°,2, а послѣдняя на 1°,2, слѣдов., средняя температура истекшаго полугодія ниже *нормы* на 1°,7. Такія отступленія впрочемъ не представляютъ ничего необыкновеннаго; ни зима, ни весна не принадлежитъ къ самымъ холоднымъ. Основываясь на томъ, что годичныя отклоненія температуры отъ *нормы* вообще гораздо менѣе, чѣмъ подобныя отклоненія каждаго изъ временъ года, или, другими словами, что слишкомъ низкая температура однихъ мѣсяцовъ вознаграждается болѣе или менѣе возвышенною температурою другихъ, мы можемъ съ большою вѣроятностію заключать, что средняя температура наступившаго лѣта и будущей осени не можетъ быть *ниже* нормальной, — но вѣроятно будетъ выше ея. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 1821 года было только два случая, въ которыхъ средняя температура всѣхъ 4-хъ временъ года отдѣльно была ниже нормальной: это въ 1830 и 1840 годахъ; въ первомъ, однакожъ, отклоненія отъ *нормы* весны и лѣта, а во второмъ отклоненіе одного лѣта были весьма незначительны. Въ томъ же періодѣ было 10 случаевъ, въ которыхъ два времени года были теплѣе, а другія два холоднѣе нормальныхъ, и 17 такихъ, въ которыхъ отклоненія трехъ временъ года были въ одну сторону, а четвертаго въ противоположную; въ послѣднемъ случаѣ или всѣ отклоненія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ весьма незначительны.

Весна и первая половина лѣта текущаго года замѣчательны по рѣдкости дождей и по совершенному почти отсутствію грозъ, которыя у насъ такъ обыкновенны въ это время года. До сихъ поръ только три раза собиралась гроза, именно: $^{10}/_{22}$ и $^{14}/_{26}$ Мая въ 3 часа пополудни и, наконецъ, $^{24}/_{6\ \text{Іюля}}^{\text{Іюня}}$ въ 8 часовъ пополудни; ни разу однакожъ она не достигала совершенно—полнаго своего развитія, но послѣ нѣсколькихъ не слишкомъ сильныхъ ударовъ грома, прекращалась. — Весьма часто, въ продолженіе всего этого времени, среди дня собирались облака, по наружному виду весьма сходныя съ грозовыми, но изъ нихъ ни одной капли

Digitized by Google

не падало на землю. Внимательный наблюдатель легко могъ слѣдить за постепеннымъ образованіемъ ихъ на одной сторонѣ и послѣдующимъ за тѣмъ раствореніемъ или испареніемъ — на другой сторонѣ горизонта; воздухъ, непосредственно окружающій поверхность земли, такъ былъ сухъ, что сгущавшіеся въ верхнихъ слояхъ атмосферы пары, образовавши облако, иногда тотчасъ же превращались опять въ упругое состояніе на нижней поверхности этого облака. Такія облака всего ближе и весьма естественно можно сравнить съ клубомъ пара, вьющагося надъ сильно кипящимъ самоваромъ, съ тою только разницею, что тутъ сгущеніе происходитъ съ нижней стороны клуба, а раствореніе или испареніе съ верхней, тогда какъ въ облакахъ этотъ процессъ происходилъ въ обратномъ порядкѣ.

Не смотря на довольно жаркіе дни, повторившіеся нѣсколько разъ въ Маѣ и Іюнѣ, *наибольшая* (maximum) температура среди дня не достигала еще той степени, какая у насъ бываетъ во время жаркаго лѣта; въ Маѣ температура не превышала 21°,9 а въ Іюнѣ 22°,5. Въ теченіи послѣднихъ 13 лѣтъ наибольшая температура въ Маѣ 6 разъ превышала нынѣшнюю, а въ Іюнѣ 10 разъ. *Наименьшая* (minimum) температура, во время ночи, также не опускалась такъ низко, какъ часто у насъ бываетъ: въ Маѣ текущаго года, наименьшая температура была = 1°,3 а въ Іюнѣ = 7°,0. Въ теченіи того же 13-лѣтняго періода въ Маѣ 10 разъ, а въ Іюнѣ 11 разъ температура ночью опускалась ниже нынѣшнихъ наименьшихъ температуръ въ означенныхъ мѣсяцахъ.

Считаемъ достаточнымъ указать только на изложенныя *особенности* въ состояніи погоды истекшаго полугодія, потому что всѣ другія атмосферныя явленія находятся въ опредѣленной связи съ температурою.—Не имѣемъ возможности входить въ подробное объясненіе этихъ *особенностей*, потому что для этого необходимо имѣть подъ руками современныя наблюденія съ большей части земной поверхности. И весьма тѣсно ограниченныя *мѣстныя* явленія по большей части зависятъ отъ причинъ общихъ, которыхъ рѣзкое обнаруживаніе (проявленіе) часто находится весьма далеко отъ

Digitized by Google

мѣста наблюденія. — Новѣйшія газеты извѣщаютъ насъ о большомъ количествѣ полярнаго льда, появившагося въ водахъ Атлантическаго океана, — подъ такими широтами, подъ которыми весьма рѣдко онъ встрѣчается; множество кораблей претерпѣло крушеніе отъ бурь, свирѣпствовавшихъ въ этихъ полосахъ, въ продолженіи Мая и въ началѣ Іюня; 28 Мая надъ всѣмъ Великобританскимъ Королевствомъ разразилась, почти въ одно и тоже время, такая страшная гроза, какой дѣйствительно и старожилы не запомнятъ. Всѣ эти явленія безъ всякаго сомнѣнія находятся какъ между собою, такъ и съ состояніемъ нашей погоды, въ весьма тѣсной взаимной зависимости. Но такихъ, слишкомъ общихъ данныхъ весьма недостаточно для объясненія всѣхъ перемѣнъ, какія происходили въ это время въ атмосферѣ. На основаніи ихъ можно сдѣлать только слѣдующія соображенія:

Полярные льды не всякій годъ въ одинаковомъ количествѣ переносятся морскими теченіями изъ ледовитыхъ морей въ болѣе теплыя полосы. Накопляясь непрерывно и постепенно въ странахъ вѣчнаго холода, преимущественно вдоль сѣверныхъ береговъ Стараго и Новаго свѣта, они по временамъ только пробиваются чрезъ узкіе проливы въ Атлантическій Океанъ огромными массами и въ необъятномъ количествѣ. Понятно, что такой прорывъ ледяныхъ горъ (Eisberg) долженъ сопровождаться значительнымъ пониженіемъ температуры воды и воздуха на весьма большомъ пространствѣ, принадлежащемъ полосѣ умѣреннаго климата; а оттого разпредѣленіе температуры и на всей земной поверхности должно измѣниться болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ; воздушные потоки, переносящіе непрерывно воздухъ отъ экватора къ полюсу и отъ полюса къ экватору, находящіеся въ постоянной борьбѣ между собою въ мѣстахъ взаимной встрѣчи, должны болѣе или менѣе измѣнить обыкновенное свое направленіе и пр. и пр.

Полосы, служащія границею между рѣзкими противоположностями температуры воздуха, всегда бываютъ мѣстомъ встрѣчи и упорной борьбы противоположныхъ теченій

Digitized by Google

воздуха; стоитъ только отворить окно или дверь теплой комнаты въ зимнее холодное время, чтобы въ этомъ удостовѣриться. На основаніи всего сказаннаго, можно съ большою вѣроятностію полагать, что южный предѣлъ, до котораго достигали полярные льды протекшею весною въ Атлантическомъ океанѣ, былъ непрерывнымъ зрѣлищемъ упорной борьбы между полярнымъ и экваторіальнымъ потоками воздуха; въ этой-то полосѣ сосредоточивались, такъ сказать, обильные и быстрые осадки воды изъ атмосферы и сопровождающія ихъ электрическія явленія — грозы во всемъ своемъ поразительно-величественномъ и ужасномъ видѣ.

Начавши эту статью строгимъ, ученымъ сравненіемъ, заключаемъ ее также сравненіемъ, хотя несовсѣмъ строгимъ и вовсе не ученымъ. Разсматривая облака, непрестанно измѣняющія свои формы, мы нерѣдко находимъ поразительное сходство между ними и извѣстными намъ земными предметами: зданіями, животными и цѣлыми ландшафтами.

Разнообразныя движенія въ атмосферѣ, преимущественно весьма быстрыя перемѣны въ образованіи и формѣ облаковъ, въ теченіи Мая и большой половины Іюня, о которыхъ выше упомянуто, по нашему мнѣнію всего ближе можно сравнить съ движеніемъ армій, или поспѣшающихъ на поле битвы, или удаляющихся съ мѣста сраженія. Обозрѣваемая нами часть воздушнаго океана находилась въ данное время далеко отъ мѣста генеральнаго сраженія и представляла намъ попеременно или новые резервы въ форсированномъ маршѣ, или медленно-тянущіеся обозы разбитаго войска.

Но въ атмосферѣ борьба между противодѣйствующими сторонами продолжается непрерывно; силы этихъ враждующихъ сторонъ никогда не истощаются: измѣняется только мѣсто встрѣчи. Весьма вѣроятно, что и обозрѣваемая нами часть атмосферы, бывшая до сихъ поръ мѣстомъ однихъ только весьма сложныхъ эволюцій, представитъ намъ въ остальную часть лѣта зрѣлища, если не генеральнаго сраженія, по крайней мѣрѣ, многократныхъ *водопролитныхъ*, частныхъ схватокъ.

М. Спасскій.

$^{27}/_{9}\,\frac{\text{Іюня.}}{\text{Іюля.}}$

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

вѣсъ атома нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ. *(Диссертація Г. Генриха Струве).* Работы надъ провѣркою атомическаго вѣса разныхъ веществъ продолжаются дѣятельно. Въ нынѣшнемъ году г. Генрихъ Струве извѣщаетъ насъ о своихъ трудахъ для опредѣленія вѣса атома сѣры, при чемъ онъ касается также вѣса атома хлора, серебра, свинца и мѣди. Вотъ заключеніе его диссертаціи:

1) Атомическій вѣсъ сѣры выражается числомъ 200.

2) Атомическій вѣсъ серебра = 1350.

3) Атомическій вѣсъ мѣди не есть 400, (какъ принимаетъ Персо); но находится между величинами 395,60 и 397,60.

Что касается до атомическаго вѣса свинца, авторъ получилъ цифру 1297,97, тогда какъ у Берцеліуса Pb = 1294,645. Авторъ не довѣряетъ еще своему выводу до новыхъ опытовъ.

По первому опредѣленію Берцеліуса вѣсъ атома сѣры = 201,165. Въ этой цифрѣ усомнились первые Эрдманъ и Маршанъ, которые старались доказать опытами съ сѣрнистой ртутью (киноварь), что вѣсъ атома сѣры = 200, а ртути = 1250.

Берцеліусъ, узнавши объ опытахъ Эрдмана и Маршана, перемѣнилъ сперва свою цифру на 200,835, (перемѣнивши и цифру свинца изъ 1294,498 въ 1294,645,) а потомъ предпринялъ рядъ новыхъ опытовъ. Онъ разлагалъ

Digitized by Google

хлористое серебро сухимъ водосѣрнымъ газомъ и изъ разности вѣса находилъ вѣсъ атома сѣры. Вѣсъ атома хлора былъ хорошо извѣстенъ изъ согласныхъ опытовъ Маринъяка, Эрдмана и Маршана, и Пелуза. Онъ равнялся 443,28. Берцеліусъ нашелъ, что вѣсъ атома сѣрнистаго серебра = 1550,366, и слѣдов. если вѣсъ атома серебра = 1349,66, то вѣсъ атома сѣры = 200,706. (Цифра средняя изъ трехъ опытовъ).

Гг. Сванбергъ и Струве доказываютъ, что способъ Берцеліуса не совсѣмъ вѣренъ потому именно, что нѣкоторыя частицы хлористаго серебра остались не разложенными, и слѣдовательно цифра больше настоящей. Итакъ г. Струве избралъ другой способъ, именно возстановленіе сѣрнокислаго окисла серебра водородомъ. Опытъ отъ начала до конца произведенъ со всевозможною точностію. При возстановленіи сперва отдѣляется сѣрнистая кислота, потомъ сѣрнистая кислота, вода и сѣрная кислота, и когда отдѣленіе ихъ прекращается, то начинаетъ отдѣляться сѣрнистый водородъ. Прекращеніе образованія послѣдняго служитъ знакомъ окончанія опыта. Изъ количества серебра, оставшагося послѣ разложенія, можно заключить о количествѣ сѣры и кислорода, бывшихъ съ нимъ въ соединеніи.

Средній выводъ автора S = 199,457 или 199,994, что зависитъ отъ вѣса ат. серебра (Ag=1348,79 или Ag=1350.)

Противъ опытовъ и выводовъ автора можно сдѣлать то самое возраженіе, которымъ онъ думаетъ уничтожить опыты и выводы Берцеліуса, именно: *часть сѣрнистаго серебра могла остаться неразложенною*, также точно, какъ въ опытахъ Берцеліуса неразложенною оставалась или могла остаться часть хлористаго серебра. Такимъ образомъ, если цифра Берцеліуса слишкомъ велика, то цифра г. Струве могла быть слишкомъ мала. Если напр. оставался 1% сѣры (что конечно слишкомъ много), то выходила уже другая цифра, далеко отстоящая отъ истинной: 0,1% уже много измѣнитъ выводы.

Digitized by Google

Авторъ сдѣлалъ два подобные опыта съ сѣрно-кислымъ окисломъ мѣди. Здѣсь не отдѣляется сѣрной кислоты, а только сѣрнистая кислота, вода и водосѣрный газъ; отдѣленіе послѣдняго продолжается дольше, чѣмъ изъ серебряной соли. Притомъ здѣсь часть сѣрнистаго металла оставалась неразложенною — (вѣроятно тоже и съ серебромъ, только въ меньшемъ количествѣ!) Выводы изъ двухъ опытовъ Cu = 397,663 и 397,498. Средній Cu = 397,580, тогда какъ по Берцеліусу Cu=395,60, по Эрдману и Маршану Cu=396,60, ппо Персо=400.

Г. Струве дѣлалъ другіе опыты, замѣнивъ водородъ сѣрнистымъ водородомъ к. Разложеніе сѣрно-кислаго окисла серебра и сѣрнокислаго окисла мѣди начиналось при обыкновенной температурѣ, но сѣрнокислый окисъ свинца начиналъ разлагаться только или при нагрѣваніи, или при смачиваніи соли водою.

Авторъ выводитъ изъ этого заключеніе: «Отношеніе безводныхъ сѣрнокислыхъ металлическихъ окисей къ безводному сѣрнисто-водородному газу очень различно. Серебряная соль и мѣдная соль уже разлагаются въ холоду, первая съ сильнымъ освобожденіемъ теплоты и улетучиваніемъ воды, сѣрнистой кислоты и сѣры, между тѣмъ какъ мѣдная соль только принимаетъ черный цвѣтъ: свинцовая соль при обыкновенной температурѣ не разлагается сѣрнисто-водородными газомъ: но тотчасъ разлагается при слабомъ нагрѣваніи.

Этимъ именно способомъ получена выше приведенная нами цифра для атомическаго вѣса свинца Pb = 1,297,97 или для сѣры S = 203,325. Но если часть сѣры изъ кислоты могла остаться въ соединеніи съ металломъ, возстановленнымъ помощію водорода, то тѣмъ болѣе здѣсь разложеніе не могло быть полнымъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни хорошо сдѣланы опыты г. Струве, все таки выводы требуютъ дальнѣйшей повѣрки.

Digitized by Google

ВѢСЪ АТОМА ХРОМІЯ. — По Берцеліусу атомическій вѣсъ хромія = 351,819. Опытъ состоялъ въ разложеніи хромієвокислаго кали селитронислымъ свинцомъ, при чемъ образуется хромієвокислый окисълъ свинца. Хромій вычисленъ изъ формулы CrO^3. Другіе принимали Cr = 320 и Cr = 330. Нынѣ г. Лефоръ доказываетъ подобными же опытами, что атомъ хромія вѣситъ 333, и два атома 666. Это число какъ-то невѣроятно.

Вопросъ въ томъ, что если несомнѣнно, въ какихъ количествахъ напр. вещество A входитъ въ соединеніе съ веществомъ B; и въ какихъ количествахъ веществъ B входитъ въ соединеніе съ веществомъ C, то слѣдуетъ ли заключить *a priori*, въ какихъ количествахъ входитъ вещество A въ соединеніе съ веществомъ C? Сѣра съ серебромъ могла быть = 200, а съ свинцемъ можетъ быть = 203?....

ДѢЙСТВІЕ СЖАТАГО ВОЗДУХА НА ЖИДКОСТИ — ИСКУССТВЕННОЕ ЗАМОРАЖИВАНІЕ ВОДЫ. — Извѣстно, что при сжатіи воздуха въ цилиндрѣ стѣнки цилиндра сильно нагрѣваются, слѣдовательно, говорятъ физики, воздухъ теряетъ свой скрытый теплородъ, передавая его окружающимъ тѣламъ. Очевидно, что при разрѣженіи явленіе должно быть противоположное, т. е. воздухъ, расширяясь, будетъ отнимать теплородъ у окружающихъ тѣлъ, и слѣдовательно охлаждать ихъ. Теперь, если мы сгустимъ воздухъ въ нагнетательномъ снарядѣ, дадимъ время остыть сосуду и потомъ будемъ пропускать этотъ сгущенный воздухъ сквозь жидкость, то очевидно воздухъ отниметъ у жидкости теплородъ и жидкость охладѣетъ. Такимъ образомъ вода можетъ быть въ нѣсколько минутъ превращена въ ледъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

НѢСКОЛЬКО ЦИФРЪ ИЗЪ ОТЧЕТА ПО ПОЧТОВОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА 1849 ГОДЪ. — Установленіе однообразной платы за письма на всѣ разстоянія, введенное въ 1843 году, много содѣйствовало увеличенію числа почтовыхъ отправленій. Въ 1848 г. количество частныхъ отправленій (т. е. писемъ и посылокъ) по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства составляло до 12,165,000 (болѣе противъ 1843 г. слишкомъ *тремя* милл.); число казенныхъ отправленій простиралось до 16,267,000. — Частная переписка съ Царствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ представляетъ въ общемъ итогѣ до 417½ тысячъ писемъ и посылокъ. — Корреспонденція съ заграницею, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, нѣсколько уменьшилась: послано за границу болѣе 320 т. писемъ и посылокъ, а получено оттуда до 383 т. — Въ теченіе 1848 года переслано было по почтѣ капиталовъ казенныхъ и частныхъ слишкомъ на 446,278,000 р. с. (въ томъ числѣ казенныхъ 234,644,000 руб., частныхъ 211,634,000 руб). Суммы, пересланныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, которыя посылаются какъ документы, въ это исчисленіе не входятъ. — Полный валовой почтовый сборъ въ 1848 г. принесъ 4,197½,000 р. с.*, а за исключеніемъ расходовъ, чистаго дохода было около 1,380,000 р. Въ первые шесть мѣсяцевъ 1849 года подано было на почты къ отправленію: частныхъ писемъ и посылокъ 6,412,000, казенныхъ 8,350,000. Сборовъ поступило до

---

* Болѣе *четвертой* доли всего почтоваго дохода доставили сборы въ столичныхъ почтамтахъ, именно: въ Петербургѣ 755 т., въ Москвѣ 416 т. р.

Digitized by Google

2,105,000 р. — По особенной значительности столичныхъ почтамтовъ представляемъ обозрѣніе дѣйствій ихъ за весь 1849 годъ:

	С.-Петербургскаго.	Московскаго.
Доходовъ поступило ..... болѣе	740.000 р.	до 413,000 р.
Капиталовъ и посылокъ получено и отправлено на сумму.....	196,910,000 —	до 74,265,000 —
Получено и отправлено писемъ и посылокъ*.....	8,463,000 —	3,807,000 —
Получено и отправлено почтъ и эстафетъ.	7,437 —	5,866 —

НАГРАДЫ НА ВЫСТАВКѢ СЕЛЬСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. — Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ Сентябрѣ этого года имѣетъ быть въ С.-Петербургѣ выставка сельскихъ произведеній, учреждаемая Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Въ число премій, для выдачи въ награду производителямъ и сельскимъ хозяевамъ, за представленные на выставку предметы, поступили слѣд. пожертвованія: 1) Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, Президента Общества, 300 р. сер., за такой предметъ изъ числа представленныхъ на выставку, который опытомъ признанъ будетъ самымъ полезнѣйшимъ. 2) Вице-Президента Общества Князя В. В. Долгорукова 400 р. с. за лучшаго рабочаго жеребца. 3) Графа А. Г. Кушелева-Безбородко 400 р. с. за лучшую пеньку. 4) Князя С. В. Долгорукова 400 р. с. за лучшую дойную корову. 5) М. П. Позена 150 р. с. за лучшіе образцы подковъ для рабочихъ воловъ. 6) Н. А. Безобразова 150 р. с. за лучшія косы. 7) Отъ него же 50 р. с. за изготовленіе лучшаго сбитня. 8) А. Е. Жадовскаго 100 р. с. за самое крупное руно улучшенныхъ овецъ въ Россіи. 9) Отъ него же 50 р. с. за лучшее льняное крестьянское издѣліе. 10) Графини М. Г. Разумовской 100 р. с. за лучшую коллекцію розановъ. 11) Н. А. Жеребцова 100 р. с. за образцы обдѣланнаго наилучше льна, тонкой пряжи

---

* По городской почтѣ было разныхъ отправленій: въ Петербургѣ 1,380,000, въ Москвѣ до 238,000. Значительный перевѣсъ Петербургу даетъ пересылка періодическихъ изданій (около 935 т.), въ Москвѣ не существующая.

Digitized by Google

и лучшихъ полотняныхъ издѣлій. 12) А. Н. Муравьева 100 р. с. за самый лучшій способъ крестьянскаго освѣщенія, вмѣсто освѣщенія лучиною. 13) Г. фонъ-Грейфенфельча 100 р. с. за лучшій снарядъ для обдѣлки льна. 14) Фонъ-Фока 30 р. с. за лучшее издѣліе бочарнаго производства, выдѣланное не изъ дуба, а изъ другаго какого-либо дерева. 15) П. А. Шгорха 30 р. с. за простые, но вѣрные и дешевые часы, сдѣланные какимъ-либо крестьяниномъ. 16) М. С. Кушникова 50 р. с. за телѣгу для перевозки съ полей сжатаго хлѣба. 17) Б. Гаффельдера 20 р. с. за удачный посѣвъ лиственницы, произведенный какъ въ сѣверныхъ губ., такъ и въ Курляндіи. 18) В. П. Копытовскаго 10 р. с. для выдачи въ награду тому изъ сельскихъ жителей Астраханской губ., кто преимущественно будетъ имѣть право по шелководству или садоводству. 19) Полковн. Маковѣева 3 р. с. въ число премій за усовершенствованіе простыхъ земледѣльческихъ орудій. 20) У. Н. Левашова за лучшій ржаной хлѣбъ. 21) Сызранскаго Градскаго Главы Соплякова 10 р. с. за лучшіе пожарные инстументы. — Опредѣленные же Графомъ Г. Г. Кушелевымъ, В. В. Кочубеемъ и Графомъ П. П. Шуваловымъ, первыми двумя по 300 р. с., каждымъ, а послѣднимъ 400 р. с., получатъ въ послѣдствіи свое назначеніе.—Со стороны В. Э. Общества въ награду производителямъ назначены медали: 505 золотыхъ и серебряныхъ отъ 5 р., до 100 червонцевъ, 180 бронзовыхъ и кромѣ того нѣсколько денежныхъ выдачъ, подарковъ и похвальныхъ листовъ.

СКОТОВОДСТВО ВЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ. — Въ 1849 году въ немъ считалось: лошадей до 833,000, рогатаго скота около 2,340,000 головъ, овецъ-мериносовъ 3,658,000, простыхъ и цигайскихъ 3,683,000, свиней болѣе 470 т., верблюдовъ, буйволовъ, козъ, муловъ и проч. болѣе 20 т., всего слишкомъ *одиннадцать милліоновъ* головъ.

Digitized by Google

ДѢВИЧЬЯ УЧИЛИЩА ВЪ НИКОЛАЕВѢ. — (*Херсонс. Губ.*) Вотъ что пишетъ намъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ: — Когда случай заведетъ васъ въ Николаевъ, взгляните тамъ, между прочимъ, на одно заведеніе, которое займетъ васъ и вмѣстѣ утѣшитъ. Въ этомъ огромномъ городѣ, который ростетъ не по днямъ, а по часамъ, найдете много любопытныхъ предметомъ, но, въ настоящемъ случаѣ, я обращаю вниманіе ваше на *Дѣвичье Приходское Училище*, котораго благотворительное учрежденіе дѣлаетъ честь городу. Тутъ учится до ста дѣвицъ и берется самая ничтожная плата только за тѣхъ изъ нихъ, которыхъ родители имѣютъ возможность ее внести. Помѣщеніе заведенія, выборъ надзирательницы, учителя, учительницъ — все отвѣчаетъ благой цѣли. Успѣхъ воспитанницъ вчужѣ радуетъ; образцы рукодѣлья прекрасны. Живѣйшимъ участіемъ супруги Главнаго Начальника города поддерживается и годъ отъ года улучшается это полезное заведеніе.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ХРОНИКА.

I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ: О МОСКОВСКИХЪ ГУЛЯНЬЯХЪ.

Редакціи Москвитянина, къ которой я имѣю честь принадлежать, угодно было поручить мнѣ иногда бесѣдовать съ его читателями о повседневныхъ событіяхъ Московской современной жизни.

Съ перваго дня, когда я согласился исполнить это желаніе редакціи и принялъ на себя обязанность, столько щекотливую по многимъ причинамъ, которыхъ большая часть оцѣнится моими читателями, съ перваго дня — говорю — я далъ себѣ слово предупредить всѣхъ и каждаго, кто будетъ читать меня, что напрасно было бы искать въ моей хроникѣ чего-нибудь особеннаго: я буду говорить о томъ, что было, что я видѣлъ, иногда что слышалъ, отнюдь не далѣе. Каждый, по этому, воленъ дѣлать свои заключенія обо всемъ, что встрѣтитъ въ моемъ разсказѣ.

Рѣшившись положить начало моей хроники, и тѣмъ, такъ сказать, посѣять первое зерно моей будущей извѣстности (почему, въ самомъ дѣлѣ, не допустить отрадной мысли, что мое имя, какъ и всякаго другаго лѣтописца, прогремитъ

Digitized by Google

между благодарными потомками?), я, не довѣряя моей памяти, чтобы пайдти-возможно занимательный предметъ для моей первой бесѣды, долженъ былъ, понимается, взглянуть въ газеты. Любопытному и жадному моему взору представились: 1) Г. Лудовикъ Віоль съ Гг. Александромъ Дидрихомъ и маленькимъ Валеріаномъ Яковлевымъ, 2) Великолѣпное гулянье съ большимъ фейерверкомъ, съ извѣстными принадлежностями, *въ коемъ въ первый разъ дѣвица Флора представитъ огненное явленіе Орлеанской дѣвы, въ томъ самомъ видѣ какъ она являлась къ побѣдоноснымъ воинамъ Орлеана* и проч. (*Прим.* Подъ этимъ прочимъ разумѣется и *Маякъ на Черномъ морѣ*), 3) Въ Корсаковомъ саду гулянье, музыка и фейерверкъ, и наконецъ 4) Народное гулянье на Воронцовомъ полѣ.

Какъ ни люблю я вообще всѣ народныя гулянья, — въ чемъ да проститъ меня мой *благовоспитанный* современникъ! — но, на этотъ разъ, я сильно почувствовалъ себя расположеннымъ въ пользу дѣвицы Флоры: мнѣ казалось поучительнымъ посмотрѣть, какъ Орлеанская дѣва являлась побѣдоноснымъ воинамъ Орлеана; помимо того, я радъ былъ снискать расположеніе моего читателя блистательнымъ началомъ хроники съ огненнаго явленія. И я рѣшился уже, сдавивъ въ груди мои задушевныя стремленія, перенестись въ садъ куццовъ Жемочкиныхъ, временное мѣстопребываніе дѣвицы Флоры, Орлеанской дѣвы, огненнаго явленія тожъ, какъ вдругъ ударилъ громъ и полилъ дождь.

Эта неожиданность, на первый мигъ, непріятно поразила меня; на другой — я вспомнилъ, что сегодня Ильинъ день и, въ силу стараго и общаго Русскаго повѣрья, слѣдовало ожидать грозы; на третій — обѣщалъ себѣ не распространяться объ этомъ повѣрьи, потому что оно слишкомъ давно извѣстно; на четвертый — даже благодарилъ судьбу или случай за то, что они не дали мнѣ видѣть дѣвицы Флоры и по неволѣ заставили вмѣсто отчета объ огненномъ явленіи, которое могло же бы вѣдь, по прихоти того же случая или иной непредвидимой и отъ Орлеанской дѣвы ни мало не зависящей

Digitized by Google

климатической превратности, и не выгорѣть, или сгорѣть слишкомъ скоро, — заставили, повторяю, вмѣсто того отчета, начать мою хронику съ приличнаго вступленья, которое бы познакомило со мною моихъ читателей.

И такъ, more majorum, начинаю съ вступленія.

Въ этомъ вступленіи я скажу нѣсколько словъ о всѣхъ вообще Московскихъ гуляньяхъ.

Нѣкоторые изъ моихъ читателей знаютъ, что есть гдѣ погулять и въ самой Москвѣ и въ ея окрестностяхъ. Для тѣхъ же, которые не видали Москвы, я долженъ сказать, что Москва съ ея окрестностями, въ отношеніи къ мѣстности такъ хороша, что врядъ ли есть въ чемъ завидовать ей и Парижу, этой такъ называемой столицѣ міра. Стоитъ заглянуть въ любое топографическое описаніе Москвы: бульваровъ столько, сколько нѣтъ и не было ихъ никогда нигдѣ; садовъ и публичныхъ и частныхъ чрезвычайно много; ееть и длинный рядъ улицъ, образующій Садовую, который представляетъ непрерывную цѣпь садовъ. Если вы за заставой: верста, двѣ, иногда и этого не нужно, и нѣтъ уже ни пыли, ни мостовой, ни шума; куда ни оглянитесь — со всѣхъ сторонъ необозримая зелень, рощи, мѣстами лѣсъ, вездѣ свѣжій деревенскій воздухъ.

Погулять въ Москвѣ, и около Москвы, стало, есть гдѣ и лѣтомъ и зимой. А число публичныхъ гуляній, относительно, такъ же мало, какъ мало вообще число гуляющихъ на нихъ. Послѣднее, правда, относится наиболѣе къ загороднымъ гуляньямъ: между ними есть, конечно, довольно посѣщаемыя, и въ дни, *назначенные для* публичныхъ гуляній, довольно людныя (напр. Петровскій паркъ и Сокольники), но и въ эти мѣста, какъ ни любимы они, по видимому, всѣми классами Московскаго населенія, сходится чрезвычайно мало единицъ, относительно къ суммѣ всего населенія Москвы, хотя бы и лѣтняго. Собственно же народныя, точнѣе, простонародныя, гулянья всѣ до невѣроятія малолюдны. Если же слу-

Digitized by Google

чится попасть въ одну изъ прекрасныхъ Московскихъ окрестностей, когда не объявлено гулянья, не обѣщано фейерверка съ разноцвѣтными огнями, воздухоплаванія, или иной затѣйливой приманки подобнаго рода,—тогда, будь это въ самый знойный и удушливый день, невыносимый въ городѣ, встрѣтишь обыкновенно двухъ, трехъ, десять человѣкъ: и тѣ, какъ взглянешь на нихъ попристальнѣе, явились точно по заказу, или по докторскому предписанію; они ходятъ, хотя бы и свѣтило имъ прямо въ глаза доброе, Іюльское солнце и гостепріимно манили ихъ трава и деревья! Попробуйте же сообщить это замѣчаніе кому угодно, будь это даже человѣку самому наблюдательному; вы непремѣнно получите такой отвѣтъ: да кому теперь быть за городомъ? Москва пуста, всѣ разъѣхались. — Явленіе, побудившее васъ къ замѣчанію, подмѣчено вами, положимъ, въ Кунцовѣ. Завтра вы отправляетесь въ Останкино: та же исторія; на третій день — въ Кусково: та же; на четвертый—въ Царицыно: никого; на пятый—въ Марьину рощу: подъѣзжаете; издали слышно что-то въ родѣ музыки и стоятъ — видите вы — коляски, дрожки. Ну, думаете вы, наконецъ-то! Такъ вотъ куда бѣжитъ Москва отдохнуть отъ пыли и жара, освѣжиться, набрать силъ послѣ дневнаго труда, для труда новаго! И что же: смотрите — передъ вами общество, состоящее много-много изъ десяти или пятнадцати человѣкъ, видимо, заблаговременно согласившихся провести нѣсколько часовъ весело, т. е. безъ галстуковъ, и, по этому, подъ открытымъ небомъ, на которое, сказать мимоходомъ, и не взглянетъ ни одинъ изъ этихъ господъ; — далѣе, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, двѣ-три одинокихъ шляпки, а, въ довершеніе этого genr'a, трубочникъ-сигарочникъ съ своей непочатою ношей и двѣ бабы, съ приличнымъ или неприличнымъ количествомъ дѣвченокъ, съ утра ожидающія отчаянныхъ охотниковъ до зелья, называемаго ими чаемъ, жадно изъ за деревьевъ высматривающія ихъ, и издали бросающіяся на нихъ стрѣлой, какъ голодные волки на добычу.... При видѣ этой картины, вы

Digitized by Google

опять спрашиваете себя: «да гдѣ же Москва? Не испарилась же она, не улетучилась!».... И приходитъ вамъ на память это слово: «всѣ разъѣхались»—Кто жь эти всѣ?—спрашиваете вы себя:—нѣкоторые, положимъ даже, многіе помѣщики и немногія другія лица, имѣющія возможность удаляться изъ города только лѣтомъ, да и то, на половину, переселяющіяся на дачи, т. е. въ тѣ же Московскія окрестности.... Стало быть все еще есть, и очень есть кому гулять въ Московскихъ окрестностяхъ. Согласимтесь, что убыль народонаселенія въ лѣтнее время простирается до десятой доли всей его цифры, — что, поистинѣ, едва ли предполагать дозволено—и тогда останется слишкомъ 300 т. жителей.... Гдѣ же они всѣ лѣтомъ, гдѣ они гуляютъ, или почему гуляютъ они такъ мало, что не видать ихъ въ окрестностяхъ Москвы, развѣ на немногихъ, напередъ объявленныхъ, гуляніяхъ, на которыя, впрочемъ, тоже далеко не падки они?

Отъ вопроса къ вопросу, волей - неволей, издавна полные вѣры въ ту великую истину, истину глубокую и тѣмъ не менѣе истинную, что нѣтъ ни одного явленія общественной жизни безъ важной причины, — вы приходите, (къ сожалѣнію только не первые) хоть бы къ такому предположенію: природа, эта заботливая и предусмотрительная мать, присудивъ одному человѣку родиться подъ экваторомъ, другому подъ полюсомъ, вложила въ каждаго изъ нихъ инстинкты сообразные съ мѣстностію, нужные по мѣстности, гдѣ дала она имъ жизнь. Что эти инстинкты для блага человѣка, объ этомъ говорить нечего. Что человѣкъ нерѣдко уродуетъ или употребляетъ во зло природные дары, это извѣстно не изъ одной исторіи, а изъ многихъ. Взгляните, для примѣра, на жителя Италіи: 2,500 лѣтъ (вы, вѣроятно, знакомы съ Кайдановымъ) Италіанецъ живетъ подъ открытымъ небомъ, — онъ только что не родился на воздухѣ, хотя и это бываетъ, и умретъ едва ли не на травѣ или не подъ деревомъ, въ чьи цѣлебныя силы, не какъ лекарствъ, а какъ частей природы, онъ всосалъ вѣру вмѣстѣ съ молокомъ; древній Рим-

Digitized by Google

лянинъ возвращался домой только передъ закатомъ солнца, и весь день жилъ на площади или подъ открытымъ небомъ; нынѣшній лаццарони ищетъ крови развѣ въ случаѣ особеннаго ненастья: иначе его постель — ступень зданія, просто плита тротуара. Отчего все это? Оттого, что природа, присудивъ родиться въ Италіи и Бруту. и нынѣшнему лаццарони, вложила въ обоихъ, въ числѣ другихъ чисто-физическихъ свойствъ, въ числѣ другихъ инстинктовъ, одинаковое сознаніе богатства и роскоши ихъ климата и, вслѣдствіе этого, счастливое довѣріе къ этому климату. Но это довѣріе, еще усиленное въ человѣкѣ человѣкомъ, развитое преданіемъ, т. е. передаваемое отъ отца къ сыну, какъ завѣтное и безусловное наслѣдіе, съ извѣстной стороны, перешло границы разумнаго природнаго инстинкта,—и не будь въ нынѣшнемъ Итальянцѣ до такой крайней степени доведено это довѣріе, не перейди оно просто въ безотчетную беззаботность, иной лаццарони, быть можетъ, прожилъ бы вдвое дольше, нежели проживетъ онъ теперь. Въ насъ, дѣтей сѣвера, напротивъ, вложено недовѣріе къ климату: и это также естественно, также разумно. Но до чего дошло оно? Простолюдинъ средней полосы Россіи не только выходитъ подъ открытое небо единственно по необходимости, по дѣлу, но и нѣтъ для него какъ будто бы красотъ подъ его небомъ. Если вамъ не случалось видѣть или слышать, чтобы Русскій крестьянинъ шелъ прогуляться для прогулки, т. е. искалъ бы воздуха для воздуха,— подавно не видали вы, чтобъ онъ остановился передъ какой-нибудь мѣстностію, чтобъ онъ былъ пораженъ картиной природы, чтобъ онъ заглядѣлся на солнечный закатъ, чтобъ содрогнулась вся его внутренность при видѣ роднаго пейзажа, — какъ заглядывается онъ, опять-таки по природѣ своей, на всякое *зрѣлище*, и иногда содрогается отъ него въ восторгѣ.... Не оттого ли это, что, помимо необходимаго недовѣрія къ климату, посѣяннаго въ него вмѣстѣ съ жизнію, есть въ немъ еще равносильное и едва ли не столько же современное его рожденію повѣрье, что холоденъ и скупъ его климатъ, повѣрье, сложенное изъ жалобъ на этотъ кли-

Digitized by Google

матъ отца, дѣда и прадѣда, по закону давности, обратившихся въ неколебимую и безусловную истину. Эти-то жалобы, не слышныя нынѣ въ простомъ народѣ именно потому, что онѣ уже обратились въ неколебимую и общепризнанную имъ истину, за-частую слышны въ другихъ классахъ Русскаго общества. «Что это у насъ за климатъ!—Просто ни на что не похоже!—Что это такое!» Такія восклицанія, въ средней полосѣ Россіи, доводилось слышать, вѣроятно, не одному моему читателю. И тѣмъ страшнѣе должны были казаться онѣ, что исходили иногда отъ людей, живущихъ сознательно, — тѣмъ непріятнѣе, что не всѣ принадлежали тѣмъ больнымъ, которыя одержимы дѣтскою похотью ко всему, чего нѣтъ у насъ, дѣтской завистью къ чужому! Какъ будто бы человѣку не также нуженъ климатъ, къ которому *привыкъ* его организмъ, какъ и все другое, къ чему привыкъ этотъ организмъ, къ чему привыкъ и весь человѣкъ; какъ будто бы не нуженъ онъ ему тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе привыкъ онъ къ нему, чѣмъ болѣе живетъ онъ и чѣмъ старше онъ лѣтами! Швейцарецъ вездѣ тоскуетъ по своимъ горамъ: это видѣлъ и слышалъ каждый; Русскій, если забросить его — лишь бы не прямо отъ кормилицы — хоть во Флориду или куда угодно, высохнетъ по своемъ снѣгѣ, по зимнимъ стужамъ.

И такъ, недовѣріе къ своему климату, прирожденное и развитое еще условіями жизни, столько же физическими, сколько нематеріальными, есть, — если не главная, во всякомъ случаѣ довольно общая черта Русскаго характера. Это недовѣріе, обращающееся въ равнодушіе къ красотамъ природы, разительное и общее въ простолюдинѣ, менѣе видное, но все-таки существующее въ другихъ классахъ Русскаго общества, заключаетъ въ себѣ едва-ли не главную причину, почему вообще у насъ деревенская жизнь или не доразвита, или мало развита и только въ одну какую-нибудь сторону, — и почему,—въ частности, — въ такомъ пренебреженіи Московскія окрестности, при всѣхъ условіяхъ въ ихъ пользу, какими одарены онѣ. И публичныя гулянья ни мало не опро-

Digitized by Google

вергаютъ этой истины. За исключеніемъ весьма не многихъ, и то не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ, публичныя гулянья вообще малолюдны.

....Я сказалъ, что есть, однако, гулянья, любимыя Москвою: это наиболѣе тѣ, и загородныя и городскія, гдѣ ѣздятъ въ экипажахъ. Всѣ такія гулянья бываютъ довольнолюдны: желаніе-ли блеснуть хорошимъ экипажемъ, дорогими лошадьми, изысканнымъ нарядомъ, или эта возможность сидѣть въ шубѣ или бурнусѣ, качаясь на покойныхъ рессорахъ, — трудно рѣшить, что заставляетъ большинство Москвы предпочитать такія гулянья. Наиболѣе посѣщаемы изъ загородныхъ публичныхъ гуляній: Петровскій паркъ, Сокольники и Марьина роща одинъ разъ въ году, (въ день Семика);— изъ городскихъ: гулянье «подъ качелями», т. е. подъ Новинскимъ на Масляной и Святой недѣляхъ, — на Красной площади въ Вербную субботу, и вечернее гулянье 22-го Августа по всѣмъ улицамъ, прилежащимъ къ Кремлю. И многолюднѣе и великолѣпнѣе всѣхъ прочихъ—гулянье подъ Новинскимъ въ пятницу на Св. недѣлѣ и въ Сокольникахъ—1-го Мая. Народныя же гулянья, на Воронцовомъ полѣ, Дѣвичьемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, вообще мало оживлены. Не умѣю я удержаться отъ одного еще замѣчанія, относящагося до всѣхъ вообще Московскихъ гуляній:

Съ давнихъ поръ общую принадлежность всѣхъ постоянныхъ Московскихъ публичныхъ гуляній, и городскихъ и загородныхъ, составляютъ балаганы и цыгане. Было время— и оно еще не такъ далеко — и подъ Новинскимъ, и на

---

* Авторъ забываетъ о немалолюдныхъ, въ каждое воскресенье и праздникъ, гуляньяхъ Москвичей на кладбищахъ. Свободный день и хорошая погода нерѣдко соединяютъ гулянье съ поминовеніемъ усопшихъ родителей и друзей. Тутъ высказывается и набожность, коренный характеръ Русскаго, и обычная смѣлость, даже, на прогулкѣ, глядѣть прямо въ глаза смерти.

Ред.

Digitized by Google

Москвѣ-рѣкѣ, когда зимнее гулянье «подъ качелями» на масляницѣ не было еще перенесено подъ Новинское, и въ Сокольникахъ, частію и въ Марьиной рощѣ, воздвигался длинный рядъ огромныхъ балагановъ и не меньшій рядъ цыганскихъ палатокъ. И балаганы и палатки бывали набиты битком: волтижеры, ученые гимнастики и пѣвцы-самоучки дѣлали огромные сборы; (братья Приссъ, лѣтъ 15 тому назадъ, показывавшіе только пантомимы и штуки на канатѣ, имѣли — не помню въ какомъ именно году — до 10,000 руб. ассигн. сбора въ день!). Нынѣ ряды балагановъ съ каждымъ годомъ становятся меньше, гимнастики въ Индѣйскихъ костюмахъ — рѣже, переводятся ученыя лошади, а цыганскія палатки, если и существуютъ еще, но гораздо меньше стало число любителей, нѣкогда засиживавшихся въ нихъ кучками добѣла-свѣта. Нельзя не порадоваться такому явленію. И мудрено приписывать его случаю. Не такъ-ли? А куда — позвольте спросить — дѣвалась та несмѣтная публика, которая нѣкогда ломилась въ балаганы; куда дѣвались купеческіе сынки, бросавшіе цыганамъ десятки тысячъ? Почему нынѣ раекъ и заднія мѣста театровъ иногда много полнѣе, нежели прежде? Почему купеческій сынокъ, тотъ купеческій сынокъ, который не такъ давно еще былъ отвратительнымъ типомъ, нынѣ уже не существуетъ, — почему настоящій купеческій сынокъ сидитъ въ театрѣ, завтра — въ концертѣ, или ѣздитъ въ манежѣ? Въ одинаковой-ли степени, значитъ, нужны теперь, какъ прежде, балаганы и цыгане? Какъ по немногу не падать этимъ промысламъ, если не согласны они съ требованіями времени?.... Все это, милостивые государи и государыни, вопросы, которые вы, конечно, разрѣшили давно, достойно воздавъ, при этомъ, должную честь благодѣтельному дѣйствію времени.

Это-то самое время не обратитъ-ли наконецъ вниманія вашего на всѣ красоты нашей *urbis septicollis*, болѣе же всего на ея чудныя окрестности? И не жалуйтесь на то, что нѣтъ въ Останкинѣ Мюзара, а въ Кунцовѣ —

Digitized by Google

великолѣпнаго кафе-ресторана: никто не построитъ постоялаго двора на непроѣзжей дорогѣ; для кого же устроивать требуемыя вами удобства въ Московскихъ окрестностяхъ, гдѣ бываетъ въ день едва десять человѣкъ. Вы, объѣхавшіе всю Европу или знающіе наизусть какое-нибудь путешествіе, возражаете мнѣ: — «Помилуйте, да отчего-же у Нѣмцевъ, едва три березы на дорогѣ, и поднялся *Krug*, а у Французовъ, гдѣ только четверть гектара не огородной зелени, — сейчасъ какой-нибудь Мюзаръ или Мюзарчикъ съ своей скрипкой, и все пляшетъ?» — Правда ваша, мой ученый читатель: все это такъ, но я хоть и не объѣздилъ Европы и даже не дочиталъ до конца ни одного путешествія, все-таки не удовлетворюсь вашимъ возраженіемъ и скажу вотъ что: Нѣмецъ строитъ у трехъ березъ *Krug*, а Французъ заводитъ музыку и разныя другія затѣи на всякомъ четверть-гектарѣ зелени потому, что знаютъ они изъ опыта, что и къ березамъ и къ зелени придутъ и Нѣмецъ и Французъ, и непремѣнно придутъ; придутъ они потому, во-первыхъ, что они Нѣмецъ и Французъ, — потому, во-вторыхъ, что не у всякаго Нѣмца и Француза есть три березы, или четверть-гектара свободной зелени, а у насъ и то и другое, благодаря Бога, ни по чемъ. Попробуйте-же вы выѣхать за городъ, разъ, другой, третій, пусть увидятъ сегодня пятьдесятъ человѣкъ въ одномъ мѣстѣ, завтра — сто въ другомъ: и, какъ бы по манію волшебнаго жезла, воздвигнутся кофейныя, въ которыхъ вы будете, безъ сомнѣнія, вкушать все, кромѣ кофе, и выростетъ, какъ изъ земли, Русскій или не-Русскій Мюзаръ, не хуже Французскаго....

....Перечитавъ все написанное мною сегодня, я убѣдился въ томъ, что сказалъ чрезвычайно мало занимательнаго, и представилъ только что не ученую диссертацію о Московскихъ гуляньяхъ, въ которой не трудно будетъ уличить меня и въ желаніи выказать мое глубокомысліе, и въ промахахъ разнаго рода.... Но я все-таки отсылаю ее редактору, можетъ быть

sic fata volunt!

Digitized by Google

....Читатель, не утаю отъ васъ ничего: сію минуту взглянулъ я въ окно — погода прекрасная, дождя нѣтъ, и я пропустилъ случай посмотрѣть на дѣвицу Флору: вообразите, она теперь горитъ въ томъ самомъ видѣ, какъ являлась Орлеанская дѣва, и кому-же? побѣдоноснымъ воинамъ Орлеана!.... И мы этого не видали съ вами.... Постараемся увидѣть въ другой разъ: погодите отчаяваться....

Н. Н—нъ.

Іюля 20.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Платонъ Степановичъ Нахимовъ, изъ дворянъ Смоленской Губерніи, воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ въ 1802 году. Тамъ началъ онъ службу свою и оставался въ Морскомъ вѣдомствѣ до 1827 года, когда по его прошенію, за болѣзнію, уволенъ отъ службы капитаномъ 2-го ранга. Ревностное исполненіе обязанностей отличало службу *Нахимова* — и потому онъ еще въ 1824 году, за отличіе, пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени. Возвратясь на родину, онъ былъ почтенъ довѣренностію дворянъ: его избрали депутатомъ Вяземскаго уѣзда. Съ 1834 года начинается служба Платона Степановича въ Москвѣ: въ этотъ годъ онъ былъ опредѣленъ Инспекторомъ студентовъ Московскаго Университета. Отправляя многотрудныя обязанности Инспектора, *Нахимовъ* умѣлъ заслужить особое благоволеніе Начальства и сыновнюю привязанность и благодарность студентовъ. И дѣйствительно, онъ заботился о студентахъ, какъ отецъ. Постоянно слѣдя за ихъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, онъ особенно благосклоненъ былъ къ отличающимся, и давалъ имъ знать, что ихъ благонравіе и прилежаніе не ускользали отъ его вниманія. Свойство чрезвычайно важное въ начальникѣ студентовъ. Безъ сомнѣнія, ученый, студентъ трудятся для науки, изъ любви къ наукѣ; но всякій трудъ много поощряется вниманіемъ и особенно это вниманіе нужно для поощренія прилежнаго студента въ многотрудныхъ занятіяхъ, которымъ онъ съ своей молодости предается не безъ самопожертвованія. Платонъ Степановичъ имѣлъ обычай призывать окончившихъ отлично Университетской курсъ къ себѣ, и освѣ-

Digitized by Google

домлялся о томъ, чему они намѣрены посвятить себя по полученіи диплома. Узнавши то или другое намѣреніе его воспитанника и одобривъ его, онъ вызывался быть ходатаемъ молодаго человѣка предъ Высшимъ Начальствомъ — и такимъ образомъ много содѣйствовалъ къ исполненію лучшихъ и благороднѣйшихъ предпріятій питомцевъ Московскаго Университета. — Онъ всѣми силами старался помогать студентамъ бѣднымъ,—и такихъ много, которые обязаны его необыкновенному вниманію средствами для успѣшныхъ занятій въ Университетѣ. Онъ отечески заботился о чести и доброй славѣ учащихся — и никогда неправый, но сильный, не торжествовалъ надъ правымъ студентомъ. — Въ обращеніи съ виновными онъ умѣлъ соединять справедливость съ снисходительностію — и сбившагося съ настоящаго пути легко и вѣрно направлялъ снова на этотъ путь. — Удивительное обстоятельство: я не зналъ ни одного студента, и до сихъ поръ не встрѣтилъ никого изъ питомцевъ Университета, который бы на него пожаловался, который бы не сохранилъ его навсегда въ памяти и не вспоминалъ бы о немъ съ благодарностію. Кротость, правдивость, необыкновенное доброжелательство отличали характеръ Нахимова — и отличали его въ той степени, что онъ не имѣлъ недовольныхъ. Университетская служба Платона Степановича постоянно обращала на себя вниманіе Высшаго Начальства, и онъ въ теченіе 13-ти съ половиною лѣтъ былъ пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени, тѣмъ же орденомъ, Императорскою Короною украшеннымъ, орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, и четыре раза получалъ денежное награжденіе.

Платонъ Степановичъ служилъ въ Университетѣ до начала 1848 года: утомленный долговременною, многотрудною службою, онъ сталъ часто хворать, и чтобы не разстроить здоровья еще болѣе, искалъ занятія, которое бы не требовало такихъ безпрерывныхъ напряженій, какъ служба Инспектора студентовъ. Московское Дворянство, обращаясь съ Нахимовымъ въ теченіе почти 15-ти лѣтъ, и узнавши чрезъ дѣтей о его рѣдкомъ добродушіи, умѣло вполнѣ оцѣнить достоинства этого человѣка: оно почтило его лестнымъ выборомъ

Digitized by Google

въ Главные Смотрители Странноприимнаго въ Москвѣ Дома Графа Шереметева. Тогда Нахимовъ оставилъ Университетъ; но остался твердо въ памяти у всѣхъ воспитанниковъ въ Университетѣ, и никто не думалъ считать его чужимъ. Платонъ Степановичъ остался нашимъ и поступивъ въ Странноприимный Домъ.» Называя его, почти всѣ говорили: «нашъ Платонъ Степановичъ». Такъ привлекло добродушіе этого человѣка сердца всѣхъ къ себѣ, что трудно было съ нимъ разстаться.

Между тѣмъ надежды его на поправленіе здоровья не исполнились; оно болѣе и болѣе разстроивалось—и наконецъ 24-го Іюля, въ 2 часа по полудни, смерть положила конецъ благодѣтельной жизни. Платонъ Степановичъ прожилъ слишкомъ 60 лѣтъ. Конечно, не многимъ сужденъ на землѣ и такой вѣкъ; но все-таки мы назовемъ кончину Нахимова преждевременною. Да, она преждевременна для семейства, которому онъ былъ привязаннымъ супругомъ и попечительнымъ отцемъ; она преждевременна для многочисленныхъ питомцевъ Университета, которые такъ дорого цѣнятъ его благодѣянія и которымъ очень тяжело съ нимъ разстаться; она преждевременна для друзей его, которые находили въ немъ опытнаго и чистосердечнаго совѣтника; она преждевременна для ближнихъ вообще, которые успокоивались, утѣшались, исправлялись его участіемъ. 28-го Іюля происходило отпѣваніе покойнаго въ церкви при Шереметевской больницѣ, куда многочисленные друзья и почитатели Нахимова собрались отдать ему послѣдній долгъ. Студенты Университета внесли тѣло нѣкогда бывшаго ихъ начальника въ храмъ; они же, не смотря на жаркій день, долго несли гробъ на пути отъ храма къ Дорогомиловской заставѣ.

Тѣло будетъ предано землѣ въ помѣстьѣ супруги покойнаго, въ Смоленской губерніи.

Господи! водвори покойнаго, идѣже праведные водворяются.

Алексѣй Полунинъ.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

РОБЕРТЪ ПИЛЬ.

Робертъ Пиль (Robert Peel) родился 5-го Февраля 1788 года въ родовомъ помѣстьи Чамберъ-галлѣ, близъ Бёри (Bury), въ Ланкашейрѣ. Отецъ его былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ фабрикантовъ цѣлой Англіи, носилъ имя Роберта и получилъ отъ правительства званіе баронета.* Во время ожесточенной борьбы партій по поводу хлѣбныхъ законовъ и другихъ важныхъ вопросовъ, противники сэра Роберта не разъ называли его съ упрекомъ «сыномъ бумагопрядильщика;» но не подвержено сомнѣнію, что предки сэра Роберта въ теченіи многихъ поколѣній были люди достойные и принадлежали къ значительнѣйшимъ лицамъ; въ числѣ ихъ было много духовныхъ, и братъ сэра Роберта теперь деканомъ въ Ворчестерѣ. Прежде Пили подписывались *Peele*. Неизвѣстно, одного-ли рода съ ними нѣкто Георгъ Пиль (Peele), предшественникъ Шекспира, бывшій въ 1580 году городовымъ поэтомъ Лондона. Вообще должно замѣтить, что эта фамилія встрѣчается въ Англіи довольно часто. Мать сэра Роберта — дочь Йатеса, одного изъ дольщиковъ стараго Роберта въ его хлопчатобумажныхъ фабрикахъ сѣверной Англіи. Два года спустя по рожденіи сына, Пиль былъ избранъ въ члены парламента отъ города Бёри; и такъ какъ онъ еще прежде издалъ брошюру: «національный долгъ, какъ виновникъ національнаго благосостоянія,» обратившую на него вниманіе Питта, онъ попалъ въ короткія отношенія къ министру, который не-

* Гербъ Пилей — на одномъ полѣ пчела, на другомъ — левъ, держащій въ переднихъ лапахъ ткацкій челнокъ; кругомъ надпись: Industria.

Digitized by Google

рѣдко совѣтовался съ нимъ въ дѣлахъ торговли и промышленности. Пиль рѣшился, не щадя ничего, дать отличнѣйшее воспитаніе своему первородному сыну, наслѣднику огромнаго богатства и общественнаго значенія. До 13-лѣтняго возраста онъ воспитывалъ его при себѣ; а потомъ послалъ въ знаменитую школу въ Гаррау, первый разсадникъ многихъ великихъ современниковъ. Сначала отставъ отъ своихъ товарищей, онъ скоро опередилъ всѣхъ прилежаніемъ и основательностію познаній. Лордъ Байронъ пишетъ о немъ: «Пиль, знаменитый ораторъ и государственный мужъ, сидѣлъ со мной на одной лавкѣ (my form-fellow), и мы оба были первыми въ нашемъ классѣ, употребляя школьное выраженіе. Мы были съ нимъ хороши; но младшій его братъ былъ мой любимый товарищъ. Всѣ мы, учителя и ученики, возлагали всегда большія надежды на Пиля, которыхъ онъ и не обманулъ. Въ знаніи классическихъ языковъ онъ оставлялъ меня далеко за собою; какъ декламаторъ и актеръ (въ англійскихъ школахъ обыкновенно играютъ комедіи Теренція и другія подобныя пьесы) я не уступалъ ему; внѣ школы меня безпрестанно уличали въ шалостяхъ, его — никогда. Въ школѣ онъ всегда зналъ урокъ, я — рѣдко, а когда зналъ, то почти такъ же хорошо, какъ онъ. Въ общихъ предметахъ, какъ-то: исторіи и др., я, кажется, превосходилъ и его и прочихъ товарищей.»* Любимый писатель Пиля, говорятъ, былъ Лукрецій, что уже свидѣтельствуетъ о серьезномъ направленіи ума съ юныхъ лѣтъ. Но ему не было дано

«Suave mari magna turbantibus aequora ventis
E terra magnum alterius spectare laborem»

вкусить на вечеръ дней въ философской нѣгѣ. Впрочемъ эпикуреецъ-язычникъ, «отрицатель боговъ» не произвелъ,

---

* Генрихъ Литтонъ Бульверъ (нынѣ посланникъ въ Вашингтонѣ) въ біографіи Байрона разсказываетъ исторію, напоминающую Маркиза Позу: Роберта Пиля прибилъ кто-то изъ товарищей. Хромой Байронъ просилъ того, чтобы онъ далъ ему половину ударовъ.

Digitized by Google

по видимому, ни какаго впечатлѣнія на религіозное развитіе юноши. Положительная практическая его натура вообще была мало воспріимчива къ греческимъ и нѣмецкимъ насмѣшкамъ и сомнѣніямъ, а англійская педагогика умѣетъ сдѣлать имъ хорошій отпоръ. Подобно большей части своихъ соотечественниковъ, Пиль держался неколебимо епископскаго катихизиса и 39 Елисаветинскихъ статей, жилъ и умеръ какъ христіанинъ.

Шестнадцать лѣтъ онъ изъ Гаррау поступилъ въ оксфордскій университетъ, предпочтительно вѣрный партіе торіевъ, и сталъ gentleman-commoner Christ-church-коллегіума, гдѣ черезъ 4 года, осенью 1808 г. получилъ степень баккалавра искусствъ (Artium Baccalaureus) съ необыкновеннымъ отличіемъ; болѣе всего показалъ онъ успѣха въ наукахъ гуманитарныхъ и математикѣ. Такія отличія въ Англіи не забываются во всю жизнь.

Въ 1809 г. сэръ Робертъ Пиль достигъ совершеннолѣтія. Чтобы какъ можно раньше открыть для него путь общественной жизни, отецъ доставилъ ему въ парламентѣ мѣсто представителя Кешля (Cashel), небольшаго городка Ирландскаго графства Типперери,—иные говорятъ, съ помощію сэра Ричарда Пеннефатсера, который, по тогдашнему выраженію (это было до реформ-билля) и имѣлъ въ рукахъ патронатъ Кешля; — другіе признаются, что покупкой; это было тѣмъ легче, что въ то время число избирателей почтеннаго города, имѣющаго до 3,500 жит., не превосходило 12 голосовъ. Въ 1812 году Пиль промѣнялъ Кешль на Чиппенгамъ въ Уильтшейрѣ, гдѣ отцу его предстояло *удовлетворить* уже не 12 но 135 человѣкъ избирателей. Положеніе парламента благопріятствовало обнаруженію новыхъ ораторскихъ талантовъ: Борке, Питтъ и Фоксъ уже не существовали, Шериданъ оставался тѣнью самаго себя; но въ Нижней-палатѣ не было недостатка въ людяхъ съ дарованіемъ и познаніями. Тамъ Генрихъ Граттанъ, горячій защитникъ правъ утѣсненныхъ католиковъ, предшественникъ О'Коннелля; остроумный Тирней, Уиндгамъ, Уильберфорсъ, другъ Негровъ, Уейтбредъ, Персиваль, Кеннингъ, Кестельрэ, лордъ Гленелгъ, (въ дни славы Чарлсъ Грентъ), Ромили, правовѣдъ,

Digitized by Google

и Франсисъ Горнеръ, опытный въ управленіи финансами, сэръ Генрихъ Пернелль; и въ тоже время поступили въ члены парламента лордъ Пальмерстонъ, Бруггамъ и Фредерикъ Робинсонъ: вотъ люди, среди которыхъ предстояло отличиться Пилю. Обстоятельства благопріятствовали ему; министерство герцога Портланда, Кеннинга и Кестельрэ кончилось; мѣсто ихъ заступили: Персиваль, маркизъ Уеллезлэ, графъ Ливерпуль и лордъ Пальмерстонъ (принадлежавшій въ то время къ числу самыхъ строгихъ торіевъ). Парламентъ собрался; министерству предстояла трудная задача оправдать передъ парламентомъ неудачную высадку на островъ Вальхернъ; молодому Пилю, не имѣвшему еще и 22 лѣтъ отъ роду, поручено было защищать этотъ щекотливый вопросъ. И по этому случаю онъ произнесъ свою первую рѣчь, заслужившую всеобщее одобреніе; министерство значительнымъ большинствомъ голосовъ одержало побѣду. Это было 10 Янв. 1810 года.

Не менѣе отличился сэръ Робертъ въ рѣчахъ противъ рѣшенія коммиссіи, наряженной для обсужденія экспедиціи на Шельду и осудившей ее и противъ просьбы, поданной лондонскими избирателями въ пользу радикала сэра Франсиса Бердетта, который въ то время былъ посаженъ въ Тауэръ за рвеніе, съ какимъ требовалъ парламентской реформы; въ послѣдствіи Бердеттъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ торіемъ, какимъ и умеръ. Впрочемъ, по мнѣнію знатоковъ, эти двѣ рѣчи Пиля были ниже прежней; но рѣчь, произнесенная имъ 18 Марта 1811 года въ защиту Веллингтона, далеко превзошла и первую: онъ между прочимъ сказалъ въ ней: «Можетъ-быть, въ это самое мгновеніе Веллингтонъ готовится къ завтрашнему сраженію, и когда я «подумаю, какими обидными и несправедливыми подозрѣніями и обвиненіями осыпали этого достойнаго человѣка, «я утѣшаю себя надеждой, что не далекъ день, когда опять «блистательная побѣда зажметъ уста его завистникамъ и «противникамъ, когда британскій вождь единодушнымъ «голосомъ отечества будетъ встрѣченъ словами, сказанными «въ подобномъ случаѣ другому герою: Invidiam gloriâ superasti (ты славою одолѣлъ зависть).»

Digitized by Google

Этой рѣчи сэръ Робертъ обязанъ былъ первымъ своимъ мѣстомъ. Персиваль, восхищенный ею, поспѣшилъ сдѣлать молодаго Пиля младшимъ статс-секретаремъ Внутреннихъ Дѣлъ; старшимъ былъ Ричардъ Рейдеръ.* Пиль занималъ эту должность два года, и въ продолженіе ихъ нерѣдко говорилъ въ парламентѣ, но постояннымъ прилежаніемъ и наблюденіями готовился къ болѣе обширнымъ трудамъ. Кромѣ Персиваля, Пилю покровительствовалъ старый лордъ Эльдонъ, который видѣлъ въ немъ отъявленнаго защитника того, что онъ называлъ, «земскими учрежденіями,» и что его современники а впослѣдствіи и самъ Пиль любили означать именемъ «земскихъ злоупотребленій.» На томъ же основаніи поддерживалъ молодаго торія и герцогъ Кумберландскій.

Въ Маѣ 1812 г. лордъ Перс ивальлалъ въ корридорѣ парламента отъ руки убійцы, и лордъ Ливерпуль, назначенный послѣ этого первымъ министромъ, сдѣлалъ Пиля первымъ секретаремъ лорда-намѣстника Ирландіи; это была трудная должность, къ которой обыкновенно опредѣляли самаго способнаго и даровитаго изъ молодыхъ членовъ партіи. Покойный герцогъ Ричмондъ былъ въ то время вице-чоролемъ а Везе-Фицъ-джеральдъ, впослѣдствіи лордъ, казначеемъ Ирландіи (эта должность потомъ упразднена). Пиль нашелъ подвѣдомственную ему часть въ большомъ безпорядкѣ, и настойчиво принялся ее устроивать. Его прилежаніе и основательное знаніе дѣла вмѣстѣ съ учтивостью въ служебныхъ сношеніяхъ и рвеніе, съ которымъ онъ старался поднять въ Ирландіи торговлю и ремесла, склонили на его сторону купцовъ и фабрикантовъ. Но тамъ, гдѣ законодательный союзъ существовалъ толька двѣнадцать лѣтъ, католическій вопросъ составлялъ главный современный интересъ, въ пользу котораго всего упорнѣе дѣйствовалъ Даніель О'Коннель, тогда въ полномъ

* Сэръ Робертъ за нѣсколько недѣль до этого поддерживалъ предложеніе министерства совершенно упразднить вице-королевство, не умалчивая однако, что эта мѣра въ началѣ повлечетъ за собою нѣкоторыя неблагопріятныя послѣдствія для Дублина.

Digitized by Google

цвѣтѣ молодости. Пилю, представителю и проповѣднику старой тористско-протестантской партіи, пришлось за его сопротивленіе вынести такую бурю, какой до него не подвергался ни одинъ ирландскій генеральный секретарь, въ этой вообще нелюбимой должности. Противная партія не находила довольно рѣзкихъ словъ для выраженія своей непріязни. Молодой и горячій секретарь выставлялъ этимъ нападкамъ грудь, всегда готовую на бой, и когда О'Коннель письменно и на словахъ продолжалъ свои ругательства и даже превзошелъ самъ себя, онъ, наконецъ, получилъ отъ Пиля вызовъ на дуэль. Дни два отъ одного къ другому ходили посланные, и дѣло сдѣлалось гласно; тогда О'Коннель былъ на время схваченъ и обязанъ не нарушать спокойствія сограждавъ въ предѣлахъ Ирландіи. Между тѣмъ Пиль и его секундантъ Чарльсъ Сакстонъ, младшій секретарь Ирландіи, отправились въ Англію и оттуда на континентъ. О'Коннель пріѣхалъ за ними въ Лондонъ вмѣстѣ съ Лидуэлемъ; но полиція слѣдила за ними; его представили лорду-верховному судьѣ Ирландіи, и онъ долженъ былъ представить поручительство въ томъ, что не нарушитъ общественнаго спокойствія. Такъ кончилась одна изъ немногихъ личныхъ ссоръ Роберта Пиля.

Между тѣмъ Джоржъ Кеннингъ 22 Іюля 1812 г., при помощи большинства 234 голосовъ противъ 106, добился заключенія, которымъ Нижняя-палата обязывалась при первомъ своемъ засѣданіи принять въ соображеніе права и притязанія католиковъ. Пиль подавалъ голосъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ. Когда въ 1813 году м. Граттанъ предложилъ обсудить неудовлетворительное положеніе католиковъ, въ камитетѣ всей палаты, Пиль въ первый разъ рѣшительно говорилъ противъ этаго; но въ послѣдовавшемъ за тѣмъ совѣщаніи о первоначальномъ обученіи въ Ирландіи, также горячо защищалъ права Ирландцевъ на образованіе. «Конечно, говорилъ онъ, я менѣе всякаго другаго буду противиться распространенію просвѣщенія въ Ирландіи; несправедливо было-бы не хотѣть удовлетворенія этаго требованія, порождаемаго способностію и стремленіемъ народа. До свѣдѣнія моего дошли многіе примѣры жажды познаній

Digitized by Google

Ирландцевъ, которые должны возбудить глубокое сочувствіе всякаго благомыслящаго ума. Часто случается, что работники жертвуютъ выгодами, которые могли-бы извлечь изъ труда своихъ дѣтей, для того, чтобы дѣти все свое время посвящали ученію, и я знаю одинъ приходъ, гдѣ не менѣе одиннадцати вечернихъ школъ, послѣ дневныхъ трудовъ посѣщаемыхъ и взрослыми, ревнующими выучиться въ нихъ тому, въ чемъ имъ было отказано въ молодости.» Пиль никогда не забывалъ этаго стремленія Ирландцевъ къ просвѣщенію и ихъ готовности достигнуть его даже цѣною пожертвованій; онъ поддержалъ систему народнаго воспитанія въ Ирландіи, и впослѣдствіи, будучи министромъ, основалъ коллегіи безъ различія исповѣданій, уже начавшія приносить благодѣтельные плоды.

Въ 1814 г. южная Ирландія была въ положеніи почти совершеннаго безначалія. «Catholic Board», центральный комитетъ католиковъ, управлявшій всѣмъ движеніемъ, былъ закрытъ вслѣдствіе прокламаціи лорда-намѣстника. Пиль защищалъ эту прокламацію въ парламентѣ; въ это же время онъ предложилъ поставить особыхъ полицейскихъ чиновниковъ и учредить вооруженную полицейскую команду, чтобы обезпечить повиновеніе законамъ и сохраненіе общественнаго спокойствія. Это учрежденіе въ 1822 г. такъ было распространено, что теперь ирландскіе констэбли составляютъ какъ-бы дополненіе регулярныхъ войскъ. Въ 1816 г. въ Ирландіи, вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая, былъ страшный голодъ, и Пиль сдѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить страданія бѣднаго класса, разрѣшивъ предписаніемъ казначейства ввозъ американскаго хлѣба, зерномъ и мукой. Тѣмъ не менѣе бѣдствіе росло, а съ нимъ и волненіе католиковъ. 9 Мая 1817 г. Гратанъ опять предложилъ прежній вопросъ Нижней-палатѣ. Папа и католическая іерархія рѣшили, чтобы въ Ирландіи были римско-католическіе епископы, съ тѣмъ, чтобъ король не имѣлъ голоса въ ихъ назначеніи. Противъ этого предложенія Пиль говорилъ въ этотъ разъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ благодарность за это его партія, хотѣвшая польстить его самолюбію, предложила ему замѣнить мѣсто Чарльса

Digitized by Google

Аббата, оратора Нижней-палаты и представителя Оксфордскаго университета, въ 1817 году возведеннаго въ перство подъ именемъ лорда Кольчестера. Онъ долженъ былъ вступить въ совмѣстничество съ Кенингомъ, одержалъ побѣду, и безъ малѣйшей оппозиціи занялъ мѣсто, на которое мѣтили многія ученыя и духовныя лица. Въ слѣдующемъ году онъ оставилъ должность секретаря Ирландіи, которую занималъ въ продолженіи шести лѣтъ съ трудолюбіемъ, осторожностію и успѣхомъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

(*До слѣд. книж.*).

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

дѣйствія общества посѣщенія бѣдныхъ. — 16 Мая этого года Общество имѣло полное засѣданіе. Со времени послѣдняго собранія его прошло ровно два года. Что сдѣлало оно въ это время, видно изъ слѣдующихъ словъ исправлявшаго должность Попечителя Общества, Ѳ. И. Прянишникова. «Въ 1848 году было семь заведеній общества и въ кассѣ около 50 т. р. с. Вы находите теперь десять заведеній и въ кассѣ 80 т. Видя такое умноженіе заведеній и столь значительные расходы, вы пожелаете знать, вы имѣете право спросить, какая мысль руководствовала насъ въ томъ и другомъ? Весьма простая и, смѣю думать, едва ли не самая правильная. Главнымъ предметомъ попеченія были два возраста, составляющіе оконечности жизни человѣческой: младенчество и старость. Однихъ нужно сохранять и образовать, другихъ призрѣть и успокоить. Промежутокъ наполняютъ бѣдные всякаго рода. Изъ нихъ мы отдѣляемъ тѣхъ, которые могутъ и хотятъ трудиться. Такимъ образомъ три рода бѣдныхъ образовали три рода заведеній: для дѣтей — воспитательныя училища, для престарѣлыхъ — домъ, гдѣ они имѣютъ помѣщеніе, пищу и одежду; для трудящихся — рукодѣльни, куда приходятъ только работать, и для семейныхъ — квартиры безъ содержанія, которое впрочемъ облегчается разными приспособленіями; для всѣхъ вообще лечебница, гдѣ они находятъ совѣты знаменитыхъ врачей столицы и первыя необходимыя пособія. Вспомоществованіе деньгами, одеждою, дровами, зависѣло отъ особыхъ уваженій и полученныхъ на этотъ собственно предметъ пожертвованій. Объяснивъ основанія, принятыя къ руководству въ дѣйствіяхъ нашихъ,

Digitized by Google

предлежитъ къ разрѣшенію еще одинъ вопросъ, ожидаемый нами: какіе источники имѣемъ мы для поддержанія столькихъ заведеній и столь разнообразныхъ? Два неисчерпаемые источника: вѣра въ Бога и сердце Русское; оно всегда горитъ любовію къ ближнему, всегда потому, что служеніе ближнему почитаетъ служеніемъ Самому Богу. «Позвольте и мнѣ послужить,» говоритъ наше благочестивое, сердобольное купечество при учрежденіи какого-либо благотворительнаго заведенія. Съ этимъ чисто-Русскимъ словомъ, вылетающимъ прямо изъ сердца, купечество снабдило въ нѣсколько дней нашу лечебницу аптекою, медикаментами, посудою, бѣльемъ, мебелью, наличными деньгами. Между прочимъ получены слѣдующія замѣчательныя приношенія: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна пожаловала 4000 р.; Тайный Совѣтникъ Бекъ завѣщалъ 5000; полковница Ртищева 29.000; почетный гражданинъ Иркутскій, 1 гильдіи купецъ Кузнецовъ 40,000; всего 78,000 р. с. — Послѣ такихъ опытовъ намъ ли сомнѣваться въ помощи Бога и людей?»

НОВАЯ ЧАСОВНЯ ВЪ ОДЕССѢ. — По случаю новоучрежденнаго въ прошломъ году ежегоднаго крестнаго хода, на 22-е августа, въ память основанія г. Одессы, для бо́льшаго благоукрашенія сего хода святынею, выписаны были изъ разныхъ мѣстъ Россіи вѣрные списки съ чудотворныхъ иконъ, особенно чтимыхъ Русскимъ православнымъ народомъ, а также вѣрныя, сколько было возможно, живописныя изображенія великихъ святителей и угодниковъ Всероссійскихъ. По окончаніи крестнаго хода, когда надлежало помѣстить гдѣ-либо сіи иконы, ни въ одной изъ Одесскихъ церквей не оказалось удобнаго и приличнаго для того мѣста, а раздѣлить ихъ по разнымъ церквамъ значило бы лишить любителей церковной святыни утѣшенія видѣть ее во всей совокупности въ одномъ мѣстѣ. Отсюда, по необходимости, возникла мысль и желаніе устроить для помѣщенія этихъ иконъ особую часовню, и поставить ее не въ другомъ мѣстѣ, а у самаго моря, на срединѣ между гаванями, прямо противъ парадной лѣст-

Digitized by Google

ницы и памятника Герцогу Ришелье, дабы такимъ образомъ отъѣзжающіе изъ Одессы за море могли помолиться предъ отъѣздомъ въ сей часовнѣ и предать себя покровительству угодниковъ Всероссійскихъ, а пріѣжающіе изъза моря могли тотчасъ принести имъ благодарность за совершеніе пути. Мысль эта тотчасъ нашла себѣ у всѣхъ полное одобреніе. По распоряженію Одесскаго Градоначальника, тогда же составленъ былъ планъ на предполагаемую часовню. Усердіе гражданъ Одессы не позволяло сомнѣваться въ томъ, чтобы благое дѣло это могло остановиться за недостаткомъ матеріяльныхъ средствъ; но тѣмъ не менѣе, пока были бы собраны необходимыя для того приношенія, устроеніе часовни могло продлиться на неопредѣленное время. Узнавъ о семъ, Одесскій житель г. Драгутинъ, движимый истинно Русскимъ чувствомъ уваженія и любви къ святынѣ и примѣрнымъ усердіемъ на пользу города, для котораго онъ въ свое время не мало потрудился еъ честію, пожелалъ принять сооруженіе часовни на свой счетъ, и, по согласіи на то мѣстнаго начальства, уже приступилъ къ заготовленію необходимыхъ матеріяловъ. Такимъ образомъ святыя иконы, собранныя съ немалою заботою изъ разныхъ мѣстъ неизмѣримаго отечества нашего, обрѣтутъ для себя вскорѣ приличное помѣщеніе; обширныя гавани наши, на коихъ стекаются непрестанно люди со всѣхъ странъ свѣта, освятятся пребываніемъ среди ихъ святыни Всероссійской, и подножіе горы, на коей стоитъ Одесса, украсится новымъ отличнымъ зданіемъ въ Византійскомъ стилѣ.

ИЗВОЗНИЧЕСТВО ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБ. — Оно составляетъ одинъ изъ коренныхъ промысловъ мѣстныхъ жителей; еще въ концѣ прошлаго столѣтія крестьяне Калужской губерніи возили на своихъ лошадяхъ въ Данцигъ, Бреславль, Берлинъ и Лейпцигъ мерлушки, юфть и воскъ, а оттуда привозили шелковые и шерстяные товары. Нынѣ средоточіе извозническої промышленности заштатный городъ Сухиничи. Козельскаго уѣзда, въ селеніяхъ прилежащихъ къ Сухиничамъ, крестьяне съ малолѣтства отправ-

Digitized by Google

ляются извозничать. Извозничество породило другой промыселъ, представляющій нынѣ значительныя выгоды это —содержаніе постоялыхъ дворовъ. Хорошій постоялый дворъ на проѣзжемъ мѣстѣ нерѣдко даетъ хозяину ежегодно до 100 р. с. чистаго дохода, и завѣтное желаніе трудолюбиваго извощика — быть нѣкогда содержателемъ постоялаго двора. Главные пункты, куда ѣздятъ Калужскіе извощики, суть: Москва, Петербургъ, Тула, Орелъ, Нижній-Новгородъ, Смоленскъ, Гжатскъ и Зубцовъ. Главная точка исхода для перевоза товаровъ — Сухиничи. Отсюда прямо въ Петербургъ возятъ большею частію конопляное масло, получая съ пуда 11—17 к. с. Возвращаясь, они везутъ въ Москву сандалъ, орѣхи и проч., получая съ пуда 9—10 к. с; иногда прямо изъ Петербурга подряжаются везти въ Варшаву коммиссаріатскія вещи: сукно, порохъ и проч., получая по 2 р. с. съ пуда, а изъ Варшавы возятъ въ Тулу свинецъ съ платою по 3 р. сер. съ пуда; изъ Тулы въ Москву отвозятъ ружья, а изъ Москвы или ѣдутъ опять въ Петербургъ, или возвращаются домой. Употребляя на проѣздъ отъ Сухиничей до Петербурга отъ 19 до 20 дней, они стараются сдѣлать въ зиму два оборота. Изъ Калуги возятъ въ Нижній зимою, а иногда лѣтомъ, разнаго рода кладь, получая не болѣе 80 к. с. съ пуда. Случается, что сѣдоковъ отвозятъ въ Одессу, Астрахань, Пензу и Симбирскъ.—Обыкновенно подряжаютъ извощиковъ въ Сухиничахъ, Калугѣ, Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ рядчики, большею частію тоже крестьяне Калужской губ.; они получаютъ за коммиссію такъ называемую «подуговую плату,» т. е. столько съ каждой крестьянской лошади, сколько хозяинъ ея береть съ каждаго пуда клади.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРАЗДНОШАТАЮЩАГОСЯ.

VI.

ТРИ ВСТРѢЧИ

(*entre la poire et le fromage*).

.... Обѣдъ былъ веселъ и довольно шуменъ, какъ бываетъ между старыми товарищами по службѣ или школѣ, когда сойдется ихъ нѣсколько человѣкъ, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ разлуки.

Къ концу обѣда не было, разумѣется, забыто и шампанское, этотъ необходимый вѣнецъ шумнаго пріятельскаго обѣда.

За шампанскимъ зашла рѣчь о женщинахъ: и это дѣло довольно обыкновенное! Хорошій обѣдъ, приправленный хорошимъ виномъ, дѣлаетъ человѣка общительнѣе и нѣжнѣе. Эта истина стара какъ вино, и родилась (если вѣрить знатокамъ дѣла) даже прежде хорошихъ обѣдовъ. Пошли воспоминанія, анекдоты; завязались горячія пренія, возникали цѣлыя теоріи! Каждый излагалъ свои убѣжденія, опираясь на свою личную опытность.

«Вотъ что было со мною, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ:

«Это было въ 18.... году. Дивизія наша пришла въ окрестности Петербурга, для маневровъ. Я былъ только что произведенъ въ офицеры.

«Кто не служилъ въ военной службѣ, тотъ не знаетъ, что значатъ первыя эполеты.

«Когда, пробывъ два-три года юнкеромъ, получаешь Высочайшій приказъ о производствѣ въ офицеры, тобой овладѣваетъ

Digitized by Google

чувство, которое нельзя сравнить ни съ чѣмъ: эта радость выше всего, что только можно вообразить себѣ.... Увѣряю васъ, шестнадцатилѣтняя дѣвочка съ меньшимъ удовольствіемъ узнаетъ отъ маменьки рѣшеніе о первомъ ея выѣздѣ на балъ, нежели юнкеръ читаетъ приказъ о своемъ производствѣ. — Лѣтъ нѣсколько тому назадъ, мнѣ какъ-то попалась книжка подъ заглавіемъ: «Корветъ». Отвѣчаю чѣмъ хотите, что авторъ этой книжки или самъ не былъ корнетомъ, или былъ произведенъ въ офицеры въ такія лѣта, когда ничто уже не удивляетъ, не трогаетъ, ничто не радуетъ. Или въ прежнее время все и дѣлалось, и чувствовалось иначе.

«Я, конечно, не берусь отвѣчать за всѣхъ, но въ моей жизни нѣтъ до сихъ поръ дня, о которомъ бы я вспомнилъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ вспоминаю день, когда мнѣ принесли Высочайшій приказъ.

«Полкъ нашъ, передъ маневрами, стоялъ въ Царскомъ Селѣ и занималъ, на время, казармы Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

«Грустный, безъ гроша денегъ, сижу я какъ-то разъ у моего эскадроннаго командира. Входитъ вахмистръ и подаетъ мнѣ еще мокрый приказъ. Прочитавъ свое имя, я кинулся на шею къ вахмистру, насильно стащилъ съ ротмистра сертукъ, который, по счастію, пришелся почти по моему росту, схватилъ его шапку и саблю, и, не дожидаясь шампанскаго, за которымъ послалъ ротмистръ, опрометью пустился бѣжать къ полковнику. Полковникъ былъ человѣкъ очень добрый: онъ поздравилъ меня отъ души, далъ мнѣ денегъ и отпустилъ въ Петербургъ для обмундировки.

«Черезъ четыре дня я воротился въ Царское. И, тѣмъ же вечеромъ, съ другими офицерами, отправился въ Павловскъ, на машинѣ.

«Вы всѣ, я думаю, знаете Павловскъ, знаете, какъ онъ хорошъ лѣтомъ.

«Это было въ концѣ Августа. Погода стояла чудесная!

«Передать вамъ, какъ я въ первый разъ вошелъ въ вокзалъ въ сертукѣ и эполетахъ, что я чувствовалъ, что дѣлалось со мной, вѣрнѣе, во мнѣ, — я не умѣю. Мнѣ казалось, что и улыбки женщинъ, и взгляды мужчинъ, и свѣтъ свѣчей и лампъ, и аккорды

Digitized by Google

музыки ... были для меня одного, что всѣ смотрѣли только на меня, что все это праздновало мою радость.... Не правда-ли, что такія впечатлѣнія возможны только въ девятнадцать лѣтъ?

«Оркестръ разыгрывалъ вальсы, польки, кадрили, и какъ разыгрывалъ! Право, мнѣ иногда думается, что я нигдѣ послѣ не слыхалъ подобной музыки. Подите же!.... Одна за другою проносились мимо меня пары, разумѣется, всѣ граціозныя (такъ, по крайней мѣрѣ, записано въ моей памяти); по бокамъ залы летали въ потолокъ пробки. Обошедъ воксалъ, я остановился въ какомъ-то безотчетномъ упоеніи: мнѣ хотѣлось обнять однимъ мигомъ всю картину, которая двигалась передо мной, однимъ поцѣлуемъ поцѣловать всѣхъ женщинъ, которыя всѣ, безъ исключенія, казались мнѣ прекрасными, пожать руку всѣмъ и каждому.... Прошедшаго для меня не было, о будущемъ могъ ли я думать, когда настоящее было такъ хорошо?

«Не смѣйтесь: увѣряю васъ, что я не сочиняю.

«Минуты съ три стоялъ я въ этомъ нѣмомъ и сладкомъ созерцаніи всего, что происходило передо мной. Музыка вдругъ смолкла.

— «Pardon! — раздалось позади меня.

«Я оглянулся и далъ мѣсто дамѣ, которая шла объ руку съ человѣкомъ немолодыхъ, всего вѣрнѣе, почтенныхъ лѣтъ. Около этой пары, какъ слѣпни, увивались молодые офицеры.

«Красота этой дамы съ разу поразила меня. Боюсь описывать, — какъ разъ прослывешь сочинителемъ. А описать ее вамъ все-таки надо. Представьте себѣ чудную головку, едва прикрытую соломенной шляпкой, которую я не могу не назвать полувоздушной! густые, густые локоны, каштановые, спускавшіеся изъ-подъ шляпы; бѣлое платье; въ таліи широкая лента вишневаго цвѣта, съ длинными концами, почти до полу: все это вмѣстѣ была такая исторія, или гармонія, что ли? все вмѣстѣ было такъ хорошо, что я, не давъ ей отойти отъ меня и на пять шаговъ, обратился, громко, къ первому знакомому лицу съ вопросомъ:

— «Кто эта дама?

«Она оглянулась и улыбнулась. Я сконфузился.

— «Мадамъ О.... — отвѣчалъ мой знакомый.

«Понятно, что возвратившись домой, я все думалъ о ней; когда я легъ спать, она грезилась мнѣ и во снѣ.

Digitized by Google

«На другой день вечеромъ, я опять быть въ воксалѣ. Мадамъ О.... танцовала весь вечеръ. Когда я прошелъ мимо нея, мнѣ показалось, что она взглянула на меня превыразительно. Но, къ моему несчастію, я не нашелъ около нея, впродолженіе всего вечера, ни одного знакомаго мнѣ лица.

«Назавтра повторилась та же пѣсня. Потомъ мы ушли на маневры. И едва мы вернулись, я, не думая ни минуты объ отдыхѣ, опять отправился въ воксалъ. Мадамъ О.... все-таки танцовала, и большею частію съ гвардейскими офицерами, между которыми у меня не было очень короткихъ знакомыхъ.... И, всякій разъ, она смотрѣла на меня такъ, что мнѣ дѣлалось какъ-то неловко, и непремѣнно хотѣлось видѣть ее еще и еще.

«Это продолжалась дней шесть или семь.

«Наша дивизія выступила на зимовыя квартиры, а я получилъ позволеніе остаться, съ тѣмъ чтобы догнать полкъ въ Новгородѣ, и долженъ былъ съѣздить въ Петербургъ. Въ то же время былъ оставленъ въ Царскомъ Селѣ мой эскадронный командиръ, и мы условились съ нимъ вмѣстѣ догнать полкъ и выѣхать, помнится, 17 Сентября.

«Когда все было готово къ дорогѣ, — я ужъ воротился въ Царское, — вещи уложены, лошади приведены, мы рѣшили въ послѣдній разъ побывать въ воксалѣ.

«Поспѣвъ къ отъѣзду машины, мы тотчасъ же отправились. Это было вечеромъ, часовъ въ семь.

«Вѣтеръ дулъ на встрѣчу, и отъ воксала летѣли къ намъ аккорды оркестра. Вечеръ опять былъ удивительный. Сердцу такъ и хотѣлось выпрыгнуть на встрѣчу всѣмъ этимъ звукамъ. Мнѣ казалось, что машина катится не довольно скоро.... выскочилъ бы и, кажется, обогналъ бы ее. Такъ легко и свободно дышалось.... Далеко ли это время, а не воротишь его ни за что!

«Первое лицо, которое увидѣлъ я, войдя въ воксалъ, была мадамъ О....

«Она танцовала.

«Мнѣ показалось, что она мнѣ обрадовалась.

«Кончивъ польку, она посмотрѣла на меня и сказала что-то въ полголоса своему кавалеру. Кавалеръ этотъ былъ мнѣ знакомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и требовалъ отъ ея имени, чтобы я ей представился. Когда я очутился возлѣ нея, у меня, рѣшительно, занялось дыханіе.

Digitized by Google

«Она это видѣла, и я это понималъ; но я право гораздо болѣе былъ смущенъ отъ удовольствія говорить съ ней, нежели отъ неувѣренности въ себѣ.

«Она увѣряла, что ей давно хотѣлось познакомиться со мной, и говорила это такимъ тономъ, что всякій бы ей повѣрилъ на моемъ мѣстѣ. Пошелъ всякой вздоръ, такой вздоръ, который можно слушать только, когда говоритъ хорошенькая женщина; ну, словомъ, она была мила до чрезвычайности. И сама ангажировала меня на весь вечеръ, на всѣ кадрили, польки и вальсы.

«Я былъ внѣ себя. Къ концу вечера мы были давнишніе и самые короткіе знакомые.

«Уѣзжая домой, мадамъ О.... формально объявила, что ждетъ меня къ себѣ завтра въ двѣнадцать часовъ.

— Я ужасно лѣнива, — сказала она,—и встаю поздно. Но утромъ я всегда одна и мнѣ ужасно скучно: мой старикъ (мужъ былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое старше ея) занятъ службой. Приходите: мы будемъ скучать вдвоемъ и дѣлать папиросы для моего мужа. А можетъ быть выдумаемъ еще что-нибудь.

«Вы понимаете, съ какимъ восторгомъ я принялъ это приглашеніе.

«Дамы разъѣхались.

«Мы сѣли ужинать.

— «Ну что, — спросилъ меня мой товарищъ—набрался ты теперь впечатлѣній на цѣлую зиму?

«Я старался передать ему весь разговоръ съ мадамъ О.... и объявилъ, что не ѣду съ нимъ.

«Онъ сначала уговаривалъ меня, но видя, что логика его не дѣйствуетъ, и зная изъ опыта, что въ 19 лѣтъ всегда бываешь готовъ купить какою бы то ни было цѣною каждую минуту права смотрѣть на хорошенькіе глазки, разсудилъ влить въ меня побольше шампанскаго и увезть съ собой обманомъ. Другаго средства онъ не придумалъ, да врядъ ли бы и нашлось другое.

«Между тѣмъ какъ онъ выдумывалъ для меня тостъ за тостомъ, а я выпивалъ стаканъ за стаканомъ, въ Царское послали за коляской: коляска пріѣхала; я почти ужь засыпалъ на стулѣ, меня посадили рядомъ съ нимъ и увѣрили, что мы ѣдемъ въ Царское. Минуту спустя я заснулъ pour tout de bon, и проснулся.... на послѣдней станціи передъ Новгородомъ.

Digitized by Google

«Первымъ движеніемъ моимъ, когда я опомнился и увидалъ себя въ коляскѣ, вокругъ коляски ямщиковъ и далѣе, деревенскія избы, было, разумѣется, разбранить моего спутника и вернуться.

«Но пришлось, по неволѣ, ѣхать съ нимъ: денегъ у меня, по обыкновенію и благодаря благоразумной предусмотрительности отца, осталось въ карманѣ три двугривенныхъ; ѣхать одному было не съ чѣмъ.

«Уже въ Новгородѣ, хладнокровно обсудивъ мое положеніе, я отъ души благодарилъ добраго товарища.

«Съ мѣсяцъ еще мерещилась мнѣ иногда моя красавица. Потомъ я забылъ объ ней.

«Прошло четыре года. Я вышелъ въ отставку, и отправился на зиму въ Петербургъ.

«Разъ какъ-то въ маскарадѣ Большаго Театра, я ужъ собирался домой, подходитъ ко мнѣ одинъ знакомый адъютантъ, объ руку съ маской.

— «Что ты дѣлаешь, П.? Пойдемъ ужинать.

— «Пожалуй, говорю.

«Маска посмотрѣла на меня очень внимательно, потомъ что-то сказала на ухо своему кавалеру.

— «Тотъ самый! — отвѣчалъ онъ громко.

«Мы подошли къ столу. Она сѣла возлѣ меня.

— «П., ты меня не узнаешь?

«Не знаю почему я былъ не въ духѣ любезничать и отвѣчалъ довольно сухо:

— «Нѣтъ! да я думаю, я тебя и не знаю.

— «Припомни хорошенько.

«Я притворился, что припоминаю, и сталъ думать о томъ, какъ бы поскорѣе ѣхать домой спать.

— «Ну что? спросила она опять.

— «Право, не знаю.

— «Ты бывалъ когда-нибудь въ Павловскѣ?

— «Бывалъ, и не разъ; ну что жъ изъ этого?

— «Помнишь Павловскъ въ 18.... году? ты былъ только что произведенъ въ офицеры?

Я сталъ прислушиваться внимательнѣе.

— «Помню.

Digitized by Google

— «Ты забылъ, что ты обѣщалъ одной дамѣ быть у ней на другой день. Потомъ говорили, что ты уѣхалъ.... Ты весь вечеръ танцовалъ съ этой дамой.

— «Такъ ты?....

— «Та самая.

«Я схватилъ ее подъ руку, и мы пошли.

— »Возьми литерную ложу, — сказала маска.

«Я послалъ капельдинера за билетомъ. Намъ отворили ложу. Мы вошли.

«Мадамъ О.... сняла маску.

«Она все-таки была очень хороша: возмужавъ и немножко постарѣвъ, она почти выиграла.

«Я разсказалъ ей, почему не могъ быть у ней на другой день нашего знакомства, и выслушалъ очень любезный выговоръ, въ которомъ заключалось и прощеніе мнѣ.

«Она повѣдала мнѣ тайну смерти своего мужа, съ премилой, грустной миной жаловалась на скуку своего одиночества, на тщету свѣтскихъ удовольствій и пустоту модныхъ поклонниковъ, сказала даже что-то о своемъ независимомъ положеніи, и увѣрала пресерьезно, что любитъ меня съ той минуты, когда увидала меня, въ первый разъ, въ воксалѣ, — что съ тѣхъ поръ не переставала думать обо мнѣ и любить меня по прежнему.

«Какъ ни мило было сказано все это, какъ ни обольстительно свѣтили глазки моей красавицы, я повѣрилъ ей только въ половину. Не много пережилъ я со дня первой встрѣчи съ ней, но все былъ ужь не тотъ, какъ въ то время. Увлекаться маскерадными объясненіями ужь не приходилось.

«Но мнѣ какъ-то было скучно, а эти маскерады, иногда, точно опьяняютъ человѣка. Просто чадъ какой-то. Прекрасная ножка какъ-то нечаянно дотронулась моей ноги; отъ всей мадамъ О.... вѣяло какимъ-то обаяніемъ, я началъ увѣрять ее, что и я очень люблю ее, что часто объ ней вспоминалъ, словомъ говорилъ всѣ нескладицы, которыя говорятся въ этихъ случаяхъ.

«Когда приходитъ на память такія минуты, становишься иногда жалокъ и смѣшонъ самому себѣ:... Посмотришь на другихъ, — со всѣми та же исторія! И, какъ будто бы, сдѣлается легче.... Ну, не странно ли?

Digitized by Google

«Я проводилъ ее до дому, въ ея каретѣ, и на слѣдующій вечеръ, по ея непремѣнному требованію, явился къ ней.

«Она не только приняла меня съ удовольствіемъ, но и видно было, что ждала съ нетерпѣніемъ.

«Прекрасный local! во всемъ довольство, независимость. Чай со всѣми затѣями, роскошный ужинъ; хозяйка любезная и нѣжная, молодая, красавица, — кого бы изъ васъ все это не заставило забыть о времени?

«Мы разстались нехотя, и на завтра я пріѣхалъ ужь съ утра. И меня опять ждали.

«Случай, счастіе, какъ это объяснить? не знаю, — черезъ нѣсколько дней мы были съ мадамъ О.... въ самыхъ тѣсныхъ и въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ.

«Мнѣ казалось иногда, что она, въ самомъ дѣлѣ, любитъ меня. Къ стыду моему я долженъ признаться, что я не платилъ ей той же монетой. Не смотря на это, я скоро такъ привыкъ къ ней, что ужь боялся привязаться не на шутку. Я проводилъ съ ней цѣлые дни: она бросила всѣ знакомства и свѣтскіе выѣзды, и только со мной, и то изрѣдка, ѣздила въ маскарадъ

«Мнѣ было двадцать три года, ей врядъ ли двадцать пять, но, во всей этой исторіи, она была увлечена болѣе меня.

«Положеніе мое, когда я обдумывалъ его, становилось мнѣ тягостно, потому что я и самъ зналъ, что оно не могло быть продолжительно: со дня на день я долженъ былъ ѣхать, и я съ ужасомъ предвидѣлъ и слезы, и обмороки, и все, безъ чего не обходятся сцены разставанія.

«Нѣсколько разъ начиналъ я заговаривать о моихъ сборахъ, но мадамъ О.... всегда умѣла дать моей мысли другое направленіе. Она или сводила рѣчь на то, какъ она теперь счастлива, благодаря мнѣ, называла меня своимъ добрымъ геніемъ, или садилась за фортепіано и запѣвала одинъ изъ моихъ любимыхъ романсовъ. — И какъ она пѣла! Кто-то сказалъ, что по голосу женщины, когда она поетъ, можно узнать, любитъ ли она. Я думаю, что это не совсѣмъ неправда.

«Такъ проходилъ часъ за часомъ, и мы разставались на свѣту.

«Проходилъ и день за днемъ.

«Болѣе трехъ мѣсяцовъ прожилъ я въ Петербургѣ. И эти три мѣсяца показались мнѣ тремя днями, болѣе всего благодаря

Digitized by Google

живой феѣ. Вдругъ получаю я письмо отъ моихъ домашнихъ, въ которомъ меня увѣдомляли о болѣзни отца. Старикъ требовалъ, чтобы я скорѣе вернулся въ деревню.

«Признаюсь, въ то время, привычка къ мадамъ О.... зашла такъ далеко, мнѣ такъ стали необходимы ея пѣсни, и ласки, и всякій вздоръ, котораго я всегда заслушивался, что только важная причина могла прогнать меня изъ Петербурга.

«Я отправился къ ней и подалъ письмо.

«Она пробѣжала его очень скоро и, глотая слезы, посмотрѣла на меня. Прочитавъ, вѣроятно, на моемъ лицѣ неколебимую рѣшимость:

— «Такъ ты ѣдешь? — сказала она дрожащимъ голосомъ.

— «Ѣду, — сегодня же.

— «Я знала, что ты меня не любишь.

«Слезы брызнули градомъ.

«Говорить ей банальности мнѣ не хотѣлось, утѣшить ее я не съумѣлъ бы: поэтому я счелъ за лучшее не говорить ничего.

«Я закурилъ папироску и вздумалъ класть дрова въ каминъ.

«Она рыдала.

— «Такъ ты рѣшительно ѣдешь?

— «Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ я.

— «Ты не сталъ бы спрашивать, если бы любилъ меня. Мы всегда виноваты сами въ своемъ несчастіи.

— Прекрасный другъ мой, ты говоришь горькую, но великую истину. Я готовъ повиниться во всемъ, но развѣ ты не знала, что надо было предвидѣть все, что случилось теперь. Я принадлежу моему семейству, я завишу не отъ себя. Ты знала, что рано или поздно намъ придется разстаться: я не скрылъ отъ тебя ничего.

— «Да, но если бы ты любилъ меня, не говорилъ бы это.

«Я не нашелся отвѣчать. Мы только въ томъ и расходились, что я ея не любилъ. Но я и самъ сознавалъ это.

— «Поль, — сказала она, помолчавъ немного и все сквозь слезы,—дай мнѣ слово, что ты не забудешь меня, что будешь писать ко мнѣ, а я бы пріѣхала къ тебѣ.

— Помилуй, куда жъ ты поѣдешь? — я буду жить въ деревнѣ, съ отцомъ.

— А на́ зиму?

Digitized by Google

— «На зиму? почемъ я знаю, что будетъ со мной, гдѣ я буду?

«Она опять громко зарыдала. Мнѣ становилось ужасно тяжело. Я всталъ, поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ, насильно вырвалъ свою руку изъ ея рукъ, которыми, она «физически» хотѣла удержать меня, и вышелъ отъ нея, не рѣшаясь даже оглянуться.

«Еще минуту, и я бы остался.

«Къ моему счастію, въ малль-постѣ нашлось мѣсто на тотъ же день: иначе я, конечно, вернулся бы къ ней, и не скоро, пожалуй, увидѣлъ бы свой родимый берегъ.

«Выѣзжая изъ заставы, я съ грустію оглянулся на Петербургъ. Почемъ знать—думалось мнѣ—можетъ быть въ этой женщинѣ заключается для тебя счастіе цѣлой жизни? И отчего мы всегда гоняемся за тѣмъ, чего нѣтъ у насъ?

«Мелькали версты, колотили ухабы — это было въ концѣ зимы — меня все еще, подъ часъ, тянуло назадъ.

«Станція за станціей, я пріѣхалъ въ Т., откуда мнѣ нужно было свернуть съ большой дороги. Двухдневная тряска, зимняя стужа, методическое храпѣніе толстяка-сосѣда, какимъ напримѣръ въ этотъ разъ наградила меня судьба, — отличныя средства противъ всякихъ душевныхъ болѣзней, воспоминаній и сердечной тоски!

«Въ Т., когда я выходилъ изъ почтовой кареты, я мало помнилъ о Петербургѣ; усталый, бросился въ гостинницѣ на первый диванъ и заснулъ сномъ богатырскимъ.

«На другое утро я поспѣшно собрался въ путь и понесся къ моимъ пенатамъ, какъ только можно нестись по проселку и гуськомъ ... Мнѣ хотѣлось видѣть отца, сестеръ.

«Всякій изъ васъ знаетъ, что значитъ семейная жизнь, тихая, деревенская, послѣ городскаго шума. Я съ дѣтства не любилъ деревни на долго, но всякій разъ, когда пріѣзжалъ и теперь пріѣзжаю въ деревню послѣ столичнаго сезона, деревенское житье производитъ на меня удивительное дѣйствіе. Поживешь на свѣжемъ воздухѣ мѣсяца два, много три, и окрѣпнешь какъ то: родятся новыя силы! А въ первой молодости, покуда еще не установишься и рыщешь по бѣлу свѣту безъ опредѣленной цѣли, и бросаешься во все безъ мѣры, семейный очагъ, когда возвратишься къ нему, успокоиваетъ и морально.

Digitized by Google

«Пріѣхавъ въ деревню, я врядъ ли два раза на минуту пожалѣлъ о Петербургѣ, вплоть до того дня, когда мнѣ подали письмо, на которомъ я сейчасъ же узналъ руку мадамъ О.... И тогда, признаюсь, сердце невольно таки сжалось. Отсутствующіе какъ мертвые, а мертвыхъ, иногда, любишь только за то, что они тебя любили, хоть бы самъ и не питалъ большаго сочувствія къ нимъ при жизни.

«Письмо мадамъ О.... было болѣе нежели нѣжно; оно дышало страстью.

«Я отвѣчалъ ей сейчасъ же. И увѣряю васъ, что, благодаря разстоянію, мнѣ не стоило ни малѣйшаго усилія поддѣлаться подъ ея тонъ. Минута заочной бесѣды заняла меня какъ нельзя пріятнѣе.

«За первымъ письмомъ получилъ я другое, потомъ третье и, въ продолженіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ, корреспонденція шла очень исправно съ обѣихъ сторонъ. Женщины вообще любятъ писать; почему и я сначала нисколько не лѣнился, — хорошенько сказать не умѣю. Потомъ письма мои сдѣлались короче: я сталъ писать неохотнѣе и, наконецъ, вовсе пересталъ писать.

«Отъ далекаго сѣвера, между тѣмъ, летѣлъ на меня упрекъ за упрекомъ и сыпались, одинъ за другимъ, всѣ эпитеты лексикона покинутой женщины.

«Но меня, въ это время, заняли другія заботы, которыя, вмѣстѣ съ временемъ, болѣе и болѣе охлаждали меня и къ воспоминаніямъ, и къ мадамъ О...., и выставляли мнѣ исторію знакомства съ ней какъ самую вседневную вещь.

«Въ началѣ зимы слѣдующаго года, уже въ Москвѣ, я получилъ, наканунѣ моей свадьбы, между разными посылками изъ деревни, письмо отъ мадамъ О.... Оно кончалось словами: «если ты черезъ двѣ недѣли не будешь въ Петербургѣ или не выучишь меня, что я должна сдѣлать, чтобы тебя видѣть, je te jure, Paul, que je mettrai fin à une existence qui, sans toi, me pese....

«Письмо это провалялось въ деревнѣ слишкомъ двѣ недѣли, прежде нежели было отправлено ко мнѣ, и — вы поймете — ни мало меня не встревожило. Болѣе всего успокоивала меня именно послѣдняя фраза.

«Прошло еще три года. Женатый, électeur et éligible, пріѣзжаю я въ NN, на выборы.

Digitized by Google

«На балѣ дворянскаго предводителя меня знакомятъ съ однимъ барономъ, только что пріѣхавшимъ изъ Петербурга, и начавшимъ (не знаю ужь для чего, но такъ говорили мнѣ) жить въ губернскомъ городѣ самой богатой рукой. Баринъ зоветъ меня на балъ, и ведетъ отыскивать свою барыню, чтобы ей представить меня.

«Въ амбразурѣ окна, спиной къ намъ, въ разговорѣ съ другой дамой, вижу я даму, которая, на голосъ моего будущаго амфитріона, оборачивается.

— «Душенька, мосье П....—говоритъ будущій амфитріонъ.

«Я смотрю и не вѣрю. Передо мной стоитъ мадамъ О....

«Не знаю на сколько, по вашему, я былъ виноватъ передъ ней, но въ минуту этой встрѣчи я едва-едва устоялъ на ногахъ. Она не измѣнилась въ лицѣ ни на волосъ, и самымъ твердымъ, самымъ спокойнымъ голосомъ, сказала:

— «Мы, кажется, старые знакомые?

«Я посмотрѣлъ на нее, на мужа, толстаго, слишкомъ пятидесятилѣтняго, сѣдаго, съ лоснившимся отъ здоровья и сіявшимъ отъ самодовольствія лицомъ.

«Она была въ эту минуту, случай что ли, ну точно портретъ съ той, которую я встрѣтилъ въ первый разъ, въ воксалѣ. Какъ на смѣхъ не забыта была и серизовая лента, и та же прическа!

«Богъ знаетъ что сдѣлалось со мной.

«Я отвѣчалъ ей, помнится, какую-то ничего не значащую фразу.

«Я не Печоринъ, господа, но мнѣ ужасно стало ее жалко, и я сейчасъ же уѣхалъ изъ NN.

—

Я записалъ этотъ разсказъ для одного моего пріятеля, который хвалился мнѣ, что извѣдалъ сердце женщины. Можетъ быть, этотъ этюдъ будетъ не безполезенъ для него....

ПОСЛѢДНІЙ УЖИНЪ.

(Разсказъ Сирила Турнёра.)

Октавъ былъ малый умный и образованный, но все его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ попалъ въ Парижъ, на свободу, довольно богатый и весьма юный. Умъ его былъ нѣсколько слабъ, и притомъ не было у него положительныхъ пра-

Digitized by Google

нилъ. Конечно, онъ любилъ искусства, науку, и всѣ его повседневныя привычки носили отпечатокъ порядочности; но какой-то избытокъ жизненной силы и страсть къ удовольствію, какого бы рода ни было оно, поставили его въ положеніе жизни не совсѣмъ безукоризненной. Слишкомъ часто расточалъ онъ сокровища своего сочувствія тамъ, гдѣ это вовсе не было нужно; слишкомъ часто обращалъ день въ длинную оргію, до того, что многія вещи, которыя, при другихъ условіяхъ, могли бы сдѣлаться источниками возвышенныхъ удовольствій, становились для него утомительнымъ и унизительнымъ препровожденіемъ времени. До всего этого, однако, дошелъ онъ не вдругъ. Онъ получилъ воспитаніе чистое и тихое, подъ сѣнью родительской кровли, и не скоро привыкъ смотрѣть безъ отвращенія на картины порока. И на дурномъ пути онъ обнаружилъ самолюбіе, которое, будучи употреблено съ большею пользою, повело бы его далеко. Когда онъ дошелъ до того, что могъ помѣриться съ самымъ отважнымъ пятухомъ, когда списокъ его легкихъ побѣдъ оказался изрядно-длиненъ,—тогда онъ почелъ себя если не за великаго человѣка, по крайней мѣрѣ за великаго молодаго человѣка. Молодежь того времени создала себѣ безобразный типъ, занявъ половину отъ Гаргантуа, половину отъ Донъ-Жуана, и этотъ-то типъ хотѣлось нашему герою олицетворить въ себѣ. Прибавьте къ этому современную замашку—посредствомъ нескончаемыхъ философскихъ теорій оправдывать всѣ возможные пороки: и вы получите понятіе о тѣхъ краснорѣчивыхъ оправданіяхъ, которыя Октавъ всегда умѣлъ противопоставить голосу вопіющей совѣсти.

Таковъ былъ Октавъ: въ немъ было много и хорошаго и дурнаго, но, безъ сомнѣнія, дурное брало верхъ надъ хорошимъ.

Я ужь сказалъ вамъ, что онъ былъ независимъ. Самый близкій родственникъ былъ у него *дядя*, жившій въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ провинцій. Этотъ дядя вовсе не походилъ на племянника. Онъ былъ старый служака, пересѣдѣвшій подъ лямкой и большой чудакъ, но вполнѣ понималъ разницу между худымъ и хорошимъ, и при этомъ владѣлъ непоколебимыми правилами нравственности и умѣренности. Съ мужчинами онъ былъ заносчивъ и вспыльчивъ, но за то кротокъ и крайне-обходителенъ съ женщинами. Кромѣ того, у старика и тонъ и манеры были на прежній ладъ, и такіе, которыхъ нынѣ не осталось и слѣда. Все было перемѣшано въ немъ: и суровость солдата, и аристокра-

Digitized by Google

тическія привычки, — изъ чего и выходило весьма странное цѣлое. Онъ круглый годъ жилъ въ деревнѣ, охотился, обѣдалъ и игралъ въ пикетъ съ сосѣдями. Онъ охотился отчаянно, ѣлъ за четверыхъ и сердился за картами; но въ сущности былъ человѣкъ отличный, еще здоровый и свѣжій, на смѣхъ его седьмому десятку, съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ носившій вѣнецъ изъ сѣдыхъ волосъ, — и конечно Октавъ, веди онъ жизнь болѣе правильную, не зналъ бы какъ нахвалиться привязанностію и совѣтами такого дяди.

Довольно понятно, притомъ, что они какъ-то не ладили другъ съ другомъ, и, лишь только сходились, заводили непремѣнно одинъ изъ тѣхъ забавныхъ споровъ, которыми авторы комедій и водевилей пробавляются изстари. Дядя былъ не больно терпѣливъ и отпускалъ племяннику горькія истины; племянникъ, не привыкши много стѣснять себя ни для кого, отвѣчалъ дерзостями. Но какъ дядя былъ холостъ, богатъ и, въ случаѣ надобности, способенъ лишить его наслѣдства, Октавъ никогда не доводилъ споровъ до послѣдней крайности: онъ зналъ, что если разошелся бы съ нимъ не на шутку, то некому бы было платить его долги, а эту пріятную обязанность дядя исполнялъ довольно часто, хотя всякій разъ съ приговорами, «что Октавъ-де повѣса и негодяй, и, въ другой разъ, пусть ужъ выпутывается самъ, какъ умѣетъ!» Дядя только требовалъ отъ племянника, чтобы онъ каждый годъ пріѣзжалъ къ нему лѣтомъ, мѣсяца на два. Въ душѣ Октавъ даже любилъ своего дядю и никогда не жалѣлъ о времени, которымъ обязанъ былъ жертвовать ему, и которое, отрывая его отъ привычнаго бездѣлія и праздношатанія, оживляло въ немъ лучшія и болѣе чистыя стремленія, не вовсе еще вымершія.

Было и другое обстоятельство, сокращавшее для Октава эти два мѣсяца деревенскаго житья. Его дядя былъ опекуномъ одной дѣвушки, Ореліи, вступавшей въ цвѣтъ 18-лѣтней красоты своей. Съ годъ уже окончила она свое воспитаніе, и съ того времени завѣдывала у холостяка всѣмъ домомъ и оживляла весь домъ своей природной веселостью. Она была и хороша лицомъ, и мила, и любезна: всѣ эти слухи о ней скоро разошлись по околодку. И не одинъ визитъ Октавину дядѣ имѣлъ цѣлью предложеніе воспитанницѣ. Онъ предоставилъ Ореліи полную свободу выбора, но дѣвушка отказывала всѣмъ, на что дядя ни мало не сердился,

Digitized by Google

потому что надѣялся выдать ее за племянника, и давно бы ему сказалъ объ этомъ, еслибъ Октавъ неоднократно не изъявлялъ при немъ свое отвращеніе отъ брака.

— Да вздоръ! думалъ про себя дядя: — Орелія такая красавица, что онъ отступится отъ своего мнѣнія. Онъ будетъ часто видаться съ ней, проведетъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ въ деревенскомъ полу-уединеніи, и навѣрное влюбится!

Все это не только было очень вѣроподобно, но даже и случилось. У Ореліи были и тонкія черты лица, и удивительные, бѣлокурые волосы, и живые, свѣтлые глаза, и ротикъ, въ одно время улыбавшійся и серьезный. Октавъ воспламенялся быстро и легко. Онъ полюбилъ ее какъ разъ.

Орелія, кромѣ того, была отличная наѣздница, ѣздила на охоту, съ дядей и племянникомъ, скакала шутя черезъ плетни и овраги, и дядя, любуясь на ловкость и умѣнье, съ какими ея маленькая ручка справлялась съ инымъ рьянымъ скакуномъ, подъ часъ говаривалъ про себя:

— Вотъ жена моему племяннику. Какой ему еще жены? Она и держать-то его будетъ строго, и накажетъ, когда онъ споткнется!

Октавъ вряд ли бы согласился въ этомъ съ дядей, но онъ все-таки любилъ Орелію.

Любила ли его Орелія? Это узнать было потруднѣе. Несомнѣнно, что она не питала къ нему отвращенія. Она выслушивала его любезности съ самодовольной улыбкой, охотно вступала съ нимъ во всякій разговоръ, не мѣшала ему держать стремя, когда садилась на лошадь, и нѣсколько разъ даже танцовала съ нимъ на сельскихъ праздникахъ: но все это были признаки неопредѣленные. Не знаю какимъ образомъ дошли до нея слухи о его Парижскомъ житьѣ. Всѣ его продѣлки очень ей не нравились, и она какъ будто за нихъ сердилась на него. Характеръ ея былъ твердый, отчасти даже гордый. Нерѣдко она отпускала ему довольно колкія насмѣшки. Не рѣдко случалось Октаву замѣтить, что она вдругъ бросала работу и подымала на него свои большіе, голубые глаза, въ которыхъ было только строгое и холодное выраженіе, и ни малѣйшаго слѣда любви. И тогда онъ приходилъ въ замѣшательство. Онъ спрашивалъ себя: къ чему поведетъ волокитство за Орелiей? По природѣ своей

Digitized by Google

человѣкъ не безчестный, онъ врядъ ли бы рѣшился употребить во зло ея расположеніе, да и было ли еще расположеніе? Жениться? Объ этомъ онъ и до сихъ поръ не умѣлъ подумать безъ содроганія. Онъ не могъ представить себѣ возможности хладнокровно отказаться отъ того, что называлъ своей свободой, и удовольствія уложить себя въ предѣлы мирной и правильной жизни.

И все-таки онъ продолжалъ ухаживать и любезничать. Она становилась съ нимъ все болѣе коротка и болѣе весела, — смѣялась надъ нимъ безъ мѣры и въ этомъ не знала предѣловъ.

Хорошъ влюбленный! говорили всѣ ея взгляды, всѣ ея движенія. Нравимся мы вамъ — скажите, а мы подумаемъ.

Развязкѣ суждено было наступить въ непродолжительномъ времени. Октавъ воспользовался для этого первой минутой уединенія: былъ краснорѣчивъ и нѣженъ. Орелія въ началѣ его объясненія какъ будто бы смутилась, потомъ вдругъ захохотала и сказала:

— Полноте шутить. Это очень остроумно!

Молодой человѣкъ стоялъ на своемъ, и такъ какъ онъ, разумѣется, былъ затронутъ за живое неожиданностію отвѣта Ореліи, — слова его полились сильно, въ голосѣ послышалось чувство.

Дѣвушка перестала смѣяться и спросила:

— Октавъ, вы говорите серьёзно?

Она остановилась и смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ выраженіи ея лица въ это время было и строгое что-то, и что-то тихое, похожее на расположеніе къ Октаву. Онъ такъ былъ смущенъ силой этого выраженія, что не нашелся отвѣчать ни слова.

Она продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Если такъ, обратитесь къ вашему дядѣ.

И сказавъ это, она ушла, какъ бы испугавшись того, что сказала слишкомъ много.

— Это значитъ, она хочетъ, чтобы я женился на ней, — подумалъ Октавъ. — И она по своему права, а я-то хорошъ: сижу тутъ да влюбляюсь. Сберусь-ка я сегодня, да и уѣду сейчасъ въ Парижъ; и тамъ все пойдетъ по прежнему!

Эти размышленія прервалъ слуга, отъ имени дяди за нимъ явившійся.

Digitized by Google

— Ты знаешь, племянникъ, — сказалъ дядя, — что я смотрю на тебя какъ на сына. Я готовъ сдѣлать для тебя многое, но надо и тебѣ что-нибудь сдѣлать для меня.

— Охотно, дядюшка.

— Ты ведешь праздную жизнь. Ты проѣдаешь свое состояніе. По моему тебѣ надо остепениться.

— Я бы не прочь.

— Для этого, я хочу тебя женить.

— Ой-ой!

— Да, сударь, и на особѣ, къ которой вы, я думаю, даже не равнодушны.

— На комъ?

— На Орелiи.

— Какъ вы себѣ хотите, дядюшка, а этого не будетъ.

— Что? Не будетъ? Такъ-то? Хорошо, любезный, я лишу тебя наслѣдства.

— Вольному воля, дядюшка.

Октавъ уѣхалъ.

Какъ ни сильна во всѣхъ людяхъ привычка дѣйствовать тѣмъ или другимъ образомъ по внушенію минуты, но есть во всѣхъ что-то такое, сердце ли, совѣсть ли, что подъ часъ говоритъ, что нужно было бы поступать не такъ. Октавъ, воротившись въ Парижъ, сдѣлался печаленъ. Старые пріятели, прежнія продѣлки не занимали его. Орелія, оставшаяся вдвоемъ съ старикомъ въ домѣ, недавно еще оживленномъ его присутствіемъ, производила на него какое-то странное впечатлѣніе. Но онъ твердо помнилъ выраженіе самоувѣренности на ея прекрасномъ лицѣ. Казалось, она слишкомъ хорошо знала цѣну своей красоты.

Воспоминаніе объ Орелiи, однакожъ, не покидало юноши ни на минуту. Часто проносились мимо его ея граціозныя формы. Она чудилась ему и по утрамъ, когда онъ сидѣлъ одинъ, грустенъ и задумчивъ; она являлась его воображенію и въ тѣ разгульные часы, которые онъ проводилъ съ пріятелями: но тогда взглядъ ея былъ холоденъ и строгъ. Впрочемъ Октавъ при своемъ упрямствѣ не легко отступалъ отъ привычнаго пути: и онъ на зло своей усталости все шелъ по старой дорогѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ уже не слыхалъ онъ ничего о мирной семьѣ, въ которую отказался вступить. Съ каждымъ днемъ его шумныя удовольствія и неправильная жизнь болѣе и болѣе

Digitized by Google

дѣлались ему тягостны. Душой былъ бы радъ онъ, еслибъ кто вытащилъ его изъ этой тьмы, изъ которой, онъ это зналъ, не доставало у него силы выбраться самому. Чего не далъ бы онъ за то чтобы безъ усилій, какимъ-нибудь волшебствомъ, очутиться вдругъ въ домѣ дяди, — чтобы упасть къ ногамъ этой дѣвушки, которою пренебрегъ онъ, — чтобы навсегда сдѣлаться мирнымъ и простымъ семьяниномъ? И отъ всего этого отдѣляла его только привычка, отнюдь не привязанность къ дурному; но привычка такой врагъ, котораго подъ часъ труднѣе побѣдить, нежели самыя неукротимыя страсти.

Разъ какъ-то, у него былъ ужинъ. Комната была ярко и весело освѣщена. Хрусталь стакановъ, красный или румяный, смотря по вину, горѣлъ то рубинами, то золотомъ. Открытыя окна, выходившія въ садъ, возвышали этотъ блескъ противоположностію ему тѣней ночи и таинственнымъ мракомъ аллей и куртинъ. Вокругъ стола сидѣло съ дюжину молодыхъ лицъ, привѣтливо улыбавшихся ожидаемому удовольствію, и не успѣвшихъ еще поблекнуть и осунуться отъ добровольныхъ безсонницъ. По временамъ раздавалась въ воздухѣ пѣсня, подхватывалась хоромъ и терялась вдали съ гармоническимъ шумомъ и чистымъ, легкимъ отзвукомъ, подобнымъ звону сдвинутыхъ хрустальныхъ стакановъ.

Одинъ молодой человѣкъ всталъ, залпомъ осушилъ огромный стаканъ и, принялъ стоя, нахальную позу. Темное, мужественное лицо, роскошные волосы, широкія плечи, мускулистый складъ: все это обличало одну изъ тѣхъ натуръ, которыя не боятся усталости и могутъ всегда пользоваться всѣми удовольствіями, безъ боязни, что усталость и удовольствія ихъ осилятъ.

Октавъ, въ эту минуту, видѣлъ въ немъ героя расточительности, мотовства и разврата. Ему показалось, что и самъ онъ не дурно воспользовался жизнію, что онъ нашелъ и найдетъ еще на своемъ пути удовольствія, нескончаемо возобновляющіяся. Онъ, въ свою очередь, всталъ и произнесъ:

— Кто рѣшится утверждать, что мы не счастливы? Покуда этѣ дамы будутъ молоды, (онъ окинулъ взоромъ женскую половину общества, достаточно, думаю я, описанную не въ одномъ современномъ романѣ), покуда вино не перестанетъ отражать въ себѣ лучи этихъ лампъ, и намъ будетъ дано пить его въ ста-

Digitized by Google

канахъ изъ такого хрусталя, — мы будемъ счастливы неисчерпаемымъ счастіемъ!

И всѣ его товарищи, какъ будто бы для того, чтобы подтвердить эти слова и поддержать вызовъ здравому смыслу и насмѣшку надъ нимъ, — всѣ присутствующіе предались громкой и шумной радости. Ужинъ обратился въ оргію, все болѣе и болѣе неистовую: мало по малу хриплые звуки стали останавливаться въ глоткахъ, блѣдная личина утомленія и хмѣля покрыла всѣ лица, и, наконецъ все это оказалось полу-лежащимъ, полуспящимъ, гдѣ и какъ попало, но болѣе всего на полу, уподобившемся полю послѣ сраженія.

Окна остались отворены. Наступало утро, съ своимъ бальзамическимъ дыханіемъ, словно очищеннымъ въ горнилѣ ночи. Оно пробѣжало по лбамъ всѣхъ этихъ раненыхъ оргіей, но разбудило съ ними не ихъ чистыя чувства, которыми раждающійся лѣтній день наполняетъ душу, а чувства разстроеннаго желудка, отяжелѣвшей головы и униженнаго сердца. Они всѣ разошлись мало-по-малу, и Октавъ остался одинъ, лицемъ къ лицу съ самой скучной вещью въ мірѣ, — столомъ, за которымъ уже нѣтъ собесѣдниковъ, гдѣ стаканы валяются опорожненные на облитой скатерти, гдѣ блестящее сдѣлалось мутнымъ, веселое мрачнымъ, гдѣ все, наконецъ, какъ бы вызываетъ предъ лице ваше худую, блѣдную тѣнь разврата, но уже безъ малѣйшихъ прикрасъ, безъ блестящаго взора, безъ безстыдной отваги на челѣ. Октавъ былъ уничтоженъ. Въ окно видѣлъ онъ небосводъ болѣе и болѣе бѣлѣвшій и свѣтлѣвшій по окрайнѣ, но онъ былъ глупъ и нѣмъ передъ красотами природы. Онъ наяву боролся съ страшнымъ кошемаромъ. Испаренія вина, его охватившія, производили въ немъ невыразимое отвращеніе, и онъ охотно бы бросился теперь на снѣгъ, чтобы освѣжиться хоть тѣломъ, если не душой.

Вдругъ слышитъ онъ звонокъ. Слуга его отворилъ дверь въ столовую, и вошла молодая женщина, объ руку съ старикомъ. Это были его дядя и Орелія. Старикъ сердито хмурилъ брови, дѣвушка, слегка поморщившаяся при видѣ представлявшагося ей безпорядка комнаты, кротко улыбалась, и смотрѣла на Октава съ состраданіемъ и любовью. Она была похожа на неземное видѣніе: блестя всей своей непорочностію, она какъ бы оставляла за собой яркія полосы свѣта. Діана, если когда-нибудь случилось ей дѣвственнымъ присутствіемъ своимъ разгонять толпу

Digitized by Google

чавновъ и вакханокъ, въ такую минуту непремѣнно была одарена тою граціей и тѣмъ величіемъ, которыя теперь поражали въ Ореліи. Отъ одного ея взгляда чадъ и хмѣль вылетѣлъ изъ головы Октава. Онъ понялъ, что еще было время ему спасти себя, и прежде нежели дядя успѣлъ отворить ротъ, чтобы начать предположенный выговоръ, Октавъ сказалъ:

— Я виноватъ. До сегодня я былъ самымъ злѣйшимъ врагомъ своимъ, но я намѣренъ исправить всѣ мои глупости, если Орелія и вы это позволите.

Дѣвушка протянула ему руку, которую онъ схватилъ, и обратившись къ дядѣ, продолжалъ:

— Позвольте мнѣ вамъ представить вашу племянницу!

Нѣсколько времени спустя, ему встрѣтился одинъ изъ его прежнихъ товарищей:

— Кстати, Октавъ, когда ты насъ опять позовешь ужинать? У тебя всегда славный ужинъ! — спросилъ тотъ.

— Я не ужинаю нынче, я обѣдаю, — отвѣчалъ Октавъ.

ОПЯТЬ ЭТИ ЭКСЦЕСТРИКИ! — Мало ли толковали, толкуютъ и вѣроятно еще будутъ толковать объ эксцентричностяхъ сыновъ Альбіона! Чего не писали, не пишутъ, и еще не будутъ писать по этому поводу! Но всего о ихъ странностяхъ, и въ самомъ дѣлѣ, не перескажешь. На дняхъ, напримѣръ, пишутъ изъ Булони: «Здѣсь недавно поставлена пьеса цирка, *Мюратъ*. Англичане переплываютъ черезъ каналъ, являются въ театрѣ и по окончаніи спектакля возвращаются во-своясси, точно такъ же, какъ если бы житель одного Парижскаго квартала вздумалъ отправиться поужинать въ другой....»

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЧУДО. — Въ Moniteur du Loiret пишутъ: Мы видѣли здѣсь одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій человѣчества, которыя смѣются надъ самыми сложными трудностями ариѳметики, геометріи и алгебры. Это 15-ти-лѣтній отрокъ, безрукій и безногій; 10 лѣтъ разрѣшающій съ быстротой мысли самыя мудреныя математическія задачи. Его зовутъ Шарль Грандманжъ, онъ родомъ изъ Эпинала, и содержитъ все свое семейство. Грандманжъ собирается въ непродолжительномъ времени дать сеансъ въ одной изъ залъ Коллегіума, гдѣ Профессоры лицея, ученые, врачи и другія лица хотятъ удостовѣриться въ его способностяхъ.

Digitized by Google

МАНТІЯ СУЛУКА И КОЛЫБЕЛЬ БУДУЩАГО ПРИНЦА АСТУРІЙСКАГО.— Изъ Парижа, на сихъ дняхъ выѣхали: 1) въ Гаити, мантія работы портнаго Фабіесса, въ которую намѣренъ облечься Императоръ Сулукъ, во время торжества своего коронованія; эта мантія изъ бархата, вышита золотомъ и драгоцѣнными камнями и стоитъ 50,000 Ф.;— 2, вѣса въ Мадридъ, — колыбель будущаго наслѣдника Испанскаго престола, заплаченная 142,000 Ф. Она складная и уложена въ 4-хъ ящикахъ. Въ осьми другихъ ящикахъ заключается все нужное на первый случай для ожидаемаго съ нетерпѣніемъ новаго гостя міра; во всѣхъ ящикахъ 3,500 фунтовъ вѣса.

ПРИМѢРЪ ДОЛГОЛѢТІЯ. — Въ Герцогствѣ Голштинскомъ одна жидовка не давно праздновала сотый день своего рожденія. Она теперь вдова и была выдана замужъ 13 лѣтъ; у нее трое живыхъ дѣтей, старшему 82 года, второму 70, третьему 60. У одной изъ ея внучекъ есть сынъ, которому 20 лѣтъ. Со дня своей свадьбы госпожа Глимейеръ занималась ремесломъ модистки, и только въ послѣдніе годы отказалась отъ него, потому что умственныя ея способности стали ослабѣвать. Но до сихъ поръ она наслаждается прекраснымъ здоровьемъ, занимается хозяйствомъ и кое-какимъ рукодѣльемъ.

НОВОЕ ПРІОБРѢТЕНІЕ ВЕРСАЛЬСКАГО МУЗЕЯ. — Въ Версальскій музей перевезенъ надгробный памятникъ Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской. Этотъ превосходный памятникъ, вылитый въ Гренадѣ, — одинъ изъ лучшихъ образцовъ искусства Испаніи. Въ музей Лувра привезены и другія изваянія и также будутъ поставлены въ галлереяхъ Версали.

ЖОКЕЙ РОБИНСОНЪ. — Извѣстно что главное достоинство жокея — худоба. Между любителями спорта сохраняется по поводу этого свойства презабавное преданіе.

На одной изъ Англійскихъ скачекъ, въ Эпсомѣ или Ньюмаркетѣ оказалось, что одна изъ состязавшихся лошадей не выиграла приза единственно отъ небрежности, или недосмотра ея наѣздника, Робинсона. Робинсонъ былъ вдвойнѣ самолюбивъ: какъ кровный Англичанинъ и какъ истый жокей, т. е. спортмэнъ не только по обязанности, но и въ душѣ. Удостовѣрившись

Digitized by Google

въ своей ошибкѣ и ея грустныхъ послѣдствіяхъ, передъ лицомъ многочисленной толпы давшей средства къ побѣдѣ скакуну, который иначе бы не выигралъ, Робинсонъ, не долго думая, рѣшился повѣситься. Въ одну минуту была готова веревка, сдѣлана петля; Робинсонъ накинулъ себѣ ее на шею, повисъ, но удавиться не могъ: онъ былъ слишкомъ легокъ.

ДОЛИНА ТАЙНЫ. — Близъ Діаго, на сутки разстоянія отъ Тихаго океана, открыто обширное пространство, занятое древними развалинами. Индѣ эти развалины похожи на города недавно найденные на Мексиканскомъ заливѣ; индѣ напоминаютъ древности Египетскія, индѣ памятники Финикіи; но въ цѣломъ онѣ во многихъ отношеніяхъ носятъ печать рѣзкой особенности. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что начало этихъ развалинъ принадлежитъ временамъ допотопнымъ, тѣмъ болѣе, что у Индійцевъ живетъ преданіе о древнемъ народѣ, будто бы чрезвычайно образованномъ и стертомъ съ лица земли отдаленными предками. Индійцы назвали мѣсто, гдѣ сосредоточены всѣ эти развалины, Долиною Тайны.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОДНОГО НЕДОРАЗУМѢНІЯ. — Въ 125 № Сѣверной Пчелы помѣщены извѣстія изъ Москвы объ Италіянскомъ театрѣ, съ подписью: *Москвитянинъ, дача въ Лужникахъ.* Нѣкоторые изъ читавшихъ думали, что это Лужницкій старецъ возвышаетъ свой голосъ. Нѣтъ. Прежній старецъ давно отошелъ къ отцамъ, а этотъ долженъ быть или самозванецъ, или старецъ новый, — и, по крайней мѣрѣ, не нашъ Москвитянинъ. Замѣчаемъ потому, что нѣкоторые журналы и газеты, перепечатывая наши статьи, ставили подъ ними также имя Москвитянинъ, что, въ настоящемъ случаѣ, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ или недоумѣнію.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. — Недавно получена здѣсь *вторая* книжка «Военнаго журнала», о которомъ мы говорили въ предъидущемъ N. Сообщаемъ содержаніе ея: *Военная Исторія.* Очеркъ Венгерской войны 1848 — 49 г. (Пер. съ Нѣмецкаго, Полков. Богдановича и Подполк. Лебедева). — *Библіографія.* Исторія кампаніи 1815 года во Франціи и Бельгіи, соч: Сиборна. — *Смѣсь.* Приступы къ Заачѣ и осада этого селенія.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

САМОУБІЙСТВО ОТЪ ЛЮБВИ. — Есть люди, вообще расположенные къ сомнѣнію, готовые увѣрять, напр., что истинная любовь — химера, самоубійство отъ любви — невозможность. Для такихъ скептиковъ мы выписываемъ слѣдующее: Много толковали въ Парижѣ этими днями о самоубійствѣ довольно-извѣстной актрисы Комической Оперы, госпожи Сара. Немногіе знаютъ подробности этаго грустнаго происшествія; вотъ нѣкоторыя: Госпожа Сара отравилась вслѣдствіе дошедшаго до нея извѣстія о бракѣ одного молодаго человѣка, котораго знала она въ Италіи и который далъ ей слово жениться на ней. Съ нѣкотораго времени женихъ пересталъ писать къ ней и мрачное отчаяніе овладѣло забытою. Все это обнаружилось сначала только странными выходками, необъяснимыми прихотями, которыя единогласно были сложены на счетъ ея своеобразности, столько свойственной артистамъ. На канунѣ своей смерти, Госпожа Сара получила отъ директора одного изъ провинціальныхъ театровъ подписанное уже имъ условіе, по которому она должна была получать 40 т. Ф. въ годъ!—

Не вѣрьте, послѣ этого, существованію любви, не вѣрьте любви на подмосткахъ и роману въ Комической Оперѣ!—Кстати объ Оперѣ. Вотъ что пишутъ Французскіе журналы

О НОВОЙ ОПЕРѢ ГАЛЕВИ. — Галеви написалъ для Лондона Оперу: *Буря*. Либретто принадлежитъ академику Скрибу и не иное что, какъ перифраза Шекспировой »Бури.« Опера имѣла громадный успѣхъ. Но любопытно прежде всего послушать, что разсказываетъ, по поводу рожденія этой *Бури*, неистощимый Парижскій фельтонистъ, г. Эженъ Гинò:

»Въ началѣ нынѣшней зимы директоръ театра Королевы, сэръ Лонлей, извѣстный своею неутомимостію на пользу искусства и музыкальныхъ удовольствій Великобританскихъ меломановъ, явился въ Парижъ съ намѣреніемъ достать новую оперу. За пов-

Digitized by Google

мой онъ, естественно, обратился прямо къ г. Скрибу, извѣстному маэстро по этой части; за музыкой пошелъ сначала не къ г. Галеви, а къ другому, также не мало извѣстному композитору. Виртуозъ взялъ на себя сочиненіе музыки, согласился на предлагаемый срокъ и въ заключеніе завелъ рѣчь о вознагражденіи, требуя формальнаго условія. Съ перваго слова объ этомъ предметѣ, сэръ Лонлей остановилъ его, объявивъ, что на этотъ счетъ онъ долженъ положиться на Британскую щедрость и помнить высокое покровительство, подъ которымъ находится его будущая арена. Маэстро, человѣкъ положительный, не согласился на такое условіе, и Лонлей, оскорбленный, отправился къ г. Галеви. Г. Галеви изъявилъ свою готовность написать оперу, тѣмъ болѣе что Скрибъ уже далъ обѣщаніе доставить либретто, на условіяхъ предложенныхъ Лонлеемъ. Когда опера была готова, — Г-нъ Галеви и Скрибу дали знать, что ихъ ждутъ въ Лондонѣ, для постановки. Издержки пути были наперед заплочены. Въ Кале ожидалъ ихъ режиссеръ. Въ Лондонѣ, на пристани, встрѣтилъ ихъ Лонлей и проводилъ до приготовленнаго имъ помѣщенія: каждому изъ нихъ, по близости театра Королевы, была отведена великолѣпная квартира,—между Гейдъ-Паркомъ, Трафалгарскою площадью и улицей Регента (это лучшій кварталъ Лондона). Экипажи, прислуга, переводчики: все это ужь ожидало ихъ. Въ честь гостей устроено было нѣсколько праздниковъ; имъ давали обѣды; показывали все любопытное въ Лондонѣ; возили ихъ на скачки въ Эскотъ, на цвѣточную выставку въ виллу Герцога Ричемондъ, словомъ, не знали какъ угостить и чѣмъ угодить. Говорятъ будто бы, на другой день послѣ перваго представленія, Галеви и Скрибъ получили каждый по 2000 фун. стерл. —Что-то скажетъ тотъ маэстро?»

О представленіи *Бури* слышно, что оно произвело удивительное впечатлѣніе. Успѣхъ былъ громадный. Театръ былъ, разумѣется, полонъ. Рукоплесканія не смолкали. Вызовамъ не было числа. Галеви, буквально, вытащили на сцену. Скрибъ кланялся изъ своей ложи. Говорятъ, будто во время послѣдней репетиціи Лонлей подошелъ къ Галеви съ смычкомъ, прося его стать на свое мѣсто.—На какое мѣсто?—спросилъ Галеви.— Развѣ вы не знаете, что композиторъ новой оперы обязанъ первые три раза дирижировать ее самъ?— Ни за что!— отвѣчалъ Галеви,— что жь вы мнѣ прежде не сказали объ этомъ?—Я думалъ, что это пра-

Digitized by Google

вило вамъ извѣстно.—Я убѣгу изъ Англіи!—Галеви отказывался, Лонлей настаивалъ. На силу-то, болѣе всего благодаря краснорѣчію академика - сотрудника, освободили маэстро отъ обязанности, которую, изъ природной застѣнчивости, онъ ни за что принять на себя не хотѣлъ. Мѣсто его заступилъ г. Балфъ, почетный капельмейстеръ театра Королевы.

Въ одномъ изъ банкетовъ, послѣдовавшихъ за представленіемъ и устроенныхъ въ честь гостей членами Гаррикъ - Клуба, президентъ предложилъ тостъ:—за здоровье Скриба! за здоровье перваго драматическаго генія Франціи, послѣ Мольера! (Не одинаковый-ли тостъ принадлежитъ г. Полевому за его Гамлета? чѣмъ заслуга его, въ отношеніи къ Шекспиру, меньше скрибовой?!) Послѣ втаго тоста сэръ Чарлсъ Тэйлоръ, поднявъ бокалъ, сказалъ слѣдующее: — Выпивая за здоровье г. Скриба, я похожъ на преступника, который сталъ бы пить за своего судью, на вора, пьющаго за здоровье жертвы, имъ же обокраденной. Не знаю, какъ понравятся нашему гостю поздравленія и желанія человѣка, который весь вѣкъ свой жилъ на счетъ его славы и его таланта!—Сэръ Тэйлоръ перевелъ на Англійскій языкъ болѣе 200 пьесъ г. Скриба и составилъ себѣ черезъ это состояніе, почти одинаковое съ первымъ, ибо имѣетъ теперь до 100 т. лив. дохода.

А вотъ Парижскія новости:

ГОСПОЖИ ЖОРЖЪ САНДЪ И ЛОЛЛА МОНТЕСЪ собираются издать въ свѣтъ свои *Признанія*. Какого рода будутъ этѣ признанія? похожи-ли на Ламартиновы? хуже-ли? лучше-ли? этого еще никто не знаетъ; но нѣтъ сомнѣнія, что много любопытнаго могли бы написать обѣ эти женщины, каждая знаменитая по своему, каждая пожившая, каждая видѣвшая много. Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать этихъ чудесъ Французской литературы. Всѣмъ имъ не сидится тамъ нынче безъ признаній; чтожь, Богъ съ вами: признавайтесь, благо есть въ чемъ, но чуръ не больно хитрить, а то мы, грѣшные, васъ читать не станемъ. Сами Французы, по видимому, плохо надѣются на искренность упоминаемыхъ дамъ;—почему? ужь этого мы, разумѣется, не разгадаемъ никакъ. Если вѣрить пріятелю нашему Гино, одинъ изъ современныхъ Французскихъ писателей, узнавъ о намѣреніи Г-жи Сандъ выпустить въ свѣтъ свои признанія, написалъ ей по этому поводу:

Digitized by Google

»Вы издаете ваши признанія. Въ нихъ буду и я, конечно. Смотрите-же, не забудьте ни одной подробности. Если же въ признаніи будутъ пропуски, я сочту моей обязанностью дополнить ихъ и напомнить то, въ чемъ бы измѣнила вамъ память.«

Однако, Г-жа Сандъ ужь продала свою рукопись, изъ которой должно составиться восемь изрядныхъ волюмовъ,—извѣстнымъ издателямъ, Г-мъ Плонъ и К°, за скромную сумму 160 т. ф.—На Г-жу Лоллу Монтесъ охотниковъ еще не отыскалось (*). За то полюбуйтесь, что дѣлаетъ старинный нашъ знакомецъ,

—

АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА. — Онъ на этихъ дняхъ заключилъ съ иностранными капиталистами условіе, въ силу котораго обязался поставить имъ 50 волюмовъ, по 12-ти т. ф. за штуку: эти произведенія его будутъ немедленно переведены на языки Англійскій и Испанскій, и появятся предварительно въ Лондонѣ, Мадритѣ и Буеносъ-Айресѣ. Только по истеченіи двухлѣтняго срока авторъ вступаетъ въ права на свой оригиналъ, и тогда уже соотечественники будутъ наслаждаться вдохновеніями славнаго романиста. Дюма надѣется затмить славу Диккенса, о которомъ какой-то Французъ выразился, что онъ *trop anglais*; что-же намъ, послѣ этого, сказать о Дюма? Но вотъ еще одно не менѣе любопытное quasi-литтературное извѣстіе:

—

ЛАМАРТИНЪ пишетъ въ *Constitutionnel* романъ »Génévière.« Признанія кончены, размышленія забыты — отчего-же, въ самомъ дѣлѣ, не написать теперь романъ? — На многія разныя мысли можетъ навести хотъ бы это сближеніе: Г-жа Сандъ сначала писала романы, теперь берется за признанія; Ламартинъ началъ съ размышленій, потомъ вздумалъ признаваться и наконецъ собирается выдумывать, лгать!.... Но прежде нежели мы съ вами, читатель, добьемся до какихъ нибудь выводовъ изъ всѣхъ этихъ мыслей, романъ Ламартина будетъ безъ сомнѣнія оконченъ, и мы тогда поговоримъ съ вами о немъ на досугѣ. Наше признаніе будутъ искренно. — Между тѣмъ—можетъ быть это нужно знать кому нибудь изъ читателей—Ламартинъ отправился въ Смирну, чтобы заняться землями, полученными имъ отъ Ту-

(*) Сейчасъ получено извѣстіе, что Баварская ex-Vortänzerin получила блистательныя предложенія отъ Сулука, но гонится-ли онъ за ея признаніями — неизвѣстно.

Digitized by Google

рецкаго Султана.... Какой завидный пантеизмъ въ этомъ человѣкѣ! Пантеизмъ литтературной дѣятельности, пантеизмъ всего жизненнаго поприща! Размышленія, Паденіе Ангела, Признанія, Романъ; поэзія, проза, политика, путешествія, землевоздѣлываніе! Да, такіе люди могутъ родиться только во Франціи: пусть и родятся они вездѣ, гдѣ угодно имъ, но не у насъ!—Вамъ скучно, читатель? Вы, стало быть, не любите ни признаній, ни Французскихъ романовъ.... Позвольте.... Такъ не хотите-ли послушать

ЕЩЕ ВСЯКІЙ ВЗДОРЪ О КАЛИФОРНІИ. — Калифорнія эта далась Французамъ кажется на долго. И столько всѣ они говорятъ объ ней, пишутъ, спорятъ, что ни какого толка добиться невозможно. Вотъ вамъ, изъ многихъ, три повѣствованія по поводу Калифорніи.

Года два тому назадъ Парижское общество высшаго круга было не мало взволновано слѣдующимъ событіемъ:

Молодой человѣкъ, принадлежавшій къ прекрасному семейству, принятый въ лучшемъ обществѣ и за годъ до этого времени сочетавшійся бракомъ съ дѣвушкой, обладавшей всѣми достоинствами рѣдкой и завидной невѣсты, — на одномъ вечерѣ завлекся игрой, и проигралъ въ ландскнектъ не только всѣ деньги, которыя были съ нимъ, но и 20 т. Ф. на честное слово. На другой день выигравшіе тщетно ожидали своихъ денегъ, на третій тоже; на четвертый—молодой человѣкъ пропалъ, оставивъ на произволъ судьбы супругу, карточный долгъ и прежнюю репутацію. Вскорѣ открылось, что, кромѣ проигрыша карточнаго, онъ испыталъ значительныя потери въ биржевыхъ оборотахъ, въ которые былъ завлеченъ страстію къ пріобрѣтенію. Разсчеты не удались, все состояніе его лопнуло, и съ горя и стыда онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Къ женѣ написалъ онъ прощальное письмо, но не говорилъ куда ѣдетъ.

Два года объ немъ не было ни слуху, ни духу. Искали его, справлялись вездѣ — тщетно. Воспоминаніе о немъ жило только въ сердцѣ безутѣшной супруги. Вскорѣ послѣ несчастной катастрофы поселилась она у своихъ родителей, въ деревенскомъ домѣ, лежащемъ въ окрестностяхъ Парижа. Какъ-то недавно прогуливалась она, безъ сомнѣнія, повѣся носъ, въ саду передъ домомъ, и мечтала объ утраченномъ счастіи. Вдругъ слышитъ стукъ экипажа; смотритъ: подъѣхала великолѣпная ко-

Digitized by Google

ляска, и выходитъ изъ нея мужъ, едва слегка загорѣвшій. Дѣло не въ обоюдной радости, не въ объятіяхъ, не въ поцѣлуяхъ, а въ словахъ пріѣзжаго:

— Я, — говоритъ — пріѣхалъ изъ Калифорніи,—теперь богатъ, очень богатъ, плачу свои долги; и живемъ по прежнему,—лучше прежняго!

Понятно, что радость свиданія усугубилась.

Молодой человѣкъ разсказалъ о своей поѣздкѣ, обо всемъ. Жена, разумѣется, слушала его съ вниманіемъ. Другіе — тоже. Теперь, онъ заплатилъ всѣ свои долги, живетъ отличной рукой, пользуется опять общимъ уваженіемъ и семейнымъ счастіемъ.

Завидная мелодраматическая развязка!...

Другое происшествіе. Пусть говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣкто Баронъ Сенъ-Ж., одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ спортменовъ Парижскаго турфа:

»Я объявилъ о продажѣ моего отеля. Сижу, намѣдни, завтракаю. Докладываютъ мнѣ о какомъ то господинѣ: фамилія была мнѣ незнакома; я велѣлъ его просить. Входитъ — у меня вилка упала изъ рукъ — кто бы вы думали? Мой бывшій каммердинеръ. Я уже готовился выразить мое удивленіе довольно рѣзкимъ восклицаніемъ, но гость такъ чинно и развязно раскланялся, что я удержался и сталъ увѣрять себя, что бываютъ сходства неимовѣрныя.

— »Г. Баронъ,—сказалъ онъ:—вы продаете вашъ отель, а я бы хотѣлъ купить его.—Однакожь я не выдержалъ, посмотрѣлъ на него пристально, и высказалъ ему мою мысль.

— »Г. Баронъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — для меня очень лестно, что черты мои не изгладились изъ вашей памяти.

— »Такъ вы?

— »Вашъ бывшій каммердинеръ, Мишель....

— »Такъ это ты, каналья?

— »Позвольте, баронъ, этотъ эпитетъ....

— »Слушай, наконецъ, что значитъ этотъ костюмъ, это посѣщеніе. Шутишь ты со мной?

— »Ни мало.

— »Такъ ты собираешься купить мой отель?

— »Со всѣми принадлежностями.

— »Ничего не понимаю.

— »Не угодно ли выслушать: когда я жилъ въ услуженіи

Digitized by Google

у Г. Барона, вы могли замѣтить, что я былъ рожденъ не для прислуги. Разставшись съ вами довольно непріятно (Барунъ выгналъ бывшаго каммердинера взашей), я получилъ отвращеніе къ моему ремеслу. У меня были кое-какія деньжонки....

— »Надѣюсь: ты таки препорядочно обкрадывалъ меня....

— »Извините, баронъ, но я отвыкъ отъ этого тона. Чтобы объяснить вамъ все въ немногихъ словахъ, я доложу вамъ, что прямо отъ васъ отправился въ Калифорнію, и знаете-ли, что привезъ съ собой?

— »Почемъ же мнѣ знать это, г. Мишель?

— »Я сегодня помѣстилъ у Ротшильда 1½ мил. франковъ.

— »Мои деньги въ прокъ пошли.

— »Нечего сказать: не пожалуюсь. Калифорнія — удивительная сторона. Золота—бери только. Накопивши капиталъ, о которомъ я уже сказалъ вамъ, я рѣшился возвратиться на родину, къ которой любовь во мнѣ не остыла. Мнѣ хотѣлось пожупровать и занять въ обществѣ мѣсто, на которое я сознавалъ себя призваннымъ. И я далъ себѣ слово за образецъ взять васъ.

— »Много чести, Г. Мишель.

— »Узнавъ, что вы продаете свой отель, я разсудилъ что всего лучше купить его мнѣ: я его знаю, подумалъ я, жилъ въ немъ; убранство и расположеніе по мнѣ, чего-же еще? я понимаю, что грустно разставаться съ прежнимъ довольствомъ, но что дѣлать? такъ устроенъ свѣтъ: одинъ возвышается, другой падаетъ. Надо, главное, быть философомъ. Прошу васъ вѣрить, однакожь, что я принимаю живое участіе въ вашемъ несчастіи.

— »Меня глубоко трогаетъ ваше сочувствіе, Г. Мишель, но, вопервыхъ, такъ какъ вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, я считаю моимъ долгомъ предложить вамъ удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное вамъ мною въ то время, когда я прогналъ васъ:— вы, конечно, помните?

— »Да, да, было что-то такое.

— »Выбирайте оружіе, Г. Мишель.

— »Вы слишкомъ любезны, Г. Баронъ: я право забылъ прошедшее,—не будемъ говорить объ этомъ и потолкуемте лучше о вашемъ отелѣ, гдѣ мнѣ бы хотѣлось поскорѣе занять ваше мѣсто.

— »Это никакъ вамъ не удастся, Г. Мишель. Я не желаю имѣть въ васъ ни покупщика, ни преемника.

— »Вы завидуете моему счастію?

Digitized by Google

— »Г Мишель, если счастіе не сдѣлало васъ учтивѣе, я доставлю себѣ удовольствіе вытолкать изъ моего дома, какъ неучалакея, человѣка порядочнаго, у котораго 75 т. ливровъ дохода.

»И я исполнилъ это предложеніе—заключилъ баронъ. — Ну не нелѣпо ли, что эта проклятая Калифорнія дѣлаетъ въ два года милліонерами эдакихъ людей?«..

Третье событіе — прощальный завтракъ въ Café Anglais.

Три юныхъ денди, до тла промотавшись, собрали послѣднія денежныя силы, прибѣгнули къ великодушію пріятелей и прощаются съ ними передъ отплытіемъ въ Калифорнію. Въ бывалое время они поѣхали бы въ Африку, драться съ бедуинами. Теперь это не въ модѣ: легче сдѣлаться милліонеромъ, нежели нарвать лавровъ въ странѣ, гдѣ прошелъ Сципіонъ.

— Предлагали мнѣ жениться, — говоритъ одинъ изъ будущихъ капиталистовъ,—но я, предпочелъ браку Калифорнію; съ ея помощью, воротясь, заживу по старому, весело кончу молодость и вступлю въ область гименея подъ сѣнью сѣдины и мудрости!—

Терпѣнье, читатель, еще два слова:

—

НЕСЛЫХАННЫЙ МЕЛОМАНЪ. — Какой-то чудакъ, житель Парижа (Французъ-ли, Англичанинъ-ли, Нѣмецъ-ли, Русскій-ли — не знаемъ), до того пристрастился къ Нѣмецкой музыкѣ, а къ Мейерберовой въ особенности, что далъ себѣ слово присутствовать на всѣхъ первыхъ представленіяхъ его *Пророка*, будь это во Франціи или внѣ ея предѣловъ. Онъ странствуетъ теперь уже болѣе года; когда кончитъ свои путешествія — опредѣлить трудно. Онъ объѣздилъ всѣ Французскія провинціи, переплывалъ Ла-Маншъ, потомъ былъ въ Германіи, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Мюнхенѣ, въ Дрезденѣ; теперь — слышно—собирается въ Соединенные Штаты, гдѣ нужно застать ему первое представленіе *Пророка* въ Новомъ-Орлеанѣ. Но вотъ вопросъ: вернется-ли онъ въ Парижъ къ представленію новаго произведенія Мейербера, хоть и не славится маэстро особенною скоростію своей дѣятельности?....

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГОСПОЖѢ РАШЕЛЬ. — Госпожа Рашель взяла четырех-мѣсячный отпускъ и отправилась пожинать лавры по разнымъ странамъ Европы. Она начала съ Лондона, оттуда теперь, можетъ быть, уже отправилась въ Берлинъ: изъ

Digitized by Google

Берлина она должна ѣхать въ Брауншвейгъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Гамбургъ, Бреславль,—потомъ въ Вѣну, Мюнхенъ, Штутгардъ и Прагу. Съ нею двадцать два человѣка артистовъ и другихъ лицъ, необходимыхъ для театральныхъ представленій....

ЕСЛИ НЕ ВЗДОРЪ, ТАКЪ ПРАВДА. — Парижская администрація открыла довольно-любопытную продѣлку почтоваго чиновника: Негоціантъ какой-то, имѣвшій надобность переслать въ Парижъ 1,000 Фр. и наслышанный о неоднократной пропажѣ денегъ на почтѣ, изъ предосторожности поступилъ такъ: онъ вложилъ въ конвертъ половину билета, не написалъ даже на конвертѣ о содержаніи, но по чему-то положилъ нѣсколько печатей. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе чиновника. Онъ распечаталъ конвертъ и вынулъ половину банковаго билета. Черезъ нѣсколько времени пришла вторая, которая тоже не миновала рукъ чиновника.

....Довольно, думаемъ мы, на этотъ разъ занимать васъ сплетнями Парижскихъ Фельетоновъ. Если-же они вамъ нравятся и, читая эту болтовню, вы не скучали, мы обѣщаемъ вамъ, читатель, по временамъ дѣлиться съ вами этими фактами, quasi-фактами, происшествіями, quasi-происшествіями, оставляя на вашъ произволъ вѣрить одному, другому не вѣрить, смѣяться, сердиться, но прося только не винить насъ: все это плоды не нашей фантазіи!....

Digitized by Google

Просимъ читателей обмѣнить въ послѣдней книгѣ первую страницу на прилагаемую, и исправить слѣдующія, важныя опечатки въ отдѣлѣ стихотвореній:

	Напеч.	Чит.
С. 5, строка	4 подъ ними.....	подъ нами.
11 ——	22 Полю.....	Налю
13 ——	2 Shweigen.....	Schweigen
— ——	8 и вотъ	*исключить.*
17 ——	1 и мысля.....	и мнила
18 ——	2 волненья.....	сомнѣнья
— ——	10 и вѣрится.....	не вѣрятся.
— ——	6 *въ выноскѣ:* spoto.....	sposo
19 ——	15 моимъ.....	сверхъ силъ моихъ.
21 ——	16 чит. Страсть къ истинѣ, отваги духъ высокій.	
22 послѣ строки 12 *пропущенъ стихъ:* Что въ нихъ толпѣ и дико и невнятно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 14-го 1850 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

СКРИБЪ У РОБЕРТА ПИЛЯ, — ВМѢСТѢ СЪ ГАЛЕВИ ВЪ СЕНЪ-ЛЕОНАРѢ, И ПОСЛѢДНІЯ ОВАЦІИ ИМЪ ВЪ АНГЛІИ. — Въ будущей книгѣ нашего журнала читатели получатъ біографію Роберта Пиля. Вотъ покуда происшествіе, относящееся къ послѣднимъ днямъ его жизни и, по современности, не лишенное своего рода интереса:

Въ числѣ многихъ приглашеній, которыми были осыпаны авторы «Бури», Скрибъ получаетъ приглашеніе на обѣдъ къ сэру Роберту Пилю. По несчастному случаю, въ тотъ же день было назначено первое представленіе новой оперы: Скрибъ долженъ былъ извиниться передъ баронетомъ. Но вскорѣ представленіе было отложено, потому что на тотъ же день падала скачка въ Эскотѣ, о чемъ сначала и не подумали. Въ старой Англіи все уступаетъ мѣсто спорту. Какъ ни велика любовь Англичанъ къ музыкѣ, но страсть ихъ къ лошадямъ много древнѣе и сильнѣе. Опера идетъ послѣ турфа. Нѣтъ той дивной партиціи, которой бы не перетянулъ steeple-chaise на вѣсахъ Англійскаго вкуса. Самый знаменитый маэстро, самый любимый пѣвецъ, самая модная пѣвица, Галеви, Лаблашъ, Г-жа Зонтагъ не въ состояніи выдержать соперничества съ чистокровными скакунами и ученными жокеями. По этому, театръ Королевы исполнилъ свою обязанность и далъ дорогу Эскотской скачкѣ. — Любезные спортмены тащатъ съ собой Скрибa. Въ минуту отъѣзда приходитъ письмо отъ с. Роберта Пиля, гдѣ онъ говоритъ, что, такъ какъ представленіе «Бури» отложено, то онъ ждетъ академика обѣдать. Какъ тутъ быть? — Объ чемъ вы хлопочете — говорятъ спортмены — успѣете и къ обѣду: скачка кончается рано. Скрибъ, повѣривъ имъ, отправился съ ними. Скачка, дѣйствительно, кон-

Digitized by Google

чилась рано, но на обратномъ пути сдѣлалась такая давка, экипажей было столько, что иному приходилось по нѣскольку разъ стоять на мѣстѣ четверть часа и болѣе. Скрибъ вернулся въ Лондонъ уже въ половинѣ восьмаго.—Не могу же я теперь явиться къ моему амфитріону,—сказалъ онъ — и какое понятіе дастъ ему это о Французской учтивости!—Но спутники его отвѣчали, что поговорка» лучше поздно, нежели никогда» въ полной силѣ между высшимъ Лондонскимъ обществомъ, и что не ѣхать ему вовсе къ Пилю было бы непростительно. Скрибъ поспѣшилъ домой, сдѣлалъ свой туалетъ, надѣлъ всѣ свои ордена и явился въ White Hall Garden въ 8 часовъ. Его ждали. Сэръ Р. Пиль вышелъ встрѣтить его на лѣстницу, какъ сдѣлалъ бы онъ для принца крови. Онъ представилъ его леди Пиль. Никто, когда пошли къ обѣду, не рѣшился подать руки хозяйкѣ дома: всѣ безмолвно согласились, что честь эта принадлежитъ Французскому академику. За обѣдомъ Скрибъ сидѣлъ по правую сторону леди Пиль, и впродолженіе цѣлаго дня общая внимательность, общая любезность были сосредоточены на немъ.

—

Скрибъ, вмѣстѣ съ Галеви, не забылъ навѣстить Сенъ-Леонаръ: они были приняты съ восторгомъ, и получили на слѣдующій день приглашеніе къ обѣду. Луи-Филиппъ и все его семейство осыпали ихъ любезностію и ласками. Рядомъ съ Скрибомъ сидѣла за столомъ герцогиня Орлеанская: Скрибъ сталъ хвалить окрестности Сенъ-Леонара и красоту вида изъ оконъ. Герцогиня отвѣчала ему съ трогательною грустью:

— Да! Когда небо чисто и нѣтъ тумана, мы видимъ иногда берега Франціи!

—

Въ предъидущей книгѣ Москвитянина мы подѣлились съ читателями нѣкоторыми изъ главныхъ происшествій, сопровождавшихъ рожденіе Бури и представленіе ея въ Лондонѣ. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ. Послѣдняя овація Гг. Скрибу и Галеви состояла въ слѣдующемъ: Сэръ Лонлей задалъ имъ прощальный банкетъ въ своей виллѣ, въ Гаммерсмитѣ, на берегахъ Темзы. Гостей было звано до 600. Первый поваръ цѣлой Англіи, г. Сойе, поваръ Реформъ-клуба, изобрѣлъ удивительныя лства: ростбифы и пуддинги à la Scribe, соусы и желе à la Halévy,

Digitized by Google

говяжьи филеи à la Lablache, кремы à la Sontag, горошекъ à la Lumley и т. д. — Въ *Morning-Post* пишутъ: «между 600 блюдами, изготовленными по распоряженію Г. Сойе въ Чанселоръ-Гаузъ, гдѣ былъ собранъ цвѣтъ лучшаго общества, остановило общее вниманіе, и вниманіе великаго маэстро, миніатюрное воспроизведеніе корабля «Бури», сокрушеннаго магическою силою Аріеля. Это новое изобрѣтеніе, новое чудо кухни, названо *Croustage Shakesperienne à la Halévy-Scribe.* Во внутренности разбитаго судна, грузъ былъ изображенъ двумя *шартрезами* изъ персиковъ, надъ которыми, сквозь прозрачныя желе, виднѣлись портреты знаменитыхъ Французскихъ гостей. Волны были сдѣланы изъ леденца и желе, разбитый грузъ — изъ винограда, персиковъ, абрикосовъ и т. д. Скрибъ и Галеви изъявили свое удовольствіе г. Сойе, а г-жа Скрибъ сказала, что въ этомъ большая честь ея мужу. — Честь, говорите вы — отвѣчалъ г. Сойе — никакая честь не можетъ равняться съ нимъ; еслибы Мольеръ всталъ изъ могилы, онъ позавидовалъ бы его таланту.»

ГОМЕОПАТІЯ ВЪ ИСПАНІИ. — На Пиренейскомъ полуостровѣ гомеопатія рѣшительно торжествуетъ. Недавно вышелъ Королевскій приказъ, помѣщенный въ *оффиціальномъ отчетѣ по народному просвѣщенію,* вслѣдствіе котораго открыто въ Мадритѣ двѣ каѳедры гомеопатіи, — одна клиническая, другая — теоретическая: профессорами назначены доктора Pio и Нунецъ.

АНГЛІЙСКІЙ ВОДЕВИЛЬ. — Въ Лондонѣ изъ всѣхъ театральныхъ новостей замѣчателенъ Англійскій водевиль; вотъ его содержаніе:

Дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ редактора *Times*: ему хочется поподчивать своихъ читателей чѣмъ-нибудь новенькимъ, и, для этого, онъ обращается къ своей библіотекѣ. По несчастію случай наводитъ его на весьма неинтересныя эпохи. Что за скука? Гдѣ же тутъ разнообразіе? — Докладываютъ редактору о пріѣздѣ важной гостьи. Входитъ большая, важная дама, — Англія, сопровождаемая своимъ львомъ, подобно тому, какъ Парижская лоретка бываетъ обыкновенно сопровождаема своимъ *king charles.* У льва длинный хвостъ. Едва Англія сѣла, вхо-

Digitized by Google

дитъ другая гостья, Франція. Англія идетъ къ ней на встрѣчу, сажаетъ ее возлѣ себя, съ учтивостію и любезностію, которыя вызываютъ френетическія рукоплесканія по всей залѣ. Но это не все еще. Британскій левъ ужасно доволенъ: хвостъ поднимается и играетъ подобно хвосту собачки, когда возвращается ея госпожа (Джонъ Буллъ хохочетъ и кричитъ браво). Входитъ третья дама: Миръ (la Paix). Она садится между Англіей и Франціей. Новые восторги радости. Приходятъ за третьей дамой просить ее въ какой-то отдаленный край свѣта, гдѣ нужно ея присутствіе, для окончанія одного недоразумѣнія. — Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ — говоритъ третья дама — мнѣ и здѣсь хорошо: я останусь здѣсь и навсегда! — Слѣдуетъ громъ рукоплесканій. Во время дружеской бесѣды трехъ дамъ входитъ неизвѣстный въ красномъ фракѣ, красныхъ штанахъ, чулкахъ, башмакахъ и шапкѣ: при видѣ его, Британскій левъ рычитъ и хочетъ броситься на него Англія приказываетъ ему молчать, потому что не должно ему безпокоиться изъ за бездѣлицы. Она зоветъ констабля, вооруженнаго жезломъ; онъ бьетъ краснаго, который обращается въ бѣгство. По окончаніи этой операціи, Англія беретъ жезлъ констабля, подаетъ его Франціи и говоритъ: — вотъ орудіе, которымъ надо укрощать этихъ людей; вы видѣли, какъ съ ними обходиться! (Джонъ Буллъ хлопаетъ и неистово смѣется.) Надо-же развлечь трехъ дамъ. Имъ даютъ предвкусить выставку произведеній всемірной промышленности, ожидаемую въ будущемъ году. Вниманіе! выставка начинается. Произведенія Испанской промышленности: множество людей, спящихъ послѣ обѣда, и пляски фанданго! Произведенія Италіянской промышленности: макароны и лаццарони, лежащіе въ тѣни! Произведенія Французской промышленности: непрерывный рядъ утокъ и баррикадъ; печальная индустрія! Но вотъ что оживляетъ сцену: раздается мотивъ польки. Вся сцена покрывается роемъ Шалостей; онѣ, гремя своими бубенчиками, съ увлеченіемъ предаются разнаго рода танцамъ.

МИССИССИПИ ИЛИ 1,500 ЛЬЁ ВЪ ДВА ЧАСА. — Въ театрѣ Водевиля (въ Парижѣ), показываютъ живую панораму, полотно которой имѣетъ длины болѣе 1½ льё. На этомъ полотнѣ изображена рѣка Миссисипи, отъ водопада Св. Антонія, падающаго съ

Digitized by Google

вышины въ 18 футовъ, до Мехиканскаго залива. Это пространство занимаетъ на поверхности земнаго шара 1,500 льё. Передъ вашими глазами рѣка протекаетъ въ два часа. Сначала видны невоздѣланныя степи, коническія скалы, хижины, обитаемыя Индійцами; потомъ картина оживляется: вотъ долина Собаки, городъ Дюбюкъ, построенный изъ красныхъ кирпичей, свинцовые рудники Галены, разработываемые съ начала XVIII вѣка, плодоносныя поля Иллилойевъ, Икарія и впаденіе Миссури, ускоряющаго теченіе Миссисипи, который до сихъ поръ протекалъ только двѣ мили въ часъ. Далѣе: Сенъ-Луи, послѣдняя грань образованнаго свѣта и одна изъ важнѣйшихъ гаваней Соединенныхъ Штатовъ; у набережной стоитъ бездна пароходовъ, другіе приходятъ и разсѣкаютъ рѣку по всѣмъ направленіямъ. Эти суда, огромныя пловучія зданія въ нѣсколько этажей, везутъ бумагу, сахаръ, скотъ, или на нихъ устроенъ театръ, гдѣ играютъ оперы, драмы, водевили, или онѣ обращены въ богатый садъ. Проѣхавъ мимо Мемфиса, острововъ Пальмирскихъ, города Начецъ, этого имени, которое пробуждаетъ воспоминаніе о великомъ повѣтѣ и древнемъ народѣ Луизіаны, острова Пророка, города Красной Палки, — вы въ Новомъ Орлеанѣ. Городъ раскидывается великолѣпно, представляя вамъ свои памятники, свои виллы, свою промышленность, свою торговлю. Наконецъ вы у цѣли путешествія: Миссисипи впадаетъ въ тинистыя и безпокойныя воды Мехиканскаго залива. — Таковъ итинерарій, по которому ведетъ васъ г. Джонъ Смитсъ, исполнитель панорамы: нѣтъ возможности описать всѣ различные свѣтовые эффекты, зори, всѣ солнечные восходы, лунныя освѣщенія, прозрачные небосводы, грозы, поочередно измѣняющія видъ пейзажа, кораблекрушенія, наводненія, пожары пароходовъ и другія сцены, то привлекательныя, то страшныя, которыя видите вы въ этомъ путешествіи, — словомъ, всего этаго нельзя «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.» Надо самому посмотрѣть.

Джонъ Смитсъ трудился надъ этой панорамой слишкомъ четыре года: ничего подобнаго прежде не видывали даже въ Парижѣ.

ВОСТОЧНЫЙ ПОДАРОКЪ. — Между сокровищами, привезенными Англійской Королевѣ посланникомъ Непальскимъ (Индія), замѣчательны 12 коровьихъ хвостовъ, оправленныхъ въ серебро,

Digitized by Google

подарокъ, который Раджа Непалскій считаетъ за выраженіе глубочайшаго уваженія. У самаго Раджи такихъ хвостовъ только 8, и такъ какъ обладаніе этими знаками свидѣтельствуетъ объ особенномъ отличіи, то подарокъ въ 12 хвостовъ почитается неоцѣнимымъ. Вся стоимость подарка простирается до 20,000 ф. стерл.

НѢКОТОРЫЯ НОВОСТИ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ. — Вообще Парижскіе театры, наравнѣ съ другими сторонами современной Французской жизни, не представляютъ особенной дѣятельности. Въ послѣднее время упоминаются во Французскихъ журналахъ; Орасъ и Лидія (Horace et Lydie) Понсара; *Подсвѣчникъ* (le Chandelier), комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Альфреда де Мюссе; *Президентъ Базоки* (le Président de la Basoche), комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, А. Декурсиля; *Тайныя общества* (les Societés secrètes), шутка-водевиль, въ 5 дѣйствіяхъ, Гг. Куальяка, Бурдуа и X***...; *Три Ракана** (les trois Racan), комедія въ 1 дѣйствіи Гг. Армана Дюрантена и Реймонъ Деландъ; *Une Alcôve de garçon*, водевиль въ 1 дѣйствіи Эдмона Девилье; *Мигрень*, (la Migraine) комедія въ 1 дѣйствіи и въ стихахъ, Віенне; вотъ едва-ли не все. Журналы не хвалятъ ни одного изъ этихъ произведеній; всѣхъ забавнѣе, говорятъ, Три Ракана.

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ. — Изъ Котере пишутъ: «21-го Іюня (нов. ст.) въ Латурской долинѣ была занимательная охота на медвѣдя, на которую собрались всѣ иностранныя знаменитости, которыми населенъ Котере. — Въ 10 часовъ утра, поѣздъ охотниковъ, подъ предводительствомъ Г. Латапи, направился къ Латурской долинѣ, гдѣ скрывался страшный медвѣдь, прозванный Grand-Martin. Двѣнадцать облавниковъ принялись подымать его: медвѣдь пошелъ, но его только слегка ранили. За то явился другой его собратъ, который былъ сначала смертельно раненъ Г-мъ Коне, а убитъ Г-мъ Латапи. Убитый былъ отнесенъ въ Котере, съ торжествомъ и почестью, какихъ вообще не видаютъ эти животныя при жизни. Вѣса оказалось въ немъ 353 фунта.

---

* Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, Н. В. Сушковъ, давно написалъ уже на эту тему комедію, очень забавную, какъ мы слышали, которая можетъ быть скоро появится на сценѣ.

Digitized by Google

Онъ былъ скушанъ, большею частію, многочисленными иностранцами, живущими въ Котере, которымъ хотѣлось оправдать «Путевыя впечатлѣнія» г. Дюма. Такимъ образомъ медвѣжьи бифстеки изъ мяса перешли въ область истины!»

ВОТЪ ЧТО ЗНАЧИТЪ ГЛАСНОСТЬ.— Недавно напечаталъ я примѣчательную приписку, попавшуюся мнѣ въ рукописной Псалтыри, — и получилъ благодарность отъ одного ученаго, который занимается изслѣдованіемъ о переводахъ Священнаго писанія, и нашелъ въ ней полезное для себя указаніе. Сообщаю теперь еще одну приписку, которая попалась мнѣ въ сборникѣ нѣкоторыхъ ветхо-завѣтныхъ книгъ: Она можетъ также пригодиться въ этомъ случаѣ. Къ сожалѣнію уголъ отъ нея оторванъ:.... кавейскыя.... с латинскаго язы.... ка лѣта перваго поседли.... цахъ повелѣніемъ господина пре.... наго Архіепископа Генадіа, отъ нѣко.... о моужа честна пресвитера пачеже мниха, обители святаго Домника, именемъ Веніамина, родомъ Словенина, извѣстнѣ вѣдуща Латинъскы языкъ, и граматику вѣдуща же отчасти, и Греческаго языка, и Фрязска, мѣсяца Августа, день.

Въ этой рукописи есть: Прологъ *Герасима* презвитера въ книги Ездре, гдѣ говорится вообще о переводахъ.

АЛЖИРСКІЙ МУЗЕЙ, устроенный въ rez-de-chaussée колоннады Лувра, позади Египетскаго музея, въ длинной галлереѣ, открытъ въ Парижѣ 14 Іюля н. ст. Въ немъ находятся: четыре статуи, около двадцати бюстовъ, бездна барельефовъ, кенотафы, колонны и одна изъ лучшихъ мозаикъ въ цѣлой Франціи. Мозаика эта въ богатой рамѣ и представляетъ Нептуна съ Анфитритой, въ колесницѣ, которую везутъ четыре иппопотама, окруженной тритонами и рыбами. Въ музеѣ есть и арабскія надписи, тщательно и искусно отдѣланныя.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КАРЕТА. — Не было, конечно, кареты, подобной той, которая служитъ Австрійскимъ Императорамъ въ день коронованія. Она сдѣлана въ царствованіе Импер. Карла для дочери его Маріи Терезы: позолоты на ней на 180,000 флор.; картины на дверцахъ подлинники Рубенсовы и стоили 60,000 флор.

Digitized by Google

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: ЕЩЕ О ТРОИЧНОЙ СКАЧКѢ, БЫВШЕЙ ВЪ МОСКВѢ 1-го ИЮЛЯ. — Въ N 163 Сѣверной Пчелы помѣщено слѣдующее:

«По возвращеніи моемъ изъ Москвы, я прочелъ въ N 149-мъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей статью «Троичная скачка въ Москвѣ». Неизвѣстный авторъ ея, корреспондентъ газеты, говоритъ: г. Анненскій отдалъ полную справедливость тройкѣ г. Ланскаго, соглашаясь притомъ, что по мнѣнію его, простыя Русскія лошади не въ силахъ совершить двадцати — и тридцативерстную дистанцію съ тою же скоростью. Такъ какъ это сужденіе г. корреспондента С.-Петербургскихъ Вѣдомостей изложено отъ моего имени, то смѣю надѣяться, что редакція Сѣверной Пчелы, газеты, имѣющей столь обширный и столь прочный кругъ читататателей, дастъ мнѣ средство оправдаться публично въ несбыточности, взведенной публично на меня Г-мъ Московскимъ корреспондентомъ. Уже не говорю о томъ, что если бъ, я даже лично самому автору изложилъ мои мысли объ этомъ предметѣ, чего впрочемъ не было, то и тогда г. корресподенъ не имѣлъ бы никакого права, безъ моего согласія, придавать словамъ моимъ общеизвѣстность. Минуя вопросъ о правѣ, не могу однако оставаться равнодушнымъ къ правдѣ, нарушенной тутъ вѣроятно, безъ намѣренія. Авторъ статьи совершенно переиначилъ дѣло. Дѣствительно, на сдѣланный мнѣ вопросъ я отозвался, что при тридцативерстномъ бѣгѣ скорость, съ какою совершены въ этомъ воздушномъ экипажѣ двадцать верстъ въ 36 минутъ, такова, что по мнѣнію моему*, она превышаетъ быстроту лошадей простыхъ породъ. Вотъ и все. Входить же въ разсужденіе о сравнительномъ достоинствѣ, въ троичной запряжкѣ, кровныхъ скакуновъ г. Ланскаго съ нашими степными лошадьми, я не могъ, по весьма естественной причинѣ. Съ одной стороны потому, что скакуны впряжены были въ какую-то пролетку, именуемую шарманкою, въ которой сидѣлъ только одинъ наѣздникъ, что нисколько не удовлетворяетъ условію троичной путевой ѣзды. Съ другой сто-

---

* Мнѣніе это принадлежитъ лично мнѣ, А. Н. Анненскому,—Н. Н. Анненскаго, единственнаго хозяйна заклада, отъ котораго и былъ уполномоченъ присутствовать при скачкѣ 1-го Іюля — въ Москвѣ не было, сдѣдовательно я не зналъ мыслей брата объ этой быстротѣ, и отвѣчалъ только отъ себя Это обязанъ былъ оговорить Г. корреспондентъ.

Digitized by Google

роны, послѣ 1-го Іюля тройка г. Ланскаго уже не существовала. Знаменитый Малекъ-Адель (отъ Колибри и Мизантропа) палъ, Старорусъ ужъ больше не поскачетъ, да и самъ Жакъ покоится на лаврахъ проигранной скачки. И такъ, результатъ 56 м. 41 сек., (о 53-хъ мин. 59-ти сек. я умалчиваю: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ») добытъ, какъ говорится, потомъ и кровью, и повторить его тою же тройкою г. Ланскаго, о которой прогремѣла такая громкая молва, никогда уже не удастся.—Этою скачкою изъ лошадей добыто болѣе нежели все — ихъ жизненныя силы, а при подобныхъ испытаніяхъ, сравненіе скакуновъ съ нашими степными прочными конями, повторяющими не разъ съ усиленной скоростью большія дистанціи, невозможно. И потому отъ разсужденія, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ неизвѣстнымъ корреспондентомъ мнѣ приписаннаго, я публично отказываюсь—это сочиненіе автора. Въ заключеніе долженъ еще замѣтить, что температура на солнцѣ въ день скачки доходила до 18° по Реом. Эта цифра преобразована сочинителемъ въ 24°. Замѣчательная вещь, какъ 1-е Іюля показалось жаркимъ г. корреспонденту С.-Петербургскихъ Вѣдомостей! Вѣжливость требуетъ поблагодарить его за столь *теплое* участіе въ нашемъ спорѣ съ Гг. Московскими охотниками.»

Прочитавъ эти возраженія Г. Анненскаго корреспонденту С. Петербургскихъ Вѣдомостей, который дѣйствительно *могъ ошибиться* — humanum est errare!—, приписавъ Г. Анненскому слова, ему не принадлежащія, мы, съ своей стороны, считаемъ себя въ правѣ замѣтить:

1) Что тройка Г. Ланскаго не выиграла на скачкѣ 1-го Іюля, — это еще не доказываетъ, что она не могла выиграть. Не выиграла же она *единственно по невольной оплошности* самаго владѣльца, какъ справедливо замѣчено въ фельетонѣ 145 N Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей.

2) Что изъ скакавшей тройки одна лошадь пала, а двѣ, по предположенію Г. Анненскаго, уже не годны къ скачкѣ, — это доказываетъ только то, что вся тройка *слишкомъ часто* была употребляема на испытанія подобнаго рода, и ничуть не опровергаетъ той истины, что она *могла* проскакать тридцать верстъ менѣе, нежели въ 54 минуты. Возможность эта, кромѣ другихъ фактовъ, подтверждается скачкою той же тройки 7-го Февраля:

Digitized by Google

знатоки дѣла не будутъ сомнѣваться въ томъ, что шансы, противные лѣтней скачкѣ, вознаграждаются другими ея шансами, которыхъ зимой нѣтъ; поэтому, все, *что тройка Г. Ланскаго сдѣлала зимой, то она могла сдѣлать лѣтомъ.*

3) Что результатъ, подобный времени, употребленному тройкою Г. Ланскаго на проѣздъ 30 верстъ, хотя бы на скачкѣ 1-го Іюля, добывается, «какъ говорится, потомъ и кровью», — этого и напоминать не къ чему, ибо *такой лошадиной быстроты на такомъ пространствѣ нигдѣ и никогда не было примѣра*, не исключая отнюдь и Англіи.

4) Изъ всего этого видно, что, если корреспондентъ С.-Петербургскихъ Вѣд. приписалъ г. Анненскому слова ему непринадлежащія по ошибкѣ, г. Анненскій, за то, отъ полноты убѣжденія высказалъ самъ нѣсколько ошибокъ: и противъ общаго пониманія дѣла, и противъ дѣйствительнаго достоинства тройки г. Ланскаго. Мы указали на тѣ и другія изъ уваженія къ истинѣ столько же, сколько изъ благодарности къ г. Ланскому, не однократно доставлявшему намъ своею тройкой удовольствіе невыразимое. Сомнѣніе же въ фактѣ, подтвержденномъ свидѣтельствами Гг. Членовъ Московскихъ Обществъ: Скаковой охоты и конскаго бѣга, выраженное словами: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,» — намъ вовсе непонятно.

—

Изъ числа новыхъ полученныхъ статей въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены отвѣтъ *Г. Стасюлевича* на разборъ его книги объ Аѳинской Игемоніи Г. Леонтьевымъ; очеркъ Исторіи Химіи, *И. Д. Перевощикова*; Одарка-Квочка, повѣсть Г. Дріанскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 31-го 1850 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ВИНОГРАДЪ ВЪ КОМНАТАХЪ. — Не смѣйтесь, прочитавъ это заглавіе: виноградъ въ комнатахъ не рѣдкость, но мы хотимъ подать вамъ его не на тарелкѣ и не въ корзинкѣ, а разсказать вамъ, какъ разводить его въ комнатѣ.

Вотъ какъ это дѣлается:

Весной, когда начинаются земледѣльческія работы, во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ начнетъ распускаться виноградъ, берутъ немуравленый горшокъ, отъ 10 до 12 дюймовъ вышины и около 9 дюймовъ ширины, на днѣ пробиваютъ круглое отверстіе около 2 дюймовъ въ діаметрѣ, и въ это отверстіе втыкаютъ однолѣтнюю или двухлѣтнюю вѣтвь близь-растущаго, не слишкомъ деревянистаго, винограда, и уставляютъ горшокъ такъ, чтобы узелъ между старымъ и молодымъ деревомъ былъ нѣсколько выше отверстія горшка, а двѣ здоровыя почки около средины вышины горшка. Изъ этихъ почекъ, равно какъ и изъ узла, образуются корни. Часть вѣтви, внутри горшка, между почками и узломъ обвертываютъ узенькими шерстяными тесемками, наполняютъ горшокъ хорошей землей и ставятъ его до верхняго края или до половины въ землю, насыпаютъ надъ нимъ кучу земли и для защищенія отъ изсушающаго дѣйствія солнца и воздуха кладутъ сверху нѣсколько камней или кирпичей. Выходящая надъ кучей часть вѣтви срѣзывается такъ, чтобы оставалось только

Digitized by Google

двѣ или три почки. Съ вѣтви между горшкомъ и кустомъ срѣзываютъ всѣ почки и отпрыски. При сухой погодѣ землю тщательно поливаютъ.

Если лоза, отъ которой берется отводокъ, находится высоко, напр. въ шпалерѣ у дома, то можно горшокъ уставить на столбѣ (стулѣ). Для скорѣйшаго образованія корней очень полезно сдѣлать у самаго узла узенькій надрѣзъ коры около всей вѣтви, и въ этотъ надрѣзъ довольно крѣпко вложить раскаленную желѣзную проволоку. Отъ этого выше проволоки образуется отолстѣніе, изъ котораго кустообразно выходятъ корни.

Чѣмъ выше температура въ продолженіе лѣта, тѣмъ скорѣе и сильнѣе развиваются корни. Въ августѣ они большею частію наполняютъ весь горшокъ, такъ что во время созрѣванія винограда можно отнять ихъ отъ куста. Это всего лучше дѣлать постепенно. Когда увѣрятся, или по росту отпрысковъ, или отнявши часть земли, что корни развились сильно, то надрѣзываютъ вѣтвь *ниже горшка*, отъ времени до времени, напр. черезъ каждые восемь дней, до тѣхъ поръ, пока останется только тонкая связь съ кустомъ. Когда новое растеніе *привыкло* къ своему собственному питанію, то и послѣдняя связь его съ кустомъ разрывается и горшокъ отнимается и ставится или въ комнату, *гдѣ не бываетъ мороза*, или въ подвалъ. Если хранить его нужно долго, то укорачиваютъ побѣги около почекъ и отрѣзываютъ главный побѣгъ. Если потомъ поливать горшокъ, то растеніе можетъ храниться безъ свѣта до марта и даже апрѣля.

Такимъ образомъ разведенный виноградъ оказывается необыкновенно плодовитымъ.

Если нужно сохранить кустъ до слѣдующей зимы для отводковъ, то ставятъ его въ комнату, въ которой было-бы около 12° Р. теплоты, и по крайней мѣрѣ два часа въ день солнечный свѣтъ; притомъ срѣзываютъ каждую вѣтвь такъ, чтобъ оставалось всего два, три, много пять побѣговъ.

....Нѣтъ сомнѣнія, что это открытіе стрѣтитъ общее сочувствіе. Не въ чемъ завидовать Крассу и Лукуллу съ К°, убиравшимъ свои столовыя лозою, какъ мы нынѣ плющемъ; вспоминая ихъ,

Digitized by Google

мы будемъ рвать своими руками виноградныя кисти, зрѣющія надъ нашими головами, а лѣтъ черезъ нѣсколько, если не полѣнимся заняться пріятной и полезной промышленностію разведенія винограда въ комнатахъ, не будемъ платить невѣсть-какія деньги за (продукты Энерне и острова Мадеры. Что-же тогда сдѣлается съ истиною), которая, какъ извѣстно отъ временъ Ноевыхъ, хранится въ винѣ, когда вино станетъ самою обиходною вещью, самою простою, самою дешевою, самою общедоступною?

ПОДЗЕМНЫЙ ПОЖАРЪ. — Недавно подмѣченъ странный феноменъ въ округѣ Піетропецца, въ Сициліи: почва, окружающая Монте-Пеццо-Карделло, родъ конической скалы, чрезвычайно высокой и въ вершинѣ совершенно неприступной, мѣстахъ въ двадцати треснула, и изъ каждой щели безпрестанно выходитъ густой дымъ и вылетаютъ маленькіе кусочки разныхъ волканическихъ массъ. По временамъ изъ этихъ щелей показывается пламя, похожее на молнію и сопровождаемое глухимъ и продолжительнымъ звукомъ.

КОЗА ВЪ ВОДОБОЯЗНИ.—Близъ Виллефраншъ, на Ронѣ, случилось въ прошломъ мѣсяцѣ слѣдующее происшествіе: коза, дотолѣ чрезвычайно мирнаго нрава, бросилась на пастуха и нѣсколько разъ укусила его. По изслѣдованію оказались въ ней всѣ признаки водобоязни. Но всего замѣчательнѣе, что коза не была укушена ни однимъ животнымъ, одержимымъ этой болѣзнію.

ВѢСТЬ О ПОДВОДНОМЪ ТЕЛЕГРАФѢ. — Подводный телеграфъ между Франціею и Англіей, о которомъ столько говорили во всѣхъ журналахъ, въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ быть приведенъ въ исполненіе. Распоряжаются лондонскіе спекулаторы; проволоки уже готовы и лежатъ на англійскомъ берегу. Въ ту минуту, когда наши читатели прочтутъ эти строки, быть можетъ, уже будетъ сдѣланъ первый опытъ этого изобрѣтенія, справедливо возбудившаго такое сочувствіе въ цѣлой Европѣ.

Digitized by Google

НОВАГО РОДА СПОРТЪ. — Брюссельское общество голубиныхъ охотниковъ пустило изъ Ліона 63 голубей. Назначено было состязаніе. Голуби пущены 7 іюля н. ст. въ 5 часовъ утра. Первый призъ выигранъ г-мъ Вангелемъ: его голубь прилетѣлъ въ Брюссель въ 2 часа 31 мин.; второй въ 2 ч. 39 м.; третій въ 2 ч. 40 м. и т. д. Изъ этаго выходитъ, что голубь пролетаетъ въ $7\frac{1}{2}$ часовъ растояніе около 200 фр. лье.

СРЕДСТВО ОТЪ ХОЛЕРЫ. — Въ Индіи докторъ Макрэ открылъ способъ леченія холеры, который, говорятъ, былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Макрэ даетъ больнымъ вдыхать кислородъ. Гасъ сначала производитъ на весь организмъ дѣйствіе возбуждающее; потомъ больной впадаетъ въ усыпленіе. Когда больной просыпается, въ немъ остается только общая слабость, которая легко уничтожается обыкновенными средствами. Между другими опытами замѣчателенъ опытъ Макрэ надъ пятнадцатью европейскими матросами, которые всѣ были привезены въ больницу въ послѣднемъ періодѣ болѣзни. Всѣ они выздоровѣли.

ВОСПИТАТЕЛЬ ПЧЕЛЪ И ОСЪ. — Въ Оксфордѣ есть какой-то господинъ, одаренный особеннымъ талантомъ укрощенія пчелъ и осъ. Въ присутствіи многихъ почтенныхъ джентельменовъ онъ однажды выпустилъ изъ улья цѣлый рой пчелъ, которыя, по его знаку, сѣли на шляпу одного изъ зрителей; зритель, разумѣется, не могъ удержаться отъ испуга, но пчелы, не сдѣлавъ ему никакаго вреда, перелетѣли на руку, голову и лицо своего повелителя, облѣпили всѣ эти члены и не нанесли ему ни малѣйшаго вреда. Потомъ онъ заставилъ ихъ ходить по столу. Всего замѣчательнѣе, что онъ производитъ подобные опыты съ какимъ-угодно роемъ пчелъ, осъ или другихъ мухъ, которыхъ укрощаетъ въ нѣсколько минутъ.

ТКАНИ ИЗЪ СТЕКЛА. — Еще римскія дамы носили платья прозрачныя, наподобіе стекла. По этому поводу исторія, не та исторія, которая опредѣляется «описаніемъ достопримѣчательныхъ происшествій рода человѣческаго,» а совершенно другая, близкая

Digitized by Google

родственница той, которая заклеймена устами «пріятной дамы,» разсказываетъ даже много забавныхъ происшествій. Передавать здѣсь всѣ, дошедшія до насъ, происшествія, было-бы, думаемъ мы, неумѣстно. Для примѣра, мы упомянемъ только о случившемся однажды, еще въ III вѣкѣ до нашей эры: при помощи прозрачной туники, въ которую была одѣта нѣкая Tullia или Sylvia (за имя не ручаемся), была подмѣчена искателемъ ея руки бородавка надъ лѣвымъ колѣномъ, которую красавица до этого времени тщательно скрывала отъ своего обожателя. Послѣдовало объясненіе, сначала на колкостяхъ, потомъ мимическое. Римлянинъ обвинялъ Римлянку въ желаніи показаться ему не съ тѣми достоинствами, какими надѣлила ее природа, — обиженная защищалась и языкомъ и руками: кончилось тѣмъ, что въ его рукахъ осталась лучшая доля ея густой косы, а на ея лицѣ слѣды его тяжелыхъ рукъ. Онъ, ожесточенный, справилъ славную жертву Вакху и ушелъ куда-то на войну; она, съ отчаянія, сдѣлалась Весталкой, а младшую ея сестру мать въ то-же время посвятила Минервѣ, давъ за нее обѣтъ, что въ ея родѣ никто никогда не будетъ носить прозрачныхъ туникъ. Тѣмъ и кончилось это плачевное происшествіе, и мы, можетъ-быть, и не вспомнили-бы о немъ, если бъ не узнали, что въ Миланъ какой-то господинъ недавно привезъ изъ Венеціи образцики *матерій, вытканныхъ изъ стеклянныхъ нитокъ*. По нынѣшнему способу стекло окрашивается въ какія-угодно краски: свѣтлыя, темныя и прозрачныя. Оно гибко, упруго и неломко; утверждаютъ, будто-бы даже несгораемо. Желать-ли успѣха этому новому изобрѣтенію — не знаемъ; пусть рѣшаютъ тѣ, до кого оно касается.

НѢСКОЛЬКО ЦИФРЪ ИЗЪ СТАТИСТИКИ ПАРИЖА. — Занимательны нѣкоторыя цифры, заимствованныя изъ оффиціальнаго бюллютеня парижской полиціи.

Отъ 19 до 25 Мая:

Употреблено:

работниковъ, подметавшихъ улицы		4,757.
повозокъ		2,332.
работниковъ	на свозку грязи	2,626.
лошадей		3,533

Digitized by Google

бочекъ въ одну лошадь...	для поливанья:.....	689.
работниковъ.....	.....	689.
работниковъ для очистки водосточныхъ трубъ...		581.

Умерло:

мужчинъ.....	278.
женщинъ.....	298.

Въ привозѣ:

Мѣшковъ	зернового хлѣба.....	2,928.
	муки.....	27,745.
Гектолитровъ	винъ.....	24,544.
	спирта.....	864.
Килограммовъ	Пригнано живьемъ:	
	говядины и телятины.....	149,051.
	свинины.....	90,463.
	Прямо съ боенъ:	
	говядины и телятины.....	861,945.
	свинины.....	65,977.

Продано на рынкѣ de la Vallée:

Живности и дичи.....	102,945 шт.
Цыплятъ.....	25,386
Кроликовъ.....	11,667
Утокъ.....	9,362

А вотъ нѣсколько фактовъ, относящихся до мелкихъ плутень и мошенничествъ:

Карлье, префектъ полиціи, дѣятельно старается очистить городъ отъ бездѣльниковъ, нарушающихъ общественную безопасность. Въ теченіе двухъ недѣль задержано 1489 лицъ, занимавшихся мошенничествомъ; исчисленіе различныхъ подраздѣленій ихъ занятій весьма любопытно. Оказалось: 3 разбойника (escarpes); 12 воровъ-игроковъ (grecs); 25 рыночныхъ воровъ (tirancheurs); 17 воровъ, занимающихся своимъ ремесломъ подъ видомъ торговли галантерейными бездѣлками (voleurs à la fermière); 10 воровъ, занимающихся подмѣномъ настоящей серебряной посуды поддѣльною (voleurs au maillechort); 17 мошен-

Digitized by Google

никовъ, выманивающихъ у простоковъ деньги угрозами ложныхъ доносовъ (serinettes, иначе: chanteurs); 5 выдававшихъ себя за пасторовъ (voleurs à la confrérie); 7 продавцевъ лоттерейныхъ билетовъ (pitancheurs à la tirange); 19 мнимыхъ сборщиковъ подаяній на богоугодныя дѣла (drageurs à la haute); 5 мнимыхъ извощиковъ (rouletiers); 11 мнимыхъ разнощиковъ (piliers de Paquelin); 150 воровъ, уносящихъ все, что лежитъ на виду (emporteurs); 35 воровъ, пользующихся простотою провинціаловъ, прибывшихъ въ столицу (voleurs à la bonne franquette); 18 воровъ, перехватывающихъ письма (valtrensiers); 189 комнатныхъ воровъ (cambrioleurs); 9 мошенниковъ, мнимо-страждущихъ падучею болѣзнью (sans-chagrin или batteurs de dig-dig); 55 мошенниковъ, мнимо-торгующихъ дешевыми товарами (solliciteurs de Zif); 19 воровъ бѣлья (pipolloneurs); 25 мошенниковъ, обкрадывающихъ торговцовъ модами (trimballeurs de piliers de boutanche); 7 воровъ, занимающихся своимъ промысломъ въ почтовыхъ каретахъ (voleurs à la vigie); 133 чел., ворующіе подъ видомъ найма квартиръ (voleurs à la location); 21 воръ, промышляющій при помощи проходныхъ дворовъ (voleurs à deux lourdes); 12 воровъ, занимающихся кражею посуды (voleurs à la cire); 7 воровъ, занимающихся кражею драгоцѣнныхъ вещей посредствомъ проглатыванія ихъ (avale tout-cru); 51 воръ, занимающійся обкрадываніемъ пьяныхъ (voleurs au poivrier); 100 воровъ по какой-то американской методѣ (charrieurs). Самыя названія промысловъ принадлежатъ къ языку (argot) промышленниковъ и изобрѣтены ими-же. Карлье исчисляетъ далѣе мошенниковъ безъ ближайшаго опредѣленія рода ихъ занятій: 50 briseurs; 111 voleurs à la câre; 15 voleurs à la limace или au manteau; 27 braquillers; 4 aumoniers; 110 voleurs à la détourne; 110 voleurs à la tire; 97 voleurs au bonjours. Всѣ эти выраженія не переводимы ни на одинъ человѣческій языкъ.

любезный и ученый воръ. — Актриса одного изъ Парижскихъ театровъ, г-жа Конта, однажды кушала мороженое въ Фраскати. Толпа была многочисленна. Вдругъ она вскрикнула.

— Что съ вами? — спросилъ ее одинъ изъ ея спутниковъ.

— У меня сейчасъ украли мой браслетъ: я въ отчаяніи.

— Вы увѣрены, что онъ былъ на васъ, когда вы пріѣхали сюда? — спросилъ ее другой спутникъ, авдокатъ.

Digitized by Google

— Совершенно.

— Въ такомъ случаѣ погодите отчаяваться: вамъ отдадутъ вашъ браслетъ.

Адвокатъ вышелъ на средину залы, и серьезно и торжественно сказалъ слѣдующее:

— Граждане! жемчужина театра республики (это было во времена первой республики), г-жа Конта, не знаетъ, куда дѣвался ея браслетъ, который ей особенно дорогъ. (Глубокое молчаніе.) Я, Л***, адвокатъ, предлагаю тому гражданину, который взялъ его на сохраненіе, представить его сегоднишнимъ вечеромъ къ швейцару достойной артистки. Граждане! я надѣюсь, что это будетъ исполнено.

Эта прекрасная рѣчь, достойная древняго времени, не пропала, и адвокатъ выигралъ свое дѣло. Въ тотъ же вечеръ, воротившись къ свой отель, г-жа Конта получила отъ швейцара шкатулочку, на которой была надпись: «Таліи отъ Меркурія....»

Нѣтъ никакой надобности считать это происшествіе за миѳъ потому что не одинъ этотъ воръ, конечно, зналъ миѳологію, хотя неизвѣстно почему, исторія вообще умалчиваетъ объ учености воровъ.

—

Отвѣтъ М. П. Погодина Г. Вельтману, на статью, напечатанную въ 165 и 166 NNº Сѣв. Пч., о «Времени построенія Владимира на Клязьмѣ», будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книгѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 14-го 1850 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Читательницы мои не могутъ вообразить, въ какой модѣ въ нынѣшнемъ году бастовыя, корневыя и вообще соломенныя шляпы. Кажется, другихъ и не носятъ. Поля этихъ шляпъ круглыя и совершенно сходящіяся подъ бородой; задокъ дѣлаютъ изъ соломки же: выгнутый и не слишкомъ широкій. Отдѣлываютъ ихъ различнымъ образомъ; тутъ все зависитъ отъ вкуса и искусства модистки. Мы видѣли шляпку изъ Итальянской соломки, отдѣланную букетомъ овса, перемѣшаннаго съ полевыми колокольчиками, голубые миніатюрные цвѣточки которыхъ, граціозно колыхаясь, низко упадали на поляхъ; внутри, вокругъ лица, букеты тѣхъ же цвѣтовъ.

— Другая шляпа, также изъ Итальянской соломки, была украшена большимъ букетомъ *moissoneuse*, состоящимъ изъ различныхъ полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зелеными колосьями ржи, и такъ натурально брошенныхъ на шляпу, что кажется будто они упали на нее прямо изъ подъ серпа.

— Еще шляпа: бастовая, убранная на поляхъ большими вѣтками рябины; подъ полями, банты зеленыхъ лентъ и букетики рябины.

— Часто мы видимъ соломенныя шляпы, отдѣланныя бархатными бантами, коричневаго, синяго, чернаго или зеленаго цвѣта, перемѣшанными съ колосьями ржи или овса; тѣже самые бархатные банты подъ полями.

— Фруктовые цвѣты, такъ напр., персиковый цвѣтъ, яблонный, абрикосовый, миндальный, въ большомъ употребленіи, но болѣе для шляпъ изъ крепа, тарлатана, тюлю.

Digitized by Google

— Въ заключеніе упомянемъ о шляпахъ *jardinières*, которыя теперь считаются необходимою принадлежностью загороднаго костюма всякой дѣвицы. Шляпы эти круглыя, съ тульей не очень высокой и очень широкими полями, подъ которыми подколоты два шу, изъ газовыхъ лентъ, похожія на двѣ большія и пышныя розы; вокругъ тульи также обвивается бархатная длинная лента. Молодыя дамы также носятъ эти шляпы, которыя придаютъ имъ видъ пастушекъ знаменитаго Ватo.

— Платья для загородныхъ прогулокъ, для дачъ, дѣлаютъ теперь, большею частью, изъ канки, фуляра, сѣраго батиста, съ лифомъ непришитымъ къ юбкѣ, въ видѣ кофточки, съ полудлинными рукавами, выказывающими всю прелесть богатыхъ кружевныхъ пагодъ или шитыхъ подрукавниковъ. Кофточка эта не сходится спереди на вершокъ и позволяетъ видѣть шитую или кружевную манишку; разрѣзъ соединенъ брандебурами изъ тоненькаго снурочка, застегнутыми на пуговки, или просто ленточками пришитыми съ каждой стороны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ и завязанными бантиками.

— Съ модой на широкіе, рукава пагодъ, которые такъ красятъ руку и выказываютъ ея форму, появились и браслеты. Особенно носятъ много браслетовъ бархатныхъ *à la Pompadour*, съ богатыми застежками изъ аметиста, опаловъ, алмазовъ, изумруда и проч.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Бѣлыя накидки, которыя прежде надѣвали только въ театръ, на обѣды или при церемонныхъ выѣздахъ, не считаются болѣе нарядными. Теперь эти пардесю, кашемировые или тафтяные, видны на всѣхъ гуляющихъ утромъ, на дачахъ; они сдѣлались почти всеобщей одеждой. Это вѣроятно потому, что они идутъ ко всѣмъ платьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть лучше бѣлаго пардесю при лиловомъ или зеленомъ барежевомъ платьѣ, при платьѣ изъ пестрой или какой-нибудь клетчатой тафты. Къ бѣлымъ платьямъ они дѣлаются на цвѣтномъ подбоѣ. — Мы замѣтили пардесю изъ бѣлаго кашемира на оранжевомъ флорансѣ, украшенный на полахъ рядомъ бѣлыхъ пуговицъ, изъ коихъ каждая придерживала длинную петлю, изъ бѣлаго аграманта, образующую брандебуръ; рукава пардесю, довольно длинные, широкіе, разрѣзанные до локтя и украшенные пуговицами, придерживающими брандебуры, которые соединяютъ, не вплоть, разрѣзъ рукава, позволяли видѣть рукава платья. Снизу рукава и вся накидка обшиты широкой бахрамой. Шляпа бастовая, съ чрезвычайно длинными подвязушками изъ бѣлыхъ лентъ, голубымъ цвѣткомъ и рисомъ.

— Другой нарядъ былъ не менѣе изященъ. Платье изъ бѣлаго органди, вышитое шелкомъ бутончиками розъ, которые, на оборкахъ, образовали легкія, граціозныя гирлянды. Накидка тафтяная бѣлая, на розовомъ подбоѣ, обшитая тремя рядами бѣлаго кружева, отдѣленными одинъ отъ другаго аграмантикомъ *à jour*, изъ бѣлаго и розоваго шелку. Шляпа, которая шла удивительно къ этому легкому наряду, была изъ розоваго тюля, отдѣланная бѣлой блондочкой, съ длинными и широкими тюлевыми же подвязушками.

Digitized by Google

— Третій нарядъ: бѣлое барежевое платье, отдѣланное по юбкѣ нѣсколькими широкими складками съ такой же кофточкой, обшитой широкой бахрамой *mousseuse*. Съ этимъ платьемъ, шляпа изъ бѣлаго волоса, съ голубыми лентами, на голубомъ креповомъ подбоѣ и съ такимъ же густымъ рюшемъ подъ полями.

— Кружевныя шали и кашемировыя, шитыя шелкомъ, въ большомъ употребленіи для дамъ. Дѣвицы же замѣняютъ ихъ шалями изъ самой прозрачной шитой кисеи, фасонированными въ край, большими зубцами.

— Манишки дѣлаются чрезвычайно затѣйливо; на нѣкоторыя нашиваютъ кружева въ нѣсколько рядовъ, раздѣляя ихъ прошивками; другія вышиваются богатымъ матовымъ шитьемъ, которое совершенно закрываетъ ихъ. Дѣлаютъ и тюлевыя манишки съ рюшемъ, положеннымъ въ пять или шесть разъ, и отдѣланныя гирляндами, шитыми гладью.

NEW YORK
LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

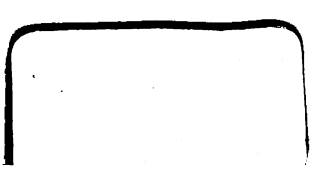
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 12 1963



Digitized by Google

Digitized by Google